МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»
(ННГУ)

На правах рукописи

ГАЗИЕВА Людмила Леонидовна

ОРГАНИЗАЦИЯ СПАСЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА СОВЕТСКИМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В 1941–1944 гг.

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Том I

Научный консультант:
доктор исторических наук, доцент
Гордин Алексей Александрович

Нижний Новгород
2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том I

Оглавление ……..……2
Введение …….. 5

Глава первая. Методология, историография, источники исследования…….……13
1.1. Методологические подходы к проблеме спасения гражданского населения в осажденного Ленинграда ……..... ..... ……. 13
1.2. Освещение положения гражданского населения осажденного Ленинграда в исторической литературе .... ……. 23
1.3. Источниковая база исследования ..... …….…….. 57
Общие выводы к главе..... ……. 83

Глава вторая. Положение гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 годах……..…..84
2.1. Институциональные особенности положения ленинградского населения в 1941–1944 гг…. 84
2.2. Историко-демографическая характеристика гражданского населения в Ленинграде в начале 1941 г. ...……..……..……..... ..... .99
2.3. Преступления фашистских войск против гражданского населения Ленинграда .....….. 108
Общие выводы к главе..... .... ……. 132

Глава третья. Формирование и развитие организационно-правовой системы спасения гражданского населения Ленинграда..... 133
3.1. Ключевые вопросы взаимодействия центральных и местных органов государственной власти и управления..... 133
3.2. Местные органы власти и управления Ленинграда в чрезвычайных условиях. Деятельность областного, городского и районных Советов депутатов трудящихся ……..... 159
3.3. Взаимодействие областного, городского и районных Советов депутатов трудящихся с обкомом и горкомом ВКП(б), Военными Советами..... 175
3.4. Деятельность правоохранительных органов власти в Ленинграде по охране личных и имущественных прав граждан в 1941–1944 годах..... 197
3.5. Взаимодействие Советских органов власти с общественностью в вопросах спасения населения и сохранения культурного наследия Ленинграда..... 228
Общие выводы к главе..... 258

Том II

Оглавление …… 2

Глава четвертая. Организация эвакуации и реэвакуации ленинградского населения в 1941–1945 годах Советскими органами власти и управления: основные этапы, стратегии, технологии осуществления и результаты……..... 4

4.1. Трудности вывоза гражданского населения из Ленинграда летом – осенью 1941 года …….. 4

4.2. Эвакуация гражданского населения из Ленинграда с декабря 1941 по 22 апреля 1942 годов 28

4.3. Организация эвакуации населения из Ленинграда с 27 мая по декабрь 1942 года 49

4.4. Проблемы эвакуации и реэвакуации гражданских высших, средних и начальных профессиональных учебных заведений в 1942–1943 годах…….…… 62

4.5. Организация реэвакуации гражданского населения в Ленинград в 1944–1945 годах…….... .77

Общие выводы к главе 85

Глава пятая. Осуществление Советскими органами власти и управления мероприятий по жизнеобеспечению ленинградского населения в 1941–1944 годах ……..... . 88

5.1. Основные направления, механизмы и результаты обеспечения финансовыми ресурсами ленинградского населения..... 88

5.2. Источники финансирования чрезвычайных расходов, направленных на спасение гражданского населения 103

5.3. Социальное обеспечение населения Ленинграда 120

5.4. Снабжение населения продовольствием и промышленными товарами первой необходимости 137

5.5. Усилия по сохранению и восстановлению жилищного фонда и коммунального хозяйства Ленинграда..... 174

5.6. Обеспечение потребностей ленинградского населения топливом и электроэнергией 185

Общие выводы к главе……..... .199

Глава шестая. Организация гражданской обороны и здравоохранения в блокированном Ленинграде……..... 203

6.1. Организация самозащиты гражданского населения 203

6.2. Общие вопросы организации здравоохранения в условиях войны и блокады Ленинграда..... 231

6.3. Деятельность постоянных комиссий по здравоохранению районных Советов депутатов трудящихся и медико-санитарной службы МПВО по сохранению жизни населения.....258
6.4. Взаимодействие Советских органов власти с Ленинградским городским Комитетом Красного Креста и обществами взаимопомощи и социальной защиты инвалидов……..... 270
6.5. Система мероприятий, направленных на спасение жизни и здоровья ленинградских детей и подростков……..... ……... 286
6.6. Борьба с беспризорностью и безнадзорностью ленинградских детей и подростков …… 313
Общие выводы к главе..... 338

Заключение..... 341
Список сокращений и условных обозначений……..... 350
Список источников и литературы..... 357
Список иллюстративного материала ……..... 431
Приложения 435
1. Международное трудовое право. 1919–1943 гг. 435
2. Социальная динамика ленинградского населения. 1941–1943 гг. 436
3. Жизнеобеспечение ленинградского населения в 1941–1943 гг. 459
4. Здравоохранение в Ленинграде. 1941–1944 гг. 465
5. Динамика состава местных Советов в Ленинграде. 1941–1947..……..... 483
6. Нюрнбергский процесс о статусе гражданского населения……..... 485

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения проблемы организации спасения гражданского населения в годы Великой Отечественной войны со стороны государственных органов власти и управления СССР и РСФСР заключается в отсутствии современного исследования, которое бы включало в себя анализ взаимодействия всесоюзных, республиканских и местных государственных органов власти с основными общественными институтами по данному вопросу. Одним из ключевых аспектов этой проблемы является организация защиты во имя спасения гражданского населения блокированного Ленинграда в 1941–1944 годах.

В то же время опыт Великой Отечественной войны приобрел актуальное значение как с позиций менталитета личности, социума в военной обстановке, так и с точки зрения исторического опыта реализации системы мероприятий, направленных на сохранение и реабилитацию гражданского населения в связи с задачами, выдвигаемыми политическим руководством Российской Федерации в период специальной военной операции[1].

Сегодня итоги и уроки Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) имеют особое общественно-политическое значение, обусловленное необходимостью сохранения исторической памяти о подвиге советских людей, а также противодействия фальсификации истории[2].

Необходимо указать на ценность опыта спасения и сохранения ленинградского населения в условиях жесткой геноцидальной политики фашистской Германией и ее сателлитами в ходе осады Ленинграда в 1941–1944 гг. Признание факта геноцида советского населения г. Ленинграда со стороны гитлеровцев решением Городского суда г. Санкт-Петербурга, вынесенным 20 октября 2022 г.[3], явилось важной вехой, подчеркнув политико-правовое значение исторических исследований данного вопроса и их общественную значимость.

С позиций историографии *актуальность* обусловлена отсутствием конкретно-исторического исследования организации защиты и спасения гражданского населения в блокированном Ленинграде, которое охватило бы все ее компоненты. А именно: работу высших органов государственной власти и государственного управления СССР и РСФСР, чрезвычайного органа, каковым

---

1 Встреча с военными корреспондентами. Президент России. 13 июня 2023 г./ [Электронный ресурс] // URL: https://www.kremlin.ru/events/president/news/71391/ (дата обращения: 12.12.2025).

2 Указ Президента Российской Федерации от 09.11. 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей».

3 Исковое заявление было подано в порядке ч.1 ст. 45 ГПК РФ, заседания суда происходили с 16.09 по 20.10. 2022 в открытом режиме. Решением суда количество жертв блокады было установлено 1, 093 млн. чел., из которых 963 тыс., погибших в блокированном городе, и около 130 тыс. при эвакуации в 1942 г. По URL: https://yandex.ru/video/touch/preview/11171019019494514455; см. также URL: http://t.me/SPbGS/12616. (дата обращения: 23.10.2022).

являлся Государственный комитет обороны, центральных органов управления СССР и РСФСР во взаимодействии с органами местной власти и управления, общественными организациями, другими общественными институтами. Современный период изучения вопроса позволяет осуществить анализ новых рассекреченных документов, а также использовать уже введенные документы в пространство исторических исследований в последние десятилетия. В результате такого подхода данная проблема переходит на более высокий научный уровень. Все это и обуславливает актуальность выбранной проблемы.

Степень изученности темы. Хотя в изучении проблемы спасения населения Ленинграда в предшествующий период и до сих пор сохраняются существенные лакуны, в том числе из идеологических соображений, положения населения Ленинграда в условиях блокады касались в своих трудах многочисленные авторы. Можно выделить пять этапов в развитии отечественной и зарубежной историографии вопроса: 1941–1954; 1955 – конец 1980-х; с конца 1980-х до начала 1990-х и с начала 1992 г. вплоть до 2000-х; 2010–2025. Каждый из этапов отличается, прежде всего, сроком давности, прошедшим со времени событий, влиявшим на степень секретности документов и материалов, а также условиями идеологической борьбы. Последний этап выделен в связи с начавшейся активной цифровизацией документов. Кроме того, его выделение необходимо для решения задач данного исследования. Подробная характеристика историографии вопроса приведена в первой главе.

Объект и предмет диссертационного исследования. Объект – Советские государственные органы власти и управления в период Великой Отечественной войны. Предмет – организация спасения гражданского населения Ленинграда Советскими государственными органами власти и управления в период битвы за Ленинград (1941–1944).

В соответствии с исторической действительностью в число спасаемых лиц, помимо ленинградского населения, вошли беженцы из Ленинградской области, других регионов СССР и РСФСР. Круг исследуемых вопросов включает наименее изученные или спорные аспекты, имеющие принципиальное значение для решения основной проблемы нашего исследования: организация спасения населения Ленинграда и ее результативность.

В то же время за границами нашего исследования осталось большинство вопросов, связанных с организацией военных действий по обороне Ленинграда. Сужение рамок предмета следует из статуса гражданского населения, имеющего безусловный иммунитет в условиях военных действий, согласно военному праву, актуальному в 1941–1944 гг. Однако в тех случаях, когда вопросы защиты, как организации самообороны гражданского населения, переплетаются с проблемами организации военных действий, они становятся предметом данного исследования.

Хронологические рамки исследования: с 10 июля 1941 до 9 августа 1944 гг. (период битвы

за Ленинград)[1]. Данный период определен в соответствии с содержанием понятия «спасение», которое предполагает непосредственную угрозу для жизни населения. В случае необходимости, при изучении инфраструктуры, затронуты предшествующий и последующий периоды, вплоть до последнего предвоенного и первого послевоенного десятилетий.

Территориальные рамки: Ленинград, Ленинградская область в границах 1941 – нач.1944 годов, а также районы СССР и РСФСР, куда осуществлялась эвакуация ленинградцев.

Цель исследования: раскрыть роль Советских органов власти и управления в организации спасения ленинградского населения в 1941–1944 гг.: основные стратегии, направления и механизмы, осуществления этой задачи.

Задачи диссертационного исследования:

1 – выявить степень изученности предмета исследования, собрать и классифицировать источники, разработать методологический аппарат, уточнить понятийно-категориальный аппарат;

2 – определить статус и дать историко-демографическую характеристику гражданского населения Ленинграда в начале 1941 г., раскрыть факты преступной деятельности гитлеровцев в отношении гражданского населения Ленинграда, в том числе уточнить статистические сведения о разрушениях в ходе бомбардировок и обстрелов Ленинграда, с учетом новых данных;

3 – раскрыть политико-правовые особенности осуществления мероприятий по спасению и защите гражданского населения Ленинграда центральными и местными органами Советской государственной власти и управления, в том числе особенности взаимодействия Советских органов власти с Государственным комитетом обороны, а также Военными Советами, Центральным, областным и городским комитетами ВКП(б), правоохранительными органами власти, общественными и религиозными организациями в 1941–1944 годах;

4 – раскрыть процесс организации эвакуации и реэвакуации ленинградского населения в 1941–1945 годах; установить факты, свидетельствующие об особенностях и степени эффективности организации эвакуации – реэвакуации гражданского населения;

5 – выявить мероприятия по организации жизнеобеспечения ленинградского населения в 1941 – 1944 годах и основные социальные стратегии Советских органов власти, в том числе роль общественных организаций, трудовых коллективов, домохозяйств, при распределении жизненных ресурсов;

6 – раскрыть ключевые вопросы организации гражданской обороны и здравоохранения в блокированном Ленинграде, а также установить факты, свидетельствующие о результатах мероприятий государственных органов власти и управления, направленных на решение данных

1 Ленинградская битва // Советский энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия».– 1980. С. 708.

вопросов.

Понятийный аппарат: осада Ленинграда, блокада Ленинграда, гражданское население, эвакуация, спасение населения, защита населения, политическая повседневность, выживаемость населения, военное преступление, преступление против человечности.

В настоящее время понятие блокада Ленинграда и ее временные рамки стали предметом научной дискуссии[1]. В данном исследовании понятие блокада применяется в традиционных рамках: с 8 сентября 1941 г. до 27 января 1944 г., что связано с правовыми аспектами блокады.

Научная новизна исследования:

– В поле исторического исследования включены ранее неопубликованные, или впервые опубликованные автором документы из 70 фондов федеральных и региональных архивов, музеев, библиотек: Государственный Архив Российской Федерации (8 фондов), Российский государственный архив социально-политической истории (2 фонда), Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (25 фондов), Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (21 фонд), Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (2 фонда); Российская национальная библиотека, Отдел Рукописей (3 фонда); Народного музей «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» педагогического колледжа №8 (быв. №5) г. Санкт-Петербурга (6 фондов);

– разработан категориальный аппарат, в том числе дифференцированы термины защиты и спасения населения в период Великой Отечественной войны, раскрыто конкретно-историческое содержание понятия «политическая повседневность» в военных условиях;

– на основе анализа Советских правовых норм, а также статистических данных Управления народно-хозяйственного учета г. Ленинграда и Ленгорздравотдела дана историко-демографическая характеристика гражданского населения Ленинграда в начале 1941 г.;

– уточнены основные проблемы и противоречия взаимодействия центральных и местных органов государственной власти в деятельности по спасению ленинградского населения;

– показана роль местных органов государственной власти: как городского, так и районных Советов депутатов трудящихся, опиравшихся на содействие общественных организаций и личную инициативу граждан в охране прав населения;

---

1 *Коршунов Э. Л., Рупасов А. И.* Блокада как вид военных действий в отечественной военной науке и сознании граждан // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – СПб.: Галарт, 2018. С. 28–35; *Ильин Е. В., Пономарева Т. В.* Об использовании терминов «блокада» и «осада» в изучении вопросов обороны Ленинграда (1941–1944) // Битва за Ленинград 1941 – 1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне / ред. кол.: А. Х. Даудов, Г. П. Жирикова, Е. В. Лезик и др. – СПб.: Нестор-История, 2019. С. 15–21.

– установлены факты деятельности депутатского корпуса Советских органов власти в Ленинграде, направленной на спасение населения Ленинграда, и показана их значимость для сохранения и упрочения демократических ценностей;

– вскрыты особенности взаимодействия Ленгорисполкома, ОК и ГК ВКП(б) по охране прав населения Ленинграда, методы и способы совместного решения насущных вопросов;

– определены основные направления деятельности правоохранительных органов, управления юстиции при Ленсовете и прокурорского надзора по охране имущественных и личных прав граждан;

– раскрыто содержание двух основных стратегий по эвакуации ленинградского населения по заданиям Совета по эвакуации СНК СССР (позднее Комитета по эвакуации ГКО, далее Переселенческой комиссии СНК РСФСР) и Военных Советов фронтов, в том числе их особенности, источники финансирования и эффективность; разрешены ряд дискуссионных проблем и противоречий, имевшихся в предшествующих исследованиях, с учетом впервые введенных в научный оборот документов;

– показаны проблемы и противоречия организации эвакуации подростков, обучавшихся в системе Трудовых резервов, с учетом впервые введенных в научный оборот документов Главного Управления «Трудовых резервов», а также обобщения результатов работы предшественников;

– раскрыта система мероприятий по жизнеобеспечению населения Ленинграда во взаимодействии союзных, республиканских и местных органов власти при содействии общественных организаций, в том числе малоизученные аспекты распределения ресурсов;

– выявлены способы и механизмы организации самозащиты граждан во взаимодействии союзных и республиканских органов власти и управления с местными органами исполнительной власти, общественными организациями;

– дана характеристика основным стратегиям спасения жизни населения медицинскими работниками, на примере медико-санитарной службы МПВО, ее резервов: МСС «Скорая помощь» и дружин Ленинградского отделения Общества Красного Креста.

Таким образом, раскрыты направления, механизмы и способы, а также результаты организации спасения гражданского населения Ленинграда советскими государственными органами власти и управления в 1941–1944 гг. Выделены гуманитарные факторы, способствовавшие объединению социума в борьбе за сохранение культуры и ее ценностей, включая главную – жизнь человека.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Раскрыта система социально-политических мероприятий, направленных на спасение ленинградского гражданского населения, со

стороны Советских государственных органов власти. В то же время показана роль общественных организаций, самодеятельной активности населения, способствовавших решению данной задачи, активно взаимодействуя с Советскими органами власти. Наряду с этим вскрыты трудности и противоречия, преодоление которых играло ключевую роль в эффективности решения конституционных задач. Таким образом, дан ответ на наиболее сложные вопросы, длительное время остававшиеся без ответа. Практическая польза включает в себя: возможность использования результатов при изучении истории Великой Отечественной войны в высших и средних профессиональных заведениях.

Методология и методы исследования.

Методология и методы исследования определяются объектом и предметом работы, содержанием исследовательских задач. Внутренняя противоречивость исторических процессов в условиях военных кризисов делает необходимым применение диалектической методологии. Наряду с этим использованы подходы и принципы исторического познания: полнота, системность, историзм как проявления его объективного, научного характера.

Использована совокупность методов, характерных как для классической исторической теории: историко-сравнительного, историко-типологического, историко-генетического методов, так и для современных подходов: историко-психологического (методы: биографический, реконструктивного и кросс-культурного анализа), историко-социологического (методы: статистический, интервьюирования, историко-демографический, моделирования, историко-институционального анализа), культурно-антропологического (метод: лингвистический или семиотический). Такая методология обусловлена необходимостью выявить соотношение институтов власти, направленных на сохранение Советских государственных отношений, и индивидуально-личностных интересов выживания как факторов спасения гражданского населения. В том числе коммуникативных и коллективных взаимосвязей: личности – общества – власти.

Соответствие цели, задач, методов структуре объекта и предмета исследования обеспечивают его научный характер.

Положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1 – В течение 1941 – 1944 гг. в СССР произошла эволюция правовых институтов, защищавших права трудящихся женщин и подростков, осуществлявших охрану детства и материнства, а также социальное обеспечение населения.

2 – Военные действия гитлеровцев, преступной целью которых являлся террор гражданского населения, уничтожение запасов продовольствия, разрушение жилищ и памятников культуры, сделали исторической необходимостью как борьбу за выживание, так и организацию

спасения гражданского населения Ленинграда, численность которого в июне 1941 г. превысила 3 212 тысяч человек, из которых около четверти составляли дети и подростки до 15 лет.

3 – Деятельность органов государственной властии государственного управления СССР, РСФСР и местных (г. Ленинграда и Ленинградской области), направленная на защиту, спасение и нормализацию положения гражданского населения, представляла собой систему мероприятий социально-правового, экономического, социокультурного характера, осуществляемых на основе конституционных норм. Выбор стратегии решения тех или иных задач был обусловлен особенностями функционирования социально-политических институтов в условиях, де-юре, военного положения и, де-факто, осады. В том числе война усилила проявление субъективных, личностных, факторов в повседневных политических практиках, опосредующих деятельность институтов власти. Важнейшим инструментом спасения населения явилось взаимодействие органов Советской власти с политически активным населением: общественностью, в первую очередь через общественные организации.

4 – Первоочередные мероприятия по спасению гражданского населения Ленинграда были направлены на эвакуацию детей и подростков (от 0 до 15 лет) с детскими учреждениями, а также инвалидов. При организации эвакуации ленинградского населения в 1941–1942 гг. осуществлялось финансирование как за счет средств, выделяемых по мобилизационным планам из местного бюджета на военные расходы, так и за счет дополнительных средств, выделяемых из бюджета СССР и РСФСР. Принимались меры по социальной защите эвакуированных, их психической и физической реабилитации, а также по включению их в полноценную хозяйственную, учебную, научную, иную значимую деятельность в тыловых районах.

Эвакуированное гражданское население: женщины, старики, инвалиды, дети, из-за преступных нарушений гитлеровцами международного права, зачастую становилось жертвами военной агрессии гитлеровцев. В результате до 30% эвакуированных не достигали места назначения. Гибель многих из них может быть отнесена к военным жертвам.

5 – Вопросы жизнеобеспечения ленинградского населения решались органами местной власти г. Ленинграда, опиравшимися на поддержку центральных органов власти и управления: СНК СССР и РСФСР, отдельных наркоматов. В вопросах обеспечения продовольствием, топливом, электроэнергией Ленгорисполком взаимодействовал с Военным Советом Ленинградского фронта, который играл ключевую роль в решении этих вопросов. Вопросы жизнеобеспечения населения координировались обкомом и горкомом ВКП(б), которыми выделялись лимиты топлива, электроэнергии. Наиболее важные решения подкреплялись постановлениями ГКО. В вопросах жизненного и социального обеспечения населения активное содействие оказывали общественные организации: Красного Креста, профсоюзы, комсомол и другие.

6 – В организации самозащиты населения ведущая роль отводилась местным органам советской власти, которые не только собирали и готовили, но и финансировали питание, денежное довольствие отрядов самообороны в начальный период войны. Руководство борьбой за здоровье и жизнь гражданского населения осуществлялось во взаимодействии Наркоматами здравоохранения СССР и РСФСР, Наркоматом просвещения РСФСР, соответствующими отделами Ленгорисполкома. Активное участие гражданского населения в формировании отрядов самозащиты и Красного Креста свидетельствовало о поддержке большинством населения Советской власти.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Результаты исследования опубликованы в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК (20 публикаций), в том числе входящих в первую категорию (12 публикаций), в белый список 1-3 уровней (12 публикаций), индексированных в RSCI (14 публикаций) и в WOS (4 публикации, 2 и 3 квартиля). Они были доложены и опубликованы в сборниках международных и всероссийских конференций. Всего 47 публикаций, включая монографию по теме диссертации.

В процессе апробирования темы исследования автором прочитаны доклады на 12 всероссийских и международных конференциях, в том числе организованных Институтом российской истории РАН, на Круглом столе «Миф и история», проведенном в Институте Всеобщей истории РАН (2017 год), 9 региональных и 3 вузовских, а всего на 24 конференциях и семинарах. В 2021–2024 гг. автором осуществлено консультирование документально-публицистических фильмов[1].

Структура работы соответствует цели и задачам диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка сокращений, списка литературы и источников, списка иллюстраций, 6 приложений: 57 таблиц и 9 диаграмм.

1 Право на жизнь. 1-3 серии (Ю. Дружинин, 2021) [док.-публ. фильм] / Санкт-Петербург: [телеканал]. – Время воспроизведения: 1:15:29. – URL: https://topspb.tv/programs/1266/ (дата публикации: 8.09.2021); Ленинградские дети. Путь домой. (М. Кузовенков, М. Арманд; науч. консультанты Д. Асташкин, Л. Газиева, 2024) [док. фильм] / Трейлер. – Время воспроизведения: 01:10. – URL: https://t.me/Russiacultura/9932/ (дата публикации: 19.04.2025).

ГЛАВА ПЕРВАЯ. МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Методологические подходы к проблеме спасения гражданского населения осажденного Ленинграда

Проблема спасения гражданского населения как самостоятельная задача политической власти в ходе гражданских и международных конфликтов XX века превратилась в актуальный предмет исторического исследования сравнительно недавно. В связи с этим отношение к данной проблеме в современной исторической литературе значительно отличается от ранних исследований. Инерция изучения войны как организации победы государства над противником преобладала в течение длительного времени. Но вот постепенно на первый план в организации победы стали выходить вопросы нетипичные и непривычные в недалеком времени: человек и война, общество и война. В то же время недостаточность теоретической проработки сказывается и в субъективизме некоторых методологических концепций[1], и в современных англоязычных исследованиях политики, проводимой в отношении гражданского населения, органами власти и управления Советского государства[2].

Ключевой проблемой исследования является организация спасения населения Ленинграда и ее результативность. Объективность исследования обеспечивается анализом взаимодействия государственных институтов, обязанных охранять права граждан, в том числе на жизнь, и общественных институтов, объединяющих самодеятельное гражданское население. Данная методология восходит к классическим методам исторического исследования генезиса и эволюции институтов гражданских отношений[3].

---

1 См. например, *Ферстер С.* Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировой войны в истории России: сборник статей / Редкол.: И. В. Нарский и др. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 12–28; *Байрау Д.* Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Там же. С. 28–49.

2 См. например, *deGraffenried J. K.* Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War. – University Press of Kansas, 2014.

3 Подробно применение диалектической методологии к исследованию проблемы спасения населения раскрыты в монографии: *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. – СПб.: Нестор-История, 2014, а также в серии статей, посвященных применению историко-психологических, антропологических, феноменологических подходов: *Ее же.* Коммуникативные особенности преодоления конфликтных ситуаций, отраженные в протоколах первичных организаций ВКП (б) I ЛМИ (генезис первичных мифологем и идеологем) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018 – Т. 9. Выпуск 6 (70) [Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://history.jes.su/s207987840002245-8-1] (дата публикации: 13.09.2018). DOI: 10.18254/S0002245-8-1; *Ее же.* Некоторые методологические проблемы военно-исторической антропологии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 6. С. 118–124; *Ее же.* Феномены времени в дневниках воспитателей дошкольных учреждений блокадного Ленинграда (1941 – 1944) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – 2008. – Выпуск 3. С. 67–74.

Использование системного подхода позволяет раскрыть содержание государственной политики как целостной многоуровневой системы. Советские государственные органы власти и управления, как объект исследования, характеризуются двойственностью, которая в период войны проявилась через целенаправленность политики. С одной стороны, она была направлена на оборону государства, а с другой стороны, на сохранение гражданского населения, как необходимого условия победы. Обе стороны данной политики являются приоритетными, как в начальный, так и в последующие периоды обороны страны. Целесообразное распределение функций между государственными органами власти позволило разрешить конфликт между двумя доминирующими целями. Несмотря на наличие директивы 29 июня 1941 г.: все силы советских и партийных органов бросить на оборону государства, необходимо отметить, что сохранение и спасение населения, как накануне войны, так и в ходе военных действий, оставалось прерогативой Советских органов власти и управления, опирающихся в решении этой задачи на «общественность»: политически активную часть населения.

Двойственность и конфликтность политики в условиях войны предполагает также *необходимость применения диалектического подхода* при исследовании эволюции Советских государственных органов власти и управления. В качестве предиката одни исследователи выделяют категорию «спасение» как цель мероприятий Советских органов власти по защите права населения на жизнь в условиях военных действий; другие – категорию «выживание» как внутреннее состояние социума. Обе концепции дополнительны, и характеризуют разные стороны одного явления.

Использование институционального подхода необходимо для анализа особенностей функционирования Советских политических институтов, нацеленных на защиту и спасение населения в течение Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Важным для установления причинно-следственных взаимосвязей является определение степени угрозы населению, вследствие геноцидальной политики со стороны гитлеровцев. Далее, выявление эволюции статусных особенностей отдельных страт населения, подлежащих спасению в первую очередь: детства и материнства, выделение подросткового возраста. Определение значимых для политической системы макро и микросвязей: правовых норм, регламентируемых ими ролей политических институтов, их взаимодействия, характера коммуникативных взаимосвязей между представителями отдельных эшелонов власти, а также власти и гражданского общества. В качестве инструментов достижения поставленных целей необходимо рассмотреть социальные, социально-экономические и социально-политические, институты, направленные на организацию защиты и спасения населения, важные для них логистические, информационные и культурные взаимосвязи.

С одной стороны, необходимо рассмотреть *макросвязи между важнейшими социально-политическими институтами*, действующими в рамках конституций СССР и РСФСР, а также чрезвычайных правовых актов, принятых в условиях войны, которые расширились за счет международных связей. Наиболее существенными среди них в условиях Великой Отечественной войны являлись дипломатические взаимоотношения внутри антигитлеровской коалиции, связанные с формированием фундаментальных принципов Организации Объединенных наций: гуманизацией международного права, а также связи Советского общества Красного Креста и Международной Лиги Красного Креста.

С другой стороны, необходим анализ деятельности гражданского общества, для которого характерны межличностные и микрогрупповые отношения (внутри семей, трудовых и учебных коллективов, религиозных общин). Специфика Советского демократического общества заключается в формировании особого рода микрогрупп, связанных с политико-идеологической деятельностью гражданского населения, а также деятельностью внутри профсоюзов, творческих союзов, других общественных организаций. Уровень активности таких организаций в условиях блокады Ленинграда усилился в связи с расширением состава районных Советов за счет общественного актива или общественности. Наличие межличностных связей и включение ленинградцев в разнообразные общественные организации, в том числе соседские и семейные сообщества, явилось важным фактором самоорганизации гражданского населения и обороны города. Невозможно игнорировать и религиозные организации, которые институционализировались в период войны как полноценная часть Советского гражданского общества. Данные микросвязи, возникающие между личностями, а также внутри общественных организаций и разного рода микрогрупп: трудовых, родственных, соседских, опосредуя важнейшие государственные институты, в том числе права, превращают предмет исследования в конкретно-исторический, обеспечивая его объективное познание.

Таким образом, *предмет исследования находится на стыке исследования политико-правовых актов и практических мероприятий*, направленных на спасение населения, включая «обыденность»: общественное сознание и самоорганизацию гражданского общества как совокупность различного рода объединений и отношений между ними (общественные организации, трудовые коллективы, семьи и отдельные личности).

Место и роль коммуникативных и коллективных отношений в развитии основного вектора этого взаимодействия: личности – общества – власти, в конечном счете, обусловили эффективность предпринимаемых органами власти и управления мероприятий. В связи с этим каждый из аспектов борьбы за сохранение гражданского населения целесообразно рассматривать как стратифицированную многоуровневую систему, включающую сугубо личностные интересы и

вопросы индивидуального выживания.

Новые аспекты проблемы спасения гражданского населения в условиях войны изучаются соответствующими средствами: обращенными к личным переживаниям человека (культурно-антропологический подход), опосредующими современные экспектации, ресидуе[1], связанные с войной у социальных групп и отдельных личностей, через общественную практику (историко-психологический подход), анализирующий эволюцию общественного сознания в связи с социальной динамикой (историко-социологический подход). Данные подходы позволяют осуществить скептическую проверку источниковой и историографической базы исследования.

В соответствии с задачами исследования были использованы следующие методы:

Историко-сравнительный и историко-типологический методы использованы при сборе и классификации источниковой базы, установлении достоверных фактов, связанных с функционированием государственных институтов. Историко-хронологический метод позволил выстроить цепочку причинно-следственных связей и установить внутренние взаимосвязи центральных и местных органов власти, а также выявить ряд противоречий политики в отношении гражданского населения. Историко-генетический – позволяет проследить эволюцию местных органов власти, в период войны постепенно приобретавших все более демократический характер, превращаясь в важный канал включения женщин, подростков и молодежи в общественную деятельность. Методы: биографический, интервьюирования, а также кросс-культурного анализа позволили выявить и установить прочные общественные микросвязи, связанные с блокадными переживаниями, как в период войны, так и в отдаленной ретроспекции. Методы: статистический, историко-демографический, моделирования использованы при анализе социальной динамики ленинградского населения. Метод лингвистический или семиотический использован при источниковедческом анализе мемуаров и делопроизводственных документов: стенограмм, протоколов собраний, сессий, производственных совещаний. Кроме того, использованы методы научной логики: дедуктивный (при определении важнейших категорий исследования, их качеств и свойств, проявляемых в конкретно-исторической практике) и индуктивный (при определении важных закономерностей политической повседневности, например, роли районных советов депутатов трудящихся и общественных организаций в спасении населения).

Включение многочисленных документов личного происхождения: воспоминаний, дневников и прочих нарративов, в том числе написанных и опубликованных спустя десятилетия часто по идеологическому заказу, в пространство исследования делает необходимой глубокую скептическую проверку данных источников. Для их изучения используется совокупность методов, в

1 Экспектация, псих – система ожиданий, относительно норм исполнения индивидом социальных ролей; ресидуе, анг., псих. – остаточное переживание, вынужденное повторение.

основе которых лежит работа с нарративными источниками. Здесь необходимо уточнить понятие нарратива. *Нарратив*, от лат. Nārrātio – рассказ, повествование, в том числе устное, касающееся каких-либо известий, сведений. К нарративным источникам можно отнести не только мемуарную литературу, дневники, записки, письма, но и стенограммы устных сообщений, в том числе стенограммы совещаний, собраний, для которых характерны развернутые выступления участников. Наибольший интерес вызывают диалогические нарративы, поскольку в них запечатлены коммуникативные взаимосвязи: стенограммы и протоколы сессий районных советов, партийных собраний, совещаний и т. п.

Критический анализ источников требует комплексного подхода: использования документов нормативных, статистических, делопроизводственных, публицистических и личного происхождения как целостного комплекса. При этом сохраняют значение принципы целостности, полноты, диалектического единства, научности исследования.

Остановимся на содержании основных понятий, употребляемых в работе.

Понятие блокады Ленинграда и ее периодизации. Некоторые исследователи отмечают, что после прорыва блокады 18 января 1943 г. теряется смысл употребления этого термина. Предлагается сдвинуть начало блокады на 30 августа 1941 г.[1] С этими замечаниями нельзя согласиться, так как они не учитывают специфики правового использования термина блокада, а также периодизации блокады Ленинграда как морской крепости.

Блокада крепости в международном военном праве XX века, в первую очередь регламентировалась правилами морской блокады, которая подразумевала обязательную нотификацию. В ином случае блокада лишалась статуса правового режима при осаде морской крепости[2]. В связи с этим, использование гитлеровцами при *осаде Ленинграда* смешанной: воздушной, сухопутной и морской блокады требовало нотификации последней, что не было сделано.

Кроме того, спецификой осады Ленинграда было присутствие в городе на начало блокады около 75% от довоенного количества гражданского мирного населения: в основном женщин, детей, стариков, инвалидов. С позиций обычного военного права к началу Второй мировой войны данное население обладало безусловным иммунитетом, сохранялось основное правило: «не-комбатанты не должны являться объектом прямых нападений со стороны неприятельских

1 *Коршунов Э. Л., Рупасов А. И.* Блокада как вид военных действий в отечественной военной науке и сознании граждан // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. – СПб.: Галарт, 2018. С. 28–35; *Ильин Е. В., Пономарева Т. В.* Об использовании терминов «блокада» и «осада» в изучении вопросов обороны Ленинграда (1941–1944) // Битва за Ленинград 1941 – 1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. / ред. кол.: А. Х. Даудов, Г. П. Жирикова, Е. В. Лезик и др. – СПб.: Нестор-История, 2019. С. 15–21.

2 Обязательность нотификации морской блокады оговаривалась Лондонской декларацией о праве морской войны 1909 г. (глава I, ст. 9–11). Хотя Декларация не была ратифицирована, но эта норма рассматривалась как обычай морской войны.

вооруженных сил»[1]. Все это также делало неправовым режим блокады со стороны гитлеровцев.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. в Ленинграде было введено военное положение[2], что передавало часть управленческих функций Военному Совету Северного фронта (позднее Ленинградского), но при этом усиливалось и значение основных государственных органов власти и управления, в том числе сугубо гражданских.

Таким образом, де-юре осада и блокада Ленинграда правовым образом не были определены ни гитлеровцами, ни Советскими органами государственной власти. Но де-факто они были осуществлены в ходе Ленинградской битвы немецко-фашистскими захватчиками. Полная морская блокада была установлена 8 сентября 1941 г., так как взятие крепости Шлиссельбург делало невозможным движение кораблей Балтийского флота по верхней части Невы и Ладожскому каналу. При этом полное снятие морской блокады (включающее разминирование акватории Финского залива) было осуществлено значительно позднее снятия блокады воздушной и сухопутной. Таким образом, в целях данного исследования целесообразно применять понятие блокада Ленинграда в традиционных для историографии рамках: с 8 сентября 1941 г. до 27 января 1944 г.

Гражданское население – ключевое понятие нашего исследования. Данное понятие широко применяется в юриспруденции, в которой к 1944 г. понятие гражданственности служило связью между физическими лицами и международным правом[3]. Концептуально в конце XIX – сер. XX веков в военном праве *гражданское население* имело негативное по отношению к комбатантам содержание: не-комбатанты (невоюющее население), а также население, не сотрудничающее с комбатантами[4]. Исходя из этого, в современной юридической и военно-антропологической литературе при анализе иммунитета гражданского населения часто употребляется термин «не-комбатанты», который сужает группу гражданского населения, обладающего иммунитетом. Современное Международное гуманитарное право также наделяет иммунитетом детей и подростков – комбатантов, предполагается и возможность необходимой самообороны гражданским населением.

Соответственно, под понятием *гражданское пространство* понимается совокупность отношений между гражданами с их правами и обязанностями и государством.

Необходимым для целей данного исследования является определение границ применения

---

1 О*ппенгейм Л.* Международное право. Т. II. Споры. Война. Полутом 1.–М., Изд-во ин. лит., 1949. С. 232–234.

2 Бюллетень Ленинградского городского совета депутатов трудящихся [далее Ленгорсовета]. – 1941. – №26 (7 июля). С. 1–5.

3 *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. I. Мир. Полутом 1. – М., Изд-во ин. лит-ры, 1948. С. 212.

4 «к 1944 г. "гражданские лица" определялись как противоположность к определению комбатантов* (*Кодекс Либера 1863 г. (статья 22); Оксфордское руководство 1880 г. (статья 1)…; Полевое руководство США: Законы сухопутной войны, § 8, 1 октября 1940 г.; ex parte Квирин 317 US 1(1942 г.).)» Цит. по Пункт 203. Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 мая 2010 г. Дело "Кононов (Kononov) против Латвии" (жалоба N 36376/04) (Большая Палата). [Электронный ресурс] // URL: http://base.garant.ru/12180614/#friends (дата обращения: 16.01.2017).

понятий *«защита» и «спасение»* гражданского населения как направления государственной политики в СССР в 1941–1944 годах. Впервые понятия «спасение и защита», в связи с геноцидальной политикой гитлеровцев, были использованы Б. П. Белозеровым, применительно к ленинградским детям в период блокады. Им были намечены основные направления исследования вопроса: эвакуация, внутренняя оборона города, борьба с беспризорностью и безнадзорностью, обеспечение продовольствием и промтоварами[1]. В то же время остается необходимым теоретически уточнить эти понятия.

Понятие *спасения гражданского населения* как цель международной политики во имя будущего впервые было определено в преамбуле Устава ООН, который был принят 26 июня 1945 г.[2] В 1946 г. в Уставе Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) было дано определение «здоровья народов» как основного фактора «в достижении мира и безопасности». При этом «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней или физических дефектов»[3]. Таким образом, опираясь на эти два документа, можно сказать, что под *спасением гражданского населения* от трагических последствий военных конфликтов современным правом понимается сохранение уровня физического, психического и социального здоровья групп индивидуумов, достаточного для адаптации к нормальным социальным условиям.

В современном праве Российской Федерации «защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций» – область деятельности органов управления единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Данная деятельность опирается на «общепризнанные принципы и нормы международного права». Одной из основных целей мероприятий, проводимых при ликвидации чрезвычайных ситуаций, является «спасение жизни и сохранение здоровья людей»[4].

Требования по *защите* (protection, англ.) гражданского населения во время вооруженных конфликтов как на оккупированной территории, так и вне ее, во власти одной из конфликтующих сторон, были детализированы в четвертой Женевской конвенции (12 августа 1949 г.). Институт

---

1 *Белозеров Б. П.* Дети блокадного Ленинграда: проблемы спасения и защиты // Беспризорность и безнадзорность в России. История и современность. Научно-практическая конференция (28 октября 2008 года) [Электронный ресурс] // URL: https://spbarchives.ru/conferences_2/asset_publisher_web_portlet//pM3V/content/id/15786? (дата обращения: 05.04.2026).

2 Устав Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org./en/about-us/uncharter/full-text (дата обращения: 23.11.2021). В контексте документа спасение (save, англ.) подразумевает избавление от бедствий войны будущего населения.

3 Устав (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения. [Электронный ресурс] // URL: https://docs.cntd.ru/document/901977493. (дата обращения: 23.11.2021).

4 Федеральный закон от 21.12.1994 №68-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения: 09.01.2023).

защиты гражданского населения, на основе сложившейся общественно-исторической практики в условиях Второй мировой войны, включил в себя несколько стратегически важных и взаимосвязанных компонентов. Среди них: организация санитарных и безопасных зон и местностей; эвакуация раненых, больных, инвалидов, престарелых, детей и рожениц; пропуск в эти зоны служителей культа всех вероисповеданий, санитарного персонала и имущества; забота о беспризорных детях до 15 лет, осиротевших или разлученных с семьей, осуществление их воспитания в соответствии с их культурными традициями; обеспечение продовольствием и санитарными материалами гражданского населения оккупирующей державой; обеспечение переписки между членами семьи и розыск разрозненных войной семей[1].

Необходимо отметить, что Местная противовоздушная оборона (МПВО), созданная в соответствии с постановлением СНК СССР от 4 октября 1932 «О противовоздушной обороне СССР», имела более узкие цели, связанные с защитой от поражения авиацией противника, в том числе химического поражения, в зоне ее досягаемости. Задачи эвакуации вглубь страны, заботы о беспризорниках и т.п. были вне ее компетентности, однако их решение осуществлялось Советскими органами государственной власти и управления на основе принимаемых правовых актов.

Это позволяет включить в содержание организации спасения гражданского населения в СССР уже в 1941–1944 гг. вышеперечисленные компоненты:

-эвакуация в санитарные и безопасные зоны и местности;

-жизнеобеспечение: продовольствием, жильем, промышленными товарами первой необходимости, энергией;

-обеспечение санитарными материалами и медицинской помощью;

-борьба с беспризорностью и безнадзорностью, розыск разрозненных войной семей.

Трудности при реализации этих задач в условиях тотальной войны вызвали к жизни различные стратегии достижения цели.

Таким образом, понятия *спасения* и *защиты населения* взаимосвязаны и предполагают конкретные усилия гражданского и военного руководства по защите населения, направленные на спасение жизни и сохранение здоровья гражданского населения. В то же время понятие спасение точнее выражает сущность предмета, так как включает в себя целеполагание, в том числе отдаленные результаты.

В современных исторических исследованиях применяется также понятие *выживание,* которое включает в себя характеристику эффективности принимаемых мер, как результат

---

1 Женевские Конвенции и Дополнительные протоколы [Электронный ресурс] // Международный Комитет Красного Креста. Сайт. URL: http://www.icrc.org/rus/war-and-law/treaties-customary-law/geneva-conventions/index.jsp (дата обращения: 17.08.2014).

самодеятельности гражданского населения, направленной на выживание. В российской историографии его предикативные свойства раскрыты в трилогии Г. Л. Соболева[1].

Предпосылкой институционализации гуманитарного права в отношении гражданского населения явилось то, что эти требования уже стали практикой по защите прав гражданского населения на жизнь и спасение от разрушительных последствий военного насилия и осуществлялись, например, органами центральной и местной власти в СССР в 1941–1945 гг. В данном исследовании рассмотрим такой опыт в отношении ленинградского населения, взяв за основу требования по защите прав гражданского населения, актуальные на 12 августа 1949 года.

Понятие политическая повседневность, как область в которой реализуются социально-политические мероприятия, в современной исторической науке появилось сравнительно недавно. Оно включает в себя «алгоритмы политического поведения», технологии управления, которые реализуются через обыденное поведение людей, понимающих что такое норма и реализующих ее[2]. С позиций культурно-исторической антропологии под повседневностью понимается также повторяющееся, «нормальное» и привычное, конструирующее «стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на происходящие события и мотивы поведения»[3].

Понятие политической повседневности соотносится с содержанием связанного с ним понятия «социальной (или коллективной) памяти» как результата социокультурной деятельности групп людей, прежде всего репрезентативной[4]. Такие репрезентации стали излюбленным предметом исследований зарубежных ученых, раскрывающих их как мифологизацию сознания, проявляющуюся в групповых паттернах (шаблонах), характерных для отдельных социальных групп блокадников[5].

---

1 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013; *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015; *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017.

2 *Соловьев К. А.* Политическая повседневность: общие принципы и подходы // Будущее нашего прошлого-6: история повседневности и повседневность историка. Материалы международной научной конференции. 27 ноября 2020 г. М.: РГГУ, 2021. С. 29–30.

3 *Оспанова А. А.* Источники изучения повседневности чиновников канцелярий генерал-губернаторов во второй половине XIX в. // Домашняя повседневность населения России: история и современность. Материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веременко. Т. 1. – СПб: Медиапапир, 2022. С. 24. [Имеется электронный ресурс]

4 О социальной памяти см. например, *Сафронова Ю. А.* Историческая память. Введение: учебное пособие / Ю. А. Сафронова. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2020; Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2020.

5 См. например, Clapperton J. The siege of Leningrad and the ambivalence of the sacred: conversations with survivors. 2006. [Электронный ресурс] // Yumpu.com. URL: http://www.yumpu.com/en/document/view/26478757/the-siege-of-leningrad-and-the-ambivalence-of-the-sacred-conversations-with-survivors/ (дата обращения: 16.03.2015). – Текст: электронный; *Kirschenbaum L.* The legacy of the siege of Leningrad, 1941-95 / Myth, memories, a. monuments. – Cambridge, 2006.

Здесь необходимо ввести два базовых понятия: *транспарентность* – как прозрачность или открытость политики, и *транслюсентность* или *транслюсенция* как полупрозрачная, или «проникающая», политика. Если понятие транспарентность часто встречается в современной политологии, то понятие транслюсентность известно значительно меньше и скорее применяется в области искусствознания и эстетики. Впервые понятие транслюсентность (translucent, анг. - полупрозрачность) использовал философ и лингвист Тревор Пэйтман в своей статье «Transparent and translucent icons» в 1986 г.[1] В то время как понятие транспарентности предполагает очевидность смысла и содержания, транслюсенция предполагает полупрозрачность, или проникновение, когда «нужна какая-то информация, какое-то руководство, чтобы увидеть, как знак соотносится с тем, для обозначения чего он предназначен»[2].

В то же время деятельность высших органов власти, которая, как правило, носит отчужденный от масс характер, приводит к такому явлению как мнимая транспарентность, порождая недоверие и позволяя подозревать сокрытие истинной сущности за идеологическим вымыслом или утопизмом. Таким образом, возникает необходимость в уточняющем термине: транслюсенция, полупрозрачность власти, которая предполагает комментаторов или, говоря языком 1940-х годов: агитаторов и пропагандистов.

Роль агитаторов и пропагандистов, доводивших смысл и значение актов высшей государственной власти до граждан в СССР, играли, в первую очередь, коммунистические организации, а также низовые советские органы, которые позволяли, входя в прямой контакт с гражданами, через политическую практику делать содержание транслюсентных актов политической власти – транспарентным. Необходимо отметить роль транспаренций и транслюсенций в формировании эмоциональных маркеров (иконок, как их называл Тревор Пэйтман).

Введение данных понятий и их интерпретаций в канву исторического исследования деятельности государственных органов Советской власти, направленной на спасение жизни людей в условиях блокады Ленинграда, позволяет проанализировать систему общественных отношений как целое, раскрыв внутренние противоречия, и выявив важнейшие факторы ее устойчивости.

Особое значение приобретает в рамках нашей работы деятельность депутатского корпуса местных органов Советской власти, который в силу своей организации способствовал открытости или транспарентности власти, делая ее устойчивой.

---

1 Pateman, T. Transparent and translucent icons // British Journal of Aesthetics. – 1986.– 26(4). – P. 380–382; Pateman, T. Key concepts: A guide to aesthetics,criticism and the arts in education, - London: Routledge, 2016 (1-st ed. 1991), 220 pp. [Электронный ресурс] // https://doi.org/10.4324/9781315625621/ [Дата публикации: 5.05.2016]

2 Icon, Index, Symbol // URL: https://doi.org/10.4324/9781315625621/

Таким образом, методологической основой данного исследования является диалектическая концепция общественного развития, с позиций дополнительности, единства и борьбы противоположностей: власти и общества в условиях борьбы за спасение населения, реализации права на жизнь и свободу. Данная методология включает в себя анализ социальных и правовых институтов, а также коммуникативных отношений, самозащиты гражданского населения, определивших устойчивость ленинградского социума и его субкультуры.

1.2. Освещение положения гражданского населения осажденного Ленинграда в исторической литературе

Нельзя не отметить первую докторскую диссертацию по историографии обороны Ленинграда, защищенную в 1996 г. В. П. Гридневым. В своей работе он показал неразрывную связь развития историографии проблемы с публикацией источников. Историографию положения и защиты гражданского населения в осажденном и блокированном Ленинграде с 1941 по конец 1990-х гг. на три этапа разделил в своей докторской диссертации по теме близкой к нашей А. В. Похилюк[1]. На наш взгляд, распад СССР и начавшийся период трансформации политических установок повлиял на возросшее влияние западной историографии в постсоветской исторической литературе, что позволяет выделить четвертый этап: с начала 1990-х и включая начало 2000-х. Говоря о новейших историографических исследованиях, нельзя не отметить труды Г. Л. Соболева и М. В. Ходякова, в которых выделен новый этап с начала 2000-х, как период массового рассекречивания и оцифровывания источников. К этому этапу относится возвращение исторической личности как субъекта исторической действительности и исторической практики, а также появление нового субъекта – социума[2].

В то же время с новым витком идеологической борьбы научные дискуссии по вопросам

---

1 Подробнее о выделении этапов в историографии блокады за период 1941–1999 гг. см. *Похилюк А. В.* Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны. Автореф. дисс.... д. и. н. СПб., 1999. С. 8–19. Первая докторская диссертация по историографии обороны Ленинграда, включая постсоветский период: *Гриднев В. П.* Отечественная историография обороны Ленинграда (1941–1944 гг.). Автореф. дисс...д.и.н. – СПб., 1995.

2 *Соболев Г. Л.* Блокада Ленинграда: постижение правды // *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 6–56; *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – №1. С. 8–34; *Их же.* Архивный фетишизм и историографический нигилизм в одном подходе к изучению истории обороны Ленинграда // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10. №2. С. 529–539; *Их же.* Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда // Новейшая история России. – 2021. – Т.11. №2. С. 294–323.

спасения населения блокированного Ленинграда вновь стали актуальны, о чем убедительно свидетельствует судебный процесс по геноциду гитлеровцами ленинградского населения, состоявшийся в 2022 г. в Санкт-Петербурге[1]. В связи с этим, на наш взгляд, имеет смысл отдельно выделить новейший период, начиная с 2010 года. Данная периодизация условна, так как порой работы, вышедшие в разное время, оказываются близки и связаны друг с другом. Обилие литературы по интересующему нас вопросу: политики Советских органов власти по отношению к гражданскому населению Ленинграда, требует ее систематизации с целью выявления первых публикаций и цитат основных источников, а также основных направлений и лидеров их исследования, влиявших на формирование как научных концепций, так и идеологических штампов[2].

Первый этап: 1941–1954. Период рационализации исторической памяти, накопления документальных свидетельств о преступной деятельности агрессоров и мероприятиях по защите и спасению гражданского населения от нее. Собирание такого материала происходило различными путями. Во-первых, в результате внутренней потребности образованных людей и деятелей культуры рационализировать пережитое. Во-вторых, в рамках подготавливаемых судебных процессов над гитлеровскими преступниками[3]. Собранные материалы легли в основу сборников научных статей и монографий, выходивших в период войны и вплоть до конца 1940-х годов[4].

Сравнительно недавно стали доступны аналитические обзоры англо-американских спецслужб, которые занимались исследованием трансформаций морали гражданского населения под воздействием бомбежек. В 1947 г. отдельной брошюрой были изданы детальные результаты обработки опросных листов более 3700 интервьюируемых в Германии[5]. Напротив, в период войны в произведениях англо-американских журналистов неизменно отмечалась стойкость населения СССР, в том числе Москвы и Ленинграда, переживших массированные бомбежки[6]. Даже в

---

1 URL: https://yandex.ru/video/touch/preview/11171019019494514455. (дата обращения: 23.10.2022).

2 *Газиева Л. Л.* Проблема выживаемости гражданского населения в блокированном Ленинграде в новейшей исторической литературе // К 75-летию начала Великой Отечественной войны: На грани катастрофы. Сборник материалов Международной научной конференции (Москва, Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., 22– 23 июня 2016 г.).– Брянск: ООО ИД “Историческое сознание”, 2017. С. 517–526.

3 *Чистиков А. Н.* «Мы живем в интересное время…» Первые попытки сбора материала о блокаде Ленинграда в 1941–1942 гг. // Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. С. 5–14. В статье рассказывается об инициативе ленинградцев по сбору материала.

4 Героическая молодежь Ленинграда на страже города революции: Материалы для докладов и бесед. – М.: Молодая гвардия, 1942; Героический Ленинград 1917–1942 / Под ред. С. И. Авакумова; Ленинградский ин-т ист. ВКП (б). – Л.: Огиз, Госполитиздат, 1943; Воспитанники комсомола: Герои Советского Союза Ленинградского фронта. – Л., 1943; *Худякова Н. Д.* За жизнь ленинградцев. Помощь комсомольцев населению Ленинграда в блокадную зиму 1941–1942 гг. – Л.: Лениздат, 1948. [2-е изд. 1958]; *Ее же.* Из воспоминаний... // Забвению не подлежит. Вып. X / Ком. по культуре СПб; ГММОБЛ. – СПб.: Президентская библиотека. С. 285–291.

5 The Effects of Strategic Bombing on German Morale. Vol. 1 / US. Strategic bombing survey; Morale division. – Washington, 1947. P. 15, 23 [Электронный ресурс] URL: https://isr.umich.edu/wp-content/uploads/historicPubications/Effects_300_.PDF/ (дата обращения 31.12.2021)

6 См. например, *Wert A.* Leningrad. – L., 1942. [Рус. пер. в 1984].

монографии одного из организаторов ПВО Германии Г. Фетчера получила высокую оценку деятельность Советской авиации в войсках ПВО[1].

Интерес вызывает анализ опыта спасения детей в СССР американскими педиатрами, которые призывали изучать и внедрять опыт совместной реабилитационной работы советских педиатров и педагогов[2]. В 1948 г. Е. И. Волковой, начальником Управления дошкольным воспитанием при Наркомпросе РСФСР, была поставлена задача подготовки книги по истории дошкольного воспитания в период Великой Отечественной войны, которая так и не была выполнена[3].

В целом для первого этапа характерна непосредственная связь конкретно-исторических исследований с личным опытом и переживаниями участников научного познания. Следует отметить, что уже в первое послевоенное десятилетие на историографию Второй мировой войны начала оказывать влияние холодная война, развязанная против СССР.

Второй этап. 1955 – конец 1980-х. После реабилитации Ленинградской организации ВКП (б), которая произошла 30 апреля 1954, дискуссия о «виновности или невиновности» Советских руководителей обороны Ленинграда в жертвах гражданского населения превратилась в один из аспектов Холодной войны.

В конце 1950-х гг. возобновились попытки научно осмыслить положение гражданского населения в блокированном Ленинграде. Начало было положено статьей Ф. И. Сироты, появившейся в 1956 году, в которой партийная организация Ленинграда связывалась метафорически с Душой Ленинграда. На данный факт обратила внимание Л. Киршенбаум, первая исследовательница меморизации мифов о блокаде[4].

Доказательству достойного руководства со стороны центральных органов ВКП(б) и советской власти, а также вклада ленинградской партийной организации, советских органов власти в оборону города и заботу о населении, в начале 1960-х были посвящены труды Ф. И. Сироты, Н. Д. Худяковой, заместителя председателя Ленгорисполкома Н. А. Манакова, В. А. Ежова, которые опирались на многочисленные факты, почерпнутые из документов региональных и центральных архивов, а также из газетных публикаций военных лет[5]. С перерывом в 12 лет начинают

---

1 *Feutcher G. W.* Geschichte des Luftkriegs. Entwicklung und Jukunft. Athenäum=Verlag, Bonn. 1954.

2 Pediatrics and the emotional needs of the child: as discussed by pediatricians and psychiatrists at Hershey, Pennsylvannia. March, 6–8, 1947. – N.Y., 1948.

3 *Волкова Е. И.* Дошкольное воспитание в РСФСР // Дошкольное воспитание. – 1948. – №8. С. 6–20.

4 *Сирота Ф. И.* Военно-организационная работа Ленинградской организации ВКП(б) в первый период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. – 1956. – №10. С. 16–17. См. также: *Kirschenbaum L.* The legacy of the siege of Leningrad, 1941-95 / Myth, memories, a. monuments. – Cambridge, 2006. P. 161.

5 *Сирота Ф. И.* Ленинград – город-герой. – Л.: Лениздат, 1960; *Худякова Н. Д.* Вся страна с Ленинградом (1941–1943). КПСС – организатор всенародной помощи Ленинграду в годы блокады – Л.: Лениздат, 1960; *Манаков Н. А.* В кольце блокады. – Л.: Лениздат, 1961; *Ежов В. А.* Рабочие Ленинграда в борьбе за восстановление города (1944 – 1945). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961.

издаваться книги, посвященные вкладу ленинградской комсомольской организации[1].

В 1958 г. Министерством обороны СССР была издана книга Д. В. Павлова «Ленинград в блокаде», в которой была дана подробная характеристика основным направлениям продовольственной политики в начальный период блокады[2]. Вопросам организации торговли и контроля за торговыми организациями со стороны общественных организаций (профсоюзов), организации производства и распределения продовольствия среди городского населения СССР, в том числе Ленинграда, были посвящены вышедшие в середине 1960-х монографии У. Г. Чернявского и бывшего наркома торговли СССР А. В. Любимова[3]. Хотя эти труды стали хрестоматийными, они не могли дать полной картины торговли и распределения в период войны.

В 1958 г. вышла статья С. А. Уродкова, посвященная организации эвакуации ленинградского населения, не потерявшая своей актуальности, однако приведенные в ней факты требовали уточнения[4]. Впервые наиболее острые проблемы организации эвакуации были сформулированы в работе А. В. Карасева[5].

Эскалация Холодной войны способствовала скептическому направлению американской историографии. После публикации ряда статей, в 1962 г. появилась книга американского политолога, эмигранта из России, Леона Гуре (Гуревича) «Осада Ленинграда», изданная Стэнфордским университетом. Интерес Гуре был вызван организацией гражданской обороны в СССР и взаимоотношениями между населением и Ленинградским партийным и советским руководством[6]. Приведенные им данные о том, что из Ленинграда летом 1941 г. смогли эвакуировать не более 170 тысяч человек по железной дороге и еще около 40 тысяч человек в начале сентября на другом транспорте, до сего дня некритично используются в англоязычной историографии[7]. Таким образом, вопросы численности эвакуированного из Ленинграда населения, как и организация гражданской обороны и эвакуации, оказались в центре не только научной, но и идеологической полемики. Затронутая Леоном Гуре проблематика касалась взаимоотношений Советской власти и гражданского населения в период обороны и блокады Ленинграда. Он отмечал наличие

---

1 *Дементьев В. М.* Молодежь на защите Ленинграда. Л., 1961; *Ежов В. А.* Идет война народная, священная война // Слово о комсомолии Ленинграда. Краткие очерки из истории Ленинградской организации ВЛКСМ / сост. З. М. Иванова, Л. Р. Клецкий. – Л.: Лениздат, 1965. С. 200–235; Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ. Л., 1969; Огненные годы: документы и материалы об участии комсомола в Великой Отечественной войне / сост. З. А. Силаева. – М., 1971.

2 *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде. – М.: Министерство обороны СССР, 1958.

3 *Чернявский У. Г.* Война и продовольствие: Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945). – М., 1964; *Любимов А. В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. – М., 1968.

4 *Уродков С. А.* Эвакуация населения Ленинграда в 1941–1942 гг. // Вестник Ленинградского университета. – 1958. – №8. С. 88–102.

5 *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады / Отв. ред. ген.-лейт. С. В. Рогинский. – М.: АН СССР, 1959.

6 *Gouré L.* The siege of Leningrad. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1962.

7 См. например, *Boterbloem K.* The life and times of Andrei Zhdanov: 1896–1948. – Montreal, 2004. P. 229.

скрытого или подавленного внутреннего конфликта[1].

В то же время, о качестве анализа Леона Гуре можно судить по тому, что он являлся одним из экспертов по вопросам гражданской обороны в период войны во Вьетнаме 1963–1973 гг., низко оценивая моральную силу Вьетконга, и, тем самым, способствуя разжиганию агрессии США[2]. Так соединились в период Холодной войны судьбы вьетнамского народа и ленинградского населения, которые своей силой духа и гражданской дисциплины оказались способны противостоять насилию и жестокости.

Следует заметить, что именно в этот период организации гражданской обороны населения в СССР была дана высокая оценка деятельности немецкими специалистами[3].

Развивалось скептическое направление в изучении обороны Ленинграда и защиты ленинградского населения и в отечественной историографии. Осторожной критике подверглось руководство защитой Ленинграда и ленинградского населения в ряде трудов ленинградских историков. В монографии группы авторов: С. П. Князева, М. П. Стрешинского, И. М. Франтишева, П. Р. Шевердалкина, Ю. Н. Яблочкина «На защите Невской твердыни» были отмечены, наряду с помощью со стороны ГКО в обороне Ленинграда, просчеты и давление со стороны Сталина на ленинградское руководство. Там же была дана краткая характеристика секретарей ГК ВКП(б), руководивших промышленностью. В монографии впервые были указаны ссылки на телефонограммы переговоров по аппарату Бодо между Ставкой и руководителями обороны Ленинграда[4]. Об актуальности данной работы можно судить по ее влиянию на современные исследования[5].

При этом как советскими, так и зарубежными авторами неизменно отмечались стойкость и мужество ленинградцев, не терявших веры в победу и решимости в течение всего периода блокады. Этот факт определил содержание Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении Ленинграда орденом Ленина от 26 января 1945 г.: «За выдающиеся заслуги трудящихся

---

1 Актуальность этих проблем для части ленинградской интеллигенции проявилась в опубликованных не так давно рукописях, написанных в 1940-1950-ые годы: *Шварц Е.* Бессмысленная радость бытия. Дневники и письма: Произведения 30-40-х гг. / Сост. М. О. Крыжановская, И. Л. Шершнева. – М.: Корона-Принт, 1999; Ольга. Запретный дневник. – СПб.: Изд. группа «Азбука-классика», 2010; *Гинзбург Л. Я.* Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. – М.: Новое изд-во, 2011.

2 *Goure L.* Some Findings of the Viet Cong Motivation and Morale Study: June – December 1965 (1966) [Электронный ресурс] // Rand corporation. Objective analysis. Effective solutions. URL: https://www.rand.org/pubs/authors/g/goure_leon.html (дата обращения: 12.04.2020).

3 См. например, *Хампе Э.* В силовом поле великих авиационных держав / пер. с нем. – М.: Изд-во ин. лит., 1958. Особняком стоят публикации Г. Румпфа, возглавлявшего в годы Второй мировой войны гражданскую оборону в вермахте: *Rumpf H.* The Bombing of Germany / trans.by Ed.Fitzgerald – N.Y., Chicago, San Francisco, 1963 [нем. изд-ие 1961]. См. также *Румпф, Г.* Огненный шторм / пер. с нем. М.: Центрполиграф, 2010. [Имеется электронный ресурс на анг. и рус. яз].

4 На защите Невской твердыни. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны / *С. П. Князев, М. П. Стрешинский, И. М. Франтишев И. М.* [и др.] – Л.: Лениздат, 1965. С. 138–145.

5 См. например, *Комаров Н. Я.* Феномен блокадного Ленинграда. – М.: Кучково поле; М/н благ. фонд «Живая память», 2008. С. 26.

Ленинграда перед Родиной, за мужество и героизм, дисциплину и стойкость, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в трудных условиях вражеской блокады»[1].

В 1965 г. в журнале «Вопросы истории» появилась знаковая публикация Г. Л. Соболева и В. М. Ковальчука. Авторы статьи, научные сотрудники Института истории СССР АН СССР (Ленинградского отделения), исследовав данные документов, пришли к выводу, что потери ленинградцев в годы блокады были значительно больше официальных сведений[2].

Жесткую позицию по этому вопросу занял Д. В. Павлов, который в 3-ем издании своей книги «Ленинград в блокаде» заявил о необходимости сохранить данные о количестве жертв, полученные правительственной комиссией[3].

В конце 1960-х вышло многотомное академическое издание «Очерки истории Ленинграда», пятый том которого был посвящен обороне Ленинграда[4]. В то же время были внесены уточнения в важные исторические факты[5].

В этот период защита гражданского населения и оборона Ленинграда в историографии вопроса неразрывно связывались между собой.

Идеологическое значение историографии блокады Ленинграда обострилось в связи с возрождением неофашизма в Западной Европе в 1965–1975 гг. Отбывшие наказание бывшие гитлеровские преступники требовали пересмотра решений Нюрнбергского процесса, сомневаясь в своей виновности. Эти позиции поддерживали реакционные историки США и Великобритании, стремившиеся сузить значение Нюрнбергского процесса одним политическим событием[6]. Косвенно этим требованиям способствовало бы нахождение противоречий в документах, представленных Нюрнбергскому трибуналу.

В 1969 г. появилась на английском языке книга Г. Солсбери[7], в которой приводился анализ

---

1 Ленинградская правда. – 1945. – №21. – 27 января. С. 1.

2 *Соболев Г. Л., Ковальчук В. М.* Ленинградский реквием (о жертвах населения Ленинграда в годы войны и блокады) // Вопросы истории. – 1965. – №12. С. 191–197. В последние годы исследователи обратились к истории этого вопроса. (*Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. С. 11; Война и блокада. Сборник памяти В. М. Ковальчука. – СПб.: Нестор-История. 2016).

3 *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде. – 3-е изд. – М.: Министерство обороны СССР, 1967. С. 147–149.

4 Очерки истории Ленинграда. Т. V. – Л.: Наука, 1967. Авторский коллектив пятого тома, в составе: В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, В. А. Шишкин, Т. С. Александрова, А. Л. Фрайман, А. Н. Цамутали, А. Р. Дзенискевич, А. В. Свешников, Б. М. Хромов, Б. И. Загурский, В. Б. Азаров, А. И. Павловский, В. А. Шошин, постарался осветить все возможные аспекты жизни гражданского населения Ленинграда в период с 22 июня 1941 года и до августа 1944 года, в пределах основной идеологической концепции.

5 Так, если в книге «На защите Невской твердыни» указывалось, что план обороны города был принят только 21 августа 1941 г., то в «Очерках» отмечалось, что уже 23 июня 1941 г. было предложено генералом армии К. А. Мерецковым, представителем Наркомата обороны, приступить к рекогносцировке оборонительных рубежей между Псковом и Ленинградом. 25 июня Военным Советом Северного фронта была утверждена схема обороны юго-западных подступов Ленинграда и было решено начать инженерные работы (по На защите Невской твердыни. С. 138–139; Очерки истории Ленинграда. Т. V. С. 38–39).

6 *Лебедева Н. С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. – М.: Наука, 1975. С. 201–209.

7 *Salisbury H.* The 900 days: The siege of Leningrad. – N.Y., 1969; Солсбери Г. 900 дней: блокада Ленинграда / Пер. с

смертности ленинградского населения, опиравшийся на данные опубликованных источников и результаты исследований советских историков[1]. Эпилог знаменитой книги получил название «Ленинградское дело». Пользуясь возможностями художественного произведения, Солсбери дал волю своей фантазии, придумав нелепые, по его собственным словам, обвинения, «предъявленные» ленинградским руководителям в 1949–1950 гг. Автор указывал, что поводом для подобных «предположений» явилась закрытость информации[2].

Таким образом, Г. Солсбери были подняты две проблемы: имелся ли конфликт между центральными и местными органами государственной власти и управления в СССР, а также о причинах умалчивания о масштабах трагедии гражданского населения Ленинграда в военный и послевоенный период.

Книга Солсбери спровоцировала развертывание нового витка информационной войны вокруг проблемы обороны Ленинграда и жертв ленинградского населения и вызвала необходимость ответа ленинградских ученых: В. М. Ковальчука, Г. Л. Соболева, В. А. Шишкина, выступивших с критикой труда американского журналиста[3].

В дискуссию включились Г. К. Жуков и Д. В. Павлов, как представители военно-политического руководства обороной Ленинграда[4]. В книге маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления», вышедшей в 1970 г., содержалось категорическое опровержение заявления Г. Солсбери о преднамеренности действий советского руководства по преуменьшению данных об умерших от голода[5].

Подробно о развернувшейся в 1975–1985 гг. полемике между идеологами ЦК КПСС и учеными группы истории советского общества Ленинградского отделения Института истории СССР Академии Наук СССР пишет Г. Л. Соболев в третьем томе «Ленинград в борьбе за выживание в

анг. к. ф. н. И. С. Вольской. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.

1 *Солсбери Г.* Указ. соч. С. 522–527. В своей книге автор ссылался на труды советских историков (*Ковальчук В. М., Соболев Г. Л.* Ленинградский реквием (о жертвах населения Ленинграда в годы войны и блокады) // Вопросы истории. – 1965. – №12. С. 192; *Худякова Н. Д.* Вся страна с Ленинградом (1941–1943). КПСС – организатор всенародной помощи Ленинграду в годы блокады – Л.: Лениздат, 1960. С. 57; *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады. С. 184). Г. Солсбери пришел к выводу, что наиболее обоснованным является количество умерших от голода: свыше 1 миллиона человек, а вместе с военнослужащими 1300–1500 тысяч. Он указывал, – «Гибель стольких людей в Ленинграде имела скрытую подоплеку для Сталина и ленинградского руководства во главе со Ждановым. Возникал вопрос, насколько были правильными главные решения, все ли было сделано, что можно было сделать, чтобы избавить город от невероятных испытаний. А ведь с этими решениями переплетались личные и политические судьбы всех советских вождей» (по *Солсбери Г.* Указ. соч. С. 525, 526.).

2 Там же. С. 588–589. Только в 2019 г. приговор по «Ленинградскому делу» был опубликован, положив конец измышлениям (см. ниже).

3 *Ковальчук В. М., Соболев Г. Л., Шишкин В. А.* Измышления мистера Солсбери // Ленинградская правда. – 1969. – 1 сентября. (По Новейшая история России: Время, события, люди. Сборник статей и воспоминаний (к 75-летию почетного профессора СПбГУ Г. Л. Соболева) / Под ред. М. В. Ходякова. – СПб.: Фора-принт, 2010. С. 479).

4 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. С. 13.

5 *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. – М.: Изд-во агентства печати новости, 1970; *Его же.* Воспоминания и размышления. Т. 1. – М.: Изд-во агентства печати новости, 1978. С. 381.

блокаде»[1].

Политизация вопросов, связанных с выживаемостью ленинградского населения, привела к сдержанному характеру первых работ по истории здравоохранения блокированного Ленинграда, написанных учеными Государственного института для усовершенствования врачей. В 1964 г. была защищена кандидатская диссертация А. В. Свешникова, посвященная данным вопросам. Вслед за ней вышел краткий исторический очерк в соавторстве с Б. М. Хромовым. В этих работах была показана преемственность организации послевоенного здравоохранения тем ключевым направлениям его развития, которые позволили организовать спасение гражданского населения в условиях войны и блокады. Была дана краткая характеристика деятельности медико-санитарной службы при эвакуации населения из блокированного города[2].

В этот же период вышли первые фундаментальные исторические исследования, посвященные деятельности как научных и научно-технических учреждений, так и отдельных ученых в блокированном Ленинграде: труды А. В. Кольцова, Г. Л. Соболева, в том числе глава 19 «Высшая школа и научно-исследовательская работа» V тома «Очерков истории Ленинграда», подготовленная на тщательно изученном материале ЛПА (ныне ЦГАИПД СПб), Архива АН СССР, Архива ВЦСПС, ЛГАОРСС (ныне ЦГА СПб), ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ)[3].

Несмотря на всесторонность данного труда, объективный научный анализ в этот период был затруднен секретностью многих архивных материалов.

В 1970 г. появился коллективный труд «Непокоренный Ленинград», подготовленный учеными Ленинградского отделения Института истории АН СССР (А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали, В. А. Шишкин). Труд выдержал три издания. В последнем издании, хотя авторы уклонились от точного указания жертв ленинградцев от голода в целом, в то же время подробно описывалось количество смертей на отдельных этапах блокады на основе как уже опубликованных, так и новых данных[4].

---

1 *Соболев Г. Л.* Приложение. Ленинградский «реквием»: история с продолжением (О жертвах населения в годы войны и блокады) // *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. С. 744.

2 *Свешников А. В.* Здравоохранение Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 г.г. Дисс…к. м. н. – Л., 1964; *Хромов Б. М., Свешников А. В*. Здравоохранение Ленинграда. Краткий исторический очерк. – Л.: Лениздат, 1969. См. также *Гладких П. Ф.* Охрана детства в блокированном Ленинграде // Педиатрия. – 1968. – №4. С. 56–59.

3 *Кольцов А. В.* Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943). – М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1962; *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. – М. –Л.: Наука, 1966; *Соболев Г. Л.* Глава девятнадцатая. Высшая школа и научно-исследовательская работа // Очерки истории Ленинграда. Т. V. Период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. – Л.: Наука; Ленингр. отд-ие, 1967. С. 552–578.

4 Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. (3-е изд., перер. и доп.) / А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали, В. А. Шишкин. – Л.: Наука. Лен. отд-ие, 1985. С. 109, 195, 257.

Длительный период проблемы организации гражданской обороны в Ленинграде оставались малоизучены. До сих пор ключевым исследованием является монография А. Н. Беляева, многие выводы автора актуальны до сих пор[1].

Спустя несколько лет после выхода труда Г. Солсбери, к работе над темой жертв Ленинграда приступили писатели Д. Гранин и А. Адамович, чей труд, «Блокадная книга», смог увидеть свет только в 1982 г.[2]

Новое направление исследованиям придала книга А. В. Бурова «Блокада день за днем», вышедшая в 1979 году. Автор – военный корреспондент газеты «На страже Родины», изложил события с 22 июня 1941 года по 27 января 1944 года в виде дневника: день за днем[3].

Само по себе изложение блокадного самовосприятия в виде хронологии событий глазами военного корреспондента получило неожиданное продолжение спустя 50 лет. В своей книге «Феномен блокадного Ленинграда» Н. Я. Комаров использовал прием хронологического изложения важнейших событий блокады, с включением фрагментов из воспоминаний героических участников обороны Ленинграда. Он же попытался решить вопрос о конфликте между центральными и местными органами власти и управления, прийдя к выводу о необоснованности ряда решений ленинградских руководителей обороны Ленинграда[4].

Особое место в 1980-ые годы заняли труды, посвященные героическому подвигу ленинградских рабочих. В монографии А. Р. Дзенискевича, не потерявшей значение до сих пор, впервые были вскрыты важнейшие проблемы организации труда рабочих на ленинградских предприятиях в условиях блокады. Наряду с героизмом труда были показаны недостатки снабжения, в том числе задержки заработной платы[5]. В то же время, далеко не все обозначенные проблемы были разрешены, оставив место для будущих историков.

Расширяются темы исследований. Появляется литература о роли общественных организаций в спасении населения Ленинграда[6]. Выходят первые публикации, посвященные

---

1 *Беляев А. Н.* Местная противовоздушная оборона Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. – Л.: изд-во ЛГУ, 1975.

2 *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. – М.: Изд-во РАГС, 2005 (1-е изд. сокр. 1979). Первые главы были опубликованы в журнале «Новый мир» (1977, № 12).

3 *Буров А. В.* Блокада день за днем. Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб.: Геликон Плюс, 2011. Идея создания такой летописи им была высказана еще 16 декабря 1955 г. в газете «Красная звезда». Она была поддержана бюро Ленинградского обкома КПСС 24 июня 1956 г. Однако дело застопорилось. А. В. Буров самостоятельно завершил задуманное, использовав, наряду с документами, собственные записи, сделанные в блокнотах корреспондента военных и послевоенных лет. Книга, говоря словами М. Дудина, охватила «все пространство блокадного времени» (по *Буров А. В.* Указ. соч. С. 5).

4 *Комаров Н. Я.* Феномен блокадного Ленинграда. С. 164–608.

5 *Дзенискевич А. Р.* Накануне и в дни испытаний (Ленинградские рабочие в 1938–1945) / Отв. ред. В. М. Ковальчук. – Л., 1990; *Кутузов В. А.* Возрождение земли Ленинградской. Коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. – Л.: Лениздат, 1985.

6 *Бибиков Ю. К., Москалев С. Н.* Профсоюзы Ленинграда в годы Советской власти. 1917 – 1959. – М., 1960; *Иванова*

работе творческих союзов, а также вопросам организации печати и информации в осажденном Ленинграде, в том числе работе радио[1].

В условиях идеологической борьбы издаются работы, посвященные мобилизующей роли Ленинградской организации ВКП(б) в период обороны Ленинграда[2].

В то же время публикуются книги, связанные так или иначе с людьми, пострадавшими от репрессий и реабилитированными позднее. Николай Дмитриевич Шумилов, бывший секретарь Ленинградского ГК ВКП(б), затем редактор «Ленинградской правды», единственный из блокадных секретарей ГК ВКП(б), который уцелел в ходе «Ленинградского дела», пережил и репрессию, и реабилитацию, рассмотрел организационные вопросы руководства обороной Ленинграда со стороны ГК ВКП(б) уже в книге «В дни блокады», подкрепленной солидной работой в архивах[3]. В начале 1980-х гг. Н. Д. Шумилов и В. Н. Базовский вновь обратились к данной теме. Им принадлежит первая книга, посвященная персонально одному из блокадных секретарей ОК и ГК ВКП(б), преданных забвению: Алексею Александровичу Кузнецову. Обе книги сохранили свою актуальность, так как авторы смогли передать не только некоторые исторические детали, но и эмоциональную атмосферу коммуникативных взаимосвязей внутри партийной верхушки в период войны, затронув важную проблему стиля руководства[4].

Можно заметить, что второй этап в развитии конкретно-исторических исследований, так же, как и первый, происходил в условиях острой идеологической борьбы, что позволяет говорить о формировании основных феноменов, подходов к изучению блокады в связи с политическими запросами с той и с другой стороны. В то же время были поставлены основные исторические проблемы, связанные с положением гражданского населения Ленинграда, и предприняты попытки их решить.

Третий и четвертый этапы. С конца 1980-х до начала 1990-х и с начала 1992 г. вплоть до

И. М. Профсоюзы – организаторы социалистического соревнования в Ленинграде в годы блокады. М., 1975; Матч под обстрелом // С эмблемой «Динамо» / сост. *В. А. Медведев.* – Л.: Лениздат, 1987. С. 220–225.

1 *Загурский Б. И.* Глава двадцать вторая. Искусство // Очерки истории Ленинграда. Т. V. – Л.: Наука, 1967. С. 607–611; Литературный Ленинград в дни блокады. – Л., 1973; *Соболев Г. Л.* Глава двадцатая. Печать и радио // Очерки.... С. 578–591; См. также, например: Радио в дни войны. / сост. М. С. Глейзер, Н. М. Потапов; вступ. ст. А. М. Василевского. – М.: Искусство, 1975.

2 *Ковальчук В. М.* В годы суровых испытаний: Ленинградская партийная организация в Великой Отечественной войне. – Л., 1985; *Байдаков П., Яробков В.* Деятельность политорганов и партийных организаций железнодорожных войск Ленинградского фронта в период обороны города Ленинграда (июнь 1941 – январь 1944 гг.). – Л., 1971; *Позина Л. Т.* Забота партии о подрастающем поколении в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ленинградской партийной организации). Дисс. …к.и.н. – Л., 1983; *Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И.* Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны 1941–1942 гг. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1985.

3 *Шумилов Н. Д.* В дни блокады. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1977.

4 *Базовский В. Н., Шумилов Н. Д.* Самое дорогое. Документальное повествование об А. А. Кузнецове. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1985.

2000-х. Именно в этот период (спустя 40–60 лет от событий) стало возможным и необходимым концептуально определить не только Вторую мировую войну и Великую Отечественную войну как ее часть, в том числе и блокаду Ленинграда, но и их отдаленные последствия. Однако обострение идеологической борьбы привело к субъективизму многих оценок. Для обоих этапов характерны общие черты и направления исследований, в то же время их целесообразно разделить в связи с изменением идеологической конъюнктуры в начале 1990-х.

Необходимо остановиться на дискуссии, начатой интервью с писателем В. Астафьевым, помещенным в газете «Правда» журналистом Е. Дворниковым (30 июня 1989 г.). В интервью писатель отстаивал свое мнение об ошибочности решения о защите Ленинграда и необходимости сдать город. Достойный ответ дал историк Д. Н. Альшиц, участвовавший в обороне Ленинграда: «Менее всего допустимо представлять себе миллионы военных и гражданских защитников Ленинграда стадом, которое гнали на заклание. Вот уж кто явил пример коллективного, массового, сознательного и единодушного выбора: стоять насмерть и победить»[1]. Дискуссия выходила за рамки идеологического спора. В ней была поднята проблема наличия в блокированном Ленинграде гражданского общества, самодеятельном участии ленинградцев в обороне Ленинграда, осознанной борьбе за свободу.

Крах СССР и последовавшее за этим изменение политического строя в 1992–1993 гг. сопровождались кризисом отечественной исторической науки, распространением конъюнктурных исследований. Возникла необходимость отстоять научные исторические позиции. Одним из направлений развернувшейся общественной и научной дискуссии стало изучение персональной деятельности Советских руководителей. Одним из первых Г. Л. Соболев дал объективную оценку позиции Ставки Верховного Главнокомандования по отношению к ленинградцам[2]. Историки, Н. И. Барышников и М. И. Фролов, оспаривая заявления о возможной сдаче Ленинграда, выступили с анализом планов фашистских правительств как Германии, так и Финляндии по уничтожению Ленинграда и его населения[3].

Существенный вклад в изучение роли руководителей обороны Ленинграда, наряду с

---

1 *Альшиц Д. Н.* Письмо писателю Виктору Астафьеву // *Его же.* За нами был наш гордый город. Подвигу Ленинграда – правдивую и достойную оценку. – СПб.: Наука, 2010. С. 307–316. Первая публикация письма Д. Н. Альшица была 10 июля 1989 г. в газете «Вечерний Ленинград».

2 *Соболев Г. Л.* Собирался ли Сталин сдавать Ленинград // Ленинградская панорама. – 1991. – №6. С. 24–26; *Его же.* Г. К. Жуков и оборона Ленинграда в 1941 г. // С. -Петербургский университет. – 1996. – №26. С. 11–12; *Его же.* Собирался ли Сталин сдавать Ленинград? // Книга памяти Ленинградской области. – СПб., 2004. – Вып. 36. С. 279–290. (по Новейшая история России: Время, события, люди. С. 491–499).

3 *Фролов М. И.* «Хотел ли Гитлер взять Ленинград» // Битва за жизнь: Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала блокады Ленинграда / Сост. Л. А. Наливкин; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – СПб., 2007. С. 9–18; *Барышников, Н. И.* Отношение осенью 1941 года финского политического и военного руководства к блокаде Ленинграда // Указ. соч. С. 19 – 27.

критикой сталинизма, сыграл сборник «Ленинградское дело» (составители: В. А. Кутузов, В. И. Демидов)[1]. В те же годы В. А. Кутузовым был опубликован ряд биографических исследований А. А. Жданова и А. А. Кузнецова на основе воспоминаний и новых публикаций документов[2]. Расширился ряд исследований, задачей которых было дать объективную оценку как вкладу руководителей Ленинградской организации ВКП(б), в первую очередь А. А. Жданова, в оборону Ленинграда, так и их личным особенностям[3].

В значительной степени творчество ленинградских – петербургских историков было вызвано полемикой, в связи с появляющейся на Западе литературой, посвященной руководителям обороны Ленинграда. Западные историки продолжали развивать линию Г. Солсбери об имевшемся конфликте между ленинградским и московским руководством уже в годы войны. Канадский историк К. Ботерблоем, на основе изучения личного фонда А. А. Жданова в коллекции РГАСПИ, а также обширной исторической литературы, подготовил биографию А. А. Жданова. Несмотря на широкий круг использованных источников и литературы, в него не попали многие важные документы, в результате были упущены многие значительные факты[4]. В то же время автор обратил внимание на факт, обычно умалчиваемый в историографии обороны Ленинграда, о назначении К. А. Мерецкова 21 июня 1941 г. командующим Ленинградским военным округом (ЛВО) и последовавшем через день, 23 июня, отзыве его в Москву и аресте по делу Ванникова, бывшего наркома вооружений[5]. В своих воспоминаниях К. А. Мерецков пишет о назначении его представителем Главного командования в ЛВО и последовавшем отзыве 23 июня в Москву, в связи с назначением постоянным советником при Ставке Главного Командования[6]. На

---

1 «Ленинградское дело» / Сост. *В. И. Демидов, В. А. Кутузов*. – Л.: Лениздат, 1990.

2 *Кутузов В. А.* Жданов и политические репрессии // Новейшая история России: Время, события, люди. С. 362–369; *Его же.* А. А. Жданов или А. А. Кузнецов? К вопросу о лидерстве в блокированном Ленинграде // Новейшая история России. – 2012. – №1. С. 193—203; *Его же.* «В личном плане поведение А. А. Жданова во время блокады было вполне достойным» // Ленинградская битва сквозь призму времени: Материалы научной конференции и «круглого стола», состоявшихся в Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда. – СПб., 2011. С. 64—67; *Его же.* А. А. Жданов и пирожные: мифы и реалии блокадного Ленинграда // Россия в XX веке / Отв. ред. М. В. Ходяков. – СПб., 2008. С. 169—174; *Кутузов В. А., Демидов В. И.* Член Военного Совета А. А. Жданов // Битва за Ленинград: проблемы современных исследований. Сборник статей / Сост. Е. В. Ильин. – СПб.: СПбГУ, 2007. С. 157—170; *Кутузов В. А.* Алексей Александрович Кузнецов: начало политической биографии // Россия в XX веке. Сборник статей к 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН, профессора В. А. Шишкина / под ред. В. М. Ковальчука. – СПб., 2005. С. 288–305; *Его же.* «Много сделал для защиты города…»: Страницы военной биографии Алексея Александровича Кузнецова // История глазами историков: Межвузовский сборник науч. трудов. – СПб.: СПбГАУ, 2002. С. 304–311.

3 А. А. Жданов: «Задача всех задач — поддержать дух людей…» (январь 1942 г.) // *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 — май 1942. С. 349—444; *Волынец А. Н.* Жданов. М.: Молодая гвардия, 2013; *Глотова О. А.* Андрей Александрович Жданов (идеологическая деятельность в 1920—1940-е гг.). Дисс. … канд. ист. наук. – М., 2004; *Борисов С. Б.* Андрей Александрович Жданов: Опыт политической биографии. – Шадринск: Исеть, 1998.

4 *Boterbloem K.* The life and times of Andrei Zhdanov: 1896—1948. – Montreal, 2004.

5 Ibid. P. 226.

6 *Мерецков К. А.* На службе народу. – М.: Политиздат, 1968. С. 209–214. Названную должность Ботерблоем

документальной базе эта история ареста и возвращения в Ленинград Мерецкова была раскрыта двумя отечественными исследователями[1].

Важное место в дискуссии о роли партийного руководства в организации обороны Ленинграда занимает уже упомянутая монография Н. Я. Комарова «Феномен блокированного Ленинграда». По его оценке, просчеты и ошибки местных руководителей, лично А. А. Жданова, стремившегося к подмене военного руководства партийным, сыграли негативную роль в первый период обороны Ленинграда[2]. Таким образом, была определена проблема о распределении властных полномочий в условиях блокады Ленинграда. В то же время необходимо отметить, что в этой сфере имеется шаблонное отношение к демократическим институтам власти в СССР и РСФСР сталинского периода. Основной посылкой исследований является представление о некоей монополии власти военно-партийной верхушки в период войны, что характерно и для отечественной, и для зарубежной историографии. Данная оценка продолжает оказывать влияние на концепцию «феномена блокады» по сей день.

Сложность политической обстановки, трудности в развитии науки привели к возникновению общественных объединений историков. В изучении блокады Ленинграда важную роль сыграла Ассоциация историков блокады и битвы за Ленинград (рук. Ю. И. Колосов), объединившая многих известных исследователей, в том числе и зарубежных. Ассоциация способствовала изданию сборников рассекреченных документов, проведению конференций с международным участием, изучению закрытых ранее вопросов. Усилиями ученых возрождалась работа музеев, собирался и накапливался новый материал о блокаде из личных коллекций.

Пожалуй, впервые отчетливо *основные направления исследований положения гражданского населения в этот период* были отражены в сборнике «Ленинградская эпопея», среди авторов которого были: Р. Бидлак, В. А. и М. В. Ежовы, В. М. Ковальчук, А. П. Крюковских, Н. А. Ломагин, А. Н. Цамутали, М. В. Шкаровский[3].

Первое направление: изучение проблемы численности жертв блокады и ее последствий для физиологического и психического развития ленинградцев. Здесь наиболее известны работы: А. Р. Дзенискевича, В. М. Ковальчука, С. В. Магаевой, В. Б. Симоненко, Г. Л. Соболева, М. Н.

уточняет в комментариях (*Boterbloem K.* Et cit. P. 445). Об июньском назначении и аресте К. А. Мерецкова не упоминается ни словом и в труде, посвященном истории ЛВО (*Скворцов В. Н., Тарасов М. Я., Фролов М. И.* Ленинградский военный округ. Ленинградский фронт в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010).

1 *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. – М.: Терра, 1998. С. 210, 305, 316; *Черушев Н. С.* Из Гулага – в бой. – М.: Вече, 2017. С. 197–229.

2 *Комаров Н. Я.* Указ. соч. С. 148–149.

3 Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города / ред. кол. В. М. Ковальчук, Н. А. Ломагин, В. А. Шишкин. – СПб., 1995.

Фролова, Н. Ю. Черепениной[1]. В рамках международной программы «Выживание в условиях голода», при благотворительной поддержке фонда «The Wellcom Trust» (Великобритания), в 2001 г. состоялась совместная историко-медицинская конференция «Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде», где были подведены итоги общей работы в этом направлении[2].

Особое место в этих исследованиях занимали усилия историков медицины. Сотрудниками музея Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. И. П. Павлова (при зав. Н. В. Павловой) был отреставрирован фильм В. Гаршина о блокадной дистрофии, пеллагре и скорбуте[3]. Изучалось влияние отдаленных последствий блокады, пережитой в детстве, на состояние здоровья пожилых людей. Важное значение имела работа в этом направлении С. В. Магаевой, В. Б. Симоненко, Л. П. Хорошининой[4].

В 2008 году была защищена одна из первых диссертаций по охране детства и материнства в блокированном городе[5]. Публиковались труды, посвященные героической деятельности ленинградских медиков в условиях блокады и при эвакуации ленинградского населения[6]. В этот период появляются исследования блокадной статистики, а также организации борьбы за спасение детей и подростков в Ленинграде Советскими государственными органами[7].

Второе направление: исследование деятельности органов государственной власти и управления по спасению ленинградского населения, в том числе жизнеобеспечению[8]. Одними из

---

1 *Дзенискевич А. Р.* На грани жизни и смерти: Работа медиков-исследователей в осажденном Ленинграде. – СПб.: Нестор, 2002; *Фролов М. И.* «Салют и реквием»: Героизм и трагедия ленинградцев. 1941–1944 гг. – СПб.: ЛГОУ, 2003.

2 Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект: Материалы международной научной конференции. – СПб., 2001.

3 Пеллагра – заболевание, обусловленное недостатком в организме никотиновой кислоты и некоторых других витаминов группы В; скорбут (цинга) – заболевание, обусловленное недостатком в организме витаминов С и Р. (Советский энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1980. С. 991, 1487).

4 *Магаева С. В.* Ленинградская блокада: психосоматические аспекты. – М.: АБС, 2001; *Симоненко В. Б., Магаева С. В.* Ленинградская блокада: открытия в биологии и медицине – М.: Экономика и информатика, 2008; *Хорошинина Л. П.* Особенности соматической патологии у людей старших возрастных групп, переживших в детстве блокаду Ленинграда. Автореф. дисс. ... д. м. н. – СПб., 2002; *Хорошинина Л. П.* Изменение частоты и характера соматических заболеваний у людей среднего и пожилого возраста, переживших блокаду Ленинграда в детском или подростковом периоде жизни (секционные данные) // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. С. 65 –79.

5 *Скрябина Е. О.* Проблема материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941–1944 года). (Историко-медицинский аспект). Дисс. … к. и. н. – СПб., 2008.

6 *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944). – М.: Медицина, 1985; *Его же.* Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941 – 1944 гг. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006; *Бякина В. П., Зимин И. В.* 1 ЛМИ в годы блокады: «Цель №89» // Ученые Записки СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова. – Том XV. – №04. – 2008. С. 5–10.

7 *Бизев С. Б.* Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградской Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников). Дисс. …к. и. н. – СПб., 2001; *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде. Автореф. дисс... к. и.н. – СПб., 2010. С. 23.

8 *Ежов М. В.* Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: Опыт, проблемы, уроки. – СПб.: Изд-во СПб ун-та экономики и финансов, 1993; *Амосова А. А.* Государственная и партийная деятельность

первых исследований проблем жизнеобеспечения гражданского населения стали работы А. В. Кутузова и О. А. Сербиной[1]. В них впервые были обозначены ряд аспектов проблемы, в том числе раскрыта тема бомбежек продовольственных складов. Тем самым удалось опровергнуть утверждение о мифологизации фактов уничтожения запасов продовольствия гитлеровцами[2]. Однако в рамках кандидатской диссертации столь обширная тема как обеспечение жизнедеятельности гражданского населения блокированного Ленинграда не могла быть полностью раскрыта.

Первая попытка комплексного изучения взаимодействия всесоюзных, республиканских и местных органов государственной власти по защите и обеспечению жизнедеятельности населения Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны была предпринята в работе А. В. Похилюка[3]. Предметом изучения стала деятельность центральных органов ВКП(б) и Советского государства, наряду с местными органами власти, Военным Советом Ленинградского фронта и Краснознаменным Балтийским Флотом, городских комитетов обороны, общественных организаций, направленная на защиту и обеспечение жизнедеятельности населения. А. В. Похилюк первым сравнил мероприятия по спасению гражданского населения в Северо-Западном регионе в целом: на материалах Ленинградской, Новгородской и Псковской [до 1944 г. входивших в состав Ленинградской области], Мурманской, Архангельской, Вологодской областей, Карело-Финской республики. Им был обозначен ряд новых аспектов проблемы (как например, противоречия в пенсионном обеспечении инвалидов войны), проанализированы мероприятия по организации эвакуации населения Северо-Западного региона со стороны военных и гражданских органов власти. Наряду с этим ученый отмечал, что целостное исследование социального положения населения в Ленинграде на тот момент отсутствовало[4]. Из-за неполноты доступных источников остался неисследованным целый ряд существенных фактов, как например, деятельность Совета по эвакуации при СНК СССР. В связи с сохранившейся актуальностью данного вопроса одной из задач нашего исследования стало восполнить данные пробелы[5].

П. С. Попкова. 1937–1950 гг. Автореф. дисс. … к. и. н. – СПб., 2010.

1 *Кутузов А. В.* Проблемы жизнеобеспечения населения блокадного Ленинграда. Автореф. дисс. … к. и. н. – СПб.: СПбГУ, 1995; *Сербина О. А.* Обеспечение населения Ленинграда продовольствием в годы блокады (сентябрь 1941 – январь 1944 гг.). Автореф. дисс. … к. и. н. – СПб., 1996.

2 См. например, *Clapperton J.* The siege of Leningrad and the ambivalence of the sacred: conversations with survivors. 2006. P. 118-119. [Электронный ресурс] // URL: http://www.yumpu.com/en/document/view/26478757/the-siege-of-leningrad-and-the-ambivalence-of-the-sacred-conversations-with-survivors/ (дата обращения: 16.03.2015).

3 *Похилюк А. В.* Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны.; *Его же.* Война, власть, народ (Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны) / Министерство обороны РФ. – СПб.: Изд-во Военного университета ПВО, 1998.

4 Там же.

5 Некоторые результаты исследования были опубликованы. См., например: *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей

Необходимо указать, что историки долгое время были лишены возможности сравнивать документы, свидетельствующие о работе ленинградских органов власти, с важными документами СНК СССР и СНК РСФСР, находившимися в закрытых хранилищах из-за более длительного периода их секретности[1]. В результате исследования порой страдали от вынужденного схематизма, неполноты, особенно в вопросах полномочий и деятельности Советских органов власти.

Третье направление: обеспечение безопасности и самозащиты населения. Обширной историографией была представлена деятельность Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области в период войны, освещен героизм чекистов, в том числе действовавших в тылу врага[2]. Важное место в исследовании деятельности НКВД по обеспечению безопасности тыла Ленинградского фронта заняла монография Б. П. Белозерова, остающаяся базовой в этих вопросах[3]. Значительное место в исторической литературе было отведено героизму ленинградских милиционеров по защите правопорядка в период обороны Ленинграда[4]. В то же время осталась недостаточно раскрыта деятельность милиции по защите личных и имущественных прав граждан, не была освещена и деятельность органов надзора в этом направлении.

До сих пор единственным является исследование А. П. Крюковских, посвященное народному ополчению Ленинграда, основанное как на архивных документах, так и на сохранившихся коллекциях музеев дивизий народного ополчения[5]. Несмотря на подробную характеристику боевой деятельности ополчения, в книге не поднимались вопросы финансового и материального обеспечения ополченцев и их семей, изменений их социального статуса.

В 1995 г. поле доступных источников из официальных архивов вновь было расширено[6]. Вскоре Н. А. Ломагин осуществил попытку сравнить документы Архива НКВД Ленинградской

и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. – СПб.: Нестор-История, 2014. С. 264.

1 *Артизов А. Н.* Общественная миссия российских архивов // Отечественные архивы. – 2014. – №5. С. 3–11.

2 Подвиг сотрудников органов внутренних дел при обороне Ленинграда 1941–1945. – СПб., 1995; *Сальников В. П., Степашин С. В., Янгол Н. Г.* Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Лань; СПб Унив. МВД России, 1999; *Стародубцев А. Ф.* Дважды невидимый фронт. Ленинградские чекисты в тылу врага. – М.: Вече, 2010; *Кудин В. А.* Красносельские рубежи непокоренного Ленинграда. Органы и войска НКВД на защите города в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – №1. С. 4–13.

3 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада). СПб., 2001.

4 *Панфилец А. В.* Ленинградская милиция в годы блокады (сентябрь 1941 – январь 1944 гг.). Автореф. ... к.и.н. – СПб, 2000; *Потемкина Е. В.* Роль информационной службы милиции Петрограда – Ленинграда в борьбе с преступностью. 1918–1941 г. Автореф. дисс. … к.и.н. – СПб., 2001; *Гутман М. Ю., Панфилец А. В.* Правовое регулирование и деятельность милиции Ленинграда по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в условиях блокады (1941–1944 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – №1. С. 28–33.

5 *Крюковских А. П.* Ленинградское ополчение. – СПб.: Вести, 2006.

6 Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / Под ред. А. Р. *Дзенискевича*. – СПб.: Лики России, 1995; Блокадные дневники и документы. Архив «Большого Дома» / Сост. С. *К. Бернев, С. В. Чернов.* – СПб.: Европейский Дом, 2004; План «Д». Архив «Большого Дома» / Сост. С. *К. Бернев, Н. А. Ломагин.* – СПб.: Европейский Дом, 2005.

области (ЛО) с аналогичными материалами Немецкой разведки (Айнзатцгруппы) 18-й армии по копиям в микрофильмах из Национального Архива США. В третье издание данной книги впервые были включены некоторые письма ленинградцев в Продовольственную комиссию Ленинградского фронта: в основном авторы избранных писем – старые большевики, деятели науки, искусства[1]. Выявленные противоречия вновь поставили вопрос об эволюции менталитета ленинградцев, о наличии скрытых конфликтов с Советской властью.

Так определилось четвертое направление исследований. Одним из первых Н. А. Ломагиным было начато изучение коммуникативных отношений ленинградцев: «настроений», выраженных в дневниках и других неформальных источниках[2].

Методология историко-психологического исследования коммуникативных отношений Санкт-Петербургской исторической школой восходит к ранним трудам Г. Л. Соболева и В. И. Старцева[3]. В то же время недостаточность методологического опыта сказалась на переходе в этот период отечественных историков к экстенсивному накоплению источниковой базы[4].

Пробел был заполнен зарубежными филологами и искусствоведами, опиравшимися на мемуарную литературу, зачастую публицистического характера. Так, первая публикация воспоминаний блокадного педагога О. Н. Гречиной (1994) была использована в сборнике Ц. Симменс и Н. Перлин[5]. Американские и британские исследователи заинтересовались прозаическими и поэтическими рефлексиями ленинградцев в 1960 – 1990-ые годы. Если Г. Солсбери цитировал стихотворения Ю. П. Воронова, то Л. Киршенбаум приводит отрывок из стихотворения А. В. Молчанова. Вступая в диалог культур, Д. Н. Альшиц в своей книге «За нами был наш гордый город» поместил «Хронику великого подвига Ленинграда, написанную стихами поэтов сражающегося города...»[6]. Особое место заняли художественные произведения Л. Я. Гинзбург, которые

---

1 *Ломагин Н. А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских служб и НКВД. – СПб.: Европейский Дом, 2000; *Его же.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских служб, НКВД и письмах ленинградцев. – М: Яуза-каталог, 2017.

2 *Ломагин Н. А.* Ленинград в блокаде. – М.: Яуза – Эксмо, 2005; *Его же.* Документы личного происхождения как источник изучения настроений в Ленинграде в период Великой Отечественной войны // Победа была за нами! Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала Великой Отечественной войны / сост. Л. *А. Наливкин;* Государственный Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – 2006. С. 57–78.

3 *Соболев Г. Л.* Источниковедение и социально-психологическое исследование эпохи Октября // История и психология / под ред. *Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой*. – М.: Наука, 1971; *Его же.* Блокадная повседневность в дневниках ленинградцев // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. – СПб., 2007. С. 578–584; Санкт-Петербургское философское общество. Ассоциация «Историческая психология». [Электронный ресурс] // URL://http://anthropology.ru/ru/partners/psociety/struct/histpsy.html (дата обращения: 10.06.2010). В настоящее время этот ресурс обновлен: Ассоциация возродилась с именем В. И. Старцева.

4 Трудности в развитии методологии истории связаны с необходимостью соединения глубоких теоретических исследований с практическими технологиями. О проблемах методологических поисков писал Г. Л. Соболев. (*Соболев Г. Л.* В поисках новой методологии истории // Вестник молодых ученых. – СПб., 2000. – №5. С. 2–6).

5 *Simmons C., Perlina N.* Writing the siege of Leningrad: Women ` s diaries, memoirs, a. doc. prose. – Pittsburg, 2002.

6 *Альшиц Д. Н.* За нами был наш гордый город. Подвигу Ленинграда – правдивую и достойную оценку. ... С.

привлекли некоторых исследователей как своеобразный вид мемуарной литературы[1].

Попытки составления общетеоретического труда, посвященного феномену блокадного Ленинграда, носили в этот период скорее описательный, чем аналитический характер. Под феноменом здесь следует понимать исторические события, выстроенные в хронологическом порядке, показанные полностью или частично через переживания людей, отраженные в воспоминаниях и дневниках[2].

В этот период появляются публицистические работы, посвященные блокадному детству, в которых была представлена детская повседневность. По крайней мере двое из авторов (С.Д. Котов и В.Н. Селиванов) писали о событиях, которые составляли их личный, эмоционально переживаемый опыт. В содержание книг вплетались и исторические документы, и результаты исследований, проведенных авторами[3].

Надо заметить, изучение феноменов блокады, коллективной памяти, оставалось неполным из-за отсутствия интереса специалистов к деятельности общественных организаций блокированного Ленинграда. Лишь фрагментарно история отдельных организаций затрагивалась в научных исследованиях, например, Международной организации помощи борцам революции. Больше других повезло православной церкви, деятельности которой во время Великой Отечественной войны, в том числе в блокадном Ленинграде, в этот период было посвящено значительное количество исторической литературы, в том числе три диссертации[4].

31–60.

1 Op. cit. P. XXXI; *Kirschenbaum L.* The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995. – Cambridge, 2006. Цит. по *Баскирк Э.* Личный и исторический опыт в блокадной прозе Лидии Гинзбург // *Гинзбург Л. Я.* Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. – М.: Новое изд-во, 2011. С. 507.

2 Ленинград в борьбе месяц за месяцем. 1941–1944 / редколл. *Н. И. Барышников, Б. П. Белозеров, А. Р. Дзенискевич, И. З. Захарова* [и др.]. – СПб.: Ланс, 1994; *Буров А. В.* Блокада день за днем. – изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб., 2011.

3 *Котов С. Д.* Детские дома блокадного Ленинграда. – СПб.: Политехника, 2005 (1-е изд. 2002); *Селиванов В. Н.* Стояли как солдаты. Блокада. Дети. Ленинград. – СПб.: Эго, 2002; *Даев В. Г.* Педагоги блокадной поры (По архивам ленинградских учреждений). – СПб.: Сударыня, 1998; *Бакин В. С.* Детдомовские сороковые. – 3-е изд. – Киров, 2005.

4 *Шкаровский М. В.* Церковь зовет к защите Родины. – СПб., 2005; *Васильева О. Ю.* Советское государство и деятельность Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны. Дисс...к.и.н. – М., 1990; *Она же.* Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. М., 1994; *Она же.* Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001; *Якунин В. Н.* Вклад Русской Православной Церкви в победу над фашизмом. – Тольятти, 2002; *Рашитова О. А.* Деятельность Русской Православной Церкви во время войны и блокады Ленинграда. – СПб., 2008; *Она же.* Деятельность Русской Православной Церкви во время войны и блокады Ленинграда. 1941 – 1945 гг. (на материалах Ленинграда). Автореф....на соиск. ст. к.и.н. – СПб., 2006; *Она же.* Материальный вклад в Победу Советского народа в Великой Отечественной войне православных верующих и духовенства Ленинграда // Вестник Новгородского университета. – 2009. – № 51. С. 29–31; *Чумаченко Т. А.* Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР. 1943–1965 гг. Автореф....на соиск. ст. д.и.н. – М., 2011; *Василик В. В.* Патриотическое служение духовенства в годы блокады // Ленинградская битва сквозь призму времени. Материалы научной конференции и «круглого стола», состоявшихся в музее в 2011 г. / Ред.-сост. Л. А. Наливкин; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – СПб., 2011. С. 119–124.

Значительное место было уделено в новейшей литературе работе ученых Ленинграда[1]. В современной историографии высок интерес к дневникам ленинградских ученых, изданным в последние десятилетия, как например: А. Болдырева, Г. А. Князева[2]. В то же время осталось открытым пространство для дальнейшего исследования таких проблем как коммуникативные отношения научной интеллигенции Ленинграда, жизнеобеспечение деятелей науки, в том числе финансовое и продовольственное, коммуникативная деятельность научного сообщества.

Пятое направление связано с возобновившимся в середине 1990-х гг. интересом к темам коллаборационизма, с одной стороны, и, с другой – партизанского движения в СССР в период войны[3]. Первым исследованием участия женщин, партизанок и подпольщиц, в битве за Ленинград стала книга Дж. Казимера, в которой автор применяет европейские модели поведения в той исторической обстановке к российской общественной жизни[4].

Проблема «женщина на войне» привлекла внимание и отечественных историков[5]. Западные исследователи обратились к вопросу интерпретации исторических событий в женских мемуарах[6].

Работы в этом направлении продолжили дискуссию о статусе гражданского населения в условиях тотальных войн[7]. Предложение разделить ответственность и коллективную память приобрело характер идеологического противостояния из-за отказа от детальной проработки институциональной инфраструктуры тотальных войн XX века и активной мифологизации истории войны[8]. Надо сказать, что возобновившиеся в 2022 году судебные процессы, посвященные геноциду гитлеровскими преступниками советского населения, в том числе ленинградского, должны ликвидировать возникший пробел, используя накопленный опыт как российской, так и международной юриспруденцией.

---

1 *Гракина Э. И.* Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. - М.: ИРИ, 2000; Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945: Очерки. Воспоминания. Документы / Рос. акад. наук. Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, Арх. РАН; [Сост. Е.А. Беляев и др.]. – М.: Наука, 1996; *Кондакова Н. И., Куманев Г. А.* Ученые-гуманитарии России в годы Великой Отечественной войны: Документы. Материалы. Коммент. – М.: Светотон, 2004.

2 Человек в блокаде: Новые свидетельства / отв. ред. *В. М. Ковальчук*. – СПб., 2008; *Князев Г. А.* Дни великих испытаний. Война с Германией. Впечатления на моем малом радиусе. Дневники 1941–1945 гг. – СПб., 2009; *Болдырев А. Н.* Осадная запись. (Блокадный дневник) / подг. К печ. В. С. Гарбузов, И. М. Стеблин-Каменский. – СПб., 1998.

3 *Ферретти М.* Непримиримая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. *Габович*. – М.: Нов. Лит. Обозрение, 2005. С. 135–146.

4 *Kazimera J.* Defending Leningrad. Women behind enemy lines. – Nepean, Canada, 1998.

5 *Волкова Е. Ю.* Победа одна на всех: роль женщин России в создании прочного тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–45 гг. / Ярославский гос. ун- им. П. Г. Демидова; Костромской гос. технол. ун-т. – Кострома, 2006; Женщина и война. О роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1944: Сб. ст. – СПб., 2006.

6 *Kirschenbaum L.* The legacy of the siege of Leningrad, 1941–1995. Myth, memories, a. monuments. – Cambridge, 2006; *Simmons C.* Writing the siege of Leningrad. Women`s diaries, memoirs, a. doc. Prose / C. Simmons, N. Perlina. – Pittsburg, 2002.

7 60-летие окончания Второй Мировой войны и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти / Под ред. Ф. *Бомсдорфа, Г. Бордюгова*. – М., 2005.

8 *Семиряга М. И.* Как мы управляли в Германии. – М., 1995.

Наконец, шестое направление: изучение конъюнктуры исторических исследований блокады. Появился ряд трудов, посвященных различным аспектам идеологической борьбы, использующей проблематику обороны Ленинграда, положения ленинградского населения с целью дискредитации не только Советской власти, но и Российской государственности, менталитета населения, в целом. С точки зрения противостояния таким попыткам представляет интерес анализ информационной войны, проделанный А. В. Кутузовым, в котором антиисторическим концепциям противопоставляются исторические традиции, ценности русского народа и, конкретно, ленинградцев[1].

Среди ключевых вопросов, вызывавших оживленную идеологическую дискуссию в этот период, было количество потерь среди гражданского населения СССР, в том числе блокадного Ленинграда. Согласно расчетам Управления демографической статистики Госкомстата СССР в 1991 г., общее число людских потерь СССР в период с 22 июня 1941 г. – по 31 декабря 1945 г. достигло: 26 600 тысяч человек. В данное число вошли потери тех, кто не родился из-за гибели людей холостыми. Из них 42,4% или 11 285 057 – безвозвратные потери Красной Армии и Военно-Морского флота. Отмечалась наибольшая убыль гражданского населения тех городов, через которые проходила линия фронта, но не захваченных полностью фашистами. В Воронеже она составила 80,2%, в Керчи, Новороссийске, Ростове-на-Дону, Сталинграде по 87,8% (за 100% взята предвоенная численность населения)[2]. В то же время потери гражданского населения блокированного Ленинграда, установленные на основе анализа документов, признанные научным сообществом, составляют около 50% от количества, имевшегося на начало блокады, или 36% от довоенного[3].

Реформы Российского государства, затрагивавшие гражданское общество, сделали актуальной концептуальную проработку проблемы защиты и спасения гражданского населения Ленинграда, которая за время ее изучения превратилась в сложную парадигму проблем и противоречий.

Пятый этап: новейшие труды историков по исследованию защиты и спасения ленинградского населения. 2010–2025 годы[4]. Выделение этого периода в особый этап связано с началом

---

1 *Дзенискевич А. Р.* Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. – СПб.: Нестор, 1998; *Кутузов А. В.* Блокада Ленинграда в информационной войне / Северо-Западный (г. Санкт-Петербург.) фил. гос. образовательного учреждения высш. проф. образования «Российская правовая акад. Мин-ва юстиции Российской Федерации», науч. учреждение «Центр стратегических исслед.». – СПб., 2008.

2 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков и др. – М.: Вече, 2010. С. 221, 225, 236. В указанной монографии данные потерь по Ленинграду и Ленинградской области не приводятся. Вероятно, в связи с дискуссионностью данного вопроса.

3 Подчеркивая врага. Горсуд признал блокаду геноцидом. [Электронный ресурс] / URL: http://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/562... (дата обращения: 23.10. 2022). См. также: *Ежов М. В., Фролов М. И.* Духовный подвиг защитников Ленинграда. – СПб.: Знание, 2010; *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. Дисс. … к. и. н. – СПб., 2011.

4 См. *Газиева Л. Л.* Проблема выживаемости гражданского населения в блокированном Ленинграде в новейшей исторической литературе // К 75-летию начала Великой Отечественной войны: На грани катастрофы. Сборник материалов Международной научной конференции (Москва, Центральный музей Великой

активной цифровизации источников, появление в открытом Интернете архивных порталов и доступа к цифровым копиям рассекреченных документов всем зарегистрированным пользователям. А также с новым витком идеологической борьбы. Актуальным стал анализ истории Российского государства как целостного, цивилизационного процесса, в котором Советское социокультурное прошлое имеет принципиальное значение.

Несмотря на значительные пласты рассекреченных источников, многие вопросы остаются дискуссионными. К ним относится и вопрос о взаимодействии чрезвычайных органов, соединявших функции государственного управления и военной власти, в том числе деятельность Государственного комитета обороны (ГКО) и Военных Советов в битве за Ленинград[1].

В военно-исторической литературе освещена роль органов военного управления, которым передавались многие функции государственной власти, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР, объявлявшим военное положение в Ленинградской области и Ленинграде[2]. В то же время проблема взаимодействия военного управления с гражданскими органами власти и управления по вопросам спасения населения остается нераскрытой.

В современной историографии укоренилась критическая оценка деятельности обкома и горкома ВКП(б), лично А. А. Жданова, которые в значительной степени подменяли, особенно в начальный период обороны Ленинграда, деятельность военного руководства. В этом ключе рассматриваются как отдельные властные институты: Военные Советы, Политическое управление Ленинградского фронта, Леноблисполком и Ленгорисполком, так и специфика их взаимодействия[3]. Взаимодействию военных и гражданских органов власти, созданных в Ленинграде летом

Отечественной войны 1941–1945 гг., 22– 23 июня 2016 г.) – Брянск: ИД “Историческое сознание”, 2017. С. 517–526.

1 См. например, *Гриднев В. П., Политов И. В.* Военные Советы в битве за Ленинград // Управленческое консультирование. – 2017. – №7. С. 143–152; *Репников Д. В.* Уполномоченные Государственного Комитета обороны в мемуарной литературе о Великой Отечественной войне: механизм назначения и функционирования // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2012. – Вып. 3. С. 63–72.

2 Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни; Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019; *Даудов А. Х., Кунцевич Ю. М., Ходяков М. В.* Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018.

3 *Орав В. А.* Решения Ленинградского горкома ВКП(б) и исполкома Ленгорсовета в блокадную зиму 1941/42 г.: сравнительный анализ // Отечественные архивы. – 2020. – №2. С. 23–33; *Болдовский К. А.* Партийный аппарат Ленинграда как элемент управленческой структуры города периода блокады // Петербургский исторический журнал. – 2020. – №3. С. 201–215; *Ковалев С. Н., Щерба А. Н.* Полномочия Полевого управления Ленинградского фронта // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 36–52; *Амосова А. А.* Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова, 1937 – 1950. СПб.: Алетейя, 2014; *Болдовский К. А.* Горком ВПК(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2016. – Вып. 2. С. 61–73; *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. – 2016. – №1. С. 8–21; *Сапронов И. М., Черепенина Н. Ю.* Введение // Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.]; [составители *И. М. Сапронов, Н. Ю.*

1941 г.: руководящей комиссии, «троек» и «четверок», а также Военных Советов, посвящается статья А. Н. Чистикова[1]. Новые публикации расширили источниковую базу для анализа взаимодействия членов Государственного комитета обороны СССР (ГКО) и руководителей Ленинградского горкома ВКП(б), в том числе личных взаимоотношений[2]. В то же время они скорее обозначили дискуссионные вопросы, чем дали на них ответы[3].

Остается открытым поле для дискуссии о взаимоотношениях между руководителями ГКО и Ленинградского горкома ВКП(б), вопросы координации действий военных и гражданских властей, статуса Ленинграда как военного города[4]. Хотя роли Военных Советов, которые должны были руководить обороной Ленинграда, посвящен целый ряд исследовательских работ, в том числе вышедших недавно, можно отметить, что в них практически не рассматривается аспект участия Военных Советов в организации защиты и спасения гражданского населения Ленинграда[5]. Это можно объяснить задачами, поставленными перед Военными Советами Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г.[6]

Необходимо отметить, что мало изучены такие важные органы управления, созданные в 1940 – начале 1941 г. при СНК СССР, как Комитет обороны, Совет по экономике, а также Совет по эвакуации, действовавший летом – осенью 1941 г. Недостаточно проработаны и секретные документы Ленгорисполкома, касающиеся предвоенного периода и начального периода войны. Будучи рассекречены сравнительно недавно, они не были изучены полноценно историками, что привело к традиционной недооценке роли местных органов Советской власти в спасении гражданского населения Ленинграда[7]. Вне внимания ученых оказалось сотрудничество местных

Черепенина (отв. составитель)]. – СПб.: Арт-Экспресс, 2017. С. 6–20; *Белозеров Б. П.* Ленинград сражающийся. 1941. – СПб.: Общество «Знание», 2016.

1 *Чистиков А. Н.* Чрезвычайные органы управления Ленинградом летом 1941 г. // Петербургский исторический журнал. – 2020. – №3. С.189–200.

2 *Болдовский К. А., Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. // Новейшая история России. – 2014. – №1 (09). С. 275–292; Журнал посещений А. А. Жданова, 1941–1944 гг. / Фонд исслед. проблем новейшей истории; сост. К. М. *Болдовский.* – СПб.: Нац. центр социальной пом., 2014; «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. (Публикация Л. Л. Газиевой) // Военно-исторический журнал. – 2015. – №3. С. 31–35. (по РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 731. Л. 14).

3 *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – №1. С. 8–34.

4 *Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* Блокада как вид военных действий в отечественной военной науке и сознании граждан // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 28–35; *Даудов А. Х., Кунцевич Ю. М., Ходяков М. В.* Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018.

5 См. например, *Гриднев В. П.* Военный Совет обороны города в битве за Ленинград // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2017. – Т. 8. №3 (30). С.154 – 156.

6 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №26 (7 июля). С. 1-3.

7 См. *Газиева Л. Л.* Документы секретной части Ленгорисполкома об организации спасения гражданского населения Ленинграда. 1941–1942 гг. // Отечественные архивы. – 2021. – №5. С. 49–59; *Ее же.* Взаимодействие Комитета обороны СНК СССР и Ленгорисполкома накануне Великой Отечественной войны (январь – май 1941

органов власти и управления с СНК РСФСР.

Крайне скупо, двумя статьями, представлена новейшая историография работы районных Советов депутатов трудящихся в годы войны. Не так давно к этой теме обратилась Е. Д. Твердюкова, которая пришла к выводу о неэффективной работе депутатов, о чем свидетельствовали результаты инспекторских проверок в 1942 г. Следует заметить, что работа депутатского корпуса в период войны, как основное содержание деятельности Советов, недооценивалась и М.В. Ежовым, о чем свидетельствует его поздняя публикация на данную тему[1]. Несмотря на имевшийся интерес к данной теме, круг изученных источников остался крайне узок: так и не были изучены имеющиеся стенограммы сессий районных Советов, проходивших в период блокады Ленинграда, многочисленные отчеты о своей работе, как исполкомов, так и отдельных депутатов, комиссий, переписка с военной цензурой и прокуратурой, дающие обширный материал об объеме и направлениях деятельности районных Советов и депутатского корпуса в условиях блокады Ленинграда. Таким образом, данный круг вопросов остается актуальным.

В новейших работах, посвященных деятельности А. А. Жданова, А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, комсомольских лидеров Ленинграда, представлен интересный биографический материал. Исследователями отмечается факт полной посмертной реабилитации политических руководителей обороны Ленинграда[2]. Взаимосвязь подоплеки «Ленинградского дела» и вопросов организации обороны Ленинграда затрагивается К. А. Болдовским в работах, посвященных деятельности Ленинградского горкома ВКП(б)[3]. В 2019 г., благодаря его усилиям, в соавторстве с Д. Бранденбергером, наконец был опубликован обвинительный приговор по Ленинградскому делу в полном виде[4]. Теперь можно сказать, что реальное содержание приговора, как и его контекста, не имеет ничего общего с «реконструкцией» Солсбери, которая, благодаря

года) // Накануне: Материалы международной науч.-практ. конференции. – Санкт-Петербург: ИПЦ СПбГУПТД, 2021. С. 105–112.

1 *Ежов М. В.* Выборы в местные советы Ленинграда накануне Великой Отечественной войны и их роль в судьбе города в военный период // Управленческое консультирование. – 2013. – №11(59). С. 123–127; *Твердюкова Е.Д.* Депутатский корпус районных Советов Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: состав и деятельность // Genesis: исторические исследования. – 2021. – №11. С. 72–81. [Имеется электронный ресурс].

2 *Амосова А. А.* Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова, 1937 – 1950; *Ее же.* Второй секретарь Ленинградского городского комитета ВКП(б) Я. Ф. Капустин и трагедия его семьи (по материалам «Ленинградского дела») // Вестник СПбГУ. Сер.2. – 2014. – Вып. 4. С. 35–46; *Демидов В. И., Кутузов В. А., Кутузов А. В.* Андрей Жданов. Очерки политической биографии. СПб.: СПб Академия Следственного комитета, 2017; *Твердюкова Е. Д.* Советский делопроизводственный канон в автобиографиях руководителей блокадного Ленинграда // Петербургский исторический журнал. – 2019. – №3. С. 117–129.

3 *Болдовский К. А.* Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». – СПб.: Нестор-История, 2018; *Его же.* Горком ВПК(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2016. – Вып. 2. С. 61–73.

4 *Болдовский К. А., Бранденбергер Д.* Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания // Новейшая история России. – 2019. – Т.9, №4. С. 993–1026.

убедительному таланту автора, породила богатое поле всевозможных интерпретаций конфликта между «Москвой» и «Ленинградом». Фальсификацией были измышления не только обвинений, но и последствий Ленинградского дела[1]. В то же время проблема коммуникативных отношений и политико-правового конфликта между «москвичами» и «ленинградцами» остается дискуссионной.

В качестве нового направления источниковедческих исследований наметился анализ делопроизводственных документов как источника сведений политологического и социально-психологического характера об особенностях ленинградской политической элиты[2]. Постепенно накапливается материал по политической повседневности – технологиям руководства жизнью Ленинграда политической верхушкой.

В то же время практически не изучен пласт коммуникативных отношений, связанных с информированностью населения о политических решениях. В СССР проводником политических решений и идей являлись общественные организации, прежде всего первичные партийные организации ВКП(б), ВЛКСМ и профсоюзы.

Важное место в условиях войны занимала необходимая скрытность, умалчивание о фактах и решениях, на которые распространялось положение о государственной и военной тайне. В то же время деятельность цензуры в СССР и, конкретно, в Ленинграде в период войны рассматривается фрагментарно и практически не изучена[3].

Одним из лидеров Петербургской школы, исследующей политическую историю Петрограда – Ленинграда в 1917–1945 гг., остается почетный профессор Санкт-Петербургского университета Геннадий Леонтьевич Соболев. В трехтомном капитальном аналитическом труде, посвященном положению ленинградского населения, «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде» (с июня 1941 до января 1944 годов) показаны героизм и стойкость ленинградцев, усилия Советских органов власти и управления по спасению населения[4]. В то же время использованы без купюр рассекреченные документы.

---

1 См. *Солсбери Г.* 900 дней: блокада Ленинграда. С. 588–589.

2 *Болдовский К. А.* Актуальные вопросы исследований управленческих кадров Ленинграда периода обороны и блокады города // Петербургский исторический журнал. – 2019. – №3. С. 110–117; *Твердюкова Е. Д.* Указ. соч.

3 *Блюм А. В.* Советская цензура в эпоху тотального террора 1929–1953. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000; *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. – М., 2009; Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов. 1917 – 1956. Документы / Общ. ред. ак. *А. Н. Яковлева*; сост. *Л. В. Максименков.* М.: МФД: Материк, 2005. См. также: *Ярмолич Ф. К.* «Россия, начиная с 1917 года, представляет собой загадку, которую мы тщетно пытаемся разгадать» (Советская цензура на Северо-Западе СССР в 1920 – 1930-е гг.). – СПб.: Северная звезда, 2017. На эту тему см. *Газиева Л. Л.* Военная цензура в осажденном Ленинграде // Военно-исторический журнал. – 2013. – №10 (642). С. 40–42.

4 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942; *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943; *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944.

Как отмечают историки, в труде дается высокая оценка профессионализма представителей региональной власти, что, одновременно, позволяет возложить на их плечи ответственность за просчеты и ошибки при подготовке Ленинградского хозяйства к войне[1]. Значительное место уделено недостаткам в организации обороны Ленинграда, в том числе психическому давлению, со стороны представителей высших органов государственной власти[2]. Таким образом, этот труд обозначил целый ряд проблем, возможность решения которых связана с продолжающимся процессом рассекречивания архивов и выявлением новых документов. Дальнейшее изучение вопроса требует тщательного анализа институциональных аспектов взаимодействия центральных и местных органов власти по вопросам защиты населения Ленинграда[3].

Необходимо заметить, что в работах представителей как Петербургской исторической школы: Г. Л. Соболева, М. В. Ходякова, Н. А. Ломагина и др., так и Московской школы: Г. А. Куманева, Н. Я. Комарова[4], значительное внимание уделяется критике ошибок в организации обороны Ленинграда со стороны И. В. Сталина, А. А. Жданова, К. Е. Ворошилова.

В то же время в трудах Геннадия Леонтьевича Соболева, который и сам пережил ребенком блокаду Ленинграда, значительное место отведено проблеме преступной деятельности гитлеровцев, направленной на уничтожение ленинградского населения[5]. В работах Г. А. Куманева и Н. Я. Комарова уделено внимание тому, что анализ ошибок и просчетов, допущенных Советским руководством в период стратегических оборонительных операций 1941 года, не должен мешать постижению той истины, что дальновидность многих решений в этот ответственный период была также главной предпосылкой организации успехов нашей армии, победы в последовавших далее стратегических наступательных операциях, подкрепляемой успехами тыла, в том числе достигнутыми ленинградским населением как в городе-фронте, так и в эвакуации[6].

Таким образом, в работах наших предшественников показана принципиальная разница между действиями гитлеровских преступников и Советского руководства по отношению к гражданскому населению СССР и Ленинграда. Если первые целенаправленно уничтожали население Ленинграда и мешали мероприятиям по его спасению, то органы Советской власти, в

---

1 *Пученков А.* Классическая история блокадной эпопеи // Российская история. – 2019. – №3. С. 153; *Твердюкова Е.* Проживая историю // Российская история. – 2019. – №3. С. 155–156.

2 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. С. 70, 109, 161–162, 267, 283–284.

3 На это обращает внимание сам Геннадий Леонтьевич Соболев (*Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда).

4 *Комаров Н. Я., Куманев Г. А.* Блокада Ленинграда: 900 героических дней. 1941–1944. Исторический дневник. Комментарии. – М.: Олма-Пресс, 2004; *Комаров Н. Я.* Феномен блокадного Ленинграда.

5 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. С. 162–163.

6 *Комаров Н. Я., Куманев Г. А.* Блокада Ленинграда: 900 героических дней; *Комаров Н. Я.* Феномен блокадного Ленинграда.

чрезвычайной обстановке направлявшие свои действия на защиту Советского государства, наряду с этим заботились о спасении гражданского населения страны и, конкретно, Ленинграда. В то же время продолжающиеся идеологические дискуссии требуют более полно раскрыть данную проблему.

Огромная работа, проделанная коллективом российских историков, подготовила предпосылки и сделала необходимыми обобщение и анализ системы социально-политических мероприятий Советского руководства, направленных на организацию защиты и спасения гражданского населения. Их труды позволяют уточнить субъективные факторы организации обороны Ленинграда. При этом представители Петербургской исторической школы (Г. Л. Соболев, Б. П. Белозеров, М. В. Ходяков, Н. Ю. Черепенина, В. А. и А. В. Кутузовы, А. Н. Чистиков, А. И. Рупасов, Ю. З. Кантор, Е. Д. Твердюкова, Э. Л. Коршунов, А. А. Амосова, К. А. Болдовский и др.) остаются на твердой почве классической исторической науки, умело соединяя различные подходы к исследованию блокадной и политической повседневности с классическими методами исторического исследования, в том числе с внимательным изучением исторических личностей.

Итогом данной работы стал справочник «Руководство блокадного города», подготовленный Санкт-Петербургским Институтом истории РАН (отв. ред. К. А. Болдовский) на основе архивных документов, в котором дана как персональная, так и общая характеристика партийного и советского руководства города[1]. Справочник, безусловно, займет выдающееся место в ряду фундаментальных исследований истории блокады.

Важное место в новейшей исторической литературе сохраняет проблема духовного подвига населения Ленинграда, ставшего подлинным его защитником. Этот вопрос на огромном фактическом материале раскрыт в монографии М. И. Фролова и М. В. Ежова «Духовный подвиг защитников Ленинграда»[2].

Достаточно активно в последние годы изучалась деятельность русской православной церкви[3]. Некоторые итоги изучения работы приходов русской православной церкви в условиях блокады Ленинграда были подведены на Круглом столе «Религиозная жизнь Ленинграда в дни блокады. 1941–1944. К 80-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады», состоявшемся 29 января 2024 г.[4]

Среди других вопросов, подробно изученных нашими предшественниками, следует

---

1 Руководство блокадного Ленинграда: справочник / отв. ред. К. А. Болдовский. – СПб.: Наука, 2025.

2 *Ежов М. В., Фролов М. И.* Духовный подвиг защитников Ленинграда.

3 См. например, *Шкаровский, М. В.* Религиозная жизнь блокадного Ленинграда в годы Второй мировой войны. Церковь и власть в осажденном городе / М.В. Шкаровский. – Saarbrücken: Sanktum, 2013; *Он же.* Община Преображенского собора Ленинграда в 1941 – 1945 году // Христианское чтение – 2019 – №3. С. 215–226.

4 Приходская жизнь соборов в блокадном Ленинграде. Материалы Круглого стола / Протоиерей Константин Костромин, М. В. Шкаровский, Б. Н. Ковалев [и др.] // Христианское чтение. – 2025. – №2. С. 340-350.

отметить: деятельность НКВД и отдельно милиции по поддержанию общественного порядка и защите государства[1]. Особое место среди исторической литературы занимают публикации документов, связанных с деятельностью НКВД и милиции в Ленинграде в годы войны[2]. Немало исследований посвящено организации судопроизводства, деятельности прокуратуры и адвокатуры в осажденном Ленинграде[3]. Несмотря на обилие литературы, вопросы охраны имущественных и личных прав граждан остаются мало изучены. Исключением являются статьи И. С. Мухаммадиева, посвященные деятельности прокуратуры в Советских республиках, куда осуществлялась эвакуация ленинградского населения[4]. Недостаточно изученной современными исследователями осталась деятельность Ленинградской МПВО, входившей в структуру НКВД, но подчинявшейся Ленгорисполкому[5].

Вероятная причина возникшей лакуны: схематизм определения правового статуса Ленинграда как «города-фронта». Представление о тождественности правовых режимов осадного и военного положения закрепилось в послевоенной советской историографии. Впервые оно было подвергнуто справедливой критике в диссертационном исследовании А. А. Дерюгина[6]. В

---

1 *Белозеров Б. П.* Ленинград сражающийся. 1941. – СПб.: Общество "Знание", 2016; *Дерюгин А. А.* Служебно-боевая деятельность войск НКВД в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.): историко-правовой аспект. Автореф. ... к.и.н. – СПб., 2011; *Панфилец А. В.* Органы и войска НКВД на Северо-Западе СССР в годы Великой Отечественной войны. – Санкт-Петербург: Р-Копи, 2016; *Гриднев В. П.* Ленинградская милиция на защите города // 75-летию Победы великого народа посвящается: Люди. События. Факты / Евразийский научно-методический центр. – 2020. С. 47–51.

2 Ленинград в осаде [изд-ия 1995; 2014]; Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт; *Ломагин Н. А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских служб, НКВД и письмах ленинградцев.

3 *Даудов А. Х., Кунцевич Ю. М., Ходяков М. В.* Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018; *Кунцевич Ю. М.* Исторические аспекты формирования и деятельности военного трибунала Ленинградского фронта и подведомственных ему военных трибуналов в период Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. №6/1. С. 76–81; *Иванов В. А.* Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Новейшая история. – 2013. – №2. С. 48–69; *Иванов В. А., Резникова Л. В.* Учреждения пенитенциарной системы Ленинграда в 1941–1944 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019. С. 462–489; *Рупасов А. И.* Ленинградский городской государственный арбитраж в годы блокады // Петербургский исторический журнал. – 2019. – №3. С. 183–192; *Рупасов А. И.* Военная прокуратура блокадного Ленинграда // Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019. С. 401–408; *Твердюкова Е. Д.* Контроль исполнения решений в системе исполнительной власти Ленинграда в годы блокады (1941–1944) // Петербургский исторический журнал. – 2020. – №3. С. 177–188.

4 См. например, *Мухаммадиев И. С.* Деятельность прокуратуры по охране прав членов семей защитников Родины, инвалидов войны, эвакуированных граждан, мобилизованных солдат и офицеров в годы Великой Отечественной войны // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – №12. С.48–66; *Его же*. Прокурорский надзор и борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью в годы Великой Отечественной войны // Мир политики и социологии. – 2019. – №6. С.38–51.

5 Лишь упоминается о работе МПВО г. Ленинграда в диссертации А. В. Гусева (*Гусев А. В.* Местная противовоздушная оборона областей Центрального района России в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны (1932–1945 гг.). Автореф. дисс….д.и.н. – Иваново, 2014). Вряд ли можно считать достаточными и несколько статей молодых исследователей.

6 *Дерюгин А. А.* Указ. соч. С. 14.

современной историографии этот спор возобновился[1]. Один из ключевых вопросов этого спора: различие статуса гражданского населения при осадном и при военном положении.

Новым направлением историографии блокады является изучение социокультурного содержания борьбы за выживание ленинградского блокадного населения, в том числе коммуникативной культуры[2]. Российскими учеными доказывается, что, несмотря на неизбежные в жестоких условиях блокады трансформации моральных установок в диффузных сообществах людей, в целом нравственные традиции Петербургской – Ленинградской культуры способствовали стойкости духа жителей. Антисоветские высказывания, озлобленность части блокадного населения являлись исключением на фоне лояльного в основном отношения к Советской власти и к партийному руководству обороной города[3].

Для современной исторической литературы характерно опосредованное изучение политики по отношению к гражданскому населению через личность индивидуума. В последние годы этот подход активно обсуждается на международных конференциях, собираемых российскими университетами и академическими институтами[4]. Необходимо отметить возросший интерес к проблемам ученых и науки в годы войны, в том числе в блокадном Ленинграде[5].

Существование значительного количества «блокадной» мемуарной литературы требует выявления ее специфических внутренних особенностей. Методология изучения источников личного происхождения, отражающих события военного времени, стала самостоятельным предметом военной антропологии. Анализируя дневники и воспоминания, исследователи выявили

---

1 Ср. *Михайлов А. А.* «Город-фронт». История термина. В порядке дискуссии // Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт. С. 15–27; *Коршунов Э. Л., Рупасов А. И.* Блокада как вид военных действий в отечественной военной науке и сознании граждан // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 28–35; *Ильин Е. В., Пономарева Т. В.* Об использовании терминов «блокада» и «осада» в изучении вопросов обороны Ленинграда (1941–1944) // Битва за Ленинград 1941 – 1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. С. 15–21.

2 *Яров С. В.* Блокадная этика: Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. – СПб.: Нестор-История, 2011; *Его же.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. – М: Молодая гвардия, 2013. *Пянкевич В. Л.* «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. – СПб.: Владимир Даль, 2014. В октябре 2019 г. В Институте истории России (Санкт-Петербургское отделение) РАН состоялась конференция, посвященная 60-летнему юбилею со дня рождения С. В. Ярова. Доклады, представленные на конференции, посвящались кругу проблем, раскрываемых в работах С. В. Ярова. (Обычный человек в необычное время: к 60-летиюсо дня рождения С. В. Ярова: Сборник статей. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021).

3 *Ломагин Н. А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев; *Его же.* Политэкономия и мораль блокады // Российская история. – 2014. – №3. С. 12–17; *Bidlack R., Lomagin N.* The Leningrad Blockade, 1941–1944: A New Documentary History from the Soviet Archives. – 2012.

4 Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.). – СПб.: Нестор-История, 2012.

5 Ученые и Великая Отечественная война: материалы круглого стола в рамках XXXVI годичной международной научной конференции "Советская наука и техника в годы Великой Отечественной войны (к 70-летию Великой Победы)" Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (21 апреля 2015 года) / под ред. Н. А. Ащеуловой, С. А. Кугеля. – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2016.

специфику этих источников как формы мифологизации исторической памяти[1]. Одно из направлений изучения: влияние на современную историю и политику оказываемое мемориализацией истории, в том числе через литературные произведения[2].

В новейших исследованиях вновь актуализировалась проблема продовольственного обеспечения как важнейшего фактора выживаемости гражданского населения в условиях войны[3]. В то же время за пределами внимания ученых остался ряд существенных фактов по обеспечению Ленинграда, связанных с деятельностью Совета по эвакуации при СНК СССР летом 1941 г.

Одним из первых связал продовольственную политику Советского правительства с вопросами организации эвакуации в 1941 г. британский историк В. Москофф[4]. Одна из ведущих американских исследовательниц В. Голдман приходит к выводу: в СССР имелась мощная государственная структура, стратегически сочетавшая центральные и местные поставки, усилия коллективов и отдельных лиц, элементы свободной торговли. Именно это интегративное начало стало решающим в борьбе за выживание населения. Этот вывод углубляет основную концепцию, распространенную в американской историографии: об иерархическом перераспределении продовольствия среди гражданского населения в СССР в период Второй мировой войны.

Особое место в социальной динамике Советского общества В. Голдман отводит включению женщин в промышленное производство. При этом исследовательница в основном опирается на результаты исследований А. Р. Дзенискевича. Формы социально-экономического конфликта между рабочими и представителями Советской власти и управления, влияние фактора голода на организацию производственных процессов рассматривает Д. Фильцер. Социальные отношения в советской торговле, в том числе числе, частную торговлю изучал Д. Хесслер[5].

---

1 Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 / Н. *А. Араловец, Е. Н. Бикейкин, Н. Ф. Бугай, О. М. Вербицкая* и др. Отв. ред. А. Н. Сахаров, А. С. Сенявский. – М., 2010; *Сенявская Е. С.* История войн России XX века в человеческом измерении: Проблемы военно-исторической антропологии и психологии: Курс лекций. – М., 2012.

2 *Ellis F.* The Damned and the Dead. The Eastern Front through the Eyes of Soviet and Russian Novelists. – University press of Kansas, Lawrence. 2011; *Lovell S.* The Shadow of War. Russia and the USSR. 1941 to the present. – Wiley-Blackwell, USA. 2010.

3 *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. – 2016. – №1. С. 8–21; *Гаврилова О. А., Ходяков М. В.* Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. – 2016. – №2. С. 44–67; *Ломагин Н. А.* Учет и контроль – основа социализма: размышления о внутренних причинах голода в Ленинграде осенью и зимой 1941–1942 гг. // Петербургский исторический журнал. – 2019. – №3. С. 155–182; *Глухов В. В., Красноженова Е. Е., Кулик С. В.* Продовольственная политика в блокадном Ленинграде (1941–1944 гг.) // Вопросы истории. – 2021. – №10-1. С.4–15.

4 *Moskoff W.* Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR during World War II. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1990.

5 *Голдман В.* Не хлебом единым: продовольствие, рабочие и государство // СССР во Второй мировой войне: оккупация, холокост, сталинизм. – М: РОССПЭН, 2014. С. 221–249; *Фильцер Д.* Смертность от голода в промышленных районах тыла в годы Второй Мировой войны // Указ. соч. С. 196–220; *Hessler, J.* A Social History of Soviet Trade. Trade policy, retail practices, and consumption, 1917–1953. – Princeton univ. press, 2004.

Попытку проанализировать отражение социальной стратификации и трансформаций советской системы в блокадных дневниках в рамках данной концепции делает А. Пери. В ее работах выражен характерный для американской историографии подход к оценке организации обороны города как скрытого социального конфликта, проявляющегося в значительной мифологизации «блокадной» памяти. «Мифологизация» вскрывается А. Пери при структурно-лингвистическом анализе дневников[1].

Как выше указывалось, наиболее спорным является аспект, который позволяет переложить часть ответственности с гитлеровцев за жертвы блокированного Ленинграда на советских руководителей, так как игнорируются или недооцениваются мероприятия, направленные на спасение населения Ленинграда со стороны Советского военного и гражданского руководства. Развернувшаяся вокруг монографии А. Пери социально-политическая дискуссия указывает на идеологический характер данной концепции[2]. Показательно, что в январе 2019 года книга А. Пери была удостоена высокой награды в Лондоне.

Попыткой примирить героическое и конфликтное в проблеме развития народного хозяйства блокадного Ленинграда следует считать исследования А. В. Зотовой. В своих исследованиях она затронула ряд остро конфликтных вопросов социальной политики Советского государства: дефицит денежных средств, задержки с выплатой заработной платы и т.п.[3].

В то же время, ни одним из исследователей не раскрыты финансовые мероприятия, направленные на спасение гражданского населения Ленинграда, как со стороны местного, так и со стороны союзного и республиканского бюджетов, недостаточно освещены: состояние финансов Ленинграда накануне блокады (летом 1941 года), финансирование эвакуации детей, недостаточно освещена деятельность профсоюзов и других общественных организаций, выступавших посредниками между населением и Советской властью[4].

---

1 *Peri A.* Queues, canteens, and the politics of location in diaries of the Leningrad blockade, 1941–1942 // Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during World War II / ed. by *W. Goldman, D. Filtzer.* – Indiana Univ. Press, 2015. – P. 130–160; *Idem.* The War Within Diaries from the Siege of Leningrad. – Garvard University Press, 2017.

2 В. Милонов. Мы потребуем запрета книги британской лжеученой о блокаде Ленинграда [Электронный ресурс]//Life.ru.URL:https://life.ru/t/life78/952644/milonov_my_potriebuiem_zaprieta_knighi_britanskoi_lzhieuchioni_o_blokadie_lieninghrada (дата обращения: 06.01.2017); Блокадники возмущены публикацией об осажденном Ленинграде в журнале Гардиан [Электронный ресурс]//URL:https://life.ru/t/life78/952561/blokadniki_vozmushchieny_publikatsiiei_ob_osazhdionnom_lieninghradie_v_zhurnalie_the_guardian (дата обращения: 06.01.2017).

3 Ср. *Зотова А. В.* Вклад Ленинграда в достижение Победы в Великой Отечественной войне: Народное хозяйство города в условиях военного времени (июнь 1941 г. – май 1945 г.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. и. н. / Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, СПб., 2016; *Ее же.* Экономика блокады. – СПб.: «Издательский Центр “ОСТРОВ”», 2016; *Ее же.* Народное хозяйство Ленинграда. – СПб: Изд-во СПбГУТ им. проф. Бонч-Бруевича, 2015.

4 См. например, *Газиева Л. Л.* Полемические вопросы финансирования эвакуации детей из Ленинграда в 1941–1942 гг. (к статье А. В. Зотовой “О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда”) // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. – 2014. – №2. С. 51–53.

Еще одним важным направлением исследования социально-политических проблем в СССР через призму обыденного сознания стало изучение советского детства в период блокады Ленинграда[1]. О сохранившейся актуальности проблемы блокадного детства свидетельствуют полемичные публикации Дж. деГраффенрид[2].

Внимание российских ученых в последние четыре года было приковано к раскрытию преступлений против детства на оккупированной территории Ленинградской области[3], а также к борьбе за спасение детей педиатрами в блокадном городе[4]. Интересна попытка раскрытия блокадной педагогики на материалах, хранящихся в Педагогическом музее Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования[5]. Появились труды, в которых получили освещение историко-правовые вопросы борьбы милиции с беспризорностью в районах эвакуации ленинградских детей и подростков[6].

Для дальнейшего изучения истории блокадного детства полезны источниковедческие исследования как опубликованных в последние 30 лет, так и неопубликованных документальных

---

1 Этому вопросу была посвящена монография: *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014.

2 *deGraffenried J. K.* Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War. – University Press of Kansas, 2014; *Граффенрид Д. К. де.* Мобилизуя юность: труд советских детей в военное время // Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / ред. Б. Физелер, Р. Д. Марквик. – М.: РОССПЭН, 2019. С. 126–147; *Ее же.* Рисуем детство в Великую отечественную войну: оформление обложки и детские журналы, 1941-1945 гг. // Конструируя детское: филология, история, антропология / Под ред. М . Балиной, В. Безрогова, С. Г. Маслинской, К. А. Маслинского, М. В. Тендряковой, С. Шеридана. – М.-СПб: «Азимут», Нестор-История, 2011. С. 352-368.

3 См. например, *Красноженова Е. Е.* Оккупационная политика на Северо-Западе России (1941–1944 гг.). // Оккупация и сопротивление в годы Второй Мировой войны. Материалы международного научного онлайн-семинара, посвященного 77-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией и ее сателлитами. Науч. ред. и отв. за выпуск Р.Р. Хисамутдинова. – Оренбург, 2022. С. 59–62; *Красноженова Е. Е, Асташкин Д. Ю.* Преступления против детства на Ленинградском судебном процессе (27 декабря 1945 – 4 января 1946 г.). // Вопросы истории. – 2022. – №7 -1. С. 70–82; *Красноженова Е. Е., Хазов В. К.* Повседневная жизнь детей и подростков в условиях оккупации: на материалах Ленинградской области (1941 – 1944 г.). // Вопросы истории. – 2022. – №97-1. С. 121–132.

4 *Микиртичан Г. Л.* Характеристика патологии и организация питания детей в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны // Вопросы современной педиатрии. – 2010. – Том 9. №3. С. 158–162; *Шабалов Н. П., Эрман Л. В.* Детское здравоохранение блокадного Ленинграда // Детская медицина Северо-Запада. 2010. Т. 1 №1. С. 78–80; *Эрман М. В., Эрман Л. В., Первунина Т. М.* Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда: взгляд сквозь годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 11. Медицина. – 2014. – №3. С. 232–242; *Эрман М. В., Первунина Т. М., Грысык Е. Е., Кирюхина Л. В.* Педиатрия в блокадном Ленинграде // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2016. – Т. 11. – №2. С. 838–849.

5 Блокадная педагогика / *И.А. Колесникова, Н. В. Груздева, Л. В. Дербилова*. – СПб.: Изд-во «Росток», 2022. С. 36–39. Ср. *Yekelchyk S.* The Civic Duty to Hate / Stalinist Citizenship as Political Practice and Civic Emotion (Kiev, 1943–53) / Dept. of History, Dept. of Germanic and Russian Studies University of Victoria, Canada. – URL://http://muse.jhu.edu/journals/kritika/v007/7.3iekelchyk.pdf/ (дата обращения: 21.03.2010). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

6 *Емелин С. М.* Историко-правовые основы организации и деятельности органов внутренних дел на Южном Урале в 1939–1953 гг.. В 2-х частях. Часть 2. – Уфа.: УЮИ МВД России, 2013 [глава 3.6]; *Суверов Е. В., Тарасова Л. Я.* Алтайская милиция в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1941–1945 гг.). – Барнаул: Барнаульский юр. ин-т МВД России, 2014.

источников, в том числе детских дневников и дневников педагогов, по истории блокады[1].

В отличие от детства, наименее исследованным остается социальное обеспечение инвалидов войны в военный период, в том числе в блокадном Ленинграде. Определенное место этим вопросам отведено в монографии и диссертационном исследовании А. В. Похилюка[2]. Среди новейшей англоязычной литературы выделяется книга Роберта Дейла «Демобилизованные ветераны в позднесталинистском Ленинграде. От солдат к гражданам». Однако в ней не поднимаются проблемы социального обеспечения и трудоустройства инвалидов войны, демобилизованных уже в период войны. Тем более остается не изученной судьба демобилизованных инвалидов во время блокады Ленинграда, оказавшихся в числе гражданского населения внутри блокадного кольца[3].

Несмотря на внимание значительной части ученых, проблемы эвакуации остаются актуальными в истории блокады по сей день[4]. Значительный вклад в изучение данного вопроса ученых различных регионов России и других республик бывшего СССР, куда были эвакуированы ленинградцы, знаменовался объединением усилий в рамках Всероссийского межрегионального проекта (автор идеи: Ю. З. Кантор). Интерес также представляет публикация документов по работе Дороги жизни в рамках проекта «Ленинград. Война. Блокада»[5]. В то же время наиболее

---

1 *Ковалев Б. Н.* Детские дневники как источник по истории блокады Ленинграда // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2022. – №4 (43). С. 417–421; *Мягкова Е. М., Репников А. В.* Ленинградская битва и блокада Ленинграда в публикациях архивных документов 1991–2022 годов. Часть 1: Официальные документы, изобразительные документы // Вестник ВНИИДАД. – 2022. – №2. С. 65–80; *Мягкова Е. М., Репников А. В., Захарченко М. А.* Ленинградская битва и блокада Ленинграда в публикациях архивных документов 1991–2022 годов. Часть 2: Документы личного происхождения, интернет-проекты // Вестник ВНИИДАД. – 2022. – №3. С. 69–89; *Мягкова Е. М., Репников А. В.* Ленинградская битва и блокада Ленинграда в публикациях архивных документов 1991–2022 годов. Часть 3: Документы личного происхождения (дети и подростки) // Вестник ВНИИДАД. – 2022. – №4. С. 94–109.

2 *Похилюк А. В.* Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны.; *Его же.* Война, власть, народ (Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны) / Министерство обороны РФ. – СПб.: изд-во Военного университета ПВО, 1998.

3 *Dale R.* Demobilized Veterans in Late Stalinist Leningrad. Soldiers to Civilians. – L.: Bloomsbury Academic, 2015.

4 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. Коммуникации блокированного Ленинграда. 1941–1943 гг. - СПб.: Вести, 2001; *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942.; *Фролов М. И.* «Салют и реквием»: Героизм и трагедия ленинградцев. 1941–1944 гг.; *Пянкевич В. Л., Чистиков А. Н.* Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г. // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, №1. С. 56–69.

5 Побратимы / отв. ред. *Ю. З. Кантор*. – М.: Политическая энциклопедия, 2019; *Потемкина М. Н.* Эвакуация населения СССР в начальный период Великой Отечественной войны: дискуссионные аспекты проблемы // Романовские чтения-12. Сборник статей Международной научной конференции. Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, 2017. – Могилев: МГУ, 2017. С. 47–48; *Снегирева Л. И.* Эвакопункты Западной Сибири и их роль в эвакуации населения в регион (1941-1943 гг.) // Вестник ТПГУ. – Томск, 2014. – Вып.3. С. 30–37; *Ее же.* Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вестник ТПГУ. – Томск, 2015. – Вып.2. С. 38–42; *Ее же.* К вопросу о периодизации реэвакуационного процесса // Вестник Кемеровского гос. Ун-та. – 2015. – №2, Т. 6. С. 201–205; *Букренева К. Г.* Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. Ун-та, 2015; *Дунбинская Т. И.* Статистика эвакуированных местных

острые вопросы эвакуации остаются открытыми, требуя комплексного исследования всей базы рассекреченных документов.

Реэвакуация ленинградского населения изучена еще в меньшей степени, чем эвакуация[1]. Хотя фрагментарно эти проблемы были подняты в диссертационном исследовании процессов восстановления Ленинграда И. А. Карпенко, раскрывшей проблемы социально-бытовой и социально-психологической адаптации реэвакуируемых и демобилизованных граждан[2]. Ученые Томского педагогического университета и Уральского отделения РАН изучали условия, результаты, этапы реэвакуации гражданского населения, в том числе ленинградского, из Западной Сибири в 1941–1945 годах[3]. Проблема реэвакуации детских учреждений и детей в Ленинград была раскрыта в публикациях автора[4].

Одной из традиций Ленинградской – Петербургской исторической науки является включение в реконструктивное исследование «устной истории» музейного интерактивного пространства. Эта деятельность объединяет государственные музеи, Народные музеи, общественные организации. Ведущую роль в таких исследованиях играет научно-практическая деятельность коллективов «блокадных» музеев при участии широких кругов общественности, конструирующих психоисторическое пространство «военных реминисценций».

Примером такой работы явились коллективные сборники, выходившие в результате такой работы: серия «Забвению не подлежит» Государственного Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда (выпуски I–X, 2006–2014), серия публикаций Народного музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда», ныне Санкт-Петербургского педагогического колледжа №8[5]. В монографии В. В. Яробкова «Дорога жизни – Дорога к Победе: вчера, сегодня,

---

детских учреждений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // Вестник ТПГУ. – Томск, 2011. – №13. С. 46–51; Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни.

1 *Пянкевич В. Л.* Восстановление экономики СССР (середина 41– середина 50-х). – СПб.: Нестор, 2001; *Карпенко И. А.* Социально-бытовые аспекты процесса реэвакуации гражданского населения в Ленинград. 1943 – 1946 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. – 2006. – вып. 4. С. 177–181; *Газиева Л. Л.* Проблемы организации реэвакуации ленинградских детей в 1944–1945 гг. // Вестник Пермского университета. – 2016. – Выпуск 3 (34). С. 108–116.

2 *Карпенко И. А.* Восстановление Ленинграда в 1943–1948 гг.: социально-демографический и бытовой аспекты. Автореф. дисс. … к. и. н. – СПб., 2007.

3 *Потемкина М. Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. – Магнитогорск, 2002; *Снегирёва Л. И., Сафонова Т. А.* Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 годы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2004. – Вып. 4 (41). Сер.: Гуманитарные науки. С. 22–30; *Снегирева, Л. И.* К вопросу о периодизации реэвакуационного процесса // Вестник Кемеровского государственного ун-та. – 2015. – №2, т. 6. С. 201–205.

4 *Газиева Л. Л.* Проблемы организации реэвакуации ленинградских детей в 1944–1945 гг. // Вестник Пермского университета. – 2016. – Выпуск 3 (34). С. 108–116; *Ее же.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. – СПб.: Нестор-История, 2014.

5 Забвению не подлежит. Статьи. Воспоминания. Документы / Комитет по культуре, ГММОБЛ. – СПб.: Президентская библиотека, 2014; *Щукина Е. Л.* Очерки блокадных дней: Из опыта работы детских садов Куйбышевского района Ленинграда / Ред. коллегия: *Л. Б. Береговая, Е. Н. Дмитриева, Т. А. Кондраткова.* – СПб: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2010; *Береговая Л. Б.* Дыхание Клио. – СПб., 2012; Мы храним бесценное

навсегда» проведена ретроспективная связь между судьбами ветеранов Дороги жизни из 1940-х в 2000-ые[1].

В этом направлении продолжает работу созданный при Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда отдел «Институт истории обороны и блокады» (нач. Н. А. Ломагин). Итог его работы – Международные Форумы, объединяющие участников от ведущих историков, занимающихся данной проблемой, до аспирантов, магистрантов, студентов[2].

До недавнего времени имелась тенденция вычеркнуть историю Великой Отечественной войны и историю обороны Ленинграда из вузовских и школьных курсов истории Отечества[3], которая постепенно начала преодолеваться.

Огромное значение для дальнейшего изучения блокады имеют исследования политики геноцида, осуществляемой гитлеровцами по отношению к Советскому населению, и, конкретно, к населению Ленинграда и Ленинградской области[4]. Конец многолетней идеологической дискуссии по вопросу жертв блокадного Ленинграда был положен вынесенным 20 октября 2022 г. решением Городского суда г. Санкт-Петербурга о признании геноцида населения Ленинграда гитлеровцами[5]. Участие на данном процессе в качестве свидетелей историков войны и блокады: Н. А. Ломагина, А. Р. Дюкова, Б. Н. Ковалева указывает на высокую значимость данных исследований для современного политико-правового процесса. В то же время установление геноцида как юридического факта не может рассматриваться как окончательный результат исторических

наследство/авт.-сост. *Е. Н. Дмитриева.* – СПб., 2014.

1 *Яробков В. В.* Дорога жизни – дорога к победе: вчера, сегодня, навсегда. – СПб.: Полигон, 2005.

2 Битва за Ленинград – всенародная победа: сборник материалов II Санкт-Петербургского Международного исторического форума. – СПб.: Свое издательство, 2023; Изучение истории Отечества. Современное состояние, новые подходы и методология: сборник материалов III Санкт-Петербургского Международного исторического форума. – СПб.: Свое издательство, 2024.

3 Исследование представления об обороне Ленинграда в вузовских учебниках в 2011 г. одним из первых проделал Л. А. Наливкин. В результате им было выявлено, что из 60 учебников, изданных в России за период с 2000 по 2011 годы, только в 8 Ленинградская битва была отражена полноценно (13%), в одном из учебников присутствовал плагиат, в 39 книгах понятие «Ленинградская битва» заменено понятием «блокада Ленинграда», в одном учебнике (2007 года) раздел о Великой Отечественной войне отсутствует. (*Наливкин Л. А.* К вопросу о «тьютерской помощи» вузовских учебников: освещение Ленинградской битвы // *Его же*. Авиация Балтики летом сорок первого. – СПб.: Нестор-История, 2015. С. 401–408).

4 *Ковалев Б. Н., Кулик С. В.* Гитлеровские преступления с признаками геноцида 1941 – 1944 гг. (на примере Чудовского района Ленинградской области) // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2020. – №7 (32). С. 1–5; *Яковлев Е. Н.* Совещание в Вевельсбурге, план голода и «окончательное решение»: истоки нацистского замысла о геноциде народов СССР // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2021. – №2. С. 70 – 16; *Дюков А. Р.* Нацистская идеология и планирование войны на уничтожение Советского Союза // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. С. 6–69. Следует отметить, что весь указанный номер «Журнала российских и восточноевропейских исторических исследований» посвящен данной проблематике.

5 Без срока давности [Электронный ресурс] // Трагедия мирного населения в годы Великой Отечественной войны. Сайт. URL: https://безсрокадавности.рф/ (дата обращения: 07.07.2020); Подчеркивая врага. Горсуд признал блокаду геноцидом. [Электронный ресурс] / URL: http://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/562... (дата обращения: 23.10. 2022).

исследований. Скорее он позволяет решительнее отстаивать историческую истину.

Таким образом, анализ историографии данного вопроса показывает, что в предшествующий период исследования не могли быть полными из-за идеологической цензуры, из-за секретности большинства источников, из-за эмоционального восприятия пространства исследования, в котором работали, как правило, историки, пережившие блокаду. Несмотря на это, добросовестность исследователей привела к тому, что значительная часть фактов, связанных с положением населения Ленинграда, эффективности мероприятий по его спасению, была изучена еще в советский период, определены основные противоречия и направления дальнейшего изучения проблемы. В последние годы накоплен значительный опыт изучения отдельных аспектов спасения гражданского населения Ленинграда, как отдельными учеными, так и научными коллективами. В том числе, концептуальной проработки данного вопроса.

В то же время сохраняется необходимость комплексного и наиболее полного исследования организации защиты и спасения гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 гг. Советскими государственными органами власти и управления.

1.3. Источниковая база исследования

Для решения цели и задач, раскрытия предмета исследования использовался репрезентативный круг исторических источников, представляющий собой единый документальный комплекс по изучаемой научной проблеме. Источники, которые были использованы в данном исследовании, можно разделить на несколько групп (исходя из их видовой характеристики)[1].

Первая группа: *законы и нормативные документы высших органов государственной власти СССР и РСФСР.*

Первую подгруппу составляют издания 1941 г. с последними поправками Конституций СССР и РСФСР, основных законов СССР и РСФСР. Конституции позволяют уточнить как специфику системы Советской власти и управления, взаимодействия местных органов власти Ленинграда с республиканскими, место общественных организаций в системе управления обществом, так и систему прав и обязанностей советского населения, в период 1941–1945 гг.

Ко второй подгруппе относятся международные нормативные документы (международные договоры и соглашения, ноты, конвенции, декларации), действовавшие на территории СССР в период войны. Данные документы позволяют выявить эволюцию статуса гражданского

1 Отметим, что все использованные документы имеют гриф рассекречено.

населения в нормах международного права.

Ключевое значение имеют публикации нормативных документов (устава, приговоров) и материалов Нюрнбергского процесса, которые неоднократно публиковались в нашей стране[1]. Так, например, в приговоре Г. Герингу фигурировал голод как жестокость в отношении гражданского населения в результате преступного ограбления территории[2]. А. Йодль был приговорен к смертной казни, в том числе за отданный им приказ об уничтожении Ленинграда[3].

Важное значение для изучаемой проблемы имеют сборники международных договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами и вступивших в силу за период с 1925 по 1 января 1937 гг., а также Положение о военнопленных Советского правительства, принятое в 1931 г. Эти сборники международных документов дополнены выходившими в период Великой Отечественной войны: в 1942–1943 гг.[4], а также сборниками 1944–1947 гг.[5] Опубликованные в них документы позволяют выявить международные обязательства Советского правительства в отношении гражданского населения и военнопленных, действовавшие в период войны.

В качестве справочного использован многотомный труд, подготовленный кафедрой Международных отношений Кембриджского университета (зав. Л. Оппенгейм и, с 1944 г., К. Лаутерпахт). Полезно сравнить его постулаты с подходами к решению важных правовых вопросов советских юристов А. Н. Трайнина, Б. С. Утевского, которые были привлечены к выработке Устава Нюрнбергского процесса[6].

К третьей подгруппе относятся Указы Президиума ВС СССР, с комментариями к ним, изданные в 1940–1948 гг., а также стенограммы сессий Верховных Советов СССР и РСФСР 1942–1944 гг. Кроме того сюда следует отнести кодексы РСФСР (семейного, уголовного, гражданского и гражданско-процессуального права) с изменениями.

---

1 Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов в семи томах. Т. 5. Допросы подсудимых и речи адвокатов. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960; Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Отв. ред. т. 1 – А. М. Рекунков, т. 3 – А. Я. Сухарев, т. 8 – Н. С. Лебедева; научный редактор 1–8 тт. Н. С. Лебедева. М. 1987–1999. Имеются электронные ресурсы некоторых материалов.

2 Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8-ми томах. Т. 8. С. 662–663.

3 Там же. С. 702–704.

4 Международные документы Великой Отечественной войны. Вып. II (1942 г.). – М., 1943; Международные документы периода Великой Отечественной войны. Вып. III (1943 г.), Ч. 1–2. – М., 1944; Российское историческое общество. Документы [Электронный ресурс] // URL: http://docs.historyrussia.org/ru/docs/4-obratnaya-svyaz/ (дата обращения: 18. 04. 2020)

5 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том I. – Москва: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1944; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том II. – Москва: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том III. – Москва: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947.

6 *Трайнин А. Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев. – М., 1944; *Его же.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. – М., 1956; *Утевский Б. С.* Преступления гитлеровцев против мирного населения. – М., 1946.

Четвертая подгруппа: нормативные документы высшего Чрезвычайного государственного органа власти: Государственного комитета обороны СССР (ГКО)[1], а также Советов Народных Комиссаров (СНК) СССР и РСФСР, наркоматов и чрезвычайных органов власти при СНК СССР.

Базовыми документами являются постановления и распоряжения Государственного комитета обороны СССР и Правительства СССР, касающиеся основных аспектов организации спасения гражданского населения СССР и, конкретно, Ленинграда. В 1941–1945 гг. выходили сборники указов, постановлений, решений органов власти и управления СССР и РСФСР: Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР (Орган СНК СССР); Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР (Орган СНК РСФСР). Публикация постановлений СНК СССР и РСФСР придавала им силу закона.

Также издавались сборники нормативных актов и подактов отдельных наркоматов: Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР (Орган Наркомпроса РСФСР); Бюллетень Наркомпроса РСФСР «Учебно-воспитательная работа в детских домах»: распоряжения и методические инструкции Научно-практического института детских домов НКП РСФСР.

Интерес представляют и отдельные электронные собрания правовых документов Советской эпохи, которые облегчают поиск благодаря систематизированной базе данных[2]. В 2014 года появился приказ Министра обороны Российской Федерации о рассекречивании документов Великой Отечественной войны[3]. С этого времени началась работа Федерального архивного агентства (Росархив) по оцифровке и созданию электронной базы основных государственных документов Советской эпохи[4]. Работа с электронной базой документов ГКО (РГАСПИ.Ф. 644) и СНК СССР (ГА РФ. Ф.Р-5446) позволила выявить и раскрыть содержание 511 постановлений и распоряжений ГКО, СНК СССР и РСФСР, касающихся положения гражданского населения Ленинграда. Были проанализированы механизмы и результаты их выполнения[5].

---

1 В соответствии с принятой в исторической науке и археографии традицией, Государственный комитет обороны здесь и далее будем обозначать Государственный комитет обороны СССР, а также ГКО СССР и ГКО.

2 Библиотека правовых документов Советской власти [Электронный ресурс] // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/. (дата обращения: 24.07.2017).

3 *Артизов А. Н.* Общественная миссия российских архивов // Отечественные архивы. – 2014. – №5. С. 3–11.

4 РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Фонд 644 (Государственный комитет обороны) [Электронный ресурс] // Великая Отечественная война. Документы Советской эпохи. Архивы РФ. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=366099/ (дата обращения: 12.02.2018); РГАСПИ. Фонд 558 (Личный фонд И. В. Сталина) [Электронный ресурс] // Личные фонды видных деятелей Советской эпохи. Архивы РФ. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality//cards/4462/childs/ (дата обращения: 16.04.2020); ГА РФ (Государственный архив РФ). Фонд Р-5446 (Совет Министров СССР) [Электронный ресурс] // Великая Отечественная война. Документы Советской эпохи. Архивы РФ. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/#tematicchilds&rootId=408001/ (дата обращения: 22.07.2018). Необходимо указать, что с 2023 открытый доступ к данным Интернет-ресурсам прекращен.

5 Имеются некоторые особенности формуляра постановлений СНК СССР, которые важно учитывать при работе с ними. В заключительной части документ сопровождался списком рассылки, в который, наряду с членами СНК СССР, входил перечень наркоматов и конкретных исполкомов. Это позволяет расширить круг документов,

В 2003 г. были опубликованы постановления Государственного комитета обороны СССР, связанные с жизнеобеспечением ленинградцев (всего 21 документ из 156, непосредственно касающихся обороны Ленинграда)[1]. В то же время следует заметить, что в комплексе оцифрованных и опубликованных документов ГКО нами было выявлено 211, касающихся вопросов спасения гражданского населения, в том числе Ленинграда. К их числу относятся постановления, распоряжения, приказ Уполномоченного ГКО.

Помимо указанных, в данном исследовании были использованы выявленные нормативные акты СНК СССР, СНК РСФСР, Комитетов, Комиссий и Советов при СНК СССР и РСФСР, имевших чрезвычайные полномочия, которые были включены в пакеты делопроизводственных документов.

В качестве справочного подспорья полезен специальный аннотированный указатель важнейших постановлений Правительства СССР, изданный в 1944 г.[2] При работе с постановлениями ГКО был использован аннотированный каталог документов, в котором приводятся археографические описания взаимосвязей документов из коллекции ГКО с иными смежными коллекциями[3].

К *пятой подгруппе* отнесем военные уставы РККА. Сравнительный анализ уставов РККА с уставами других воюющих стран (Великобритании, США, Франции и Германии) помогает уточнить задачи, которые ставились перед воюющими армиями в отношении гражданского населения в той или другой стране.

Ко второй группе относятся делопроизводственные, стенограммы, отчеты, справки, деловая переписка, и нормативные документы высших органов партийно-политического руководства СССР и чрезвычайных органов высшего военного управления.

Первая подгруппа: делопроизводственные документы, в том числе деловая переписка, Ставки Верховного Главнокомандующего, ЦК ВКП(б), отражающие инфраструктуру принятия нормативных актов. Сюда же входят нормативные акты ЦК ВКП(б).

Не потеряло значения многотомное издание резолюций и решений съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС[4]. Особое значение имеют документы из Российского Государственного архива новейшей истории (бывший архив ЦК КПСС), касающиеся организации обороны СССР.

касающихся ленинградского населения.

1 «Государственный Комитет Обороны постановляет…». Директивные документы ГКО СССР по обеспечению жизнедеятельности Ленинграда. 1941–1945 гг. (Е. Е. Кириллова, В. Н. Шепелев) // Исторический архив. – 2003. – №2. С. 131–165.

2 Забота об инвалидах войны и семьях военнослужащих. Аннотированный список литературы / Сост. *П. Б. Захаревич* / Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. – М., 1944.

3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945. Аннотированный каталог: в 2 т. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – (70 лет Победы в Великой Отечественной войне).

4 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6 (1933–1937); Т. 7 (1938–1945). – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1985.

Выборочная публикация их в 1989–1991 годах в журнале «Известия ЦК КПСС» вызвала информационный кризис и бурную реакцию идеологических противников КПСС. Среди других были опубликованы и документы, непосредственно касающиеся организации обороны Ленинграда и спасения гражданского населения Ленинграда[1]. В том числе, расчетные данные о численности войск Ленинградского, Карельского, Северо-Западного фронтов, Ленинградского военного округа и 54 армии на 11 сентября 1941 г., согласно которых имелось всего 1 019 000 чел. Новый посыл в изучении блокады был дан публикацией справки Сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б) о вывозе хлеба из прифронтовых районов, в том числе из Ленинградской области[2]. Особое значение для оценки правовой инфраструктуры изучения блокады имела первая публикация материалов, связанных с «Ленинградским делом», в подготовке которой участвовала группа ленинградских историков[3].

В 2004 г. были опубликованы некоторые стенограммы переговоров по аппарату Бодо[4] Ставки Верховного главнокомандующего с руководителями обороны Ленинграда[5]. Интерес представляет публикация стенограммы личных переговоров Сталина со Ждановым, Хозиным, Маленковым и др.[6] Г. Л. Соболевым и М. В. Ходяковым была дана оценка возможностей, открываемых для изучения положения населения Ленинграда публикацией новых источников[7].

В то же время нами использованы и стенограммы переговоров И. В. Сталина, в том числе через А. М. Василевского, которые так и не были полностью опубликованы, хотя знакомы специалистам, хранящиеся в Российском Государственном Архиве социально-политической истории (РГАСПИ, Фонд 558 «Личный фонд Сталина Иосифа Виссарионовича. 21. XII. 1879 – 5. III. 1953»). Высокую оценку историков получила публикация ранее малоизвестных писем А. А.

---

1 Известия ЦК КПСС. – 1990. – №6, 9, 10.

2 Известия ЦК КПСС. – 1990. – №8. С. 220–221; №10. С. 217–220.

3 Известия ЦК КПСС. – 1989. – №2. С. 124–137. Практически одновременно вышел труд Н. Я. Комарова, в котором дана была развернутая характеристика ключевых постановлений ГКО, чуть более ста, сопровождаемая анализом их реализации и эффективности (*Комаров Н. Я.* «Государственный Комитет постановляет…»: Документы. Воспоминания. Комментарии. – М.: Воениздат, 1990). Во вступительной части Н.Я. Комаровым была дана краткая историко-психологическая характеристика административного поведения Сталина в 1941 г., его эволюции, способствовавшей повышению эффективности принимаемых решений (Комаров Н.Я. Указ. соч С. 8–9). Ср. *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

4 Бодо – буквопечатающий телеграфный аппарат. (по Ленинград в осаде. С. 581).

5 Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов/ Под ред. *Н. Л. Волковского*. – М.: Аст, СПб: Полигон, 2004.

6 *Болдовский К. А., Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. // Новейшая история России. – 2014. – №1 (09). С. 275–292.

7 *Соболев Г. Л.* Глава четвертая. И. В. Сталин: «Для нас армия важней...» (октябрь 1941 г.) // *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. С. 160–180; Введение: Ленинград в 1941–1942 гг. // *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. С. 4–27; *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, №1. С. 8–34.

Жданова И. В. Сталину, отправленных им в декабре 1941 г. и в июне 1942 г.[1] Письма позволяют уточнить ряд фактов в истории защиты Ленинграда, значение, придаваемое идеологической работе с населением.

Еще одна публикация из коллекции РГАСПИ 281 архивного документа высших органов партийно-политического руководства СССР вышла в 2019 г. Значительная их часть касается положения гражданского населения Ленинграда[2]. Сборник подвергся критике ведущими историками блокады за отсутствие ссылок на предыдущие публикации ряда документов[3].

Вторая подгруппа: делопроизводственные и нормативные документы Военного Совета Ленинградского фронта. Опубликованные постановления Военного Совета Ленинградского фронта позволяют воссоздать полную картину решения вопросов, связанных с защитой населения[4]. Весомый вклад в изучение положения гражданского населения в Ленинграде в контексте организации его обороны внес 5-томный цикл сборников уникальных документов, в том числе подготовленных специалистами тыла Ленинградского фронта «Ленинград. Война. Блокада», сопровождаемых публикацией научных статей[5].

Важное место в изучении вопроса продовольственного снабжения населения Ленинграда занимают неопубликованные документы Продовольственной комиссии Ленинградского фронта (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000, оп. 20): отчеты, списки, протоколы заседаний.

Третью группу составляют: делопроизводственные документы, а также деловая переписка наркоматов, управлений, комиссий, советов СНК СССР и СНК РСФСР. Использованы из Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ): документы Наркомата здравоохранения СССР (Ф. Р-8009), Главного Управления по охране государственных тайн в печати (Ф. Р-9425),

---

1 «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится все время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. Публ. *Л. Л. Газиевой* // Военно-исторический журнал. – 2015. – №3. С. 31–35 (по РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 730. Л. 191–195; Д.731. Л. 1–17).

2 Оборона Ленинграда. 1941 – 1945. Документы и материалы / авт. вступит. статьи и отв. ред. А. К. Сорокин. – М.: Политическая энциклопедия, 2019.

3 *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Архивный фетишизм и историографический нигилизм в одном подходе к изучению истории обороны Ленинграда // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10. №2. С. 529–539.

4 Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть 1 (август 1941 г. – март 1942 г.). Сб. документов / отв. сост. К. А. Болдовский – СПб.: Нестор-История, 2023; Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть II (апрель – декабрь 1942 г.). Сб. документов / отв. сост. К. А. Болдовский – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2024.

5 Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни; Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт; Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады; Ленинград. Война. Блокада. Снятие блокады: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019; Военно-автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. / сост. *Ф. Н. Лагунов, П. И. Новоселов, А. И. Веревитин, А. С. Колобанов* [Текст документа подготовлен 30.01.1944 – 31.12. 1944] // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 118–285. [Публикуется по Материалы по военно-автомобильной дороге через Ладожское озеро / Архив НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ. Ф. 34. Оп. 341. Д. 14]; О деятельности Управления тыла Ленинградского фронта» [по обеспечению эвакоперевозок из Ленинграда и Ленинградской области, подготовлен 8 мая 1945 г.] / сост. *П. И. Новоселов, А. С. Колобанов* // Указ. соч. С. 286–323.

Главного Управления Трудовых резервов (Ф. Р-9507). Особенно хочется обратить внимание на уникальные протоколы заседаний Совета по эвакуации (Ф. Р-6822), которые оставались неизученными историками и были впервые использованы автором, в связи с длительным периодом их секретности[1].

В отдельную подгруппу можно выделить делопроизводственные документы Правительства РСФСР (Ф. А-259), а также Наркомата Просвещения РСФСР (Ф. А-2306) и Переселенческой комиссии РСФСР (Ф. А-327).

Четвертая группа: делопроизводственные документы, в том числе нормативные документы, деловая переписка, органов местной власти, хранящиеся в Центральном Государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Это фонды Ленгорисполкома (Ф. Р-7384) и его комиссий: плановой (Ф. Р-2076), эвакуационной (Ф. Р-330), по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (Ф. Р-8557). Далее отделы: Ленгороно (Ф. Р-5039), Ленгоздравотдел (Ф. Р-9156). Важное значение имеет Научно-методическое бюро санитарной статистики ЛГЗО (Ф. Р-9713).

Документы Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников при исполкоме Ленгорсовета (Ф. Р-8557) доказывают геноцидальную политику гитлеровцев в отношении гражданского населения Ленинграда. Интерес представляют акты Ленинградских городской и областной комиссий, изданные уже в годы войны[2].

В канун празднования 75-летия Победы над фашизмом, весной – летом 2020 года, был запущен проект «Без срока давности», который включает в себя публикацию 23 томов документов, свидетельствующих о преступлениях фашистов против гражданского населения на территории России, в том числе Ленинграда и Ленинградской области[3].

Наибольший интерес представляют документы Секретной части Ленгорисполкома (Ф. Р-

---

1 На отсутствие возможности ознакомиться с протоколами Совета по эвакуации (СЭ) сетовали в своей беседе М. Г. Первухин, заместитель председателя СЭ, и академик Г. А. Куманев, высказывая сомнения в их существовании. (по *Куманев Г. А.* М. Г. Первухин // *Его же.* Говорят сталинские наркомы. – Смоленск: Русич, 2005. С. 141. [Электронный ресурс] // URL: http://militera.lib.ru/kymanev_ga2/06.html (дата обращения: 23.07.2023)).

2 Ленинград. Ленинградская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Акт Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады. – ОГИЗ, Госполитиздат, 1945; Ленинградская область. Ленинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Демянском и Лычковском районах Ленинградской области. – Ленинград: Воениздат Наркомата Обороны, 1943.

3 Без срока давности [Электронный ресурс] // Трагедия мирного населения в годы Великой Отечественной войны. Сайт. URL: https://безсрокадавности.рф/ (дата обращения: 07.07.2020). См. также Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Федеральный архивный проект [Электронный ресурс] // URL: http://victims.rusarchives.ru. (дата обращения: 14.01.2023).

7384. Опись 3), рассекреченные в 2013 г. Некоторые из них позволяют наконец раскрыть ряд вопросов, которые прежде имели лишь гипотетический ответ.

Особое место занимают документы районных Советов депутатов трудящихся, среди которых большой интерес представляют стенограммы и подготовительные материалы сессий 1942–1944 гг. За исключением Кировского райсовета, в фонде (Ф. Р-100) которого не удалось обнаружить стенограмм сессий за военный период. Сохранились отчеты о работе отдельных депутатов райсоветов и горсовета, из которых видны специфические особенности их работы, выстраивания коммуникативных отношений с гражданами. Имеются отчеты о работе Василеостровского, Володарского, Куйбышевского, Октябрьского, Приморского, Смольнинского райсоветов, а также справка о работе Петроградского исполкома райсовета[1]. Интерес представляют документы приемной депутата Верховного Совета РСФСР Н.К. Черкасова, продолжавшей работу до декабря 1941 г., а также переписка с военной цензурой Фрунзенского райисполкома[2].

Уточнить некоторые вопросы в деятельности войск НКВД, охранявших склады и перевозку продовольствия в Ленинград в 1942–1943 гг., позволили делопроизводственные документы военной прокуратуры 23 дивизии войск НКВД по охране железных дорог (Ф. Р-9263).

Необходимо отметить, что всю войну выходил «Бюллетень Ленинградского городского совета депутатов трудящихся» (Орган Ленгорисполкома депутатов трудящихся), в котором публиковались указы и постановления органов Советской власти и управления.

Кроме того, уже в годы войны начали выходить сборники комплексов документов местных органов власти, характеризующих положение гражданского населения Ленинграда, а также публикации отдельных документов и подборок на эту тему. Первая такая публикация: сборник «Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза», составленный в основном по материалам газетных публикаций, выпущенный в 1944–1947 гг.[3] Следующее издание появилось спустя почти 20 лет. Это был сборник «900 героических дней» – одно из первых крупных собраний документов, посвященных жизни и героической борьбе гражданского населения в Ленинграде (составители: Х. Х. Камалов, Р. В. Серднак, Ю. С. Токарев)[4]. Из выявленных трех тысяч документов были опубликованы только 127, в основном фрагментарно. В то же время следует сказать, что сборник продолжает представлять огромный интерес для исследователей широтой показанных

1 Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2. Оп.5. Д. 79; Ф.Р-4. Оп.5. Д. 186; Ф.Р-47. Оп.3. Д.59; Ф. Р-568. Оп.3. Д.146; Ф.Р-4139. Оп. 5. Д.153; Ф. Р-4905. Оп.1. Д.12; Ф. Р-4914. Оп.1. Д. 130.

2 Там же. Ф. Р-568. Оп.1. Д.28. Л.25; Ф. Р-4949. Оп.2. Д.5.

3 Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сборник материалов и документов. Т. 1. – Л., 1944; Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сборник материалов и документов. Т. 2. – Л., 1947.

4 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг./ Отв. ред. *В. М. Ковальчук.* – М.-Л.: Наука, 1966.

аспектов социальной жизни города в блокаде. Спустя почти 30 лет вышел сборник «Ленинград в осаде», где впервые удалось опубликовать без купюр многие документы из собраний ленинградских архивов, ряд которых был выявлен еще в процессе работы в 1960-ые годы[1]. Содержание данного сборника, в том числе уникальных комментариев к нему, может заслуженно считаться крупнейшим результатом работы историков блокады Петербургской школы.

Почти одновременно коллективы историков Санкт-Петербурга, Вологды, Томска, Новосибирска, Иваново приступили к изданию архивных документов, способных пролить дополнительный свет на мероприятия по спасению гражданского населения Ленинграда[2].

Среди новейших публикаций коллекций документов необходимо отметить: сборник документов Центрального архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), охватывающий период 1944–1945 годов, а также сборник архивных документов по Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны (интерес для нашего исследования представляют разделы I–III)[3].

В 2017–2025 гг. были опубликованы в трех томах стенограммы несекретных заседаний исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся с дополнительными материалами за период 1941–1944гг.[4] Все сборники имеют электронный вариант доступа[5].

Интерес представляет онлайн-проект «Блокада Ленинграда. Эвакуация», подготовленный

---

1 Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / Под ред. А. Р. *Дзенискевича*. – СПб.: Лики России, 1995; Ленинград в кольце блокады. Гриф секретности снят. Сборник документов. – СПб.: Фонд «Креатив», Лики России, 2014. [Электронный ресурс] // Портал «Архивы Санкт-Петербурга». Ленинград в осаде. Архивные документы Второй Мировой войны. К 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады / отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб., 2014. URL: http://blockade.spbarchives.ru. (дата обращения: 02.04.2016).

2 Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах. В 3-х тт. Т. 3: Спасенное детство / Томский государственный университет. – Томск, 2005; Реквием памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Ч. 1. – Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1990, Ч. 2. – Л.-Я., 1991; Страна – Ленинграду. 1941–1945: сб. документов / отв. ред. В. М. Ковальчук; сост. Л. И. Ильина, В. М. Ковальчук, А. П. Купайгородская, Р. В. Серднак. СПб.; Кишинев, 2002.

3 От войны к миру: Ленинград. 1944–1945. Сб. документов / Арх. ком. С. -Петербурга, Центр. гос. архив ист.-полит. док. С. -Петербурга; отв. ред. Н. Б. Лебедева; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. – Санкт-Петербург: Лики России, 2013; Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны. Сборник архивных документов. 1941–1944 гг. – СПб.: Изд-во «Аврора»; ТО «Балтийская звезда», 2015.

4 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.]; [составители *И. М. Сапронов, Н. Ю. Черепенина* (отв. составитель)]. – СПб.: Арт-Экспресс, 2017; Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов. – СПб.: ЦГА СПб; Арт-Экспресс, 2018; Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, январь – декабрь 1944 г.: сборник документов / Отв. ред. *А.Н. Чистиков.* Отв. сост. *Н. Ю. Черепенина.* – СПб: ЦГА СПб; ООО «Реал», 2025.

5 См., например: Ленинградский городской совет депутатов трудящихся. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.] [Электронный ресурс] // URL: https://spbarchives.ru/documents/10157/18919/сборник.pdf/7d47718d-a1b1-4b74-b77d-40a5959aa1ae (дата обращения: 25.07.2018).

к 75-летию Победы над фашизмом Архивным Комитетом Санкт-Петербурга, который содержит данные по эвакуации более 6 тысяч ленинградцев (руководитель М. В. Мишенкова, консультант Н. Ю. Черепенина)[1].

В пятую группу входят статистические документы.

В первую подгруппу необходимо выделить документы, содержащие сведения о наличии в Ленинграде населения перед войной. Важные сведения по движению ленинградского населения содержат материалы Статистического отчета УНХУ г. Ленинграда и Ленинградской области за 1940 год, который содержит подробные демографические данные на 1 января 1941 года[2]. В документе приводится не только структура занятости населения, всех возрастных групп, но и важные данные по структуре доходов населения, потреблению продовольствия. Документ был рассекречен в 2013 г.[3]

Ценную информацию о социально-политической стратификации органов местного самоуправления дают «Статистические сведения о сессиях Ленгорсовета и повестки дня за период с 2 января 1940 г. по 12 августа 1947 г.» (ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 26).

Вторую подгруппу составляют документы статистических отчетов об оказании лечебно-профилактической помощи ленинградскому населению в 1941–1944 гг. Наркомата здравоохранения СССР (ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6). При сравнении годовых статистических отчетов Ленгорздравотдела (ЛГЗО) в Народный комиссариат здравоохранения (НКЗ) СССР за 1941–1944 гг. и в Плановую комиссию Ленгорисполкома видны трудности организации здравоохранения в блокированном Ленинграде, особенно борьбы за жизнь и здоровье детей и подростков, а также способы их преодоления. Необходимо отметить имеющиеся отличия в предоставляемых в обе инстанции годичных отчетов, хотя источник отчетов один и тот же: планово-финансовое статистическое управление ЛГЗО, что связано с особенностями плановых процессов в здравоохранении[4].

Сюда же относятся документы центральных государственных учреждений, местных советских и партийных органов и организаций, содержащие статистические данные о динамике численности детского населения Ленинграда в 1941–1944 гг.[5] В первую очередь, статистические

---

1 Блокада Ленинграда. Эвакуация [Электронный ресурс] // Портал «Архивы Санкт-Петербурга». URL: https://evacuation.spbarchives.ru/ (дата обращения 17.07.2020).

2 Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-24 (Ленинградский областной комитет КПСС). Оп. 2в. Д. 5115 (Материалы Управления нар.-хоз. учета г. Ленда о работе пром-ти за 1 кв., о к/х работе, о труд. ресурсах Ленинграда на 01.01.1941 г., численности детей, заболеваемости и смертности насел., о бюджете семьи раб. и служ. области на 1940 г… 6.II.41–13.VII.41). 326 л.

3 Несмотря на секретность документа с ним были знакомы некоторые зарубежные исследователи. Так, в карточке дела указано, что в 1993 г. с ним работал Р. Бидлэк. Очевидно, с этим был связан возросший научный интерес британских ученых к демографическим проблемам Ленинграда в 2001 г.

4 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 5; ЦГА СПб. Ф. Р-2076 (Плановая комиссия исполкома Ленинградского Городского Совета). Оп. 4. Д. 54. Л. 109.

5 Подробнее см. *Газиева Л. Л.* Статистика эвакуированных из блокадного Ленинграда детей и подростков в

отчеты отделов образования (Ленгороно) и здравоохранения (Ленгорздрав) Ленгорисполкома Совета депутатов трудящихся, сдававшиеся в его плановую комиссию, а также отчеты автотранспортного управления (Атула) и планового отдела Октябрьской железной дороги. Отчеты Ленгороно содержат статистические данные об эвакуации контингента детских учреждений (детсадов, детдомов, школ, спецшкол), материалы Ленгорздрава – сведения о работе детских яслей за 1941–1943 гг., а Октябрьской железной дороги и Атула – о количестве вывезенных соответствующими транспортными средствами, а также реэвакуированных детей и сопровождавших их взрослых за тот же период[1].

Названную подгруппу документов дополняют статистические отчеты, создававшиеся планово-финансовыми секторами отделов Ленгорисполкома Совета депутатов трудящихся, для отделов статистики планово-финансовых управлений вышестоящих наркоматов[2].

Третью подгруппу образуют финансовые документы Ленгороно (балансы, сметы, планы счетов), содержащие сведения о движении денежных средств, выделенных на эвакуацию детских учреждений. Кроме того, в документах Ленгороно встречаются примерные балансы и сметы отдельных детских учреждений (детсадов, детдомов, военных спецшкол)[3]. Данные документы следует рассматривать вместе со статистическими, так как они позволяют верифицировать приведенные данные по движению контингента детских учреждений.

Четвертая подгруппа контрольной и отчетной документации Наркомата здравоохранения СССР и Наркомата просвещения РСФСР включает в себя статистические данные. Эти данные позволяют уточнить показатели Ленгорздрава и Ленгороно, а также сравнить их с другими, в целом по стране. Подобная документация в большом количестве сосредоточена в фондах Наркомздрава СССР и Наркомпроса РСФСР и характеризует контингент ленинградских детей в эвакуированных детских учреждениях, условия их жизни, нормы снабжения, динамику численности, заболеваемости, смертности[4]. Имеющиеся сведения целесообразно сравнить с отчетами

документах органов государственной власти и управления // Отечественные архивы. – 2013. – №3. С. 33–40.

1 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. 215 л.

2 ГА РФ. Ф. Р-8009 (Министерство здравоохранения СССР.). Оп. 6. Д. 633. Л. 9; Д. 804. Л. 4 об; Д. 962. Л. 5 об, 6; Д. 1115. Л. 5 об, 6; ЦГА СПб. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 568 (Статистические отчеты о школах за 1942–1943 уч. год). 19 л.; Д. 569 (Статистические отчеты об итогах приема в школу за 1942–1943 уч. год). 23 л.; Д. 570 (Статистический отчет по детским домам на 1 января 1943. Подписано 22 апреля 1943). 1 л.; Д. 571 (Статистический отчет о детских садах и о патронированных детях за 1942. На 6 апреля 1943). 3 л.; Д. 601 (Статистические отчеты по начальным, неполным средним, средним школам на 1943–1944 уч. год). 16 л.; Д. 602 (Статистическая сводка по детским домам на 1 января 1944. Подписано 23 февраля 1944). 1 л.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 545. (Сводный финансовый отчет Ленгороно. Об исполнении сметы по внебюджетным централизованным учреждениям за 1941 г.) 5 л.; Д. 557. 19 л.; Д. 546. 6 л.; Д. 556. 33 л.

4 ГА РФ. Ф. А-2306 (Народный комиссариат просвещения РСФСР). Оп. 69. Д. 2963 (Докладные записки и ходатайства НКП в СНК СССР о состоянии эвакуированных детских учреждений, об улучшении материально-бытового положения работников просвещения и по др. вопросам. 5 января – 12 июня 1943 г.). 40 л.; Д. 3004. (Докладные записки и справки НКП РСФСР в СНК РСФСР о состоянии детских домов в республике с

уполномоченных Ленгорисполкома о нахождении детей в эвакуации в Свердловской и Горьковской областях[1] за тот же период, а также дополнить информацией из опубликованных документов Омского окружного отдела народного образования (окроно). Последние детализируют условия и результаты вывоза детей в Сибирь[2].

Сходную по видовому составу с предыдущей *пятую подгруппу* образуют документы Городской эвакуационной комиссии (ГЭК) Ленгорисполкома и Главного управления трудовых резервов (ГУ ТР) при СНК СССР. Ежедневные сводки комиссии отражают динамику эвакуации населения из Ленинграда по Ладожской дороге жизни с 27 мая по 10 декабря 1942 г., а также суммарную численность проехавших по ней к концу отчетного периода, а итоговые сводки – число выехавших за период с 8 июля по 10 ноября 1942 г. и с 27 мая по 22 сентября 1942 г. тоже с нарастающим итогом[3]. На их основе была подготовлена справка, распространенная отделом пропаганды горкома ВКП (б) в качестве официальной информации об эвакуации из Ленинграда населения[4].

Сравнительный анализ сводок и справки позволяет выявить механизм искажения статистических данных о численности эвакуированных. Он заключается в том, что сводки имеют исправления, в них субъективно отражен контингент целого ряда важных страт (по детским домам, ремесленным училищам), а также имеются их смещения, при которых количественные показатели одной страты переходят в показатели другой. Вместе с тем скрупулезное сопоставление числовых показателей всех сводок позволяет соотнести качественные и количественные характеристики потоков эвакуируемого населения.

Сравнение данных ГЭК и статистических отчетов, справок, докладных записок ГУ ТР, в которых есть сведения об эвакуации контингента ремесленных училищ, школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) за 1941–1945 гг. по Ленинграду и Ленинградской области, позволяет уточнить количество потерь среди эвакуируемых подростков[5].

приложением материалов). 88 л.; Д. 3005. (Докладные записки и ходатайства НКП РСФСР в СНК РСФСР о борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, и о работе детских домов. 9 апреля – 21 июня 1943 г.). 49 л.; Ф. Р-8009. Оп. 21. Д. 61. (Материалы по эвакуированным детским учреждениям). 125 л.

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 983 (2 сентября 1943 – 31 декабря 1944. Переписка о реэвакуации учреждений). Л. 51–60, 68–69, 82.

2 Заявка Нарымского окроно Агентству госпароходства о перевозе эвакуируемого ленинградского детсада от 2 октября 1942 г. // Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах. Т. 3: Спасенное детство. С. 96; Из справки бригады НКП, НКЗ, НКТ РСФСР СНК РСФСР о состоянии детучреждений, эвакуированных в Омскую область от 5 августа 1942 г. // Там же. С. 80–88.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 91. 12 л.; Д. 93. 89 л.; Д. 174. 15 л.

4 ЦГАИПД СПб (Центральный государственный архив историко-политических документов СПб). Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 1415. (Справка по эвакуации населения из г. Ленинграда за пер. с 29 июня 1941 по 1 апреля 1943). 6 л.

5 ГА РФ. Ф. Р-9507 (Учреждения по руководству профессионально-техническим образованием в СССР). Оп. 1 (Главное управление трудовых резервов). Д. 199. (Материалы по эвакуации РУ, ЖУ и школ ФЗО г. Ленинграда и Ленинградской области. Справки, докладные записки. 20 августа 1941 – 26 мая 1942). 104 л.; Д. 201. (Справки по размещению эвакуированных РУ, ЖУ и школ ФЗО. 17 ноября 1941 – 31 декабря 1942). 43 л.; Д. 213. (Справки о

Шестая группа: делопроизводственные документы Ленинградских партийных организаций ВКП(б), хранящиеся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), а также документы общественных организаций, хранящиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Первая подгруппа: документы Ленинградских организаций ВКП(б), хранящиеся в ЦГАИПД СПб. Прежде всего, документы Ленинградских обкома ВКП(б) (Ф. Р-24) и горкома ВКП(б) (Ф. Р-25). Интерес представляют неопубликованные документы из Фонда Р-24, описи 2в, частично рассекреченной в 2013 году.

Начало публикации внутренних документов горкома ВКП(б) было положено в 2014 г. изданием К. А. Болдовским «Журнала посещений А. А. Жданова, 1941–1944 гг.»[1]. Особое место занимает публикация протоколов Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) в трех томах, охватывающих период с начала войны до января 1944 года[2].

Далее, это документы обкома и горкома ВЛКСМ (Ф. Р-598^{К}), а также райкомов ВЛКСМ Дзержинского (Ф. Р-2^{К}) и Петроградского районов (Ф. Р-9^{К}).

Особый интерес представляют протоколы собраний первичных партийных организаций (далее п/о), а также отчеты партийных организаций. Как правило, они содержат подробную характеристику сложившейся в учреждении ситуации, а также средств и методов решения насущных вопросов и их эффективности. Базу исследования представляют документы первичных партийных организаций Ленинградского государственного педиатрического медицинского института (Ф. Р-54), 1 Ленинградского медицинского института (Ф. Р-257), Ленгороно (Ф. Р-285), городского управления Трудовых резервов (Ф. Р-671), областного управления Трудовых резервов (Ф. Р-1697), Отдела народного образования Леноблисполкома (Ф. Р-827), городского Института усовершенствования учителей (Ф. Р-937), Ленгорздравотдела (Ф. Р-1538). Кроме того, протоколы собраний п/о аппарата Ленгорисполкома (Ф. Р-2238) и Леноблисполкома (Ф. Р-2862). А также протоколы заседаний политотделов Октябрьской железной дороги (Ф. Р-2398) и Ленинградской

передаче учащихся школ ФЗО на предприятия. Выпуски декабря 1941, июня, июля и декабря 1942, января 1943). 40 л.; Д. 217. (Отчет о выполнении плана направления в промышленность молодых рабочих, окончивших РУ, ЖУ и школы ФЗО за 1941–1945 гг. Т. 1). 74 л.; Д. 218. (Отчет о выполнении плана направления в промышленность молодых рабочих, окончивших РУ, ЖУ и школы ФЗО за 1941–1945 гг. Т. 2). 61 л.

1 Журнал посещений А. А. Жданова, 1941–1944 гг.

2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. *К. А. Болдовский.* Часть I. Июнь 1941 г. – март 1942 г. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019; Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941 – 1944 гг. Сборник документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Часть II. Март – декабрь 1942 г. / отв. сост. К. А. Болдовский. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. (Имеется Интернет-ресурс); Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941 – 1944 гг. Сборник документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Часть III. Январь 1943 г. – январь 1944 г. В 2 кн. / отв. сост. К. А. Болдовский. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. (Имеется Интернет-ресурс).

железной дороги (Ф. Р-2408). Интерес представляют протоколы партийных собраний п/о Управления Наркомата внутренних дел Ленинградской области (Ф. Р-5034), партийных собраний, а также заседаний Партийного Комитета первичной партийной организации ВКП(б) Управления Ленинградской городской милиции (Ф. Р-2386). Документы первичных партийных организаций Василеостровского (Ф. Р-83) и Выборгского (Ф. Р-382) районных советов депутатов трудящихся следует рассматривать в сравнении с материалами подготовки и проведения сессий районных советов (см. выше). Протоколы партийных собраний, хотя и относятся по характеру к делопроизводственным, однако позволяют реконструировать коммуникативные отношения внутри конкретных социальных групп, деятельность которых была направлена на спасение гражданского населения[1].

В отчетных документах, представленных в Ленинградский горком ВКП (б), а оттуда – в ЦК ВКП (б), сохранились данные о контингенте детских учреждений в Ленинграде в 1943–1944 гг., а также в период летней оздоровительной работы. Эти количественные показатели близки к числовым значениям, позднее вошедшим во все официальные отчеты и сводки[2].

В протоколах закрытых собраний и бюро первичной партийной организации Ленгороно зафиксировано неоднократное обсуждение вопросов организации эвакуации детей, их заболеваемости[3]. В тексте протоколов и отчетов имеется множество исправлений, сделанных авторами и получателями. Расхождения в численности эвакуированных в первичных и окончательных документах незначительны, но они позволяют увидеть механизм появления искажений[4].

Совокупность этих документов позволяет составить более полное представление об усилиях, предпринимаемых органами Советской власти союзного, республиканского и местного значения по организации спасения ленинградского населения. В то же время с их помощью можно дать объективную оценку имевшим место просчетам и ошибкам и выявить их причины[5].

Вторая подгруппа источников представлена фондами общественных организаций, хранящимися в ЦГА СПб: Общества содействия обороне, авиации и химическому строительству (Ф. Р-3054), Уполномоченных Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов (ВЦСПС) по Ленинграду и Ленинградской области (Ф. Р-9023) и Совета по делам русской

---

1 *Газиева Л. Л.* Коммуникативные особенности преодоления конфликтных ситуаций, отраженные в протоколах первичных организаций ВКП (б) I ЛМИ (генезис первичных мифологем и идеологем) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018 – Т. 9. Выпуск 6 (70) [Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://history.jes.su/s207987840002245-8-1] (дата публикации: 13.09.2018). DOI: 10.18254/S0002245-8-1.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25 (Ленинградский горком КПСС). Оп. 11 (Отдел школ). Д. 260. Л. 17; Д. 284. Л. 52; Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 11. (Отчеты. Начато 1 января 1943 – окончено 1 декабря 1943). Л. 17–19.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–36; Д. 9. Л. 2; Д. 10. Л. 30–36; Д. 11. Л. 17–19 об.

4 Протоколы партсобраний. 12 января – 21 декабря 1943 // Там же. Д. 9. Л. 2, 22, 25 об.

5 *Комаров Н. Я., Куманев Г. А.* Беспримерный подвиг Ленинграда // Война и общество, 1941–1945. Кн. 2 / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов; Ин-т российской истории. – М.: Наука, 2004. С. 27–50.

православной церкви при Совете министров СССР по Ленинграду и Ленинградской области (Ф. Р-9324), Ленинградского городского Комитета Общества Красного Креста, ЦК Общества Красного Креста РСФСР (Ф. Р-8111).

Седьмая группа: газетные и журнальные публикации 1941–1944 годов. Были использованы публикации в газете «Ленинградская правда»; в научно-методических журналах: «Дошкольное воспитание», «Начальная школа», «Советская педагогика», «Педиатрия», «Советская медицина»; в художественно-иллюстративном журнале «Мурзилка». Общий тираж периодических изданий Наркомпроса РСФСР составил в конце 1942 г. 70 000 экземпляров. Были также использованы номера художественно-иллюстративных журналов «Звезда» и «Ленинград», выходивших до августа 1941 года[1].

В опубликованных с июля 1941 по сентябрь 1942 г. статьях ленинградских педагогов в научно-методическом журнале Наркомпроса РСФСР «Дошкольное воспитание» лишь косвенно упоминалось о тяжелом положении города[2].

В военный период освещение трагедии ленинградских женщин и детей являлось недопустимым. Тем не менее сведения проникали в печать. Впервые трагическое положение ленинградских детей-дошкольников было описано без прикрас в ноябрьском и декабрьском номерах журнала «Дошкольное воспитание» 1942 года и в январском 1943 года, в статьях Евгении Федоровны Лавриковой, заведующей дошкольным сектором Ленинградским городским отделом народного образования (1941–1943 гг.) и Леонида Евгеньевича Раскина, директора Ленинградского городского института усовершенствования учителей (ИУУ)[3]. Факты, приведенные в статьях, корреспондируют с рукописным дневником Елизаветы Леонидовны Щукиной, старшего инспектора Куйбышевского РОНО, 1944 года, а также книгой Александра Фадеева «Ленинград в дни

---

1 Подробнее см.: *Газиева Л. Л.* Блокада. Феномен общественного сознания блокады Ленинграда// Жизнь и быт блокированного Ленинграда: Сборник научных статей / отв. ред. Б. П. Белозеров; СПбГУ. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010. – С. 230–242.

2 *Антонова М. Я.,* воспитатель дошкольного интерната №23 Кировской обл. Воспитание детей в дошкольном интернате // Дошкольное воспитание. – 1942. – №10. С. 35–41; *Авербух Д.,* воспитатель дошкольного интерната №51 Кировской обл. Моя работа с эвакуированными детьми // Дошкольное воспитание. – 1941. – №12. С. 16–18; *Голубева Н. М.* О работе в интернатных группах / Детский сад №44 г. Ленинграда; при участии С. *Хинич,* методиста районного кабинета // Дошкольное воспитание. – 1941. – №10. С. 39–42; *Головизнина А.* Детский сад при эвакопункте / Городской отдел народного образования, г. Киров // Дошкольное воспитание. – 1942. – №3–4. С. 58; *Лепилов К. М.* Декоративная лепка (из опыта работы детсада №3 Дзержинского р-на, детсада №32 Свердловского р-на, детсада №37 Выборгского р-на Ленинграда) // Дошкольное воспитание. – 1941. – №11. С. 59–61; *Отс Л. И,* зав. детсадом №7, г. Ленинграда. Детский сад в городе-фронте // Дошкольное воспитание. – 1942. – №10. С. 25–28; *Пипунырова Н. И*. Наши друзья-бойцы / Н. И, Пипунырова, С. З. Шейнина; Детсад №3, г. Ленинград // Дошкольное воспитание. – 1942. – №10. С. 28–31 [корреспондирует с дневниками Е. Л. Щукиной – *Прим. Л. Г.*]; *Фукс М*. Игры с кубиками как одно из средств умственного воспитания ребенка / Детский сад №46, г. Ленинград // Дошкольное воспитание. – 1942. – №3–4. С. 21–28.

3 *Лаврикова Е. Ф.,* зав. дошкольным сектором Ленгороно. Детские сады города Ленина // Дошкольное воспитание. – 1942. – №11–12. С. 34–38; *Раскин Л. Е.* Год работы с дошкольниками в Ленинграде // Дошкольное воспитание. С. 16–26.

блокады. Из дневника», подписанной в печать 1 сентября 1943 г. Фадеев указывает, что использовал выдержки из отчета Лидии Марковны Сержантовой, заведующей детским домом №38 Куйбышевского района[1]. В сдвоенном номере журнала «Советская педагогика» (подписан в печать 2 декабря 1942 г.) была опубликована статья Л. Е. Раскина[2]. В январском номере за 1943 год «Советской педагогики» был напечатан один из первых и наиболее сильных рассказов о героизме и трагедии ленинградских учителей и школьников: дневник директора школы №114 Выборгского района И. П. Кобыш[3].

В журнале «Педиатрия» за декабрь 1942 г. (подп. в печать в январе 1943 г.) появилась статья заместителя Наркома здравоохранения СССР в области охраны материнства и детства М. Н. Казанцевой, в которой приводились факты бомбежек родильных домов, гибели детей из-за обстрела детского дома и яслей[4]. В том же номере была размещена статья профессора А. Ф. Тура о методах лечения детской дистрофии (летом 1943 года была напечатана его же новая статья на эту тему, в связи с сохранившейся ее актуальностью)[5], а также помещен отчет о Всесоюзном совещании по детскому здравоохранению, которое состоялось 9–11 марта 1943 года, на котором выступили профессор Ю. А. Менделева, директор Ленинградского государственного педиатрического медицинского института (ЛГПМИ), и профессор Г. Н. Сперанский, председатель общества детских врачей. Оба доклада были посвящены борьбе с детской дистрофией в условиях блокады и эвакуации[6]. В 1943 г. в журнале «Дошкольное воспитание» появилась статья А. М. Леушиной о борьбе с дистрофией и туберкулезом у ленинградских детей в 1941–1943 гг.[7] Отпечаток скрытого конфликта между деятелями культуры и руководителями обороны Ленинграда несут даже книги таких мастеров пера как Н. С. Тихонов[8].

---

1 *Раскин Л. Е.* Там же; *Фадеев А. А.* Ленинград в дни блокады. С. 50–59. А. Фадеев указывает на источник: дневник заведующей детдомом №38. Об этом дневнике писала в своем отчете инспектор дошкольных учреждений Куйбышевского района г. Ленинграда Е. Л. Щукина (НМПК. Ф. Щ. Оп. 2. Д. 10. (Щукина Е. Л. Очерки блокадных дней (Так мы жили). На опыте работы детских садов Куйбышевского района г. Ленинграда. Вторая тетрадь). Л. 114–318).

2 Сдержанно описывая ситуацию, автор привел один из парадоксальных фактов: проведение детских Новогодних праздников в голодающем городе (*Раскин Л. Е.,* директор ЛИУУ. Ленинградские школы в дни Отечественной войны // Советская педагогика. – 1942. – №11–12. С. 21).

3 *Кобыш И. П.* Из дневника директора 114-й средней школы Выборгского района г. Ленинграда (1941–1942 учебный год). // Советская педагогика. – 1943. – №1. С. 61.

4 *Казанцева М. Н.,* зам. наркома здравоохранения СССР. 25 лет советского здравоохранения в области охраны материнства и детства // Педиатрия. – 1942. – №6. С. 11–26. Подп. в печать 5 января 1943.

5 *Тур А. Ф.,* профессор кафедры госпитальной педиатрии (зав. – проф. А. Ф. Тур) Ленинградского педиатрического института (директор – Ю. А. Менделева). Основные принципы лечения алиментарных дистрофий (истощений) у детей // Педиатрия. – 1942. – №6. С. 54–58; *Его же*. Пеллагра у детей // Педиатрия. – 1943. – №3. С. 21–28. Подп. в печать 15 июня 1943.

6 *Хохол Е. Н.,* доц. Отчет о всесоюзном совещании по детскому здравоохранению. 9–11 марта 1943 // Там же. – 1943. – №3. С. 61–71.

7 *Леушина А. М.* Борьба за здоровье детей в городе-фронте // Дошкольное воспитание. – 1943. – №11–12. С. 2–4.

8 *Тихонов Н. С.* Героическая защита Ленинграда. – М.: Огиз, Госполитиздат, 1943. С. 21. Подп. к печати 14 июня 1943. Тираж 100 000 экз.

Постепенно характер публикаций изменился. В десятом номере журнала «Советская педагогика» за 1943 г. была опубликована статья К. В. Ползиковой, учителя истории, заведующей учебной работой ленинградской школы №239, в которой описывалась работа старшеклассников в летнем сельскохозяйственном лагере[1]. Публикации 1942–1943 гг., посвященные ленинградским детям, в журнале «Начальная школа», не излагая драматических фактов, предлагали воспитывать детей на примерах патриотизма и героизма женщин-матерей, наряду с краснофлотцами[2].

В 1945 г. публикации выражали гордость и уважение к подвигу ленинградцев[3].

Отметим, что содержание бюллетеня Общества американо-советской дружбы демонстрирует знакомство западных обозревателей с информацией официальных печатных органов[4].

Восьмая группа: источники личного происхождения за период 1941–1945 гг., касающиеся положения гражданского населения Ленинграда, в том числе женщин и детей, из нескольких петербургских собраний: Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Отдела Рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) и Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда (ГММОБЛ), Народного музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» педагогического колледжа №8 г. Санкт-Петербурга (НМПК)[5]. Всего были изучены документы по 292 персоналиям.

В этой группе источников можно выделить дневники и ежедневные записи, записные книжки, стенограммы воспоминаний и переписку педагогов. Они взаимно дополняют друг друга, поскольку сведения одних документов использовались при составлении других. Так, дневники зачастую писались на основе записных книжек, затем на них опирались при составлении отчетов. Дневники очевидцев событий имеют характер личный, как например ежедневники заведующей учебной частью школы №239, учительницы истории К. В. Ползиковой-Рубец[6], или служебный, как планы-учеты воспитателей детских дошкольных учреждений[7], их записи наблюдений за

---

1 *Ползикова К. В.* Одна из школ города-фронта // Советская педагогика. – 1943. – №10. С. 50.

2 *Малофеев А. Г.* О некоторых вопросах воспитательной работы в школьных интернатах // Начальная школа. – 1942. – №11–12. С. 11–16; Воспитывать детей на примере советских патриоток // Начальная школа.–1943.–№2–3. С. 3.

3 *Залогина В. П.* Воспитание дружного коллектива // Дошкольное воспитание. – 1945. – №2–3. С. 6–7.

4 *Maurer R.* Child Care in the Soviet Union / by Rose Maurer. – New York: The National Council of American-Soviet Friendship, 194[?]

5 Подробнее см. *Газиева Л. Л.* Документы женщин-педагогов о спасении детей в блокадном Ленинграде / Л. Л. Газиева. // Отечественные архивы. – 2014. – №5. С. 41–47.

6 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000 (Институт истории партии Ленинградского обкома КПСС, филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Оп. 10. Д. 343. 29 л.; Оп. 11. Д. 93 (Воспоминания К. В. Ползиковой-Рубец, зав. учеб. ч. средней шк. №239. 31/XII 1941 – 31/ XII 1942 г.). 79 л.

7 Народный музей педагогического колледжа №8 (НМПК). Ф. БВ (Блокадные воспитатели). Д. 40 (План-учет на июль 1943 г., мл. группа, д/с №38. Воспитатели: Т. М. Пятницкая, Д. А. Горбунова). 12 л.; Д. 10 (Гречина О. Н. План и учет на сентябрь 1943 г.). 4 л.

природой[1]. Встречаются смешанные формы документов служебно-личного характера с записями, принадлежащими множеству авторов[2]. Но большинство дневников педагогов обобщает записанные «по свежим следам» события. Они создавались в 1941–1945 гг., по более ранним записям и журналам[3].

Своеобразным документом являются записные книжки, которые велись в хозяйственной части дошкольных учреждений, с реестром расходов. В деле И. Ф. Зиверт в Народном музее хранится такая тетрадь расхода продуктов детсада №35 на июль 1942 г.[4] Подобные записи, знакомые домохозяйкам, информируют не только об экономике, но и хронометрии блокады в сознании женщины. Аналогичные книжки за 1931–1946 гг. хранятся в Отделе Рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) в фонде художницы А. П. Остроумовой-Лебедевой[5].

В то же время постоянно происходят новые открытия. Интерес представляют документы заведующей детским домом №51 Выборгского района в эвакуации (в г. Санаин) Ханы Александровны Гершенок из коллекции Государственного Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда, позволившие уточнить некоторые детали организации эвакуации детских домов из Ленинграда в апреле 1942 г.[6]

В коллекции ЦГАИПД СПб (Фонд Р-4000) насчитывается свыше 69 дневников и стенограмм воспоминаний участниц спасения детей.

Во-первых, это стенограммы сообщений 1941–1946 гг., составленные сотрудниками института истории партии, оригинальные машинописные тексты, датированные и авторизованные. Среди них пять стенограмм о состоянии дошкольных учреждений, записанных в октябре 1943 г., декабре 1944 г., феврале 1945 г., в том числе принадлежащая Л. Е. Раскину[7].

---

1 Там же. Д. 22 (1) (Никольская Е. А. Дневник наблюдений за огородом. 1943 г.). 4 л.

2 Например, Книга жалоб и предложений Смольного стационара, которую по типу записей можно отнести к дневникам (Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда (ГММОБЛ). Фонд рукописно-документальный. Д. 38 (Дело о стационаре санчасти Смольного. 3/III.1942 – 5/VIII 1943 г.). 95 л.). Она иллюстрирует формат коллективной записи впечатлений. Такой формат может создаваться искусственно, как при публикации дневника К. В. Ползиковой-Рубец: внутри него помещен дневник ученицы В. Петерсон. (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 11. Д. 86 (Валя Петерсон, ученица 7-го кл. 239-й шк. Дневник. 9/X 1941 – 6/I 1942 г.). 8 л.; Там же. Оп. 10. Д. 345 (Вечер воспоминаний учащихся 239-й шк. Октябрьского р-на г. Ленинграда накануне 1 мая 1943 г.). 37 л.).

3 Подробнее см. *Газиева Л. Л.* Документы женщин-педагогов о спасении детей в блокадном Ленинграде / Л. Л. Газиева. // Отечественные архивы. – 2014. – №5. С. 41–47.

4 НМПК. Ф. БВ. Д. 14. 12 л.

5 Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1015 (Остроумова-Лебедева А. П.). Д. 36. 54 л.

6 ГММОБЛ. Фонд рукописно-документальный. КП. 20016 – 20017, переданы согласно Акту ОХ № 20 от 08.06.2022. Документы были представлены на выставке, посвященной Х. А. Гершенок «Путь в Санаин» (сентябрь 2023 г.).

7 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 349; 350 (Стенограмма сообщения директора и воспитателя детдома №25 Приморского района М. К. Ивановой и Е. Г. Бронниковой. 25/X 1943 г.). 17 л.; Д. 768 (Стенограмма сообщения С. Д. Горовой – инспектора охраны детства Свердловского роно. 8/ II 1945 г.). 11 л.; Д. 784 (Стенограмма сообщения Н. Д. Шимановской – зав. детсадом №2 Ленинградской им. Урицкого табачной фабрики. 29/XII 1944 г.). 42 л.; Д. 1382 (Стенограмма собеседования директора ИУУ Л. Е. Раскина 12/IV 1946 г.). 38 л.; Д. 1393 (Стенограмма

Стенограммы подкреплялись дневниками, стенгазетами и другими рукописями, освещавшими трагические события и преступления фашистов. Некоторые записи были изданы в 1947–1954 гг., но подверглись жесткой цензуре и значительному литературному редактированию[1].

Во-вторых, это подлинные рукописи 1941–1944 гг., время создания которых и авторы известны. Например, Н. Г. Горбунова, заведующая детдомом, в своем дневнике, который она вела с 22 июня 1941 г. по 11 мая 1943 г., ярко описала бомбежки при реэвакуации детей в Ленинград летом 1941 г.[2]

Крупная коллекция личных документов педагогов осела в общественных музеях. С конца 1960-х до конца 1980-х гг. развернулось массовое патриотическое движение юношества, создавались общественные музеи при активном участии ветеранов обороны Ленинград[3]. Ветеранами передавались реликвии, писались многочисленные воспоминания. В большинстве своем эти мемуары не публиковались, но оседали в музеях. Такова судьба рукописи старшего инспектора по дошкольному воспитанию Куйбышевского района г. Ленинграда Е. Л. Щукиной «Очерки блокадных дней» (1964), подготовленной к печати и положительно отрецензированной В. Инбер[4].

Следует с глубокой благодарностью отметить выдающийся просветительский вклад двух педагогов: Л. Б. Береговой и Е. Н. Дмитриевой, в течение 36 лет возглавлявших деятельность студентов по сбору, созданию и сохранению уникальной коллекции Народного музея педагогического колледжа №5 (ныне №8), организовавших в нем своеобразное живое пространство исторической памяти[5].

К девятой группе: публицистика и художественная литература, могут быть отнесены опубликованные мемуары, письма, записки, дневники. Необходимо отметить, что конструктивистский подход к публикации дневников и рукописей позволяет создать редакторам своеобразное пространство ретрансляций, которое, несмотря на серьезное искажение первоначального

собеседования М. М. Шарый, директора детдома №51 Выборгского р-на). 34 л.

1 Ленинградцы в дни блокады: Сб. / Сост.: Э. Корольчук, А. Волкова. – Л., 1947; *Августынюк А.* В огненном кольце. – Л., 1948; *Ползикова-Рубец К. В.* Они учились в Ленинграде: Дневник учительницы. – М.-Л., 1948.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 11. Д. 26 (Н. Г. Горбунова, зав. детдомом №58 г. Ленинград. Дневник. 22/VI 1941 – 11/V 1943 г.). Л. 4 об, 5.

3 *Селиванов В. Н.* Стояли как солдаты. Блокада. Дети. Ленинград. – СПб.: Эго, 2002. О работе Ленинградских обкома и горкома ВЛКСМ в данном направлении.

4 *Щукина Е. Л.* Очерки блокадных дней. 24/X 1964 // НМПК. Ф. Щ. Оп. 2. Д. 1. №4. 60 л. Рукопись, оригинал; Инбер В. Рецензия на "Очерки блокадных дней" // НМПК. Ф. Щ. Оп. 2. Д. 1. №3. 5 л.; Колесников А. Рецензия на Очерки блокадных дней Е. Л. Щукиной. 1.5.67, рукопись // НМПК. Ф. Щ. Оп. 2. Д. 10. №195. Л. 1; *Щукина Е. Л.* Очерки блокадных дней / Редкол. Л. Б. Береговая, Е. Н. Дмитриева и др. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010.

5 Влияние на развитие музея продолжают оказывать психолого-педагогические установки на воспитание милосердия Л. Б. Береговой. О «милосердии» как способе актуализировать историческую память (*Береговая Л., Колобаева А.* Воспитываем патриотов // Дошкольное воспитание. – 1987. – №2. С. 47; ср. *Колосова Е. М., Свиридова И. А., Федорова Н. М.* Вузовский музей как компонент образовательной среды педагогического университета. – СПб.: Астерион, 2007).

материала, воссоздает некий общий эмотивный фон[1]. Их полезно сравнивать с неопубликованными рукописями, а также с публикациями в журналах и газетах тех же авторов.

Положение гражданского населения, в том числе детей, в блокированном Ленинграде освещалось в период войны в различного рода публицистических, художественных, научно-методических произведениях[2]. Начиная с 1942 года проводилась работа по записи стенограмм докладов и мемориальных сообщений по «запретным» темам сотрудниками Института истории ВКП(б). Одно из таких сообщений: стенограмма выступления в 1946 г. директора Института Усовершенствования учителей Леонида Евгеньевича Раскина[3]. А. Н. Чистиков указывает, что первые записанные воспоминания были: доцента З. В. Оглоблиной, профессора Ю.М. Гефтера из 1 ЛМИ, П. С. Сергеева, рабочего завода им. Калинина, сотрудников эвакопункта Кобона-Лаврово[4]. В 1944 г. вышел сборник публицистических статей о положении женщин и детей в Ленинграде, который готовился, начиная с 1942 г. О работе над ним имеются свидетельства известной художницы А. П. Остроумовой-Лебедевой[5]. Аналогичные ретроспекции публиковались в 1946–1948 году[6].

Положение детей и женщин, эволюция семьи накануне и в начале войны, как фактор сопротивления фашизму в России, описывались британскими и американскими журналистами. Одна из наиболее известных в России книг – «Ленинград» Александра Верта, посетившего блокадный город и издавшего свою книгу в Лондоне в 1942 году. В книгу А. Верта «Россия в войне 1941–1945» включена часть III «Ленинградская эпопея», в которую входят личные впечатления о посещении Ленинграда в сентябре 1943 года[7] . Следует также отметить сборник очерков Мориса Хиндуса «Россия борется», а также Бюллетень Общества Советско-Американской дружбы,

---

1 Подробнее см. *Газиева Л. Л.* Рецензия // Отечественные архивы. – 2021. – №2. С. 114–116. – Рец. на кн.: «Люди хотят знать»: История создания «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина / сост. Н. Соколовская. – Санкт-Петербург: Изд-во «Пушкинского фонда», 2021. – 272 с.

2 *Раскин Л. Е.* Год работы с дошкольниками в Ленинграде // Дошкольное воспитание; *Лаврикова Е. Ф.,* зав. дошкольным сектором Ленгороно. Детские сады города Ленина // Дошкольное воспитание; *Леушина А. М.,* к. п. н. Борьба за жизнь детей в городе-фронте // Дошкольное воспитание, 1943, №11–12. С. 2–4; *Волчок С. И.* Забота о детях в блокированном Ленинграде // Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда / Редколл.: проф. Ю. А. Менделева, проф. А. Ф. Тур, проф. А. Н. Антонов. Сб. 1. – Л.: Медгиз, Лен. отд., 1944. С. 3–8; *Фадеев А. А.* Ленинград в дни блокады. С. 50–59.

3 *Раскин Леонид Евгеньевич.* Директор Ленинградского городского института усовершенствования учителей. Стенограмма сообщения. 12/IV 1946 // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000 (Институт истории партии Ленинградского обкома КПСС, филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Оп. 10. Д. 1382. 38 л. Данные воспоминания были изданы в отредактированном виде. (Оборона Ленинграда. 1941–1944. Вторая Мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах: Воспоминания и дневники участников).

4 *Чистиков А. Н.* «Мы живем в интересное время…» Первые попытки сбора материала о блокаде Ленинграда в 1941 – 1942 гг. // Битва за Ленинград 1941 – 1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. С. 12.

5 Женщины города Ленина. Рассказы и очерки о женщинах Ленинграда в дни блокады / Редколл.: *А. Ф. Волкова, Т. В. Закржевская, В. М. Инбер* и др. – Л.: Лениздат, 1944. С. 32–36.

6 *Днепровский М., Негинский С.* Народное образование в Ленинграде. (В помощь помощнику пропагандиста и агитатора). – Л.: Лениздат, 1947; Ленинградцы в дни блокады. Сборник. – Л.: Лениздат, 1947. С. 195–233; *Ползикова-Рубец К. В.* Они учились в Ленинграде. Дневник учительницы. – М. -Л.: Детгиз, 1948.

7 *Верт А.* Россия в войне 1941–45. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2003; *Wert A.* Leningrad. – L., 1942. [Рус. пер. в 1984].

издаваемый под редакцией Роуз Моурер (США)[1]. Интересны издания на английском языке советской публицистики в период войны[2].

Фрагментарно свидетельства о трагедии ленинградских детей, об организации работы детских дошкольных и школьных учреждений, домов детей-инвалидов, выходили в 1948–1958 гг. в публицистических очерках и художественных произведениях мемориального характера[3].

В помощь исследователю имеется многотомный аннотированный указатель изданных воспоминаний о войне и дневников. К сожалению, в нем содержатся упущения, например, отсутствуют дневники В. Инбер, В. Саянова, А. Фадеева[4].

Деятельность Дороги Жизни освещалась в одном из первых дневников, опубликованных в годы войны: в «Записной книжке командира» Е. Федорова. В 1945 г. были опубликованы записки А. Августынюка, обобщение опыта ленинградских железнодорожников[5]. В 2023 г. изданы дневники и записные книжки начальника ледового участка Военно-автомобильной дороги (Дороги жизни), гидрографа, капитана I ранга М. А. Нефедова[6].

Одним из первых изданных трудов военачальников об обороне Ленинграда был сборник очерков Л. А. Говорова[7]. В начале 1960-х мемуары военачальников начинают публиковаться один за другим. Выходят мемуары И. И. Федюнинского, К. А. Мерецкова, совместный труд В. П. Свиридова, В. П. Якутович и В. Е. Василенко[8]. Важный вклад в изучение роли дважды Краснознаменного Балтийского флота в оборону Ленинграда внесли труды адмирала, д.и.н. В. Ф. Трибуца[9]. Эти воспоминания дополняют недавно изданные в полном объеме мемуары Наркома военно-морского флота, адмирала Н. Г. Кузнецова[10]. Следует отметить и воспоминания о работе

---

1 *Hindus M.* Russia Fights on. – L., 1942; *Maurer R.* Child care in the Soviet Union.

2 Heroic Leningrad. Documents, sketches and stories of its siege and relief / Transl. By J. Finberg/ – M.: Foreign languages publishing house, 1945; The defence of Leningrad. Eye-witness Accounts of the Siege/ By N. Tikhonov and others. – L.; N.Y.; Melbourne. [194.]. По содержанию издание датируется не позднее января 1944 г.

3 *Инбер В.* Почти три года. Ленинградский дневник. – М. –Л.: Советский писатель, 1947; *Саянов В. М.* Ленинградский дневник. – М.: Воениздат, 1963 (1-е изд. 1958); *Федюнинский И. И.* Поднятые по тревоге. – М., 1961; *Вишневский В. В.* Ленинград. Дневники военных лет. 1943, 1945. В 2 кн. – М.: Воениздат, 2002 (1-е изд. 1956); *Матюшина О. К.* Жизнь продолжается. – Л.: Молодая гвардия, 1950.

4 Советское общество в воспоминаниях и дневниках. Библиографический указатель. Т. 2, 5, 6. – М.: Изд-во Российской государственной библиотеки, 1990–2006.

5 *Федоров Е.* Ледовая дорога. Записки командира. – Л.: Госполитиздат, 1943; *Августынюк А.* Сквозь блокаду: (Записки железнодорожника). Л., 1945; *Его же.* В огненном кольце: Воспоминания. Л., 1948; На фронтовой магистрали: Из опыта работы ленинградских железнодорожников в дни Отечественной войны. Л., 1945.

6 Дневник начальника Дороги жизни: Записные книжки капитана 1 ранга М. А. Нефедова / под ред. Э. Л. Коршунова. – Санкт-Петербург: Галарт, 2023.

7 *Говоров Л. А.* В боях за город Ленинград. – Л.: Лениздат, 1945.

8 *Федюнинский И. И.* Поднятые по тревоге. – М.: Воен. изд-во мин-ва обор. СССР, 1961; *Свиридов В. П., Якутович В. П., Василенко Е. В.* Битва за Ленинград 1941–1944. – Л.: Лениздат, 1962; *Мерецков К. А.* На службе народу. – М.: Политиздат, 1966.

9 *Трибуц В. Ф.* Балтийцы наступают. – Калининградское книжное изд-во, 1968; *Его же.* Балтийцы вступают в бой. – Калининградское книжное изд-во, 1972.

10 *Кузнецов Н. Г.* Адмирал Советского Союза: воспоминания. – М.: Алгоритм, 2015.

Генерального штаба С. М. Штеменко, в которых детально раскрыта работа штаба по составлению уставов, оперативная проработка военных кампаний, специфика коммуникативных взаимоотношений Сталина с оперативным управлением Генштаба[1]. Отдельно следует отметить воспоминания академика В. В. Шулейкина, работавшего в Гидрографическом Управлении Военно-Морского флота, в период войны направленного в Ленинград для налаживания транспортных коммуникаций вдоль берега Финского залива[2]. Важность имеют воспоминания Наркома здравоохранения СССР Г. А. Митерева, начальника Главного медико-санитарного управления Советской Армии Е. И. Смирнова, опубликованные в 1975 – 1976 гг.[3] Роль и значение мемуаров военачальников выборочно раскрыты современными авторами[4]. Данные воспоминания позволяют уточнить ряд деталей, имеющих значение для вопросов спасения населения.

Первое академическое издание воспоминаний после реабилитации «ленинградцев»: «Оборона Ленинграда. 1941–1944». В подготовке сборника участвовали научные сотрудники Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР, активно занимавшиеся в то время разработкой методологии историко-психологических исследований (в том числе тогда ст. н. с., к. и. н. Г. Л. Соболев). Материалы включали как воспоминания, записанные уже в ходе войны и сразу после нее, так и подготовленные в начале 1960-х годов. Среди других впервые были опубликованы фрагменты из воспоминаний Юлии Ароновны Менделевой (директора ЛГПМИ), из дневника Александры Николаевны Мироновой (учительницы истории школы №10), стенограммы Леонида Евгеньевича Раскина (директора Института усовершенствования учителей). В предисловии был подведен итог многолетней работы сотрудников института и Музея обороны Ленинграда по сбору материалов, указаны ее принципы: «Ценной особенностью этих воспоминаний является стремление авторов раскрыть в них моральный облик, достоинства и недостатки, живые черты людей – участников описываемых событий»[5].

В 1969 г. активизировали работу многие Советы ветеранов, в том числе Дороги жизни. Выходят сборники воспоминаний и документов о работе водного и железнодорожного транспорта в грозный период[6]. Были изданы воспоминания о восстановлении Ленинграда, подготовленные В.

---

1 *Штеменко С. М.,* ген. армии. Генеральный штаб в годы войны. – М.: Воен. изд-во Минобороны СССР, 1968; *Его же.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. – М.: Воен. изд-во Минобороны СССР, 1974.

2 *Шулейкин В. В*. Дни прожитые. – М.: Наука, 1972.

3 *Митерев Г. А.* В дни мира и войны. – М.: Медицина, 1975; *Смирнов Е. И.* Война и военная медицина: Мысли и воспоминания. 1939–1945. – М.: Медицина, 1976.

4 *Гриднев В. П.* Мемуары как источник изучения битвы за Ленинград // Управленческое консультирование. – 2018. – №5. С. 162–171; *Михайлов А. А.* Дорога жизни: историографический очерк // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 11–27; *Его же.* Прорыв блокады: советская историография // Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады. С. 19–41.

5 Оборона Ленинграда. 1941–1944. Вторая Мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах: Воспоминания и дневники участников.

6 Октябрьская фронтовая. Воспоминания железнодорожников в работе Октябрьской магистрали в годы Великой

А. Кутузовым и Э. Г. Левиной[1]. Интерес представляют воспоминания главного архитектора Ленинграда Н. В. Баранова[2]. Кроме того, вышли мемуары начальника МПВО Ленинграда, генерал-майора Е. С. Лагуткина и начальника Инженерного управления Ленинградского фронта, генерал-лейтенанта инженерных войск Б. В. Бычевского. Несмотря на некоторые купюры, эти мемуары позволяют детализировать организацию МПВО в условиях блокады[3].

Показательно как в воспоминаниях журналиста П. И. Капицы, члена редколлегии журнала «Звезда» в период войны, все острые вопросы обходятся молчанием. Вскользь он описывает старческий облик ребенка – образ, ставший одним из центральных в мемуарной литературе последующего периода[4]. Удивительно честным звучал дневник Ольги Берггольц, изданный как книга очерков в 1975 г. «Дневные звезды» – метафорический образ из детства раскрывал душу поэта как телескоп-колодец, в котором можно увидеть сущность бытия[5].

К этому же периоду относятся публикации воспоминаний деятелей искусства, в том числе знаменитый сборник «Подвиг века» (автор-составитель Н. Паперная), сопровождаемый мемориальным списком погибших на Ленинградском фронте и в блокадном кольце художников[6].

Пробел, возникший после закрытия первого музея обороны Ленинграда в 1953 году, заполнил в 1950-х – 1980-х гг. музей истории Ленинграда (ныне Государственный музей истории Санкт-Петербурга). Именно Музей истории Ленинграда стал сценой возобновившегося в 1984 г. диалога между жительницами трех шотландских городов, прихожанками местной церкви, и Ленинграда. В 1985 г. в Шотландии и России прошли выставки двух альбомов, которыми обменялись в 1942–1943 гг. женщины-союзницы из Котбриджа, Эйрдри, Уирсайда и Ленинграда. История этих альбомов легла в основу книги Маргарет Хендерсон, взявшей на себя организацию акции дружбы в 1984–1985 гг. при поддержке Советско-Великобританского Общества и Шотландско-Советского Общества[7] .

Отечественной войны 1941–1945 гг. / Под ред. *В. В. Чубарова*, сост. *М. Д. Опендик*. – Л., 1970; Ладога родная. Воспоминания ветеранов Краснознаменной Ладожской флотилии. – Лениздат, 1969; На боевой вахте. Водники Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник воспоминаний и документов. – Л.: Лениздат, 1972.

1 Возрождение. Воспоминания, очерки и документы о восстановлении Ленинграда / сост. В. А. Кутузов, Э. Г. Левина. – Л.: Лениздат, 1977.

2 *Баранов Н. В.* Силуэты блокады: Записки главного архитектора города. – Л.: Лениздат, 1982.

3 *Лагуткин Е. С.* [Воспоминания] // Оборона Ленинграда. 1941–1944. Вторая Мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах: Воспоминания и дневники участников / АН СССР. Ленинградское отделение Института истории. Пред. Маршала Советского Союза *М. В. Захарова*. – Л.: Наука, 1968; *Бычевский Б. В.* Город-фронт. – Л., 1967.

4 *Капица П. И.* В море погасли огни. Блокадные дневники. – Л.: Советский писатель, 1972.

5 *Берггольц О. Ф.* Дневные звезды. – М.: Современник, 1975.

6 Художники Города-Фронта: Воспоминания и дневники ленинградских художников. – Л., 1973; Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Воспоминания. Дневники. Письма. Очерки / авт.-сост. Н. Паперная. – Л., 1969.

7 *Henderson M.* Dear allies. A story of women in Monklands and besieged Leningrad. – Coatbridge, Monklands dist. libr.,

В сентябре 1989 г. под давлением общественности был возрожден Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. В его экспозиции дети-дошкольники блокированного Ленинграда были представлены детскими игрушками, имевшими свою историю[1] .

Среди крупных публикаций периода конца 1980-х – 1990-х гг.: «Память: Письма о войне и блокаде» и «Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе»[2]. Особое место занимает публикация первой части повести Л. Я. Гинзбург «Записки блокадного человека» в журнале «Нева» в 1984 г., охарактеризованная ею же как «промежуточная литература», включающая феномены автобиографического характера. Последовавшие за ней публикации включали фрагменты «Записных книжек»[3].

Можно также назвать получившие известность две публикации воспоминаний воспитателей дошкольных учреждений в 1994–2000 гг.: О. Н. Гречиной в том же литературном журнале «Нева» и Л. Антоновой, О. Орловой, Д. Шпринцин об эвакуации интерната детей Эрмитажа[4]. И те, и другие были написаны много лет назад и изданы спустя десятилетия. Интерес представляют публикации Новосибирским отделением РАН воспоминаний ленинградцев, детей блокады, эвакуированных в Сибирь, а также воспоминания д. м. н. С. В. Магаевой и художницы Е. О. Мартилла, которые содержат заметки о детях и воспитателях[5].

В литературно-художественной редакции вышли дневники драматурга Е. Л. Шварца (в приведенных тут же произведениях Е. Шварца военных лет имеются неточности, поэтому их стоит сравнивать с первоисточниками)[6]. Отдельно следует назвать несколько изданий дневников ленинградской интеллигенции[7]. Новейший период, 2010–2025 гг., представлен, прежде всего, нашумевшей публикацией блокадного дневника О. Ф. Берггольц, который разительно отличается от

1988.

1 *Шишкин А. А., Сергеева М. А.* Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда и его библиотека // Война и блокада Ленинграда в коллекциях музеев и библиотек. – СПб.: Борей арт, 2007. С. 35–41; *Сотчихин Д. Г.* Экспозиционно-выставочная работа в музее обороны Ленинграда // Там же. С. 42–49.

2 Память: Письма о войне и блокаде / *А. Варсобин, И. Лисочкин, Ю. Гальперин*. Вып. 2. – Л.: Лениздат. 1987; Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе / сост. З. Дибаров. – СПб.: Наука, 1996.

3 *Гинзбург Л. Я.* Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. – Л.: Советский писатель, 1989.

4 *Гречина О. Н.* Погибельная зима (1941–1942). Спасаюсь, спасая // Нева. – 1994. – №1. С. 211–282; *Ее же.* Сказка о гороховом дереве (1942–1944). Спасаюсь, спасая // Нева. – №2. С. 199–249; Дети Ленинграда на Урале: Воспоминания, дневники, письма, документы о жизни на Урале детей, эвакуированных из Ленинграда / сост. *Л. Антонова, О. Орлова, Д. Шпринцин.*– Пермь, 2000.

5 900 блокадных дней: Сборник воспоминаний. – Новосибирск: ГП НТБ СО РАН, 2004; *Магаева С. В., Марттила Е. О.* Мученики ленинградской блокады. – М.: Сестр-во во имя препд. мчн. вел. кн. Елизаветы. 2006.

6 *Шварц Е.* Бессмысленная радость бытия. Дневники и письма: Произведения 30-40-х гг. / Сост. М. О. Крыжановская, И. Л. Шершнева. – М.: Корона-Принт, 1999.

7 Человек в блокаде. Новые свидетельства / отв. ред. В. М. Ковальчук. – СПб., 2008; *Князев Г. А.* Дни великих испытаний. Война с Германией. Впечатления на моем малом радиусе. Дневники 1941–1945 гг. – СПб., 2009; *Болдырев А. Н.* Осадная запись. (Блокадный дневник) / подг. к печ. В. С. Гарбузова, И. М. Стеблин-Каменский. – СПб., 1998.

ранней литературной версии, известной под названием «Дневные звезды»[1]. Продолжают издаваться дневники ленинградской интеллигенции, в том числе из коллекции Государственного Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда (ГММОБЛ)[2].

В последние годы частично были опубликованы дневники и воспоминания педагогов из коллекции Народного музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда», с попытками их интерпретации современными студентками педагогического колледжа[3]. Собрание документов блокадных педагогов из коллекции Педагогического музея Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования (АППО) было опубликовано и выдержало два издания. Некоторые опубликованные дневники были переведены на английский язык и вышли в США[4]. Была опубликована стенограмма воспоминаний М.М. Шарый[5]. Интерес представляет публикация в форме интервью воспоминаний ленинградских интеллигентов, переживших блокаду в детстве, среди которых известные историки блокады Г. Л. Соболев и А. Н. Цамутали[6].

Опыт изучения опубликованных произведений и неопубликованных рукописей, в том числе личного происхождения: дневники, записки, блокноты, одного автора свидетельствует о возможности анализировать их в сравнении, конструируя целостное пространство, помня о необходимости соблюдений этических правил и правовых норм. Одним из первых таких исследований можно назвать публикацию А. Зориным и П. ван Бискарк рукописей и опубликованных произведений из архива Л. Я. Гинзбург[7].

Еще одной попыткой реконструирования пространства осмысления блокадного и

---

1 Ольга. Запретный дневник. – СПб.: Изд. группа «Азбука-классика», 2010; *Берггольц О. Ф.* Дневные звезды. – М.: Современник, 1975.

2 Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской. – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014; Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда / отв. сост. *И. А. Муравьева*. – СПб.: Лениздат, 2014; «…Сохрани мою печальную историю…». Блокадный дневник Лены Мухиной / отв. ред. В. М. Ковальчук; сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. – СПб.: Азбука, 2011.

3 Эта память – наша совесть… . Труды второй научно-практической конференции преподавателей и студентов колледжей, посвященной 60-летию Великой Победы над фашизмом. – СПб.: Изд-во Газиевой Л., 2007; *Щукина Е. Л.* Очерки блокадных дней / редкол. Л. Б. Береговая, Е. Н. Дмитриева и др. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010; Мы храним бесценное наследство.

4 Блокадная педагогика / И.А. Колесникова, Н. В. Груздева, Л. В. Дербилова. – СПб.: Изд-во «Росток», 2022; Simmons, C. Writing the Siege of Leningrad: Women` s Diaries, Memoirs, a. Doc. Prose / Cynthia Simmons, Nina Perlina; with a forew. by Richard Bidlack. – Pittsburg: Univ. of Pittsburg press, 2005.

5 Они мало известны исследователям за исключением дневников К. В. Ползиковой-Рубец (*Ползикова-Рубец К. В.* Они учились в Ленинграде: Дневник учительницы. – М; Л., 1948), и мемуаров М. М. Шарый («Хотелось сохранить хотя бы часть… семьи…» Запись воспоминаний директора детского дома №51 г. Ленинграда М. М. Шарый о работе в условиях блокады 1941–1943 гг. / Публ. Л. Л. Газиевой // Отечественные архивы. – 2013. – №5. С. 87–113).

6 Блокада Ленинграда глазами детей и подростков: социокультурный аспект/ сост. Н.И. Богомазов, И. В. Петров, О. В. Пржигодзкая, Г. Л. Соболев, Е. А. Тарасова, М. В. Ходяков. – СПб.: Первый класс, 2019.

7 *Гинзбург Л. Я.* Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. – М.: Новое изд-во, 2011.

постблокадного опыта является книга о книге: подготовленная Н. Е. Соколовской подборка документов, раскрывающая «кухню» написания и издания «Блокадной Книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина[1]. В том же стиле опубликовано собрание личных документов женщин и детей блокированного Ленинграда из коллекции Музея политической истории (бывшего музея Великой Октябрьской Социалистической революции). Автор-составитель А. П. Смирнов, стремясь к максимальной передаче эмоционального состояния, дополняет эмотивное пространство литогравюрами, плакатами, фотографиями военной поры[2].

Десятая группа: устные интервью и стенограммы. В виде документальных фильмов нами в течение 2004–2022 гг. были записаны интервью, взятые у различных по социальному составу и возрасту жителей блокадного Ленинграда и их потомков, переданные в ряд музеев, а также хранящиеся в личном архиве. Некоторые интервью были опубликованы в виде стенограмм с комментариями интервьюеров – студентов. Методом отбора материала является кросс-культурный, цель которого – конструирование эмотивного историко-психологического пространства.

Имеются три основных вида таких интервью по содержанию и типу воспоминаний. Первый: прямые трансляции воспоминаний в форме стенограмм и видеозаписи бесед с жителями блокадного Ленинграда, участниками обороны Ленинграда. Второй: фильмы-воспоминания, имеющие характер ретрансляций, среди которых воспоминания о родных, переживших блокаду и войну. Особый вид ретрансляций: реконструкция собственного блокадного опыта на основе воспоминаний близких. Сложный характер функционирования памяти в подобных реминисценциях требует осторожного обращения с подобным материалом. Поэтому данный вид источников рассматривается исключительно как иллюстративный, вспомогательный в данном исследовании.

В то же время условный характер подобных реминисценций вызвал интерактивную деятельность публицистов и историков, увлекшихся реконструированием психоисторического пространства, связанного с блокадными реминисценциями. Назовем несколько ярких проектов.

В качестве примера такой кросс-культурной деятельности можно привести документально-публицистический фильм «Право на жизнь» (автор: Ю. С. Дружинин, телеканал «Санкт-Петербург»), выстроенный как публицистическое исследование судеб детей, вывезенных в эвакуацию из Ленинграда в 1941–1943 гг.[3] В том же ключе выдержан документальный фильм: «Дорогой жизни в Санаин» (автор: Е. Додзина), посвященный эвакуации Ленинградского детского дома №

---

1 «Люди хотят знать»: История создания «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина / сост. Н. Соколовская. – СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2021.

2 «Выживем!». Блокадные дневники и реликвии обороны Ленинграда из коллекции Музея политической истории России/ авт.-сост. А. П. Смирнов. – Санкт-Петербург: ГМПИР, 2023.

3 Право на жизнь. 1-3 серии. (Ю. Дружинин, 2021) [док.-публ. фильм] / Санкт-Петербург: [телеканал]. – Время воспроизведения: 1:15:29. – URL: https://topspb.tv/programs/1266/ (дата публикации: 8.09.2021).

51, включавшего детей из областного детского дома №5, через Краснодарский край в Армению[1].

Подчеркнуто драматический характер имела выставка-реконструкция, посвященная положению ленинградского населения, проходившая в Манеже в марте-мае 2024 г. Данная реконструкция сопровождалась аудио-спектаклем, составленным из художественных реминисценций блокадных переживаний ленинградцев[2]. Необходимо также отметить совместный проект историков и журналистов «Ленинградские дети. Дорога домой», в котором через призму судьбы человека показаны проблемы и противоречия организации спасения ленинградских детей в 1941 г.[3]

Таким образом, источниковая база данного исследования представляет собой обширный комплекс документов разных типов, классифицированных, систематизированных, подвергшихся тщательному сравнительно-историческому анализу, результаты которого были опубликованы.

Общие выводы к главе: Изучение защиты и спасения гражданского населения в блокированном Ленинграде имеет внутренние противоречия и проблемы. Хотя значительная часть их была определена ранее исследователями, однако они остались не разрешены.

Одной из причин образования данной лакуны является недооценка опыта деятельности Советских органов государственной власти в данном направлении. Недостаточно изученными можно назвать такие аспекты проблемы как: организация эвакуации гражданского населения из Ленинграда, охрана личных и имущественных прав граждан органами советской власти, политико-правовая база мероприятий по реализации прав гражданского населения Ленинграда в период войны, взаимодействие центральных органов государственной власти (ГКО, СНК СССР и РСФСР, отдельных наркоматов СССР и РСФСР) и местных. Недооценена деятельность районных Советов депутатов трудящихся и их роль в сохранении жизни ленинградцев. Вне интересов исследователей остались проблемы взаимодействия государственных органов с общественностью.

Источниковая база исследования представляет собой репрезентативный целостный документальный комплекс в рамках изучаемой научной проблемы.

---

1 Дорогой жизни в Санаин. 1942. (Е. Додзина, 2024) [док. фильм] / Трейлер. – Время воспроизведения: 02:47. – URL: https://yandex.ru/video/touch/preview/4039946111455180483/ (дата публикации: 27.03.2024).

2 Город-герой Ленинград. Каталог выставки /Санкт-Петербургское бюджетное учреждение культуры «Центральный выставочный зал “Манеж”». – Санкт-Петербург: АНО «Свободные художники», 2024.

3 Ленинградские дети. Путь домой. (М. Кузовенков, М. Арманд; науч. консультанты Д. Асташкин, Л. Газиева, 2024) [док. фильм] / Трейлер. – Время воспроизведения: 01:10. – URL: https://t.me/Russiacultura/9932/ (дата публикации: 19.04.2025).

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПОЛОЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА В 1941–1944 ГОДАХ

2.1. Институциональные особенности положения ленинградского населения в 1941 – 1944 гг.

Проблема защиты и спасения прав гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 гг. предполагает, прежде всего, выяснение правового статуса гражданского населения в этот период. Базовыми в этом вопросе являются документы Нюрнбергского процесса Международного военного трибунала (МВТ), где было дано определение военных преступлений против гражданского населения в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.)[1]. МВТ действовал согласно Уставу, разработанному на основе международного Женевского и Гаагского права. Установление фактов преступлений на территории конкретных стран подлежали юрисдикции судебных органов тех стран, где они совершались. В связи с этим уже в декабре 1945 г. Военным трибуналом Ленинградского военного округа был установлен факт военных преступлений против гражданского населения г. Ленинграда и пригородов.

20 октября 2022 г. Городской суд г. Санкт-Петербурга, рассмотрев исковое заявление городской прокуратуры от 09.09.2022 г., вынес решение об удовлетворении требований прокурора г. Санкт-Петербурга о признании блокады Ленинграда оккупационными властями и войсками Германии, их пособниками – военными формированиями Бельгии, Италии, Испании, Латвии, Нидерландов, Норвегии, Польши, Финляндии, Франции и Чехии в период с 08.09.1941 г. по 27.01.1944 г. военным преступлением, преступлением против человечности и геноцидом национальных и этнических групп, представляющих собой население СССР, народов Советского Союза[2]. Вынесение такого решения было основано не только на представленных городским прокурором документах, но и на многочисленных свидетельствах экспертов[3].

В то же время остались некоторые аспекты, недостаточно изученные историками, требующие дополнительного рассмотрения в интересах данного исследования.

Рассмотрим статус гражданского населения в 1941–1944 годах в обычном военном праве воюющих стран: СССР, Великобритании, США, Франции, Германии в период Второй мировой войны.

Основной целью вооруженных сил РСФСР и СССР, сформулированной в Полевом Уставе

---

1 Подробнее см. приложение 6.

2 Объединенная пресс-служба судов Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] / URL: http://t.me/SPbGS/12616. (дата обращения: 23.10.2022). См. также URL: http://t.me/SPbGS/12587. (дата обращения: 01.11.2022).

3 Без срока давности [Электронный ресурс] // Трагедия мирного населения в годы Великой Отечественной войны. Сайт. URL: https://безсрокадавности.рф/ (дата обращения: 07.07.2020).

РККА, введенном 30.12.1936 г. (ПУ-36), являлось обеспечение неприкосновенности границ и независимости СССР[1]. Вопросы взаимодействия с гражданским населением в ПУ-36 представлялись с двух позиций: организации обеспечения войск местными средствами, а также политической работы по обеспечению правильных взаимоотношений с местным населением, воспитание «каждого бойца Красной Армии в духе уважения к национально-бытовым особенностям местного населения»[2]. Отдельно рассматривались вопросы организации тыла войск, в том числе эвакуации и обороны. Оговаривалось взаимодействие с местными органами государственной власти для обеспечения местными средствами находящихся в тылу войск[3]. Таким образом, ПУ-36 вопросы, связанные с гражданским населением, рассматривались через призму взаимодействия с гражданскими властями.

Временный характер Полевого Устава, а также смена на посту наркома обороны К. Е. Ворошилова С. К. Тимошенко, а затем И. В. Сталиным, позволили ряду историков считать его в начале войны недействительным[4]. С этим нельзя согласиться, так как полевой Устав, подготовленный С. К. Тимошенко, не был утвержден. В своих воспоминаниях С. М. Штеменко описывает сколь высокое значение политической роли уставов отводилось Сталиным[5]. Должен был способствовать влиянию уставных документов при обороне Ленинграда и тот факт, что К. Е. Ворошилов в июле 1941 г. был назначен главнокомандующим Северо-Западного направления.

Принципиально важным было возложение ответственности за выполнение явно преступного приказа как на начальника, так и на подчиненного Уставом внутренней службы РККА (УВС 37), утвержденным 21 декабря 1937 г., который сохранялся в течение всего периода Второй мировой войны[6].

Такая же ответственность возлагалась в Положении о Рабоче-Крестьянской милиции за выполнение противозаконного приказа. Охрана личной безопасности граждан и их имущества, наряду с охраной революционного порядка, являлись целью и обязанностью рабоче-крестьянской милиции как административно-исполнительного органа власти[7].

Таким образом, несмотря на крайне противоречивый характер Уставов Красной Армии, все же нельзя согласиться с выводом ряда исследователей, что обычное право складывалось в СССР

---

1 Временный Полевой Устав РККА. ПУ-36. – М.: Воениздат, 1938. С. 9.
2 Там же. С. 63.
3 Там же. С. 29–37, 45–49.
4 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада). СПб., 2001. С. 49.
5 *Штеменко С. М.* – М.: Воен. изд-во Минобороны СССР, 1968; *Его же.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. – М.: Воен. изд-во Минобороны СССР, 1974. С. 18–21.
6 Устав внутренней службы РККА. 1937 (УВС-37). – Йошкар-Ола: Марийское изд-во, 1942. С. 12–14.
7 Положение о рабоче-крестьянской милиции. П. 1. Раздел I (Общие положения) // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – М., 1931. – №33. С. 430, 435.

уже в период войны[1]. Скорее оно эволюционировало.

В полевых уставах Великобритании и США вопросы о взаимодействии с гражданским населением отсутствовали. В уставе США война рассматривалась как общенациональное дело, конечной целью которого является достижение удовлетворительного мира. На оба устава наложил отпечаток характер колониальных войн[2]. Во Французском пехотном уставе указывалось на необходимость вежливого обращения с пленными. О мирном населении не было ни слова[3].

Напротив, в штабном уставе немецкой армии в 1939 г. впервые определенно ставились задачи сохранения населения путем эвакуации, обеспечения гражданской обороны силами войсковой ПВО[4]. Эти правовые нормы расходились с конкретной военной практикой действий вермахта, в том числе применяемой при осаде Ленинграда, подтверждаемой многочисленными примерами (см. ниже).

Таким образом, если статус гражданского населения в военных уставах европейских стран и США в период Второй мировой войны, как правило, не рассматривался, то можно отметить в качестве исключения устав вермахта, в котором сохранение населения выступало в качестве одной из задач подготовки театра военных действий. Однако расхождение этого положения с практикой организации военных действий свидетельствовало о формализме правовых отношений в фашистской Германии, что, на наш взгляд, усугубляло виновность германского командования в период Второй мировой войны.

Роль и значение гражданских органов власти Советским обычным военным правом определялись задолго до войны: обеспечение безопасности населения, взаимодействие с РККА в организации ПВХО, эвакуации, содействие материальному обеспечению. Это подтверждается анализом деятельности Ленгорисполкома по реализации мобилизационных планов, организации эвакуации, МПВО, содействию материальному обеспечению РККА накануне и во время войны (подробнее ниже).

Таким образом, можно отметить, что, хотя Устав Нюрнбергского процесса опирался только на международные конвенции, однако институционализация иммунитета гражданского населения была подготовлена обычным военным правом, где к 1941 г. уже закрепилось требование

---

1 *Иванов В. А.* Человек и какофония начавшейся войны (лето – осень 1941 г.): новые источники и попытки осмысления // Новейшая история России. – 2016. – №2. С. 31–40; *Боев В. И.* Война и уголовный закон. – М., 2009. С. 130–131.

2 Полевой устав английской армии. 1935. Часть II. Боевые действия войск. Общие основы. – М., 1940. С. 242, 244; Временный полевой Устав Армии Соединенных Штатов Америки. – М.: Воен. издат. НК Обороны СССР, 1941. С. 36–43.

3 Французский пехотный устав. Часть II. Бой. – М.: Воениздат, 1940. С. 9–11.

4 Справочник для высших штабов на военное время. Устав немецкой армии. №92. Часть I.: пер. с нем. [сокр.]. – М.: Воениздат, 1946. С. 3–4, 7–9, 57–59.

ответственного и вежливого отношения к гражданскому населению со стороны военнослужащих, взаимодействие с гражданскими властями по вопросам материального обеспечения армии.

Как и в международном праве, в Советском военном праве, накануне и в период Второй мировой войны, преступный приказ рассматривался как подстрекательство к совершению преступления, за которое несут ответственность и тот, кто подстрекает, и тот, кто совершает преступление.

Иммунитет гражданского населения защищался международным Женевским и Гаагским правом, а также обычным правом стран-участниц Второй мировой войны. Положения населения касались многие международные договоры, соглашения и конвенции, по вопросам здравоохранения, связи, экономического, социального и культурного сотрудничества, актуальные для СССР в 1941–1944 гг.

Международные договоры, соглашения и конвенции, действовавшие на 1 января 1937, публиковались в сборниках, издаваемых Наркоматом юстиции СССР, начиная с 1921 г. Целесообразно назвать важнейшие из документов, опубликованных в данных сборниках, так или иначе затрагивающие статус гражданского населения в военное время.

Действовали конвенции и соглашения в разнообразных сферах хозяйственной жизни, которые имели значение при решении конкретных вопросов жизнеобеспечения населения в условиях обороны Ленинграда: при прокладывании подводных телеграфного и электрических кабелей по дну Ладоги (Конвенция по охране подводных кабелей, 1884–1887), при спасении уникальной коллекции семян во всесоюзном институте растениеводства (Конвенции по защите растений и о создании Международного сельскохозяйственного института, 1936). Значительная часть кредитных средств городского бюджета хранилась в векселях, что регулировалось Конвенцией, устанавливающей единообразный закон о переводном и простом векселях (1936 г.), а работа почты и отправление эшелонов с посылками в эвакуацию детям или на фронт – Соглашением о письмах и ящиках с объявленной ценностью (1934). Действовал также ряд конвенций и соглашений по вопросам здравоохранения: Соглашение об учреждении Международного Бюро Общественной гигиены (с 1925 г. к нему присоединился СССР), о взаимной защите от [тропической – Л.Г.] лихорадки Денге (1934), Конвенция об ограничении производства и регламентации распределения наркотических средствах (1935)[1]. В скобках указаны даты присоединения СССР, в том числе как

1 Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I-II. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1925 г. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1928; Указ. соч. Вып. №_. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 мая 1926 и 1 февраля 1928 г. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1936. С. 92–96; Указ. соч. Вып. IX. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1937 г. – М., 1938. С. 214–218, 218–250, 328–421, 472–496; Российское историческое общество. Документы [Электронный ресурс] // URL: http://docs.historyrussia.org/ru/docs/4-obratnaya-svyaz/ (дата обращения: 18. 04. 2020).

правопреемника Российской империи, к данным конвенциям.

Действовали конвенции, регулирующие трудовое право странами-участницами Международной организации труда (МОТ), которые были ратифицированы РСФСР и СССР. Всего 10 конвенций[1]. Необходимо учесть, что СССР входил в Лигу наций, при которой работал МОТ, только в 1934–1939 гг. Это отразилось на незначительном количестве конвенций МОТ, ратифицированных РСФСР и СССР, в том числе касающихся труда женщин, детей и подростков. Конвенции МОТ, не ратифицированные СССР в довоенный период, принимались во внимание при формировании советского трудового законодательства[2].

Таким образом, иммунитет и обеспечение жизнедеятельности гражданского населения СССР, в том числе ленинградского, были связаны со взаимными обязательствами международного характера, и в то же время опирались на нормы обычного права воюющих стран.

Особняком стоит вопрос о правовом статусе детства и материнства в СССР и РСФСР в 1941–1944 годах в связи с дискуссионностью этого вопроса в современной исторической литературе[3]. Одной из причин такого состояния вопроса является недостаточная проработка правового статуса детства и материнства, а также статуса подростков, международным гуманитарным правом накануне Второй мировой войны, что затрудняло его применение[4].

В то же время многие конкретные мероприятия по охране детства и материнства получили первоначальное закрепление в обычном праве. Перед войной было принято три конвенции МОТ, регламентировавших женский труд: «Об охране материнства (о применении труда женщин до и после рождения ребенка)» С 003 была принята в 1919 г. (вступила в силу 13 июня 1921 г.). Согласно данной Конвенции, женщины-матери имели право на декретный отпуск 6 недель после родов, указывались перерывы в работе для кормлений (2 раза в день), необходимость пособий достаточных для полноценного развития ребенка (ст.3). Конвенцией 004 «О ночном труде женщин (за исключением семейных предприятий)», принятой в 1919 г. и вступившей в силу в 1921 г., запрещался ночной (с 22-00 до 5-00 часов) труд женщин и определялись возможные

---

1 СССР и РСФСР перед войной были ратифицированы конвенции №№11, 13, 14, 16, 27, 29, 32, 45, 47, 52. (Международная организация труда. Мировые стандарты [Электронный ресурс] // URL: https://www.ilo.org/global/standards/lang--en/index.htm. (дата обращения: 18.02.2015))

2 *Лушников А. М.* Международное трудовое право и право социального обеспечения: генезис и развитие (XIX – начало XXI в.) // Вестник трудового права и права социального обеспечения. – 2009. – Вып. 4. С. 25.

3 См. *deGraffenried J. K.* Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War. – University Press of Kansas, 2014.

4 На 5-й сессии Лиги наций в 1924 г. была принята Международная (Женевская) Декларация прав ребенка, содержавшая гуманные принципы защиты детей. Однако она так и не была ратифицирована, что свидетельствовало также о незрелости обычного права в вопросах охраны детства и материнства. Одной из причин отказа от ратификации являлось отсутствие определения субъекта – ребенка (по *Ханахмедова Л. В.* Международная правовая защита детей: история и современность // Философия права. – 2016. – №3. С. 49). Инициаторами Декларации были члены Международного союза спасения детей: Эглантин Джебб, Януш Корчак, Гюстав Адорно (президент Международного Комитета Красного Креста (МККК), 1910–1928 гг.).

исключения из этого правила. В 1935 г. была принята Конвенция 045, запрещавшая труд женщин в подземных шахтах любого вида (вступила в силу в 1937)[1].

Международным трудовым правом был определен правовой статус детства как возрастное состояние, в котором индивид подлежит обучению и воспитанию, имеет ограничения по привлечению к труду. В 1919–1937 гг. было подписано Международной организацией труда (МОТ) при Лиге наций в общей сложности 10 конвенций, а также распоряжения к ним, вводившие возрастные ограничения применения детского труда. Минимальный возраст привлечения подростков к производственному труду в 1936–1937 гг. поднялся до 15 лет, за исключением учащихся технических школ. (Таблица 1). Из конвенций, принятых МОТ перед войной, регламентирующих труд детей и подростков, СССР была подписана только С016, о необходимости медицинской экспертизы для подростков 14–17 лет, работающих на борту судна в море[2]. В то же время указанные нормы международного трудового права учитывались советским законодательством при определении возраста, подлежащего обучению и воспитанию.

Сложившийся порядок охраны материнства и детства, социального страхования в Советском государстве содержался в Кодексе законов о труде РСФСР 1922 года, который применялся и в СССР. Регламент работы женщин и несовершеннолетних определялся главой XIII Трудового Кодекса. В ней закреплялось право женщин, занятых физическим трудом, на 16-недельный отпуск по беременности и родам (служащие имели 12-недельный отпуск), перерывы в работе для кормления младенца. Трудовая повинность не распространялась на детей до 16 лет, запрещался труд за вознаграждение до 16 лет, а также использование труда женщин и несовершеннолетних ночью (с 22-00 до 6-00 часов), в особо вредных и опасных условиях, на подземных работах. Глава XVII определяла порядок социального страхования, которое включало пособия на оказание лечебной помощи, по временной утрате трудоспособности (болезнь, увечье, карантин, беременность, роды, уход за больным членом семьи), по инвалидности, по безработице, единовременные пособия на кормление ребенка и предметы ухода, а также на погребение, для работающих по найму при потере кормильца и пр. Причем срок выплаты пособия по временной нетрудоспособности не ограничивался временными рамками[3].

Некоторые правовые положения Кодекса шли дальше Конвенций МОТ. Так, Кодекс законов о труде РСФСР 1922 года запрещал ночной труд несовершеннолетних, с 16 до 18 лет (с 22-00 до 6-00), в то время как конвенция 006 МОТ (1919 года) разрешала ночной труд для подростков с 16

1 Конвенции [Электронный ресурс] // МОТ. Правовые нормы. URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/ (дата обращения: 24.07.2017).

2 Там же.

3 РСФСР. Законы. Кодекс законов о труде 1922 года: Утв. IV сессией ВЦИК Советов 30 окт. 1922 г. / Наркомат труда. – Ростов н/Дону, 1922.

лет (с 22-00 до 5-00). Конвенция 045 МОТ (1937 г.), запрещавшая труд женщин в шахтах, была единственной в сфере охраны женского труда, ратифицированной СССР, и то, только в 1961 году. Однако, согласно Трудовому кодексу 1922 г., в СССР труд женщин в подземных шахтах, как и ночной труд (с 22-00 до 6-00), запрещался, в то время как конвенция 004 МОТ запрещала труд женщин с 22-00 до 5-00. По обязательному страхованию по болезни Трудовой кодекс опередил конвенцию МОТ С024 на пять лет: конвенция была принята в 1927 г. и вступила в силу в 1928 г.

Постановлением ЦИК и СНК СССР 1930 г. право на социальное и пенсионное обеспечение не распространялось на широкую группу лиц, лишенных избирательных прав в Советские органы власти («лишенцев»). Статья 135 Конституции СССР 1936 г. вводила лишение избирательных прав решением суда[1].

Использование женского труда в народном хозяйстве планомерно расширялось с 1929 года. В. З. Голдман обращает внимание на две составляющие этого процесса: политико-идеологическую, феминистическую, в которой лидирующую роль играли женские организации во главе с деятельницами Комитета по улучшению труда и быта работниц и крестьянок, и прагматичную, связанную с деятельностью Госплана Народного комиссариата труда. В. З. Голдман ссылается на появившийся в 1930 г. «Пятилетний план женского труда», подготовленный Госпланом. С 1929 по 1935 годы численность женщин, занятых в главных отраслях народного хозяйства, возросла на 239%. В 1936 г. женщины составляли 40% студентов вузов, 43% – техникумов, 35% – рабфаковцев. Список специальностей, резервируемых для женщин, согласовывался с Институтом охраны труда[2]. В целом эти данные подтверждаются статистикой по населению Ленинграда в 1939–1941 гг. Так, в январе 1941 года только 33% ленинградских женщин старше 16 лет находились на иждивении, то есть были домохозяйками, инвалидами, пенсионерками[3].

Вовлечение женщин в общественное производство сопровождалось укреплением статуса трудящейся женщины-матери. 27 июня 1936 г. вышло постановление Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских домов, усилении уголовного наказания за неплатеж

---

1 Данное ограничение без изменений сохранялось до 7 октября 1977 г. и было исключено только из новой Конституции 1977 года (СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР. – [Москва]: Госполитиздат, 1941. С. 135).

2 *Голдман В. З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии. (1917–1937). – М: РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. С. 179–180, 190, 212, 330–337.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24 (Ленинградский областной комитет КПСС). Оп. 2в. Д. 5115 (Материалы Управления нар.-хоз. учета г. Лен-да о работе пром-ти за 1 кв., о к/х работе, о труд. ресурсах Лен-да на 01.01. 41 г., численности детей, заболев-ти и смерт-ти насел., о бюджете семьи раб. и служ. области на 1940 г… 6.II.41-13.VII.41). 326 л. (Документ рассекречен в 2013 г., не публиковался).

алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»[1]. Этим постановлением 16-недельный декретный отпуск, в который ранее уходили женщины-работницы и некоторые служащие, распространялся на всех женщин-служащих, пособия были увеличены, выдавались и незастрахованным женщинам, работающим в кооперативных артелях и предприятиях. Впервые были введены специальные государственные пособия многодетным матерям, имевшим 6–10 и более детей[2]. Одновременно ограничивались разводы, вводилась уголовная ответственность за аборты, сделанные помимо медицинских показаний. Вслед за этим было принято постановление, устанавливающее уголовную ответственность за отказ в приеме на работу беременным женщинам (уточнено в 1937)[3]. Охрана детства и материнства была закреплена в Конституции СССР 1936 г. (ст. 122)[4].

Укрепление статуса женщины-работницы, женщины-матери в СССР явилось важным фактором в организации победы над фашизмом, что отмечал британский журналист Морис Хиндус[5]. В то же время необходимо иметь в виду указанную специфику правового режима «сталинизма», с наибольшей силой проявившую свои противоречия в период Великой Отечественной войны.

Укрепление статуса детства было связано с привязанностью его к обучению и, соответственно, с переходом ко всеобщему 7-летнему образованию. В статье 121 Конституция СССР 1936 года закрепила право трудящихся на всеобщеобязательное начальное образование, обучение в школах на родном языке, бесплатное производственное, техническое и агрономическое обучение трудящихся[6].

Основой для введения всеобщеобязательного начального образования явилась реализация постановлений 1930–1936 годов. Переход ко всеобщему начальному образованию (1–4 класс) на основе бесплатной и общедоступной Трудовой школы начался уже в 1925 г. в РСФСР[7]. Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 14 августа 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном

---

1 Счастливое материнство, брак и семья при социализме // *Рабин А. Э.* Женщина в стране социализма. Краткий указатель литературы. – Л., 1940. С. 18–20.

2 Инструкция о порядке назначения и выплаты государственного пособия многодетным матерям. – Минск, 1937. [Постановление СНК СССР от 22 мая 1937 г.]

3 ЦИК СССР N 76, СНК СССР N 1813. Постановление от 5.10.1936 «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им заработной платы по мотивам беременности». [Электронный ресурс] // Библиотека правовых документов Советской власти. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4090.htm/ (дата обращения: 27.07.2017).

4 СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР. С. 20.

5 *Hindus M.* Russia Fights on. – L., 1942. P. 145.

6 СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР. С. 20.

7 Временно в школах разрешалось взимать плату за обучение. (ВЦИК. СНК РСФСР. Постановление от 31.08.1925 г. О введении в Р.С.Ф.С.Р. всеобщего начального обучения и построении школьной сети // Основные узаконения и распоряжения по народному просвещению. – М.-Л., 1929. С. 221).

обучении» было положено начало созданию единой системы государственного образования. Эта система включала всеобщее начальное двухступенчатое образование (I ступень 1–4 классы, II ступень 5–7 классы). В постановлении (п.3) указывалось: «Ввести с 1930-1931 г. всеобщее обязательное начальное обучение детей (мальчиков и девочек) в объеме школы семилетки в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках». В других местностях решение о переходе к обязательному семилетнему обучению передавалось на усмотрение Правительств союзных и автономных республик и краевых (областных) исполкомов, а также райисполкомов[1]. Выполнение данного постановления приобрело политический характер, что целиком определило специфику структуры и деятельности Наркомпроса РСФСР.

Принципиальное значение имело приобретение учащимися навыков производственного (овладение основными рабочими профессиями) и сельскохозяйственного труда. Направление для формирования единой системы обучения и воспитания было задано постановлениями ЦК ВКП (б): от 25 августа 1931 года «О начальной и средней школе» и от 4 июля 1936 года «О педологических извращениях в системе наркомпросов»[2].

Трудности в реализации всеобщего семилетнего образования в сельской местности на всей территории СССР требовали более точных формулировок. В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О структуре начальной и средней школы в СССР» II ступень (5-7 классы) относились к неполной средней школе[3]. Таким образом в статье 121 первой редакции Конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 г., не уточнялось время получения начального образования, и группа подростков старше 12 лет в сельской местности подлежала обязательному обучению в 5-7 классах только при наличии соответствующих условий.

Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. №3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» к детям с 12 лет стали применяться все формы уголовной ответственности. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» дети-правонарушители до 14 лет должны были

---

1 ЦИК СССР. N 43. СНК СССР. N 308. Постановление от 14.08.1930 г. О всеобщем обязательном начальном обучении [Электронный ресурс] // Библиотека правовых документов Советской власти. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3264.htm/ (дата обращения: 08.08.2017)

2 В постановлении 1931 года были разработаны основные направления реформы школы: перехода ко всеобщей семилетней политехнической школе для несовершеннолетних до 17 лет, в которой учащиеся овладевали бы широкими систематизированными знаниями по общеобразовательным предметам в тесной связи с производственным овладением основными рабочими профессиями, получали хорошую подготовку для дальнейшей учебы в техникумах и вузах. Постановление 1936 г. «О педологических извращениях...» искореняло ложную практику создания специальных школ для «дефективных» детей на основании педологических методик. (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5 (1929–1932). – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1984. С. 353–361; КПСС в резолюциях и решениях …. Т. 6 (1933–1937). – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1985. С. 364–367).

3 КПСС в резолюциях и решениях …. Т. 6 (1933–1937). С. 151–152.

содержаться в трудовых колониях и других детских учреждениях НКВД. Комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей при отделах народного образования ликвидировались, а дела передавались в органы НКВД[1].

С началом Второй мировой войны политическую значимость приобрела трудовая эмансипация подростков (14–15 лет) и молодежи (16–18 лет). В связи с этим уже 2 октября 1940 года были приняты Указ Президиума ВС СССР и Постановление СНК СССР №1852 «О государственных трудовых резервах». 28 декабря 1940 года вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О ходе выполнения Указа Президиума ВС СССР “О трудовых резервах СССР”». В постановлении подводились итоги первого призыва, указывались недостатки, связанные с призывом в школы ФЗО городской и колхозной молодежи, не достигшей 16-летнего возраста, или с образованием в объеме двух классов начальной школы[2] .

Трудовая дисциплина подростков и молодежи, учащихся в системе Трудовых резервов (ТР), регулировалась Указом Президиума ВС СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)» (опубликован в №1 за 1941 г. «Ведомостей ВС СССР»). Согласно Указу за эти нарушения дисциплины полагалось заключение в трудовые колонии сроком до одного года[3].

Начало Великой Отечественной войны расширило границы трудовой эмансипации. 26 июня 1941 г. вышел указ Президиума ВС СССР, а 2 июля 1941 г. постановление СНК СССР №1802, которые разрешили привлекать детей до 16 лет к сверхурочным работам, с 14 лет к сезонным сельскохозяйственным работам.

Однако выполнение закона о всеобщеобязательном начальном (7-летнем) образовании оставалось в поле зрения правительства СССР всю войну. Об этом свидетельствуют передовая статья журнала «Начальная школа», №7, первого вышедшего после начала войны, а также статья Е. И. Волковой, начальника Управления по дошкольному воспитанию НКП РСФСР, в журнале «Дошкольное воспитание», №10 за 1941 год. В обеих публикациях подчеркивалось руководящее

---

1 КПСС в резолюциях и решениях …. Т. 6 (1933–1937). С. 213–218.

2 Согласно Указу Президиума ВС СССР и Постановлению СНК СССР №1852 «О государственных трудовых резервах» ежегодно проводилась мобилизация молодежи для обучения основным рабочим профессиям: 2-годичного в системе ремесленных и железнодорожных училищ и 6-месячного в системе фабрично-заводского обучения (ФЗО). Юноши и девушки 14–15 лет призывались в ремесленные училища и приступали к трудовой деятельности по достижении 16 – 17-летнего возраста, получая вместе с профессией образование. В систему ФЗО призывалась молодежь с 16 лет. (КПСС в резолюциях и решениях …. Т. 7 (1938–1945). – М.: Изд-во полит. литры, 1985.С. 185).

3 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1943 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юриздат НКЮ СССР, 1943. С. 124.

значение постановления от 5 сентября (25 августа) 1931 года о всеобщеобязательном обучении[1].

В 1942 г. статус «учащиеся», как подлежащие обучению, был закреплен за подростками 14–16 лет, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 8 октября 1942 г. №16/м/18/4. Статус «учащиеся» давал освобождение от трудовой мобилизации. Были внесены соответствующие изменения в уголовное законодательство[2].

Таким образом, несмотря на трудовую эмансипацию подростков 14–15 лет и молодежи 16–17 лет, вовлекаемых в хозяйственно-производственную деятельность, важнейшей политической задачей в 1930–1940 гг. становится реализация начального (7-летнего) обучения несовершеннолетних.

В 1940–1944 гг. статус детства в уголовном и гражданском законодательстве СССР эволюционировал. Специфической особенностью регулирования правовых отношений в период войны является включение в военное право обычного, принятого у воюющих стран, прежде всего уголовного и гражданского права. Поэтому важно определить статус детей как группы, обладающей безусловным иммунитетом, в соответствии с действующим в период Второй мировой войны уголовным и гражданским правом в СССР и РСФСР.

В Кодексе законов о браке, семье и опеке (р. III, гл. 1, ст. ст. 69, 70) с изменениями на 15 ноября 1940 г. в качестве основного критерия при определении статуса детства использовался критерий неполной дееспособности и иждивенчества: опеки (до 14 лет) или попечительства (14 – 18 лет), дающих право на получение алиментов[3]. Поэтому в Гражданском и семейном праве использовались термины: несовершеннолетние (дети) и до 14 лет, и до 18 лет.

Следует иметь в виду, что Кодекс законов о труде 1922 года лишал лиц до 16 лет права заниматься возмездным трудом (п.13)[4]. В то же время в юридической практике с 14 ноября 1927 г. имелись прецеденты эмансипации прав 14–18-летних лиц в области трудовых отношений (право распоряжаться зарплатой и заключать сделки, с согласия родителей, усыновителей и опекунов). В постатейные комментарии к Гражданскому кодексу они были включены в 1948 г., когда этот процесс уже стал де-факто[5] .

---

1 Великая Отечественная война и школа // Начальная школа. – 1941. – №7. С. 6–9. В статье указана дата публикации в №245 газеты «Правда»: 5 сентября 1931 года; *Волкова Е. И.,* член Коллегии Наркомпроса, Начальник Управления по дошкольному воспитанию. За дальнейшее повышение качества работы детских садов: Рекомендации по использованию Устава и Руководства для воспитателей детских садов // Дошкольное воспитание. – 1941. – №10. С. 25–32.

2 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1943 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юриздат НКЮ СССР, 1943. С. 114.

3 РСФСР. Законы. Кодекс законов о браке, семье и опеке. С изменениями на 15 ноября 1940 г. Официальный текст с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1940. С. 18.

4 РСФСР. Законы. Кодекс законов о труде 1922 года: Утв. IV сессией ВЦИК Советов 30 окт. 1922 г. / Наркомат труда. – Ростов н/Дону, 1922.

5 РСФСР. Гражданский кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 августа 1948 г. и с приложением

В 1942 г. в Кодексе законов о браке, семье и опеке (комм. к ст. 68, §1) получил развитие институт патронирования (воспитания) детей-сирот, а также воспитанников детских домов или домов младенцев от 5 месяцев до 14 лет. Патронирование осуществлялось до достижения 16-летнего возраста[1] .

В Уголовном кодексе (УК) РСФСР 1941 г. термины «дети» и «несовершеннолетние» также употреблялись как взаимозаменяемые. В ст. ст. 122, 152, 156 Уголовного кодекса выделялась группа «малолетних». Оставление без помощи малолетних, находящихся в опасном для жизни состоянии, лицом, обязанным заботиться об оставленном и имел возможность оказать помощь, наказывалось исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев или штрафом до трехсот рублей (УК РСФСР, ст. 156)[2]. Возраст малолетних детей впервые был определен в Постановлении Наркомата государственного призрения в 1918 году[3], где «малолетние» до 16 лет отделялись от «несовершеннолетних» 16–18 лет. Однако развитие исправительно-трудового законодательства в 1924–1935 гг. внесло путаницу в этот статус, отделив детей-правонарушителей до 14 лет, подлежавших исправлению в трудовых колониях, от «молодежи», подлежавшей устройству в ФЗУ и на другие промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Кроме того, уголовное преследование детей с 12 лет позволяло внутри слоя «малолетних» выделить группу правонарушителей 12–14 лет, подлежащих заключению в трудовые колонии.

В ст. 12 Уголовного кодекса указывалось, что несовершеннолетние с 12 лет, будучи уличены «в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, убийстве или попытке к убийству», должны привлекаться к уголовному суду с применением всех мер наказания. [25 ноября 1935 г. (СУ 1936 г. №1, ст.1)]. Если в УК РСФСР 1940 г. имелись ограничения применения этой статьи в отношении детей 12–16 лет, то в августе 1941 г. в данной статье УК РСФСР термин «дети» перестал употребляться, будучи вытесненным «несовершеннолетние, достигшие 12 лет», одновременно были сняты ограничения в наказании для лиц до 16 лет[4] .

В Уголовном кодексе 1941 г. был также исключен из комментариев § 2 к ст. 36, ограничивавший применение ссылки для несовершеннолетних и замену другими мерами социальной защиты, которые «дают большую возможность приспособить несовершеннолетних к труду и

постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юр. издат-во мин-ва юстиции СССР, 1948. С. 14.

1 РСФСР. Кодекс законов о браке, семье и опеке, в 1942 г. Официальный текст с изменениями на 1 июня 1942 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1942. С. 77.

2 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. С изменениями на 1 августа 1941 г. – Москва: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 70, 80, 81.

3 НК госпризрения РСФСР. Постановление от 26.01.1918. «О переходе в ведение Народного Комиссариата государственного призрения всех учреждений призрения несовершеннолетних и малолетних детей и об учреждении коллегии призрения несовершеннолетних». [Электронный ресурс] // Библиотека правовых документов Советской власти. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_203.htm/ (дата обращения: 31.07.2017).

4 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. С изменениями на 1 августа 1941 г. … С. 6.

повысить их квалификацию [Постановление Пленума Верховного суда РСФСР, 26 июля 1931 г., пр. №10]». Само понятие «социальной защиты», применительно к уголовному наказанию, перестало быть актуальным.

В связи с эвакуацией детей важное значение приобрело их материальное обеспечение. В качестве меры социальной защиты в УК, редакция августа 1941 г., приводятся меры наказания (включая лишение свободы от 2 до 3 лет) опекунам за уклонение от обеспечения детей, а также: «Непринятие мер охраны и заботы о воспитании детей-сирот председателями сельских советов и назначенными сельскими советами опекунами, допустивших своими действиями или бездействием вступление этих детей на путь бродяжничества» (УК РСФСР, ст. ст. 158, 158-1)[1] .

В то же время неоказание помощи больному со стороны медицинского персонала наказывалось более строго: исправительными работами на срок до 1 года или штрафом до трехсот рублей, если имелась опасность для больного – штрафом до 1 тысячи рублей (УК РСФСР, ст. 157)[2]. Это объясняет указание статуса детей в большинстве случаев в сводках Городской эвакуационной комиссии (ГЭК) в 1942 г. как больных, что предполагало более строгую уголовную ответственность со стороны медперсонала в их отношении.

В 1942 г. вновь стал актуальным критерий различения статусов «детство» и «несовершеннолетие»: обучение или трудовая деятельность. Это позволило отделить «детей» и «подростков» до 15 лет, подпадающих под действие закона о Всеобуче (о всеобщем 7-летнем обучении детей, начиная с 8 лет)[3], от «несовершеннолетних» или «молодежи» 16–18 лет.

Однако в сентябре 1942 г. Указом Президиума ВС СССР вновь изменилась возрастная граница «молодежи», подлежащей призыву в школы ФЗО: для мужчин нижняя граница призывного возраста стала 15 лет[4].

В июле 1942 г. Указом Президиума ВС СССР продолжительность рабочего дня, во время обучения и на производстве, для подростков и молодежи 14–16 лет устанавливалась 6 часов[5].

Уголовное право 1942 года закрепило трудовую эмансипацию несовершеннолетних 16–18 лет. В УК 1942 г. вошел Указ Президиума ВС СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» («Ведомости ВС СССР», 1942 г., №8) с указанием меры уголовного наказания: 1

1 Там же. С. 81–82.
2 Там же. С. 81.
3 С 1 сентября 1944 г. нижняя граница возраста поступления в школу опустилась до 7 лет.
4 Президиум ВС СССР. Указ от 14.09.1942 г. О возрасте молодежи, призываемой в школы фабрично-заводского обучения. [Электронный ресурс] // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4364.htm/ (дата обращения: 08.08.2017).
5 Президиум ВС СССР. Указ от 14.07.1942 г. О продолжительности рабочего дня для подростков от 14 до 16 лет. [Электронный ресурс] // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4360.htm/ (дата обращения: 08.08.2017).

год принудительных работ за уклонение от работ, начиная с 16–18 лет.

От мобилизации освобождались лица 16–18 лет, подлежащие призыву в школы Фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленные и железнодорожные училища (РУ и ЖУ), а также учащиеся высших и средних учебных заведений[1] .

Была расширена уголовная ответственность несовершеннолетних, начиная с 14 лет, за трудовые преступления, не предусмотренные в постановлениях ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», а также, в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 31 мая 1941 г., наступление уголовной ответственности в случае совершения преступления по неосторожности[2] .

Различение статусных категорий «несовершеннолетние» и «подростки», как трудоспособные, и «малолетние», «дети», как нетрудоспособные, было закреплено в постатейных комментариях в Уголовном кодексе в 1943 году: появился юридический термин «подростки», со ссылкой на термин «несовершеннолетние». Это соответствовало реализации закона о всеобуче, охватывавшего несовершеннолетних от 8 до 15 лет, а с 1 сентября 1944 г. от 7 до 14 лет. Тогда же статус «учащиеся» был закреплен за подростками: за уклонение от участия в сельскохозяйственных работах подростки 14–16 лет освобождались от уголовного наказания в связи с основным статусом «учащиеся», распространявшимся и на не обучающихся подростков этого возраста (Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 8 октября 1942 г. №16/м/18/4)[3]. В то же время за нарушение дисциплины и самовольный уход с работы следовала уголовная ответственность: заключение в трудовую колонию сроком на 1 год[4]. В ряде работ исследователи приравнивают это заключение к тюремному, что спорно[5].

Необходимо указать на специфические особенности применения правового статуса детства в блокированном Ленинграде в 1941–1943 годах, порождавшие социально-правовые конфликты. Во-первых: выделение группы «дети до 12 лет» при распределении продовольствия. Внутренние противоречия такого статуса наиболее отчетливо выражены в эвакуационной статистике: докладных и актах организации питания в пути (1942 год)[6]. Например, в детских домах

---

1 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 июня 1942 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юриздат НКЮ СССР, 1942. С. 113–114.

2 Там же. С. 116.

3 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1943 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юриздат НКЮ СССР, 1943. С. 114.

4 Там же. С. 124.

5 *Чернов С. Н.* Подготовка промышленных кадров РФ в годы Великой Отечественной войны. Дисс. … д. и. н. – Петрозаводск, 1998. С. 76–77; *Калайчева Т. М.* Трудовые резервы Ленинграда в годы блокады (1941-1944). Дисс. … к. и.н. – СПб., 2002. С. 72. Следует заметить, что действие п. 5 Указа от 26 июня 1940 о заключении в тюрьму за самовольный уход из учреждения и предприятия не распространялось на лиц до 16 лет.

6 ЦГА СПб. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 37. (Докладные и акты начальников эшелонов). 159 л.

«детей» оказывалось ничтожно мало, а в группе инвалидов они составляли большинство[1]. Критерий нормирования при распределении продовольственных карточек был неустойчивым, так как в 1942 г. в группу «детская норма» попадали и 13-летние.

Другой особенностью являлось смещение идентификации детства и молодости, что приводило к нарушениям статистики контингента в детских учреждениях: в 1945 г. в эвакуированных детдомах среди воспитанников находились 20-летние молодые люди[2]. В детских дошкольных интернатах содержались дети до 10 лет, по решению Ленгорисполкома 1942 г.[3]

В правительственных документах, касающихся призывов в Трудовые резервы, употреблялось понятие «молодежь»: мужского пола, начиная с 14 лет, и женского пола, начиная с 15 лет. Амбивалентность этого понятия проявлялась в том, что питанием, одеждой и обувью призывников должны были снабжать детские дома, колхозы или родители. Таким образом, эта «молодежь» обладала основным свойством детства: материальной зависимостью[4].

Весной 1943 г. эта конфликтность обострилась в связи с организацией всеобуча. Вышло Постановление СНК РСФСР от 3 октября 1942 г. №675 «О возвращении в школу детей в возрасте до 14 лет»[5]. 14 июля 1943 г. было издано Постановление СНК РСФСР №637 «Об утверждении инструкции об организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет и о порядке контроля за выполнением закона о всеобщем обязательном обучении»[6].

Конфликтность правового определения статуса детства, как имевшего иммунитет и подлежащего спасению, проявилась в недостоверности блокадной статистики, анализ которой затруднен из-за многочисленных искажений данных.

Таким образом, накануне Второй мировой войны и Великой Отечественной войны иммунитет и обеспечение жизнедеятельности гражданского населения СССР опирались на нормы Советского права и были связаны со взаимными обязательствами международного характера.

Несмотря на тяготы войны, Советское правительство в 1941–1945 гг. принимало меры для соблюдения конституционных прав по охране детства и материнства (ст.122), на образование (ст.121). В то же время, чрезвычайные условия усугубляли выявленную внутреннюю конфликтность при реализации этих прав. В целом определение правового статуса детства в законодательстве РСФСР в 1940–1944 гг. соответствовало нормам Международного трудового права, в

1 Там же. Д. 91. (Итоговые сведения по эвакуации. 27 мая – ок. 22 сентября 1942). 12 л.
2 Такая возможность предусматривалась для трудовых домов НКВД исправительно-трудового типа.
3 *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944). – М.: Медицина, 1985. С. 76.
4 Постановление СНК СССР от 4 октября 1943 г. №1083 «Об очередном призыве молодежи в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 219. Л. 1 – 9об.
5 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №21–22. С. 14.
6 Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. – М., 1943. – №4. С. 46–50.

котором различались возрастные группы лиц до 18 лет: несовершеннолетние, дети, малолетние дети, подростки. Основными критериями различения статусов «детство» и «несовершеннолетние» являлись: обучение или трудовая деятельность. Сохранение за несовершеннолетними статуса лиц, которых надлежало обучать, позволяет нам включать данную категорию в число детей. В то же время несовершеннолетние 16–18 лет, несмотря на сохранение статуса неполной социальной зрелости: попечительство их со стороны родителей, усыновителей, статус детства утратили в результате частичной эмансипации: включения в трудовые отношения.

2.2. Историко-демографическая характеристика гражданского населения в Ленинграде в начале 1941 г.

Историко-демографические данные о наличии гражданского населения в Ленинграде в июне 1941 г. в течение длительного времени являлись секретными. Обычно использовались результаты переписи 1939 года, в которые исследователями вносились поправки. Отсюда много условных данных в историографии вопроса.

Н. А. Ломагин привел данные Главного управления имперской безопасности Германии от 16 октября 1942 г., в соответствии с которыми в Ленинграде находилось около 4–4,5 миллионов человек, включая военнослужащих и беженцев (за основу брались 3, 2 млн. человек, согласно переписи 1939 г.)[1]. В статье А. З. Ваксера указывается число постоянно проживавших в Ленинграде на начало 1941 г.: 3 398 тыс. чел. без учета приезжавших из пригородов. Это число берется как основное в исследовании С. Б. Бизева[2]. Динамика населения за 1939–1941 годы была воспроизведена Н. Ю. Черепениной на основе работы с документами Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ), с учетом показателей смертности и рождаемости. В то же время исследовательница указала, что ей не удалось найти данные по естественной динамике населения за 1941 г.[3]

---

1 *Ломагин Н. А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских служб, НКВД и письмах ленинградцев. – М: Яуза-каталог, 2017. С. 133.

2 *Бизев С. Б.* Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградской Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников). Дисс. … к. и. н. – СПб., 2001. С. 147; *Ваксер А. З.* Политические и экономические катаклизмы в России XX века и население Петрограда – Ленинграда – Санкт-Петербурга // Россия в XIX – XX веках. Сб. статей к 70-летию Р. Ш. Ганелина. – СПб., 1998. С. 349. Можно сравнить с данными статистического справочника, где указана численность населения Ленинграда в 1939 г. 3 421 тыс. (СССР в цифрах в 1980 году. Краткий статистический справочник / ЦСУ СССР. – М.: Финансы и статистика, 1981. С. 12).

3 *Черепенина Н. Ю.* Демографическая обстановка и здравоохранение в Ленинграде накануне Великой Отечественной войны // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. С. 18–34. Исследовательница сравнила данные ЗАГСА (ЦГА СПб. Ф. Р-7484. Оп. 3. Д. 13); ЦУНХУ (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 261); переписи 17 января 1939 (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 305).

Ю. З. Кантор, опираясь на «Справку Начальнику Управления милиции г. Ленинграда, ст. майору милиции т. Грушко» от 6 сентября 1941 г. о численности ленинградского населения, пишет, что на 22 июня 1941 г. в городе состояло: 2 812 634 чел., и на 4 сентября 1941 г.: 2 457 605 чел. В том числе на 22 июня 1941 г. в городе проживали 591 603 чел. детей, из которых с родителями в эвакуацию до 4 сентября 1941 г. выбыли 3889 чел. Всего за период с 22 июня до 4 сентября 1941 г. по этим данным в эвакуацию выехали 363 318 чел.[1] Однако, в самой справке указано, что не отмечены дети, выбывшие в эвакуацию с детскими учреждениями, и, частично, ополченцы. Очевидно, что справка составлена с учетом военных ограничений на демографическую информацию[2].

В отличие от вышеуказанных исследований, нами был использован *Статистический отчет УНХУ г. Ленинграда и Ленинградской области за 1940 год*, переданный в ОК ВКП(б), который позволяет привести демографические данные на 1 января 1941 года[3]. В отчете на основе сложных вычислений, произведенных на базе материала переписи (17 января 1939) с учетом изменений за истекшие два года, в том числе данных о естественном и механическом движении за 11 месяцев 1940 г., сделаны выводы о динамике населения Ленинграда (с городами Кронштадт, Колпино, Петергоф, Пушкин) и Ленинградской области[4]. Этот документ положен в основу дальнейшего исследования. (Таблицы 2 и 3).

В таблице 2 приведены данные по динамике различных слоев населения по полу и возрасту по г. Ленинграду и пригородам. В таблице 3 приведены данные по стратификации занятого населения в этих же регионах.

На начало 1939 года, согласно переписи населения в Ленинграде, вместе с Колпино, Кронштадтом, Петергофом и Пушкиным, проживало 3 193 677 чел.

Анализ таблицы 2 показывает, что к началу 1940 г. произошло снижение численности населения на 64 566 чел., по сравнению с началом 1939 г. Количество мужчин уменьшилось на 95 611 чел., женщин увеличилось на 31 045 чел. Следует предположить, что причинами этого явления были Советско-финляндская война и политика репрессий, сопровождаемые сдвигами в различных возрастных стратах населения, взаимосвязанных между собой.

---

1 *Кантор Ю. З.* Эвакуация из Ленинграда до и во время блокады // Побратимы. Сборник / отв. ред. Ю. З. Кантор. – Москва: Политическая энциклопедия, 2019. С. 29–30; Справка УНКВД по Ленинграду и Ленинградской области о численности населения в городе на 4 сентября 1941 [фотокопия] // Побратимы. С. 368.

2 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. С изменениями на 1 августа 1941 г. …. С. 6.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5115 (Материалы Управления нар.-хоз. учета г. Лен-да о работе пром-ти за 1 кв., о к/х работе, о труд. ресурсах Ленинграда на 01.01.1941 г., численности детей, заболеваемости и смертности насел., о бюджете семьи раб. и служ. области на 1940 г… 6.II.41–13.VII.41). 326 л.

4 Естественное движение – рождаемость и смертность; механическое движение – выбытие и прибытие на место регистрации.

К 1 января 1941 года число мужчин выросло на 56 745 чел., а женщин на 31 206 чел., очевидно за счет как естественного прироста, так и механической миграции. Таким образом, общее число жителей Ленинграда с пригородами составило **3 217 062**, что на 23 385 чел. больше, чем в январе 1939 г.

Суммарный прирост произошел за счет женского населения, так как количество мужчин по сравнению с 1 января 1939 г. уменьшилось на 38 866 чел. Также прирост населения произошел за счет значительного увеличения числа младенцев 0–3 лет на 58 195 чел., в то же время сократилось число детей 8–15 лет на 17 623 чел.

По таблицам с данными по возрастам и причинам смерти, которые хранятся в ЦГА СПб, в фонде Научно-методического бюро санитарной статистики Ленгорздравотдела, можно уточнить наличие населения на 1 июля 1941 г. в Ленинграде с пригородами: Кронштадт, Колпино, Петергоф, Пушкин. За шесть месяцев 1941 года естественный прирост составил 17 457 чел.[1] Механическое движение за этот же период (по 15 районам, без пригородов) суммарно составляет выбытие 21 965 чел., за счет весенне-летних месяцев: апрель–июнь[2]. Все население Ленинграда с четырьмя пригородами в конце июня 1941 г. должно было составить ок. **3 212 554** чел., с учетом естественного прироста и механической миграции. Имеется незначительная погрешность из-за отсутствия данных о механическом движении населения в пригородах.

В то же время этот результат отличается от количества ленинградцев, которое приводят В. Жиромская, В. Исупов, Г. Корнилов в своей статье: 3 155 тысяч. Следует заметить, что авторы в своих подсчетах исходят из того, что в официальной переписи 1939 г. имели место преднамеренные приписки в среднем 1,7%. При этом демографические потери в Ленинграде за период с января 1939 г. по январь 1941 г. составили около 38,5 тысяч человек. Сами авторы замечают, что полученные данные недостаточно конкретны, в том числе отсутствуют сведения по естественному приросту населения[3]. Таким образом, есть основания полагать, что указанное нами число: 3 212 554 чел., которое учитывает прирост населения за указанный период ок. 19 тысяч человек на основе данных региональных архивов, является более точным.

Из таблицы 3 видно, что на 1 января 1941 г., наряду с изменением демографической

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-9713. Оп. 2. Д. 18. (Статистические сведения об умерших по возрасту и полу и причинам смерти по районам города Ленинграда помесячные. 1941). 134 л. [Суммарный результат вычислен мной – Л.Г.]

2 Документ №157. Справка городского статистического управления директору педиатрического института Ю. А. Менделевой о механическом движении населения 15 районов Ленинграда за 1941–1943 гг. // Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / Под ред. А. Р. *Дзенискевича*. – СПб.: Лики России, 1995. С. 350–351. [Подсчитано мной. В данном случае механическое движение очевидно предполагает изменение регистрации (прописки) – Л.Г.]

3 *Жиромская В., Исупов В., Корнилов Г.* Население России в 1939–1945 гг. // Российская история. – 2019. – №3. С. 5, 13. Использованы данные Российского государственного архива экономики.

структуры населения за счет увеличения числа малолетних детей, уменьшилось количество занятых в народном хозяйстве, по сравнению с 1939 г., на 63 997 чел. (мужчин на 55 198 чел.; женщин на 8 799 чел.).

По материалам УНХУ по Ленинграду и Ленобласти число занятого населения включало 158 тысяч иногородних, ежедневно приезжавших на работу в Ленинград, в том числе 128 тыс. мужчин и 30 тыс. женщин. Всего женщины составляли в 1941 г. 47,2% от занятых в народном хозяйстве, среди них иногородние – только 3 %.

Несмотря на абсолютное уменьшение числа женщин, работавших в основных отраслях хозяйства (промышленности, строительстве), можно говорить о том, что общие выводы В. Голдман о влиянии гендерных факторов и росте занятости женщин в народном хозяйстве, в Ленинграде в 1941 г. подтверждаются[1]. Так, если на 01.01.1939 женщины составляли 46% занятых в промышленности Ленинграда, то на 01.01.1941 – 49%. С января 1939 по январь 1941 г. удельный вес женщин, работавших в строительстве, остался без существенных изменений: 23%; почти не изменилось количество женщин в здравоохранении – ок. 77 %; также в просвещении, науке, искусстве – 52 %. На 01.01.1941 женщины составляли 49,7% от всех рабочих и служащих Ленинграда, что больше, чем в начале 1939 г.

Особый интерес представляет *блокадная статистика несовершеннолетнего населения в Ленинграде в 1941–1944 гг.* С учетом рассекреченных материалов УНХУ г. Ленинграда и Ленобласти, на 01.01.1941 **840 885** чел. ленинградского населения составили дети 0–15 лет. (Таблица 2). Несовершеннолетних 16–18 лет Госплан учитывал как взрослых людей, относя к трудоспособному населению[2].

В то же время по сведениям Научно-методического бюро санитарной статистики ЛГЗО, за первые шесть месяцев 1941 г. родилось живыми детей всего: 37 935 чел.[3] По этим же данным естественная смертность детей от 0 до 15 лет, с учетом пригородов, за январь – июнь 1941 г. составила: 5 999 чел.[4] Таким образом, естественный прирост составил 31 936 чел.

Тогда, к началу войны число детей и учащихся-подростков до 15 лет должно было бы составить: 872 821 чел. Однако, с учетом неизбежного перехода в старшую группу ок. 24 422 чел., можно получить более точное число: **848 399** чел.

Необходимо учесть механическое движение детей (0–15 лет) в январе – июне 1941 г., всего

---

1 *Голдман В. З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии. (1917–1937). – М: РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. С. 330–337.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5115. Л. 16.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-9713. Оп.2. Д. 18. (Статистические сведения об умерших по возрасту и полу и причинам смерти по районам города Ленинграда помесячные. 1941). 134 л. Суммировано по данным месячных сводов – Л. Г.

4 Там же.

прибавилось 6 383 чел. (без учета пригородов)[1], тогда в июне 1941 г. в городе находилось всего **854 782 чел.** детей (0–15 лет).

К числу имевшихся к началу войны в Ленинграде детей следует прибавить рожденных живыми в период войны: за второе полугодие 1941 г. – 30 829 чел., в 1942 г. – 12 408 чел., в 1943 г. – 7 613 чел., или всего: 50 850 чел.[2]

Установлено, что на 5 декабря 1941 года в Ленинграде было временно прописано у родственников или на ведомственной площади 4 313 эвакуированных детей-беженцев[3].

Всего, таким образом, детей и подростков 0–15 лет, с июня 1941 года по август 1944 года должно было пребывать в Ленинграде, включая Петергоф и Пушкин, ок. **909 945** чел., включая прописанных детей-беженцев и детей, родившихся живыми в период войны (без учета выбывающих в эвакуацию)[4].

На начало 1941 г. в Ленинграде и пригородах детей ясельного и дошкольного возраста (0–7 лет) было 450 123 чел. (Таблица 2).

Для расчета действительного количества детей по каждой возрастной группе на 22 июня 1941 г. возьмем простую формулу:

$$C_n = C_{n-1} + B_n - G_n - D_n, \qquad (1)$$

где C_{n-1} – исходное количество детей, чел.;

B_n – количество рожденных, чел.;

G_n – количество детей, перешедших в следующую возрастную группу, чел.;

D_n – количество умерших детей, чел.;

C_n – действительное количество детей, чел.

Тогда к числу 450 123 чел. следует добавить 37 935 чел., появившихся на свет в первом полугодии 1941 года, и отнять ок. 19 105 чел., перешедших в старшую возрастную группу, а также ок. 5571 чел. – естественная смертность в мирное время внутри данной возрастной группы. Тогда всего к началу войны в Ленинграде было **463 382** чел. детей-дошкольников (1934–1941 г. рожд.). Из отчета Гороно в Плановую комиссию Ленгорисполкома следует, что в конце июня 1941 г. в 658 детских садах состояло 46 878 чел. (10% от общего числа)[5] .

---

1 Документ №158. Справка городского статистического управления директору педиатрического института Ю. А. Менделевой о механическом движении населения 15 районов Ленинграда за 1941–1943 гг. // Ленинград в осаде. С. 350–351. Суммировано мной с учетом данных по механическому выбытию – Л. Г.

2 Ленинград в осаде. С. 352.

3 Там же. С. 590.

4 Это количество не учитывает динамику, связанную с выбытием в эвакуацию и смертность в период войны.

5 Отчет отдела народного образования исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся за период с 22 июня 1941 г. по 1 января 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-2076 (Плановая комиссия исполкома Ленинградского

Детей школьного возраста, подлежащих всеобучу (8–15 лет), на 01.01.1941 было 390 762 чел. (таблица 2), из которых следует вычесть повзрослевших: 24 422 чел., умерших за полгода до войны: ок. 428 чел.[1], и прибавить перешедших в старшую возрастную группу дошкольников (ок. 19 105 чел.), или всего на конец июня 1941 г.: **385 017** чел. [подсчитано мной – Л.Г.]. Это меньше данных за 1939 г. – 407 139 чел. и 1940 г. – 397 377 чел.

Следует также указать, что в число подростков-учащихся надо включить контингент училищ Трудовых резервов, подлежащих обязательному начальному 7-летнему обучению. В 1940 – н. 1941 гг. в Ленинград для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах системы Трудовых резервов (ТР) прибыло 23 000 подростков из ряда областей России и Белоруссии. Среди учащихся Трудовых резервов 14–15 лет, контингент иногородних составлял 45% [2]. Тогда в сентябре 1941 г. около **12 420** учащихся РУ и ЖУ в г. Ленинграде являлись жителями Ленинградской области и других регионов. Их также следует включить в число детей и подростков 0–15 лет, находившихся в Ленинграде к началу войны.

Кроме того, на 01.01.1941 35 700 чел. составляли 16 – 18-летние учащиеся 8–10 классов средних школ. (Таблица 3)[3]. Среди учащихся-подростков были и 3 026 учащихся военных спецшкол Наркомпроса РСФСР[4]. Здесь необходимо внести поправку. Так как, согласно Госплану СССР, рабочий возраст наступал с 16 лет, эти молодые люди («молодежь») подлежали трудовой мобилизации, одновременно происходила эмансипация, поэтому как дети они учитываться не должны.

В то же время учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО в сводке УНХУ на нач. 1941 г. были отнесены в страту «учащиеся вузов и средних технических учреждений», в которой наметилось резкое снижение, компенсированное таким образом. Уменьшение числа учащихся вузов и техникумов, вероятно, было связано с Указом о введении в 1940 г. платного обучения в них[5].

Таким образом, число детей и подростков-учащихся в возрасте 0–15 лет, которые пребывали в период войны в Ленинграде, с учетом Пушкина и Петергофа, может быть уточнено с появлением новых данных и включает минимум **922 365** чел. Справедливо ранее было указано, что необходимо учесть детей, живущих во Всеволжском и Парголовском районах Ленинградской области, которые также оказались в кольце блокады: к 28 ноября 1941 г. здесь находилось только эвакуированных детей-беженцев 23 246, в соотношении 1: 2,8 ко взрослому населению

Городского Совета). Оп. 4. Д. 54. Л. 197

1 ЦГА СПб. Ф. Р-9713. Оп. 2. Д. 18. 134 л.

2 ГА РФ. Ф. Р-9507 (Учреждения по руководству профессионально-техническим образованием в СССР). Оп. 1. Д. 211. Л. 68, 69, 73.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5115. Л. 21, 27.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 180.

5 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5115. Л. 32, 34.

беженцев[1]. Согласно отчету парторганизации облоно, – в районах, оказавшихся в блокадном кольце, к 22 июня 1942 г. были организованы 26 детсадов и 10 детдомов, к декабрю 1942 г. уже 11 детдомов, через которые прошло 4 125 человек детей, из них 3 365 чел. были эвакуированы вглубь страны[2].

Таким образом, в осажденном Ленинграде, пригородах и блокированных районах Ленинградской области находилось более 940 тысяч детей до 15 лет, которых необходимо было спасти для полноценной жизни.

Социальная структура ленинградского населения в начале 1941 года свидетельствует о его неоднородном составе. Так, на 1 января 1941 г. по оценкам аналитической сводки УНХУ по г. Ленинграду и Ленобласти (далее УНХУ) для обкома ВКП(б) имелись следующие слои занятого населения Ленинграда: в промышленности, строительстве, на транспорте 928 560 чел., в сельском хозяйстве: 5 919 чел., в просвещении, науке, искусстве, здравоохранении: 189 812 чел., в торговле, жилищном и коммунальном хозяйстве и пр. организациях по обслуживанию хозяйства: 281 178 чел., в государственных учреждениях: 45 362 чел.; домработниц: 40 522 чел., кустарей: 121 955 чел., учащихся высших и средних профессиональных учебных заведений: 94 713 чел., инвалидов и пенсионеров: 47 289 чел., прочих занятых групп: 268 488 чел. Всего занятого населения: 2 023 798 чел., в том числе 158 000 чел. иногородних, ежедневно приезжавших на работу в Ленинград из области. Все население Ленинграда составляло 3 217 062 чел., включая 1 351 264 иждивенцев (женщин и детей, в том числе старшеклассников), но без указанных иногородних[3].

Таким образом, можно выделить несколько групп, свидетельствующих о неоднородном социально-политическом менталитете ленинградцев: домашняя женская прислуга (40 522 или 1,3%), домохозяйки (510 379 или 16%), кустари (121 955 или 3,8%). Всего: 672 856 чел. или 21%. С этими социальными группами можно связать сохранение ценностей традиционной культуры: семейного быта, городского мещанства, привыкшего к прислуге. Подобный быт описан в блокадных дневниках художницы А. П. Остроумовой-Лебедевой, всю блокаду не расстававшейся со своей домработницей.

Для сравнения отметим характерные изменения в структуре доходов населения Ленинградской области. В отчете УНХУ указывалось, что в 1940 г. по сравнению с 1939 г. вырос среднемесячный доход рабочего и составил 356 руб., за счет увеличения дохода от сдачи жилплощади, в связи со снятием пограничной полосы в приграничных районах Ленинградской области[4]. Речь

1 Ленинград в осаде. С. 274.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-827. Оп. 1. Д. 11 (нач. 11 февраля 1941 – ок. декабрь 1942). Л. 11, 14.
3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24 (Ленинградский Областной Комитет КПСС). Оп. 2в. Д. 5115. (Материалы Управления нар.-хоз. учета г. Лен-да. 06. II. 41–13.VII. 41). Л. 21, 27.
4 Там же. Л. 148.

идет, в основном, об аренде дач на лето в курортных районах близ границы Финляндии. При этом удельный вес зарплаты в общем доходе снизился до 80,6 %. Таким образом, до 20% обычного дохода рабочих Ленинградской области составлял традиционный доход мелкого буржуа: рента.

Необходимо также отметить наличие крупной маргинальной группы, которая является скрытой частью указанного статистического отчета УНХУ. Наблюдение за динамикой группы иждивенцев отдельных лиц (мужчин в трудоспособном возрасте, лишенных пенсий и пособий по инвалидности) на протяжении 1939–1941 годов, позволяет предположить, что эта группа представляла собой вынужденных «тунеядцев», лишенных права на социальные пособия.

Диаграмма 1 отражает скачкообразные изменения численности этой группы, вероятно, как результат высылок (более 3,5 месяцев можно было «тунеядствовать» лишь при наличии подтвержденного иждивенчества у кого-либо).

Диаграмма 1. Динамика группы иждивенцев отдельных лиц по Ленинграду в 1939–1941 гг.

31 июля 1937 были отменены ограничения в пенсионном обеспечении без приговора суда (при условии, что ранее они трудились) для лиц, ранее лишавшихся избирательных прав по социальному происхождению или в связи с прошлой деятельностью[1]. Таким образом, категория представителей «бывших» сословий, в том числе священнослужителей, которых в Петербурге оставалось довольно много, могла распределиться между стратой пенсионеров и стратой лиц, находящихся на чьем-либо иждивении.

С этим явлением мог быть связан «демографический крест» поколения детей, рожденных в 1934–1937 годы, которым в 1941 г. было 4–7 лет. На одно поколение сверстников этой страты приходится в среднем 38 209 чел., что, по крайней мере, на 20 тысяч ниже нормы. Или всего ок. 80 тысяч детей, потерянных за этот период, вероятнее всего высланных вместе с родителями.

1 СНК СССР. Постановление от 31.07.1937 г. N 1230 «Об отмене ограничений в пенсионном обеспечении для лиц, ранее лишавшихся избирательных прав» [Электронный ресурс] // Библиотека правовых документов Советской власти. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4111.htm/ (дата обращения: 15.08.2017).

За период 1939 года потери зрелого мужского населения Ленинграда и пригородов составили 109 676 чел. Сравнение с показателями занятости в народном хозяйстве позволяет сделать вывод, что, наряду с иждивенцами, сокращение затронуло промышленность и транспорт: 66770 чел., здравоохранение: 2302 чел., государственные учреждения: 2048 чел.[1] (Таблица 3).

Какую роль сыграла Советско-финляндская война (30.11.1939 – 12.03.1940) в демографических сдвигах в предвоенном Ленинграде?

В декабре 1939 г. людские потери советских войск составили погибшими 11 676 чел. Кроме того, пропало без вести 5 965 чел. (эти потери не считались невозвратными до выяснения обстоятельств). Общая численность войск, занятых в данной кампании на 1 января 1940 г. – 550 757 чел. Таким образом, невозвратные потери были ок. 2%. По итоговым донесениям из войск на 15 марта 1940 г. невозвратные потери составили 95 348 чел. из 760 578 чел., числящихся в действующей армии к первым числам марта 1940 г. или 12,5%[2]. Даже если допустить, что 109 600 ленинградских мужчин, выбывших в 1939 г., были призваны в армию – это не могло стать основанием исключения их из состава ленинградского населения. Невозможно объяснить и отсутствие 64 135 после демобилизации на 01.01.1941, так как невозвратные потери к этому времени составляли лишь 12,5%. Из числа раненых, контуженых, обмороженных и пр. было всего уволено с исключением с воинского учета 18,9% (46 925 чел.)[3]. В то же время количество мужчин-пенсионеров и инвалидов в Ленинграде за период с 01.01.1940 по 01.01.1941 не изменилось и составляло 19 861 чел.[4] (Таблица 3). Таким образом, потери мужского населения Ленинграда за 1939 год лишь частично были вызваны Советско-финляндской войной.

В сводке УНХУ уменьшение занятого населения, наряду с мобилизацией в армию, объясняется действием Указа Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г.[5] Данным Указом отменялось обязательное увольнение за прогулы, которое было заменено исправительно-трудовыми работами на своем рабочем месте сроком до 6 месяцев с удержанием из зарплаты 25%. За самовольный уход из предприятий или учреждений следовало тюремное заключение на срок от 2 до 4 месяцев[6]. Указ касался только лиц старше 16 лет. В сводном отчете УНХУ по г. Ленинграду и Ленинградской области названо число лиц, преданных суду за прогулы и уходы с работы, по 14

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5115. Л. 21, 27.
2 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков и др. – М.: Вече, 2010. С. 170, 174.
3 Там же. С. 174.
4 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5115. Л. 21, 27.
5 Там же. Л. 33.
6 О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений [Указ от 26 июня 1940 г.] // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. – М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. С. 141–142.

наркоматам только за февраль 1941 г. – 1996 чел., что меньше в сравнении с июлем 1940 г. (ок. 4 600 чел.)[1]. Всего же за восемь месяцев с июля 1940 по февраль 1941 гг. лиц, подвергшихся таким наказаниям, могло быть более 26 400 чел. [подсчитано мной – Л. Г.].

Статья 8 Положения о паспортах, утвержденного постановлением СНК СССР от 10 сентября 1940 г. и приказом НКВД СССР №0407 от 18 сентября 1940 г., в Ленинграде и 100-километровой полосе вокруг него запрещалапроживать лицам, отбывшим срочное лишение свободы или ссылку за ряд преступлений, а также перебежчикам из-за границы, лицам лишенным избирательных прав, лицам не занятым общественно-полезным трудом более 3-х месяцев (кроме инвалидов, пенсионеров и иждивенцев трудящихся), лицам финской национальности и пр.[2]

Таким образом, на основе критического анализа рассекреченных документов УНХУ г. Ленинграда и Ленинградской области можно прийти к выводу, что число жителей Ленинграда в конце июня 1941 г. составляло **3 212 554** чел., с учетом естественного прироста и миграции, в том числе минимум **854 782** чел. детей и подростков в возрасте от 0 до 15 лет.

За период, прошедший с официальной переписи населения 1939 г., произошли демографические потери, причинами которых, наряду с Советско-финляндской войной, могут быть названы репрессии, сопровождавшиеся массовыми высылками и частичным замещением трудовых резервов за счет механической миграции. Неоднородность социальной среды, порождая внутренние, скрытые от наших глаз, ментальные конфликты в Ленинграде 1941 г., была сглажена иллюзией однородности политико-правовой культуры.

2.3. Преступления фашистских войск против гражданского населения Ленинграда

Оценка преступлениям гитлеровцев и их сообщников была дана в официальных документах государств антигитлеровской коалиции. В 1941–1942 гг. народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым были объявлены три ноты протеста в связи со зверствами гитлеровцев: от 25 ноября 1941 «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных», «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях» от 6 января 1942 г. и «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5115. Л. 123.

2 *Иванов Д. В.* Некоторые вопросы нормативного регулирования паспортного режима в Ленинграде в 1940-е – начале 1950-х гг. // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – №1 (38). С. 313–315.

районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» от 27 апреля 1942 г. В ноте В. М. Молотова «О повсеместных грабежах, разорении населения ...» от 6 января 1942 г. было заявлено, что органы Советской власти ведут учет злодеяний гитлеровцев[1].

Правительства девяти оккупированных гитлеровцами стран: Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии, Люксембурга и Французского Национального Комитета 13 января 1942 г. подписали «Декларацию о наказании за преступления, совершенные во время войны», которая провозгласила, что насилие над гражданским населением, как и прекращение действия законов, а также уничтожение государственного строя и обычаев оккупированных стран, в соответствии с международным правом, в том числе Гаагской конвенции 1907 г., противоречат общепринятым взглядам цивилизованных народов в отношении военных действий и политических преступлений. Наказание за эти преступления путем организованного правосудия было провозглашено в качестве одной из основных целей войны[2]. 14 октября 1942 г. в ответ на эту ноту было опубликовано Заявление Советского правительства «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы», в котором говорилось о необходимости безотлагательно предать суду специального международного трибунала и наказать по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся в процессе войны в плену государств, борющихся против гитлеровской Германии[3].

Следует иметь в виду, что уже в августе 1941 г. Ленинградский городской комитет Красного Креста получил поручение из Исполкома СОКК и КП о необходимости сбора сведений о преступлениях фашистов для «мобилизации всего передового человечества на быстрейшее уничтожение фашизма»[4].

На основании международного договорного и обычного права был издан Указ Президиума ВС СССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР», в котором была установлена полнота уголовной и материальной ответственности гитлеровского правительства, командования германской армии и их

1 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том I. – М.: ОГИЗ – Гос. изд-во полит. литры, 1944. С. 162–167, 171–189, 200.
2 Там же. С. 278.
3 Там же. С. 273–277.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 2. Л. 85.

сообщников за содеянные преступления[1].

Порядок деятельности Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков был утвержден постановлениями СНК СССР: от 19 марта 1943 г. №297 «Об утверждении т. Богоявленского П. И. ответственным секретарём Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков»; от 7 мая 1943 г. №493 «Об инструкциях по учёту ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям и организациям и колхозам»; от 17 июня 1943 г. №667 «Об инструкциях о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и о порядке определения ущерба, причинённого гражданам СССР и их имуществу вторжением и разбойничьими действиями немецко-фашистских оккупантов и их сообщников»; от 11 марта 1944 г. №271 (дополнения)[2].

11 мая 1943 г. была опубликована Нота Народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии»[3].

Результатом этих действий стала «Декларация об ответственности гитлеровцев», подписанная Ф. Рузвельтом, У. Черчилем, И. Сталиным, и опубликованная 30 октября 1943 г., во время Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Декларация устанавливала не только принцип индивидуальной ответственности, но и подсудности согласно законам освобожденных стран[4]. 22 ноября 1943 г. вышло Постановление СНК СССР №1305 «О Комиссии по возмещению ущерба, нанесённого Советскому Союзу гитлеровской Германией и её союзниками»[5].

Данные документы стали правовой основой Акта Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда[6].

---

1 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том I. С. 281–284; *Трайнин А. Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев. – М., 1944. С. 4–5.

2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д.212. Л. 135–136; Д. 214. Л. 61–70; Д. 216. Л. 1–10; Д. 225. Л. 181–206.

3 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том I. С. 313.

4 *Лебедева Н. С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. – М.: Наука, 1975. С. 11–12, 123–124.

5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 220. Л. 330.

6 Ленинград. Акт Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады. – ОГИЗ, Госполитиздат, 1945.

Таким образом, уже в годы войны происходил сбор и подготовка документов о преступлениях немецко-фашистских войск и их союзников, которые были затем рассмотрены на Нюрнбергском судебном процессе. В результате проведенного расследования была установлена преступная деятельность гитлеровцев против гражданского населения СССР, в том числе планирование голода, а также уничтожение Ленинграда и его населения как преступная цель военных действий. Обвинения в данных преступлениях были включены в обвинительный приговор, вынесенный МВТ главным гитлеровским преступникам: Г. Герингу, А. Йодлю.

Начавшаяся уже после разгрома Японии 2 сентября 1945 года «Холодная война» сделала проблему военных преступлений, в том числе блокады Ленинграда, – одним из узлов идеологических противоречий международного сообщества. Идеологами расизма и фашизма неоднократно делались попытки фальсифицировать или опровергнуть данные документов, усмотреть мнимые противоречия в представленных на Нюрнбергском процессе документах. Это делает актуальным опровержение данных фальсификаций.

Рассмотрим несколько групп военных преступлений, совершенных гитлеровцами против населения Ленинграда.

Во-первых, лишение гражданского населения осажденного города средств жизнеобеспечения как преступная цель военных действий.

Уничтожение гражданского населения Ленинграда как одна из военных целей гитлеровской Германией до последнего времени недостаточно освещена историографией Второй мировой войны. Это позволило появиться таким идеологическим «постулатам» как концепция некоторых немецких авторов, таких как Х. Стахов в книге «Трагедия на Неве», изданной на немецком языке в Мюнхене в 2001 г. Книга, переведенная на русский язык в 2008 г., стала одним из ярких образцов современной пропаганды «разделенной ответственности», перекладывающей, в действительности, ответственность за жертвы блокады на Советское руководство и правовые институты Советского государства[1].

Стахов утверждал, что уничтожение Ленинграда с его населением и культурой являлось одной из целей как Гитлера, так и Сталина. Одним из идеологических приемов, использованных автором, является противопоставление целей персонально Гитлера и Сталина, якобы несущих равную ответственность за жертвы населения блокированного Ленинграда, и солдат, выполнявших свой долг и эмоционально разделявших менталитет военнослужащих, вынужденных делать

1 *Стахов Х. Г.* Трагедия на Неве: шокирующая правда о блокаде, 1941–1944 / пер. Ю. Лебедев. – М.: Центрполиграф, 2008; *Оточкин В. В., Поярков А. А.* Фальсификация истории блокады Ленинграда – оружие психологической войны // Сборник статей итоговой научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава Военного института физической культуры за 2019 год, посвященной Дню российской науки / Под ред. Пашута В. Л. – СПб., 2020. С. 24–28.

неприятную, но необходимую работу, согласно присяге и уставу. Система аргументов книги Х. Стахова, несмотря на ее откровенно реваншистский характер, получила определенный резонанс в исторической литературе [1].

Необходимо указать, что факты организации обороны Ленинграда и, конкретно, борьбы за спасение гражданского населения Ленинграда, установленные на основе анализа как документов, так и многочисленных личных свидетельств, убедительно опровергают многие фальшивые обвинения в адрес руководства СССР. Так, только важнейших нормативных актов органов власти и управления СССР и РСФСР, а также решений Ленгорисполкома, касающихся вопросов обеспечения жизнедеятельности ленинградского гражданского населения, за 1941–1944 гг. насчитывается не менее 754[2].

Следует также учитывать, что Советским обычным военным правом в 1937–1945 гг. преступный военный приказ классифицировался как провокация, ответственность за его исполнение разделялась между тем, кто отдавал его и исполнителем. Учитывая обычай войны, Устав МВТ в статье 8 также отмечал ответственность за исполнение преступного приказа[3].

Г. Л. Соболев аргументировано оспаривает и точку зрения Ю. М. Лебедева, который в книге «Ленинградский “блицкриг”» доказывал, что целью приказа начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера о тесной блокаде Ленинграда являлась добровольная капитуляция города[4]. Г. Л. Соболевым было показано, что в приказе группе армий Север от 28 августа 1941 г., который надо понимать буквально, речь шла об уничтожении Ленинграда в результате обстрелов и бомбардировок. Эта же установка была характерна для фон Лееба, командовавшего группой Север в тот период времени, который полагал, что «если Ленинград, подгоняемый голодом, будет вынужден сдаться, то его следует лишить тогда по крайней мере возможности повторного сопротивления»[5].

Гражданское население не могло являться самостоятельной целью военных действий, в соответствии со сложившимися к началу Второй мировой войны договорными правилами и

---

1 *Ломагин Н. А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских служб, НКВД и письмах ленинградцев. С. 20.

2 Подсчитано мной по базе документов, исследованных и использованных в данном труде – Л. Г.

3 Статья 8 Устава МВТ в целях правосудия предусматривала возможность смягчения наказания при выполнении обвиняемым преступного приказа.

4 *Лебедев Ю. М.* Ленинградский «блицкриг». На основе военных дневников высших офицеров вермахта: генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера. 1941–1942. – М., 2011. С. 13, 234–235.

5 *Соболев Г. Л.* Л енинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. С. 4–6; *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. С. 4–9. Учитывая важность вопроса, Г. Л. Соболев возвращается к данной теме и в третьей книге, обосновывая важность Ленинграда для гитлеровцев как военного объекта.

обычаями войны. Если некоторая часть его (отряды самообороны, рабочие оборонных предприятий) могла в некоторых случаях интерпретироваться расширенно: как содействующие вооруженным силам, то нетрудоспособное население и малолетние дети (до 12 лет) обладали безусловным иммунитетом.

Данное правило было отражено и в штабном Уставе германской армии в виде задачи: сохранить гражданское население[1].

В то же время следует отметить, что, согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 11 декабря 1941 г. «О порядке рассмотрения дел в отношении лиц, совершивших преступление в местностях, временно занятых неприятелем», в соответствии со ст. 1 «Основных начал уголовного законодательства СССР», все лица, находившиеся на территории СССР (кроме пользующихся экстерриториальностью иностранных граждан), подлежали за совершенные ими на территории СССР преступления ответственности по уголовным законам места совершения преступления. Необходимо указать, что применение гражданского и уголовного права как обычного стран – участниц судебного процесса является одной из установившихся процессуальных международных норм, признанной в период Второй мировой войны[2].

Таким образом, истребление гражданского населения с повышенной жестокостью, лишение его средств жизнеобеспечения, в качестве цели военных действий являлось военным преступлением, нарушавшим как международное договорное, так и обычное военное право.

19 апреля 1943 г. вышел Указ Президиума ВС СССР «Об уголовной ответственности немецких, итальянских, румынских, венгерских и финских фашистов, уличенных в совершении истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев». Военные преступления, совершенные на территории СССР, могли быть квалифицированы по статьям «Положения о воинских преступлениях» 1927 г. К статьям УК РСФСР, карающим за преступления военнослужащих, относились: ст. 193-28, карающая за «разбой, грабеж, противозаконное уничтожение имущества и насилие, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемое по отношению к населению в районе военных действий»; ст. 193-29, карающая за «дурное обращение с пленными, имевшее место неоднократно или сопряженное с особой жестокостью, или направленное против больных и раненых...»; ст. 193-17, предусматривающая различные формы воинского злоупотребления властью и другие. Могли применяться и общие уголовные статьи УК: ст. 59-3 (бандитизм), ст. 165–167 (грабеж, разбой), 136 (убийство), 153

1 Справочник для высших штабов на военное время. Устав немецкой армии. №92. Часть I (сокр. пер. с нем.). – М.: Воениздат, 1946. С. 3–4, 7–9, 57–59.

2 *Трайнин А. Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев. С. 92–93.

(изнасилование), 79, 175 (поджог и другие формы уничтожения имущества)[1].

В то же время истребление гражданского населения Ленинграда, лишение его средств жизнеобеспечения, многократно декларировалось как основная цель гитлеровской армии. Ценные документы, подтверждающие этот факт, фигурировали на Нюрнбергском процессе.

Так, в протоколах допроса военнопленных Ф. Кепке (от 31 января 1944 г.) и Р. Ловиена было показано, что основной целью, поставленной немецким командованием, было: «как можно больше вызвать жертв среди гражданского населения»[2]. Показания военнопленных подтверждаются характеристикой артиллерийской стрельбы, согласно оперативным сводкам МПВО, передаваемым в Ленгорисполком.

Цели военных действий германской армии в битве за Ленинград отразились и в данных безвозвратных потерь. В Ленинградской битве общие безвозвратные потери военнослужащих и мирного населения сопоставимы и фактически равны: ок. 980 тысяч военнослужащих[3] и примерно столько же мирных граждан[4].

Хорошо известен приказ Верховного командования сухопутных войск группе армий «Север» от 28 августа 1941 г., подписанный Ф. Гальдером, о плотной блокаде Ленинграда, недопускающей капитуляции и выхода населения из города, которую следовало пресекать «при необходимости – с применением оружия». Этот приказ дублировался аналогичными, отдаваемыми войскам командирами дивизий[5].

Следует сказать, что преступные намерения гитлеровцев в отношении ленинградского мирного населения не являлись чем-то исключительным, но соответствовали всей организации

---

1 Там же. С. 97–98.

2 Документ №171. Протокол допроса военнопленного Ф. Кепке о его участии в обстрелах Ленинграда // Ленинград в осаде. С. 399–400; Документ №172. Из протокола допроса военнопленного Р. Ловиена о его участии в обстрелах Ленинграда // Там же. С. 402–405.

3 Гриф секретности снят. – М., 1998. С. 185, 199; *Ковальчук В. М.* О жертвах блокадного Ленинграда // Военно-исторический архив. – Вып. 6. – 1999. С. 119; *Его же.* Магистрали мужества. Коммуникации блокированного Ленинграда. 1941–1943 гг. - СПб.: Вести, 2001. С. 7. Суммарное число потерь по Северному, Ленинградскому, Волховскому и Карельскому фронтам за все время войны указано: 962 042 чел. в кн. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков [и др.] – М.: Вече, 2010. С. 366, 382, 383, 387.

4 Объединенная пресс-служба судов Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] / URL: http://t.me/SPbGS/12616. (дата обращения: 23.10.2022). См. также URL: http://t.me/SPbGS/12587. (дата обращения: 01.11.2022). См. также: *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. Автореф. дисс... к. и. н. – СПб., 2010. С. 23.

5 Документ №1. Верховное командование сухопутных войск, 28 августа 1941 г. Предмет: Окружение города Ленинграда // *Ломагин Н. А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских служб, НКВД и письмах ленинградцев. С. 63. В своих дневниках 8 июля 1941 г. Ф. Гальдер писал: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов (…) Это будет “народное бедствие”, которое лишит центров не только большевизм, но и московитов [русских] вообще» (по *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. М., 1971. С. 101); Документ №2. 1-я дивизия, 13 сентября 1941 г. Приказ командира дивизии об отношении к гражданскому населению Ленинграда // *Ломагин Н. А.* Указ. соч. С. 64.

преступной деятельности фашистов на территории СССР[1].

Во-вторых, массированные артиллерийские обстрелы и воздушные бомбежки.

В течение 1942–1945 гг. работали Чрезвычайная государственная комиссия и Ленинградская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний фашистов и их пособников[2]. Материалы работы комиссий хранятся в ЦГА СПб, фонд Р-8557 «Ленинградская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников». Результатом их работы стало тщательное расследование и составление актов о нанесенном ущербе ленинградскому населению за период осады города.

Первичные акты, отображающие характер жертв и разрушений, причиненных артиллерийскими обстрелами и авиа-бомбардировками, а также затраты по вынужденной эвакуации и реэвакуации, были оформлены в 99 общих томов и 227 индивидуальных папок, включая 46 томов актов по ущербу, причиненному гражданам. Всего 129 976 актов, 335 актов-списков и 665 актов о злодеяниях. На основе этих актов была составлена сводная ведомость об ущербе, причиненном Ленинграду за время войны и блокады, по состоянию на 1 мая 1944 г. Было также принято постановление Ленинградской городской комиссии по учету ущерба и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Ленинграде и его пригородах от 11 июня 1945 года «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненном ими ущербе гражданам, общественным организациям, предприятиям и учреждениям Ленинграда и его пригородов»[3].

Уже в 1945 г. был издан отдельной брошюрой «Акт Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады»[4]. В 1966 г. в сборнике «900 героических дней» опубликованы выписки из протокола Чрезвычайной государственной комиссии от 15 июня 1945 г.[5] В то же время в них имелись только

---

1 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков [и др.] – М.: Вече, 2010. С. 222–226. О преднамеренном истреблении мирного населения.

2 См. также: *Чистиков А. Н.* «Мы живем в интересное время…». Первые попытки сбора материала о блокаде Ленинграда в 1941–1942 гг. // Битва за Ленинград 1941 – 1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне / ред. кол.: А. Х. Даудов, Г. П. Жирикова, Е. В. Лезик и др. – СПб.: Нестор-История, 2019. С. 5–14.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-8557 (Ленинградская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников при исполкоме Ленгорсовета). Оп. 7. Д. 30. Л. 1а; Д. 39. Л. 1.

4 Ленинград. Акт Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады. – ОГИЗ, Госполитиздат, 1945; Документ №226. Из акта городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников об ущербе, причиненном Ленинграду войной и блокадой. Май 1945 г. // Ленинград в осаде. С. 562–572.

5 Документ №127. Выписка из протокола заседания Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о причиненном ими ущербе гражданам, общественным организациям, предприятиям и учреждениям Ленинграда и его пригородов // 900

обобщенные сведения, отредактированные для публикации.

Необходимо указать, что в ходе расследования ущерб жителям Ленинграда, Кронштадта и Колпино, находившимся в тесной блокаде и пострадавшим, прежде всего, от преступного характера ведения военных действий: массированных бомбежек, имевших целью террор мирного населения и лишение его средств жизнеобеспечения, был сосчитан отдельно от ущерба гражданскому населению Пушкина, Петродворца и других территорий Ленинграда и пригородов, оказавшихся в оккупации. Учет и оценка ущерба должны были производиться на основе постановлений СНК СССР от 4 марта 1943 г. №229, от 7 мая 1943 г. №493 и от 17 июня 1943 г. №667 (в документе ошибочно №664), от 11 марта 1944 г. №271 (дополнения)[1]. В соответствии с этими документами осуществлялись экспертизы и бухгалтерские инвентаризации 1943–1944 годов[2].

В Сводной ведомости на 1 мая 1944 г. общий размер ущерба по г. Ленинграду (в том числе по г. Колпино и г. Кронштадту) по разрушению жилых зданий, относящихся к коммунальному хозяйству города, оценивался Ленинградской городской комиссией в 2 147 976 734 рубля, из которых 366 923 053 составила восстановительная стоимость, полностью уничтоженного, разрушенного имущества в рублях, и 1 781 053 681 – размер затрат, необходимых для восстановления частично поврежденного имущества в рублях[3]. Всего полностью уничтоженных жилых зданий, относящихся к жилищному хозяйству Ленинграда: 205 каменных, 1849 деревянных, 47 прочих. Частично было разрушено: 6 403 каменных, 740 деревянных, 31 – из прочих материалов. Всего 9 275 жилых зданий.

Кроме того, были разрушены полностью 844 здания складов и торговых баз, 603 частично, в том числе местного подчинения Ленгорисполкому, предназначенные для снабжения гражданского населения: полностью уничтожены 320 складов и баз, частично разрушены 170[4]. Было разрушено 10 библиотек, 98 театров и клубов полностью уничтожено, 110 – частично. Пострадали от бомбежек религиозные здания. Полностью были уничтожены 1 церковь и 1 часовня, 46 – разрушены, частично пострадали от бомбежек и артобстрелов 2 костела и синагога[5]. Пострадали от бомбежек детские учреждения, в том числе детдома: 18 было уничтожено, 177 – разрушено. 5 зданий высших учебных заведений было полностью уничтожено в результате бомбежек и обстрелов, 151 подверглось разрушению. Полностью было разрушено 28 зданий больниц и амбулаторий, 364 пострадали частично. 22 школы были полностью уничтожены бомбежками и

героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг./ Отв. ред. *В. М. Ковальчук.* – М.-Л.: Наука, 1966. С. 399–401.

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 211. Л. 127–128; Д. 214. Л. 61–70; Д. 216. Л. 1–10; Д. 225. Л. 181–206.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-8557. Оп. 7. Д. 30. Л. 2.

3 Там же. Л. 4.

4 Там же. Л. 21, 22.

5 Там же. Л. 26, 27–29.

артобстрелами, 393 разрушены частично. Пострадали 49 музеев и 178 научных учреждений, полностью было уничтожено одно[1].

На основе постановления Ленинградской городской комиссии от 11 июня 1945 г. была подготовлена выписка из протокола №60 заседания Чрезвычайной государственной комиссии от 15 июня 1945 г., в составе: Л. И. Куприянова, М. П. Соболев, Т. Д. Лысенко, Е. В. Тарле, И. П. Трайнин, Н. М. Шверник. Комиссия рассмотрела 130 265 актов об ущербе, представленных Ленинградской городской комиссией[2]. Так, в обоих документах указано, что немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками было сожжено и разрушено 9 856 жилых домов (жилищного хозяйства Ленинграда)[3], а также 5 495 частных жилых домов и 4 865 надворных построек, принадлежащих мирным гражданам, проживавшим в Ленинграде и пригородах.

Кроме того, в постановлении городской комиссии от 11 июня 1945 г. отмечалось, что 1 073 дома сгорели от пожаров, еще 9 192 дома были разобраны на топливо. Всего потери жилого фонда Ленинграда и пригородов, указывалось в постановлении городской комиссии, с учетом сгоревших и разобранных зданий, в результате блокады составили 29 115 зданий, общим объемом 35 510 815 куб. м (эти данные не вошли в протокол государственной комиссии)[4].

Государственной комиссией было указано на уничтоженные или пострадавшие от разрушений: 315 зданий больниц, поликлиник и амбулаторий, 381 школьное здание, 145 детских учреждений, 15 церквей и 1 костел и пр.[5] Эти данные несколько меньше приведенных в Сводной ведомости Ленинградской городской комиссией, документально подтвержденных фотографиями и экспертными актами, инвентаризационными документами.

В выписке из протокола говорилось о разрушении целых кварталов в Кировском, Московском, Володарском и Красногвардейском районах, на Петроградской и Выборгской сторонах г. Ленинграда, а также в пригородах Колпино, Петродворце, Пушкине, Кронштадте. В том числе из 300 находящихся под государственной охраной были разрушены и повреждены 187 исторических зданий: среди них: Зимний, Таврический, Мариинский и Строгановский дворцы, Исаакиевский и Казанский соборы[6].

Председатель Ленгорисполкома П. С. Попков писал в докладной записке в Ленинградский горком ВКП(б) от 23 января 1944 об общих потерях жилой площади ок. 3 млн. кв. метров, или более 20% всего жилого фонда, не считая жилых массивов в Автово, на Московском шоссе и др.,

1 Там же. Л. 23, 24, 25.
2 Там же. Д. 42. Л. 6.
3 Разница в 581 здание, по сравнению со Сводной ведомостью, вероятно связано с новыми фактами, выявленными за период с мая 1944 по июнь 1945 г.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-8557. Оп. 7. Д. 39. Л. 2, 6; Д. 42. Л. 5.
5 Там же. Д. 42. Л. 4, 5.
6 Там же. Д. 41. Л. 2, 3, 4.

а также жилой площади, требовавшей текущего и среднего ремонта[1].

Таким образом, несмотря на несущественные расхождения в первичных материалах, имеющиеся документы подтверждают массированный, неизбирательный характер бомбардировок и артобстрелов города, вызвавших значительные повреждения и уничтожение жилищного фонда Ленинграда, его культурно-исторических ценностей, и направленных на реализацию основной преступной цели: лишить гражданское население средств жизнеобеспечения, а Ленинград культурной и исторической ценности, присущей городу.

Потери жилого фонда Ленинграда от бомбежек и артиллерийских обстрелов подтверждаются и оперативными сводками в Ленгорисполком о характере этих обстрелов.

Еще А. Н. Беляев обратил внимание на некоторое расхождение данных МПВО и акта Ленинградской городской комиссии о количестве артиллерийских обстрелов по городу. Он же указал возможную причину его появления: взаимодействие в борьбе за спасение города и горожан сил МПВО, подчинявшихся в начальный период блокады Ленгорисполкому, и ПВО Ленинградского фронта[2]. Акт Ленниградской городской комиссии включал данные обстрелов по территории Ленинграда. В них могли войти военные объекты: корабли, казармы, военные аэродромы и т. п., по которым данных у МПВО не было и не могло быть. Эти объекты охранялись силами ПВО Ленинградского фронта в условиях секретности.

В то же время гражданские объекты находились сугубо в ведении МПВО, подчинявшейся непосредственно Горисполкому в первый период блокады. Учет потерь от артиллерийских обстрелов и воздушных бомбардировок г. Ленинграда осуществлялся с первых дней войны штабом МПВО. Оперативные сводки и обобщенный анализ, проделываемый им регулярно, передавались в Ленгорисполком (Фонд 7384) и были систематизированы в несколько дел, входящих в опись 3с (Общий отдел. Секретная часть)[3]. Расхождения в данных о результатах агрессии, направленной против гражданских объектов, в различных источниках насчитывают единицы.

Первый обобщенный анализ результатов артобстрелов и бомбардировок гражданских объектов с воздуха за июнь – сентябрь 1941 года был представлен в Ленгорисполком начальником МПВО Ленинграда полковником Е. С. Лагуткиным 30 сентября 1941 г. В сводке указывалось, что

---

1 Документ №225. Докладная записка П. С. Попкова секретарям ГК ВКП(б) А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, Я. Ф. Капустину о потерях жилого фонда города и мерах по подготовке к возвращению в Ленинград эвакуированных // Ленинград в осаде. С. 559–561.

2 *Беляев А. Н.* Местная противовоздушная оборона Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. – Л.: изд-во ЛГУ, 1975. С. 11, 118; см. также: За оборону. – 1946. – №2. С. 11; Вестник противовоздушной обороны. – 1959. – №10. С. 29. Недостаточная проработка историографии вопроса сказывается на поверхностном анализе собранных статистических данных и поспешных, необоснованных выводах. (Ср. *Рябков А. М.* О количестве снарядов, выпущенных вражеской артиллерией по Ленинграду в годы Великой Отечественной войны // Петербургский исторический журнал. – 2019. – №3. С. 211–223).

3 К моменту публикации опись 3с (=3) рассекречена.

первый артобстрел непосредственно Ленинграда был произведен 4 сентября, а первое воздушное нападение 8 сентября 1941 г., в июле – августе воздушным нападениям подвергались пригороды: Пушкин и Колпино[1]. Необходимо подчеркнуть, что речь идет о массированном[2] нападении на гражданские объекты, так как в оперативных сводках было отмечено, что уже 30–31 июля были совершены налеты на Ленинградский аэропорт на Московском шоссе[3].

В итоговой сводке Е. С. Лагуткина указывалось, что в результате обстрелов и бомбежек на город было сброшено только в сентябре 1941 г. 2049 артиллерийских снарядов (75 из них не разорвались), 1205 фугасных бомб (64 не разорвались), 13 468 зажигательных бомб (690 из них не разорвались). В сводке приведена характеристика выпущенных снарядов и бомб. В первой половине сентября применялись 10-дюймовые (дм) артснаряды, во второй половине сентября 3 и 6–8 дм. При воздушных бомбежках выпускались фугасные бомбы от 50 до 250, 500 и 1000 кг и двухкилограммовые зажигательные. 22 и 23 сентября были выпущены осколочные авиабомбы, рассчитанные на поражение людей[4].

В течение всего военного периода 1941 года, начиная с первого артобстрела города 4 сентября, свободными от обстрелов были 12 дней, в 1942 г. – 20 дней. Интенсивность артобстрелов постоянно росла. Во второй половине ноября 1941 г. она составляла 2859 снарядов против 550, выпущенных по городу с 4 по 15 сентября 1941 г. Наибольшая интенсивность воздушных бомбардировок была с 16 по 30 сентября 1941 г., когда на город было сброшено 830 фугасных бомб. Наибольшее число зажигательных бомб (34 906) пришлось на период с 1 по 15 октября 1941 г.[5]

Всего за период осады с сентября 1941 г. до 17 октября 1943 г., когда на город была сброшена последняя бомба, было совершено 258 налетов германской авиацией, в которых участвовало в общей сложности 1876 самолетов. Было сброшено 74 289 бомб[6].

На приведенных конкретных примерах можно проследить характер массированных и неизбирательных бомбардировок и артобстрелов, основными жертвами которых становилось гражданское население.

Беспрецедентное соотношение между количеством бомб, сброшенных на промышленные объекты и административные здания: всего 74, и на жилые дома: всего 693, в Октябрьском районе

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 24. Л. 1, 171–177.

2 Массированный и неизбирательный обстрел – обстрел по гражданским объектам, наряду с военными.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 23. Л. 98, 100. Всего было сброшено 33 фугасные бомбы. Сгорели 3 самолета У-2 и 1 ТБ-3, 1 ТБ-1.

4 Там же. Д. 24. Л. 172, 173.

5 Документ №164. Сводка штаба МПВО Ленинграда о результатах воздушных нападений и артиллерийских обстрелов с 4 сентября 1941 г. по 1 марта 1942 г. // Ленинград в осаде. С. 372–373.

6 Документ №173. Из справки разведки штаба Ленинградской армии ПВО о бомбардировках Ленинграда в 1941–1942 г. // Там же. С. 406–407.

11 сентября 1941 г.[1], соответственно 1:9, указывает на действительную цель бомбардировок.

19 сентября 1941 г., во время одного из самых крупных массированных воздушных налетов, комбинированного с артобстрелом, по городу было выпущено 97 артснарядов, 528 фугасов, 1435 зажигательных бомб[2]. Соотношение при бомбежках промышленных объектов и жилых домов составило, соответственно: фугасными бомбами 1:1,5, зажигательными бомбами 1:2,2.

В целом при бомбардировках и артобстрелах в сентябре 1941 г. количество попаданий в промышленные объекты и в жилые дома составляло соответственно 1:3 или 1:1,5, что не оставляет сомнений в основной цели стрелявших. (Подсчитано мной по данным сводок – Л. Г.).

Необходимо отметить, что важное место среди промышленных объектов при воздушных бомбежках отдавалось складам, базам продовольствия, комбинатам пищевой промышленности, по которым за 11 дней сентября (с 8 по 19) было выпущено не менее 1 231 зажигательных бомб и 35 фугасных. Пострадали Бадаевские склады (700 зажигательных бомб, 1 фугасная бомба 500 кг), Маслозавод №5 (пострадали 3 склада), хлебозавод Микояна (12 зажигательных бомб), Ленхладкомбинат, 2-й Овощекомбинат, Макаронная фабрика (всего 75 зажигалок), консервная база райпищеторга, овощной комбинат, зернохранилище на Солодово-дрожжевом заводе, 1-й хлебозавод, мясокомбинат, пищекомбинат, фабрика Пролетарской Победы, Ленхладокомбинат, макаронная фабрика (34 фугасные бомбы и 454 зажигательные)[3].

В конце сентября – начале октября продовольственные базы, склады, предприятия стали важной целью артиллерийских обстрелов. Так, при артосбстрелах 21 и 22 сентября особенно пострадала база «Заготзерно», 21 сентября по ней было выпущено 2 артснаряда, а 22 сентября – 41 снаряд[4].

Таким образом, бомбежки и артобстрелы в сентябре 1941 г. продовольственных складов, баз, пищевых предприятий, стали основным фактором уничтожения запасов продовольствия в городе и привели к резкому сокращению норм продажи продуктов.

Огромную роль в организации спасательных работ играли команды МПВО. Они выходили на помощь в начале обстрелов и бомбежек и работали под огнем противника, из-за чего имелись значительные жертвы.

О характере спасательных мероприятий можно судить по ликвидации последствий крупного налета 19 сентября, в которой были задействованы 11 540 участковых команд МПВО, 5000 чел. объектовых команд МПВО, 1500 чел. аварийно-восстановительных подразделений резерва

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 24. Л. 37–46.

2 Там же. Л. 91–109.

3 Сосчитано мной по ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 23. Л. 98, 100, 185, 186, 203а, 206–214; Д. 24. Л. 25, 31–51, 60, 61, 62, 65, 82–89, 91–109, 116–123, 173–175, 177, 192–194.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 24. Л. 116–123.

города, 1850 чел. дружин Красного креста, 4500 чел. групп самозащиты жилых домов. Всего 25 390 чел. Кроме того, 103 машины автонасосов и автоцистерн и 70 машин «Скорой помощи» и приспособленных медико-санитарных машин[1].

Совершенно несостоятельными оказываются мифы о «несчастных немцах», мерзнувших под Петербургом; о немецких артиллеристах, которые стреляли исключительно по военным объектам; о пресловутой «военной необходимости»; и о правилах войны, которые якобы не нарушались при осаде города. Обзор сводок представляет убедительные доказательства истинной военной цели данной осады: уничтожение Петербурга-Ленинграда как одного из центров мировой культуры и его гражданского населения. Важнейшей целью бомбардировок не только жилых массивов, но и промышленных объектов, было лишение населения необходимых средств жизнеобеспечения: разрушение водопроводной, водосточной и канализационной систем города, пищевых предприятий, продовольственных складов, баз и пр.

Не были мифами пожары и бомбардировки Бадаевских складов, как это порой в зарубежной литературе преподносится в наше время[2]. Бомбардировки этих крупнейших складов города производились систематически (8, 10, 13 сентября 1941 г.), имея своей целью уничтожение основных продовольственных запасов гражданского населения. Во время первого налета 280 зажигательных бомб было сброшено на Бадаевские склады, вызвав пожар, который тушился с 19-10 до 23-35[3]. О размерах пожара можно судить по тому, что в его тушении принимали участие 52 отделения пожарных городских, 14 объектовых команд, 5 УПК (участковые пожарные команды), 11 автоцистерн, 4 спецхода[4].

Согласно акту, переданному Ленинградской городской комиссией, за время осады Ленинграда на город было сброшено общей сложностью: 107 158 фугасных и зажигательных бомб и 150 000 тяжелых артиллерийских снарядов[5]. Учитывая результаты исследования А. Н. Рябкова, подсчитавшего данные оперативных сводок штабов МПВО, можно отделить от этого числа те, которые были учтены МПВО, то есть были сброшены на гражданские объекты города: 66 018 артиллерийских снарядов, 5 189 фугасных бомб, 73 083 зажигательных авиабомб[6]. Это составило,

---

1 Там же. Л. 174, 175, 177.

2 Например, *Clapperton J.* The siege of Leningrad and the ambivalence of the sacred: conversations with survivors. 2006. [Электронный ресурс]. P. 94, 354.

3 Согласно сводке, тушение началось уже через 15 минут после бомбежки. Ошибочно иногда полагают, что бомбежка складов происходила 6 сентября, ее приняли за учебную тревогу и пожар начали тушить с опозданием. (по От МПВО к гражданской защите (исторический очерк) / под общ. ред. С. К. Шойгу – Москва: УРСС, 1998. С. 52).

4 Специальные автомобили – телефонные ходы для управления подразделениями при пожаре.

5 ЦГА СПб. Ф. Р-8557. Оп. 7. Д. 39. Л.1, 2.

6 *Рябков А. М.* О количестве снарядов, выпущенных вражеской артиллерией по Ленинграду в годы Великой Отечественной войны // Петербургский исторический журнал. – 2019. – №3. С. 216–219.

относительно общего числа, соответственно 73% от авиабомб, 44% от артиллерийских снарядов. [Подсчитано мной – Л.Г.].

Необходимо также указать, что из приведенных фактов видно, что населению города уже в сентябре 1941 года был нанесен огромный ущерб: потери продовольствия, находившегося на складах и базах, в том числе на предприятиях пищевой промышленности; потери жилого фонда; разрушение водопроводной, водосточной и канализационной систем. В таких условиях жизнеобеспечение населения города требовало от руководителей городским хозяйством поистине героических усилий: по размещению пострадавших от потери жилья, организации необходимых аварийно-восстановительных работ, а также не только по доставке, но и по хранению продовольствия на рассредоточенных складах (в конечном итоге было принято решение рассредоточить продовольствие за чертой города).

В-третьих, препятствия эвакуации гражданского населения: пулеметные обстрелы и бомбардировки автобусов, эшелонов с эвакуируемыми детьми, санитарных и пассажирских поездов.

Одним из первых исследователей воздушных бомбардировок железнодорожных путей сообщения Ленинграда со страной являлся В. И. Кардашов. Полученные им результаты использовались в фундаментальных трудах в начале 1960-х годов. По данным В. И. Кардашова, приводимым в Очерках истории Ленинграда (V том), уже 2 июля 1941 г. начались бомбардировки железнодорожных линий, по которым двигались эшелоны с эвакуируемыми из прифронтовой полосы людьми[1].

В оперативных сводках начальника штаба охраны войскового тыла Северного фронта и дорожного отдела милиции Октябрьской железной дороги, ежедневно сдаваемых П. С. Попкову как уполномоченному Военного Совета Северного фронта по эвакуации, в начале июля 1941 г. внимание было приковано к тылам Северного фронта на северо-западном направлении, где в этот период имели место диверсионные вылазки и повреждения дорожного полотна.

По оперативным сводкам 2 июля произошло первое вооруженное нападение на Октябрьской железной дороге: был обстрелян часовой в районе ст. Элисенваари, в перестрелке был ранен рабочий депо. В тот же день было взорвано железнодорожное полотно в момент прохода товарного поезда на линии Выборг, Антреа группой 18–20 человек[2]. Основной задачей дорожного отдела милиции Октябрьской железной дороги стала борьба с диверсантами на ст. Выборг, в северо-

1 *Кардашов В. И.* Трудящиеся Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – январь 1944; по материалам неоккупированных районов). Дисс. к.и.н. – Л., 1965. С. 71. Цит. по *Шишкин В. А.* Укрепление обороны города // Очерки истории Ленинграда. Т. V. – Л.: Наука, 1967. С. 102; См. также: *Шишкин В. А.* Глава III. Прифронтовой город // Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. (3-е изд., перер. и доп.) / А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали, В. А. Шишкин. – Л.: Наука. Лен. отд-ие, 1985. С. 56.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 23. Л. 9, 11.

западном направлении.

Первое воздушное нападение на пассажирский поезд произошло под Ленинградом 5 июля 1941 г. на перегоне ст. Хитола-Элисенвааре. В результате были ранены машинист и кочегар, в вагонах побиты стекла[1]. С 11–12 июля 1941 г. бомбежки и обстрелы пулеметным огнем с самолетов санитарных, пассажирских эшелонов с эвакуируемыми на территории Ленинградской области происходили систематически, что установлено оперативными сводками дорожной милиции[2].

Продолжались обстрелы пассажирских поездов и осенью 1941 г. Так, 12 сентября, в 16-15 на ст. Антропшино артиллерией противника был обстрелян пассажирский поезд, при этом были повреждены паровоз и 4 вагона, убит раздатчик поезда[3].

В оперативных сводках дорожной милиции в Ленгорисполком указывались не все случаи обстрелов немцами пассажирских поездов и детских эшелонов, так как значительная часть обстрелов происходила на территории Ленинградской области. В. И. Кардашов писал, что уже 13 июля в Леноблисполком поступила телеграмма из Валдайского района с просьбой реэвакуации детей, так как ст. Едрово, где находилось более 2000 детей, подверглась налету немецкой авиации[4]. Имеются личные воспоминания об обстреле детского эшелона в тот же день на 226-м километре Октябрьской железной дороги, вблизи ж.-д. ст. Боровенка. В близлежащей дер. Парахино (с 1965 г. часть г. Окуловка) были произведены захоронения в двух братских могилах на местном кладбище[5]. В Справке об эвакуации ленинградских детей из юго-восточных районов области в Леноблисполком от 29 июля 1941 г., подписанной заведующим райздравотделом Ивушкиным, указывалось, что при эвакуации детей имели место случаи налета авиации. Так, на ст. Пола был обстрелян эшелон детей Дзержинского района г. Ленинграда, вывезенных из Залучского района[6].

Одним из наиболее драматических свидетельств военного преступления является бомбежка и обстрел фашистами станции Лычково Демьянского района Ленинградской области 18 июля 1941 г., когда там находились, в ожидании эшелона, эвакуируемые ленинградские дети. В той же справке заведующего райздравотделом Ивушкина отмечено, что на ст. Лычково в момент подготовки и посадки в эшелон без объявления «Воздушной тревоги» произошел налет одиночным

---

1 Там же. Л. 17.

2 Там же. Л. 31, 34, 37, 88, 94, 96, 102.

3 Сводка отдела регулирования и эвакуации ОВТ Северного фронта // ЦГА СПб. Ф. Р-8557. Оп. 3. Д. 24. Л. 53.

4 *Кардашов В. И.* Трудящиеся Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. С. 72 (Цит. по *Шишкин В. А.* Укрепление обороны города. С. 102).

5 *Николаева М., Ковалевская Л.* Боровенка в годы войны [мемуары] // Заря коммунизма. – 1984. – июнь, 21. (Цит по *Асташкин Д. Ю.* Эвакуация детей Ленинграда в Ленинградскую область // Побратимы. С. 132–133).

6 Документ 28. Справка об эвакуации ленинградских детей из юго-восточных районов области // Из районов области сообщают...: Свободные от оккупации районы области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. Сборник документов / Отв. ред. *А. Р. Дзенискевич*. Отв. сост. *Н. Ю. Черепенина.* – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 40.

самолетом, сбросившим до 25 бомб. В результате было убито 28 детей (всего убитых 41 чел.), 18 детей ранено (всего раненых 29 чел.). Из убитых 8 чел. детей было не опознано. После налета св. 4000 детей, находившихся в поселке, были рассредоточены по лесу и кустарникам. Через час налет повторился, была объявлена «Воздушная тревога». 4 немецких бомбардировщика вновь подвергли бомбежке и пулеметному обстрелу Лычково. Во время второго налета, благодаря принятым мерам, никто из детей больше не пострадал[1].

Имеется переписка матери одной из неопознанных девочек, убитых во время обстрела, Груниной Ольги Филимоновны с 1-м секретарем ГК ВКП(б) А. А. Ждановым и заместителем председателя Ленгорисполкома Е. Т. Федоровой. Мать писала, что дети, в связи с военной обстановкой, реэвакуировались со ст. Валдай, куда они были вывезены в начале войны. 22 августа 1941 г. отчаявшаяся мать писала секретарю ГК ВКП(б): «(...) я хожу и в РОНО Кировского района, и в райсовет, и нигде никто не может мне сказать, что стало с моей дочерью, и где она. Я так ничего и не знаю. Прошу Вас заставить всех, кого нужно, найти мою дочь, потому что она для меня дороже всего на свете (...)». На запрос из горкома ВКП(б) Е. Т. Федорова отвечала: «На ваше отношение от 26/VIII -с.г. [1941] за №100/2 сообщаю, что точных данных о дочери гр-ки Груниной О. Ф. Исполком не имеет. В Кировской области, где в настоящее время находятся дети, раненные на ст. Лычково, ее нет, не было Беляевой и среди раненых. Все дети, раненные на ст. Лычково, из Демьянской больницы перевезены в Ленинград. Предполагаю, что девочка погибла во время бомбардировки на ст. Лычково (...) Зам. председателя Ленгорсовета Федорова»[2].

Память о трагедии в Лычково, будучи связана с психическим шоком, полученным в результате вероломного нападения на место скопления детей и раненых, значительного числа жертв, включена в культурно-символическое пространство памяти о блокаде [3].

Сохранились свидетельства организаторов эвакуации ленинградских детей летом 1941 г. По воспоминаниям Ады Евгеньевны Милеант, работавшей ст. инспектором по дошкольному воспитанию Приморского района г. Ленинграда в 1941 г., записанным в 1974 г. студентками педагогического училища: «(...) поезда с детьми попадали под жестокую бомбежку фашистского зверья,

---

1 Там же.

2 Переписка по эвакуации // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 21. Л. 234, 236, 236 об. В письме сообщались подробности: 13-летняя ученица 6 класса 13 школы Кировского района Ленинграда Маргарита Беляева, вместе с тремя одноклассницами, дежурила на детских вещах, оставленных на перроне. Другие дети находились в здании станционного вокзала в ожидании поезда, который должен был отвезти их на ст. Котельнич. Примерно в 19-00 станция Лычково подверглась бомбардировке немецкими самолетами. В начале бомбардировки дежурные девочки побежали, но скоро упали раненые. Три из них погибли, одна (Синицына) осталась жива.

3 Примеры увековечения этой памяти в кинофильме, мемориале, краеведческих музеях, воспоминаниях см.: *Асташкин Д. Ю.* Эвакуация детей Ленинграда в Ленинградскую область // Побратимы. С. 133–138; Дети, пережившие ад / сост. *Н. Я. Аверкина, Т. В. Андреева, Л. В. Никитина.* – В. Новгород, 2012. [воспоминания переживших трагедию в Лычково].

горели целые составы поездов, гибли взрослые, сопровождавшие детей. При первой эвакуации Приморского района погибли заведующие детскими интернатами Мария Васильевна Опарина и ее дочь, Рыжкова Наталья Михайловна, Хомякова Елена Владимировна. Заведующая интернатом Полина Захаровна Бляхер сумела вынести из горящего вагона всех детей, но не вынесла только свою трехлетнюю внучку, которую считала вправе спасать лишь в самую последнюю очередь…». Ада Евгеньевна взяла на воспитание осиротевших детей Н. М. Рыжковой[1].

Составы с детьми сопровождали сотрудники войск НКВД, которые инструктировали о мерах безопасности. Так, Мария Михайловна Шарый вспоминала о реэвакуации детей в Ленинград в августе 1941 г.: «(...) Нам было сказано, как только тревога, так нам всем вылезать и бежать в лес. До нас шел один эшелон, он остановился, все вышли в лес, а немцы этот лесок весь обстреляли. И вот, недалеко от Окуловки, поезд остановился. Был налет. Машинист увел паровоз, а вагоны наши все закрыли, свет потушили, и мы стояли, как пустой эшелон. Самолеты спикировали у леса, простреляли весь лес, вагоны не тронули»[2].

Помимо бомбардировок и обстрелов пассажирских поездов, мест скопления гражданского населения (особенно детей) при эвакуации, осуществлялись и обстрелы с воздуха автобусов и автомашин с эвакуируемыми людьми, особенно с детьми. Так, в Справке об эвакуации ленинградских детей отмечалось, что при перевозе автобусами детей из Молвотицкого района в г. Валдай были случаи обстрелов и бомбардировок с воздуха. Например, 25 июля 1941 г. был обстрелян немецким самолетом автобус с детьми. Дети спрятались в лесу. Самолет сделал несколько кругов над автобусом изрешетил его из пулемета, бросил в автобус несколько бомб, разбив его. Среди укрытых детей жертв не было[3].

Таким образом, сохранились многочисленные документы, подтверждающие обстрелы пассажирских поездов, автобусов с эвакуированным населением, в том числе, когда летчики точно знали, что в данном месте имеется скопление мирного гражданского населения, включая детей.

Характерно, что в те самые дни, когда осуществлялись налеты на транспорты с эвакуируемыми людьми, в том числе с женщинами и детьми, болгарский посланник в Москве г. Стаменов

---

1 Миллеант // НМПК (Народный музей педагогического колледжа). Ф. БВ (Блокадные воспитатели). Д. 24. Л. 7; Эта память - наша совесть… . Труды второй научно-практической конференции преподавателей и студентов колледжей, посвященной 60-летию Великой Победы над фашизмом. – СПб.: Изд-во Газиевой Л., 2007. С. 343. Запись датирована по поступлению основной части документов А. Е. Милеант в собрание Народного музея педколледжа №5 (НМПК) около 1974 г.

2 «Хотелось сохранить хотя бы часть… семьи…» Запись воспоминаний директора детского дома №51 г. Ленинграда М. М. Шарый о работе в условиях блокады 1941–1943 гг. С. 87–113; ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 1393. Л. 5. Записано в 1943 г.

3 Документ 28. Справка об эвакуации ленинградских детей из юго-восточных районов области // Из районов области сообщают...: Свободные от оккупации районы области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. С. 40.

передал, по поручению германского правительства, нотами от 11 и 12 июля 1941 г. ходатайство о применении режима, предусмотренного Гаагской Конвенцией от 18 октября 1907 г., к военным госпитальным германским судам в Балтийском море и в Северном Ледовитом океане. Данные ноты были отклонены Советским правительством 13 июля 1941 г., при этом Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов заявил о систематическом вероломном нарушении германским правительством международных договоров, в том числе об имевших место обстрелах советских госпиталей, по поводу чего Советское правительство уже выражало протест[1].

Отдельно следует сказать о препятствиях эвакуации по Дороге жизни. Одним из наиболее компетентных исследователей этого вопроса В. М. Ковальчуком отмечалось, что эвакуация населения по Ладоге уже в сентябре 1941 г. сопровождалась воздушными бомбежками. Для охраны перевозок принимались меры[2]. Однако, несмотря на это, имелись значительные жертвы от налетов вражеской авиации. Так, 4 ноября 1941 г. были атакованы сторожевые корабли «Пурга» и «Конструктор», вывозившие из Осиновца в Новую Ладогу эвакуируемых из Ленинграда женщин и детей. В результате атаки бомбардировщиков «Конструктор» был поврежден: отвалилась носовая часть корабля. Подошедшие корабли: канонерская лодка «Нора», спасательный корабль «Сталинец» и буксирный пароход «Орел» оказали помощь, но из числа эвакуируемого населения и команды корабля погибло ок. 200 чел.[3]

С 20 ноября (официально с 22 ноября) 1941 г. начала действовать Военно-автомобильная дорога (ВАД), ледовая «Дорога жизни». А уже 26 ноября 1941 г. немецкими самолетами было уничтожено около 10 машин и других транспортных средств, идущих по льду Ладожского озера[4]. Хотя система охраны и обороны трассы была установлена к 5 декабря 1941 г., воздушные атаки продолжали представлять угрозу для функционирования трассы, а также жизни и безопасности гражданского населения. В то же время ущерб, наносимый противником, был ограничен, благодаря серьезным усилиям по обороне трассы: с 1 января 1942 г. система Противовоздушной обороны (ПВО) и воздушного прикрытия баз, железнодорожных мостов, станций и трассы была разделена на два района, каждый из которых подчинялся начальнику района: Ладожский район (Кокарево, Жихарево, Войбокало, Кобона, бухта Морье) и Свирский район (Войбокало искл.,

---

1 Отклонение Советским правительством ходатайства Германского правительства, сообщенного Болгарским посланником г-ном Стаменовым, о применении режима, предусмотренного Гаагской конвенцией 18 октября 1907 г. к якобы госпитальным германским судам в Балтийском море и Северном Ледовитом океане // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том I. С. 117.

2 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. С. 74–75.

3 Там же. С. 80.

4 *Мосунов В. А.* Удары авиации противника по «Дороге жизни» и планирование операций по ее уничтожению в ноябре 1941 – январе 1942 г. // Петербургский исторический журнал. – 2020. – №3. С. 114. Эти данные уточняют приведенную в книге В. М. Ковальчука дату 4 декабря первых авиаударов по Дороге жизни (*Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. С. 187–188).

Гостинополье, Тихвин, Паголда, Сясьстрой, Леднево, Кобона). Авиационное прикрытие осуществлялось силами ВВС ЛФ и ВВС КБФ. Всего за период декабрь 1941 г. – апрель 1942 г. количество учтенных самолето-пролетов противника над пунктами коммуникации Ладожской трассы составило: 1039 как днем, так и ночью[1].

За период зимы 1941–1942 гг. советскими летчиками над ледовой трассой, в районах Осиновец, Кобона, Жихарево, было сбито 14 и подбито не менее 3 самолетов противника[2].

Так как самолеты противника несли ощутимые потери, они осуществляли бомбометание с высоты 3–4 тыс. метров, поперек или под углом трассы ледовой дороги. Истребители, обычно Ме-109, вели разведку трассы и, одновременно, обстрел пушечно-пулеметным огнем. Крупные автоколонны подвергались бомбардировке, как правило Ю-88, под прикрытием истребителей. Систематически осуществлялись налеты на основные базы и склады в Коккорево, Осиновце, на о-вах Зеленцы, в Кобоне, Лаврово, Войбокало, Жихарево[3]. С 21 декабря 1941 г. немецкая бомбардировочная авиация, совместно с группой истребителей 54-й эскадры, наносили удары по участку железной дороги Тихвин – Волхов и далее, на восток. Одновременно продолжались бомбардировки ледового участка дороги. Так, только 24 декабря авиацией противника было уничтожено до 50 машин. 28 и 29 декабря еще 13 автомашин, было убито и ранено до 200 человек[4].

Всего с 20 ноября 1941 г. по 1 апреля 1942 г. советскими истребителями было произведено 6485 самолето-вылетов для патрулирования над ВАД, 143 воздушных боя[5].

В то же время для авиации противника удары по «Дороге жизни» являлись «запасной» целью. С 5 января 1942 г. фон Леебом был отдан приказ сосредоточить усилия авиации на поддержке войск. Тем не менее в январе было произведено 45 боевых вылетов для ударов по участку железной дороги Волховстрой – Тихвин и 7 боевых вылетов против ледового участка дороги[6]. Противник производил и артиллерийские обстрелы ледовых трасс, а также советских артиллерийских батарей, силами нескольких батарей артиллерии XXVIII армейского корпуса. Однако принести серьезный ущерб не мог, так как использовалась контрбатарейная борьба, а движение

---

1 Чаще всего над трассой появлялись: истребители МЕ-109 (Мессершмитт), которые вели активную разведку и пулеметный обстрел [обычно производится по людям – Л.Г.]. Из бомбардировщиков чаще появлялся многоцелевой бомбардировщик Ю-88. Также отмечались истребитель Хейнкель (ХЕ-113 [правильно НЕ-100]), Хеншель Hs-126 (ХЕ-126), Ю-87, пикирующий бомбардировщик и штурмовик [Юнкерс, для которого также были характерны действия по массе людей – Л.Г.], ФВ-198 [Правильнее Фокке-Вульф-189, корректировщик артогня, ночной разведчик и легкий штурмовик]. (по Военно-автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. / сост. *Ф. Н. Лагунов, П. И. Новоселов, А. И. Веревитин, А. С. Колобанов* [Текст документа подготовлен 30.01.1944 – 31.12.1944] // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. – СПб.: Галарт, 2018. С. 213–216, 282).

2 Там же. С. 220.

3 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. С. 187–188.

4 *Мосунов В. А.* Удары авиации противника по «Дороге жизни» и планирование операций по ее уничтожению в ноябре 1941 – январе 1942 г. С. 114.

5 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. С. 190.

6 *Мосунов В. А.* Указ. соч. С. 117.

в часы артобстрела переводилось на запасные нитки ВАД[1].

В начале весенней навигации 1942 г. была установлена специализация построенных пристаней: эвакуация больных, раненых и населения осуществлялась через Осиновец, прием эвакуированного населения и раненых осуществлялся в Новой Ладоге и Кобоне. Кобона-Кареджский порт, кроме того, отправлял продовольствие и сантехническое имущество[2]. Навигация была открыта 21 мая 1942 г., когда начались регулярные перевозки между Осиновцом и Кобоной, но из Новой Ладоги в Осиновец первый караван судов смог выйти только 28 мая, так как в Волховской губе лед держался дольше[3]. С 25 мая началась ежесуточная отправка эвакуируемого ленинградского гражданского населения[4].

Одновременно ввозились люди и в Ленинград. В основном это были воинские перевозки. Всего с мая по октябрь 1942 г. было перевезено на западный берег ок. 239 тыс. чел.[5]

Уже 26 мая 1942 г. командующий 1-м воздушным флотом немецко-фашистской армии генерал-полковник Келлер получил директиву сорвать эвакуацию Ленинграда. В содержании директивы видно, что улучшение продовольственного снабжения ленинградского населения приравнивалось германским командованием к улучшению обороноспособности[6].

Несмотря на использование Осиновецкой пристани в основном для вывоза гражданского населения и приема продовольствия, вечером 28 мая 102 самолета бомбардировали Осиновец и ст. Ладожское озеро. А 29 мая вечером был осуществлен повторный налет 53 самолетами.

Кобона-Кареджский порт был бомбардирован утром 28 мая 104 самолетами, вторично он подвергся бомбардировке 29 мая 150 самолетами. 28 мая к началу налета только что прибыла большая группа эвакуировавшихся ленинградцев. Немцы сбросили на порт около 300 фугасных бомб. О потерях имеются противоречивые сведения. По данным, которые приводит В. М. Ковальчук: несмотря на то, что было сбито 76 самолетов, врагу удалось разбить 7 вагонов с продовольствием, разбросать 2 штабеля с мукой, имелись другие материальные потери[7].

Свидетелем одной из бомбежек в Кобоне в августе 1942 г. стал другой крупный

---

1 *Ковальчук В. М.* Указ. соч.; *Мосунов В. А.* Указ. соч. С. 118. В. А. Мосунов дает характеристику планам нанести удар по коммуникациям в январе – феврале 1942 г. совместными действиями разных родов войск вермахта, которые были сорваны начавшимся наступлением Советских войск.

2 Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н.Л. Волковского. – М.: Аст; СПб: Полигон, 2004. С. 690– 693.

3 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. С. 240–241.

4 Там же. С. 248.

5 Там же. С. 251.

6 История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. – М., 1961. С. 473.

7 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. С. 258. По другим оценкам были также уничтожены 8 вагонов с боеприпасами, разрушены 2 пирса, склады и линии связи, а сбито всего два самолета противника, по воспоминаниям очевидцев погибли люди. (по *Дегтев Д. М., Зубов Д. В.* Воздушная битва за город на Неве. – СПб.: Центрполиграф, 2014. С. 174–175). К этим данным следует относиться с осторожностью из-за многочисленных неточностей в книгах авторов.

исследователь блокады Геннадий Леонтьевич Соболев, который уделил внимание этому факту в своей монографии, дополняя своими собственными впечатлениями свидетельства очевидцев: «наше ветхое суденышко вышло тогда из Осиновецкого порта одним из последних, и это нас спасло, так как из-за поломки двигателя судно вынуждено было вернуться в порт. Но когда мы снова отправились в путь, вокруг плавали многочисленные жертвы с потопленных судов и их багаж». Эти воспоминания дополняют приведенные автором свидетельства других очевидцев[1].

Всего за период навигации 1942 года авиация противника совершила 120 дневных и 15 ночных налетов на советские порты, базы, а также на корабли и суда на переходах. Согласно официальным данным, нанести значительного материального ущерба, благодаря активным действиям наших сил ПВО, врагу не удалось. От действий авиации и зенитной артиллерии за май – октябрь 1942 г. противник потерял 160 самолетов. В. М. Ковальчук приводит число общих людских жертв от налетов врага: 200 чел. погибших и 248 раненых[2].

Помимо авиации, для прекращения деятельности Ладожской коммуникации в распоряжении Келлера имелся флот в составе: 6 немецких катеров-тральщиков КМ и 4 итальянских торпедных катера MAS, а также десантных бронированных судов-барж «зибель-паромы», представлявших из себя спаренные мотопонтоны, и 8–9 десантных катеров. Из десантных судов, общей численностью около 30, была сформирована десантная флотилия. Имелись финские суда: 60 катеров связи, 1 канонерская лодка и 1 торпедный катер. 28 августа 1942 г. два итальянских торпедных катера попытались безрезультатно атаковать советский конвой, переходивший из Новой Ладоги в Морье, с военными грузами. 27 сентября 1942 г. в южной части Ладожского озера противником были установлены 12 магнитных и акустических мин севернее маяка Сухо. В ночь на 22 октября была осуществлена попытка высадить десант на о. Сухо, однако она завершилась полным поражением. В результате противник отказался от попыток военно-морскими силами разрушить Ладожскую коммуникацию[3].

Следует отметить крайнюю скупость в советской историографии сведений о потерях гражданского населения во время эвакуации по Ладоге, в том числе недостаточно сведений о пулеметных расстрелах штурмовыми самолетами эвакуируемого населения[4], хотя сами факты неизбирательных бомбардировок и штурмовых атак на пристани в Осиновце и Кобоне свидетельствуют о характере действий гитлеровской авиации. Имеются свидетельства о многочисленных обстрелах

---

1 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. С. 162–163.

2 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. С. 259. Автор указывает и на другие данные историографии о потерях немецкой авиации: до 239 самолетов.

3 Там же. С. 260–271.

4 Скупость информации, возможно, связана с секретностью данных о потерях гражданского населения в период войны, что наложило отпечаток на круг исследуемых тем в советское время.

пикирующей авиацией населения на причалах во время посадки на транспортные суда.

В опубликованном «Отчете о работе по эвакуации населения г. Ленинграда 1941 – 1942 гг. [по 15 апреля 1942 г.]» приводится свидетельство о жертвах во время авианалета 22–23 февраля 1942 г. на эвакопункт в Жихарево, во время которого были убиты 2 работника эвакопункта и 4 чел. эвакуируемых. Ранено 6 работников эвакопункта и 60 чел. эвакуируемых[1].

О факте ежедневных пулеметных обстрелов очереди на причалах сохранилось свидетельство Сергея Яковлевича Прикота, служившего комендантом Осиновецкого порта и лично отвечавшего за погрузку эвакуируемого населения весной – летом 1942 г.: на причале имелись клети, которые использовались как бомбоубежища для грузчиков, в них же пряталось эвакуируемое население, следовавшее на посадку во время бомбежек. «Почти на каждой посадке гибли люди. Начинали посадку при тучах. Но она длилась 1–2 часа. Ветер разгонял тучи. Начинали атаку штурмовые самолеты, стрелявшие по людям. Почти каждый рейс подвергался атакам»[2].

Таким образом, имеющиеся установленные данные позволяют указать на целенаправленное препятствование со стороны немецкой авиации вывозу гражданского населения из Ленинграда и ввозу продовольствия, а также на факт массированных бомбежек портов Осиновец и Кобона, через которые осуществлялись данные перевозки.

В-четвертых, истребление и насильственное переселение гражданских пленных на оккупированной территории Ленинграда и пригородов.

Оккупация территории Ленинградских пригородов и близлежащих районов Ленинградской области сопровождалась опустошением: насильственным переселением и истреблением мирного населения. В городе Пушкине, районе Ленинграда, который был оккупирован гитлеровскими войсками 18 сентября 1941 г., населения практически не осталось: погибло 18 368 чел., из них 6267 чел. было расстреляно, 1105 чел. было повешено, 1214 чел. умерли от истязаний. Кроме того, 17 968 чел. было угнано в рабство (по актам 17 874 и по спискам 94). В Петродворце, также районе Ленинграда, погибло 4265 чел., в рабство было угнано 30 829 чел. (по актам 18 517 и по спискам 12 266). Гражданского населения не осталось[3].

В информационной записке заведующего оргинструкторского отдела Ленинградского

---

1 Ленинград в осаде. С. 303; ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 191.

2 Судьба моряка. Воспоминания Прикота Сергея Яковлевича, капитана 1-го ранга, начальника штаба «Дороги жизни» в 1942–1943 гг. // Подвиг Ленинграда бессмертен / сост. Л. Л. Газиева, Т. П. Смирнова, Г. Б. Сафронова, Н. С. Семичева; редкол. В. В. Шапкин и др. – СПб.: Изд-во ИПК СПО; Изд. Газиева Л., 2004. С. 46–55. Записан документальный фильм киносъемочной группой Центрального музея Октябрьской железной дороги (оператор И. И. Коршунов).

3 Документ №227. Сведения Городской Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о числе погибшего в Ленинграде населения // Ленинград в осаде. С. 573–574.

обкома ВКП(б) от 9 марта 1944 г. сообщалось, что на территории Павловска, где проживало до войны 30 800 чел., после оккупации населения не осталось вовсе. В Павловском районе, из проживавших до войны 135 100 чел., осталось 2 989 чел., в основном женщин и детей. В Гатчине (быв. Красногвардейск), где проживало 38 200 чел., осталось 3562 чел., в Гатчинском районе из 97 400 чел. сохранилось 13 627 чел. В Тосненском районе из проживавших 100 000 чел. осталось 111 чел., из которых 85 – женщины и дети. Всего на территории Ленинградской области, где проживало до войны 1 466 388 чел., осталось 261 594 чел., из которых менее 10% мужчин[1]. Отступая, немцы насильственно угоняли значительную часть населения в Германию. В Батецком районе население Косицкого сельсовета, скрывавшееся почти два месяца в лесу, ловили с собаками. Схватив 37 чел., в основном женщин, детей и стариков, их загнали в сарай и подожгли[2].

Согласно докладной записке от 25 января 1944 г. Алексию, митрополиту Ленинградскому – Псковско – Гдовскому, от исполняющего должность псаломщика Николо-Конецкого прихода Гдовского уезда Сергея Дмитриевича Плескача, немцы, заняв Стрельну, заставили мирное население покинуть свое место проживания. В сентябре 1943 года немцы, собрав старост, старшин окрестных деревень в Гдовском районе, объявили, что все население должно со скотом, хлебом и скрабом двинуться в тыловые районы. Эстонское население уехало, но русское осталось. Немцы начали сжигать деревни. Крестьяне пытались с молитвами и иконами обходить свои деревни, чтобы их минула беда – но бесполезно. Дома сжигали вместе с пчелами, хлебом, овощами, убранными на зиму. Из 460 деревень сгорело 320. Деревенская молодежь убежала в лес к партизанам. В течение двух дней и ночей они взрывали в отместку расположение немцев в Гдове, пока те не отступили в Нарву[3].

Таким образом, согласно приведенным документам и свидетельствам, в том числе ранее не опубликованным и неизвестным исследователям, со стороны агрессора имели место многочисленные и разнообразные преступления против гражданского населения Ленинграда, а также оккупированных пригородов (Пушкина, Петродворца) и других районов Ленинградской области, направленные на его полное уничтожение. Данные действия были провозглашены целью военных действий известными директивами германского командования и политического руководства.

Эти данные подтверждают представленные на Нюрнбергском процессе документы, на основе которых были предъявлены гитлеровским преступникам обвинения в терроре мирного

---

1 Документ №182. Информационная записка заведующего оргинструкторского отдела обкома ВКП(б) о работе партийных и советских органов в освобожденных от немецких оккупантов районах // Из районов области сообщают...: Свободные от оккупации районы области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. С. 441–442.

2 Там же. С. 443.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 3, 4, 5, 5об.

населения Ленинграда. Они также подтверждают данные, представленные на городском суде г. Санкт-Петербурга, вынесшем решение о признании геноцидом преступления гитлеровцев против населения Ленинграда в 1941–1944 гг.

Общие выводы к главе: Многочисленные факты позволяют указать, что, несмотря на геноцид советского населения со стороны захватчиков, Советское правительство принимало меры для соблюдения конституционных прав по охране детства и материнства (ст. 122), на образование (ст. 121). Статус гражданского населения в СССР эволюционировал и, как правило, он соответствовал нормам международного права. Так, понятие «несовершеннолетние» уточнялось: выделялись малолетние дети до 12 лет и подростки до 15 лет. Лица, которые должны были получить начальное школьное образование, гарантированное Конституцией СССР, то есть лица до 15 лет, должны были обучаться и не могли быть привлечены к работе на производстве, за исключением обучающихся в ремесленных училищах, в ходе производственных практик.

Сами по себе статистические данные применительно к блокаде Ленинграда имеют принципиальное значение, так как способствуют подтверждению факта геноцида ленинградского населения. В результате анализа статистических документов выявлено, что к началу Великой Отечественной войны население Ленинграда должно было составить 3 212 554 чел. С начала войны до снятия блокады в городе должно было проживать детей и подростков в возрасте от 0 до 15 лет: не менее 922 365 чел., с учетом родившихся живыми в период войны.

Анализ статистических сведений о разрушениях в ходе бомбардировок и обстрелов Ленинграда в 1941–1944 гг. позволяет утверждать, что важнейшей целью бомбардировок являлось разрушение жилья, водопроводной, водосточной и канализационной систем города. Важное место при воздушных бомбежках и артобстрелах отводилось складам, базам продовольствия, комбинатам пищевой промышленности. В таких условиях жизнеобеспечение населения города требовало от руководителей городским хозяйством усилий по размещению пострадавших от потери жилья, организации аварийно-восстановительных работ, а также не только по доставке, но и по хранению продовольствия на рассредоточенных складах.

С 11–12 июля 1941 г. происходили систематические бомбежки и обстрелы пулеметным огнем с самолетов санитарных, пассажирских эшелонов, автобусов и автомашин с эвакуируемыми людьми, особенно с детьми, на территории Ленинградской области. Систематические бомбежки сопутствовали и эвакуации населения через Ладожское озеро, начиная с 4 декабря 1941 г., а также для срыва летне-осенней навигации 1942 г.

Жестокость, сопровождаемая ограблением оккупированной территории, привела к тому, что погибло около 40 процентов гражданского населения, находившегося в блокадном кольце.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СПАСЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА

3.1. Ключевые вопросы взаимодействия центральных и местных органов государственной власти и управления

Организация мероприятий по защите и спасению гражданского населения Ленинграда в период Великой Отечественной войны являлась вопросом политическим. Можно выделить несколько ключевых проблем в его решении: было ли сформировано в СССР единое гражданское пространство, позволявшее исключить крупные политические конфликты между органами государственной власти и управления и гражданами многонационального государства? Осуществлялась ли охрана гражданских прав и свобод населения СССР, и каким образом? Данные вопросы остаются дискуссионными, о чем свидетельствуют новейшие исследования[1].

Попробуем выделить несколько составляющих при ответе на эти вопросы.

Во-первых, *какие политические институты отвечали за охрану гражданских прав и свобод населения СССР и РСФСР в период войны, согласно Конституций СССР и РСФСР?*

В предвоенный и военный периоды происходила перестройка государственных органов власти и управления в СССР. Важнейшим фактором этой перестройки являлась Конституция СССР, утвержденная Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 года, действовавшая к началу Великой Отечественной войны в редакции от 1 марта 1941 г. Уже в ходе обсуждения проекта Конституции выявилось наличие в стране гражданского пространства. Так, исследователи отмечают, что в обсуждении участвовало более 42 миллионов человек, было вынесено почти 170 тысяч предложений и замечаний[2].

О степени сформированности к началу Великой Отечественной войны единого гражданского пространства на территории СССР, которое определялось конституционными правами и обязанностями советских граждан, можно судить по эффективности осуществления мобилизации, эвакуации, перестройки экономики на военные рельсы, а также защиты прав советских граждан Советскими органами власти и управления в 1941–1945 гг. Так, согласно Указу Президиума

1 См., например: *Goldman W. Z., Filtzer D.* Fortress Dark and Stern: The Soviet Home Front during World War II. Oxford; New York, 2021. См. также: *Киличенков А. А., Сторэлла К. Дж.* «Советский тыловой фронт»: к выходу в свет монографии Вэнди Голдман и Дональда Филцера о Великой Отечественной войне // Новый исторический вестник. – 2023. – №1(75). С. 124–146. [Имеется электронный ресурс]

2 См., например: *Упоров И. В.* Организационно-правовые основы местных Советов по Конституции СССР 1936 г. // Евразийское Научное Объединение. – 2020. – №6-3. С. 219.

Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г., была проведена всеобщая мобилизация по 14 военным округам, включая Прибалтийский, Западный, Киевский особые, а также Одесский, Харьковский, Северо-Кавказский и Закавказский военные округа[1].

Борьба за права и свободы советского человека стала важнейшим политическим фактором войны, – такой вывод был сделан в сборнике статей М. Хиндуса, британского журналиста, вышедшем в 1942 году[2].

Роль Конституции СССР как идеологического фактора усиления Советской власти видна в существовании специального предмета, изучаемого в седьмом классе начальной школы. В 1944 г. отделом школ ЦК ВКП(б) проводилась проверка итогов учебно-воспитательной работы в школах Ленинграда. Важнейшее значение придавалось роли и месту «преподавания истории СССР, литературы и Конституции в морально-политическом воспитании учащихся». Хотя в отчете В. П. Дмитриевой, заведующей отделом школ ГК ВКП(б), указывались как недостатки: отсутствие программы и учебника, примитивные и формальные знания учащихся, можно заметить, что, в действительности, семиклассники объясняли положения Конституции из своего жизненного опыта. 15-летние подростки видели в повседневной жизни примеры реализации конституционных прав: дети и старики не работают, поэтому остальным работы хватает; Совет Народных Комиссаров относили к органам местной власти, очевидно сталкиваясь с участием центральных органов государственной власти в решении местных вопросов[3].

Можно согласиться с Ю. Н. Жуковым, который связывает начало реформ 1936–1937 гг. с необходимостью демократизации общественного строя, расширения электората правящей партии, вызванных не только с потребностями внутреннего развития, но и внешнеполитическим вызовом со стороны агрессивных режимов, прежде всего гитлеровской Германии. Однако реализация конституционных изменений происходила в обстановке острой внутриполитической борьбы, продолжения политики репрессий[4].

Конституция СССР, вступившая в силу 5 декабря 1936 года, многократно редактировалась. Последние изменения перед войной были внесены VIII сессией Верховного Совета СССР 1 марта 1941 г. Согласно Конституции СССР, исключительным правом законодательной власти обладал Верховный Совет СССР (гл. 3, ст. 30, 32)[5]. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти СССР являлся Совет народных комиссаров СССР (гл. 5, ст. 64). СНК

1 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №26 (7 июля). С. 1-5.
2 *Hindus M.* Russia fights on. – L., 1942.
3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 11. Д. 263. Л. 23.
4 *Жуков Ю. Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. – М.: Концептуал, 2019. С. 146–155, 166–167.
5 СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР. – Москва: Госполитиздат, 1941. С. 8–9.

СССР должен был обеспечить охрану прав граждан в условиях войны, будучи наделен при этом самыми широкими полномочиями в рамках действующих законов (гл. 5, ст. 68, п. в)[1].

Конституция СССР 1936 г. упразднила такой орган государственного управления как Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ), существовавший с 1924 г. С 1 декабря 1941 г. вместо него был создан Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) союзно-республиканского значения (Нарком В. Н. Меркулов), просуществовавший вплоть до 15 марта 1953 г.[2] Важно отметить, что прочие реформы, касающиеся раздела или слияния НКГБ и Наркомата внутренних дел (НКВД), за период 1941–1943 гг. не отражены в редакциях Конституции.

Конституция СССР 1936 года определяла, что лишение граждан СССР каких-либо гражданских прав было возможно только на основании решения суда в течение ограниченного времени (помимо недееспособности). Между гражданами СССР было установлено равенство без какой-либо дискриминации по полу, имущественному и социальному положению, независимо от прошлой деятельности (ст.135)[3].

Ключевое значение имела интернациональная политика Советского государства, направленная на ликвидацию какой-либо расовой и национальной дискриминации. Приведем в качестве примера такой факт: в блокированном Ленинграде работали ученые и деятели искусства различных национальностей. В списках Продовольственной комиссии Военного Совета Ленинградского фронта на получение дополнительного питания среди 599 фамилий выдающихся деятелей ленинградской культуры, находившихся в городе в феврале – декабре 1942 г., встречается 31 имя ученых армянского происхождения (около 5%). Среди них: А. Я. Ваганова, Р. А. Бабаянц, И. А. Орбели, И. В. Егиазаров, Г. Г. Тигранов и др.[4] Среди депутатов районных советов Ленинграда, работавших в войну, согласно выборам 1939 г., были представители 21 национальности. 85,8%

---

1 СНК СССР имел широкие полномочия в рамках действующих законов, в том числе *по* обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и *охране прав граждан* [здесь и далее курсив наш – Л.Г.] (гл. 5, ст. 68, п. в), по образованию, в случае необходимости, специальных комитетов и Главных Управлений при СНК СССР по делам хозяйственного, культурного и оборонного строительства (гл. 5, ст. 68, п. е) и пр. СНК СССР также имел широкие полномочия по объединению и направлению работы общесоюзных и союзно-республиканских Наркоматов СССР, и других подведомственных ему хозяйственных и культурных учреждений (гл. 5, ст. 68, п. а), по осуществлению народнохозяйственного плана, гос. бюджета и укреплению кредитно-денежной системы (гл. 5, ст. 68, п. б). (СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР. С. 12).

2 Основой конституционной реформы был Указ Президиума ВС СССР от 3 февраля 1941 г. о разделении НКВД СССР на два наркомата: НКВД и НКГБ СССР, принятый вслед за решением ЦК ВКП(б). (по Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада). СПб., 2001. С. 37).

3 СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР. С. 22.

4 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 52. 273 лл. Подсчитано по именным спискам на дополнительное питание.

составляли русские, 8,6% были евреями, 3,2% украинцами, 1,4% белорусами[1].

В 1943 г. в составе постоянно действующих комиссий Совета депутатов трудящихся Выборгского района работали поляки, белорусы, евреи, хотя их количество составило всего около 10% (5 человек из 48 депутатов)[2].

Очень важным вопросом является распределение властных полномочий в условиях Великой Отечественной войны и, конкретно, блокады Ленинграда между советскими органами власти и военно-партийной верхушкой. И для отечественной, и для зарубежной историографии характерно шаблонное отношение к демократическим институтам власти в РСФСР, представление о некоей монополии власти военно-партийной верхушки в период войны.

В то же время в статье 126 Конституции СССР отмечалось что целями объединения трудящихся в общественные организации являются развитие организационной самодеятельности и политической активности народных масс. Та же статья определила Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков (ВКП(б)) как общественную организацию: «*…представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных*» [курсив мой – Л. Г.][3].

Таким образом, можно заметить институционализацию общественных организаций как части политической системы: основу советской демократии.

Некоторые современные исследователи критикуют ВКП(б), считая, что, не входя в систему государственных органов власти и управления, партия институционализировалась как канал размывания государственной системы управления через общественную организацию, отличающуюся жесткой дисциплиной, уставным порядком и номенклатурной системой внутренней иерархии. Это объясняет непрерывный процесс эволюции ментальных установок внутри данной группы, который порождал острые конфликты и жестокие репрессии[4]. С этим можно согласиться лишь отчасти.

Необходимо отметить сложный и противоречивый характер регулятивной деятельности ВКП(б). Так, примером концентрации власти и, в то же время, размывания сложившихся границ и полномочий государственных органов власти и управления может служить выход ряда

---

1 *Твердюкова Е. Д.* Депутатский корпус районных Советов Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: состав и деятельность // Genesis: исторические исследования. – 2021. – №11. С. 75.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-148. Оп. 2. Д. 192. Л. 14–21. Подсчитано по именным спискам постоянно действующих комиссий депутатов.

3 СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР. С. 21.

4 О признаках политической элиты в применении к аппарату ВКП(б) см. *Болдовский К. А.* Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». – СПб.: Нестор-История, 2018. С. 43–44. К. А. Болдовский считает, что для аппарата ВКП(б) понятие элита неприемлемо, в то же время он глубоко анализирует эволюцию номенклатурной иерархии в данном направлении.

правительственных постановлений под двойным грифом: СНК СССР и ЦК ВКП(б). Таковы были постановления: от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», 24 июня 1941 г. «О создании Совета по эвакуации при СНК СССР», 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», 2 июля 1941 г. «О разгрузке Ленинграда от предприятий Наркомата боеприпасов», 8 июля 1941 г. «Об эвакуации заводов НК Авиапрома из г. Ленинграда», 8 июля 1941 г. «Об эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Ленинграда». Особое место занимало Постановление от 30 июня 1941 г. об образовании ГКО, имевшее тройной гриф, и, помимо СНК СССР и ЦК ВКП(б), утвержденное Президиумом ВС СССР (высшим органом государственной власти)[1].

Подкрепление постановлений государственной власти грифом общественной организации трудящихся имело противоречивый характер: усиливая государственную власть, оно, одновременно, размывало и ослабляло ее. Это признавал Сталин, утверждавший, что отмирание государства произойдет через его максимальное усиление, необходимое для обороны против капиталистического окружения[2].

В то же время, специфическая особенность деятельности ВКП(б) в качестве общественной организации предполагала закрытую систему общественных взаимосвязей, сопровождавшуюся вхождением коммунистов во все государственные и общественные, в том числе закрытые, союзы и объединения. Поэтому важнейшим средством воздействия ВКП(б) на общественное сознание являлась идеологическая система управления коммуникативными отношениями[3].

В основе организационного строения ВКП(б) лежал ленинский принцип демократического централизма, закрепленный уставом ВКП(б), поэтому здесь существовали особые отношения взаимного доверия и контроля. Имело значение и то, что первым секретарем Ленинградского ОК и ГК ВКП(б) являлся с 15 декабря 1934 по 17 января 1945 гг. А. А. Жданов, секретарь ЦК ВКП(б).

---

1 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6 (1933–1937). – М.: Изд-во полит. литры, 1985. С. 213–218; О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 27 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. – 1990. – №6. С. 208; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 08.07. 41 об эвакуации заводов НК Авиапрома из г. Ленинграда [фотокопия фрагмента] // Побратимы/ [отв. ред. *Ю. З. Кантор*]. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 368; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 08. 07. 41 об эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Ленинграда [фотокопия] // Указ. соч. С. 368; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 5–6.

2 По *Болдовский К. А*. Указ. соч. С. 4. Следует заметить, что парадоксальность мышления Сталина, проявлявшаяся в целом ряде стратегически важных политических решений, может быть отнесена к проявлениям как его таланта руководителя, так и склонности к софизмам, что способствовало выстраиванию остроконфликтного государственного управления.

3 Г*азиева Л. Л.* Коммуникативные особенности преодоления конфликтных ситуаций, отраженные в протоколах первичных организаций ВКП (б) I ЛМИ (генезис первичных мифологем и идеологем) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018 – Т. 9. Выпуск 6 (70) URL: http://history.jes.su/s207987840002245-8-1. DOI: 10.18254/S0002245-8-1.

Многие вопросы решались между Ждановым и Сталиным по личным каналам[1]. Так, в июле – августе 1941 г. выписки, докладные записки, решения Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) превращались порой в постановления ГКО простым присвоением соответствующего номера. Например, Постановление ГКО от 12 августа 1941 г. №467сс об отгрузке материалов для ленинградских предприятий на основе выписки из протокола заседания Ленинградского горкома от 1 августа 1941 г.; постановления ГКО №№260сс и 261сс от 24 июля 1941 г. о переводе на казарменное положение истребительных батальонов УНКВД на основе протоколов заседаний бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 21 июля 1941 г. и Ленинградского обкома ВКП(б) от 22 июля 1941 г.[2] Следует обратить внимание, что принятие актов чрезвычайного по своему характеру органа власти ГКО по Ленинграду в 1941 г. на основе докладных записок и партийных документов, в том числе руководителей Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), органов Советской власти, должно было укрепить и поднять на значительную высоту органы партийной и государственной власти и управления в Ленинграде, возлагая, одновременно, на них огромную ответственность.

Такова была институциональная сущность одной из самых мощных и влиятельных политических организаций XX века – Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП(б)).

В то же время следует иметь ввиду, что *важное место в развитии институтов власти занимает стиль руководства.* Для коммуникативных взаимоотношений и Сталина, и Жданова было характерно частое использование метафор, иносказаний. Сталин прибегал к софистическим аргументам, зачастую нарочито вызывая у слушателей определенные эмоции. При таком стиле руководства в его окружении уживались лишь те, кто был способен поддержать софистическую беседу, умел выдерживать паузу, отводить грозу[3]. Так, 5 декабря 1941 г., в день начала контрнаступления под Москвой, А. А. Жданов пишет письмо И. В. Сталину, отправленное с Н. Н. Вороновым, который улетал в Москву. Следовало объяснить причины неудачи операции по прорыву блокады, чему и посвящено письмо. Однако в конце использован софистический прием и завершается письмо обещанием: «У Федюнинского дело обстоит так, что если он не прозевает, то противнику у Войбокал[о] капут». Затем о главном: «Настроение у нас хорошее. Самое тревожное – это то, что голодно» (Это в дни, когда для ленинградцев наступило «смертное время»). И в

1 «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. (Публикация Л. Л. Газиевой) // Военно-исторический журнал. – 2015. – №3. С. 31–35.

2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 78, 109.

3 Подробнее см.: *Газиева Л. Л.* Некоторые особенности устных переговоров Ставки Главнокомандования с руководителями обороны Ленинграда в июле – сентябре 1941 года // Рабочий класс и интеллигенция России на рубеже веков: XIX–XX и XX–XXI вв. Связь времен. Материалы м/н научно-практической конференции, приуроченной к 70-летию со Дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. 14–15 октября 2013 года / отв. ред. *А. В. Кутузов*; сост. А. В. Кутузов, Л. Л. Газиева. – СПб.: Изд. Л. Газиева, 2013. С. 195–200.

завершение письма метафора: «Я стал свирепым и придирчивым как пес»[1]. Безусловно, такой тип взаимоотношений не мог не сказаться на стиле руководства и в Москве, и в Ленинграде, характеризуемом скрытой тревожностью.

Система высших государственных органов власти и управления в СССР отличалась сложной структурой из-за двойного суверенитета, присущего СССР. Поэтому и вопросы спасения гражданского населения должны были решаться во взаимосвязи союзными и республиканскими органами власти.

Вернемся к конституционным нормам. Конституция РСФСР была утверждена Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. Политическую основу РСФСР составляли Советы депутатов трудящихся (гл. I, ст. 2). Единственным законодательным органом РСФСР объявлялся Верховный Совет РСФСР (гл. III, ст. 24). Правительство РСФСР, Совет Народных Комиссаров (СНК) РСФСР, образовывалось Верховным Советом РСФСР (гл. III, ст. 40). СНК РСФСР являлся высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти РСФСР (гл. IV, ст. 41). Глава VIII Конституции РСФСР регламентировала деятельность местных органов власти, которые, помимо руководства культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории, формирования местного бюджета, и руководства подчиненными им органами управления, должны были обеспечивать охрану государственного порядка, содействовать усилению обороноспособности и обеспечивать *«соблюдение законов и охрану прав граждан»* [Курсив мой – Л. Г.] (ст. 79)[2]. Отделы городских Советов депутатов трудящихся Москвы и Ленинграда подчинялись в своей деятельности как Совету депутатов трудящихся Москвы или Ленинграда, соответственно и его исполкому, так и соответствующему народному комиссариату РСФСР непосредственно (ст. 101)[3].

По оценке И. В. Упорова Конституция СССР закрепила за местными Советами функцию нормотворчества в пределах их компетенции, в то же время принцип двойной, а то и тройной, подчиненности местных Советов депутатов трудящихся и их исполкомов неизбежно принижал роль представительных органов местной власти[4]. Специфической особенностью представительной функции местных Советов являлось наделение их депутатов правом запросов, которым они

---

1 ГА РФ. Ф. Р-558. Оп. 11. Д. 730. Л. 195. См. также: «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится все время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. Публ. *Л. Л. Газиево*й // Военно-исторический журнал. – 2015. – №3. С. 32.

2 РСФСР. Законы. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики с изменениями и дополнениями, принятыми Верховным Советом РСФСР 16 июля 1938г., 29 июля 1939 г., 2 июня 1940 г. и 5 апреля 1941 г. – М.: Изд-ие Верховного Совета РСФСР, 1941. С. 11, 17.

3 Там же.

4 *Упоров И. В.* Организационно-правовые основы местных Советов по Конституции СССР 1936 г. С. 221, 222.

пользовались в период войны[1].

А. В. Панфилец отмечает, что особенностью взаимодействия СНК СССР и РСФСР с регионами являлось то, что их постановления действовали не напрямую, а через распоряжения местных органов власти. Приводя и конкретный пример: со сдачей радиоприемников, автор считает, что это создавало неоправданную в критический момент волокиту[2].

На наш взгляд имелась и другая сторона вопроса: такой порядок позволял уточнить и откорректировать решения центральных органов власти соответственно местной обстановке, укрепляя тем самым и местную, и центральную власть. В то же время, необходимо отметить наличие конфликтов в интерпретации тех или иных решений, наиболее острых в хозяйственной и финансовой сфере. Присутствие таких конфликтов отслеживается, например, летом 1941 г. в ревизионном отчете Городского финансового отдела в Наркомат финансов РСФСР[3].

Анализируя конкретные ситуации можно прийти к выводу, что проблемы порождались недостаточной компетентностью и волюнтаризмом отдельных чиновников. Порой обилие бумаг и роспись их по конкретным адресатам приводили к тому, что нужное постановление не доходило до чиновника. Так, летом 1941 г. между председателем Ленгорисполкома П. С. Попковым и зав. Городского финансового отдела (Горфо) И. В. Гужковым возник спор по поводу материального обеспечения МПВО. На основании решения исполкома Ленсовета от 2 августа 1941 г. №382 расходы на пошив обмундирования для МПВО были отнесены на счет местного бюджета, однако, ссылаясь на многочисленные отказы Правительства СССР и РСФСР в мирное время профинансировать подобные расходы, Гужков счел данное решение ошибочным. На его протест Попков в свойственной ему безапелляционной форме наложил резолюцию: «т. Гужков. Если не знаете решений Комитета Обороны, то надо знакомиться, а не писать нелепые вещи. Попков». Резолюция, переданная через третье лицо, очевидно, оскорбила Гужкова. В силу этого спор нашел отражение в ревизионном отчете[4].

Следует предположить, что этот спор стал известен в партийной среде, в том числе высшего партийного руководства, что дало себя знать в решении горкома ВКП(б) от 5 сентября 1941 г. «Об усилении финансового контроля за расходованием государственных средств и материальных ценностей». Пункт 4 решения прямо гласил: «Запретить партийным и советским организациям возлагать на государственные и кооперативные предприятия и организации выполнение работ,

---

1 Пример практики депутатского запроса (Меркулова) в Моссовет в 1944 г. см. *Дудников А. А.* Деятельность местных Советов депутатов трудящихся по осуществлению представительских функций (1945 – 1953) // Общество и право. – 2013. – №3(45). С. 51–52.

2 *Панфилец А. В.* Органы и войска НКВД на Северо-Западе СССР в годы Великой Отечественной войны. – Санкт-Петербург: Р-Копи, 2016. С. 30, 35.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 85, 98–108.

4 Там же. Л. 85, 103.

связанных с незаконным расходованием денежных средств и материальных ценностей». Контроль возлагался на прокуратуру и судебные органы[1].

Таким образом, задача охраны прав граждан, проживавших в Ленинграде, согласно Конституциям СССР и РСФСР, входила в функции таких органов государственной власти и управления как СНК СССР, СНК РСФСР, а также местных органов Советской власти, к которым относились Ленинградский городской Совет депутатов трудящихся и Ленинградский областной Совет депутатов трудящихся, в тех случаях, когда вопросы были в его компетенции. Конституционная особенность деятельности Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся (Ленгорсовета), согласно которой его отделы напрямую подчинялись соответствующим народным комиссариатам РСФСР, а также опосредующий характер распоряжений местной власти по отношению к центральной, своеобразно отразилась в упомянутом выше представлении школьников о местном значении центральных органов власти.

В начале войны ряд функций органов государственной власти, связанных с организацией обороны Советского государства, были переданы чрезвычайным органам: Государственному комитету обороны, Военным Советам фронтов, Городским Комитетам обороны, созданным в 60 прифронтовых городах. В данных органах произошло слияние военной и партийной верхушки. Особое значение приобрели мобилизующая, контролирующая и распорядительная функции партийного аппарата ВКП(б).

В то же время, несмотря на чрезвычайные условиях, функционирование Советских органов государственной власти, хотя и претерпело некоторые изменения, но продолжалось.

Следующий и наиболее дискуссионный вопрос: *каким образом функционировали в период войны Советские органы власти и управления?*

В течение войны Верховный Совет СССР первого созыва, действовавший двойной срок, собирался трижды на сессии: в 1942, 1944, 1945 гг. На этих сессиях решались важнейшие вопросы государственного строительства и международных отношений, в том числе, касавшиеся союзного договора с Великобританией, расширения политического суверенитета Украины и Белоруссии, сохранившие значение по сей день[2].

---

1 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. *К. А. Болдовский.* Часть I. Июнь 1941 г. – март 1942 г. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 273–274.

2 Стенографический отчет Заседания Верховного Совета СССР 18 июня 1942 года. – 1942. – М.: Изд. Верховного Совета СССР; Десятая сессия Верховного Совета СССР [1-го созыва], (28 января-1 февраля 1944 г.): стенографический отчет. – 1944. – М.: Изд. Верховного Совета СССР; Одиннадцатая сессия Верховного Совета СССР [1-го созыва], (24 апреля-27 апреля 1945 г.): стенографический отчет. – 1945. – М.: Изд. Верховного Совета СССР. [Имеются электронные ресурсы]

1-4 марта 1944 г. работала V Сессия Верховного Совета РСФСР первого созыва[1]. Обе сессии Верховных Советов СССР и РСФСР, собравшиеся в 1944 г., внесли изменения в конституции СССР и РСФСР, соответственно. Таким образом, высшая законодательная власть в стране сохраняла в течение всей войны Советский характер. Это не могло не сказаться на укреплении авторитета местных органов Советской власти.

Необходимо обратить внимание, что в Ленинграде городской комитет обороны создан не был. Инициатива ленинградских руководителей по созданию Военного Совета обороны Ленинграда была категорически пресечена ГКО. Вопросы обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности решались Военным Советом Ленинградского фронта. При этом продолжали в полной мере функционировать исполнительные комитеты Ленинградских областного и городского Советов депутатов трудящихся. Несмотря на отсутствие сессий в период блокады Ленинградского Городского Совета депутатов трудящихся и Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся, в 1942–1943 годах собирались на сессии районные Советы депутатов трудящихся, при этом в работе сессий принимали участие и депутаты Ленгорсовета. Районные Советы оказались основным институтом, сохранившим демократический характер Советской власти в условиях блокады.

Связанным с функционированием Советских органов власти является ответ на вопрос об эффективности, а также о значении деятельности депутатского корпуса в Ленинграде. Необходимо отметить, что, несмотря на свою немногочисленность, имевшийся в Ленинграде депутатский корпус находился в непосредственной взаимосвязи с населением, взаимодействовал с общественным активом, ставшим его опорой в период войны и заменившим недостающих депутатов. Основной задачей, вставшей перед депутатами, явилось обеспечение реализации прав трудящихся, прежде всего военнослужащих и членов их семей. В отчетах районных Советов о работе за 1941–1943 годы в качестве основной задачи в этот период называется: сохранение жизни ленинградцев, что делает эти документы уникальными. Благодаря своей деятельности, направленной на спасение жизни населения, районные Советы явились основным ретранслятором Советских ценностей, делая открытой, транспарентной, политику Советских органов власти (подробнее см. §3.2).

Важным вопросом является: *каким образом на реализацию охраняемых законом гражданских прав влиял режимный статус Ленинграда в военный период?* Согласно Указу Президиума ВС СССР «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» от 22 июня 1941 г., на территории Ленинградского военного округа объявлялся режим «военного положения».

1 Заседания Верховного Совета РСФСР [1-го созыва], пятая сессия (1-4 марта 1944 г.): стенографический отчет. – 1944. – М.: Изд. Верховного Совета РСФСР. [Имеется электронный ресурс]

Режим «осады» для Ленинграда законодательным порядком введен не был[1]. Поскольку вопрос остается в состоянии дискуссии, следует остановиться на ряде аспектов.

О введении в Ленинграде осадного положения в августе 1941 г. решением специальной комиссии во главе с В. М. Молотовым, находившейся тогда же в Ленинграде и наделенной чрезвычайными полномочиями ГКО и ЦК ВКП(б), писал бывший секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде и агитации Николай Дмитриевич Шумилов[2]. С апреля 1942 г. Шумилов являлся ответственным редактором «Ленинградской правды». Таким образом, концепция осадного положения Ленинграда проходила через пропагандистские материалы газеты на основе решения полномочной правительственной комиссии. В то же время законодательным порядком данное положение оформлено не было.

Проект Указа о законодательном введении в Ленинграде осадного положения был подготовлен к 15 марта 1942 г. главным военным прокурором Красной Армии В. И. Носовым, в соответствии с указаниями А. А. Жданова, однако, как следует из его переписки, был отклонен заместителем Председателя СНК СССР А. Я. Вышинским. Были также отклонены проекты изменений в Уголовный кодекс (УК), ужесточающие репрессивные меры за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции, а также дополнение УК статьями, предусматривающими наказание за угрозы начальнику и за умышленно небрежное или пассивное выполнение приказа. Отмечалось, что в данных случаях могут быть применены статьи 193-2, 193-17 действующего УК[3]. Факт сохранения режима «военного положения» влиял на продолжение работы гражданских органов власти и управления, их функционирование и полномочия.

Так как германское командование не нотифицировало морскую блокаду, можно сказать, что де-юре режим осады и блокады отсутствовал. В то же время, как это показывают современные исследователи, де-факто противником была установлена смешанная блокада, как один из видов осады[4].

Постановлением Военного Совета Ленинградского фронта №001048 от 5 июля 1942 г. «О необходимых мероприятиях по превращению Ленинграда в военный город», подписанным новым командующим фронта генерал-лейтенантом Л. А. Говоровым и членами Военного Совета:

---

1 *Иванов В. А.* Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Новейшая история. – 2013. – №2. С. 48–69.

2 *Шумилов Н. Д.* В дни блокады. – М.: Мысль, 1977. С. 86.

3 Документ №181. Письмо Главного военного прокурора Красной Армии В. И. Носова А. А. Жданову о причинах задержки законодательного оформления осадного положения и о дополнениях к Уголовному Кодексу // Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / Под ред. А. Р. *Дзенискевича*. – СПб.: Лики России, 1995. С. 422–423.

4 *Коршунов Э. Л., Рупасов А. И.* Блокада как вид военных действий в отечественной военной науке и сознании граждан // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. – СПб.: Галарт, 2018. С. 28–35.

секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Ждановым, дивизионным комиссаром А. А. Кузнецовым, Н. В. Соловьевым, Т. Ф. Штыковым, был намечен план мероприятий, «обеспечивающих превращение Ленинграда в военный город»[1].

Однако в письме И. В. Сталину от 9 июня 1942 г. А. А. Жданов пишет о возможности штурма Ленинграда противником, но не упоминает об изменении правового режима города[2].

Таким образом, законодательного изменения правового режима Ленинграда на осадный не произошло в период войны. Можно предположить, что это было связано со стремлением сохранить функционирование гражданских органов власти и управления в Ленинграде.

В современной литературе развернулись дискуссии также по другим военно-историческим терминам. На данный факт, как и на необходимость тщательного анализа терминологии, указывает А. А. Михайлов[3].

Е. В. Ильин и Т. В. Пономарева, поддержанные группой военных историков, предложили отказаться от термина «снятие блокады», учитывая, что в результате операции «Искра» сухопутная блокада Ленинграда была прорвана и, следовательно, по мнению ученых в дальнейшем следует говорить о снятии осады Ленинграда[4]. С данной точкой зрения нельзя согласиться, так как в данном случае необходимо учесть правовой аспект международной классификации «блокады». В международном военном праве в основном речь идет о блокаде морских портов, что имело место в отношении Ленинграда. Согласно обычаю морской войны, такая блокада должна обязательно нотифицироваться, чтобы предупредить гибель и захват судов нейтральных стран[5]. В случае с Ленинградом смешанная осада дополнялась морской блокадой, которая не была нотифицирована и, таким образом, носила преступный со стороны гитлеровцев характер. Одной из важнейших целей гитлеровцев являлся захват или уничтожение Балтийского флота. Только в центральной части Финского залива, в районе мыса Юминда, находились 3 тысячи мин и минных защитников. Из-за большой минной опасности в Финском заливе Ставкой Верховного

---

1 Документ № 283. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта «О необходимых мероприятиях по г. Ленинграду» №001048 от 5 июля 1942 г. // Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть II (апрель – декабрь 1942 г.). Сб. документов / отв. сост. К. А. Болдовский – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2024. С. 292–295; Ленинград в осаде. С. 84–87.

2 «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится все время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. Публ. *Л. Л. Газиевой* // Военно-исторический журнал. – 2015. – №3. С. 33. (по РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 731. Л. 1, 2, 3).

3 *Михайлов А. А.* Битва за Ленинград: применение термина в отечественной историографии // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019. С. 17–40.

4 *Ильин Е. В., Пономарева Т. В.* Об использовании терминов «блокада» и «осада» в изучении вопросов обороны Ленинграда (1941–1944) // Битва за Ленинград 1941 – 1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. / ред. кол.: А. Х. Даудов, Г. П. Жирикова, Е. В. Лезик и др. – СПб.: Нестор-История, 2019. С. 15–21.

5 Лондонская декларация о праве морской войны 1909 г. (I глава, ст. 9–11). Декларация не была ратифицирована, но данная норма рассматривается как обычай морской войны.

Главнокомандования (ВГК) с конца 1941 г. и до конца войны были запрещены выходы крупных боевых кораблей. С целью блокировать флот в восточной части Финского залива в мае 1942 г. гитлеровцы дополнительно к существующим оборудовали минные позиции: между островом Нарген и полуостровом Порккала-Удд, а также Гогландскую. Действовали поисково-ударные группы из надводных кораблей, самолетов и подводных лодок, шумопеленгаторные станции и посты наблюдения[1]. 8 сентября 1941 г. морская блокада была дополнена озерной, в связи со взятием Шлиссельбурга и нарушением внутренних коммуникаций Балтийского флота. Необходимо обратить внимание на тот факт, что первоначально прорыв блокады планировался как две операции, следовавшие одна за другой: Шлиссельбургская и Урицкая. Последняя намечалась (предварительно) на февраль 1943 г. Целями операции являлось: обеспечить свободный выход для кораблей КБФ из Ленинграда в Кронштадт и создать необходимые условия для выхода кораблей в Балтийское море. Обе операции рассматривались как жизненно необходимые для Ленинграда и фронта. Однако на утверждение Ставке ВГК Военным Советом Ленинградского фронта была представлена только Шлиссельбургская операция, следует предположить из-за недостаточности средств[2]. Снять морскую минную блокаду удалось после полного освобождения Ленинграда от сухопутной осады. День прорыва морской минной блокады (открытие прохода по Большому корабельному фарватеру от Кронштадта до фарватера Таллинн – Хельсинки) – 5 июня 1946 г.[3]

В связи с вышеизложенным, представляется излишним менять сложившуюся военно-историческую терминологию в отношении исследования блокады Ленинграда[4].

Указы Президиума ВС СССР о мобилизации военнообязанных (1905–1918 г.р.) и переходе на военное положение, в соответствии со ст. Конституции 49 п.п. «л» и «п», были распубликованы 22 июня 1941 года[5]. На территории 14 военных округов, в том числе Ленинградского военного округа, была объявлена мобилизация. На территориях, где вводился режим «военного положения», создавались Военные Советы как чрезвычайные органы военно-политического руководства. Соответственно Указу Президиума ВС СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г., полномочия и функции государственного управления в области обороны, обеспечения

---

1 Дважды Краснознаменный Балтийский флот – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Воениздат, 1978. С. 193, 205, 222.

2 Документ №1. Соображения Военного совета Ленинградского фронта о наступательных операциях зимы 1942/43г., не позднее 17.11. 1942 г. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов*. – СПб.: Галарт, 2019. С. 42–47.

3 Этот день отмечается согласно Закону Санкт-Петербурга от 12 октября 2005 г. №535-78 «О праздниках и днях памяти Санкт-Петербурга».

4 В военной литературе встречаются и другие даты установления блокады. Так, В. М. Ганкевич указывал на дату 26 сентября, в связи с отказом немцев от штурма города. (*Ганкевич В. М.* Оборона Ленинграда в условиях полной блокады (26.09.1941 г. – 12.01.1943 г.) // Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019. С. 33).

5 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №26 (7 июля). С. 1-3.

общественного порядка и государственной безопасности должны были перейти в руки Военных Советов фронтов. Соответственно, в Ленинграде – Северного фронта (ВС СФ).

Военные власти имели право привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, для участия в борьбе с пожарами и эпидемиями и т.п.; устанавливать военно-квартирную обязанность, трудовую и автогужевую повинность; производить изъятие транспортных средств и иного необходимого для нужд обороны имущества; регулировать время работы учреждений и предприятий, ограничивать уличное движение, производить в необходимых случаях обыски и задержания подозрительных лиц; регулировать торговлю и работу торгующих организаций, коммунальных предприятий, а также устанавливать нормы отпуска населению продовольственных и промышленных товаров; воспрещать въезд и выезд в местности, объявленные на военном положении; выселять в административном порядке лиц, признанных социально опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой[1]. Указ Президиума ВС СССР от 18 августа 1941 г. расширил права Военных Советов фронтов и армий в отношении красноармейцев[2].

Перечисление указанных задач и прав Военных Советов позволяет отметить, что они были подчинены цели эффективной организации обороны города, а не организации спасения гражданского населения. Из-за особенностей институциализации гражданских обязанностей в военных условиях следует скептически отнестись к утверждению некоторых авторов о мифологизации трудовой повинности в Ленинграде[3].

Приказом командующего Северным фронтом от 24.06.1941 г. №0187 было сформировано Полевое управление Северного фронта во главе с Военным Советом, в соответствии с Положением о Полевом управлении фронта, разработанном Органом Военного Управления Ленинградского военного округа (ОВУ ЛВО) 22 декабря 1940 г. Полевому управлению фронта должны были подчиняться органы управления гражданских наркоматов «согласно особого положения»[4].

Уже 23 июня 1941 г. на первом заседании Военного Совета Северного фронта (далее ВС СФ) был объявлен состав, утвержденный СНК СССР и ЦК ВКП(б): М. М. Попов (председатель), Н. Н. Клементьев, корпусной комиссар, А. А. Кузнецов, секретарь Ленинградского ГК ВКП(б), Т.

---

1 Там же.

2 Военный Совет // Великая Отечественная война. 1941 – 1945. Энциклопедия. / Гл. ред. ген. арм., проф. М. М. Козлов. – М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 164. Согласно Указу от 18 августа 1941 г., было делегировано Военным Советам фронтов и армий право вручать государственные награды награжденным воинам.

3 См. например: *Стефаненко А. Ю.* Трудовые мобилизации населения в блокадном Ленинграде // Новейшая история России. – 2025. – Т. 15. – №3. С. 569–582.

4 *Ковалев С. Н., Щерба А. Н.* Полномочия Полевого управления Ленинградского фронта // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 36–52.

Ф. Штыков, бригадный комиссар, секретарь ОК ВКП(б)[1].

Однако в действительности в первые дни войны сложилось «двоевластие»: 1 июля 1941 г. была сформирована под председательством А. А. Жданова (1-го секретаря Ленинградского ОК и ГК ВКП(б)) руководящая комиссия, или «большая пятерка», в составе: А. А. Кузнецов (секретарь ГК ВКП(б)), Т. Ф. Штыков (секретарь ОК ВКП(б)), П. С. Попков (председатель Ленгорисполкома), Н. В. Соловьев (председатель Леноблисполкома)[2]. Руководящая комиссия дублировала решения ВС СФ по важнейшим вопросам, уточняя и дополняя их в случае необходимости, как например, было с организацией народного ополчения.

По мнению А. П. Крюковских, данная комиссия возникла в подражание ГКО, отражая специфические особенности его руководства. В то же время многие ее решения дублировались постановлениями партийных комитетов, военными приказами. После создания 10 июля Главного командования и Военного Совета Северо-Западного направления комиссия тихо прекратила свое существование. Такой же характер нецелесообразного создания множества надстроечных Советов, дублировавших работу друг друга и других органов, по мнению А. П. Крюковских, имело образование Военного Совета обороны Ленинграда, а также существование в напряженный момент борьбы четырех управленческих органов: Военных Советов Северо-Западного направления, Ленинградского фронта, обороны Ленинграда, Ленинградского военного округа, которые дублировали друг друга, будучи возглавляемыми одними и теми же лицами. Это объясняет целесообразность решения ГКО по замене выше названных Советов одним – Ленинградского фронта, специфическим военно-политическим органом[3]. С критикой деятельности А. А. Жданова в данном направлении выступали и другие исследователи: В. М. Ковальчук, Н. Я. Комаров, Г. А. Куманев[4].

С этой оценкой нельзя полностью согласиться. На наш взгляд, такой «плюрализм» позволил мягко консолидировать Жданову вокруг себя как партийных, так и советских руководителей, не допустив концентрации власти вокруг Кузнецова, который ввиду недостаточности военного и

---

1 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада). СПб., 2001. С. 52.

2 На защите Невской твердыни. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны / *С. П. Князев, М. П. Стрешинский, И. М. Франтишев И. М.* [и др.] – Л.: Лениздат, 1965. С. 56. В историографии встречается название Комиссия по вопросам обороны Ленинграда, что является неточным. (по Ленинград в осаде. С. 579).

3 *Крюковских А. П.* Ленинградская партийная организация: годы войны // Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города / редколл. В. М. Ковальчук, Н. А. Ломагин, В. А. Шишкин. – СПб., 1995. С. 54–55. В статье используется термин «чрезвычайная комиссия по вопросам обороны».

4 *Комаров Н. Я., Куманев Г. А.* Блокада Ленинграда: 900 героических дней. 1941 – 1944. Исторический дневник. Комментарии. – М.: Олма-Пресс, 2004. С. 554; *Ковальчук В. М.* 900 дней блокады. Ленинград 1941 – 1944. Посвящается 60-летию Великой Победы – СПб: Дмитрий Буланин, 2005. С. 18.

политического опыта не мог справиться с эффективной организацией обороны[1], а также подготовив отстранение Ворошилова. К тому же было соблюдено сохранение приоритетов политического руководства.

Таким образом, в чрезвычайных условиях произошла консолидация власти в руках партийной и военной верхушки. Важное значение имело сохранение во главе обороны Ленинграда, второго по значимости города в стране, А. А. Жданова, секретаря ЦК ВКП(б), выдвиженца Сталина. В то же время при режиме «военного положения» гражданские органы власти и управления продолжали подчиняться Ленгорисполкому, а также наркоматам РСФСР, в соответствии с Конституцией РСФСР в ред. 21 января 1937 г. (гл. VIII. ст. 101).

Стремление сделать систему функционирования правосудия более эффективной, обеспечивая военный надзор за соблюдением требований как правосудности, так и военного положения, вызвало Постановление Военного Совета Ленинградского фронта №00441 от 4 декабря 1941 г., которым городские судебно-прокурорские органы были преобразованы в военный трибунал и военную прокуратуру[2].

В то же время районные прокуроры продолжали работать в обычном режиме. Это позволяло райисполкомам оставлять в силе решения административных комиссий, несмотря на протесты районных прокуроров. Так, 12 июня 1944 г. на заседании Красногвардейского райисполкома Совета депутатов трудящихся из пяти протестов районного прокурора на решения административных комиссий по наложению штрафов на граждан: в одном случае решение осталось в силе (штраф за невыполнение всеобуча), в другом – штраф был уменьшен (за невыход на дежурство в домохозяйстве)[3].

Одним из ключевых в определении роли Советских органов власти в защите гражданского населения является *вопрос о существовании, изменениях и реализации мобилизационных планов на случай войны с Германией.* В силу дискуссионности есть смысл подробнее остановиться на этом вопросе.

Постановлением ЦК ВКП(б), Президиума ВС СССР и СНК СССР от 30 июня 1941 года был образован Государственный комитет обороны (ГКО), который получил «всю полноту власти в государстве» «ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу». Постановление не разъясняло

---

1 К. А. Болдовский обращает внимание на недостатки А. А. Кузнецова как руководителя, склонного «перегибать палку». (*Болдовский К. А*. Горком ВКП(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2016. – Вып. 2. С. 69–70).

2 Документ №24. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта о преобразовании городского суда и городской прокуратуры в военный трибунал и военную прокуратуру // Ленинград в осаде. С. 61.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-4793. Оп. 3. Д. 94. Л. 1, 5, 6.

компетенции ГКО, который приобретал, прежде всего, политический характер. В состав ГКО вошли: И. В. Сталин (председатель), В. М. Молотов (зам. председателя), К. Е. Ворошилов (зам. председателя), Г. М. Маленков, Л. П. Берия. 3 февраля 1942 г. добавились Н. А. Вознесенский и А. И. Микоян, 20 февраля 1942 г. – Л. М. Каганович, 21 ноября 1944 г. К. Е. Ворошилова заменил Н. А. Булганин. 4 сентября 1945 г. ГКО упразднялся, а его дела передавались СНК СССР[1]. Из числа военных представителей в составе ГКО можно увидеть, помимо И. В. Сталина, только К. Е. Ворошилова и Л. П. Берия.

Работа ГКО опиралась на опыт Комитета обороны при СНК СССР, действовавшего с 1937 года. Постоянными членами Комитета были только И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов. Председателем Комитета был В. М. Молотов (Председатель СНК СССР), с мая 1940 г. К. Е. Ворошилов[2]. Нельзя не согласиться с выводом П. В. Макарова о том, что данный Комитет отвечал потребности в государственном органе, преданном конкретному партийно-государственному руководству, который наделялся всеми необходимыми полномочиями для принятия в короткие строки ответственных решений в военной сфере[3].

В том же 1937 году, 10 мая, постановлением Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) и СНК СССР во главе военных округов были учреждены Военные Советы. Чуть позднее ЦИК и СНК СССР было утверждено Положение о Военном Совете округа, который по существу должен был отвечать за вверенные ему войска и за военное строительство на определенной территории[4]. В связи с необходимостью осуществления мобилизационных мероприятий, к работе Военных Советов округов обязательно привлекались председатели местных исполнительных органов Советской власти. Фактически Военные Советы служили промежуточным звеном между Комитетом обороны и местными органами Советской власти.

Комитет обороны при СНК СССР, действовавший перед войной, возглавлял планово-мобилизационную работу, активно взаимодействуя в этих вопросах с Ленгорисполкомом. Следует отметить, что об эффективности проводимой под руководством Комитета обороны накануне войны планово-мобилизационной работы свидетельствует скорость проведения мобилизационных мероприятий Ленгорисполкомом в начале Великой Отечественной войны, опередивших

---

1 *Хлевнюк О. В.* Постановления Государственного комитета обороны СССР. Принятие и реализация // Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945. Аннотированный каталог: в 2 т. Т. 1. 1941–1943. – Москва: Политическая энциклопедия, 2015. – (70 лет Победы в Великой Отечественной войне). С. 5–6.

2 *Макаров П. В.* Деятельность Комитета обороны при СНК СССР по развитию производства боеприпасов (1937 – июнь 1941 гг.). Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2000; *Мартыненко Н. С.* Деятельность Комитета обороны при Совете Народных Комиссаров СССР. 1937 – 1941 гг.: опыт и уроки. Дисс. ... к.и.н. – М., 1993.

3 *Макаров П. В.* Указ. соч. С. 10–11.

4 *Ковалев С. Н., Щерба А. Н.* Полномочия Полевого управления Ленинградского фронта: организация работы Дороги жизни // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 37.

соответствующее Постановление Военного Совета Северного фронта от 23 июня 1941 г. №3сс на несколько дней[1].

Документы, касающиеся мобилизационных планов на 1940 – 1941 гг., осели в Фонде Р-7384 Ленгорисполкома, хранящемся в ЦГА Санкт-Петербурга. Это мобилизационные планы работы местной промышленности по государственным заданиям, а также совершенно секретная переписка по особо важным мобилизационным предписаниям и их изменениям накануне войны (январь – июнь 1941 г.).

Необходимо отметить, что, хотя мобилизационные планы были утверждены в начале войны, но проводимые планово-мобилизационные работы, начиная с июля 1940 – января 1941 гг., предусматривали увеличение их объема. В связи с прекращением войны с Финляндией увеличение заданий по военному заказу вызывало недоумение у представителей местной власти. Так, в смете по выпуску гильз для патронов местной промышленностью было заложено годовое задание 200 тысяч штук вместо 80 тысяч, что было расценено как арифметическая ошибка на полях документа[2]. Собственным решением от 27 октября 1939 г. Ленисполком отменил требование строить газоубежища при школах в 1940 г. Потребовалось вмешательство Наркомпроса РСФСР в июле 1940 г., запретившего производить строительство новых школ без газоубежищ[3].

Среди наиболее спорных вопросов, рассмотренных накануне войны, было разбронирование и освежение неприкосновенных запасов (непзапасов) продовольствия, которые были заложены в Кронштадте в 1939–1940 гг. на случай морской блокады Кронштадта для гражданского населения, помимо мобилизационных фондов Красной Армии и ВМФ. Несмотря на возражения начальника ЛТУГР А. А. Горчакова и начальника I отдела Волкова о том, что разбронирование не является необходимостью, на основании распоряжения заместителя Председателя СНК СССР К. Е. Ворошилова, решением СЗ исполкома Ленсовета от 15/IV 1941 г. №64, непзапас Кронштадта был разбронирован и передан для реализации на рынке. Вместо него предлагалось иметь 2-3 месячные переходящие остатки продовольствия и хлебофуража в торговой сети Кронштадта для снабжения населения Кронштадта в военное время. Несмотря на имеющееся постановление Экономического Совета (ЭС) СССР от 4 октября 1940 г. №СО 9973с с отказом в ликвидации непзапасов Кронштадта, Ленгорсовет настаивал, предлагая сократить запасы мяса, рыбы, растительного масла, крупы, чая, соли, махорки, муки пшеничной в 2–4 раза, запас же сухих овощей, ржаной муки, гороха, керосина, мыла хозяйственного уничтожить вовсе, обращаясь, минуя ЭС СССР, к заместителю Председателя СНК СССР Н. А. Булганину, начальнику Управления Госрезервов при

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 1. Л. 186, 186 об, 196.
2 Там же. Оп. 4. Д. 56 (Мобплан. Том II). Л. 131.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 4. Д. 55 (Мобплан. I том). Л. 365.

СНК СССР Н. В. Данченко, Наркому торговли СССР А. В. Любимову. Ворошиловым, как председателем Комитета обороны при СНК СССР, были отменены распоряжения ЭС при СНК СССР от 16.08.1938 №4643/КО; 16.07.1939 №6320/КО; 4.10.1940 №СО-9973[1].

Возникавшие при коррекции мобилизационных планов трения и конфликты можно расценить как результат отсутствия политической интуиции у местных руководителей, с одной стороны, а с другой, строгую секретность мероприятий по подготовке к возможной агрессии со стороны Германии. В то же время К. Е. Ворошилов, одобривший просьбу Ленгорисполкома, безусловно, был в курсе военных планов. Тогда следует предположить, что Ленгорисполком получил поддержку К. Е. Ворошилова в связи с угрозой потери мобилизационных резервов в условиях тотальной войны и стремлением сохранить хотя бы их часть, распродав населению накануне.

Насколько доминировала цель сохранения гражданского населения в мобилизационной деятельности Ленгорисполкома? Рассмотрим некоторые важнейшие направления деятельности Комитета и особенности его взаимодействия с органами местной советской власти в Ленинграде накануне войны, отраженные в обширной переписке Ленгорисполкома по поводу изменений мобилизационных планов и их обеспечения[2].

Во-первых, сохранение квалифицированных кадров необходимых для работы в тылу. С этой целью в январе 1941 г. была создана Центральная Комиссия по предоставлению отсрочек от призыва по мобилизации, а также соответствующие комиссии на местах, в том числе при Ленинградском горисполкоме во главе с председателем горисполкома (члены: городской военком, представители городской плановой комиссии, представители ВЦСПС, представители учреждения, по которому рассматривался вопрос об отсрочках)[3].

Работа такой комиссии была обусловлена существующим порядком мобилизации, согласно временному полевому уставу РККА 1936 г. (ПУ-36), по которому все вопросы, касающиеся административно-хозяйственной деятельности гражданского населения, должны были согласовываться с местными органами государственной власти[4].

Во-вторых, формирование необходимых резервов топлива на случай мобилизации. Так, уже 11 марта 1941 г. П. С. Попков обратился к А. И. Микояну с просьбой создать мобилизационный запас в размере 300 тонн бензина на складах Нефтесбыта г. Ленинграда для поставки

---

1 Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 86–89об, 103, 106.

2 Приведенный ниже материал был опубликован. Подробнее см. *Газиева Л. Л.* Взаимодействие Комитета обороны СНК СССР и Ленгорисполкома накануне Великой Отечественной войны (январь – май 1941 года) // Накануне: Материалы международной науч.-практ. конференции / Под ред. О. А. Черняги и др. – Санкт-Петербург: ИПЦ СПбГУПТД, 2021. С. 105–112.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–10. (Переписка по вопросам обороны).

4 СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Временный Полевой Устав РККА. ПУ-36. – Москва: Воениздат, 1938. С. 29–37, 45–49.

Автотранспортному Управлению (Атулу) Ленгорисполкома при объявлении мобилизации[1].

В-третьих, обеспечение работы эвакогоспиталей в тылу и необходимое на случай войны с немцами расширение их сети. С этой целью осуществлялись мероприятия по подготовке и переоборудованию школ и клубных помещений под эвакогоспитали за счет местного бюджета согласно сметам, в соответствии с постановлением СНК СССР от 26 мая 1939 г. Переоборудованные под госпитали, в период Советско-финляндской войны, помещения клубов и дворцов культуры частично сохраняли свое оборудование, но по новому мобилизационному плану лимит госпитальных коек увеличивался. В связи с этим было запланировано расширение госпитального оборудования. Согласно решению суженного заседания (СЗ) Ленгорисполкома от 2.XII.1940 г., была подготовлена Инструкция Архитектурно-строительным экспертным советом исполкома о составе технических проектов зданий школ, приспосабливаемых под эвакогоспитали в военное время[2]. Строительные работы 1-ой очереди по приспособлению 52 школьных помещений под госпитали военного времени, а также по строительству при школах 72 газоубежищ были возложены на Управление коммунально-бытовой службы (УКБСЛ). С января 1941 г. еще 25 школ, а также Дворец культуры им. Кирова, следовало приспособить под военные нужды Ленжилремстройтресту. Руководство работами осуществлялось Ленжилуправлением (зав. М. А. Ханутин). Бюджетные средства направлялись на эти нужды по мобилизационному плану из средств Городского отдела народного образования (Ленгороно)[3]. 24 мая 1941 г. вопрос о проверке готовности эвакогоспиталей, формируемых Ленгорздравотделом (ЛГЗО), и качестве технической документации по зданиям, приспосабливаемым под госпитали, стоял на заседании бюро СНК РСФСР (по результатам ревизии НКЗ РСФСР 22/III – 20/IV 1941)[4].

К 10 июня 1941 г. были закончены в основном работы по составлению смет на строительные работы по переоборудованию дополнительных помещений школ под эвакогоспитали, количество которых увеличивалось по сравнению с периодом Советско-финляндской войны. Это позволило в справке заместителя председателя Ленгорисполкома Б. М. Мотылева от 24 июня1941 г. отметить, что выделение средств и проектные работы для этих целей уже произошли, ранее постановления Военного Совета Северного фронта №3сс[5].

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 1. Л. 50, 63, 71, 71об. Имевшийся ранее резерв был 14. II. 1941 г. передан ЛОК «Главнефтесбыта» в фонд Управления Госрезервов при СНК СССР.

2 Там же. Л. 52, 55, 56–60.

3 Там же. Л. 65–70об, 77, 85, 85об, 111. При передаче школьных зданий, отведенных под эвакогоспитали по мобилизационному плану, Управлению трудовых резервов, последнее принимало на себя функции владельца зданий, согласно постановления СНК СССР от 26 мая 1939 г. №28сс. В связи с этим 11/IV–1941 г. вышло распоряжение Комитета обороны при СНК СССР за №1471/ко о замене таких школьных зданий на другие.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 1. Л. 98–99, 113, 122–156.

5 Там же. Л. 186, 186 об, 196.

В начале войны потребовались дополнительные средства на необходимый ремонт 13 выделенных под эвакогоспитали школьных зданий в сумме 559,2 тыс. рублей, которые следовало покрыть за счет имеющихся в бюджетах районов остатков ассигнований на внелимитные затраты по учреждениям народного образования. В то же время по Володарскому и Октябрьскому районам средств не хватало, что вызвало еще одно сокращение ассигнований, предусмотренных в бюджетах районов по школам Всеобуча[1].

В-четвертых, местный бюджет финансировал расходы по хозяйственному обслуживанию Горвоенкомата и Осоавиахима (аэро-клубы, школы, технические клубы, планерный клуб): на 1941 г. была заложена сумма 487,2 тыс. руб., в том числе по Осоавиахиму 67,5 тыс. руб.[2]

В-пятых, мероприятия по обеспечению пожарной охраны и МПВО. К 17 марта 1941 г. были разработаны правила и порядок обеспечения горячей пищей частей городской пожарной охраны в мобилизационный период и военное время Управлением объединенной пожарной охраны УНКВД г. Ленинграда (нач. полковник М. К. Сериков) совместно с Ленглавресторано[3].

23 мая 1941 г. начальнику штаба МПВО Ленинграда полковнику Лукину был препровожден проект инструкции, подготовленной в соответствии с решением СЗ Ленгорисполкома от 28 февраля 1941 г. №35, п. «в» «О порядке обеспечения пищевым довольствием гражданского населения г. Ленинграда в периоды угрожающего положения и налета воздушных сил противника на город», для внесения в оперативный мобилизационный план. Основные положения инструкции были положены в начале войны в основу обеспечения пострадавших и эвакуируемых людей. Так, детям-дошкольникам в укрытия пищу под бомбежкой должны были доставлять из кухни нянечки. Согласно инструкции, в места укрытия-убежища по требованию районных штабов МПВО трестом столовых должна была доставляться буфетного ассортимента пища, которая отпускалась за наличный расчет; в места массового сбора пострадавшего от налетов населения должна была доставляться горячая пища в закрытых термосах, или приготавливаться на месте и продаваться за наличный расчет, или по талонам на бесплатную пищу, которая оплачивается райисполкомами по безналичному расчету, по ценам действующим в столовых закрытого типа, например, заводских. Стоимость и размер отпускаемой пищи должен был утвердить Ленгорисполком в мирное время. В случае частичной эвакуации за город, на всем протяжении пути до места назначения снабжение пищей горячей и буфетного ассортимента должно было осуществляться за счет госбюджета, по заявке райисполкома: в местах сбора и на платформах, а также в столовых вблизи вокзала. В пути снабжение предполагалось осуществлять трансторгпитом соответствующей дороги, в местах

1 Там же. Д. 20. Л. 124, 126.
2 Там же. Д. 1. Л. 74.
3 Там же. Л. 86.

расквартирования по указанию местных органов Советской власти. Пострадавшие от бомбежек должны были расквартировываться по домам в порядке уплотнения или в новых жилых помещениях, прикрепляться к столовым соответствующего района по месту жительства и получать горячую пищу бесплатно[1].

Порой требования правительства и военных встречали отказ со стороны Ленгорисполкома. Так, например, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 24 августа 1940 г. за №1562-616/сс на территории Ленинграда и области следовало создать государственный резерв спичек в количестве 5000 ящиков, однако из-за отсутствия складских помещений Ленгорисполком отказался от такого запаса[2]. Ленгорисполком также ответил отказом в январе 1941 г. на запрос об отведении на весь период войны 65 школьных зданий и всех клубных помещений для временного расквартирования частей и учреждений гарнизона. Отказ был связан с передачей Городскому управлению Трудовых резервов 48 школьных зданий и значительного количества клубных помещений. Здания передавались только на время мобилизации красноармейцев и для развертывания сборных пунктов Райвоенкоматов[3].

Приведенные факты свидетельствовали о наличии противоречий в состоянии мобилизационной готовности к началу войны с Германией в январе – мае 1941 г. Однако нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей о сохранении мобилизационных планов, принятых для Советско-финляндской войны[4]. Анализ документов показывает, что мобилизационные планы были подвергнуты изменениям, с учетом возросших потребностей. В то же время смета чрезвычайных расходов на первый месяц войны, согласно утвержденному в начале 1941 г. СНК РСФСР и Наркомфином СССР лимиту, была утверждена СЗ Ленгорисполкома только в июле 1941 г. При этом аннулировались сметы чрезвычайных расходов, утвержденные 8/I и 31/XII 1939 г.[5]

Работы по выполнению мобилизационно-плановых мероприятий инспектировались, что позволяло выявить перед войной проблемы в административном аппарате: растраты мобилизационных средств, разбазаривание мобилизационных фондов и т. п. По результатам инспекторских проверок перед войной произошли перестановки в руководстве ЛГЗО.

30 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР был утвержден мобилизационный народно-хозяйственный план на III квартал 1941 г., в середине августа того же года был принят военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и 1942 г.[6]

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 33. Л. 55–60. Проект составлен Д. Журавлевым, нач. спецотдела ГУ Ленинградскими столовыми, ресторанами и кафе Наркомторга СССР.

2 Там же. Л. 13, 14 (переписка с Управлением госрезервов при СНК СССР).

3 Там же. Д. 1. Л. 49.

4 См., например: *Асташкин Д. Ю.* Эвакуация детей Ленинграда в Ленинградскую область // Побратимы. С.122.

5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 94.

6 Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. (3-е изд.,

Таким образом, в конце 1940 – начале 1941 г. мобилизационные планы были подвергнуты некоторой корректировке в обстановке строжайшей тайны. Анализ осуществления мобилизационных мероприятий накануне войны позволяет проследить как доминирование в деятельности Ленгорисполкома нацеленности на сохранение населения, так и неизбежную конфликтность при решении поставленных задач с основной целью, доминирующей в политической деятельности высших органов государственной власти: сохранения Советского государства.

В то же время, выявленные трения при осуществлении мобилизационных мероприятий Ленгорисполкомом перед войной могли сказаться при их реализации летом 1941 г., требуя усиления контролирующей и мобилизующей функций партийного аппарата.

Создание Государственного комитета обороны, чрезвычайного органа власти, который позволил бы сохранить контроль правящей верхушки Советского государства над системой власти и управления, позволяло решить данные задачи. Его деятельность во многом была преемственна существовавшему в мирное время Комитету Обороны при СНК СССР, основной целью которого было обеспечение мобилизационно-плановых мероприятий, направленных на оборону страны, в тесной взаимосвязи с местной советской властью. Такую же важную роль должен был играть перед войной Экономический Совет (ЭКОСО) при СНК СССР, возглавляемый А. И. Микояном, однако его решения местные органы власти обходили, используя влиятельных лиц, как например, в приведенном случае с разбронированием неприкосновенных запасов в Кронштадте. Имеющийся опыт определил необходимость органа с чрезвычайными полномочиями в данной сфере.

Необходимо подчеркнуть строгое соответствие создания и функционирования таких органов Конституции СССР (гл. 5, ст. 68, п. е).

Каким образом распределялись полномочия между высшими органами государственной власти и управления?

Существенной особенностью политической системы управления СССР являлась роль партийного контроля ВКП(б), который охватывал как идеологическую, так и военную, и административно-хозяйственную сферы. Одной из важных задач, стоявших перед органами партийного контроля, было обеспечение, наряду с мобилизационными мероприятиями, соблюдения конституционных требований и сохранения, таким образом, советского характера власти. На выполнение этой задачи была нацелена деятельность Политбюро ЦК ВКП(б), осуществлявшего ее решение через Военные Советы как органы военно-политического руководства, важную роль в которых играли секретари местных Комитетов ВКП(б).

29 июня 1941 г. партийным и советским организациям прифронтовых областей была

перер. и доп.) / *А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали, В. А. Шишкин*. – Л.: Наука. Лен. Отд-ие, 1985. С. 60.

направлена секретная «Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей» за подписями: Председателя СНК СССР и секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина, заместителя Председателя СНК СССР В. М. Молотова. В директиве давалась объективная характеристика драматического положения на фронтах и смертельной угрозы, нависшей над страной. Ставились задачи: отстаивать каждую пядь земли, проявляя смелость, инициативу и сметку; организовать всестороннюю помощь действующей Армии; укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, содействовать истребительным батальонам; при вынужденном отходе частей Красной Армии все ценное имущество, которое не может быть вывезено – уничтожать; в оккупированных районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы, с этой целью создавать подпольные ячейки; немедленно предавать суду Военного трибунала всех паникеров и трусов, невзирая на лица[1]. На выполнение этой директивы были направлены действия как партийных, так и комсомольских, профсоюзных и советских организаций Ленинграда.

Данная директива легла в основу формирования чрезвычайных органов власти, динамичных и нацеленнных на военную победу любой ценой. Хотя прямого указания на сохранение гражданского населения директива не давала, но задача: укрепить тыл Красной Армии предполагала отсутствие социальных волнений и патриотический подъем населения.

Вслед за директивой, 6 июля 1941 г. вышел Указ Президиума ВС СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения»[2]. Контроль за выполнением этого указа был возложен на органы НКВД, милицию. С лета 1942 г. дела по Указу от 6 июля 1941 г. рассматривались Военным трибуналом[3].

Тяжелое положение гражданского населения, как и демографические проблемы, составляли в период войны государственную тайну[4]. В то же время, в прессу просачивались сведения о трагическом положении населения в блокадном Ленинграде. Такие публикации зачастую исходили от руководителей медицинских и педагогических учреждений, деятелей

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 4. Л. 185–188.

2 Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения (Указ от 6 июля 1941 г.) // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. – М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. С. 247.

3 Подробно об этой стороне деятельности НКВД см.: *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 1, 2. – СПб.-М., 2002; *Его же.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев.

4 Выдача военной или государственной тайны приравнивалась к измене родине (УК РСФСР. Ст. 58-1-а). К контрреволюционным преступлениям относилась антисоветская пропаганда (УК РСФСР. Ст. 58-10); к особо опасным преступлениям: «пропаганда или агитация, направленные к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни» (УК РСФСР. Ст. 59-7). (РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. С изменениями на 1 августа 1941 г. – Москва: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 27, 28, 32, 33, 38, 39).

общественных организаций[1].

18 ноября 1943 г. появился Указ Президиума ВС СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну»[2]. Вслед за ним прокатилась новая волна репрессий в отношении руководителей, допустивших утечку информации.

Необходимо подчеркнуть, что в период войны на территории страны высшая законодательная власть оставалась у Президиума ВС СССР, исполнительная власть оставалась у Советов Народных комиссаров СССР и республик, наделенных чрезвычайными полномочиями. 2 июля 1941 года постановлением СНК СССР №1795 были расширены права Народных Комиссаров СССР в условиях военного времени[3]. 18 июля 1941 г. данное постановление было распространено на Народных комиссаров РСФСР и УССР (постановление СНК СССР №1878)[4].

Соблюдать функционально целесообразное распределение полномочий, которое касалось прежде всего вопросов, связанных с различением интересов гражданского населения и вооруженных сил, позволяло особое положение лично И. В. Сталина, который возглавил ГКО, будучи, одновременно, Председателем СНК СССР и секретарем ЦК ВКП(б).

Маршал Г. К. Жуков вспоминал, что ему трудно было определить на какое заседание он был вызван, и в каком качестве на этих заседаниях выступали те или иные лидеры страны (члены Политбюро, ГКО или наркомы). То же подтверждал заместитель Наркома обороны, Нарком путей сообщения СССР А. В. Хрулев: «Государственный комитет обороны – это кабинет Сталина. Обсуждались наиболее важные оперативные вопросы, которые заранее готовились соответствующими членами Ставки или ГКО. В течение дня принимались десятки решений... Следует также иметь в виду, что, если у вас имелось важное и неотложное дело, можно было прийти в кабинет Сталина и без приглашения»[5].

В том же духе высказывался заместитель Председателя СНК СССР М. Г. Первухин: «…в годы Великой Отечественной войны Сталин председательствовал преимущественно на заседаниях Государственного комитета обороны и Политбюро ЦК ВКП(б). Постановления и некоторые распоряжения частного характера иногда выпускались от имени Советского правительства, но они обязательно обсуждались на Государственном комитет обороны и Политбюро ЦК партии.

Что касается больших официальных заседаний Совета Народных комиссаров Союза ССР

---

1 Подробнее см. 1.3.
2 Бюллетень Ленгорсовета. – 1943. – №22. С. 1.
3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 257–263.
4 Там же. Л. 400–403.
5 Цит. по *Хлевнюк О. В.* Постановления Государственного комитета обороны СССР. Принятие и реализация // Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 6.

во время войны с широкой повесткой дня, то таких я просто не помню»[1].

Все это подытожил О. В. Хлевнюк, говоря о том, что деятельность ГКО следует рассматривать как «одну из ипостасей неразделенной высшей партийно-государственной власти военного периода, в которой ГКО, Политбюро и руководство СНК действовали как единое целое»[2].

Здесь хотелось бы уточнить. Скорее, взаимодействовали, дополняя друг друга, превращая аппарат исполнительной власти в слаженный организм подобно единому целому.

Этот порядок не мог не отразиться на работе местных органов Советской власти, иерархически подчиненных СНК СССР и СНК РСФСР, а также конкретным наркоматам. Особое место занимала система партийных комитетов, во главе с ЦК ВКП(б). Причем установочный период эволюции всей системы управления государством, позволявшей согласовать деятельность гражданских и военных органов власти и управления, начался уже в довоенный период, по крайней мере с января 1941 г., когда изменялись мобилизационные предписания, составленные на время войны с Финляндией.

Следует отметить, что из 9 971 постановлений ГКО, вышедших за период войны, нам удалось выявить лишь 211, касающихся прямо или косвенно положения гражданского населения Ленинграда, а также инвалидов войны, или около 2%[3]. Из них 125 постановлений ГКО раскрыты в данном исследовании, поскольку касаются различных аспектов защиты и спасения ленинградского населения. В то же время нормативных актов СНК СССР и РСФСР по данным вопросам было выявлено и рассмотрено 300 или в отношении 1 :2,4[4]. Этот факт позволяет подчеркнуть значение Советских органов власти в сохранении гражданского населения, в том числе Ленинграда, организации хозяйственной жизни страны. В то же время, как выше указывалось, существовала опасность подмены демократических институтов Советской власти в условиях войны функционированием бюрократического аппарата, в связи с этим ниже рассмотрим особенности взаимодействия с политически активной «общественностью» местных Советов депутатов трудящихся в условиях блокированного Ленинграда.

Таким образом, необходимо отметить глубокие противоречия в политико-правовой деятельности органов государственной власти и управления в период войны и блокады Ленинграда.

---

1 Беседа профессора Г. А. Куманева с заместителем Председателя Совнаркома СССР и наркомом химической промышленности СССР военных лет, Героем Социалистического Труда, генерал-лейтенантом инженерно-технической службы М. Г. Первухиным // *Куманев Г. А.* Говорят сталинские наркомы. – Смоленск: Русич, 2005. С. 126.

2 *Хлевнюк О. В.* Указ. соч. С. 6.

3 Подсчитано по Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945. Аннотированный каталог. В 2 т. – Л. Г.

4 Подсчитано по базе документов СНК СССР, СНК РСФСР, выявленных и исследованных в данном труде. – Л. Г.

Данные противоречия оставили свой след и в послевоенный период.

С одной стороны, взаимодействие центральных и местных органов государственной и партийной власти, а также гражданских и военных органов власти, осуществляясь в рамках Конституций СССР и РСФСР, было направлено как на эффективную организацию обороны Ленинграда, так и защиты гражданского населения. В условиях войны и блокады сложилась система единого военно-политического и советского руководства, внутри которой, несмотря на ряд противоречий, имелось целесообразное разделение функций, некоторая дополнительность, повысившая эффективность принимаемых решений.

С другой стороны, в политической повседневности функционирование демократических институтов власти подчас подменялось работой бюрократического аппарата, что неизбежно усиливало влияние авторитарного стиля руководства, снижало эффективность принимаемых решений неизбежными ошибками и просчетами, свойственными волюнтаризму.

В то же время предпринимались усилия для сохранения таких демократических институтов как Советские органы государственной власти как важнейших ретрансляторов ценностей советской социалистической культуры. На этом вопросе необходимо остановиться более подробно.

3.2. Местные органы власти и управления Ленинграда в чрезвычайных условиях. Деятельность областного, городского и районных Советов депутатов трудящихся

Распределение функций и полномочий между местными органами власти и управления Ленинграда в условиях войны и блокады – один из наиболее спорных вопросов. Ниже остановимся на основных аспектах взаимодействия городского и районных Советов депутатов трудящихся (далее д.т.) г. Ленинграда, а также на влиянии деятельности депутатского корпуса городского и районных Советов на политическую повседневность г. Ленинграда, ее роль в формировании духовной силы ленинградцев.

В период блокады в Ленинграде сохранялось функционирование местных советов депутатов трудящихся, на которые было возложено решение текущих хозяйственных вопросов, выполнение мобилизационных планов местной промышленностью и хозяйством, а также обеспечение прав трудящихся, в первую очередь, военнослужащих и их семей. Как уже писалось, Советы занимались организацией МПВО, обеспечением работы отделов здравоохранения и народного образования. Кроме того, Советы занимались эвакуацией населения, сохранностью имущества эвакуированных и военнослужащих.

В отличие от тех городов, где произошла замена Советских органов власти Городскими Комитетами обороны, а также Москвы, где деятельность Советов осуществлялась в условиях

осадного положения, изрядно ограничивавшего ее, в Ленинграде, где сохранялось де-юре военное положение, Советы должны были работать в полной мере. Безусловно, специфика блокады не могла не наложить отпечаток на их деятельность[1].

Ленинградский городской Совет депутатов трудящихся был избран 24 декабря 1939 г. в составе 1080 депутатов. В его состав вошли: 501 служащий, 342 рабочих, 87 военнослужащих, 67 научных работников, 43 учителя, 23 учащихся, 17 крестьян. В Совете были представители 13 национальностей. 71,3% депутатов имели высшее и среднее образование. Кандидаты и члены ВКП(б) составили 54,4%, ВЛКСМ – 10,7%. Из этого состава к маю 1944 г., когда открылась VII сессия Ленсовета в городе остались 356 депутатов (33%), 237 чел. служили в армии (22%), 338 чел. эвакуировались (31%), 94 депутата погибли на фронте и в блокированном городе[2].

На первой сессии Ленсовета 3 января 1940 г. был избран исполнительный комитет из 23 человек. Председателем исполкома стал П. С. Попков, его заместителями: И. А. Андреенко, Е. С. Лагуткин, Н. А. Манаков, Б. М. Мотылев, В. М. Решкин, Е. Т. Федорова, И. Н. Шеховцев, секретарем исполкома – Н. И. Пономарев. На первой и второй сессиях были образованы десять постоянных комиссий: бюджетная, по школам, по торговле, жилищно-строительная, по городскому транспорту, по здравоохранению, местной промышленности, топливно-энергетическая, по коммунальному хозяйству, жилищная. В структуру Ленсовета входили 58 отделов, управлений и трестов. В ноябре 1940 г. было принято постановление исполкомом Ленгорсовета, согласно которому руководители исполкома должны были курировать работу комиссий, управлений, отделов и трестов, распределив их между собой. М. В. Ежов, давая характеристику этой системе руководства отделами, управлениями и трестами со стороны председателя Ленисполкома и его заместителей, пришел к выводу, что руководители исполкома «знали и отвечали практически за все стороны городской жизни», что помогло эффективно решать проблемы в период блокады[3].

23 июня 1941 г. на чрезвычайном совещании, проведенном секретарем горкома ВКП(б) А. А. Кузнецовым (в отсутствие А. А. Жданова), было решено: «все хозяйственные вопросы формировать по линии советской (…) установим: позвонил Ленсовет, надо сделать то-то и то-то, формируйте, действуйте»[4]. Информируя, «хоть задним числом», по замечанию Я. Ф. Капустина,

---

1 М.В. Ежов писал, что уже в сентябре 1941 г. СНК СССР предоставил Ленгорисполкому чрезвычайные полномочия по распоряжению организациями и предприятиями города независимо от их ведомственной принадлежности (*Ежов М.В.* Выборы в местные советы Ленинграда накануне Великой Отечественной войны и их роль в судьбе города в военный период // Управленческое консультирование. – 2013. – №11(59). С. 125). Однако нам так и не удалось найти ни данного документа, ни адресных ссылок на него в исторической литературе.

2 *Он же.* Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: опыт, проблемы, уроки. – СПб.: Изд-во СПб ун-та экономики и финансов, 1993. С. 28–29.

3 Там же. С. 29–31.

4 Стенограмма совещания у А. А. Кузнецова 23 июня 1941 г. // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 24.

партийный аппарат ГК ВКП(б)[1]. В этой связи 2 июля 1941 г. была создана комиссия при Ленгорисполкоме для оперативного решения хозяйственных вопросов в составе председателя исполкома: П. С. Попкова и его заместителей: Б. М. Мотылева, Н. А. Манакова, И. А. Андреенко. В районах из состава исполкомов выделялись такие же комиссии в составе трех человек: председателя, заместителя, секретаря[2].

В то же время с июня 1941 г. и до июля 1944 г. сессии ни Ленинградского Городского, ни Областного Советов их исполкомами не созывались, что являлось грубым нарушением Конституции РСФСР 1937 г. (ст. 84-86). 25-27 мая 1944 г. состоялась VII сессия Ленгорсовета, первая за период войны, на которой присутствовали 319 депутатов из 374 находившихся в городе (85%), 49 отсутствовало по уважительным причинам, 950 чел. присутствовало приглашенного актива, или в отношении 1:3. На сессии рассматривались план восстановления городского хозяйства и бюджет г. Ленинграда на 1944 г. В дальнейшем процент посещаемости сессий депутатами продолжал снижаться, достигнув в августе 1947 г. рекордных 70%. При этом приглашенного актива на сессии присутствовало 1100 чел., в отличие от довоенного периода, когда соотношение было обратным 2:1[3].

Такая динамика может быть расценена, с одной стороны, как снижение значимости депутатского корпуса городского Совета и вытеснение его общественным активом в 1944–1947 гг. С другой стороны, в период 1942–1944 гг., в результате изменения состава депутатского корпуса Ленинграда, значительная часть которого участвовала в военных действиях, привлечение к активному сотрудничеству с Советами ленинградской общественности стало необходимым условием для их полноценной работы.

Районные Советы депутатов трудящихся 1-го созыва были избраны 24 декабря 1939 г., в соответствии с новой Конституцией, впервые предоставившей депутатам широкие полномочия по защите прав и интересов трудящихся. Е.Д. Твердюкова приводит данные о том, что корпус депутатов районных Советов Ленинграда 1-го созыва состоял из 3598 чел. 58,5% из них имели высшее и среднее образование. Кандидаты и члены ВКП(б) составили 52,7%, члены ВЛКСМ 11,7%. В числе избранных было 806 рабочих, 1266 директоров предприятий, их заместителей, руководителей разных уровней, 208 работников парторганизаций, 331 военный, 116 (около 3%) домашних хозяек и пенсионеров[4]. В то же время следует иметь в виду, что эти данные по

---

1 Там же.

2 *Ежов М. В.* Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: опыт, проблемы, уроки. – СПб.: Изд-во СПб ун-та экономики и финансов, 1993. С. 34–35.

3 Статистические сведения о сессиях Ленгорсовета и повестки дня за период с 2 января 1940 г. по 12 августа 1947 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 26. Д. 4. Л. 12, 13, 14. Соотношение подсчитано по статистическим данным.

4 *Твердюкова Е. Д.* Депутатский корпус районных Советов Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: состав и деятельность. С. 74–75.

отдельным районам различались.

В начальный период войны значительная часть депутатского корпуса была призвана на фронт, другие уехали в эвакуацию. При этом изменились социальные характеристики депутатского состава районных советов. Эти изменения подробно отражены в материалах Володарского и Выборгского райисполкомов.

Так, например, в начале февраля 1943 г. из 48 имевшихся в наличии депутатов Выборгского районного Совета 30 человек, или 63%, имели низшее образование (4 класса), 16 человек, или 34%, имели высшее, среднее и неполное среднее образование. Членами ВКП(б) и ВЛКСМ было 19 человек или 40%. В работе XIV сессии 8 февраля 1943 г. приняли участие 39 депутатов райсовета, из них 22 женщины, и 8 депутатов горсовета (все женщины). Таким образом, в начале 1943 г. не менее 77% депутатов Выборгского райсовета и горсовета, принимавших активное участие в его деятельности, составляли женщины[1].

Подробный отчет о динамике в составе райсовета имеется по Володарскому району (Таблица 44)[2]. Из отчета Володарского райисполкома видно, что, если перед войной женщины составляли 42% в Совете, то уже в августе 1942 г. их удельный вес увеличился до 56,3%, повысившись до 61-63% в течение 1943 г. В то же время, если перед войной удельный вес коммунистов в Совете несколько преобладал над беспартийными, соответственно: 50,5% и 49,5%, то в 1942 г. это соотношение поменялось, соответственно: 49,3% и 50,7%, в 1943 г. оно изменилось, причем удельный вес коммунистов вырос: 57,1% и 42,9%. В целом количество коммунистов и беспартийных в Совете колебалось в районе 50%.

Перед войной специалистов с высшим образованием в Совете было около трети: 31,8%, больше половины: 52,2% составляли люди, имевшие низшее образование (4 класса начальной школы). Это в принципе соответствовало состоянию общества в целом. В 1942 г., число лиц с высшим образованием уменьшилось: 16,4%, а с низшим выросло до 56,8%. В 1943 г. соотношение опять изменилось, причем количество лиц с низшим образованием уменьшилось до 48,6%. Возможно, сказалось открытие школ взрослых, а также введение бесплатного обучения в старших классах в Ленинграде. При этом статистические колебания этих характеристик составили в 1942 г. 4,6 % в сторону увеличения по сравнению с довоенным периодом, и 8,2 % в сторону уменьшения в 1943 г.

Следует отметить, что депутатский корпус Володарского районного Совета в разгар

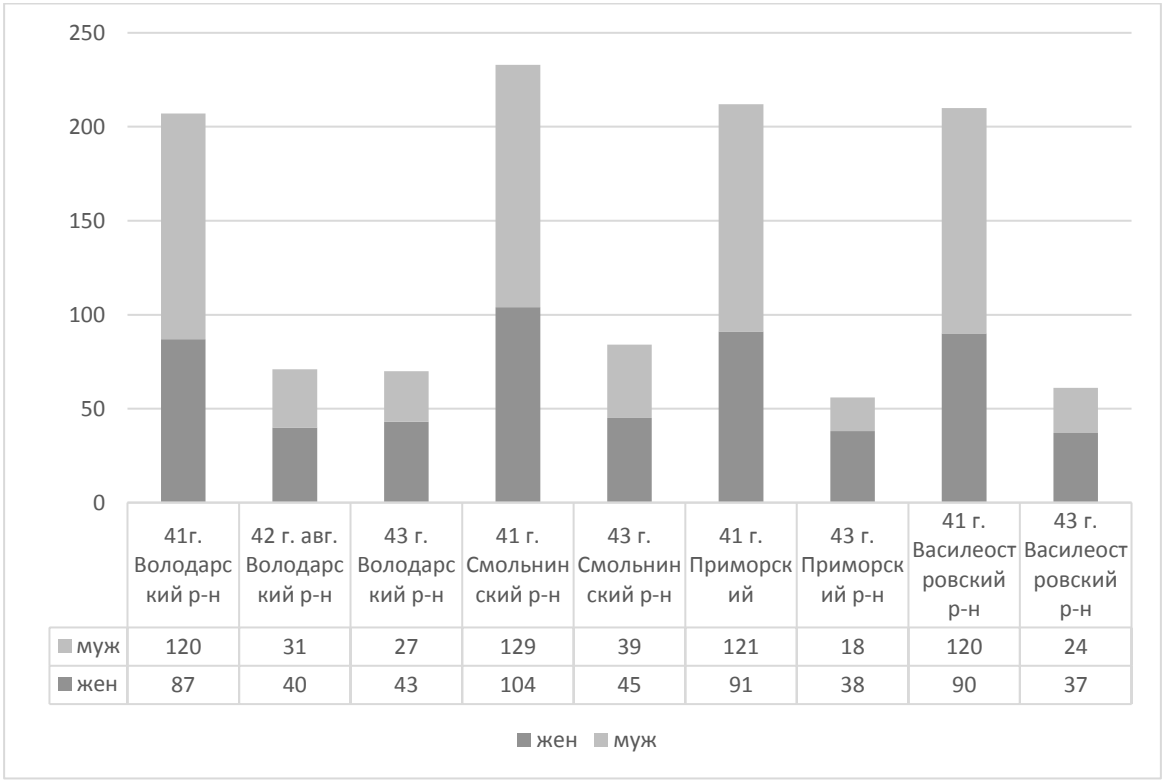
1 ЦГА СПб. Ф. Р-148. Оп. 2. Д. 192 (Протоколы заседаний 14 и 15 сессий Выборгского районного Совета д. т. 1 созыва. 8 февр. – 20 июля 1943). Л. 11, 14–21. Для четверыхдепутатов не удалось установить пол.

2 Там же. Ф. Р-2. Оп.5. Д.79 (Отчет о работе Володарского районного Совета д. т. за период Великой Отечественной войны. 1941-1943. 25 окт. 1943). Л. 3,3об,4.

блокады в 1942 г. более чем на половину состоял из женщин, беспартийных, с низшим (4 класса) образованием. Именно им предстояло возглавить борьбу за выживание ленинградского населения в повседневной политической практике, стать важнейшими ретрансляторами ценностей Советской политики.

Насколько такая картина была типична для районов Ленинграда видно на диаграмме 2, которая демонстрирует динамику распределения по полу и численности состава районных Советов депутатов трудящихся в Ленинграде в 1941–1943, на основе сводных сведений по четырем районам. Причем за 1941 г. взяты сведения накануне войны[1].

Диаграмма 2. Динамика распределения по полу и численности состава районных Советов депутатов трудящихся в Ленинграде. 1941–1943.

Из диаграммы 2 видно, что в среднем по 4 районам количество депутатов уменьшилось по сравнению с предвоенным временем более, чем в три раза.

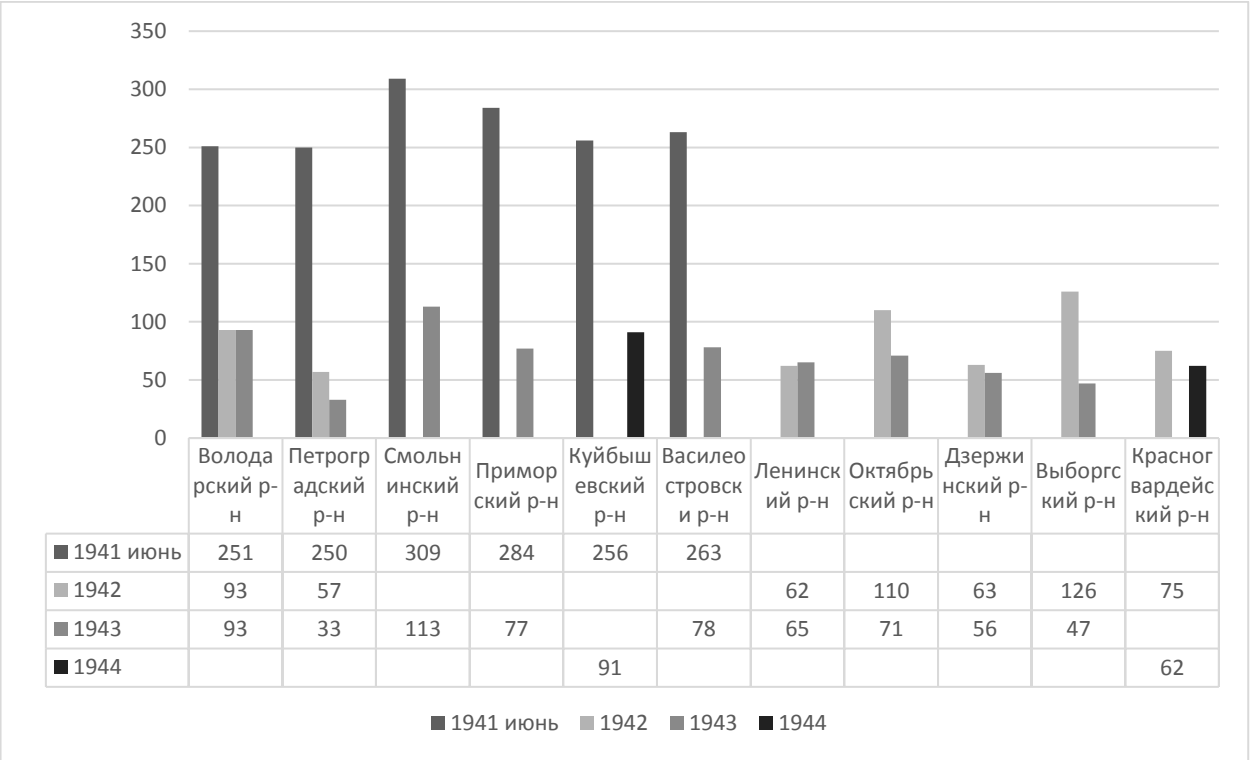
На следующей диаграмме 3, составленной по сводкам из отчетов 11 райсоветов, видны колебания в количестве депутатов городского и районных советов в период обороны Ленинграда[2].

1 ЦГА СПб. Ф.Р-2. Оп.5. Д.79. Л. 3,3об,4; Ф.Р-4. Оп.5. Д. 186. Л.18; Ф.Р-47. Оп.3. Д.59. Л. 5; Ф.Р-4905. Оп.1. Д.12. Л.1.

2 ЦГА СПб. Ф.Р-4. Оп.5. Д. 186. Л.18; Ф.Р-103. Оп.2. Д. 62. Л.2; Ф. Р-568.Оп.3. Д.146. Л.37; Ф.Р-4905. Оп.1. Д.12.

Надо иметь в виду условность этих данных, так как сведения указываются, то по имеющимся в наличии в городе, то по лично присутствующим на очередной сессии райсовета. В 1942 г. наибольшее количество депутатов имелось в Октябрьском (110 чел.) и Выборгском (126 чел.) районах, а наименьшее в Петроградском (57 чел.) и в Ленинском районах (62 чел.). В1943 г. наименьшее число оказалось в Петроградском районе (33 чел.), а наибольшее в Смольнинском (113 чел.).

Диаграмма 3. Наличие депутатов горсовета и райсоветов по 11 районам Ленинграда. 1941–1944

	Володарский р-н	Петроградский р-н	Смольнинский р-н	Приморский р-н	Куйбышевский р-н	Василеостровски р-н	Ленинский р-н	Октябрьский р-н	Дзержинский р-н	Выборгский р-н	Красногвардейский р-н
1941 июнь	251	250	309	284	256	263					
1942	93	57					62	110	63	126	75
1943	93	33	113	77		78	65	71	56	47	
1944					91						62

Е. Д. Твердюкова на основе результатов инспекторских проверок Ленгорисполкома, проведенных весной 1942 г., пришла к выводу, что в «смертное» время зимы 1941 – 1942 гг. работа депутатов районных Советов, оказавшихся в таком же тяжелом положении, как и все ленинградцы, фактически приостановилась[1].

С этим выводом можно согласиться лишь отчасти. Безусловно, резкое снижение числа депутатов, как и изменение уровня профессионализма, не могло не сказаться на работе комиссий

Л.1; Ф.Р-4914. Оп.1. Д. 130. Л. 45; Ф.Р-4900. Оп.1. Д. 63. Л.1; Д. 64. Л.1; Д.65.Л.1; Д.84. Л.2; Ф. Р-151. Оп.5. Д. 121. Л.1, 15, 28, 31, 64, 70; Ф.Р-47. Оп.3. Д.59. Л. 5; Ф. Р-148. Оп.2. Д. 100. Л.69-71, 80, 80об, 167, 169-170. Д. 101. Л. 95-99. Д. 192. Л.10, 11, 62,69.

1 *Твердюкова Е. Д.* Указ. соч. С. 77–78.

райисполкомов, основной форме включения депутатов в работу исполнительных органов Советской власти перед войной.

Об изменениях в работе постоянных комиссий при райсоветах можно судить на основе отчетов райисполкомов о работе за период войны, подготовленных в 1943 г. Василеостровским, Петроградским, Октябрьским райисполкомами. Так, в отчете Василеостровского райисполкома в октябре 1943 г. отмечалось, что до начала войны работали постоянные комиссии: школьная, здравоохранения, жилищная, торговая, местной промышленности, бюджетная, коммунальная. С началом войны состав комиссий изменился: были привлечены ранее не работавшие в них депутаты, которые позднее были утверждены сессией райсовета. В связи с новыми задачами, поставленными войной, изменился и характер работы, но, несмотря на серьезные трудности, она не прекращалась[1]. Так, 10 ноября 1941 г. на исполкоме рассматривался вопрос об итогах окончания учебного года по результатам обследования школьной комиссией. 10 октября 1942 г., был заслушан содоклад школьной комиссии о ходе нового учебного года. Через комиссию здравоохранения, говоря языком отчета райисполкома, выстраивались деловые отношения членов комиссии – администраторов органов здравоохранения. К «обследовательской» работе привлекались актив и общественность[2]. Работа была продолжена в 1942 г.

В то же время в справке о работе исполкома Петроградского районного Совета депутатов трудящихся за период с начала войны до октября 1943 г. указывается, что «постоянные Комиссии райсовета, в связи с большим выбытием депутатов, вплоть до марта месяца 1942 г. значительно ослабили свою работу, а позднее и совершенно прекратили свою работу»[3]. 2 марта 1942 г. на первой сессии после начала войны Петроградского Совета депутатов трудящихся были вновь избраны семь постоянных комиссий по пять человек каждая, приступившие к работе[4].

Различия в работе постоянно действующих комиссий и трудность работы райсоветов в «смертное время» отражена в отчете Октябрьского районного Совета депутатов трудящихся: «Практика работы Отделов и Управлений исполкома показала, что там, где руководители в помощь своему небольшому аппарату умело привлекают широкий советский актив, где депутаты практически участвуют в этой работе и помогают исполкому в разрешении практических вопросов, налицо и результаты, а Отдел, правление, не имеющие такого актива и не опирающиеся в своей работе на депутатов, оказываются организационно разоруженными, безрукими, не

1 ЦГА СПб. Ф. Р-47. Оп. 3. Д. 59 (Отчет о работе Василеостровского районного Совета д. т. за период Великой Отечественной войны. 1941-1943). Л. 10.

2 Там же. Л. 13об – 17об.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-151. Оп. 5. Д. 153 (Справка о работе исполкома Петроградского районного Совета д. т. за период Отечественной войны с 22 июня 41 г. по октябрь 1943 г.). Л. 16об.

4 Там же.

способными решать задачи, стоящие перед ними»[1].

Уже в начале войны, практически во всех районах, возникла необходимость создания чрезвычайных временных комиссий, решавших неотложные задачи, в первую очередь эвакуационную. Такая комиссия в Василеостровском райсовете осуществляла эвакуацию с 15 июля 1941 г. по 31 октября 1942 г., опираясь на помощь актива. Таким же образом работала эвакуационная комиссия Октябрьского района, разместившаяся как можно ближе к Театральной площади для подачи специальных маршрутных составов трамваев для эвакуируемых. Среди других задач эвакуационные комиссии распределяли единовременную денежную помощь из районного бюджета, помогали автотранспортом наиболее нуждающимся эвакуируемым [2].

В ряде случаев количество постоянно действующих комиссий выросло. Так, в Октябрьском районе, помимо работавших до войны: бюджетной, школьной, торговой в 1942–1943 г. появились новые: здравоохранения, местной промышленности. Жилищно-коммунальная комиссия, работавшая до войны, разделилась на две: коммунальную и жилищно-строительную[3]. Причина таких изменений указана в «Справке о массово-советской работе депутатов Октябрьского районного Совета депутатов трудящихся г. Ленинграда»: «За время войны резко изменился характер работы депутатов, вопросы жилищно-бытового обслуживания трудящихся, улучшение бытовых условий жизни населения – стал[и] главн[ыми] в работе советских учреждений и в работе депутатов»[4].

В самое тяжелое время зимы 1941–1942 гг. депутаты стали проявлять свою инициативу по спасению жизни людей. Так, по инициативе депутата Марии Федоровны Лабус был организован санитарно-бытовой отряд в Октябрьском районе. В отчете пишется: «…эту инициативу горисполком поддержал, оказал помощь. Во главе этого дела встала Мария Федоровна. Организованная ею дружина девушек в течение первых двух месяцев стала популярной и всем известной дружиной Марии Федоровны. Была оказана огромная помощь населению по уходу за больными, по устройству детей, по оказанию помощи в быту семьям военнослужащих и доставке дров, распиловке их, в уборке квартир, в сохранении жилого фонда»[5]. Этот и подобные примеры, приводимые и в отчетах других райсоветов, демонстрируют роль депутатов Советских органов власти, в самое тяжелое время проявлявших свою инициативу и способствовавших организации новых форм работы, позволивших бороться за жизнь ленинградцев, тем самым меняя приоритеты

1 Там же. Ф. Р-4914. Оп.1. Д. 130 (Отчет о работе исполкома Октябрьского районного Совета д. т. за 1941 – 1943 г. (период Отечественной войны). Л. 2.
2 Там же. Ф. Р-47. Оп. 3. Д. 59. Л. 45 – 45об; Ф. Р-4914. Оп. 1. Д. 130. Л. 15.
3 Там же. Ф. Р-4914. Оп.1. Д. 130. Л. 42, 43.
4 Там же. Л. 53.
5 Там же. Л. 3. [Сохранен стиль документа – ЛГ]

своей деятельности.

Изменение характера массово-советской работы депутатов в связи с изменением задач подтверждается стенограммами и материалами сессий районных Советов депутатов трудящихся.

В конце зимы 1941/42 годов возобновились сессии районных Советов. Уже 20 февраля 1942 г. состоялась VIII сессия Свердловского районного Совета депутатов трудящихся, а 27 февраля – IX сессия Красногвардейского (ныне Калининского). В марте-апреле 1942 г. сессии районных Советов прошли, по крайней мере, в 11 районах города. В дальнейшем они более или менее регулярно собирались в 12 районах города. Отсутствуют документы, подтверждающие их созыв в 1942 и 1943 гг. во Фрунзенском районе, откуда значительная часть населения была эвакуирована. Нам также не удалось выявить документы сессий районного Совета депутатов трудящихся за весь военный период прифронтового Кировского района[1].

Основные вопросы, решаемые на сессиях райсоветов, в 1942–1943 гг.: о неотложных мероприятиях по бытовому обслуживанию трудящихся; об очистке территории и улучшении санитарно-бытового обслуживания населения; о подготовке и реализации Государственного военного займа 1942 г.; о подготовке предприятий и жилищно-коммунального хозяйства к зиме; об итогах весеннего сева и уходе за овощами; о бытовом обслуживании трудящихся района; о мероприятиях по обслуживанию детей дошкольного и школьного возраста в районе; об обслуживании трудящихся сетью общественного питания; об образовании районного отдела по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих; о противопожарном состоянии и подготовке района к зиме 1943–1944 г.

На сессиях райсоветов депутатов трудящихся в 1944 г. обсуждались: план I квартала 1944 г. и мероприятия по восстановлению жилищного хозяйства; план восстановления районного хозяйства на 1944; районный бюджет на 1944 и утверждение отчетов об исполнении бюджета района за 1941, 1942, 1943 гг.; ход работ по восстановлению городского хозяйства.

Заметим, что вопросы, которые принято считать основным средством открытости, транспарентности, власти: обсуждение и утверждение бюджета, впервые зазвучали только в отчетах некоторых райсоветов в конце 1943 г., а в повестку дня вошли только в 1944 г., причем сразу за весь военный период.

Несмотря на это, можно заметить, что на уровне райсоветов открытость решения вопросов в 1942–1943 гг. достигла максимума. Небольшое количество депутатов компенсировалось привлечением значительного количества активистов. За счет присутствия работниц, домохозяек,

---

1 Данный факт прослеживается при анализе содержания фондов райсоветов 15 районов Ленинграда за военный период: ЦГА СПб. Ф. Р-2, Р-4, Р-47, Р-100, Р-103, Р-148, Р-151, Р-568, Р-4769, Р-4793, Р-4900, Р-4905, Р-4914, Р-4949, Р-4948.

управхозов, наряду с руководителями предприятий, учреждений, заведующими отделами исполкома, работниками райкомов партии, приглашенными из исполкома Городского Совета, на сессиях, как правило, собиралось не менее 200 человек.

О неформальном обсуждении вопросов во время прений на заседании IX сессии Красногвардейского районного Совета депутатов трудящихся 27 февраля 1942 г. можно судить по фрагменту выступления домохозяйки, члена санитарной комиссии по 20 домохозяйству Петровой: «Мне приходится часто бывать в больнице К. Маркса. Я считаю, что там дело должно идти до прокурора! Что смотрит наш Райздравотдел?! Там творится безобразие! Докладчик приводил в пример 16 поликлинику, а я считаю, что в больнице К. Маркса дело еще хуже обстоит! Чтобы получить б[ольничный]/листок, люди ходят по 8-9 дней! Чтобы вызвать врача на дом, нужно простоять в очереди три часа! Там никакого порядка нет!

Я прошу не только от себя, но от всех квартир нашего дома Райздравотдел вмешаться в это дело, посмотреть, что там творится, взять кого следует за жабры.

Когда меня выбрали членом санитарной комиссии, мне пришлось включиться в работу. Пришлось навести порядок на лестницах. У нас шесть лестниц. Сейчас они все в порядке. Лично я и мои товарищи проверили все квартиры. У нас 96 квартир, съемщиков очень много. Из 96 квартир мы обнаружили три квартиры, которые находятся в антисанитарном состоянии. Может быть, мы грубо поступили, но мы в таких злостных случаях доводим дело до прокурора»[1].

Данное выступление можно считать типичным для обсуждения вопросов в прениях на сессиях районных Советов 1942–1943 гг. Значимые эмоциональные маркеры демонстрируют транслюсентный характер взаимодействий на уровне районных Советов, в ходе которых укреплялось доверие к высшим органам власти.

Вопросы, решаемые на сессиях, касались жизненно важных вопросов, находящихся в компетенции именно районных советов. Это получило отражение в оценке целей и задач за период войны районных советов Ленинграда, прозвучавших в отчетах за 1943 год. Отчет Октябрьского райсовета: «Борьба за создание нормальных бытовых условий трудящихся района, *сохранение жизни ленинградцев* была одной из главных задач в работе Районного Совета депутатов трудящихся»[2]. Отчет Володарского райсовета: «Отечественная Война и условия блокады города выдвинули перед Исполнительным Комитетом Володарского районного Совета депутатов трудящихся ряд задач по оказанию реальной помощи фронту, *по сохранению жизни*

1 ЦГА СПб. Ф.Р-4793. Оп.3. Д.40 (Стенограммы заседаний IX (27 февраля 1942 г.) и X (9 апреля 1942 г.) сессий Красногвардейского районного Совета д. т.). Л. 9, 9об. [Здесь и далее сохранен стиль документа – ЛГ]

2 Там же. Ф.Р-4914. Оп.1. Д. 130 (Краткий отчет о некоторых вопросах работы исполкома Октябрьского районного Совета д. т. за время Великой Отечественной войны. Начато и окончено 1941-1943 гг.). Л. 12.

ленинградцев, по преодолению трудностей в эксплуатации и восстановлении районного хозяйства, по улучшению бытового обслуживания населения и другие»[1]. [Курсив мой – Л.Г.].

Можно утверждать, что дефиниция «сохранение жизни ленинградцев» в качестве приоритетной цели в делопроизводственных документах районных Советов, являясь их отличительной особенностью от всех прочих документов, позволяет им занять ту необходимую нишу в смычке высших институтов государственной власти с народом, которая выявляла и делала абсолютно прозрачной истинную сущность всякого государства, направленную на сохранение и развитие нации.

Напротив, в 1941–1943 г. на заседаниях Ленгорисполкома задача сохранения жизней ленинградцев звучала из уст П.С. Попкова всего четырежды. 3 ноября 1941 г., выступая о необходимости заготовок леса для бомбоубежищ, он говорит: «вы знаете, что бомбоубежища мы строим для того, *чтобы больше сохранить народ*, чтобы меньше было жертв. Стреляют по нашему городу»[2]. 6 августа 1942 г., говоря о необходимости сохранения жилищ, он указывает: «Допустите положение — не будет зимой воды, не будет в домах — никто не простит нам этого. Уроки настолько очевидны, что драться нужно за это дело. *Вопрос стоит о сохранении* сотни тысяч *человеческих жизней*. И о сохранении города. Мы с вами обязаны сохранить город и оставшихся в нем людей»[3]. Наконец, 10 декабря 1942 г. в связи с проверкой работы столовых он говорит, обращаясь к председателям райисполкомов: «займитесь этим вопросом, послушайте тресты столовых на заседаниях исполкомов в целом, потом вызывайте к себе директоров трестов, директоров столовых, проверяйте, вскрывайте больные стороны, причем слушайте в присутствии рабочих, они вам подскажут целый ряд вещей, и это поможет вам лучше решить этот вопрос, *сохранить жизнь рабочих, их здоровье* и возможность получения от них должной работы, а им дать возможность получить все то, что полагается по установленным для Ленинграда нормам. Если же мы не решим эту задачу у нас будут и болезни, будет увеличиваться и смертность»[4]. 25 января 1943 г., обращаясь к Петрову, директору РУ №19, П.С. Попков говорит: «Вы делали двойное преступление: заставляли 12-летних работать по 11–12, а иногда и по 16 часов. Это не заслуга, а преступление перед государством, перед молодежью. Вы нарушили все советские законы и жаль, что вас тогда не наказали (…). вы совершали преступление: вы клали в могилу молодежь, истощая ее 12-часовым рабочим днем. Ребята попадали в дистрофики и погибали. А

1 ЦГА СПб. Ф.Р-2. Оп.5. Д.79 (Отчет о работе Володарского районного Совета д. т. за период Великой Отечественной войны. 1941-1943. 25 окт. 1943). Л.1.

2 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг. сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.]; [составители *И. М. Сапронов, Н. Ю. Черепенина* (отв. составитель)]. – СПб.: Арт-Экспресс, 2017. С. 29.

3 Там же. С. 256.

4 Там же. С.378.

вы считаете за честь, что осваивали производство. *Лучше бы вы недодали десяти ППД*[1], *но людей сохранили*. За это мы вам спасибо сказали бы»[2]. [Курсив мой – Л.Г.].

Таким образом, внимательное прочтение стенограмм заседаний Ленгорисполкома за 1941–1942 годы позволяет заметить почти полное отсутствие явной, транспарентной, связи между задачей сохранения коммунальной инфраструктуры и сохранением жизни людей. В 1943 г. вопрос гибели подростков-ремесленников поднимается в связи с вопросом о рациональном распределении продовольствия. Связь между этими вопросами вполне очевидна, однако в самом выступлении она оказывается заслонена репрессалиями, которые, доминируя, исподволь подменяют приоритеты.

В то же время, выступление П.С. Попкова, безусловно, очень талантливого управленца, обладавшего глубокой интуицией и знанием сущности Советской работы, перед председателями райисполкомов 10 декабря 1942 г. демонстрирует важность деятельности районных Советов не только как основного исполнителя решений Горисполкома, но и как института власти, делающего очевидной и понятной эту связь для каждого ленинградца, каждого человека.

Эта функциональная нагрузка делала особенно ценным депутатский корпус городского и районных Советов, осуществлявший непосредственное взаимодействие с населением Ленинграда, становясь основным ретранслятором политических ценностей Советского строя. Особенностью коммуникативного взаимодействия отдельных депутатов с избирателями была их полная открытость, которая позволяла выстраивать взаимоотношения как близкие, доверительные. Еще большее значение имели специфики функционирования депутатского корпуса, наделенного, в соответствии с Конституцией 1936 г., статусными полномочиями по работе с жалобами и заявлениями граждан, позволявшими лично вникать и добиваться адресного решения проблем.

Так, депутат Ленгорсовета по 235 округу Дзержинского района Надежда Ивановна Жукова пишет в своем отчете: «Наступила весна и я принялась работать. Люди ко мне ходили на квартиру. 3 марта месяца я убирала снег со двора на воскреснике. Затем проводила подписку на заем по дому. Стали поступать заявления от граждан. В апреле месяце …устроила Анатолия [Парнова, 11 лет] в детдом…От 4-х человек семьи Жуковой, проживающей по Моховой, дома 47, кв.5 ходатайствовала об эвакуации через Ленсовет, что и было сделано: эвакуированы…». Всего таких заявлений лично депутату, по которым она способствовала разрешению, было за короткий период более 16, как например: получить пенсию, направить в больницу, достать дрова, получить пособие за сына красноармейца, починить крышу, получить жилплощадь меньшего метража,

1 ППД - пистолет-пулемет Дегтярева.
2 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г.. С. 64.

установить инвалидность, устроить на работу [1].

Близость депутата становилась естественным маркером своей, родной, Советской власти еще и оттого, что ее судьба ничем не отличалась от судьбы других рядовых ленинградцев[2].

Понятно, что такая близость делала депутата Горсовета абсолютно транспарентным для рядового ленинградца, а вместе с ним и деятельность Горсовета. Повседневная практика такой жизни и работы ретранслировала акты Советской власти лучше любых слов.

Может быть это исключение? Вот отрывок из отчета Крутка, депутата райсовета по 73 округу Смольнинского района, написанного 28 июня 1943 г.: «Беспрерывно работаю в административной комиссии с 1940 г. (особенно много работы было в 41-42 г. по чистке города).

Основного приема не веду, но с управхозами связана, в чем требуется им помочь помогаю, кроме того живу при своем домохозяйстве. Жильцы хорошо меня знают, не дожидаясь приема, приходят на квартиру»[3].

Такую же роль играли и депутаты высших органов власти РСФСР. До ноября 1941 г. при Куйбышевском райсовете работала приемная депутата Верховного Совета РСФСР, Народного артиста РСФСР Н. К. Черкасова по разбору жалоб и заявлений трудящихся. К депутатам относились запросто, как к близким людям. Так, в заявлении Николаю Константиновичу Черкасову от 1 ноября 1941 г. дипломница медицинского института Н. И. Арсентьева просила одолжить ей 500 рублей, чтобы она могла подготовиться к сдаче государственных экзаменов: «Я думаю, что в этом моем к Вам послании нет ничего особенного, что могло Вас удивить (…) когда я закончу, (нынче) буду работать, даю Вам слово, что я эти деньги Вам сразу же верну обязательно»[4]. Действительно, уже в этот период начал сказываться финансовый голод у ленинградцев, что объясняло такую просьбу.

Рассмотрение жалоб и заявлений граждан депутатами местных Советов, а также депутатские запросы по данным жалобам являлись одной из важнейших функций депутатов, представлявших интересы граждан своего избирательного округа. Данная репрезентативная функция

---

1 Там же. Ф. Р-4769. Оп.3. Д.149 (Отчеты о работе депутатов Дзержинского районного Совета д. т. и Ленсовета. 10 апреля 1943 – декабрь 1943). Л. 6.

2 Вот, что выше она пишет о своем труде с начала войны до марта 1942 г.: «В 1941 году принимала в красном уголке [по адресу]: Володарский, 43 до сентября месяца. Заявлений было много всякого рода. Больше всего по эвакуации о детях, которые были отправлены на дачу и другие вопросы, установить трудно, кто обращался. С октября 1941 года я работала на оборонных работах: меня дома не было до января 1942 г., а с января 1942 я была у родителей, проживающих в Гавани В.О. [Васильевский остров], за которыми необходимо нужно было ухаживать, так как умирали от дистрофии. В марте месяце я их похоронила, а сама в то же время болела скорбутом и дистрофией II степени, к тому же дочь 20-летняя тоже была больна, находилась при мне, в последствии эвакуировалась с институтом, и я осталась одна» (Там же).

3 ЦГА СПб. Ф.4. Оп.5. Д. 186 (Отчет о работе Смольнинского районного Совета д. т. за 1941-1943 гг. и материалы к нему). Л. 58, 58об.

4 Там же. Ф. Р-568. Оп. 1. Д. 28. Л. 25.

обеспечивала устойчивость Советской власти, в то же время на ней сказалось уменьшение числа депутатов, изменение их состава, а также прекращение сессий городского и областного Советов депутатов трудящихся.

Санкционная деятельность Ленинградского горкома ВКП(б) в этом вопросе в начале войны демонстрирует понимание транслюсентного характера советской власти, требующего прямого демократического взаимодействия. Так, «формальное бюрократическое отношение» к разбору жалоб и писем военнослужащих и их семей в аппарате Ленгорисполкома, а также ряда райисполкомов (Фрунзенского и Октябрьского районов) рассматривалось Ленинградским горкомом ВКП(б) уже 18 ноября 1941 г. В принятом решении была осуждена установившаяся практика разбора писем и жалоб военнослужащих и их семей как формально-бюрократическая. Однако намеченные пути решения вопроса имели тот же административный характер: взять на контроль райкомами ВКП(б), обязать руководителей проявлять больше большевистской заботы[1].

Проблема оставалась острой в течение всей блокады. В 1943 г. появилась своеобразная форма работы с жалобами и заявлениями военнослужащих: военная цензура копировала выдержки из писем военнослужащих и членов их семей друг другу, переправляла эти выписки в райисполкомы, оттуда депутату, на избирательном участке которого проживает данная семья, с целью разобраться и оказать помощь. Сохранилась такая переписка военной прокуратуры с Фрунзенским райисполкомом с подробным отчетом по работе с жалобами[2].

В связи с невозможностью охватить депутатам все жалобы на всех участках, фактически право депутатов местных Советов на запросы и прием граждан с их жалобами и заявлениями зачастую оказывалось заменено рассмотрением жалоб бюрократическим аппаратом, что сопровождалось прокурорскими проверками деятельности по охране прав граждан исполкомами Советов. Такая проверка исполнения закона об охране прав семей военнослужащих и инвалидов Отечественной войны, проведенная прокурором Ленинского района в марте 1944 г., выявила, что за январь – февраль 1944 г. в райисполком поступило 495 заявлений граждан, в основном по вопросам сохранности жилища и розыску родственников, которые были переданы в райжилотдел и райжилуправления. Из них 85 заявлений (17%) были не исполнены, в том числе 18 в срок два и более месяца[3].

Значимость взаимодействия с населением депутатов накладывала отпечаток на их работу

---

1 О разборе жалоб и писем военнослужащих и их семей // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 434.

2 Переписка с военной цензурой и копии писем граждан, нуждающихся в оказании материальной и бытовой помощи. 1 октября 1943 – 21 декабря 1943 // ЦГА СПб. Ф. Р-4949. Оп. 2. Д. 5. 83 лл.

3 Докладная записка прокурора Ленинского района о результатах проверки исполнения законов об охране прав семей военнослужащих и инвалидов Отечественной войны // ЦГА СПб. Ф. Р-4900. Оп. 1. Д. 114. Л. 1-9.

в течение всей блокады Ленинграда: во главе различных комиссий они проверяли бытовые условия жизни ленинградцев; обходили семьи военнослужащих на своем избирательном участке (а это были практически все ленинградские семьи), выявляя нужды и потребности, с тем, чтобы их разрешить; в качестве не только руководителей, но и рядовых, лично участвовали в оборонительных работах, эвакуации, санитарной очистке города и т.п.

Одно из сохранившихся воспоминаний моей мамы, Газиевой (Ильиной) Валентины Михайловны, которой в 1943 г. было 13 лет, о какой-то «знакомой из Большого дома», которая в ноябре 1943 г. спасла им с бабушкой жизнь, устроив на работу бабушку сторожихой в совхозный сад на станции Горская (близ Лисьего Носа). Для них, оставшихся вдвоем после ухода на фронт дедушки и старшей сестры матери, 22-летней Надежды, это, безусловно, было спасением. Таким образом, этот факт: помощь депутатов Горсовета семьям военнослужащих осенью 1943 г., когда они ходили по квартирам на своем избирательном участке, в том числе с устройством на работу, оказался прочно закрепленным эмоциональным маркером в памяти моей матери как акт спасения, сохранившись вплоть до первой четверти XXI века.

Лучше других работали районные Советы, где в период войны действовали первичные организации ВКП(б): Василеостровский и Выборгский[1]. В них наиболее активно работали и депутатские группы, более или менее регулярно созывались сессии Советов. Так, в Василеостровском райсовете за период с июня 1941 по август 1944 гг. прошли 10 сессий, по четыре сессии в 1942 и 1944 гг., два раза в 1943 г., велась активная переписка с горкомом ВКП(б) и горисполкомом по жалобам трудящихся[2]. Сессии Выборгского районного Совета с июня 1941 по август 1944 гг. созывались также 10 раз, с той же периодичностью[3].

5 марта 1942 г. состоялась X сессия Выборгского Совета депутатов трудящихся по вопросу «О ходе выполнения решений Ленгорисполкома. О неотложных мероприятиях по санитарно-бытовому обслуживанию трудящихся района», с докладом выступил председатель райисполкома Тихонов. Сессия тщательно готовилась: был восстановлен список Совета старейшин, который должен был утвердить порядок подготовки и проведения сессии. Данная практика была характерна в этот период не только для низовых Советов, но и для Верховных Советов СССР и РСФСР. На сессию были приглашены депутаты горсовета, райсовета, директора и секретари парторганизаций прикрепленных предприятий, актив домохозяйств (управдомы и члены санитарно-бытовых комиссий), руководители отделов исполкома и районных организаций, артелей, начальники отделений милиции. Для приглашения депутатов актив лично выезжал на

1 Документы данных первичных организаций ВКП(б) хранятся в ЦГАИПД СПб, Фонд Р-83 и Фонд Р-382.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-47. Оп. 3. Д. 35, 51, 81; Оп. 5-1. Д. 4.
3 Там же. Ф. Р-148. Оп. 2. Д. 100, 101, 192, 267, 268, 269.

квартиру или место работы каждого депутата[1].

19 августа 1942 г. состоялась XII сессия, посвященная вопросу «Об итогах весеннего сева и уходе за овощами». Интересно, что среди приглашенных были и подростки. Так, в прениях выступил пионер детского дома №9 Аксенов, сообщивший о работе ребят детдома № 9 и школы № 94 на выделенном под огород участке в 115 м, а также о том, что «Вместе с нами, ребятами, также трудились на огороде и наши воспитатели и наш директор. Зинаида А[…] Щедрунова. Они вместе с нами дрались за урожай»[2].

Важное место среди эмоциональных маркеров, сформированных Советскими органами власти в блокадном Ленинграде, занимают дефиниции, значение которых непреходяще и продолжает оказывать влияние на политическую судьбу нашей страны. Так, в отчетах райсоветов мы встречаем повторяющееся понятие «Великая Отечественная война». В отчете Смольнинского райисполкома в 1943 г. отмечено: 45 выпускников средних школ района в 1941/42 уч. году получили вместе с аттестатами ценные книги с надписью «Успешно окончившему среднюю школу в 1941-42 учебном году, в первый год Великой Отечественной войны, в условиях блокады и героической обороны Ленинграда». Ниже пронзительный факт: из 913 учителей района к концу первого военного уч. года осталось 256 чел., 151 учитель умер зимой 1941/42 года[3].

Роль простой ленинградки с 4 классами низшего образования, беспартийной, в решении важнейших вопросов борьбы за сохранение Ленинградского социума, Ленинградской культуры получила отражение в творчестве выдающихся деятелей ленинградской культуры[4].

Таким образом, можно заметить, что, несмотря на свою малочисленность, депутатский корпус городского и районных советов Ленинграда сыграл важную роль в преодолении отчуждения государственной власти от рядовых ленинградцев, являясь каналом для ее открытости. Взаимодействие депутатов с ленинградцами было отмечено эмоциональными маркерами, что позволяет нам указать на транслюсентный характер такого взаимодействия, запоминающийся и доминирующий в признании советской власти – своей, родной, близкой к народу. Можно выделить несколько основных стратегий для достижения такой открытости районных Советов в период войны: вовлечение актива в работу депутатского корпуса; работа депутатов с жалобами и заявлениями граждан; бюджетные отчеты райсоветов по деятельности за период войны; непосредственное участие депутатского корпуса в решении всех важнейших задач военного времени, причем

1 ЦГА СПб. Ф. Р-148. Оп. 2. Д. 100. Л. 69-76об, 80.
2 Там же. Л. 140.
3 Отчет о работе Смольнинского районного Совета д. т. за 1941-1943 гг. и материалы к нему // ЦГА СПб. Ф.Р-4. Оп.5. Д. 186. Л.10об, 11.
4 См., например: *Берггольц О. Ф.* Разговор с соседкой (1941). Любое изд-ие.

приоритетной среди них уже в 1942–1943 гг. являлась борьба за сохранение жизни ленинградцев.

3.3. Взаимодействие областного, городского и районных Советов депутатов трудящихся с обкомом и горкомом ВКП(б), Военными Советами

Как выше было сказано, решение задач спасения гражданского населения местными органами Советской власти необходимо рассматривать через призму взаимодействия с Военным Советом.

Характер Военных Советов, руководивших обороной Ленинграда в начале войны, в 1941 г. неоднократно менялся. Так, существовал Военный Совет главнокомандующего Северо-Западным направлением (позже Военный Совет войск Северо-Западного направления). На основе шифротелеграммы К. Е. Ворошилова И. В. Сталину и В. М. Молотову 13 июля 1941 года было принято постановление ГКО №121сс о назначении А. А. Жданова, 1-го секретаря Ленинградского ГК ВКП(б), членом Военного совета главнокомандующего Северо-Западным направлением (СЗН) К. Е. Ворошилова[1]. Изменение в документах за июль – август 1941 г. названия данного Военного Совета нельзя считать случайными, поскольку косвенно указывает на его трансформации после введения Жданова.

Среди других постановлений ГКО наибольшее внимание исследователей привлекли те, что касаются организации Совета обороны Ленинграда.

В связи с переходом гитлеровцев в наступление на Лужском и Новгородско-Чудовском направлениях 10 августа 1941 года и выходом танковых соединений немцев к Октябрьской железной дороге, возникла серьезная угроза захвата Ленинграда. 20 августа в обстановке полной секретности было принято совместное решение Ленинградским горкомом ВКП(б) и исполкомом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся «Об организации обороны Ленинграда», согласно которому был образован Военный Совет обороны Ленинграда, во главе с командующим армией народного ополчения генерал-майором А. И. Субботиным, до войны заместитель начальника штаба Ленинградского военного округа (ЛВО)[2]. Постановление было подписано Я. Ф. Капустиным, А. А. Кузнецовым, М. Н. Никитиным, П. С. Попковым. В тот же день данное решение было подтверждено приказом главнокомандующего Северо-Западным направлением К. Е. Ворошилова. Однако в состав Совета ни Ворошилов, ни Жданов не вошли. Этот факт, а также наличие самоуправления в рабочих батальонах, которые начали создаваться для уличных боев,

---

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 58.

2 Об организации обороны Ленинграда // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 234–235.

вызвали острый конфликт со Сталиным, который связался с руководителями обороны в 1-20 час., 22 августа 1941 г. по аппарату Бодо[1]. Следом за распоряжениями Сталина вышло постановление Военного Совета войск Северо-Западного направления от 24 августа 1941 г., переданное ему на утверждение в тот же день[2]. Тогда же Жданов и Ворошилов передали заявку по войскам[3]. Телефонограмма переговоров от 22 августа 1941 г. вызвала научную дискуссию по поводу конфликта между Ставкой ВГК и руководителями обороны Ленинграда[4].

23 августа 1941 г. для обороны ближних подступов к Ленинграду директивой Ставки Верховного Главнокомандования был образован Ленинградский фронт, выделенный из частей Северного фронта наряду с Карельским фронтом. Командующим Ленинградским фронтом по 5 сентября 1941 г. оставался М. М. Попов[5], хотя постановлением ГКО от 29 августа №599сс командующим фронтом назначался К. Е. Ворошилов (подробнее ниже). Различие в данных сведениях можно объяснить организационной неразберихой.

24 августа 1941 года было принято постановление ГКО №572сс «О создании Военного совета обороны гор. Ленинграда и Военного совета при коменданте Красногвардейского укрепрайона» (на основе шифро-телеграммы К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова Сталину И. В., телеграммы А. А. Кузнецова и П. С. Попкова Сталину И. В.). Спустя еще два дня последовало распоряжение ГКО от 26 августа 1941 г. №586 о назначении В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Н. Г. Кузнецова, А. Н. Косыгина, П. Ф. Жигарева, Н. Н. Воронова уполномоченными для рассмотрения и решения вопросов обороны, эвакуации предприятий и населения г. Ленинграда[6].

В своих воспоминаниях Н. Г. Кузнецов писал о том, что выехавшие из Москвы вслед за этим уполномоченные лицом к лицу столкнулись с угрозой транспортному сообщению между Ленинградом и Москвой. 29 августа 1941 г. в районе станции Мга спецпоезд с комиссией «пропал». Из-за разрушенной немецкой авиацией колеи им пришлось пешком пробираться на ст. Мга, а оттуда на бронированной дрезине двигаться навстречу бронепоезду, высланному из Ленинграда[7].

---

1 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 68–69.

2 Документ №11. Телеграмма К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова, А. А. Кузнецова и председателя Ленинградского горисполкома П. С. Попкова И. В. Сталину об образовании Военного Совета обороны города Ленинграда // Оборона Ленинграда. 1941 – 1945. Документы и материалы / авт. вступит. статьи и отв. ред. А. К. Сорокин. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 95.

3 Шифрограммы и переговоры по прямому проводу Сталина по обороне Ленинграда. 17 августа 1941 – 25 января 1942 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 492. Л. 13–15 (документ №3).

4 *Болдовский К. А., Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. // Новейшая история России. – 2014. – №1 (09). С. 275–292; *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. 2-е изд. СПб., 2004. С. 112-113 (публикация).

5 Великая Отечественная война. 1941–1945. – М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 405, 575.

6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 124, 126.

7 *Кузнецов Н. Г.* Адмирал Советского Союза: воспоминания. – М.: Алгоритм, 2015. С. 435–436.

Известны и подробности: за несколько часов до захвата станции немцами, комиссию вывез оказавшийся там заместитель Наркома путей сообщения К. И. Филиппов. Связи на разъездах не было, и о благополучном исходе удалось сообщить уполномоченному НКПС Б. П. Бещеву только спустя два перегона. Сутки судьба комиссии была неизвестна[1].

29 августа 1941 г. в три часа ночи Молотов и Маленков рапортовали о мерах, принятых для упразднения выборного начала в рабочих батальонах, о введении Жданова и Ворошилова в Военный Совет обороны Ленинграда: «Ленинградцы признают свои ошибки, но это конечно совершенно недостаточно, так как теперь дело в практической работе»[2]. В тот же день, на основе докладной записки И. В. Сталину от В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова, было принято постановление ГКО №599сс о Северо-Западном фронте и назначении М. М. Попова, начальником штаба, а также А. А. Жданова, А. А. Кузнецова, И. С. Исакова, И. П. Клементьева членами Военного Совета Главного командования Северо-Западного направления и Ленинградского фронта. Северо-Западное направление и Ленинградский фронт объединялись, командующим Ленинградским фронтом назначался главнокомандующий северо-западного направления К. Е. Ворошилов. Северо-Западный фронт передавался в подчинение Верховному главнокомандованию[3]. 30 августа 1941 года, на основе шифро-телеграммы В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова и Г. М. Маленкова И. В. Сталину, постановлением ГКО №601сс «О Военном совете обороны Ленинграда» Военный совет обороны Ленинграда упразднялся, а его властные функции передавались Военному совету Ленинградского фронта[4]. Это должно было способствовать усилению роли партийных и советских органов в организации обороны Ленинграда.

В вопросах организации хозяйственной жизни Ленинграда и, конкретно, в организации спасения гражданского населения Ленгорисполком и лично Попков продолжали играть важнейшую роль. Так, на первом заседании Военного Совета обороны Ленинграда от 25 августа 1941 г. на П. С. Попкова возлагалось руководство вопросами: продовольственного снабжения города, обеспечения топливом, работы энергетики, коммунального хозяйства, железнодорожного и водного транспорта, санитарного дела и эвакуации; при нем имелись в качестве уполномоченных

---

1 *Розум В. И.* Великий из Великого: к 100-летию со дня рождения Б. П. Бещева. – Ярославль: Верхняя Волга, 2003. С. 167, 169.

2 Подробнее о коммуникативных особенностях переговоров: *Газиева Л. Л.* Некоторые особенности устных переговоров Ставки Главнокомандования с руководителями обороны Ленинграда в июле – сентябре 1941 года // Рабочий класс и интеллигенция России на рубеже веков: XIX–XX и XX–XXI вв. Связь времен. С. 198.

3 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 15. Л. 164–165; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 128.

4 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 15. Л. 169–170; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 128.

Военного Совета: по энергетике – П. Т. Талюш, секретарь ГК ВКП(б), по санитарному делу Д. Н. Верховский, начальник санитарного отдела Штаба Главного Командования Северо-Западного направления (СЗН), Е. Т. Федорова, заместитель председателя горисполкома. Там же руководство МПВО, пожарной охраны и связи было возложено на А. А. Кузнецова, на Я. Ф. Капустина – работой промышленности, на А. И. Субботина – вопросами мобилизационной и боевой подготовки[1]. Многоначалие видимо повлияло на то, что до 17 сентября 1941 г. продолжали выходить постановления Военного Совета обороны Ленинграда. На этот факт указывает В. П. Гриднев[2].

В своих воспоминаниях начальник артиллерии Красной Армии генерал Н. Н. Воронов писал, что основным мотивом изменений было: сократить нецелесообразное количество Военных Советов (Военный Совет Северо-Западного направления, то же Военный Совет Ленинградского фронта, Военный Совет обороны Ленинграда, Военный Совет Красногвардейского укрепрайона и другие), – «...там ответственные военачальники много заседают, а руководить и работать некогда...»[3].

В то же время привлечение гражданского населения Ленинграда для обороны города получило положительную оценку, и 17 сентября 1941 года вышло постановление ГКО №690 «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР»: с 1 октября 1941 г. было введено обязательное военное обучение граждан СССР мужского пола с 16 до 50 лет по 110-часовой программе без отрыва от работы[4]. Реализация этого постановления отразилась в решении ГК ВКП(б) Ленинграда от 29 сентября 1941 г.[5]

Хотя 12 августа 1941 г. было принято постановление ГКО №467сс «Об отгрузке материалов для ленинградских предприятий» на основе выписки из протокола заседания бюро Ленинградского горкома от 1 августа 1941 г.[6], но уже 24 августа 1941 г. распоряжением ГКО №573сс должны были быть созданы трехмесячные запасы взрывчатых веществ в Ленинграде[7]. А распоряжением ГКО от 13 сентября 1941 г. №670 началась подготовка к уничтожению предприятий на случай отхода Красной армии, уполномоченным назначался В. Н. Меркулов[8]. По воспоминаниям В. Ф.

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 151. Д. 1. Л. 1, 2.

2 *Гриднев В. П.* Отечественная историография обороны Ленинграда (1941–1944 гг.). Автореф. дисс…д.и.н. – СПб., 1999. С. 30.

3 Из воспоминаний начальника артиллерии Красной Армии генерала Н. Н. Воронова // *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. С. 95 – 97.

4 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 168; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 143.

5 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / Отв. ред. *В. М. Ковальчук.* – М.-Л.: Наука, 1966. С. 68–70; О реализации в г. Ленинграде постановления Комитета обороны СССР «о всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 321.

6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 109.

7 Там же. С. 124.

8 Там же. С. 140.

Трибуца, подготовка к уничтожению кораблей КБФ, в случае прорыва противником обороны Ленинграда, началась еще раньше[1]. С. К. Бернев и Н. А. Ломагин пишут, что уже 8 сентября было принято постановление Военного Совета Ленинградского фронта «По вопросу о проекте плана затопления кораблей КБФ и судов торгового флота в случае непосредственной угрозы их захвата противником», проект был согласован с Наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым. 13 сентября И. С. Исаковым, заместителем Наркома ВМФ, план мероприятий на случай вынужденного отхода из Ленинграда, согласно которому все корабли, включая военный флот, торговые, промысловые и технические суда, следовало взорвать и затопить, был представлен Верховному главнокомандующему[2]. В то же время, постановление от 8 сентября так и не было издано. Только 16 сентября 1941 г., после согласования со Сталиным, было принято постановление № 00263 Военного Совета Ленфронта об утверждении плана спецмероприятий[3]. Ряд исследователей отмечают инициативу правительства Великобритании, предлагавшего компенсацию в случае необходимого затопления флота[4].

Имелся ли конфликт между центральными и местными органами власти и управления?

Характер постановлений и решений ГКО в этот период по Ленинграду свидетельствует о своеобразном характере коллегиального принятия решений, в которые превращались выписки, докладные записки, решения Ленинградского горкома ВКП(б), зачастую простым присвоением соответствующего номера. В качестве примера можно рассмотреть: постановление ГКО от 24 июля 1941 г. №260 «О переводе на казарменное положение истребительных батальонов УНКВД в гор. Ленинграде» (выписка из протокола заседания бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 21 июля 1941 г.); постановление ГКО от 29 июля 1941 г. №326с «О денежном обеспечении личного состава партизанских отрядов» (выписка из протокола №12 Ленинградского обкома от 23 июля 1941 г.) [5].

В связи с этими обстоятельствами следует заметить, что роль Военных Советов из-за постоянной реструктуризации в 1941 г. значительно уступала уже сложившейся системе управления, в основе которой лежали Советские органы власти и идеологическая надстройка ОК и ГК ВКП(б),

---

1 *Трибуц В. Ф.* Балтийцы вступают в бой. Калининградское книжн. изд-во, 1972. С. 165–169. С этого времени борьба за спасение Ленинграда для моряков Балтийского флота стала борьбой за живучесть кораблей.

2 План «Д». Архив «Большого Дома» / Сост. С. *К. Бернев, Н. А Ломагин.* – СПб.: Европейский Дом, 2005. С. 21. См. также *Комаров Н. Я.* Феномен блокадного Ленинграда. – М.: Кучково поле; М/н благ. фонд «Живая память», 2008.

3 Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть 1 (август 1941 г. – март 1942 г.). Сб. документов / отв. сост. К. А. Болдовский – СПб.: Нестор-История, 2023. С. 72–75; См. также: План «Д». Архив «Большого Дома». С. 33–34.

4 *Кантор Ю. З.* Эвакуация из Ленинграда до и во время блокады // Побратимы. Сборник / отв. ред. Ю. З. Кантор. – Москва: Политическая энциклопедия, 2019. С. 18; *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб.; М., 2002. С. 67.

5 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 78, 87.

успешно взаимодействовавшие друг с другом. ВКП(б) обладала законодательной инициативой, при этом немаловажную роль играло то, что А. А. Жданов входил в Секретариат ЦК ВКП(б).

В то же время к лету 1942 г., как писал А. А. Жданов И. В. Сталину, все руководство было подтянуто к Военному Совету Ленинградского фронта, которому приходилось препятствовать «партикуляризму» гражданских властей, «рвачеству» разных ведомств, распределяя правильно «продовольствие, горючее, сырье, электроэнергию, рабочую силу между отраслями войны и хозяйства»[1]. 26 июня 1942 г. Военный Совет Ленинградского фронта был утвержден постановлением ГКО №1935 в составе: командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров, секретари обкома и горкома ВКП(б): А. А. Жданов и А. А. Кузнецов, Т. Ф. Штыков, председатель Леноблисполкома: Н. В. Соловьев[2]. Причем Соловьев был введен в Военный Совет Ленинградского фронта уже в 1941 г.[3]

Одним из самых спорных является *вопрос о статусе председателя Ленгорисполкома П. С. Попкова в Военных Советах, действовавших в городе*. Высокую оценку личности П.С. Попкова в своих воспоминаниях дал начальник МПВО г. Ленинграда Е. С. Лагуткин: «В очагах поражения мы часто видели председателей исполкомов районных Советов депутатов трудящихся, секретарей райкомов КПСС и начальников управлений горисполкома. Часто в очагах поражения мы видели председателя Городского исполнительного комитета депутатов трудящихся т. Попкова Петра Сергеевича. Это был простой, культурный и смелый человек. Его как коммуниста, хорошего организатора и руководителя народ уважал. Он пользовался большим авторитетом. В моей памяти многие случаи, когда чуть ли не под ураганным огнем пр[отивни]ка Петр Сергеевич вместе с бойцами и командирами Местной ПВО принимал активное участие в ликвидации последствий вражеских налетов и артиллерийских обстрелов»[4]. Своеобразной оценкой роли П. С. Попкова в организации обороны Ленинграда было включение его в состав Военного Совета Ленинградской армии противовоздушной обороны, согласно постановлению ГКО от 29 апреля 1942 г. №1677 [5]. Данный документ утвердил ранее принятое постановление Военного Совета Ленфронта от 24 апреля 1942 г. № 00830, которым Попков был введен в состав Военного Совета Ленинградской армии ПВО, в соответствии с ходатайством командующего Ленинградской армии ПВО Г. С.

---

1 «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». С. 34.

2 Документ №60. Постановление ГКО СССР №1935 «О составе Военного Совета Ленинградского фронта» // Оборона Ленинграда. 1941–1945. Документы и материалы / Отв. ред., авт., вступ. ст. А. К. Сорокин. – Москва: Политическая энциклопедия, 2019. С. 167.

3 Ленинград в осаде. С. 198–199.

4 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 12. Д. 67 (Лагуткин Е. С. Воспоминания бывшего начальника МПВО г. Ленинграда о деятельности местой противовоздушной обороны г. Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Л. 28.

5 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 304.

Зашихина, членов Военного Совета армии А. А. Иконникова и Ф. Ф. Верова[1].

В одном из последних изданий воспоминаний Г. К. Жукова указано, что Попков присутствовал на заседаниях Военного Совета Ленинградского фронта[2]. Безусловно, участие Попкова было необходимо при обсуждении ряда вопросов, касающихся гражданского населения и гражданских объектов. Однако оно не было оформлено юридически постановлением ГКО.

Этот факт подчеркивает *разделение задач между Военным Советом и Ленгорисполкомом.* Перед первым: эффективная оборона Ленинграда и безопасность тыла армии, перед вторым: защита и жизнеобеспечение гражданского населения, функционирование социальных институтов. В то же время вопросы снабжения и осуществления эвакуации населения в равной степени стояли и перед Военным Советом, и перед Ленгорисполкомом. Так, за период с августа 1941 по март 1942 г. из 560 постановлений Военсовета 47 так или иначе касались вопросов эвакуации населения и/или ценных грузов, 119 – проблем снабжения продовольствием как войск, так и населения в целом, или отдельных его групп. Аналогично за период с апреля по декабрь 1942 г. из 660 постановлений Военсовета также 47 так или иначе касались вопросов, связанных с эвакуацией, 133 постановления касались вопросов обеспечения продовольствием[3].

В связи с этим отстранение П. С. Попкова, председателя Ленгорисполкома, от работы Военного Совета вызывает недоумение, в том числе из-за роли, которую играл Ленгорисполком в проведении мобилизационных и текущих хозяйственных задач накануне и в начале войны. Оно могло означать как ослабление доверия к нему лично, так и снижение роли Ленгорсовета в решении чрезвычайных мобилизационных и хозяйственных задач, ограничение его деятельности текущими задачами. Это прослеживается и в основных решениях сессий райсоветов военного периода в Ленинграде.

Не могло это противоречие не отразиться и на психологической атмосфере в городе. Так, о кривотолках, порожденных слухами об отъезде П. С. Попкова из Ленинграда в марте-апреле 1942 г., писал летом того же года Жданов в личном письме Сталину[4].

Оценка исследователями характера устных переговоров Сталина и «ленинградцев» по аппарату Бодо в августе 1941 года несколько изменилась, с тех пор как стал доступным для изучения текст телефонограмм. Так, Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков, К. А. Болдовский обращают внимание

---

1 Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть II (апрель – декабрь 1942 г.). С. 82

2 *Гриднев В. П., Политов И. В.* Военные советы в битве за Ленинград // Управленческое консультирование. – 2017. – №7. С. 150; См. также *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. – М.: Изд-во АПН, 1986. С. 149.

3 Подсчитано мной по Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть 1 (август 1941 г. – март 1942 г.). С. 13–534; Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть II (апрель – декабрь 1942 г.). С. 13–687. Л. Г.

4 «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». С. 34.

на то, что, несмотря на резкий характер замечаний Сталина, в устных переговорах, наряду с имевшим место давлением на ленинградское руководство, обсуждались конкретные меры по оказанию помощи Ленинграду[1]. С данными выводами нельзя не согласиться.

Безусловно, одним из важнейших мотивов перестройки органов управления обороной Ленинграда в августе 1941 г. было усиление роли обкома и горкома ВКП(б), которым следовало возглавить оборону Ленинграда. Эту задачу как свою собственную А. А. Жданов изложил в письме Сталину от 9 июня 1942 г.: «поскольку это дело [правильного распределения ресурсов] находится, главным образом, под моим присмотром, перевалить его на другие плечи очень трудно. Больше всего боюсь, как бы все наши генералы, адмиралы, снабженцы, наркоматские работники и все живущие сейчас на иждивении Военного Совета, связанные сейчас крепким узлом, не разбились «на ся» и не ослабло бы это единое руководство. А в нем крепость нашей обороны»[2]. Укрепление идеологической составляющей руководства должно было, таким образом, способствовать разрешению конфликта двух политико-правовых и психологических доминант: обороны государства и сохранения населения, принявшего характер коммуникативного кризиса.

Следует остановиться на личных качествах руководителей обороны Ленинграда.

Андрей Александрович Жданов (1896–1949) являлся первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б)[3], заняв эту должность весной 1934 г., после убийства С. М. Кирова. Одновременно он работал в Секретариате ЦК ВКП(б). С 1939 по 1940 гг., наряду с другими постами, А. А. Жданову было поручено Управление пропаганды и агитации в ЦК ВКП(б)[4].

А. А. Жданов старался окружить себя единомышленниками. Сказывалось и то, что его образование ограничивалось реальным училищем[5]. Так, на место 2-го секретаря ГК ВКП(б) Жданов выдвинул секретаря Дзержинского райкома ВКП(б) Алексея Александровича Кузнецова (1905–

---

1 *Болдовский К. А., Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. // Новейшая история России. – 2014. – №1 (09). С. 288.

2 «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». С. 34. Сохранен стиль оригинала.

3 Карьера Жданова началась в качестве председателя Тверского губисполкома с 1922 г., затем – секретарь Нижегородского губкома, Горьковского крайкома ВКП (б) с 1924 г., с 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). С 1930 г. – член ЦК ВКП (б). Член Политбюро ЦК с 1939 г. Член ВЦИК, ЦИК СССР, Деп. ВС СССР с 1937 г. (Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия. 1980. С. 437).

4 В Секретариат ЦК ВКП(б) А. А. Жданов вошел совместно с И. В. Сталиным, Л. М. Кагановичем и С. М. Кировым в начале 1934 г., на пленуме, состоявшемся после XVII съезда ВКП(б). (*Демидов В. И., Кутузов В. А., Кутузов А. В.* Андрей Жданов. Очерки политической биографии. – СПб.: СПб Академия Следственного комитета, 2017. С. 18, 50–51).

5 В 1915 г. Жданов начал обучение в Московском сельскохозяйственном институте, но уже в 1916 г. оставил его для военной службы, пройдя курс в 3 Тифлисской школе прапорщиков. В то же время Жданов получил домашнее воспитание от отца, бывшего профессора Духовной Академии, увлекавшегося социалистическими идеями. (Там же. С. 17–19)

1950). Несмотря на то, что образование А. А. Кузнецова также ограничивалось средним, он производил на людей впечатление строгого, но справедливого руководителя, умел находить общий язык с рабочими, что использовал в своей партийной работе[1].

Вряд ли достаточным было заочное окончание Ленинградского института инженеров коммунального строительства (ЛИИКСа) третьим крупнейшим управленцем Ленинграда – Петром Сергеевичем Попковым (1903–1950). С 3 января 1940 г. П. С. Попков стал председателем Ленгорисполкома, будучи выдвинут А. А. Ждановым. Нельзя считать достаточным и его опыт в данной сфере. В 1937 г. Попков окончил институт и, почти сразу же, в ноябре 1937 г. возглавил райисполком Ленинского района Ленинграда[2].

Из переписки Жданова со Сталиным видно, что первый секретарь ГК ВКП(б) обладал стратегическим чутьем, имел свою собственную позицию по важнейшим вопросам обороны Ленинграда и умел ее отстаивать. В ключевых вопросах обороны позиция А. А. Жданова, как правило, опиралась на поддержку П. С. Попкова, А. А. Кузнецова, а также И. С. Хозина, Я. Ф. Капустина и других. Так, например, в письме 1942 г. Жданов высказывал осторожную критику в адрес Сталина по поводу попыток прорвать блокадное кольцо зимой 1941 г., сняв 11 дивизий и 1 стрелковую бригаду, а также 115 танков, 2 бронебатальона, корпусной артполк и части пополнений для 54 армии с внутреннего обвода[3]. Аналогичную позицию: скептически-недоверчивую, выразил 23 октября 1941 г. И. С. Хозин в переговорах по Бодо с А. М. Василевским, передававшим директиву Сталина о выводе войск Ленинградского фронта. И. С. Хозин по поводу вывода войск отвечал постскриптум: «Но это большой вопрос, по нему долго разговаривать, хотя бы последний случай с Тихвиным»[4]. Хотя зачитывал директиву А. М. Василевский, но он буквально читал текст, написанный Сталиным карандашом, который был сохранен в личном архиве Сталина его секретарем, заведовавшим канцелярией А. Н. Поскребышевым[5].

В то же время Б. П. Белозеров упоминает о конфликте, который имел место между А. А. Ждановым и К. Е. Ворошиловым перед войной. В апреле 1940 г. НК обороны, возглавляемый К.

---

1 А. А. Кузнецов с 17 лет пошел работать. С 1924 г., с 18 лет, находился на освобожденной комсомольской работе. Постепенно он поднялся с поста ответственного секретаря Ореховского волостного комитета РЛКСМ Боровичского уезда до секретаря Лужского окружкома ВЛКСМ. В 1930 г. приступил к обязанностям зам. зав. Организационно-инструкторским отделом Ленинградского ОК ВЛКСМ по руководству деревенскими организациями. В ноябре 1931 г. стал зав. производственно-техническим отделом Ленинградского ГК ВЛКСМ. С 1932 г. на работе в Ленинградском ГК ВКП(б). (*Базовский В. Н., Шумилов Н. Д.* Самое дорогое. Документальное повествование об А. А. Кузнецове. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1985. С. 10, 14, 22).

2 Приводится по *Амосова А. А.* Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова, 1937–1950. СПб.: Алетейя, 2014. С. 52–59.

3 «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». С. 33.

4 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 483. Л. 101; Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов/ Под ред. *Н. Л. Волковского*. – М.: Аст, СПб: Полигон, 2004. С. 58.

5 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 483. Л. 101.

Е. Ворошиловым, проверяла партийно-государственная комиссия во главе с А. А. Ждановым и Н. А. Вознесенским. Были вскрыты серьезные недостатки в работе НК обороны и лично К. Е. Ворошилова. По результатам работы комиссии, в мае 1940 г. вместо Ворошилова Наркомом обороны был назначен С. К. Тимошенко[1]. Видимо сохранявшееся напряжение в отношениях давало себя знать и, в конце концов, Сталин отозвал Ворошилова из Ленинграда.

Летом 1942 года, как известно из личной переписки со Сталиным, всерьез рассматривалась возможность перевода и Жданова в Москву. Это вызвало со стороны Жданова возражения. Из письма, переданного в июне 1942 г., вырисовывается противоречивая фигура первого секретаря Ленинградской партийной организации: человека ответственного, детально знающего систему обороны Ленинграда, уверенный и бодрый дух которого был хорошим подспорьем, «чтобы никто не вешал нос на квинту», не только для соратников, но для всех ленинградцев[2].

Если перед войной Жданов возглавил комиссию по переработке школьных учебников по истории, являясь референтом и соавтором Сталина по выработке ключевых концепций советской историографии[3], то уже в 1944 г. он концептуально прорабатывал историко-политическую оценку войны с гитлеровской Германией. Так, в реферате «О недостатках и оценках в области истории СССР», подписанном им 9 сентября 1944 г., резкой критике подверглись взгляды историка Х. Аджамяна, заявлявшего, что «борьба за пространственный максимум была велением мудрого инстинкта самосохранения русской нации и державы». Вместе с тем Жданов критиковал концепцию Е. В. Тарле, который считал, что расширение территории старой России спасло СССР в борьбе с гитлеровской Германией. По мнению Жданова, недопустимым было оправдание политики колониальных захватов царизма исторической целесообразностью.

Наряду с этим, в реферате Ждановым была дана высокая оценка деятельности Ивана Грозного, как способствовавшей «убыстрению исторического прогресса…». В качестве подтверждения своей мысли Жданов привел слова Ленина: «Исторические заслуги судятся не потому, чего не дали исторические деятели…, а потому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками». Слова эти в документе отчеркнуты и Ждановым, и Сталиным[4].

Таким образом, нельзя согласиться с теми авторами, которые приписывают Жданову социально-националистские взгляды[5]. В то же время он поддерживал политику репрессий тех лиц,

---

1 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. С. 28.

2 «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». С. 31–35.

3 Так, Жданов возглавлял комиссию «для пересмотра, улучшения, а в необходимых случаях и для переделок, написанных уже учебников по истории». (по *Жуков Ю. Н.* Иной Сталин. С. 150–151).

4 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 731 (Переписка Сталина со Ждановым…об обороне Ленинграда. 9 июня 1942 – 15 сентября 1946). Л. 19–21, 34, 67.

5 Ср., например, *Волынец А. Н.* Жданов. – М.: Молодая гвардия, 2013.

которые, на его взгляд, препятствовали историческому прогрессу.

Репрессиям подвергались не только лица, но и памятники культуры. Охарактеризовать личную позицию А. А. Жданова по ряду «неудобных» вопросов позволяет история Московских ворот, которые демонтировали накануне войны[1].

Вероятно, Жданов устраивал Сталина на посту 1-го секретаря Ленинградского ОК и ГК ВКП(б) сдержанным подходом к репрессиям. В Ленинграде зачастую репрессируемого передвигали на другую должность даже без ущемления в правах, особенно в случаях, касавшихся интеллигенции, деятелей культуры, работников административного аппарата. Так, например, И. Д. Страшун после отстранения от должности директора 1 ЛМИ в 1944 г. был принят в члены ВКП(б); Е. Ф. Лаврикова была снята с заведования сектором дошкольного воспитания Ленгороно в 1943 г. и назначена директором оздоровительного санатория для подростков в Хэпо-Ярви[2].

Уважение Сталина к точке зрения Жданова видно из того указанного выше факта, что постановления ГКО по Ленинграду принимались простым присвоением номера выпискам из решений Ленинградских ОК и ГК ВКП(б). Практически все просьбы Жданова по организации обороны удовлетворялись московским руководством. Однако Жданов предпочитал отмалчиваться, если по «своим каналам» выяснял негативную оценку вождя, как было, например, с введением осадного положения в Ленинграде.

Характерно, что 17 декабря 1941 г. А. А. Жданов принял участие в совещании, состоявшемся в Кремле у И. В. Сталина. Помимо 1-го секретаря Ленинградского ОК и ГК ВКП(б), на нем присутствовали М. С. Хозин, Г. М. Маленков, А. М. Василевский, К. А. Мерецков, Г. Г. Соколов, И. В. Галанин, Б. М. Шапошников[3]. Накануне, 7 декабря 1941 г., Ждановым было направлено письмо Сталину с оказией – возвращавшимся в Москву Н. Н. Вороновым. В письме Жданов дает подробный анализ проблем, с которыми столкнулись войска Ленинградского фронта при организации наступления[4]. Можно предположить, что эти вопросы, наряду с другими, связанными с возможностью перехода войск Ленинградского фронта в наступление, рассматривались на совещании.

---

1 В 1936 г. ворота начали демонтировать как памятник реакционного прошлого царизма: среди прочих причин было и то, что они были установлены в память о разгроме польского восстания 1831 г. Демонтаж уже начался, когда 3 августа 1936 г. архитектор Катонин обратился с письмом к Жданову, умоляя спасти от разрушения шедевр, созданный арх. В. Стасовым. Последовала резолюция: «т. Эдельсону. Надо решить, если есть там что-либо ценное (барельефы, украшения) о передаче в какой-либо музей. В остальном, оставить без последствий. Жданов». Решение Жданова позволило восстановить ворота в 1959–1961 гг. (Приводится по *Демидов В. И., Кутузов В. А., Кутузов А. В.* Андрей Жданов. Очерки политической биографии. С. 56–57).

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-257. Оп. 2. Д. 15. Л.1об; Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 10. Л. 111; ЦГА СПб. Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 5. Л. 84.

3 *Болдовский К. А.* Ленинград в декабре 1941 года // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, №1. С. 71.

4 «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». С. 32.

17 декабря 1941 г. вышло постановление СНК СССР №336, разрешавшее выплачивать среднюю заработную плату работникам временно законсервированных предприятий Ленинграда[1]. Однако при этом не было ясно из каких финансовых средств она будет выплачиваться, так как вскоре выяснилось, что банки отказывались кредитовать простаивавшие предприятия, и в результате в декабре и вплоть до марта возникла крупная задолженность предприятий по заработной плате.

Противоречия натуры Жданова, в которой соединялись причудливым образом обаяние, коммуникативная культура, добросердечие и суровость, оказались, видимо, камнем преткновения, не позволившим при жизни профессору Владиславу Александровичу Кутузова, одному из известных исследователей личности А. А. Жданова, издать подготовленную им монографию[2].

Не менее противоречивой является личность А. А. Кузнецова, выдвиженца С. М. Кирова. К выбившемуся из бедноты парeньку из Боровичей рабочие относились по-свойски. Кузнецов умело использовал это «особенное» отношение рабочих при решении сложных вопросов. Но эта же особенность, позволявшая горячей фразой увлечь людей, подкрепляя фразу и крепким кулаком, с другой стороны, приводила порой к просчетам, ошибкам в решении важных задач, требовавших знаний, понимания.

Следует заметить, что в условиях Ленинграда в 1940-ые годы отсутствие специального образования уже рассматривалось как несоответствие занимаемой должности. Отсутствие соответствующего образования использовалось как повод для отстранения от должности[3].

В то же время в ОК и ГК ВКП(б) имелись секретари по узловым направлениям хозяйственной жизни города, которые имели высшее образование и были компетентными специалистами в данных вопросах. Введение таких секретарей в штат горкома ВКП(б) состоялось перед самой войной в 1940 г. Подробная характеристика этих секретарей – промышленников была дана в 1965 г. в книге «На защите Невской твердыни». Третьим секретарем ГК ВКП(б) являлся с 1939 г. Я. Ф. Капустин, бывший секретарь партийной организации Кировского завода, а затем 1-й секретарь Кировского райкома ВКП(б). Я. Ф. Капустин прошел путь от рабочего-слесаря до начальника цеха, закончил с отличием Политехнический институт. Как инженер-новатор он был награжден орденом Ленина. 3 июля 1941 г. специальным постановлением бюро ГК ВКП(б) на него были возложены координация и руководство секретарями ГК ВКП(б) по промышленности. К. А.

---

1 *Болдовский К. А.* Горком ВКП(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник С.-Петерб. ун-та. История. – 2016. – Вып. 2. С. 70.

2 *Демидов В. И., Кутузов В. А., Кутузов А. В.* Андрей Жданов. Очерки политической биографии. Работу над монографией завершил сын, Александр Владиславович Кутузов, уже после смерти В. А. Кутузова.

3 Так, в апреле 1943 г., когда был снят с должности заведующий отделом образования Ленгорисполкома Г. С. Левин, основной причиной называлось отсутствие у него высшего педагогического образования (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 9. Л. 12).

Болдовский подчеркивает, что важнейшие вопросы Я. Ф. Капустиным решались напрямую с Н. А. Вознесенским, 1-м заместителем Председателя СНК СССР.

Авторитетными и опытными специалистами были секретари ГК ВКП(б): М. В. Басов, инженер-экономист, занимавшийся военно-техническим снабжением войск во время Советско-финляндской войны; П. Т. Талюш, секретарь по электропромышленности, инженер-электрик, имевший опыт руководящей работы в Ленэнерго; П. Т. Сухомехов, секретарь по химической промышленности, в прошлом директор завода; Б. А. Сердобинцев, инженер-экономист, секретарь ГК по местной промышленности. Опыт работы в военных условиях имел секретарь ГК ВКП(б) по пищевой промышленности П. Г. Лазутин[1].

В начале войны А. А. Жданов находился в отпуске в Крыму, откуда он прибыл в Москву, встретился с И. В. Сталиным поздно вечером 24 июня 1941 г. и только после этого вернулся в Ленинград[2]. Сразу по его приезде началась спешная *реорганизация системы городского самоуправления*. Были сформированы комиссии, «тройки», «пятерки», по ключевым вопросам во главе с секретарями ОК и ГК ВКП(б). Они позволяли объединить специалистов и административный аппарат партийных и советских органов. 1 июля 1941 г. была создана «большая пятерка» (руководящая комиссия). Ее первоначальный состав: секретарь ЦК ВКП(б), 1-й секретарь ОК и ГК ВКП(б) А. А. Жданов (председатель), секретарь ГК ВКП(б) А. А. Кузнецов, секретарь ОК ВКП(б) Т. Ф. Штыков, председатель исполкома областного Совета депутатов трудящихся Н. В. Соловьев, председатель исполкома городского Совета депутатов трудящихся – П. С. Попков. После отбытия Т. Ф. Штыкова на Северо-Западный фронт его заменил секретарь обкома М. Н. Никитин. В августе 1941 г. в состав комиссии был включен секретарь ГК ВКП(б) Я. Ф. Капустин[3]. Рабочим аппаратом комиссии являлись секретари по промышленности и отраслевые отделы ОК и ГК ВКП(б).

Аналогично начали работу Советские «четверки»: облисполкома (председатель Н. В. Соловьев, его заместители: П. П. Еремеев, В. Е. Лебедев, секретарь исполкома К. Д. Белокурова) и горисполкома (председатель П. С. Попков, его заместитель Б. М. Мотылев, председатель Ленплана Н. А. Манаков, зав. торговым отделом И. А. Андреенко). Кроме того, действовала «тройка» ОК и ГК ВЛКСМ в составе секретарей В. Н. Иванова, И. О. Сечхина, И. С. Бучурина. Для решения

---

1 На защите Невской твердыни. С. 28–29; *Болдовский К. А.* Горком ВКП(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник С.-Петерб. ун-та. История. – 2016. – Вып. 2. С. 62, 66, 67.

2 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. С. 59; см. также Журнал посещений И. В. Сталина в его кремлевском кабинете // *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет обороны постановляет… (1941– 1945). Цифры, документы – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 263. Первая публикация см. Из тетради записи лиц, принятых И. В. Сталиным 21–28 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. – 1990. – №6. С. 217.

3 См. также *Комаров Н. Я.* Феномен блокадного Ленинграда. С. 26.

важных вопросов выделялись уполномоченные, наделенные чрезвычайными полномочиями[1].

Опубликованы пять протоколов заседаний «Большой пятерки» или «Руководящей комиссии» за период с 1 по 10 июля по 1941 г. под председательством А. А. Жданова. Основные вопросы, которые решались комиссией: производство артиллерийского, стрелкового, танкового и прочих вооружений, организация армии добровольцев, партизанских отрядов и диверсионных, подпольных, групп (пр. №1 от 1 июля1941), эвакуация населения из Эстонской и Карело-Финской ССР, организация работы заведующих отделами и секретарей ГК ВКП(б) (пр. №2 от 3 июля 1941 г.), формирование Ленинградской армии народного ополчения (ЛАНО), перестройка работы РК ВКП(б) (пр. №3 от 4 июля 1941 г.)[2].

Руководящей комиссией было принято решение о сокращении штатов райкомов ВКП(б), сосредоточении их внимания на решении задач: организации народного ополчения, оборонительного строительства, организации и укрепления МПВО, организации трудовой повинности на оборонных работах, помощь и контроль за работой оборонных предприятий и предприятий, перешедших на мобилизационный план, организации агитационно-пропагандистской работы и эвакуации населения (пр. №3 от 4 июля 1941 г.). При этом решения принимались тройкой во главе с 1-м секретарем райкома от имени бюро РК или райисполкома. По текущим вопросам создавались узкие комиссии, решения которых имели силу решений исполкомов. На выполнение данного постановления отводилось 24 часа[3]. Таким образом, районная партийная власть получила чрезвычайное право заменять собой, в соответствии с обстоятельствами, районную Советскую власть. Соответственно сокращались штаты отделов и контор райисполкомов.

Обращает внимание то, что замена районной Советской власти партийной вряд ли могла быть эффективной, так как в Советских органах исполнительной власти, как правило, работали профессионально подготовленные люди, в то время как в партийных органах власти ценились люди, лично преданные идейным вождям, но часто не имевшие профессиональной подготовки. Кроме того, такая замена ограничивала функциональные возможности Ленгорисполкома.

В дальнейшем это усугубило катастрофическую ситуацию с нехваткой средств на выплаты заработной платы рабочим ленинградских промышленных предприятий. 15 февраля 1942 г. председатель Ленгорисполкома П. С. Попков вынужден был обратиться к Н. А. Вознесенскому, заместителю Председателя СНК СССР, за разрешением выдать бланковые ссуды предприятиям для выплаты зарплаты за декабрь 1941 – январь 1942 гг., а наркоматам срочно перевести

1 На защите Невской твердыни. С. 56–57.
2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 26–33.
3 Там же. С. 31–32.

предприятиям необходимые средства, в дальнейшем отслеживая финансирование предприятий[1].

16 февраля 1942 г. бюро ГК ВКП(б) приняло постановление «Об извращениях в оплате рабочих, инженерно-технических работников и служащих на предприятиях г. Ленинграда, временно переведенных на консервацию». В постановлении была отражена точка зрения А. А. Кузнецова, требовавшего, чтобы работники предприятий, получая зарплату, отрабатывали ее, приходя на работу ежедневно и выполняя какие-либо задания. Кроме того, он настаивал на том, чтобы лишить дополнительных обедов рабочих горячих цехов, временно законсервированных[2]. К. А. Болдовский обратил внимание на внутренние разногласия, возникшие по этому вопросу между А. А. Ждановым, согласным с тем, что главное в сложившихся условиях поддержать людей, и А. А. Кузнецовым, настроенным максималистски[3].

Таким образом, сопоставляя уже известные исследователям документы горкома ВКП(б) по данному вопросу с неопубликованными документами Секретной части Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, можно предположить наличие конфликта между деятелями исполкома, защищавшего в данном случае гражданские права рабочих промышленных предприятий, и некоторыми членами бюро ГК ВКП(б), осуществлявшего политическое руководство. В этот период А. А. Кузнецов позволял себе не только критиковать руководителей Ленгорисполкома, но и прямо угрожать отдельным лицам репрессиями за «формальный подход к работе». Так, 9 марта 1942 г. такие обвинения были выдвинуты в адрес секретаря Исполнительного комитета Н. И. Пономарева[4]. При этом внутри самого ГК ВКП(б) проявились противоречия между умеренным А. А. Ждановым и максималистом А. А. Кузнецовым.

В то же время по основным вопросам для триумвирата Жданов – Кузнецов – Попков были характерны общий стиль руководства, взаимное уважение и поддержка, имевшиеся противоречия и конфликты не демонстрировались. Это проявлялось в обширной переписке Ленгорисполкома с горкомом ВКП(б) по разнообразным вопросам, а также в коллегиальном решении большинства важных вопросов[5]. К ключевым фигурам, принимавшим решения по важнейшим вопросам жизнедеятельности города, необходимо отнести также Я. Ф. Капустина. Трое из ленинградских руководителей представляли в период войны всесоюзные органы власти или управления, а также ЦК ВКП(б): А. А. Жданов – член Секретариата и Политбюро ЦК ВКП(б), П. С. Попков – член Совета по эвакуации при СНК СССР, Я. Ф. Капустин – уполномоченный ГКО по эвакуации

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 49. Л. 29, 35–41.
2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 562–564.
3 *Болдовский К. А.* Указ. соч. С. 69,70.
4 Там же. С. 65.
5 См. например: ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 4 (Переписка с горкомом и обкомом ВКП(б). Том II (8 мая – 12 декабря 1941)). Л.211.

предприятий Ленинграда.

Насколько эффективна была работа комиссий? Сохранившиеся протоколы заседаний ГК ВКП(б), в том числе комиссий, позволяют судить о том, что они способствовали быстрому распределению хозяйственных и людских ресурсов. Хотя в ряде случаев встречались жалобы на то, что работа комиссии под руководством секретаря ГК ВКП(б) усложняла работу (как тройка по МПВО, по мнению Е. С. Лагуткина)[1].

По оценке А. Н. Чистикова, создание руководящих комиссий было связано с поиском форм местного управления, позволявших объединить деятельность военного, идеологического и гражданского руководства, в чрезвычайных обстоятельствах[2].

Н. Д. Шумилов отмечал, что руководящие комиссии существовали до блокады, когда их функции перешли к Военному Совету Ленинградского фронта[3]. В то же время исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся прибегал к созданию как временных, так и постоянно действующих комиссий. Действовала штатная Плановая комиссия Ленгорисполкома во главе с Н. А. Манаковым. 2 июля 1941 г., в соответствии с указанием ГК ВКП(б) была создана комиссия для разрешения текущих хозяйственных вопросов, с 6 июля 1941 г. такие комиссии стали действовать при райисполкомах. В 1943 г. работали девять постоянных комиссий: бюджетная, по коммунальному хозяйству, жилищно-строительная, по местной промышленности, по здравоохранению, топливно-энергетическая, по торговле, по городскому транспорту и по школе, в состав которых входили 32 депутата горсовета[4].

Военный Совет Ленфронта также прибегал к созданию комиссий, в число которых входили ответственные работники, не являвшиеся его членами, когда речь шла о правах гражданского населения. Наиболее известна Продовольственная комиссия в составе: А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, Н. В. Соловьева, Д. В. Павлова, И. А. Андреенко и др., которая действовала с 15 января 1942 г. по 30 декабря 1943 г.[5] Из содержания постановления Военного Совета Ленфронта от 11 января 1942 г. № 00551, подписанным Хозиным, Ждановым, Кузнецовым и Соловьевым, следует, что ранее решения по увеличению норм продовольствия принимались помимо Военного Совета исполкомом Ленгорсовета и горкомом ВКП(б). В связи с этим была создана Продовольственная

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 67. Л. 43, 66.

2 *Чистиков А. Н.* Чрезвычайные органы управления Ленинградом летом 1941 г. // Петербургский исторический журнал. – 2020. – №3. С.189–200.

3 *Шумилов Н. Д.* В дни блокады. С. 28.

4 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг. С. 8, 9; Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов. – СПб.: ЦГА СПб; Арт-Экспресс, 2018. С. 9.

5 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг. С. 352.

комиссия, в составе: членов Военного Совета: А. А. Кузнецова и Н. В. Соловьева, а также уполномоченного ГКО по снабжению продовольствием войск Ленинградского фронта и населения г. Ленинграда Д. В. Павлова и председателя Ленгорисполкома П. С. Попкова[1]. Заметим, что Д. В. Павлов присутствовал лишь на первом заседании комиссии. 27 января 1942 г. его сменил П. Г. Лазутин, секретарь ГК ВКП(б) по пищевой промышленности. Со 2 февраля 1942 г. в комиссию вошел И. А. Андреенко, заведующий отделом торговли Ленгорисполкома. Необходимо отметить, что уже сложившаяся практика продолжала оказывать влияние на работу комиссии, постановления которой порой зависели от согласования решений внутри триумвирата Жданов-Кузнецов-Попков. К такому выводу можно прийти, анализируя резолюции, накладываемые на подготовительных материалах. Так, негативная оценка Ждановым могла затормозить принятие решения комиссией, а его позитивная резолюция означала одобрение прошения, хотя Жданова в составе комиссии никогда не было [2].

Для руководства агитационно-пропагандистской работой в начале войны была создана «тройка» в составе Н. Д. Шумилова и К. И. Домокуровой, секретарей ГК ВКП(б), а также П. В. Золотухина, редактора «Ленинградской правды». 10 июля 1941 г. в комиссию вошел И. Я. Фомиченко – редактор фронтовой газеты «На страже Родины»[3].

Высокую оценку деятельности постоянно действовавших узких комиссий при ГК ВКП(б): по агитационно-пропагандистской работе, по строительству укрепленной полосы, по рассмотрению и реализации оборонных предложений и других дает К. А. Болдовский, который отмечает, что они выполняли роль структурных звеньев при бюро ГК ВКП(б). Принятые ими решения утверждались без поправок на бюро горкома[4].

Значительное место в укреплении влияния горкома ВКП(б) играли первичные партийные организации, которые зачастую были инициаторами многих жизненно важных политических решений. С осени 1941 г. начали систематически проводиться партийные, комсомольские собрания, были проведены два пионерских слета, проходили производственные собрания, партийные и комсомольские городские активы, совещания. Каждый из ленинградцев, принимая участие в обсуждении, решении, проявляя инициативу, чувствовал себя активным участникам обороны города. Это способствовало сплочению людей, увеличивало их жизнестойкость. Важную роль в активизации ленинградцев сыграл институт политорганизаторов, введенный 22 июля 1941 г. в

1 Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть 1 (август 1941 г. – март 1942 г.). С. 316–318; См. также: Документ №101. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта о строгом соблюдении установленных лимитов расхода продовольствия // Ленинград в осаде. С. 221.

2 Ниже приводятся примеры такого взаимодействия, например, при решении вопроса дополнительного выделения жиров детдомам 6 мая 1942 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 40. Л. 14).

3 *Шумилов Н. Д.* В дни блокады. С.31.

4 *Болдовский К. А.* Указ. соч. С. 63, 65, 68, 69.

домохозяйствах из числа лучших членов ВКП(б), проживавших в них[1]. Деятельность политорганизаторов, как и депутатского корпуса Советов, носила ярко выраженный транслюсентный характер, сплачивая людей и, тем самым, способствуя предотвращению внутриполитического кризиса.

За период войны численность Ленинградской городской организации ВКП(б) резко сократилась, но удельный вес коммунистов, хоть и незначительно, вырос. Если 22 июня 1941 г. в городской партийной организации большевиков состояло 153 531 чел., в том числе 30 682 кандидата в члены ВКП(б), то к началу 1943 г. имелось 43 893 чел. коммунистов, в том числе 13 588 чел. кандидатов в члены партии. Чуть меньше половины членов партийных организаций составляли женщины[2]. Удельный же вес коммунистов по отношению ко всему ленинградскому населению составил в конце июня 1941 г. 4,8%, а в начале 1943 г. 5,6%[3].

Имелись ли привилегии у партийного и советского аппарата в годы войны в Ленинграде? Проблема продовольственного снабжения и обыденной жизни партийного и управленческого аппарата в Ленинграде продолжает занимать одно из центральных мест в литературе зарубежных авторов. Одним из характерных является миф об изобильном питании А. А. Жданова и других представителей ленинградской элиты. Многочисленные ссылки на публицистическую прозу, распространенную в 1989–1999 гг., находим в историко-биографической монографии К. Ботерблоема. Без тени скептицизма автор перечисляет все возможные версии: о пирожках, персиках, гамбургерах и банкетах. Надо отдать должное, что автор упоминает и о том, что одними из первых о рационе руководителей обороны писали журналисты Г. Солсбери, А. Верт, побывавшие в Ленинграде в 1941, 1942 гг. Так, Г. Солсбери, посетивший А. А. Жданова в 1941 г., писал о том, что тот, как и другие представители начальствующего состава армии и флота, имел военный рацион (хлеб, мясной или рыбный суп, немного каши, чай с сахаром). От такой диеты теряли в весе, но никто из руководителей обороны не пострадал от дистрофии[4].

Было ли элитным снабжение продовольствием управленческого аппарата г. Ленинграда в 1941–1942 гг.? 10 ноября 1941 г. решением Ленгорисполкома был составлен список закрытых столовых с особым обеспечением[5]. М. В. Ходяков отмечал, что на основании решения Ленгорисполкома (от 17 декабря 1941 г. №885/с) только 18 декабря 1941 г. А. И. Фельдман, начальник Главного

1 *Базовский В. Н., Шумилов Н. Д.* Самое дорогое. Документальное повествование об А. А. Кузнецове. С. 69.
2 На защите Невской твердыни. С. 497, 507–508.
3 Подсчитано мной на основе имеющихся демографических данных. Численность населения на 22 июня 1941 г. взята 3 212 554 чел. (Результат, полученный в данном исследовании). Число на 5 октября 1942 г. взято 790 024, по данным Горстатуправления о составе населения Ленинграда по полу и возрасту по материалам перерегистрации паспортов, проведенной с 8 июля по 25 августа 1942 г. (Ленинград в осаде. С. 313).
4 Цит. по *Boterbloem K.* The life and times of Andrei Zhdanov: 1896–1948. – Montreal, 2004. P. 239–241.
5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 212.

управления ленинградских столовых, ресторанов и кафе (Ленглавресторан), разослал указание директорам трестов столовых города: выдавать без продовольственных карточек ужин секретарям райкомов ВКП(б), их заместителям, председателям райисполкомов советов депутатов трудящихся [д.т.], из расчета 3 рубля на человека. Лимит питающихся работников райкомов и райисполкомов устанавливался в 10 человек[1].

Необходимо уточнить, что имеются достоверные сведения о снабжении продовольствием работников управленческого аппарата Смольного через специальную столовую №59. Протоколом от 19 марта 1942 г. №8 Продовольственной комиссии Ленфронта, п. 3 было принято решение об открытии с 25 марта 1942 г. дополнительно столовой в бывшем ресторане Северный для работников отделов и управлений Ленгорисполкома (400 чел.) и Леноблисполкома (100 чел.) по персональным спискам без погашения талонов, за исключением хлеба и мяса, по нормам принятым в столовой №59, в соответствии с решением суженного заседания (С.З.) Ленгорисполкома. С 23 марта 1942 г. в столовых райсоветов для работников аппарата райкомов ВКП(б) и райсоветов отпуск питания осуществлялся без погашения талонов из карточек, за исключением хлеба и мяса. По хлебу погашалось 100% и по мясу 50%. С 25 марта 1942 г. специальная столовая открывалась и для ответственных работников ЦК и ОК профсоюзов в количестве 250 чел. на тех же условиях[2]. Таким образом, получить какие-то благоприятные условия по организации питания работники аппарата райкомов ВКП(б), исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся и профсоюзных организаций смогли только в конце марта 1942 г., когда было налажено обеспечение продовольствием населения города в целом. В то же время у нас нет данных о каких-либо продовольственных привилегиях в этот период депутатского корпуса районных советов.

М. В. Ходяков называет также некоторые спецстоловые для сотрудников райисполкомов, партийного актива и членов райкомов ВКП(б), работавшие осенью 1942 г. Столовые: №18, находившаяся по адресу ул. Чайковского, 45 (прикреплены 476 человек с «магазинными» карточками, 26 со «столовыми», 100 человек с льготными нормами); №19 по адресу ул. Гагаринская, 3 (прикреплены 300 человек «партактива»); №8 по адресу ул. Чайковского, 17 (321 сотрудник райкома ВКП(б), 150 чел. – по льготным нормам). Нормы «льготных обедов», без погашения продовольственных карточек, в этот период, то есть когда была завершена массовая эвакуация основной

1 *Ходяков М. В.* «Литерный откорм процветает баснословно»: продовольственные привилегии в блокированном Ленинграде. 1941 – 1943 гг. // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.). Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / С. Н. Полторак (общ. ред.), И. А. Тропов (отв. ред.), А. В. Зотова, С. Н. Рудник, А. М. Иорданская, С. В. Степанов. – СПб.: Полторак, 2018. С. 212; *Гаврилова О. А.* Организация общественного питания в блокадном Ленинграде // Битва за Ленинград 1941 – 1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. С. 156.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 20. Л. 2, 3, 13, 14, 25, 42.

части населения: крупа – 40 г, мясо – 30 г, жиров – 7 г, сахара – 10 г[1].

Одна из проблем, поднимаемых в исторической литературе: «блокадные банкеты»[2], которые начали проводиться осенью 1942 г., вслед за Постановлением СНК СССР от 18 октября 1942 г. №1709, предполагавшим первоочередное снабжение передовых рабочих. В этот период формирование неприкосновенных резервов продовольствия было закончено. Решения о проведении таких званных ужинов и обедов принимались Продовольственной комиссией Ленфронта по заявкам ответственных лиц. Так, в октябре 1942 г. были приняты постановления о проведении ужинов и обедов выпускников 10-х классов 1941/1942 уч. года; выпускников II Медицинского института; выпускников педиатрического мединститута (ЛГПМИ); в честь награжденных Правительственными наградами строителей объекта №46; в честь особо отличившихся в социалистическом соревновании по подготовке к зиме 1942 – 1943 гг. жилого фонда; в связи с 20-летием шефства комсомола над Военно-Морским флотом. Званный обед на 400 чел. был устроен на хозяйственном активе в связи с присуждением СНК РСФСР и ВЦСПС предприятиям местной промышленности и промкооперации Ленинграда 1-ой и 2-ой республиканских премий по итогам соцсоревнования за август и сентябрь 1942 г.[3] Банкеты на несколько сот человек предполагали хороший обед из трех блюд и, как правило, алкогольные напитки, лимонад. Так, для праздника выпускников 10-х классов средней школы постановлением Продовольственной комиссии Ленфронта было выделено: 100 кг белого и черного хлеба, 200 кг мяса, 30 кг сливочного масла, 100 кг муки, 600 шт. яиц, 35 кг сахара, 85 кг риса[4]. Если учесть, что выпускников в 1941–1942 уч. г. было чуть больше 500 человек, получается около 400 г мяса, 60 г масла на человека [подсчитано мной – Л.Г.]. 5 октября 1942 г. к П. Г. Лазутину обратился уполномоченный Наркомата связи с просьбой выделить продукты для банкета на 250 человек, награжденных Правительственными наградами и ценными подарками Военного Совета Ленфронта и приглашенных участников строительства объекта №46. Ассортимент продуктов включал: 100 кг белого хлеба, 70 кг мяса, 35 кг масла, 35 кг сельдей, 17 кг икры, 100 литров красного вина и водки и пр. Постановлением Продовольственной комиссии было разрешено организовать обед из 3-х блюд на 250 человек, без указания ассортимента продуктов, а также выделить 40 литров водки и вина[5]. Для выпускников II Медицинского института ассортимент продуктов был указан на 300 человек: 54 кг мяса, 30 кг сельди, 12 кг

1 *Ходяков М. В.* «Литерный откорм процветает баснословно»: продовольственные привилегии в блокированном Ленинграде. 1941 – 1943 гг. // Государство, общество .... С. 213.

2 *Гаврилова О. А.* «Блокадные банкеты»: к истории нормированного снабжения Ленинграда в 1942 г. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2015. – №21. С. 415 – 420.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 39. Л. 19, 27, 28, 38–44.

4 Там же. Л. 19. Проект постановления был подписан А. А. Кузнецовым и П. Г. Лазутиным, без даты.

5 Там же. Л. 27, 28.

колбасы, 12 кг сыра и пр.[1] В конце 1942 г. для торжественного ужина в связи с 20-летием шефства комсомола над военно-Морским Флотом на основании распоряжения Андреенко выделялось: 7,5 кг икры, 12 кг сельдей, 96 бутылок вина и водки, 7,2 кг сливочного масла и др.[2]

Специальным распоряжением от 25 декабря 1942 г. И. А. Андреенко под страхом уголовной ответственности категорически воспретил заведующим райторгами, директорам трестов общественного питания и др. отпуск продовольственных товаров на новогодние банкеты по письмам предприятий и учреждений[3]. Однако речь шла скорее о самовольных письмах без резолюции Продовольственной комиссии, потому что практика праздничных банкетов в городе продолжилась. Так, к 8 марта 1943 г. – Международному коммунистическому женскому дню [так в документе - ЛГ] было разрешено выдать райисполкомам для поощрения после Торжественных собраний из расчета 300 человек на район следующие продукты по норме на одного человека: 100 г сельди, 100 г картофеля, 50 г капусты, 25 г муки, 8 г масла растительного, 8 г уксуса, 100 г мясных консервов, 10 г масла животного, 15 г сахара-кондитерских изделий, 15 г варенья, 200 г хлеба, 12 г лука, 50 г пшеничной водки, 100 г виноградного вина[4].

Следует согласиться с оценкой М. В. Ходякова, что деление населения на «сытых» и «голодных» «носило продуманный характер», выделяя группы населения, которые активно способствовали работе на нужды фронта, а также должны были занять видное место в структуре городского населения после окончания войны, ссылаясь на значительные группы руководителей производства, работников Ленэнерго, ученых, которые к этому времени входили в группу «сытых»[5]. Необходимо также указать, что к числу «привилегированных» относились передовики производства, победители соцсоревнования, выпускники средних школ и вузов.

Однако порой можно заметить волюнтаристский подход к выделению групп «нужных» людей. Иной раз помощь явно запаздывала, как в случае с единовременной продажей продуктов академикам и членам-корреспондентам АН СССР 26 декабря 1941 г.[6]

О характере снабжения лидера ОК и ГК ВКП(б) Ленинграда А. А. Жданова много писал В. А. Кутузов, указывая на личную скромность Жданова в быту[7]. В то же время, в обвинительном

---

1 Там же. Л. 38–40.
2 Там же. Л. 43; *Гаврилова О. А.* Указ. соч. С. 415–420.
3 *Гаврилова О. А.* Указ. соч. С. 417.
4 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 69. Л. 17.
5 *Ходяков М. В.* Указ. соч. С. 215.
6 Документ №98. Справка горисполкома о мерах продовольственной помощи академикам и членам-корреспондентам АН СССР // Ленинград в осаде. С. 209.
7 *Кутузов В. А.* «В личном плане поведение А. А. Жданова во время блокады было вполне достойным», Ф. Е. Михеев // Ленинградская битва сквозь призму времени. Материалы научной конференции и «круглого стола», состоявшихся в музее в 2011 г. / Ред.-сост. *Л. А. Наливкин*; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – СПб., 2011. С. 64–67.

приговоре по «Ленинградскому делу» в адрес А. А. Кузнецова, Я. Ф. Капустина, П. С. Попкова и Н. В. Соловьева прозвучало то, что дважды: летом и в сентябре 1942 г., они посылали продовольствие для своих эвакуированных семей в Челябинск и Троицк из Ленинграда в количестве пяти 5-тонных машин и нескольких вагонов. Данный факт стал основой обвинения во вредительско-подрывной работе в партии: навязывании ленинградской организации в качестве руководителей пьяниц и воров. Однако, К. А. Болдовский и Д. Бранденбергер отмечают, что прямых обвинений в имущественных, коррупционных преступлениях не предъявлялось, и доказательств, помимо свидетельских показаний, представлено не было. По их мнению, сами факты были «передернуты» и преувеличены. Об этом свидетельствует и полная посмертная реабилитация обвиняемых[1]. Можно добавить, что отправка из Ленинграда детям в эвакуацию целых эшелонов самого необходимого: учебников, тетрадей, материала для пошива одежды, а также родительских посылок теплых вещей и продуктов, осуществлялась Ленинградским городским и районными отделами народного образования систематически в 1941, 1942 и 1943 гг. В 1943 г. только одним эшелоном было отправлено 18 тысяч посылок[2].

Необходимо подчеркнуть, что бытовая скромность являлась важной составляющей менталитета большевиков. Хотя в ряде случаев можно было заметить ее эволюцию в маску, прикрывающую имевшиеся привилегии управленческого аппарата. В то же время даже незначительные злоупотребления своим служебным положением и излишества в данной среде, как правило, имели трагические последствия.

Поводя итоги вышесказанного, можно сказать, что, хотя Военному Совету Ленинградского фронта (ранее Северного) были переданы все полномочия органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности, но задачи охраны личных и имущественных прав граждан, наряду с руководством хозяйственным и культурным строительством, формированием бюджета, сохранялись за Советскими органами государственной власти, в отношении которых осуществлялся политический контроль со стороны органов ВКП(б). Это предполагало тесное взаимодействие местных органов Советской власти, Военного Совета Ленинградского фронта, а также обкома и горкома ВКП(б), в то же время порождая определенные сложности и противоречия.

Вероятно, следует считать ошибкой, что сессии Ленинградских областного и городского Совета депутатов трудящихся не созывались в период войны, так как это привело к замене

1 *Болдовский К. А., Бранденбергер Д.* Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, №4. С. 1012, 1013, 1021.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 11. Л. 17.

демократических институтов государственной власти в масштабах города бюрократическим аппаратом. Это усилило влияние стиля руководства политических лидеров на политическую повседневность внутри осажденного города. Следует заметить, что в условиях военного напряжения этот стиль был противоречивым, сочетая авторитарные и демократические черты.

Демократический характер низовых звеньев управления позволял сгладить указанные противоречия, так как по этому каналу шла ретрансляция основных ценностей советской социалистической идеологии. Особенно следует отметить важность работы лично каждого депутата районных и городских Советов, направленную на спасение населения Ленинграда в 1942–1943 гг., а также деятельность первичных партийных организаций и политорганизаторов, способствовавших разрешению конфликтных ситуаций.

Отметим, что ленинградским руководством даже в период самых трудных, ожесточенных боев и в смертное время не ставились преступные задачи: сдачи Ленинграда врагу, оставления населения без помощи.

3.4. Деятельность правоохранительных органов власти в Ленинграде по охране личных и имущественных прав граждан в 1941–1944 годах

Вопросы спасения гражданского населения Ленинграда неразрывно связаны с деятельностью Управления Наркомата внутренних дел по Ленинграду и Ленинградской области (далее УНКВД по Ленинграду и ЛО), которая была направлена на реализацию задач, стоявших перед СНК СССР и РСФСР: принятие мер по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и охране прав граждан (Конституция СССР. Ст. 68, п. в; Конституция РСФСР. Ст. 45, п. г). В соответствии с Конституцией СССР (Ст. 97), Советы депутатов трудящихся руководили деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивавших охрану государственного порядка, соблюдение законов и охрану прав граждан[1].

К началу войны в Главное Управление Наркомата внутренних дел СССР по г. Ленинграду и Ленинградской области (ГУ НКВД по Ленинграду и ЛО) входили: Управление Ленинградской городской милиции (УЛГМ), Управление пожарной охраны (УПО), Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК), Местная противовоздушная оборона (МПВО), Финансово-хозяйственный отдел (ФИНО), а также войска НКВД, размещенные в пределах

1 СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР. С. 12, 17; РСФСР. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики с изменениями и дополнениями, принятыми Верховным Советом РСФСР 16 июля 1938г., 29 июля 1939 г., 2 июня 1940 г. и 5 апреля 1941 г. С. 11.

Ленинградского военного округа (ЛВО)[1]. В течение войны структура НКВД неоднократно менялась в соответствии с расширением задач, что влияло и на деятельность ГУ НКВД по Ленинграду и ЛО[2].

Законом СССР «О всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 г. войска НКВД были включены в состав Вооруженных Сил, вследствие этого выполнение ими охранительных функций подчинялось войсковым уставам.

Специфические охранительные задачи войсками НКВД выполнялись с начала обороны Ленинграда в условиях двух чрезвычайных режимных зон: прифронтовой полосы и тыла армии. В своем исследовании А. А. Дерюгин напрямую связал эти режимные зоны с понятием «города-фронта», возникшим в условиях блокады. Борьба за безопасность населения в этих зонах, в связи с военной необходимостью, включала: принудительное выселение населения из прифронтовой полосы, ликвидацию населенных пунктов в данной зоне; и введение пропускного режима в зоне войскового тыла: 50-километровой зоне за прифронтовой полосой[3].

На основе «Положения о войсках НКВД, охраняющих тыл действующей Красной Армии» от 28 апреля 1942 г., Военным Советом Ленфронта 13 октября 1942 г. было утверждено «Положение о режиме в тылу войск Ленинградского фронта». Территория тыла фронта делилась на три зоны: прифронтовую, тыловую и зону г. Ленинграда. Из прифронтовой зоны выселялись граждане 29 населенных пунктов (всего 4 218 чел.) [4].

Задачи, которые возникли в связи с этим уже в 1941 г.: эвакуация населения, создание временных эвакопунктов и дальнейшее размещение населения в жилых помещениях, сохранение вынужденно оставленного имущества при эвакуации от мародеров, а также поддержание жесткого пропускного режима, осуществлялись совместно войсками НКВД и милицией. Уже 20 июня 1941 г. был издан приказ НКВД СССР «Об усилении работы органов милиции по поддержанию

---

1 *Гутман М. Ю., Панфилец А. В.* Правовое регулирование и деятельность милиции Ленинграда по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в условиях блокады (1941–1944 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – №1. С. 28.

2 Подробнее: *Емелин С. М.* Органы внутренних дел в 1939–1953 годы: эволюция статуса, правовых основ, организации и деятельности по материалам Южного Урала. Автореферат дисс. на соиск. ст. д.ю.н. – Москва, 2009. С. 18–19.

3 Директива НКВД СССР и НКГБ СССР от 4 июля 1941 г. №238/181 «О мероприятиях по выселению социально-опасных элементов с территории, объявленной на военном положении», постановление Военного Совета Ленфронта от 26 августа 1941 г. «Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов Ленинградской области». Приказ НКО СССР от 17 ноября 1941 г. №0428 «Об уничтожении населенных пунктов в прифронтовой полосе» (по *Дерюгин А. А.* Служебно-боевая деятельность войск НКВД в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.): историко-правовой аспект. Автореф. ... к.и.н. – СПб., 2011. С. 15, 17).

4 Передвижение гражданских лиц в тылу фронта регулировалось пропусками, выданными Управлением войск НКВД ОТ ЛФ. Для патрулирования в городе была выделена рота в 150 чел. (по Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть II (апрель – декабрь 1942 г.). С. 532, 533).

паспортного режима». Милиция была обязана удалять из Ленинграда тех, кто свыше трех месяцев не занимался общественно полезным трудом, прежде всего, уголовно-преступный элемент. Однако на 5 декабря 1941 г. в городе оставалось 1514 человек, стоявших на учете в Управлении Ленинградской городской милиции, подлежавших выселению[1].

Указом Президиума ВС СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 органы внутренних дел г. Ленинграда были подчинены Военному Совету Северного фронта[2]. С начала войны на военное положение была переведена охрана лагерей и колоний[3].

Несмотря на необходимость срочного решения указанных задач, изменения в системе управления НКВД начались уже в ходе войны. Так, функции охраны тыла РККА на НКВД со стороны СНК СССР были возложены только 25 июня 1941 г.[4]

15 ноября 1941 г. постановлением Военного Совета Ленинградского фронта было создано Управление внутренней обороны города (ВОГ). С декабря 1941 г. ВОГ были приданы подразделения УНКВД, в том числе милицейские и пожарные части. К весне 1942 г. ВОГ подчинялись воинские части Ленинградского гарнизона, внутренние и пограничные войска НКВД СССР, дислоцированные в городе, формирования милиции, пожарной охраны, рабочие формирования в числе пяти бригад (истребительные батальоны), личный состав береговой обороны КБФ, а также зенитная артиллерия, оперативно подчиненные учебно-военные заведения. К октябрю 1942 г. их число составляло 36 833 чел.[5]

16 апреля 1942 г. должностным лицам НКВД, выполнявшим обязанности начальников участков внутренней обороны города, были предоставлены чрезвычайные полномочия, согласно приказу Управления Внутренней обороны города (ВОГ) «О назначениях и мероприятиях по противодесантной обороне внутри Ленинграда».

В связи с усилением бандитизма 25 ноября 1942 г. было принято постановление Военного Совета Ленфронта об исключительных мерах в борьбе с бандитизмом в Ленинграде[6]. Как

---

1 В их числе были лица, освобожденные из тюрем и прибывшие без права на прописку (по *Панфилец А. В.* Органы и войска НКВД на Северо-Западе СССР в годы Великой Отечественной войны. С. 129–130).

2 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №26 (7 июля). С. 1-5.

3 *Исаков В. М., Мельник Е. В.* НКВД и милиция Советского государства в условиях военного и послевоенного времени (1941–1950 гг.) // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – №9. С. 16.

4 Было образовано Главное Управление войск по охране тыла действующей Красной Армии. Начальник войск НКВД охраны тыла Северного фронта генерал-лейтенант Г. А. Степанов подчинялся Военному Совету фронта. 26 июня 1941 г. Военным Советом фронта на него были возложены обязанности начальника гарнизона. На 1 июня 1942 г. общая численность войск НКВД охраны тыла Ленинградского фронта составила 12 498 чел., причем 40% из них были запасниками. (по *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. С. 59).

5 «Город Ленинград, оказавшись в блокаде, стал городом-фронтом» // Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019. С. 58–59; *Белозеров Б. П.* Внутренняя оборона – чрезвычайное вооруженное формирование блокадного Ленинграда // Рабочий класс и интеллигенция России на рубеже веков: XIX–XX и XX–XXI вв. Связь времен. С. 168–169.

6 Против Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов действовали два шпионско-диверсионных органа (в

бандитизм квалифицировались убийство и покушение на убийство с целью похищения продовольственных карточек и продовольствия, хищение имущества эвакуированных граждан и военнослужащих[1].

Несмотря на принятые меры бандитизм сохранялся весь период блокады. Вопрос этот неоднократно поднимался на партийных собраниях первичной организации ВКП(б) УНКВД ЛО. Так, 29 ноября 1943 г. секретарь парторганизации Лукьяненко докладывал об учащении случаев бандитизма. 28 декабря на закрытом собрании одной из причин продолжающихся убийств с грабежами называлась недостаточная связь сотрудников отдела по борьбе с бандитизмом (ОББ) УНКВД, осуществлявших оперативно-агентурную работу, с районными отделениями[2].

Таким образом, правовой режим обеспечения внутренней безопасности Ленинграда определялся постановлениями ГКО, Военного совета Северного (с 23 августа 1941 г. Ленинградского) фронта и приказами Управления ВОГ (с ноября 1941 г.)[3]. В то же время для войск НКВД сохраняли свое значение приказы по НКВД СССР и РСФСР.

В соответствии с Постановлением СНК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» началось формирование истребительных батальонов в Ленинграде и Ленинградской области[4]. Войска и органы НКВД СССР стали основой массового партизанского движения, осуществляя разведывательно-диверсионную службу, действуя согласно «Положению о законах и обычаях сухопутной войны»[5].

Важное значение в работе УНКВД имел приказ НКВД СССР от 15 мая 1943 г. №00856 об организации отделов контрразведки, в задачи которых входила борьба со шпионами, диверсантами и контрреволюционерами в войсках НКВД. 5 августа 1943 г. на открытом партсобрании первичной организации ВКП(б) отдела контрразведки УНКВД ЛО докладывалось о необходимости

Риге и Таллинне), три абверкоманды в Пскове, 11 абвергрупп, 14 разведывательных и диверсионных школ. В Пскове действовали пять разведшкол Абвера. Только с 15 октября по 1 декабря 1941 г. в Ленинграде были выловлены 100 групп, в составе 487 чел., занимавшихся разбойными нападениями на горожан, грабежами, мародерством и спекуляцией (по *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. С. 93, 106–107; *Дерюгин А. А.* Указ. соч. С. 19–20).

1 Документ №195. Из справки о работе прокуратуры Ленинграда по борьбе с преступностью и нарушениями законности с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1943 г. // Ленинград в осаде. С. 454.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-5034. Оп. 1. Д. 14. Л. 44, 48.

3 *Дерюгин А. А.* Указ. соч. С. 19.

4 Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении постановления СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». 24 июня 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. – М.: Кучково поле, 2013. С. 757–758. Руководство этими мероприятиями осуществляла оперативная группа во главе с зам. начальника УНКГБ ст. майором госбезопасности С. И. Огольцовым. Всего имелось 170 истребительных батальонов общей численностью 41 347 чел. Из них в Ленинграде и пригородах – 91 батальон, численностью 24 180 чел. (по *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. С. 56, 57).

5 *Дерюгин А. А.* Указ. соч. С. 22.

такой работы в связи с имевшей место диверсией в 4-м инженерно-химическом полку[1].

Непосредственно в обороне города принимали участие 1, 2 (позднее 23), 20, 21, стрелковые дивизии НКВД. На 2 дивизию НКВД по охране железных дорог в 1941 г. была возложена охрана продовольствия, перевозимого и находившегося на складах в Ленинграде в 1941 г. С 11 февраля 1942 г. она была расформирована, вместо нее была сформирована 23 дивизия НКВД по охране железных дорог, которая охраняла грузы, перевозимые по «Дороге жизни»[2]. В транспортировке грузов через «Дорогу жизни», в деятельности МПВО, в строительстве оборонительных сооружений участвовал Ленинградский отдельный Краснознаменный имени Ленсовета инженерно-противохимический полк войск МПВО НКВД СССР[3]. Кроме того, ведомственные войска НКВД охраняли правительственные учреждения, оборонные предприятия.

31 августа 1941 г. – октябре 1941 г. из личного состава милиции были созданы 15 батальонов строевых милицейских частей, сведенные в стрелковую дивизию в октябре 1941 г., одновременно продолжая нести службу по своим штатным должностям[4].

Войска НКВД опирались на поддержку общественных организаций. В соответствии с Решением ЦК ВЛКСМ от 9 апреля 1942 г. «Об участии комсомольских организаций в охране городов, населенных пунктов, железнодорожных станций, обороне предприятий и военного имущества», в помощь войскам НКВД решением ГК ВЛКСМ от 27 апреля 1942 г. создавались без отрыва от производства комсомольско-молодежные отряды, которые должны были содействовать охране своих районов, железнодорожных узлов, портов, важных военных объектов[5].

Несмотря на активное участие тыловых частей НКВД в решении задач по защите государства и охране общественного порядка, их продовольственное снабжение осуществлялось по сниженным нормам (ок. 50-70% от норм 1-й линии фронта), что приводило к значительным потерям личного состава[6].

В то же время можно отметить относительно высокую дисциплину личного состава 23

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-5034. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

2 *Белозеров Б. П.* Указ. соч. С.74–78, 113; *Колпаков П. А.* Вторая дивизия войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений на защите Октябрьской, Ленинградской и Кировской железных дорог (июнь – август 1941 года) // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – Vol. 5, 3 (44). С. 49–52; *Дерюгин А. А.* Указ. соч. С. 20.

3 *Юркин Г. В.* Воины-динамовцы в борьбе за Ленинград (1941 – 1942 гг.) // Победа была за нами: Материалы научно-практической конференции / сост. *Л. А. Наливкин.* Государственный Мемориальный Музей Обороны и Блокады Ленинграда. – СПб., 2006. С. 17–26.

4 Приказ УНКВД Ленинграда №0103 «О формировании специальных строевых частей милиции» от 31 августа 1941 г.; приказ начальника УНКВД №00350 от 27 октября 1941 г. Дивизия подчинялась начальнику войск НКВД Ленинграда комбригу А. П. Курлыкину (по *Белозеров Б. П.* Внутренняя оборона – чрезвычайное вооруженное формирование блокадного Ленинграда .... С. 169–170).

5 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598^{К}. Оп. 3. Д. 20. Л. 25. (Протокол №40, п. 8 заседания объединенного бюро ОК и ГК ВЛКСМ).

6 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. С. 115–116.

дивизии НКВД по охране железных дорог, защищавших продовольствие в пути и на складах. Так, согласно статистическим отчетам военной прокуратуры 23 дивизии войск НКВД по охране железных дорог, за весь 1942 г. имелось 70 случаев хищений. Из них 45 – личным составом, 21 случай хищения из-под охраны и 1 – со склада части [личный состав дивизии в этот период состоял из 9 291 чел., кроме того имелись 425 лошадей и 742 служебные собаки – Л.Г.]. Со склада была похищена соль, которую добавляли в мясо собакам. В докладе о проделанной работе в апреле – июле 1943 г. военный прокурор 23 дивизии, майор юстиции Ергин отмечал, что служба караулов и нарядов проверялась от случая к случаю, что позволяло уходить в самовольные отлучки, устанавливать связи с гражданским населением и расхищать продукты. Усиление контроля в 1943 г. привело к сокращению, а затем и прекращению таких случаев. За весь 1943 г. к уголовной ответственности за хищения были привлечены из личного состава 22 человека (15 за хищения на транспорте по закону от 7 августа 1932 г. и 9 за хищения со складов). С июля 1943 г. хищения продуктов личным составом сократились на 2/3 (до 9 случаев)[1].

О работе по поддержанию общественного порядка в Ленинграде свидетельствуют следующие данные: за период с 22 июня 1941 г. по 1 октября 1942 г. УНКВД ЛО было арестовано 9574 человека, в том числе 1246 шпионов, за этот же период милицией было арестовано и предано суду 22 166 человек, в том числе 940 чел. за бандитизм и разбой. 5360 чел. было расстреляно по приговорам военных трибуналов и народных судов. В соответствии с решением Военного Совета УНКВД ЛО было выселено из Ленинграда и пригородов 30 307 чел. уголовно-преступного элемента, а всего 128 748 чел., включая «социально-чуждый элемент», финнов и немцев[2].

На 1 июля 1943 г. по делам, рассмотренным военными трибуналами за период войны, было лишено свободы 12 468 чел., 456 было приговорено к исправительно-трудовым работам. К высшей мере наказания за этот период военными трибуналами было приговорено 2093 чел. По делам, расследованным следственными органами и рассмотренным народными судами за этот же период, было лишено свободы 25 314 человек, 6710 было приговорено к исправительно-трудовым работам. Всего за период с 1 июля 1941 по 1 июля 1943 г. было осуждено народными судами и трибуналами 95 251 чел. Из них 30,2% - 2-е полугодие 1941 г., 25,1% - за 1-е полугодие 1942 г., 28,2% - за 2-е полугодие 1942 г., 16,5% - за 1-е полугодие 1943 г.[3]

Таким образом, за указанный период было осуждено около 3% от количества населения, проживавшего в Ленинграде на 22 июня 1941 г. Из них 40 596 чел. или 42,6% были осуждены за

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-9263. Оп. 1. Д. 2. Л. 11, 23, 28, 32об, 36об; Д. 9. Л. 55, 64об, 125, 125об.

2 Документ №190. Справка начальника УНКВД ЛО в ГК ВКП(б) о числе арестованных, осужденных и высланных за время войны // Ленинград в осаде. С. 441–443.

3 Документ №195. Справка о работе прокуратуры Ленинграда по борьбе с преступностью и нарушениями законности с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1943 г. // Там же. С. 453, 458, 461.

самовольный уход с работы или прогулы, наименьшее количество из осужденных за нарушения трудовой дисциплины: 6139 чел. или 15% относятся к 1-ой пол. 1942 г.[1]

А. А. Дерюгин, анализируя основания и последствия введения правового осадного положения в Туле (26 октября 1941 г.), Крыму (29 октября 1941 г.), Сталинграде (25 августа 1942 г.), Москве (19 октября 1941 г.), отмечает, что только за 54 дня в Москве (с 20 октября по 13 декабря 1941 г.) военная комендатура задержала 121 955 чел. Из них 375 чел. было расстреляно по приговору военного трибунала, на месте расстреляно 15 человек[2].

Сравнивая эти показатели, можно сказать, что отсутствие правового установления осадного режима в Ленинграде имело специфические отличия: смягчало репрессивный характер власти и предполагало большее значение институтов гражданского управления и самодеятельности населения в обеспечении указанных задач.

Важное значение в деятельности НКВД имела охрана прав военнопленных и заключенных.

К началу войны в системе исправительно-трудовых лагерей и колоний, подчиненных УИТЛК УНКВД ЛО, а также напрямую ГУЛАГ НКВД СССР, работало не менее 89 тысяч человек[3]. 25 июня 1941 г. в местечке Красные Зори (Стрельна) был создан отдельный лагерный пункт (ОЛП) на 300 чел. для содержания интернированных граждан Германии, Финляндии, Италии и других государств, напавших на СССР. Позднее он был передислоцирован[4]. 12 июля 1941 г. Указом Президиума ВС СССР было объявлено досрочное освобождение заключенных, осужденных за бытовые и незначительные должностные преступления, в том числе военнослужащих, с передачей их в РККА. Данный указ не касался осужденных по ст. 58-й УК РСФСР[5]. К концу 1941 г. из тюрем Ленинграда и области было эвакуировано почти 19 тысяч заключенных, в том числе в более безопасные места Ленинградской области[6].

На 31 декабря 1941 г. в исправительно-трудовых лагерях и колониях Ленинградской области имелось 3 578 заключенных, в том числе 1740 чел. работали на лесозаготовках, 5-й ГЭС и оборонных заводах[7].

Военнопленные к концу 1945 г. на территории Ленинградской области содержались в 80

---

1 Там же. С. 453. [Процентное соотношение подсчитано мной – Л.Г.]

2 *Дерюгин А. А.* Указ. соч. С. 14.

3 *Иванов В. А., Резникова Л. В.* Учреждения пенитенциарной системы Ленинграда в 1941–1944 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады. С. 463 – 464. [Суммировано мной – Л.Г.]

4 Там же. С. 470.

5 В случае опасности побега или захвата немецкими войсками, следуя распоряжениям военного прокурора и руководства НКГБ, заключенные «контрреволюционеры» могли быть расстреляны. Трупы их захоранивались (по *Иванов В. А., Резникова Л. В.* Указ. соч. С. 467, 470).

6 Там же. С. 469–473.

7 Документ №175. Ходатайство УИТЛК УНКВД ЛО уполномоченному ГКО Д. В. Павлову об увеличении норм снабжения заключенным со сведениями об их работе на производстве // Ленинград в осаде. С. 413.

лагерных отделениях системы НКВД и 6 рабочих батальонах НКО. Фронтовые приемно-пересыльные лагеря №157 и 270 для лечения военнопленных с марта 1944 г. были прикреплены к госпиталям №3808 и 3810 на Ленинградском фронте. Несмотря на это за период войны смертность среди военнопленных и интернированных на территории Ленинградской области, по официальным данным, составила 7456 чел.[1]

Среди заключенных жителей Ленинграда также сохранялась высокая смертность. Так, по официальным данным, за второе полугодие 1941 г. умерло 1600 заключенных, за 1942 г. – 19 782 чел., за 1943 г. – 4796 чел.[2] В. А. Иванов и Л. В. Резникова указывают другое число: 1517 чел. только в декабре 1941 г.[3] По мнению Н. Ю. Черепениной, смертность среди заключенных требует уточнений в связи с особенностями ее учета[4].

Одной из важных причин смертности являлись низкие нормы питания заключенных: в Ленинграде они были несколько выше, чем в Ленинградской области, но и те, и другие были ниже норм, установленных приказом народного комиссара внутренних дел СССР от 11 апреля 1942 г. №182 для исправительно-трудовых лагерей и колоний. В связи с этим прокурором Ленинградской области М. Д. Балясниковым 13 октября 1942 г. было подано представление заместителю председателя Леноблисполкома В. Д. Семину с просьбой пересмотреть заниженные нормы питания заключенных тюрем и колоний Ленинградской области. В представлении приводились сравнительные данные по нормам питания заключенных[5]. В то же время по Ленинграду эти нормы соответствовали нормам, введенным постановлением ГКО для населения Ленинграда по категории служащих от 11 января 1942 г.[6] (Таблица 24).

Среди малоизученных документов протоколы партийных собраний первичных организаций УНКВД Ленинграда и ЛО. Важное место в 1943 г. в обеспечении продовольствием заключенных занимала работа в подсобных хозяйствах. На партийном собрании первичной организации ВКП(б) отдела тюрем УНКВД ЛО 22 ноября 1943 г. докладывалось, что с засеянных 28,23 га было собрано фактически 386,18 тонн овощей. Было заготовлено 272,76 тонн капусты, картофеля,

---

1 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. С. 117–122.

2 Документ №156. Сведения Городского статистического управления в ЦСУ РСФСР о числе заключенных жителей Ленинграда, умерших в 1941–1943 гг. // Ленинград в осаде. С. 349.

3 *Иванов В. А., Резникова Л. В.* Указ. соч. С. 472.

4 *Черепенина Н. Ю.* Демографическая катастрофа блокированного Ленинграда // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект: Материалы международной научной конференции / редкол. Дж. Д. Барбер, А. Р. Дзенискевич (отв. ред.), И. М. Козлов, Н. Ю. Черепенина. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2001. С. 13.

5 Документ №117. Представление прокурора области заместителю председателя Леноблисполкома В. Д. Семину с указанием на незаконность действий Леноблсовета и просьбой пересмотреть заниженные нормы питания заключенных тюрем и колоний Ленинградской области // Ленинград в осаде. С. 243–244.

6 «Государственный Комитет Обороны постановляет…». Директивные документы ГКО СССР по обеспечению жизнедеятельности Ленинграда. 1941–1945 гг. (Е. Е. Кириллова, В. Н. Шепелев) // Исторический архив. – 2003. – №2. С. 141.

ботвы корнеплодов. Данные заготовки обеспечивали на 8 месяцев 593 чел. сотрудников тюрем и 1770 заключенных[1].

На партсобраниях обсуждались вопросы защиты прав заключенных. Так, отмечалось, что заключенные, работавшие на оборонных заводах, делали рационализаторские предложения, однако они не всегда рассматривались. Авторы в качестве поощрения получали 3-4 конфеты или 20-30 г табака. Учета предложений не велось. За пять месяцев 1943 г. (с июля по ноябрь) поступило 48 рацпредложений, не рассмотренных Бюро рационализации и изобретений (БРИЗ). В то же время ценные рацпредложения заключенных внедрялись на 209 заводе. На партсобрании первичной парторганизации УИТЛК 8 декабря 1943 г. поднимался вопрос о премировании рабочих[2].

Особое место в защите личных и имущественных прав граждан в условиях обороны и блокады Ленинграда занимала деятельность судебных органов и прокуратуры. Судебные органы и прокуратура, согласно Конституции СССР, были независимы[3]. В то же время работа прокуратуры осуществлялась при содействии местных органов Советской власти. В связи с этим значительная часть документов, свидетельствующих об участии прокурорского надзора в охране прав гражданского населения Ленинграда, осела в Секретной части Ленгорисполкома.

Военные условия внесли существенные поправки в порядок работы судебных органов и прокуратуры. С началом войны деятельность военных трибуналов расширилась, в соответствии с Указами Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» и «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий»[4].

Приказом НКЮ РСФСР от 24 июля 1941 г. №25/СЛ прекращались все уголовные дела на лиц, призванных по мобилизации, совершенные ими ранее, если санкция предполагала исправительно-трудовые работы и более мягкие меры наказания, остальные дела приостанавливались[5].

Наряду с этим, постановление ГКО от 17 ноября 1941 г. №903сс предоставило Особому совещанию НКВД СССР права назначать меры наказания по делам о контрреволюционных и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР вплоть до расстрела

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-5034. Оп. 1. Д. 27. Л. 38, 44.

2 Там же. Д. 15. Л. 87, 87об, 88.

3 Надзор за деятельностью всех судов СССР и союзных республик осуществлялся Верховным Судом СССР – высшим судебным органом. Судьи подчинялись только закону. Народные суды избирались гражданами на три года (Гл. IX. Ст. 104–112). Высший надзор осуществлялся Прокурором СССР, который назначался Верховным Советом СССР на 7 лет. Областные прокуроры назначались прокурором СССР, городские – прокурором союзных республик с утверждения прокурора СССР сроком на пять лет. Органы прокуратуры подчинялись только прокурору СССР (Гл. IX. Ст. 113–117). (по СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: с изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР. С. 18–19).

4 *Иванов В. А.* Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Новейшая история. – 2013. – №2. С. 48.

5 Там же. С. 53.

(внесудебным порядком). Это постановление действовало до 1 сентября 1953 г. постановление было объявлено приказом НКВД СССР от 21 ноября 1941 г. №001613 [1].

В. А. Иванов отмечает, что в отличие от тех городов, где было введено осадное положение, и территориальные судебные органы преобразовывались в военные трибуналы, до объявления осадного положения в Ленинграде территориальные судебно-прокурорские органы должны были функционировать в режиме «военного положения». Согласно совместному приказу Наркома юстиции СССР Н. М. Рычкова и Прокурора СССР В. М. Бочкова от 24 июня 1941 г. №102с/58с, прежний статус судебно-прокурорских органов сохранялся, хотя объем их деятельности сокращался, так как из него изымались дела подсудные военным трибуналам[2].

Постановлением Военного Совета Ленинградского военного округа от 26 июня 1941 г. рассмотрение дел о нарушении решений, приказов, распоряжений военного времени было возложено на административные комиссии при райисполкомах, согласно Указу Президиума ВС СССР от 22 июня «О военном положении» (ст. 4)[3].

Органы суда и прокуратуры находились под строгим контролем горкома ВКП(б). Так, 17 ноября 1941 г. было рассмотрено дело о либерализме и непонимании политической значимости преступления в обворовывании покупателей и продаже продуктов без карточек со стороны народного судьи 2 участка Куйбышевского района, членов городского суда, районного прокурора. Было принято решение о снятии с работы народного судьи и члена городского суда, и о привлечении к партийной ответственности районного прокурора[4].

Во второй половине 1941 г. усилилась борьба как с внешними, так и с внутренними противниками Советской власти. Так, за вторую половину 1941 г. было осуждено около 3039 чел., по делам о контрреволюционных преступлениях, или 80% от числа всех подобных преступлений, вплоть до июля 1943 г. [подсчитано мной по документу – Л.Г.][5].

В целях усиления борьбы с преступностью и установления единого руководства судебной практикой, постановлением Военного Совета Ленинградского фронта №00441 от 4 декабря 1941 г. было признано необходимым преобразование городского суда и городской прокуратуры в военный трибунал и военную прокуратуру[6]. Территориально трибунал остался на месте Городского

---

1 *Исаков В. М., Мельник Е. В.* НКВД и милиция Советского государства в условиях военного и послевоенного времени (1941–1950 гг.) // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – №9. С. 15.

2 *Иванов В. А.* Указ. соч. С. 49.

3 Ленинград в осаде. С. 599.

4 Протокол от 17 ноября 1941 г. // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 429–430.

5 Документ №195. Справка о работе прокуратуры Ленинграда по борьбе с преступностью и нарушениями законности с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1943 г. // Ленинград в осаде. С. 453, 461.

6 Документ №24. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта о преобразовании городского суда и городской прокуратуры в военный трибунал и военную прокуратуру // Ленинград в осаде. С. 61.

суда. Наряду с этим сохранились районные народные суды, по новым штатам дополнительно создавалась вторая судебная коллегия по уголовным делам (по рассмотрению кассационных жалоб), входящие теперь в систему военных трибуналов Ленинграда[1]. В Военный трибунал Ленфронта также вошли линейные и транспортные суды Октябрьской и Ленинградской железных дорог, Балтийского бассейна[2].

Указ Президиума ВС СССР «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» от 22 июня 1941 г. определил подсудность дел военным трибуналам[3]. К лету 1942 г. компетенция трибуналов была расширена, в том числе им передавались дела о распространении ложных слухов, возбуждающих тревогу у населения по Указу Президиума ВС СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения»[4].

Ю. М. Кунцевич категоричнее оценивает преобразование городского суда Ленинграда и районных судов, подведомственных ему, в военные трибуналы и включение их, в качестве поднадзорных судов, в состав Военного трибунала Ленфронта, считая, что оно влекло за собой: ликвидацию кассационных коллегий по рассмотрению гражданских и уголовных дел, передачу контрольных функций Военному трибуналу Ленинградского фронта и военной прокуратуре[5].

Это подтверждает приказ Наркомата юстиции РСФСР «О работе народных судов и Управления НКЮ г. Ленинграда» от 13 октября 1942 г., который требовал немедленно восстановить судебные коллегии по уголовным и гражданским делам, «прекратив практику рассмотрения Военным трибуналом кассационных жалоб и протестов»[6]. Однако только 22 января 1944 г. было принято постановление Военного Совета Ленфронта №008852 «О развоенизировании Военного Трибунала г. Ленинграда», которым был восстановлен обычный режим работы горсуда[7].

Приказом Главного военного прокурора РККА от 5 декабря 1941 г. Ленинградская городская и районные прокуратуры были преобразованы в органы военной прокуратуры (по *Рупасов А. И.* Военная прокуратура блокадного Ленинграда // Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019. С. 401).

1 *Иванов В. А.* Указ. соч. С. 50, 52.

2 *Кунцевич Ю. М.* Исторические аспекты формирования и деятельности военного трибунала Ленинградского фронта и подведомственных ему военных трибуналов в период Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. №6/1. С. 78–79.

3 Таковые дела: о государственных преступлениях, о преступлениях, совершенных военнослужащими, о разбое (ст. 167 УК РСФСР), об умышленных убийствах (ст. 136–138 УК РСФСР), о насильственном освобождении из домов заключения и из-под стражи (ст. 81 УК РСФСР), об уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности (ст. 68 УК РСФСР), о сопротивлении представителям власти (ст. 73 УК РСФСР), о незаконной покупке, продаже и хранении оружия, о хищении оружия (ст.ст. 164-а, 166-а, 182 УК РСФСР) (по *Кунцевич Ю. М.* Указ. соч. С. 78–79).

4 *Иванов В. А.* Указ. соч. С. 53.

5 *Кунцевич Ю. М.* Исторические аспекты формирования и деятельности военного трибунала Ленинградского фронта и подведомственных ему военных трибуналов в период Великой Отечественной войны. С. 78–79.

6 *Иванов В. А.* Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. С. 57, 59.

7 Там же. С. 61.

Среди дел, рассмотренных трибуналами Ленинграда с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1943 г., помимо контрреволюционных преступлений, были дела по закону от 7.VIII.1932 г. (постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»), по ст. ст. 109-121 (должностные преступления), ст.ст. 122-127 (нарушение правил об отделении церкви от государства), 128-135 (преступления хозяйственные), ст.ст. 136-161 (преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности), ст. ст. 162 (кража), 165 (ограбление), 168 (кражи в квартирах), ст. 107 (спекуляция), ст.ст. 60–61 (отказ или уклонение от внесения налогов или от выполнения повинности), 193 (воинские преступления), 182 (незаконное изготовление, хранение, покупка и сбыт оружия), 73 (сопротивление представителям власти при выполнении ими служебных обязанностей), 74 (хулиганство) УК РСФСР, по Указу от 26.XII. 41 г. (об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий) и пр.[1]

Сохранились документы, свидетельствующие о случаях гибели и травм представителей власти в дорожно-транспортных происшествиях при неясных обстоятельствах осенью 1941 г. Так, 12 октября 1941 г. насмерть был раздавлен трамваем Н. В. Кожарский, заведующий сектором отдела агитации и пропаганды горкома ВКП(б). Согласно донесению, неопытный вагоновожатый, с 2-х дневным стажем, не остановился, протащив тело на значительное расстояние. 15 октября 1941 г. произошло столкновение машины Военного трибунала Ленфронта с грузовой машиной Транспортной конторы Управления Промторгами, выехавшей на встречную полосу движения. Пострадал И. Ф. Исаенков, председатель Военного Трибунала Ленфронта[2].

В то же время имели место отдельные случаи злоупотреблений властью и уголовных преступлений представителей власти. 25 февраля 1942 г. было принято постановление горкома ВКП(б) «О фактах спекуляции и мародерства, проявленных членами ВКП(б) Вайсгант Б. С. [инструктор отдела пропаганды и агитации], Бейлиным И. М. [помощник прокурора Ленинского района] и Кузнецовым Ф. Е. [народный судья 2 участка Свердловского района]», которым из партии исключались названные лица, задержанные 15 февраля на рынке милицией за спекуляцию сахаром, хлебом, папиросами[3].

А. А. Жданов неоднократно поднимал вопрос о необходимости ужесточения репрессивных мер за нарушения административного характера[4].

---

1 Документ №195. Приложение. Судебная репрессия военных трибуналов по делам, рассмотренным с 1.VII.1941 г. по 1.VII.1943 г. // Ленинград в осаде. С. 461–462, 600. [Указанные статьи уточнены мной по УК РСФСР. – Л.Г.]

2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 5. Л. 16, 43. В документе – Исаенко.

3 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 638.

4 Документ №181. Письмо Главного военного прокурора Красной Армии В. И. Носова А. А. Жданову о причинах задержки законодательного оформления осадного положения и о дополнениях к Уголовному Кодексу …// Ленинград в осаде. С. 422–423.

В декабре 1941 г. проходила проверка районными прокуратурами выдачи, учета и хранения продовольственных карточек, а также «натурных остатков» продуктов в 226 продовольственных магазинах. В 50–70% выявленных случаев нарушений были возбуждены уголовные дела [подсчитано мной – Л.Г.] [1]. 13 января 1942 г. было принято постановление Ленинградского ГК ВКП(б) «Об усилении охраны пищевых предприятий, продуктовых складов, баз, магазинов и столовых», которым Военная прокуратура и Военный Трибунал обязывались усилить репрессии к лицам, занимающимся кражей пищевых продуктов, и к их пособникам[2].

Прокуратурой проверялся порядок взимания коммунальной платы, в том числе соблюдение льгот у семей военнослужащих, и регистрация смертей и рождений детей отделами ЗАГС. В январе 1942 г. среди прочих важное место занял контроль за выполнением Указа от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»[3].

Преобразование городской прокуратуры Ленинграда в военную прокуратуру повлекло за собой и подчинение ее военной прокуратуре Ленфронта. Вследствие этого в надзорные функции последней был включен контроль за выполнением постановлений административных комиссий при райисполкомах Советов депутатов трудящихся. О характере такого надзора можно судить по докладной записке военпрокурора Ленфронта в горисполком от 29 сентября 1942 г., которая содержит сводку административных нарушений за период с 1 января по 16 сентября 1942 г., в том числе наряду с нарушениями приказов по гарнизону об укреплении революционного порядка, правил светомаскировки, правил поведения при ВТ и артобстрелах и т. п., таких нарушений как уклонение от перерегистрации велосипедов, от уборки квартир, дворов и улиц, нарушение правил вождения автотранспорта и т.п.[4]

Таким образом, работа военной прокуратуры и военного трибунала по вопросам, касающимся гражданского населения, осуществлялась в тесном взаимодействии с Ленгорисполкомом и Ленинградским горкомом ВКП(б).

В то же время, если репрессивная деятельность военного трибунала и военной прокуратуры по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства подробно проанализирована исторической литературой, вне внимания исследователей оказался блок документов, свидетельствующих о прокурорском надзоре за охраной личных и имущественных прав граждан.

С февраля по декабрь 1942 г. военный прокурор г. Ленинграда А. И. Панфиленко

---

1 *Рупасов А. И.* Военная прокуратура блокадного Ленинграда // Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады. С. 402–403.

2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 549.

3 *Рупасов А. И.* Указ. соч. С. 402–403.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 57. Л. 1–28.

систематически направлял секретарям Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецову, Я. Ф. Капустину и председателю Ленгорисполкома П. С. Попкову результаты проверок деятельности ленинградских учреждений, которыми были выявлены серьезные нарушения в обеспечении прав граждан. Прокурор указывал на такие упущения в работе госучреждений как антисанитарное состояние больниц и нарушения в оказании медицинской помощи, в том числе отказы в выдаче справок и больничных листов; недостатки в борьбе с безнадзорностью детей и подростков; в доставке писем и журналов; в строительстве бомбо- и газо- убежищ; в выплате пособий военнослужащим и их семьям, в трудовом обучении и устройстве на работу инвалидов войны; в поддержании порядка на городских кладбищах; в охране имущества эвакуированных граждан, как и оборудования эвакуированных предприятий; в снабжении населения витамином «С»; нарушения в выдаче населению карточек, а также в обеспечении кипятком; в установке чугунных печей в домах с центральным отоплением; в упорядочении работы отделов записи актов гражданского состояния; в работе бань, прачечных и санпропускников. Прокуратура проверяла выполнение решений ГК ВКП(б) и Ленгорисполкома по улучшению снабжения населения, докладывая о срыве плана вылова рыбы, о недостатках в работе столовых усиленного питания, в подготовке к весеннему севу и о преждевременном снятии овощей при эвакуации населения. Были выявлены нарушения в состоянии эвакопунктов, в соблюдении правил по технике безопасности при сломе деревянных строений, что влекло несчастные случаи, а также факты зачисления детей в состав МПВО[1].

Особенно конфликтным был вопрос о недопустимости привлечения в отряды МПВО подростков до 16 лет и инвалидов, престарелых, который был поднят 17 июня 1942 г. в донесении, адресованном А. А. Кузнецову, Я. Ф. Капустину, П. С. Попкову, военным прокурором г. Ленинграда А. И. Панфиленко[2]. Несмотря на указание прокурора, 7 августа 1942 г. постановление Военного Совета Ленфронта № 001134 утвердило порядок включения в отряды самозащиты лиц с 14 до 60 лет (подробнее ниже).

Наряду с защитой прав граждан, прокурорский надзор выявлял недостатки и в реализации решений, связанных с обязанностями гражданского населения: во взыскании военного налога, в выполнении разверстки трудовой мобилизации в аэродромно-технические команды[3].

Прокуратурой были выявлены грубые нарушения в обеспечении работы Октябрьской железной дороги топливом, приводившие к срыву работы при поступлении-отгрузке продовольствия для Ленинграда на западном берегу Ладожского озера, к простою вагонов в декабре 1941 –

1 Там же. Л. 1–182об.
2 Там же. Л. 114, 115.
3 Там же. Л. 139–142, 204–205об.

январе 1942 гг. Позднее прокурорская проверка выявила недостатки в отгрузке продовольствия на базах Заготзерна и Бадаевских складах, что также приводило к простою вагонов и запаздыванию поступления продовольствия населению[1].

По наиболее важным вопросам прокуратура обращалась в Ленинградский горком ВКП(б) и Лисполком неоднократно: о недостатках в работе медицинских учреждений, почтовых отделений, о назначении и выплате пособий и пенсий семьям военнослужащих, о трудовом обучении инвалидов, о проверке регистрации и выдачи продовольственных карточек, о расхищении имущества эвакуированных и служащих в армии граждан, о простоях вагонов при отгрузке, выгрузке продовольствия для Ленинграда, о расхищении продовольствия, о недостатках в заготовке урожая, о перерасходах лимитов электроэнергии на предприятиях.

Особое место занимала проверка работы правоохранительных органов, а также нотариальных контор. Своевременно сообщалось о выявленных упущениях в работе нотариальных контор, административных комиссий, о волюнтаризме в решениях райисполкомов, приводивших к нарушениям прав граждан, о нарушениях в работе милиции, в уголовном судопроизводстве.

Систематически военной прокуратурой проверялась законность решений райисполкомов. О выявленных нарушениях докладывалось в Ленгорисполком (28 июля и 26 ноября 1942 г.)[2].

Неоднократные докладные военного прокурора А. И. Панфиленко о грубых нарушениях законности при наложении взысканий административными комиссиями были подкреплены письмом Управления НКЮ при Ленгорсовете от 24 июля 1942 г., а также проверкой их работы в сентябре 1942 г. военным прокурором Ленинградской группы войск Ленфронта. Управление НКЮ при Ленгорсовете неоднократно обращалось в Лисполком в связи с необходимостью обеспечения нормальной работы народных судов: привлечения народных заседателей (31 мая 1942 г.), с аналитическим отчетом, к которому прилагалась сравнительная справка работы нарсудов Ленинграда и Москвы (29 октября 1942 г.)[3].

В то же время проверка военной прокуратурой работы Народных судов в декабре 1942 г. выявила ряд существенных недостатков. В свою очередь Управление НКЮ указало на субъективизм в оценках работы Нарсудов военным прокурором Панфиленко[4]. Возникший конфликт между военным прокурором Ленинграда и Управлением НКЮ при Ленгорсовете, который явился одним из факторов замены военного прокурора на данном посту, можно объяснить внутренними противоречиями в работе правоохранительных органов.

---

1 Там же. Л. 14–25, 88–92.
2 Там же. Л. 178–179, 200–201об.
3 Там же. Л. 136–138, 143–148об, 185–187об.
4 Там же. Л. 211–213об.

Анализ Управлением НКЮ при Ленгорсовете дел, рассмотренных Народными судами Ленинграда в октябре и ноябре 1942 г., по привлечению к ответственности за прогулы на предприятиях и в учреждениях Ленинграда выявил увеличение прогулов, по сравнению с июлем 1942 г., на 95,4%. Среди прогулов в ряде случаев значительное место составляли опоздания на работу или отлучки в столовую до 21 минуты. На заводе «Большевик» такие прогулы составили до 39% от общего числа. Среди осужденных от 38 до 62%% составляла молодежь до 20 лет[1].

Анализ причин прогулов Управлением выявил недостатки работы городских организаций: ленинградского трамвая, значение которого увеличилось в связи с переселением рабочих из сломанных деревянных домов вблизи предприятий в центр (27% судебных дел); столовых, не обеспечивавших рабочих необходимыми продуктами; поликлиник и медпунктов, формально подходивших к выдаче бюллетеней обратившимся рабочим (до 37% дел в ряде случаев)[2].

За 11 месяцев 1942 г. за прогулы к исправительно-трудовым работам на рабочем месте было приговорено 15 155 человек, к тюремному заключению за самовольное оставление рабочего места 581 человек. В соответствии с приказом НКЮ СССР народные суды должны были рассматривать дела о прогулах в течение 48 часов, а о самовольных уходах в течение трех суток[3].

В связи с этим Управление НКЮ при Ленгорсовете указывало на необходимость отмены постановления Ленгорисполкома от 18 сентября 1942 г. №82, повлекшего ухудшение медпомощи населению[4], проведения воспитательной работы комсомольскими и профсоюзными органами с молодежью, повышения трудовой дисциплины у работников Трамвайно-Троллейбусного Управления и выдачи справок опоздавшим по вине транспорта, обеспечения далеко живущих работников жилплощадью близ предприятия, проверки причины неявки и оформления материалов на прогульщиков своевременно[5].

Можно привести, в качестве примера, наиболее острые результаты проверок военной прокуратурой Ленинграда, направленных на защиту прав граждан, в 1942 г.

Особое место среди прокурорских проверок занимала отгрузка продовольствия Ленинграду со ст. Ладожское озеро. Назывались причины срыва. Так, 22–23 января проверка отгрузки продовольствия со ст. Ладожское озеро для Ленинграда выявила, что поступавшее ежедневно продовольствие на склад №891, находившийся на ст. Ладожское озеро, отгружалось для г. Ленинграда лишь частично из-за несвоевременной подачи порожняка по вине Управления ОЖД. 12 января из поступивших 1392,7 тонн продовольствия было отгружено лишь 292,2 тонны (21%), 13 января из

1 Там же. Л. 205, 206.
2 Там же. Л. 206об–207об.
3 Там же. Л. 208.
4 Не удалось установить, о каком именно постановлении идет речь. – Л.Г.
5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 57. Л. 208об.

1167,1 тонны отгружено 231,4 тонн (20%), 14 января из 1200,1 тонн был отгружено 93%. Основной причиной срывов подачи порожняка были: отсутствие топлива, вспомогательных ремонтных мастерских, отсутствие инструментов и смазочных материалов. На территории склада к 22 января 1942 г. скопилось 5764 тонн продуктов: муки, мяса, крупы, которые расхищались. За 20 дней января было передано в Военный Трибунал 12 дел о хищениях, еще 8 дел имелись в производстве Прокурора. В то же время отмечалось, что при нормальной подаче порожняка командование склада №891 могло обеспечить погрузку ежедневно 2500-3000 тонн продовольствия. Из приложенных материалов следовало, что заготовкой дров для паровозов занимался один лесоруб, который мог обеспечить топливом только один паровоз в сутки[1].

Надо сказать, что проблема доставки продовольствия в Ленинград находилась в центре внимания Ставки ВГК, ГКО, а также ГК ВКП(б), ОК и ГК ВЛКСМ, Ленгорисполкома. Однако объективные причины затрудняли решение данного вопроса. Среди них: острая нехватка кадров, механизмов и подвижного состава, необходимость налаживания оборудования. Докладные военного прокурора вызвали немедленную реакцию: к ликвидации недостатков были привлечены ленинградские комсомольцы. Ответственные по политчасти комсомольские работники прикреплялись к продовольственным поездам, к угольным складам, создавались комсомольские контрольные посты для оказания помощи в продвижении составов. Однако только в октябре 1942 г. удалось ликвидировать простои вагонов[2]. В то же время в одной из последних докладных от 17 декабря 1942 г. военный прокурор вновь вернулся к проблеме организации работ по очистке снега и заготовке дров для ОЖД, на этот раз из-за простоев мобилизованной молодежи[3].

Вполне можно сравнить военного прокурора Ленинграда Антона Ивановича Панфиленко с тем самым оводом, что жалил коня и вскрывал самые насущные проблемы, не давая заснуть над бумагами самоуспокоенным «начальникам».

9-10 февраля 1942 г. военной прокуратурой было проверено состояние больниц им. Двадцатипятилетия Октября, детской им. Раухфуса, им. Софьи Перовской. Проверка установила, что состояние больниц и аптек не обеспечивало должного обслуживания населения и не содействовало борьбе с различного рода заболеваниям. Больницы им. Двадцатипятилетия Октября, им. Раухфуса и приемный покой больницы им. Софьи Перовской находились в антисанитарном состоянии. В больнице им. Раухфуса на 8 февраля совершенно отсутствовало топливо, поэтому больные дети, как правило, лежали по 2-3 человека в кроватях. В течение 1-2 месяцев не менялось постельное

1 Там же. Л. 14–17, 25.

2 *Виноградов В.* Единая комсомольская // Октябрьская фронтовая. Воспоминания железнодорожников в работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Под ред. *В. В. Чубарова*, сост. *М. Д. Опендик*. – Л., 1970. С. 42.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 57. Л. 214.

и нательное белье. В больнице им. Софьи Перовской из-за большого наплыва больных в приемном покое находилось 50 человек, которые, главным образом дистрофики, проживали там по 6-8 дней, ожидая возможности быть помещенными в больницу. С 25 января по 8 февраля 1942 г. в приемном покое умерло 116 чел., трупы которых не были убраны. Состав медсестер и санитарок в этой больнице был укомплектован на 50%. Хотя из 287 чел. больных в больнице им. Софьи Перовской 216 чел. были больны дистрофией, решением Дзержинского райкома ВКП(б) с больницы были сняты 100 пайков усиленного питания для дистрофиков. В больницах отсутствовали медикаменты. В больнице им. Двадцатипятилетия Октября к началу февраля скопилось свыше 1000 трупов. На документе стоят резолюции председателя Ленгорисполкома П. С. Попкова: принять меры к улучшению состояния больниц, и секретаря ГК ВКП(б) Я. Ф. Капустина: провести общегородское собрание главврачей больниц, двух главврачей снять с работы, принять решение исполкома по работе аптек[1].

21 февраля 1942 г. военным прокурором были направлены в ГК ВКП(б) Я. Ф. Капустину и в Ленгорисполком П. С. Попкову результаты проверки выполнения решения Ленгорисполкома от 7 января 1942 г. о направлении детей, лишившихся родителей, в детские дома в течение 24 часов. Проверка пяти домохозяйств в Октябрьском, Смольнинском и Фрунзенском районах выявила, что данное постановление не выполнялось, в том числе и сотрудниками милиции, порой оставлявшими детей у дворников[2].

В феврале 1942 г. была проведена проверка военной прокуратурой г. Ленинграда выполнения решения бюро ГК ВКП(б) от 11 января 1942 г. об обеспечении своевременной доставки писем и журналов подписчикам. Были выявлены недостатки в работе почтовых отделений (п.о.) и узлов связи, которые из-за отсутствия освещения вынуждены были работать в световую часть дня: с 10 до 14-15 часов, включая время обеденного перерыва. В результате почтовые отправления не штемпелевались календарно и скапливались на отделениях. О работе почтовых отделений Ленинграда в это время можно судить по замечанию прокурора: на п.о. №14 в день в среднем поступало до 1000 телеграмм, из которых адресатам ежедневно вручалось 400! На 4 февраля скопилось невручeнных 10 тысяч телеграмм, поступивших в период с декабря 1941 г. В других отделениях ситуация была несколько лучше, однако и там скопилось значительное число корреспонденции. Аналогичная ситуация сложилась с денежными переводами, в том числе алиментами и пенсиями. В двух из проверенных отделений: №№13 и 2, скопилось 2 206 переводов на общую сумму 287 877 рублей, а также 170 посылок, которые не были вручены с октября – декабря 1941 г. Прокурор отмечал, что с опозданием на 4-5 дней доставлялась из редакции

1 Там же. Л. 1–3.
2 Там же. Л. 4–6.

«Ленинградская правда», отчего и подписчики получали ее с запозданием[1].

2 марта 1942 г. военным прокурором А. И. Панфиленко были направлены А. А. Кузнецову и Я.Ф. Капустину, а также П. С. Попкову результаты проверки выполнения приказа начальника МПВО г. Ленинграда от 8 октября 1941 г., которым начальники районных МПВО были обязаны выявить и оборудовать под укрытия все пригодные подвальные помещения в жилых домах и ведомственных зданиях. Проверкой в Октябрьском, Смольнинском и Фрунзенском районах было выявлено, что к данным работам либо не приступали, либо не закончили. Напротив, выявилось приведение в негодное состояние уже имевшихся бомбоубежищ, в которых оказались нечистоты, вода, спилены крепления, сожжены нары. Из 36 проверенных бомбоубежищ пригодных имелось только 20, и те содержались не в порядке. Против виновных лиц в домохозяйствах были возбуждены уголовные дела[2].

Такое же соединение разных по характеру нарушений отмечает А. И. Рупасов в 1943 г. С 1 марта 1943 г. прокуратурой была проведена массовая проверка законности выдачи больничных листков. Наряду с этим проверялась правильность бронирования и отсрочек от призыва в армию. Значительная часть злоупотреблений была связана с подлогами при оформлении денежных переводов на почтово-телеграфных отделениях[3].

Согласно справке о работе прокуратуры Ленинграда по борьбе с преступностью и нарушениями законности с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1943 г., военными трибуналами было рассмотрено 15 426 дел, из них 6341 особо опасных преступлений (контрреволюционных): хищение социалистической собственности, бандитизм, невыполненная повинность, спекуляция, военные преступления [подсчитано мной, с учетом поправок составителями – Л.Г.]; народными судами, по результатам расследования прокуратурой и органами милиции, было рассмотрено 44 478 дел. По делам, рассмотренным народными судами, – 77,9% лиц было осуждено, в том числе на исправительно-трудовые работы 6 710 чел., условно осуждено 2 823 чел. Кроме того, 2 725 чел. (6,1%) оправданы, 6 314 дел (14,2%) было прекращено. 45 369 чел. были осуждены народными судами за прогулы и самовольный уход с предприятий, за дезертирство с предприятий военной промышленности, за мелкие кражи на производстве. Всего, таким образом, было осуждено 95 251 человек[4]. Соотношение дел, рассмотренных военными трибуналами и народными судами, соответственно 1:5,8 [подсчитано мной по указанному документу – Л.Г.].

---

1 Там же. Л. 7–9.

2 Там же. Л. 10–13.

3 *Рупасов А. И.* Военная прокуратура блокадного Ленинграда // Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады. С. 405–406.

4 Документ №195. Справка о работе прокуратуры Ленинграда по борьбе с преступностью и нарушениями законности с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1943 г. // Ленинград в осаде. С. 452–461.

Новыми в 1944 г. стали «жилищные дела», связанные с начавшейся стихийной реэвакуацией граждан, не имевших разрешения Ленгорисполкома. Одной из причин строгого режима реэвакуации был факт въезда под видом реэвакуантов криминальных лиц. Только в 1944 г. в милицию поступили заявления о кражах на общую сумму 19,7 млн. руб. (в масштабе цен 1944 г.)[1].

Таким образом, необходимо отметить сохранение режима охраны имущественных и личных интересов граждан и правосудности в условиях военного положения. В то же время имелись существенные противоречия в осуществлении этого режима. Решение данной задачи осложнялось для правоохранительных органов необходимостью подчинения военным органам, наряду с сохранением обычного функционирования. Кроме того, требовалось личное мужество и мобилизация внутренних ресурсов, так как работники охраны правопорядка не имели никаких привилегий, а их обязанности умножились.

Особое место в защите прав граждан принадлежало Ленинградской милиции, которая накануне войны насчитывала 13 508 чел. В 36 отделениях находилось 3 188 чел.[2]

В соответствии с Положением о рабоче-крестьянской милиции, принятым постановлением СНК СССР от 25 мая 1931 г. №390, основными задачами милиции являлись: во-первых, обязанности по охране революционного порядка и общественной безопасности, среди прочих, надзор за соблюдением домоуправлениями и гражданами правил о прописке и выписке, а также учет населения по особым правилам об адресных столах; надзор за соблюдением обязательных постановлений по вопросам, относящимся к задачам милиции; содействие должностным лицам всех ведомств при исполнении ими служебных обязанностей; во-вторых, обязанности по борьбе с преступностью; в-третьих, обязанности по обслуживанию населения: выдача удостоверений личности, розыск пропавших несовершеннолетних в возрасте до 14 лет, а также лиц, безвестно отсутствующих; хранение найденных вещей, документов и других ценностей; прием пригульного скота и розыск владельцев; в-четвертых, обязанности по обороне страны, в основном содействие воинскому учету и мобилизации. Кроме того, на милицию могли быть возложены другие обязанности по постановлению СНК СССР[3].

7 июля 1941 г. была издана директива НКВД СССР, определявшая задачи милиции в

---

1 Для прописки в городе требовалось не менее 7 документов, при отсутствии одного из них прописка не производилась. В то же время постановлением СНК СССР от 22 апреля 1944 г. требовалось предъявлять только паспорт и эвакодокументы о выезде и въезде в город. Из «жилищных» дел, рассмотренных нарсудами в этот период: на 100 дел – 25% не имели эвакодокументов, 26% – вызова Ленсовета, 87% – справки о наличии жилплощади, 88% – справки о наличии прописки. (по *Иванов В. А.* Указ. соч. С. 63–65).

2 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. С. 48.

3 Положение о рабоче-крестьянской милиции. П. 17–21. Раздел III (Обязанности и права рабоче-крестьянской милиции) // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – М., 1931. – №33. С. 431–433.

условиях войны. К уже существующим добавлялись: борьба с дезертирством, мародерством, паникерами, очистка городов от преступников, помощь транспортным органам НКВД в выявлении вражеских агентов, провокаторов, распространителей ложных слухов, что осуществлялось уголовным розыском[1]. На аппарате ОБХСС лежал контроль за заготовительными, снабженческими организациями, охрана продуктов, пресечение деятельности расхитителей, спекулянтов, фальшивомонетчиков. Паспортные отделы вместе с военными комиссариатами осуществляли мобилизацию военнообязанных. Кроме того, на 1 января 1944 г. в составе милиции имелся научно-технический отдел[2].

Важную мобилизующую роль в деятельности милиции играла партийная организация ВКП(б) и комсомол. К 27 ноября 1941 г. в партийной организации на учете состояло 319 членов ВКП(б) и 101 – кандидат в члены ВКП(б). Организация росла в период войны и в 1943 г. уже состояла из 402 членов ВКП(б) и 103 – кандидатов в члены ВКП(б)[3]. Можно добавить, что партийная организация ВКП(б) в мае 1942 г. имелась в отделах: борьбы с бандитизмом (ОББО), уголовного розыска (ГОУР), борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС), паспортно-регистрационном (ПРО), государственной автомобильной инспекции (ГАИ); службы и боевой подготовки (ОСБП), а также оперативном; комендантском; санитарном; в гаражах (отдел материально-технического и автотранспортного обеспечения); секретариате; политическом отделе (сокращения даны в соответствии с документом – Л.Г.)[4].Следует заметить, что удельный вес коммунистов в милиции был меньше, чем в целом по городу.

В начале войны милиция была военизирована, и 2 июля 1941 г. появилось распоряжение СНК СССР №2410-рс «О бесплатном питании личного состава милиции и пожарной охраны», которое было отменено постановлением ГКО №1567с «О порядке денежного обеспечения лиц, вступивших в народное ополчение, истребительные батальоны и партизанские отряды, мобилизованных на оборонные работы и призванных в формирования МПВО» от 9 апреля 1942 г.[5]

В период военных действий в 1941 г. важнейшей задачей милиции стало изъятие у спекулянтов золота и ценностей, продовольствия. Согласно отчету партийной организации ВКП(б) УЛГМ, за этот период времени было изъято и сдано в доход государства: золота в монетах царской чеканки 9 тыс. рублей; золотых изделий 10 кг; серебра свыше 100 кг; золотых исправных ручных часов 296 шт.; серебряных часов 95 шт.; бриллиантов различных 1 тысяча; наличных денег 1

1 *Кудин В. А.* Красносельские рубежи непокоренного Ленинграда. Органы и войска НКВД на защите города в годы Великой Отечественной войны// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – №1. С. 5.
2 *Исаков В. М., Мельник Е. В.* Указ. соч. С. 16.
3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-2386. Оп. 1. Д. 1б. Л. 66; Д. 100. Л. 5.
4 Там же. Д. 29. Л. 60.
5 РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 28. Л. 80; см. также: Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 282.

миллион рублей. Кроме того, были изъяты и сданы десятки тонн продовольствия[1].

На 1 октября 1941 г. отделом Госавтоинспекции (ГАИ) УЛГМ было проверено техническое состояние транспорта, имевшегося у граждан, при необходимости отремонтировано в авторемонтных мастерских и мобилизовано для фронта 12 205 ед.[2]

27 июня 1941 г. был издан приказ начальника гарнизона г. Ленинграда генерал-лейтенанта Г. А. Степанова об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в городе. Ограничивался въезд в город, устанавливалось время работы учреждений и организаций местного и областного значения с 8-30, союзного значения с 9 утра, время работы зрелищных, торговых, коммунального обслуживания предприятий ограничивалось 22 час. 45 мин. Наблюдение за исполнением возлагалось на коменданта гарнизона Ленинграда полковника Денисова[3]. В августе 1941 года нахождение на улице запрещалось с 22 час. до 5 час. утра.

В соответствии с приказом начальника местной противовоздушной обороны г. Ленинграда о развертывании МПВО в связи с введением в городе угрожающего положения от 27 июня 1941 г., п. 17 на начальника Рабоче-крестьянской милиции Ленинграда возлагался контроль за выполнением правил МПВО, устанавливаемых приказом, в том числе круглосуточного ответственного дежурства по МПВО и дежурства дворников у подъездов ворот и у входов, соблюдение светомаскировки и др.[4]

Патрульно-постовая служба милиции включала сеть застав, контрольно-пропускные пункты (КПП), пешие и конные патрули, которые дежурили круглосуточно, обычные посты, которые действовали преимущественно в вечернее и ночное время, по специальной дислокации. Приказом от 22 октября 1941 г. начальника Управления милиции ст. майора милиции Е. С. Грушко было запрещено хождение граждан без пропусков по сигналу «Воздушная Тревога» («ВТ»). При этом по сигналу «ВТ» участковые уполномоченные должны были находиться на улицах территории своих участков, постовые милиционеры и регулировщики на центре своего поста, наряд патрульной службы на середине патрулируемой улицы, дворник и дежурные от домоуправлений у ворот своих домов и заниматься рассредоточением граждан, проверяя пропуска[5].

Нахождение постового и участкового на своем посту во время «ВТ» сопровождалось

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-2386. Оп. 1. Д.13. Л. 6.

2 Там же. Д. 1б. Л. 68об.

3 Приказ начальника гарнизона г. Ленинграда об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в городе // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 34–35.

4 Приказ начальника местной противовоздушной обороны г. Ленинграда о развертывании МПВО в связи с введением в городе угрожающего положения // Указ.соч. С. 37–39.

5 *Панфилец А. В.* Организация и деятельность городской милиции по охране общественного порядка в блокадном Ленинграде (сентябрь 1941–1942 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – №1. С. 47–48.

нередко гибелью милиционеров. Так погиб известный футболист полузащитник Петр Сычев на глазах своего друга, капитана команды «Динамо» В. В. Федорова. Защищая женщину с ребенком, не успевших в убежище, погиб участковый уполномоченный Павел Винокурцев. Только за 28 и 29 сентября 1941 г. погибли пять сотрудников 21 отделения милиции, отвечавшего за порядок на Финляндском вокзале[1]. Деятельность постовых отражена в воспоминаниях горожан. Педагог Н. В. Образцова вспоминала: «Однажды я шла с работы. Подошла к милиционеру и попросила мне шапку-ушанку приподнять с глаз, так как шапка была отцовская, большая. Милиционер спросил меня: “А сама-то не можешь, что ли?” “Да, не могу, если поставлю бидон с водой (1,5 л), то уж не поднять, а если палку положу, то упаду”. Он нахлобучил мне шапку и сказал: “Ну, иди, умирай!” Нет, я жить хочу, а не умирать...»[2].

28 августа 1941 г. было принято постановление Военного Совета Северо-Западного направления «О создании зоны заграждения на южных подступах к Ленинграду»[3]. 18 сентября 1941 г., в соответствии с постановлением Военного Совета Ленфронта №00274 «Об усилении борьбы с дезертирством и проникновением вражеских элементов в город», устанавливались три заградительные линии в южной части Ленинграда. За охрану Второй линии отвечал начальник УНКВД ЛО комиссар госбезопасности 3-го ранга П. Н. Кубаткин, который поручил это милиции. Начальник УНКВД ЛО обязан был ежесуточно проводить облавы, организовать патрулирование по основным магистралям, оборонным объектам. Председателю Ленгорисполкома П. С. Попкову следовало к 19 сентября 1941 г. создать эвакопункты в районе Ждановского трамвайного кольца, Благодатного переулка, в доме культуры им. Бабушкина, где надлежало концентрировать беженцев из пригородных районов. Всех лиц, находившихся на территории, занятой противником, следовало передавать НКВД[4].

Вторая заградительная линия проходила по предпортовой ветке до Володарского моста, с выставлением застав в пунктах: ул. Калинина, ул. Стачек, Старообрядческая ул., Рощинская ул., Московское шоссе, Смоляная ул., пр. Села Смоленского[5]. Милицией проводились систематические облавы в дневное и вечернее время по проверке документов, совместно с военными патрулями при активной помощи общественности[6]. 27 апреля 1942 г. комендантские участки

---

1 *Любвин Р. М.* Человек в синей милицейской шинели // Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт. С. 392.

2 Воспоминания. *Образцова Надежда Викторовна* // Эта память – наша совесть… / сост. Л. Л. Газиева, Е. Н. Дмитриева; редкол. В. В. Яробков и др. – СПб.: Изд. Газиева Л., 2007. С. 336–337.

3 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. С. 97.

4 Документ №20. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта об усилении борьбы с дезертирством и проникновением вражеских элементов в город // Ленинград в осаде. С. 57–58.

5 Вторая заградительная линия имела длину до 20 км. Здесь служили 356 сотрудников милиции (по *Панфилец А. В.* Органы и войска НКВД на Северо-Западе СССР в годы Великой Отечественной войны. С. 97, 99).

6 В сутки выделялось 160–180 патрулей для поддержания порядка комендантом гарнизона. В конце сентября 1941 г. циркуляром №106ц начальника УМ г. Ленинграда предписывалось усилить агентурно-оперативные проверки и

заградительной линии, из-за снижения бдительности нарядов, были подчинены начальникам территориальных отделений милиции[1].

25 января 1942 г. приказом начальника УЛГМ устанавливался порядок несения постовой службы. Во время службы категорически запрещалось покидать пост по личным делам[2].

Важное место в деятельности ленинградской милиции занимал контроль за порядком при эвакуации. Так, 16 сентября 1941 г. постановлением №00264 Военного Совета Ленинградского фронта (подписано Г. К. Жуковым, командующим войсками Ленфронта, членами Военсовета: А. А. Ждановым, А. А. Кузнецовым) началась эвакуация женщин с детьми и лечебных учреждений из Кировского, Московского и Володарского районов в количестве 51 тыс. человек, а также из пригородных районов Ленинграда в Свердловский, Василеостровский, Петроградский, Выборгский, Красногвардейский районы Ленинграда, а также в Парголовский и Всеволжский районы. Контроль за эвакуацией возлагался на начальника ленинградской милиции Е. С. Грушко, который должен был определить пути следования населения, с учетом закрытия для движения магистралей, ведущих в южные районы[3].

Хранение личных вещей, документов и других ценностей, оставленных или потерянных при эвакуации, осуществлялось правоохранительными органами или под их контролем при активном взаимодействии с местными органами власти и общественными организациями.

Одной из самых острых проблем осажденного города являлась борьба с мародерством. Данному вопросу было посвящено постановление Ленинградского горкома ВКП(б) от 24 октября 1941 г. «Об охране имущества граждан, эвакуированных из г. Ленинграда», которыми городской прокурор и управление милиции г. Ленинграда обязывались применять законы военного времени к лицам, виновным в хищении, а также к лицам, виновным в неприятии мер к охране имущества[4].

Ленгорисполкомом в 1942 г. многократно принимались решения об охране имущества

фильтрации граждан, прибывших в Ленинград, которые, минуя эвакопункты, пытались прописаться у знакомых, родственников, а часть проживала без прописки (по *Панфилец А. В.* Указ. соч. С. 106–107).

1 В октябре – ноябре 1941 г. было задержано 15 149 человек. (по *Панфилец А. В.* Указ. соч. С. 100–101).

2 Патрули каждые 1,5 часа имели по 30 минут для обогрева. С 22 часов до 5 часов утра дежурили 30% начсостава отделений милиции. Такой режим службы выдерживали не все. В январе 1942 г. умерли 166 сотрудников милиции, св. 1600 чел. были временно нетрудоспособны, в феврале умерли 216 человек. Порой вдвоем два милиционера не могли поднять упавшего человека. Выпускались дисциплинарные приказы: в 1942 г. было наказано 392 человека, а поощрено 208 (по *Панфилец А. В.* Указ. соч. С. 108–110).

3 Документ №19. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта о переселении лечебных учреждений и женщин с детьми из южных в северные районы Ленинграда // Ленинград в осаде. С. 56–57.

На каждый эвакопункт выделялось по два оперативных работника, которые должны были отправлять горожан в ближайшие районы по плану эвакуации, колхозников – по Куракиной дороге, через Володарский мост во Всеволжский район. Несмотря на принятые меры к 25 сентября 1941 г. скопилось около 1,5 тысяч чел. на эвакопунктах, в основном из-за отказа в поселении в отведенных районах (по *Панфилец А. В.* Организация и деятельность городской милиции по охране общественного порядка в блокадном Ленинграде (сентябрь 1941–1942 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – №1. С. 46).

4 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 384, 549, 614.

населения умершего или эвакуированного из г. Ленинграда[1]. Они публиковались сразу, но не всегда были действенны.

На недостатки агентурно-оперативной работы милиции в условиях войны обращает внимание А. В. Панфилец. Кражи имущества граждан, в том числе из пустующих квартир эвакуированных или служивших в РККА, входили в милицейской статистике в пункт «прочие кражи». С августа 1941 г. по 1944 г. (включительно) число таких краж составило 27 777 при раскрываемости в среднем 63,6%[2]. В связи с этим огромное значение в охране имущественных прав граждан имело привлечение к содействию милиции общественных организаций: общественно-жилищных инспекций, политорганизаторов домохозяйств из числа коммунистов и комсомольцев.

Расхищение имущества эвакуированных отчасти было следствием постановлений того же Ленгорисполкома от 27 сентября 1941 г. [не публиковалось – Л.Г.] и 2 марта 1942 г., которыми разрешалось временное заселение освобождавшейся площади, в том числе жилплощадь военнослужащих[3]. При этом имущество, которое там находилось, порой незаконно присваивалось и распродавалось новыми жильцами.

Постановление Ленгорисполкома от 2 марта 1942 г. появилось вслед за постановлением СНК СССР от 16 февраля 1942 г. №208 о передаче квартир, в которых проживали рабочие и служащие предприятий, эвакуированных в восточные районы, в распоряжение исполкомов местных советов депутатов трудящихся и предоставлении рабочим и служащим оборонных заводов, оставшимся в городе. При этом личное имущество, по желанию выехавшего гражданина, могло быть передано родственникам, или могло быть продано через комиссионные магазины, или могло быть доставлено за счет государства по месту его нового жительства. В первом полугодии 1942 г. выделялось 100 миллионов рублей на кредитование индивидуального строительства рабочих и служащих эвакуированных предприятий. Постановление распространялось и на Ленинград[4].

Ситуация усложнялась условиями военного времени, большим количеством людей, пропавших без вести, как среди военнослужащих, так и среди мирных граждан. Значительная часть эвакуированного населения права на свою жилплощадь не теряла. В одной семье часто проживали лица с разным статусом, например: военнослужащие, лица, эвакуированные с предприятиями, иждивенцы, дети, эвакуированные с интернатами, лица, работавшие на предприятиях Ленинграда. До войны ленинградские семьи, как правило, были многочисленны: в квартире проживало

---

1 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №1–2 (30 января). С. 5–7; №5-6 (30 марта). С. 13-15; №7–8 (29 апреля). С. 8–9; .№13 (18 июля). С. 7.

2 Подсчитано мной по *Панфилец А. В.* Органы и войска НКВД на Северо-Западе СССР в годы Великой Отечественной войны. С. 131, 147, 153.

3 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №5-6 (30 марта). С. 13-15.

4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 25–27.

множество родственников. Так, типичная для блокадного Ленинграда трагедия девочки Тани Савичевой происходила в огромной семье, проживавшей до войны дружно в большой квартире на Васильевском острове. В условиях блокады, когда выжить одному было невозможно, родственники зачастую добирались из последних сил к кому-то более или менее державшемуся на ногах. Этот факт отражен во многих воспоминаниях людей, переживших блокаду детьми[1].

В 1942 г. в Бюллетене Ленгорисполкома решения об охране имущества населения публиковались четырежды: «О проверке состояния охраны имущества населения, эвакуированного из г. Ленинграда» от 2 января 1942 г. (пр. №59, п. 5); «О выполнении решения бюро исполкома Ленгорсовета от 19 февраля 1942 г. “Об охране имущества, оставшегося после умерших”» от 18 июня 1942 г. (пр. №69, п. 53); «О выполнении решения исполкома Ленгорсовета “Об охране имущества военнослужащих и эвакуированных” в Свердловском и Приморском районах» от 30 июля 1942 г. (пр. №71, п. 2-з)[2].

Необходимо указать, что в мае 1942 г. по этим вопросам к председателю Ленгорисполкома П. С. Попкову трижды обращался военный прокурор г. Ленинграда. В сообщении от 2 мая военный прокурор города требовал отменить постановления Ленгорисполкома от 27 сентября 1941 г. и 2 марта 1942 г. В требовании указывалось, что в прокуратуру поступают многочисленные жалобы военнослужащих о том, что при временном заселении их жилья расхищается имущество. Так, например, были распроданы обувь, белье при заселении комнаты З. В., политрука. В другом случае временно занявшая комнату военнослужащего семья использовала его вещи. Виновные в расхищении были отданы под суд. При этом постановления Ленгорисполкома нарушали Постановление СНК РСФСР от 4 июля 1941 г. «О сохранении жилой площади за призванными в ряды РККА и ВМФ по мобилизации и о порядке ее оплаты»[3].

21 мая 1942 г. военный прокурор обратился в ГК ВКП(б) и в Ленгорисполком в связи с невыполнением решений ГК ВКП(б) от [24] октября 1941 г. и исполкома Ленгорсовета от 2 января и 3 марта 1942 г. об охране имущества военнослужащих и эвакуированных граждан. Из-за отсутствия работы по охране имущества эвакуированных и военнослужащих их вещи расхищались, и прокуратура была вынуждена возбуждать уголовные дела за непринятие мер к охране и за расхищение имущества эвакуированных и военнослужащих, в том числе 46 дел в ходе проверки. Прокурор настаивал на принятии мер Ленгорисполкомом к наведению должного порядка[4].

---

1 См., например, Воспоминания Алексея Александровича Орлова // Подвиг Ленинграда бессмертен / сост. *Л. Л. Газиева, Т. П. Смирнова, Г. Б. Сафронова, Н. С. Семичева*; редкол. В. В. Шапкин [и др.] – СПб.: Изд-во ИПК СПО; Изд. Газиева Л., 2004. С. 89–95.

2 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №13 (18 июля). С. 7; №15 (16 августа). С. 2.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 57. Л. 81, 82.

4 Там же. Л. 106, 107, 108.

27 мая 1942 г. военный прокурор сообщил о результатах проверки охраны домов дворниками и сторожами, которые должны были ночью дежурить у ворот. В сообщении указывалось, что во Фрунзенском районе из проверенных 986 домов дежурные находились у ворот только 183 домов, в Дзержинском районе из 250 домов только в 72 были дежурные. Помимо сторожей и дворников, у ворот домов должны были дежурить отряды самозащиты, которых также не оказалось во время проверки. Из 72 охраняемых домов Дзержинского района только в 8 находились на дежурстве отряды самозащиты[1].

Внимание военного прокурора к этому вопросу не ослабевало. Так, 4 июня 1942 г. он указывал, что в соответствии с решением Ленгорисполкома от 13 мая райисполкомы должны были в 10-дневный срок опечатать незаселенные комнаты военнослужащих и до 1 июня переселить на другую площадь временно проживавших граждан. Между тем проверка показала, что надлежащих мер не принято в некоторых районах. Так, в Московском районе из 401 комнат и квартир военнослужащих только 193 было освобождено на 1 июня, в Ленинском районе из 240 только 48[2].

Несмотря на критический характер данных сообщений, хотелось бы отметить, что дело охраны имущества жильцов было поставлено в осажденном Ленинграде на определенную высоту. Каждое домохозяйство охранялось, и за соблюдением необходимых правил безопасности следила военная прокуратура, незамедлительно принимавшая меры по ликвидации имевшихся нарушений, вплоть до возбуждения уголовных дел и наказания виновников в расхищении имущества граждан.

В сборнике стенограмм заседаний Ленгорисполкома опубликован протокол обсуждения данного вопроса на заседании Ленгорисполкома от 30 июля 1942 г. Отмечалось, что за 1-е полугодие 1942 г. прокуратурой было осуждено более 500 злостных мародеров, квалифицированных как бандиты, из них по 151 делу материалы были получены через районные Советы. Расхищение имущества происходило при переселениях граждан из деревянных домов, которые шли на слом, с верхних этажей в нижние (более безопасные при артобстрелах), причем переселения происходили неоднократно. В связи с этим были приняты чрезвычайные меры, в том числе с 1 августа 1942 г. запрет на выделение жилой площади кому-либо, кроме граждан, пострадавших от обстрела. Жилотделы подчинялись начальникам райжилуправлений.

Вся ответственность за сохранность имущества эвакуированных граждан и военнослужащих была возложена персонально на начальников райжилуправлений. Необходимо заметить, что невыполнение принятых ранее решений вызвало у П. С. Попкова, председателя горисполкома, замечание о необходимости усилить решение, указав на применение высшей меры наказания за

1 Там же. Л. 109, 110.
2 Там же. Л. 112, 113.

расхищение имущества, а также донести этот факт до сведения населения через агитаторов: «Надо рассказать управхозам, что тогда-то такой-то за такие-то дела был расстрелян, что и впредь за подобные вещи будут расстреливаться. Затем надо собрать политорганизаторов и вооружить их этим материалом»[1].

Военный прокурор Ленинграда отмечал, что принятые меры привели к снижению бандитизма, к которому относились такие преступления как убийства и покушения на убийства с целью овладения продовольственными карточками и продуктами питания. С целью снижения количества хищений имущества эвакуированных граждан и военнослужащих к ним также стали применять в 1942 г. уголовный закон, карающий за бандитизм. Всего в начале 1942 г. за такие преступления было осуждено 1216 чел., во второй пол. 1942 г. – 546 чел., в нач. 1943 г. – 194 чел.[2]

Необходимо отметить, что милиция имела право требовать в установленном порядке сотрудничества членов добровольных обществ содействия милиции, а также в установленном порядке содействия дворников, ночных сторожей, сельских исполнителей и других граждан[3]. Так, были созданы имущественно-жилищные общественные инспекции при жилищном управлении исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся (от 30 апреля 1942 г. пр. №66, п. 40)[4]. В имущественно-жилищные общественные инспекции, как правило, входили люди, пользовавшиеся авторитетом, и ответственные работники различных отделов исполкома. Однако в их работе можно усмотреть и некоторые противоречия.

В протоколах первичной организации ВКП(б) Ленгороно сохранился отчет за истекший год работы политорганизатора по домохозяйству Куйбышевского района Гржибовской от 25 октября 1943 г. В порученном ей домохозяйстве было три дома, площадью до 10 000 кв. метров. За время войны хозяйство четыре раза страдало от бомбежек. К октябрю 1943 г. там проживало 220 чел. Остальной фонд был законсервирован. Управхоз сменился за время войны шесть раз. В обязанности политорганизатора входило: обеспечить боевую защиту дома, безаварийную эксплуатацию жилфонда, постановку учета в домохозяйстве жильцов и имущества законсервированных квартир, заботиться о семьях военнослужащих[5].

Организатор начала с осмотра домохозяйства: обошла чердаки, подвалы, дворы, познакомилась с паспортной книгой, провела собрание актива о включении домохозяйства в

---

1 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг. С. 230–233.

2 Документ №195. Из справки о работе прокуратуры Ленинграда по борьбе с преступностью и нарушениями законности с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1943 г. // Ленинград в осаде. С. 454.

3 Положение о рабоче-крестьянской милиции. Раздел III (Обязанности и права рабоче-крестьянской милиции), пп. 17–21 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – М., 1931. – №33. С. 433.

4 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №7-8 (29 апреля). С. 8-9.

5 Протокол партийного собрания Ленгороно №14. 25/X – 1943 // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 9. Л. 32, 33.

социалистическое соревнование. Активисты распределили между собой обязанности: один взял на себя санитарию, другой организацию Красного уголка. Привели в порядок инвентарь самозащиты: занесли песок на чердак, выправили бочки. Стали проводить регулярные занятия с группой самозащиты в противогазах. Санитарно-бытовая комиссия начала обходить квартиры: проверять чистоту. В Красном уголке всегда было тепло, согрет горячий кофе из соседней булочной для посетителей. Жильцов принимал депутат райсовета. Консультировал по домашней врачебной помощи профессор Блинов, проживавший в доме. Здесь же работала маникюрша. Портнихой давалась желающим консультация по кройке и шитью. Затачивали пилы, работала починочная мастерская обуви. Была организована книжная передвижка, читалась литература и газеты, работало радио. Активистами велась переписка с эвакуированными и военнослужащими жильцами. Помощью членам семей военнослужащих было охвачено 67 чел. (30,4% от проживавших). Члены актива обошли все закрытые квартиры – за 28 имелось наблюдение родственников. Другие вскрыли, просушили, отодвинули от стен мебель. В то же время часть жильцов переселили из худших квартир в лучшие, но документально не оформили[1]. Включение этого факта в отчет свидетельствует о сложившейся повседневной, ставшей обыденной, практике в этот период.

Весной – летом 1943 г. все внимание было направлено на ремонт. Крыша была поделена: 500 кв. метров отремонтировал жилец-кровельщик, за что получил стахановские талоны [так в тексте – Л.Г.]), 300 кв. метров делала стройконтора. Также жильцами были зафанерены и остеклены выбитые окна, было очищено 45 люков и помойки, отремонтирован водоразборный кран, в прачечной поставлены котлы. Шофером-жильцом были завезены дрова для домохозяйства, все нуждающиеся жильцы снабжены ордерами на дрова. Водопровод в доме не работал, поэтому решили восстановить его своими силами. В доме активно работал санитарный пост: имелось две санитарные койки. 28 апреля 1943 г. силами санитарного поста были эвакуированы из опасного места 48 детей-ясельников[2].

Работа домохозяйств явилась столь важным звеном в жизни блокадного города, что появилась пьеса Евгения Львовича Шварца «Одна ночь» – о работе ленинградского Ленжилуправления. Она была написана в 1942 г. и издана в 1956 году[3]. Эпиграфом к пьесе были избраны слова Корделии: «…Нет, я не бедна – любовью я богаче, чем словами» (У. Шекспир «Король Лир»).

Ленгорисполком в 1942–1943 гг. предпринимал серьезные усилия по контролю за деятельностью жилищных управлений: помимо общественно-жилищных инспекций, работы политорганизаторов в домохозяйствах, расширились функции жилищных отделов исполкомов райсоветов,

1 Там же.
2 Там же.
3 *Шварц Е. Л.* Тень и другие пьесы. Л.: Советский писатель, 1956.

была проведена сверка домовых книг[1].

Особая роль отводилась милиции по охране Дороги жизни и личного имущества граждан во время эвакуации. Инспекторскими группами областного управления милиции обеспечивалось движение на дорогах, связывающих Ленинград с Ладожским озером и ведущих в северо-восточные районы Ленинградской области. Приказом начальника Военно-автомобильной дороги (ВАД) Ленфронта генерал-майора А. М. Шилова от 17 декабря 1941 г. из этих групп был создан сводный отряд областного управления милиции при Военно-автомобильной дороге. Отряд должен был осуществлять борьбу с расхищением продовольственных грузов, обеспечение бесперебойного продвижения по трассе автотранспорта, осуществление технического контроля за данным транспортом и оказание ему помощи. Были установлены двухсменные круглосуточные посты на всем протяжении дороги. С начала февраля 1942 г. прибавились задачи: охрана имущества эвакуируемых, наблюдение за порядком на эвакопунктах, борьба с хищениями и злоупотреблениями на питательных пунктах. В результате деятельности милиции было задержано только за три месяца 818 лиц за хищение грузов, в основном продовольствия, раскрыт ряд преступлений в отношении эвакуируемых, в том числе взятки, кражи, грабежи. До конца марта милицией было проверено техническое состояние 2881 автомашин, отбуксировано 1577, отремонтировано на месте 957, сделано перегрузов с застрявших и неисправных – 160. Были выявлены и 589 бесцельных простоев, 304 шофера получили административные взыскания за нарушение правил движения. Несмотря на морозы, недостаток теплого обмундирования (до 80%), налеты авиации противника (погибло 2 чел. и 2 чел. были тяжело ранены, 6 чел. получили легкие раны), дежурства не ослабевали, длясь по 12 часов в сутки[2].

Сохранилась переписка Ленгорисполкома с Управлением милиции по Ленинграду об учете и хранении вещей эвакуируемых граждан. 30 июня 1942 г. командующий Ладожским районом ПВО, генерал-майор Прохоров писал о массовых пропажах и разворовывании вещей эвакуируемых граждан, из-за недостатков в их отправке[3]. Хотя на донесении рукой П. С. Попкова написано: «Это устарело», но в докладной записке начальника Управления милиции г. Ленинграда Е. С. Грушко от 28 июля 1942 г. вновь отмечались недостатки организации пересылки и приема вещей в Кобоне. Так, 22 июня 1942 г. в Кобону были доставлены на барже и двух мотоботах вещи сразу с трех эшелонов, рассортировать которые было невозможно. Многие эвакуированные, не дождавшись своих вещей, вынуждены были уезжать без них. По предложению оперативной группы

1 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №7-8 (29 апреля). С. 8-9; №12 (29 июня). С. 12, 13.

2 Документ №183. Докладная записка начальника областного управления милиции председателю облисполкома Н. В. Соловьеву о работе сводного отряда управления милиции при военно-автомобильной дороге // Ленинград в осаде. С. 425–430.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 104.

милиции было устроено охраняемое помещение со стеллажами для хранения вещей в Кобоне[1].

В Секретной части Ленгорисполкома имелся список вещей, которые были брошены гражданами при переправе через Ладожское озеро и хранились при эвакопункте ст. Борисова Грива, всего 270 мест. Список был направлен 19 августа 1942 г. в Ленгорисполком[2]. 22 августа заведующий Городским финансовым отделом (Горфо) И. В. Гужков написал о необходимости организовать учет и хранение в течение шести месяцев оставленных вещей, так как «нет оснований в настоящее время считать эти вещи бесхозными». По прошествии этого срока их следовало передать для продажи торгующим организациям[3].

6 сентября 1942 г. вышло постановление СНК СССР №1494 «О порядке реализации личного имущества граждан, находящегося на базах бездокументных грузов», согласно которому все личное имущество, находящееся на таких базах, а также громоздкие домашние вещи (шкафы, гардеробы, кровати и т. п.), подлежали продаже населению, эвакуированному из прифронтовой полосы. Для этого на базах создавались оценочные группы. Вырученные суммы вносились в союзный бюджет. В случае ликвидации базы описи проданного имущества с указанием цены передавались в Наркомфин. Все детские вещи передавались органам народного образования для снабжения эвакуированных детских учреждений. Личное имущество граждан, принадлежность которого была известна, отправлялось на базы длительного хранения багажа и ручной клади НКПС. Ответственность за них несла железная дорога. При обнаружении хозяина вещей стоимость, вырученная от их продажи, по описи передавалась ему[4].

7 сентября 1942 г. П. С. Попковым был сделан запрос в Управление милиции г. Ленинграда о порядке сбора и хранения утерянных при эвакуации вещей. 12 октября 1942 г. Управлением милиции г. Ленинграда была подготовлена справка о том, что для хранения утерянных или оставленных вещей эвакуированных граждан на ст. Борисова Грива оперативным отрядом милиции было организовано специальное место. Вещи в течение всего времени подбирались и охранялись специальным постом. В августе – сентябре 1942 г. милицией Ленинграда было переправлено на ст. Кобона 325 мест вещей. Случаев утраты или хищения на ст. Борисова Грива, согласно справке, установлено не было. На ст. Кобона мероприятия по сохранности и дальнейшему направлению вещей проводились сводным отрядом милиции Ленинградской области[5].

Значительное количество утерянного бесхозного имущества вызвало Постановление СНК СССР от 17 апреля 1943 г. №404 «Об утверждении Положения о порядке учёта и использовании

1 Там же. Л. 99.
2 Там же. Л. 166–171.
3 Там же. Л. 164.
4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 205. Л. 107–109.
5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 179.

национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозяйного имущества»[1].

Таким образом, правоохранительными органами во взаимодействии с Ленгорисполкомом, Ленинградскими ОК и ГК ВКП(б) и при активном содействии общественности, осуществлялась охрана личных и имущественных прав граждан, в том числе находящихся в местах заключения. Несмотря на расширение объема работ и многочисленные задачи, стоявшие перед войсками НКВД охраны тыла и милицией, им, в основном, удавалось с ними справиться. Существенную роль в обеспечении охраны прав граждан сыграл прокурорский надзор, находившийся в прямом контакте с Ленгорисполкомом.

3.5. Взаимодействие Советских органов власти с общественностью в вопросах спасения населения и сохранения культурного наследия Ленинграда

Именно на период войны пришлась ускоренная эволюция местных органов Советской власти в сторону слияния с демократическим большинством населения. В условиях Ленинграда, где Советы продолжали работу всю войну, это особенно заметно.

Массово-политический характер работы местных органов Советской власти предполагал активное взаимодействие с общественностью. Можно выделить *несколько видов повседневных практик, используемых районными Советами для повышения эффективности своей деятельности*, активного включения общественности в борьбу за сохранение жизни людей:

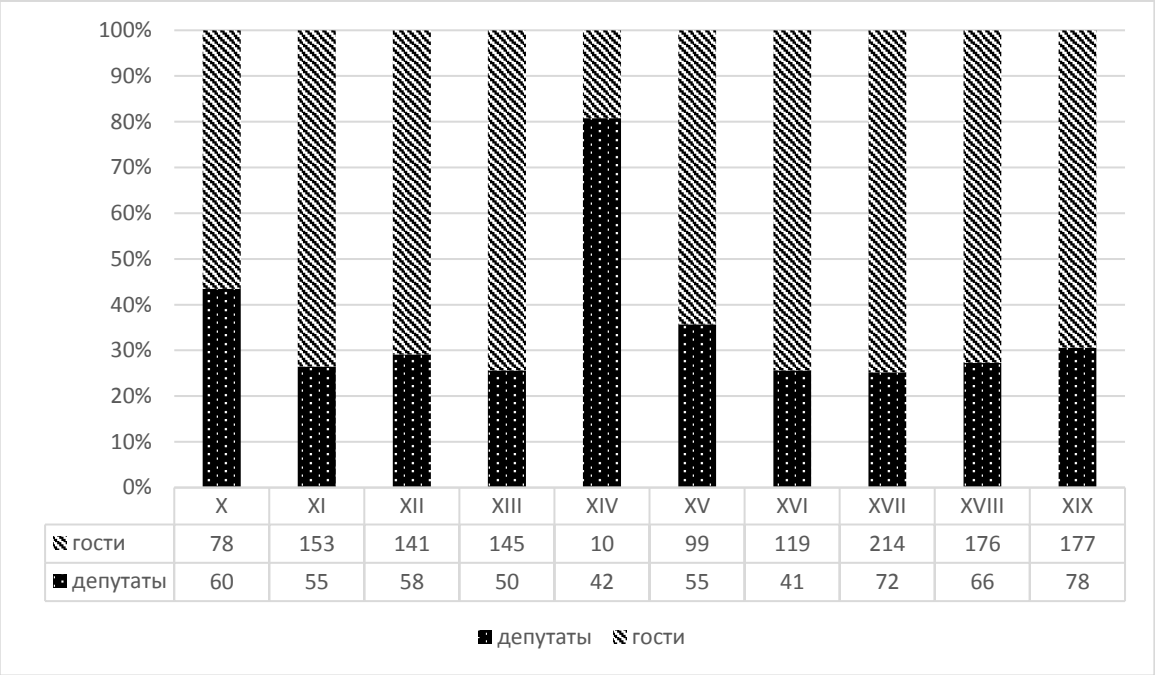
а. координация действий отдельных организаций и учреждений, направленных на сохранение жизни и решение бытовых проблем населения, через депутатские комиссии;
б. использование работы депутатов на избирательных округах, а также постоянных комиссий, сессий районных Советов с этой же целью;
в. перераспределение средств местного бюджета для обеспечения нужд здравоохранения;
г. использование научного потенциала, в том числе через общественные организации ученых, для сохранения жизни ленинградцев и культурного наследия Ленинграда;
д. использование общественных организаций для вовлечения как можно большего числа граждан в деятельность по самозащите населения.

В период войны количество депутатов резко сократилось: многие ушли на фронт, другие уехали в эвакуацию. Так, в Василеостровском районе из 263 депутатов Горсовета и райсовета в начале войны к 1 октября 1943 г. осталось 78 человек. *Основным каналом замещения депутатов*

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 213. Л. 111–117.

становится привлечение общественного актива. Динамику замещения отражает диаграмма 4[1].

Диаграмма 4. Динамика состава участников сессий Василеостровского Совета депутатов трудящихся в период войны[2]

	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX
гости	78	153	141	145	10	99	119	214	176	177
депутаты	60	55	58	50	42	55	41	72	66	78

Отметим, что X – XIII сессии собирались в 1942 г., XIV – XV в 1943 г., а XVI – XIX сессии в 1944 гг. В работе XIV сессии, проходившей 10 февраля 1943 г., принимали участие только 10 приглашенных, присутствовало всего 52 человека. Сессия посвящалась созданию нового отдела по работе с семьями военнослужащих.

На сессиях советов становится все больше приглашенных лиц, которые стали называться общественностью. В их число входили, прежде всего, руководители и секретари первичных партийных организаций предприятий. Важную роль играли представители советского актива, который привлекался к работе с гражданским населением депутатами районных Советов, как например: члены санитарно-бытовых отрядов, управляющие домохозяйств, политорганизаторы. Традицией стало приглашать ответственных лиц, связанных с решением рассматриваемого на сессии вопроса. Члены санитарно-бытовых отрядов, зачастую обычные домохозяйки, выступали на сессиях Советов в прениях, активно требуя в случае необходимости вмешательства райисполкома[3].

1 ЦГА СПб. Ф. Р-47. Оп. 3. Д. 35. Л. 2, 34, 50, 80; Д. 51. Л. 2, 10; Д. 81. Л. 2, 27, 88, 125.
2 Римскими цифрами обозначены номера сессий.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-4793. Оп. 3. Д. 40. Л. 9, 9об.

Типичным, в качестве примера работы общественного актива, является выступление на X сессии Выборгского райсовета 5 марта 1942 г. Беляевой, заместительницы председателя санитарно-бытовой комиссии: «Нужно сказать, что мы людей не штрафовали. Санитарно-бытовая комиссия в составе 5 чел. и актив из 6 чел. обошли все квартиры, где нужно было сделали замечания, потом проверили. При проверке оказалось, что все квартиры, все лестничные клетки были в полном порядке. Территорию двора мы полностью убрали. (…). Для того, чтобы вызвать трудповинника, мне приходилось написать извещение, найти человека, который вручит это извещение, и ждать явится человек или нет. Мы с этой порочной системой покончили. Сейчас, если мы извещаем соответствующих лиц о том, чтобы они приходили на работу, и, если они не являются, мы сейчас же передаем дела в адмкомиссию, и сейчас уже один жилец нашего домохозяйства лишен свободы на один месяц»[1]. В своей речи Беляева обвинила депутатов райсовета и исполком в бездействии: «Их мы не видели в трудные минуты нашей жизни»[2]. Следует заметить, что суровость мер, предпринимаемых общественным активом, напоминает горячие дни Великой французской революции.

Активное привлечение общественности к работе местных Советов, ставшее в условиях войны нормой, продолжало сказываться в работе Советов и после войны. Это получило отражение в отчете П. С. Попкова о работе сессий Ленгорсовета с 1940 по 1947 гг. и работе районных сессий за 1947 г. Диаграмма 5 (Приложения, 5) показывает, как заметное увеличение доли актива до 70-75% в работе Горсовета в период войны продолжало сказываться вплоть до 1947 г. Для сравнения были взяты сессии Ленгорсовета за 1941 г. довоенный период (V–VI), 1944 г. (VII), 1945 г. (VIII–X), 1946 г. (XI–XII), 1947 г. (XIII – XV). Причем к периоду войны относятся только две сессии: VII и VIII[3]. На диаграмме 6 (Приложения, 5) видно увеличение удельного веса общественности, привлеченной к участию в работе районных Советов с населением, в 1947 г.[4]

Столь значимая роль общественности в работе районных Советов депутатов трудящихся позволяет нам выделить взаимодействие местных Советов с общественными организациями как важную составляющую в осуществлении Советской власти в период войны, что продолжало сказываться в период восстановления: и в выработке основных ее решений, и в их реализации.

Многочисленные общественные организации, с которыми взаимодействовали Советские органы власти в период блокады, можно разделить на несколько групп, в соответствии с характером и целями их деятельности.

---

1 Там же. Ф. Р-148. Оп. 2. Д. 100. Л. 22об, 23об.
2 Там же. Л. 23об.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 26. Д. 4. Л.13, 14.
4 Там же. Л.24, 25, 27, 28, 29.

В первую группу входили политические организации, обладающие правом законодательной инициативы (ВКП(б), ВЛКСМ, ВЦСПС). Эти организации составляли костяк общественности.

Члены партийных и комсомольских организаций рассматривались как основные кадры советской системы управления. Так, председатель Выборгского исполкома райсовета А. Я. Тихонов на X сессии 5 марта 1942 г. говорил: «Сейчас на выполнение этой важнейшей задачи по санитарно-бытовому обслуживанию, по наведению порядка (…) мы должны мобилизовать все лучшее из партийных организаций жилищной системы. Каждый директор, каждый секретарь партийной организации, каждый рядовой коммунист, каждый комсомолец должны понять, что нет более почетной задачи, чем эта задача»[1].

К январю 1942 г. в ряды действующей Красной армии и Краснознаменного Балтийского флота были призваны 178 461 комсомольцев и комсомолок, еще 19 780 комсомольцев и комсомолок боролись в тылу врага, были политбойцами, работали в госпиталях и санитарных формированиях, на спецстроительстве и в воинских мастерских[2]. Фактически из довоенного состава комсомольской организации в городе оставалось ок. 24,5 тыс. чел., в основном девушек[3]. На 1 января 1944 г. Ленинградская организация насчитывала в своих рядах уже 47 301 чел., объединенных в 1238 организациях. 90% комсомольцев было в возрасте от 15 до 26 лет, в большинстве девушки[4].

Огромное значение имела личность лидера Ленинградской комсомольской организации. Всеволод Николаевич Иванов (1912–1950) возглавил обком и горком ВЛКСМ г. Ленинграда в октябре 1940 г.[5] В самые сложные моменты обороны ему удавалось находить не только слова, но и узловые проблемы, в соответствии с переживаемыми трудностями. Старался говорить просто, доходчиво, часто используя цитаты, острое словцо. Горячность, резкость и максимализм Всеволода Иванова передавались комсомольским руководителям. Так, обращаясь к секретарям районных комитетов ВЛКСМ, он мог сказать: «Не надо забывать, что райком ВЛКСМ является боевым штабом, верховная власть в данном районе»[6]. Такой максимализм позволял мобилизовать

---

1 Там же. Ф. Р-148. Оп. 2. Д. 100. Л. 5, 5об.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[К] (Ленинградский областной комитет ВЛКСМ). Оп. 3. Д. 322 (Стенограмма собрания комсомольского актива г. Ленинграда. 30 января 1942 г. О работе Ленинградской организации ВЛКСМ за семь месяцев войны и задачах комсомольской организации). Л. 7. Суммировано мной – ЛГ.

3 Там же.

4 Там же. Д. 301(Отчет Ленинградского горкома ВЛКСМ за 1943 гг. Ленинград. Январь 1944 г.). Л. 98, 99. Удельный вес отдельных групп подсчитан мной – Л.Г.

5 Он пришел в обком и горком ВЛКСМ, будучи руководителем отдела научно-исследовательского центра Ленинградского электротехнического института, с 1937 г. – секретарем комитета комсомола института. В 1947 г. В. Н. Иванов защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Массовое революционное движение рабочей молодежи Петрограда в 1917 году». (по *Васильев Ю. А.* Судьбы руководителей комсомола в истории «Ленинградского дела» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 4 (181). С. 57).

6 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[К]. Оп. 3. Д. 319. Л. 7. Амбициозный стиль руководства мог стать одним из поводов к его

комсомольцев на решение самых серьезных задач, требовал проявления инициативы. Основной задачей доклада было ободрить, поддержать дух, убедить в «праве на жизнь».

Так как в «смертное время» главная задача была спасение населения, В. Н. Иванов призывал: «Самая страшная вещь – безделье, отсюда и апатия, и инертность, и безразличие. Надо, заняв работой молодежь, направить эту работу на улучшение быта населения и привить чувство убежденности и необходимости и важности этой работы»[1].

Из всех видов взаимодействия комсомола с Советскими органами власти по организации спасения людей можно выделить несколько основных.

Важное значение в 1941 – 1942 гг. имела контрольная работа в каждом районе комсоргов горкома ВЛКСМ по торговым и пищевым организациям. Они создавали комсомольские посты, имевшие специальные удостоверения райисполкома, бригады комсомольского контроля за работой магазинов и столовых. О выявленных случаях хищений докладывалось прокурору района. Создавались комсомольско-молодежные столовые, магазины. Некоторые комсомольцы работали в булочных по 2-3 суток, не уходя домой, чтобы быстрее обслужить покупателей. В то же время контрольная деятельность комсомольцев порой приводила к конфликтам с райисполкомами и некоторыми районными прокурорами[2]. Эта работа была продолжена, 26 марта 1943 г. ГК ВЛКСМ было принято решение «О работе комсомольской организации трестов, столовых, магазинов и продовольственных баз», в том числе о создании контрольно-проверочных групп при райкомах ВЛКСМ по проверке данных учреждений. За 1943 г. было проведено 650 проверок. Выявились нарушения в работе школьных столовых, по которым ГК ВКП(б) провел совещание ответственных лиц. Виновные привлекались к судебной ответственности[3].

Наиболее существенным взаимодействие с райсоветами было в работе санитарно-бытовых отрядов, помощи органам здравоохранения и образования. Вслед за постановлением ЦК ВКП(б) от 8 октября 1941 г. о создании Всесоюзного комитета помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии, горкомом ВКП(б) 16 января 1942 г. было принято решение о создании аналогично городского комитета, в состав которого, наряду с Л. Н. Левитской (председатель ГК РОКК), А. Фоминым (председатель ОК работников высшей школы и научных учреждений), В. С. Никитским (заведующий ЛГЗО) и др., входил секретарь ОК и ГК ВЛКСМ В. Н. Иванов. Задачей Комитета была организация широкой общественной помощи органам

обвинению 28 октября 1950 г. в подрывной работе Военной Коллегией Верховного Суда СССР, в связи с «Ленинградским делом». 29 октября 1950 г. он был расстрелян. 26 мая 1954 г. Иванов был посмертно реабилитирован.

1 О работе Ленинградской организации ВЛКСМ за семь месяцев войны и задачах комсомольской организации // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[К]. Оп. 3. Д. 322. Л. 35.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[К]. Оп. 3. Д. 322. Л. 65–70.

3 Там же. Д. 301. Л. 30.

здравоохранения, шефства предприятий, учреждений над госпиталями, культурно-политической работы среди раненых[1].

Осенью-зимой 1941 г. по инициативе комсомольцев Приморского района начали возникать бытовые комсомольские отряды для помощи населению. Горком ВЛКСМ подхватил инициативу, призвав создавать бытовые комсомольские отряды, в том числе для выявления беспризорных детей. Всего зимой 1941 г. в бытовых отрядах работало 983 чел. комсомольцев, которые дополнительно привлекали в каждом районе по 500–600 чел. помощников[2]. К началу декабря 1941 г. ими было выявлено 790 детей, проживавших безнадзорно в бомбоубежищах, эвакопунктах. Через райкомы комсомола удалось собрать сведения на этих детей. Горком ВЛКСМ предлагал срочно эвакуировать подростков из числа этих детей, сформировав из них колонну[3].

13 февраля 1942 г. на заседании бюро Приморского райкома ВЛКСМ был утвержден состав комсомольско-молодежного бытового отряда и «Памятка бойца бытового отряда». Во время первого выхода отряда по квартирам с ними отправился первый секретарь райкома ВКП(б) И. С. Харитонов, председатель райисполкома С. М. Белоус, секретарь райкома ВЛКСМ М. Прохорова[4].

4 марта 1942 г. было принято решение ГК ВЛКСМ о распространении опыта работы Приморского РК ВЛКСМ в других районах[5].

На городском собрании комсомольского актива 30 января 1942 г. секретарь комсомольской организации Кировского завода Непомнящий докладывал об инициативе комсомольцев завода по спасению выпускников, а также учеников ремесленных училищ, работавших на заводе, всего ок. 300 человек. Из-за отдаленности общежитий ребята не ходили домой, сутками находились на заводе. У 20 человек бывших ремесленников пропали пропуска, они нигде не работали, умирали от голода. Комсомольцы завода добились от райисполкома выделения специального здания под общежитие вблизи завода. Достали кровати, тумбочки, постельные принадлежности. Ребят пропустили через санпропускник и поселили в новом, теплом общежитии. Добились восстановления на работе ранее уволенных, нашли для них одежду и обувь[6].

25 ноября 1942 г. было принято решение ГК ВКП(б) «Об улучшении бытовых условий

---

1 Протокол № 51 заседания бюро Ленинградского городского комитета ВКП(б) от 16 января 1942 г. // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 543–544.

2 Отчет горкома ВЛКСМ о бытовой работе комсомольцев с зимы 1941 по март 1943 г. (7 марта 1943 г.) // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 322.

3 Докладная записка секретаря Ленинградского ОК и ГК ВЛКСМ об эвакуации безнадзорных детей и списки детей по районам г. Ленинграда. 1941. 6 декабря // ЦГА СПб. Ф. Р-330. Оп. 2. Д. 4. Л. 1, 2.

4 *Кузенкова М. В.* Комсомольско-молодежные бытовые отряды // Жизнь и быт блокированного Ленинграда. Сборник научных статей / отв. ред. Б. П. Белозеров. – СПб.: Нестор-История, 2010. С. 86–88.

5 Протоколы №№ 34 – 39 заседаний объединенного бюро ОК и ГК ВЛКСМ. Январь – апрель 1942 гг. // ЦГАИПД Ф. Р-598[К]. Оп. 3. Д. 19. Л. 56.

6 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[К]. Оп. 3. Д. 322. Л. 86, 87.

молодых рабочих». Требовалось решительнее ставить «вопросы бытового обслуживания молодежи перед партийными и хозяйственными организациями предприятий».

С 10-17 января 1943 г. работа бытовых отрядов была восстановлена при всех райкомах ВЛКСМ, горкомом проверялась работа комсомольцев Смольнинского и Василеостровского районов по безаварийной эксплуатации жилого фонда, а также комсомольских организаций хлебозаводов №№ 6,11,12 по выполнению производственной программы[1].

31 марта 1943 г. было принято постановление ГК ВКП(б) «О работе ленинградской городской комсомольской организации во время Отечественной войны», где указывалось на ответственность комсомольских организаций за быт молодежи, особенно подростков, не имеющих семьи и проживающих в заводских общежитиях. Комсомольцы должны были способствовать специальному лечению нуждающейся в нем молодежи[2].

ГК ВЛКСМ способствовал работе здравниц № 1 «Кировские острова» и № 2 «Хепо-Ярви» (Кавголово) для школьников и подростков, работавших на производстве. Здравницы на 1 200 мест, с 2-х недельным отдыхом, были организованы распоряжением № 36 уполномоченного по делам ВЦСПС 1 сентября 1943 г. вместо действовавших летом пионерских лагерей, в соответствии с решением Секретариата ВЦСПС от 12 августа 1943 г. и постановлениями ГК ВКП(б) и Ленгорисполкома от 28 августа 1943 г. Обслуживание здравниц было возложено на Начальника Управления госпиталями ВЦСПС М. И. Власова. К началу января 1944 г. в здравницах отдохнуло 7400 молодых рабочих. Райкомы ВЛКСМ заслушивали на бюро главных врачей поликлиник, больниц, ночных санаториев, госпиталей, роддомов и оказывали практическую помощь в подготовке к зиме и обеспечению их дровами[3].

В соответствии с решением ЦК ВЛКСМ от 3 мая 1943 г. «О благоустройстве молодежных общежитий», в июле 1943 г прошел месячник по благоустройству молодежных общежитий, в котором участвовали 5500 чел. 120 общежитий были приведены в порядок, в том числе отремонтированы пострадавшие от бомбежек. Были созданы 100 комсомольско-молодежных аварийно-восстановительных бригад, которые готовили общежития к зиме в свободное от работы время. Всего прошло 120 воскресников, во время которых собирали листы кровельного железа, кирпичи.

Одновременно силами комсомольцев были восстановлены 2 театра, 6 больниц, 30 школ, 20 детдомов, 2 телефонные станции, 6 трамвайных подстанций. Были приведены в порядок Дом Всевобуча, Дом физкультуры и Дворец пионеров. Только в Куйбышевском районе бригады

1 Там же. Оп. 5. Д. 10. Л. 58.
2 Там же. Оп. 3. Д. 301. Л. 17, 19.
3 Там же. Л. 17–19.

отремонтировали 16 домов, 186 водоразборов. Комсомольцы Управления строительства Ленгорисполкома сдали сверх плана 22 крупных объекта, в том числе Театр им. Пушкина и Филармонию.

10 декабря 1943 г. ГК ВЛКСМ принял решение восстановить силами комсомольцев и молодежи культурно-просветительные учреждения и спортивные сооружения Ленинграда. Были созданы штабы по руководству ремонтно-восстановительными работами. В нерабочее время шли работы по восстановлению театра Ленинского комсомола, клуба Садовского, Плавательного бассейна ВЦСПС, городского комитета физкультуры, детского плавательного бассейна[1].

ГК ВЛКСМ была оказана материальная помощь 2 350 стахановцам на сумму 500 тысяч рублей, были выданы ордера на получение обуви, белья, одежды для 18 095 чел. 696 чел. прошли 4-х месячное лечение в туберкулезном ночном санатории. 18 750 чел. получили различного рода лечебную помощь: усиленным питанием, витаминами[2].

В мае 1943 г. О. Ф. Берггольц и Г. П. Макогоненко, по заказу ЦК и Ленинградского горкома ВЛКСМ, закончили сценарий для фильма о комсомольских бытовых отрядах «Они жили в Ленинграде»[3]. В документах упоминается также, что к 25-летию ВЛКСМ в 1943 г. был выпущен короткометражный фильм о Ленинградском комсомоле в 2-х частях[4].

Важное место в работе ГК ВЛКСМ уделялось работе с учащейся молодежью. К 1 января 1944 г. пионерская организация Ленинграда насчитывала 17 194 пионера в 117 дружинах. Кроме того, учились 3347 комсомольцев (в большинстве в 6–7 классах в возрасте 14–15 лет)[5].

Работа горкома ВЛКСМ с пионерами и школьниками осуществлялась в тесной взаимосвязи с городским и районными отделами народного образования. Руководил пионерской организацией Городской штаб юных пионеров (во главе с А. М. Гольдиным, секретарем ГК ВЛКСМ). За период блокады дважды проводились районные слеты пионеров в январе 1942 и в январе 1943 гг.[6] Решением ГК ВЛКСМ к каждой школе были прикреплены шефы – комсомольцы предприятий и учреждений. В октябре 1943 г. прошли торжественные «пионерские костры», посвященные 25-

---

1 Там же. Д. 301. Л. 28.

2 Там же. Л. 18, 27, 28.

3 Они жили в Ленинграде. Пьеса в 4-х действиях, 9-ти картинах. – М., Изд-ие отдела распространения Всесоюзного управления по охране авторских прав [1944]. Сценарий был переработан в пьесу, по которой впервые был поставлен спектакль в феврале 1945 г. в Театре центрального института санитарного просвещения в Москве. (по *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. С. 405).

4 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[К]. Оп. 3. Д. 301. Л. 85. Судьба фильма не известна – Л.Г.

5 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[К]. Оп. 3. Д. 301. Л. 98, 107; Ф. 25. Оп. 11. Д. 263. Л. 23 (В отдел школ ЦК ВКП(б). Отчет об итогах учебно-воспитательной работы в школах Ленинграда за 1943/44 уч. год). Данные потребовали критической сверки по разного рода документам.

6 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[К]. Оп. 5. Д. 10. Л. 58. См. также *Селиванов В. Н.* Стояли как солдаты. Блокада. Дети. Ленинград. С. 113–114.

летию ВЛКСМ, на которых лучшие школьники были приняты в пионеры (1347 чел.), а пионеры-старшеклассники (492 чел.) – в комсомол[1]. В течение 1943 года ГК ВЛКСМ была оказана материальная помощь в размере 1 420 870 руб. детям фронтовиков[2].

По представлению ГК ВЛКСМ все учащиеся, участвовавшие в сельскохозяйственных работах, были представлены к награждению медалью «За оборону Ленинграда». К 1 января 1944 г. было награждено 4 тысячи учащихся[3]. Всего же за годы войны было награждено ок. 11 тысяч школьников[4].

Удельный вес комсомольцев среди студенческой молодежи в 1943 г. составлял около трети. Хотя в 1943 г. контингент студентов ленинградских вузов составил 5474 чел., из них 1806 в вечерних вузах, общее количество вузовских комсомольцев было 1518 чел. (28%). В городе работало 11 техникумов, в том числе заочный, с контингентом 1676 чел., из них 628 комсомольцев (37%)[5].

Изменения в составе ленинградского комсомола, должны были сказаться на методах работы. 18 февраля 1943 г. Иванов говорил на Совещании руководителей комсомольского актива г. Ленинграда: «Главная причина того, что у нас на предприятиях слабая трудовая дисциплина состоит в том, что мы методы воспитания подменяем методами карания [так в тексте – Л. Г.]. Это неправильно. Нельзя забывать, что мы имеем дело с ребятами. Ведь зачастую молодой рабочий, это – маленький паренек, который на самокате “дует” в завод». И далее приводит пример такого паренька – Зашибалова из Петроградского района, который в 1942 г. на конференции рапортовал как пионер, а в 1943 г. на заводе дает 300% нормы[6]. На том же Совещании Всеволод Николаевич требовал бороться с “фарисейством”, имея в виду «тех людей, которые призывают комсомольский актив к тому, чтобы он был непогрешимым..., а сами не являются примером»[7].

Своеобразный идеологический прессинг внутри общественных коммунистических организаций как одно из средств формирования политико-правового пространства отражался на коммуникативных отношениях. Имелись трудности и проблемы: подростки и молодежь тяжело переживали длительный период блокады, имели место психические срывы и расстройства. Возникали лакуны, в которые тщательно упрятывались некоторые переживания,

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[К]. Оп. 3. Д. 301. Л. 37–40.
2 Там же. Л. 47.
3 Там же. Л. 42, 43.
4 *Соболев Г. Л.* Указ. соч. С. 430–431.
5 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[К]. Оп. 3. Д. 301. Л. 48. [Подсчитано мной – Л. Г.].
6 Там же. Оп. 5. Д. 32 (Стенограмма совещания руководителей комсомольского актива г. Ленинграда. 18 февраля 1943 г.). Л. 13, 14.
7 Там же. Л. 6.

формировались ритуальные и лексические мифологемы как компоненты коммуникативного пространства[1].

Несмотря на это, комсомол являлся одним из важнейших резервов Советских органов власти по организации взаимопомощи, поддержки наиболее слабой части населения.

В решении важнейших политических задач: сохранение гражданского населения и включение его в хозяйственную деятельность, с началом войны участвовал *аппарат ВЦСПС и ЦК профсоюзов, в первую очередь, фабрично-заводские местные комитеты (ФЗМК).*

ФЗМК сыграли определенную роль уже летом 1941 года, как в организации эвакуации предприятий, так и в обеспечении их квалифицированными кадрами. 7 июля 1941 г. ВЦСПС было принято решение, обязывавшее профсоюзные организации способствовать вовлечению женщин в производственный процесс: организовать курсы и кружки по повышению квалификации, овладению второй профессией[2].

Активное участие профсоюзы должны были принять в мобилизации трудящихся на оборонные мероприятия. 23 июля 1941 г., вместе с советскими, партийными, профсоюзные руководители возглавили трудящихся, отправляющихся на строительство оборонительных сооружений[3]. Согласно решению горкома ВКП(б) от 30 июля 1941 г. профсоюзные организации должны были содействовать проведению всех необходимых для МПВО мероприятий[4].

В октябре 1941 г. ГК ВКП(б) на профсоюзы была возложена организация общественного контроля за работой столовых и магазинов. С наступлением «смертного времени», 18 ноября 1941 г. ГК ВКП(б) обсуждал вопрос «О разборе жалоб и писем военнослужащих и их семей». В решении указывалось на невнимание к подобным жалобам со стороны бюрократии Октябрьского райисполкома: «Бюро горкома ВКП(б) требует от руководителей всех партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных организаций проявлять больше большевистской заботы к нуждам и запросам трудящихся»[5].

Эта работа продолжалась в 1942 и 1943 гг. В августе 1942 г. 200 человек профсоюзного актива проверяли 9 районных трестов общественного питания, 4 фабрики-кухни, 91 столовую. Проводились массовые рейды по проверке предпраздничной торговли, так 27-28 апреля 1943 г.

---

1 Подробнее: *Газиева Л. Л.* Специфические особенности атмосферы собраний организации ВКП(б) 1 ЛМИ в 1941–1943 гг. // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей. – СПб.: Изд-во СПбГМУ. 2015. С. 82-89.

2 Из отчета уполномоченного ВЦСПС «Профсоюзы Ленинграда на боевом посту» о производственно-массовой работе профсоюзов и развертывании социалистического соревнования за период с июля 1941 по декабрь 1942 г. (не ранее 1 января 1943 г.) // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 191–192.

3 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 158 – 160.

4 Там же. С. 176–177.

5 Там же. С. 354–355, 434.

180 человек профсоюзного актива обследовали 100 магазинов. В августе – ноябре 1943 г. подобные массовые рейды проводились систематически. ОК профсоюза рабочих металлоизделий на всех предприятиях были созданы комиссии общественного питания. На некоторых предприятиях было установлено ежедневное дежурство общественных контроллеров по закрытым столовым общественного питания от закладки продуктов до окончания рабочего дня. В других ежедневно велись записи и предложения по устранению выявленных недостатков. На комиссиях заслушивались отчеты директоров столовых. Дорпрофсожем ОЖД в 1942–1943 гг. было выявлено растрат и хищений на сумму 341 тыс. рублей, что привело к судебной ответственности 98 человек. Важную роль играли лавочные комиссии на торфопредприятиях, которые следили за своевременным открытием магазинов и отпуском товаров. Контроль за работой магазинов и столовых сопровождался трудностями: профактив работал по 10-12 часов, часто без выходных, и глубокий контроль был невозможен[1].

Согласно постановлению ОК и ГК ВКП(б) и Ленгорисполкома от 16 февраля 1942 г., обкомы профсоюзов подключились к организации личных потребительских огородов[2]. ФЗМК одновременно помогали организовать личные огороды и сельские работы в подсобных хозяйствах: выезжали копать землю, полоть, убирать урожай. 3 апреля 1942 г. постановлением ВЦСПС начали создаваться огородные комиссии при ФЗМК[3].

Однако 9 января 1942 г. Ленинградский горком ВКП(б) принял решение просить ЦК ВКП(б) дать указание ВЦСПС об эвакуации из Ленинграда центральных комитетов (ЦК) профсоюзов с целью приближения их к низовым организациям[4]. Это привело к тому, что к июлю 1942 г. в Ленинграде осталось только 12 ЦК и 57 ОК (областных комитетов) профсоюзов[5].

Во втором квартале 1942 г. начали работу промышленные предприятия Ленинграда, что потребовало оживить работу профсоюзов. В соответствии с решением ГК ВКП(б), для усиления связи с ВЦСПС, 8 июня 1942 г. постановлением Секретариата ВЦСПС была введена должность уполномоченного ВЦСПС по Ленинграду и Ленинградской области. Им стал П. Ф. Казаков[6]. Была проведена реорганизация оставшихся профсоюзных комитетов. Всего было воссоздано 50 ЦК и ОК союзов к 1 декабря 1943 г., которые разместились в отремонтированном Дворце Труда, по

1 ЦГА СПб. Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.
2 Протокол № 52 заседания бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 16 февраля 1942 г. // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 564–565.
3 *Басин М. З.* Победа на продовольственном фронте // Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне. 1941–1945: К 30-летию Победы: Сборник воспоминаний. – Москва: Профиздат, 1975. С. 105–107.
4 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 540–541.
5 ЦГА СПб. Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.
6 Там же. Д. 1. Л. 5; Д. 13. Л. 2.

решению ГК ВКП(б). Количество профсоюзных активистов возросло до 43 979 чел.[1]

Принципиально изменился состав профсоюзного актива: на 83% это были женщины, в том числе в ОК среднего машиностроения, ОК металлоизделий, на 82% профактив был беспартийным. 32% членов актива поступили на производство в период Отечественной войны. 16 845 чел. в активе составляли стахановцы, 15 231 чел. – ударники производства[2].

С июля 1942 г. возобновилась работа профсоюзов по обеспечению охраны труда и техники безопасности на производстве, были созданы комиссии по охране труда и выделены 958 общественных инспекторов. В 1942 г. соглашения по охране труда между завкомами и заводоуправлениями не заключались, но в 1943 г. на 49 металлообрабатывающих предприятиях были заключены соглашения на сумму 2. 454 тыс. рублей. За выполнением соглашений следили завкомы, в результате чего на ряде заводов: «Большевик», им. Сталина и др. они полностью выполнялись. Благодаря завкому был оштрафован начальник цеха завода «2-я Пятилетка» т. Федоров за нарушение продолжительности дня 16-летнего подростка, был условно осужден на 1 год начальник цеха № 49 завода «Большевик» т. Михилев за нарушение правил техники безопасности, что привело к несчастному случаю со смертельным исходом. В то же время в своем отчете П. Ф. Казаков отмечал, что несмотря на принятые меры в 1943 г., по сравнению с 1941 г., число несчастных случаев со смертельным исходом на предприятиях возросло. Он же указывал, что прокуратура и суд, как правило, мягко относились к виновным в нарушении техники безопасности. Завкомы предъявляли по производственному травматизму регрессные иски дирекции, по которым заводом производились выплаты, без обращения в суд[3].

На заседании Ленгорисполкома 18 ноября 1943 г. П. С. Попков заметил, что на ряде предприятий производственный травматизм достигал 20–30 %[4].

Особое значение зимой 1941–1942 гг. приобрела выплата профсоюзами страховых средств по больничным листам. Из-за ослабления работы страховых советов и высокой заболеваемости рабочих в 1942 г. возникла катастрофическая ситуация: страховых средств не хватало и выплаты по больничным листам осуществлялись за счет фонда заработной платы, что привело к возникновению задолженности профсоюзов перед предприятиями, а предприятий по заработной плате перед рабочими. Постановлением СНК СССР от 5 августа 1942 г. № 1328 выплаченные средства частично были возвращены ленинградским предприятиям из средств ВЦСПС, за счет

1 Там же. Д. 13. Л. 2, 3, 4.
2 Там же. Л. 4.
3 Там же. Л. 8, 9.
4 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов. – ЦГА СПб; Изд-во «Арт-Экспресс». – 2018. С. 505.

сокращения отчислений в бюджет[1].

9 января 1942 г. ГК ВКП(б) и Ленгорисполкомом было принято решение по вопросу медицинской и другой помощи больным-дистрофикам. Во время обсуждения П. С. Попков предложил подключить профсоюзы, по примеру Кировского района, где депутаты райсовета совместно с Красным Крестом обходят квартиры и приносят продукты лежачим больным-дистрофикам. Отпускать продукты без очереди, или относить на дом должны были работники райпищеторга[2]. На стационары дистрофиков из местного бюджета было выделено 3 500 тыс. рублей на I квартал 1942 г.[3] По инициативе ЦК профсоюза рабочих полиграфической промышленности Севера 4 марта 1942 г. было принято решение горкома ВКП(б) об открытии на островах им. С. М. Кирова стационара на 200 коек[4].

В 1943 г. работа по социальному страхованию улучшилась: были созданы страховые советы и страховой актив на большинстве предприятий. В то же время отмечалась малочисленность актива на многих предприятиях, в результате чего обслуживание на дому достигало в большинстве случаев 40 – 50%, не обследовались случаи бытовых травм, не проводилась борьба с ними. 1942 г. характеризовался исключительно высокой заболеваемостью по всем предприятиям Ленинграда. Она сохраняла высокий уровень и в 1943 г.

Так, на 100 застрахованных по 19 обкомам союзов данные заболеваемости:

1941	1942	1943, 9 месяцев
950 дней	2270 дней	939 дней

Израсходованные страховые средства по 19 обкомам союзов составили:

1941	1942	1943, 9 месяцев
7. 708,6	45.427,0	10.199,3

Наиболее высокой заболеваемость в 1943 г. была по ОК союзов работников электротранспорта, обувной промышленности, швейной промышленности, геологоразведок, металлоизделий. Наиболее низкой по обкомам союзов госучреждений, бассейным комитетам речников и моряков.

П. Ф. Казаков лично обследовал ряд закрытых амбулаторий предприятий и выяснил, что на них слабо проводятся или отсутствуют мероприятия по выявлению гипертоников, часто и

1 ЦГА СПб. Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.
2 Протокол № 50 от 9 января 1942 г. // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 481–482.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 49. Л. 20.
4 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 650.

длительно болеющих, и оказанию им профилактической и лечебной помощи.

В целях снижения заболеваемости на предприятиях были организованы две здравницы для подростков, где отдыхало с сентября по ноябрь 1943 г. 7 559 чел. По заявкам ОК союзов для больных, крайне нуждающихся в санаторно-курортном лечении, было решением Секретариата ВЦСПС предоставлено 25 путевок в санаторий для открытых форм туберкулеза на IV квартал 1943 г., полностью использованных.

Из-за недостатка путевок (не более 0,1% болевших бациллярной формой взрослых), П. Ф. Казаков предлагал организовать в Ленинграде санаторий для открытых форм туберкулеза, а ЛГЗО улучшить работу закрытых амбулаторий в области профилактики и лечебных мероприятий по отношению к страдающим гипертонией и аменореей, обеспечить амбулатории квалифицированными врачами, оборудованием, в том числе физиотерапевтическим[1].

В летний период 1943 г., в соответствии с постановлением СНК СССР и ВЦСПС, бюро ГК ВКП(б) возложило на ленинградские профсоюзы организацию пионерских лагерей для детей военнослужащих и трудящихся города. По решению Военного Совета Ленфронта были освобождены 124 помещения (32000 м^2), на базе которых были созданы 14 пионерлагерей. В сжатые сроки были проведены ремонтно-восстановительные работы с привлечением 1902 квалифицированных рабочих. Кроме того, в работах участвовали воинские части, комсомол, профсоюзный актив в свои выходные дни. Отдыхало в пионерлагерях 14 865 детей, которые были отобраны и завезены профсоюзными организациями. На 80% это были дети военнослужащих[2]. Были организованы 27 детских оздоровительных площадок при школах с 40-дневным пребыванием в две смены по 3000 чел. в смену. Таким образом, было обслужено 20865 детей. На оздоровительные мероприятия профсоюзами было израсходовано 10 миллионов рублей, в том числе родительских 3,3 миллиона рублей. ВЦСПС было выдано 3300 штук бесплатных путевок для детей фронтовиков и инвалидов Отечественной войны. Большое количество бесплатных путевок выдавали за свой счет ФЗМК. 760 путевок на сумму 320 тысяч выдал горком ВЛКСМ. В пионерлагерях были организованы 329 кружков, с охватом 8088 чел., библиотеки. С первых дней производился углубленный медицинский осмотр, выделялись группы с ослабленным состоянием здоровья, за которыми производилось регулярное медицинское наблюдение, им отпускалось дополнительное питание, рыбий жир, аскорбиновая кислота. В отчете уполномоченного в качестве примера приводились лагерь № 1, где дополнительное питание из подарочного фонда получил 741 ребенок, и лагерь № 5, где все дети получали рыбий жир (500 литров). В результате дети в среднем прибавили в весе до 1,5 кг. Остронуждающимся детям фронтовиков были выданы

1 ЦГА СПб. Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 13. Л. 10–12.
2 Там же. Л. 12, 13.

640 пар обуви, 1150 джемперов, гимнастерок, сорочек, 1150 трусов, 6000 галстуков. Было починено 1500 шт. белья, 241 пара обуви[1].

Согласно сведениям уполномоченного ВЦСПС по Ленинграду и Ленинградской области с января 1943 г. по 1 сентября 1944 г., ФЗМК обследовали на дому 108 293 (74%) семьи из учтенных 146 051 семей фронтовиков. Оказана была разнообразная помощь: в устройстве на работу, в обучении квалифицированным профессиям, денежная помощь на общую сумму: 56 687 315 рублей (в среднем 1477 руб. на человека). Помогали дровами, одеждой, пошивкой, с ремонтом жилплощади, с устройством индивидуальных огородов, с розыском близких, с реэвакуацией детей, устраивали детей в ясли, очаги, детдома[2].

8 октября 1942 г. Ленинградский горком ВКП(б) принял решение о шефстве предприятий и учреждений над военными госпиталями, согласно которому гражданские организации прикреплялись к госпиталям с целью улучшения госпитального дела, лучшего обслуживания раненых бойцов. Организация дела возлагалась на партийные, профсоюзные, комсомольские организации прикрепленных предприятий и учреждений[3].

Таким образом, профессиональные союзы стимулировали общественную активность трудящихся, способствовали включению женщин в общественную работу, защищали их профессиональные интересы. Будучи включены в систему административно-хозяйственного управления предприятиями, они взаимодействовали с государственными органами власти и находились под идеологическим контролем партийных органов.

Вторая группа: добровольные общества, которые составляли резерв НКВД (Ленинградская городская организация Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР (ОСОАВИАХИМ СССР) и добровольные спортивные общества (ДСО)). На эти общества легла ответственность за подготовку отрядов самообороны и самозащиты в домохозяйствах, а также за всевобуч населения.

Наряду с инструкторами Городского Комитета физкультуры, всю войну обеспечивали военно-физическую подготовку населения инструкторы физкультуры ДСО Ленинграда и лыжных баз ВЦСПС, в основном это были женщины[4].18 ноября 1941 г. ГК ВКП(б) было принято решение «О военно-лыжной подготовке трудящихся г. Ленинграда», согласно которому в программу Всевобуча вводилось 10 часов на лыжную подготовку, в том числе в школе младших

1 Там же. Л. 13.

2 Сведения уполномоченного ВЦСПС по Ленинграду и Ленинградской области о помощи профсоюзных организаций семьям военнослужащих за период с января 1943 по 1 сентября 1944 г. (не ранее 1 сентября 1943 г.) // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 396–397.

3 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 348–349.

4 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 69. Л. 18.

командиров[1].

С 1 июля 1941 г. к обязанностям председателя Ленгорсовета Осоавиахиама приступил П. И. Хропов. Приказом Ленгорсовета Осоавиахима от 10 июля 1941 г. № 116 на Кировском стрельбище началась работа Стрелкового клуба по подготовке истребительных отрядов города и частей Армии народного ополчения[2]. Распоряжением Ленгорисполкома от 26 июня № 167 «О сохранении голубестанций, устроенных на чердаках» были предприняты шаги по сохранению голубестанций (на случай необходимости голубинной почты)[3]. По решению ГК ВКП(б) от 14 июля 1941 г. автомотоклубы Горсовета Осоавиахима и автомотоклубы Городского комитета по делам физкультуры и спорта участвовали в ускоренной подготовке водителей автомашин по сокращенной программе[4].

Уже 11 сентября 1941 г. был издан приказ Ленгорсовета Осоавиахима № 169 организовать В. В. Здровской, начальнику сектора ПВХО Горсовета Осоавиахима, сбор донесений из районов об очагах поражения и мерах, принятых для их ликвидации. Ежедневные донесения должны были отражать боевую работу групп самозащиты домохозяйств с указанием адреса, номера дома или домохозяйства, фамилии командира и отличившихся бойцов, поимку ими вражеских диверсантов и сигнальщиков[5]. 5 октября 1941 г. приказом Ленгорсовета Осоавиахима № 193 были отмечены 32 лучших участника групп самозащиты, обученные Осоавиахимом, представленные в Ленгорисполком для награждения, в том числе школьники от 9 до 16 лет, а также 70-летняя А. М. Сеничева, боец пожарного звена Дзержинского района. Этим же приказом объявлялась благодарность за бесстрашие и мужество на работе в очаге поражения 15 человекам из отрядов самозащиты, в том числе бойцам пожарных звеньев, школьникам: 16-летнему Н. Абрамову, 15-летнему А. Коневу, 10-летнему П. Вайцеховскому[6].

В то же время 6 сентября 1942 г. было принято решение горкомом ВКП(б) о необходимости укрепить работу Осоавиахима, активизировать его работу на предприятиях[7]. Важную роль сыграло участие Ленинградской организацией в VII Всесоюзном соревновании организаций Осоавиахима. Если к началу соревнований в Ленинграде, 1 октября 1942 г., имелось 817

---

1 Организация лыжной подготовки возлагалась на инструкторов ДСО, в том числе календарь подготовки и проведения соревнований для учащихся вупов, в рабочих отрядах, дружинах РОКК и курсах медсестер, спецшкол, вузов, старших классов школ. См. О военно-лыжной подготовке трудящихся г. Ленинграда // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 433.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-3054. Оп. 1. Д. 16. Л. 125, 133.

3 Там же. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 1. Л. 239–241.

4 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 145.

5 ЦГА СПб. Ф. Р-3054. Оп. 1. Д. 16. Л. 198.

6 Там же. Л. 219–221.

7 Об организационном укреплении Ленинградской городской организации Осоавиахима // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. II. С. 541.

первичных организаций с 47 368 чел., то на 31 декабря 1942 г. количество организаций стало 1675 и 110 648 членов[1].

К третьей группе можно отнести творческие союзы художественной интеллигенции, которыми руководило Управление по делам искусства Ленгорисполкома (нач. П. И. Рачинский). В Управление входил отдел охраны памятников, в 1942 г. преобразованный в инспекцию по охране памятников[2]. Музеи и парки подчинялись отделу музеев и парков Управления по делам искусств, за исключением Эрмитажа и Русского музея, которые подчинялись Комитету по делам искусств СНК СССР.

Первоочередной была задача по укрытию, эвакуации и спасению экспонатов и зданий музеев г. Ленинграда и Ленинградской области, что началось уже 22–23 июня 1941 г. 25 июня 1941 г. вышло постановление Ленгорисполкома № 162 «О мероприятиях по защите городских монументов», согласно которому начались работы по укрытию памятников[3]. Музейщиками Ленинграда было вывезено более 66% ценностей из учреждений, подчинявшихся Управлению по делам искусств Ленсовета. Оставшиеся предметы из Летнего дворца, домика Петра I, музея истории и развития Ленинграда консервировались, переносились на хранение в Исаакиевский собор[4]. Работы продолжались и в 1942 г. На базе архитектурных мастерских (Ленизо) были созданы аварийно-восстановительные мастерские (АВМ). К работе были привлечены доктора архитектурных наук, профессора: Л. А. Ильин, Л. М. Тверской, А. П. Удаленков, Б. Н. Николаев, В. П. Соколовский, ведущие архитекторы и пр. Восстановительные работы были начаты АВМ уже летом 1942 г. (в бывшем доме Шувалова на Фонтанке, в Новом ТЮЗе, в музее Этнографии и т.д.)[5]. Методы маскировки шпилей Адмиралтейства, Петропавловского собора и других были разработаны в инспекции по охране памятников (рук. архитектор Н. Н. Белехов)[6].

В соответствии с решением ГК ВКП(б) от 3 сентября 1941 г. «Об организации шефства над батальонами выздоравливающих красноармейцев, командиров и политработников»[7]

---

1 Материалы о проведении VII-х Всесоюзных соревнований Осоавиахима по противовоздушной и противохимической обороне. 1942 // ЦГА СПб. Ф. Р-3054. Оп. 1. Д. 25. Л. 13.

2 Краткий отчет Управления по делам искусства исполкома Ленсовета за период Отечественной войны. 15 января 1942 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 96–120.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 1. Л. 239–241.

4 *Кантор Ю.З.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 45–49.

5 Были зарыты с устройством блиндажей: конные группы ск. барона П. К. Клодта с Аничкова моста, львы «Шидзе», памятник Анне Иоанновне ск. К. Б. Растрелли и др. (по ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 112, 113. См. также: Документ № 215. Из отчета государственной инспекции по охране памятников о работе за время войны // Ленинград в осаде. С. 522–527).

6 Были замаскированы шпили Петропавловской крепости (рук. инж. Л. А. Жуковский), Никольского собора, Инженерного замка, Адмиралтейства, колокольни Предтеченской церкви на Лиговской ул. (рук. арх. С. Н. Давыдов). (по *Загурский Б. И.* Глава двадцать вторая. Искусство // Очерки истории Ленинграда. Том V. – Л.: Наука, 1967. С. 605–606).

7 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 268.

Управлением по делам искусств была создана Городская Военно-шефская комиссия для обслуживания действующей Красной Армии, в которой к декабрю 1942 г. было 36 чел.[1] На 15 января 1942 г. работниками искусства было дано 10 440 шефских концертов, в том числе 6 680 на фронте, а также 340 выездных спектаклей театрами Ленинграда[2].

Всю войну действовали: Ленинградское отделение Союза Советских писателей (с 25 июня 1941 г. отв. секретарь В. Кетлинская); Ленинградский Союз советских композиторов (председатель В. М. Богданов-Березовский); Ленинградское отделение Союза художников (председатель В. А. Серов); Ленинградское отделение Союза советских архитекторов (и.о. председателя ЛОССА В. Д. Голли, д. арх. н.).

Значительная работа осуществлялась художниками в области пропаганды. Так, с 22 июня по 15 января 1942 г. было издано 2 241 тыс. плакатов издательством «Искусство», из которых 130 тыс. агитационных плакатов было развешано на улицах города. Работали художественные мастерские «Изорам», которые издали 140 тыс. плакатов и 80 тыс. лубков к январю 1942 г., в том числе специальный альбом «Борьба нашего народа против германских агрессоров», 22 акварели для Центрального Военно-Морского музея[3].

В 1941 г. 29 художников выпустили 244 плаката, популяризирующие мероприятия МПВО, которые были расклеены в городе. Группа скульпторов готовила скульптурные плакаты, 15 таких скульптур были установлены в городе. Уже в августе 1941 г. группой из 10 художников была организована выставка «Отечественная война», на которой выставлялись живописные панно и другие работы[4].

Бóльшая часть архитекторов работала в Архитектурно-планировочном управлении (АПУ) Ленгорисполкома (нач. М. В. Морозов, старший архитектор В. Д. Голли), в архитектурно-восстановительных мастерских при Ленизо, в Отделе охраны памятников, а также инженерами Райжилуправлений[5].

Начальником службы маскировки города являлся главный архитектор Ленинграда Н. В. Баранов. В соответствии с постановлением бюро горкома ВКП(б) от 2/ X-1941 г. на важнейших предприятиях, в том числе на железной дороге, создавались постоянные маскировочные группы, которые отвечали за эксплуатацию и обновление маскировки в соответствии с временами года[6].

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 51. Л. 72, 73.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 99.
3 Краткий отчет Управления по делам искусства исполкома Ленсовета за период Отечественной войны. 15 января 1942 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 109.
4 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 69. Л. 10, 11, 11об (Прошение о выдаче дополнительных продуктов членам Союза писателей от 5. II. 1943).
5 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 51. Л. 89, 90, 91.
6 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 330.

Архитектурно-планировочное Управление принимало активное участие в строительстве оборонительных рубежей, в установке бронированных ДОТов. С 29 июля 1941 г. М. В. Морозов присутствовал на заседаниях комиссии горкома ВКП(б) по строительству укрепленной полосы вокруг г. Ленинграда (пред. А. А. Кузнецов)[1]. Вместе с Н. В. Барановым летом 1941 г. М. В. Морозов находился в инженерном штабе ЛВО, отвечая за определенные участки работы[2].

Особое значение придавалось Ленгорисполкомом деятельности АПУ по восстановлению жилищно-коммунального хозяйства Ленинграда. В соответствии с постановлением Ленгорсовета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) «Об учете разрушений и аварий в г. Ленинграде, вызванных условиями военного времени» от 4 января 1942 г. АПУ осуществляло экспертизу аварийных объектов, паспортизацию наиболее сложных объектов, работу по систематизации обобщенного технического опыта в области строительства ПВО с привлечением научно-исследовательских институтов и вузов Ленинграда[3]. О значении, которое придавалось этой стороне деятельности архитектурно-планировочного управления, свидетельствует решение Ленгорисполкома от 10 ноября 1942 г. № 78–81 «Об организации общегородского Дома работников жилищного хозяйства» и передаче ему Дома Союза архитекторов по ул. Герцена, д. 52 в целях налаживания политико-массовой работы среди работников жилищного хозяйства и организации широкого обмена опытом по ремонту и эксплуатации жилого фонда. Содержание его планировалось за счет отчислений домохозяйств на культурно-массовую работу[4]. Необходимо указать, что данное решение ранее не публиковалось и не вошло в новейшее собрание решений Ленгорисполкома[5].

О значимости вклада художественной интеллигенции Ленинграда в духовную культуру страны можно судить по удельному весу государственных (Сталинских) премий за 1941 – 1942 гг., полученных ленинградцами, а также за работу в составе ленинградских творческих коллективов: в области искусства 32 чел. (из них А. М. Пазовский дважды), на общую сумму 1 250 000 рублей, среди них: Д. Д. Шостакович, В. В. Лишев, Г. М. Нелепп, Б. М. Фрейдков, О. А. Кашеварова, С. Д. Васильев, Г. Н. Васильев, М. Г. Геловани, Н. И. Боголюбов, М. И. Жаров, А. И. Сигаев, В. В. Эйсмонт, С. В. Михалков, М. Я. Розенберг, З. А. Федорова, В. А. Раппопорт, Н. С. Тихонов, В. П. Соловьев-Седой, В. В. Софроницкий, А. М. Пазовский, Л. В. Баратов, Ф. Ф.

1 Протокол № 4 заседания комиссии по строительству укрепленной полосы вокруг г. Ленинграда от 29 июля 1941 г. // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 44.

2 Воспоминания Бычевского Б. В. О первых неделях битвы за Ленинград // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 76. Л. 24.

3 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 529.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 4. Л.11–13.

5 Ср. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 - декабрь 1942 гг.

Федоровский, В. М. Соловцов, А. Л. Богоров, А. И. Погорелов, В. И. Страдин, Е. Ю. Учитель, М. И. Алигер (Зейлигер), Е. П. Корчагина-Александровская, Ю. М. Юрьев, В. А. Мичурина-Самойлова, Б. В. Асафьев (Игорь Глебов)[1].

Борьба за сохранение жизни выдающихся деятелей культуры, оказавшихся в блокированном Ленинграде, безусловно, имела серьезное значение.

7 июля 1941 г. на первом заседании правления Ленинградского отделения Союза писателей в период войны были созданы комиссии: по оказанию материально-бытовой помощи семьям писателей, находившихся в РККА (председатель – Е. Г. Полонская) и по оказанию помощи писателям, пострадавшим от бомбардировки (председатель – Е. Л. Шварц)[2]. В начале августа 1941 г. в городе находилось 158 человек из 342 членов и кандидатов (на 1 января 1941 г.) Ленинградского отделения Союза писателей[3]. Творческий Союз заботился о здоровье Е. М. Куприной, находившейся в блокадном городе вдовы А. И. Куприна. Большую заботу о быте писателей проявлял А. С. Семенов, директор Литфонда и Управления по охране авторских прав[4].

В отчете Управления по делам искусства (и.о. начальника Управления П. И. Рачинский) указывались мероприятия на 15 января 1942 г. для сохранения жизни и здоровья деятелей культуры. Так, были организованы столовые, имеющие ряд льгот: выдача супов без карточек в театрах, вырезка 50% обеденных талонов в столовых художников и архитекторов, выдача продовольственных карточек 1-й категории по именным спискам для профессоров, композиторов, художников, ведущих артистов, духовых групп оркестров, балета, а также единовременная помощь дополнительным продовольствием[5].

Согласно Списку № 3 за февраль 1942 г. на получение дополнительного продовольствия по выдающимся деятелям культуры Ленинграда (работникам кино, мастерам спорта СССР по шахматам, членам Союзов писателей, художников, архитекторов, композиторов, заслуженным артистам, деятелям культуры и искусства, членам творческих коллективов театров и др.), его получали 95 человек[6]. С 1 декабря 1942 г. по именным спискам члены и кандидаты в члены Ленинградских отделений творческих союзов получали специальные обеденные столовые карточки. В том числе 88 членов и кандидатов в члены Союза художников, 112 членов Союза

---

1 Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – 1943. – № 4. С. 53; ГАРФ. Ф. Р-5466. Оп. 1. Д. 199. Л. 327–333; Д. 212. Л. 196–281. [Подсчитано мной – ЛГ].

2 *Бахтин В.* Будни, ставшие подвигом // Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944) / З. Дичаров. – СПб.: Наука, 1996. С. 20.

3 Там же. С. 45–46.

4 Прошение о выдаче дополнительных продуктов членам Союза писателей от 5. II. 1943 // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 69. Л. 10, 11, 11об.

5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 119, 120.

6 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 51. Л. 1–26; Д. 52. Л. 1–25.

Советских архитекторов, 17 членов Союза Советских композиторов, 94 члена Союза писателей[1].

Творческому подвигу ленинградских музейных работников, художников, скульпторов и архитекторов, погибших в блокированном Ленинграде, посвящена книга Н. Паперной, вышедшая в 1967 г. Сборник воспоминаний и дневников завершается мемориалом, в котором указаны фамилии погибших: от студентов до академиков, всего 636 человек[2].

К четвертой группе следует отнести научные и научно-технические общества, которые занимали важное место в культурной жизни города. В 1941 г. в состав Академии Наук СССР входили семь научных обществ, причем одно из них: Всесоюзное географическое общество подчинялось непосредственно Президиуму АН СССР[3].

Кроме того, в Ленинграде работали научные медицинские общества, активно взаимодействовавшие с Советскими органами власти. Всесоюзное общество детских врачей в годы войны возглавлялось правлением, в которое входили ленинградские педиатры: Ю. А. Менделева, А. Ф. Тур, М. С. Маслов (с ноября 1941 г. в эвакуации), П. С. Медовиков (умер в 1941 г.), В. О. Мочан (с ноября 1941 г. в эвакуации)[4]. Профессор А. Ф. Тур возглавлял постоянную комиссию по здравоохранению, входил в Совет старейшин Выборгского районного Совета депутатов трудящихся. Входила в данную комиссию и профессор Ю. А. Менделева[5]. В период блокады работало Хирургическое общество Пирогова, с 26 апреля 1942 г. Общество проводило систематические заседания, где обсуждалось «обслуживание докладов по проведенным в Ленинграде хирургическим операциям»[6]. С мая 1942 г. возобновило деятельность Ленинградское отделение Всесоюзного общества врачей-терапевтов имени С.П. Боткина. При Ленгорздравотделе с 15 мая 1943 по июль 1944 г. действовал Комитет по изучению алиментарной дистрофии и авитаминозов, созданный обществом, имеется отчет о работе общества за годы войны[7]. В Комитет входили: В. Г. Гаршин, А. Ф. Тур, С. М. Рысс, М. Д. Тушинский, М. В.

1 Там же. Д. 51. Л. 86–92, 94.

2 Среди них академики живописи, умершие от голода: в 1941 г. Н. Ф. Петров, 69 лет; в 1942 г. И. Я. Билибин, 66 лет, и Г. М. Бобровский, 69 лет, Г. И. Котов, 84 лет; Э. О. Визель, умерший в 1943 г. В 1941 г. скончался от голода знаменитый русский художник 58-летний Павел Николаевич Филонов (по Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Воспоминания. Дневники. Письма. Очерки / авт.-сост. Н. Паперная. – Л., 1969. С. 352–386; См. также Страницы памяти. Справочно-мемориальный сборник. Художники Ленинградского Союза советских художников, погибшие в годы Великой Отечественной войны и в блокаду Ленинграда. – СПб.: Петрополис, 2010).

3 *Синельникова Е. Ф.* Научные общества в системе Академии наук СССР (1930–1950-е годы) // Социология науки и технологий. – 2023. – Том 14. – №3. С. 97, 104, 107. [Имеется электронный ресурс].

4 *Альбицкий В. Ю., Шер С. А., Закирова Л. А.* К истории Всероссийского общества детских врачей // Вопросы современной педиатрии. – 2016. – Том 15. – №4. С. 332.

5 ЦГА СПб. Ф. Р-148. Оп. 2. Д. 100. Л. 80, 88; Д. 192. Л. 58.

6 Там же. Ф. Р-9945. Оп.1. Д. 5. Л. 112; Д. 6. Л. 84; Д. 7. Л. 91.

7 Там же. Ф. Р-3254. Оп.1-1. Д.8. Л. 14; Д.9. Л. 285; Д. 10. Л. 15.

Черноруцкий и другие[1]. С 1 мая 1942 г. возобновило свою работу Ленинградское отделение Всесоюзного общества психиатров и невропатологов. Имеется отчет о работе невропатологической секции общества с 1 мая 1942 по 1 июля 1943 г. 1 октября 1944 г. была проведена конференция «Нервно-психические нарушения при артериальной гипертонии»[2].

В период войны в Ленинграде также действовали 11 научно-технических общества (НТО), подотчетные соответствующим наркоматам[3].

В конце 1943 г. возобновил свою работу Ленинградский Дом техники (Ленинградский Дом научно-технической пропаганды Ленинградской областной организации «Знание» РСФСР) как технический центр Ленинградской промышленности по обмену опытом и технической пропаганды[4].

Важную роль в научной жизни Ленинграда играли общества клубного типа: Дом ученых имени Горького (перед войной вошел в состав Академии Наук СССР), Дом ученых в Лесном, Всесоюзное Пушкинское общество. В их задачи входила организация быта ученых, работали разнообразные научные секции. В обоих Домах имелись стационары для ученых, заболевших дистрофией. Пушкинское общество организовало выступления в госпиталях, в которых активно участвовали его члены, в том числе Народный артист Армянской ССР В. К. Папазян.

В период обороны Ленинграда управление ленинградскими учреждениями АН СССР последовательно осуществляли Ленинградское отделение Президиума АН СССР (25 августа – 18 октября 1941 г.) и его правопреемница, комиссия по делам ленинградских учреждений АН СССР (с 4 ноября 1941 г. – 10 апреля 1942 г.)[5].

23 июня 1941 г. было принято решение Президиума Академии наук СССР, согласно которому отделениям и институтам предлагалось пересмотреть темы научно-исследовательских работ с учетом задач обороны и хозяйства страны. Соответственно, организация научной работы ленинградских ученых в период войны была подчинена решению основных задач: разработке новых военных технологий, сохранению жизни ленинградцев, сохранению ценностей искусства и культуры, находящихся в Ленинграде.

5 июля 1941 г. газета «Ленинградская правда» опубликовала обращение академиков А. А.

---

1 *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. – М. –Л.: Наука, 1966. С. 125–126.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-3253. Оп.1. Д. 43. Л. 3; Д. 47. Л. 21.

3 Деятельность этих обществ представлена в фондах Центрального государственного архива научно-технической документации (ЦГАНТД) СПб (Ф. 340; 184; 186; 309; 342; 359; 366; 358; 360; 365; 355).

4 ЦГА СПб. Ф. Р-9755. Оп.1. Д. 8. Л. 29; Д. 16. Л. 44.

5 До 24 декабря 1941 г. Комиссия по делам ленинградских учреждений возглавлялась академиком С. А. Жебелевым, а с 29 декабря в связи со смертью Жебелева – известным арабистом академиком И. Ю. Крачковским (по *Баженова Н. М.* Сотрудники ленинградских академических учреждений в первую блокадную зиму: по материалам Санкт-Петербургского филиала архива РАН // Жизнь и быт блокированного Ленинграда: Сборник научных статей / отв. ред. *Б. П. Белозеров*; СПбГУ. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 52–84).

Байкова, И. И. Мещанинова, В. В. Струве, А. А. Ухтомского, А. Е. Фаворского и др. к работникам науки с призывом отдать все знания и опыт интересам фронта. Были созданы специальные: Комитет (Политехнический институт), Бюро (Институт прикладной химии), Штабы оборонных работ (ЛИИЖТ, Горный институт)[1].

При горкоме ВКП(б) с июля 1941 г. работала комиссия по реализации оборонных предложений и изобретений, в которую входили академики: Б. Г. Галеркин, А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенов, профессора Я. Б. Зельдович, Н. Н. Миролюбов, А. А. Петров, Д. В. Тищенко, Ю. Б. Харитон, М. А. Шателен. Работая всю блокаду, комиссия способствовала разработке новых оборонных технологий. Результаты ее работы были отмечены решением горкома ВКП(б) от 14 июля 1944 г. Пригодился опыт ВЦСПС: активно работали ленинградские отделения Всесоюзных научных инженерно-технических обществ, специальные бригады объединяли усилия ученых и рабочих-рационализаторов[2]. При необходимости в Ленинград вызывали специалистов, необходимых для разработки ленинградских проектов.

Председателем комиссии при горкоме ВКП(б) был назначен выдающийся ученый А. Ф. Иоффе, член Дома ученых. Членами Дома ученых были А. П. Александров, Б. Д. Галеркин, И. В. Курчатов. Соответственно, при Доме ученых работало Бюро научно-технической помощи городу и фронту, действовали секции химии, подъемно-транспортных сооружений, судостроения, сельскохозяйственная, к апрелю 1943 г. их число возросло до 17. В работе секций принимали участие адмирал В. Ф. Трибуц, вице-адмирал Ю. Ф. Ралль, контр-адмирал Б. П. Хлюстин[3].

В то же время правительством ставилась задача: сохранить жизнь и здоровье выдающихся деятелей науки и культуры. Уже 17–18 сентября 1941 г. заместителем начальника Управления НКВД по Ленобласти Макаровым были представлены в Ленгорисполком списки деятелей культуры, подлежащих обязательной эвакуации. Среди них были академики и профессора: С. А. Жебелев, П. К. Коковцев, С. П. Обнорский, И. А. Орбели, П. И. Преображенский, Н. Ф. Мейер, В. И. Колычев, В. В. Струве, А. А. Ухтомский, В. А. Фок, Я. И. Френкель, М. А. Шателен, а также известные писатели: О. Д. Форш, А. А. Ахматова[4].

В постановлении Совета по эвакуации при СНК СССР от 28 октября 1941 г. предусматривалась немедленная эвакуация самолетами 200 наиболее видных представителей науки. В этот период в Ленинграде трудились 12 академиков и 15 членов-корреспондентов АН

---

1 *Соболев Г. Л.* Глава девятнадцатая. Высшая школа и научно-исследовательская работа // Очерки истории Ленинграда. Т. V. – Л.: Наука, 1967. С. 559–560.

2 Там же. С. 562.

3 *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С. 119.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д..5. Л. 18–29.

СССР[1]. Академики: С. А. Жебелев, А. А. Ухтомский, П. К. Коковцев отказались уехать.

К февралю 1942 г. в Ленинграде находилось не менее 64 научных учреждений, в том числе АН СССР, и 46 вузов, включая курсы повышения квалификации и заведения заочного обучения, в которых работало не менее 1583 ученых (докторов и кандидатов наук), в том числе 10 чл.-корр. АН СССР и 4 академика АН СССР [Подсчитано мной по спискам Продовольственной комиссии – Л.Г.][2].

В течение 1942 г. было эвакуировано 11 из 14 институтов Академии Наук, в которых, после завершения эвакуации, осталось лишь 118 научных сотрудников[3].

В Докладной записке уполномоченного Президиума АН СССР горкому ВКП(б) о работе академических институтов за период с июня 1941 по декабрь 1943 г. отмечалось, что к декабрю 1943 г. в Ленинградских учреждениях АН СССР имелось три члена-корреспондента АН СССР, 15 докторов наук, профессоров, 37 кандидатов наук. За время войны среди сотрудников АН СССР в Ленинграде умерло три академика (С. А. Жебелев, П. К. Коковцов, А. А. Ухтомский), пять членов-корреспондентов (Н. К. Козьмин, В. В. Майков, Н. А. Буш (умер в эвакуации), А. А. Ромаскевич, П. А. Земятчинский), шесть профессоров, 16 докторов и 54 кандидата наук[4].

В соответствии с решениями Продовольственной Комиссии Военного Совета Ленинградского фронта, созданной 15 января 1942 г., ведущие сотрудники научных учреждений и организаций обеспечивались дополнительным питанием за счет пайков и карточек дополнительного питания в специальных столовых для поддержания жизнедеятельности выдающихся деятелей культуры. Так, с февраля 1942 г. доктора наук, профессора по спискам, представленным обкомом Союза Высшей школы и научных учреждений, прикреплялись к специальному магазину №1 «Гастроном» (Дом Елисеева). Согласно таким спискам, прикреплялось 599 чел. В этот же список входили заслуженные деятели культуры, мастера спорта, Заслуженные учителя РСФСР. Поэтому число докторов наук, академиков, включая сотрудников отдела здравоохранения Ленгорисполкома, составило всего 162 чел. по 60 научным учреждениям. Из них шесть членов-корреспондентов АН СССР, 1 академик. Однако на 14 марта 1942 г. 142 чел. из прикрепленных не являлось за продуктами из-за эвакуации, смерти и

---

1 И. И. Мещанинов и Л. А. Орбели эвакуировались только после правительственного распоряжения. Академик А. А. Байков покинул город только в декабре 1941 г. после седьмого по счету предложения (по *Соболев Г. Л.* Глава девятнадцатая. Высшая школа и научно-исследовательская работа // Очерки истории Ленинграда. Т. V. С. 565, 568).

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 51. Л. 1–26; Д. 52. Л. 1–25.

3 *Соболев Г. Л.* Указ. соч. С. 569.

4 Документ № 123. Докладная записка уполномоченного президиума АН СССР по ленинградским учреждениям Академии Наук горкому ВКП(б) о работе академических институтов за период с июня 1941 по декабрь 1943 г. // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 391–395.

неизвестным причинам. [Подсчитано по спискам мной – ЛГ][1].

Не все знали о том, что им положен спецпаек. Н. М. Баженова приводит выдержки из дневника С. А. Павловой, супруги д. ф.-м.н., проф. Н. Н. Павлова, сотрудника Пулковской обсерватории, которая писала о смертности сотрудников обсерватории в феврале – марте 1942 г., а также о том, как случайно узнала о спецпайке, положенном мужу в апреле 1942 года. Кстати, в спецпаек вошли 2 кг краковской колбасы, 2 кг крупчатки, 1 кг сливочного масла, 1 кг сахара, 1 кг гречи, 1 кг манной крупы и 2 пачки «Беломорканала»[2].

После эвакуации весной – летом 1942 г., 1 декабря 1942 г. были утверждены списки работников науки, искусства и литературы на получение карточек 1 категории, всего 1414 чел.[3]

Для ленинградских деятелей культуры была характерна взаимная поддержка и выручка. Так, А. В. Кольцов в своем исследовании приводит пример взаимопомощи выдающихся ученых: два вагона с продовольствием, отправленные в качестве подарка в Ленинград[4]. Из этих и других подарков (партизанский обоз из деревень с оккупированной гитлеровцами территории и др.) был сформирован подарочный фонд, из которого бесплатно и раздавались подарки в виде продовольственных выдач через спецраспределитель. Так, решением Продовольственной комиссии Ленфронта от 9 декабря 1942 г. были выделены дополнительные пайки из спецмагазина №1 на 432 человека ученых: академиков, профессоров, доцентов, докторов и кандидатов наук, а также деятелей искусства, физической культуры и спорта[5].

Важное место не только в стимулировании научной и изобретательской деятельности, но и в материальном обеспечении ученых и инженеров, отводилось Сталинским премиям. За годы войны Сталинских премий были удостоены: в области изобретений 142 чел. ленинградцев на общую сумму 3 070 800 руб. и в области науки 27 чел. ленинградцев на общую сумму 3 450 000 руб.[6]

Необходимо отметить, что предпринятые меры позволили к концу 1945 г. достигнуть

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 51. Л. 1–26; Д. 52. Л. 1–25, 37.

2 *Баженова Н. М.* Указ. соч. С. 65–66.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 51. Л. 29 –98.

4 7 апреля 1942 г. ученые АН СССР, жившие в Казани, направили коллегам в Ленинград подарок к 1 мая два вагона с продовольствием. Уполномоченными Президиума АН СССР для сопровождения вагонов и распределения продуктов были назначены сотрудники АН СССР: Б. С. Джелепов, В. К. Боболев, Н. С. Иванова и др. (по *Кольцов А. В.* Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943). – М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 95).

5 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 52. Л. 267-273.

6 ГА РФ Р-5446. Оп. 1. Д. 199. Л. 303–325; Д. 212. Л. 270–301. [Подсчитано мной по выборкам из списков награжденных. ЛГ]. Подробнее см. *Газиева Л. Л.* Вклад выдающихся деятелей ленинградской культуры в развитие науки и техники, отмеченный Сталинскими премиями за 1942 – 1943 гг. // Героическое и трагическое лихолетье. Международная научно-практическая конференция к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Сборник статей. – Оренбург: Изд-во Оренбургского государственного педагогического университета, 2025. С. 58–63. [Имеется электронный ресурс].

довоенного уровня по числу научных учреждений в Ленинграде[1].

К пятой группе можно отнести религиозные организации, которыми с 1943 г. руководило Управление по делам РПЦ, а с 1944 г. Управление по делам религий СНК СССР.

К 4 сентября 1941 г. на всю Ленинградскую епархию оставался 21 православный храм, в том числе в Ленинграде – восемь, в пригородах – пять. Число священнослужителей в городе не превышало 20 человек[2]. Управляющим Ленинградской (Петроградской) епархией с 1933 по 22 января / 4 февраля 1945 г. являлся митрополит Ленинградский и Новгородский (до ноября 1943 г. Ленинградский) Алексий (Симанский). Управляющим обновленческой[3] Ленинградской (Петроградской) епархией, существовавшей с 1922 г. по 1944 гг., был с апреля 1938 г. по 6/19 декабря 1941 г. протопресвитер Абакумов Алексей Григорьевич, временно управляющий, с 5/18 апреля 1943 по 11/24 июля 1944 г. – епископ Ладожский Сергий (Румянцев Сергей Владимирович), временно управляющий[4].

26 июня 1941 г. митрополит Алексий обратился к духовенству и верующим с воззванием «Церковь зовет к защите Родины»[5]. Листовка с обращением митрополита Алексия была распространена среди партизан и населения на оккупированной территории с помощью Второй Ленинградской особой партизанской бригады разведотдела штаба Северо-Западного фронта, действовавшей с октября 1941 по апрель 1942 г. в тылу врага[6]. С 23 июня 1941 г. приходы Ленинграда начали сбор средств на защиту Родины, одним из важнейших дел для верующих стала забота о раненых[7].

Как справедливо отмечает Т. А. Чумаченко, и распространение органами Советской власти обращений пастырей к пастве, и позволение сбора средств на оказание благотворительной помощи не только противоречили политико-правовой практике

---

1 В 147 НИИ, отделениях, комиссиях насчитывалось свыше 5800 научных работников, среди которых было 49 академиков, 64 члена-корреспондента, 596 докторов, 1573 кандидата наук (по *Соболев Г. Л.* Глава девятнадцатая. Высшая школа и научно-исследовательская работа // Очерки истории Ленинграда. Т. V. С. 576–577).

2 Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов. 1917–1941: Сборник документов / сост. Н. Ю. Черепенина, М. В. Шкаровский; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. – Санкт-Петербург: Лики России, 2000. С. 207–208.

3 Обновленческая церковь в 1922 г. отделилась от патриаршей, заявив о поддержке Советской власти. С к. 1943 г. церкви воссоединились, в связи с примирением Советского государства с патриаршей церковью.

4 Документ № 186. Список духовенства Московской Патриархии церквей г. Ленинграда и пригородов // Указ.соч. С. 222, 223.

5 Документ № 207. Обращение митрополита Ленинградского Алексия к верующим «Церковь зовет к защите Родины». 26 июня 1941г. // Ленинград в осаде. С. 490–492.

6 *Рашитова О. А.* Деятельность Русской Православной Церкви во время войны и блокады Ленинграда. 1941 – 1945 гг. (на материалах Ленинграда). Автореф....на соиск. ст. к.и.н. – СПб., 2006. С. 14, 15, 18.

7 *Василик В. В.* Патриотическое служение духовенства в годы блокады // Ленинградская битва сквозь призму времени. Материалы научной конференции и «круглого стола», состоявшихся в музее в 2011 г. / Ред.-сост. Л. А. Наливкин; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – СПб., 2011. С. 120–121.

Советского государства в отношении церкви (церковная благотворительность была запрещена постановлением СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях»), но и указывали на изменения политической повседневности[1]. В то же время, так как церковь была отделена от государства, вопросы, связанные с религиозными культами, на заседаниях Ленгорисполкома в период блокады практически не рассматривались.

29 июня 1941 г., в воскресенье, в Спасо-Преображенском соборе (обновленческом) впервые был отслужен молебен Спасителю и Божьей матери о даровании победы Красной Армии. Тогда же начался сбор добровольных пожертвований на оборону страны[2].

При церквах прихожанами и служащими церкви обустраивались убежища на случай бомбежек и обстрелов. При Спасо-Преображенском соборе такое убежище устраивалось председательницей общины Е. Д. Белашевой и комендантом А.Ф. Шишкиным. Убежище было осмотрено комиссией районного МПВО, и на имя коменданта собора стали поступать «наряды» от начальника МПВО Дзержинского района на прикрепление к убежищу граждан, живущих по соседству. Всего было прикреплено около 500 человек. Вот как оценивалось это прикрепление: «Собор рассматривал эти “наряды”, как дело большой важности. Он понимал, что под его охрану отдавалось целых 500 человеческих жизней, а потому постоянно был “на чеку”, считая наилучшее выполнение приказов делом чести и морального долга»[3].

Изменилось положение Ленинградской епархии. Зимой 1942–1943 гг. был отснят документальный фильм «Сбор ленинградскими верующими средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского и эскадрилью имени Александра Невского». В госпиталях показывали фильм, заканчивавшийся словами «Осени себя крестным знаменем, русский народ!»[4]. С 1 мая 1943 г. священнослужители были приравнены к советским служащим при выдаче карточек[5].

4 сентября 1943 г. архиерейская делегация, в которую входил митрополит Алексий, была на приеме у И. В. Сталина, а 8 сентября Собор епископов Православной церкви избрал митрополита Сергия патриархом и объявил об образовании Священного Синода. Собор

---

1 *Чумаченко Т. А.* Государство и православная церковь в условиях военного времени // Государство. Право. Война (К 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Материалы международной научной конференции. В 2-х частях. Под ред. Н.С. Нижник. СПб., 2020. С. 1152, 1153.

2 Отчет о деятельности духовенства и мирян Спасо-Преображенского собора за 2 года Отечественной войны с кратким описанием и историей собора // ЦГА СПб. Ф. Р-4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 1. См. также *Шкаровский М. В.* Община Преображенского собора Ленинграда в 1941 – 1945 году // Христианское чтение – 2019 – №3. С. 216.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-4769. Оп.3. Д. 147. Л. 6, 13. См. также *Шкаровский М. В.*Указ. соч. С. 217.

4 *Рашитова О. А.* Указ.соч. С.19.

5 *Серебрянная Е. Д.* Урок-экскурсия «Блокадный храм» // Подвиг Ленинграда бессмертен. – СПб., 2004. С. 110–115.

осудил изменников веры и Отечества[1].

Постановлением СНК СССР от 14 сентября 1943 г. № 993 был создан Совет по делам русской православной церкви при СНК СССР[2]. 7 октября 1943 г. было принято постановление № 1095 «Об утверждении Положения о Совете по делам русской православной церкви при Совнаркоме СССР»[3]. 28 ноября 1943 г. было принято постановление СНК СССР о порядке открытия церквей[4]. С октября 1943 г. начал издаваться «Журнал Московской Патриархии». Председателем Совета по делам русской православной церкви стал Георгий Григорьевич Карпов, полковник госбезопасности, начальник 4-го Отдела (борьба с церковной и сектантской контрреволюцией) 3-го Секретно-политического Управления НКГБ СССР.

Новая вероисповедальная политика государства привела к изменению положения РПЦ: была восстановлена традиционная структура управления РПЦ, система духовного образования, издательская деятельность, упорядочена система налогообложения[5]. 21 февраля 1944 г. протоколом № 74, п. 98 заседания исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся уполномоченным Совета по делам русской православной церкви при исполкоме Леноблсовета был утвержден Александр Иванович Кушнарев[6].

11 октября 1943 г. Митрополиту Алексию и одиннадцати другим служителям церкви были вручены медали «За оборону Ленинграда». 17 октября 1943 г. об этом событии сообщила газета Ленинградская правда. В заметке приводились слова митрополита, который, принимая медаль, сказал: «...верующие нашего города-героя будут вносить свою лепту в фонд обороны любимой отчизны, будут усердно молить Всевышнего о скорейшем изгнании гитлеровских супостатов с родной русской земли, будут возносить молитвы за здоровье народного вождя Иосифа Сталина». Медаль была вручена протоиереям Никольского собора Ломакину и Дубровицкому, настоятелю Больше-Охтенской Никольской церкви протоиерею Михаилу Славницкому, который состоял в группе самозащиты, нес дежурства по охране порядка[7].

С осени 1943 г. священнослужителей Ленинграда стали привлекать к общественной работе: протоиерей Н. Ломакин вошел в городскую и областную комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских преступников, был одним из свидетелей на Нюрнбергском

1 *Рашитова О. А.* Указ.соч. С. 19.
2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 218. Л. 179–180.
3 Там же. Д. 219. Л. 89–92.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 1. Д. 8. Л. 2, 5.
5 *Чумаченко Т. А.* Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР. 1943–1965 гг. Автореф....на соиск. ст. д.и.н. – М., 2011. С. 25.
6 ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 1. Д. 8. Л. 13–17.
7 Ленинградская правда. – 1943. – № 246. С. 2.

процессе[1].

28 ноября 1943 г. были приняты постановления СНК СССР № 1324 «Об утверждении предложения Совета по делам русской православной церкви при Совнаркоме СССР о разрешении открытия православного богословского института и богословско-пастырских курсов», а также № 1325 «О порядке открытия церквей»[2]. 14 декабря 1943 г. в Ленинградский облисполком пришло разрешение Совета по делам православной церкви иметь технический аппарат митрополиту Алексию (Симанскому)[3].

Колокола были сняты с колоколен церквей еще в довоенный период, однако, когда были освобождены от немцев прежде оккупированные районы Ленинградской области, оказалось, что кое-где на колокольнях появились колокола. 10 марта 1944 г., ввиду примирения церкви с государством, их было решено оставить, но колокольный звон прекратить[4].

Изменение отношений церкви и государства способствовало консолидации РПЦ: в конце 1943 – начале 1944 г. к Патриаршей Православной церкви присоединились иосифлянский и обновленческий приходы. Способствовало это и укреплению влияния церкви. Так, в 1944 г. было отпето 48% покойников[5].

В апреле 1944 г. впервые было разрешено «директивными инстанциями» [так в документе, лично Сталиным? – ЛГ] проведение в ночь с 15 по 16 апреля ночной пасхальной службы в церквах с крестным ходом. В связи с этим было предложено во время пасхальной службы в церквах читать патриотическое обращение патриарха Сергия, осуществить сбор средств в фонд обороны, через епископа, благочинных, настоятелей церкви и председателей общин принять меры к соблюдению порядка в церквах и светомаскировки. 17 апреля послать отчет в Совет о проделанной патриотической работе, о посещаемости в церквах[6].

О росте влияния православной церкви в Ленинграде за период войны можно судить по тому, что на пасхальной службе в 1944 г. присутствовали 35 тысяч человек. В 1945 г. в 8 церквях их число выросло до 90 тыс. чел., а в 1946 г. пасхальная служба собрала уже до 140 тыс. чел., включая открытую в апреле 1946 г. Троицкую церковь «Кулич и Пасха». Так как помещения соборов не могли вместить всех желающих, большие толпы собрались вокруг храмов. Никольский собор собрал до 50 тыс. чел., Спасо-Преображенский собрал до 40 тыс., Князь-Владимирский собрал до 40 тыс. чел.[7]

---

1 *Рашитова О. А.* Указ.соч. С.19.
2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 219. Д. 221. Л. 1–2, 3–7.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
4 Там же. Л. 4, 5.
5 *Василик В. В.* Указ.соч. С. 120–121.
6 ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 3. Д. 9. Л.6.
7 Там же. Д. 2. Л. 28об; Д. 10. Л. 73.

25 апреля 1944 г. в Ленинградский облисполком, уполномоченному Совета по делам русской православной церкви А. И. Кушнареву пришла инструкция о сборе сведений по «материальному выражению патриотической деятельности русской православной церкви за весь период Отечественной войны»[1]. Таким образом, благотворительность как форма выражения патриотизма церкви была признана легитимной СНК СССР в 1944 г. Осуществлять церковью благотворительную помощь было разрешено только через Уполномоченного Совета по делам РПЦ.

На 1 января 1946 г. взнос от верующих Ленинграда составил: в Фонд обороны страны 10 614 271 руб., на Красный Крест 2 453 019 руб., на подарки бойцам Красной Армии 234 250 руб., детям и семьям бойцов Красной Армии 3 442 436 руб.[2] Количество денег, сданных в фонд обороны лично духовенством, можно уточнить: на 31 декабря 1944 г. личные средства, пожертвованные духовенством, составили: 397 625 рублей из общей суммы пожертвований церковными Советами и духовенством, 14 077 977 рублей 65 копеек, в том числе иосифлянская церковь в Коломягах[3].

В то же время личные расходы священников оставались мизерными. Только в Спасо-Преображенском соборе за время блокады скончались 3 священника и 11 служащих церкви[4].

Помимо Совета по делам РПЦ при СНК СССР, 19 мая 1944 г. постановлением СНК СССР № 572 был создан Совет по делам религиозных культов, под председательством К. А. Зайцева. 29 мая 1944 г. было принято постановление № 628 СНК СССР «Об утверждении положения о Совете по делам религиозных культов при Совнаркоме СССР, штатов и должностных окладов работникам Совета». Совет должен был регулировать отношения между государством и руководителями религиозных объединений: мусульманского, иудейского, буддийского вероисповеданий, армяно-григорианской, старообрядческой, греко-католической, католической, лютеранской церквей и сектантских организаций по вопросам этих культов, требующим разрешения Правительства СССР[5].

К шестой группе следует отнести взаимодействие органов Советской власти с обществами взаимопомощи, которые целесообразно рассмотреть отдельно, соответственно их характеру.

Таким образом, оценивая эффективность деятельности местных органов Советской власти в блокированном Ленинграде, необходимо обратить внимание на изменение их состава и,

1 Там же. Д. 9. Л. 8, 9.
2 Там же. Д. 10. Л. 66.
3 Там же. Д. 2. Л. 64, 65.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 22, 57.
5 Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 13–17.

соответственно, содержания деятельности из-за привлечения общественности. Значительная часть актива была членами общественных организаций, широкого спектра социальных и политических взглядов, без социальных ограничений: возрастных, гендерных. Ядром этих организаций были коммунистические, однако и они эволюционировали, благодаря преобладанию в них женщин, участию подростков. Это позволяло преодолеть отчуждение власти от общества, решать социально-психологические конфликты на бытовом уровне.

Общие выводы к главе: Конституционный характер Советской власти имел ключевое значение для укрепления государства. Несмотря на создание 30 июня 1941 г. Государственного комитета обороны, способствовавшего сосредоточению государственной власти в руках партийно-политической верхушки, высшая законодательная власть сохранилась у Верховного Совета СССР. Органами исполнительной власти, которые решали все вопросы, касающиеся положения гражданского населения, остались Совет народных комиссаров СССР и республиканские Советы народных депутатов. На местах эти вопросы входили в компетенцию исполкомов Советов депутатов трудящихся. Важную роль играли демократические институты Советской власти: хоть и в сокращенном составе работал корпус депутатов, обращаясь с запросами по жалобам трудящихся, собирались на сессии районные Советы. При этом районные Советы, максимально приближенные и открытые к населению, позволяли сглаживать остро конфликтные ситуации, являясь важным каналом транспарентности государственной власти.

В связи с режимом «военное положение» Ленинграда и Ленинградской области все вопросы обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности регулировались Военным Советом Северного (позднее Ленинградского) фронта, который включал в себя представителей военного, партийного и советского руководства. В то же время были сохранены роль и значение Советских органов государственной власти в организации защиты и спасения гражданского населения. На функционирование Советских органов власти в Ленинграде оказывало влияние то, что Ленгорисполком и его отделы напрямую взаимодействовали с СНК РСФСР.

Постановления СНК СССР и РСФСР, ГКО, прямо касающиеся Ленинграда, принимались только после обсуждения с местным руководством, проекты готовились местными руководителями. При этом постановления ГКО по Ленинграду принимались зачастую на основе уже имевшихся решений Ленинградских обкома и горкома ВКП(б). Эти постановления дублировались постановлениями Военного Совета. Таким образом, в чрезвычайных условиях войны и блокады возросли роль и авторитет центрального и местного партийного руководства.

Практика взаимодействия Ленгорисполкома Совета депутатов трудящихся и Советов Народных Комиссаров СССР и РСФСР опиралась на сложившиеся традиции государственного

управления. Постановления СНК СССР и СНК РСФСР действовали через соответствующие решения и распоряжения местных органов Советской власти, которые принимались по их следам. Иногда решения Ленгорисполкома вступали в противоречие с имеющимися постановлениями центральных органов Советской власти, зачастую возникали проволочки с исполнением тех или иных постановлений. Мобилизации административных ресурсов на решение важнейших задач способствовало вовлечение в решение управленческих вопросов партийного аппарата обкома и горкома ВКП(б).

Охрана личного имущества и жизни граждан осуществлялась УНКВД по Ленинградской области и входившим в его состав городским Управлением милиции под контролем городской прокуратуры, которая, несмотря на военизированный характер, находилась в непосредственном контакте с Ленгорисполкомом. В вопросах защиты и спасения населения Советские органы власти и милиция опирались на общественные организации, объединения граждан.

Таким образом, в условиях войны и блокады сложилась система военно-политического и советского управления, которая предполагала целесообразное разделение функций, однако имела ряд противоречий, проявлявшихся как конфликтность при принятии важных политических решений. Гражданское пространство в Ленинграде, понимаемое как отношения между гражданами, с их правами и обязанностями, и государством, было динамичным и противоречивым, трансформируясь в условиях военно-политического кризиса.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»
(ННГУ)

На правах рукописи

ГАЗИЕВА Людмила Леонидовна

ОРГАНИЗАЦИЯ СПАСЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА СОВЕТСКИМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В 1941–1944 гг.

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Том II

Научный консультант:
доктор исторических наук, доцент
Гордин Алексей Александрович

Нижний Новгород
2026

Том II

Оглавление …… 2

Глава четвертая. Организация эвакуации и реэвакуации ленинградского населения в 1941–1945 годах Советскими органами власти и управления: основные этапы, стратегии, технологии осуществления и результаты……..... 4

4.1. Трудности вывоза гражданского населения из Ленинграда летом – осенью 1941 года …….. 4

4.2. Эвакуация гражданского населения из Ленинграда с декабря 1941 по 22 апреля 1942 годов 28

4.3. Организация эвакуации населения из Ленинграда с 27 мая по декабрь 1942 года 49

4.4. Проблемы эвакуации и реэвакуации гражданских высших, средних и начальных профессиональных учебных заведений в 1942–1943 годах……62

4.5. Организация реэвакуации гражданского населения в Ленинград в 1944–1945 годах…….... .77

Общие выводы к главе 85

Глава пятая. Осуществление Советскими органами власти и управления мероприятий по жизнеобеспечению ленинградского населения в 1941–1944 годах ……..... .88

5.1. Основные направления, механизмы и результаты обеспечения финансовыми ресурсами ленинградского населения..... 88

5.2. Источники финансирования чрезвычайных расходов, направленных на спасение гражданского населения 103

5.3. Социальное обеспечение населения Ленинграда 120

5.4. Снабжение населения продовольствием и промышленными товарами первой необходимости 137

5.5. Усилия по сохранению и восстановлению жилищного фонда и коммунального хозяйства Ленинграда..... 174

5.6. Обеспечение потребностей ленинградского населения топливом и электроэнергией 185

Общие выводы к главе…….....199

Глава шестая. Организация гражданской обороны и здравоохранения в блокированном Ленинграде……..... 203

6.1. Организация самозащиты гражданского населения 203

6.2. Общие вопросы организации здравоохранения в условиях войны и блокады Ленинграда..... 231

6.3. Деятельность постоянных комиссий по здравоохранению районных Советов депутатов трудящихся и медико-санитарной службы МПВО по сохранению жизни населения.....258
6.4. Взаимодействие Советских органов власти с Ленинградским городским Комитетом Красного Креста и обществами взаимопомощи и социальной защиты инвалидов……..... 270
6.5. Система мероприятий, направленных на спасение жизни и здоровья ленинградских детей и подростков……..... ……... 286
6.6. Борьба с беспризорностью и безнадзорностью ленинградских детей и подростков …… 313
Общие выводы к главе..... 338

Заключение..... 341
Список сокращений и условных обозначений……..... 350
Список источников и литературы..... 357
Список иллюстративного материала ……..... 431
Приложения 435
1. Международное трудовое право. 1919–1943 гг. 435
2. Социальная динамика ленинградского населения. 1941–1943 гг. 436
3. Жизнеобеспечение ленинградского населения в 1941–1943 гг. 459
4. Здравоохранение в Ленинграде. 1941–1944 гг. 465
5. Динамика состава местных Советов в Ленинграде. 1941–1947..……..... 483
6. Нюрнбергский процесс о статусе гражданского населения……..... 485

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ОРГАНИЗАЦИЯ ЭВАКУАЦИИ И РЕЭВАКУАЦИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1941–1945 ГОДАХ СОВЕТСКИМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ, СТРАТЕГИИ, ТЕХНОЛОГИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

4.1. Трудности вывоза гражданского населения из Ленинграда летом – осенью 1941 года

С 24 июня по 16 июля 1941 г. происходило организационно-правовое оформление основных стратегий эвакуации гражданского населения в самый сложный период отступления РККА. В соответствии с принятыми правовыми нормами начали выстраиваться сложные логистические цепочки, позволившие в конце концов выиграть важную составляющую войны: экономическое противостояние. Организация эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы, а также вывоз материальных ценностей и продовольствия были возложены на Совет по эвакуации (СЭ) при СНК СССР (постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г.). На Совете по эвакуации обсуждались важнейшие вопросы, затем принимались необходимые постановления и распоряжения, которые подкреплялись соответствующим постановлением СНК СССР, либо выносились на ГКО (после 30 июня 1941 г.).

27 июня 1941 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества»[1]. По мнению М. Н. Потемкиной подготовка постановления вызвала серьезные разногласия между членами Совета по эвакуации и ЦК ВКП(б), что отразилось в черновиках документа[2]. Постановление регламентировало очередность эвакуации: в первую очередь, промышленных, сырьевых, продовольственных ресурсов, затем групп населения: квалифицированные рабочие, служащие, молодежь, годная для военной службы, и ответственные советские и партийные работники. Следует заметить, что в первоначальном проекте в первую очередь эвакуировались дети. При невозможности вывоза, распоряжением Военных Советов фронтов ценное имущество, продовольствие подлежали уничтожению и сожжению. Вывоз возлагался на местные органы Советской власти, в соответствии с заданиями Совета по эвакуации и Военных Советов фронтов. Был определен порядок размещения эвакуируемого населения и имущества. Организация питания в пути следования

1 О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 27 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. – 1990. – №6. С. 208.

2 *Потемкина М. Н.* Эвакуация населения СССР в начальный период Великой Отечественной войны: дискуссионные аспекты проблемы // Романовские чтения-12. Сборник статей Международной научной конференции. Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, 2017. – Могилев: МГУ, 2017. С. 47–48.

возлагалась на органы Наркомата внутренней торговли СССР и Центросоюз, а в пунктах размещения – на СНК союзных республик и облисполкомы. Ответственность за питание, прием, размещение, трудовое устройство возлагалась на председателей СНК. Объекты и время эвакуации населения и материальных ценностей должны были устанавливаться как Советом по эвакуации, так и Военными Советами фронтов, в силу обстановки.

В тот же день, 27 июня 1941 г., бюро Ленинградских ОК и ГК ВКП(б) постановило создать комиссию по эвакуации в составе Б. М. Мотылева (председатель), А. П. Смирнова, заместитель председателя от ГК ВКП(б), Е. Т. Федоровой от горисполкома, В. Д. Семина от облисполкома, И. С. Шикторова от УНКВД ЛО, Б. К. Саламбекова от Октябрьской железной дороги, Н. А. Белозерова от Ленинградской железной дороги, К. П. Пядышева от Ленинградского военного округа (ЛВО) и Л. М. Володарского – уполномоченного Госплана[1]. Одновременно были созданы районные комиссии при райисполкомах. Для решения задачи приема беженцев 8 июля 1941 г. при Ленинградском областном Совете был создан отдел по эвакуации населения во главе с В. Д. Семиным, заместителем председателя Леноблисполкома[2].

28 июня 1941 г. в соответствии с вышеуказанным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР было принято постановление Военного Совета Северного фронта об организации эвакуации населения и материальных ценностей[3].

30 июня 1941 г. постановлением СНК СССР № 1780 был учрежден Комитет по распределению рабочей силы во главе с П. Г. Москатовым[4]. Прогнозирование кадрового кризиса вызвало вслед за тем постановление СНК СССР от 23 июля 1941 г. № 1893, дающее право местным органам Советской власти переводить рабочих и служащих на другие предприятия в связи с производственной необходимостью[5]. Эти и другие своевременные меры, по мнению Г. А. Куманева, дали возможность, маневрируя, решать проблему кадрового голода, возникшую с началом войны[6].

5 июля 1941 г. были приняты три постановления СНК СССР, регламентировавшие порядок эвакуации населения, с грифом «Совершенно секретно»: №1821-814сс «О порядке эвакуации

---

1 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. *К. А. Болдовский.* Часть I. Июнь 1941 г. – март 1942 г. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 106.

2 *Шишкин В. А.* Глава III. Прифронтовой город // Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. (3-е изд., перер. и доп.) / А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали, В. А. Шишкин. – Л.: Наука. Лен. отд-ие, 1985. С. 55, 57.

3 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / Отв. ред. *В. М. Ковальчук.* – М.-Л.: Наука, 1966. С. 39–40. Подписано командующим Северного фронта ген.-лейт. М. М. Поповым и членами Военсовета.

4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 245–246.

5 Там же. Д. 195. Л. 39–41.

6 *Куманев Г. А.* Говорят сталинские наркомы. – Смоленск: Русич, 2005. С. 27–28.

семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной Армии, Флота и Войск НКВД из прифронтовой полосы», №1821-815сс «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуированных предприятий», №1821-818сс «О порядке эвакуации населения в военное время»[1].

Наиболее благоприятные условия при эвакуации следовало создать для членов семей руководящих работников и начальствующего состава: обеспечение всем необходимым, выбор места эвакуации, право на первоочередное трудоустройство. Эвакуация рабочих и служащих обеспечивалась народными комиссарами и директорами предприятий, по указанию СНК СССР. Эвакуация остального населения организовывалась местными органами Советской власти по решению Совета по эвакуации или местного военного командования[2].

Вне внимания историков оказались неопубликованные протоколы Совета по эвакуации (СЭ) при СНК СССР, длительное время являвшиеся секретными. Проекты указанных постановлений были рассмотрены еще 1 июля 1941 г. на заседании Совета по эвакуации (протокол №5), где были внесены некоторые изменения. В постановлении об эвакуации населения (№1821-818сс) был исключен пункт, разрешающий милиции задерживать эшелоны до 30 минут; в постановлении об эвакуации рабочих (№1821-815сс) добавлялся пункт об обеспечении питанием в пути, разрешалось производить эвакуацию рабочих и служащих отдельно от оборудования предприятия. 4 июля 1941 г. на шестом заседании Совета по эвакуации было решено усилить вывоз семей рабочих и служащих Москвы и Ленинграда за город, в основном автомобильным и речным транспортом[3].

В соответствии с этими постановлениями, 5 июля 1941 г. начальником штаба Северного фронта генерал-майором Д. Н. Никишовым (Никишевым) была направлена инструкция о порядке эвакуации из прифронтовой полосы: Военным Советам 14, 7, 43 Армий, КБФ, начальнику войск НКВД по охране тыла Северного фронта генерал-лейтенанту Г. А. Степанову, председателю комиссии по эвакуации П. С. Попкову, а также в Эстонию генерал-майору И. М. Любовцеву. Эвакуация из прифронтовой полосы должна была производиться примерно за 5 суток до отхода армии, на глубину до 15 км от линии фронта, по специально высвобождаемым грунтовым дорогам. Эвакуация населения возлагалась на местные органы власти по грунтовым дорогам, освобождая железные дороги для выполнения стратегического маневра, за исключением семей военных руководителей, которых следовало вывезти эшелонами на ст. Мга для

1 *Потемкина М. Н.* Эвакуация населения СССР в начальный период Великой Отечественной войны: дискуссионные аспекты проблемы // Романовские чтения-12. С. 48.
2 Там же.
3 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 15, 21.

дальнейшей эвакуации[1].

Порядок материального обеспечения эвакуируемых рабочих и служащих с предприятиями и учреждениями регламентировался постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. №1791 «О выдаче денежных пособий переселяемым из занимаемых ими помещений в связи с переводом предприятий и учреждений в другие местности»[2].

Постановлением СНК СССР от 5 июля 1941 г. №1823-816сс утверждалось Положение «Об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы». Оно было дополнено постановлениями СНК СССР от 14 июля 1941 г. №1857 «Об ассигнованиях на содержание эвакопунктов» и от 16 июля 1941 г. №1874 «О питании эвакуируемого населения из прифронтовой полосы». Последнее утверждало порядок бесплатного питания во время всего следования и 5–7 дней по прибытии на место. На 2-х кратное питание в сутки отводилось 6 руб.[3] Данное постановление соответствовало распоряжению Совета по эвакуации, принятому 28 июня 1941 г. Контроль за питанием и медицинским обслуживанием эвакуируемых должны были осуществлять уполномоченные совета по эвакуации на местах [4].

Одной из первоочередных была задача спасения детей. Летом 1941 г. значительная часть детей Ленинграда с детсадами и яслями была вывезена на летние дачи, откуда их реэвакуировали в город из всех районов, за исключением пригородов (Кронштадт, Колпино, Петергоф и Пушкин). Специальные уполномоченные выехали на автомашинах вечером 22 июня. В течение 3–4 дней дети, в основном, были возвращены в город[5]. По воспоминаниям ехали вдоль шоссе, по которому шли колонны красноармейцев. Дети стали свидетелями воздушных атак гитлеровцев, но в целом благополучно вернулись[6].

26 июня 1941 г. на третьем заседании Совета по эвакуации при СНК СССР было решено эвакуировать детей из Москвы и Ленинграда на территорию Московской и Ленинградской областей, по предложению председателей горисполкомов Москвы и Ленинграда, соответственно В. П. Пронина (100 тыс. чел.) и П. С. Попкова (300 тыс. чел.). Помимо этого, надлежало 100 тыс. ленинградских детей вывезти в Ярославскую область. 25% детей вывозилось автотранспортом, и остальные – по железной дороге, в срок до 15 дней (протокол заседания СЭ при СНК

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 22. Л. 56, 57.
2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 71.
3 Там же. Л. 105–111, 169–171, 398–399.
4 Протокол №5 заседания СЭ от 1 июля 1941 г. // ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп.1. Д. 543. Л. 1к.
5 Отчет отдела народного образования исполкома… // ЦГА СПБ. Ф. Р-2076 (Плановая комиссия исполкома Ленинградского Городского Совета). Оп. 4. Д. 54. Л. 170об.; *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941 – 1944. – СПб.: Нестор-История, 2014. С. 134.
6 *Щукина Е. Л.* Очерки блокадных дней: Из опыта работы детских садов Куйбышевксого района Ленинграда / редкол.: Л. Б. Береговая, Е. Н. Дмитриева, Т. А. Кондраткова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. С. 16–17.

СССР от 26 июня 1941 г. №3 п. 1, в составе, помимо указанных: А. Н. Косыгин, Н. М. Шверник, Л. М. Каганович)[1]. Итак, рассекреченные протоколы заседаний Совета по эвакуации позволяют установить механизм принятия решения, вызывавшего длительную дискуссию у историков[2].

Вслед за решением Совета по эвакуации аналогичное решение было принято Ленгорисполкомом о вывозе детей из Ленинграда в Ленинградскую и Ярославскую области от 29 июня 1941 г. (не публиковалось)[3].

Но уже 2 июля 1941 г. П. С. Попков телеграфировал Л. М. Кагановичу о необходимости вывезти из Залучского района 5 тысяч ленинградских детей, для чего просил подать три эшелона на ст. Старая Русса: два назначением ст. Николо-Полома, один – ст. Нея Ярославской области. Для доставки детей, находившихся в 40 км от станции, требовалось еще 20 платформ для автобусов на ст. Лычково[4]. Причиной, вероятно, явилась информация о приближении фронта к данной территории.

Тем не менее, 4 июля 1941 г. Совет по эвакуации предлагал усилить вывоз семей рабочих и служащих г. Ленинграда за город[5]. 6 июля 1941 г. было принято распоряжение Совета по эвакуации СНК СССР №4870-сэ об ассигновании эвакуации детей дошкольного и школьного возраста из Москвы и Ленинграда городскими, местными, бюджетами за счет сокращения расходов по другим статьям[6].

11 июля 1941 г. заместитель председателя Городской эвакуационной комиссии (ГЭК) Ленинграда А. П. Смирнов направил справку в Ленгорисполком, где указывал: «При эвакуации детей из Ленинграда в Ленинградскую область районы размещения детей были согласованы с Военным командованием.

В настоящее время в районах Лычковском, Молвотицком, Демянском и Залучьевском размещено ок. 28 тыс. ленинградских детей.

В связи с приближением военных действий к этим районам, комиссия приступила к эвакуации из них детей в Ярославскую и Кировскую области»[7].

18 июля 1941 г. военный прокурор Северного фронта Ленинградского Военного округа М.

---

1 Протокол №3 заседания Совета по эвакуации от 26 июня 1941 г. // ГА РФ. Ф. Р-6822 (Совет по эвакуации при СНК СССР). Оп. 1. Д. 550 (Протоколы заседаний Совета по эвакуации). Л. 8, 9. Также планировалось вывезти 200 тыс. московских детей в Тульскую, Ивановскую и Рязанскую. 30 тыс. детей-смолян вывозились на территорию Смоленской области.

2 Впервые на сомнительность такого решения обратил внимание А. В. Карасев. (*Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады / Отв. ред. ген.-лейт. С. В. Рогинский. – М.: АН СССР, 1959. С. 61, 90).

3 *Ежов М. В.* Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: опыт, проблемы, уроки. – СПб.: Изд-во СПб ун-та экономики и финансов, 1993. С. 44-45.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 21. Л. 70.

5 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 21.

6 Там же. Д. 543 (Распоряжения Совета по эвакуации за июнь-октябрь 1941 г.). Л. 69.

7 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 21. Л. 71.

Г. Грезов на имя члена Военсовета Северного фронта А. А. Кузнецова передал сообщение военного прокурора Октябрьской железной дороги, что «на ст. Угловка, Оксочи, Веребье, Окуловка, Малая Вишера образовалось большое скопление детей и их родителей. Родители увозят детей, ранее эвакуированных организованным порядком»[1].

Наряду с организацией срочной реэвакуации, принимались решения о налаживании быта и финансировании при эвакуации детей: Приказ по Наркомпросу РСФСР от 17 июля 1941 г. №547 «О наведении порядка по обслуживанию школьников» [Мосгороно, Ленгороно в эвакуации – Л.Г.], Инструкция Наркома здравоохранения СССР от 20 августа 1941 г. №01-1-5/ 55 «Об эвакуации детей и матерей»[2].

Продолжение эвакуации вызвало решение Ленгорисполкома о порядке взимания платы с родителей за детей, вывезенных из Ленинграда, от 19 июля 1941 г. пр. №48, п. 7. Родительская плата должна была исчисляться не в размере 40%, как это было указано в решении СНК РСФСР от 7 июля 1941 г. №514/21с, а в размере 30% стоимости содержания детей ясельного возраста и 40% школьного и дошкольного возрастов против среднего 32%[3]. В июле 1941 г. была опубликована Инструкция для управляющих домами и комендантов домов, не находящихся в ведении райжилуправлений, по взиманию платы с родителей за детей, вывезенных из Ленинграда[4].

Согласно справке о ходе эвакуации населения Ленгорисполкома Жданову и Кузнецову, уже на 1 августа были возвращены в Ленинград дети, эвакуированные в Ленобласть, всего 115 255 человек. Планировалась реэвакуация еще 20 тысяч человек из этих же районов[5]. Несколько тысяч матерей стихийно вывезли своих детей из детских учреждений, эвакуированных в Ярославскую и Кировскую области[6].

В той же справке Ленгорисполкома от 2 августа 1941 г. указывалось, что «Нами дана телеграмма председателю Центральной эвакуационной комиссии т. Шверник и НКПС т. Кагановичу с просьбой запретить приказом НКПС продажу билетов и провоза обратно в Ленинград эвакуированных из города»[7]. 10 августа 1941 г. было принято постановление бюро горкома ВКП(б) о разъяснении секретарями райкомов ВКП(б) родителям, что эвакуированные дети в

---

1 Там же. Л. 47.

2 Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. 1941. №15-16. С. 4; Педиатрия. 1941. №9–10. С. 61–62.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20 (Переписка по финансовым вопросам. 23 января 1941 – 16 декабря 1941). Л. 101.

4 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №28-29 (29 июля). С. 1-6.

5 Из Валдайского, Окуловского, Дрегельского, Хвойнинского, Боровичского, Опеченского, Маловишерского, Тихвинского, Пестовского, Мошенского, Любытинского районов. (ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 21. Л. 137).

6 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 21. Л. 138. Последняя информация вызывает недоумение, так как известно, что матери пытались вернуть детей, эвакуированных в Ленобласть, а не в отдаленные районы.

7 Там же. Л. 138.

безопасности, обеспечены питанием, и ликвидировать провокационные слухи. Наряду с этим постановление бюро ГК ВКП(б) возлагало на Ленгорисполком обязанность: обеспечить эвакуированных детей бельевым материалом для пошива белья, организовать отправку посылок с обувью и зимними вещами, обеспечить учебными пособиями. Директорам предприятий и учреждений запрещалось давать отпуска и справки матерям-работницам для поездок за детьми[1].

18–20 августа 1941 года, в связи с военным временем, была проведена проверка финотдела Ленгорисполкома по поручению СНК РСФСР и Наркома финансов РСФСР А. А. Посконова начальником 1-го сектора Военного отдела Наркомата финансов РСФСР Е. Бура. Главный результат ревизии финотдела по данному вопросу показал, что за пределы Ленинградской области удалось эвакуировать с детскими учреждениями, в том числе в ходе реэвакуации без возвращения в Ленинград, не более 93 874 чел. детей[2].

Жизнеобеспечение этих детей должно было в основном покрываться за счет ленинградского бюджета (в соответствии с решением Ленгорисполкома от 19 июля 1941 г.) и частично за счет родительских средств. За период июнь – сентябрь 1941 года все расходы на эвакуацию и реэвакуацию детей из местного бюджета, за исключением родительской платы, исчислялись в 58,6 млн. рублей[3]. Общая сумма расходов на эвакуацию детей до 1 августа 1941 г. составила 37,9 млн. рублей. С 18 августа 1941 г. был открыт дополнительно кредит в 988,8 тыс. рублей для оплаты счетов за транспорт, предоставляемый для вывоза детей обратно в Ленинград, в связи с реэвакуацией[4].

Таким образом, документально подтверждено, что до 18 августа 1941 г удалось вывезти из Ленинграда с детскими учреждениями не более 94 тысяч детей от 3 до 15 лет. Расходы на эвакуацию распределялись между городским бюджетом и родителями. Причем большая часть расходов Ленгорисполкомом относилась на счет бюджета.

Детская эвакуационная статистика за лето 1941 г., отраженная в делопроизводственных документах, крайне противоречива. Ранее на основе анализа отчетов первичной организации ВКП(б) Гороно и Планового отдела Ленгорисполкома удалось доказать, что летом 1941 г. с детскими учреждениями могло быть вывезено в эвакуацию не более 94 159 чел.[5]

Данное число подтверждается отчетом о финансовой ревизии расходов на эвакуацию от 18–

---

1 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 202; *Асташкин Д. Ю.* Эвакуация детей Ленинграда в Ленинградскую область // Побратимы. Сборник / отв. ред. Ю. З. Кантор. – Москва: Политическая энциклопедия, 2019. С. 137–138.

2 Нар. Комиссару финансов РСФСР тов. Посконову А. А. Докладная записка о результатах проверки расходов, дополнительно отнесенных на местный бюджет г. Ленинграда, в связи с военным временем // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 98–102.

3 Там же. Л. 98–102.

4 Там же. Л. 99.

5 *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. С. 156, 167.

20 августа 1941 года, где указано точное количество эвакуированных детей с детскими учреждениями летом 1941 г.: 93 874 чел. детей[1]. Таким образом, 141 248 детей из вывезенных ранее подлежали возвращению в Ленинград[2]. В справке П. С. Попкова на имя А. А. Жданова и А. А. Кузнецова указывалось, что на 1 августа 1941 г. из них было реэвакуировано в город 115 255 чел. В области оставалось еще 25 993 детей. Усилия Ленгорисполкома по реэвакуации детей летом 1941 г. доказываются истраченными деньгами на транспортные расходы по реэвакуации, всего 1 млн. рублей. Это количество детей соотносится с 234 833 [235 122 чел. – уточнено пересчетом. Л.Г.], вывезенными в эвакуацию с детскими учреждениями на 6 июля 1941 г.[3] Необходимо иметь в виду, что взрослые ребята могли возвратиться в город с порученными им малышами самостоятельно[4].

Остались ли дети на оккупированной территории Ленинградской области? В протоколе собрания первичной партийной организации Ленгороно в августе 1941 года с замечанием об ответственности райсоветов за оставление детей, вывезенных из Ленинграда, на оккупированной фашистами территории выступила Евгения Федоровна Лаврикова, зав. дошкольным сектором гороно. В ответ не прозвучало ни одной реплики[5]. В дневнике художницы и писательницы О. Матюшиной, подготовленном к публикации, был описан тот факт, что родители, поехавшие в июле с целью попытаться вернуть детей, не смогли это сделать: территория была уже занята гитлеровцами, те же, кто сумел разыскать своих детей, попали под бомбежки, и многие из них погибли[6].

В справке об эвакуации ленинградских детей из юго-восточных районов области от 29 июля 1941 г. заврайздравотделом Ивушкин отметил, что 26 июля 1941 г. была закончена эвакуация из Залучского, Молвотицкого, Демянского, Лычковского, Валдайского и Крестецкого районов ленинградских детей в количестве свыше 40 тыс. чел., частично в Ленинград, частично за пределы Ленинградской области[7]. Необходимо заметить, что в эти районы было вывезено из Ленинграда 51 580 чел.[8] В 1943 г., при освобождении Лычковского, Демянского, Залучского, Молвотицкого районов, было выявлено ок. 3159 чел. беспризорных и безнадзорных детей. Дети

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 98–102.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 171, 171 об, 172; *Газиева Л. Л.* Указ. соч. С. 408–412. Вывоз осуществлялся согласно Решению Совета по эвакуации (пр. №3 от 26 июня 1941 г.).

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 102.

4 Такой пример из своей биографии описал Виктор Николаевич Киршин. (*Киршин В. Н.* Прожить свое время. – СПб.: Русь, 2007. С. 56–58).

5 Протокол закрытого заседания партсобрания парторганизации Ленгороно // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 2. Л. 8. Ср. Заседание партбюро от 25 / X 1941 // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 3. Л. 6.

6 Дневник Ольги Матюшиной. 23 / VI. 41 – 1 / V. 42 // ЦГАИПД СПб.Ф. Р-4000. Оп. 11. Д. 68. 92 л.

7 Документ №28 // Из районов области сообщают...: Свободные от оккупации районы области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. Сборник документов / Отв. ред. *А. Р. Дзенискевич*. Отв. сост. *Н. Ю. Черепенина.* – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 39.

8 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 171 об. [Подсчитано по данным документа – Л.Г.]

были оформлены частично в приемники-распределители (1200 чел.), другие – в детские дома (1959 чел.). К февралю 1944 г. в Ленинградской области работали 35 детских домов с общим количеством воспитанников 3850 чел. и 6 детских приемников НКВД[1]. Не исключено, что среди этих беспризорных ребят были и ленинградские дети, неудачно эвакуированные летом 1941 г. и чудом выжившие на оккупированной территории.

В официальной справке по эвакуации населения от 10 апреля 1944 г. указано, что летом 1941 г. выехало 219 691 женщин с двумя и более детьми. Это число взято из отчета городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. (Таблица 4а)[2]. Данное количество не выдерживает критики, так как получено вычислениями, приведенными в самом отчете. Методика этих расчетов вызывает обоснованный скепсис[3].

Учитывая, что данными финансовых документов Горфо подтверждается выезд из Ленинграда не более 93 874 детей с детскими учреждениями к 20 августа 1941 г., а вместе с персоналом около 94 тысяч чел., остается неясной судьба от 124 тысяч до 141 тысячи детей и воспитателей. Не менее 115 тысяч из них были реэвакуированы в город.

Какая-то часть из них могла быть самостоятельно вывезена из детских учреждений родителями за пределы области. Так, в Ярославской области отмечалось из числа прибывших детей в 1941 г. – 12 030 с родителями[4], что составляет 15% от всех прибывших в область в 1941 г. ленинградских детей[5]. В то же время родительские дети могут соотноситься с выехавшими как «семьи рабочих и служащих». Вероятно, часть детей оставалась на оккупированной территории.

Из-за ошибки в статистических расчетах, приведенных в отчете ГЭК, число вывезенных

---

1 Отчет о работе Ленинградской областной комсомольской организации ВЛКСМ за 1943 г. Ленинград. Февраль 1944 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[К] (Ленинградский Областной комитет ВЛКСМ). Оп. 5. Д. 34. Л. 29.

2 Справка по эвакуации населения из г. Ленинграда за период с 29 июня 1941 по 1 апреля 1943 // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д.1415. Л. 6; Отчет о работе по эвакуации населения г. Ленинграда 1941 – 1942 гг. // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л.189–214. Ср. также: Документ №142. Отчет городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 по 15 апреля 1942 // Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / Под ред. А. Р. *Дзенискевича*. – СПб.: Лики России, 1995. С. 301–305 [Документ опубликован фрагментарно, без приложений].

3 За базовое в отчете взято число 395 091 чел. детей, вывезенных из Ленинграда летом 1941 г. Очевидно в это количество входят помимо эвакуированных, согласно Решению Совета по эвакуации от 26 июня 1941 г., те дети, которые имелись на дачах в начале лета. Далее отнято число реэвакуированных: 175 400. Это число подтверждается суммированием 115 тысяч реэвакуированных, согласно сведений ГК ВКПб, и 60 тысяч детей, проехавших по ОЖД летом 1941 г., в город, согласно отчету ОЖД. Таким образом, полученное число 219 691 чел. является условным. Значительная часть детей, реэвакуированных с дач до 27 июня, выезжали на автомашинах предприятий, что предполагает большее количество детей, возвращенных в город в начале войны. За базовое следовало взять количество детей, вывезенных с детскими учреждениями, согласно отчету Ленгороно: 235 тысяч. В то же время следовало учесть и тех детей, вывезенных ранее, которые остались вне блокадного кольца. (по *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941 – 1944. С. 408–412).

4 *Фролов М. И.* «Салют и реквием»: Героизм и трагедия ленинградцев. 1941–1944 гг. – СПб.: ЛГОУ, 2003. С.77–78.

5 *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. Дисс. … к. и. н. – СПб., 2011. С. 147.

летом 1941 г. из города ленинградцев необходимо уменьшить, по крайней мере, на 80 тысяч человек, помимо оставшихся на оккупированной территории.

Трагедия летом 1941 г., безусловно, была связана с непредвиденностью быстрого наступления немцев, особенно на Лужском направлении. Вывоз детей за город, на колхозные площадки, планировался заранее, с целью уберечь их от воздушных бомбардировок немцами крупных городов. Учитывался и опыт Великобритании. Основные направления эвакуации согласовывались с командованием. Однако, как показал исторический опыт, предвидеть все жестокости тотальной войны было невозможно.

С вывозом населения был взаимосвязан вывоз ценных грузов, так как значительная часть населения эвакуировалась с сохранением рабочих мест (вместе с предприятиями). Кроме того, вывозимые в тыл стратегические резервы должны были снизить продовольственный кризис, связанный с миграцией населения. Соответственно, наряду с вопросами эвакуации населения, первые заседания Совета по эвакуации посвящались в значительной степени вопросам вывоза ценного имущества из Ленинграда и Москвы[1]. Уже в июне началась эвакуация музеев[2].

Постановлением ГКО №137сс был утвержден план погрузки эвакуируемого населения и ценных грузов по железной дороге на II декаду июля 1941 г.[3] Постановлением СНК СССР от 15 июля 1941 г. №1869-840 устанавливались места и порядок разгрузки и хранения бездокументарных эвакуируемых грузов из прифронтовой полосы[4].

К 1 августа 1941 г. было вывезено 23 115 вагонов с оборудованием, полуфабрикатами, материалами и людским составом эвакуируемых предприятий, 3 137 вагонов готовой продукции, а также водным путем 18 084 тонн эвакогрузов[5]. В итоге было вывезено 92 предприятия, в том числе до 8 октября 1941 г. – 86 фабрик и заводов[6].

---

1 26 июня 1941 г. решался вопрос об эвакуации коллекций Эрмитажа и Русского музея, в сопровождении войсковой охраны НКВД, в специальном подвижном составе с контрольным паровозом. Уполномоченным СНК СССР по эвакуации указанных музеев назначался М. Б. Храпченко (председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР). А. И. Кирпичникову поручалось подготовить проект постановления, включив в него вывоз Радиевого института. Тогда же был решен вопрос об эвакуации ленинградских предприятий Наркомата боеприпасов (Протокол №3, пп. IV, V // ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 9, 10).

2 Дирекция Эрмитажа получила указание из Комитета по делам искусств СНК СССР о подготовке к эвакуации музейных ценностей (речь шла о переносе их в нижние, подвальные помещения) уже 24 июня 1941 г. (по *Кантор Ю. З.* Эвакуация из Ленинграда до и во время блокады // Побратимы. Сборник / отв. ред. Ю. З. Кантор. – Москва: Политическая энциклопедия, 2019. С. 27). Ранее А. В. Карасев указывал начало эвакуации Эрмитажа – конец июля 1941 г., что впервые было оспорено в 1965 году (*Варшавский С. П., Рест Ю. И.* Подвиг Эрмитажа. – Л.-М.: Советский художник, 1965. С. 57).

3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945. Аннотированный каталог: в 2 т. Т. 1. 1941–1943. – Москва: Политическая энциклопедия, 2015. – (70 лет Победы в Великой Отечественной войне). С. 61.

4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 392–397.

5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 21. Л. 134–136.

6 *Шишкин В. А.* Прифронтовой город // Непокоренный Ленинград. С. 59.

В то же время эвакуация как населения, так и ценных грузов приобретала противоречивый характер: наряду со стремлением придать ей планомерный характер, присутствовали элементы хаоса, неизбежного в условиях активных наступательных действий противника.

Эвакуация осуществлялась в несколько разнонаправленных потоков. С 29 июня 1941 г. начали вывозиться дети в Ленинградскую область, с 1 июля началась эвакуация музеев с сопровождавшими сотрудниками, рабочих и служащих эвакуируемых заводов с их семьями в глубь страны. Одновременно в Ленинград прибывали беженцы и эвакуированные из Карело-Финской ССР, Прибалтики, из районов Ленинградской области.

30 июня 1941 г. решением СНК СССР в Ленинграде был создан городской эвакопункт для приема и эвакуации из Ленинграда прибывающих граждан. Эвакопункт разместился по адресу наб. канала Грибоедова, д. №6. В дальнейшем были созданы семь эвакопунктов с этой же целью: на Московском, Финляндском, Балтийском, Витебском вокзалах, в Ленинградском порту, на станциях Московская сортировочная и Кушелевка. Были созданы общежития сначала в семи, позднее в 42 школах[1]. 2 июля в телеграмме А. Н. Косыгину П. С. Попков сообщил о прибытии в Ленинград эшелона с семьями начальствующего состава армии и флота из Эстонской ССР (1387 чел.) и семей правительства и партийных работников Латвийской ССР[2].

3 июля 1941 г. стали создаваться оперативные заслоны для пресечения проникновения в Ленинград беженцев из прифронтовой полосы: на Карельском перешейке (ст. Выборг, Кексгольм, Териоки, Койвисто), на Финляндском (ст. Сестрорецк, Ржевка, Мельничный Ручей, Кушелевка, Раута), Московском (ст. Любань, Мга, Рыбацкое, Тосно, Колпино), Бологовском (ст. Бологое, Лихославль, Чудово, Малая Вишера, Боровичи, Окуловка), Хвойнинском (ст. Будогощь) отделениях, на Ленинградском узле (ст. Предпортовая, Шушары)[3].

С начала июля осуществлялась эвакуация, в основном колхозников со скотом, из районов тыла Северного фронта баржами, или своим ходом. В то же время из городов, находящихся в тылу 23 армии Северного фронта, население отказывалось эвакуироваться. Напротив, в связи со введением карточной системы в районах Ленинградской области, люди, ранее выехавшие из области, начали возвращаться обратно[4].

Через городской эвакопункт происходила эвакуация вглубь страны: еще до блокады Ленинграда было вывезено 147 500 человек беженцев. Кроме того, пешим порядком было

1 *Уродков С. А.* Эвакуация населения Ленинграда в 1941–1942 гг. // Вестник Ленинградского университета. – 1958. – №8. С. 88–102.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. д. 21. Л. 66.
3 Там же. Л. 133.
4 Там же. Л. 89.

переправлено 9500 человек со скотом и имуществом[1].

4 июля 1941 г., как выше указывалось, на заседании Совета по эвакуации рассматривался вопрос о вывозе населения из Москвы, Ленинграда. Было принято решение усилить вывоз семей рабочих и служащих за город на автомобильном и водном транспорте, с этой целью следовало командировать в Ленинград А. Н. Косыгина на 1–2 дня (пр. №6, п. 13)[2].

8 июля 1941 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Ленинграда». Им было утверждено постановление Совета по эвакуации, согласно которому в 10-дневный срок следовало закончить эвакуацию 500 тыс. членов семей рабочих и служащих г. Ленинграда с размещением их в Вологодской, Кировской, Омской областях (по 100 тысяч); в Молотовской, Свердловской областях (по 25 тысяч); в Удмуртской АССР – 15 тысяч. Кроме того, 135 тысяч эвакуировались в Казахскую ССР. Перевозка должна была осуществляться бесплатно железнодорожным транспортом, а также водным транспортом по рекам Вятке, Каме, Иртышу. Отправляемые должны были обеспечиваться медицинской помощью, помещениями в местах эвакуации, в том числе для временного размещения в местах разгрузки, горячей пищей в эвакопунктах (платно). Ленгорисполкому разрешалось выдать на руки эвакуируемым семьям денежные средства из местного бюджета на две недели из расчета по 5 руб. в сутки на человека[3].

Доказательства выполнения данного постановления содержатся в отчете о расходах в первые месяцы войны Ленгорфо[4]. Так, в п. 3 приводятся расходы по эвакуации семей рабочих и служащих г. Ленинграда (решение СНК РСФСР от 8 июля 1941 г. №515/ 22сс). На 19 августа было выдано, в порядке оказания денежной помощи из расчета 70 руб. на одного члена семьи, всего 753 600 руб.[5] Таким образом, можно достоверно сказать о финансировании из местного бюджета эвакуации 10 765 чел. членов семей [подсчитано мной – Л. Г.]. Это позволяет сказать наверняка о выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 июля 1941 г., по крайней мере, на 2%.

12 июля на очередном заседании Совета по эвакуации (протокол №7 – п. 4) решался вопрос о плане эвакуации членов семей рабочих и служащих из Карело-Финской, Эстонской, Латвийской ССР, Мурманской, Ленинградской и других областей, с заданием дать направление эшелонам, следующим с населением из прифронтовой полосы. На том же заседании решался

1 *Уродков С. А.* Указ. соч. С. 88–102; Ленинград в осаде. С. 301.
2 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 21.
3 *Кантор Ю. З.* Эвакуация из Ленинграда до и во время блокады // Побратимы. С. 32; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 08. 07. 41 «Об эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Ленинграда» [фотокопия] // Там же. С. 368.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп.3. Д.20 (Переписка по финансовым вопросам). Л. 98–108.
5 Там же. Л. 102.

вопрос об оказании материальной помощи нуждающимся эвакуированным семьям[1].

Уже 20 июля 1941 г. председатель Ленинградского городского комитета Общества Красного Креста Л. Н. Левитская[2], в соответствии с указаниями исполкома Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, обратилась к Е. Т. Федоровой, заместителю председателя Ленгорисполкома, с предложением в организации помощи при эвакуации больных, стариков, детей, вещей, санобработке, организации санпостов в пути следования, в организации питания и других работ (ответственная чл. ВКП(б), д-р А. И. Шишкина). Обществу Красного Креста было поручено осуществлять обслуживание эвакуированных на ст. Сортировочная-Московская[3].

Постановлением ГКО от 16 июля 1941 г. №173 произошли изменения в составе Совета по эвакуации: Н. М. Шверник (секретарь ВЦСПС) был назначен председателем, А. Н. Косыгин и М. Г. Первухин – заместителями председателя, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, М. З. Сабуров, В. С. Абакумов – членами Совета. Позднее, 16 августа 1941 г. постановлением ГКО №497с был введен в Совет по эвакуации начальник Главного управления тыла Красной армии генерал-майор М. В. Захаров[4]. Аппарат Совета по эвакуации был в основном укомплектован работниками СНК СССР, СНК РСФСР, ВЦПСПС, ЦК профсоюзов. Профсоюзные работники превратились в уполномоченных Совета[5].

В связи с необходимостью обеспечения жильем эвакуируемых граждан, а также борьбы за сохранность бездокументарных грузов, потерянного или отставшего багажа эвакуируемых, появились постановления СНК СССР от 9 августа 1941 г. №1948 «Об утверждении Положения о прописке граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы» и от 10 августа 1941 г. №1951 «О порядке расчетов по реализации бездокументных грузов и о содержании постоянных и временных баз»[6].

12 августа 1941 г. на заседании Совета по эвакуации В. А. Измайловым, М. Г. Первухиным, Л. М. Кагановичем, А. И. Микояном, Н. М. Шверником было принято решение включить в план перевозки эвакуируемого населения членов семей рабочих и служащих из Москвы и Ленинграда на II и III декады августа 1941 года[7]. На основании постановления №СЭ-74сс от 13 августа 1941 г. «Об эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Ленинграда» *разрешалось* [выделено мной – Л. Г.] Ленгорисполкому эвакуировать из Ленинграда 700 тыс. чел. женщин и детей:

---

1 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 24.
2 Иногда встречается написание фамилии Левицкая.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 21. Л. 29.
4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 66, 113.
5 *Погребной Л. И.* Время тяжелых испытаний // Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне. 1941–1945: К 30-летию Победы: Сборник воспоминаний. – Москва: Профиздат, 1975. С. 18.
6 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 160–163, 168–171.
7 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп.1. Д. 550. Л. 63.

в первую очередь 160 тыс. человек членов семей рабочих и служащих вывозимых из Ленинграда промышленных предприятий в места размещения этих предприятий, во вторую очередь 540 тысяч человек членов семей рабочих и служащих, согласно представленному списку АССР и областей с указанием контингента. Эвакуация 1-й очереди должна была осуществиться в 5-дневный срок, 2-й очереди в 20-дневный срок. При этом 140 тысяч эвакуируемых по железной дороге следовало вывезти в Ярославль, а далее на речном транспорте по рекам: Волге, Каме и Белой в Чувашскую АССР, Башкирскую АССР и в Молотовскую область[1].

Соответственно, решением Ленгорисполкома от 16 августа 1941 г. №78-с, начиная с 15 августа, из Ленинграда должны были эвакуироваться еще 700 тысяч женщин и детей, в связи с чем планировалось выделить денежную помощь в размере 4026,4 тыс. руб. (из расчета 5,75 руб. на человека [подсчитано мной – Л. Г.])[2].

17/20 августа 1941 г. вышло распоряжение №5547-сэ Совета по эвакуации с разрешением Леноблисполкому вывезти 24 тыс. детей с матерями из районов Ленинградской области: г. Чудово, М. Вишера, Тосно, Слуцк, Красное Село, Урицк, Ораниенбаум, Парголово, Всеволжская, Мга, Волхов, Сестрорецк и Шлиссельбург. Эвакуация должна была осуществляться в Вологодскую и Кировскую области[3].

В то же время проблемой перевозок летом 1941 г. стали пробки на железной дороге, которые могли сорвать дальнейшую эвакуацию. 22 августа 1941 г. на участке железной дороги Ленинград-Волховстрой стояли 58 поездов, в том числе 15 поездов с людьми. Одним из решений проблемы стало одностороннее движение груженых поездов, с отправкой их друг за другом, по направлению Ленинград-Тихвин-Вологда[4].

В тот же день, 22 августа 1941 г., на заседании Совета по эвакуации (протокол №14 – п. 5) был снят с обсуждения вопрос о дополнительной эвакуации из г. Ленинграда предприятий, связанных с поставкой продукции для обороны города. Сняли с обсуждения и вопрос об эвакуации скота, находящегося в личном пользовании колхозников Ленинградской области (п. 10)[5].

Предложение об эвакуации Кировского и Ижорского заводов, исходившее от А. А. Жданова, В. А. Малышева и И. И. Носенко, было принято Советом по эвакуации 26 августа 1941 г. (протокол №15 – п. 1)[6], и затем усилено специальным постановлением ГКО от 28 августа 1941 г. №596сс. Подлежали эвакуации Волховская и Свирская гидростанции (постановление ГКО от

---

1 Там же. Д. 541. Л. 142.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 102.
3 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 544. Л. 322. 20 августа распоряжение было подписано А. Н. Косыгиным.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 21. Л. 207.
5 ГА РФ.Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 75.
6 Там же. Л. 83.

8 сентября 1941 г. №644с по докладной записке Н. М. Шверника И. В. Сталину и В. М. Молотову)[1]. Соответственно, в августе была демонтирована и вывезена часть оборудования с Кировского завода, в том числе броневой стан. В Челябинск выехали 3 тыс. высококвалифицированных рабочих, инженеров, техников предприятия[2].

В то же время в шифровке №2059/III, посланной 28 августа 1941 г., К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, М. М. Попов, А. А. Кузнецов, В. М. Молотов, Г. М. Маленков просили отложить эвакуацию Ижорского и Кировского заводов, а продукцию обоих заводов: танки «КВ» и бронемашины Ижорского завода, до 10 сентября оставить в Ленинграде. Целью было обеспечение плана, ранее предложенного И. В. Сталиным, по созданию особого типа укрепрайона на основе танков «КВ» и других, бронемашин и артиллерии, начиная с южной оконечности Красногвардейского укрепрайона и до Волхова[3]. В результате эвакуация заводов №174, Кировского, Ижорского была приостановлена.

Вновь эвакуация этих заводов стала предметом переговоров Сталина со Ждановым и Кузнецовым только 4 октября 1941 г. К этому времени вывоз рабочих и оборудования мог состояться только водным путем через Ладожское озеро на Волховстрой[4]. Эвакуация затянулась вплоть до поздней осени и осуществлялась через Ладожское озеро в драматических условиях. 4 ноября пароход «Конструктор» с эвакуируемыми рабочими Ижорского завода подвергся бомбардировке, во время которой ок. 200 чел. пассажиров и членов экипажа погибла. Часть людей удалось спасти, подняв на борт канонерской лодки[5].

Несмотря на задержку с эвакуацией, значительная часть оборудования и персонала были эвакуированы с Кировского завода в тыл. Из 38 967 чел. трудившихся на заводе на 1 июля 1941 г., в том числе ок. 24 000 рабочих, было эвакуировано ок. 17 000 чел. производственного персонала[6].

Количество лиц, отправленных из Ленинграда к 27 августа 1941 г., в различных документах этого периода отличается. Так, к 26 августа из Ленинграда, согласно сводке от данного числа, хранящейся среди документов Секретного отдела Ленгорисполкома, было эвакуировано всего: 670 524 чел., в том числе 401 748 чел. через райсоветы, 158 160 чел. с предприятиями, а

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 128, 136.
2 Непокоренный Ленинград. С. 58.
3 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 492. Л. 34.
4 Там же. Л. 19, 20.
5 *Кутузов А. В.* Эвакуация ленинградских танкостроителей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. – 2009. – Вып. 3. С. 153; *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. Коммуникации блокированного Ленинграда. 1941–1943 гг. - СПб.: Вести, 2001. С. 80.
6 *Дзенискевич А. Р.* Накануне и в дни испытаний (Ленинградские рабочие в 1938–1945) / Отв. ред. В. М. Ковальчук. – Л., 1990. С. 89.

также 88 681 чел. населения, прибывшего из прифронтовой полосы, и 21 935 чел., прибывших по железнодорожным билетам, проданным на пассажирские поезда. 26 августа было эвакуировано еще 10 413 чел.[1] В справке Ленгорисполкома по вопросу эвакуации от 28 августа 1941 г. указано, что, в общей сумме, с 29 июня по 27 августа включительно было вывезено: 629 981 чел., из них ленинградцев 518 375 чел. (включая детей позднее реэвакуированных)[2]. В справке городской эвакуационной комиссии от 26 апреля 1942 г. количество эвакуированных на 27 августа 1941 г. указано 636 203 чел., из них 488 703 чел. ленинградцев[3]. Всего же расхождения между первоначальным числом вывезенных летом 1941 г. ленинградцев на 26 августа 1941 г. (570 321 чел.) и окончательными данными в справке ГЭК 1942 г. (488 703 чел.) составляют 81 618. В то же время, как было доказано, и число, приводимое ГЭК, нуждается в корректировке в меньшую сторону.

Согласно справке, хранящейся в отделе агитации и пропаганды Ленгоркома ВКП(б), летом 1941 г. удалось эвакуировать: ленинградских рабочих и служащих с семьями – 269 012 чел., детей, педагогов и медработников, выехавших с детскими учреждениями – 219 691 чел. (Таблица 4а)[4]. Или всего 480 703 чел. (15%) из гражданского населения, проживавшего в Ленинграде на 22 июня 1941 г. Однако и эти данные нуждаются в скептической проверке, не будучи подтверждены финансовой проверкой Ленгорисполкома (ножницы между отчетными цифрами и реальными составляют до 100 тысяч).

Столь значительные расхождения могут свидетельствовать как о неразберихе с учетом реально вывезенных из города людей из-за значительной реэвакуации, так и о серьезных социальных проблемах, вызванных этой неразберихой. В документах указывалось, что к 18 августа 1941 г. многие женщины, желая выехать из города, уволились с работы. Согласно подготовленному Ленгорисполкомом проекту постановления об эвакуации населения из г. Ленинграда, к 28 августа в Ленинграде была острая потребность вывезти не менее 162 тысяч чел. из прифронтовых областей, в том числе 95 тысяч финского и немецкого населения по решению Военного Совета Ленинградского фронта. Предлагалось вывезти с 30 августа по 8 сентября 412 тысяч человек, в том числе 250 тысяч ленинградцев, эшелонами и баржами[5].

27 августа 1941 г. распоряжением Совета по эвакуации №13682сэ следовало вывезти, по согласованию из НКВД, 95 тыс. человек из Ленинградской области и г. Ленинграда:

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 22. Л. 1.
2 Там же. Л. 5. (Подсчитано мной. – Л.Г.)
3 Ленинград в осаде. С. 301.
4 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 1415. (Справка о состоянии эвакуированного населения Ленинграда с 29. VI. 1941 по 1. IV. 1943 г. 10 апреля 1944 г.). Л. 1—6.
5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 22. Л. 2, 3, 4, 7.

спецконтингент (вероятно, вышеуказанные немцы и финны). Эвакуированные вывозились в Архангельскую, Кировскую, Молотовскую, Челябинскую области, а также Башкирскую АССР, Удмуртскую АССР, Коми АССР, Марийскую АССР, в соответствии с постановлением Совета по эвакуации №СЭ-74сс от 13 августа. На месте поселения их трудоспособную часть следовало использовать на лесозаготовках[1]. Однако вывоз их в указанный период уже был затруднен[2].

29 августа 1941 г. Советом по эвакуации было принято постановление №СЭ-103сс с требованием обеспечить ежесуточную подачу 1500 вагонов с 30 августа по 8 сентября для вывоза эвакуируемых предприятий и населения из Ленинграда. Из этого количества 900 вагонов следовало подать под погрузку предприятий и рабочих, 600 вагонов – под погрузку населения (женщин и детей) и из прифронтовой полосы[3]. Данное постановление сопровождалось пакетом документов, в том числе планом эвакуации промышленных предприятий города, постановлением б/н, которое возлагало личную ответственность на П. С. Попкова и начальников Октябрьской железной дороги И. В. Колпакова и Ленинградской железной дороги А. М. Васильева за распределение вагонов с учетом поступления порожняка на узел[4]. Постановление соответствовало подготовленному Ленгорисполкомом проекту.

О выполнении данного постановления свидетельствует решение, принятое не позднее 1 сентября 1941 г. Военным Советом Ленфронта об эвакуации лиц, прибывающих из прифронтовой полосы в Ленинград, переправлять на левый берег Невы в районе Шлиссельбурга: лиц на повозках с лошадьми следовало направлять самоходом, а женщин с детьми – перевозить до ст. Кобона[5] по каналу водным транспортом, а дальше автотранспортом до Волховстроя, и далее по железной дороге[6]. 1 сентября А. Н. Косыгин подписал распоряжение об оказании единовременной денежной помощи в размере 200 тысяч из средств местного бюджета Ленинграда и 300 тысяч из средств местного бюджета Ленинградской области лицам, эвакуированным из прифронтовой полосы и размещенным в г. Ленинграде и Ленинградской области. Распоряжение было заверено заместителем Председателя СНК РСФСР К. Д. Памфиловым[7]. 2 сентября 1941 г. были приняты решение суженного заседания (СЗ) исполкома Ленсовета №498 об оказании

---

1 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д.545. Л. 120–121.

2 Справедливости ради следует указать, что многие из проживавших в Ленинграде и Ленинградской области немцев и финнов были настроены лояльно к политической власти. Так, среди этнических немцев были отец О. Ф. Берггольц, за которого она хлопотала, известный хирург, профессор 1 ЛМИ В. А. Шаак. Много финских семей проживало на ст. Горская, среди которых были многочисленные родственники блокадной подруги матери И. В. Морозовой. Горская находилась в прифронтовой полосе, однако финское население всю войну находилось в своих домах.

3 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 541. Л. 200.

4 Там же. Л. 201в.

5 Здесь и ниже мы используем написание наиболее употребительное в современной литературе: Кобона.

6 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 79–80.

7 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 545. Л.318.

беженцам единовременной денежной помощи в размере 200 тысяч рублей и решение СЗ №500 о формировании санпропускника при эвакогоспитале. На оборудование санпропускника выделялись 70 925 рублей, за счет сэкономленных средств местного бюджета по ОСВОДу[1].

В то же время 8 сентября 1941 г. П. С. Попков направил Б. М. Мотылеву докладную записку начальника 5-го Ленинград-Финляндского отделения службы движения ОЖД А. К. Галанова и начальника политотдела Ленинград-Финляндского отделения ОЖД Егорова о том, что на одиннадцати станциях 5-го отделения несколько дней (начиная с 28–30 августа) находятся люди, частью на открытом воздухе, невзирая на дождь и холод, частью в открытых полувагонах и на платформах. Всего 13 808 чел. На полях Мотылевым было отмечено, что 11 и 12 сентября все поезда были отправлены[2]. Эта отправка, видимо, была связана с имевшимся планом продолжить эвакуацию водным транспортом через Ладогу (см. ниже).

Таким образом, важнейшие решения по эвакуации населения и ценных грузов из Ленинграда летом – в начале осени 1941 г. принимались Советом по эвакуации, наделенным чрезвычайными полномочиями, и подписывались сначала Л. М. Кагановичем, а с 16 июля 1941 г. Н. М. Шверником. Распоряжения Совета по эвакуации, касавшиеся конкретных вопросов эвакуации ленинградцев, подписывались, как правило, А. Н. Косыгиным. В случае необходимости принимались постановления СНК СССР, а также ГКО, подписанные лично И. В. Сталиным. С ними согласовывались решения ОК и ГК ВКП(б), горисполкома и Военного Совета Ленинградского фронта, которые взаимно дополняли друг друга, аналогично структуре принятия важнейших решений в Кремле. В ряде случаев проекты правительственных постановлений по Ленинграду готовились местными органами власти.

На местах планируемой эвакуации экстренно принимались меры для обеспечения поставленных задач. Однако, несмотря на значительные усилия по реализации мобилизационных и эвакуационных мероприятий, далеко не все удалось исполнить, по причинам объективного и субъективного характера.

Блокирование Ленинграда и форсирование погрузки эвакопоездов, когда отправление их стало более чем проблематичным, привело к тому, что на 15 сентября 1941 г. оказались неотправленными 45 эвакопоездов, 40 из них с заводским оборудованием и пять с людьми. Часть эвакогрузов была в состоянии подготовки к погрузке[3].

Конкретные действия, направленные на эвакуацию людей в условиях блокады, порой

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 138.

2 Там же. Д. 21. Л. 240, 240об.

3 Военно-автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. – СПб.: Галарт, 2018. С. 157.

приобретали крайне суровый характер.

О характере «привилегий» при эвакуации из блокированного города можно судить по переписке Ленгорисполкома. 14 декабря 1941 г. Военный комиссар г. Ленинграда, полковой комиссар Ф. Ф. Расторгуев сообщал начальнику тыла Ленинградского фронта генерал-майору Ф. Н. Лагунову: 26 августа 1941 г. был сформирован эшелон из семей начальствующего состава и прочих военнослужащих в Пушкине (при оставлении его частями Красной Армии), назначением г. Челябинск. Он был возвращен со ст. Мга, занятой немцами, на ст. Ленинград – Товарная Мурманской железной дороги. Эшелон насчитывал 1 200 чел., но 3 сентября из него «было отсеяно гражданское население, не связанное с Красной Армией». В сентябре к эшелону присоединилось 19 чел. работников АН СССР и Института математики. На 14 декабря 1941 г. всего в эшелоне стало 450 чел., включая 116 детей от 0 до 16 лет. Четыре месяца эшелон оставался на том же месте без питьевой воды, кипятка, топлива, с недостаточным питанием. «На почве истощения умерло 9 человек: 5 взрослых, из них 3 члена ВКП(б), и 4 детей. Умершие своевременно из вагонов не выносятся»[1].

Подобная история приводится в статье В. Л. Пянкевича и А. Н. Чистикова. В стенограмме сообщения бывшего начальника посадки эвакопункта Борисова Грива Лосева упоминается о прибытии 3 декабря 1941 г. эшелона, в котором находились 2 тыс. переселенцев, эвакуированных в июле в Ленинград из пригородов. Эти люди не могли двигаться и в большом количестве умирали до середины декабря. Им было предложено возвратиться в Ленинград, но те из них, кто были покрепче, просились походным порядком перейти через Ладогу[2].

Важнейшие вопросы организации эвакуации: финансовые, а также порядок питания и перевозки эвакуируемого населения решались Советом по эвакуации в первую очередь. Распоряжением Совета по эвакуации от 28 июня 1941 г. №2199-ре, подписанном Л. М. Кагановичем, отпуск питания эвакуируемым должен был производиться бесплатно, при двухразовом питании, стоимостью до 6 рублей на человека (один обед 3 руб.). Для возмещения оборотных средств Наркомфин СССР должен был выделить аванс Главдорбуфетам Наркомторга СССР в размере 6 млн. рублей и Союзтрансторгпита в размере 4 млн. рублей. В пунктах питания должны были создаваться необходимые запасы продовольствия[3]. 2 июля 1941 г. было принято распоряжение Совета по эвакуации №4822-сэ о размерах продовольственных запасов для обеспечения эвакуируемого населения в пути следования и в местах расселения за счет переходящих остатков: муки – 6 000 т, крупы

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 22. Л. 178, 178об.

2 *Пянкевич В. Л., Чистиков А. Н.* Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г. // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, №1. С. 62.

3 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 543. Л. 1к.

– 2 000 т, сахара – 400 т, масла жив. – 400 т, сыра – 100 т, яиц – 30 вагонов. Распределение продовольствия по областям и краям возлагалось на Наркомторг СССР[1].

8 июля 1941 г. заместителем председателя Ленгорисполкома И. А. Андреенко была дана телеграмма Наркому торговли РСФСР Д. В. Павлову, одновременно: И. А. Зубрицкому, зав. Ярославского облторготдела, об отпуске в июле в счет фондов Ленинграда для снабжения эвакуированных: 144 т мяса, 43 т рыбы, 9 т сельди, 69 т масла животного, 9 т масла растительного, 8 вагонов яиц, 104 т сахара, 0,9 т чая, 86 т крупы, 700 т пшеничной и ржаной муки, 43 т макарон и пр., а также картофеля и овощей[2].

16 июля 1941 г. на заседании Совета по эвакуации СНК СССР (протокол №8 – п. 14) обсуждался порядок выдачи продуктов эвакуируемому населению из Москвы и Ленинграда, в связи с введением карточной системы[3].

В начале июля 1941 г. был издан циркуляр Госбанка СССР №4010сс, согласно которому конторы Госбанка обязаны были беспрепятственно выдавать ссуды предприятиям на расходы, связанные с эвакуацией. При отсутствии на счетах предприятий необходимых оборотных средств, суммы перечислялись на счета вышестоящих организаций (главков и др.)[4].

Решение финансовых проблем, вопросы медицинского обслуживания играли важнейшую роль в организации эвакуации *местными органами Советской власти*.

Согласно решению СНК РСФСР от 8 июля 1941 г. из местного бюджета г. Ленинграда было выдано к 19 августа в порядке оказания денежной помощи 753,6 тыс. руб. семьям рабочих и служащих[5]. Помимо финансирования эвакуации, в соответствии с распоряжениями Правительства, Ленгорисполкомом проводились дополнительные мероприятия по оказанию финансовой помощи эвакуированным детям и родителям. Так, по решению исполкома от 18 августа 1941 года №454с было ассигновано 1,5 миллиона рублей из бюджета города на приобретение зимней одежды и обуви для детей многосемейных и малообеспеченных родителей, а также для оказания материальной помощи родителям, лишившимся детских вещей в результате вражеских воздушных налетов на эшелоны с детьми (с устного разрешения А. Н. Косыгина)[6].

Из докладной записки Е. Т. Федоровой А. А. Кузнецову 2 сентября 1941 г. ясно, что в данном случае речь шла, в первую очередь, о помощи детям, эвакуированным с детскими

---

1 Там же. Л. 17.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 28.
3 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 32.
4 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.]; [составители *И. М. Сапронов, Н. Ю. Черепенина* (отв. составитель)]. – СПб.: Арт-Экспресс, 2017. С. 35.
5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 102, 105.
6 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 105.

учреждениями. Их родителям была предоставлена возможность приобрести для детей 1 пару обуви и 1 пару галош по справке об эвакуации ребенка из райисполкома (без промтоварных карточек). Было отправлено 18 вагонов с родительскими посылками. Кроме того, было отгружено из Ленинграда 200 тыс. метров бельевой ткани и 15 тыс. одеял. Ленгорисполком, совместно с Ярославским и Кировским облисполкомами, вышли с ходатайством в Правительство об ассигновании 950 тыс. рублей для подготовки к зиме детских интернатов. На август и сентябрь 1941 г. НК торговли СССР было спущено в Ярославскую и Кировскую области достаточно продовольственных фондов, перебои были только со снабжением молоком, которые, в конце концов, прекратились[1].

Трудности эвакуации – реэвакуации женщин и детей вызвали необходимость дополнительных решений Ленгорисполкома по этому вопросу: о мероприятиях по медико-санитарному обслуживанию населения в пути от 14 августа 1941 г.; об уполномоченных по эвакуации женщин и детей в области и автономные республики от 17 августа 1941 г.[2]; о дополнении решения исполкома от 25 октября 1941 г. «О порядке взимания платы с родителей за детей, эвакуированных из Ленинграда» от 9 ноября 1941 г. пр. №54, п. 33. В последнем указывалось: не учитывать в качестве дохода пособие, получаемое семьями военнослужащих по Указу Президиума ВС от 26 июня, в том случае, если жены военнослужащих работали на предприятиях или в учреждениях (опубликовано в ноябре 1941 г.)[3].

Таким образом, можно заметить, что в 1941 г. значительная часть расходов по финансированию эвакуации распределялась между местным бюджетом Ленинграда и государственным бюджетом СССР.

Затруднения с железнодорожным транспортом привели к *необходимости использования водного и воздушного транспорта* для эвакуации населения. Уже 6 июля 1941 г. было принято распоряжение Совета по эвакуации 4881-сэ о предоставлении бесплатно водного транспорта для перевозки эвакуируемого населения из прифронтовой полосы, в соответствии с планом эвакуации населения[4].

Сохранилось множество свидетельств о работе Северо-Западного речного пароходства (СЗРП) и Ладожской военной флотилии по эвакуации гражданского населения через Ладогу в 1941 г. Так вспоминал Борис Абелевич Вайнер, капитан 1-го ранга запаса, что на транспорте «Вилсанди», переоборудованном из яхты, 27 сентября 1941 г. были установлены 45-мм

1 Там же. Д. 21. Л. 237–239.
2 *Ежов М. В.* Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: опыт, проблемы, уроки. С. 46-47.
3 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №41-42 (28 ноября). С. 17.
4 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 543. Л. 105.

зенитные пушки, из-за постоянных воздушных обстрелов и бомбардировок немцами. 29 сентября, в числе первых эвакуируемых, на транспорте были вывезены на Восточный берег Ладоги сотрудники Верховного Совета ЭССР[1].

23 октября 1941 г. Военным Советом Ленинградского фронта был подготовлен проект постановления с планом вывоза водным транспортом по 21 тысяче ленинградцев ежесуточно из Шлиссельбурга на Гостинополье и Шальдиху, а также с ввозом из Гостинополья в Ленинград ежесуточно по 4 150 тонн продовольствия[2]. План, вероятно, предполагал успех 2-й Синявинской операции, начавшейся 22 октября 1941 г. Однако ее неудача не позволила его полностью реализовать. Всего водным транспортом осенью 1941 г. было вывезено 33 479 чел., из них 14 854 чел. неленинградского населения (беженцев)[3].

Постановлением ГКО от 9 ноября 1941 г. №871сс, по просьбе ленинградского руководства, были выделены 24 транспортных пассажирских самолета «Дуглас» и 10 самолетов ТБ-3 для доставки продовольствия в Ленинград и вывоза ценных грузов из Ленинграда. Этими же самолетами, базировавшимися в Череповце, продолжалась эвакуация из Ленинграда населения[4]. Всего авиацией за осень 1941 г. из Ленинграда вывезли 35 114 чел., из них 16 956 чел. неленинградского населения[5].

Появление новых задач перед органами Советской власти, прежде всего разгрузка железных дорог и обустройство эвакуированного населения на новом месте, потребовало реорганизации Совета по эвакуации. Постановлением ГКО от 26 сентября 1941 г. №715с при Совете по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения, на основе докладной записки Н. М. Шверника И. В. Сталину и В. М. Молотову. Управление (начальник К. Д. Памфилов, зам. Председателя СНК РСФСР) подчинялось Совету по эвакуации. Аппарат уполномоченных Управления к концу 1941 г. насчитывал 3 тыс. человек, благодаря подключению сети профсоюзных организаций и аппарата ВЦСПС[6].

Постановлением ГКО от 26 сентября 1941 г. №716с была запрещена прописка граждан, эвакуируемых из прифронтовой полосы, в городах, находящихся на особом режиме[7]. Ранее, 13 сентября 1941 г. было принято постановление СНК СССР №2069 «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения»[8]. В ряде мест эвакуации фонд жилых помещений

1 Ладога родная. Воспоминания ветеранов Краснознаменной Ладожской флотилии. – Лениздат, 1969. С. 130–132.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 22. Л. 128, 129.
3 Ленинград в осаде. С. 301.
4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 170.
5 Ленинград в осаде. С. 301.
6 Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне. С. 7.
7 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 147.
8 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 94–100.

имел высокую степень изношенности, нуждался в ремонте. Так, на Алтае степень изношенности жилого фонда составляла 40%, не было канализации. Для подготовки помещений к приему эвакуируемых уже в сентябре 1941 г. были созданы оперативные тройки: краевые и районные, включавшие руководителей партийных, советских органов власти и управления НКВД, имевшие неограниченные полномочия. Освобождались незанятые площади хозяйственных организаций, уплотнялось население. Для временного размещения эвакуированных строились бараки и землянки[1]. В то же время в северных районах страны строительство нового жилья было слишком затратным. В основном предоставление жилья эваконаселению в Архангельской и Вологодской областях осуществлялось через подселение к местным жителям и ремонт имевшегося жилого фонда[2].

Постановлением ГКО 25 октября 1941 г. №834с был образован Комитет по эвакуации из прифронтовой полосы продовольствия, сырья и оборудования легкой и пищевой промышленности[3]. Его основной задачей стала разгрузка железных дорог, занятых эшелонами с сотнями тысяч эвакуируемых граждан. В связи с этим было принято Постановление ГКО от 18 ноября 1941 г. №910 «Об ускорении продвижения эшелонов с эвакуированными рабочими, служащими и колхозниками»[4].

В тот же день на совместном совещании членов ВКП(б) Леноблисполкома и Дома Крестьянина рассматривалась работа Переселенческого отдела облисполкома. Присутствующие отметили отсутствие данных по эвакуации населения по многим районам области, а также принятие мер для их получения[5]. 19 ноября 1941 г. Военным Советом Ленинградского фронта была утверждена комиссия по эвакуации населения из Ленинграда, во главе с П. С. Попковым[6]. Членами остались А. П. Смирнов, Б. М. Мотылев, Н. М. Лагунов, к ним добавился Г. Г. Воротов.

Но уже 19 декабря 1941 г. появилось постановление ГКО №1044с о прекращении эвакуации хлеба, продовольственных и промышленных товаров, сырья и полуфабрикатов и о ликвидации Комитета по эвакуации[7]. Постановлением ГКО от 25 декабря 1941 г. №1066с был образован

---

1 *Мелехова Ю. А.* Исторический опыт организации приема и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны: на примере Алтайского края. Автореф. дисс. … к.и.н. – Барнаул, 2016. С. 19.

2 *Николенко А. В.* Деятельность государственных и партийных органов по жизнеобеспечению эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны: на материалах Архангельской и Вологодской областей. Автореф. дисс. … к.и.н. – Санкт-Петербург, 2017. С. 16.

3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 164.

4 Там же. С. 176.

5 Протокол №24 Совещания членов ВКП(б) исполкома Ленсовета и Дома Крестьянина. 18/IX 1941 // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-2862. Оп.1. Д.2. Л.1-3.

6 Эвакуация населения Ленинграда по ледовой автодороге в 1941 г. (по документам ЦГА СПб) / публ. Н. Ю. Черепениной // Россия. Век двадцатый: сб. статей к 95-летию доктора исторических наук В. М. Ковальчука. – СПб, 2011. С. 179.

7 Там же. С. 194.

Комитет по разгрузке железных дорог в составе А. И. Микояна (пред.), А. Н. Косыгина, Л. М. Кагановича, Н. А. Вознесенского, А. В. Хрулева. Совет по эвакуации был расформирован и его аппарат передан Комитету по разгрузке[1].

С 31 января 1942 г. начал работать Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения СНК РСФСР, аналогичные отделы работали при местных органах Советской власти[2]. Важную роль во включении в трудовую деятельность людей на новом месте сыграло Разъяснение ВЦСПС от 27 апреля 1942 г. «О сохранении непрерывного стажа работы за эвакуированными рабочими и служащими». Непрерывный стаж сохранялся за рабочими и служащими, эвакуированными постановлениями местных исполкомов Советов депутатов трудящихся по болезни или старости, а у женщин, кроме того, по беременности или наличию малолетних детей. Перерыв не должен был превышать трех месяцев, не считая времени переезда на новое место жительства, а у женщин сверх того – срока отпуска по беременности[3].

5 ноября 1942 г. СНК СССР утвердил Положение о Комитете по учету рабочей силы при СНК СССР под председательством Н. М. Шверника. Комитет должен был содействовать мобилизациям населения по ходатайствам наркоматов, совнаркомов, обл(край)исполкомов по обеспечению предприятий страны рабочей силой. Необходимо было решать жилищные и бытовые вопросы, для чего использовались профсоюзные организации (ФЗМК) и активисты[4].

Таким образом, организация эвакуации ленинградского населения летом 1941 г. проходила в чрезвычайно трудных условиях и во многом была обусловлена характером и результатами военных операций в ходе Ленинградской битвы. Несмотря на стремление гитлеровцев воспрепятствовать вывозу населения из Ленинграда и террор, начатый с первых дней битвы, следует сказать, что усилиями Советских органов государственной власти эта эвакуация носила организованный характер. С самого начала войны можно выделить две основные стратегии эвакуации населения: осуществляемая военными властями из прифронтовой полосы и Советскими органами власти под руководством Совета по эвакуации СНК СССР, позднее его преемников:

---

1 Там же. С. 198. Вероятно, расформирование Совета по эвакуации объясняется тем, что Н. М. Шверник в это время находился в Великобритании с делегацией от советских профсоюзов.

2 14 сентября 1945 г. отдел по хозустройству эвакуированного населения СНК РСФСР преобразовался в Переселенческое Управление при СНК РСФСР. Среди решаемых отделом задач была реэвакуация и репатриация населения, угнанного фашистами. В документах встречается название Переселенческая комиссия при СНК РСФСР, в фонде которой осели отчетные материалы по эвакуации из Ленинграда в 1942 г. Переселенческая комиссия под председательством Н. М. Шверника занималась вопросами размещения, кадрового распределения и устройства на работу переселенцев.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 1 (Постановления Секретариата ВЦСПС. Апрель – декабрь 1942). Л. 1.

4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 207.

Комитета по эвакуации и Переселенческой комиссии. Обе стратегии были институционально проработаны[1].

Хозяйственному обустройству в местах эвакуации должно было способствовать то, что население вывозилось вместе с ценными грузами: оборудованием предприятий, учреждений, ценными сырьем и материалами, продовольствием и уникальными коллекциями музеев, институтов, библиотек.

Результатом эвакуации летом 1941 г., до начала блокады, был вывоз из Ленинграда около 500 тысяч населения, включая беженцев, по официальным данным. В то же время значительная часть выехавших в этот период погибли или пропали без вести из-за быстро развивавшегося наступления гитлеровцев, а также из-за проводимого ими террора в отношении мирного населения.

4.2. Эвакуация гражданского населения из Ленинграда с декабря 1941 по 22 апреля 1942 годов

26 ноября 1941 г. было принято распоряжение Совета по эвакуации (СЭ) №14982-сэ: по предложению Ленгорисполкома, возобновить эвакуацию населения из Ленинграда в количестве 118 тыс. чел. автотранспортом до ст. Заборье Северной ж.д. с дальнейшей пересадкой на железнодорожный транспорт. На ст. Заборье следовало силами Вологодского облисполкома организовать эвакопункт для одновременного пребывания 5–7 тысяч человек. Для руководства сотрудники привлекались с Череповецкого эвакопункта. Наркомторг и Наркомздрав СССР обязывались организовать питательные и медицинский пункты[2].

Согласно воспоминаниям А. Ф. Качалкина, уполномоченного Совета по эвакуации (СЭ) на Северной железной дороге, станция Заборье находилась в 160 км от Волхова. Для приема ленинградцев необходимо было проложить железную дорогу в обход Тихвина, протяженностью 200 км. Несмотря на то, что 4 и 5 декабря на станцию были совершены налеты немецкой авиации, разрушившие эвакопункт, 6 декабря 1941 г. строительство станции Заборье закончилось[3]. В тот же день, 6 декабря 1941 г., Военный Совет Ленинградского фронта, в составе: А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, Н. В. Соловьев, генерал-лейтенант М. С. Хозин, постановил начать эвакуацию населения из Ленинграда по трассе Ваганово – Заборье с 10 декабря 1941 г., доводя число эвакуируемых

1 Институциональная проработка, экон. – подготовка правовой инфраструктуры.
2 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 548. Л. 297, 298.
3 *Качалкин А. Ф.* На дорогах войны // Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне. С. 56–57.

к 20 декабря в сутки до 5000 чел.[1]

Трудности эвакуации в этот период нашли отражение в докладной записке военного прокурора Октябрьской железной дороги, военного юриста 2 ранга Кулакова от 11 декабря 1941 г. военному прокурору Ленинградского фронта, диввоенюристу М. Г. Грезову. В ней сообщалось, что прибывшие 4 декабря 1941 г. в 21-40 на ст. Борисова Грива с первым эвакопоездом 840 чел. были частично размещены в ближайшем поселке, частично остались в вагонах до 6 декабря из-за отсутствия автотранспорта. 6 декабря прибыл второй состав с 1000 чел., которые оказались в таком же положении. 5 декабря вместо 60 автомашин было подано всего пять. Вероятно, сведения о трудностях эвакуации просачивались в город. Так, 4 декабря 1941 г. к поезду, предназначенному для эвакуации учеников 45 ремесленного училища, прибыло вместо 400 чел. всего 45, из-за чего он был отправлен с опозданием на 1,5 часа[2].

Согласно распоряжению Совета по эвакуации от 11 декабря 1941 г. №15157-сэ, пересадка эвакуируемых автотранспортом из Ленинграда рабочих, следовавших с семьями к месту размещения вывезенных из Ленинграда предприятий, должна была осуществляться на ст. Бабаево Северной железной дороги. Вопрос об эвакуации контингента научных сотрудников, слушателей и преподавателей Военной Академии, учеников школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ, запланированного распоряжением СЭ от 26 ноября 1941 г., в данном документе не рассматривался (был вычеркнут). На ст. Бабаево силами Вологодского облисполкома следовало организовать эвакопункт 1-го класса[3].

В результате Тихвинской стратегической наступательной операции 9 декабря 1941 г. был освобожден Тихвин, что сыграло важную роль в налаживании эвакуации населения и грузов из Ленинграда. По предложению А. Ф. Качалкина, Советом по эвакуации было решено организовать эвакопункт в Тихвине[4]. 25 декабря 1941 г. вышло распоряжение Совета по эвакуации №16148-сэ: разрешить Леноблисполкому организовать эвакопункт 1-го класса в Тихвине, выделив необходимые помещения для одновременного размещения 3–4 тысяч человек; совместно с Наркомторгом и Наркомздравом СССР организовать пункты питания и медпункт. Представителей соответствующих наркоматов со ст. Бабаево следовало перевести в г. Тихвин[5]. Все три распоряжения Совета по эвакуации (26 ноября – 25 декабря 1941 г.) были подписаны заместителем председателя Совета по эвакуации А. Н. Косыгиным.

---

1 Документ №129. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта об эвакуации людей из Ленинграда. 6 декабря 1941 г. // Ленинград в осаде. С. 277–279.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 22. Л. 177.
3 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1 Д. 549. Л. 89.
4 *Качалкин А. Ф.* Указ. соч. С. 57.
5 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 549. Л. 341.

С 29 декабря 1941 г. начали прибывать эвакуируемые ленинградцы в Тихвин, где и находился уполномоченный Совета по эвакуации. Всего с 29 декабря по 6 января 1942 г. из Ленинграда прибыло и по Северной железной дороге было отправлено 3 486 чел. Несмотря на приостановку эвакуации, неорганизовано население продолжало прибывать в Тихвин в день по 100 человек. К 7 января 1942 г. под руководством уполномоченного был организован в Тихвине эвакопункт[1].

Об эвакуации инвалидов войны в декабре 1941 г. через озеро «пачками» [так в тексте – Л.Г.] на заседании Ленгорисполкома 16 декабря 1943 г. докладывал В. Н. Сусляков, заведующий Ленгорсобеса. Всего Ленгорсобесом с ноября 1941 г. по 1 января 1942 г. было эвакуировано 3 387 инвалидов войны[2]. В. Л. Пянкевич, А. Н. Чистиков указывают на сведения об эвакуации походным порядком через Ладогу военнослужащих и членов их семей в количестве 7 345 чел. на 30 декабря 1941 г.[3] Можно предположить, что в их числе были инвалиды войны, эвакуируемые собесом, а также семьи военнослужащих из Пушкина, трагическое положение которых было описано выше.

В постановлении Волховского ГК ВКП(б) от 10 февраля 1942 г. об обслуживании эвакуированных ленинградцев указывалось, что с 1 января 1942 г. через ст. Волховстрой прошло 16 454 ленинградцев, которые обслуживались силами горсовета и эвакопункта в Сясьстрое, где получали питание через станционный буфет[4].

О суровых условиях эвакуации в этот период писал А. В. Карасев, ссылаясь на документы Наркомата обороны СССР: в декабре 1941 г. на пути от Кобоны до Сясьстроя справа и слева можно было увидеть застрявшие машины, многие из которых были переполнены стариками и женщинами. Обогревались в лесу у костров, демаскируя трассу[5].

Крайне тяжелые условия вывоза через Ладожское озеро привели к запрету эвакуации. Однако 10 января 1942 г. Управление войск НКВД по охране войскового тыла Ленинградского фронта обратилось к П. С. Попкову с сообщением о том, что районные эвакуационные комиссии продолжали выдавать эвакоудостоверения. Каждый день 30–45 граждан задерживались на Финляндском вокзале опергруппами железнодорожной милиции Октябрьской дороги при посадке. Это вызывало недовольство эвакуируемых, так как при получении удостоверений сдавались

1 *Качалкин А. Ф.* Указ. соч. С. 57.

2 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов. – СПб.: ЦГА СПб; Арт-Экспресс, 2018. С. 564, 601.

3 *Пянкевич В. Л., Чистиков А. Н.* Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г. С. 63.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 34.

5 *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады. С. 199.

хлебные и продовольственные карточки[1].

До 22 января через Ладожское озеро были переправлены учащиеся ремесленных училищ со своими наставниками и членами их семей. Всего 7339 чел., из которых 5616 чел. учащихся, 536 воспитателей и 1187 иждивенцев[2]. Была эта переправа пешком или на попутном транспорте неизвестно.

Всего за декабрь 1941 г. – январь 1942 г. по ледовой дороге было переправлено, по официальным данным: 36 118 чел., в основном неленинградцев[3].

Следующий период массовой эвакуации населения через Ладогу: с 22 января по 15 апреля 1942 г. 18 января 1942 г. вышло распоряжение СНК СССР за подписью А. Н. Косыгина, заместителя Председателя СНК СССР, которым ставилась задача ежедневно эвакуировать из Ленинграда не менее 2 тыс. человек в Вологодскую, Ивановскую и Ярославскую области.

С 19 января по июль 1942 г. Косыгин являлся уполномоченным ГКО в блокадном Ленинграде, занимаясь вопросами снабжения мирного населения и войск. Его роль зачастую являлась инспекторской, по результатам проверок готовились проекты распоряжений высших правительственных органов, которые он представлял[4]. 19 января А. Н. Косыгин вылетел в Ленинград. С ним прибыли ответственные работники СНК СССР и Московского комитета ВКП(б): И. М. Андреев, А. С. Болдырев, А. К. Горчаков, А. Г. Карпов, А. Ф. Куранчев, Г. А. Малявин, А. М. Протасов. Ранее, 17 января на совещании, состоявшемся у Косыгина, было решено направить на Ладожскую дорогу 40 автобусов и 100 грузовых машин с двухсменным водительским составом за счет Мосгорсовета, по 50 грузовых автомобилей прибыло из Горького (Нижний Новгород) и Ярославля[5].

В постановлении №00579 Военного Совета Ленинградского фронта от 21 января 1942 г. об эвакуации населения из Ленинграда требовалось: возобновить массовую эвакуацию (п.1) до ст. Ваганово по железной дороге, от ст. Ваганово до ст. Жихарево автобусами, от ст. Жихарево направлением на Вологду, Ярославль и Иваново железнодорожным транспортом. Для этого (п.2в,г) не позднее 23 января 1942 г. организовать эвакопункты 2-го класса в деревне Ваганово и при ст. Жихарево, Волхов и Бабаево, с помещениями на 3200 чел., а также медицинскими и питательными пунктами. Там же были установлены нормы питания эвакуируемого населения на ст.

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 9.

2 Там же. Л. 153.

3 Ленинград в осаде. С. 302.

4 Группа инспекторов была создана 11 июля 1941 г. по решению ГКО при Совете по эвакуации во главе с А. Н. Косыгиным. (*Игнатьев П. В. Кужим М. Ф.* Память блокадных перегонов // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 93). Видимо после прекращения деятельности Совета по эвакуации инспекторская группа осталась в аппарате Косыгина.

5 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. С. 171.

Жихарево, Волхов, Тихвин, Бабаево или Череповец[1]. На инициативу А. Н. Косыгина по организации массовой отправки населения из Ленинграда автотранспортом, направленным с продовольствием в Ленинград, а также круглосуточной отправки ленинградцев из Ваганово на ст. Жихарево, указывает в диссертации, посвященной его деятельности, Д.П. Савченко[2].

В своей книге «Ленинградцы в годы блокады» А. В. Карасев, ссылаясь на документ, хранящийся в фонде ГЭК, писал, что 22 января 1942 г. эти решения были подкреплены постановлением ГКО об эвакуации 500 тысяч жителей Ленинграда[3]. Таким образом, возникла «традиция» возлагать всю полноту ответственности за неудачи этой эвакуации в январе – феврале 1942 г. на Государственный комитет обороны. Однако данное постановление отсутствует в современных каталогах и справочниках. Нет оснований и предполагать, что оно замалчивается в связи с сохраняющейся секретностью, так как нет купюр в имеющихся номерах постановлений за указанный период[4]. Возможно, существовал проект такого постановления, подписанный А. Н. Косыгиным (подобные проекты постановлений СЭ за подписью Косыгина сохранились), однако он не был утвержден ГКО.

Эвакуируемое население прибывало на станцию Борисова Грива, откуда автотранспортом направлялось до станций Жихарево и Войбокало, а с 25 февраля 1942 г. также до вновь открытых пунктов Кобоны и Лаврово, а оттуда до ст. Войбокало. В начале апреля 1942 г. А.Н. Косыгин и А.А. Жданов согласовали с П.С. Попковым необходимость увеличить интенсивность вывоза ленинградцев до 5 эшелонов в сутки с тем, чтобы успеть дополнительно вывезти не менее 12 тысяч человек. В соответствии с этим, вышло постановление Военного Совета Ленинградского фронта «Об эвакуации населения из города Ленинграда в апреле месяце 1942 г.» от 2 апреля 1942 г. № 00774 за подписями Д. Н. Гусева, А. А. Жданова, А. А. Кузнецова и Н. В. Соловьева[5].

Согласно отчету ГЭК и справки по эвакуации за период с 22 января до 15 апреля 1942 г., по

---

1 Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть I (август 1941 – март 1942 г.). С. 343–346; Документ №133. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта об эвакуации населения из г. Ленинграда. 21 января 1942 г. // Ленинград в осаде. С. 285–288; Там же. С. 591[комментарий].

2 *Савченко Д. П.* Деятельность А. Н. Косыгина по укреплению обороноспособности СССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. Автореф. дисс. … к.и.н. – Москва, 2013. С. 20.

3 *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады. С. 199 (По ГАОРСС ЛО (Ныне ЦГА СПб). Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 5. Л. 2). В. М. Ковальчук также приводит данное постановление ГКО, со ссылкой на труд Карасева (*Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. С. 171, 495). Намекает на существование такого решения ГКО Н. Я. Комаров (*Комаров Н. Я.* «Государственный Комитет постановляет…»: Документы. Воспоминания. Комментарии. – М.: Воениздат, 1990. С. 145).

4 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 67–126; Оп. 2. Д. 33. Л. 1 – 178; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 217–218. Есть все основания полагать, что его не существовало.

5 Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть II (апрель – декабрь 1942 г.). Сб. документов / отв. сост. К. А. Болдовский – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2024. С. 26–27.

Дороге жизни было эвакуировано **554 186** чел., из них **445 232** чел. ленинградцев[1]. Надо иметь в виду, что в количество 554 тысячи в отчете ГЭК были включены 69 832 чел., эвакуированных с эвакопунктов в Войбокало и Тихвин[2]. Эти люди не пересекали Ладогу, так как эвакопункт в Войбокало принимал раненых и больных из местных, в основном военнослужащих, а в Тихвине – с ближайших районов (Таблица 14б)[3]. Таким образом, только 484 354 чел. из указанного числа пересекли Ладожское озеро. Среди «местных» могли быть ленинградцы, работавшие на Дороге жизни, на торфозаготовках и на лесозаготовках на восточном берегу Ладоги.

В то же время в содержании отчета имеются противоречия, так как все эвакуированное население в количестве 554 тысячи указано как выехавшее со ст. Борисова Грива. Указанный отчет ГЭК был подготовлен для Оперативного отдела штаба Ленфронта, приведенные в нем сведения об эвакуации с 22 января по 15 апреля 1942 г. за подписью А. А. Жданова были отосланы И. В. Сталину[4]. По мнению О. Б. Мозохина, вполне возможно, что именно отчет И. В. Сталину о результатах данной эвакуации стал причиной награждения А. Н. Косыгина орденом боевого Красного Знамени[5].

Неточности в статистических данных встречаются и в других документах, подготовленных в ГК ВКП(б) как весной 1942 г., так и позднее. Так, в справке, имевшейся в отделе агитации и пропаганды горкома ВКП(б), общее количество эвакуированных в этот период совпадает с отчетом ГЭК, однако отдельные страты[6] изменены. Например, в спецконтингенте (административно выселенного населения) не выделены переселенцы из области. В результате количество эвакуированных ленинградцев увеличилось на 31 664 чел. (Таблицы 4 а, б)[7].

Согласно отчету Октябрьской железной дороги в Плановую комиссию Ленгорисполкома, перевозка зимой – весной 1942 г. производилась до Борисовой Гривы в пригородных двухосных вагонах, отапливаемых печами-времянками. Освещались они только первые 10–15 дней эвакуации, после израсходования запаса свечей вагоны следовали без освещения. Путь от Ленинграда до ст. Борисова Грива расстоянием 46,4 километра поезда проходили вместо 2 – 3-х часов в

---

1 Документ №142. Отчет городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. // Ленинград в осаде. С. 302–303. Подсчитано мной исключением пп. 8–10, 12 (спецконтингент из области), 13, всего: 108 954 чел.

2 Ленинград в осаде. С. 305.

3 Военно-Автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. – СПб.: Галарт, 2018. С. 238–240.

4 Ленинград в осаде. С. 591.

5 *Мозохин О.Б.* Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны // Журнал Российских и Восточноевропейских исторических исследований. – 2018. – 1 (12). С. 33.

6 Страты, социол. – социальные группы, различающиеся по статусу индивидов.

7 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 1415. (Справка о состоянии эвакуированного населения Ленинграда с 29 VI 1941 по 1 IV 1943 г. 10 апреля 1944 г.). Л. 1—6. В связи с имеющимися противоречиями в статистических данных, приведенных в различных источниках, мы поместили и фрагмент отчета ГЭК, опубликованный ранее. См. Ленинград в осаде. С. 301–305.

среднем: в январе за 5,5 часов, в феврале за 18,5 часов, в марте за 14,5 часов, в апреле за 13,3 часа. В состав поезда включалось до 35 вагонов.

В некоторых случаях поезда задерживались, отстаивая на полевых станциях до суток. Среднее время на выгрузку составов вместо 4-х часов составляло от 15,5 часов в феврале до 7,5 часов в начале апреля. В марте 1942 г. попытались использовать товарные вагоны до ст. Борисова Грива для перевозки пассажиров, а обратно – продовольственных грузов. Однако этот опыт не получил распространения из-за грязи и неудобства погрузки[1].

К началу эвакуации вагонный парк в Ленинграде находился в поврежденном от артобстрелов и бомбардировок состоянии. О подготовке вагонов для эвакуации вспоминал И. А. Завьялов, начальник Ленинград-Московского вагонного участка в период войны: наименее пострадавшие вагоны не имели стекол, были с пробоинами в кузовах. Пробоины пришлось заливать отработанным баббитом[2], а в рамы вставляли фанеру с небольшими кусками стекла. Каждый состав, подготовленный для перевозки людей, принимал начальник дороги Б. К. Саламбеков, затем составы передавались на Ленинград-Финляндское отделение[3].

19 февраля 1942 г. военный прокурор Ленинградского фронта М. Г. Грезов обратился к председателю Ленгорисполкома П. С. Попкову с требованием навести порядок в организации эвакуации. В документе, в частности, писалось о том, что прибывающие из Ленинграда два поезда в сутки с 3000–3500 людей приводят к скоплению эвакуирующихся на станции Борисова Грива, так как автотранспорта для перевозки и помещений для их размещения недостаточно. В связи с этим смертность приобрела систематический характер. Во время проверки на станции находилось 50 и на шоссе до 200 неубранных трупов[4].

Недостатки в организации питания эвакуируемого населения на эвакопунктах станции задерживали уже готовые к отправке поезда до 3 – 4-х часов, поэтому после 23 февраля питание эваконаселения было перенесено решением Ленсовета на ст. Ленинград-Финляндский пассажирский[5].

Важную роль в улучшении санитарных условий эвакуации до Борисовой Гривы весной 1942 г. сыграло распоряжение СНК СССР от 7 марта 1942 г. №26, изданное в связи с инспекторской

---

1 Доклад о работе Октябрьской железной дороги с апреля 1941 года по апрель 1942 года // ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 102, 103; Военно-автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 239.

2 Баббит – антифрикционный сплав на основе олова или свинца, предназначенный для использования в виде слоя, залитого или напыленного по корпусу вкладыша подшипника скольжения.

3 *Завьялов И. А.* Вагоны выходят на линию // Октябрьская фронтовая. Воспоминания железнодорожников в работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Под ред. *В. В. Чубарова*, сост. *М. Д. Опендик*. – Л., 1970. С. 70–71.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 31.

5 Там же. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л.104.

поездкой заместителя Председателя СНК СССР А. Н. Косыгина, в котором требовалось осматривать вагоны перед посадкой эвакуируемого населения на Финляндском вокзале и «не допускать ни в коем случае подачи неубранных вагонов, а также вагонов в антисанитарном состоянии»[1].

Условия эвакуации на ст. Жихарево на восточном берегу, до 25 февраля 1942 г. основной станции, где формировались эшелоны для дальнейшего продвижения вглубь страны, были еще хуже. Об этом свидетельствует докладная записка Транспортного отдела НКВД Северной железной дороги от 5 марта 1942 г., посвященная плохой организации эвакуации населения из Ленинграда. Указывалось, что в эшелонах, формируемых на ст. Жихарево, не соблюдаются необходимые требования: в теплушках нет съемных досок, люди лежат на полу или на своих вещах, нет вагона-изолятора, кипятильника, медперсонала и проводников. Причем погрузка в необорудованные вагоны производилась принудительно. Приводились примеры массовой смертности и болезней среди эвакуируемых. Характерным был пример эшелона №446, состоявшего из 72 теплушек на 2 750 чел., по 38 человек в каждой, в котором люди спали на полу, пили сырую воду, или ели снег, так как кипятильник отсутствовал, не было ни медработников, ни изолятора[2].

О трудностях формирования составов на Восточном берегу Ладоги, начиная с января 1942 г., вспоминал В. М. Виролайнен, бывший уполномоченным НКПС на Волховстроевском узле: годных для перевозки людей вагонов не хватало. Летом, для получения необходимых 400 крытых вагонов, пришлось обращаться за помощью к А. А. Жданову и А. Н. Косыгину[3].

Помимо описанных тягот эвакуация сопровождалась массированными налетами авиации противника как на станции погрузки-выгрузки пассажиров, на трассу «Дороги жизни», так и на Ярославскую и Северную железные дороги. С апреля 1942 г. по август 1943 г. на Волховстроевский узел было сброшено 19 800 фугасных бомб. 250 налетов было совершено за годы войны на ст. Войбокало. Еще более опасным был железнодорожный узел Сонково[4].

Тяжелые условия эвакуации вызывали отказ от нее многих ленинградцев, которые воспринимали ее порой как репрессию. Сохранилось письмо от П. И. Осипова, члена ВКП(б) с 1919 г., с просьбой разрешить ему остаться в городе: «Я за собой никаких признаков неблагонадежности не имею – родные (по моей линии и жены) органами не репрессированы, в оппозициях и в группировках против ВКП(б) не состоял (…), работаю для Родины честно и предано; отсюда считаю, что предложение Дзержинской районной комиссии об эвакуации меня не обоснованным и

1 Там же. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 37 (Докладные и акты начальников эшелонов). Л.155.
2 Ленинград в осаде. С. 292–294.
3 *Виролайнен В. М.* Чтобы выстоял Ленинград // Октябрьская фронтовая. С. 238.
4 Там же. С. 239–240; *Качалкин А. Ф.* На дорогах войны // Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне. С. 58.

неправильным. Прошу неотложно рассмотреть мое заявление»[1].

Важным вопросом организации эвакуации являлись финансовая, иная материальная помощь эвакуируемым, а также их медицинское обслуживание. С 22 января 1942 г. организация и обеспечение эвакуации от Ленинград – ст. Финляндский вокзал до ст. Борисова Грива (Б. Грива) и от ст. Б. Грива до ст. Жихарево, а с 25 февраля также до дер. Лаврово и Кобона, были возложены на Ленинградский горисполком.

Согласно отчету ГЭК от 26 апреля 1942 г., были организованы 15 районных эвакокомиссий и 8 эвакопунктов: ст. Финляндский вокзал, кинотеатр «Звездочка», Б. Грива, Кобона, Лаврово, Жихарево, Войбокало, Волховстрой [эвакопункт находился в Сясьстрое – Л.Г.]. На эвакопунктах работали медицинские пункты, а в Б. Гриве, Кобоне, Лаврово и Жихарево – детские приемники. Их работниками были подобраны и организовано отправлены 992 ребенка, потерявшие родителей во время эвакуации. На эвакопункте на ст. Финляндский вокзал работал промтоварный магазин, продававший эвакуируемым теплые вещи: рейтузы, варежки, одеяла и т. п. Медпунктами была оказана медпомощь 33 521 чел.

При эвакуации продовольственные и хлебные карточки сдавались. Хлеб выдавался на день вперед. На ст. Финляндский вокзал эвакуируемые получали горячий обед с раскладкой: мясо – 75 г, крупа – 50 г, жиры – 40 г, мука подболточная – 20 г, сухие овощи – 20 г, хлеб – 150 г. Кроме того, сухим пайком выдавали 1 кг хлеба. При задержке поезда свыше 1,5 суток на эвакопункте Б. Грива должны были кормить еще раз обедом с указанной раскладкой. Кроме того, обеды выдавались в Кобоне или в Лаврово, или в Жихарево (в зависимости от станции назначения) с указанной раскладкой и давался 1 кг хлеба в дорогу, 250 г печенья, 200 г мясопродуктов, а детям до 16 лет плитка шоколада. Время же в пути до ст. Жихарево в среднем составляло в январе – феврале двое суток, до ст. Лаврово, Кобона в марте – апреле в течение 19 – 20,7 часов. Кроме того, получали обед на ст. Волхов, а с первых дней апреля выдавали 1 кг хлеба в дорогу. Затем питались в Тихвине, Бабаево, Череповце, Вологде[2].

В приложенном к справке хозяйственном отчете за период с 3 декабря 1941 г. по 15 апреля 1942 г., который не был опубликован, детализованы расходы на обустройство и организацию работы эвакопунктов[3]. Согласно отчету, хозяйственные недостатки были устранены только во второй половине февраля. До этого работа эвакопунктов являлась неудовлетворительной. На Финляндском вокзале эвакопункт занимал помещение до 950 кв. метров, имел общежитие (3

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-2862. Оп. 1. Д. 8. Л. 9. Сохранен стиль документа.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 130, 131. Опубликован фрагментарно: Документ №142. Отчет городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. // Ленинград в осаде. С. 303–305.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 194–205.

комнаты), парикмахерскую, столовую и два зала ожидания. В Б. Гриве эвакопункт занимал 16 домов и в Ваганово 6 домов, где имелись санчасть, столовая, помещения для эвакуируемых. Кроме того, в Ваганово имелись 20 палаток, вмещавших 600 чел. Из текста отчета не ясно: были ли они утепленными, учитывая зимний период. В то же время из-за нехватки помещений в Б. Гриве часть эвакуируемых оставались в вагонах от 5 до 12 часов.

В Кобоне эвакопункт занимал 52 дома с площадью 2100 кв. метров (в том числе школа, церковь и другие). В них размещались эвакопункт, общежития, санчасть и др. В Лаврово эвакопункт занимал 108 домов с площадью 3700 кв. метров (в том числе церковь), где имелись сам эвакопункт, санчасть, столовая, пекарня, общежития. В Жихареве – 30 домов с площадью 4000 кв. метров (в том числе дом культуры). Все дома, как правило, были отремонтированы, барачного типа, 1-2-х этажные. В них имелись пищевые блоки, в ряде домов были заново сделаны печи, вставлены двери, рамы. 22 февраля 1942 г. на Жихарево был произведен налет вражеской авиации, вследствие этого были произведены ремонтно-строительные работы, в которых было занято 300 рабочих[1].

Снабжение эвакопунктов осуществлялось по выделенным фондам Военного Совета Ленфронта на военных базах. Строительными материалами и необходимым инвентарем они обеспечивались через Управление снабжения Ленгорисполкома по заявкам ГЭК. За период с 1 декабря 1941 г. по 15 апреля 1942 г. эвакопунктам было выделено: 928.430 тонн хлеба[2], 136.6 тонн мяса, 22.1 тонны шоколада и других продуктов питания на 8424.8 рублей. На каждом эвакопункте работал пищевой блок с пропускной способностью от 2,5 (Б. Грива) до 10 тысяч (Финляндский вокзал и Жихарево) человек. Имелись столовые для работников эвакопунктов, кипяточные и пекарни, выпускавшие в сутки в общей сложности до 11,6 тонн хлеба. Отпуск питания производился по специальным единым карточкам для эвакуируемых и обеденным талонам для работников эвакопунктов, введенным ГЭК. Карточка, как правило, выдавалась в районных эвакокомиссиях вместе с эвакоудостоверением. За эвакопунктами были закреплены определенные номера талонов. Командировочным выдавались карточки на эвакопунктах. Из-за утерь и краж иногда приходилось повторно выдавать карточки на пунктах. В смету денежных расходов на содержание эвакопунктов Ленгорисполкома, всего 3.066.240 рублей, была включена материальная помощь эвакуируемым, составившая в отчетный период 1.018.450 рублей, из которых 500 тыс. рублей студентам, 140 тыс. рублей инвалидам войны, 93 450 рублей больным и детям, 285 тысяч рублей семьям красноармейцев, рабочих и служащих, или 33% от всей суммы расходов[3].

---

1 Там же. Л. 194–195.
2 В документе знак между разрядами пропущен.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 196–203.

Постановлением Военного Совета Ленфронта от 4 апреля 1942 г. № 00778 эвакопункту при станции Волховстрой выделялись продукты для эвакуируемых на 15 дней апреля из расчета питания ежесуточно 12 тыс. человек, в том числе 100 тонн муки, 13,5 тонн мяса, 110 кг сахара и другие продукты[1].

О высокой оценке работы столовой при эвакопункте на Волховстрое А. Н. Косыгиным во время его инспекторской поездки весной 1942 г. в своих воспоминаниях писал В. М. Виролайнен, уполномоченный НКПС по Волховстроевскому железнодорожному узлу[2].

В 1942 г. вопросы финансирования эвакуации гражданского населения оставались в центре внимания СНК СССР и СНК РСФСР. Так, в протоколе №8 заседания СНК РСФСР от 27 февраля 1942 г., посвященного уточнению областных бюджетов на 1942 год, зафиксировано, что вопрос финансирования содержания ленинградских детей из средств местных бюджетов стоял особо. По Архангельской области было принято решение увеличить расходы на питание детей, эвакуированных из Ленинграда, на 335 тысяч против проекта Наркомфина РСФСР, уменьшив средства родителей с 685 тысяч до 350 тысяч рублей, одновременно увеличивалось финансирование яслей, колхозных школ, противоэпидемических мероприятий. По Кировской области ассигнования на содержание детских учреждений, эвакуированных из г. Ленинграда, увеличивались на 8,5 млн. рублей, дополнительно 150 тысяч выделялось на ремонт помещений, занимаемых эвакуированными из Ленинграда детскими учреждениями, вопрос о привлечении средств родителей, проживающих в Ленинграде, предлагалось обсудить особо. По Омской области ассигнования на содержание детских интернатов, эвакуированных из Ленинграда, увеличивались на 7,665 млн. рублей, вопрос о родительских деньгах также предлагалось обсудить особо. По Ярославской области ассигнования на содержание ленинградских детей увеличивались на 4,293 млн. рублей, также особо предлагалось рассмотреть вопрос о взимании платы с ленинградских родителей, увеличивались и ассигнования на противоэпидемические мероприятия. В связи с планируемыми расходами в протоколе №15 от 25 июня 1942 г. в п. 2в «О госбюджете РСФСР» указывалось: просить выделить 10 млн. рублей на организационно-хозяйственные мероприятия, связанные с эвакуацией населения из Ленинграда и других местностей[3]. Эти мероприятия СНК РСФСР позволили 30 мая 1942 года принять решение Ленгорисполкома об отмене платы с родителей, находящихся вне Ленинграда, до 1 октября 1942 года (в соответствии с распоряжением СНК СССР от 14 мая 1942 №8719-р)[4].

---

1 Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть II (апрель – декабрь 1942 г.). С. 31.

2 *Виролайнен В. М.* Чтобы выстоял Ленинград // Октябрьская фронтовая. С. 237.

3 ГА РФ. Ф. А-259 (Совет Народных Комиссаров РСФСР). Оп. 1. Д. 40. Л. 14, 54, 81, 131, 155–158.

4 О взимании платы за детей, находящихся в детских учреждениях, эвакуированных из г. Ленинграда от 30 мая 1942. Пр. №68, п. 66 // Бюллетень Ленгорсовета – 1942. – №14 (31 июля). С. 5.

В то же время 16 февраля 1942 г. было принято постановление СНК СССР №208 об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток, в том числе оно касалось ленинградских рабочих и служащих, выехавших вместе с предприятиями[1]. Постановление предполагало, что рабочие и служащие, выехавшие вместе со своими предприятиями и учреждениями, реэвакуации не подлежат.

Важное значение в спасении гражданского населения имела медико-санитарная помощь при эвакуации. С января 1942 г. медпомощь при эвакуации по «Дороге жизни» осуществлялась МСС «Скорая помощь» г. Ленинграда. 8 февраля 1942 г. начальником медико-санитарной части, обслуживавшей эвакуацию населения по Ладожской трассе, был назначен М. А. Мессель, возглавлявший ленинградскую организацию «Скорой помощи»[2].

Одним из наиболее полемических вопросов в спасении населения являются *противоречия, которые имеют место в эвакуационной статистике с декабря 1941 по 15 апреля 1942 годов.* Расхождения, имевшиеся в статистических данных по эвакуации, приводимых в различных справках, породили множество мифов у исследователей, которые, сосчитывая жертвы на Ледовой дороге, полагали ее работу безрассудством. Наиболее известные из подобных рассуждений изложены в книгах Л. Гуре и Г. Солсбери, которые, однако, не могли не признать необходимость Дороги жизни для спасения Ленинграда и ленинградцев[3]. Это делает целесообразным анализ данных статистических сведений. Тем более, что внутренняя критика позволяет увидеть корреляцию статистических отчетных документов и обратить внимание на то, что реальные жертвы на Ледовой дороге были не столь значительны, благодаря самоотверженной работе ее сотрудников и деятельности спасательных служб.

Согласно сведениям начальника Тихвинского эвакопункта, за период с 1 января по 31 декабря 1942 г. через эвакопункт проследовало 1 031 699 чел., в том числе 955 732 ленинградцев [данное число не дифференцировано с инвалидами Великой Отечественной войны и прочими группами, которые эвакуировались через городской эвакопункт на Финляндском вокзале – Л.Г.], 75 967 чел. из прифронтовых районов Ленинградской области.

Из них за январь – апрель 1942 г. **517 386 чел.** ленинградцев и 14 843 чел. из прифронтовых районов Ленинградской области (всего 532 229 чел.). С конца мая по декабрь 1942 г. проследовало **438 346** ленинградцев, **61 124** чел. из Ленинградской области. Было снято эвакобольных за январь-апрель 1942 г. 1495 чел., за май-ноябрь 272 чел., в декабре 1942 г. 6 чел. Большая часть

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 25–27.

2 *Гладких П. Ф.* Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941–1944 гг. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. С. 46.

3 *Gouré L.* The siege of Leningrad. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1962; *Солсбери Г.* Дорога жизни // *Его же.* 900 дней: блокада Ленинграда / Пер. с анг. к. ф. н. И. С. Вольской. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 419–434.

эвакуируемых направлялись в глубинные области по плану СНК СССР, но незначительная часть была размещена внутри области в районах: Боровическом, Ефимовском, Хвойнинском, Любытинском, Пестовском и других[1].

В анализе работы Военно-автомобильной дороги (ВАД) через Ладожское озеро зимой 1941–1942 гг., составленном под руководством Ф. Н. Лагунова, генерал-лейтенанта интендантской службы, начальника тыла Ленинградского фронта, и П. И. Новоселова, генерал-майора интендантской службы, фронтового интенданта Ленинградского фронта, количество эвакуированных в порядке разгрузки Ленинграда с 22 января по 20 апреля 1942 г. указано: **514 069** чел. Из них 447 265 чел. гражданского населения, 17 120 чел. военнослужащих, 9283 чел. больных и раненых, 40 401 чел. спецпереселенцев и заключенных. Часть эвакуируемых была перевезена на машинах ВАД, часть на машинах эвакопунктов и других. (Таблица 14с)[2].

В отчете Планового отдела Октябрьской железной дороги, сданном в Плановую комиссию Ленгорисполкома, указывалось, что с 23 января по 13 апреля 1942 г. с Финляндского вокзала до Борисовой Гривы по железной дороге было перевезено 383 760 человек. С 13 до 15 апреля курсировала пригородная летучка, которая перевозила по 600 человек[3]. Данные железной дороги: 383 760 чел. подтверждены в анализе работы Военно-автомобильной дороги через Ладожское озеро, составленном штабом тыла Ленинградского фронта. Кроме того, в анализе штаба тыла Ленфронта указано, что значительная часть эвакуируемых приехала из Ленинграда на автомашинах[4]. В то же время можно заметить в анализе штаба тыла отсутствие данных по 1800 – 3600 человек, прибывших в период до 15 апреля на летучке.

Таким образом, количество 480 000 человек, перевезенных железнодорожным транспортом от ст. Финляндский вокзал до ст. Борисова Грива, приведенное в отчете ГЭК, не подтверждается указанными выше документами. В отчете Л. А. Левина, начальника эвакопункта в Борисовой Гриве, следует обратить внимание на то, что часть эвакуируемого населения: 25 тысяч чел. прибыла в Борисову Гриву в товарных вагонах (теплушках). В отчете Октябрьской железной дороги в Плановую комиссию Ленгорисполкома писалось, что в марте был введен вариант двухстороннего использования товарных вагонов до ст. Борисова Грива с эвакуируемыми и обратно с продовольственными грузами, однако от этого варианта отказались в дальнейшем из-за грязи и

1 ГА РФ. Ф. А-327 (Переселенческая комиссия СНК РСФСР). Оп. 2. Д. 32. Л. 2, 4об.

2 Тыл Ленинградского фронта в условиях блокады // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург, 2018. С. 240.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 95, 96, 150.

4 Тыл Ленинградского фронта в условиях блокады // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 239. Об организации перевозок населения из Ленинграда автотранспортом см. *Савченко Д. П.* Деятельность А. Н. Косыгина по укреплению обороноспособности СССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. С. 20.

неудобства подачи на пассажирской станции[1].

В отчете ГЭК количество людей, прибывших из Ленинграда на автомашинах и пешком, что могло быть связано с поломкой машины в пути, составило 74 186 человек. Тогда всего в Борисову Гриву прибыло железнодорожным транспортом и автомашинами, а также иными способами, около 486 тысяч человек, учитывая около 3 тысяч прибывших за три дня апреля.

Кроме того, необходимо учесть, что из Ваганово осуществлялась военно-санитарная эвакуация. Между Ленинградом и Ваганово ходили 2 санитарных поезда и 6 санитарных летучек. 4 санитарные летучки работали на перегонах Войбокало – Волхов и Войбокало – Тихвин. Со станций Волхов и Тихвин раненые и больные отправлялись в тыл страны. Помимо эвакуированных из ленинградских эвакогоспиталей раненых и больных в количестве 35 279 чел., из Ваганово было эвакуировано военно-санитарными летучками 36 325 чел. из местных частей[2]. В это число входили работники Дороги жизни, получившие обморожения, раны и травмы в период работы[3]. Кроме того, военно-санитарными пунктами и госпиталями оказывалась помощь и некоторой части гражданского населения, получившего обморожения, травмы и ранения на Дороге жизни. Тогда количество людей, перевезенных через озеро, следует считать около **522 тысяч** чел. Из этого следует вычесть погибших при эвакуации, число которых, учитывая, что в Тихвин прибыло не более 517 тысяч человек, составило до 5 тысяч, включая умерших в Жихарево, Лаврово и Кобоне.

В отчете Автотранспортного Управления Ленинграда (АТУЛа) в Ленгорисполком указывалось, что в I полугодии 1942 г., работая на трассе Дороги жизни, автобусы АТУЛа перевезли 214,2 тысячи человек, в том числе через озеро от Борисовой Гривы до Жихарево, Лаврово и Кобоны 135,2 тыс. человек (помимо автотранспорта ВАД). Через озеро автобусами люди перевозились до 10 апреля, причем с 1 по 10 апреля в среднем в сутки перевозилось больше людей автобусами, чем в предшествующий период: 4961 чел. в день. В Кобоне и Лаврово, к месту посадки в поезд, автобусами было перевезено 73 тысячи человек, обратным рейсом из Жихарево в Борисову Гриву 6 тысяч человек. После прекращения работы по перевозке через озеро, на восточном берегу остались 13 автобусов, которые перевозили население от пристани к местам посадки в поезда[4].

Эвакуация Ленинградских высших учебных заведений производилась под наблюдением заместителя председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР Н. Г. Бруевича. По его сведениям, к 23 марта 1942 г. в целом эвакуация вузов была закончена, за

1 Доклад о работе Октябрьской железной дороги с апреля 1941 года по апрель 1942 года // ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 103.

2 Тыл Ленинградского фронта в условиях блокады // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 238–239.

3 «Для очень многих…эвакуация означала сохранение жизни»: о деятельности Управления тыла Ленинградского фронта // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 298–299.

4 Материал о работе АТУЛа за год Отечественной войны (с 1/VII-41 по 1/VII-42 гг.) // ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп.4. Д. 54. Л. 158–159.

исключением медицинских институтов, а также лиц больных и отказавшихся от эвакуации[1].

Согласно списку рабочих и служащих ленинградских предприятий, государственных учреждений, вузов и ремесленных училищ, эвакуированных из Ленинграда с 22 января по 12 апреля 1942 г., приложенному к отчету ГЭК, всего было учтено эвакуированных таким способом **164 598** чел., из них работающих и учащихся – 77 700 чел., иждивенцев – 86 898 чел. Среди эвакуируемых в этот период были сотрудники Эрмитажа, Ленинградского университета и других вузов, Академии Наук СССР, работники искусства: Ленинградских театров, Академической капеллы, члены Союза архитекторов и писателей, члены их семей и другие деятели ленинградской культуры. (Таблица 7)[2]. В это число вошли и 32 201 чел. учащихся, преподавателей и членов семей ремесленных училищ, в том числе 7 339 чел., эвакуированных до 22 января[3].

Данные отчета эвакопункта Борисовой Гривы подтверждают некоторое завышение эвакуационных показателей ГЭК. Согласно отчету Л. А. Левина, начальника эвакопункта в Борисовой Гриве, с января по апрель 1942 г. прибыло к отправке 502 800 человек, в том числе пассажирскими и товарными эшелонами: 456 120 чел., было отправлено автомашинами (ведомственными и др.) 10 575 чел., из Ваганова (в основном раненые и больные) 36 105 чел. Смертность на Дороге жизни за период с февраля по апрель составила 2200 человек, из них 643 чел. в медпункте и изоляторе, остальные на территории эвакопункта и найденные милицией. Данные по смертности в январе в отчете не приводились. (Таблицы 12, 13)[4]. В то же время С. А. Уродков приводил более высокие цифры: 2813 трупов было обнаружено и захоронено в непосредственной близости от Борисовой Гривы весной 1942 г. Захоронения происходили в основном на Ириновском и Новом кладбищах[5]. Суммируя данные отчета Л. А. Левина и сведения, приводимые исследователем, можно уточнить количество погибших на Дороге жизни в январе – апреле 1942 г. до 3 456 чел.

Согласно отчетам Романова, начальника эвакопункта Кобона, в марте – апреле 1942 г. через пункт в Кобоне прошло 59 эшелонов, 138 644 чел., через Лаврово в феврале – марте 1942 г. прошло 70 эшелонов, 148 969 чел. Или всего проследовало **287 613** чел. Умерли в Кобоне – 1155 чел., в Лаврово – 394 чел. Причины смертей названы были в отчете: «дистрофия, ослабление

---

1 Там же. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 47.

2 Там же. Л. 145–153.

3 Там же. Опубликовано: см. Ленинград в осаде. С. 301–305.

4 Краткий отчет о работе эвакопункта Ленгорисполкома ст. Борисова Грива за время с 2 декабря 1941 г. по 15 апреля 1942 г. Левина Л. А. // ГММОБЛ. Ф. Рукописно-документальный (РД). Оп.1р. Д. 13. Л. 1–83. (Публикация: *Чакин И. Широбоков И.* Организация перевозок людей и грузов по Ледовой дороге с осени 1941 по весну 1942 года. По отчету начальника эвакопункта в Борисовой Гриве Левина Л. А. // Подвиг Ленинграда бессмертен / сост. Л. Л. Газиева, Т. П. Смирнова, Г. Б. Сафронова, Н. С. Семичева; редкол. В. В. Шапкин [и др.] – СПб.: Изд-во ИПК СПО; Изд. Газиева Л., 2004. С. 42–43).

5 *Уродков С. А.* Эвакуация населения Ленинграда в 1941–1942 гг. С. 88–102. (По ГАОРСС ЛО [Ныне ЦГА СПб]. Ф. Р-330. Оп. 1, 1941. Д. 8. Л. 8).

сердечной деятельности и резкое охлаждение при переезде в открытых машинах через озеро, а также при ожидании посадки в вагоны в с. Кобона и на посадочной площадке, ввиду отсутствия нужного количества помещений, приспособленных для этих целей»[1]. Кроме того, следует учесть, что до 25 февраля на Тихвин формировались эшелоны в Жихарево. Таким образом, 139 921 чел., из которых 125 078 ленинградцев, за январь – февраль в Тихвин попали из Жихарево.

В то же время в хозяйственном отчете за декабрь 1941 г. – апрель 1942 г., приложенном к справке ГЭК, указано, что за отчетный период отправлено из Кобоны 138 644 чел. на 59 эвакопоездах, что совпадает с отчетом начальника эвакопункта; но уже из Лаврово число указано 150 872 чел. на 68 эшелонах (разница с отчетом эвакопункта: 1903 чел.). Из Жихарево было отправлено: 194 838 на 112 эшелонах, что, по крайней мере, на 54 917 чел. больше того количества, что проследовало через Тихвин[2]. Всего же количество людей, отбывших в Тихвин с эвакопунктов в Жихарево, Лаврово и Кобона: 484 354 чел. с декабря 1941 г. по 15 апреля 1942 г.

Сравнивая данные штаба тыла Ленфронта, согласно которым через Дорогу жизни было отправлено 514 тысяч человек, и приложения №1 к секретному отчету Ленгорисполкома, согласно которому в Тихвин было переправлено из эвакопунктов на восточном берегу Ладоги 484 тысячи человек, можно заметить 30 тысяч человек разницы. Эта разница могла быть вызвана тем, что в документе штаба тыла Ленфронта: 26 403 чел. из 514 069 эвакуированных – это военнослужащие, включая раненых и больных. За их исключением эвакуация гражданского населения составила 488 тысяч человек, по данным штаба тыла. Эти данные приближены к статистике Тихвинского эвакопункта. В тоже время можно заметить разницу в количестве эвакуированных через пункты в Лаврово и Кобоне, согласно отчетам, хранящимся в фонде Переселенческой комиссии СНК РСФСР: за март – апрель 280 989 чел., и эвакуированных через Тихвин: за март – апрель всего 392 308 чел., которая может быть объяснена тем, что часть эвакуируемых отправлялись через Жихаревский эвакопункт, продолжавший работать до 20 апреля 1942 г. (Таблица 11)[3].

Кроме того, как писал В. М. Ковальчук, раненые перевозились на автомашинах до ст. Войбокало, где были развернуты три эвакогоспиталя и эвакоприемник. От ст. Войбокало до ст. Волхов и Тихвин ходили четыре санитарные летучки, которыми по железной дороге переправлялись раненые[4].

В одном из первых исследований эвакуации из Ленинграда С. А. Уродков указывал, что в марте – апреле 1942 г. из Борисовой Гривы 45% от всех поступивших направлялось в Жихарево

---

1 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 32. Л. 11, 13, 14, 17.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 199.
3 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 32. Л. 2, 10, 14.
4 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. С. 176; Военно-Автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 239.

и Войбокало, 30% в Лаврово и 25% в Кобону[1]. Эти показатели можно уточнить, так как по данным отчетов через Кобону и Лаврово направлялось до 71,6% от всех проследовавших через Тихвин в марте – апреле 1942 г.

Таким образом, наиболее точными следует считать данные тыла Ленфронта об эвакуации 514 069 тысяч, из которых 488 тысяч составило гражданское население, через Ладогу за период с 21 января по 20 апреля 1942 г. Хотя и в этих данных имеются незначительные неточности.

Сколько человек гражданского населения достигли места назначения и были размещены? На этот вопрос можно ответить, благодаря строгому учету движения и размещения контингента Переселенческой комиссией СНК РСФСР. Так, из числа эвакуированных за период с 21 января по 20 апреля 1942 г., согласно телеграфным сообщениям обл(край) исполкомов и СНК АССР в Переселенческую комиссию при СНК РСФСР, по состоянию на 1 мая было принято и размещено **261 090** человек. В том числе 53 466 чел. в северных областях: Архангельской, Вологодской, Ивановской, Ярославской; 98 021 чел. в южных регионах: в Кабардино-Балкарской АССР, в Краснодарском и Орджоникидзевском краях; 100 190 чел. на Урале и в Сибири: в Алтайском и Красноярском краях, в Башкирской, Татарской и Удмуртской АССР, а также в Горьковской, Кировской, Куйбышевской, Молотовской, Новосибирской, Омской, Саратовской, Свердловской, Тамбовской, Челябинской, Чкаловской областях. Кроме того, 9 413 чел. было размещено больных, снятых с проходящих эшелонов, в Воронежской, Пензенской, Рязанской, Сталинградской областях. (Таблица 8)[2].

Среди проехавших через озеро 10 – 12 апреля 1942 г. были и дети, эвакуированные из 51 детского дома Выборгского района. Выехав 10 апреля из Ленинграда, они были в Лаврово 12 апреля. Из Лаврово выехали 107 детей, 59 из которых в пути перенесли заболевания различной степени тяжести: чесотку, краснуху, коклюш, ангину, воспаление легких и прочие. Путевой дневник заведующей детским домом Х. А. Гершенок позволяет проследить их длинный маршрут: 10 апреля – Ленинград, 12 апреля – Лаврово, 13 апреля – Волховстрой, 14 апреля – Тихвин, 15 – Бабаево, 16 – Череповец, 17 – Вологда, 18 – Данилово, 19 – Ярославль, 20 или 21 – Орехово-Зуево, 22 – Мичуринск, 27 – Сталинград, 29 апреля – Котельниково, 2 мая – станица Тимошевская (Тимашевка) Краснодарского края. В Путевом дневнике Ханна Александровна указала только количество детей, вывезенных из Лаврово, но не из Ленинграда. В пути дети получали один раз в сутки горячее питание: суп, кашу, кофе или компот. За исключением 18, 23, 28, 30 апреля и 1 мая, о которых нам не известно: получали ли дети горячее. В Сталинграде их смогли покормить лишь

1 *Уродков С. А.* Указ. соч.
2 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50. Л. 1.

один раз за двое суток[1].

Таким образом, из числа эвакуированных, согласно официальным данным, за период с января по апрель 1942 г. было потеряно по неясным причинам **227 910** чел. Можно предположить, что среди них значительную часть составили больные, которых снимали с эшелонов и помещали в стационары, а также люди, эвакуируемые в индивидуальном порядке и сходившие с эвакопоездов на стоянках, не доезжая до конечного пункта. Часть потерь была мнимой, так как сказалось завышение числа эвакуированных в первоначальных списках, подаваемых ГЭК.

Проверим наши предположения. Имеются свидетельства о необычайно высокой смертности при эвакуации. Так, А. Соколов, эвакуировавшийся в феврале 1942 г. со спецшколой №2 военно-воздушных сил, вспоминал, что из 405 учащихся, выехавших из Ленинграда, до г. Ойрот-Тура смогли доехать только 216 чел.

Воспоминания подтверждаются приведенным уникальным документом: приказом №7 по спецшколе, подписанном в день окончания эвакуации, в котором указывались фамилии курсантов и даты смерти, начиная с 6 февраля в Борисовой Гриве. Доехали 21 чел. преподавателей, административно-хозяйственных работников и обслуживающего персонала.

109 курсантов и четыре преподавателя скончались на ст. Борисова Грива, в вагонах и госпиталях. Двое преподавателей остались в госпиталях в пути следования. Автор указывает, что покойники на станциях не выгружались из вагонов, а продолжали следовать с эвакуируемыми. Первую партию трупов частично удалось выгрузить только на ст. Череповец. (Таблица 15)[2].

Из умерших на отрезке Борисова Грива – Тихвин скончались: 25 человек; на отрезке Ефимовская – Вологда: 12 человек (всего ок. 60% из всех умерших). Остальные умерли на значительном удалении от Ленинграда. Согласно приказу №7 по школе, больные курсанты снимались с эшелона и отправлялись на стационарное лечение, начиная с г. Вологда. Всего 120 человек. Из оставленных вернулись в спецшколу после лечения 63 чел., 48 чел. умерли в госпиталях и больницах, 9 человек пропали без вести[3].

Всего из спецшколы №2 ВВС выехали 432 чел., из которых до места доехали 237 чел. (59%), 113 чел. (28%) скончались. В документах никак не упоминается об имевшихся с эвакуированными иждивенцах.

Необходимо заметить, что в списке эвакуируемого контингента ленинградских высших и средних профессиональных учебных заведений, приложенном к отчету ГЭК, по спецшколе №2

---

1 ГММОБЛ. Фонд рукописно-документальный. КП. 20016 – 20017 [Акт ОХ № 20 от 08.06.2022].

2 *Соколов А. М.* Эвакуация из Ленинграда. Неизвестные факты. Историко-художественная монография. – СПб., 2000. С. 226–230, 249–253, 265.

3 Там же. С. 259–264, 268.

ВВС указывалось эвакуированных 579 чел., в том числе 511 учащихся и преподавателей, 68 иждивенцев[1]. Учитывая, что на 1 декабря 1941 г. в школе числилось 495 учащихся, за декабрь выбыло 57 чел., еще 33 чел. «отказались от эвакуации»[2], можно сказать, что в отчет подавался план по эвакуации, который включал людей, выбывших из состава по той или иной причине.

Таким образом, «приписки» по эвакуации могли возникнуть из-за того, что отчет составлялся на основе плана, в котором отражалась неточная картина накануне эвакуации. Это косвенно подтверждается данными по детской эвакуации по «Книге эвакуированных детей Дзержинского района (1942 год)». В списке эвакуированных детей из 143 чел. указано, что 36 чел. умерли, а 5 выбыли домой[3]. Расхождения могли составить от 15,8% (спецшкола №2 ВВС) до 41% (эвакуированные дети Дзержинского района, данные медицинской статистики).

Данные факты, подтвержденные документом и многими очевидцами, свидетельства которых приводятся в книге, а также сохранились в музее обороны и блокады Ленинграда (ГММОБЛ), указывают, что на начальном отрезке пути регистрация заболеваемости и смертности эвакуируемых нуждается в уточнении[4].

«Отказ от выезда» военнослужащих помогает понять свидетельство другого бывшего «спеца» профессора, д.м.н., полковника С. Е. Попова, который вспоминал, что в феврале 1942 г., когда эвакуировалась артиллерийская противотанковая спецшкола №7: «Командир шел вдоль шеренги мальчишек и толкал в грудь: устоял – можешь ехать, нет – оставляли»[5]. Иначе говоря, вывозили в эвакуацию только наиболее крепких из курсантов военных спецшкол. Из выехавших со спецшколой №2 ВВС 5 февраля 1942 г. 405 курсантов достигли места эвакуации только 279, включая вернувшихся из госпиталей. Все прибывшие находились «в ужасном состоянии», часть была тут же положена в местную больницу.

Приведенные выше данные Переселенческой комиссии, которые не публиковались ранее, позволяют экстраполировать печальные результаты эвакуации курсантов на всю блокадную статистику. При эвакуации спецшколы №2 ВВС потери из-за смертности, включая умерших в больницах и госпиталях, составили 28%. Причем первоначально к месту эвакуации смогли прибыть только 59% курсантов, преподавателей и сотрудников, к которым позднее присоединились выздоровевшие из оставленных в госпиталях. По данным Переселенческой комиссии: при эвакуации

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 211.

2 *Соколов А. М.* Указ. соч. С. 100.

3 ЦГА СПБ. Ф. Р-9713. Оп. 4. Д. 41. Л. 1–29. Подсчитано мной, суммируя.

4 *Соколов А. М.* Указ. соч. С. 352; ГММОБЛ. Ф.Р.-Д. Оп. р. Д. 25 (1–4). 24 выпускника 2 Ленинградской спецшколы ВВС передали автобиографии 22 февраля 1991 г. в Государственный Мемориальный Музей обороны и блокады Ленинграда.

5 *Газиева Л. Л.* Жизнь, отданная людям... История одной семьи // Честь. Доблесть. Слава: связь времен (к 75-летию Великой Отечественной войны). – СПб.: Политехника-принт, 2018. С. 134. Имеется аудиозапись интервью.

всех ленинградцев и неленинградцев в январе – апреле 1942 г. первоначально не достигли места эвакуации 228 тысяч из 488 тысяч или 46%. Это ненамного отличается от статистики спецшколы №2 ВВС. Таким образом, невозвратные потери при эвакуации, сравнивая данные обоих источников, могли составить всего около 28 процентов, или около 136 тысяч из 228 тысяч не доехавших до места эвакуации людей. Причем в это число не вошли те, кто оказался на оккупированной территории, попали под бомбежки, или утонули в Ладоге.

В начале маршрута: в Кобоне и Лаврово, по официальным данным, умерло 1549 чел., до 3 456 чел. умерло в Борисовой Гриве, или всего около пяти тысяч.

В. М. Ковальчуком было установлено количество провалов автомашин на ледовой Дороге жизни с ноября 1941 г. по 20 апреля 1942 г., подтвержденное документально: всего 417 шт., включая 90 машин за последние два дня работы Дороги[1]. Еще 700 автомашин на 1 февраля 1942 г. пропали без вести. За период с 25 марта по 18 апреля данные в трудах В. М. Ковальчука не приводятся, однако указывается, что до 6 апреля 1942 г. удалось поддержать нормальное функционирование ВАД, благодаря усилиям личного состава дороги. 9 апреля были сняты с трассы автобусы. При начале массовых провалов до 80 машин в день, 20 апреля 1942 г. специальная комиссия постановила прекратить перевозки[2].

В то же время начальник ледового участка Военно-автомобильной дороги (Дороги жизни) Михаил Александрович Нефедов писал в своей записной книжке о том, что еще 23 и 24 апреля перевезли через дорогу 41 тонну лука на машинах, санях и далее на людях до берега. Только 24 апреля в 16-00 дорога прекратила работу[3].

Следует заметить, что на ВАД работала спасательная служба: специальные аварийные машины, оснащенные подсобным инструментом и материалами для спасения грузов и транспорта на трассе. В случае необходимости затонувшие транспортные средства, вооружение и другие грузы доставались группой водолазов Экспедиции подводных работ особого назначения (Эпрон). С ноября 1941 по апрель 1942 гг. водолазами было извлечено 90 автомашин, 10 тракторов, 5 автоцистерн и другая техника[4].

Каково точное количество человеческих жертв, связанных с провалами и обморожениями

---

1 Машины в основном проваливались под лед частично и доставались аварийно-спасательными службами.

2 *Ковальчук В. М.* Ленинград и Большая Земля: История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941–1943 гг. – Л.: Наука, 1975. С. 136, 183–185; *Его же.* Магистрали мужества. С. 150, 178, 179. Данные в обеих книгах не отличаются.

3 Дневник начальника Дороги жизни: Записные книжки капитана 1 ранга М. А. Нефедова / под ред. Э. Л. Коршунова. – Санкт-Петербург: Галарт, 2023. С.142–143.

4 Тыл Ленинградского фронта в условиях блокады // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 206 –207. В книге также приводится факт, что современные поисковики смогли найти на Ладоге в общей сложности 218 затопленных в период последней войны объектов, в том числе остатки грузовых машин. (Там же. С. 280)

на Дороге жизни, назвать не представляется возможным. В то же время следует заметить, что максимально возможное количество таких жертв приближено к имеющимся данным о жертвах на Борисовой Гриве за период с января по апрель 1942 г., число которых колеблется от 2200 чел. до 3500 чел.[1]

Количество ленинградцев, умерших по сведениям Вологодского областного архива на территории Вологодской области за период войны, составило всего около 10 869 чел.[2] Согласно данным, приводимым в статье Е. Ю. Волковой, по материалам Ярославского областного архива (спискам захороненных ленинградцев) в Ярославской области за период 1941–1945 гг. всего умерло 9704 ленинградцев, в том числе 3160 детей[3]. В то же время были и анонимные трупы, которые снимались с поездов на полустанках, иногда сбрасывались на пути и затем находились железнодорожниками. Так, с 17 по 20 марта на путях станции Всполье были обнаружены в снегу трупы 37 чел. На территории Ярославской и Костромской областей установлено 13 памятников на захоронениях блокадников, как правило безымянные[4].

Таким образом, количество смертей во время зимней эвакуации 1942 г. от обморожения, дистрофии, инфекционных болезней, провалов под лед с машинами, бомбежек представляло значительные цифры. Многие пропали без вести. Можно с уверенностью сказать о выдержавших дорогу до места назначения в количестве не более 60% из эвакуируемых.

С другой стороны, функционирование Ладожской коммуникации с ноября 1941 по апрель 1942 г. позволило наладить жизнеобеспечение ленинградского населения продовольствием и топливом, а также переброску военнослужащих в обе стороны. Ее работа в этом направлении была необходимой и жизненно важной для обороны Ленинграда.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1942 г. 341 работник ледовой дороги

---

1 Так как при среднем количестве провалов от 40 машин в сутки работа Дороги жизни прекратилась, следует принять, что за 14 дней, с 6 по 20 апреля, возможными были провалы до 40 автомашин в сутки. При этом, учитывая, что, в основном, они проваливались на пути в Ленинград, когда шли груженые продовольствием, следует число провалов разделить пополам. Тогда за данный период могло произойти гипотетически до 280 провалов с людьми. На одной полуторатонной машине ГАЗ находилось обычно 12 человек с вещами, на автобусе 22–25 человек, в основном женщин, детей, инвалидов. При этом следует учесть, что с 13 апреля поезда с людьми прекратили ходить, количество эвакуируемых сократилось до 600 чел. в сутки. С 9 апреля практически все автобусы были сняты с линии. Тогда гипотетически количество провалившихся в ледяную воду могло составить за период с 6 по 19 апреля до 3160 человек на автомашинах. Из 327 провалов машин за предшествовавший период большинство происходило в ноябре – декабре, когда эвакуация людей была мала. В целом гипотетическое количество жертв от провалов под лед, включая обморожение, не могло превысить 5 тысяч человек. Это число подтверждается санитарными потерями при эвакуации на начальном отрезке в Борисовой Гриве и до Тихвина.

2 Реквием памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Ч. 1; Ч. 2. В книге приведен список умерших.

3 *Волкова Е. Ю.* Труд и жизнь ленинградцев, эвакуированных из блокадного города, в Ленинградской области // Побратимы / [отв. ред. *Ю. З. Кантор*]. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 242–243.

4 Там же. С. 244–245.

был награжден орденами и медалями за образцовое выполнение заданий правительства по снабжению Ленинграда и Ленинградского фронта. Начальник тыла Ленинградского фронта Ф. Н. Лагунов, начальник Военно-автомобильной дороги А. М. Шилов и военный комиссар И. В. Шикин были награждены орденом Ленина[1].

4.3. Организация эвакуации населения из Ленинграда с 27 мая по декабрь 1942 года

Особенностью эвакуации летом 1942 г. являлось то, что она осуществлялась при непосредственном руководстве ГКО. Уже 2 апреля 1942 г. началась подготовка к речной навигации 1942 г., в соответствии с постановлением СНК СССР №431 «О мероприятиях по подготовке речного транспорта к навигации 1942 года»[2]. 9 апреля 1942 г. было принято постановление ГКО №1565сс «О перевозке грузов для Ленинграда и фронта через Ладожское озеро в навигацию 1942 года» на основе докладной записки А. А. Жданова и А. Н. Косыгина И. В. Сталину[3]. Подготовке к навигации в феврале – марте 1942 г. предшествовали работы по переучету эвакуированного и неустановленного оборудования[4]. Постановлением Военного Совета Ленфронта от 19 апреля 1942 г. №00812, во исполнение постановления ГКО от 9 апреля 1942 г., были даны распоряжения по подготовке к эвакуации населения и грузов из Ленинграда в навигацию 1942 г.[5]

14 мая 1942 г вышло постановление ГКО №1751с об эвакуации раненых и больных речным флотом в навигацию 1942 года, которым определялся порядок следования, а также пункты приема и размещения больных и раненых. Хотя в списке рассылки отсутствовали ленинградские руководители, но зато имелись Архангельский, Ярославский, Горьковский, Рязанский, Сталинградский, Вологодский обкомы и облисполкомы, где были сосредоточены эвакуированные или больные, снятые с проходящих эшелонов из Ленинграда[6]. За ним последовали постановления ГКО: от 18 мая 1942 г. №1763с, об оставлении 1000 человек рабочих из числа учащихся ленинградских ремесленных училищ на предприятиях Новосибирской области, занятых производством боеприпасов, и от 24 мая 1942 г. №1805с, об эвакуации населения из г. Ленинграда[7].

---

1 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. С. 195–196.

2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 199. Л. 179–188.

3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 282.

4 Постановления СНК СССР от 19 февраля 1942 г. №217 «О переписи неустановленного эвакуированного оборудования»; от 18 марта 1942 г. №368 «Об итогах переписи неустановленного эвакуированного оборудования»; от 22 марта 1942 г. №380 «О проведении переписи оборудования» (по ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 45–56; Д. 199. Л. 27–29об.; Л. 42–57об.)

5 Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н.Л. Волковского. – М.: Аст; СПб: Полигон, 2004. С. 690– 693.

6 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 61. Л. 153–162; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 321.

7 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 324, 332;

Номер 1805с постановления ГКО был присвоен письму на имя И. В. Сталина от 24 мая 1942 г. за подписями Н. А. Вознесенского и А. Н. Косыгина, в котором они просили утвердить предложение Военного Совета Ленинградского фронта и Ленинградского Ленгорисполкома об эвакуации, начиная с 25 мая 1942 г., 300 тысяч человек из Ленинграда, в том числе 25 тысяч детей (без родителей), членов семей рабочих и служащих – 175 тысяч человек, членов семей военнослужащих – 75 тысяч человек, инвалидов отечественной войны – 6 тысяч человек, рабочих и служащих с семьями – 19 тысяч человек[1].

Уже 4 июня 1942 г. на заседании Ленгорисполкома П. С. Попков заявил об имеющемся решении об эвакуации 300 тысяч женщин с детьми (пр. №52). Само решение Военного Совета Ленфронта появилось спустя месяц, 5 июля 1942 г., в связи с планами превращения Ленинграда в военный город, для чего несамодеятельную часть населения планировалось выселить вглубь страны[2]. Данное решение было реализовано. Согласно справке по эвакуации населения из Ленинграда за период с 27 мая 1942 г. по 1 апреля 1943 г. было вывезено **448 029** чел., из которых **393 518** чел. ленинградцев, кроме того, инвалиды Великой Отечественной войны и беженцы из Ленинградской области и Прибалтики. (Таблица 4а)[3]. Этими данными мы будем оперировать, как уже признанными большинством исследователей.

То есть всего, с 22 января 1942 г. по 1 апреля 1943 г., выехало 1 002 215 чел., из них 838 750 чел. ленинградцев.

Передвижение лиц, эвакуированных за период начиная с 27 мая 1942 г., отслеживалось по мере продвижения эшелонов. Эвакуированные должны были разместиться строго в соответствии с имеющимся планом на 290 тысяч взрослых и 25 тысяч детей. Из них на 10 августа 1942 г. было размещено 211 700 чел., в том числе 37 тысяч детей. Из этого числа 47 200 чел. были размещены в неплановых регионах. (Таблица 9)[4].

Согласно справке о продвижении эшелонов с эвакуируемыми ленинградцами по состоянию на 25 июля, в пути за период с 1 июня по 25 июля 1942 г. находились 70 эшелонов с 226 775 чел., в том числе детей 68 703 чел.[5] Таким образом, помимо размещенных, еще 15 075 чел. находились

«Государственный Комитет Обороны постановляет…». Директивные документы ГКО СССР по обеспечению жизнедеятельности Ленинграда. С. 143–147.

1 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 64. Л. 16.

2 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг. С. 185; Документ №35. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта о необходимых мероприятиях по превращению Ленинграда в военный город // Ленинград в осаде. С. 84–87; Документ №36. Выступление А. А. Жданова на заседании бюро ГК ВКП(б) о превращении Ленинграда в военный город // Указ. соч. С. 87–95.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 1415. Л. 1–6. б

4 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50. Л. 113.

5 Там же. Л. 136.

в пути. Но здесь начинается явное несоответствие, так как оказываются потеряны 43 703 ребенка, часть из которых могла бы войти в указанные 15 075 чел., но не меньше 28 628 чел. детей являются пропавшими без вести.

В июне 1942 г. уполномоченным СНК СССР по эвакуации из Ленинграда Воиновым были составлены проблемные вопросы, в том числе о выдаче железнодорожной милицией эвакуируемым пропуска в любые направления, в связи с чем отъезжающие отказывались выходить из теплушек, требуя перенаправить их в Калининскую или другие области, вместо Саратовской и Сталинградской. В Кобоне и Лаврове «сортировка» людей по направлениям не производилась, ехали смешанными партиями[1]. Этот документ подтверждает, что многие из эвакуируемых, очевидно тех, кто ехал не с учреждениями, а индивидуально, выходили из эшелонов соответственно своим обстоятельствам.

В то же время по справке о снятии больных и трупов за подписью начальника Ярославского областного отдела хозустройства эваконаселения М. Соловьева до Ярославля и в Ярославле за период с 1 июня по 25 июля 1942 г. с эшелонов было снято всего 58 трупов и 687 больных[2]. За 1942 г. в сведениях, приводимых Е. Ю. Волковой, зарегистрированная смертность ленинградских детей (0-17 лет) в Ярославской области составила 2698 чел.[3]

В самой Ярославской области на 20 июля 1942 г. имелось 85 738 чел. из Ленинграда, размещенных, в основном, в сельской местности, согласно справке, имеющейся в фонде Переселенческой комиссии СНК РСФСР. Из них в Ярославле было размещено 3881 чел., в Костроме 2058 чел. Необходимо учесть, что всего в Ярославскую область из различных регионов СССР было эвакуировано 210 472 чел., в том числе 100 662 ребенка, из них 26 539 чел. было москвичей, 98 195 чел. из прифронтовой полосы. Всего в городе Ярославле находилось эвакуированных 8453 чел., в том числе 3969 детей, в городе Костроме, соответственно: 7306 чел. и 1593 чел., остальные в сельской местности и городе Рыбинске. Таким образом, ленинградцы составляли менее половины всех эвакуированных в Ярославскую область. Из эваконаселения рабочих имелось всего 6298 чел.[4] Прием, размещение и лечение эвакуированных являлось серьезной нагрузкой на население области. Тем не менее ярославцы не только оказали всю возможную помощь переселенцам, но и отправили 124 вагона различных продуктов в Ленинград[5].

В Алтайском крае было учтено на 9 августа 31 600 чел., но в значительной степени это были

---

1 Там же. Л. 15.
2 Там же. Л. 138.
3 *Волкова Е. Ю.* Труд и жизнь ленинградцев, эвакуированных из блокадного города, в Ленинградской области // Побратимы. С. 242.
4 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50. Л. 141.
5 *Волкова Е. Ю.* Указ. соч. С. 241.

эшелоны, переадресованные Свердловским, Омским и Нижне-Сибирским отделами по хозустройству эвакуированных. Согласно отчету Д. П. Быченко, уполномоченного СНК РСФСР по проверке выполнения постановления СНК СССР от 24 мая 1942 г., направленному заместителю Председателя СНК РСФСР К. Д. Памфилову: как правило в поступающих эшелонах прибывало 30-40% отправленного количества людей с места погрузки. Начальники большинства эшелонов отсутствовали, поэтому выяснить номера маршрутов и снятых в дороге больных было невозможно. В указанном контингенте не оказалось и детских учреждений из Ленинграда[1].

На станции Борисова Грива количество пассажиров и наполняемость вагонов проверялись на соответствие норме, установленной Военным Советом Ленинградского фронта: 1584 чел. на эшелон, при 22 вагонах по 70 мест. В случае выявленного недогруза, часто доходящего до 20% от нормы, или перегруза, также имевшего место, составлялся акт инспекторской проверки. Так, например, за пять дней с 6 по 11 июля 1942 г. перегруз составил 149 чел., недогруз 3168 чел. на 15 656 всего перевезенных (20,17%)[2].

Согласно имеющимся в Переселенческой комиссии сведениям о количестве размещенного эваконаселения, прибывшего из г. Ленинграда и Ленинградской области на 1 декабря 1942 г., за весь период эвакуации было размещено 604 800 чел., эвакуированных из Ленинграда, в том числе 383 700 чел., выехавших с июня, точнее с конца мая, 1942 г. Из Ленинградской области было размещено 256 200 чел., в том числе выехавших с июня 1942 г. – 48 800 чел.[3] Эти данные в целом соответствуют указанной выше официальной справке.

Для решения организационных задач по эвакуации, постановлением ГКО от 22 июня 1942 г. №1922 при Государственном комитете обороны была создана Комиссия по эвакуации[4]. Председателем Комиссии вновь был назначен Н. М. Шверник, а заместителем – А. Н. Косыгин.

Летом 1942 г. вагоны и паровозы, которых не хватало на ст. Тихвин, начали перебрасываться через Ладожское озеро специальным паромом. 12 июля 1942 г. Военный Совет Ленинградского фронта вынес решение о постройке через Ладогу паромной переправы для переброски подвижного состава. Проект переправы разработали Д. М. Реховский и инженер В. А. Чежин. Каждая баржа водоизмещением по 1600 тонн вмещала 4 паровоза и 2 тендера, или 10 груженых вагонов. Для погрузки и разгрузки были построены специальные железнодорожные пирсы. К 30 июля были закончены подготовительные работы. Ладожская флотилия выделила 4 тральщика, которые должны были обеспечить их круглосуточную работу. 31 июля состоялся первый рейс. Руководил

1 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50. Л. 143, 144.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-330 (Ленинградская городская эвакуационная комиссия при исполкоме Ленинградского городского Совета). Оп. 1. Д. 37. Л. 56–120. (Докладные и акты начальников эшелонов).
3 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 62. Л. 1.
4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 363.

паромной переправой командир 9-й бригады полковник В. Е. Матишев. С 1 августа по ноябрь 1942 г. было переброшено 139 паровозов с тендерами[1]. Согласно сведениям штаба тыла Ленинградского фронта, 3 674 вагона эвакогрузов было вывезено по ледовой Дороге жизни с декабря 1941 г. по апрель 1942 г. с перевалкой на автомашины (в данном случае вагон – единица измерения объема грузов)[2]. Кроме того, в навигацию 1942 г. было эвакуировано 1046 вагонов и платформ[3].

Для перевозки пассажиров вглубь страны использовались «теплушки»: утепленные войлоком и древесными опилками «нормальные товарные вагоны», в которых устанавливалась чугунная печь и деревянные нары, на 40 человек. Санитарные вагоны, как правило, оборудовались на основе 4-х и 2-х-осных пассажирских вагонов[4]. По воспоминаниям В. М. Виролайнена, крытых вагонов не хватало, летом 1942 г. удалось для перевозки людей получить не более 400 вагонов, или около 40% от всего эвакуированного вагонного парка.

Условия эвакуации оставались очень тяжелыми. Помимо бомбежек самолетами противника, людям приходилось сталкиваться все с той же неорганизованностью самой эвакуации. Так, к 17 июня в Лавровском отделении эвакопункта Кобона не было подготовлено достаточное количество помещений для ожидания эвакуируемыми своих вещей, которые доставлялись до 3-х суток. Не были налажены медико-санитарная помощь, питание[5]. Несмотря на телеграмму начальника Военно-автомобильной дороги (ВАД)-1, генерал-майора интендантской службы А. М. Шилова, к 25 июня недостатки не были исправлены. Это вызвало докладную записку Особого отдела Ленинградского фронта П. С. Попкову от 24 июня 1942 г. о ненормальном отношении к эвакуируемому населению г. Ленинграда на эвакопункте с. Лаврово[6].

Порядок эвакуации регламентировался решениями исполкома Ленсовета: о порядке выдачи эвакодокументов населению, выезжающему из города Ленинграда от 29 мая 1942 г. (пр. №68); о норме багажа, разрешенного к провозу гражданами, эвакуирующимися из города Ленинграда от 8 июня 1942 г. (пр. №69, п. 12)[7]; о выполнении решения исполкома Ленгорсовета «Об охране имущества военнослужащих и эвакуированных» в Свердловском и Приморском районах от 30 июля 1942 г. (пр. №71, п. 2-з)[8]. Эвакуируемым оказывалась финансовая помощь. Так, с 16 февраля по 27 июня 1942 г. было отпущено 13 555 тыс. рублей из средств, выделенных СНК СССР, в том

1 *Дебольский Г. П.* На трассах – военные железнодорожники // Октябрьская фронтовая. С. 356–357.
2 Тыл Ленинградского фронта в условиях блокады // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 240–241.
3 «Для очень многих…эвакуация означала сохранение жизни»: о деятельности Управления тыла Ленинградского фронта // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 315.
4 *Игнатьев П. В., Кужим М. Ф.* Память блокадных перегонов // Там же. С. 75 – 80.
5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 70.
6 Там же. Л. 71–73.
7 Бюллетень Ленгорсовета. – №12 (29 июня). С. 11.
8 Бюллетень Ленгорсовета. – №15 (16 августа). С. 2.

числе 1 910 тыс. на единовременную помощь. Осталось 1 455 тыс. рублей в резерве. (Таблица 10)[1].

Важное место в спасении эвакуируемых играл человеческий фактор: душевное тепло спасателей. Сохранились воспоминания о работе в июне – июле 1942 г. бывшего грузо-пассажирского судна Эстонского морского пароходства «Вилсанди», в числе других транспортов, перевозившего через Ладогу эвакуируемых ленинградских детей. Всего за месяц только на этом пароходе было вывезено ок. 16 тысяч чел. детей. За работу по спасению ленинградских детей коллективу Ленгороно и экипажу «Вилсанди» была объявлена благодарность Наркомпросом от 23 июля 1942 г. Несколько моряков были занесены в Книгу почета Наркомата просвещения РСФСР[2].

Переход гитлеровской армии в контрнаступление на юго-востоке страны в июле – августе 1942 г. потребовал срочно реэвакуировать из прифронтовой полосы гражданское население, в том числе вывезенное ранее из Ленинграда. В этот период было принято постановление ГКО от 20 августа 1942 г. №2197сс о размещении населения, эвакуируемого из прифронтовой полосы, в Армении, Грузии и Азербайджане, куда реэвакуировались ленинградские детдома, а также в индивидуальном порядке и с учреждениями ленинградцы, ранее эвакуированные в Причерноморье[3]. Кроме того, ленинградцев могли касаться постановления ГКО от 1 сентября 1942 г. №2231 о вывозе матерей с детьми и детей из детских учреждений г. Астрахани и от 1 сентября 1942 г. №2232 о вывозе матерей с детьми из Архангельска и Молотовска[4]. Так, например, в Архангельской области было размещено не менее 2767 чел. ленинградцев[5].

Борьба за спасение жизни и сохранение здоровья вывезенных в эвакуацию людей, в первую очередь детей и подростков, требовала тесного взаимодействия центральных и местных органов Советской власти.

Вывоз детей в эвакуацию предполагал возникновение целого ряда новых и сложных задач, прежде всего, по их жизнеобеспечению[6]. Решение их осуществлялось под непосредственным контролем наркоматов РСФСР, которым напрямую подчинялись соответствующие отделы Ленгорисполкома, в соответствии с Конституцией РСФСР (ст. 100)[7]. 24 марта и 8 августа 1942 г. были приняты постановления СНК РСФСР об обслуживании детских учреждений Наркомторгом,

1 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50. Л. 17.
2 Ладога родная. С. 138–139.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 429.
4 Там же. С. 438.
5 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50. Л. 1.
6 *Газиева Л. Л.* Работа Наркомпроса РСФСР в 1942–1943 гг. по нормализации жизнедеятельности детских учреждений, эвакуированных из Ленинграда // Клио. – 2013. – №2 (74). С. 71–73.
7 РСФСР. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики с изменениями и дополнениями, принятыми Верховным Советом РСФСР 16 июля 1938г., 29 июля 1939 г., 2 июня 1940 г. и 5 апреля 1941 г. – М.: Изд-ие Верховного Совета РСФСР, 1941. С. 21.

Наркомместпром, Наркомпросом, Наркомздравом РСФСР, Управлением промкооперации при СНК РСФСР и Центросоюзом. Бригады Наркомпроса РСФСР, по предложению СНК СССР, проверяли в 1942 г. устройство и состояние детских домов в эвакуации. В декабре 1942 г. в поездку по стране (в республики Закавказья, Казахстан, Узбекистан) отправились уполномоченные Наркомпроса РСФСР и СНК СССР с той же целью: для проверки устройства и работы эвакуированных детских учреждений. Однако результаты были неутешительными: в большинстве случаев детские дома оказались в тяжелом положении.

В конце декабря 1942 г. Е. В. Коняхина, член Коллегии НКП РСФСР, начальник Управления детскими домами, и Сазонов, заведующий Секретариатом НКП РСФСР, проверили состояние 21 эвакуированного детдома в Ташкентской, Ферганской и Андижанской областях Узбекской ССР. Тогда же Сазонов обследовал 15 детдомов и интернатов в Казахстане совместно с председателем НКП Казахской ССР А. И. Сембаевым. Были выявлены недостатки: переуплотненность детских домов, отсутствие самого необходимого – продовольствия, мебели, посуды, высокая заболеваемость детей. К нормализации жизни эвакуированных детей подключились председатели Совнаркомов Узбекской ССР А. А. Абдурахманов и Казахской ССР А. П. Заговельев[1]. В Узбекистане было решено: открыть еще несколько детских домов, санаторий для больных воспитанников детских домов, три детских дома оздоровительного типа для ослабленных детей; организовать в республике производство предметов оборудования для детских домов (мебель и посуду); обеспечить все детские дома продуктами питания, впрок до нового урожая; обеспечить все детские дома подсобными хозяйствами и скотом. Нарком просвещения РСФСР В. П. Потемкин 30 января 1943 г. писал в служебной записке заместителю Председателя СНК СССР Р. С. Землячке, что к реализации этих мероприятий СНК и НКП Узбекской ССР уже приступили[2].

В республики Закавказья в декабре 1942 г. отправилась бригада в составе заместителя начальника Управления высшей школой И. Г. Леонова и начальника спецотдела Главснабпроса НКП РСФСР Х. Т. Бекоева. В Грузии и в Армении ими были выявлены дети и молодежь, в основном переправившиеся через перевал из Краснодарского края при наступлении гитлеровцев.

Несколько лучше оказалось положение тех, кто перебрался в Армению, где разместились 18 эвакуированных детдомов с количеством детей 1401, из них 379 из г. Орджоникидзе, 363 чел. ленинградских детей из находившихся в Краснодарском крае, еще несколько детских домов Краснодарского и Орджоникидзевского краев с количеством 599 человек, и из Ростова – 19 детей.

---

1 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2963. (Докладные записки и ходатайства НКП в СНК СССР о состоянии эвакуированных детских учреждений, об улучшении материально-бытового положения работников просвещения и по др. вопросам. 5 января – 12 июня 1943). Л. 5.

2 Там же. Л. 3, 4.

Детям выделили достаточное количество продуктов, снабдив дополнительно в III квартале 1942 года: сахаром – 100 кг, карамелью – 600 кг, маслом животным – 775 кг, пшеницей – 500 кг, рисом – 100 кг, сыром – 300 кг, мясом – 300 кг, мукой – 250 кг, а в I кв. 1943 г. дополнительно к нормам: пшеницей – 3 000 кг, мукой – 500 кг, макаронами – 300 кг, виноградным сгущенным соком – 8 000 кг. «Это содействовало значительному улучшению питания… детей и состоянию их здоровья»[1].

К страданиям ленинградских детей не остались равнодушны ереванцы. Так, по инициативе редакции газеты «Советский Айастан» в конце августа 1942 г., было созвано совещание женского актива Еревана тов. Маруджанян и Маркарян, была создана шефская комиссия над Ленинградским детдомом №58 во главе с женой заместителя Председателя СНК Армении Л. Г. Агобалян. Был организован и проведен спектакль, сбор от которого в сумме 20 тыс. рублей пошел на оказание помощи эвакуированным детям. Были собраны и переданы матрацы – 80 шт., одеяла – 80 шт., простыни – 140 шт., пододеяльники, наволочки – 140 шт., обувь – 75 пар, пальто – 75 шт., верхняя одежда – 75 комплектов, мед – 40 кг[2].

Доброжелательность и сострадательность жителей Армении привела к притоку беженцев через перевалы. В результате в республике оказался наплыв беспризорников, с которыми не мог справиться местный НКВД, имевший в распоряжении всего один приемник-распределитель на 75 мест. К тому же дети и подростки из него не выводились, из-за отсутствия необходимой одежды и обуви (в нарушение распоряжения СНК СССР от 23 января 1942 года). В результате проверки, правительством Армении было принято решение открыть дополнительно приемник на 100 мест. НКВД обязан был каждого ребенка снабдить одеждой и обувью на 200 рублей, обеспечив их скорейшее устройство, организовать не менее двух пунктов в Ереване для сбора детей с улицы и дом особого режима[3].

Необходимо отметить, что исследование положения детей, эвакуированных из РСФСР, в том числе из Ленинграда, в союзные республики, затруднено, так как в отчетах НКП РСФСР указывался только контингент детдомов, находившихся на территории России. В то же время при реэвакуации количество возвращавшихся из республик детей уменьшалось. Так, в списках детей, подлежащих реэвакуации, Ленгорисполкомом указывалось только 100 чел. из находившихся в Армении. Возможно, по причине того, что круглые сироты возвращению в Ленинград с детскими учреждениями не подлежали[4].

---

1 Там же. Д. 3005. (Докладные записки и ходатайства НКП РСФСР в СНК РСФСР о борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, и о работе детских домов. 9 апреля – 21 июня 1943). Л. 4, 5, 5 об, 6.

2 Там же. Л. 6об, 7.

3 Там же. Л. 6, 8, 9, 10.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 1513 (11 января – 18 декабря 1945. Переписка о реэвакуации учреждений). Л. 78; Там же. Д. 983. Л. 6, 6 об, 7.

Среди тех, кого хотели оставить в Армении, был детский дом №38, где находились дети железнодорожников. На их возвращении в родной город в полном составе настоял начальник Октябрьской железной дороги Герой Социалистического Труда Б. К. Саламбеков[1].

На территории Киргизии были размещены дети семи детдомов Ленинграда, частично распределенные между местными детдомами[2].

В трудное положение попали детские дома на территории РСФСР. Ряд детдомов оказался в оккупации. Другие, из-за наступления гитлеровцев, реэвакуировались из Краснодарского края, Ярославской области и других мест в районы, которые не были подготовлены для их приема. Сказывались как недостатки финансирования, обеспечения продуктами и промтоварами, так и военные травмы детей и взрослых.

Серьезную трудность вызывало то, что в некоторых областях возникала скученность эвакуированных учреждений, количественно превышавших все существующие планы и фондовые разнарядки. Так, например, по плану в Ярославской области в 1942 г. должно было иметься 4 236 воспитанников детдомов, а было 22 649, т. е. 534% плана; в Ивановской области – 4 580, а было – 8 314 или 181% от плана, в Горьковской области планировалось 5 745 воспитанников, а было 9 987, или 179% от плана, в Куйбышевской области – 5 047, а было 8 030, 159% плана, в Омской области – 7 930, а было 10 497, 137% от плана. Такое же тяжелое положение было в Алтайском, Красноярском краях, Молотовской, Новосибирской областях. В то же время по всей стране было запланировано на 1942 г. иметь детдома с контингентом 192 635 детей, а фактически имелось 212 955 чел. или 110,6% от плана.

Трудности с перераспределением фондов привели к вынужденной мере: в III – IV кварталах 1942 г. ухудшение положения детских домов было связано с передачей эвакуированных учреждений на местное финансирование. В результате резко снизились нормы снабжения детских учреждений продуктами. В докладной записке заместителю Председателя СНК СССР Р. С. Землячке Народный Комиссар просвещения РСФСР В. П. Потемкин от 6 марта 1943 г. писал: «Отсутствие единых государственных норм питания и фондов целевого назначения приводит к произвольному изменению на местах норм снабжения.

В Чкаловской области на IV квартал прошлого года [1942 г. – Прим. Л. Г.] нормы продуктов питания были резко снижены: по крупе с 1 800 гр. в месяц до 750 гр. на одного ребенка; по жирам аналогично с 1 500 гр. до 230 гр.; по сахару – с 500 гр. до 330 гр. Нормы на картофель уменьшены

1 Магистралью Победы. Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: учебное пособие / И. П. Киселев, А. Ю. Панычев, В. В. Фортунатов. – СПб.: Петербургский государственный университет сообщения Императора Александра I, 2020. С. 146 – 147.

2 *Жангуттин Б. О. Нурман Ш. Т.* Эвакуация населения из Ленинграда в Киргизскую ССР // Побратимы. С. 868.

почти в два раза.

В Кировской области норма по крупе в IV квартале снижена с 900 гр. до 250 гр. Занижены нормы на масло, мясо, сахар [заметим, что в Кировской области в детских домах контингент воспитанников превышал план всего на 128 чел. или на 3%. – Л. Г.].

В Куйбышевской области, где 50% воспитанников детских домов – эвакуированные из прифронтовой полосы, норма хлеба в городских детдомах с 600 гр. снижена до 400 гр. <…> Многие детские дома в IV квартале совсем не получали мяса и круп.

В городах Челябинской области [где план по контингенту был выполнен всего на 85%, и детей было на 2 590 меньше нормы. – Л. Г.] райторги систематически не отоваривают спущенные для детских домов фонды <…> Нерегулярное и недостаточное снабжение детских домов продуктами питания приводит к заболеванию воспитанников авитаминозом (г. Ярославль детдом им. Воровского, Райгорцентр Куккус, Саратовский обл. детдом №1 [в Саратовской области план был выполнен на 72%, меньше нормы на 2 193 чел. – Л. Г.] и к нарушениям общего порядка в детских домах [бродяжничеству, попрошайничеству, воровству. – Л. Г.]»[1].

Таким образом, среди причин трудностей были не только скученность и недостаток фондов, но и другие, в том числе социально-психологического характера.

С января 1942 г. по 1 января 1943 г. весь контингент детдомов по всей РСФСР увеличился со 144 810 чел. до 212 955 чел., что составило 147%[2]. В то же время среди этого контингента значительная часть была родительских детей, то есть находившихся в школьных интернатах. Обеспечение таких интернатов в значительной степени должно было осуществляться за счет родительских средств, которые, в связи с трудностями эвакуации, поступали не вовремя, не полностью, или не поступали. Детей, оставшихся без родителей, среди этого контингента было на 1 ноября 1942 г. 78 865 чел.[3] (37%), из которых больше половины было ленинградцев: 48 623 чел.[4] (61,6%).

В ноябре 1942 г., по данным Наркомпроса, в г. Ленинграде были устроены 41 229 детей, оставшихся без родителей. Эти данные в целом совпадают с показателями, приведенными в отчете Ленгороно на 1 января 1943 г.[5]. Кроме 2 500 детей, оставшихся в детдомах г. Ленинграда, большую часть названных детей вывезли в эвакуацию в 1942 г.

В феврале 1942 г. при обсуждении областных бюджетов на заседании СНК РСФСР были внесены поправки, с учетом выделения средств из местных бюджетов на содержание

1 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3004. Л. 74, 74 об.
2 Там же. Л. 42, 42 об.
3 Там же Л. 53, 53 об.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 167.
5 Там же. Л. 210.

эвакуированных из Ленинграда детских учреждений, при этом уменьшались средства родителей. Дополнительные средства на организационно-хозяйственные мероприятия по эвакуации населения из Ленинграда и других областей в размере 10 миллионов следовало выделить из госбюджета РСФСР.

В феврале 1943 г. Наркомпросом РСФСР были проанализированы полученные в результате проверок данные о состоянии детских учреждений и подготовлен проект постановления СНК РСФСР для представления в СНК СССР, в связи с необходимостью правительственного вмешательства. Предложения НКП РСФСР включали в себя: создание подсобных хозяйств при детдомах и детсадах; введение нормированных фондов обеспечения продуктами питания детдомов и детских садов; распространение на детские дома права на получение сырья, материалов и оборудования непосредственно от хозяйственных наркоматов, предоставленного ремесленным и железнодорожным училищам и школам ФЗО, согласно постановлению СНК СССР от 1 октября 1941 г.; выделение бюджетных средств на укрепление материально-технической базы мастерских при детдомах; улучшение кадрового состава руководства детдомами[1].

К проекту постановления СНК РСФСР был приложен расчет необходимого количества продуктов для детских домов с контингентом 28 800 детей и детских садов с контингентом 69 300 детей на II квартал 1943 г. по 15 прифронтовым территориям, в том числе по г. Ленинграду, Ленинградской обл.[2] Данные по контингенту детдомов можно сравнить со статистикой Ленгорздрава на IV квартал 1943 г., согласно которой в городе находилось 78 075 детей 3–15 лет, в том числе 23 452 чел. в детдомах[3].

Особое значение отводилось подсобным хозяйствам в детских домах и детских садах. 5 апреля 1943 г. было принято постановление СНК РСФСР «О подсобных хозяйствах детских домов», даны указания о проведении посевных компаний и об организации труда воспитанников детдомов в своих подсобных хозяйствах, а также в колхозах и совхозах. Подсобным хозяйствам при детдомах, интернатах, детсадах были выданы семена овощей на 706 га, зерновых на 3 264 га. Для пришкольных участков было выдано зерна на 1 500 га, а также СНК РСФСР своим распоряжением от 29 апреля 1943 г. №8740-р выделил для детдомов – 3 750 коров, 5 000 поросят, 200 000 цыплят[4]. Фонды распределялись, прежде всего, среди детских домов, находившихся в эвакуации[5]. Работа на огородах и участках при детских учреждениях стала серьезным подспорьем в

1 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3004. Л. 37, 39, 39 об, 41. (О состоянии детских домов НКП РСФСР)
2 Там же.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-9713. Оп. 1. Д. 169 (Статистические сведения о первичной детской заболеваемости в г. Ленинграде за 1943–1946). Л. 134а.
4 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3005. Л. 42 об.
5 Там же. Д. 3004. Л. 12, 42, 42 об.

самообеспечении овощами, соленьями.

Таким образом, положение эвакуированных из Ленинграда детей в 1942–1943 гг. находилось в центре внимания Наркомпроса РСФСР, которым принимались меры для нормализации финансового и материального обеспечения детских учреждений, в том числе при содействии СНК СССР для привлечения необходимых ресурсов союзных республик.

Эвакуация населения была связана с решением масштабных хозяйственных задач. Среди которых были учет, сохранение и перераспределение потерянных вещей эвакуируемых, вывоз, сохранение, учет и использование на новом месте ценного оборудования и других грузов, включая продовольствие.

Неудачи эвакуации приводили к скоплению потерянных личных вещей эвакуированных. Они тщательно собирались и определялись на хранение войсками НКВД, некоторые из этих вещей не имели установленных хозяев. Вопроса их реализации касалось Постановление СНК СССР от 6 сентября 1942 г. №1494 «О порядке реализации личного имущества граждан, находящегося на базах бездокументных грузов»[1].

Наряду с эвакуацией населения продолжал осуществляться вывоз оборудования. 20 июля 1942 г. было принято постановление ГКО №2071с «Об эвакуации металлорежущего и металлодавящего оборудования с предприятий г. Ленинграда»[2]. Необходимо заметить, что объемы эвакуации отдельных заводов из Ленинграда были недостаточно продуманы: вывозились целые производственные цепочки с заводов, изготавливающих вооружения, при этом не всегда учитывались обстоятельства военных действий. Так, в ходе битвы за Сталинград, которая началась уже 18 июля 1942 г., был потерян завод «Баррикада», выпускавший крупнокалиберные морские артиллерийские орудия. Это привело к необходимости сохранения аналогичного производства на заводе «Большевик», в соответствии с просьбами наркомов Военно-Морского Флота адмирала Н. Г. Кузнецова и вооружений Д. Ф. Устинова[3].

Всего с января 1942 г. и до окончательного завершения зимой 1942/43 гг., согласно аналитическому обзору, подготовленному отделением по изучению опыта войны штаба тыла Ленинградского фронта от 8 мая 1945 г., было эвакуировано из Ленинграда 356 673 т разных грузов, в том числе 139 паровозов, 74 тендера, 1046 вагонов и платформ, 13 цистерн, 28 384 ед. различного промышленного оборудования[4].

---

1 Там же. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 205. Л. 107–109.

2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 398.

3 Документ №71. Справка отдела оборонной промышленности А. А. Жданову о недопустимости прекращения производства стволов морской артиллерии на заводе «Большевик» // Ленинград в осаде. С. 166–167.

4 «Для очень многих…эвакуация означала сохранение жизни»: о деятельности Управления тыла Ленинградского фронта // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 314–315. Из перевезенных в навигацию 1942 г. 1952 вагонов и платформ 906 были возвращены после сдачи груза, из 75 перевезенных цистерн – 62.

Вероятно, трагические события, связанные с неудачами эвакуации весной – летом 1942 года, вызвали решение Ленгорисполкома о прекращении эвакуации населения от 22 октября 1942 (пр. №78, п. 14)[1]. Однако вывоз оборудования продолжался. Только 12 ноября 1943 г. вышло постановление ГКО №4544с «О прекращении эвакуации оборудования из г. Ленинграда» (на основе докладной записки А. И. Микояна, А. Н. Косыгина, А. А. Жданова И. В. Сталину)[2]. В связи с этим, 4 декабря 1943 года было принято решение о ликвидации Ленинградской городской эвакуационной комиссии и эвакопунктов[3].

Таким образом, на завершающем этапе эвакуации населения из Ленинграда с мая 1942 г. по апрель 1943 г. важнейшее место занимала институционализация переселенческой политики: хозяйственного обустройства и трудоустройства эвакуированного населения. Кроме того, в этот период из Ленинграда было вывезено значительное количество детей, в том числе детей-сирот и инвалидов. Практически полностью были вывезены учащиеся школ со школьными интернатами, а также преподаватели и студенты высших и средних профессиональных учебных заведений. Осталась лишь незначительная часть.

Решение задач обустройства населения обуславливалось и вывозом на восток значительной части материальных ценностей, в том числе оборудования промышленных предприятий, а также научных лабораторий, учебных учреждений. Стремление интегрировать вывезенные мощности и людей в экономику новых хозяйственных регионов сопровождалось передачей их на местное финансирование. Для этого регионам, в которые были вывезены ленинградцы, были выделены дополнительно значительные финансовые средства из бюджета РСФСР. Только в первом полугодии 1942 г. СНК СССР было отпущено на финансовую помощь ленинградским переселенцам более 13 миллионов рублей.

Однако такая интеграция в условиях войны встретила серьезные трудности. Стратегическая инициатива в войне вплоть до ноября 1942 г. оставалась у гитлеровцев, что привело к гибели и пропаже без вести значительной части эвакуированных. Из планового контингента ленинградского населения до конца 1942 г. места достигло не более 62%. Часть этих потерь надо корректировать, относя на неизбежные статистические «приписки», в связи с включением в отчеты планового контингента, а не реально выехавших людей.

---

1 *Ежов М. В.* Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: опыт, проблемы, уроки. С. 115- 116.

2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 1093.

3 *Ежов М. В.* Указ. соч. С. 115–116.

4.4. Проблемы эвакуации и реэвакуации гражданских высших, средних и начальных профессиональных учебных заведений в 1942–1943 годах

Анализ судеб сотрудников и студентов некоторых ленинградских вузов в эвакуации в 1942–1943 гг. начался лишь в последние годы. Эвакуация педагогического института им. А. И. Герцена отражена в книге Т. Г. Фруменковой[1]. Судьбы профессоров и преподавателей Первого Ленинградского медицинского института, частично оказавшихся на временно оккупированной немцами территории Кавказских минеральных вод (далее Кавминвод), стали темой исследования кафедры истории Отечества ПСПбГМУ им. ак. И. П. Павлова[2]. Появились публикации в региональных научных журналах[3].

Изучая этот вопрос в 1960-ые годы, ленинградские историки не могли восстановить все драматические условия этой эвакуации. Так, в V томе «Очерков истории Ленинграда» просто указывалось количество вывезенных вузов и конечный пункт размещения некоторых из них. Например, университет находился в Саратове, педагогический институт им. Герцена – в Кыштыме, механический институт – в Перми, инженерно-строительный институт – в Барнауле, политехнический – в Ташкенте[4].

В 1997 г. были опубликованы некоторые документы из переписки заместителя председателя Комитета по делам высшей школы (далее ВКВШ) академика Н. Г. Брусевича с уполномоченным ГКО по делам эвакуации из Ленинграда А. Н. Косыгиным. 2 марта 1942 г. Н. Г. Брусевич настаивал, чтобы до 20 марта ежедневно эвакуировать не менее 2 тысяч преподавателей, студентов, административного персонала ленинградских вузов по ледовой «Дороге жизни». С 11 марта 1942 г. распоряжением А. Н. Косыгина вузы были включены в план эвакуации, за исключением медицинских. Однако 31 марта 1942 г. ВКВШ при СНК СССР и НКЗ СССР было предписано эвакуировать в Кисловодск и медицинские вузы[5].

Опубликовано также решение ГК ВКП(б) от 20 января 1942 г. об эвакуации на места назначения 2 501 чел. молодых специалистов, окончивших ленинградские вузы и техникумы

---

1 *Фруменкова Т. Г.* Мы вышли из блокадных дней. – Санкт-Петербург: РГПУ, 2005.

2 Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей / Под ред. *В. П. Бякиной, И. В. Зимина.* – СПб.: Изд-во СПбГМУ. 2015; *Зимин И. В., Журавлев А. А.* ПСПБГМУ им. акад. И. П. Павлова: этапы большого пути. 1 Ленинградский медицинский институт в 1941 – 1947 гг. Часть IV. – СПб., 2025.

3 *Жмакин И. А.* Ленинградский стоматологический институт в годы Великой Отечественной войны // Верхневолжский медицинский журнал. – 2020. – Т. 19, вып. 2. С. 3–13.

4 *Соболев Г. Л.* Глава девятнадцатая. Высшая школа и научно-исследовательская работа // Очерки истории Ленинграда. Т. V. – Л.: Наука, 1967. С. 555–556.

5 *Павлова Н. В. Г*ероическая страница жизни 1 ЛМИ во время эвакуации (1942–1945 гг.) // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей. С. 61–62.

в 1941–1942 уч. году. Среди которых окончили вузы 2310 чел., техникумы – 191 чел.[1]

Эвакуация ленинградских вузов и техникумов в 1942 г. осуществлялась в крайне тяжелых условиях. В приложении №2 к отчету ГЭК, отправленному И. В. Сталину, указывалось, что с 22 января по 12 апреля 1942 г. из вузов и техникумов Ленинграда было эвакуировано: 33 541 чел., в том числе 23 462 профессорско-преподавательского состава, сотрудников, студентов, 10 079 чел. членов семей. В это число вошли 811 чел. из 4 техникумов и фармацевтической школы, 3070 чел. из 7 военных спецшкол, 290 чел. из Испанского детдома (дети антифашистов), включая семьи сотрудников. Из 41 вуза было эвакуировано 29 370 чел., включая семьи сотрудников. (Таблица 7)[2]. В свою очередь в справке ГЭК указывалось, что молодых специалистов, студентов, профессоров, преподавателей и научных работников с семьями было эвакуировано за указанный период 37 877 чел. Помимо этого отмечалось 4 442 чел. из военных спецшкол. (Таблица 4б)[3]. Учитывая 2 501 чел. молодых специалистов, подлежащих эвакуации, как указывалось выше, можно заметить завышение количества эвакуированных в справке по вузам и техникумам, по крайней мере, на 6277 чел. Так как в приложении приводились детализированные списки всех выехавших в указанный период с предприятиями и учреждениями, более точными следует считать данные из Приложения №2 к отчету ГЭК, в котором раскрыты показатели по конкретным учебным заведениям. В то же время и в приложении к отчету, как отмечалось, имелись завышения.

По документам, хранящимся в фонде Переселенческой комиссии СНК РСФСР, удалось установить, что к 4 июня 1942 года в Орджоникидзевском крае (в составе Кавминводской группы) были временно размещены эвакуированные из Ленинграда 34 высших учебных заведения. В количестве: всего 5 242 чел. студентов ленинградских вузов, или 1–2 курсов 2 435 чел., 3–4 курсов 2 444 чел., 5 курса 363 чел. Профессорско-преподавательского состава: 939 чел., сотрудников вузов: 283 чел., всего 1 222 чел. Кроме того, с ними проживали члены семей, в том числе студентов, всего 2 467 чел. Всего прибыло эвакуированных: 8 931 чел.[4] Таким образом, золотой фонд ленинградской академической науки был сконцентрирован в одном месте: на курортах северного Кавказа. Место было выбрано с целью оздоровления людей.

Семь вузов были эвакуированы сразу в другие места: Ленинградский государственный университет, Академия художеств, Ленинградский институт железнодорожного транспорта, Ленинградский химико-технологический институт молочной промышленности, Плановый институт, Государственная Консерватория, Институт народов Севера. В составе всего: 6110 чел., из них

1 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 571.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 212.
3 Ленинград в осаде. С. 302.
4 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 46. Л. 83, 84. Подсчет по документу дает в сумме 9 136 чел.

студентов и преподавателей: 3477 чел. и иждивенцев: 2633 чел.

В то же время судьба еще 14 329 чел., не доехавших до Кавминвод, может быть выяснена сравнением списков состава по ленинградским вузам, выехавшим в эвакуацию, со списком контингента ленинградских вузов, размещенных в Кавминводской группе на 4 апреля 1942 г., согласно справке, подготовленной В. Л. Вайсером, уполномоченным СНК РСФСР и Комитета по делам Высшей школы. Сравнительная таблица позволяет указать на выбытие в дороге до 60% контингента профессорско-преподавательского состава, сотрудников, студентов, до 62% членов семей-иждивенцев. (Таблица 16)[1]. Анализ соотношения выбытия показывает, что в медицинских вузах потери при эвакуации составили 19–58%, а в иных гражданских вузах: 56–85%. Необходимо заметить, что часть потерь должна быть списана на возможные расхождения в данных отчета и реального количества выехавших, которые в отдельных случаях составляли 6,5% (1 Ленинградский медицинский институт (1 ЛМИ) или 15% (спецшкола №2 ВВС).

Определенную часть потерь должны были составить госпитализированные, а также сошедшие преждевременно или отставшие. В то же время можно предположить, что одной из причин выбытия являлись инфекционные болезни. При этом профессиональная помощь, оказываемая на месте больным, как и своевременная госпитализация тяжело больных, уменьшали количество потерь.

Из прибывших: семь ленинградских институтов были размещены в Пятигорске; три – в Горячеводске; семь – в Ессентуках. В Кисловодске размещались 11 институтов, в том числе 1 ЛМИ. В Железноводск были эвакуированы 4 института. В Минеральных Водах находился текстильный институт из Ленинграда. В Нальчике располагался физкультурный институт им. П. Ф. Лесгафта[2].

К 4 июня 1942 г. уполномоченным СНК РСФСР и ВКВШ В. Л. Вайсером было израсходовано на единовременное пособие студентам 15 тысяч рублей[3]. Он же договорился об оставлении в Орджоникидзевском крае на постоянную работу: 1 ЛМИ в Кисловодске, ветеринарного и планового института в Ворошиловске (ныне Ставрополь), педагогического института им. А. И. Герцена в Пятигорске. Пять институтов должны были провести в крае один учебный год: 2 ЛМИ, педагогические им. Покровского и иностранных языков (в Ессентуках и в Ворошиловске), Стоматологический (как филиал 1 ЛМИ в Кисловодске), Фармацевтический (слитый с Днепропетровским в Пятигорске). Три института ВКВШ (технологический, инженерно-экономический, политехнический) должны были временно слиться и переводились в Тбилиси на базу Грузинского индустриального института. Туда же переехал институт связи. В Орджоникидзе начал работу

1 Там же. Л. 83, 84; ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 210–212.
2 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 46. Л. 83, 84.
3 Там же. Л. 82.

сельскохозяйственный институт. На начало июня 1942 г. не приступили к работе только 19 из эвакуированных вузов[1].

Проблемы организации работы ленинградских вузов в эвакуации можно проследить на примере 1-го Ленинградского медицинского института (на Северном Кавказе и в Красноярске). Решение об эвакуации части коллектива 1 ЛМИ в Кисловодск было принято 31 марта 1942 г. Эвакуация прошла в тяжелых условиях по ледовой Дороге жизни 7 апреля 1942 г. Начальником эшелона, в котором ехали 1 и 2 медицинские, стоматологический, педиатрический и фармацевтический институты, был назначен профессор Н. И. Озерецкий, комиссаром профессор М. Г. Привес[2].

Данные о количестве выехавших в разных источниках отличаются. Если в списке В. Л. Вайсера указано общее количество прибывших к месту эвакуированных 650 чел., в том числе студентов 415, профессорско-преподавательского состава и сотрудников 55 чел., членов их семей 180 чел., то в воспоминаниях Н. И. Озерецкого было отмечено 744 чел.: 49 преподавателей и сотрудников, 410 студентов и 285 членов их семей. В списке эвакуированных ГЭК, представленном И. В. Сталину, указывалось, что из 1 ЛМИ было эвакуировано всего 796 чел., из которых 571 чел. студенты, профессорско-преподавательский состав, сотрудники, 225 членов семей[3]. В пути, по воспоминаниям Н. И. Озерецкого, умерло несколько человек студентов и родственников. В то же время разница списка Озерецкого со списком ГЭК, выбывших из Ленинграда, составляет 52 чел., а со списком Вайсера, прибывших в Кисловодск, – 94 чел. Следует предположить, что разница со списком ГЭК связана с имевшейся практикой включать в отчетное число эвакуируемых тех, кто в конечном счете в эвакуацию по разным причинам не отправился. Таким образом, можно отметить возможность преувеличения числа эвакуированных в справке ГЭК до 6,5%. Разницу с отчетом Вайсера следует объяснить выбытием в пути по причинам: госпитализации, смертности, пропажи без вести (например, отставших от поезда). Такое выбытие составило до 13,4%.

Об общих потерях преподавательского и студенческого контингента 1 и 2 ленинградских мединститутов можно судить, сравнивая имеющиеся данные в отчете ГЭК (всего эвакуировалось 1148 чел.) и в плане ВКВШ по реэвакуации из Кавминвод в Красноярск (всего 827 чел.)[4]. В то же время необходимо учесть, как выше указывалось, возможное преувеличение числа эвакуированных, до 6%. Тогда потери составили от 155 до 221 чел. из обоих вузов.

---

1 Там же. Л. 76–82.

2 *Павлова Н. В. Г*ероическая страница жизни 1 ЛМИ во время эвакуации (1942–1945 гг.) // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей. С. 62 (по Музей ПСПбГМУ. НВФ-2. Ед. хр. 247 (Воспоминания Н. И. Озерецкого).

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 212; ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 46. Л. 84; *Павлова Н. В.* Указ. соч. С. 62 (по Музей ПСПбГМУ. НВФ-2. Ед. хр. 247 (Воспоминания Н. И. Озерецкого)).

4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 151; ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 46. Л. 72.

2 мая 1942 г. студенты и преподаватели во главе с заместителем директора 1 ЛМИ Н. И. Озерецким прибыли на станцию «Минутка» в 3 километрах от Кисловодска. Эвакуированные находились в очень тяжелом состоянии, поэтому часть была помещена в больницы. Несмотря на столовую повышенного типа и всяческое внимание со стороны местных организаций, восстановление сил происходило медленно. Так, от последствий блокады 23 июня 1942 г. умерла ассистент кафедры патофизиологии Н. Г. Ивашенцева, всю дорогу к месту эвакуации заботившаяся об устройстве тяжело больных[1].

Уже в мае 1942 г. было подано 300 заявлений о приеме на обучение в филиал 1 ЛМИ. К ленинградцам присоединились студенты из мединститутов Ростова-на-Дону, Краснодара, Симферополя. В июне начались занятия 4 и 5 курсов, в июле начал работу и 3 курс. Кроме того, свыше 150 чел. студентов младших курсов и сотрудников были заняты на сельскохозяйственных работах в Ставрополье (паспорта их находились в Горисполкоме). Начало их занятий планировалось на 1 сентября[2].

Среди выдающихся ученых 1 ЛМИ, работавших в Кисловодском филиале, можно выделить Н. И. Озерецкого, психиатра с мировым именем, В. А. Шаака (зав. каф. факультетской хирургии), В. В. Чирковского (зав. кафедрой глазных болезней), основателя офтальмологической научной школы, М. Г. Привеса (зав. кафедрой анатомии человека), Ш. Д. Галустяна (каф. гистологии). Были привлечены также профессора из Ленинградского государственного педиатрического медицинского института (ЛГПМИ): З. О. Мичник, одна из основательниц педиатрического института, которая в дальнейшем погибла от рук немецких оккупантов, будучи еврейкой[3]; М. Г. Данилевич – заведующий кафедрой детских инфекций; В. Л. Стырикович – профессор кафедры факультетской педиатрии. Профессор В. М. Карасик – фармаколог, заведовал кафедрой токсикологии 1 ЛМИ, совмещая с заведованием кафедрой фармакологии ЛГПМИ[4].

Работали в филиале преподаватели и других медицинских вузов. Среди них выделяется несколько фигур. Так, Т. Е. Гнилорыбов, профессор Ростовского медицинского института, автор 254 научных работ, являлся главным хирургом Кисловодской госпитальной базы с 1 августа 1941 г. Благодаря применяемому им методу сульфатного наркоза, пострадавшие от осколочных ранений выздоравливали на 10–20% лучше[5]. В филиале он исполнял обязанности заведующего кафедрой

---

1 *Павлова Н. В.* Указ. соч. С. 63; *Карташев А. В.* Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – Вып. 2. С. 73–79.

2 П*авлова Н. В.* Указ. соч. С. 63.

3 *Микиртичан Г. Л.* Зинаида Осиповна Мичник // Из истории педиатрии. – 2011. – Т. II. – №2. С. 61–65.

4 Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова. Биографический словарь профессоров за 120 лет / под ред. *С. Ф. Багненко, Э. Э. Звартау, Н. Н. Петрищева*. – СПб.: Премиум-Пресс, 2017.

5 *Панарина Е. В.* Организация системы здравоохранения на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной

госпитальной хирургии вместе с военной. Профессор Е. Ю. Крамаренко, который с 1937 г. возглавлял кафедру факультетской хирургии в Днепропетровском институте усовершенствования врачей, а с 1941 г. был главным хирургом госпиталей Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов, исполнял обязанности в филиале заведующего кафедрой общей хирургии и факультетской хирургии. В 1945 г. он создал в регионе Кавказских Минеральных вод хирургическое общество[1].

Преподаватели 1 ЛМИ активно трудились в госпиталях. Госпиталь при санатории «Пикет» был почти полностью укомплектован сотрудниками 1 ЛМИ. В бывшем санатории «Известия» разместились теоретические кафедры; клинические кафедры размещались на базе санатория им. Семашко; общая хирургия, пропедевтическая терапия, ушные болезни, психиатрия, кожно-венерические болезни в Карачаевской больнице; факультетская хирургия и госпитальная терапия, глазные болезни, нервные болезни – в городской больнице; в роддоме – акушерство и гинекология; в инфекционной больнице – инфекционные болезни[2]. Профессора Е. Ф. Крамаренко, Т. Е. Гнилорыбов, П. А. Останков (заведующий кафедрой психиатрии филиала) стали ведущими хирургами местного эвакуационного пункта №90[3].

Летом – осенью 1942 г. немцы перешли в контрнаступление в направлении на Кавминводы. Уже 3 августа 1942 г. был разработан план реэвакуации ленинградских вузов в Среднюю Азию и Сибирь. Согласно плану три института ВКВШ переводились в Томск на базу Томского индустриального института ВКВШ; медицинские институты (1-й, 2-й, фармацевтический, стоматологический) Наркомздрава СССР переводились в Красноярск на базу фельдшерско-акушерской школы. В Барнаул, на базу фельдшерско-акушерской школы, переводился педиатрический институт. В Омск – ЛИТМО. Два института размещались в Алма-Ате, где уже работал эвакуированный Ленинградский электротехнический институт инженеров сигнализации и связи НКПС СССР, и в Каргалинке (Алма-Атинская обл.). Четыре – эвакуировались в Ташкент, в том числе консерватория, основная часть которой там уже находилась. Два – в Самарканд (вопрос обсуждался). Институт холодильной промышленности – в Семипалатинск. Ветеринарный – в Пржевальск. В Каменск Свердловской области на базу средней школы эвакуировались три педагогических вуза. Три института эвакуировались в Свердловск (горный и театральный институты, Лесотехническая

войны // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2008. – №3. С. 58.

1 *Зимин И. В.* Разные дни войны... Профессор В. А. Шаак: Ленинград – Кисловодск – Берлин (1941– 1947) // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей. С. 54–55; *Восканян Э. А., Околов В. Л.* Научное хирургическое общество и ассоциация врачей хирургического профиля на Кавказских минеральных водах: от истоков до наших дней // Медицина. – 2011. – №2. Июнь. С. 8–10.

2 П*авлова Н. В.* Указ. соч. С. 63–64.

3 По материалам: Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость». Экспозиционный фонд.

Академия). Институт механизации сельского хозяйства – в Челябинск. В Балашиху Московской области эвакуировался институт внешней торговли, в Нальчике оставался институт им. Лесгафта. Два – в Молотов, по одному – в Куйбышев, в Горький, в Тбилиси, Иркутск. Два (технологический и финансово-экономический) – в Казань. Всего план ВКВШ включал 36 институтов, считая уже размещенные на Востоке страны, в количестве профессорско-преподавательского состава, сотрудников и студентов 6757 чел. (без членов семей)[1]. 15 августа 1942 г. распоряжением СНК СССР №15453рс план размещения Ленинградских вузов и техникумов был утвержден[2].

Условия реэвакуации были мучительными. В статье А. В. Карташева приводятся примеры: сотрудники ветеринарного института, спешно покинувшие Кисловодск, побросав свои вещи, 4 дня добирались до станции Прохладная, где им повезло, и они смогли погрузиться на открытые платформы последнего поезда, шедшего на Баку. Ленинградский фармацевтический институт был объединен с Днепропетровским под руководством М. Б. Волынской, согласно решению СНК СССР от 15.08.1942 г., и направлен по маршруту: Тбилиси – Баку – Красноводск – Ташкент – Семипалатинск. В Пятигорске остался уполномоченный по сохранению институтского имущества профессор Н. В. Вавилов. Оказался на оккупированной территории и коллектив Ленинградского политехнического института во главе с директором В. Г. Подпоркиным, который продолжил эвакуацию в январе 1943 г., после освобождения Пятигорска, и в мае 1943 г. сотрудники и студенты «политеха» прибыли в Ташкент[3].

Профессор Ш. Д. Галустян в Докладной записке подробно описал условия реэвакуации коллектива 1 ЛМИ из Кисловодска: 4 августа вечером исполкомом было предложено на следующий день утром пешком реэвакуироваться из Кисловодска. Права на поездку в эшелоне удалось добиться только для 25 чел. слабых профессоров и преподавателей, но эшелон не смог продвинуться дальше Ессентуков. Некоторые сотрудники смогли эвакуироваться с госпиталями: профессор В. Н. Иванов, начальник госпиталя, профессор А. И. Златоверов, консультант госпиталя и др. Однако 5 августа большая часть раненых была отправлена на Нальчик пешими колоннами, в сопровождении подвод с продуктами и медикаментами. Тяжелораненых, которых погрузили в эшелон в Кисловодске (35–40 вагонов), так и не смогли вывезти. Более 300 человек, нетранспортабельных, так и не были погружены. Практически полностью остался бывший эвакогоспиталь №2041 (быв. санаторий им. Семашко), на базе которого размещались клинические кафедры 1 ЛМИ[4].

---

1 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 46. Л. 72–75.

2 *Жмакин И. А.* Ленинградский стоматологический институт в годы Великой Отечественной войны. С. 5.

3 *Карташев А. В.* Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны. С. 75 – 76.

4 *Судавцов Н. Д.* Кавказские Минеральные Воды – крупнейшая госпитальная база Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / сост. В. В. Белоконь [и др.] – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С. 578–580.

Получив эвакуационные удостоверения утром 5 августа 1942 г., вечером группа преподавателей и студентов 1 ЛМИ, включая профессоров К. П. Мищенко, И. И. Канаева, М. Г. Привеса, И. Е. Рамма, во главе с профессором Н. И. Озерецким, покинула Кисловодск[1]. Состав с эвакуируемыми дошел до Пятигорска, далее двигались пешей колонной с обозом, во главе с начальниками эшелона: профессорами М. Г. Привесом и П. В. Балакиревым. В Тбилиси вошло ок. 2000 человек, 42 повозки (70 лошадей) вместе из ленинградских и неленинградских вузов [2]. 9 августа из Кисловодска вышла вторая группа отставших студентов и преподавателей, до этого занятых на сельскохозяйственных работах. Этот поход закончился неудачей для большей части. Профессор Ш. Д. Галустян, ассистент О. А. Невмывака, кандидат наук И. С. Скобло и другие были вынуждены вернуться[3]. Таким образом, при реэвакуации ленинградских вузов возникли потери: часть преподавателей и студентов вынуждены были остаться на временно оккупированной территории.

В Тбилиси Н. И. Озерецкий, возглавивший группу преподавателей и студентов 1 ЛМИ, получил телеграмму из Наркомздрава СССР о том, что институт должен эвакуироваться в Красноярск через Баку. В Баку на вокзале прибывших встречали студенты, вывезенные О. А. Сидоровым из колхозов, а также часть коллектива 1 ЛМИ, отправившаяся по железной дороге[4].

8 сентября 1942 г. вышло постановление СНК СССР №1497 «О проверке деятельности разных учреждений, эвакуированных в тыл из оккупированных областей», коснувшееся и ряда учебных и научных учреждений Ленинграда, которое касалось выявления оставшихся штатов и целесообразности сохранения учреждений[5]. В связи с этим, при реэвакуации старались объединять штаты различных учреждений.

К 1 ЛМИ присоединились коллективы 2 ЛМИ, стоматологического и педиатрического институтов. К 1 октября все вместе прибыли в Красноярск, где эти коллективы были объединены в один вуз, получивший название «1-й Ленинградский медицинский институт». В него влился и коллектив эвакуированного Воронежского стоматологического института, в соответствии с приказом ВКВШ от 10.10.1942 г. №500.

Приказом по НКЗ СССР от 30.10.1942 г. №110-11 Нарком здравоохранения Г. А. Митерев объявил благодарность «За успешно проведенную эвакуацию профессоров, преподавателей и студентов Ленинградских медицинских вузов с Северного Кавказа» с выплатой денежных премий профессору Н. И. Озерецкому и доценту З. Б. Пирятинскому. В соответствии с распоряжениями

---

1 Музей ПСПбГМУ. НВФ-2 (Докладная записка Ш. Д. Галустяна об эвакуации 1 ЛМИ в Кисловодск. 18 февраля 1943). Л. 1–3.

2 П*авлова Н. В.* Указ. соч. С. 64.

3 Музей ПСПбГМУ. НВФ-2 (Докладная записка Ш. Д. Галустяна об эвакуации 1 ЛМИ в Кисловодск. 18 февраля 1943). Л. 1–3.

4 *Павлова Н. В.* Указ. соч. С. 65.

5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 205. Л. 116.

СНК СССР от 8.10.1942 г. №1919 и от 13.11.1942 г. №21674 на базе 1 ЛМИ был создан Красноярский медицинский институт НКЗ СССР. Директором института был назначен Н. И. Озерецкий[1].

В то же время часть преподавателей и студентов ленинградских вузов вынуждены были остаться на временно оккупированной территории. Среди преподавателей 1 ЛМИ оказались на оккупированной территории: 65-летний З.д.н., проф. В.В. Чирковский, с женой и дочерью, 74-летний З.д.н., проф. П. А. Останков, с женой, 62-летний З.д.н., проф. В. А. Шаак, с женой и тещей, 62-летний проф. В. П. Космодамианский, с женой, 56-летний проф. С. М. Токмачев, с женой, 42-летний проф. Ш. Д. Галустян, с женой и двумя дочерьми (2 и 6 лет), 43-летний к.б.н. Г. А. Невмывака, с женой и 7-летней дочерью, доцент А. Г. Рзянкин, с женой, тещей и двумя малолетними детьми и другие. Всего 35 человек профессорско-преподавательского состава и сотрудников 1 ЛМИ. Большая часть оставшихся были преклонного возраста, имели на руках детей, больных членов семьи[2].

В течение 10–12 августа оказалось, что в городе осталось свыше 5 600 раненых, в том числе 1700–1800 тяжелораненых. На совещании в бывшем эвакогоспитале №2041 было решено организовать Комитет Красного Креста для помощи раненым, эвакогоспиталю было присвоено наименование больницы Красного Креста №1. Много раненых прибыло из эвакоприемника в эвакогоспиталь на базе бывшего санатория им. Сталина, который стал больницей Красного Креста №2. Для обслуживания раненых на дому были созданы амбулаторные пункты в поселках Буденовка и Минутка, а также в бывшей городской поликлинике, открылись аптеки. Для спасения раненых медицинские работники выписывали справки об инвалидности, о бытовых травмах, о принадлежности к гражданскому населению, всего таких справок было выдано более 900. Излечившихся выписывали, а на их место принимали тяжелораненых, скрывавшихся у населения. Среди тех, кто участвовал в спасении раненых, были и преподаватели филиала 1 ЛМИ: Е. Ф. Крамаренко, Т. Е. Гнилорыбов, П. А. Останков[3].

«Отдел Просвещения» администрации, созданной оккупантами, разрешил возобновить работу медицинского института. В конце августа 1942 г. 150 студентов изъявили желание продолжать учиться. Институт возглавил проф. В. А. Шаак, его заместителем стал проф. Ш. Д. Галустян. Всего в Институте работало 68 чел., вместе с административно-хозяйственным аппаратом, еще 5

---

1 *Жмакин И. А.* Ленинградский стоматологический институт в годы Великой Отечественной войны. С. 6–7. Подробно о работе Красноярского филиала см. *Зимин И. В., Журавлев А. А.* ПСПБГМУ им. акад. И. П. Павлова: этапы большого пути. С. 211–213.

2 Музей ПСПбГМУ. НВФ-2 (Докладная записка Ш. Д. Галустяна об эвакуации 1 ЛМИ в Кисловодск. 18 февраля 1943). Л. 3–4; *Зимин И. В.* Разные дни войны... Профессор В. А. Шаак: Ленинград – Кисловодск – Берлин (1941–1947) // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей. С. 53.

3 *Судавцов Н. Д.* Указ. соч. С. 579–580.

врачей-клиницистов работали в качестве ассистентов. Но уже в ноябре приехавший из Пятигорска представитель германского командования потребовал прекратить учебную работу Института после 1 февраля 1943 г.[1]

В сентябре 1942 г. гитлеровцы приступили к операции по уничтожению еврейского населения в Кисловодске. Погибли 117 медицинских работников-кисловодчан, в том числе профессора Баумгольц, Шварцман, Сокольский, Файнберг. Фашисты зверски расправились с семьей хирурга М. И. Кауфмана, работавшего в больнице Красного Креста. Погибло не менее 400 детей-кисловодчан[2]. Среди жертв были преподаватели из Ленинграда, в том числе 1 ЛМИ: В. И. Львова, ее мать и муж, И. С. Скобло, известная педиатр З. О. Мичник, ее сестра П. О. Эфрусси. Удалось спасти детей В. И. Львовой, которых выдала за своих племянников ассистентка В. А. Цвилинева. Документы на детей помогла достать врач Ю. И. Казакова. В октябре 1942 г. был арестован доцент кафедры физики А. Г. Рзянкин, судьба которого осталась неизвестной[3].

В середине октября 1942 г. оккупантами были уничтожены обе больницы Красного Креста. 350 раненых вместе с медперсоналом были вывезены и погибли. Узнав о готовящемся преступлении, профессор Т. Е. Гнилорыбов ходатайствовал перед медико-санитарной управой, созданной оккупационной Администрацией, о переводе 60 раненых из-за их нетранспортабельности в Карачаевскую и городскую больницы[4].

11 января 1943 г. Кисловодск был освобожден Советской армией. При бегстве с немцами уехали часть преподавателей и сотрудников[5]. Работавшая в июне 1943 г. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний фашистских захватчиков на Кавминводах, возглавляемая писателем Алексеем Николаевичем Толстым, раскрыла совершенное оккупантами преступление. Работе комиссии содействовали сотрудники 1 ЛМИ, оказавшиеся на оккупированной территории[6]. Трагедия гражданского населения, в том числе эвакуированного из Ленинграда, потрясла великого писателя[7]. Подробности трагедии Алексей Николаевич

---

1 Музей ПСПбГМУ. НВФ-2 (Докладная записка Ш. Д. Галустяна об эвакуации 1 ЛМИ в Кисловодск. 18 февраля 1943). Л. 5–7; *Зимин И. В., Журавлев А. А.* ПСПБГМУ им. акад. И. П. Павлова: этапы большого пути. С. 198; *Карташев А. В.* Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны. С. 77.

2 *Яковлев О. Г.* Записки начальника госпиталя. Эвакогоспиталь №2040 [Электронный ресурс] // Самарские судьбы. 2015. Октябрь, 25. URL: https://samsud.ru/journal/memoirs/evakogospital-2040.html. (дата обращения: 2019-05-02); *Карташев А. В.* Указ. соч.

3 *Павлова Н. В.* Указ. соч. С. 67–68; *Микиртичан Г. Л.* Зинаида Осиповна Мичник. С. 61–65.

4 *Судавцов Н. Д.* Указ. соч. С. 581, 582.

5 П*авлова Н. В.* Указ. соч. С. 67–68.

6 *Зимин И. В., Журавлев А. А.* Указ. соч. С.202.

7 Вероятно впечатление от увиденного Толстым отразилось на завершающей части третьего тома эпопеи «Петр I», написанной за 1944 год: «Все видели, как сорвалась со стола, с красного сукна, сжалась в кулак рука Петра..., как отвращением передернулись его плечи, он молчал столь долго, что все устали не дышать... . – Не будет тебе чести от меня, – негромко проговорил Петр. – Глупец! Старый волк! Упрямец хищный.... – Отведи его в тюрьму, пешим,

изложил в очерке «Коричневый дурман», многократно переизданном в августе 1943 г.[1]

Приказом Крайздрава от 20 января 1943 г., директором филиала 1 ЛМИ, продолжавшего работать в Кавминводах, был назначен Ш. Д. Галустян. Был утвержден временный штат Института из 56 человек профессорско-преподавательского состава и 7 человек административно-хозяйственного аппарата. Дирекция института и кафедры разместились в переданном 1 ЛМИ в конце июля бывшем санатории «Известия», клиники разместились на базах Карачаевской, городской, инфекционной больниц, а также родильного дома. Уже на 18 февраля 1943 г. набор студентов составил 590 человек, из которых около 200 человек было эвакуированных, в том числе 136 из 1 ЛМИ, остальные – местные жители. В дальнейшем приток на старшие курсы продолжался. Возобновили учебу и те, кто вынужден был ее прервать во время оккупации. Филиал выпустил 29 врачей. В план 1-го курса были введены дополнительно предметы сестринских курсов, и в мае 1943 г. планировался выпуск 400 медсестер[2].

Сотрудники филиала продолжили научную работу. Так, 20 марта 1943 г. состоялась IV научная конференция врачей госпитальной базы Кавказских Минеральных вод, в работе которой приняли участие преподаватели 1 ЛМИ: Т. М. Давыдов, Р. Ф. Акулова, Е. Ю. Крамаренко, проф. В. Космадамианский, проф. В. В. Чирковский, А. Н. Трифонова, В. К. Яровицкий, проф. Ш. Д. Галустян, Н. А. Трифонова, Н. Л. Арабей, К. И. Пенкослевский, проф. Я. И. Периханянц. Все выступления носили практический характер, в них шла речь, в основном, о решении проблем лечения инвалидов, а также о восстановлении сети здравоохранения Ставрополья, почти полностью уничтоженной гитлеровцами. В 1944 г. Ставропольский мединститут вызвал на соревнование Кисловодский филиал 1 ЛМИ[3].

26 апреля 1944 г. приказом Наркомздрава СССР филиал 1 ЛМИ был переименован в Кисловодский медицинский институт, а Приказом НКЗ СССР от 31 августа 1945 г. №427/699 институт был переведен в Кишинев[4]. Однако, большая часть студентов и преподавателей вернулась в Ленинград.

Судьбы ученых-медиков, работавших на оккупированной территории, сложились по-разному. Приказом по Управлению Кисловодского курорта от 20 сентября 1945 г. №677 профессор Т. Е. Гнилорыбов, работавший в филиале 1 ЛМИ в период нахождения в Кисловодске, был

через весь город, дабы увидел печальное дело рук своих...». (*Толстой А.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. – М.: Изд-во «Правда», 1972. С. 446).

1 *Толстой А.* Коричневый дурман. Молотов: Огиз; Молотовское областное изд-во, 1943.

2 Музей ПСПбГМУ. НВФ-2 (Докладная записка Ш. Д. Галустяна об эвакуации 1 ЛМИ в Кисловодск. 18 февраля 1943). Л. 8, 10, 11.

3 По материалам: Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость». Экспозиционный фонд.

4 *Карташев А. В.* Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны. С. 78.

занесен в Книгу Почета Кисловодского курорта. В приказе отмечалось: «Вся работа: врачебная, научная, общественная, проведенная главным хирургом Кисловодского курорта проф. Гнилорыбовым, была проникнута высоким патриотизмом и служила делу обороны Родины»[1].

24 августа 1944 г. №6457сс постановления ГКО был присвоен докладной записке Л. П. Берия В. М. Молотову, посвященной вопросам организации приема возвращающихся на родину советских граждан, насильно увезенных немцами, а также по другим причинам оказавшихся за границей СССР[2]. Профессор В. А. Шаак, оказавшись в Берлине, проявил волю к возвращению на Родину. Весь период работы в гитлеровской Германии он сохранял Советское гражданство и 3 июня 1945 г. получил подтверждение возможности его возвращения в Ленинград. 3 сентября 1946 г., после длительной проверки проверочно-фильтрационной комиссией МВД, он вернулся в Ленинград[3]. Профессор Ш. Д. Галустян, вернувшись в Ленинград, был утвержден в должности профессора кафедры гистологии 1 ЛМИ, затем декана 1 ЛМИ. Он скоропостижно скончался при неясных обстоятельствах в декабре 1951 г.[4]

Наряду с эвакуацией высших и средних профессиональных учебных заведений одной из важных задач был *вывоз учащихся школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ из Ленинграда*. В 1941 г., согласно отчетным документам Главного Управления Трудовых резервов (ГУ ТР), эвакуация училищ и школ ТР практически не осуществлялась. Речь не идет о 31 362 выпускниках мая – июня 1941 г., которые должны были эвакуироваться как молодые рабочие вместе с предприятиями, на которые распределились. В основном в эвакуацию в этот период организованно, а также индивидуально, выехали учащиеся школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ (РУ и ЖУ) Ленинградской области. В докладной записке начальника Кировского областного управления Трудовых резервов в Главное управление от 26 декабря 1941 г. указывалось, что к 6 декабря 1941 г. учащихся Трудовых резервов Ленинградской области проехало через г. Киров 7 250 чел., из которых 5 750 чел. – организовано. Для контроля за движением эвакуирующихся, на станциях Киров, Котельнич и Зуевка было организовано круглосуточное дежурство. Согласно отчету старшего инспектора ГУ ТР Резниковского на 27 декабря 1941 г. через г. Киров в эвакуацию из Ленинграда проехало всего 400 учащихся училищ и школ ФЗО[5].

Основная эвакуация учащихся ремесленных и железнодорожных училищ, а также школ ФЗО из Ленинграда осуществлялась эшелонами в январе – марте 1942 г. Большинством

---

1 По материалам Кисловодского историко-краеведческий музея «Крепость». Экспозиционный фонд.
2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 2: 1944–1945. С. 484.
3 *Зимин И. В.* Разные дни войны... С. 58–61.
4 Музей ПСПбГМУ им. ак. И. П. Павлова. НВФ-2. Личное дело Ш. Д. Галустяна.
5 Справки по размещению эвакуированных РУ, ЖУ и школ ФЗО. 17 ноября 1941 – 31 декабря 1942 // ГА РФ. Ф. Р-9507 (Учреждения по руководству профессионально-техническим образованием в СССР). Оп. 1. (Главное Управление трудовых резервов). Д. 201. Л. 22, 23, 24.

исследователей эвакуационной статистики, в том числе по данному вопросу, в качестве базового показателя некритично используются данные статистических отчетов Городской эвакуационной комиссии за 1942 г., согласно которым из города было вывезено в январе – марте 1942 г. 32 896 ремесленников, а с 27 мая 1942 г. по 1 апреля 1943 г. еще 8 440 чел., всего 41 336 чел.[1]

В то же время сравнение этих данных с отчетом Городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 по 15 апреля 1942 гг. позволяет заметить, что с 22 января по 15 апреля 1942 г. из города было вывезено по ст. 4 «учащихся ремесленных училищ» – 28 454 чел., а по ст. 6 «учащихся и преподавателей военных спецшкол» – 4 442 чел., или всего 32 896 чел.[2] В итоговой сводке эти данные показаны суммированием (причем в них входят как учащиеся, так и персонал с семьями). Согласно итоговой сводке ГЭК с 27 мая по 10 ноября 1942 г., из города организованно и индивидуально было вывезено 8 347 чел. из трудовых резервов[3]. В 1943 г. по ст. 7 «ремесленники» было вывезено 5 человек[4], или всего 8 352 чел., включая персонал с семьями.

Статистические показатели сводок корректируются отчетами по эвакуации учащихся Главного Управления Трудовых резервов, которые совпадают со статистическими сведениями об их наличии согласно призывам. Так, согласно отчету ГУ ТР, план эвакуации ремесленников из Ленинграда в 1942 г. составлял: из 54 училищ 41 800 учащихся, а фактически оказалось: 16 237[5].

Некоторую ясность позволяет внести «Список организаций, в том числе ремесленных училищ, эвакуированных из гор. Ленинграда с 22 января по 12 апреля 1942 г.», приложенный к отчету ГЭК об эвакуации из Ленинграда. Согласно списку из Ленинграда были полностью эвакуированы 27 училищ, частично 37, всего 64 училища. При этом всего эвакуировалось 32 201 чел., из которых были вывезены с декабря 1941 г. – до 21 января 1942 г. 7 339 чел. (из них учеников 5 616 чел.). За период с 22 января по 15 апреля было эвакуировано 24 862 чел., из них учащихся – 20 799 чел. (Таблица 7)[6].

Таким образом, потери при эвакуации ремесленников в 1942 г. составили не менее 10 178 чел. или 39% от общего числа 26 415 чел. учащихся, вывезенных с декабря 1941 г. по 15 апреля

---

1 Справка о состоянии эвакуированного населения Ленинграда с 29 июня 1941 по 1 апреля 1943. ок. 10 апр. 1944. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 1415. Л. 1.

2 Документ №142. Отчет городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. // Ленинград в осаде. С. 302.

3 Итоговая сводка по эвакуации населения по районам. 8 июля 1942 – 10 ноября 1942 // ЦГА СПб. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 93 Л. 89; Итоговые сведения по эвакуации населения. 27 мая 1942 – 22 сентября 1942 // Там же. Д. 91. Л. 12. Получено нами прямым подсчетом. В данные входит обслуживающий персонал с семьями. Однако, как выше сказано, они не выдерживают внутренней критики, так как происходит смещение страт, и статистические данные различных ведомостей по конкретным числам не совпадают.

4 Итоговые сведения по эвакуации населения. 16 января 1943 – 17 декабря 1943 // ЦГА СПб. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 174. Л. 15.

5 ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 199. Л. 48.

6 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 213, 214.

1942 г. Необходимо учесть, что в число потерь входили и дезертиры. Однако в целом число потерь очень велико и сопоставимо с числом потерь спецшколы №2 ВВС (см. выше). Тем более, что речь идет об юношах и девушках 14–16 лет.

Согласно сообщению уполномоченного ГУ ТР Ремизова, к 12/III 1942 г. из Ленинграда в Вологду были отправлены 27 467 чел., из которых: 23 132 чел. учащихся, 1 592 чел. обслуживающего персонала, 2 743 – членов их семей. Из них 22 084 чел. – учащихся ремесленных и железнодорожных училищ (остальные – школ ФЗО). К месту из этого числа прибыло 15 960 чел., 6 124 чел. составили потери в пути, по разным причинам[1]. Нам известно, что в итоге в 1942 г. наркомату авиационной промышленности было передано 13 289 учащихся РУ[2].

Динамика выбытия учащихся по мере следования видна из статистических отчетов уполномоченных ГУ ТР. Отсев учащихся между Ленинградом и Вологдой с января по март 1942 г. составил 5 413 чел. Некоторые причины такого отсева в пути были проанализированы уполномоченными ГУ ТР, и названы в сохранившемся письме директора ремесленного училища №2 г. Ленинграда Крюкова Начальнику ГУ ТР П. Г. Москатову. Училище было эвакуировано 2 марта 1942 г. из Ленинграда в Ярославль в составе 995 учащихся и 27 мастеров, до Ярославля не доехало 28 учащихся из-за болезней и смерти, но и по прибытии смерти продолжались. Приводим отрывок из документа: «…Трудности в пути были большие, особенно на ст. Кобона и Бабаево. На ст. Кобона, как начального пункта отправления после Ладожского озера, вагонов было недостаточно (вместо 20 вагонов предоставлено было лишь 18). Кроме этого, товарные вагоны не были подготовлены к посадке учеников (люки не заделаны, печи-времянки не исправны, ответственных лиц за посадку на месте не было). Поэтому мы были вынуждены на каждой последующей станции требовать увеличения количества вагонов. Но, к сожалению, вместо помощи нам на ст. Бабаево за настойчивые и справедливые требования угрожали арестом.

Эти вопиющие безобразия необходимо расследовать и их прекратить для следующих эшелонов ремесленников.

Аналогичные трудности возникли на отдыхе и лечении в г. Ростове, Ярославской области, где питание и лечение учеников поставлено неудовлетворительно. Поэтому большинство учеников вместо восстановления сил продолжает истощать свой организм. Доказательством этого служит увеличение заболеваемости (вместо 18 болеет 32 человека) и возобновление смертности – 7 чел. <…> 2/IV 1942 г. Директор Ремесленного Училища №2 г. Ленинграда Крюков»[3].

---

1 ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 199. Л. 10, 13.

2 Там же. Д. 217. (Отчет о выполнении плана направления в промышленность молодых рабочих, окончивших РУ, ЖУ и школ ФЗО за 1941–1945. Т. 1. 1945). Л. 17.

3 ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 199. Л. 51.

Необходимо отметить расхождения количественных данных по эвакуированным из ремесленного училища №2 в уже указанном выше списке, приложенном к отчету ГЭК, и в письме директора училища №2 Крюкова. В отчете фигурируют эвакуированные из училища 1 502 чел., в числе которых 1249 учащихся, 171 наставник и 82 члена семьи. Эти данные отличаются от указанных в письме директора училища Крюкова 995 учащихся и 27 мастеров, из состава которых отмечены 60 чел., выбывших по причине болезни или смерти. Таким образом, 254 чел. или не покидали Ленинград, или были сокрыты Крюковым как выбывшие. В первом случае потери составили не более 0,6%, во втором (254+60)/ 12 получаем 26%. Какое количество учащихся РУ №2 было реально вывезено из Ленинграда, и каковы их реальные потери, остается загадкой. Это позволяет нам указать, что обычные в бюрократических отчетах приписки и недописки могли искусственно привести к завышенным показателям смертности, в то время как их авторы старались эту самую смертность скрыть.

Факты, выявленные при анализе как ранее не исследованных документов Главного управления трудовых резервов, так и уже известных, позволяют указать на наличие среди детей и подростков Ленинграда в июне 1941 г., по крайней мере, 36 700 юношей и девушек в большинстве 14–15 лет, прибывших из ряда областей РСФСР и Белоруссии. Контингент иногородних среди учащихся ремесленных и железнодорожных училищ составлял не менее 45%, школ ФЗО – 76%.

За период со второго полугодия 1941 г. и по конец 1944 г. через систему Трудовых резервов г. Ленинграда должно было пройти не менее 69 172 чел. Однако из этого количества было выпущено 29 569 чел., в том числе было вывезено в эвакуацию 23 132 чел. в январе – марте 1942 г., из которых выбыли, в том числе по причине болезней и смерти, не менее 6 124 чел. (умерло в пути 646 чел., отстали от эшелона 616 чел., госпитализированы в пути 1742 чел. и выбыли по неуказанным причинам 3 120 чел.). В наличии на 1 января 1945 г. имелось 22 900 чел. Помимо этого, 8 347 чел. были вывезены в эвакуацию в конце 1942 г., по данным ГЭК, подтверждение которым аналитическими сводками ГУ ТР отсутствует. В отчете Ремизова от 14 марта 1942 г. указывалось: «12/III отправлен последний эшелон, больше не будет, и просьба – деньги из Ленинграда не отзывать, так как их осталось мало»[1].

Возможно, желанием скрыть невыполнение плана, объясняются «дополнительная» мобилизация 8 099 учащихся в 1942 г. и неожиданная эвакуация еще 8 440 чел. во второй половине 1942 г.

Все потери учащихся ГУТР в г. Ленинграде, включая эвакуированных, за вычетом выпустившихся, должны были составить не менее 16 703 чел., или около 24%.

---

1 ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 199. Л. 10.

Таким образом, организация эвакуации преподавателей, сотрудников, а также студентов и учащихся профессиональных учебных заведений Ленинграда в 1942 г. сопровождалась большими потерями, вынужденной реэвакуацией. В то же время она способствовала спасению жизни значительной части вывезенных людей, кроме того было осуществлено быстрое налаживание подготовки специалистов в тылу, была сохранена значительная часть высококвалифицированных кадров.

4.5. Организация реэвакуации гражданского населения в Ленинград в 1944–1945 годах

Реэвакуации ленинградского населения в 1944 – 1945 гг. уделено мало внимания исследователями, в то время как ее организация позволяет судить об эффективности мер по спасению населения в эвакуации.

Существуют различные *способы периодизации реэвакуационных процессов*.

Л. И. Снегирева настаивает на трех этапах реэвакуации, связанных с потребностями хозяйственного восстановления освобождаемых районов, а также с реорганизацией централизованной системы управления этими процессами[1]. Она обращает внимание на правовую регламентацию переселения гражданского населения как на критерий периодизации данного процесса соответственно хозяйственной и военной необходимости.

И. А. Карпенко предлагает считать началом подготовки к реэвакуации в Ленинград 1943 год. Начало реэвакуации исследовательница связывает с 18 марта 1944 г., когда была создана комиссия по реэвакуации при Ленгорисполкоме, которая, вместе с существующим бюро по учету и распределению рабочей силы, принялась составлять списки въезжающих, оформлять вызовы в город, распределять прибывающих граждан по предприятиям и учреждениям[2]. Следует сказать, что отдельные группы населения реэвакуировались и раньше. Так, в связи с необходимостью восстановительных работ в ноябре – декабре 1943 г. происходил призыв в ремесленные училища 2000 юношей и девушек, эвакуированных из Ленинграда и находившихся в детдомах и интернатах Кировской, Курганской, Омской областей[3].

В связи с этим целесообразно воспроизвести структуру управления процессами

---

1 *Снегирева Л. И.* К вопросу о периодизации реэвакуационного процесса // Вестник Кемеровского государственного ун-та. – 2015. – №2, т. 6. С. 201–204.

2 *Карпенко И. А.* Восстановление Ленинграда в 1943–1948 гг.: социально-демографический и бытовой аспекты. Автореф. дисс. … к. и. н. – СПб., 2007. С. 14, 15.

3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 222. Л. 90–102об.

переселения. С 24 июня 1941 г. эвакуацией руководил Совет по эвакуации при СНК СССР, который с 31 января 1942 г. был заменен Отделом по хозяйственному устройству эвакуированного населения СНК РСФСР. С 14 августа 1945 г. этот отдел вернул себе довоенное наименование – Главное переселенческое Управление при СНК СССР. В его составе находился отдел по реэвакуации и репатриации, существовавший до 1950 г.

Кроме того, организацией реэвакуации с февраля 1943 г. занимался отдел по реэвакуации материальных ресурсов и населения, входивший в Управление по восстановлению хозяйства в освобожденных районах при Госплане СССР. При СНК СССР действовал комитет, курировавший эту сферу. При всех наркоматах были организованы спецкомиссии с отделами по реэвакуации населения[1]. Органы управления эвакуацией меняли не только название, но и ведомственное подчинение: находились в ведении то СНК СССР, то СНК РСФСР.

На наш взгляд, процессу реэвакуации населения СССР более соответствует периодизация М. Н. Потемкиной, которая привязана к основным документам государственной власти, регламентировавшим реэвакуацию населения, соответственно ходу военных действий. Ею выделяются четыре периода реэвакуации: с декабря 1941 г. по осень 1943 г.; с зимы 1943/44 г. по май 1945 г.; с мая 1945 г. по лето 1946 г.; с лета 1946 г. по 1948 г.[2] В то же время, учитывая особенности реэвакуации ленинградских детей с территории Ленобласти летом 1941 г., для населения Ленинграда необходимо уточнить начало первого этапа: с июля 1941 г. Летом 1942 года ситуация вынужденной реэвакуации из-за начавшегося наступления немцев и оставления части населения на оккупированной территории повторилась для преподавателей и студентов ленинградских вузов, эвакуированных на Северный Кавказ. До сих пор не исследована судьба ленинградцев, эвакуированных летом 1942 г. в Сталинград.

Таким образом, следует согласиться с М. Н. Потемкиной, что характер трудностей в осуществлении эвакуации и реэвакуации составляет единое целое с характером войны.

Политико-правовые мероприятия Советского правительства по осуществлению массовой реэвакуации ленинградского населения в 1944–1945 годах были неразрывно связаны с решением задач по восстановлению ленинградской промышленности и городского хозяйства.

Вплоть до весны 1944 г. въезд в Ленинград гражданского населения практически не осуществлялся, за исключением персональных вызовов специалистов: медиков и пр. Вместо выезжавшего массовым порядком гражданского населения ввозились воины для пополнения Ленинградского фронта и Балтийского флота: только в июне 1942 г. было переправлено с восточного

1 *Снегирева Л. И.* Указ. соч. С. 203–204.
2 *Потемкина М. Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. – Магнитогорск, 2002. С. 175.

берега Ладоги около 58 тыс. человек, в июле – 43 тыс.[1] Известие о снятии блокады Ленинграда в январе 1944 г., которое появилось в центральной печати, незамедлительно вызвало активную переписку руководителей учреждений, в том числе детских, с органами власти относительно разрешения им вернуться в Ленинград[2].

Реэвакуация в Ленинград началась в соответствии с Постановлением ГКО от 29 марта 1944 г. №5509сс «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 году»[3]. Наркоматы должны были ввезти 30 тыс. рабочих, инженерно-технических служащих вместе с семьями. В дальнейшем, согласно решениям ГКО и СНК СССР о реэвакуации организаций, в том числе учебных заведений, в апреле – сентябре 1944 г. планировалось увеличение населения Ленинграда на 378 161 чел. Эти планы не были выполнены. По данным Статистического управления г. Ленинграда, с 1 октября 1943 г. по 1 декабря 1944 г. работающее население города увеличилось только на 200 916 чел., в число которых вошли 23 278 чел. (11,6%), ранее не проживавших в нем[4].

Основной причиной снижения темпов реэвакуации явилась необеспеченность социально-бытовыми условиями, прежде всего жильем. В связи с этим уже 3 июля 1944 г. заведующий Городским бюро по учету и распределению рабочей силы А. П. Смирнов обратился с докладной запиской к А. А. Жданову о необходимости просить ГКО и СНК СССР «до 1/X с.г. [1944] запретить всем наркоматам и ведомствам входить в правительство с вопросами о реэвакуации в Ленинград предприятий и организаций, а также с вопросами о ввозе в Ленинград рабочих, ИТР и служащих»[5].

Упорядочение переселенческих и грузовых потоков в этот период связано с постановлениями СНК СССР от 5 января 1944 г. №6 «О порядке реализации невостребованных и бездокументарных грузов на станциях железных дорог, пристанях и в портах»[6] и ГКО от 7 июля 1944 г. №6146 «О порядке передвижения граждан по водным путям сообщения Союза ССР»[7].

Въезд в Ленинград был возможен только при наличии специальных пропусков, выданных органами НКВД, и разрешения Ленгорисполкома Совета депутатов трудящихся. Однако, в связи

---

1 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. С. 28, 98.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 1240 (Материалы и переписка о реэвакуации учреждений). Лл. 267.

3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 2: 1944–1945. С. 183; РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 222. Л. 131–239.

4 От войны к миру: Ленинград. 1944–1945. Сб. документов / Арх. ком. С. -Петербурга, Центр. гос. архив ист.-полит. док. С. -Петербурга; отв. ред. Н. Б. Лебедева; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. – Санкт-Петербург: Лики России, 2013. С. 109–110.

5 Там же. С. 64–65.

6 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 223. Л. 12–22.

7 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 2: 1944–1945. С. 376.

с началом массовой реэвакуации, пропуска в Ленинград стали выдавать органы НКВД и отделы милиции других краев и областей. Так, в первом квартале 1944 г. было задержано 12 728 чел. с неправильно оформленными документами, в апреле 1944 г. – уже 13 175 чел. Люди ехали в топках вагонов, в багажном отделении, под лавками, даже на крышах. Несовершеннолетних детей везли под скамейками, в корзинах[1].

С 1 января и до конца 1944 г. в город въехали 4070 учащихся школ, большинство которых были оставлены на повторный курс или получили экзаменационные испытания на осень[2].

Стремлению вернуться в Ленинград способствовало Постановление СНК СССР от 16 августа 1944 г. №1104 «О компенсации при возвращении работников из эвакуации к месту прежней работы»[3]. Но, в соответствии с Постановлением ГКО от 3 сентября 1944 г. №6496с «Об ограничении в 1944 г. реэвакуации в г. Ленинград учреждений, институтов, предприятий и рабочей силы»[4], процесс реэвакуации в Ленинград был приостановлен, причем даже в тех случаях, когда имелось ходатайство Наркомата обороны СССР и разрешение исполкома Ленгорсовета[5].

Массовая реэвакуация ленинградского населения и учреждений началась только в 1945 г. Одними из первых возвращались вузы и НИИ, согласно распоряжениям ГКО: от 1 декабря 1944 г. №7056 о реэвакуации в Ленинград научно-исследовательских институтов и учреждений АН СССР в I квартале 1945 г. и от 1 декабря 1944 г. №7057 о реэвакуации в Ленинград студентов и преподавателей ленинградских вузов и членов их семей[6].

Реэвакуация детей из детских учреждений началась не ранее 29 мая 1945 г. Согласно распоряжениям ГКО от 22 марта 1945 г. №7907 и СНК РСФСР от 26 апреля 1945 г. №927-р, в мае – июле 1945 г. из состава ленинградских детских учреждений, эвакуированных в 1941–1943 гг., подлежали возвращению только дети, родители которых проживали в тот момент в Ленинграде, и сироты в возрасте 14 лет и старше. С этой целью в местах эвакуации на базе лучших детских учреждений, возвращающихся в Ленинград, облкрайотделам народного образования и Наркомпросам автономных республик следовало организовать сводные детдома для ленинградских детей-сирот и детей фронтовиков, временно остающихся вне Ленинграда[7]. В мае – августе 1945 г. из 26 областей и республик планировалось вывезти более 45 310 чел. детей и взрослых из эвакуированных ленинградских детских учреждений[8].

---

1 От войны к миру: Ленинград. 1944–1945. С. 56–57.
2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 11. Д. 263. Л. 22.
3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 223. Л. 2.
4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 2: 1944–1945. С. 494.
5 От войны к миру: Ленинград. 1944–1945. С. 92–94.
6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 2: 1944–1945. С. 649.
7 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 1513. Л. 63, 81.
8 Там же. Л. 77, 78. Подсчитано мной по данным документа: из Алтайского края – 3 167, Горьковской области –

Две основные проблемы назывались ленинградским руководством при обсуждении вопроса реэвакуации детей в 1944–1945 гг.: отсутствие жилого фонда и материальной базы детских учреждений, с одной стороны, отсутствие в Ленинграде родственников у большинства детей, с другой.

Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 12 ноября 1942 г. были даны обязательные для всех судебных органов указания о том, что за всеми эвакуированными (как взрослыми, так и детьми) в индивидуальном порядке, а также вместе с учреждениями, сохраняется жилая площадь, которую они занимали до эвакуации. Однако потери жилого фонда в Ленинграде в результате вражеских действий составляли более 20%, или около 3 млн кв. м. Бомбежками были уничтожены 22 и повреждены 393 школьных здания, уничтожены или повреждены 195 детских учреждений (детских яслей, детских садов, детских домов). Материальный ущерб, нанесенный школам и детским учреждениям, составлял 217 402 тыс. рублей[1].

Реэвакуация детских учреждений требовала скорейшего восстановления фондов, строительства и ремонта зданий и сооружений уже в 1944 – начале 1945 г. В августе – сентябре 1944 г. в Ленинграде были приняты меры по расширению сети учреждений охраны детства и материнства (детские ясли, дома малютки, детские сады, детские поликлиники, женские консультации, молочные кухни и раздаточные пункты молока, родильная и гинекологическая сети) из расчета увеличения населения к концу года до 1 020 000 чел.

В городе не хватало самого необходимого, в том числе ходовых размеров детской обуви, из-за чего школьники приходили на занятия в тапочках или босиком. 16 сентября 1944 г. было принято постановление ГК ВКП(б) №124/5 о необходимости изменения ассортимента детской обуви, которое к октябрю 1944 г. было выполнено фабриками[2].

В связи с реэвакуацией возникла и проблема транспортных расходов. Согласно запросу из Новосибирского областного отдела народного образования (облоно) от 8 сентября 1945 г. расходы на реэвакуацию детских домов должны были составить 50 591 рубль. В соответствии с распоряжением СНК РСФСР от 26 апреля 1945 г. №927-р эти расходы были отнесены на счет областных и краевых исполкомов, отправляющих детдома в Ленинград. Им разрешалось расходовать эти средства в пределах местных бюджетов на 1945 г.[3]

1935, Кировской – 5 418, Кемеровской – 2133, Красноярского края – 1548, Курганской области – 1786, Челябинской – 2315, Краснодарского края – 884, Костромской области – 4431, Ярославская – 4396, Свердловская – 1944, Татарской АССР – 932, Армянской ССР – 100, Куйбышевской области – 100, Вологодской – 110, Ульяновской – 100, Ставропольского края – 100, Киргизской ССР – 150, Марийской АССР – 120, Молотовской области – 3078. В отношении Ивановской, Владимирской (1054), Омской, Тюменской (7285), Новосибирской и Томской областей (2227) количество детей и сотрудников требовало уточнений.

1 Ленинград в осаде. С. 559–561, 567–568.

2 От войны к миру: Ленинград. 1944–1945. С. 82–83.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 1513. Л. 179, 180.

Из-за недостаточного финансирования допускались серьезные нарушения: к детским эшелонам прицепляли товарные вагоны с грузами, задерживали их движение. 21 июля 1945 г. в Ленгорисполком поступила телеграмма о движении детского эшелона из Свердловска, который был направлен через товарные грузовые парки, и 842 ребенка оказались лишены горячего питания, хлеба и кипятка[1].

С реэвакуацией связывали рост числа безнадзорных и беспризорных детей, хотя это вызывает сомнения из-за малого числа реэвакуированных в 1944 г. детей. В первом квартале 1944 г. было задержано 4 673 чел., а в четвертом квартале – 19 501 чел., всего же за год – 54 341 чел. Если в январе 1944 г. в Ленинграде существовал один приемник-распределитель для детей на 110 мест, то в течение года были открыты еще один в Ленинграде и один в Пушкине, в общем на 360 мест. Через них за 1944 г. прошли 12 228 детей. Приемники финансировались из бюджета Ленгорисполкома, при этом отсутствовали фонды их вещевого и продуктового довольствия. За весь 1944 г. для них было выделено Ленгорисполкомом всего 180 пар обуви, 250 детских платьев, 150 одеял. На основании распоряжения СНК СССР от 1 августа 1944 г. при всех отделениях милиции были открыты дополнительно 36 детских комнат, 28 из них находились в помещении отделений милиции. Со второго квартала 1944 г. в Ленинграде резко возросла преступность, особенно увеличилось число краж. За год за преступления были задержаны 1719 несовершеннолетних, из них 803 оказались круглыми сиротами[2].

Материальные и социальные трудности вызвали в среде партийных и советских руководителей Ленинграда дискуссию о том, кого следует реэвакуировать в Ленинград. Так, при обсуждении вопроса о реэвакуации ленинградского населения на партийном собрании членов ВКП(б) в Ленинградском городском отделе народного образования в 1945 г. Д. В. Павлов, Нарком торговли РСФСР (1939–1946), с 10 сентября 1941 г. уполномоченный ГКО по снабжению продовольствием Ленинграда и Ленинградского фронта, заявил: «Надо указать уполномоченным о необходимости правильно подбирать людей, чтобы привозили в Ленинград нужных людей, и брать от них обязательства работать в нашей системе, на 50% прибывают не нужные нам люди»[3]. Вопрос о сокращении числа лиц, прибывающих в Ленинград, и выселении тех, кто был эвакуирован в Ленинград в 1941 г. из Ленинградской области и Прибалтики, был поднят П. С. Попковым, председателем исполкома Ленинградского горсовета депутатов трудящихся[4]. Характерна резолюция А. А. Жданова на докладной записке П. С. Попкова: «Разделение на “чистых” и “нечистых” ленинградцев

1 Там же. Л. 141, 142.
2 От войны к миру: Ленинград. 1944–1945. С. 124, 145, 146, 175.
3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-285. Оп. 4. Д. 5. Л. 17, 18.
4 Ленинград в осаде. С. 559–561.

никуда не годится, предложение о выселении из Ленинграда эвакуированных в 1941 г. в Ленинград из районов области и из Прибалтики просто постыдно. Откуда этот барски-дворянский подход и разделение ленинградцев на черную и белую кость?»[1].

Таким образом, при организации реэвакуации можно было наблюдать социально-политические разногласия в среде ленинградского руководства, связанные с использованием планового механизма для управления социально-экономическими, демографическими процессами в конце войны.

Особое место занимал вопрос реэвакуации детских учреждений. Уже 25 мая 1945 г., согласно указанию Главного управления милиции НКВД СССР, начали выписываться пропуска на въезд в город Ленинград детям и сотрудникам эвакуированных из Ленинграда детских учреждений, а также детям, эвакуированным из Ленинграда родителями в индивидуальном порядке[2]. По распоряжению Главного управления милиции НКВД СССР от 19 июля 1945 г. №29/я/ 9071 для оформления пропусков на въезд детей и сотрудников детских учреждений, эвакуированных из Ленинграда, согласия Ленгорисполкома не требовалось[3].

При реэвакуации летом 1945 г. возник целый ряд вопросов, выраженных в запросе от 12 мая 1945 г. уполномоченного исполкома Ленсовета в Татарской АССР В. П. Акимова. Было не ясно: подлежат ли возвращению дети до 14 лет, потерявшие родителей в период войны; дети, о родителях которых ничего неизвестно; дети, отец и мать которых находились в Красной Армии и поддерживали с ними связь; дети, родители которых проживали вне Ленинграда; дети, родители которых, находясь в эвакуации, отказывались взять детей из интерната из-за необеспеченности; дети-сироты, один из которых был старше 14 лет и подлежал возвращению в Ленинград на трудоустройство, а другой – младше 14 лет; дети бывших сотрудников интерната, которые были уволены с работы по сокращению штата, но взять к себе детей не могли из-за материальной необеспеченности; дети, трудоустроенные на производство, но желающие возвратиться в Ленинград, особенно те, кто имели там родителей. Возникала проблема с возвращением сотрудников детских учреждений, выехавших из Ленинграда вместе с учреждением, но уволенных позднее по сокращению штата (имеющих жилплощадь и не имеющих); сотрудников, не имеющих жилплощади в Ленинграде[4].

Проблемы реэвакуации вызывали обеспокоенность руководителей детских учреждений. Переписка позволяет выявить как социально-экономические, так и психологические особенности

1 Там же. С. 561.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 1513. Л. 72.
3 Там же. Л. 154.
4 Там же. Д. 1514. Л. 43, 43об.

возвращения. В частности, многие детские дома превратились постепенно в небольшие коммуны, обеспечивающие себя всем необходимым, и это наложило печать на их быт, который они стремились сохранить. В одном из писем на имя П. С. Попкова, председателя исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, от 12 февраля 1945 г. содержится описание быта детского дома №115 (директор Л. Д. Галуткина, Ярославская область, Угличский район, село Прилуки), созданного в эвакуации из яслей Ленинградского полигона. 15 июля 1942 г. ясли были эвакуированы в Ярославскую область. Длительный период дети ютились, где придется, но к 1943 г. был выстроен деревянный двухэтажный дом, создано подсобное хозяйство (коровы, овцы, свиноматки, куры, гуси и лошади), организованы рыболовецкая бригада, валяльная и овчинная мастерская для обеспечения детей зимней одеждой и обувью. Детский дом получил переходящее Красное знамя как победитель социалистического соревнования по воспитательной и хозяйственной работе в Ярославской области. К весне 1944 г. в детском доме находилось 179 детей, 61 % из которых имели только отцов-фронтовиков (матери погибли в блокаду) и 39% – матерей, оставшихся в городе[1].

Сохранилась подробная переписка с Ленгорисполкомом руководителей более 67 детских учреждений по реэвакуации из Армянской ССР, Алтайского края, 18 областей РСФСР[2]. Педагоги беспокоились о судьбах детей-сирот. Так, работники детсада обувной фабрики «Пролетарская Победа» в письме просили разрешить вернуться в город детям, чьи родители, рабочие, умерли в блокаду[3].

В процессе возвращения детей в ряде случаев возникала необходимость карантина в связи с высокой заболеваемостью в эвакуации. Например, 50% детей детдома №73 Володарского района болели малярией; массовые заболевания малярией отмечались также в Хакассии и Красноярском крае – 46 детей из 36 интернатов; имелись случаи массового заболевания стригущим лишаем (26 детей детдома Октябрьского района)[4]. Для предотвращения эпидемий к 1 марта 1945 г. на Волховстрое был организован санитарно-контрольный пункт, через который в Ленинград поступало население из опасных эпидемиологически местностей[5].

Организация реэвакуации и ее трудности горячо обсуждались на собраниях первичных организаций ВКП(б) Ленгороно и Ленгорздравотдела. Среди первоочередных задач был прием детей в специальных приемниках, из которых они раздавались родителям.

Первый эшелон с реэвакуируемыми детскими учреждениями прибыл 2 июня 1945 г. из

1 Там же. Д.1514. Л. 10, 10об, 11, 11об.
2 Там же. Д. 1513. 189 л.; Д. 1514. 119 л.; Д. 1240. 267 л.
3 Там же. Д. 1514. Л. 35, 36.
4 Там же. Д. 1240. Л. 228, 229, 253, 254; Д. 1513. Л. 134.
5 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 2. Д. 9. Л. 34.

Ивановской области. Во время приема эшелонов присутствовал представитель Наркомпроса РСФСР. Дети были хорошо одеты и в хорошем состоянии. Такими же были дети остальных 8 эшелонов, прибывших к 25 июня 1945 г., за исключением некоторых детей из Кировской области. К этому времени вернулись 5 800 детей. Из них 4 875 были переданы родителям, 725 детей устроены в училища Трудовых резервов, 100 направлены в детский дом, 100 детей прибывших оказались не устроены[1].

В июле – августе 1945 г. обострилась проблема обустройства детских приемников. Мест в приемниках стало не хватать. Так, в Володарском приемнике на 300 местах было размещено 600 человек. Дети спали по двое на одной кровати, даже в изоляторе. К беспризорным детям в приемниках НКВД прибавлялись мелкие правонарушители[2].

Всего в 1945 г. в детприемниках насчитывалось 550 мест, через которые прошли 2 969 детей. До 36 % задерживались в них на срок более 14 дней. Среди причин задержки детей в докладной записке начальника Управления НКВД по г. Ленинграду и Ленинградской области, комиссара госбезопасности И. С. Шикторова назывались: нарушение директивы Главного управления трудовых резервов при СНК СССР от 19 июня 1943 г. №322/407-с о принятии в ФЗО и ремесленные училища всех подростков 14–16 лет, находящихся в приемниках-распределителях; задержка выдачи путевок в детский дом в связи с карантином; медленное трудоустройство детей[3].

14 августа 1945 г. П. Г. Лазутин, секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по пищевой промышленности, указал на прекращение реэвакуации детских учреждений в Ленинград и беспрепятственное возвращение детей в индивидуальном порядке[4].

Настроения провожавших детей передает письмо трудящимся Ленинграда от Каргатского райисполкома Новосибирской области от 24 августа 1945 г. полное искренней заботы о ребятах: «(…) Примите же, дорогие товарищи ленинградцы, своих детей, растите их здоровыми, сильными. Пусть крепко любят свою Родину, свой народ. Пусть будут, благодаря нашей партии и Великому Сталину, окружены их вниманием и любовью. Пусть пронесут через всю жизнь признательность к Сибири и сибирякам, в суровые годы войны растившим и лелеявшим их. Председатель исполкома Райсовета Фомин»[5]. Идеологическая окраска не может скрыть от нас искренность чувств.

Общие выводы к главе: Одним из основных направлений в спасении людей являлась их

1 Там же. Ф. Р-285. Оп. 4. Д. 5. Л. 17.
2 Там же. Ф. Р-1538. Оп. 2. Д. 9. Л. 75, 76.
3 От войны к миру: Ленинград. 1944–1945. С. 145–146, 175.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 1514. Л. 72.
5 Там же. Д. 1513. Л. 181.

эвакуация из мест, приближенных к зоне военных действий. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г., вывоз населения и ценных грузов осуществлялся местными органами Советской власти по заданиям Совета по эвакуации СНК СССР и Военных Советов фронтов. Таким образом, были институционально проработаны[1] две стратегии эвакуации:

Во-первых, эвакуация, осуществляемая военным руководством из прифронтовой полосы за пять-семь дней до начала военных действий. Население двигалось пешком по специально выделенным полосам грунтовых дорог. Целью данной эвакуации было сохранение населения. Распоряжение оставленным имуществом и материальными ценностями в Ленинграде и пригородах с целью его сохранности согласовывалось с П.С. Попковым, как председателем Ленгорисполкома и членом Совета по эвакуации.

Во-вторых, эвакуация населения Советскими органами власти, осуществляемая под руководством Совета по эвакуации, позднее Комитета по эвакуации ГКО, далее Переселенческой комиссии СНК РСФСР. Административный аппарат Совета по эвакуации и Переселенческой комиссии формировался из работников ВЦСПС. Эта эвакуация делилась на несколько потоков: эвакуация с учреждениями, предприятиями, организациями, в том числе детскими; эвакуация с семьями, в том числе инвалидов, и индивидуальная.

Основными задачами при организации эвакуации являлись не только вывоз из зоны военных действий и обеспечение безопасности в пути, но и хозяйственное обустройство, жизнеобеспечение, включение в трудовую деятельность населения на месте эвакуации. В целом такая форма организации эвакуации была наиболее эффективной и способствовала сохранению большинства эвакуируемых.

Протоколы заседаний Совета по эвакуации СНК СССР, протоколы заседаний СНК РСФСР, а также финансовые документы Ленгорисполкома позволяют установить, что первоочередные мероприятия по спасению гражданского населения Ленинграда были направлены на эвакуацию детей и подростков (от 0 до 15 лет) с детскими учреждениями, а также инвалидов. При организации эвакуации ленинградского населения в 1941–1942 гг. осуществлялось финансирование как за счет средств, выделяемых по мобилизационным планам из местного бюджета на военные расходы, так и за счет дополнительных средств, выделяемых из бюджета РСФСР. Советом по эвакуации СНК СССР принимались меры для обеспечения эвакуируемых бесплатным продовольствием в пути, в том числе созданием необходимых запасов. Помимо этого, выдавалась материальная помощь из местного бюджета г. Ленинграда. Принимались меры по социальной защите эвакуированных, их психической и физической реабилитации, а также по включению их в

1 Институциональная проработка, экон. – подготовка правовой инфраструктуры

полноценную хозяйственную, учебную, научную, иную значимую деятельность в тыловых районах.

В ходе исследования были установлены факты, свидетельствующие о проблемах и трудностях организации эвакуации гражданского населения Ленинграда, в первую очередь – детей и подростков (от 0 до 15 лет) с детскими учреждениями, а также инвалидов. Постановления об эвакуации из Ленинграда детей и женщин с детскими учреждениями принимались СНК СССР, СНК РСФСР и Советом по Эвакуации при СНК СССР неоднократно в течение июня – августа 1941 г. В то же время не все запланированное удалось выполнить, в связи с объективными трудностями военного времени.

Необходимо отметить, что расходы на эвакуацию детей с детскими учреждениями распределялись между городским бюджетом и родителями. Причем большая часть расходов Ленгорисполкомом относилась на счет бюджета: до 68%. Помимо указанных мер по обеспечению эвакуируемых, выдавалась материальная помощь из местного бюджета г. Ленинграда. В феврале 1942 г. было принято решение СНК РСФСР о дополнительном финансировании эвакуированных ленинградцев, и особенно ленинградских детей, из средств местных бюджетов. Помимо выделяемой помощи из местного бюджета и бюджета РСФСР, эвакуируемым оказывалась финансовая помощь из средств СНК СССР. Так, с 16 февраля по 27 июня 1942 г. было отпущено 13 555 тыс. рублей, в том числе 1 910 тыс. на единовременную помощь.

Сравнительный анализ статистических сводок и отчетов ГЭК позволяет утверждать, что количество людей, реально перевезенных через Ладожское озеро с января 1942 по 1 апреля 1943 г., следует считать около 915 тысяч. Около 38% эвакуированных в 1942 г. не добрались до места назначения. В то же время анализ документов позволяет указать на приписки эвакуированных, причиной которых была методика составления отчетов. За основу отчетов брался план, как правило отражавший неточную картину в связи со смертностью, выбытием или пропажей «без вести» эвакуируемых лиц до начала эвакуации. Установлено, что такие расхождения в отдельных случаях составляли: от 6 до 15 %%. Таким образом, до места назначения по разным причинам могли не добраться от 18 до 30%% выехавших из города, или в среднем 24-25%.

Всего за период 1941–1943 гг. удалось эвакуировать около 1 300 тысяч ленинградского населения, проживавшего в городе на начало войны. Официальные данные по эвакуации 1 743 тысяч чел. включали неленинградское население и красноармейцев, а также лиц, находившихся на территории Ленинградской области по трудовым мобилизациям, кроме того, имелись статистические ошибки. Несмотря на трагические условия блокады удалось спасти не менее 60% гражданского населения Ленинграда, благодаря системе политико-правовых, медико-педагогических мероприятий, в том числе взаимодействию военных и гражданских органов власти и управления.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОВЕТСКИМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЮ ЛЕНИНГРАДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1941–1944 ГОДАХ

5.1. Основные направления, механизмы и результаты обеспечения финансовыми ресурсами ленинградского населения

Обеспечение финансовыми ресурсами населения Ленинграда включает в себя несколько аспектов: во-первых, размеры должностных окладов во время войны и условия выплаты зарплаты в осажденном Ленинграде; во-вторых, финансовое обеспечение семей военнослужащих, а также выплата социальных и страховых пособий инвалидам войны, их семьям и прочим категориям нуждающихся граждан; в-третьих, источники и размеры финансирования чрезвычайных расходов, направленных на спасение гражданского населения; в-четвертых, налогообложение ленинградского населения в период войны.

Проблема размеров должностных окладов в период войны, в том числе в блокированном Ленинграде, и условий их выплат практически осталась вне научных исследований. Тем более в лакунах оказались вопросы финансового обеспечения отрядов самообороны и их семей.

В статье А. В. Зотовой представлены оклады некоторых категорий интеллигенции, а также приведены размеры средней заработной платы в 1941 г.: рабочих – 442 руб., служащих – 392 руб., инженерно-технических работников (далее ИТР) – 982,5 руб., административно-хозяйственного персонала – 440 руб. (по Всесоюзному государственному тресту по проектированию и изысканиям тепловых и электрических станций, сетей и подстанций)[1].

Война внесла существенные коррективы как в систему денежных выплат, так и в размеры окладов. Ниже рассмотрим некоторые аспекты изменений денежных окладов в 1941–1943 гг. работников строительных организаций и строительно-восстановительных отрядов Местной противовоздушной обороны (далее МПВО), рабочих наиболее ответственных участков (железные дороги, танковая промышленность, производство боеприпасов), интеллигенции (научных работников, учителей школ, преподавателей высших и средних специальных учебных заведений).

Минимальные и максимальные размеры должностных окладов, фонды заработной платы, размеры социальных пособий и пенсий определялись постановлениями СНК СССР, Указами Верховного Совета СССР, но конкретизировались Ленгорисполкомом при формировании

1 *Зотова А. В.* Материальное стимулирование советской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны // Интеллигенция и мир. – 2014. – №3. – С. 33–42.

финансового плана и утверждались Наркоматами финансов СССР и РСФСР.

Социально-экономическая политика в отношении должностных окладов как накануне, так и в период войны, предполагала гибкую систему поддержки прежде всего тех категорий работников, значимость которых несправедливо преуменьшалась, что отмечалось в текстах постановлений СНК СССР. Для Ленгорисполкома была характерна такая же позиция: поддержать те направления, которые наиболее необходимы, например, МПВО.

В начале июня 1941 г., перед самой войной, были повышены должностные оклады в строительных организациях Ленгорисполкома. В среднем повышение окладов составило 18,7%, увеличив месячный фонд заработной платы работников стройорганизаций Ленгорисполкома на 252 тыс. рублей[1]. Должностные оклады регламентировались постановлением Экономического совета при СНК СССР. Но реальные оклады по Ленгорисполкому начислялись в пределах, указанных в постановлении, составляя от них около 62,5%. За ориентир брались оклады, принятые в Моссовете, и составляли в среднем от них 75%. (Таблица 17)[2].

Данные оклады можно сравнить с представленной на утверждение П. С. Попкову, председателю Ленгорисполкома, сводной штатной ведомостью личного состава отдельного ремонтно-монтажного батальона МПВО г. Ленинграда на август 1941 г., всего численностью на 516 чел. Рядовые бойцы данного батальона МПВО получали оклад 525 руб. как районные механики, а начальник штаба 1 250 руб. как начальник управления. Можно отметить также, что, по сравнению с мирным временем, зарплата как рядовых бойцов МПВО, так и начальствующего состава выросла в среднем на 10–15%. (Таблица 18)[3].

Постановлением ГКО от 9 июля 1941 г. №81 «Об образовании в местностях, объявленных на военном положении, городских аварийно-восстановительных отрядов местной противовоздушной обороны» исполкомы горсоветов обязаны были обеспечить отряды необходимым оборудованием, а также помещениями, питанием и спецодеждой[4]. 16 июля 1941 года вышло постановление ГКО №174с «О сохранении зарплаты за рабочими и служащими, призванными в аварийно-восстановительные отряды местной противовоздушной обороны», согласно которому дополнительные доплаты на питание рабочим и служащим отрядов не полагались[5].

Противоречия между этими документами вызвали в августе 1941 г. конфликт между П. С. Попковым и И. В. Гужковым, возглавлявшим Ленгорфо. 18–20 августа 1941 года по поручению СНК РСФСР и Наркома финансов РСФСР А. А. Посконова была проведена ревизия

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20 (Переписка по финансовым вопросам. 23 января – 16 декабря 1941). Л. 70.
2 Там же. Л. 56–69.
3 Там же. Л. 83–84.
4 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 271
5 Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 151.

чрезвычайных расходов по местному бюджету на оборону Ленинграда. В отчете начальника 1-го сектора Военного отдела НКФ РСФСР Е. Бура указывалось на нарушения постановления СНК СССР об отнесении расходов на питание аварийно-восстановительных отрядов МПВО на счет заработной платы и постановления ГКО от 16 июля 1941г. №174с [1]. Ранее, 4 июля 1941 г., имел место конфликт между П. С. Попковым и заведующим финансовым отделом Ленгорисполкома (далее Ленгорфо) И. В. Гужковым по вопросу финансирования обмундирования личного состава штаба МПВО[2], который также мог дать себя знать в итоговом отчете ревизора.

Точка зрения Попкова о необходимости оплаты питания и вещевого довольствия за счет местного бюджета видимо победила. При переводе на казарменное положение смета расходов на ПВО и особых расходов по г. Ленинграду на I квартал 1942 г., утвержденная НК финансов СССР, не предусматривала фонд заработной платы. Но на содержание 16 149 человек ПВО было выделено 5 329 тыс. рублей, из расчета по 3 руб. в день на питание, 20 руб. в месяц на прочие расходы. В среднем на человека это составило 110 руб.[3]

Жизненно-важным вопросом было обеспечение выплаты зарплаты рабочим, а также денежных сбережений, хранившихся в сберкассах.

Несмотря на предпринимаемые меры, налицо был финансовый голод, который сказывался в задержке кредитования банками как законсервированных, так и работающих ленинградских промышленных предприятий для выплаты заработной платы. Кроме того, из-за отсутствия страховых средств у профсоюзов, за счет фонда заработной платы стали осуществляться выплаты по больничным листам (см. ниже). Таким образом, со второй половины декабря 1941 г. начала расти задолженность по заработной плате на предприятиях оборонной и текстильной промышленности г. Ленинграда, одновременно возникла и задолженность ленинградских профсоюзов перед предприятиями. Для решения этих проблем потребовалось вмешательство СНК СССР.

На 1 февраля 1942 г. сумма задолженности по заработной плате предприятий союзной и республиканской промышленности достигла 117,1 млн. рублей из-за отсутствия на расчетных счетах предприятий средств. В связи с этим Ленгорисполком обратился с просьбой к заместителю Председателя СНК СССР Н. А. Вознесенскому дать указание Ленинградской городской конторе Госбанка о предоставлении ссуд предприятиям для выдачи зарплаты за декабрь 1941 г. и январь 1942 г. В прилагаемых списках Ленинградской городской конторы Госбанка фигурировали 121 предприятие. В том числе: 12 предприятий Наркомата судостроительной промышленности с

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 98–108.
2 Там же. Л. 85 (Записка зав. Ленгорфо от нач. Сектора Обороны исполкома Ленгорсовета на в/№721 с от 4 июля 1941 г.)
3 Там же. Д. 49. Л. 22.

общей суммой необеспеченной финансовыми средствами задолженности по зарплате 19 853 тыс. рублей (далее т.р.); 4 предприятия Наркомата вооружения с суммой задолженности 24 047,5 т. р.; 2 по Наркомату боеприпасов с суммой долга 11 127 т.р.; 4 предприятия Наркомата авиационной промышленности с суммой долга 3 775,2 т.р.; 6 предприятий Наркомата электропромышленности – 8 109,1 т.р.; 1 предприятие Наркомата резиновой промышленности – 517,2 т.р., 1 предприятие Наркомата химической промышленности – 172,4 т.р.; 2 предприятия системы ЛОВСУ с суммой долга 131,8 т.р.; завод №174 НК танкопрома с суммой долга 2 329 т.р. Всего по 33 указанным предприятиям оборонной промышленности, где зарплата была начислена, но не выплачена, сумма долга по зарплате, не перекрываемая остатками на расчетных счетах предприятий, составила 67 733,2 т.р.. Еще 49 744 т.р. составляла задолженность по 88 предприятиям, где фактического начисления зарплаты за декабрь и январь даже не было произведено и брались суммы, исходя из начисленной зарплаты за ноябрь 1941 г., в том числе по Кировскому заводу с суммой задолженности по зарплате в 4 150 т.р.[1]

Необходимо заметить, что указанные в сводках предприятия напряженно работали весь декабрь 1941 г. и январь 1942 г. Их оборонный характер означал, что невыход или опоздание на работу на данных предприятиях грозили уголовным наказанием, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 г. Так, в письме начальника Управления Наркомюста по г. Ленинграду И. А. Рыхлова секретарям Ленинградского ГК ВКП(б) А. А. Кузнецову и Я. Ф. Капустину, а также председателю Ленгорисполкома П. С. Попкову от 17 июня 1942 г. отмечалось, что за пять месяцев 1942 г. в Народные суды города поступило 5 259 дел на прогульщиков, из них в январе – 716 дел, в феврале – 273 дела. 90,5% лиц, совершивших прогул за январь – март, судами были приговорены к максимальному сроку наказания, против 80,1% приговоренных за тот же период 1941 г. В то же время выносились и оправдательные приговоры, так как «нередки случаи, когда материалы в суды передаются на людей, которые отсутствовали на работе по уважительным причинам (наличие бюллетеня о болезни, оказание помощи близким – мужу, детям, находящимся при смерти и т.д.»[2].

Даже в условиях перебоев с подачей электрического тока на данных предприятиях работы продолжались. Причем рабочие запускали машины вручную, подключали газогенераторные установки и производили продукцию необходимую фронту. В результате отсутствия денежных средств, невыдач продуктов по карточкам, имевших место в декабре 1941 г., и усиленной работы, смертность кадровых рабочих на оборонных предприятиях в декабре – январе 1942 г. приобрела

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 49. Л. 29, 35,36, 37–41. В документе указана часть, не перекрываемая суммами расчетного счета. То есть реальная задолженность была выше.

2 Там же. Д. 57. Л. 164, 165, 165об.

катастрофический характер[1].

В то же время, из средств фонда заработной платы в указанное время осуществлялись страховые выплаты по больничным листам. При этом в среднем на одного рабочего приходилось за 1942 г. до 23 дней по больничному листу[2]. Задолженность ленинградских профсоюзов по страховым выплатам перед предприятиями в августе 1942 г. была частично погашена за счет средств ВЦСПС (см. ниже).

Тяжелое сложилось положение у ленинградских текстильщиков, в течение длительного времени неполучавших заработной платы. Сумма задолженности по зарплате у предприятий текстильной промышленности, непокрытая остатками на расчетном счету, которая фигурировала в справке, составляла 16 112 т.р.[3] В связи с этим были приняты: Постановление СНК СССР от 4 марта 1942 г. №293 «Об оплате простоев рабочих на предприятиях текстильной промышленности» (о выплате зарплаты рабочим текстильных предприятий за дни вынужденных простоев из-за отсутствия электроэнергии и топлива в марте 1942 г. в виде исключения в размере 2/3 тарифной ставки)[4] и Постановление СНК СССР от 29 апреля 1942 г. №596 «Об отпуске средств на выплату заработной платы рабочим и служащим предприятий Наркомтекстиля СССР в г. Ленинграде», согласно которому Наркомфину СССР разрешалось выдать 10 млн. рублей для выплаты зарплаты рабочим и служащим предприятий Наркомтекстиля СССР, находящимся в Ленинграде[5].

Постановлением СНК СССР от 12 февраля 1942 г. №171 заместителю председателя правления Госбанка СССР В. Н. Емченко за беззаботное отношение к обеспечению Ленинграда наличностью был объявлен выговор. И. В. Сталин, зачеркнув фамилию Н. А. Вознесенского, лично подписал документ, отметив тем самым его значение[6].

Постановлением СНК СССР от 5 августа 1942 г. №1328 «О возврате предприятиям и учреждениям г. Ленинграда сумм, израсходованных ими на пособия по государственному социальному страхованию» ВЦСПС разрешалось, за счет сокращения перечислений из бюджета социального страхования в государственный бюджет, возвратить предприятиям и учреждениям Ленинграда суммы, затраченные ими на выплату пособий по болезни сверх причитающихся страховых взносов[7]. Таким образом, данная задолженность по соцстраху была погашена, по решению Секретариата ВЦСПС, за счет дополнительных ассигнований в сумме 15 млн. рублей, или 33%

---

1 См. также: *Дзенискевич А. Р.* Накануне и в дни испытаний (Ленинградские рабочие в 1938–1945) / Отв. ред. В. М. Ковальчук. – Л., 1990. С. 96, 98–99.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 13. Л. 9, 11.
3 Там же. Л. 39.
4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 275.
5 Там же. Д. 200. Л. 168–169.
6 Там же. Д. 197. Л. 279.
7 Там же. Д. 204. Л. 238.

от произведенных страховых выплат, которые были выплачены заводу им. Сталина (2 млн. руб.) и другим ленинградским предприятиям[1].

Начиная с 1942 г., постановлениями СНК СССР систематически повышались должностные оклады некоторым разрядам работников. С 1 марта 1942 г. были повышены оклады работникам железных дорог «для обеспечения гарантированного минимума заработной платы», в зависимости от категории депо, кондукторских резервов и узлов, а также от типа и вида паровозов, или электровозов и тепловозов. В качестве примера приведем оклады машинистов: от 475 до 700 руб., помощников машинистов: от 325 до 450 рублей, кочегаров паровозов: от 265 до 350 руб., кондукторов: от 170 до 500 рублей[2].

С 1 сентября 1942 г. в целях улучшения материального положения работников науки были увеличены оклады действительным членам и членам-корреспондентам Академии Наук СССР, а также действительным членам и членам-корреспондентам Академий Наук союзных республик, Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина и Академии архитектуры СССР. Например, должностной оклад за звание действительного члена АН СССР составил 3000 руб., за звание члена-корреспондента 1500 руб., оклад президента АН СССР, включая оклад за звание, – 7000 руб., директоров институтов – 2500 руб. Старшие научные сотрудники, имеющие ученое звание или ученую степень, получали 1 700 рублей, младшие научные сотрудники институтов АН СССР, имеющие ученую степень кандидата наук, – 900 рублей. Соответственно, повышались должностные оклады профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений. Профессора, заведующие кафедрами, имеющие степень доктора наук, получали до 2 300 руб., профессора кафедр, доктора наук – до 2000 руб. Ассистенты кафедр и преподаватели, имеющие степень кандидата наук, – до 1200 руб., а не имеющие ученой степени при том же стаже – 900 руб. Повышались также оклады научных сотрудников научно-исследовательских институтов. Минимальный оклад имели старшие научные сотрудники, не имеющие научной степени, непромышленных наркоматов – 800 руб.[3] 5 января 1943 г. был еще расширен контингент научных работников, получающих оклады по постановлению от 13 сентября 1942 г.[4]

В 1943 г. повышения должностных окладов начались в марте, когда были установлены ставки заработной платы для художественного, административного и технического персонала цирков и зверинцев. Так, оклады артистов клоунады составили от 500 до 1500 руб., дрессировщиков хищных зверей – от 700 до 2000 руб. Были также установлены разовые ставки для артистов

1 ЦГА СПб. Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.
2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 199. Л. 5–8.
3 Там же. Д. 205. Л. 187 – 191.
4 Там же. Д. 210. Л. 11 – 13.

цирков высшей категории в пределах 60–250 руб. за спектакль[1].

С 15 апреля 1943 г. были повышены тарифные ставки рабочих, инженерно-технических работников (ИТР) и служащих предприятий по ремонту танков Наркомата танковой промышленности СССР. Минимальная оплата часа сдельщика на холодных работах составляла 85 коп., на горячих – 1 руб. Коэффициент, повышающий зарплату рабочего, для 6 разряда составлял 2,5; для 7 разряда – 3; 8 разряда – 3,6. Для рабочих и ИТР, непосредственно занятых ремонтом танков и дизелей, вводилась премиальная оплата труда. За танк КВ платилось до 4000 руб., за танк Т-34 до 3000 руб., дизель В-2 до 1500 руб. Размер премии устанавливался начальником ремонтной базы в зависимости от объема и характера ремонта. Для ИТР и служащих данных предприятий вводились оклады: начальник ремонтной базы – 1500 руб., главный инженер – 1500 руб., мастер 800–900 руб., инженер 650–900 руб. С 1 мая 1943 г. вводились Положения о прогрессивно-сдельной оплате труда рабочих, а также о премиальной системе оплаты труда рабочих-повременщиков, о премировании руководящих, инженерно-технических работников и служащих предприятий Наркомата боеприпасов. Отменялось Положение о премировании рабочих, ИТР и служащих, установленное приказом по Наркомату боеприпасов от 23 января 1942 г.[2]

11 августа 1943 г. была повышена зарплата учителям и другим работникам начальных и средних школ. В зависимости от типа школ (городская или сельская), вида образования и стажа педагогической работы учителя начальной школы получали от 350 до 450 руб., учителя 5-10 классов – от 400 до 650 руб. За звание заслуженного учителя или ученую степень заработная плата учителя повышалась на 100 руб. Предусматривались и другие формы поощрений. Данная система оплаты распространялась и на преподавательский состав педагогических училищ[3].

С 1 октября 1943 г. была повышена зарплата преподавателям, директорам и заместителям директоров техникумов, средних медицинских школ, художественных, музыкальных, театральных и хореографических училищ. Преподаватели общеобразовательных дисциплин получали от 450 до 650 руб., специальных предметов от 475 до 675 руб. За звание заслуженного учителя или ученую степень оклад повышался на 100 руб.[4]

Особое значение в условиях войны имело финансовое обеспечение семей военнослужащих, членов отрядов местной противовоздушной обороны: денежные оклады, пенсии, пособия. Затронем также вопрос денежного обеспечения семей польских военнопленных, поскольку в городе проживало небольшое количество поляков.

---

1 Там же. Д. 211. Л. 130 – 133.
2 Там же. Д. 213. Л. 210–213, 322–324.
3 Там же. Д. 217. Л. 140–147.
4 Там же. Д. 219. Л. 244–248.

Только за период с 23 июня по 15 декабря 1941 года Ленинград дал фронту 471 798 человек, в том числе 169 299 бойцов всех видов добровольческих формирований, включая части народного ополчения[1]. 20 тыс. ленинградцев было мобилизовано на Балтийский флот, где имелись подразделения на 90% состоявшие из ленинградцев. А. В. Похилюк справедливо пишет о том, что социальная защита семей военнослужащих была важнейшим условием успешной обороны города, в котором защитники и население были связаны кровными узами[2].

В правовых актах высших органов власти и управления СССР и РСФСР в 1941 г. отдельно выделялись вопросы жизнеобеспечения семей военнослужащих и инвалидов войны (как наиболее уязвимых в годы войны), а также семей добровольцев и членов отрядов местной противовоздушной обороны. Уже 26 июня 1941 г. вышел Указ Президиума ВС СССР «О порядке начисления и выплате денежных пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава». Семьи военнослужащих получали пособия в размере 150 рублей, или половину от этой суммы в сельской местности, при условии, что в семье не было трудоспособных, или было три и более иждивенцев (нетрудоспособных) при одном трудоспособном. При наличии двоих детей при одном трудоспособном пособие выдавалось 100 рублей, а в сельской местности выплачивалась половина этого пособия. Нетрудоспособными считались: братья и сестры до 16 лет или учащиеся до 18 лет, отец старше 60 лет и мать старше 55 лет, а также отец, мать, жена – инвалиды I и II группы независимо от возраста[3]. В 1942 г. пособие увеличилось до 250 рублей[4].

Постановлением ГКО от 4 июля 1941 г. №10 в Москве и Московской области началась добровольная мобилизация в дивизии народного ополчения. Пункт IX данного постановления касался денежного обеспечения. Согласно ему за лицами, ушедшими в народное ополчение, сохранялась средняя заработная плата, за студентами стипендия, для семей колхозников назначалось пособие в соответствии с Указом ПВС СССР от 26 июня 1941 г. В случае инвалидности и смерти мобилизованного, он сам и его семья имели право на получение пенсии наравне с призванными в Красную армию. Постановлением ГКО от 10 июля 1941 г. №84 «О денежном обеспечении лиц, вступивших в народное ополчение» (на основе докладной записки А. Г. Зверева В. М. Молотову) данный порядок денежного обеспечения был распространен на Ленинград и Ленинградскую

1 *Болдовский К. А.* Ленинград в декабре 1941 года // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, №1. С. 75. Ср. *Шишкин В. А.* Глава третья. Народное ополчение // Очерки истории Ленинграда. Т. V. – Л.: Наука, 1967. С. 73.

2 *Похилюк А. В.* Социальная защита семей военнослужащих в годы Блокады Ленинграда // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сборник материалов международной научной конференции / под общ. ред. В. А. Веременко, отв. ред. С. В. Степанов. – СПб., 2018. С. 44 (по ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 12. Д. 13. Л. 55).

3 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №26 (7 июля). С. 4-5.

4 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №17-18 (28 сентября). С. 10.

область [1].

Постановлением ГКО от 15 июля 1941 г. №156 на семьи ополченцев, не имевших постоянного заработка на момент вступления в ряды ополчения, был распространен Указ Президиума ВС СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 26 июня 1941 г.[2] Семьи добровольцев рядового и младшего начальствующего состава также должны были получать пособие по Указу Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. За добровольцами сохранялась жилплощадь (Постановление СНК СССР от 28 июля 1941 г. №1902 «Об обеспечении добровольцев, вступивших в части войск Действующей Красной Армии»)[3]. 24 августа 1941 г. было принято постановление СНК СССР №2010 «О порядке назначения и выплаты пособий семьям партизан в военное время»[4].

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 сентября 1941 регламентировало порядок удержания алиментов на детей у военнослужащих[5].

24 июля 1941 года вышли постановления ГКО №260сс и №261сс, на основе протоколов заседаний бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 21 июля и Ленинградского обкома ВКП(б) от 22 июля 1941 г.: «О переводе на казарменное положение истребительных батальонов УНКВД [созданных на базе ленинградских заводов] в гор. Ленинграде», и аналогичное по Ленинградской области. На содержание личного состава истребительных отрядов выделялись ассигнования из союзного бюджета. Это положение подтверждалось п. 2 Постановления ГКО от 24 августа 1941 г. №575 сс: по ходатайству Ленинградского обкома ВКП(б), содержание истребительных батальонов общей численностью 6000 человек в прифронтовой полосе Ленинградской области передавалось на Союзный бюджет по смете НКВД, ежедневно на питание каждому бойцу выделялось по 8 руб. За бойцами, работавшими на эвакуированных предприятиях и учреждениях, сохранялась заработная плата, а тем, чья зарплата была менее 300 рублей, а также учащимся и колхозникам выплачивалось по 300 рублей в месяц[6].

Наиболее спорными оказались вопросы о денежном обеспечении лиц, вступивших в народное ополчение, а также о финансировании питания и обмундирования населения, призванного

---

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945. Аннотированный каталог: в 2 т. Т. 1. 1941–1943. – Москва: Политическая энциклопедия, 2015. – (70 лет Победы в Великой Отечественной войне). С. 40, 51; РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

2 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 26. См. также: Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 51, 63.

3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 60–61.

4 Там же. Л. 237–238.

5 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №7-8 (29 апреля). С. 14.

6 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 7. Л. 130; Д. 15. Л. 46, 48. См. также: Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 78. См. также *Комаров Н. Я.* Феномен блокадного Ленинграда. – М.: Кучково поле; М/н благ. фонд «Живая память», 2008.

для укрепления Ленинградского военного округа (ЛВО) в порядке трудовой повинности, как и вопрос питания и обмундирования аварийно-восстановительных отрядов МПВО. 28 июня 1941 г. П. С. Попков, председатель Ленгорисполкома, обратился к Председателю СНК РСФСР И. С. Хохлову с просьбой ассигновать из республиканского бюджета 28 млн. 400 тыс. рублей на питание формирований МПВО, в связи с переводом их на казарменное положение, и к заместителю Председателя СНК СССР Н. А. Вознесенскому с просьбой ассигновать 8 млн. рублей на питание рядового и младшего начальствующего состава добровольческой армии [здесь – армии народного ополчения. Л. Г.] на восемь дней, период формирования до передачи военному ведомству [так в документе]. До поступления ассигнований из союзного бюджета предполагалось изъять необходимые средства из местного бюджета. Председатель Ленгорисполкома обращался с просьбой прекратить с 1 июля 1941 г. изъятия средств из местного бюджета, в связи с необходимостью бесперебойного финансирования неотложных мероприятий[1].

Однако средств, выделяемых из местного бюджета на питание ополченцев, было недостаточно. Решением исполкома Ленгорсовета от 7 июля 1941 г. №246 было предложено Главресторану организовать питание рядового и младшего начальствующего состава в период формирования армии народного ополчения (до передачи полностью укомплектованных полков Военведу) из расчета 6 р. 60 коп. в день с отнесением этих расходов на счет местного бюджета, в соответствии с устным разрешением Н. А. Вознесенского и Н. А. Булганина, которое было дано П. С. Попкову. Позднее оно было подтверждено телеграммой Вознесенского, разрешившего израсходовать 8 миллионов рублей. В расходы III квартала по бюджету Ленинграда были включены все 8 миллионов рублей. В июле 1941 г. на питание Ленинградской армии народного ополчения (ЛАНО) было израсходовано 4 820,1 тыс. руб., в августе – 890,4 тысячи руб. Кроме того, на 26 августа 1941 г. имелось неоплаченных счетов на 1. 026 тыс. руб.[2] Или всего: 6 736 500 рублей на 50 дней. Из расчета 6 руб. 60 коп. в сутки этого могло хватить не более, чем на 20 414 чел. в среднем на день (6736500: 6,6: 50).

В августе 1941 г. произошел перерасчет расходов на питание. Постановлением исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся и бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 14 августа 1941 г. расходы, произведенные «Ленглавресторaном» за услуги по питанию бойцов ЛАНО, погашались из суммы местного бюджета, санкционированной заместителем Председателя СНК СССР Н. А. Вознесенским 16 июля 1941 г., из расчета 1 рубль 36 копеек в сутки на 1 человека[3]. Такой

1 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 15. Л. 49, 50, 51.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 103, 104.

3 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. *К. А. Болдовский.* Часть I. Июнь 1941 г. – март 1942 г. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 219. Для сравнения заметим, что в этот

расчет позволял накормить 99 068 человек на те же средства. Однако такой паек был недостаточным по нормам питания.

Предположительно в начале июля 1941 г., начальнику Ленинградского территориального управления государственных материальных резервов А. А. Горчакову было дано распоряжение А. А. Кузнецовым, как членом Военного Совета Северного фронта, передать незамедлительно 60 тыс. банок консервов в распоряжение штаба армии народного ополчения[1].

Причиной финансовых трудностей и противоречий явилась двойственная интерпретация терминов: народное ополчение Ленгорисполкомом поначалу приравнивалось к добровольческим частям Красной Армии. 10 июля 1941 г. вышло постановление ГКО №84 «О денежном обеспечении лиц, вступивших в народное ополчение», дополненное одноименным постановлением ГКО от 15 июля 1941 г. №156, согласно которому на семьи ополченцев, не имевших постоянного заработка на момент вступления в ряды ополчения, распространялся Указ Президиума ВС СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 26 июня 1941 г.[2]

Согласно решению суженного заседания (С.З.) Президиума Ленгорисполкома от 17 июля 1941 г. №295 «О денежном обеспечении лиц, вступивших в народное ополчение», за все время их службы предприятия и учреждения, в которых работали добровольцы, были обязаны выплачивать им, или их семьям, получаемую зарплату. По аналогии с положением о мобилизованных на оборонные работы в ЛВО, а также, применяя опыт, сложившийся в ходе Советско-Финляндской войны 1939–1940 г., Э. П. Бояр, в то время заместитель заведующего отделом местной промышленности, просил решить вопрос о выплате заработной платы ополченцам за счет Управления Интенданта Северного фронта, в случае ликвидации предприятия, на котором они работали. В ответ была получена резолюция заместителя председателя С.З. президиума исполкома Б. М. Мотылева: «Вопрос исчерпывается новым решением правительства»[3].

28 июля 1941 г. вышло постановление СНК СССР №1902 «Об обеспечении добровольцев, вступивших в части войск Действующей Красной Армии», согласно которому добровольцам в части действующей Красной Армии полагалось довольствие по штатным должностям, на которые они назначались. По месту прежней службы с ними производился полный расчет с выдачей

период минимальные расходы на питание 1 взрослого человека в сутки исчислялись как 5 рублей, такая сумма решением Ленгорисполкома выделялась для строителей оборонных рубежей из местного бюджета. В связи с этим Попков просил ассигнований из Союзного бюджета 8 млн. рублей на питание ополченцев на 8 дней, из расчета 5 руб. в день на 200 тысяч человек.

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 27. Б\д. [Датируется мной по содержанию – Л.Г.]

2 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 26. См. также: Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 51, 63.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 55.

выходного пособия и компенсацией за отпуск. За добровольцами сохранялась жилплощадь, а за рабочими и служащими должности, занимаемые по прежнему месту службы. По возвращении они восстанавливались на прежнем месте работы. На них распространялись постановления СНК СССР от 16 июня 1940 г. №1269, от 12 ноября 1940 г. №2291 и от 5 июня 1941 г. №1474[1].

29 июля 1941 г. было принято постановление ГКО №326с «О денежном обеспечении личного состава партизанских отрядов» на основе выписки из протокола №12 Ленинградского обкома ВКП(б) от 23 июля 1941 г.[2]

Поскольку в Ленинграде проживало много поляков, на наш взгляд, следует отметить постановление ГКО от 16 августа 1941 г. №495с «О выдаче единовременной денежной помощи освобождаемым польским военнопленным»[3].

Таким образом, до весны 1942 г. части народного ополчения, МПВО, истребительные отряды НКВД, партизаны, люди, мобилизованные на оборонные работы, – являлись по своему статусу группами гражданской самообороны, так как за ними сохранялось рабочее место, заработная плата. В то же время имелись некоторые противоречия, связанные со смешанным характером их финансирования.

Согласно Постановлению ГКО от 9 апреля 1942 г. №1567с «О порядке денежного обеспечения лиц, вступивших в народное ополчение, истребительные батальоны и партизанские отряды, мобилизованных на оборонные работы и призванных в формирования МПВО», п.1, статус *отрядов народного ополчения* был изменен: части ополчения были приравнены к частям Красной Армии, получая денежное и материальное довольствие обеспечение из Наркомата обороны (НКО) СССР, по нормам, действующим в Красной Армии[4].

Статус *добровольцев* Красной Армии определялся постановлением СНК СССР от 28 июля 1941 г. №1902 как части действующей армии[5].

Статус *МПВО* до апреля 1942 г. определялся постановлениями ГКО от 9 июля 1941 г. №81 и от 16 июля 1941 г. №174с, так как за ними сохранялось прежнее место работы[6]. Постановлением ГКО от 9 апреля 1942 г. №1567, бойцы МПВО, призванные с отрывом от производства, получали денежное довольствие из местного бюджета в размере их среднего заработка, но не свыше 400 руб. в месяц, включая стоимость питания.

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 60–61.
2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 87.
3 Там же. С. 113.
4 РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 28. Л. 78–80; см. также: Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 282.
5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 60–61.
6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 51, 66.

Этим же постановлением №1567с, с 1 апреля 1942 г. прекращалась выплата зарплаты по прежнему месту работы бойцам истребительных батальонов, людям, призванным в формирования МПВО и мобилизованным на оборонные работы, и, как выше указывалось, ополченцам.

За *партизанами* сохранялось место работы. Им выплачивалось пособие в размере среднего заработка по месту прежней работы. Семьи партизан, не имевших постоянного заработка, а также колхозников и лиц свободных профессий, получали пособие как семьи военнослужащих, в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. (постановление ГКО №1567с)[1].

Статус *истребительных отрядов НКВД* определялся постановлениями ГКО от 24 июля 1941 г., №260сс и №261сс, в соответствии с которым они финансировались из Союзного бюджета по сметам НКВД (сохраняя прежнее место работы)[2]. Постановлением ГКО №1567с бойцы, переведенные на казарменное положение, обеспечивались денежным и материальным довольствием НКВД в порядке норм Красной Армии для лиц, подлежащих мобилизации, и по нормам рядового и младшего начальствующего состава милиции для лиц, не подлежащих призыву.

На *ополченцев, партизан, бойцов истребительных батальонов, а также на их семьи,* вследствие постановления ГКО №1567с, были распространены постановления СНК СССР от 16 июля 1940 г. №1269 и от 5 июня 1941 г. №1474[3], а также Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. о порядке назначения и выплаты пособий и пенсий военнослужащим и их семьям в военное время[4].

Постановлением СНК СССР от 20 апреля 1942 г. №546, рабочие и служащие, ушедшие в народное ополчение, истребительные батальоны и части МПВО, а также мобилизованные на оборонные работы, прекращали получать заработок по прежнему месту службы, получая выходное пособие за две недели вперед[5].

Необходимо указать, что снабжение партизан продовольствием осуществлялось за счет фондов Ленинграда. Так, протоколом №9 Продовольственной комиссии Ленинградского фронта от 4 апреля 1942 г., п. 31 начальнику тыла Ленфронта Ф. Н. Лагунову разрешалось выдать за счет фондов Ленинграда через Тихвинскую перевалочную продовольственную базу Штабу партизанского движения Ленфронта: сухарей 12 тонн, концентратов 1-го блюда 1,5 тонны, 2-го блюда 4,0 тонн, сахара 700 кг[6]. Постановлением ГКО от 23 октября 1942 г. №2438сс отменялся отпуск

---

1 РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 28. Л. 78–80. См также: *Лысенков С. Г.* Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны: историко-правовое исследование. Автореф. дисс...д.ю.н. – СПб., 2005. С. 30.

2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 78.

3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 60–61.

4 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №26 (7 июля). С. 1-5. См. также *Лысенков С. Г.* Указ. соч. С. 29–30.

5 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №12 (29 июня). С. 5.

6 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 21. Л. 7.

продовольственных товаров для партизан [1].

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 17 ноября 1941 г. №2214 «О временном прекращении приема посылок от отдельных граждан и учреждений», почтовая связь внутри страны временно прервалась. Сохранился прием посылок от граждан и организаций только с подарками в адрес действующей Красной Армии (КА) и ВМФ, а также в адреса госпиталей и учебных заведений КА и ВМФ, расположенных в тылу[2]. Наладить связь гражданских организаций и отдельных граждан с действующими армией и флотом было призвано Постановление ГКО от 18 ноября 1941 г. №911 «Об улучшении перевозки периодической печати, посылок и почтовой корреспонденции по железным дорогам»[3]. Этой же цели служили Постановление ГКО от 18 мая 1942 г. №1768с «Об улучшении организации доставки по назначению и упорядочения учета подарков, поступающих для Красной армии от населения страны» и Постановление СНК СССР от 16 октября 1942 г. №1703 «О приеме почтовых посылок в адреса бойцов и начальствующего состава действующей Красной Армии, ВМФ и воинских частей, и учреждений, расположенных в тылу»[4].

Прием и распределение посылок и подарков, предназначенных военнослужащим и их семьям, осуществлялись под надзором прокуратуры. 15 сентября 1941 г. вышел приказ Прокурора СССР «О надзоре за деятельностью пунктов по приему подарков для бойцов Красной Армии». Имевшиеся случаи хищения и злоупотреблений при распределении подарков и помощи семьям военнослужащих пресекались, а виновные привлекались к ответственности. 3 февраля 1943 г. был издан еще один специальный приказ Прокурора СССР «О постоянном надзоре за неуклонным выполнением законов, охраняющих интересы семей защитников Родины». Этим приказом городские и районные прокуроры обязывались проверять выполнение законов о государственном обеспечении и бытовом устройстве семей военнослужащих не реже 1–2 раз в месяц[5].

В 1942 г. вышел ряд постановлений ГКО, повышавших денежные оклады старшему начальствующему составу армии и флота. Постановлением ГКО от 11 января 1942 г. №1133с увеличивались оклады содержания командирам и комиссарам дивизий, бригад и полков. Постановлением ГКО от 23 апреля 1942 г. №1636с выросли оклады командиров и военных комиссаров корпусов. Постановлением ГКО от 19 мая 1942 г. №1773с увеличивались оклады начальников и военных комиссаров пограничных отрядов войск НКВД[6].

---

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 491.
2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 196. Л. 119–120.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 176.
4 Там же. С. 325; ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 206. Л. 296–298.
5 *Мухаммадиев И. С.* Деятельность прокуратуры по охране прав членов семей защитников Родины, инвалидов войны, эвакуированных граждан, мобилизованных солдат и офицеров в годы Великой Отечественной войны // Юридическая наука: История и современность. – 2017. – №17. С. 57–58.
6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 210, 296, 327.

Одним из источников дополнительного финансирования гражданского населения, в том числе членов семей военнослужащих, должны были стать депозитные счета и банковские ссуды в сберкассах. Сберкассы работали весь период блокады. Размеры вкладов и социальный состав вкладчиков менялись. Так, на 1 января 1941 г. сумма вкладов (без вкладов на предъявителя, прочих вкладов и условно закрытых счетов) по основным социальным группам: рабочие, служащие, колхозники, единоличники и кустари – составляла 430 848 т.р. 62,7% вкладчиков были служащие и члены их семей, 37% – рабочие и их семьи. На 1 января 1942 г. сумма вкладов уменьшилась и составила 254 586 т.р. 58,2% были вклады служащих, 41,3% – рабочих. За 1942 год во вклады было внесено 48 млн. 169 т.р., в то же время на 1 января 1943 г. число вкладчиков уменьшилось на 38 709 чел. и средний размер вкладов снизился на 19%, составив 382 руб.[1] В начале 1941 г. вклады рабочих и их семей составляли 159 551 тыс. руб. на 336 841 вкладе, служащих – 277 044 тыс. руб. на 358 209 вкладах, или всего 436 595 тыс. руб. на 695 050 вкладах[2].

Используя данные по социальной стратификации ленинградского населения в 1941 г. (Таблица 3), удалось выяснить удельный вес вкладчиков среди рабочих и служащих Ленинграда в 1941–1942 годах. Всего рабочих и служащих в этот период в Ленинграде было 1 491 353 чел.[3], среди них вкладчики составляли ок. 47%.

В начале 1942 г. на 292 078 вкладах рабочих осталось 105 090 тыс. руб., в тот же период на 290 181 вкладе служащих осталось 148 559 тыс. руб., или всего 253 649 тыс. руб. на 582 259 вкладах[4]. Таким образом, количество вкладов рабочих и служащих за 1941 год сократилось на 112 791 вклад, или на 16%, с общей суммой уменьшения на 182 946 тыс. руб., или на 42%. Учитывая, что на январь 1942 г. в Ленинграде было учтено 1 090 200 комплектов продовольственных карточек рабочих и служащих, количество имеющихся вкладов (582 259) составило 53,4% от этого числа[5]. Таким образом, около половины работников предприятий при невыплате зарплаты могли воспользоваться имеющимися вкладами для оплаты коммунальных услуг и покупки продуктов питания.

Следует иметь в виду, что сберегательные вклады с начала войны были частично заморожены и снять со своих сберегательных книжек можно было не более 200 рублей в месяц, что соответствовало среднемесячному окладу обычного рабочего или служащего. Заслуженные

---

1 *Зотова А. В.* Народное хозяйство Ленинграда. – СПб: Изд-во СПбГУТ им. проф. Бонч-Бруевича, 2015. С. 108–109.
2 Там же.
3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5115. Л. 21, 27.
4 Там же.
5 Там же. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 11–12.

деятели культуры могли снимать в месяц до 1 тыс. рублей[1]. 16 августа 1941 г. П. С. Попков предложил управляющему Ленинградской городской конторы Госбанка А. М. Науменко, и.о. начальника Ленинградского городского Управления Гострудосберкасс и Госкредита Б. Е. Крамник распорядиться о выдаче единовременно до 10 тысяч рублей лауреатам Сталинской премии и Народным артистам СССР и РСФСР, до 5 тысяч рублей – Заслуженным деятелям науки и техники РСФСР, Заслуженным артистам РСФСР и Заслуженным врачам РСФСР[2].

В 1942 г. перед сберкассами стояла задача мобилизовать временно свободные денежные средства трудящихся на финансирование народного хозяйства: 60 млн. рублей по спецквкладам и 283 400 тыс. рублей по займам. Удалось собрать 295 595 тыс. рублей. Кроме того, было собрано 50 795 тыс. рублей по билетам 1 и 2 денежно-вещевых лотерей[3].

Таким образом, несмотря на чрезвычайные военные условия, выстраивалась система оплаты работы, которая предусматривала систему поощрения в зависимости от сложности выполняемой работы, квалификации работника, стажа, а также условий труда.

В то же время кризисные явления приводили к задержкам, или даже замораживанию заработной платы, введению лимитов на получение сбережений в сберкассах. Сбережения являлись важным резервом трудящихся в условиях финансового голода, однако ими располагало менее половины ленинградских рабочих и служащих. Из-за дефицита финансовых средств многие учреждения, предприятия переводились на казарменный режим. При этом денежные средства выделялись из расчета содержания: питания и дополнительных расходов.

Основными источниками денежных поступлений являлись союзный, республиканский и местный бюджеты. На местный бюджет в самый напряженный период войны легло материальное и денежное обеспечение отрядов самообороны. Все финансовые расходы по бюджету г. Ленинграда контролировались и утверждались Наркоматом финансов РСФСР. Республиканский бюджет также участвовал в финансировании необходимых дополнительных расходов по Ленинграду.

5.2. Источники финансирования чрезвычайных расходов, направленных на спасение гражданского населения

Вопрос об источниках финансирования расходов на сохранение гражданского населения в

1 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 273.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 87.
3 *Зотова А. В.* Народное хозяйство Ленинграда. С. 108–112.

Ленинграде до сих пор не рассматривался в исторической литературе. Наиболее важным является период 1941–1942 годов, когда вопросы спасения затрагивали большинство имевшегося до войны в городе гражданского населения: женщин, детей, учащихся подростков. Из отчета финансового отдела Ленгорисполкома за июль – август 1941 г. и проекта городского бюджета на I квартал 1942 г. следует, что это направление хозяйственной деятельности Ленсовета являлось основным. Необходимо обратить внимание на финансовую поддержку из союзного и республиканского бюджетов деятельности Ленгорисполкома в данном направлении в период войны. Проанализируем данные документов за указанный период[1].

Основная проблема финансирования войны заключалась в том, что она требовала оперативного изменения системы распределения финансовых потоков, при этом сохраняя внутреннюю структуру кредитно-денежных отношений, позволявшую обеспечить устойчивость и рациональное использование имеющихся средств. Задачей местных органов власти (Ленгорисполкома и Леноблисполкома) стало обеспечить необходимыми средствами: финансирование эвакуации населения, содержания эвакопунктов, расширения сети детских учреждений; трудовые мобилизации на заготовку дров, а также аварийно-восстановительные отряды, отряды МПВО, народного ополчения в период формирования; строительство и оборудование бомбоубежищ и газоубежищ, создание сети коек для эвакогоспиталей в Ленинграде и восстановление коек для гражданского населения. Для мобилизации финансов на решение этих задач использовались и административные ресурсы центральных органов власти и управления (ГКО и СНК СССР, СНК РСФСР): вводились новые местные налоги и отчисления, местный бюджет освобождался целиком или частично от отчислений в республиканский и союзный бюджет, использовались трудовые и материальные ресурсы других областей, краев и республик как РСФСР, так и СССР. Кроме того, осуществлялись субсидии, дотации со стороны республиканского и союзного бюджетов, часть вопросов финансового обеспечения отрядов самообороны перекладывалась на НКО СССР. Финансирование эвакопунктов осуществлялось в основном за счет союзного бюджета. Несмотря на имевшиеся противоречия во взаимодействии местных и центральных органов власти и управления, следует обратить внимание на то, что справки Ленгорисполкома ложились в основу постановлений СНК РСФСР, а протоколы и решения Ленинградского горкома ВКП(б) становились постановлениями ГКО. Практически ни одна просьба ленинградского руководства о помощи не

1 Перед войной в Ленинграде работали областные конторы всесоюзных банков: государственного, сельскохозяйственного, финансирования капитального строительства: торговли и кооперации (Торгбанк), промышленности, транспорта и связи (Промбанк), финансирования жилищного и коммунального хозяйства (Комбанк). (Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов. – СПб.: ЦГА СПб; Арт-Экспресс, 2018. С. 36).

была оставлена без внимания, при этом помощь могла прийти в несколько иной форме, но приходила.

При этом следует иметь в виду, что нашествие гитлеровцев происходило одновременно в нескольких направлениях, активные действия на фронтах не давали передышки все четыре года войны, и зачастую задачи помощи Ленинграду приходилось решать наряду с помощью Смоленску, Украине, решением вопросов обороны Москвы, Сталинградского сражения, Курской дуги, восстановления хозяйства в Приднепровье, освобождения Северного Кавказа и др. Этот аспект заметен при знакомстве с текстами телефонограмм переговоров с ленинградским руководством в личном фонде Сталина непосредственно в Российском государственном архиве социально-политической истории. Из сравнения содержания документов, относящихся к одному периоду, видны титанические усилия центральной власти по стратегическому руководству оборонительными сражениями одновременно на нескольких театрах военных действий[1].

Вторжение гитлеровцев пришлось на начало III квартала 1941 года. Принятие государственного плана развития хозяйства, подведомственного СНК РСФСР, на III квартал 1941 г. обсуждалось на заседании СНК РСФСР за несколько дней до начала вторжения гитлеровцев (протокол №10 заседания СНК РСФСР от 18 июня 1941 г.)[2]. 12 августа 1941 г. на заседании бюро СНК РСФСР обсуждался вопрос о неудовлетворительном выполнении плана мобилизации средств за 1-ое полугодие 1941 г. из-за недоимок по налогам. Так, по подоходному налогу с населения РСФСР было недополучено 74 млн. руб., по сельхозналогу – 5,6 млн. руб., по сельскому культсбору – 25 млн. руб. (протокол №16 заседания бюро СНК РСФСР от 12 августа 1941 г.)[3]

Смета чрезвычайных расходов по местному бюджету г. Ленинграда была утверждена 8 января и 31 августа 1939 г., однако эта смета аннулировалась решением от 6 июля 1941 г. суженного заседания Ленгорисполкома (П. С. Попков, И. В. Гужков). На первый месяц войны смета была принята в соответствии с утвержденным СНК РСФСР и НКФ СССР лимитом в сумме 5019,5 тыс. рублей, в том числе по городскому бюджету 4340,8 тыс. рублей и по районным бюджетам – 678,7 тыс. рублей. На городском бюджете оставались ассигнования, предусмотренные на расширение ясельной сети, детдомов и на освобождение помещений для Военного ведомства (Военведа), с возмещением фактически произведенных расходов районными отделами просвещения, здравоохранения и жилищно-коммунального хозяйства[4].

На бюджет районных органов народного образования по данной смете было отнесено

1 См. РГАСПИ. Ф. 558 (Личный фонд Сталина Иосифа Виссарионовича. 21.XII. 1879 – 5.III. 1953). Оп. 11.
2 ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 19 (Протоколы заседания СНК РСФСР №1–12, январь – сентябрь 1941). Л. 80.
3 Там же. Д. 20. Л. 174, 175.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 93, 94.

переоборудование школ под эвакогоспитали. Согласно докладной записке от 27 июля 1941 г., подписанной зав. гороно Г. С. Левиным и С. А. Кечек, возглавлявшим военный отдел ЛГЗО, для этих целей был необходим ремонт 13 зданий на общую сумму 559,2 тыс. рублей. Наибольший ремонт, на сумму 331,9 тыс. руб., требовался по ул. Плеханова, д. 27, где центральное отопление и теплоцентраль не функционировали. Финансирование работ осуществлялось в пределах указанных сумм за счет внелимитных ассигнований по бюджету школ и за счет дополнительного сокращения расходов по всеобучу. Контроль за выполнением данного решения возлагался на гороно[1].

Ошеломление из-за быстрого наступления немцев приводило к паническим настроениям среди руководителей местных органов власти, сопровождавшимся сжиганием векселей, кредитных бумаг, наряду с уничтожением запасов продовольствия и других материальных ценностей.

Сомнительным представляется решение о сожжении облигаций депозита Наркомфина СССР в сумме 23 миллиона рублей, в связи с «невозможностью отправить их в Гознак (…) и считая их хранение нецелесообразным», принятое лично П. С. Попковым 5 сентября 1941 г., в ответ на запрос от 4 сентября 1941 г. И. В. Гужкова, зав. Ленгорфо, и Б. Е. Крамник, и. о. начальника управления сберкасс и госкредита[2].

В августе 1941 г. была проведена инспекция расходов, дополнительно отнесенных на местный бюджет г. Ленинграда в связи с военным временем. Проверка состоялась 18–20 августа 1941 г. по поручению СНК РСФСР от 15 августа 1941 г. (удостоверение СНК РСФСР от 18 августа 1941 г. №А-18) и Наркома финансов РСФСР (удостоверение №М с от 15 августа 1941 г.-23/89)[3].

Какова же была в целом структура расходов местного бюджета в связи с военным временем, выявленная проверкой по поручению НК финансов РСФСР? По мероприятиям, утвержденным правительством РСФСР, были проведены: во-первых, расходы по переводу на казарменное положение участковых формирований МПВО (постановление СНК РСФСР от 2 июля 1941 г. №48 пс). Соответственно, было принято решение Ленгорисполкома от 7 июля 1941 г. №248 о выделении на питание (по 3 руб. в день на человека), на стирку, дезинфекцию, баню и культурное обслуживание (по 3,1 руб. на человека), всего на 15 563 чел., включая Кронштадт, на III кв. 1941 г. 4 698,6 тыс. руб. С учетом сокращения расходов мирного времени по штабу МПВО (по боевой подготовке, ремонту помещений, на приобретение табельного оружия, учения и маневры) требовалось изыскать 3 066, 6 тыс. руб[4].

Во-вторых, расходы по эвакуации детей (постановление СНК РСФСР от 7 июля 1941 г.

1 Там же. Л. 124, 125, 125 об.
2 Там же. Л. 117.
3 Там же. Л. 99.
4 Там же.

№514/21 с/). Соответственно, было принято решение Ленгорисполкома от 29 июня 1941 г. №46 о вывозе 292 тыс. детей в районы Ленинградской области и 100 тыс. детей в районы Ярославской области. До 7 июля было вывезено 166 403 детей в Ленобласть и 64 607 в Ярославскую область, 1667 в Свердловскую область и 2 883 в Кировскую область, или всего 235 560 чел. детей. На вывоз, устройство и питание данного количества детей было израсходовано из средств местного бюджета 43, 2 млн. рублей. Сюда вошли: 500 тыс. руб. – транспортные расходы на перевозку до вокзалов Ленинграда, 11,2 млн. руб. – стоимость продуктов на 12 дней в Ленобласти и Ярославской обл., 28,9 млн. рублей переводом – расходы по устройству и питанию по четырем направлениям, а также средства, выданные уполномоченным, выезжающим с детьми, 2,6 млн. рублей. По нормам СНК РСФСР следовало израсходовать 61,7 млн. рублей, включая 20,4 млн. руб., подлежащих взысканию с родителей. В связи с начавшейся уже в июле реэвакуацией детей, из этих сумм вернулось 4 386 тыс. руб. Кроме того, было собрано с родителей 917,3 тыс. рублей. Таким образом, общая сумма, израсходованная по местному бюджету на эвакуацию детей летом 1941 г., составила 37,9 млн. рублей. 18 августа 1941 г. был открыт кредит для оплаты счетов за транспорт, представленный для вывоза детей в Ленинград, в связи с начавшейся реэвакуацией. Управление ОЖД учитывало количество реэвакуирующихся детей, число которых летом 1941 г. по ОЖД составило 60 тысяч[1]. На август-сентябрь по нормам, установленным СНК РСФСР, расходы на содержание детей, вывезенных за пределы Ленобласти, были определены на 93 874 чел. детей: 24 442,0 тыс. руб. из местного бюджета и 15 734,0 тыс. руб. родительской платы, которую следовало взыскать. Причем плата с родителей, решением Ленгорисполкома от 19 июля 1941 г. №48-7, должна была составить 30% от стоимости содержания детей ясельного возраста и 40% – от содержания детей дошкольного и школьного возраста (в среднем 32%, а не 40%, от содержания всех детей, установленных постановлением СНК РСФСР от 7 июля 1941 г.). Всего расходы по содержанию вывезенных за пределы Ленобласти детей были определены в 18,6 млн. рублей. В августе Горфинотделом был открыт кредит Гороно и Горздраву в сумме 20 803,8 тыс. руб., выданных наличностью и переведенных в Ярославскую и Кировскую области (очевидно, включая и расходы на реэвакуацию оставшихся в Ленобласти детей)[2]. Всего расходы из местного бюджета на эвакуацию детей, за исключением родительской платы, а также на реэвакуацию летом и в сентябре 1941 г. планировались в сумме 58,6 млн. рублей, включая 37,9 млн. рублей, фактически потраченные в июле[3].

---

1 Доклад о работе Октябрьской железной дороги с апреля 1941 по апрель 1942 гг. // ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л.86. Это число примерно соответствует количеству детей, вывезенных в районы, оказавшиеся в прифронтовой полосе из-за наступления гитлеровцев летом 1941 г.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 99, 100, 101.

3 Там же. Л. 102.

В-третьих, расходы по эвакуации семей рабочих и служащих г. Ленинграда (постановление СНК РСФСР от 8 июля 1941 г. №515/22сс/). По состоянию на 19 августа 1941 г. из местного бюджета было выдано в порядке оказания денежной помощи 753, 6 тыс. рублей эвакуируемым семьям из расчета 70 руб. на 1 члена семьи[1].

Решением Ленгорисполкома от 15 августа 1941 г. №78-с из Ленинграда следовало эвакуировать 700 тыс. женщин и детей, по 30 тыс. ежедневно, начиная с 15 августа. В связи с этим планировалось выделить на оказание денежной помощи на август – сентябрь 1941 г. еще 4 026,4 тыс. рублей или всего: 4 780,0 тыс. руб. на эвакуацию семей ленинградских рабочих и служащих[2].

В-четвертых, к расходам, утвержденным правительством РСФСР, были отнесены расходы по чрезвычайной смете, которые на первый месяц войны предусматривали 5 019, 5 тыс. рублей. Из этой суммы были исключены 3 329,9 тыс. рублей на содержание дополнительных ясельных мест, детсадов и детдомов, вероятно в связи с развернувшейся эвакуацией детей. Размер чрезвычайных расходов снизился по данной смете до 1 689,6 тыс. руб., из которых 516,5 тыс. руб. было израсходовано районами Ленинграда на развертывание эвакогоспиталей в школах города, что относилось на расходы местного бюджета, вызванные военным временем[3].

На август – сентябрь 1941 года было запланировано на мероприятия, предусмотренные сметой чрезвычайных расходов, выделить 4 167,3 тыс. руб.: на содержание дополнительного штата инспекторов Собеса (134 тыс. руб.); на переливание крови для гражданского населения (230 тыс. руб.); на усиление дезинфекции (137, 4 тыс. руб.); на дополнительное развертывание эпидемических коек (3 575,9 тыс. руб.): с 21 июля 1941 г. было развернуто 2 200 коек в связи с эпидемией дизентерии; расходы на дополнительные бактерицидные препараты (90 тыс. руб.). Всего по чрезвычайной смете, с учетом израсходованных в июле 1941 г. районами 516,5 тыс. руб., планировалось израсходовать в 3 кв. 4 683,8 тыс. руб.[4]

Помимо этого, требовались *расходы на мероприятия, не утвержденные правительством РСФСР.* К таковым относились: во-первых, пошивка обмундирования для вольнонаемного состава штабов МПВО и участковых команд на 450 тыс. руб., путем сокращения иных расходов штаба МПВО, согласно решению Ленгорисполкома от 2 августа 1941 г. №382. Данное решение вызвало возражения Городского финотдела как незаконное[5].

Во-вторых, расходы на вольнонаемный состав участковых, районных, городского штабов

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 102.
2 Там же.
3 Там же.
4 Там же. Л. 102, 103.
5 Там же. Л. 103. В документе имеется ссылка на Письмо нач. сектора обороны исполкома Ленгорсовета от 10 августа 1941 г. №2252 с.

МПВО в размере 131,3 тыс. руб. на 449 чел., включая питание, стирку и дезинфекцию постельных принадлежностей (решение Ленгорисполкома от 13 июля 1941 г. №275сс)[1].

В-третьих, расходы на питание рядового и младшего начальствующего состава армии народного ополчения в период комплектования до передачи полностью укомплектованных полков Военведу из расчета 6,60 руб. в день с отнесением на счет местного бюджета, всего на 8 млн. рублей (решение Ленгорисполкома от 7 июля 1941 г. №246). Данное решение было устно согласовано с Н. А. Вознесенским и Н. А. Булганиным, что было подтверждено шифрованной телеграммой Вознесенского. Таким образом, в июле – августе 1941 г. было израсходовано на питание армии народного ополчения, включая неоплаченные счета, всего: 6 736,5 тыс. руб.[2]

В-четвертых, дополнительная оплата питания аварийно-восстановительных полков и батальонов, из расчета 3 руб. в день на человека, всего на имеющиеся 6 532 чел. (решения Ленгорисполкома от 19 и 29 июля 1941 г., соответственно №№308 и 364), в августе и сентябре требовалось, включая уже израсходованные на эти цели средства, 1 195,4 тыс. рублей. Это вызывало возражения Ленгорфо, так как в постановлении СНК РСФСР от 17 июля 1941 г. №419 пс, изданном на основании постановления ГКО от 16 июля 1941 г. №174с, было указано на сохранение зарплаты за работниками аварийно-восстановительных отрядов без дополнительных затрат на питание[3].

В-пятых, дотация на питание работников Отдела регулировки уличного движения (ОРУД) с 19 июля по 1 октября 1941 г. в размере 158,9 тыс. руб., за счет сокращения расходов по смете ОРУД: начислений на зарплату (решение Ленгорисполкома от 29 июля 1941 г. №362).

В-шестых, дополнительные расходы по восстановлению оперативных коек, взамен переданных Военведу 4415 коек (1030 на бюджете СССР и 1590 на бюджете РСФСР). Вместо них было восстановлено 180 коек учреждениями, финансируемыми из бюджета СССР, в том числе 150 коек педиатрическим мединститутом (ЛГПМИ), и 470 учреждениями, финансируемыми из бюджета РСФСР, в том числе 270 в центральном акушерско-гинекологическом институте. Таким образом, в лечебных учреждениях, содержащихся полностью на местном бюджете, дополнительно следовало восстановить 2 091 койку, с расходами на их содержание 3 387 тыс. руб., из расчета 540 рублей на койку в месяц, что планировалось покрыть за счет сокращений по смете органов здравоохранения[4].

Были запланированы единовременные затраты: на приобретение зимней одежды и обуви для эвакуированных детей многосемейных и материально необеспеченных родителей, а также

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 103.
2 Там же. Л. 103, 104.
3 Там же. Л. 104.
4 Там же. Л. 104, 105.

для оказания материальной помощи родителям, лишившимся детских вещей в результате воздушных налетов на эшелоны с детьми, в размере 1,5 млн. рублей (решение Ленгорисполкома от 18 августа 1941 г. №454 с, устно было согласовано с заместителем Председателя СНК РСФСР А. Н. Косыгиным); расходы на приспособление дополнительных помещений под госпитали, в соответствии с заявкой Военного Совета Северного фронта, на сумму 193 399 руб., оставшаяся задолженность Ленгорздравотдела (решение Ленгорисполкома от 17 августа 1941 г. №451с); расходы на приобретение инструмента (лопаты, ломы, кирки и др.) для трудовых работ в местах создания укрепленной зоны вокруг Ленинграда – до 2,5 млн. рублей за счет средств Горжилфонда (решение Ленгорисполкома от 14 августа 1941 г. №49-74); расходы по рытью колодцев и устройству артезианских скважин ок. 2,7 млн. рублей (решение Ленгорисполкома от 18 июля 1941 г. №299).

Всего свод расходов военного времени по г. Ленинграду на 3 кв. 1941 г. составил, без расходов, прямо покрываемых за счет смет организаций: 84 750,5 тыс. рублей[1].

Таким образом, в структуре военных расходов по местному бюджету, расходы на эвакуацию детей и семей рабочих и служащих составили 64 780 тыс. рублей (76,4%); расходы на мероприятия, связанные с организацией гражданской обороны, включая развертывание восстанавливаемых коек и госпиталей, – 19 960, 5 тыс. руб. (23,6%) [подсчитано по приведенной сводке – Л.Г.][2].

Данные средства предполагалось покрыть за счет сокращения штатов Ленгорсовета и исполкомов, утвержденного 6 и 7 августа 1941 г., а также смет и штатов трестов и управлений Ленгорсовета, а также сокращения бюджетных учреждений на 8,1%. Предполагалось, что с учетом решения СНК РСФСР от 7 августа 1941 г., сокращение расходов мирного времени на просвещение, здравоохранение, местную промышленность, коммунальное хозяйство, сельское хозяйство, радиокомитет составит не менее 50 425 тыс. руб. С учетом сокращения управленческих расходов по городу и районам данная сумма могла быть увеличена.

Однако уход значительной части рабочих и служащих в народное ополчение и трудовая мобилизация людей на оборонные работы, предусматривавшие сохранение за ними должностей и окладов, ограничивали возможности сокращений в начальный период войны. Кроме того, эвакуация рабочих и служащих предполагала сокращение не только расходной, но и доходной части местного бюджета, в том числе связанной с сокращением товарооборота[3].

Таким образом, необходимо указать на возникший в августе 1941 г. дефицит местного бюджета г. Ленинграда, с одной стороны. С другой стороны, следует обратить внимание на его нацеленность на реализацию задач спасения гражданского населения. *Целями инспекторской*

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 105, 106.
2 Там же. Л. 106.
3 Там же. Л. 107, 108.

проверки было выявление внутренних потребностей Ленинграда и объем возможной правовой и финансовой помощи со стороны СНК СССР и СНК РСФСР.

Так, 14 августа 1941 г. было подготовлено заключение Ленгорфо об утверждении сметы на содержание 2-х эвакопунктов (по Лиговской ул., д. №46 и по Гончарной ул., д. №15) с 1 июля по 30 сентября 1941 г. В том числе за счет госбюджета СССР финансировались расходы на питание, на зарплату, в том числе начисления на зарплату, хозяйственные расходы и расходы на служебные разъезды[1], в соответствии с постановлениями СНК СССР от 5 июля 1941 г. №1823-816сс, от 14 июля 1941 г. №185, от 16 июля 1941 г. №1874[2]. Предлагалось выйти с ходатайством перед СНК СССР по оплате за счет госбюджета расходов по найму транспорта, по выдаче денежных пособий беженцам и по приобретению для них одежды, всего на 150 тыс. руб.[3]

6 сентября 1941 г. было принято распоряжение СНК СССР «Об оказании единовременной помощи лицам, эвакуированным из прифронтовой полосы и размещенным в гор. Ленинграде и Ленинградской области» (за подписями А. Н. Косыгина, зам. Председателя СНК СССР, и К. Д. Памфилова, зам. Председателя СНК РСФСР), согласно которому из средств местного бюджета Ленгорисполкому разрешалось израсходовать 200 тыс. рублей, и из средств Ленобласти 300 тыс. рублей, на оказание единовременной помощи населению, эвакуированному из прифронтовой полосы и размещенному на эвакопункте г. Ленинграда и в районах Ленинградской области[4]. Решением С.З. Ленгорисполкома от 19 сентября 1941 г. была выделена единовременная финансовая дотация в размере 200 тыс. руб. на оказание денежной помощи беженцам из Прибалтики, в размере 70 925 руб. на содержание санитарного пропускника при эвакогоспитале №1170, за счет имеющейся по местному бюджету г. Ленинграда экономии по разделу 17[5].

Таким образом, значительная часть чрезвычайных расходов в 1941 г. (финансирование МПВО, разворачивание госпиталей и, одновременно, восстановление коек, необходимых для обслуживания гражданского населения, строительство оборонных рубежей, финансирование эвакуации, обеспечение питанием и жильем беженцев в Ленинград, обеспечение заготовок топлива, расширение сети детдомов и дошкольных детских учреждений) ложилась на местный бюджет, поступления в который сокращались в связи с консервацией промышленности (необходимо учесть, что при консервации предприятий и учреждений заработная плата рабочим и служащим продолжала выплачиваться). При этом отсутствие крупных резервов в местном бюджете, необходимых для реализации чрезвычайных задач, возникших в период войны, позволяет говорить, что,

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 132, 133.
2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 105–111, 169–171, 398–399.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 132, 133.
4 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 545. Л. 318.
5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 135, 137, 138.

несмотря на плановые мероприятия по военной обороне, осуществляемые весной 1941 года, в целом война явилась серьезной нагрузкой, финансовых средств на которую было недостаточно.

Особенно заметно *взаимодействие центральных и местных органов власти в области финансов в начале 1942 года.* Согласно бюджету Ленинграда на 1-й квартал 1942 года, утвержденному НКФ РСФСР 4 января 1942 г., в 1941 г. ожидалось собрать 55 708 тыс. руб. местных налогов, из них на IV квартал приходилось 10 350 тыс. руб. План по местным налогам на I квартал 1942 г., утвержденный НКФ РСФСР, предполагал снижение еще на 1974 тыс. руб., всего: 8 376 тыс. руб. Весь доход местного бюджета за 1941 год определялся в 1 019 425 тыс. руб., включая 40 000 тыс., полученных из союзного и республиканского бюджетов, в том числе 129 892 тыс. руб. дохода, полученного в IV квартале 1941 г. На I квартал 1942 г. доход планировался 86 812 тыс. рублей. При этом предполагалось превышение расходов над доходами на 116 082 тыс. руб.[1]

Расходы, согласно бюджету Ленинграда на I квартал 1942 г., утвержденному НКФ РСФСР, планировались в следующем соотношении:

на народное хозяйство 54 302 тыс. руб. (27%), в том числе на коммунальное хозяйство и благоустройство 27 272 тыс. руб. (13,6%);

на просвещение 37 244 тыс. руб., на здравоохранение 83 475 тыс. руб., на физкультуру 137 тыс. руб., на социальное обеспечение 6 827 тыс. руб., всего на социально-культурные мероприятия 127 683 тыс. руб. (63,5%);

на управление и прочие расходы 19 109 тыс. руб. (9,5%). Всего вложения в местное хозяйство планировались в размере 201 094 тыс. руб.

Кроме того, требовалось вернуть 1800 тыс. руб. промышленной кооперации, излишне уплаченного налога. Всего расходы должны были составить 202 894 тыс. руб.

Никакие средства из местного бюджета в республиканский ни за IV квартал 1941, ни за I квартал 1942 г. не изымались[2].

15 января 1942 г. председатель исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся П. С. Попков в письме Н. А. Вознесенскому, заместителю Председателя СНК СССР, обратился с ходатайством об отпуске 40 млн. рублей дотации для покрытия бюджетного дефицита в Ленинграде (общая сумма дефицита в 1 кв. 1942 г. исчислялась ок. 135 млн. руб.). Одновременно Ленгорисполком просил разрешения на открытие кредита на 25 млн. рублей в Ленинградском Коммунальном банке на образование оборотной наличности бюджета, полностью исчерпанной на тот момент.

Необходимость дотации объяснялась уменьшением доходов по местному бюджету в первом

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 49. Л. 11.
2 Там же. Л. 12.

квартале 1942 года более, чем на 169 млн. по основным источникам, по сравнению с 1 кварталом 1941 г. В том числе: по эксплуатации трамваев и троллейбусов 17,3 млн. руб., по водопроводной и канализационной системе 13,5 млн. руб., по автомобильному транспорту 9,8 млн. руб., по торговле 42 млн. руб., местные налоги 21,0 млн. руб., местные неналоговые доходы 5,7 млн. руб., отчисления от госналогов 40,0 млн. руб., госналогов, сборов и пошлин 56,0 млн. руб.[1]

6 февраля 1942 г. народный комиссар финансов РСФСР А. А. Посконов сообщил, что вошел с ходатайством в СНК РСФСР о возбуждении ходатайства перед СНК СССР по покрытию разрыва между доходами и расходами по проекту бюджета Ленинграда на I квартал 1942 г. в сумме 97, 347 млн. руб. за счет союзного бюджета[2]. В объяснительной записке к проекту бюджета указывалось, что в I квартале 1942 г. ожидалось дальнейшее снижение доходов по сравнению с IV кв. 1941 г. на 27,6%.

При этом сохранялись расходы по консервации промышленных предприятий, предстояли расходы на госдотацию и премии по Ленгорлесу, имеющему задание на заготовку деловой древесины 53 тыс. кубометров и 32 тыс. кубометров дров. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 января 1942 г. на развитие промышленности передавались свободные накопления районной промышленности в сумме 1,256 млн. руб.

На жилищное хозяйство оставались ассигнования из союзного бюджета в размере 15 млн. руб., из которых финансировалось жилищное хозяйство Ленинграда в сумме 13,485 млн. руб. в I кв. 1942 г. На эти же расходы оставались в местном бюджете поступления по арендной плате с жилых помещений г. Ленинграда. При этом расходы по ремонту жилого фонда планировались в сумме 12 млн. руб., на мероприятия по ПВО, в том числе на строительство бомбоубежищ и газоубежищ, в сумме 20,530 млн. руб.[3]

По коммунальному хозяйству и благоустройству было принято финансирование из местного бюджета в сумме 19,519 млн. руб., в том числе 10 млн. руб. на аварийно-восстановительные работы, разрешенные СНК СССР в соответствии со справкой Ленгорисполкома; 5 млн. руб. выделялось на благоустройство города в целях предупреждения эпидемических заболеваний (организация захоронений и др.); 13, 350 млн. руб. выделялось на покрытие убытков по трамваю и троллейбусу.

Троллейбус не работал с ноября 1941 г. и не планировался к пуску в I кв. 1942 г., его консервация должна была обойтись в 1 млн. руб.; трамвай не работал в январе и планировалось его частично пустить в феврале на 25% (450 вагонов) и в марте на 50% (900 вагонов). Таким образом,

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 49. Л. 1, 1об.
2 Там же. Л. 2.
3 Там же. Л. 3.

расходы на амортизацию трамвая и зарплату (20,15 млн. руб.) частично компенсировались предполагаемыми доходами за февраль и март 1942 г. (7,8 млн. руб.). Разрыв в 12,35 млн, а также расходы на консервацию троллейбусов должны были погаситься за счет бюджета.

Зарплата рабочим и служащим начислялась, исходя из имеющихся указаний СНК СССР, запрещавших увольнение рабочих и служащих Ленинграда с законсервированных предприятий[1].

В то же время в местный бюджет планировались отчисления от ленинградской торговли в размере 4,69 млн. руб., в связи с наличием рентабельности торговли промышленными товарами в 2,5%. Учитывая предстоящее увеличение товарооборота в Ленинграде в 1942 г., оставался свободным излишек оборотных средств на 1 января 1942 г. в 39,524 млн. руб. сверх норматива в 30% остатков товаров в пути и в сети.

Поступления в бюджет Ленинграда от налогов планировались с сокращением, в связи с тем, что работа рынков не планировалась (отсутствовал разовый сбор); предполагалось сокращение налога со строений, в связи с их разрушением (на 15-20%) и из-за льгот по частному сектору (до 20%); подоходный налог по кооперации не планировался, напротив, предвиделись убытки в связи с излишне уплаченными суммами, которые надо было возвращать из бюджета (16,034 млн. руб.); поступления от платы за обучение не предусматривались, в связи со специальным распоряжением СНК СССР об освобождении учащихся г. Ленинграда от платы за обучение (по справке Ленгорисполкома). В то же время в размере, соответствующем поступлениям в местный бюджет в декабре 1941 г., планировались поступления от налога с нетоварных операций (4,8 млн. руб.); отчисления от городского культсбора и отчисления с подоходного налога с населения без военной надбавки. Планировалось поступление в местный бюджет налога с киноустановок, исходя из планируемого дохода в 5,5 млн. руб., а также поступления по займу Третьей Пятилетки (выпуска 4 года). По займу предполагался рост против ожидаемого исполнения на 4,291 млн. руб.[2] Помимо этого, на 1 января 1942 г. имелось 6,7 млн. руб. остатков бюджетных средств по данным Ленинградского Облкомбанка (областной конторы всесоюзного банка финансирования жилищного и коммунального хозяйства).

Также планировалось собрать 11, 345 млн. руб. родительских средств на содержание в эвакуации детей. При этом контингент детей, находившихся в эвакуированных детских учреждениях, исчислялся в 70 143 чел. (вместо 93 тыс. по данным финансового отчета за август 1941 г.): 28000 в детсадах, 28000 в школьных интернатах, 4143 чел. в яслях. Родительские средства должны были составить 30% от планируемых расходов в год, за содержание в яслях – 22%.

---

1 Т ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 49. Л. 4.
2 Там же. Л. 5.

Всего расходы по бюджету Ленинграда за I квартал 1942 г. были приняты в размере 191, 504 млн. руб., что было на 22,3 % выше ожидаемых расходов за IV кв. 1941 г. Это объяснялось тем, что увеличивались расходы на народное хозяйство: они должны были составить 45,837 млн. руб., на 40,8% больше по сравнению с IV кв. 1941 г.

Увеличивались расходы на здравоохранение, которые планировались в размере 83,475 млн. руб., на 26% выше, чем в IV кв. 1941 г. Это повышение объяснялось невыполнением расходов на питание в 1941 г. На бюджет Ленинграда были приняты 11 945 хирургических коек для обслуживания населения, пострадавшего в связи с военной обстановкой, а также организованные 2 924 койки для лечения дистрофиков, и дополнительно развернутые 1 275 коек в Домах ребенка. Остальная часть учреждений здравоохранения снизилась по сравнению с 1941 г.

Были запланированы расходы по ОСВОДу (400 тыс. руб.) и особые расходы (11, 184 млн. руб.). В особые расходы входили: содержание ПВО – 9,337 млн. руб.; хозобслуживание городских и районных военкоматов и ОСОАВИАХИМА – 65 тыс. руб.; содержание комсомольского взвода и комсомольского пожарного полка (2 100 чел.) – 336 тыс. руб.; особые расходы на содержание Смольного и на содержание Центрального эвакопункта[1].

Расходы на просвещение планировались в 36,119 млн. руб., на 4,9% ниже, чем в IV кв. 1941 г. Данные расходы включали: содержание 14 360 детей в детсадах НКП РСФСР (с расширением сети на 2000 мест) при норме расходов 440 руб. на квартал на воспитанника с отнесением 15% расходов на счет родителей; школы всеобуча с учетом 29 502 чел. учащихся 7–10 классов и занимающихся внеклассно 46 950 чел. по данным Ленгорсовета; содержание детдомов на 2 980 чел. (с расширением на 3000) при норме расходов 737 руб. в квартал на воспитанника, с оборудованием новых мест по 1 тыс. на воспитанника; содержание патронируемых детей в 3 106 чел. по 216 руб. на одного. Данные расходы включали дотации на функционирующие в Ленинграде театры им. Ленсовета, им. Ленинского Комсомола, Музкомедии, Детский, а также на содержание шести научных медицинских институтов с 1 399 койками при них, и на содержание 14 школ по подготовке среднего медперсонала с переходящим контингентом в 2 820 чел.

В утвержденном НКФ СССР бюджете г. Ленинграда на I квартал 1942 г. были выделены отдельно 37 330 тыс. руб. на содержание ПВО и особые расходы (содержание комсомольского пожарного полка, центрального эвакопункта, Смольного, содержание оперативных коек и др.)[2].

Интересен протокол от 16 января 1942 г. №51 бюро Ленинградского горкома ВКП(б), где обсуждался городской бюджет на 1-й квартал 1942 г. В связи с сокращением доходов и

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 49. Л. 6, 7, 8.
2 Там же. Л. 22, 23, 24.

возникновением «ножниц» между доходами и расходами на данный период в 162 677 600 рублей, которые следовало просить в виде дотации у СНК РСФСР, планировалось сократить дотацию питания в больницах, инвалидных домах, детских учреждениях, за исключением детсадов, до 75% от 1941 г., а также взимать плату с дистрофиков за пребывание в стационарах. Характерно, что при обсуждении вопросов составления плана бюджета учитывались политические аспекты расходов (А. А. Кузнецов), социально-психологические интерпретации «непопулярных» мероприятий (П. С. Попков), а также стратегические задачи скорого восстановления хозяйства (Я. Ф. Капустин)[1].

Таким образом, средства, которые было необходимо выделить из местного бюджета на особые, военные, расходы, получались различными способами. В том числе за счет сокращений штатов, включая райкомы ВКП(б) и райисполкомы, ассигнований на мирные нужды (на просвещение, здравоохранение и т.п.), которые происходили в августе 1941 г., затем в августе 1942 г. и в 1943 г. Согласно утвержденному Наркомфином СССР плану на I квартал 1942 г., на содержание управленческого аппарата Ленгорисполкома расходы были еще сокращены: предусматривался фонд заработной платы 4 500 тыс. рублей на 3000 штатных единиц, при среднемесячной зарплате 500 рублей[2].

Необходимостью облегчить положение ленинградского населения и разгрузить местный бюджет, а также сохранить эвакуированное гражданское население из Ленинграда, можно объяснить ряд финансовых мер, принятых в феврале 1942 г. при обсуждении областных бюджетов на заседании СНК РСФСР. В целом по Архангельской, Кировской, Омской и Ярославской областям, из местных бюджетов планировалось выделить дополнительно на питание и содержание эвакуированных ленинградских детей около 20, 943 млн. рублей[3]. Распоряжением СНК СССР от 14 мая 1942 №8719-р отменялась до 1 октября 1942 г. плата за содержание детей в детучреждениях с родителей, находившихся вне Ленинграда[4].

Необходимо подчеркнуть, что основная часть местного бюджета направлялась на финансирование мероприятий по коммунальному обслуживанию, здравоохранению, просвещению и социальному обеспечению гражданского населения. Как показывает анализ доходов и расходов

---

1 Так, П. С. Попков предложил не выходить в правительство с информацией о сокращении [прося дотацию – Л.Г.], но говорить о разворачивании новых детских домов. Попков же предложил перенести часть денег, запланированных на строительство бомбоубежищ, на строительство жилого фонда первой необходимости. (Протокол №15 от 16 января 1942 г. // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 541–543).

2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 49. Л. 21.

3 ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 40. Л. 14, 54, 81, 131.

4 О взимании платы за детей, находящихся в детских учреждениях, эвакуированных из г. Ленинграда от 30 мая 1942. Пр. №68, п. 66 // Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №14 (31 июля). С. 5.

местного бюджета за 1941 и 1942 годы, важное место занимала организация отрядов самообороны и ПВО. Весной 1942 г. значительная часть расходов по обеспечению отрядов самообороны, в связи с включением этих частей в РККА, была переложена на НКО СССР, в том числе за счет союзного бюджета происходило обеспечение партизанских отрядов сухим пайком.

На наш взгляд, следует обратить внимание на регулятивную роль кредитно-денежных отношений, характерных для социалистической экономики. Преодолению кризиса должны были способствовать усилия по оздоровлению кредитно-финансовой системы со стороны правительств СССР и РСФСР: выплата задолженностей по зарплате, возникших из-за простоев текстильного производства в Ленинграде, перераспределение денежных потоков, необходимых на финансирование оборонных работ, денежного довольствия народного ополчения, партизан, МПВО. В то же время кредитный план по союзному бюджету на I квартал 1942 года был утвержден в объеме 30% от запланированного и 25% по капитальному строительству, согласно постановлению СНК СССР от 16 декабря 1941 г. №2266 «Об открытии кредитов по союзному бюджету на январь 1942 года»[1].

Таким образом, *необходимые дополнительные ресурсы требовалось изыскать, прибегая к расширению системы местных налогов и к внутренним займам у населения*.

Указом Президиума ВС СССР с 3 июля 1941 г. были увеличены на военное время сельскохозяйственный и подоходный налоги (на 100%). Рабочие и служащие платили 50% с зарплаты в 300–500 руб., или освобождались от надбавки при зарплате менее 300 руб. (опубликовано в июле 1941 г.). Наиболее тяжелой надбавка была для граждан, подлежащих мобилизации, но освобожденных от призыва: она могла достигать 200%[2].

Указом Президиума ВС СССР от 29 декабря 1941 "О военном налоге" с 1942 года эти надбавки к налогообложению заменялись специальным военным налогом в соответствии с размером годового дохода, от которого освобождались военнослужащие, их семьи, получающие пособие от государства, инвалиды I и II групп, пенсионеры, не имевшие иных источников дохода (без публикации)[3]. 24 января 1942 г. вышло постановление СНК СССР №89 «О средних ставках военного налога для колхозников и единоличников»[4].

Заметим, что сельскохозяйственный налог должны были платить с индивидуальных

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 196. Л. 71.

2 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №26 (7 июля). С. 5.

3 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №1–2 (30 января). С. 12; См. также: О военном налоге (Указ от 29 декабря 1941 г.) // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – 1944 гг. – М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. С. 178–181. См. также *Зотова А. В.* Налоги и сборы в Ленинграде в период блокады // Управленческое консультирование. – 2015. – №3. С. 165–171.

4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 197. Л. 174–175.

огородов рабочие и служащие. Только 19 июня 1943 г. власти спохватились и отменили его постановлением СНК СССР №677 «Об освобождении от обложения сельскохозяйственным налогом рабочих и служащих по доходам, полученным с земельных участков, выделенных под коллективные и индивидуальные огороды»[1].

Изменения налоговой системы продолжались весь период войны. Так, с 1 октября 1941 г. Указом Президиума ВС СССР вводился налог на одиноких и бездетных граждан СССР с 20 лет. От налога были освобождены военнослужащие, их семьи, а также учащиеся средних и высших учебных заведений, мужчины старше 50 лет и женщины с 45 лет (данный возраст был установлен инструкцией от 30 ноября 1941 г.), пенсионеры, а также лица, которым деторождение было противопоказано врачебной комиссией[2]. В связи с освобождением ряда оккупированных районов, 25 февраля 1942 г. вышло постановление СНК СССР №254 «Об освобождении отдельных хозяйств ранее оккупированных немцами районов от уплаты налогов и сборов, и недоимок по ним»[3].

10 апреля 1942 г. вышел Указ Президиума ВС Союза ССР «О местных налогах и сборах», которым устанавливались местные налоги и сборы: со строений, земельная рента, сбор с владельцев транспортных средств, сбор с владельцев скота, разовый сбор на колхозных рынках (для торговцев с рук он составлял 1–2 рубля). Этим же указом устанавливались льготы по местным налогам для общественных организаций: Осоавиахима, Международной организации помощи борцам революции, обществ Красного Креста и Красного полумесяца и др., а также для военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава, членов их семей, для пенсионеров и членов их семей, не имеющих никаких доходов кроме пенсии. Указ предоставлял право местным органам власти вводить дополнительные льготы. В связи с изданием данного указа вышло постановление СНК СССР от 7 октября 1942 г. №1639, внесшее изменения в законодательство СССР[4].

Решением Ленгорисполкома от 17 июня 1942 г. утверждались дополнительные льготы для Героев Советского Союза, Героев Социалистического труда, орденоносцев, а также для партизан, ополченцев. Принадлежащие им и их семьям строения освобождались от налога со строений[5].

Указом Президиума ВС СССР от 10 сентября 1942 г. был введен налог со зрелищ. Налогом от 5 до 10% облагались билеты на лекции, диспуты, доклады, выставки, в музеи, зверинцы, на спектакли и концерты, цирковые представления, аттракционы, паноптикумы, общественные гулянья, спортивные состязания, а также катания на лодках и велосипедах. Бега и скачки облагались налогом в 40–60%. Прочие зрелища (сюда попадали киносеансы) – 50%. От налога

1 Там же. Д. 216. Л. 56.
2 *Зотова А. В.* Указ. соч. С. 166; См. также Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №39–40 (18 декабря). С. 1.
3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 112.
4 Там же. Д. 206. Л. 142–145.
5 *Зотова А. В.* Указ. соч. С. 167; См. также Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №14 (31 июля). С. 2–7.

освобождались зрелища пропагандистского и оборонного характера, для детей до 16 лет, а также благотворительные: в госпиталях, детдомах, воинских частях и др. Налог полностью оставался в местном бюджете[1].

30 апреля 1943 г. вышел Указ Президиума ВС СССР «О подоходном налоге с населения». От налога освобождались рабочие и служащие, получавшие зарплату до 150 руб. в месяц, а также военнослужащие и военнообязанные, Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда и пр. льготные группы населения. Ставки составляли от 5,5% до 13%. Максимальная ставка устанавливалась для месячной зарплаты от 1001 руб. и выше[2].

В течение войны неоднократно проводился налоговый учет граждан, имевших самостоятельные источники дохода: с 20 октября 1941 г. по 15 января 1942 г., с 15 ноября 1943 г. по 25 января 1944 г. В то же время от учета уклонялись многие кустари: водопроводчики, электромонтеры, строители и др. Развитая сеть кустарей-надомников имелась у промкомбинатов, промартелей и орсов (отделов рабочего снабжения), осуществлявших бытовое обслуживание населения, при этом кустари часть работы делали самостоятельно, уклоняясь от налогообложения[3].

Структура собираемых налогов, сборов, пошлин в местный бюджет состояла из местных налогов, отчислений от государственных налогов и неналоговых доходов, а также государственных налогов, сборов и пошлин, непосредственно зачисляемых в местный бюджет. Необходимость изыскания дополнительных финансовых средств проявлялась в поиске новых форм налогов, так в 1943 г. появился ряд новых косвенных налогов на отдельные виды продовольствия: изделия из какао-бобов, бисквиты, печенье, мягкие конфеты (постановление СНК СССР от 26 июня 1943 г. №693), на импортный витамин «А» в рыбьем жире (постановление СНК СССР от 28 августа 1943 г. №924), на растительное масло (постановление СНК СССР от 28 августа 1943 г. №925; этим же постановлением отменялся налог на жмыхи и шрот), дрожжи из мелассы[4] (постановление СНК СССР от 14 сентября 1943 г. №985), на пищевые концентраты (постановление СНК СССР от 5 января 1944 г. №11)[5].

Одним из источников дополнительного финансирования являлись выпуски внутреннего займа. Постановлением СНК СССР от 13 апреля 1942 г. №504 был выпущен Государственный Военный Заем 1942 года на сумму 10 миллиардов рублей сроком на 20 лет. Облигации и доходы от них, в том числе выигрыши, освобождались от обложения государственными и местными

---

1 *Зотова А. В.* Указ. соч. С. 166–167.
2 Там же. С. 167; Бюллетень Ленгорсовета. – 1943. – №11–12 (30 июня). С. 25-30.
3 *Зотова А. В.* Указ. соч. С. 168, 169.
4 Меласса – отход свеклосахарного производства, используют в кормлении с/х животных (по Советский энциклопедический словарь – М.: изд-во «Советская энциклопедия», 1980. С. 795).
5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 216. Л. 95–96; Д. 217. Л. 359–360, 361–363; Д. 218. Л. 156–157; Д. 223. Л. 29.

налогами и сборами. Заем состоял из двух выпусков: выигрышного, который выплачивался выигрышами и распространялся среди населения, и процентного, в виде процентов по купонам, распространявшийся среди артелей: сельскохозяйственных, кустарно-промысловых, рыболовецких, промыслово-сельскохозяйственных, кооперации инвалидов, лесной кооперации, товариществ по совместной обработке земли. Период погашения выигравших облигаций начинался с 1 сентября 1947 года, в течение 15 лет до конца срока (1 сентября 1962 года). Доход по облигациям процентного выпуска выплачивался купонами один раз в год в размере 2 процентов, начиная с 1 февраля 1944 года. Эти облигации выкупались государством в течение 1958–1962 годов[1].

Таким образом, вопросы денежного и иного материального довольствия, защиты социального обеспечения гражданского населения, членов отрядов самообороны и лиц, мобилизованных на оборонные работы, как и рабочих оборонных заводов, а также их семей, являлись важным аспектом взаимодействия центральных и местных органов власти и управления и обеспечивали укрепление взаимосвязи тыла и фронта. С другой стороны, огромная финансовая нагрузка, которая легла в первые месяцы войны на местный бюджет, перекрывая все довоенные мобилизационные планы, не могла не привести к финансовому кризису, связанному с дефицитом средств. При этом негативное воздействие при получении банковских кредитов, в том числе на выплату заработной платы, могли оказать некоторые волюнтаристские решения руководителей Ленгорисполкома летом 1941 г.: сжигание векселей и пр. Важным резервом явились фонды общественных организаций, а также пожертвования граждан. Одним из административных ресурсов стало расширение местных налогов, а также внутренние займы.

5.3. Социальное обеспечение населения Ленинграда

К вопросам социального обеспечения следует отнести все виды страхования жизни и здоровья, пенсионное обеспечение, вопросы охраны детства и материнства, в том числе помощь и поддержка беременным женщинам и многодетным матерям, а также матерям-одиночкам. В условиях войны к ним добавились вопросы: социального обеспечения семей военнослужащих, инвалидов войны и труда, а также беспризорных детей и подростков.

Для Ленинграда, где имелось значительное количество инвалидов войны из числа гражданского населения, помимо инвалидов военнослужащих, как демобилизованных, так и продолжавших пребывать в рядах разного рода войск, были актуальны все виды социального обеспечения

1 Там же. Д. 199. Л. 337–342.

инвалидов, в том числе инвалидов войны и их семей. Основными направлениями работы по социальному обеспечению были: обеспечение пенсиями и пособиями, социальными льготами, обслуживание инвалидов через дома инвалидов, трудоустройство, эвакуация из города тех, кто не мог трудиться, определение группы инвалидности.

Организационно-правовое оформление социального обеспечения в период войны приобрело политический характер. В начале войны вопросы социального обеспечения, в том числе получения пенсий и пособий, решались отделами социального обеспечения (собесами) райисполкомов, возглавляемыми горсобесом (зав. В. Н. Сусляков). Решением Ленгорисполкома от 27 июня 1941 г., во всех районах города должны были работать комиссии по назначению пенсий и пособий во главе с заместителем председателя райисполкома, в составе военного комиссара и заведующего райсобесом.

6 марта 1942 г. было издано Положение о Наркомате социального обеспечения (соцобеспечения) РСФСР, основной задачей которого объявлялась защита прав инвалидов войны и труда, а также лиц, имевших права на социальные пособия: сирот, многодетных матерей, позднее матерей-одиночек[1]. Новое Положение сказалось на более внимательном отношении к социально незащищенным людям. Так, решением Ленгорисполкома с марта 1942 г. стали выдавать повторные экземпляры актов гражданского состояния для получения страхового пособия в случае смерти по причине болезни[2].

Деятельность собесов являлась объектом постоянной критики. Так, термин «собесовщина» в устах П. С. Попкова означал: распущенность, попустительство, «панибратство»[3]. 7 января 1942 г. впервые на заседании Ленгорисполкома был поставлен вопрос о промедлениях с назначением пособий семьям красноармейцев[4]. Только 7 мая 1942 г. вопрос о назначении и выплате пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава специально обсуждался на заседании Ленгорисполкома. Было выявлено, что вопросы назначения и размера пособия или пенсии решались волюнтаристски: люди для получения денег были вынуждены простаивать многочасовые очереди в холодном, грязном помещении, выслушивать оскорбления. За декабрь 1941 – январь 1942 г. пенсии и пособия не были выплачены из-за отсутствия кредитов, а затем и денег в банке. Подключение к работе прокурорского надзора не особенно помогло в условиях, когда сотрудники райсобесов болели и умирали от дистрофии. К тому же, после массовой эвакуации

1 Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. –1942. – №1. С. 1–8.
2 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №7-8 (29 апреля). С. 7.
3 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.]; [составители *И. М. Сапронов, Н. Ю. Черепенина* (отв. составитель)]. – СПб.: Арт-Экспресс, 2017. С. 120.
4 Там же. С. 55.

инвалидов, с 15 августа 1942 г. прошло сокращение штатов райсобесов[1].

Причиной задержек на 3-4 месяца с выплатами пенсий осенью-зимой 1941/42 гг. в отчете Смольнинского райсовета был назван недостаток работников в собесе и совмещением сотрудниками профессий: счетовода, контроллера, архивариуса[2]. Проблема нехватки работников решалась привлечением общественности.

В первой половине 1942 г. ослабили свою деятельность *страховые советы профсоюзных организаций* из-за эвакуации многих предприятий. С этим было связано возникновение задолженности ленинградских профсоюзов перед предприятиями, которые использовали фонд заработной платы для выплаты по больничному листу. Этот вопрос был разрешен СНК СССР только в августе 1942 г.[3] В 1943 году в работе страховых советов важное место заняло выполнение постановления СНК СССР от 13 декабря 1942 г. «О страховании жизни», которое вводило пять видов индивидуального страхования жизни. Профсоюзные активисты работали в комиссиях по содействию и страховыми агентами, были организованы консультации и справочные столы[4].

Таким образом, особое значение приобрела *деятельность Госстраха.* Необходимо указать, что многие инвалиды войны умирали от болезней, возникших как последствия увечий. «Мирная» болезнь давала право на получение страховки. В самом начале войны было принято постановление СНК СССР от 8 июля 1941 г. №1840 «О страховой ответственности органов Госстраха», согласно которому, если смерть или травма наступали в результате военных действий (от огневого поражения), страховка не выплачивалась[5]. 4 апреля 1942 г. вышло еще одно постановление СНК СССР №438 «Об ответственности органов Госстраха», согласно которому Госстрах не нес ответственности по обязательному и добровольному страхованию за потери в течение периода временной оккупации территории немецко-фашистскими захватчиками. Ответственность Госстраха по обязательной страховке и договорам добровольного страхования, сроки которых не истекли, восстанавливалась после освобождения территории от оккупантов[6].

Прямое отношение к восстановлению хозяйства на территории освобожденной Ленинградской области имели постановления СНК СССР от 4 марта 1943 г. №229 «О восстановлении учёта и отчётности в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов» и от 6 марта 1943 г. №245 «О проведении государственного страхования в местностях, освобождаемых от немецкой

---

1 Там же. С. 131–138, 230.

2 ЦГА СПб. Ф.Р-4. Оп.5. Д. 186 (Отчет о работе Райсовета за 1941-1943 гг. и материалы к нему). Л. 16.

3 Там же. Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 13. Л. 9; ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 204. Л. 238.

4 *Бибиков Ю. К., Москалев С. Н.* Профсоюзы Ленинграда в годы Советской власти. 1917 – 1959. – М., 1960. С. 121–122.

5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 121; Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. С. 262. (Разъяснение наркома Финансов СССР от 19 августа 1941. №661).

6 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 199. Л.213.

оккупации»[1], которые вышли в связи с освобождением от захватчиков оккупированных территорий. В соответствии с постановлением СНК СССР №245 с колхозов, колхозников, единоличников и других граждан на территории, освобожденной после 1 октября 1942 г., снимались все недоимки по платежам обязательного страхования за предшествующий период.

Институционализация назначения и выплаты пенсий, пособий, социальных льгот военнослужащим и их семьям происходила весь период войны, начавшись в довоенное время. Согласно постановлению СНК СССР от 16 июля 1940 г. №1269 «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям», пенсии военнослужащим и их семьям по инвалидности и по случаю потери кормильца назначались комиссиями при районных и городских отделах соцобеспечения, которые их и выплачивали. Минимальный размер страховой пенсии, 40 рублей, назначался в случае смерти военнослужащего от несчастного случая или болезни семье при одном нетрудоспособном иждивенце. Семьи красноармейцев без вести пропавших в период боевых действий имели право на пенсии наравне с семьями погибших. Существовавшие ранее пенсии инвалидов гражданской войны, военной службы в РККА, бывших партизан и инвалидов империалистической войны, а также членов их семей увеличились на 50%[2].

Согласно постановлению СНК СССР от 5 июня 1941 г. №1474 «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава, лицам младшего начальствующего состава сверхсрочной службы, специалистам рядового состава сверхсрочной службы и их семьям», пенсии и пособия назначались по принадлежности: органами Народных комиссариатов обороны, Военно-Морского флота и внутренних дел СССР[3].

В течение весны – осени 1942 года вышел ряд постановлений ГКО и СНК СССР, касающихся оформления пенсий семьям военнослужащих, в том числе в случае утраты связи с ними. Постановлениями ГКО от 11 марта 1942 г. №1424с и от 14 мая 1942 г. №1749с, определялся порядок оформления и назначения пенсий семьям погибшего начальствующего состава Красной Армии, а также обеспечения семей начальствующего состава Красной Армии, не имеющих денежных аттестатов и связи с главой семьи[4]. В сентябре – октябре 1942 г. были приняты два постановления СНК СССР о выплате пенсий морякам морских и речных судов, плавающих в

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 211. Л. 127–128, 178–179.

2 Постановление СНК СССР от 16 июля 1940 г. №1269 «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям» [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/71571200/ (дата обращения: 07.12.2021) (По СП СССР. 1940. №19. Ст. 465).

3 Постановление СНК СССР от 5 июня 1941 г. №1474 «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава, лицам младшего начальствующего состава сверхсрочной службы, специалистам рядового состава сверхсрочной службы и их семьям» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home#doc/esu/8418/4294967295/0 (дата обращения: 07.12.2021)

4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 255, 320.

районах военных действий, а также их семьям[1]. Важное значение в получении семьями денежного довольствия военнослужащих имело постановление СНК СССР от 15 сентября 1942 г. №1536 «О порядке удостоверения доверенностей и завещании военнослужащих в военное время»[2].

Внимание к социальному положению, больничному и внебольничному обслуживанию инвалидов войны отразилось в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 6 октября 1941 г. «Об образовании Всесоюзного комитета помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов Красной Армии» и постановлении СНК РСФСР №659 «О мероприятиях по трудовому устройству и обучению инвалидов Отечественной войны» от 6 ноября 1941 г.[3] Ленисполком пять раз обращался к этому вопросу в октябре – декабре 1941 г.[4], в соответствии с указанными постановлениями.

К началу войны в Ленинграде находился Дом инвалидов им. К. Маркса (ул. Смольного, д. 4). Дома инвалидов, в том числе детские, размещались также в Петергофе, Слуцке, Озерках и в Коломягах. Летом 1941 г. они были эвакуированы в Ленинград и за его пределы. 11 июня и 19 сентября 1942 г. Ленгорисполком передал городскому отделу социального обеспечения для размещения инвалидов еще два помещения (ул. Герцена, д. 47, и ул. Растанная, д. 20)[5]. 24 ноября 1942 г. решением Ленгорисполкома Дом инвалидов им. К. Маркса был переименован в больницу, которая имела 22 отделения на 2 100 коек, из них 200 – для демобилизованных из армии. Больница имела территорию в 8 га, на которой размещались три здания. Всего через дома инвалидов к 16 декабря 1943 г. прошло 38 273 чел.[6]

Мест не хватало, и 24 декабря 1942 г. на заседании Ленгорисполкома специально рассматривался вопрос о внебольничном обслуживании населения. Для ухода за больными, находящимися на квартирном лечении, были привлечены санитарные посты домохозяйств и дружинницы Городского Комитета Красного Креста[7].

Основным способом решения вопроса была организация эвакуации демобилизованных инвалидов войны, не имевших прописки в Ленинграде. Содействие отделу социального обеспечения Ленгорисполкома в организации 4-х эвакопунктов для инвалидов Отечественной войны решением ГК ВКП(б) от 22 октября 1941 г. было возложено на Ленинградский городской комитет

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 205. Л. 155; Д. 207. Л. 56.
2 Там же. Л. 203.
3 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Правовая политика Советского государства в области охраны здоровья населения (1940–1950). – СПб.: РИЦ ПСПбГМУ, 2017. С. 208; Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – 1941. – №7. С. 83-84.
4 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. С. 601.
5 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг. С. 410.
6 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. С. 577, 601.
7 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг. С. 410.

(ЛГК) Красного Креста[1]. На эвакопунктах, расположенных по адресам: пр. Огородникова, д. 3 и ул. Каляева, д. 14, осуществлялась подготовка инвалидов войны к эвакуации. Оказывалась помощь роженицам в устройстве в роддом, оформлении свидетельств о рождении.

К 5 января 1942 г. на 80 390 койках военных госпиталей лечились 82 869 чел. раненых и больных воинов. После выписки из госпиталей инвалиды-военнослужащие попадали в эвакоприемники[2]. Положение инвалидов на эвакопунктах было тяжелым. Так, в эвакопункте на ул. Войтика, д. 7, находились инвалиды труда, переведенные из г. Пушкин, и около 200 чел. инвалидов войны. На 10 ноября 1941 г. обстановка с питанием, одеждой, гигиеной была удручающей. Инвалиды войны в сутки получали 200 г хлеба (меньше, чем на других эвакопунктах), обедали плохо два раза в сутки из-за отсутствия дров, посуды. Из-за нехватки нательного белья не мылись в бане больше месяца. Многие не имели теплых вещей и обуви, не хватало постельного белья. Из-за поломки титана отсутствовала кипяченая вода. Городской комитет Красного Креста выделил в эвакопункт двух медсестер, прикрепил дружину, чтобы улучшить медико-санитарное состояние. Л. Н. Левитская, председатель ЛГК Красного Креста, обратилась к Д. В. Павлову, уполномоченному ГКО, с просьбой о помощи, предлагая перевести инвалидов войны в другие учреждения, где им было бы лучше[3]. Следует думать, что сокращение норм выдачи хлеба 18 ноября 1941 г. не позволило улучшить положение (норма иждивенцев сократилась до 125 г хлеба, а 200 г получали рабочие, к которым со 2 февраля 1942 г. приравняли инвалидов войны).

29 января 1942 г. было принято постановление №00598 Военным Советом Ленфронта «Об эвакуации раненых и больных из г. Ленинграда». В соответствии с планом эвакуации, разработанным военно-санитарным управлением, предпринимались меры для утепления и оказания медико-санитарной помощи раненым в пути[4]. В то же время условия эвакуации в 1941–1942 гг. демобилизованных инвалидов войны горсобесом были более суровые: до начала перевозок автотранспортом они выводились через Ладожское озеро пешком. Первая партия в декабре 1941 г., 250 человек наиболее крепких, дошла благополучно, согласно отчету Ленгорсобеса от 16 декабря 1943 г.[5] Можно ли доверять этой оценке, учитывая состояние здоровья людей и их «выморочное» обмундирование?

В решении Ленгорисполкома от 16 декабря 1943 г. №147 «О работе Ленгорсобеса»

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 2. Д. 59. Л. 9.

2 *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944). – М.: Медицина, 1985. С. 151–152.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 2. Л. 115, 115об.

4 *Гладких П. Ф.* Указ. соч. С. 151–152.

5 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. С. 576, 601. См. также: *Пянкевич, В. Л., Чистиков, А. Н.* Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г. // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, №1. С. 57.

отмечалось, что всего за время войны было эвакуировано 77 324 чел. инвалидов и членов их семей. Из них Городской эвакуационной комиссией за 1942–1943 гг. было эвакуировано около 53 613 чел. инвалидов войны (через эвакоприемники)[1]. По линии Ленгорсобеса: с ноября 1941 по 1 января 1942 г. 3 387 инвалидов войны было вывезено из Центрального эвакопункта, а всего к 30 июня 1943 г. из Ленинграда выехало св. 17 тыс. инвалидов войны[2]. Вероятно, разницу следует отнести к статусу инвалидов. Ленгорсобес занимался только демобилизованными инвалидами войны и членами их семей, а также членами семей военнослужащих.

Продовольственное обеспечение и бытовое обслуживание инвалидов Советскими органами власти в 1942 и 1943 гг. Несмотря на трудности уже в феврале 1942 г. в Ленинграде начали предприниматься попытки улучшить обеспечение и обслуживание демобилизованных инвалидов войны и семей военнослужащих Г. Л. Соболев и М. В. Ходяков указывают, что решением Продовольственной комиссии Ленинградского фронта в 1942 г. по нормированному снабжению инвалиды Отечественной войны были приравнены к рабочим[3]. Необходимо дополнить, что согласно протоколу №3 комиссии от 2 февраля 1942 г. к группе рабочих были приравнены те из инвалидов, которые находились на квартирах[4]. Согласно протоколу от 20 февраля 1942 г. №5 Продкомиссии, продовольствие горсобесу для инвалидов в доме хроников следовало отпускать по нормам, установленным для туберкулезных больных, из расчета 300 человек[5].

Материалы сессий позволяют увидеть внимание к судьбе каждой отдельной семьи военнослужащих уже в феврале 1942 г. Первым в городе, на VIII сессии 20 февраля 1942 г., Свердловский районный Совет депутатов трудящихся рассмотрел вопрос «О неотложных мероприятиях по бытовому обслуживанию трудящихся Свердловского района гор. Ленинграда». 27 февраля на IX сессии Красногвардейского районного Совета депутатов трудящихся этот вопрос был рассмотрен уже в связи с очисткой территории и санитарным обслуживанием населения[6]. В отчете о работе по 23 избирательному округу Красногвардейского райсовета депутат Королев отмечал, что с начала войны работа в округе не прекращалась: велось наблюдение за закрытыми квартирами; шла работа с семьями красноармейцев: им лично было устроено работать на завод 28 человек; проводились беседы с людьми о поведении во время бомбардировок, во время пожаров; была создана комиссия по сбору теплых вещей; работала санитарная комиссия. В санитарной комиссии

1 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. С. 577.
2 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: ноябрь 1941 – декабрь 1942 г. С. 412.
3 *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. – 2016. – №1. С. 14.
4 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 17. Л. 7.
5 Там же. Д. 19. Л. 2, 11.
6 ЦГА СПб. Ф. Р-4793. Оп. 3. Д. 40; Ф. Р-4948. Оп.1. Д.20,38,60.

были выбраны лестничные уполномоченные, которые ежедневно проверяли квартиры, чистоту, сохранность вещей, выявляли умерших людей[1].

Несмотря на строгую регламентацию и защиту правительственными постановлениями прав военнослужащих и их семей на денежные пособия и социальную помощь, в их реализации имелось множество нарушений, вероятно, связанных с тем, что постановления СНК действовали не напрямую, а через распоряжения местных властей. В связи с этим 22 января 1943 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих». Согласно Указу Президиума ВС СССР от 27 января 1943 г. следовало создать при исполкомах специальные отделы[2].

Решением Ленгорисполкома от 5 февраля 1943 г. был образован такой городской отдел по государственному обеспечению и бытовому устройству военнослужащих (заведующий А. А. Бубнов)[3]. Распоряжением СНК СССР от 22 февраля 1943 г. №3849-р при рай(гор) исполкомах создавались комиссии по назначению пособий и пенсий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава[4].

На XII сессии Свердловского райсовета 9 февраля 1943 г. отмечалось: «*Нет более почетной работы* в наше время для каждого из нас*, чем забота о семье защитника* нашей родины»[5].

В докладе прозвучало, что за развал работы с семьями военнослужащих были отданы под суд ряд областных работников по социальному обеспечению. Особое место уделялось роли депутатов в налаживании данной работы. Депутатам предстояло:

«А) Знать каждую семью военнослужащего, обойти их, ПОГОВОРИТЬ с ними,

Б) ДОБИТЬСЯ оказания им нужной помощи через предприятия, где работал боец до войны, где работают члены семьи, через Отделы и управления Районного Совета

В) Сигнализировать в соответствующие организации для оказания помощи семье,

Г) организовать всем депутатам прием на округах.

Д) Разъяснить всем трудящимся своего округа об этом решении ЦК и задачах, вытекающих из него для каждого»[6].

4 марта 1943 г. на заседании Ленгорисполкома обсуждалась работа созданных отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству военнослужащих. А. А. Бубнов

---

1 Там же. Ф. Р-4793. Оп. 3. Д. 40. Л. 3, 3об, 4, 5.
2 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. С. 136.
3 Там же. С.7.
4 Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – 1943. – №2. С. 32.
5 ЦГА СПб. Ф. Р-4948.Оп.1. Д.38 (Стенографический отчет и протокол XII сессии Свердловского районного Совета д. т. 1созыва. 9 февраля 1943 г.). Л. 3об.
6 Там же. Л. 5, 6. Сохранен стиль документа – Л.Г.

докладывал, что к 1 марта 1943 г. задолженность в Ленинграде по выплате государственных пособий 7345 семьям и пенсий 1200 семьям составляла более 2 млрд. рублей за период от 1 до 6 месяцев[1]. Помимо выплаты очередных пособий и пенсий, среди первоочередных проблем были названы: обеспечение жильем, дровами, промтоварами, особенно детского ассортимента, и трудоустройство. В принятом решении Ленгорисполкома от 4 марта 1943 г. №25 «О выполнении постановления ЦК ВКП(б) "О мерах по улучшению работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих" в Володарском и Ленинском районах» указывались меры по исправлению выявленных проблем[2].

Как уже писалось, в феврале 1943 г. в докладах на сессиях райсоветов «сохранение жизни ленинградцев» выступает как приоритетная цель, это соответствовало политическому курсу правительства СССР.

В 1943 году были увеличены пенсии ряду военнослужащих и расширен круг лиц, получающих их. Постановлениями СНК СССР регламентировалась выплата пенсий семьям военнослужащих, а также вольнонаемных работников, в том числе занятых на оборонительных работах, железнодорожников прифронтовых дорог и медицинских работников морского и речного флота, плавающих в районах боевых действий. Всего с 5 января 1943 г. по 14 сентября 1943 г. вышло 12 таких постановлений[3]. Особенно следует отметить постановление СНК СССР от 14 сентября 1943 №986 «О пособиях и пенсиях семьям военнослужащих», которым выплата пособий

---

1 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. С. 127.

2 Там же. С. 126–13.

3 Постановления СНК СССР от 5 января 1943 г. №14 «О повышении заработной платы и пенсионном обеспечении работников прифронтовых участков железных дорог НКПС» и от 7 января 1943 г. №26 «О пенсиях медицинским работникам морского и речного флота, плавающим в районах военных действий, и их семьям» (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 210. Л. 24–28, Л. 51–52); постановления СНК СССР от 28 апреля 1943 г. № 459 «О выплате пенсий и пособий военнослужащим и их семьям, пенсионерам и многодетным матерям в местностях, освобожденных от неприятеля» и №462 «Об обеспечении семей генералов и лиц старшего начальствующего состава Красной Армии, умерших, погибших в боях и пропавших на фронте без вести», от 31 мая 1943 г. №618 «О распространении постановления Совнаркома СССР от 28 апреля 1943 г. №462 "Об обеспечении семей генералов и лиц старшего начальствующего состава Красной Армии, умерших, погибших в боях и пропавших на фронте без вести" на Военно-Морской Флот», от 4 июня 1943 г. № 630 «О надбавках к должностным окладам и о пенсионном обеспечении личного состава Линейных органов военных сообщений Красной Армии, находящихся на прифронтовых участках железных дорог в пределах армейского тыла Действующей Армии» (Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – 1943. – №2. С. 32; ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 213. Л. 283; Д. 213. Л. 288–292, Д. 215. Л. 115–116, 150–151); постановления СНК СССР от 4 июня 1943 г. №632 «О льготах для семей военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронтах Отечественной войны», от 9 июня 1943 г. №645 «Об обеспечении семей умерших, погибших в боях и пропавших на фронте без вести лиц высшего начальствующего состава Красной Армии, имевших воинские звания: комдив, дивизионный [далее див – Л.Г.] комиссар, дивинженер, дивинтендант, диввоенюрист, дивврач, дивветврач и выше», от 17 июня 1943 г. № 668 «Об утверждении инструкции о порядке назначении и выплаты пособий и пенсий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава», от 5 августа 1943 г. № 863 «О пенсиях личному вольнонаёмному составу, занятому на возведении оборонительных рубежей в органах Управления оборонительного строительства и инженерных войск Красной Армии» (Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – 1943. – №2. С. 32; №8. С. 133; №12. Ст. 214. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 215. Л. 152, 178, 179; Д. 216. Л.18–27).

распространялась на дедов и бабок военнослужащих[1]. Этими документами выплаты пособий, пенсий, а также льгот распространялись на семьи военнослужащих, как погибших в боях, так и пропавших без вести на фронте. В августе 1943 г. пенсии были распространены на личный вольнонаемный состав, занятый на возведении оборонительных рубежей в органах Управления оборонительного строительства и инженерных войск Красной Армии. Кроме того, вышло постановление СНК СССР от 28 октября 1943 г. №1171 «О государственных пособиях для семей военнослужащих рядового и сержантского состава1-[Польского] корпуса»[2].

В соответствии с этими документами весной 1943 года Ленгорисполкомом был принят ряд мер по выявлению и наказанию лиц, виновных в нарушении прав семей военнослужащих: по оплате жилплощади семьями военнослужащих в военное время (9 апреля) и о преступном отношении к семьям военнослужащих со стороны руководства 2-го Жилищного управления исполкома Фрунзенского райсовета (13 апреля)[3]. В опубликованных постановлениях на отдельных примерах разоблачались имевшие место грубые нарушения и жестокое отношение к женам и детям красноармейцев со стороны работников жилищных управлений. Так, Евдокия Иванова, муж и сын которой находились в армии, заболев в декабре 1942 года, в феврале 1943 г. была уволена, на ее место приняли другого человека. Она лишилась продовольственных карточек как неработающая, и лишь спустя почти два месяца ей были оформлены иждивенческие карточки. Слишком поздно – она умерла, а ее ребенок оказался в детдоме. Управдомы завышали квартирную плату, требовали выплаты за год вперед, в иных случаях отказывались заверить стандартные справки на получение карточек для детей. Лишь после вмешательства инспектора городского отдела по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих получила продовольственные карточки на 5-летнего сына жена фронтовика Копьева. К тому же выяснилось, что квартплата, взыскиваемая с нее, была завышена в 2,3 раза[4]. Таким образом, с появлением специальных инспекторов начали бороться со злоупотреблениями в отношении семей военнослужащих.

В то же время, в решении Ленгорисполкома от 21 октября 1943 г. №129 «О состоянии обслуживания и бытового устройства семей военнослужащих в Дзержинском районе», наряду с недостатками, отмечался тот факт, что в районе было учтено 7 900 семей фронтовиков, которым выплатили более миллиона рублей пенсий и пособий, была ликвидирована задолженность в сумме 300 тыс. рублей, выдана единовременная помощь 142 тыс. рублей. 1 965 семей военнослужащих получили жилплощадь, 2 480 членов семей было трудоустроено. Однако сохранялось

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 217. Л. 115–117.
2 Там же. Д. 219. Л.314–315.
3 Бюллетень Ленгорсовета. – 1943. – №9-10 (30 мая). С. 2–4. См. также: Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. С. 190–193.
4 Бюллетень Ленгорсовета. С. 2.

тяжелое материальное положение многодетных семей, престарелых и временно впавших в нужду семей военнослужащих. Возникла необходимость обследования семей с помощью общественности: комсомола и профсоюзов, а также Общества Красного Креста и МПВО. К работе привлекался Совет жен начальствующего состава[1].

Данная проблема была актуальной и в других районах Ленинграда. Так, в Смольнинском районе на 1 октября 1943 г. было выявлено свыше 100 семей военнослужащих, имеющих право на получение пособий и пенсий и не получавших их с 1941 года[2]. Использование общественного актива для налаживания работы по социальному обеспечению уже являлось обязанностью райисполкомов, в связи с массовым характером работы и малочисленностью депутатского корпуса.

С 1 октября 1943 г. к работе Советских органов власти с жалобами военнослужащих подключилась военная цензура. В соответствии с изменившимися правилами о работе военной цензуры, военная цензура Ленинградского фронта, проверяя переписку военнослужащих, выявляла факты жалоб со стороны их родственников на тяжелое положение. Такие факты фиксировались, фрагменты писем перепечатывались и отправлялись с указанным адресом и личными данными корреспондента в соответствующий райисполком для передачи депутату райсовета, на чьем избирательном участке проживала семья военнослужащего. Отчеты депутатов по работе с жалобами заслушивались на сессиях райсоветов, сдавались в райисполком, а также проверялись прокуратурой.

Сохранилась переписка военной цензуры с исполкомом Фрунзенского райсовета депутатов трудящихся с 1 октября по 21 декабря 1943 г. с копиями писем граждан, нуждающихся в оказании материальной и бытовой помощи[3]. Приведем несколько характерных примеров работы с письмами родственников военнослужащих военной цензуры и депутатов.

28 сентября 1943 г. военной цензурой председателю Фрунзенского райсовета депутатов трудящихся была переправлена копия письма (фрагмент) военнослужащему Алексееву в г. Красный Холм от его матери К. А. Алексеевой из Ленинграда. Мать писала: «Сыночка, живу плохо, самое главное с квартирой никак не могу устроиться, живу в разбитом корыте, квартальный гонит вон, а ходить, хлопотать – нет времени, в четверг выходной, так Райжилотдел не принимает, принимают по понедельникам и пятницам. Дорогой сынуля, получила извещение из Москвы, насчет папы, в числе погибших не числится, так что ни в живых, ни в мертвых нет. Сыночек, очень обидно, дала управхозу свои туфли и платье Нюшино и все равно с комнатой никак не могу устроиться…Мама». На сопроводительной записке имеется пометка: «Алексеевой предоставлена

1 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. С. 478–480.
2 ЦГА СПб. Ф.Р-4. Оп.5. Д. 186. Л. 17.
3 Там же. Ф.Р-4949. Оп. 2. Д. 5. 83 л.

площадь [далее нрзб]»[1].

Среди других документов имеется заявление от 30 ноября 1943 г. заведующему Военным отделом обкома ВКП(б) Ленинградской области от партизана Ф.И. Голикова: «В 1941 году я был направлен в тыл противника. В Ленинграде осталась моя семья: отец, мать, 2 малолетних сестры и один малолетний брат. В 1942 году в декабре месяце я прибыл в Ленинград. Отец умер в блокаду, мать с ребятами эвакуировалась в Чулымский край. Жилплощадь, которая принадлежала моей семье, заселена незаконно гр-кой Липман (…) Все что было в комнатах куда-то исчезло. Прошу Вашего ходатайства перед жилотделом исполкома Фрунзенского Райсовета депутатов трудящихся, об освобождении жилплощади принадлежавшей моей семье с последующей передачей ее мне с возвратом находившегося в ней имущества». Из дальнейшей переписки следует, что жилплощадь семьи Голикова будет возвращена по их приезду, гражданка Липман будет выселена после подбора ей другой жилплощади. Сам Голиков, как следует из переписки, проживал в квартире по возвращении, так как на него был выписан отдельный лицевой счет. Судьба имущества из переписки остается неизвестной[2].

16 декабря 1943 г. отделом военной цензуры председателю Фрунзенского райисполкома была направлена копия фрагмента из письма 12-летнего Васи Милютенкова от 13 ноября 1943 года отцу на фронт, ст. Будогощь, Киришский военкомат: «Здравствуй, папочка! Как ты живешь? Мы живем плохо. Папочка, я уже тебе посылаю 3-е письмо, а от тебя не получаем писем. Приезжай сам или же напиши нам письмо. Папочка уже наступает зима, а ты сам знаешь, что у нас нет дров и денег, и в-третьих, везде дует, в комнате очень холодно. Папа, приезжай, мы очень ждем, ты в некоторых письмах писал, что скоро приедешь, а сам не приезжаешь. Мы тебя ждем с нетерпением, как-нибудь попроси у своего начальника, чтобы он тебя отпустил на три денька. Пока, до свидания, писать больше нечего. Приезжай сам. Ждем с нетерпением». В сопроводительной записке указывалось, что Вася проживает со старшим братом, работавшим на оборонном заводе, еще двое детей – в детдоме. Приложен и ответ заместителя председателя исполкома Фрунзенского райсовета Карякина С. И. Милютенкову, отцу мальчика, от 18 января 1944 г.: «Отделом Гособеспечения семей военнослужащих Фрунзенского района проведено обследование материально-бытовых условий Ваших детей.

При обследовании выяснилось, что Ваши дети – Ким и Лилия здоровы, учатся. Отделом гособеспечения им будут выданы ордера на белье и обувь. Даны указания управхозу о вторичном снабжении дровами и выделении необходимого количества фанеры для заделки окон в одной из

1 Там же. Л. 1, 2. Сохранен стиль документа – ЛГ.
2 Там же. Л. 13, 14,16, 18. Сохранен стиль документа – ЛГ.

комнат, занимаемой квартиры»[1].

Таким образом, из этих, как и других подобных документов, можно увидеть внимание к моральному здоровью бойцов, стремление облегчить их беспокойство за состояние семьи, а также оказать необходимую помощь как в решении квартирных проблем, так и других бытовых вопросов. При этом осуществлялось тесное взаимодействие органов военного контроля с районными Советами депутатов трудящихся г. Ленинграда.

В конце 1943 – начале 1944 гг. продолжали выходить постановления СНК СССР, регламентировавшие выплаты пенсий и пособий отдельным группам вольнонаемных работников и военнослужащих[2]. Постановлением СНК СССР от 14 ноября 1943 г. №1252 а личный состав групп самозащиты, объектовых и аварийных команд МПВО, а также на работников госпиталей и больниц г. Ленинграда, пострадавших от вражеских действий, распространялся порядок и размеры пенсионного обеспечения, установленные постановлением СНК СССР от 16 июля 1940 г. №1269 «О пенсиях военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава и их семьям». На данных лиц, получивших инвалидность из-за вражеских действий, распространялись все льготы, установленные для инвалидов Отечественной войны, а на их семьи – льготы, установленные для семей военнослужащих, погибших на фронтах Отечественной войны[3].

Особое значение придавалось трудоустройству инвалидов, которое предполагало увеличение производства протезов, деятельность врачебно-трудовой экспертизы и упорядочение реабилитационных медицинских и социальных мероприятий. В связи с нехваткой рабочих рук вышло постановление СНК СССР от 28 июля 1941 г. №1901 «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство»[4]. 28 августа 1942 г. было принято постановление СНК СССР №1444 «О привлечении на время войны инвалидов III группы, получающих пенсии по государственному социальному страхованию, на работу в предприятия и учреждения»[5]. Кроме того, в 1942–1943 гг. вышло четыре постановления СНК СССР, посвященных производству протезирования и трудовому устройству инвалидов Отечественной войны[6].

---

1 Там же. Л. 34, 35,37. Сохранен стиль документов – ЛГ.

2 Постановление СНК СССР от 25 ноября 1943 г. №1312 «О пенсиях вольнонаёмным работникам судов Наркомвоенморфлота, плавающих в районах военных действий, и их семьям» (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 220. Л. 358–359); постановление СНК СССР от 6 февраля 1944 г. №127 «О пенсиях и пособиях военнослужащим офицерского состава 1-го Польского корпуса и их семьям», постановление СНК СССР от 3 апреля 1944 г. №342 «О пенсиях работникам органов НКВД и НКГБ и их семьям» (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 224. Л. 21; Д. 226. Л. 280).

3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 220. Л. 184–185.

4 Там же. Д. 195. Л. 58–59.

5 Там же. Д. 204. Л. 17–19.

6 Постановления СНК СССР от 16 февраля 1942 г. №202 «Об увеличении производства протезно-ортопедических изделий и упорядочении дела протезирования» и от 6 мая 1942 г. №640 «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 7–18; *Бякина, В. П., Давыдова, Т. В.* Правовая

Серьезной социальной проблемой являлось распространение попрошайничества инвалидов. Это вызвало постановление ГКО от 14 октября 1942 г. №2413с «О мерах борьбы с попрошайничеством со стороны военнослужащих Красной армии» на основе докладной записки Л. П. Берия И. В. Сталину. В докладной записке сообщалось о выявленных, во время выборочной проверки в г. Москва 10 октября 1942 г., случаях попрошайничества инвалидов войны, всего 27 чел., а также о случаях спекуляции продуктами, всего 132 инвалида войны. В соответствии с п.3 постановления, исполком Моссовета (председатель В. П. Пронин) обязан был наладить учет инвалидов Отечественной войны по Москве и организовать их трудоустройство[1]. Однако вопрос выходил далеко за рамки одной Москвы.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 20 января 1943 г. №73 «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны» в трехмесячный срок наркоматы соцобеспечения обязаны были инвалидам Отечественной войны III группы предоставить работу на предприятиях и в учреждениях по месту жительства с учетом заключений врачебно-трудовых комиссий (ВТЭК), при этом сохранялась пенсия независимо от заработной платы, а у колхозников – от их доходов. Устанавливался и целый ряд льгот: освобождение от обязательных сверхурочных, предоставление очередных отпусков и др. При уклонении от работы в течение двух месяцев инвалиды Отечественной войны III группы подлежали снятию с пенсии, а их снабжение должно было осуществляться по нормам иждивенцев. На Наркомат социального обеспечения возлагалась обязанность обучения новым профессиям инвалидов Отечественной войны I и II групп[2].

Только в Смольнинском районе, в соответствии с этим постановлением, было направлено на производство в I–III кварталах 1943 г. 644 инвалидов труда III группы. Из них 214 чел. на государственные промышленные предприятия, 67 чел. в инвалидную кооперацию, 303 чел. в иные организации[3]. В отчете Ленгорсобеса 16 декабря 1943 г. на заседании Ленгорисполкома указывалось, что к этому времени на учете Ленгорсобеса находилось 50 938 чел.: инвалиды Советско-финляндской и Отечественной войны, империалистической и гражданской войны, инвалиды труда, пенсионеры по старости, за выслугой лет, персональные пенсионеры, герои труда, семьи

политика Советского государства в области охраны здоровья населения (1940–1950). С. 209); Постановления СНК СССР от 20 января 1943 г. №73 «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны» и №74 «О мерах по улучшению работы протезной промышленности» (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 210. Л. 162–163, 164).

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 183; Постановление ГКО СССР № 2413 о мерах борьбы с попрошайничеством со стороны военнослужащих Красной армии, с приложением записки Берии Л. П. Сталину И. В.| Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина [Электронный ресурс] // URL: https:\\share.google\4tccDivvEA2A11oFN (дата обращения: 22.03.2026); В штабах Победы. 1941–1945. Док. в 5 кн. Кн. 2. 1942. «Ни шагу назад!» – М.: Научн.-полит. кн., 2020. С. 463–464.

2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 210. Л. 162–163.

3 ЦГА СПб. Ф.Р-4. Оп.5. Д. 186. Л. 16.

умерших кормильцев, женщин, уволенных из армии и флота по беременности. Была проведена перерегистрация инвалидов, учтены неработающие пенсионеры. Всего выплачено 250 407 тыс. рублей пенсий. С июня 1941 по декабрь 1943 г. Ленгорсобесом было трудоустроено 50 160 инвалидов и членов их семей, установлен контроль за соблюдением льгот и условий их труда на 516 предприятиях. Прикладывались усилия для трудоустройства в соответствии со специальностью (80%), в том числе инвалидов II группы (без ног) и I группы (без рук). Был создан трудовой интернат на 300 мест, где жили и работали инвалиды, которые не могли обслуживать себя. Было произведено 8 340 различных протезов и 23 360 пар ортопедической обуви. Особую роль в реабилитации инвалидов сыграл Ленинградский научно-исследовательский институт общественного здоровья и протезирования[1] (ныне «Санкт-Петербургский научно-практический центр медико-социальной экспертизы, протезирования и реабилитации инвалидов им. Г. А. Альбрехта»).

На 1 декабря 1943 г. в Ленинграде были созданы 18 ВТЭК на базе поликлиник, которые успели освидетельствовать к декабрю 1943 г. 159 097 человек. Кроме того, работали ВТЭК при госпиталях. Реабилитацией инвалидов занимались также Общества слепых и глухонемых[2]. В 1944 г. продолжало наращиваться протезное производство[3].

Постановлением СНК СССР от 31 января 1944 г. №101 была утверждена Инструкция о порядке назначения и выплаты пенсий по инвалидности военнослужащим рядового, сержантского и старшинского состава. Согласно этому постановлению право получения пенсии по инвалидности в соответствии с постановлением СНК СССР от 16 июля 1940 г. №1269 «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям» получили, помимо указанных лиц, военнослужащие, призванные из запаса; курсанты (военных училищ, школ и курсов), имеющие соответствующее звание, кроме сверхсрочнослужащих; добровольцы рядового, сержантского и старшинского состава; медицинские сестры, состоящие в должностях сержантского и старшинского медицинского состава, военнослужащие рядового и сержантского состава авиачастей Гражданского воздушного флота (ГВФ); военнослужащие рядового и сержантского состава 1-го Польского Корпуса; военнослужащие рядового и сержантского состава городских частей МПВО и штабов МПВО, находящиеся на казарменном положении и получающие денежное содержание по штатно-должностным окладам, установленным для войск

1 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. С. 560–563.

2 Там же. С. 565

3 Постановлениями ГКО от 22 января 1944 г. №5015 и от 11 августа 1944 г. №6363 устанавливались планы производства протезных изделий на I и III кварталы 1944 г. по предприятиям союзных республик. Для расширения производства протезов распоряжением ГКО от 15 ноября 1944 г. №6934 были направлены в IV кв. 1944 г. на протезные предприятия 300 военнообязанных, не годных к строевой службе (Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 2: 1944–1945. С. 465).

НКВД; а также лица, состоящие на иждивении одинокого инвалида войны, находящегося на излечении или помещенного в дом инвалидов, в интернаты для инвалидов Отечественной войны, профшколы-интернаты. В последнем случае инвалид получал 25% от пенсии, а остальную часть пенсии – члены его семьи. В случае права военнослужащего на другую пенсию (по государственному страхованию, персональную и пр.), он мог выбрать вид пенсии с применением всех установленных для него правил. Размер пенсии зависел от причины, степени инвалидности, а также от характера прежней работы[1].

Необходимо обратить внимание на *социальное обеспечение женщин-военнослужащих и вольнонаемных по беременности и временной нетрудоспособности* в период Великой Отечественной войны, в связи со значительным числом вольнонаемных в составе Красной Армии, а также притоком женщин в число военнослужащих[2].

Согласно постановлению СНК СССР №1459 женщины-военнослужащие рядового и младшего состава, уволенные из Красной Армии, Военно-Морского флота и войск НКВД вследствие беременности, получали пособие за 35 календарных дней до родов и 28 календарных дней после родов из расчета оклада по последней штатной должности, но не менее 200 рублей в месяц. А также пособия на предметы ухода и кормление ребенка в размерах, установленных государственным социальным страхованием. Пособия выплачивались органами соцобеспечения по месту жительства[3]. Согласно постановлению СНК СССР №1458 работницы и женщины-служащие вольнонаемного состава в случае беременности получали отпуск продолжительностью 63 календарных дня с сохранением заработной платы по занимаемой штатной должности, а также пособия на предметы ухода и кормление в размерах, установленных по государственному социальному страхованию. Пособия выплачивались Наркоматом обороны, Наркомвоенморфлотом и НКВД СССР за счет сумм, ассигнованных этим наркоматам на уплату страховых взносов за вольнонаемный состав[4].

Постановлением СНК СССР №1457 устанавливался порядок выплаты при временной нетрудоспособности вольнонаемного состава войсковых частей и учреждений на военное время

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 223. Л. 296–333. См. также: *Лысенков С. Г.* Указ. соч.

2 1 сентября 1942 г. были приняты три Постановления СНК СССР: №1457 «О порядке обеспечения при временной нетрудоспособности вольнонаемного состава войсковых частей и учреждений действующих Красной Армии, ВМФ и войск НКВД СССР на военное время»; №1458 «О порядке выдачи в военное время пособий по беременности и родам работницам и женщинам-служащим вольнонаемного состава войсковых частей и учреждений действующих Красной Армии, Военно-Морского флота и войск НКВД СССР»; №1459 «О порядке выдачи в военное время пособий по беременности и родам женщинам-военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава, уволенным из Красной Армии, Военно-Морского флота и войск НКВД СССР» (Там же. Д. 205. Л. 39, 41, 43).

3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 205. Л. 43.

4 Там же. Л. 41.

заработной платы по занимаемой должности из сумм, ассигнованных НКО, Наркомвоенморфлота и НКВД СССР на уплату страховых взносов за вольнонаемный состав. При этом взносы на социальное страхование за вольнонаемных рабочих и служащих в войсковых частях не взимались[1].

При получении страховых пособий, пенсионного обеспечения, ряда других социальных льгот имело значение сохранение непрерывного трудового стажа. Постановление СНК СССР от 24 августа 1944 г. №1149 «Об утверждении разъяснения Секретариата ВЦСПС "О зачёте в общий трудовой стаж и в стаж непрерывной работы времени службы в Красной Армии и Военно-Морском Флоте"», заменяло действующие ранее постановление Союзного совета социального страхования при Наркомтруде СССР от 29 февраля 1932 г. №46 «О зачете в стаж работы времени службы в рядах РККА» и разъяснение ВЦСПС от 21 июля 1939 г. «О сохранении непрерывного стажа за рабочими и служащими, поступившими на работу после увольнения из рядов РККА или Рабоче-Крестьянского Военно-Морского флота», утвержденное постановлением СНК СССР от 21 июля 1939 г. №1077 [2].

Таким образом, можно проследить развитие правительственных мероприятий по защите социальных интересов как инвалидов войны, семей военнослужащих, так членов семей и самих лиц вольнонаемного состава, мобилизованных на оборонные работы в действующую армию, а также бойцов МПВО, работников гражданского воздушного флота, речного и морского флота, железнодорожников, связистов, работавших на прифронтовых участках, медицинских работников, работников оборонной промышленности и их семей. Эти мероприятия, включая пенсии и пособия, охватывали также семьи военнослужащих 1-го Польского корпуса, работников органов НКВД и НКГБ.

Постоянно развивалась система не только социального обеспечения инвалидов войны и их семей, но и включения их в трудовую деятельность, в общественную жизнь. Важную роль стали играть в 1943 году органы военной цензуры в оказании социальной помощи семьям военнослужащих, а также демобилизованным красноармейцам и партизанам, в соответствии с изменениями в правилах работы цензуры.

Постановления органов государственной власти СССР часто опирались на имеющиеся уже решения СНК РСФСР, опыт их реализации местными органами власти. В целом можно сказать о тесном взаимодействии центральных и местных органов Советской власти по социальной защите инвалидов войны и их семей уже в период войны.

---

1 Там же. Л. 39.
2 Там же. Д. 233. Л. 214–215.

5.4. Снабжение населения продовольствием и промышленными товарами первой необходимости

Мобилизационные резервы обеспечения населения и армии в случае войны формировались задолго до ее начала. За них по г. Ленинграду, в значительной степени, отвечал Ленгорисполком. Одной из дискуссионных проблем является: недостаток резервов продовольствия перед войной. Е. Д. Твердюкова пишет о непредусмотрительности ленинградского руководства, которое не позаботилось об обеспечении населения необходимым запасом продуктов, объясняя это сокращением в город поставок муки 1 и 2 сорта, завоза молочных продуктов. Так, 2 июня 1941 г. заведующий отделом торговли Ленгорисполкома И. А. Андреенко в сообщении, направленном наркомам торговли СССР и РСФСР: А. В. Любимову и Д. В. Павлову, писал о недостаточности фондов муки, которые обеспечивали лишь потребности хлебопекарной промышленности и общественного питания. За два предшествовавших войне месяца Ленинград не получил товаров (в том числе длительного хранения) на 47 млн. рублей[1].

В то же время необходимо отметить, что в справке отдела пищевой промышленности и торговли ГК ВКП(б) указывалось, что за год, с января 1940 по январь 1941 г., запасы основных продовольственных запасов в Ленинграде на базах поставщиков возросли: по мясу с 24 тыс. тонн до 32 тыс. тонн (ок. 10 кг на чел.), по маслу животному с 4 тыс. тонн до 10 тыс. тонн (ок. 3 кг на чел.), сахару с 200 тонн до 25 тыс. тонн (7,8 кг на чел.), по рыбе с 500 тонн до 2,5 тыс. тонн (0,77 кг на чел.), по яйцам с 285 вагонов до 560 вагонов. Согласно данной справки в течение 1940 г. в розничной торговле остатки продтоваров возросли с 65 до 170 млн. рублей, а промтоваров с 295 до 550 млн. рублей. При этом в течение 1940 г. увеличилось потребление продуктов первой необходимости на душу населения. К ним относились: хлеб печеный (со 182,7 до 192,8 кг), крупа (с 12,9 до 15,4 кг), сельдь (с 5,5 до 6,4 кг), сахар (с 21,6 до 24 кг), масло животное (с 7,9 до 8,7 кг). Из указанного списка можно составить средний суточный рацион ленинградца в 1940 г.: 528 г хлеба, 42 г крупы, 17,5 г селедки, 65 г сахара, 24 г сливочного масла. Указывалось, что потребление товаров жизненно менее необходимых сократилось[2]. Не учитывались овощи, корнеплоды, фрукты, ягоды, грибы, которые население выращивало на огородах, собирало в лесу и запасало впрок.

Уже 21 июня 1941 года было разослано письмо Управления продторгами №397сс о

---

1 *Твердюкова Е. Д.* Проживая историю // Российская история. – 2019. – №3. С. 155–156.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 4869 (Справки отдела пищевой промышленности и торговли ГК ВКП(б) о работе пищевой промышленности, о росте товарооборота, о подсобных хозяйствах промышленных предприятий и по другим вопросам. 21 января 1941 – 26 мая 1941). Л. 21, 22.

мобилизационном плане по снабжению населения хлебом в военное время. Однако только 12 июля оно было направлено из Ленгорисполкома управляющему трестом «Хлебопечения» Н. А. Смирнову с резолюцией зав. отделом торговли И. А. Андреенко: «т. Смирнов. Ваше предложение и что сделано»[1].

Движение запасов продовольствия в начале войны имело стратегическое значение. Согласно Указу Президиума ВС СССР «О военном положении» (п.2,3), право регулировать торговлю и работу торгующих организаций, коммунальных предприятий, а также устанавливать нормы отпуска населению продовольственных и промышленных товаров, предоставлялось военным властям: военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где военных советов нет – высшему командованию войсковых соединений[2].

В соответствии с постановлением ГКО от 18 июля 1941 г. №197сс «Об изменении дислокации складов по хранению хлебофуражных запасов УГМР [Управления государственных и мобилизационных резервов] при Совнаркоме СССР» мобилизационные и государственные резервы продовольствия, находившиеся в ведении УГМР, подлежали передислокации из Ленинграда и Ленинградской области (Чудово, Дно, Старая Русса) общей емкостью 141 тыс. тонн в другие регионы РСФСР[3]. Далеко не все из этих планов были выполнены в силу военной обстановки, что в дальнейшем рассматривалось как дополнительный ресурс для продовольственного обеспечения ленинградского населения.

Одновременно делались попытки ввоза в Ленинград продовольствия с баз, расположенных в других областях, в связи с риском их уничтожения. Так, 2 августа 1941 г. П. С. Попков сделал запрос А. А. Жданову о ввозе в Ленинград на освободившуюся площадь баз УГР №№101 и 119 зерна с хлебофуражной базы УГР №107, переданного НКО в Гузятино Калининской области, в связи с угрозой потери этого зерна из-за бомбардировок[4].

Необходимо учитывать, что какие-либо материальные ценности гражданского населения, учреждений, предприятий, колхозов, совхозов и пр., подлежащие уничтожению или эвакуации, могли быть использованы для нужд фронта только с ведома и по разрешению местных органов государственной власти, в соответствии с Временным Полевым уставом Красной Армии (ПУ-

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 29. К сожалению, сам план в указанном деле отсутствует. Сохранилась лишь сопроводительная записка.

2 Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении». 22 июня 1941 г. // Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №26 (7 июля). С. 1-5.

3 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 6. Л. 33. Данное постановление подкрепляло ранее принятое распоряжение Совета по эвакуации СНК СССР от 12 июля 1941 г. №4959 СЭ (ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 543. Л. 151–155). Все документы рассекречены.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 4. Л. 149.

36), введенным приказом Наркома обороны СССР от 30.12.1936 г. №245[1].

Это было одной из причин того, что вопросы распоряжения эвакуированным из ленинградских пригородов продовольствием согласовывались с П. С. Попковым, председателем Ленгорисполкома, который, в свою очередь, согласовывал спорные вопросы с Ок и ГК ВКП(б), лично с А. А. Ждановым. Так, например, 31 августа 1941 г. П. С. Попкову начальником охраны ВТСФ генерал-лейтенантом Степановым и военным комиссаром ОВТСФ, бригадным комиссаром Гусаровым было направлено донесение о необходимости организовать доставку130 тонн муки из Териоки (ныне Зеленогорск), которые в ином случае подлежат уничтожению. Соответствующее указание о выделении вагонов Попковым было отдано И. В. Колпакову, начальнику ОЖД. 8 сентября 1941 г. из Управления ЛГК В/О «Центрзаготзерно» Орловым П. С. Попкову, председателю Ленгорисполкома, и П. Г. Лазутину, секретарю ГК ВКП(б), был направлен запрос о выделении Военному ведомству из имеющихся в городе ресурсов 7870 тонн муки для изготовления сухарей, согласно телеграммы, полученной из Москвы 6 сентября 1941 г. Роль регулятора конфликтных отношений в этот период играл Военный Совет, который мог, как следует из записки, аннулировать сентябрьский план отпуска муки на изготовление сухарей[2].

После прибытия в Ленинград Наркома торговли РСФСР Д. В. Павлова, с 10 сентября 1941 г. уполномоченного ГКО, вопросы закупок у населения согласовывались с ним. Так, 28 октября 1941 г. интендантской службой Ленфронта был послан запрос на закупку до 2000 коров и до 3000 тонн сена у колхозников Всеволжского и Парголовского районов[3]. С другой стороны, Д. В. Павлов направлял требования на передачу Ленфронтом и КБФ продовольствия для населения города в ноябре 1941 г.: 1 500 тонн муки, 80 тыс. банок сгущенного молока, 300 тонн крупы. Еще 1 тыс. тонн муки для хлебопечения должна была поступить из Кронштадта[4].

12 июля 1941 г. Наркоматом торговли СССР был прислан в Ленгорисполком проект приказа Наркомторга СССР «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары», а также образцы хлебных, продовольственных и промтоварных карточек (проект был одобрен СНК СССР)[5]. Тогда же, 12 июля, из Наркомторга СССР было спущено разъяснение «О порядке представления воинскими частями, воинскими учреждениями и предприятиями оборонной промышленности требований на получение продовольственных и промтоварных карточек (форма №4) и отчетов о выдаче карточек (форма №5) и представления отчетов о выданных

1 Временный Полевой Устав РККА. ПУ-36. – М.: Воениздат, 1938. С. 29–37, 45–49.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 15 (Переписка по торговле и общественному питанию. Январь – ноябрь 1941). Л. 72, 77, 78.
3 Там же. Л. 173, 174.
4 Там же. Л. 181, 182, 185, 186.
5 Там же. Л. 32, 33, 34.

карточках исполкомами районных, городских и областных и краевых советов депутатов трудящихся, Совнаркомами автономных республик и Совнаркомами союзных республик, не имеющих областного деления». Согласно разъяснению, воинские части, учреждения и предприятия Наркомата обороны должны были подавать требования на выдачу карточек в совершенно секретном порядке и получать их через мобилизационные отделы или Секретные части, в том же порядке направлялись отчеты о выдаче карточек[1].

Постановлением СНК СССР №1882 «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в Москве и Ленинграде и в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей» с 18 июля 1941 года карточки были официально утверждены[2]. В тот же день было принято постановление СНК СССР №1880 «Об организации коммерческой торговли в Москве, Ленинграде, отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей»[3].

Хотелось бы остановиться на содержании правительственного постановления от 18 июля 1941 г. №1882, которым вводились три группы по максимальному распределению необходимых промышленных товаров по купонам: рабочие и инженерно-технические работники (ИТР) – 125 купонов; служащие – 100 купонов; иждивенцы (включая детей и учащихся) – 80[4].

Отпуск хлеба и мяса в столовых должен был производиться по карточкам в счет установленных норм, за исключением рабочих, занятых на подземных работах, в горячих цехах и в оборонной промышленности (по списку, утверждаемому Наркомторгом СССР). Для детских садов, детдомов, санаториев и других закрытых заведений сохранялся существующий порядок снабжения продовольственными и промышленными товарами[5].

Выдача карточек должна была осуществляться исполкомами районных и городских Советов через предприятия, учреждения, учебные заведения и домоуправления. Создавалось Бюро продовольственных и промтоварных карточек при Ленгорисполкоме. Карточки выдавались платно, по 10 копеек. За спекуляцию и злоупотребление карточками полагалась уголовная ответственность. Помимо Ленинграда карточки вводились в ряде городов Ленинградской области (Кронштадт, Колпино, Волхов, Пушкино, Петергоф, Шлиссельбург, Сестрорецк) и в пригородных районах (Слуцком, Красносельском, Ораниенбаумском, Мгинском, Всеволжском, Парголовском)[6].

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 35, 36.

2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 4–14; ЦГА СПб. Ф. Р-2076 (Плановая комиссия исполкома Ленинградского Городского Совета). Оп. 4. Д. 54. Л. 44, 44 об. См. также: Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. С. 191-193.

3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 409–413.

4 Там же. Д. 195. Л. 6.

5 Там же.

6 Там же. Л. 7.

Согласно постановлению нормы снабжения населения г. Москвы и Ленинграда были одинаковы[1]. (Таблица 19а). Они могут быть соотнесены с нормами потребления в мирное время, согласно справке отдела пищевой промышленности и торговли ГК ВКП(б). Так, по хлебу в среднем на душу населения норма в военное время составляла 540 г в сутки, в 1940 г. потреблялось 528 г в сутки; по крупам в месяц усредненная норма составляла 1450 г против 1240 г в мирное время; по сахару 1175 г в среднем на человека в военное время против 1950 г, употребленных в среднем на душу в 1940 г., по сельди 700 г в военное время против 525 г в 1940 г., и по жирам 450 г против 720 на душу населения в 1940 г. Таким образом, нормы соотносились с реальным потреблением в 1940 г., когда спрос на калорийные продукты вырос, как и доходы населения.

Для рабочих, работавших на подземных работах, в горячих цехах предприятий черной и цветной металлургии, норма хлеба устанавливалась в 1000 граммов. Снабжение ИТР предусматривалось по нормам рабочих, если они работали на производстве, и в иных случаях по нормам служащих. Те же нормы вводились для населения Кронштадта, Колпино, Пушкина, Петергофа[2].

Карточки выдавались по месту работы или учебы (вузов и техникумов), в том числе иждивенцам трудящихся на основе стандартных справок, выдаваемых домоуправлением о том, что данное лицо действительно является иждивенцем данного трудящегося и не получает карточки в другом месте. В домоуправлениях карточки получали пенсионеры, инвалиды труда, домработницы, другие категории трудящихся и иждивенцы трудящихся, живущие в городах, поселках городского типа и не связанные с сельским хозяйством. Иждивенцы лиц, мобилизованных в Красную Армию и ВМФ, получали карточки по месту работы призванного. Иждивенцы командированных получали карточки по месту работы командированного в течение не более трех месяцев с момента отъезда. По истечении срока новые карточки выдавались домоуправлением. Утерянные карточки не возобновлялись[3].

В городах и районах Ленинградской области, где вводилось нормированное распределение (Волхов, Шлиссельбург, Сестрорецк, Слуцкий, Красносельский, Ораниенбаумский, Мгинский, Всеволжский, Парголовский районы) нормы выдачи отличались[4]. (Таблица 19б).

Решением Ленгорисполкома от 26 июля 1941 г. №48, п. 26 «О выдаче продовольственных карточек на август месяц 1941 г.», в соответствии с полученными указаниями, была введена нормированная выдача продовольствия и промтоваров и приняты «Правила выдачи продовольственных и промтоварных карточек населению г. Ленинграда, Колпино, Кронштадта, Петергофа и

1 Там же. Л. 10.
2 Там же.
3 Там же. Л. 14.
4 Там же. Л. 11.

Пушкина» (опубликованы 29 июля 1941 г.). Правила были дополнены некоторыми ограничениями по сравнению с постановлением СНК СССР №1882. Так, карточки не выдавались лицам, проживавшим в Ленинграде, но работавшим в Ленинградской области, независимо от наличия в тех местностях карточек или нет, и лицам, находившимся на полном иждивении государства (воспитанникам детдомов, инвалидам, престарелым, находящимся в домах инвалидов, учащимся школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ ГУ трудовых резервов и др.). Количество иждивенцев рабочих и служащих следовало проверять ежемесячно[1]. На котловое питание (без выдачи карточек) были переведены воспитанники детдомов, учащихся школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ Главного Управления трудовых резервов[2].

Поначалу введение карточной системы рассматривалось как улучшение снабжения ленинградцев за счет достаточно высоких норм. Так, уже 28 июля 1941 года начали поступать жалобы на серьезное ухудшение продовольственного снабжения по карточкам рабочих закрытых предприятий, расположенных в Ленинградской области, как например, завода №363 НКСП (Наркомата судостроительной промышленности), расположенного на территории Слуцкого района (ст. Понтонная Октябрьской железной дороги), с просьбами приравнять их по нормам снабжения к ленинградским рабочим[3].

Деление населения на 4 группы нормированного питания: рабочие и инженерно-технические работники (ИТР), служащие, иждивенцы и дети до 12 лет, было очень условно, поэтому неоднократно уточнялось и менялось отнесение отдельных групп населения к той или иной категории. На котловом довольствии находилась значительная часть населения.

С началом боев на ближних подступах в начале августа 1941 г. растет напряжение в вопросах снабжения Ленинграда мукой и зерном. Это отражено в переписке председателя Ленгорисполкома П. С. Попкова с Наркомом заготовок СССР К. П. Субботиным[4]. 13 августа 1941 г. И. А. Андреенко, заведующим отделом торговли Ленгорисполкома, был подготовлен и направлен в отдел торговли Ленгорисполкома план снабжения гражданского населения печеным хлебом в случае выхода из строя того или иного хлебозавода[5].

Наличие запасов продовольствия в Ленинграде к началу блокады и его динамика имели принципиальное значение для жизнеобеспечения гражданского населения. Несмотря на имеющиеся распоряжения о передислоцировании запасов УГМР, далеко не все они были успешно вывезены. Об этом свидетельствует докладная записка с приложениями (справки на 4 листах) от

1 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №28-29 (29 июля). С. 11-13.
2 Там же. С. 11–17.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 40.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 41.
5 Там же. Л. 47.

15августа 1941 г. №4801с начальника Ленинградского территориального Управления УГМР при СНК СССР А. А. Горчакова. В справках излагались сведения по имевшимся на 15 августа 1941 г. на складах УГМР остаткам цветных металлов, ферро-сплавов, бумаги и др. материалов; о наличии хлебофуража на трех базах из шести, в связи с эвакуацией фуража с остальных, передаче НКО или уничтожения: по базам №101 и 119 (Ленинград), №102 (Чудово); о наличии продтоваров по Ленинграду; а также о наличии топлива (угля, топочного мазута, дров).

В том числе, согласно данным на 15 августа 1941 г., на базах УГМР в Ленинграде имелось (из неприкосновенного запаса) 2 768 тонн овса, 5 658 тонн муки, 3 078 тонн крупы, или всего хлебофуража 11 497 тонн. Кроме того, имелось 15 036 тонн хлебофуража всего на базах Заготзерна в Ленинграде, в г. Пушкин, в г. Петергоф. Имелось также 3 532 тонны мяса, 1654 туб консервов мясных, 532 тонны сала, 362 тонны масла, 1778 тонн соленой и свежей рыбы, 2056 туб рыбных консервов, 473 тонны макарон, 92 туб сгущенного молока и пр. 19 580 тонн сахара, из которых 19430 тонн составляли госрезервы. Из общего количества к эвакуации были назначены 7000 тонн сахара и 517 тонн какао-бобов (весь имевшийся запас)[1].

В связи с этим последовала записка И. А. Андреенко Ленинградской конторе УГМР – А. А. Горчакову, Ленинградской конторе «Главсахаросбыт» – М. М. Нечаеву от 18 августа 1941 г., в соответствии с распоряжением заместителя Председателя СНК СССР А. И. Микояна от 2 августа 1941 г. за №16011 выделить из госрезервов УГМР Ленинградской конторе «Главсахаросбыт» 6 тыс. тонн сахара для потребления Ленинграда[2].

24 августа 1941 г. поступило распоряжение из Наркомторга и Наркомзага о сокращении фонда крупы по Ленинграду на шестьсот тонн на август. 26 августа 1941 г. Андреенко обратился в Наркомторг и Наркомзаг с просьбой отменить это распоряжение, поскольку предприятиями общественного питания обслуживались оборонные мероприятия (строительство укреплений), для чего требовалось за август 1 370 тонн крупы, или ½ от всего потребления по карточкам (2 760 тонн). 230 тонн были необходимы для закрытых учреждений. Уменьшение фондов на 600 тонн означало срыв питания лиц, работавших на укреплении ЛВО (Ленинградского военного округа), либо не отоваривание карточек[3]. Заметим, что об ополченцах речи не шло, хотя и они обслуживались предприятиями общественного питания.

Согласно постановлению СНК СССР от 20 августа 1941 г. №1989 «Об уборке безнадзорных посевов колхозов, совхозов и других организаций», местным органам власти прифронтовой полосы разрешалось организовать уборку безнадзорных посевов колхозов, совхозов и других

1 Там же. Л. 52–56.
2 Там же. Л. 49.
3 Там же. Л. 60, 61.

организаций, эвакуированных из данного района. При этом половина убранного и обмолоченного урожая поступала в распоряжение лиц, убравших урожай и членов их семей, а другая половина подлежала сдаче государству[1].

Постановлением Военного Совета Ленинградского фронта №00267 от 16 сентября 1941 г. председатели Пушкинского, Петергофского, Кронштадтского, Колпинского и других исполкомов райсоветов трудящихся обязывались немедленно принять меры, обеспечивающие завоз автогужевым и железнодорожным транспортом картофеля и овощей из пригородных районов Ленинградской области[2]. Тогда же, 16 сентября 1941 г., уполномоченный Наркомата заготовок СССР по Ленинградской области Е. Фурдман обратился с докладной запиской в ОК ВКП(б) о том, что на 15 сентября 1941 г. по Ленинградской области убрано 1300 т картофеля и овощей, а вывезено в Ленинград всего 500 т. Значительная часть убранной продукции осталась на полях из-за отсутствия транспорта и растаскивалась, или передавалась воинским частям. Каждый работавший брал себе, кто сколько мог унести в мешках и корзинках. Уполномоченный просил воспрепятствовать «разбазариванию» урожая в частные руки, считая, что такой порядок является недопустимым нарушением постановления Военного Совета Ленфронта, согласно которому причитавшаяся доля должны была выдаваться в городе райпищеторгами. Заметим, что здесь же он писал, что в Слуцком районе весь убранный картофель остался на линии фронта, из-за отсутствия транспорта[3].

20 августа 1941 г. было принято постановление СНК СССР №1993 «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия в отдельных городах, рабочих поселках и поселках городского типа». Этим постановлением вводились карточки в 197 городах СССР, а также в городах, рабочих поселках и поселках городского типа в 11 областях, включая Московскую и Ленинградскую область, не вошедших в предыдущее постановление. Нормы продуктов по этим карточкам отличались от норм, введенных 18 июля 1941 г., и были значительно ниже. Все карточки делились на две категории: 1-я выдавалась рабочим, ИТР, служащим и их иждивенцам оборонной, угольной и нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии, электростанций и электропромышленности и т. п.; 2-я категория выдавалась остальным рабочим, ИТР, служащим и их иждивенцам. (Таблица 19в)[4].

29 августа 1941 года В. М. Молотов, Г. М. Маленков, А. Н. Косыгин, А. А. Жданов

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 211–212.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 99 – 104.

3 Документ №80. Докладная записка Уполномоченного Наркомата заготовок по Ленинградской области в ОК ВКП(б) и Облисполком о плохой организации уборки картофеля и овощей в пригородах Ленинграда // Ленинград в осаде. С. 188–190.

4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 219–228.

обратились с докладной запиской к И. В. Сталину, А. И. Микояну, Л. М. Кагановичу. Согласно записке, в Ленинграде на 27 августа оставалось в днях: по муке и зерну запасов на 17 дней, крупе – на 29, рыбе – на 16, мясу – на 25, сельди – на 22, маслу животному – на 29 дней. Предлагалось для бесперебойного снабжения Ленинграда продуктами к 1 октября в городе создать полуторамесячные запасы продовольствия, для чего отгрузить: муки пшеничной 72 000 тонн, ржаной 63 000 тонн, крупы 7 800 тонн, мяса 20 000 тонн, рыбы 4 000 тонн, сельдей 3,5 тыс. тонн, масла животного 3 000 тонн[1].

Постановлением ГКО от 10 сентября 1941 г. №651с был выписан Мандат Д. В. Павлову, назначенному уполномоченным ГКО по снабжению продовольствием войск Ленинградского фронта и населения г. Ленинграда, и Д. Ф. Кокушкину, назначенному его помощником[2].

Распоряжением Ленгорисполкома от 11 сентября 1941 г. №261 о проверке условий сохранения продовольственных товаров на сбытовых базах райпищеторгов: проверялась противопожарная безопасность, ПВХО с одновременной ревизией запасов продовольствия на них. По итогам проверок 13 сентября 1941 г. были выработаны предложения по проведению практических мероприятий, контроль за выполнением которых возлагалась на райисполкомы[3]. Согласно записке в тот момент временно исполняющего должность директора Мелькомбината А. А. Сибирякова, на 15 сентября на базах Мелькомбината находилось 12 тысяч тонн муки, что являлось основным запасом Ленинграда. Сибиряков просил немедленно рассредоточить эти запасы[4].

В результате принятых мер к 19 сентября 1941 года количество продовольственных запасов в Ленинграде для снабжения гражданского населения, армии и флота, промышленных целей удалось сохранить, а по муке увеличить почти в 1,5 раза (относительно 27 августа). Согласно справке И. А. Андреенко, имелось муки с примесями и сухарей на 26,7 дней, крупы и макарон на 22 дня, мяса и мясопродуктов на 25,1 день, жиров на 31,5 день, сахара на 24 дня[5].

Критическим оказалось снабжение заключенных, работавших на оборонных работах, переставших получать хлеб и крупу из-за их нехватки. В связи с этим капитан госбезопасности Соколов, исполнявший обязанности начальника УИТЛК УНКВД Ленинградской области, просил выделить забронированные 150 тонн муки и 35 тонн крупы из ресурсов Ленинградской городской конторы «Заготзерно»[6].

---

1 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942.С. 98 (по Известия ЦК КПСС. – 1990. – №9. С. 212).
2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 137.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 86–95.
4 Там же. Л. 83.
5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 109.
6 Там же. Л. 135. Д. Соколов временно исполнял обязанности начальника УИТЛК НКВД ЛО – ЛГ.

Согласно Постановлению ГКО от 30 августа 1941 г. №604сс «О транспортировке грузов для Ленинграда», с 10 октября по 30 ноября 1941 г. в Ленинград доставлялись продовольствие, горючее и боеприпасы на озерных и речных судах[1]. Задержка была связана с необходимостью подготовить ст. Ладожское озеро для перевалки. Всего было доставлено 26 843 т ржи, и 136 т ржи для народного хозяйства, 15 518 т муки, 1265 т крупы, 51 т животного масла, и 184 т жив. масла для нар. хозяйства, 44 т макарон, 68,4 туб мясных консервов, 135 туб рыбных консервов, 88 т рыбы, 214 т мяса, 183 т пшеницы, 125 т сухарей, 987 туб сгущенного молока, 47 т спирта ретификат[2].

13 октября было принято решение ГК ВКП(б) о просушивании зерна с повышенной влажностью, поступающего в Ленинград, на пивоваренных заводах «Красная Бавария», им. Степана Разина, «Вена» с дальнейшей передачей на мелькомбинаты[3].

Кроме того, с 14 по 28 ноября продовольствие доставлялось в Ленинград самолетами Дуглас и ТБ-3. В результате было переброшено: 346 т мясокопченностей, 48 т прессованного мяса, 436 т концентратов, 13 т коровьевого масла, 0,5 т комбикормов, консервов: 21,5 туб мясорастительных, 226 туб мясных, 31,4 туб рыбных, 23,1 туб овощных, 52 т шоколада, 21 т сахарина, 9 т сыра, 26 т яичного порошка, 49 т крупы и вермишели, 211 т муки, 1,7 туб сгущенного молока. Всего 1 211 т различных высококалорийных продуктов и 303,7 туб консервов, помимо комбикормов[4].

О результатах выполнения постановления ГКО от 30 августа 1941 г. №604сс можно судить из ежедневных сводок о наличии запаса продовольствия и фуража для войск Ленфронта на складе Наркомата обороны №175 и его филиалов за период с 4 октября по 20 ноября 1941 года (в суточных дачах). Анализ сводок позволяет пронаблюдать динамику запасов, свидетельствующую о систематическом частичном возобновлении их, а также об изменении структуры запасов. Если в октябре в основном запасы состояли из муки, макарон, жира и рыбных консервов (на 11–16 дней), самыми крупными были запасы печенья (на 116 дней), то в ноябре это были сухари и мясные консервы (на 10–12 дней)[5].

Согласно письму интенданта Ленфронта, бригинтенданта П. И. Новоселова к уполномоченному ГКО, Наркому торговли РСФСР Д. В. Павлову, на 29 октября войска были обеспечены мукой

---

1 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 75; см. также: Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 129.

2 Продовольственные грузы для населения (рожь и жив. масло) выделены в источнике отдельно. (Военно-автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 138).

3 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 361.

4 Военно-автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 139–140.

5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 144-148, 155, 157-160, 161-165, 168-172,178-179.

на 9 суток, сухарями на 8 суток, крупой на 8 суток, макаронами на 20, жирами на 21, сахаром на 11, консервами мясными на 9 суток, рыбными на 18. Кроме того, имелась водка на 15 суток, соль на 19. Фуража имелось: сена на 8 и овса на 6 суток. На базах в Череповце и Вологде были на хранении резервы фронта. В общей сложности: крупы 53 тонны, макарон 751 тонна, сахара 757 тонн, мясных консервов 741 туб (тысяча условных банок), 1 900 тонн овса. Данные ресурсы П. И. Новоселов просил вне очереди завезти через Новую-Ладогу, а до их подвоза разрешить использовать в качестве фуража забракованную «Заготзерно» овсяную крупу (100 тонн)[1].

В связи с отсутствием резервов в снабжении фронта, 28 октября 1941 г., отдел продовольственного снабжения Интендантского управления Ленинградского фронта обратился к уполномоченному ГКО Д. В. Павлову с просьбой разрешить, помимо подлежащих сдаче 465 голов совхозного скота, закупить у колхозников и единоличников Парголовского и Всеволжского районов имевшиеся у тех запасы скота и сено[2]. 29 октября 1941 г. И. А. Андреенко отдал распоряжение начальникам Смольнинского и Комендантского аэродромов: «Все прибывающие продовольственные товары – мясо, масло животное, сыр и др. передавать Ленинградской конторе Ленмясомолсбыта Наркоммясомолпрома СССР, разрешая вывоз по нарядам последней»[3].

Катастрофическое положение сложилось с фуражом (овсом), который полностью закончился на складе 4 ноября 1941 года. В связи с этим было принято решение Военного Совета Ленфронта: заготовить 6000 тонн мха, оплачивая сборщикам каждую тонну мха 500 граммами хлеба и 10 рублями денег[4].

7 и 10 ноября 1941 года Д. В. Павлов обратился с просьбой к начальнику тыла КБФ генерал-майору М. И. Москаленко отгрузить не позднее 9 ноября из имевшихся в наличии в войсковых частях и на складах КБФ 300 тонн крупы отделу торговли Ленгорисполкома, а также муку, крупу, мясо из запасов Кронштадта и островов, оставив ресурсов на один месяц, а также отгрузить 1000 тонн муки с Кронштадтского хлебозавода в адрес Ленинградского треста хлебопечения, и к интенданту Ленфронта П. И. Новоселову не позднее 12–13 ноября отгрузить 1000 (дополнительно к ранее указанным 500) тонн муки и 80 тыс. банок сгущенного молока для передачи отделу торговли Ленгорисполкома[5].

Нехватка продовольствия в Ленинграде привела к изменениям норм продажи продовольствия Военным Советом Ленинградского фронта и Ленгорисполкомом, которые происходили неоднократно. В 1941 г. нормы по хлебу снижались 2 сентября, 12 сентября, 1 октября, 13 ноября,

1 Там же. Л. 175.
2 Там же. Л. 173.
3 Там же. Л. 150.
4 Там же. Л. 173.
5 Там же. Л. 182, 185, 186.

20 ноября, достигнув критического количества. С 25 декабря 1941 г. началось некоторое повышение норм, которое продолжилось в 1942 году: 24 января и 11 февраля. По мясу, рыбе и жирам нормы продолжали колебаться всю весну 1942 года[1]. Некоторые из этих изменений публиковались в выпусках Бюллетеней Ленгорисполкома[2].

Необходимо указать, что изменения норм выдачи продовольствия по г. Ленинграду должны были согласовываться с А. И. Микояном, заместителем Председателя СНК СССР, и принимались постановлением СНК СССР. Так, нормы отпуска населению по сахару и кондитерским изделиям были введены постановлением СНК СССР от 9 октября 1941 г. №2136, в том числе в Москве и Ленинграде больше других российских городов и поселков на 25–80%[3].

19 октября 1941 г. было принято постановление СНК СССР №2148 «О введении карточек в Горьком, Свердловске, Молотове, Челябинске, Омске, Уфе, Казани, Куйбышеве, Чкалове, Новосибирске, Архангельске, Иванове, Ярославле, Кирове, Ижевске, Пензе, Саратове, Сталинграде, Вологде и Воронеже на отдельные продовольственные товары», которым нормировалась продажа мяса, риса, жиров, круп и макарон в местах возможной эвакуации ленинградцев. Эти нормы были ниже, чем установленные официально постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г. №1882 для ленинградцев. Так, мяса и рыбы в месяц рабочим полагалось 1800 г, служащим 1200 г, иждивенцам 500 г, детям 400 г (в среднем без учета социальной стратификации около 1 кг)[4].

Однако, как указывалось выше, жестокие условия блокады вынуждали неоднократно менять в 1941 год нормы продажи продовольствия Военным Советом Ленинградского фронта и Ленгорисполкомом. В ноябре 1941 г. строго секретно решениями Военного Совета Ленинградского фронта дважды менялись нормы выдачи продовольствия ленинградскому населению, достигнув критического размера. Постановлением Военного Совета Ленинградского фронта с 18 ноября 1941 г. было введено временное изменение суточных норм продажи по продовольственным карточкам печеного хлеба: рабочим и инженерно-техническим работникам (ИТР) – 200 грамм, служащим, иждивенцам и детям до 12 лет по 125 грамм. При этом устанавливался суточный лимит муки и примесей в количестве 471 тонна (городу 311,4 т), включая не менее 150 тонн

---

1 *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. – СПб.: Нестор-История, 2014. С. 382–383 (по ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 44, 44об, 201об). Данные подтверждаются Документом №125. Отчет городского отдела торговли о работе с июня 1941 г. по сентябрь 1943 г. // Ленинград в осаде. С. 259–270. Ср. *Гаврилова О. А., Ходяков М. В.* Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. – 2016. – №2. С. 48.

2 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №32–33 (27 августа). С. 1–6; Протокол от 30 сентября 1941 №51, пункт 81 // Бюллетень Ленгорсовета. – №37 (14 октября). С. 4–5; Протокол от 26 ноября 1941 г. №55–45 (утв. «Инструкция о разбивке контингентов населения по группам в зависимости от установленных норм снабжения») // Бюллетень Ленгорсовета. – 1943. – №11–12 (30 июня). С. 17.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 140; ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 392–393.

4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 196. Л. 213–216.

пищевой целлюлозы. При расчете брались данные по численному составу ленинградского населения: всего – 2404,0 тыс., в том числе рабочие – 825 тыс., служащие – 373 тыс., иждивенцы – 742 тыс., дети до 12 лет – 453 тыс., а также Ораниенбаум – 10 тыс.[1] Не вполне ясно: учитывались ли люди, находившиеся на котловом питании, а также не получавшие карточек.

18 ноября горком ВКП(б) принял решение о заготовке 3000 тонн древесной коры на пищевые цели[2].

В декабре 1941 – январе 1942 гг. возникло катастрофическое положение с обеспечением продовольствием ленинградцев. Среди его причин, наряду с нехваткой продовольствия: топливный голод, перебои с водоснабжением хлебозаводов, а также финансовый голод у населения.

Постановлением СНК СССР от 6 декабря 1941 г. №2254 был утвержден план использования и реализации продовольственных и промышленных товаров на декабрь 1941 г. В план было включено по Ленинграду 280 тонн животного масла, 1100 тонн мяса, 1400 тонн колбасных изделий, 100 тонн птицы[3]. Учитывая, что по данным Продовольственной комиссии Ленфронта в Ленинграде в октябре 1941 г. получали карточки 2479, 3 тыс. человек[4], легко сосчитать, что предполагалось к продаже в среднем около 0,443 кг мяса, 0,565 кг колбасы, 0,112 кг сливочного масла в месяц на человека в среднем, без учета социальной стратификации, что сравнимо с общесоюзными нормами согласно постановлению СНК СССР №2148.

Продовольствие, необходимое для снабжения ленинградского населения, следовало доставить к Ладожскому озеру. Восстановление железнодорожной линии Тихвин – Волховстрой к 1 января 1942 г. сократило расстояние доставки продовольствия к Ладожскому озеру до 50 км, и количество подвозимого продовольствия увеличилось в 2,5 раза. Уже в январе 1942 г. среднесуточная отправка продовольствия по Дороге жизни выросла в 4 раза, а всего за месяц было переправлено до 42 558 тонн (1664 вагона). В том числе: мука, зерно, сухари 26 868 тонн, крупа, концентраты 6541 тонна, мясопродукты 4320 тонн, жиры 866 тонн, сахар 2072 тонны, овощи 679 тонн. В первую очередь доставлялись мука и крупы. В январе 1942 г. было также перевезено 177 тонн посылок с подарками для бойцов Ленфронта[5].

В то же время, по сообщению Военного прокурора председателю Горисполкома П. С.

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 1. Л. 14, 16, 17, 22. Эти данные отличаются от приводимых К. А. Болдовским, что, впрочем, характерно для блокадной статистики. Ср. *Болдовский К. А.* Ленинград в декабре 1941 года// Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, №1. С. 74.

2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 430–431.

3 ГА РФ. Оп. 1. Ф. Р-5446. Д. 196. Л. 10.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78 (Отчет о торговле и общественном питании в г. Ленинграде за 1941 – 1943 гг.). Л. 11.

5 Военно-автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941-1942 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 221, 224, 229, 230, 231.

Попкову и секретарям горкома ВКП(б) А. А. Кузнецову и Я. Ф. Капустину, на западном берегу (ст. Ладожское озеро) в декабре 1941 – январе 1942 гг. систематически срывалась погрузка и отправка поездов с продовольствием для Ленинграда, в первую очередь, из-за нехватки дров для маневровых паровозов. 12 января было отгружено 292,2 тонны из поступивших 1392,7 тонн; 13 января отгружено 231,4 тонны из поступивших 1167,1 тонн; 14 января поступило 1200,1 тонн, а отгружено было 1114,0 тонн. К 22 января 1942 г. на станции скопилось 5764 тонны различного продовольствия: муки 2629,4 тонны, 1151,2 тонны мяса, 540,2 тонны крупы. Из-за бесхозяйственности происходило крупное расхищение продовольствия, в том числе шесть дел о хищениях были отправлены в военный трибунал[1].

Снабжение хлебом ленинградцев зависело от бесперебойной работы хлебозаводов. Обеспечить ее водой, топливом, электричеством стало серьезной проблемой осенью и зимой 1941–1942 гг. Исследователь истории хлебопечения С. В. Коновцев писал, что в связи с прекращением работы водопровода, воду для хлебозаводов с конца января 1942 г. привозили в цистернах и пожарных машинах с рек, из плавательных бассейнов, растапливали снег, таскали из прорубей (по приказам по Тресту хлебопечения за январь 1942 г.). На хлебозавод №2 (Сампсониевский городской хлебозавод, Большая Вульфовая ул., д. 5) вода подавалась моно-помпой, стоящей рядом с подводной лодкой. В апреле 1942 г. был закончен монтаж электро-блокстанций на хлебозаводах №№7, 9, 16. В июле – сентябре 1942 г. хлебозаводы №№4, 5 и 12 были подключены к буровым скважинам соседних предприятий. На хлебозаводах №№6, 9, 11 смонтировали водопроводные станции с забором воды из Невы, сделанные за зиму Ленинградским отделением Всесоюзного проектного института «Гидроэнергопроект» (Ленгидэпом)[2]. В связи со сложившейся ситуацией, обком профсоюза работников хлебопекарной промышленности предложил мобилизовать всех трудящихся на ручную подноску воды и обеспечение дровами для хлебозаводов, а также взять под контроль работу по установке дизелей на заводах[3].

Трудности организации торговли продовольствием – один из важных аспектов снабжения граждан осенью – зимой 1941 г. Продажа продовольственных товаров с июля по декабрь 1941 г. производилась с подекадной разбивкой месячных норм (на 10 дней), которые объявлялись

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 57. Л. 14–17, 25.

2 Данный материал подготовлен по рукописи: *Коновцев С. В.* Хлебопекарное производство Петербурга – Петрограда – Ленинграда за 250 лет // СПб ГБ УК «Санкт-Петербургский музей Хлеба». Рукописный фонд. Архив С. В. Коновцева. Л. 5, 6. Подробнее о работе хлебозавода №2 см. *Диков А*. Блокадный хлеб // Подвиг Ленинграда: документально-художественный сборник. / Сост. А. Сапаров. – М.: Воениздат Минобороны СССР, 1960. С. 221–227.

3 Из отчета уполномоченного ВЦСПС «Профсоюзы Ленинграда на боевом посту» о производственно-массовой работе профсоюзов и развертывании социалистического соревнования за период с июля 1941 по декабрь 1942 г. (не ранее 1 января 1943 г.) // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / Отв. ред. *В. М. Ковальчук*. – М.-Л.: Наука, 1966. С. 191–192.

приказами отдела торговли Ленгорисполкома. Продажа населению продуктов осуществлялась в любом магазине без прикрепления. При этом требовалось создание оборотных запасов в магазинах, что стало невозможно с ноября 1941 г. Таким образом, стали образовываться очереди, и часть карточек оказывалась не отоварена[1]. 11 октября 1941 г. было принято решение «О торговом обслуживании потребителей г. Ленинграда», которым ЦК и ОК профсоюзов должны были обеспечить общественный контроль за работой магазинов и столовых с целью ликвидации очередей, экономного расходования продтоваров, без потерь на складах и базах[2].

С 1 декабря 1941 г. решением Ленгорисполкома население прикреплялось к магазинам по всем видам продтоваров, кроме хлеба. Но положение не улучшилось, из-за срыва планов завоза продуктов в город. Приказом отдела торговли Ленгорисполкома от 12 января 1942 г. вводилась разовая выдача продовольствия в счет месячных норм (с 13 января). При этом продукты завозились в магазины заранее в полной мере в соответствии с прикрепленным контингентом. О времени и размерах выдач население оповещалось заранее объявлениями, вывешенными на магазинах и объявленными по радио. Это позволило упорядочить выдачу продуктов[3].

11 января 1942 г. были подписаны два постановления СНК СССР: № 30 «Об отпуске по продовольственным карточкам обедов, изготовленных из крупы и макарон», согласно которому с 15 января при отпуске обедов из круп и макарон следовало отрывать талоны в размере 50% израсходованных продуктов[4]; № 31 «О торговле хлебом без карточек, по повышенным ценам», согласно которому с 15 января сокращался ежемесячный фонд для торговли без карточек и сохранялся только в крупных городах, по списку. Отпуск хлеба по повышенным ценам без карточек в одни руки устанавливался 500 граммов[5].

11 января 1942 г. вышло постановление ГКО №1132с «Об установлении новых норм отпуска продовольствия для населения г. Ленинграда и войск Ленинградского фронта» (Приложение. О нормах выдачи продовольствия для населения г. Ленинграда, войск Ленинградского фронта и частей КБФ. Докладная записка Микояна А. И. Сталину И. В.). В соответствии с ним нормы по хлебу в Ленинграде устанавливались соответственно освобождаемым городам[6]. Нормы по хлебу в освобожденных городах в соответствии с постановлением СНК СССР №32 «О нормах

---

1 Документ №125. Отчет городского отдела торговли о работе с июня 1941 г. по сентябрь 1943 г. // Ленинград в осаде. С. 263.

2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 354–355.

3 Документ №125. Отчет городского отдела торговли о работе с июня 1941 г. по сентябрь 1943 г. // Ленинград в осаде. С. 263–264.

4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 197. Л. 80–81.

5 Там же. Л. 82–83.

6 «Государственный Комитет Обороны постановляет…». Директивные документы ГКО СССР по обеспечению жизнедеятельности Ленинграда. 1941–1945 гг. (Е. Е. Кириллова, В. Н. Шепелев) // Исторический архив. – 2003. – №2. С. 140–141.

снабжения хлебом в Москве и Московской области и в городах, освобожденных от противника» устанавливались: 500 граммов в день рабочим, 400 граммов служащим и по 300 граммов иждивенцам и детям, В Москве все три группы получали на 100 граммов больше, а рабочие оборонных предприятий – 700 граммов в день[1]. (Таблица 19с).

Указывалось, что изменение норм осуществляется по предложению А. А. Жданова. Военному Совету Ленфронта поручалось установить срок введения новых норм, после того, как будет налажен подвоз продуктов в г. Ленинград в необходимом количестве и образованы непреходящие запасы не менее 10-дневной потребности[2].

Из содержания постановления ГКО №1132с ясно, что этот орган поддерживал продовольственную политику Военного Совета Ленфронта, и принимал решения на основе инициативы ленинградских руководителей. В тот же день, 11 января 1942 г., ВС ЛФ принял постановление о соблюдении лимитов продовольствия, решения по распределению которого принимаются только ВС ЛФ[3].

15 января 1942 г. начала работу Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в составе: А. А. Кузнецов, П. С. Попков, Д. В. Павлов, П. Г. Лазутин, И. А. Андреенко, занимавшаяся вопросами распределения дополнительных фондов продовольствия среди гражданского населения по специальным спискам[4]. С февраля 1942 г. в нее вошел Н. В. Соловьев. Очевидно, Продовольственная комиссия должна была расширить число лиц, решающих вопрос распределения, объединив представителей Советской власти: П. С. Попкова, И. А. Андреенко, позднее Н. В. Соловьева, и Военного Совета Ленфронта, точнее ГК ВКП(б): А. А. Кузнецова, П. Г. Лазутина, иногда к решению вопросов привлекался Я. Ф. Капустин. Вопросы, как правило, решались согласованием. Однако вопросы подвозки и эффективного распределения продовольствия по торговым точкам комиссия не решала. Только перераспределение имевшихся лимитов по разнообразным социальным группам, исходя из субъективного представления о ценности той или иной группы.

23 января 1942 г. вышло постановление ГКО №1196сс «Об увеличении переходящих запасов продовольствия для Карельского, Ленинградского, Волховского фронтов и 7-й армии». В Приложении была ведомость на выделение Наркомату обороны в январе 1942 г. дополнительных

---

1 Там же. Л. 85–86.

2 Там же. Л. 85–86. См. также: Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 210.

3 *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. – 2016. – №1. С. 9.

4 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 16 (Протоколы №1 и №2 заседаний Продовольственной комиссии и материалы к ним). Л.1, 2, 3.

фондов продовольствия для увеличения переходящих запасов по Карельскому, Ленинградскому, Волховскому фронтам и 7-й армии, на основе докладной записки А. И. Микояна, А. В. Хрулева И. В. Сталину[1]. Следует также указать, что 25 апреля 1942 г. появилось постановление ГКО №1649с о распространении постановления ГКО от 25 марта 1942 г. №1491с «О частичном и временном сокращении норм выдачи овощей и картофеля по ДВФ, СталВО, СКВО, ЗакВО, САВОи ЗабВО» на войсковые части всех фронтов и военных округов на период с 5 мая по 1 сентября 1942 г.[2] Постановлением ГКО №2438сс в октябре 1942 г. прекращалось снабжение продовольствием партизан[3].

Каким образом распределялось дополнительное продовольствие комиссией Военного Совета, и насколько это распределение соответствовало социальной структуре населения?

В отчете отдела торговли Ленгорисполкома Продовольственной комиссии Военного Совета Ленинградского фронта «Торговля и общественное питание Ленинграда» даны изменения по численному составу основных страт ленинградского населения, учтенных при нормированном распределении лимитов продовольствия, за период июль 1941 – март 1943 года[4]. Необходимо указать, что эти показатели условны, так как не отражают реального наличия данных групп населения в Ленинграде.

Так, вплоть до апреля 1942 года числились работающими на предприятиях лица, ушедшие в ополчение, в истребительные батальоны и в МПВО. В ряде случаев, иногородние, работавшие на ленинградских предприятиях, в начале войны оформили командировки и вплоть до весны 1942 года числились командированными, будучи прописанными в общежитиях, получая одновременно командировочные и зарплату, и карточки как командированные. В стенографическом отчете о собрании партактива Ленинградской железной дороги, который проходил 14 декабря 1941 г., говорится: «На нашей дороге имелось два головных восстановительных отряда. Один из них находился в Ленинграде, никуда не выезжал с 19 июля, другой с 29 августа. Все работники этих отрядов вместе с нами проживают в Ленинграде до последнего времени и, как оказалось, помимо основной зарплаты получали еще командировочные. За все это время по двум отрядам командировочных работникам выплачено 88. 891 руб....»[5].

Имеется расхождение в численности условного расчетного контингента рабочих и

---

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 220.
2 Там же. С. 299.
3 Там же. С. 491.
4 [Отчеты] Торговля и общественное питание в г. Ленинграде за период 1941–1943 г.г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 11, 12.
5 Там же. Ф. Р-2408. Оп. 2. Д. 4 (Стенографический отчет собрания партактива дороги по вопросу об очередных задачах партийной организации дороги. 14 декабря 1941). Л. 13.

служащих, который можно высчитать из данных, приводимых в справках-сводках Д. В. Павлова, и контингента, учитываемого в этот же период при выдаче карточек, согласно отчета по торговле.

Для подсчета используем справки-расчеты Д. В. Павлова от 20 декабря 1941 г. о наличии продуктов для выдачи с 20 по 31 декабря (III декада) 1941 года[1]. По рабочим карточкам имелось 486 т мяса, при средней норме 500 г его должно было хватить на 972 тыс. чел. Крупы было 567 т при норме 500 г – на 1 134 000 чел. По карточкам служащих имелось мяса 105 тонн, при норме 266 г на 394 736 чел. Крупы имелось 158 тонн, при норме 333 г на 474 474 чел. [подсчитано мной – Л.Г.]. Таким образом, согласно справкам Д. В. Павлова, расход мяса на III декаду декабря 1941 г. брался из расчета 1 366 736 чел. рабочих и служащих, расход крупы на этот же период брался из расчета 1 608 474 чел. рабочих и служащих.

В то же время по данным отчета о торговле и общественном питании в Ленинграде за 1941–1943 гг., представленного в Продовольственную комиссию Ленфронта, к январю 1942 г. в городе находилось всего 2 332,8 тыс. чел., из которых 51 тыс. чел. составляли лица, не получавшие карточки. В январе 1942 г. рабочих карточек было учтено 802,6 тыс. комплектов (на 119,1 тыс. меньше, чем в июле 1941 г.), служащих – 287,6 тыс. комплектов (на 228,3 тыс. меньше, чем в июле 1941 г.), или всего 1 090 200 комплектов[2].

Таким образом, значительную роль в нормированном распределении продовольствия играла социальная динамика населения блокированного города. Анализ динамики социальной структуры Ленинградского общества за период блокады по сравнению с январем 1941 года позволяет заметить важнейшие демографические тенденции военного времени. Данные за январь 1941 года взяты из отчета Управления народно-хозяйственного учета (численность детей до 12 лет на 1 января 1941 г. подсчитана нами на основе данных УНХУ)[3]. (Таблицы 2 и 3). Содержание таблиц позволяет проследить колебания удельного веса той или иной страты, оцениваемой по количественным данным при распределении нормированного питания.

На диаграмме 7 ясно видно уменьшение удельного веса работающего населения в Ленинграде в ноябре 1941 – январе 1942 года до 50 %, что все же было выше довоенного периода. Удельный вес детей до 12–13 лет составлял около 20% всего населения, как в январе 1941, так и в январе – мае 1942 года. А вот количество иждивенцев выросло, так как к ним были отнесены кустари, которые продолжали работать в блокированном Ленинграде. Следует отметить

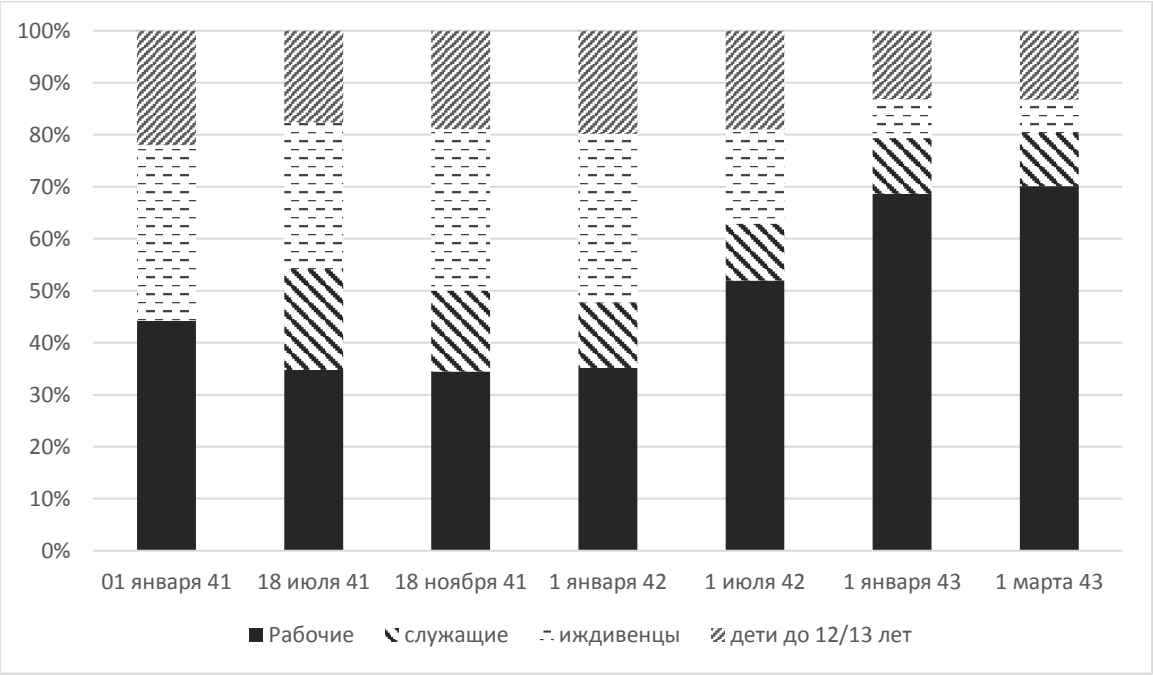
1 Ленинград в осаде. С. 203–204 (Справка-расчет Д. В. Павлова о наличии мяса и мясопродуктов и степень обеспечения ими населения и войск; Справка-расчет Д. В. Павлова о наличии крупы и макарон).

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 11–12.

3 Там же. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5115 (Материалы Управления нар.-хоз. учета г. Лен-да о работе пром-ти за 1 кв., о к/х работе, о труд. ресурсах Ленинграда на 01.01.1941 г., численности детей, заболев-ти и смерт-ти насел., о бюджете семьи раб. и служ. области на 1940 г… 6.II.41–13.VII.41). Л. 21, 27.

незначительное количество инвалидов войны среди них. Так, в отчете Ленгорисполкому отдела социального обеспечения указывалось, что на сентябрь 1942 года в Ленинграде получали пенсию 1302 чел. инвалидов Отечественной войны, из которых 300 чел. работали и учились. 11 274 чел. были направлены в дома инвалидов НКСО РСФСР[1]. Диаграмма 7[2].

Диаграмма 7. Социальная динамика населения в Ленинграде в 1941–1943 гг.

Отчет о торговле и общественном питании в Ленинграде за 1941–1943 годы Продовольственной комиссии Ленинградского фронта позволил ввести в поле исследования данные по динамике численности отдельных контингентов за указанный период[3]. (Таблица 20).

По данным отчета, на 18 июля 1941 года всего рабочих и служащих получили карточки 1 437 600 чел. Для сравнения укажем, что на 1 января 1941 г. в Ленинграде всего рабочих и служащих имелось 1 491 353 чел., из которых следует исключить иногородних (158 тысяч). Кроме того, 94 713 чел. учились в вузах и ссузах [в период войны им полагались карточки служащих – Л.Г]. (Таблица 3)[4]. Тогда разница между занятыми в народном хозяйстве в январе 1941 г. и в июле 1941 г. изменилась незначительно, увеличившись примерно на 9 тысяч человек. Вероятно, за счет

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 46 (Переписка по вопросам здравоохранения и культуры). Л. 186.
2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 11, 12; Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5115. Л. 21, 27. Данные по рабочим и служащим за январь 1941 г. даны нераздельно, так как эти группы не выделены в исходных сведениях.
3 Там же. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 12.
4 Там же. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5115. Л. 27.

прикомандированных к предприятиям и учреждениям иногородних.

Иждивенцев отдельных лиц, включая детей 0–15 лет и учащихся старших классов средних школ, проживало на 1 января 1941 г. 1 351 264 чел. Кроме того, на 1 января 1941 г. в городе имелось 532 445 чел., занятых в народном хозяйстве: кустари, студенты, инвалиды и пенсионеры и пр. группы. Эта категория лиц должна была также получать иждивенческие карточки, за вычетом студентов, приравненных к служащим, или всего 437 732 чел. Таким образом, общее количество иждивенцев, включая детей, должно было составить около 1 788 996 чел., исходя из данных на 1 января 1941 г. Для сравнения 18 июля 1941 г. число детей и иждивенцев было: 1 414 900 чел.

В таком случае население Ленинграда на 18 июля 1941 г. уменьшилось примерно на 365 тысяч человек, в основном иждивенцев и детей. [Подсчитано мной по указанным данным на 1 января и 18 июля 1941 г. – Л.Г.].

На 1 января 1941 г. в Ленинграде проживало детей: от 0 до 7 лет 450 123 чел., от 8 до 15 лет 390 762. (Таблица 2)[1]. В среднем на одно поколение 7–15 лет приходилось 48 846 чел., или около 293 072 детей в возрасте 8–12 лет. Тогда всего детей до 12 лет на 1 января 1941 г. в Ленинграде проживало около 743 195 чел. Данная группа на 18 июля 1941 года уменьшилась на 276 195 чел.

В то же время в июле 1941 года количество выпущенных карточек не соответствовало указанному выше контингенту: вместо необходимых 2 852 500 было выпущено 2 714 500 карточек[2]. Следует предположить, что 138 000 недостающих карточек предполагали бескарточное питание.

Данные за ноябрь 1941 года взяты из постановления Военного Совета Ленинградского фронта о снижении норм за этот месяц. На 16 – 18 ноября 1941 г. расчет норм продуктов был сделан исходя из численности: рабочих 825 тысяч, служащих 373 тысячи, иждивенцев 742 тысячи, детей до 12 лет 453 тысячи. Кроме того, в расчет был включен Ораниенбаум: 10 тысяч чел.[3] Всего: 2 403 тысячи чел. То есть предполагалось, что количество населения уменьшилось с июля по ноябрь 1941 г. на 450 тысяч человек.

С июля 1941 г. по январь 1942 г. количество лиц, получавших карточки, уменьшилось: рабочих и служащих на 347 400 чел., иждивенцев на 9 600 чел., а детей на 13 700 чел. [Подсчитано мной – Л.Г.]. Данное количество комплектов, вероятно, учитывало выбытие мобилизованных в РККА через горвоенкомат 302 499 чел., которые увольнялись при мобилизации. В то же время уехавшие в 1941 г. в эвакуацию с предприятиями 164 320 чел. рабочих и служащих, а также мобилизованные по партийной мобилизации 169 299 чел. в армию народного ополчения, истребительные отряды и пр. могли, полностью или частично, не учитываться в январе 1942 г. как

1 Там же. Л. 21.
2 Там же. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 12.
3 Там же. Д. 1. Л. 17.

выбывшие[1]. Данные отчета позволяют понять блокадную статистику в сравнении с данными УНХУ за январь 1941 года.

Стремление влиять на социальную структуру общества привело к использованию системы карточного распределения продуктов в качестве своеобразного социального регулятора. Постепенно выстраивалась «иерархическая лестница», о которой пишут Г. Л. Соболев, Н. А. Ломагин, М. В. Ходяков[2].

В то же время следует заметить, что нормированный тип распределения в тяжелых условиях военной блокады являлся вынужденным средством. Незначительная разница между отдельными нормами, принцип социальной справедливости, положенный в основу сурового распределения в зависимости от интенсивности труда, являлись сдерживающими факторами. Вряд ли следует преувеличить значение этой «диктатуры» как инструмента постепенной трансформации общества в сторону формирования «продовольственной элиты». Хотя возможность злоупотреблений была, что в условиях социалистической законности приводило к уголовному преследованию отдельных злоумышленников. Исследователями указывается, что постепенно количество разнообразных видов карточек в СССР увеличивалось, и в 1944 г. в Ленинграде оно достигало 171, что превосходило их разнообразие в Москве[3].

В 1943 году, например, имелись литерные карточки, карточки на дополнительные продукты для беременных, разовые карточки для командировочных, для доноров, только по группе служащих можно различить 8 подгрупп[4]. Отдельные группы переносились в привилегированные страты специальными постановлениями исполкома Ленсовета, а также решениями Продовольственной комиссии Ленфронта, им выдавались особые «столовые» карточки[5].

Постановление СНК СССР от 18 октября 1942 г. №1709 «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий» предполагало первоочередное снабжение передовых рабочих и, одновременно, отпуск хлеба по сниженным нормам рабочим, недобросовестно относившимся к своим обязанностям[6]. Постановление было А. А. Ждановым, первым секретарем Ленинградского горкома ВКП(б), переадресовано к

---

1 *Болдовский К.А.* Ленинград в декабре 1941 года. С. 75. Ср. Документ №49. Справка военного отдела ГК ВКП(б) о мобилизациях населения Ленинграда // Ленинград в осаде. С. 133, где приводятся другие данные по партийным мобилизациям: 181 149 чел.

2 См. например, *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. С. 373–377; *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. С. 17; *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. – СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс, 2002.

3 *Гаврилова О. А., Ходяков М. В.* Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. С. 45.

4 Там же. С. 59–60.

5 О деятельности Продовольственной комиссии в этом направлении см. *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. С. 13–16.

6 Ленинград в осаде. С. 244–245. См. также ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 206. Л. 305–306.

выполнению членам Продовольственной комиссии: А. А. Кузнецову, П. Г. Лазутину, П. С. Попкову, а также Я. Ф. Капустину. В своем труде Г. Л. Соболев отмечает, что за этим последовал ряд мер по улучшению снабжения передовых рабочих: были выделены спецмагазины по одному на район; 20 тысяч передовиков производства смогли получать в заводских столовых дополнительное питание[1]. В протоколах Продовольственной комиссии это отражено решениями по выделению «стахановских талонов» в августе 1943 г. Заявления на такие талоны подавали сведущие организации. Так, подало и Управление по делам искусства (Ленгорисполкома) для художественно-технических мастерских, мастерских художественной фотографии, треста Ленгороформление, однако встретило отказ[2]. Практика частых субъективных отказов объясняет, почему далеко не все организации подавали вовремя ходатайства.

Следует указать, что, наряду с этим улучшением, постановление СНК СССР №1709 повлекло за собой необоснованное лишение права тех или иных лиц на получение продовольствия местными органами власти. Подробную характеристику сложившегося положения находим в «Отчете Продовольственной комиссии при Военном Совете Ленинградского фронта о торговле и общественном питании в Ленинграде за период с 22 июня 1941 г. по 1 апреля 1943 г.»[3] Так, по инициативе отдела торговли Ленгорисполкома, с ноября 1942 года выдавались карточки с вырезкой талонов на мясо и жиры неработающим иждивенцам, которые подлежали мобилизации на производство, согласно указам Президиума ВС СССР от 13 февраля и 19 сентября 1942 г. На 100 граммов в день уменьшалась норма выдачи хлеба по карточке рабочим, совершившим прогул и отбывавшим наказание на рабочем месте. При этом количество таких лиц постепенно сокращалось. Вряд ли можно согласиться с авторами документа, что основной причиной сокращения являлось «исправление»[4].

Количество иждивенцев, не получавших талоны на мясо и жиры, составляло, согласно отчету отдела торговли Ленгорисполкома, в 1942 году: в ноябре – 6637 чел. (ок.3,5% от общего числа иждивенцев); в декабре – 6346 чел.; в 1943 году: в январе – 3532 чел. (7,35% от общего числа), в феврале – 2584 чел., в марте – 1953 чел. Аналогичный процесс происходил и с

---

1 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. С. 281.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 69. Л. 168 (Постановление Продовольственной комиссии Военного Совета Ленинградского фронта. Август 1943 г.).

3 *Зотова А. В.* Об отчете продовольственной комиссии при Военном Совете Ленинградского фронта о торговле и общественном питании в Ленинграде за период с 22 июня 1941 г. по 1 апреля 1943 г. // Клио. – 2013. – №3 (75). С. 12–17; *Ее же.* Отчет продовольственной комиссии при Военном Совете Ленинградского фронта о торговле и общественном питании в Ленинграде за период с 22 июня 1941 г. по 1 апреля 1943 г. (окончание) // Клио. – №4 (76). С. 3–18.

4 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78 (Отчеты о торговле и общественном питании в г. Ленинграде за период 1941–1943 гг.). Л. 15, 16. См. также: Клио. – №4 (76). С. 15–16.

рабочими[1]. Однако за этот же период времени произошло сокращение работающих предприятий и учреждений, выдававших карточки своим работникам и их иждивенцам. За 2 полугодие 1941 года количество работавших предприятий сократилось на 658, в 1-м квартале 1942 – на 153, во 2-м полугодии 1942 г. – на 830 предприятий и учреждений, в 3-м – на 1194, в 4-м квартале 1942 г. – на 177 предприятий[2]. Сокращение рабочих мест, наряду с невыплатами заработной платы рабочим из-за вынужденных простоев и финансового голода (нехватки наличных денежных средств), сопровождаемые вырезанием продовольственных талонов, усугубляли и без того тяжелое положение населения блокадного города.

Следует заметить, что в 1942 г. было проведено 20 079 проверок порядка выдачи карточек, было выявлено 1533 случая злоупотреблений, переданных в прокуратуру[3].

В то же время формировались две категории именных списков, куда попадали по выдвижению организаций и учреждений выдающиеся ученые, деятели культуры, руководители, члены их семей, обслуживающий персонал, заслуженные учителя. В каждом случае вопрос решался индивидуально членами Продовольственной комиссии[4]. По одним именным спискам людей прикрепляли к спецмагазину №1 «Гастроном», по другим к спецстоловой. На 14 марта 1942 г. к спецмагазину №1, согласно отчету директора магазина, было прикреплено 599 чел. деятелей науки и искусства. Однако 142 из них эвакуировалось, умерло или не являлось по неизвестным причинам[5]. Обеденные карточки в декабре 1942 года получали по именным спискам 1414 чел. деятелей науки и искусства[6]. В отдельных случаях дело ограничивалось разовой продовольственной помощью или переводом в более привилегированную категорию (рабочую и пр.). Данные документы не подлежали разглашению и стали вводиться в поле исследования проблемы лишь недавно[7].

Переходящие запасы продовольствия в Ленинграде с января 1942 года начали увеличиваться и в 1943 г. превышали аналогичные на начало июля 1941 года, по данным отдела торговли Ленисполкома. Содержание таблицы 21, составленной на основании данных, приведенных в отчете отдела торговли Продовольственной комиссии Ленфронта, показывает абсолютный и

---

1 Там же. [В документе эти данные зачеркнуты – Л.Г.]
2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 18. См. также: Клио. – №4 (76). С. 16.
3 Там же. Л. 19. См. также: Клио. – №4 (76). С. 17.
4 Там же. Д. 60 (Письма и заявления отдельных граждан). Л. 198–198об.
5 Там же. Д. 52 (Именные списки работников науки и культуры прикрепленных к спецмагазину №1 «Гастроном»). Л. 1–25.
6 Там же. Д. 51 (Именные списки на получение продовольственных карточек 1-й категории и пр.). Л. 30, 31.
7 Анализу содержания данного собрания посвящена статья: *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. – 2016. – №1. С. 8–21. Письма с просьбами об оказании продовольственной помощи частично были опубликованы Н. А. Ломагиным. См. *Ломагин Н. А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. – М: Яуза-каталог, 2017. Использованные выше документы дополняют результаты данных исследований.

относительный рост запасов по важнейшим видам продовольствия в Ленинграде. К 1 июля 1942 года он составил двухмесячный запас по муке, что почти в два раза превышало запас на 1 июля 1941 г., а на 1 января 1943 года запас составил 5,5 месяцев (соответственно в 4 раза больше довоенного). По мясу и рыбе 1,5-месячный запас был достигнут к 1 апреля, а к 1 июля 1942 г. – двухмесячный, что незначительно ниже, чем на 1 июля 1941 г. (Таблица 21)[1].

21 июня 1942 г. было принято решение Ленгорисполкома №70 «Об утверждении “Правил выдачи продовольственных и промтоварных карточек населению городов Ленинграда, Колпино и Кронштадта и порядок их учета и хранения”»[2]. Правила, утвержденные решением Ленгорисполкома от 22 августа 1941 г. №50-31, и Инструкция отменялись. Новые правила не содержали ограничений в отношении ленинградцев, работавших в Ленинградской области, которым по прежним правилам карточки не выдавались. Теперь они получали карточки по месту жительства (по предоставлении справки, что не получают их на работе). Иждивенцам рабочих и служащих, проживавших в Ленинграде, карточки теперь выдавались по месту жительства. Указывалось также, что воинские части и воинские учреждения получают и выдают продовольственные и промтоварные карточки лицам командного и начальствующего состава Красной Армии, Военно-Морского флота и войск НКВД, не получающим продовольственного пайка табельного снабжения. Карточки не выдавались лицам, находившимся на полном иждивении государства: воспитанникам детдомов, инвалидам и престарелым, находящимся в домах инвалидов, учащимся школ ФЗО, РУ и ЖУ[3].

Рост запасов продовольствия позволил с 22 февраля 1943 года установить в Ленинграде суточные нормы снабжения населения печеным хлебом на уровне норм, существовавших в Москве: рабочим и ИТР оборонных предприятий – 700 г, рабочим и ИТР прочих предприятий – 600 г, служащим – 500 г, иждивенцам – 400 г, детям до 12 лет – 400 г[4].

В сведениях на август 1943 г. о плановых контингентах гражданского населения г. Ленинграда указывалось 564 232 чел., получавших карточки, в том числе находившихся на котловом довольствии. 48 770 чел. не получали карточки: дети в детдомах; инвалиды, в том числе дети-инвалиды; лица, находившиеся на излечении в больницах, мобилизованные на оборонные работы по заготовке леса, по погрузке угля и др. Таким образом, 7,9% от общего числа населения летом 1943 г. не учитывались в карточном контингенте. В то же время, 412 890 чел. или 67% от всего

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78 (Отчеты о торговле и общественном питании в г. Ленинграде за период 1941–1943 гг.). Л. 1, 3.
2 Там же. Д. 40. Л. 29об, 30.
3 Там же.
4 Там же. Д. 78. Л. 4. См. также Ленинград в осаде. С. 259–270. (Отчет опубликован в сокращенном варианте по ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 4. Д. 94. Л. 111–127).

населения, разбитых на 32 группы, получали питание по особым нормам и дополнительное питание[1].

Однако в ноябре 1943 г. нормы выдачи хлеба вновь были снижены. Запрещался дополнительный отпуск хлеба, за исключением школьников, литерных талонов и доноров. В ноябре – декабре 1943 г. ВС Ленфронта были введены добавки в муку: 20% овсяной, ячменной, пшенной муки и 5–7% жмыха. Причиной назывался неурожай зерновых в стране и перебои с поставками[2].

Общественное, рационное питание через сеть столовых и пунктов горячего питания стало в период войны одним из существенных способов организации дополнительного питания.

Роль и значение общественного питания возросли с начала войны. Летом 1941 г. Главным Управлением ленинградских столовых были открыты 120 пунктов для горячего питания мобилизованных в ряды РККА. Было организовано рационное питание для армии народного ополчения на 200 тыс. человек, а также питание для 500 тыс. человек, мобилизованных на оборонные работы. На систему общественного питания было возложено обслуживание котловым питанием различных спецформирований, участковых команд МПВО, партизанских отрядов, истребительных батальонов, аварийно-восстановительных батальонов, комсомольских противопожарных батальонов, пожарных команд и т. п. Были открыты 40 столовых и распределителей на центральном эвакопункте и в районах для обслуживания стационарным питанием эвакуированных детей[3].

С переходом на карточное нормирование увеличился приток посещавших столовые, так как в закрытых столовых летом 1941 г. хлеб отпускался со 100% зачетом карточных норм, мясо отпускалось с 50% зачетом, остальные продукты без зачета норм. Открытые столовые были переведены на коммерческие цены, при этом отпуск продуктов происходил без вырезки талонов. Так же производилась продажа через буфеты на закрытых предприятиях. В связи с этим число столовых возросло на 167. В городе была создана специализированная сеть столовых: 30 детских столовых с охватом до 50 тысяч чел.; 20 столовых для обслуживания семей красноармейцев – до 15 тыс. чел.; 5 столовых для обслуживания инвалидов Отечественной войны, с охватом 4 тыс. чел.; по примеру питания учащихся школ РУ и ФЗО было организовано питание в столовых для учащихся и педагогов военных спецшкол в 7 столовых с охватом 3,2 тыс. чел.[4]

В дальнейшем происходило постепенное ограничение отпуска продуктов в столовых без

---

1 Документ №123. Сведения городского отдела торговли П. Г. Лазутину о плановых контингентах гражданского населения Ленинграда на август 1943 г. // Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / Под ред. А. Р. *Дзенискевича*. – СПб.: Лики России, 1995. С. 256–259. За 100% взято 564 232 + 48 770 = 615 002 [Подсчитано мной – ЛГ].

2 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. С. 7, 571. См. комментарий (по ЦГА СПБ. Ф. Р-7384. Оп. 36. Д. 86. Л. 161; Д. 95. Л. 66, 69, 81).

3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 25, 26; См. также: Клио. – №4 (76). С. 4–5.

4 Там же. Д. 78. Л. 27. См. также: Клио. – №4 (76). С. 4, 6.

вырезания талонов. С 11 сентября 1941 г. был введен порядок отпуска мясных блюд с вырезкой талонов на мясо 100% зачетом, а в столовых особого списка – 50%. С 22 сентября 1941 г. на всех предприятиях общественного питания (за исключением 15 коммерческих ресторанов) была введена продажа по нормальным ценам с вырезкой талонов из продовольственной карточки хлеба, хлебобулочных изделий, масла животного, колбасы, мяса и кондитерских изделий. С 1 октября 1941 г. в столовых при отпуске крупяных блюд вырезались талоны в размере 50% от норм раскладки, за исключением столовых особого списка при оборонных предприятиях. С 11 ноября 1941 г. в столовых закрытого типа крупяные блюда отпускались с вырезкой 100% из талонов, но жиры, сахар и кондитерские изделия отпускались без вырезки талонов. Одновременно прекратилась коммерческая продажа товаров в столовых и ресторанах. В это же время были установлены твердые нормы раскладки продуктов. С 1 декабря 1941 г. вводился 100% зачет в счет норм по сахару, кондитерским изделиям и жирам. С 11 февраля 1942 г. по крупе и макаронным изделиям для всех категорий граждан талоны стали вырезать с учетом 50% норм раскладки продуктов. Также было разрешено расходовать 5 г жира на 1 блюдо без зачета талонов. Такой порядок в столовых сохранился до апреля 1943 г.[1] Однако, согласно постановлению СНК СССР от 13 сентября 1942 г. №1526 «Об отпуске по продовольственным карточкам обедов, изготовленных из крупы и макарон», полагалось с 15 сентября 1942 г. вырезать за такие блюда 100% израсходованных продуктов, а не 50 – как ранее[2].

Количество и состав столующихся. В публикации О. А. Гавриловой о работе треста столовых и ресторанов приводятся данные о том, что только на Васильевском острове на II декаду ноября 1941 г. числилось 73 000 человек, «прикрепленных» к тресту столовых, в том числе 3 990 от Академии Наук, 1 100 от Академии художеств. К декабрю их число выросло до 80 000 человек. В Дзержинском районе числилось «прикрепленных» 53 520 человек[3].

10 ноября 1941 г. решением Ленгорисполкома был составлен список закрытых столовых с особым обеспечением. Однако в него не попала столовая Спецторга УНКВД ЛО №2, обслуживавшая исключительно оперативный состав управлений милиции г. Ленинграда в количестве 860 чел. Начальник Управления милиции Ленинграда Е. С. Грушко обращался к уполномоченному ГКО по г. Ленинграду Д. В. Павлову с просьбой включить столовую Спецторга УНКВД ЛО №2 в данный список, но получил отказ[4].

---

1 Там же. Л. 33–34. См. также: Клио. – №4 (76). С. 6.

2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 205. Л. 167–168.

3 *Гаврилова О. А.* Организация общественного питания в блокадном Ленинграде // Битва за Ленинград 1941 – 1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне / ред. кол.: А. Х. Даудов, Г. П. Жирикова, Е. В. Лезик и др. – СПб.: Нестор-История, 2019. С. 156–157.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 211, 212.

9 января 1942 г. было принято решение ГК ВКП(б) и Ленгорисполкома «Об организации помощи особо ослабевшим гражданам» по вопросу медицинской и другой помощи больным-дистрофикам[1]. Во время обсуждения вопроса 16 января, секретарь ГК ВКП(б) А. А. Кузнецов настаивал, чтобы оплата лечебного питания в стационарах, финансируемых за счет местного бюджета, производилась больными-дистрофиками[2]. Это привело к резкому снижению финансирования питания в районных стационарах. В стационарах при предприятиях питание должно было оплачиваться хозяйственными организациями. С учетом имевшегося дефицита средств на предприятиях, следует предположить, что на эти цели выплачивались средства по больничным листам за счет фондов заработной платы. Таким образом, начавшие работу 105 столовых при стационарах с лечебным питанием, организованные при фабриках и заводах, а также по районам города, не могли эффективно вести борьбу с дистрофией из-за нехватки денежных средств[3]. В то же время до 1 мая они обслужили 60 тыс. чел.[4] С апреля 1942 г. вместо стационаров стали создаваться столовые усиленного питания, всего 153 столовых. Из них 89 закрытых (на заводах, фабриках, в учреждениях) и 64 столовые открытого типа. С 25 апреля по 1 июля 1942 г. через эту сеть было пропущено 234,4 тыс. человек (69% рабочих, 18,5% служащих, 12,5% иждивенцев). С июля было организовано из их числа 15 диетических столовых с ежемесячным охватом 6 тыс. человек, а с февраля 1943 г. до 9 тысяч человек[5].

16 января 1942 г. Ленгорздрав обратился в Продовольственную комиссию с ходатайством о выделении специальных продовольственных фондов для использования питания в качестве лечебного по специальным рецептам врачей. Для этих целей требовалось всего: 100 кг масла, 200 кг сахара, 2 кг чая, 1000 шт. яиц, 250 кг крупы, 250 банок консервов. Однако даже в урезанном в половину виде эту просьбу удовлетворить не смогли[6].

Протоколом Продовольственной комиссии Военного Совета Ленинградского фронта от 19 марта 1942 г. №8 в больницах и стационарах с 1 апреля вводились суточные нормы на 1 человека в размере: 400 г печеного хлеба, 50 г мяса, 130 г крупы или макарон, 60 г сахара, 40 г жиров, 1/3 шт. яйца, 25 г пшеничной муки, 0,6 г чая, 20 г овощей, 100 г молока, 25 г сухофруктов, 15 г картофельной муки. Однако при этом контингент стационаров предполагалось сократить в 2

1 Протокол №50 заседания бюро Ленинградского ГК ВКП(б) от 9 января 1942 г. // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 481–483.
2 Протокол №51 заседания бюро Ленинградского ГК ВКП(б) от 16 января 1942 г. // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 542.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 49. Л. 25–28.
4 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 28.
5 Там же. Л. 28-29. См. также: Клио. – №4 (76). С. 4–5.
6 Там же. Д. 18. Л. 9, 99.

раза (с 19 285 чел. до 10 000 чел.)[1].

В апреле – мае 1942 г. Ленгорисполкомом был принят ряд решений по организации столовых рационального питания и повышенного типа при поликлиниках: «О печати продовольственных карточек для столующихся, перешедших на рациональное питание» от 15 мая 1942; «О выполнении поликлиниками №1 Свердловского района и №26 Октябрьского района решения бюро горкома ВКП (б) и исполкома Ленгорсовета от 21 апреля 1942 "Об организации столовых повышенного типа"» от 21 мая 1942[2]. В решении Ленгорисполкома от 21 мая 1942 г. отмечалась эффективность столовых для восстановления сил: из 450 обследованных больных 25% полностью восстановили здоровье, а у 50% состояние резко улучшилось. В то же время были выявлены недостатки, для исправления которых было решено выделить в каждой поликлинике группу врачей для присутствия в столовой в течение дня, а также при раскладке питания; в столовых следовало навести санитарный порядок, восстановить водопровод и канализацию (которые не работали в ряде случаев); следовало регулярно выдавать больным витамин «С», свежие овощи[3].

На заседании Ленгорисполкома 4 июня 1942 г. было доложено о приписках к контингенту до 30%, за счет которых получалось дополнительное питание, в ряде лечебных учреждений. В решении говорилось о неудовлетворительном состоянии бухгалтерского учета и контроля и незаконном расходовании продовольствия в учреждениях Ленгорздравотдела, а также о принятии мер со стороны военной прокуратуры[4].

Особое внимание уделялось питанию детей. По инициативе Ленгорздравотдела (ЛГЗО), в январе 1942 г. было подготовлено решение Ленгорисполкома «О детском питании». По данным ЛГЗО в детских поликлиниках ежедневно регистрировалось свыше 300 детей-дистрофиков, из которых часть нуждалась в срочной госпитализации. Причем основным лекарством для них должно было стать повышенное питание. Сверх карточных норм для этих детей горздрав просил отпускать продуктов на 817 калорий в сутки. При сохранении калорийности детских карточек по декабрьским нормам: 785 калорий, общая суточная калорийность пищи составила бы 1602 калорий, минимально достаточных для ребенка[5].

В решении Ленгорисполкома также указывалось, что с 1 февраля детские карточки следует ввести до 15 лет включительно; на базе школьных и детских столовых следовало организовать рационное питание детям в возрасте от 8 до 15 лет, с контингентом 30 000 чел., с разверсткой по

1 Там же. Д. 20. Л.3.
2 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №9-10 (29 мая). С. 3-7.
3 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 - декабрь 1942 гг. С. 156–158.
4 Там же. С. 193–195.
5 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 17. Л. 92, 92об.

районам. На базе детсадов и яслей питание должно было осуществляться на котловом довольствии, с контингентом по детсадам 25 000 детей и яслям 6 000 детей. С 1 февраля 1942 г. для ослабленных детей организовывались детские столовые с контингентом 10000 чел. В рационных столовых на ребенка дополнительно к карточным нормам полагалось 25 г крупы и 5 г масла в день. В детсадах и яслях питание осуществлялось по установленным для этих учреждений нормам. В оздоровительных столовых на 1 ребенка следовало добавочно выделить в месяц: мяса 1 кг, масла сливочного 0,8 кг, крупы 1,5 кг, яиц 15 шт., сметаны 0,3 кг, молока 2 л, хлеба 3 кг, муки пшеничной 0,5 кг, овощей 6 кг, какао 0,1 кг, сахара 0,5 кг, рыбы 0,2 кг (в соответствии с рекомендациями Ленгорздрава)[1]. Был подготовлен соответствующий проект для Продовольственной комиссии, с просьбой разрешить превысить лимиты продовольствия за февраль. Однако данный пункт из решения Ленгорисполкома был вычеркнут[2]. Решение было выполнено не полностью (детская категория по карточкам поднялась до 13 лет). В то же время п. 35 протокола №3 от 2 февраля 1942 г. заседаний Продовольственной комиссии Ленфронта (присутствовали Соловьев, Попков, Лазутин, Андреенко) разрешалось отделу торговли Ленгоисполкома перевести на рацион по общественному питанию с 1 февраля 1942 г. 25 тыс. детей-дошкольников и 6 тыс. детей ясельного возраста[3].

С 1 февраля 1942 г. организуется рационное питание для школьников, сначала 2-х разовое с оставлением части продуктов по карточкам для домашнего питания, а с 11 мая 1942 г. 3-х разовое. В декабре 1942 г. при 52 детских столовых было организовано специальное усиленное детское питание для детей как школьного, так и дошкольного возраста. На 1 апреля 1943 г. им было охвачено 15 тыс. чел., а рационным питанием к тому же времени – 8,4 тыс. школьников[4].

Интерес представляет проект справки о динамике охвата детей общественным питанием на 20 января и с 1 февраля 1942 г.[5] В проекте указывалось, что на 20 января 1942 года общественным питанием было охвачено 92 900 детей (0–15 лет), или 16,1 % от общего количества детей и подростков (по данным Ленгорздравотдела, в это время находилось около 575 000 детей и подростков указанного возраста). С 1 февраля 1942 г. питанием планировалось охватить 26,9% или 153 900 чел.[6] (Таблица 22).

19 марта 1942 г. на заседании Продовольственной комиссии (протокол №8) обсуждался вопрос об использовании продовольственных подарков, прибывших из Мурманска и из Карело-

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 17. Л. 92, 92об.
2 Там же. Д. 18. Л. 95, 95об, 96–100.
3 Там же. Д. 17. Л. 5, 6.
4 Там же. Д. 78. Л. 29–30.
5 Там же. Д. 18. Л. 100.
6 Там же.

Финской АССР. Из Мурманска прибыли: соленая треска, сельдь, мелкий частик, которые были направлены в столовые общественного питания на предприятиях по списку №1; семга была выдана детям до 13 лет по 50 г на карточку; рыбий жир был передан ЛГЗО для медицинских целей. Из Карело-Финской АССР прибыла оленина, направленная на улучшение общественного питания в ремесленных училищах, школах ФЗО и детских инфекционных больницах, а также белуга, переданная для общественного питания в детских домах и детских садах[1].

В то же время продолжались меры, сдерживающие рыночные отношения и направленные на социализацию распределения. Так, 25 сентября 1942 г. было принято постановление ГКО №2342 «О мерах борьбы с "мешочничеством"», согласно которому запрещалось провозить более 16 килограммов продуктов. За провоз продуктов сверх допустимой нормы на товарных поездах устанавливалась уголовная ответственность[2].

Не допускалась и торговля мукой вместо печеного хлеба. В постановлении СНК СССР от 13 декабря 1942 г. №1971 «О неправильном решении исполкома Саратовского городского Совета депутатов трудящихся от 8 ноября 1942 г. “О снабжении населения хлебом”» осуждалась практика принудительной выдачи населению теста и муки вместо печеного хлеба при перебоях с выпечкой хлебозаводом. Указывалось, что при этом население не было обеспечено дрожжами[3].

Состояние общественного питания требовало реорганизации, постоянно вызывая критику. В решении ГК ВКП(б) и Ленгорисполкома «Об улучшении дела общественного питания в городе» от 19 декабря 1942 г. отмечались недостатки в организации общепита, а также говорилось об организации для передовых рабочих и рабочих горячих цехов общественного питания по талонам дополнительного питания[4].

Всего с мая 1942 г. по апрель 1943 г. количество лиц, охваченных рационным питанием, выросло с 5 тысяч до 190 тысяч чел., согласно отчету о торговле и общественном питании за 1941–1943 гг. Продовольственной комиссии Военного Совета Ленфронта[5].

25 декабря 1942 г. вышло распоряжение №59 заместителя председателя Ленгорисполкома И. А. Андреенко «О порядке прикрепления и отпуске питания в столовых Наркомторга Союза ССР и других наркоматов и ведомств в гор. Ленинграде». Все столовые делились на два типа: в столовых рационного питания отпуск блюд производился по специальным «карточкам для столовых», в столовых общего питания по продовольственным карточкам. Гражданам выдавался предприятиями только один какой-то вид карточек по их желанию. Разрешалось и прикрепление к

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 20. Л. 1, 2.
2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 458.
3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 331–332.
4 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. II. С. 810 – 814.
5 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 29.

столовым общего питания граждан-одиночек (пенсионеров, иждивенцев и т. п.). Прикрепление к столовой производилось на месяц. Отпуск хлеба производился без прикрепления к столовой[1].

Здесь следует напомнить о практике торжественных обедов (банкетов), которые распространились в Ленинграде в 1942 – 1943 гг., согласно специальных постановлений Продовольственной комиссии Военсовета Ленфронта. Политико-идеологический характер этих мероприятий способствовал их продолжению даже в условиях борьбы с разбазариванием продовольствия[2].

29 января 1943 г. был издан приказ Наркома Торговли СССР №50 «О мероприятиях по усилению борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров», в исполнение постановления ГКО от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров», которым устанавливался строгий порядок продажи нормированных товаров[3].

Серьезные недостатки в организации рационного питания рабочих рассматривались 16 февраля 1943 г. на заседании Ленгорисполкома. При проверке 50% столовых общественного питания Фрунзенского района были выявлены нарушения норм закладки продуктов из-за неправильного планирования фондов продовольствия. В результате сохранялось высокое количество больных дистрофией. При обсуждении П. С. Попков прямо обвинил в этом плохое устройство рационного питания, ссылаясь на слова А. А. Жданова: «Если Фельдман [директор городского треста столовых и ресторанов – ЛГ] будет поставлять нам дистрофиков, то нам его такие столовые не нужны, их надо ликвидировать». В решении указывалось на необходимость исправления недостатков в 5-дневный срок[4].

27 мая 1943 г. на заседании Ленгорисполкома вновь стоял вопрос о работе столовых общественного питания, теперь Московского и Свердловского районов. Назывались все те же недостатки: однообразное, малокалорийное меню при наличии разнообразных продуктов в ассортименте; значительные хищения, недовес, использование недоброкачественных продуктов. Неуважение к потребителям проявлялось в грубости, в одной из столовых чай и кофе подавались в тарелках из-за нехватки стаканов и кружек[5].

Несмотря на то, что состояние общественного питания в Ленинграде оставляло желать лучшего, вопрос о рационном питании больше не поднимался на Ленгорисполкоме. Однако 27 декабря 1943 г. вышло постановление СНК СССР №1428 «О мерах улучшения общественного питания в г. Ленинграде», согласно которому следовало создать районные инспекции, учебный

1 Там же. Д. 40. Л. 60–63.
2 Подробнее см. § 3.3.
3 Там же. Д. 78. Л. 30, 35.
4 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. С. 83–86.
5 Там же. С. 239–242.

комбинат для подготовки кадров; на зарплату директоров и работников делались начеты за недоброкачественное приготовление пищи и антисанитарное состояние; для премирования предприятий и работников – победителей социалистического соревнования выделялось ежемесячно по 50 000 рублей[1].

Организация подсобных хозяйств и создание отделов рабочего снабжения (ОРСов) при предприятиях стали занимать с 1942 г. одно из основных мест в улучшении общественного питания и рабочего снабжения.

При районных трестах столовых были организованы подсобные огородные хозяйства, продолжало действовать свиноводческое совхозное хозяйство при Ленглавресторане. Так, свиноводтрест Ленглавресторана во 2-ом полугодии 1941 г. дал 32 589 центнера (ц) убойного веса свинины, в 1942 г. при отсутствии увеличения поголовья – 547, 9 ц живого веса. Было также надоено во 2-ом полугодии 1941 г. 2 154 ц молока, а в 1942 г. – 887 ц. Несмотря на то, что значительная часть посевных площадей совхозного хозяйства Ленглавресторана оказалась на территории оккупированной врагом, совхозные и подсобные хозяйства сдали общественному питанию 32 317,3 ц овощей, из них картофеля 1 336,9 ц[2].

В 1942 г. Ленглавресторан организовал промысел по добыче пищевых водорослей и морской капусты на Беломорском побережье. За сезон было заготовлено 1000 ц сырья. К сбору дикорастущих съедобных растений для общественного питания были привлечены школьники, в результате было собрано 3350 ц трав, используемых свежими и квашенными. На восточном берегу Ладоги, на Неве и в пригородных озерах производился лов рыбы предприятиями Ленглавресторана, Управления продторгами и другими торговыми организациями. В 1942 г. ими было выловлено 260 тонн рыбы[3].

В декабре 1941 – апреле 1942 гг. Наркомпрос РСФСР принял ряд приказов и инструкций, касающихся создания подсобных хозяйств при детских домах и детских садах. В детских домах к труду в хозяйствах следовало привлекать воспитанников. Приказ Наркома просвещения РСФСР от 3 февраля 1942 г. «Об улучшении подсобных хозяйств и организации сельскохозяйственного труда воспитанников детских домов» ссылался на Инструкцию Наркомпроса РСФСР от 25 декабря 1941 г. «Об улучшении работы подсобных хозяйств при детских домах и об организации сельскохозяйственного труда воспитанников детских домов»[4]. 2 апреля 1942 г. вышел приказ Наркома просвещения РСФСР №155-м об организации подсобных хозяйств в каждом детском

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 222. Л. 121–130.
2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л.38; Клио. – №4 (76). С. 6–7.
3 Там же. Л.39; Клио. – №4 (76). С. 7.
4 Учебно-воспитательная работа в детских домах. – 1942. – №1-2. С. 111.

саду[1] .

В тот же день, 2 апреля 1942 г., было издано постановление СНК СССР №433 «Об организации подсобных хозяйств при ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО» (оно имело отношение, в первую очередь, к эвакуированным училищам и школам)[2].

Наряду с развитием подсобных хозяйств при предприятиях и учреждениях Ленинграда, *в феврале – марте 1942 г. было организовано индивидуальное огородничество*. Постановлением бюро ОК и ГК ВКП(б) и Ленгорисполкома от 16 февраля 1942 г. областные комитеты профсоюзов должны были оказать помощь трудящимся в организации личных потребительских огородов[3]. Затем было принято решение Ленгорисполкома «О развитии индивидуального огородничества» от 19 марта 1942 г. (пр. №64, п. 4)[4]. По решению горкома ВКП(б) и Ленгорисполкома в Ленинграде открылись магазины Сельхозснаба. 3 апреля 1942 г. вышло постановление ВЦСПС о создании огородных комиссий при фабрично-заводских местных комитетах на предприятиях[5].

Возможно, под влиянием этих решений появилось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. №444 «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих», в котором говорилось о необходимости все пустующие участки земли в городах и поселках отвести под огороды, при необходимости можно было использовать под посевы пустующие земли колхозов, с их согласия. Подсобные хозяйства привлекались к обязательным поставкам государству по установленным для них нормам. С огородов рабочие, служащие и эвакуированное население обязаны были поставлять картофель по нормам, в соответствии с постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 апреля и от 1 августа 1940 г.[6]

26 мая 1942 г. было принято постановление СНК СССР №782 «Об отпуске картофеля на посевные цели колхозов и подсобных хозяйств предприятий»[7].

21 мая 1942 г. Ленгорисполкомом были заслушаны отчеты исполкомов Смольнинского и Красногвардейского райсоветов о ходе сева овощей, которые сразу же были опубликованы. (пр. №67, п. 5-з)[8]. Обеспечение жителей Ленинграда картофелем и овощами за период 1941–1943 гг. отражено в отчетах отдела торговли Ленгорисполкома Продовольственной комиссии Ленфронта. Так, если в 1940 г. было заготовлено 465,4 тыс. тонн, то в 1941 г. – 83, 1 тыс. тонн, из которых для

1 Дошкольное воспитание. – 1942. – №3-4. С. 1-2.
2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 199. Л.198–207.
3 Протокол №52 заседания бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 16 февраля 1942 г. // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 564–565.
4 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №5-6 (30 марта). С. 13-15.
5 *Басин М. З.* Победа на продовольственном фронте // Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне. 1941–1945: К 30-летию Победы: Сборник воспоминаний. – Москва: Профиздат, 1975. С. 105–107.
6 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 199. Л.234–235.
7 Там же. Д. 200. Л. 184–186.
8 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №9-10 (29 мая). С. 2-3.

снабжения населения было выделено 39 тыс. тонн (47%), а остальное – для армии и флота. В 1942 г., за счет расширения посевных площадей в пригородных районах и северо-восточных районах Ленинградской области, было заготовлено – 161,8 тыс. тонн, в том числе колхозами и совхозами 138 тыс. тонн и 23,8 тыс. тонн подсобными хозяйствами. Из них армии было передано 94,3 тыс. тонн и 42,1 тыс. тонн израсходовано на снабжение ленинградского населения. С индивидуальных огородов было собрано не менее 10 тыс. тонн, заготовлено 2 тыс. тонн дикорастущих съедобных трав и 11,6 тыс. тонн ботвы корнеплодов (брюквы, свеклы, турнепса и др.)[1].

Важную роль в деле снабжения рабочих предприятий играли Отделы рабочего снабжения. 12 июня 1942 г. вышло постановление СНК СССР №916, которое определяло порядок финансирования капиталовложений отделов рабочего снабжения через Сельскохозяйственный банк[2].

С конца 1942 г. развитие огородничества привлекло усиленное внимание правительства. Постановлением СНК СССР от 4 ноября 1942 г. №1772 земельные участки, отведенные под индивидуальные огороды рабочих и служащих, были закреплены за предприятиями и учреждениями[3]. Постановлением СНК СССР от 27 февраля 1943 г. №217 был организован Комитет содействия индивидуальному и коллективному огородничеству рабочих и служащих при ВЦСПС[4]. 19 июня 1943 г. было принято постановление СНК СССР №677 «Об освобождении от обложения сельскохозяйственным налогом рабочих и служащих по доходам, полученным с земельных участков, выделенных под коллективные и индивидуальные огороды»[5].

Большое внимание уделялось сельскохозяйственной работе, огородничеству и подсобным хозяйствам Ленинградским горкомом ВЛКСМ. Так, летом 1943 г. в 300 подсобных хозяйствах ленинградских предприятий и учреждений работали 1522 чел. молодежи, 501 комсомолец. Были созданы 95 образцовых комсомольско-молодежных бригад. Проводились массовые воскресники, во время которых на поля вывозились зола и торф, собранные пионерами в качестве удобрения, производились прополка и окучивание. В таких воскресниках приняли участие ок. 14 тысяч комсомольцев и молодежи. 205 комсомольских активистов были направлены в подсобные хозяйства для политико-воспитательной работы. Комсомольцами были проведены рейды по проверке 273 овощехранилищ, которые оказались не подготовлены к приему овощей. На заводах «Вулкан», «Большевик», Управления строительства Ленгорисполкома комсомольцы отремонтировали и построили новые овощехранилища. Кроме того, было собрано и отправлено для МТС 18 257 шт.

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 6, 7, 9.
2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 202. Л. 92.
3 Там же. Д. 207. Л. 207–208.
4 Там же. Д. 211. Л. 92–93.
5 Там же. Д. 216. Л. 56.

различного инструмента[1]. Серьезным подспорьем летом 1942 – 1944 гг. была сельскохозяйственная работа школьников.

19 февраля 1944 г. вышло постановление СНК СССР №182 «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих в 1944 году», в соответствии с которым планировалось увеличить посевные площади под индивидуальными и коллективными огородами на 20%. Лучшие земельные участки следовало выделять семьям военнослужащих и инвалидов войны, а также закрепить отведенные земли за предприятиями и учреждениями на 5–7 лет в порядке, установленном постановлением СНК СССР от 4 ноября 1942 г. №1772[2].

Укреплению подсобных хозяйств и огородничества были посвящены постановления СНК СССР от 26 марта 1944 г. №311 «О мерах развития подсобных хозяйств промышленных предприятий на 1944 год» и от 28 марта 1944 г. №315 «О развитии индивидуального животноводства и птицеводства рабочих и служащих»[3], а также постановление СНК СССР от 3 апреля 1944 г. №337 «О порядке использования продукции подсобных хозяйств предприятий и учреждений»[4].

В 1944 г. продолжалась правительственная поддержка жизнеобеспечения рабочих, занятых в оборонной промышленности и на транспорте. Так, были приняты Постановление ГКО от 17 ноября 1944 г. №6958с «Об уменьшении плана поставки овощей Красной армии из урожая 1944 г. и направлении этих овощей на снабжение рабочих, ИТР и служащих предприятий военной, тяжелой промышленности и транспорта» и распоряжение ГКО от 19 декабря 1944 г. №7171с о нормах снабжения продуктами питания членов семей работников предприятий Наркомата боеприпасов[5].

Рыбная ловля должна была стать одним из естественных источников продовольствия для Ленинграда, помимо морской акватории, имеющего внутренние реки, озера, пруды, водохранилища, обводненные карьеры. Однако ведение боевых действий в акватории Финского залива, Невы и Ладожского озера ограничили такие возможности. В 1942 г. рыбная ловля в местных водоемах осуществлялась организациями г. Ленинграда и пригородных районов Ленинградской области по специальному плану, утвержденному Ленгорисполкомом. Так, в июне 1942 г. лов был разрешен отдельным воинским частям, военному госпиталю №924, эвакогоспиталям №№60, 214, 156, 99, 66, МПВО Свердловского района, Речному техникуму, Строительству №5 НКПС, городскому Комитету по делам физической культуры и спорта. Разрешено было выловить 516

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[К]. Оп. 3. Д. 301. Л. 29.
2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 224. Л. 145 – 149.
3 Там же. Д. 226. Л. 76, 241–242.
4 Там же. Л. 275–276.
5 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 2: 1944–1945. С. 621, 671.

центнеров рыбы. 50% шло в общественное питание самих организаций, другие 50% сдавались Ленрыбсбыту и другим торгующим организациям[1]. Для сравнения Ленглавресторан и другие предприятия Управления продторгами в 1942 г. выловили в местных водоемах и в восточной части Ладоги ок. 260 тонн рыбы[2].

23 апреля 1943 г. было принято постановление ГКО №3244 «О разрешении военизированному флоту Ленгосрыбтреста Наркомрыбпрома проводить лов рыбы в южной части Ладожского озера»[3].

Дополнительные продовольственные ресурсы изыскивались в период блокады очень активно. По данным отдела торговли Ленгорисполкома с июня 1941 по 1942 гг. (включительно) были использованы только по Главному управлению ленинградских столовых, ресторанов и кафе до 25 670, 4 тонн дополнительных продуктов. Среди них: соевая продукция, казеин, казеиновый сыр, жмыхи, мучные отходы, овсяные отруби, кишечный фарш, фруктовое желе, целлюлозное тесто, белковый студень, чайный напиток, медицинская глюкоза, глюкозный сироп, переработанная конина, углекислота, уксус, агар-агар, сиропы и клюквенный сок, морская капуста, белковые дрожжи, растительная икра, яичный белок, костный бульон. Было использовано 270 618 г/литров безалкогольных напитков и 203 180 человеко-доз хвойного напитка «С»[4].

Снабжение промышленными товарами первой необходимости, наряду с продовольствием, представляет первоочередную задачу в жизнеобеспечении населения. Характер продовольственного и промышленного товарооборота в Ленинграде в 1941–1943 гг. был проанализирован в отчете о торговле и общественном питании в г. Ленинграде за период 1941–1943 годов[5].

В отчете указывалось, что в военных условиях изменился покупательский спрос. Так, до 25 июня 1941 г. спрос на промышленные товары почти прекратился, но начавшаяся эвакуация и мобилизация на оборонные работы привела к усиленному спросу на спецодежду и спецобувь, на самоварные трубы и печи-времянки, на светомаскировочный материал для затемнения, керосиновые лампы, угольные щипцы, топоры и т. п. Спрос на нормированные швейно-чулочные изделия удовлетворялся за счет значительных товарных запасов. За июль – октябрь 1941 г. было продано тканей на 78 млн. руб., кожаной обуви на 38 млн. руб., резиновой обуви на 22 млн. руб., швейных изделий на 42 млн. руб. В III квартале товары пополнились за счет поступления эстонских и латвийских изделий (чулочных, обуви, культтоваров, галантереи, тканей), всего на 16 млн.

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 40. Л. 23, 24, 25.
2 Там же. Д. 78. Л. 39.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 724.
4 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 37.
5 Там же. Л. 44–53.

рублей[1].

В ноябре 1941 г. – марте 1942 г. поступление швейных изделий практически прекратилось из-за отсутствия электроэнергии у предприятий. Из 205 млн. купонов промтоварных карточек было отоварено 136 млн. купонов. В наличии имелись: резиновая обувь, мужская кожаная обувь, чулочно-носочные изделия, трикотаж, галантерея, но полностью отсутствовали: дамская обувь, шерстяные, шелковые, льняные ткани, хлопчатобумажное белье и одеяла. В апреле 1942 г. было принято положительное решение о восполнении кустарной продукцией недостающей промышленной. На рынке появились: кустарная дамская обувь, жестяные чайники, кружки, ведра, белье, трикотажные изделия. Начали покупаться мебельные товары. Особенно высоким был спрос на книги, который превысил довоенный уровень. С ноября 1942 г. была введена ордерная система, с целью доведения промтоваров до рабочих промышленных предприятий. Несмотря на временную консервацию в начале войны универмагов «Пассажа» и «Фрунзенский», ликвидацию мелких торговых предприятий, в период войны продолжали работать:

на 1 июля 1941 г. – 1477 магазинов (в том числе 159 керосиновых лавок),

на 1 января 1942 г. – 901 магазин (в том числе 142 керосиновые лавки),

на 1 июля 1942 г. – 605 магазинов (114 керосиновых лавок),

на 1 января 1943 г. – 402 магазина (в том числе 68 керосиновых лавок)[2].

Функционировали киоски Союзпечати: на 1 января 1942 г. – 207, а на 1 января 1943 г. – 131.

В период войны выросла роль комиссионно-скупочной торговли. Было открыто 46 магазинов, торговавших подержанными вещами (комиссионных, скупочных, реализации держанных вещей), дополнительно к имевшимся. В продажу поступали также конфискат и выморочное имущество (всего было обслужено 7 тысяч адресов, вывезено товаров на 15 млн. руб.)[3].

Во всех ленинградских магазинах действовали отделы по обслуживанию бойцов и командиров Красной Армии. В системе Военторга Ленфронта были созданы полевые военторги, с автомашин осуществлялась торговля промтоварами на трассах строительства оборонительных сооружений[4].

Работали универмаги, торговавшие промтоварами по повышенным ценам без карточек: Кировский и Дом Ленинградской торговли, в которых цены отличались в 2,5 раза. Оборот в этих универмагах составил в 1942 г. 62,5 млн. рублей или 12,1% к общему.

Важную роль в насыщении рынка необходимыми товарами играла местная

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 45, 46.
2 Там же. Л. 47, 48.
3 Там же. Л. 49.
4 Там же. См. также: Клио. – №4 (76). С. 9.

промышленность (кустари, кооперативные артели). Из отходов производства был налажен выпуск теплых рукавиц, ватников, шапок, овчинных сапог, полушубков, ватных шаровар. Восстановили выпуск керосиновых ламп, висячих замков и пр. Было освоено производство, ранее не производившихся в Ленинграде изделий: зубной пасты, зажигалок, кремней к ним, курительных трубок, кресало, спичек, патефонных иголок и др.

Таким образом, план товарооборота по промышленным товарам был в 1942 г. выполнен на 102,8%, хотя суммарная выручка за весь 1942 г. (508 млн. рублей) по сравнению с выручкой за III – IV кварталы 1941 г. (924 млн. рублей) снизилась в 1,8 раза [подсчитано мной – Л.Г.][1].

В целом следует отметить, что жизнеобеспечение ленинградского населения стало результатом взаимодействия государственных органов власти: центральной и местной, трудовых коллективов, семей и личной инициативы граждан. Из отдельных ручейков и потоков возникли условия, позволившие спасти от голодной смерти больше половины жителей города, сохранив им не только жизнь, но психические и духовные силы.

5.5. Усилия по сохранению и восстановлению жилищного фонда и коммунального хозяйства Ленинграда

Важнейшими задачами жилищной политики в Ленинграде, решаемыми в условиях войны государственными органами власти и управления, являлись: во-первых, сохранение жилплощади за военнослужащими и их семьями; во-вторых, наделение жилплощадью лиц, временно перемещенных в Ленинград (беженцев, эвакуированных, командировочных), и наоборот: консервация и рациональное использование жилплощади лиц, временно перемещенных из Ленинграда; в-третьих, аварийное восстановление жилищного фонда, разрушенного в результате бомбежек, артобстрелов и пожаров.

Сохранение жилплощади за военнослужащими регулировалось постановлениями Пленума Верховного Суда СССР от 23 июня и 30 августа 1941, которыми приостанавливалось судопроизводство по делам о выселении лиц, призванных в Красную Армию и Военно-Морской Флот, и их семей, и гражданское судопроизводстве в отношении указанных выше лиц[2]. В соответствии с данными актами было принято решение Ленгорисполкома от 12 июля 1941 о сохранении жилплощади за призванными в ряды РККА и ВМФ и порядке ее оплаты[3].

1 Там же. Л. 50.
2 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №7-8 (29 апреля). С. 13-14.
3 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №28-29 (29 июля). С. 1-6.

5 августа 1941 г. вышло постановление СНК СССР №1931 «О сохранении жилой площади за военнослужащими и о порядке оплаты жилой площади семьями военнослужащих в военное время»[1], а 19 декабря 1941 г. – постановление СНК РСФСР №698 «О сохранении за семьями квалифицированных работников сельских местностей, призванных в ряды Красной Армии и Военно-морского флота, льгот по жилой площади и коммунальным услугам»[2]. Данными постановлениями устанавливались льготы по оплате жилой площади семьями военнослужащих. В исполнение этих постановлений были приняты решения Ленгорисполкома от 1 декабря 1941 г. и 9 апреля 1942 г.[3]

В соответствии с постановлением СНК СССР от 5 августа 1941 г. №1931 «О сохранении жилой площади за военнослужащими и о порядке оплаты жилой площади семьями военнослужащих в военное время»: если жилплощадь занимала семья военнослужащего, то квартплата с них взималась на льготных условиях; если жилье оставалось незаселенным, то квартплата за него не взималась. Если в квартире проживали временные жильцы: они должны были оплачивать квартиру на общих основаниях и по возвращении военнослужащего ее незамедлительно освободить в административном порядке. Таким образом, незаселенные квартиры военнослужащих представляли временный резерв, который местные власти могли использовать на период войны для людей, потерявших жилье[4].

В связи со значительным числом нарушений правительственных актов в мае 1942 г. было принято решение Ленгорисполкома о воспрещении заселения жилой площади военнослужащих и охране принадлежащего им имущества[5]. Внимание к выполнению данного постановления СНК СССР вновь было обращено Ленгорисполкомом весной 1943 г. Так, были приняты постановления «О соблюдении установленного порядка оплаты жилой площади семьями военнослужащих в военное время» от 9 апреля 1943. Пр. №88, п. 30 и «О преступном отношении к семьям военнослужащих со стороны руководства 2-го Жилищного управления исполкома Фрунзенского райсовета» от 13 апреля 1943. Пр. №88, п. 2-з[6].

Другой важной задачей было *обеспечение жильем различных категорий граждан, вынужденных покинуть свое место жительства*: демобилизованных по инвалидности красноармейцев и краснофлотцев, оказавшихся в осажденном городе; граждан, эвакуированных с предприятиями и учреждениями, или по направлению Совета по эвакуации; беженцев, вынужденных

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 88–90.
2 Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – 1941. – №7. С. 84.
3 См. также Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. С.193.
4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 88–90.
5 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №9-10 (29 мая). С. 9.
6 Бюллетень Ленгорсовета. – 1943. – №9-10 (30 мая). С. 2–3, 4.

самостоятельно покинуть прифронтовую полосу в индивидуальном порядке.

9 августа 1941 г. вышло постановление СНК СССР №1948 «Об утверждении Положения о прописке граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы», которым было запрещено прописываться в режимных местностях 1 категории (Москва, Ленинград) эвакуируемым из прифронтовой полосы гражданам. Исключение делалось для эвакуированных москвичей и ленинградцев, которым разрешалось прописываться в любом месте. Помимо прописки, существовал режим регистрации для лиц, прибывающих без паспортов. При этом органы милиции выдавали специальные удостоверения на три месяца, по которым можно было прописаться и устроиться на работу[1].

Однако в Ленинграде, где прописка запрещалась, проблема с трудоустройством эвакуированных, как и демобилизованных, оставалась нерешенной. Согласно специальному сообщению УНКВД Ленинградской области А. А. Кузнецову о жилищно-бытовых условиях населения, эвакуированного в Ленинград и пригороды, основная часть эвакуированных размещалась в Парголовском и Всеволжском районах Ленинградской области, но некоторая часть находилась и в Ленинграде. Некоторая часть эвакуированных использовалась на спецстройках, благодаря чему получали продовольственные карточки. Однако основная часть оказались лишенными карточек, что сопровождалось многочисленными нарушениями и злоупотреблениями[2].

Проблему с жильем для эвакуированных лиц предлагалось решать путем строительства наркоматами и ведомствами из местных материалов жилищ упрощенного типа: общежитий, бараков, полуземлянок, казарм. Для этих целей планировалось выделить из бюджета дополнительно 200 млн. рублей на IV квартал 1941 г., согласно Постановлению СНК СССР от 13 сентября 1941 г. №2069 «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения»[3].

Постановление СНК СССР о запрещении прописки беженцев в городах, находящихся на особом режиме, было подтверждено постановлением ГКО от 26 сентября 1941 г. №716с «О прописке граждан, эвакуируемых из прифронтовой полосы». В данном постановлении уточнялся перечень городов, в которых была запрещена прописка беженцев и неорганизованных эвакуированных. Эвакуированные трудоспособные граждане обязаны были трудоустроиться в течение 2-х недель, по прошествии этого времени нетрудоустроенные направлялись в обязательном порядке на работу в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, нуждающихся в рабочей силе в пределах края или области. Руководители предприятий и учреждений обязаны были предоставлять помещение для размещения нерасселенных членов семей. Граждане,

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 161.
2 Ленинград в осаде. С. 274–276.
3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 94–100.

отказывающиеся от трудоустройства, подлежали выселению без права проживания в указанных местностях, о чем делалась отметка в паспорте. Данный пункт не распространялся на членов семей военнослужащих[1].

Прописка эвакуированных, беженцев и военнослужащих, демобилизованных из РККА, была связана, помимо трудоустройства, и с другими вопросами жизнеобеспечения: получения пенсий и пособий, распределения питания. В связи с этим Ленгорисполком пытался своими средствами разрешить проблему жизнеобеспечения лиц, оказавшихся в Ленинграде без прописки.

2 сентября 1941 года были приняты два решения суженного заседания исполкома Ленсовета: №500 о формировании санпропускника при эвакогоспитале и №498 об оказании помощи беженцам. Речь шла об оказании единовременной денежной помощи в размере 200 тысяч рублей и выделении 70 925 рублей на оборудование санпропускника за счет сэкономленных средств местного бюджета по ОСВОДу[2].

Однако общее ухудшение положения с продовольствием в городе привело к созданию в ноябре 1941 года специальной комиссии Ленгорсовета депутатов трудящихся по ограничению контингента эвакуированных на получение бесплатного питания. Возглавил комиссию представитель городского финансового отдела, в нее вошли представители городского отдела социального обеспечения (Горсобеса), городского отдела народного образования и эвакопункта. Протоколом заседания комиссии от 3 ноября 1941 г. было решено: снять с бесплатного питания и передать Горсобесу 1152 чел. демобилизованных, питавшихся бесплатно на пяти пунктах Ленгорисполкома (по ул. Каляева, д.14; Войтика, д.7; пр. Огородникова; пр. Динамо, д.14; ул. Смольного, д.4). Также снять с бесплатного питания и передать Горсобесу 76 чел. демобилизованных с пунктов Лиговская ул., д. 87; Лесной пр., д. 20 и др. Всего снять с бесплатного питания по эвакопункту Ленгорисполкома 1228 чел. демобилизованных. Очевидно, речь идет об инвалидах войны, поэтому они передавались Ленгорсобесу.

Всех лиц, питающихся бесплатно по эвакопунктам, утверждалось следующее количество: постоянно – 923 чел., из них 585 взрослых и 338 детей; временно – 992 чел., из них 514 взрослых и 478 детей. Или всего: 1099 взрослых и 816 детей. Сроки временного питания устанавливались не более 15-ти дней. Стоимость питания должна была составить для взрослого 2 рубля в сутки, для ребенка – 3 рубля[3].

Безусловно, эта вынужденная мера предполагала обязательное трудоустройство всех

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 136.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 138.
3 Там же. Л. 168, 169.

работоспособных, в соответствии с постановлением ГКО №716с, либо эвакуацию. Все эти проблемы необходимо было решать Ленгорисполкому. В связи с этой драматической ситуацией сохранилось множество негативных оценок в блокадных дневниках ленинградской интеллигенции, отмечавших повышенную смертность в среде беженцев[1] .

Следует сказать, что проблема трудоустройства и расселения эвакуированных в Ленинград граждан из Ленинградской области, Карелии, Прибалтики постепенно решалась. Дефицит кадров, возникший из-за частичной эвакуации и смертности, высвобождение жилплощади при эвакуации рабочих и служащих с предприятиями, способствовали трудоустройству части эвакуированных и демобилизованных. Этому вопросу было посвящено Постановление СНК СССР от 16 февраля 1942 г. №208 «Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток»[2]. В постановлении разъяснялось, что жилплощадь за эвакуированными с предприятиями гражданами не сохраняется, они должны быть обеспечены жильем на новом месте работы и жительства. Рассылка данного постановления Ленгорисполкому свидетельствует, что оно распространялось на работников эвакуированных ленинградских предприятий.

Постановления СНК СССР №1931 и №208 оказали решающее влияние на формирование жилищной политики Ленгорисполкома в период войны. Ущерб, нанесенный войной, вызвал необходимость заселить не только жилплощадь граждан, эвакуированных с предприятиями, но и с учреждениями, а также выехавших в индивидуальном порядке (которую надлежало освободить при их возвращении). Свободное жилье было почти полностью занято гражданами, которые пострадали из-за бомбежек, пожаров, проживали в снесенных деревянных домах, а также беженцами и эвакуированными лицами с оккупированных территорий. Осталась незаселенной только жилая площадь военнослужащих и эвакуированных деятелей искусства и науки[3]. Работающих граждан в ведомственные дома и дома, арендованные у Ленгорисполкома, расселяли предприятия и учреждения, частично эвакуированные, но продолжавшие работать в Ленинграде в период войны.

В то же время Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 12 ноября 1942 г. дал обязательные для судов указания о том, что жилая площадь сохраняется за лицами,

---

1 Так Э. Г. Левина писала: «Папа шел по Охтенскому мосту, три женщины везли розвальни, из-под мешковины торчали ножки, головки детей. Папа спросил: “Откуда вы их набрали”. Ответили: там еще больше осталось: “В здании школы наверху – дети, в нижних этажах – женщины-беженцы”[Запись 14 января 1942 г.]» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 11. Д. 57. Л. 1а).

2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 25–27.

3 Документ №225. Докладная записка П. С. Попкова секретарям ГК ВКП(б) А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, Я. Ф. Капустину о потерях жилого фонда города и мерах по подготовке к возвращению в Ленинград эвакуированных // Ленинград в осаде. С. 559.

эвакуированными с учреждениями или индивидуально[1].

Острая нехватка жилплощади требовала усилий по сохранению имевшегося жилищного фонда и коммунального хозяйства, а также оперативному строительству нового.

Задаче сохранения инфраструктуры города, жилищного фонда уделялось внимание Ленгорисполкомом и Ленинградским ГК ВКП(б) с первых дней войны. 23 июня 1941 г. на заседании секретариата ГК ВКП(б), проводимом, в отсутствие А. А. Жданова, 2-м секретарем ГК ВКП(б) А. А. Кузнецовым совместно с Я. Ф. Капустиным, было принято решение о передаче на рассмотрение суженного заседания Ленгорисполкома предложений проф. Мишко и инж. Кокорева «О мероприятиях по обеспечению Ленинграда водой и защиты городского водопровода от разрушений во время бомбардировок (предложения проф. Мишко и инж. Кокорева)» (пр. №68 п. 33гс). 29 июля 1941 г. было принято совместное ГК ВКП(б) и исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся постановление о применении огнезащитных составов для покрытия деревянных конструкций жилых, промышленных и коммунальных зданий г. Ленинграда, согласно которому в течение 10 дней следовало покрасить все деревянные конструкции чердачных помещений водным раствором суперфосфата (пр. №46, п.96г)[2]. 15 июля 1941 г. Ленгорисполком принял решение о подготовке водоразборных кранов и бочек с водой и песком для локализации пожаров[3].

9 января 1942 г. вышло постановление бюро ГК ВКП(б) «О наведении элементарного порядка в домах», подписанное А. А. Кузнецовым. Данное постановление, несмотря на свою важность, по оценке Г. Л. Соболева, было нереальным для выполнения в короткие сроки (до 15 и 25 января 1942 г.)[4]. В то же время это постановление имело принципиальный характер, потому что согласно ему выделялось и резервировалось за коммунальным хозяйством Ленинграда определенное количество топлива, необходимого для отогрева и запуска водопровода и центральной отопительной системы.

Из стенограмм заседаний Ленгорисполкома в 1941–1942 гг. видно, что подготовительные мероприятия к восстановлению жилого фонда Ленинграда начались уже в 1942 г., когда Ленгорисполком обращался к этим вопросам не менее семи раз. Однако основные трудности, с которыми сталкивались: недостаток обученных и опытных рабочих, стройматериалов – требовали героических усилий самих жильцов для преодоления последствий разрушительных осени – зимы 1941 года.

---

1 Там же. С. 560.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 4. Л. 166, 178.
3 Там же. Д. 29. Л. 19.
4 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. С. 353, 411–413.

12 марта 1942 г. было принято решение Ленгорисполкома о проведении предупредительных мероприятий в жилых домах, на законсервированных стройках и аварийных объектах в связи с наступлением весеннего периода (пр. №63 п. 3-а). В решении указывалось на необходимость установить техническое наблюдение за недостроенными или пострадавшими от бомбардировок, артобстрелов и пожаров зданиями, поставив на трещины маяки и обеспечив повседневный осмотр их с ведением журнала. Особое внимание следовало обратить на промерзание грунтов под фундаментами, а также на поведение наиболее пострадавших частей зданий, а также обеспечить отвод вод, как поверхностных, так и от поврежденных вводов, предупредив затопление подвалов. Проведение мероприятий возлагалось на строительные предприятия и на райжилуправления[1].

В дальнейшем задача ремонтно-восстановительных работ по жилью была вытеснена необходимостью восстановления и приведения в годное состояние городского водопровода и канализации для предотвращения дальнейшего разрушения поврежденных объектов. Работа водопровода затруднялась объективными трудностями: нехваткой электроэнергии, топлива. Так, 25 января 1942 г. Главная водопроводная станция едва не остановилась из-за отсутствия электроэнергии, для продолжения ее работы были смонтированы 4 дизеля аварийной станции с помощью технических служб КБФ[2].

В 1942 г. вопросу запуска водопровода и канализации посвящались решения Ленгорисполкома: об итогах работы в I квартале и плане развития городского хозяйства на II квартал 1942 г. от 20 апреля 1942 г.; о состоянии данных систем в Василеостровском и Свердловском районах от 21 мая 1942 г.; 4 июня вновь рассматривали этот вопрос. Основной причиной отставания указывался недостаток обученных строительных кадров. 4 июля 1942 г. было принято решение ГК ВКП(б) (пр. №60 п. 2-з) «О ходе восстановления водопроводно-канализационной сети города»[3].

Решения о работах по восстановлению жилищного фонда регулярно публиковались в Бюллетене Ленгорисполкома. Так, были опубликованы решения о попытках пустить в эксплуатацию водопровод и канализационные сети в январе и апреле 1942 г.; Об итогах работы в I квартале и плане городского хозяйства на II квартал 1942 г. от 20 апреля 1942 г. (пр. №65, п. 1-з); Об отогреве

---

1 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг. С. 83–84.

2 *Соболев Г. Л.* Глава VI. Голодная зима // Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. (3-е изд., перер. и доп.) / А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали, В. А. Шишкин. – Л.: Наука. Лен. отд-ие, 1985. С 108.

3 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг. С. 115–117, 165–167, 191–192, 264.

и пуске в эксплуатацию водопровода и канализационных сетей от 27 апреля 1942 г. (пр. №66, п. 14)[1]. 6 августа 1942 г. Ленгорисполком вновь вернулся к данному вопросу по жилым домам Василеостровского, Приморского и Октябрьского районов. Хуже всего шли работы в указанных районах, где было восстановлено от 10,6 до 22% стояков водопроводной сети. Основные причины, которые назывались: отсутствие рабочих (надо 4000 чел. – есть 1500 чел.), отсутствие газоэлектросварщиков, отсутствие технических руководителей и инженеров. В то же время «Водоканал» с 10 июля по 1 августа сделал 245 уличных магистралей и 1101 домовой ввод, тем самым обеспечив к 15 августа первичное окончание данных работ и испытательный запуск городской системы.

Характерно, что при решении всех сложных проблем Ленгорисполком обращался за поддержкой к населению города. Так, в протоколе говорится: «Работы по отеплению [водопроводных сетей] надо организовать силами жильцов дома (…) Эти работы нельзя откладывать в далекий ящик. Все это делается в интересах самих живущих в доме»[2].

Результатом усилий, направленных на восстановительную работу, было то, что к 26 августа 1942 г. в городе уже работали в среднем 76% стояков водопроводно-канализационной сети. Однако к 1 декабря 1942 г. не менее 10% домов оставались без водопровода (запись обсуждения вопроса об эксплуатации жилого фонда Куйбышевского и Дзержинского районов от 10 декабря 1942 г.)[3].

Значение, придаваемое вопросам гражданского строительства в 1943 году, видно в постановлении ГКО от 20 марта 1943 г. №3058 «О мероприятиях по обеспечению выполнения программы Наркомстроя во II квартале 1943 года» (хотя в данном постановлении вопросы гражданского строительства в Ленинграде и Ленобласти не поднимались)[4]. 17 сентября 1943 г. вышло постановление СНК СССР №1007 «О повышении размера ссуд на индивидуальное жилищное строительство рабочих и служащих железнодорожного транспорта»[5].

Подключение ресурсов всей страны для восстановления жилищного фонда Ленинграда стало возможным только 9 ноября 1943 г., когда вышло постановление СНК СССР №1231 «О восстановлении и развитии промышленности строительных материалов в г. Ленинграде»[6]. Однако, несмотря на передачу городскому хозяйству ряда союзных предприятий, проведение

1 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №7-8 (29 апреля). С. 1-2, 4-5.
2 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг. С. 248–261.
3 Там же. С. 285, 355.
4 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 98. Л. 73–84.
5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 218. Л. 219–220.
6 Там же. Д. 220. Л. 85–91.

мобилизации Трудовых резервов из эвакуированных ленинградских подростков (2000 чел.), переброску рабочих со строительства оборонных рубежей на городское хозяйство, поставки продукции ряда строительных заводов и пр., всего этого оказалось недостаточно.

В связи с необходимостью социальной поддержки рабочих, ИТР и служащих оборонной промышленности, 10 декабря 1943 г. вышло постановление ГКО №4764сс «О плане производства и поставок НКО и НК ВМФ артиллерийского, минометного и стрелкового вооружения и военных приборов на декабрь 1943 года», которым было запрещено наркоматам, ведомствам, учреждениям и предприятиям до конца войны выселять с принадлежащей им жилой площади рабочих, ИТР и служащих, работающих на предприятиях, учреждениях и организациях системы Наркомата Вооружения, а также их семьи[1].

Возможность масштабного восстановления жилищного фонда Ленинграда появилась только после полного снятия блокады. 29 марта 1944 г. по докладной записке Н. А. Вознесенского и А. А. Жданова И. В. Сталину вышло постановление ГКО №5509сс «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 году»[2]. В пояснительной записке указывалось, что первоочередной задачей всех ленинградских рабочих и инженерно-технических кадров является в 1944 г. развитие военной промышленности, но наряду с этим необходимо приступить к восстановлению энергетического хозяйства, а также промышленных отраслей гражданского машиностроения, промышленности строительных материалов, и к осуществлению восстановительных работ по городскому хозяйству. Объем капитальных работ по промышленности, транспорту и городскому хозяйству Ленинграда был утвержден в сумме 790 млн. рублей. 225 млн. рублей из них следовало освоить подрядными работами Ленгорисполкому. Все кровельное железо, мягкую кровлю и фанеру, произведенные в Ленинграде, планировалось оставить на нужды восстановления промышленности и городского хозяйства. Ленгорисполкому выделялось также 20 тыс. тонн цемента, 250 тыс. кубометров леса круглого и 200 автомашин, дополнительно 30 тыс. тонн гипсового камня. Наркомат стройматериалов РСФСР должен был отгрузить 4000 тонн молотого мела. За Ленинградом закреплялось все оконное стекло, выпускаемое Чагодощевским стеклозаводом, который к 1 июля 1944 г. должен был запустить вторую систему, выпускавшую 1 600 тыс. кв. м оконного стекла. В марте и апреле 1944 г. на Чагодощинский стеклозавод должны были прибыть мобилизованные в Вологодской области для постоянной работы 350 рабочих. Для обеспечения доставки этих и других строительных грузов для Ленинграда по водным путям Северо-Западного бассейна был

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 1141.

2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 2: 1944–1945. С. 183; РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 222. Л. 131–239.

установлен объем перевозок Северо-Западного речного пароходства в 1944 г. в размере 2,0 млн. тонн[1].

Для восстановительных работ требовались рабочие руки, с этой целью следовало ввезти в Ленинград 30000 эксплуатационных рабочих, в первую очередь из числа эвакуированных из Ленинграда, без ущерба для производства на местах эвакуации предприятий. 8000 чел. направлялись на работу в Ленинград из числа оканчивающих школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленные училища (РУ) Главного Управления (ГУ) Трудовых резервов. Восстанавливались и открывались вновь 19 школ ФЗО с контингентом 7000 чел., 34 ремесленных училища Трудовых резервов по всем необходимым, прежде всего строительным специальностям, с контингентом 16 850 чел. и два железнодорожных училища с контингентом 750 чел. Во втором квартале 1944 г. был открыт в Ленинграде индустриальный техникум ГУ Трудовых резервов на 400 чел., готовивший техников-строителей[2]. В училища, школы и техникум Трудовых резервов подлежали мобилизации юноши и девушки из Вологодской, Воронежской, Горьковской (ныне Нижний Новгород), Калининской (ныне Тверь), Кировской, Курганской, Курской, Ленинградской, Омской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской и Ярославской областей, в первую очередь из числа эвакуированных ленинградских подростков. Всего подлежали мобилизации 18 800 чел. Из Ленинградской области призывались 1800 чел. Для размещения их следовало восстановить и оборудовать общежития. Требовалось подготовить мастерские со станками, выделить мастеров и преподавателей из наиболее квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников. Все планы по реэвакуации отдельных предприятий и учебных заведений подлежали согласованию с Госпланом СССР и Ленинградским ГК ВКП(б). За выполнение постановления отвечали секретарь ГК ВКП(б) А. А. Кузнецов и уполномоченный Госплана при СНК СССР по Ленинграду и Ленинградской области В. В. Петров[3].

Следует заметить, что еще в январе 1944 года, в связи с необходимостью решения острой жилищной проблемы, П. С. Попков обратился с письмом в горком ВКП(б), предлагая свои соображения по поводу подготовки проекта постановления СНК СССР о жилищном хозяйстве Ленинграда[4]. Большая часть его предложений была одобрена. Но не все.

В своем проекте П. С. Попков опирался на постановление СНК СССР от 1 июля 1943 г. №712 «О порядке административного выселения лиц, самоуправно занявших жилую площадь», согласно которому лица, самоуправно занявшие жилую площадь, выселялись милицией с

1 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 222. Л. 131–148.

2 Индустриальный техникум ныне входит в состав Санкт-Петербургского колледжа физкультуры, экономики и технологии СПбГУ.

3 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 222. Л. 148–151, 232–239.

4 Ленинград в осаде. С. 559–561, 605.

санкции прокурора в 7-дневный срок без предоставления жилой площади[1].

22 апреля 1944 г. вышло постановление СНК СССР №452 «О мероприятиях по жилищному хозяйству г. Ленинграда»[2]. Проект его был подготовлен ленинградскими руководителями. Однако в отличие от предложения П. С. Попкова: в административном порядке выселять лиц, самоуправно занявших жилплощадь до 1 июля 1943 г., в постановлении указывалось, что переселению в административном порядке подлежат только лица, временно поселенные на жилую площадь эвакуированных граждан, если ранее занимаемая ими жилая площадь сохранилась. В иных случаях ленинградцам, возвращающимся домой, предоставлялась прежняя или другая площадь на усмотрение Ленгорисполкома. Постановлением запрещалось выселять граждан, переселившихся до 1 января 1944 г. по решению Ленгорисполкома или райсовета г. Ленинграда из разрушенных и разобранных строений. В данном случае сказалась позиция секретаря ЦК ВКП(б), 1-го секретаря Ленинградского ОК и ГК ВКП(б) А. А. Жданова, считавшего недопустимым и постыдным предложение о выселении из Ленинграда людей, эвакуированных в 1941 г. в Ленинград из районов области и из Прибалтики[3].

Прежняя жилплощадь должна была возвращаться в обязательном порядке военнослужащим, а также лицам, имевшим ученое звание, ученую степень, или почетное звание, а также персональным пенсионерам и Героям Советского Союза. По предложению П. С. Попкова, в Ленинграде сокращалась на период военного времени жилищно-санитарная норма с 9 кв. метров до 6 кв. метров на человека. Излишки жилой площади в виде изолированных комнат поступали в распоряжение жилищных органов Ленинграда. Прежняя норма сохранялась за академиками, учеными, работниками искусств, за руководителями и инженерно-техническими работниками. Ленгорисполком мог в отдельных случаях повышать норму. Предприятиям, учреждениям и организациям г. Ленинграда передавались поврежденные жилые дома и другие помещения для восстановления. Здания передавались на правах бессрочного пользования, при сохранности до 30%, и на правах долгосрочной аренды или надстройки при большей сохранности[4].

В дополнение к сказанному, вышло Постановление ГКО от 23 мая 1944 г. №5948 «О создании индустриальной базы для массового жилищного строительства»[5].

Таким образом, можно сказать, что задачи восстановления промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г. решались Советским правительством с привлечением местных,

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 216. Л. 177.
2 Там же. Д. 227. Л. 149–151.
3 Ленинград в осаде. С. 561.
4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 227. Л. 149–151.
5 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 2: 1944–1945. С. 321–323.

республиканских и общесоюзных ресурсов, исходя из принципов социальной справедливости и законности, несмотря на многочисленные трудности.

5.6. Обеспечение потребностей ленинградского населения топливом и электроэнергией

Наряду с продовольственным и финансовым, наиболее болезненным вопросом жизнеобеспечения населения города был топливный голод. Проблема обеспечения топливом промышленности и гражданского населения Ленинграда решалась совместными усилиями центральной и региональной власти.

Одной из основных проблем являлось обеспечение города энергоресурсами. В систему энергообеспечения города входили пять электростанций (№№I, II, III, V и VII) в черте города, пять вне его (№№VI, VIII, IX, X, XI), а также сетевые предприятия. В 1942–1943 гг. к городской системе электроснабжения была подключена ЛГЭС №IV (теплоэлектростанция Центрального котлотурбинного института), которая обеспечивала электроэнергией больницы и жилые дома поблизости[1]. Вне блокадного кольца оказались Волховская ГЭС им. В. И. Ленина (ЛГЭС №VI), которая находилась непосредственно у линии фронта, а также Нижне-Свирская (ЛГЭС №IX), Дубровская ГРЭС им. С. М. Кирова (ЛГЭС №VIII), Роухиальская ГЭС (ЛГЭС №X)[2].

Уже 1 июля 1941 г. ГК ВКП(б) было принято решение об укомплектовании аварийно-восстановительных бригад на городских электростанциях и о монтаже трех передвижных трансформаторных подстанций заводского типа мощностью 320 кв каждая.

2-3 июля 1941 г. совместным решением ГК ВКП(б) с С.З. исполкома Ленгорсовета была создана комиссия (Н. А. Манаков, Л. М. Володарский, А. Г. Цветков, Г. И. Степанов, А. И. Шпак) для планирования и реализации сокращения расходов твердого и жидкого топлива. Уже 10 июля было принято решение ГК ВКП(б), по предложению П. С. Попкова, о сокращении расхода топлива в Ленинграде и завозе дров в июле[3]. 8 августа 1941 г. были введены плановые нормы суточного расходования донецкого топлива [далее – донтоплива, каменного угля, антрацита. Л.Г.][4]

22 августа 1941 г. ГК ВКП(б) принял постановление о демонтаже и эвакуации оборудования ленинградских электростанций до 5 сентября, в числе которого были 4 пылеугольных котла и турбина №5 с I ГЭС[5]. Видимо, постановление было чересчур поспешным, поскольку такой

---

1 *Авданин В. В.* Восстановление и развитие энергетического комплекса Ленинграда в период 1944 – 1956 гг. Автореф. дисс...к.и.н. – СПб., 2021. С. 28, 29, 31.

2 Непокоренный Ленинград. С. 96. Уточнение наше – ЛГ.

3 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 38, 112–114.

4 Там же. С. 194.

5 Там же. С. 241.

тип оборудования оказался необходимым для работы станции в условиях топливного голода в ноябре – декабре 1941 г.

Топливный голод касался, прежде всего, привозного горючего: мазута и донтоплива, отличавшегося высоким сортом. Демонтаж оборудования, способного работать на низкосортном топливе, сделал кризисным положение тепловых городских станций. На промышленных предприятиях рабочие устанавливали блокстанции, для которых использовались паровые и газогенераторные двигатели, дизели, автомобильные моторы, паровые краны и даже катки для укатывания дорог. При отсутствии топлива они запускались вручную, иногда использовали горючий мусор. Ф. И. Сирота приводит в качестве примера завод «Красный выборжец», где ни на день не останавливалась котельная, потребившая за зиму 1941–1942 года до тонны горючего мусора с заводской свалки[1].

25 августа 1941 г., на первом заседании Военного Совета обороны Ленинграда вопросы обеспечения города топливом были полностью переложены на П. С. Попкова, уполномоченным Военного Совета по делам энергетики назначался секретарь ГК ВКП(б) П. Т. Талюш[2].

На 30 сентября 1941 г. в городе по народному хозяйству горюче-смазочных материалов оставалось 2 046,4 тонны. В том числе: 1814,7 т мазута; 101,2 т бензина 1 и 2 сортов; 73,4 т керосина; 37,0 т моторного топлива. Причем, в отличие от других видов топлива, их недостаток мог восполниться только за счет подвоза. За период с 1 сентября по 7 декабря 1941 г. горюче-смазочных материалов было перевезено по водному пути через Ладожское озеро с перевалкой на железную дорогу: для нужд фронта 5 878 т, для нужд народного хозяйства 750 т (керосина)[3], в соотношении 7,8 : 1.

Уже 11 октября 1941 г. были введены лимиты на расходование каменного угля в Ленинграде (с учетом покрытия трехмесячной потребности). За октябрь лимит расхода составил 160 тыс. тонн угля. Распределение угля между предприятиями и потребителями было возложено на уполномоченного Госплана при СНК СССР Л. М. Володарского. 18 октября при нем была создана Ленинградская топливная инспекция в составе 20 чел. для контроля за соблюдением лимитов[4].

Основными видами топлива осенью 1941 г. стали местные: дрова и торф (фрезерный, в том числе пылевидный и кусковой)[5]. В соответствии с планом ГОЭЛРО в РСФСР были

---

1 *Сирота Ф. И.* Ленинград – город-герой. – Л.: Лениздат, 1960. С. 139.

2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 67.

3 Военно-автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 136, 159.

4 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 352, 370–371.

5 Фрезерный торф представляет собой сыпучую смесь мелких размеров, поэтому, в связи с возможным

построены пять электростанций на торфяном топливе, в том числе Ленинградская ГРЭС №V «Красный Октябрь». В условиях блокады «Красный Октябрь» приобрел, в связи с этим, уникальное значение в обеспечении города электроэнергией[1].

30 октября 1941 г. было принято решение ГК ВКП(б) «О топливном балансе электростанций «Ленэнерго» и блокстанций промышленных предприятий гор. Ленинграда на ноябрь и декабрь месяцы 1941 г.». Расход топлива по всем электростанциям Ленэнерго и ГЭЭС ЦКТИ на ноябрь и декабрь 1941 г. устанавливался: донтопливо (антрацит) по 50 тыс. т в месяц, торф кусковой 55 – 45 тыс. т, торф фрезерный 20 – 25 тыс. т, дрова по 30 тыс. м. куб., мазут по 250 тонн. На I, II и V ГЭС фрезерный торф (фрезторф) следовало сжигать в смеси с другими видами топлива. Для этого в кратчайшие сроки необходимо было восстановить, переоборудовать, снабдить спецустройствами мазутные котлы на указанных ГЭС. Потребление мазута максимально сокращалось, заменяясь твердым топливом. Трудности с восстановлением котлов под фрезерный торф на V ГЭС привели к срыву выполнения данного постановления. В связи с этим был снят директор V ГЭС Ф. И. Китов. С 25 ноября все промышленные предприятия Ленинграда должны были сжигать фрезторф в виде присадки взамен основного топлива, а V ГЭС обязывалась, под личную ответственность нового директора А. А. Плугатырева, своевременно сдавать вагоны из-под торфа ОЖД[2].

Однако сроки переоснащения котлов для торфяного топлива затягивались. Так, А. М. Рябков ссылаясь на годовой отчет Ленэнерго пишет о том, что на ГРЭС №V «Красный Октябрь» переделка котлов началась только в декабре 1941 г., а закончилась в марте 1942 г.[3] Для налаживания ее работы в марте 1942 г. в Ленинград был командирован главный инженер Главторфа Н.Н. Самсонов, в 1943 г. удостоенный за свою работу ордена Ленина[4].

10 ноября 1941 г. бюро ГК ВКП(б) совместно с Ленгорисполкомом: А. А. Кузнецовым, П. С. Попковым, Я. Ф. Капустиным, М. Н. Никитиным, было принято решение об использовании остатков моторного масла (275 тонн) и моторной нефти (700 тонн) вместо топочного мазута танковыми заводами: №232 «Большевик», Кировским, Ижорским. 300 тонн топочного мазута передавалось с электростанций заводу №232 «Большевик». 100 тонн моторной нефти

засорением фильтров, для торфа требуется переоборудование имеющихся котлов. В то же время вместе с другими видами топлива: углем и нефтепродуктами – он считается высокоэффективным и применяется с середины XIX века в промышленности.

1 *Копенкин В. Д., Копенкина Л. В.* Гидроторф в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2006. – №S4. С. 479–484.

2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 394–395, 406, 424, 440.

3 *Рябков А. М.* 1941 год. Промышленное производство до и после начала блокады: цели, способы, эффективность // Битва за Ленинград 1941 – 1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. С. 37–38. (по ЦГА СПб. Ф. Р-4965. Оп. 3. Д.55. Годовой отчет Ленэнерго за 1942 год).

4 *Копенкин В. Д., Копенкина Л. В.* Указ. соч. С. 482.

сохранялось на заводе «Пролетарий», в качестве резерва[1]. 15 ноября 1941 г. установленные лимиты расходов топочного мазута по ряду оборонных предприятий, включая Кировский завод, были сокращены на 30 – 200 тонн. В то же время были установлены дополнительные лимиты по заводу №232 и заводу им. Ленина. С 16 ноября большинству ленинградских предприятий, кроме указанных, запрещалось сжигать топочный мазут, вместо которого следовало использовать другие виды топлива, в том числе газ[2].

В связи с этим следует упомянуть о постановлении бюро ГК ВКП(б) «О мероприятиях по сокращению мазута в печах промышленных предприятий» от 17 ноября 1941 г., которое обязывало директора завода №232 тов. Г. П. Волосатова «в декадный срок закончить работу по переводу методической печи на отопление пылью с паровой мельницей»[3].

С 21 ноября 1941 г. расходование топочного мазута было запрещено всем потребителям, кроме заводов №232, Кировского, «Красный Выборжец», Ижорского, Ленэнерго, н/б «Красный нефтяник». 500 тонн сохранялось в резерве Ленгорисполкома[4].

Нехватка мазута восполнялась помимо торфа – дровами, выделению которых для V ГЭС посвящалось совместное постановление ГК ВКП(б) и С.З. Ленгорисполкома от 27 ноября 1941 г. Тогда же для экономии было запрещено пользоваться электроэнергией в жилых домах, включая подвалы и лестницы с 10 до 17 часов[5].

С 24 ноября 1941 г. начала функционировать ледовая «Дорога жизни», но за ноябрь – декабрь 1941 г. всех грузов было перевезено по ней 16 499 тонн, из которых 95,5% составили продовольствие и фураж. За декабрь было доставлено всего 31 т горюче-смазочных материалов (ГСМ), до 1 вагона в сутки. Уголь до февраля 1942 г. не поступал[6].

1 декабря 1941 г. было принято решение об отгрузке электростанциям в декабре 47,2 тыс. т газового угля, 7 тыс. т антрацитовых углей, 50 тыс. т кускового торфа и 20 тыс. т фрезерного торфа, 40 тыс. куб. м дров[7]. Из этих запасов надлежало сжечь за декабрь: 35 тыс. т газового угля, 10 тыс. т антрацита, 50 тыс. т кускового торфа, 20 тыс. т фрезторфа, 30 тыс. кбм дров. Однако для этого необходимо было перевести угольные электростанции на сжигание антрацитов и фрезерного торфа. План мероприятий по переводу следовало представить в ГК ВКП(б)

1 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 416.
2 Там же. С. 425, 437.
3 Там же. С. 437.
4 Там же. С. 444.
5 Там же. С. 454.
6 Военно-автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 221, 222, 224.
7 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 461.

управляющему Ленэнерго И. П. Карасю до 7 декабря[1], что означало неготовность ГЭС к такому топливу. Данный факт приводил к простоям неразгруженными вагонов с топливом (дрова, уголь, торф) на V и II ГЭС. На V ГЭС в начале декабря 1941 г. накопилось в ожидании разгрузки 403 вагона дров[2]. В то же время по ОЖД лимиты расходования донецкого топлива (антрацита) были уменьшены на 200 тонн на декабрь 1941 г., согласно постановлению Ленгорисполкома и ГК ВКП(б)[3].

7 декабря 1941 г. было принято решение ГК ВКП(б) и Ленгорисполкома о выделении 6 тыс. т донецкого антрацита для нужд Ленфронта и заводов НКАТ, в том числе 2000 т из резерва[4].

Освобождение Тихвина 9 декабря 1941 г. и переход Красной Армии в контрнаступление под Москвой должны были бы облегчить положение ленинградцев. Однако энергетический голод давал себя знать сильнее, так как были использованы аварийные запасы топлива. Об этой проблеме подробно писал А. В. Карасев в одном из первых исследований блокады. Промышленность электроэнергией в основном снабжалась V ГЭС, которая находилась под постоянными ударами противника. 9 декабря 1941 г. были упразднены 8 маршрутов трамваев (90 составов), вскоре электротранспорт прекратил ходить вовсе. 15 декабря 1941 г. на I ГЭС в сутки прибывало 150–300 тонн угля, при потребности 700–800 тонн. В этот период I ГЭС обеспечивала Ленинград током от одной малой турбины с нагрузкой в 3 тыс. киловатт[5].

В то же время своеобразной реакцией на победу под Тихвином стало совместное постановление от 10 декабря 1941 г. Ленгорисполкома и бюро ГК ВКП(б) о передаче 5 тыс. тонн антрацита Топливно-энергетическому Управлению Ленсовета (ТЭУ) для отопления жилых домов, за счет уменьшения переходящих запасов на январь 1942 г.[6] Можно ли было выполнить это постановление, и было ли оно реализовано в этот период хотя бы частично? – на данные вопросы ответить сложно. В сводной таблице по распределению различных видов топлива среди основных потребителей в декабре 1941 – январе 1942 г., согласно постановлениям бюро ГК ВКП(б), в том же источнике находим только 15 тыс. кубометров дров, выделенных для Дома партактива[7].

Решением от 13 декабря 1941 г. ГК ВКП(б) «О мероприятиях по обеспечению отгрузки торфа торфопредприятиями для электростанций» ежемесячно торфопредприятием

---

1 Там же. С. 462.
2 Там же. С. 468.
3 Там же. С. 469.
4 Там же. С. 474.
5 *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады / Отв. ред. ген.-лейт. С. В. Рогинский. – М.: АН СССР, 1959. С. 209.
6 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 488.
7 Указ. соч. С. 812.

«Ириновское» на V ГЭС следовало отгружать 45 тыс. т кускового торфа. С этой целью организовывалась тракторная колонна из 15 тракторов с прицепными санями, которые должны были перевозить до 700 тонн в сутки. На сутки тракторам выделялось 120 кг бензина, 1 620 кг дизельного топлива, 150 кг керосина, 100 кг автола[1].

Однако ленинградские предприятия в большинстве все еще не были готовы к использованию такого вида топлива. Только 15 декабря 1941 г. было принято постановление «О торфяных газогенераторах», которым указывалась необходимость перевода плавильных и нагревательных печей ленинградских предприятий на газ. В связи с этим директору ЦКТИ Н. Г. Никитину к 22 декабря 1941 г. поручалось организовать группу разработчиков рабочих чертежей трех типов газогенераторов и проекта сжигания фрезерного торфа в пылевидном состоянии в плавильных печах[2]. В 1942 г. эту работу продолжил сменивший его на посту директора ЦКТИ Ф. И. Китов. Он организовал бригады разработчиков, помогавших ленинградским предприятиям переходить на местное топливо, а также по сооружению газогенераторных станций и получению термоантрацита вместо кокса для выплавки чугуна[3].

22 декабря 1941 г. было принято совместное постановление бюро ГК ВКП(б) и Ленгорисполкома о временном прекращении производства на заводе «Ленгаз» и передаче имеющегося на заводе газового угля в количестве 1800 т I ГЭС. В то же время на заводе «Пролетарий» следовало начать производство термоантрацита из антрацита до 20 т в сутки, для нужд литейной промышленности[4].

Основным видом топлива в жилищно-коммунальном хозяйстве должны были стать дрова, в условиях острого дефицита угля, антрацита, горюче-смазочных материалов и даже торфа. 10 июля 1941 г. было принято решение ГК ВКП(б), по предложению П. С. Попкова, о завозе дров в Ленинград в июле (протокол №46 бюро ГК ВКП(б))[5]. Аналогичное решение было принято 8 августа 1941 г.: о завозе дров в Ленинград в августе, а также о поставке деловой древесины сплавом. План завоза дров утверждался в количестве 375,4 тыс. куб. м. Кроме того, для оборонных нужд был утвержден приплав деловой древесины в количестве 500,0 тыс. куб. метров. В ленинградских заводях Лентранзитсплава ленинградской конторе Главлесосбыта поручалось создать неприкосновенный запас бревен 20,0 тыс. куб. метров и подтоварника 10,0 тыс. куб. метров[6].

---

1 Там же. С. 496.
2 Там же. С. 500.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 38. д. 83. Л. 218. [Имеется электронный ресурс].
4 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 509.
5 Там же. С. 38, 112–114.
6 Там же. С. 194, 196.

17 сентября 1941 г. Ленгорисполком принял решение об учете дров и топливно-древесных отходов[1]. С учетом плана дровозаготовок (300 тыс. куб. метров), совместным постановлением Ленгорисполкома и бюро ГК ВКП(б) от 21 октября 1941 г., ресурсы дров и древесных отходов на IV квартал 1941 г. по Ленинграду были утверждены в количестве 864 тыс. куб. метр. Из них 299,23 тыс. куб. метр. (33%) выделялось для населения, 80,0 тыс. куб. метр. (8,8%) тресту хлебопечения, 142,77 тыс. куб. метр. (15,8%) предприятиям и учреждениям союзного и республиканского значения. Имевшиеся излишки дров и древесных отходов должны были передаваться Топливно-энергетическому Управлению (ТЭУ) Ленгорисполкома [в планах совершенно отсутствовала ОЖД – Л.Г.][2]. Однако реалии резко отличались из-за срыва заготовок.

3 октября 1941 г., в связи с острым недостатком лесоматериалов в Ленинграде, было принято совместное постановление Ленгорисполкома и бюро ГК ВКП(б) о лимитировании расходования леса для производственных и иных нужд предприятиями и организациями, являющимися владельцами этого леса. Использование леса могло производиться только по разрешению Ленгорисполкома и по нарядам Ленинградской конторы Главлесосбыта при СНК СССР[3].

6 октября 1941 г. было принято постановление бюро ОК и ГК ВКП(б) об организации дрово-лесозаготовок на территории лесов охранной зоны. В течение IV квартала на территории Всеволжского и Парголовского районов Ленинградской области следовало заготовить общей сложностью 180 тыс. кбм дров и 60 тыс. кбм деловой древесины. На работы мобилизовывались 2 700 рабочих и возчиков и 1 100 лошадей с упряжью и телегами из Всеволжского и Парголовского районов. Для оплаты труда выделялся кредит без обеспечения (бланковая ссуда) Леспромтресту в сумме 500 тысяч рублей (до выделения средств Наркомлесом СССР). Нормы выработки снижались на 25%. Расценки включали сезонные премии-надбавки и прогрессивки. Перевозку дров и деловой древесины следовало осуществлять по узкоколейным дорогам в свободное от перевозки торфа время[4].

Сплошная рубка охранной зоны лесов была разрешена 8 октября 1941 г. На октябрь 1941 г. для продажи населению предполагалось выделить по 50 складских куб. метров дров. Однако плохая организация лесозаготовок, для которых в основном использовались леса охранной зоны, привела к сокращению норм выдачи: в декабре до 15 куб. метров. 7 декабря было решено изъять излишки у населения, оставив 1 куб. метр на 8 кв. м жилой площади[5].

---

1 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг. С. 34.

2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 380–383.

3 Там же. С. 333.

4 Там же. С. 337–338.

5 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к

3 ноября 1941 г. вопрос о заготовке дров и деловой древесины в Парголовском и Всеволжском районах рассматривался на объединенном заседании Леноблисполкома и Ленгорисполкома. Стенограмма данного заседания опубликована. В решении указывалось, что на 24 октября 1941 г. всего было заготовлено 6546 куб. метров дров и 3113 пл. куб. метров деловой древесины, в основном за счет охранной зоны лесонасаждений. В то же время потребность города в заготовке дров определялась на декабрь в 100 тыс. куб. м, всего на IV квартал 280 тыс. куб. м. В решении определялись меры для привлечения рабочих, вводился порядок платной трудовой повинности, а также привлечения к ответственности по законам военного времени уклоняющихся лиц. Решался вопрос об обеспечении работников 1800 пар ватников, 1600 пар валенок, 2700 пар брезентовых рукавиц, а также пилами, напильниками и топорами. Направлялись мастера-пилоправы для заточки инструмента, выделялись 250 лошадей. Предусматривалась организация квалифицированного инструктажа неопытных лесорубов (в основном это были ленинградские девушки). В постановлении предусматривалось выделение для награждения рабочих по 25 тыс. рублей из эксплуатационных средств Леспромтреста и Управления лесов охранной зоны. В то же время, тем, кто не выполнял норму выработки, снижалась норма отпуска продуктов до 50%[1].

Острый топливный голод принуждал жестко урезать нормы потребления как предприятий, так и коммунального хозяйства. В главе V совместного труда коллектива ведущих историков блокады «Непокоренный Ленинград» Г. Л. Соболев приводит соотношение распределения топливных ресурсов (торфа и дров) в декабре 1941 г.: 15 тыс. куб. м – коммунальному хозяйству, 14 тыс. куб. м – хлебозаводам, 40 тыс. куб. м – Ленэнерго, 90 тыс. куб. м – предприятиям и учреждениям[2].

На январь 1942 г. были установлены твердые лимиты для бань и прачечных: по углю – 8499 тонн на месяц; электроэнергии – 3120 кв. час. в сутки для бань и для прачечных – 5831 кв. час. Совместным постановлением Ленгорисполкома и бюро ГК ВКП(б) 27 декабря 1941 г. устанавливалась персональная ответственность председателей райисполкомов за четкую работу этих предприятий[3].

О стремлении найти выход из топливного кризиса жилищно-коммунального хозяйства свидетельствует постановление бюро ГК ВКП(б) от 9 января 1942 г. «О наведении элементарного порядка в домах». В п.11а постановления требовалось выделить 3 т керосина и 900 л бензина для отогрева водопроводных труб в жилых домах, п.11б запрещалось изымать уголь из

проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг. С. 34.

1 Там же. С. 21–34.

2 Непокоренный Ленинград. С. 96.

3 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 519.

жилых домов, имевших центральное отопление, п.11в разрешалось оставлять для нужд жилищного хозяйства города 30% дров из разбираемых деревянных домов «угрозы» [так в тексте – Л.Г.][1]. Решение ГК ВКП(б) могло учитывать запуск ледовой военно-автомобильной дороги (Дороги жизни), но топливо по ней для народного хозяйства стало поступать только в конце февраля 1942 г. Причем жидкое топливо, необходимое для автомашин, было первым доставленным по ней грузом[2].

Остро критичным было положение с топливом на Октябрьской железной дороге. К 20 декабря 1941 г. ГК ВКП(б) планировалось на складах ОЖД создать неприкосновенный запас донтоплива (антрацита) в количестве 15 тыс. тонн[3]. Однако эти планы были скорее из области утопических. 12 января было принято решение ГК ВКП(б) о передаче 500 т газового угля ОЖД за счет уменьшения лимита по электростанциям[4].

22–23 января 1942 г. военной прокуратурой Ленинграда было проведено расследование систематических срывов отправки продовольствия для Ленинграда со станции Ладожское озеро. Одной из важнейших причин было то, что поезда приходили без топлива, которое заготавливалось на обратный путь тут же на станции. До 12 декабря 1941 г. дрова заготавливались на ст. Борисова Грива, позже – на ст. Ладожское озеро и ежесуточно доставлялись в количестве 20 куб. м, которых хватало только на один маневровый паровоз[5].

30 января 1942 г. на собрании комсомольского актива в отчетном докладе В. Н. Иванов говорил: «Комсомольские организации не понимают, что от их работы зависит не только разрешение топливно-энергетических проблем в Ленинграде, не только четкая работа промышленности, но и спасение жизни людей, так как без топлива нет работы транспорта, который обязан подвозить продовольствие в Ленинград»[6].

На том же собрании помощник начальника Политотдела по комсомолу (помполит) Октябрьской железной дороги Д. А. Евстафьев докладывал о причинах простоев поездов на перегонах до полсуток, о борьбе с этим. Для прекращения простоев комсомольские работники, ответственные по политчасти, прикреплялись к продовольственным поездам, к угольным складам. Смольнинским и Куйбышевским РК ВЛКСМ были проведены воскресники по расчистке

---

1 Документ №79. Постановление бюро Ленинградского горкома ВКП(б) о наведении элементарного порядка в домах // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 246.

2 *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады. С. 211.

3 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 490.

4 Там же. С. 546.

5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 57. Л. 14, 16, 25.

6 О работе Ленинградской организации ВЛКСМ за семь месяцев войны и задачах комсомольской организации // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[К]. Оп. 3. Д. 322. Л. 2–42.

железнодорожных путей от снега, в которых приняли участие 400 комсомольцев и молодежи; была начата комплектация штатов для специальных комсомольских продовольственных составов[1].

13 февраля 1942 г. согласно решению ОК и ГК ВЛКСМ, совместно с Политотделом Октябрьской железной дороги, были разработаны мероприятия по улучшению работы комсомольской организации ОЖД. Райкомами ВЛКСМ создавались комсомольские контрольные посты для оказания помощи в продвижении составов на 21 станциях и пунктах, от ст. Бадаевской до ст. Ладожского озера, включая Паровозное депо, Угольные склады, Ленинград Финляндская – Пассажирская Московская, Пассажирская сортировочная Московская.

Были организованы комсомольско-молодежный продовольственный поезд и два поезда по перевозке дров для Ленинграда. 100 комсомольцев были направлены для проверки буксосмазочного хозяйства и заправки букс. В феврале 1942 г. были организованы воскресники по очистке тракционных[2], парковых путей, станций, депо, угольных складов от снега силами комсомольцев и молодежи Володарского, Смольнинского, Красногвардейского, Выборгского, Ленинского и других районов. С 15 по 25 февраля проводились декады по заготовке, изысканию и быстрому подвозу топлива. Все эти мероприятия способствовали мобилизации сил людей на трудовой подвиг[3].

О самоотверженности единой комсомольской смены, возглавляемой В. Виноградовым, которые перешли на казарменное положение, днем и ночью обеспечивая быструю подачу составов под погрузку торфа, быструю доставку торфяных «вертушек», как и о роли колонны комсомольских паровозов, вспоминал начальник Октябрьской железной дороги Б. К. Саламбеков[4].

Несмотря на принятые меры, только в октябре 1942 г. по отделениям удалось не только выполнить, но и перевыполнить план погрузки и выгрузки на 101%. По комсомольско-молодежной смене он равнялся 123,7%. За каждый поезд, проведенный в Ленинград сверх плана, каждому члену бригады, по воспоминаниям В. Виноградова, давались дополнительные талоны на сахар и жир по 100 граммов, и пачку папирос «Богатырь»[5].

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[К]. Оп. 3. Д. 322. Л. 106, 107.

2 Тракционные или деповские пути – это пути, обслуживающие нужды локомотивного и вагонного хозяйства.

3 Протокол № 37, п.1 объединенного заседания ОК и ГК ВЛКСМ от 13.02.1942 // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[К]. Оп. 3. Д. 19. Л. 18, 19.

4 *Саламбеков Б. К.,* начальник Октябрьской железной дороги, Герой Социалистического труда. В одном строю с солдатами // Октябрьская фронтовая. Воспоминания железнодорожников о работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – Л., 1970. С. 23; См. также *Виноградов В.* Единая комсомольская // Указ. соч. С. 39.

5 *Виноградов В.* Указ. соч. С. 42.

С января 1942 г. доставка горюче-смазочных материалов по ледовой «Дороге жизни» возросла в 8 – 20 раз. Всего с 1 января до 21 апреля 1942 г. было доставлено 34 056 т ГСМ, что обеспечило нужды фронта, авиации и флота, а также первоочередные нужды народного хозяйства. С февраля по ледовой трассе началась доставка угля. Всего с февраля по апрель 1942 г. было доставлено 22 818 т угля, что позволило создать запас на ОЖД. На 1 мая 1942 г. запас угля на ОЖД вырос в 6 раз, по сравнению с 1 января 1942 г.[1]

11 января 1942 г. было принято постановление Ленгорисполкома и бюро ГК ВКП(б) об изменении лимитов расходования антрацита на январь 1942 г., согласно которому ресурсы антрацита увеличивались до 69,5 тыс. тонн. При этом создавался переходящий неприкосновенный запас антрацита на 1 февраля в жилищной системе и лечебных учреждениях: 9 тыс. тонн. В феврале 1942 г. решением Ленгорисполкома и бюро ГК ВКП(б) для лечебных учреждений было выделено 3,6 тыс. тонн каменного угля[2]. Постановлением Ленгорисполкома и бюро ГК ВКП(б) от 13 января 1942 г. «Об организации помощи ослабевшим гражданам» выделялось ЛГЗО 2 700 литров в день бензина для перевозки больных санитарным транспортом и оказания скорой врачебной помощи. Кроме того, выделялось 45 тонн дизельного топлива 2 мединституту в январе 1942 г.[3]

На период с 15 февраля по 15 марта 1942 г. лимиты расхода антрацита Ленжилуправлением составили 1 500 тонн, около 1 900 тонн антрацита выделялось тресту «Ленводопровод», 1 800 тонн антрацита – для бань и прачечных. Также дополнительно 100 тонн антрацита предоставлялось на отопление студенческих общежитий и 200 тонн антрацита ведомственным домам. Еще 100 тонн антрацита выделялось для Управления домами Ленсовета[4]. В этот же период впервые после долгого отсутствия топлива было выделено 300,5 тонн антрацита и угля учреждениям городского отдела народного образования[5].

Таким образом, постепенная нормализация обеспечения лечебных, санитарно-гигиенических, жилых помещений топливом стала возможна только в феврале 1942 г.

Война обострила способность в крайне тяжелых условиях прибегать к сложным технически, но эффективным решениям проблем. 25 декабря 1941 г. было принято постановление СНК СССР №2282 «О восстановлении Волховской гидроэлектростанции»[6]. Уже в одном из

1 Военно-автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 227.
2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 545, 604, 811.
3 Там же. С. 534, 547.
4 Там же. С. 812, 813.
5 Там же. С. 813.
6 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 196. Л. 273.

первых послевоенных исторических исследований подвига ленинградцев Ф. И. Сироты указывалось на важность решения уникальной задачи: доставки электроэнергии с удаленной Волховской ГЭС в условиях блокады[1]. По решению Военного Совета Ленинградского фронта №001133 от 7 августа 1942 г. начались работы по монтажу электрокабеля, изготовленного на заводе «Севкабель», по дну Ладожского озера. Всего было проложено пять кабельных линий, последняя была подключена 5 ноября 1942 г. С 23 сентября 1942 г. подводный кабель начал работу[2]. В январе 1943 г. была построена воздушная высоковольтная линия электропередач по льду озера. Ежесуточно поступало 450–500 тыс. киловатт-часов, что позволило ежедневно экономить св. тысячи тонн торфа необходимого для ленинградских тепловых электростанций[3].

Еще 21 ноября 1941 г. в Ленгорисполком из ГК ВКП(б) поступило предложение о строительства трубопровода по дну Ладожского озера для транспортировки жидкого топлива, подготовленное инженером Морсудопроекта Наркомморфлота З. Ю. Кенигфестом, по трассе Осиновец – Лава. В проекте предлагалось для подачи 1 000 тонн горючего в сутки использовать 150 мм трубопровод. Он был не принят как нецелесообразный, так какзначительную часть дороги до озера топливо следовало везти автомашинами[4]. Однако ему суждено было не только реализоваться, но и стать основным средством решения поставок жидкого топлива в город.

На основе докладной записки Военного Совета 25 апреля 1942 г. было принято распоряжение ГКО о строительстве трубопровода по дну Ладоги. Перед Наркомстроем ставилась задача построить к 20 июня 1942 г. 4-дюймовый сварной подводный трубопровод, пропускной способностью 300–350 тонн в сутки[5]. В весенне-летнюю навигацию 1942 г. топливо в Ленинград поступало интенсивно и по значимости являлось одним из наиболее важных грузов. Всего было доставлено ок. 150 тыс. тонн горюче-смазочных материалов, в том числе более 34 500 тонн автобензина, керосина, лигроина по трубопроводу. Кроме того, было доставлено более 106 тыс. тонн угля, ок. 34 тыс. тонн леса в плотах[6].

С апреля 1942 г. кризис электроснабжения постепенно был преодолен. Об этом можно судить по тому, что с этого месяца не прекращалось снабжение электричеством кинотеатров, театров, клубов и домов культуры, выделялось от 3,5 до 9,5 квтч электроэнергии в месяц на больницы, госпитали, детские и противоэпидемические учреждения, от 40 до 55 квтч выделялось на

1 *Сирота Ф. И.* Ленинград – город-герой. – Л.: Лениздат, 1960. С. 139.
2 *Авданин В. В.* Восстановление и развитие энергетического комплекса Ленинграда в период 1944 – 1956 гг. С. 48–50.
3 *Сирота Ф. И.* Указ. соч. С. 139.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 4. Л. 209–211.
5 *Ковальчук В. М.* Глава IX. Навигация 1942 г. на Ладожском озере // Непокоренный Ленинград. С. 177.
6 Там же. С.187.

городской трамвай и 123 – 136,6 квтч на водопровод и канализацию.

С декабря 1942 г. в лимиты Ленэнерго по обеспечению электроэнергией стали включать организации Ленгороно (библиотеки, школы, детсады): в январе 1943 г. в количестве 450 квтч., освещение квартир: 1,5 квтч в месяц, бытовые предприятия: 45 квтч.[1]

Торф и дрова в 1942 г. продолжали заготавливаться, в основном, мобилизованными на оборонные работы ленинградцами и жителями Ленинградской области. Так, в течение 1942 г. было добыто всего ок. 500 тыс. тонн торфа. В октябре 1942 г. было принято решение о добыче угля в Боровичском районе. В 1943 г. ленинградские шахтеры-угольщики добыли 107 тыс. тонн угля, помимо присланного из Кузбасса, Донбасса и Воркуты[2].

Для коммунального хозяйства города одним из основных источников дров в 1942 г. оставался разбор деревянных домов и сооружений. 3 августа 1942 г. по решению Ленгорисполкома был организован специальный Трест по слому деревянных домов и сооружений «Лензаготтоп» (пр. №72 п. 4)[3]. 17 сентября 1942 г. в Ленгорисполкоме обсуждался вопрос о проведении месячника по заготовке дров в Красногвардейском и Приморском районах путем демонтажа существовавших деревянных сооружений. В качестве основных задач, которые было необходимо решить назывались: ускорить темпы расселения жильцов, установить контроль за вывозом дров, за демонтажом электрического и другого ценного оборудования, которое могло быть использовано в дальнейшем при восстановительных работах, соблюдать правила техники безопасности для уменьшения травмирования работающих на сломке граждан, обеспечить поступление дров в централизованный фонд, подлежащих перераспределению для школ, больниц, бань, прачечных и т. п., форсировать привлечение трудоспособных рабочих и служащих, и неорганизованных в домохозяйствах[4].

Опыт преодоления острого дефицита топлива за счет местных ресурсов был учтен при утверждении плана городского хозяйства на I квартал 1943 г. По предложению П. С. Попкова отопительный сезон 1943/44 гг. следовало обеспечить сплавленным лесом по Ладожским каналам до Кобоны и от Шлиссельбурга по Неве в Ленинград. Однако уже в мае 1943 г. тот же Попков заметил, что речным флотом: баржами, гонками (плотами) и обрубами (связками бревен) можно было завезти не более 1200 тыс. куб. м дров, еще столько же заготовить в пригородных районах, что составляло не более 75% от необходимого количества (3200 тыс. куб. дров). Остальное должно было доставляться по железной дороге. Для преодоления топливного

1 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. II. С. 1185.
2 *Сирота Ф. И.* Ленинград – город-герой. С. 140.
3 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг. С.264.
4 Там же. С. 307–309.

дефицита вводилось нормированное расходование[1].

Весной-летом 1943 г. ГКО и СНК СССР подключились к обеспечению Ленинграда дровами, наряду с торфом. Было принято специальное Постановление ГКО от 17 февраля 1943 г. №2907 «Об обеспечении г. Ленинграда и Ленинградской области дровами и деловой древесиной и проведении сплава по области в навигацию 1943 года» по докладной записке А. Н. Косыгина В. М. Молотову. 4 июня 1943 г. вышло постановление СНК СССР №629 «О плане заготовок сухих дров в летний период 1943 года»[2]. 27 мая 1943 г. вышло постановление ГКО №3438 «О поставке дров г. Ленинграду из ресурсов Наркомлеса по Вологодской области»[3]. Кроме того, 12 октября 1943 г. постановлением ГКО №4313 был утвержден план заготовок древесины по Ленинградской области в осенне-зимний сезон 1943/44г. и обеспечения г. Ленинграда дровами[4].

С марта 1943 обеспечение торфом ленинградских электростанций трижды являлось предметом чрезвычайных постановлений ГКО. 16 марта 1943 г. вышло постановление ГКО №3037 «О мероприятиях по добыче торфа в 1943 г. торфопредприятиями Наркомата электростанций в Ленинградской области», 9 апреля постановление ГКО №3152с «О завозе торфа для электростанций г. Ленинграда с Назиевского торфопредприятия Наркомэлектростанций»[5]. Кроме того, 4 июня вышло постановление ГКО №3504с «Об обеспечении торфопредприятий Наркомэлектростанций и Наркомтекстиля СССР рабочей силой для проведения сушки и уборки торфа в сезоне 1943 года»[6].

В 1944 г. освобождение от врага Советской территории сделало возможным улучшить обеспечение ленинградских электростанций углем и мазутом. Было принято Постановление ГКО от 20 февраля 1944 г. №5223 «Об обеспечении углем Ленинграда»[7]. 28 марта 1944 г. срочной помощи топливом ленинградским электростанциям посвящалось распоряжение ГКО №5494[8]. В принятом на следующий день Постановлении ГКО от 29 марта 1944 г. №5509сс «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 году», пп.12, 13, на основе докладной записки Н. А. Вознесенского, А. А. Жданова И. В. Сталину, указывалось, что на 1944 год план выпуска электроэнергии по системе Ленэнерго утверждается в размере 800,0 млн. квтч и отпуск теплоэнергии в количестве 620 тыс.

---

1 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. С. 26, 221, 222.
2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 625; ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 215. Л.134–149.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 777.
4 Там же. С. 1111.
5 Там же. С. 658, 690.
6 Там же. С. 792.
7 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 2: 1944–1945. С. 124.
8 Там же. С. 180.

мгкалорий. С этой целью подлежали полному восстановлению по рабочей мощности I ЛГЭС до 55 мвт, II ЛГЭС до 35 мвт, V ЛГЭС до 100 мвт, а также линии электропередач и подстанции. Мобилизовывались промышленные и трудовые ресурсы страны, которые направлялись в том числе на восстановление торфопредприятий «Гатчина» и «Назия», предусматривалось снабжение Ленинграда в 1944 г. 800 тыс. тонн угля и 60 тыс. тонн мазута[1].

13 октября 1944 г. вышло распоряжение ГКО от 13 октября 1944 г. №6716с «О дополнительной поставке угля для Ленинграда»[2].

Наряду со снабжением Ленинграда электроэнергией, углем и мазутом, в центре внимания ГКО осталось и обеспечение древесиной. Были приняты постановления ГКО от 12 августа 1944 г. №6375 «О мерах по поставке древесины в Ленинград и Ленинградскую область» и от 14 ноября 1944 г. №6927 «Об обеспечении г. Ленинграда дровами на отопительный сезон 1944–1945 года»[3].

Таким образом, проблема энергоснабжения и топливного голода была одной из наиболее острых проблем в условиях блокады. В ее разрешении имело ключевое значение использование местных видов топлива, а также технологическая готовность к переходу к использованию в качестве топлива для электростанций торфа. Важную роль сыграло эффективное решение сложных научно-технических задач: использование подводных кабелей для налаживания передачи электроэнергии с Волховской ГРЭС, строительство нефтепровода по дну Ладоги для перекачки горюче-смазочных материалов.

Даже в самое тяжелое, «смертное», время важное место отводилось снабжению населения, бытовых и культурных предприятий, водоканала.

Одной из существенных трудностей было отсутствие квалифицированных кадров, имели место определенные просчеты и ошибки. В то же время их разрешение осуществлялось во взаимодействии местных и центральных органов государственной власти и управления.

Общие выводы к главе: Вопросы жизнеобеспечения ленинградского населения решались взаимодействием союзных, республиканских и местных органов государственной власти. Ключевую роль в распределении топливных, энергетических и продовольственных ресурсов в соответствии с Указом ВС СССР должен был играть Военный Совет Северного, позднее Ленинградского, фронта. Вопросы жизнеобеспечения населения регулировались ОК и ГК ВКП(б),

1 Там же. С. 183; РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 222. Л. 135, 143.
2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 2: 1944–1945. С. 570.
3 Там же. С. 468, 617.

которыми выделялись лимиты топлива, электроэнергии. Наиболее важные решения подкреплялись постановлениями ГКО. В то же время, немаловажная роль в координации этих усилий при решении конкретных практических задач обеспечения гражданского населения отводилась Ленгорисполкому. В вопросах жизненного и социального обеспечения населения активное содействие оказывали общественные организации: Красного Креста, профсоюзы, комсомол и другие.

Отсутствие крупных финансовых резервов в местном бюджете требовало привлечения средств союзного и республиканского бюджетов для решения чрезвычайных задач: эвакуации, материального обеспечения ополчения и т.п. Использовались и административные ресурсы: с одной стороны, вводились дополнительные местные налоги, с другой, – местный бюджет получил налоговые льготы.

Важную роль в сохранении социальной стабильности играло финансовое обеспечение населения. Основной стратегией финансирования населения СНК СССР и РСФСР оставалось трудовое вознаграждение: поддерживалась заработная плата основных категорий трудящихся, наряду с увеличением фондов заработной платы наиболее социально значимых групп населения, в число которых все более входили деятели культуры и интеллигенция: медицинские работники, работники сферы образования и науки, цирковые артисты и др. При этом увеличение заработной платы использовалось для усиления значимости отдельных категорий трудящихся. В том числе систематически увеличивались фонды заработной платы, пенсий и страховых выплат военнослужащих, а также расширялись категории родственников, имеющих право на получение данных выплат, вплоть до дедушек и бабушек.

Можно заметить, что наряду с трудовыми доходами все большее значение имели страховые выплаты, пенсии, компенсации. В условиях блокады страховые выплаты по больничному листу в период зимы 1941 – весны 1942 гг. приобрели приоритетное значение. Из-за использования фондов зарплаты для страховых выплат по больничному листу в декабре 1941 – феврале 1942 гг. на большинстве предприятий Ленинграда возникла существенная задолженность по заработной плате. Только вмешательство СНК СССР позволило ее погасить за счет средств ВЦСПС. Помимо социальных страховых выплат по больничному листу, осуществлялись единовременные денежные выплаты в виде премиальных, материальной помощи отдельным категориям населения; бесплатное питание отдельных категорий населения, в первую очередь беженцев и эвакуируемых.

В I квартале 1942 г. НКФ РСФСР на социальные нужды направлялось 77,1% местного бюджета. Дефицит финансовых средств покрывался за счет республиканского и союзного бюджета. Выделялись целевые дотации из республиканского бюджета в регионы на содержание эвакуированных ленинградцев.

Защитой прав инвалидов войны и труда, их семей; лиц, имевших право на социальные пособия: сирот, многодетных матерей, матерей-одиночек занимались отделы социального обеспечения Ленгорисполкома, райисполкомов, опиравшиеся на содействие общественных организаций. В 1943 г. начали работу специальные отделы соцобеспечения военнослужащих и членов их семей при райисполкомах Советов депутатов трудящихся.

Важную роль в условиях дефицита товаров имело сохранение стоимости денег. Основной стратегией распределения стало нормированное распределение продовольствия, промышленных товаров первой необходимости, топлива, которое осуществлялось через Военный Совет Ленинградского фронта. Состав Продовольственной комиссии Военного Совета был расширен и в него вошли члены Ленгорисполкома П. С. Попков, И. А. Андреенко, а также член ГК ВКП(б) П. Г. Лазутин.

Задача обеспечения населения необходимым продовольствием решалась разными способами: ежесуточной доставкой продовольствия и хранением его на рассредоточенных складах за пределами города; использованием медицинских средств для поддержания здоровья населения: пищевых дрожжей, альбумина, растворов витамина с и пр.; рационным и усиленным питанием для отдельных категорий ослабленных граждан и детей, которое обеспечивалось подготовленными диетсестрами; производством продовольствия внутри блокадного кольца на индивидуальных огородах, в подсобных хозяйствах, в имеющихся совхозах, а также рыбной ловлей на внутренних водоемах; разработкой технологий суррогатных продуктов с использованием замещений продовольственных ресурсов продуктами химической переработки технического сырья; выделением дополнительных, «подарочных», ресурсов для детей-сирот, а также для поощрения отличников учебы, выпускников школ, передовиков соревнований и т.п.; пищевыми дотациями для групп ученых, деятелей культуры и спорта.

Хотя нормирование распределения продовольствия первоначально исходило из довоенного потребления продуктов, в соответствии с физиологическими потребностями организма, сохранить эти нормы не удалось. Особенностью распределения ресурсов необходимых для сохранения населения являлся принцип минимизации, выраженный популярным лозунгом «Все для фронта, все для победы!». Он опирался на некоторую сакрализацию в сознании населения потребления жизненно необходимых благ, в первую очередь, пищи. Этому способствовало сохранение в отдельных повседневных политических практиках принципа, характерного для диктатуры пролетариата при распределении продовольствия: кто не работает – тот не ест. Кроме того, при составлении списков на получение дополнительных пайков или усиленного питания важнейшую роль играли общественные организации: профессиональные и творческие союзы. Все эти и другие

субъективные факторы придавали практикам распределения порой волюнтаристский характер. Влияло и ограничение возможностей рыночной экономики.

Постепенная нормализация обеспечения лечебных и жилых помещений топливом стала возможна не раньше февраля 1942 г. Лишь с апреля 1942 г. был преодолен кризис электроснабжения. Этому способствовало использование технически сложных, но эффективных решений проблем: прокладка под водой Ладожского озера нефтепровода, электрических кабелей и пр. В то же время, благодаря строительству и эксплуатации транспортных коммуникаций в 1941–1943 гг., а также обеспечению необходимых запасов продовольствия и топлива на восточном берегу Ладоги, удалось наладить снабжение города необходимыми ресурсами, хотя и в минимальном количестве. Ключевую роль в восстановлении Ленинграда сыграло Постановление ГКО от 29 марта 1944 г. №5509сс «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 году», способствовавшее ускорению восстановительных работ с привлечением как республиканских, так и союзных ресурсов.

Таким образом, решение проблемы жизнеобеспечения ленинградского населения содержало существенные противоречия. С одной стороны, оно было одним из приоритетных направлений в деятельности Советских органов государственной власти в течение всего периода войны с 1941 по 1945 гг. С другой, блокада усилила личностный фактор, в отдельных случаях проявлявшийся волюнтаризмом. Вопросы удовлетворения физиологических потребностей приобрели не только моральный, но и этический характер. Можно сказать, что произошло социальное выравнивание населения в результате объединения усилий всех его слоев, их взаимопомощи. Это, в значительной степени, повлияло на эволюцию институтов управления и их отложенный кризис.

Взаимопомощь всех слоев населения, а также решение задачи снабжения Ленинграда минимально необходимыми ресурсами способствовали провалу планов гитлеровцев полностью уничтожить население Ленинграда и истребить ленинградскую культуру.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ОРГАНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В БЛОКИРОВАННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

6.1. Организация самозащиты гражданского населения

Основной стратегической установкой по гражданской обороне в СССР накануне Великой Отечественной войны являлась организация самозащиты гражданского населения. Эффективность реализации такой установки зависела от степени организованности населения и его подготовленности. Приоритетной в организации самозащиты гражданского населения являлась деятельность МПВО, в задачи которой входили: обеспечение противопожарной безопасности, противовоздушной и противохимической обороны, оказание медико-санитарной помощи населению. Эти задачи решались в тесном взаимодействии с войсками ПВО, Управления пожарной охраны (УПО) НКВД, а также милицией, под управлением органов местной власти: Ленгорисполкома, райисполкомов, при активном содействии общественных организаций: ВЛКСМ, Ленинградского отделения Общества Красного Креста и других. Особое место в спасении гражданского населения занимала медико-санитарная служба МПВО, которая осуществлялась «Скорой помощью» Ленинградского городского отдела здравоохранения (ЛГЗО).

Организационно-правовое оформление МПВО накануне и в начале войны. Организация МПВО регламентировалась правовыми актами Советского правительства еще до войны. С 1940 г. МПВО подчинялась гражданским властям. Начальником МПВО Ленинграда являлся с октября 1938 г. полковник Емельян Сергеевич Лагуткин, одновременно заместитель председателя Ленгорисполкома по МПВО, занимавший эту должность всю войну[1]. В назначении сыграл свою роль опыт Е. С. Лагуткина, участвовавшего в войне в Испании[2]. 7 октября 1940 г. МПВО была постановлением СНК СССР передана в ведение НКВД СССР. Главное Управление (ГУ) МПВО возглавлял генерал-лейтенант В. В. Осокин[3]. Видимо, в 1941–1942 гг. отношения между начальником МПВО Ленинграда Е. С. Лагуткиным и начальником ГУ МПВО В. В. Осокиным не сложились. В своих воспоминаниях Лагуткин неоднократно указывал, что не получал в этот период никаких распоряжений от ГУ МПВО и вынужден был действовать на свой страх и риск. Надо

1 Еще в 1932 г. была создана в ЛВО 2 местная территориальная бригада ПВО. В 1936 г. на ее базе был сформирован 4-й отдельный инженерно-противохимический полк МПВО, а в 1937 г. 2-я артиллерийская дивизия ПВО была преобразована во 2-й корпус ПВО ЛВО. (по *Беляев А. Н.* Местная противовоздушная оборона Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. – Л.: изд-во ЛГУ, 1975. С. 36).

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 67 (Воспоминания Е. С. Лагуткина). Л. 6об.

3 *Шаблов Н. Н., Виноградов В. Н., Киселев В. Ф.* История гражданской обороны / под общ. ред. проф. В. С. Артамонова. – СПб., 2011. С. 83.

отдать должное: испанский опыт пригодился генералу, и ленинградскую МПВО отличали оперативность и мужественность в работе[1].

Постановлением СНК СССР от 4 октября 1932 г. №1525/319 за призванными на сборы МПВО сохранялась средняя заработная плата по месту работы (отменено постановлением ГКО от 9 апреля 1942 г. №1567). 10 июня 1941 г., согласно разъяснению НКФ РСФСР, расходы на содержание начсостава МПВО, в том числе вольнонаемного, были отнесены на союзный бюджет[2].

С 1935 г. на территории Ленинграда запрещалось строить сооружения без учета требований МПВО. С 1937 г. службы, штаб и объекты МПВО осуществляли светомаскировочные мероприятия. Городские районы делились на участки МПВО, в соответствии с милицейскими участками[3].

Еще в 1928 г. Г. Румпф (с 1937 г. генерал-инспектор пожарных службы Германии), высоко оценивал подготовку к воздушно-химической обороне гражданского населения в СССР, обращая внимание на целесообразность противовоздушной и противохимической подготовки населения силами общественной организации Осоавиахим[4]. В то же время переводная немецкая литература, в том числе Г. Румпфа, цинично и недвусмысленно показывала, что основным фактором поражения населения крупных городов должны стать воздушные бомбардировки как наиболее пригодные для уничтожения городов[5].

Для сравнения заметим, что Э. Хампе после войны указывал, что эффективность деятельности Германских МПВО по спасению гражданского населения Германии была высоко оценена американскими экспертами. Среди наиболее важных факторов назывались: подготовка тыловых районов к эвакуации от 30 до 50% населения; широкие улицы, зеленые насаждения и свободные пространства между группами домов в городах как факторы, исключающие распространение пожаров. Успехи в строительстве бомбоубежищ и укрытий, которые были рассчитаны на 23 млн. человек (ок. 50% населения Германии), были признаны всеми иностранными наблюдателями как фактор спасения миллионов жизней. Важное значение имела воля людей к самозащите[6]. Однако

---

1 В то же время недостатком Е. С. Лагуткина была некоторая инертность. Так, он жаловался, что из Управления не поступало литературы для знакомства с опытом зарубежных специалистов (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 67. Л. 51), в то время как в Ленинграде в публичной библиотеке имелись переводные издания Г. Румпфа и других авторов. Один-два референта в штате Ленгорисполкома вполне могли справиться с задачей подготовить обзор такого опыта.

2 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 28. Л. 80; ЦГА. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 27.

3 *Беляев А. Н.* Местная противовоздушная оборона Ленинграда. С. 37.

4 Целесообразность такой организации связывалась с тем, что в условиях серьезной опасности специально обученные войсковые части не смогут заниматься обороной гражданского населения. В Германии Румпф предлагал использовать с целью обучения и подготовки населения пожарные части. (по *Румпф Г.* Защита от газов. Руководство для пожарных, для горнорабочих, для промышленности и коммунального управления со специальными указаниями по защите от газов гражданского населения в будущей войне / пер. с нем. Н. К. Порохина. – М.: Изд-во НКВД, 1928).

5 *Румпф Г.* Указ. соч. С.72–74.

6 *Хампе Э.* В силовом поле великих авиационных держав / пер. с нем. – М.: Изд-во ин. лит., 1958. С. 48, 61, 63.

недавно опубликованные исследования американских специалистов, проделанные в мае 1945 г., свидетельствуют об оценках скорее противоположных. Так, в анализе изменений менталитета населения Германии под воздействием массированных (неизбирательных) бомбежек противника, подготовленного Управлением стратегических бомбардировок военного министерства США, отделом морали, в 1945 г. содержался вывод: до 59% немцев, переживших бомбежки, как тяжелые, так и средней тяжести, выражали готовность сдаться, от 72 до 79% «демонстрировали ослабленное желание продолжать войну». Собранный Управлением материал был использован для выработки рекомендаций при бомбардировках городов Японии в 1945 г.[1]

В связи с этими соображениями важное значение в спасении населения имела *готовность и воля ленинградцев к самозащите даже в условиях массированных бомбежек*.

В 3 часа ночи 22 июня 1941 г. председатель Ленгорисполкома П. С. Попков отдал распоряжение о сборе руководящего состава штабов и участков МПВО, через 40 минут последовало вторичное распоряжение о приведении в боевую готовность личного состава МПВО Ленинграда. В 4-20 последовал приказ Е. С. Лагуткина о вызове 100% личного состава штабов и формирований МПВО, под видом общегородских учений, которые были запланированы на июнь. В 5-30 по радиотрансляционной сети штаб МПВО объявил приказ о проведении очередных учений МПВО с 10-00, но к этому времени уже был сбит самолет врага в районе Кронштадта (в 4-40). В 5-30 утра севернее Выборга появились 11 самолетов. В 9-30 в Шлиссельбурге подан сигнал «Воздушная тревога» (ВТ). В соответствии с введением «Угрожаемого положения» в Ленинграде в 13-25, к 18-00 22 июня вся система МПВО была развернута полностью и переведена на казарменное или полуказарменное положение. Все наружное и внутреннее освещение, весь городской транспорт перешли на светомаскировочный режим[2]. В отчете Л. Н. Левитской, возглавлявшей Городской Комитет Красного Креста, указывается число 1280 дружинниц, приведенных в боевую готовность к 17-30[3].

Первая «Воздушная тревога» в Ленинграде была объявлена ночью 23 июня в 1-45, в связи с попыткой вражеской авиации пробиться в город. В 1-40 был сбит один бомбардировщик вне черты города. До 6 сентября 1941 г. ВТ подавались 128 раз. По воспоминаниям Е. С. Лагуткина,

---

Важно отметить, что большое значение имело хорошее состояние подвалов в домах, зачастую используемых в хозяйственных целях как гаражи, имевших вентиляцию, освещение.

1 The Effects of Strategic Bombing on German Morale. Vol. 1 / US. Strategic bombing survey; Morale division. – Washington, 1947. P. 15, 23. [Имеется электронный ресурс].

2 *Беляев А. Н.* Местная противовоздушная оборона Ленинграда. С. 40–41; ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 67 (Воспоминания Е. С. Лагуткина. 10 марта 1964 г.). Л. 10, 10об, 11, 53, 54, 55. В приведенных источниках допущена неточность с указанием 3000 сандружинниц Красного Креста, развернутых к этому времени, что является преувеличением.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

тревоги выматывали людей, но опасность была реальной, так как к городу пытались прорваться крупные части авиации противника: в одном из таких налетов участвовало до 300 самолетов[1].

Уже 25 июня 1941 г. распоряжением П. С. Попкова началась мобилизация 100 тысяч человек для проведения оборонных работ. На 1 января 1942 г. за городом и в городе работали, в общей сложности: 49 455 чел. К 10 января их число уменьшилось на 9 941 чел., выбывших по разным причинам, помимо выходных. Осталось 39 514 чел. В том числе в подчинении 1 и 2 Управлений оборонных работ, на аэродромной службе ВВФ, на лесозаготовках, на баррикадах, на снегоуборке, на ГЭС №I, II, III, V и других оборонных работах[2].

26 июня 1941 г. было принято постановление Верховного Суда СССР «О квалификации нарушений и распоряжений по местной противовоздушной обороне», которым устанавливались меры уголовного наказания за такие нарушения[3]. 27 июня 1941 г. были изданы приказ №1, подписанный М. М. Поповым, начальником гарнизона, «Об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в Ленинграде»[4], и приказ №1 по МПВО г. Ленинграда об отрытии укрытий полевого типа в местах по указанию райисполкомов Советов депутатов трудящихся[5].

Решением суженного заседания (С.З.) Ленгорисполкома от 28 июня 1941 г. №67с создавались инженерно-восстановительные отряды МПВО. Зарплата за всеми мобилизованными на работы по укреплению Ленинградского военного округа (ЛВО) сохранялась, что доводилось до сведения всех руководителей предприятий и учреждений (решение Ленгорисполкома от 4 июля 1941 г. №225). 5 июля 1941 г. был утвержден план МПВО г. Ленинграда на III квартал 1941 г. (решение Ленгорисполкома №231)[6]. Таким образом, уже в конце июня в Ленинграде началось формирование отрядов самообороны гражданского населения, что позволяло подготовить людей к необходимым действиям, согласовать основные финансовые и организационные вопросы.

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 2 июля 1941 г. №1812 «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне», за МПВО отвечали руководители учреждений и организаций, а обеспечивали сами работники. Постановление СНК СССР было опубликовано в газете «Правда», вместе с передовой статьей. В месячный срок следовало создать группы самозащиты на предприятиях, в учреждениях и в жилых домах. Граждане привлекались в том формировании, где они в нужный момент находились. Вслед вышли постановления СНК

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 67. Л. 63–65.
2 Там же. Оп. 20. Д. 54. Л. 1, 2, 3.
3 *Шаблов Н. Н., Виноградов В. Н., Киселев В. Ф.* История гражданской обороны. С. 94.
4 Приказ начальника гарнизона г. Ленинграда об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в городе // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / Отв. ред. *В. М. Ковальчук.* – М.-Л.: Наука, 1966. С. 34–35.
5 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №26 (7 июля). С. 8-9.
6 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 1. Л. 239–241.

РСФСР «О порядке подготовки населения к противовоздушной и противохимической обороне и порядке организации групп самозащиты на территории РСФСР» от 2 июля 1941 №502 и «Об организации местной противовоздушной обороны в городах и населенных пунктах РСФСР» от 10 июля 1941 г. №523 [1].

3 июля 1941 г. Главное управление МПВО НКВД СССР разослало «Положение о группах самозащиты жилых домов, учреждений и предприятий»[2]. 4 июля ГУ МПВО были разработаны рекомендации к нему. Обучение осуществлялось общественными организациями: Осоавиахим и Красный Крест. Руководил городской штаб МПВО[3]. С 4 июля изымались все справочные издания по г. Ленинграду из всех отделов предприятий и учреждений города (решение №218с Ленгорисполкома)[4].

Уже 8 июля 1941 года была утверждена Наркомпросом (НКП) РСФСР Инструкция по МПВО детских садов и оперативно опубликована в июле-августе 1941 года в научно-методическом журнале НКП РСФСР «Дошкольное воспитание», согласно которой заведующие в детсадах руководили МПВО[5].

9 июля 1941 года вышло постановление ГКО №81 «Об образовании в местностях, объявленных на военном положении, городских аварийно-восстановительных отрядов местной противовоздушной обороны». За основу была взята докладная записка А. Я. Вышинского В. М. Молотову[6].

Ленгорисполком на основе этих документов подготовил решение «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» от 11 июля 1941 г. (пр. №47, п. 16, опубликовано 14 июля), которым вводилось обучение при школах детей от 8 до 16 лет приемам пользования средствами индивидуальной защиты. За МПВО отвечали директора и заведующие детских учреждений[7].

В соответствии с постановлением ГКО №81, для быстрого восстановления поврежденных в военных действиях жилых домов, больниц, школ, предприятий коммунального хозяйства, а также энергетики, связи, дорог, мостов и набережных на базе строительных организаций городских и районных советов депутатов трудящихся создавались аварийно-восстановительные

---

1 Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – 1941. – №16. С. 504–505; Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – 1941. – №7. С. 78–80.

2 От МПВО к гражданской защите (исторический очерк) / под общ. ред. С. К. Шойгу – Москва: УРСС, 1998. С. 52.

3 *Шаблов Н. Н., Виноградов В. Н., Киселев В. Ф.* История гражданской обороны. С. 83, 94.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 1. Л. 239–241.

5 Дошкольное воспитание. – 1941. – №8. С. 17–24.

6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945. Аннотированный каталог: в 2 т. Т. 1. 1941–1943. – Москва: Политическая энциклопедия, 2015. – (70 лет Победы в Великой Отечественной войне). С. 51.

7 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №27 (14 июля). С. 1-19.

отряды МПВО. Такие отряды военизировались и переводились на казарменное положение[1]. Напомним, что в Ленинграде уже существовали с 28 июня 1941 г. инженерно-восстановительные отряды.

Выполнение всех решений райисполкомами было поставлено на контроль Ленгорисполкома специальным распоряжением от 11 июля 1941 г., благодаря чему сохранились подробные отчеты председателей райисполкомов о выполнении этих и других мероприятий. Так, из отчета в Ленгорисполком председателя Петроградского райисполкома следует что, только в его районе к 17 июля было создано 5 отрядов: строительно-восстановительный (150 чел.), дорожно-мостовой (50 чел.), сантехнический (50 чел.), электротехнический (15 чел.), подрывной (20 чел.), 4 базы со строительным материалом[2].

Система принятия важных решений по МПВО ленинградским руководством имела внутренние противоречия. Некие границы в решении важных вопросов между Ленгорисполкомом и ГК ВКП(б), которые по обоюдной договоренности старались соблюдать, возникли уже в первые дни войны. Это подтверждается протоколом знаменитого совещания под председательством А. А. Кузнецова 23 июня 1941 г. в ГК ВКП(б), во время отсутствия А. А. Жданова, когда были решены многие вопросы первоочередной важности. Вопрос о полномочиях Ленгорисполкома по формированию всех основных решений, поставленный Б. М. Мотылевым, был поддержан А. А. Кузнецовым: «Постановим – формировать по линии советской. Тут во всем должен быть порядок, если каждый будет командовать – ничего не получится. Что касается Ленгорсовета, установим: позвонил Ленсовет, надо сделать то-то и то-то, формируйте, действуйте»[3].

Однако с прибытием А. А. Жданова многое поменялось. Постановлением Ленинградского горкома ВКП(б) от 30 июля 1941 г. «О приведении в полную боевую готовность всех сил и средств по МПВО г. Ленинграда» создавалась «тройка» уполномоченных лиц, наделенная особыми полномочиями: привлекать к необходимым работам предприятия и организации, независимо от их ведомственной подчиненности, и мобилизовывать необходимые механизмы. Эти мероприятия предлагалось осуществлять через советские, партийные, комсомольские и профсоюзные организации. За невыполнение решений тройки органам прокуратуры надлежало привлекать к судебной ответственности по законам военного времени. Таким образом, с августа 1941 г. важные решения по МПВО, в том числе по вопросам обеспечения противопожарной безопасности, принимались тройкой: начальник МПВО г. Ленинграда, полковник Е. С. Лагуткин, секретарь Ленинградского

1 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 271.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 1. Л. 239–241.

3 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. *К. А. Болдовский.* Часть I. Июнь 1941 г. – март 1942 г. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 24.

горкома ВКП(б) А. П. Смирнов, начальник Управления милиции г. Ленинграда, ст. майор милиции Е. С. Грушко[1].

Увлечение уполномоченными и многоначалие вызывало обоснованные возражения. Работу тройки, в которую входил секретарь ГК ВКП(б) А. П. Смирнов, Е. С. Лагуткин оценивал, как усложнявшую работу и просуществовавшую от того недолго. По его мнению, вопросы МПВО успешно решались суженными заседаниями исполкома[2].

В декабре 1941 г. М. В. Морозов, руководитель Архитектурно-планировочного Управления (АПУ), протестовал по поводу прикрепления для помощи в строительстве убежищ группы экспертов Управления непосредственно к уполномоченному по строительству Шифрину, в соответствии с решением С.З. Ленгорисполкома от 28 декабря 1941 г. №889-с. Он отмечал, что такая работа составляет не более 30-40% загруженности АПУ, и двуначалие будет препятствовать его работе[3].

Среди первоочередных вопросов по организации защиты Ленинграда были противопожарные мероприятия. Подготовка к осуществлению противопожарных мероприятий началась задолго до начала войны, изучался опыт других стран. Высоко оценивались исследования Г. Румпфа, который составил рекомендации по конструированию бомбоубежищ и газоубежищ, окрашиванию деревянных чердачных перекрытий огнеупорными смесями: известью, хлористым кальцием, хлористым магнием, цинковым купоросом, хлористым цинком, хлористым аммонием, борной кислотой, глиноземом, бурой. Немецкие инженеры-строители предлагали отказаться от деревянных перекрытий под крышей, заменяя их железобетонными плитами в новых строениях[4].

Гарнизон Ленинградской пожарной охраны считался одним из лучших, благодаря подготовке командного состава на единственном в стране факультете инженеров противопожарной обороны при Ленинградском институте инженеров коммунального строительства. Работал старейший в стране ленинградский пожарный техникум. В апреле 1941 г. пожарная охрана Москвы и Ленинграда была преобразована в городскую военизированную пожарную охрану НКВД. На вооружении частей имелись автонасосы, автоцистерны, пеногенераторы, пожарные стволы с перекрывными спрысками[5].

Уже 23 июня 1941 г. С.З. Ленгорисполкома и бюро ГК ВКП(б) было принято постановление

---

1 Там же. С. 176–177.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 67. Л. 43, 66.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 57. (Переписка об исполнении решений Ленгорисполкома). Л. 36.

4 *Румпф Г.* Мероприятия строительного характера против действия зажигательных бомб // Сборник переводных статей по вопросам строительно-технических мероприятий ПВО. – М.-Л.: Гл. ред. строит. лит-ры, 1937. С. 96–103.

5 *Шаблов Н. Н., Виноградов В. Н., Киселев В. Ф.* История гражданской обороны / под общ. ред. проф. В. С. Артамонова. – СПб., 2011. С. 100, 113.

(пр. 45) «О мероприятиях по усилению противопожарной защиты гор. Ленинграда», за подписями секретаря ГК ВКП(б) Я. Ф. Капустина и председателя Ленгорисполкома П. С. Попкова. С целью противопожарной защиты следовало восстановить имеющиеся водоемы и пирсы, разобрать деревянные сооружения, представляющие опасность для близстоящих (только в Петроградском районе было разобрано 242 сооружения), провести проверку электрохозяйства, очистить от хлама чердаки, обеспечить объекты средствами пожаротушения (песком, бочками, ящиками, лопатами, огнетушителями и т. п.), дворы освободить от дров. Следовало также провести инструктаж населения; установить пожарные гидранты I и II очереди на городской водопроводной сети; отвести помещения в районах для размещения пожарных команд Управления пожарной охраны НКВД; провести мобилизацию невоеннобязанных лиц в пожарные команды[1].

Соответствующие распоряжения были приняты Ленгорисполкомом 25 июня 1941 г. №153 «Об увеличении производства зарядов для огнетушителей» и 27 июня №172 «О противопожарных мероприятиях» (об изготовлении бочек для песка для домохозяйств)[2].

Согласно отчету о проделанной работе председателя Петроградского райсовета трудящихся И. Ф. Иванова от 19 июля 1941 г., материал от разобранных деревянных заборов, чердаков, сараев шел на противовоздушные укрытия: щели и траншеи[3]. Ко 2 августа 1941 г. было вырыто 85 новых водоемов, восстановлено 108. В то же время, несмотря на принятые меры, не хватало более 71% огнетушителей, 49% ведер, деревянных бочек[4].

В чрезвычайном порядке решались вопросы доставки песка, обмазки суперфосфатом чердачных перекрытий и деревянных строений, выпуска огнетушителей. Песок завозился в город в достаточном количестве, но развозка на места его затруднялась. Не хватало лопат, бочек с водой. Не были приведены в порядок 195 дворов и 14 чердаков. Начался выпуск необходимых огнетушителей (10 тыс. в месяц). На заседании 2 августа рассматривался вопрос об обмазке деревянных конструкций суперфосфатом, по предложению сотрудников Государственного института прикладной химии. 7,5 тысяч тонн, необходимых для этого, имелись. Для доставки подключались Северо-Западное речное пароходство, Октябрьская железная дорога (ОЖД). Для обеспечения города необходимым количеством песка на ОЖД работали две вертушки, песок вывозился из карьера в Шапках. Всего было вывезено с 25 июня 1046 вагонов. Предлагалось по городу песок и суперфосфат доставлять баржами. 6 августа тройка по МПВО, с целью ускорения обмазки суперфосфатом деревянных конструкций чердаков зданий, решила привлечь к этому население[5].

---

1 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 85, 86.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 1. Л. 239–241.
3 Там же. Л. 236–241.
4 Там же. Д. 33. Л. 106, 107.
5 Там же. Л. 106–109, 112, 118.

В связи с противопожарной профилактикой, Ленгорисполкомом 30 июня 1941 года было запрещено населению и учреждениям пользоваться отопительными приборами без разрешения Госпожарнадзора, но в ноябре 1941 года этот запрет был отменен, вследствие чрезвычайных обстоятельств (от 30 ноября 1941 г. пр. №55, п. 72)[1]. В результате массовое использование незарегистрированных отопительных приборов привело к вспышке пожаров, тушить которые было сложно из-за отсутствия воды. В январе 1942 г. таких пожаров было зарегистрировано 250. В результате принятых мер, в феврале 1942 г. их количество уменьшилось до 98, оставаясь высоким[2]. 13 августа 1942 г. вышло постановление СНК СССР №1364 «Об ответственности за нарушения правил пожарной безопасности»[3], в связи с чем 30 августа 1942 г. решением Ленгорисполкома были утверждены правила пожарной безопасности для промышленных предприятий, учреждений и жилых домов[4].

С начала войны к борьбе с пожарами в Ленинграде подключились общественные организации. 27 июня 1941 г. на чрезвычайном заседании правления Всесоюзного научного инженерно-технического общества была образована специальная комиссия во главе с академиком Б. Г. Галеркиным по оказанию помощи МПВО: были разработаны жароупорные краски, проводились консультации по планированию и строительству бомбо- и газоубежищ, укрытий полевого типа и т.п.[5] 29 августа 1941 г. на заседании противопожарной комиссии при ОК Союза работников высшей школы и научных учреждений, в присутствии сотрудников НКВД, был доложен инженерами Кантором и Гусевым проект передвижной углекислотной машины для тушения пожаров в труднодоступных местах, разработанной Ленинградским НИИ Коммунального хозяйства (ЛНИИКХ). Проект был утвержден: было предложено создать опытный образец углекислотного снежного агрегата[6].

Порой разработки ученых воспринимались скептически в Ленгорисполкоме. Так, на предложениях по окраске светомаскировочными красками строений, разработанном группой ученых ЛНИИКХа от 28 августа 1941 г., рукой П. С. Попкова было написано в его решительной манере: «Думаю, надо заниматься другими более важными делами»[7]. В то же время на Первой инженерно-технической конференции МПВО, проходившей в Москве в 1942 г., было доказано, что маскировка и светомаскировка способствовали повышению живучести городов. Имело значение

---

1 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №27 (14 июля). С. 1-19; №41-42 (28 ноября). С. 16-17.
2 Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / Под ред. А. Р. *Дзенискевича*. – СПб.: Лики России, 1995. С. 101, 371.
3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 204. Л. 308 – 310.
4 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №17-18 (28 сентября). С. 5-6.
5 *Беляев А. Н.* Местная противовоздушная оборона Ленинграда. С. 47.
6 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 33. Л. 89, 90.
7 Там же. Л. 214.

и создание ложных объектов. С ростом обеспечения населения укрытиями резко снижался процент потерь[1].

17 июля 1941 г. ЦК ВЛКСМ принял решение об организации в городах военной зоны комсомольских пожарных формирований. Совместно с Управлением пожарной охраны НКВД г. Ленинграда, горкомом ВЛКСМ был создан комсомольский полк противопожарной обороны в составе 16 рот и 3 отдельных взводов. Всего 1600 чел. Оперативно полк подчинялся Управлению пожарной охраны НКВД г. Ленинграда[2]. До конца января 1942 г. полк имел 2462 вызова на работу[3]. Важное значение имела работа полка по обучению населения навыкам борьбы с зажигательными средствами и противопожарной профилактике в домохозяйствах[4]. Комсомольские бригады распространяли памятки, были изданы плакаты, подготовлена кинокартина о способах борьбы с зажигательными бомбами (отредактирован фильм, выпущенный Мосфильмом)[5].

Местная противовоздушная оборона Ленинграда действовала в тесной взаимосвязи с войсками Противовоздушной обороны Ленинградского военного округа (ПВО ЛВО). Небо над Ленинградом защищалось силами 2 корпуса ПВО и 7 авиакорпуса ЛВО. Войска ПВО имели своими основными задачами: уничтожать авиацию противника и недопускать ее до города. Основными задачами МПВО были: защита населения, ликвидация последствий вражеских бомбардировок и обстрелов.

Первый воздушный налет на Москву был отражен силами ПВО и МПВО в ночь с 21 на 22 июля 1941 г. В соответствии с Постановлением ГКО от 22 июля 1941 г. №232сс «О противовоздушной обороне г. Ленинграда», принятом на основе докладных записок Г. К. Жукова, Д. Н. Никишева, М. М. Попова и А. А. Жданова И. В. Сталину, все аэростаты заграждения, прожекторы, прожзвуки, после обеспечения соответствующих частей г. Москвы, должны были обратиться на укомплектование частей 2 корпуса ПВО г. Ленинграда. Выдвигалось требование довести количество истребителей в 7 авиакорпусе, защищавшем Ленинградское небо, до 540, в том числе 296 типа МИГ и ЛАГГ, общее количество 37 мм орудий для ПВО Ленинграда до 120 ед., количество артвыстрелов до 120 000, а 85 мм артвыстрелов до 180 000[6]. На следующий день появилось

---

1 От МПВО к гражданской защите (исторический очерк) / под общ. ред. С. К. Шойгу. – М.: УРСС, 1998. С. 56.

2 Командный состав полка был укомплектован из кадрового начсостава пожарной охраны НКВД и политсоставом из райкомов и горкома ВЛКСМ. См. Из докладной записки секретаря горкома ВЛКСМ Ленгорисполкому об организации комсомольского противопожарного полка // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 60–61.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598^{К}. Оп. 3. Д. 322. Л. 16.

4 *Беляев А. Н.* Местная противовоздушная оборона Ленинграда. С. 46.

5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 33. Л. 106, 107.

6 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 4. Л. 6. См. также: Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 74.

распоряжение ГКО от 23 июля 1941 г. №259сс «Об изготовлении аэростатов заграждения»[1].

Сразу после налета москвичи позвонили в Ленинград и поделились своим опытом. Этот и дальнейший опыт показал, что, при постоянной боевой готовности населения, метание зажигательных бомб не дает результатов. С этой целью Ленгорисполком развернул массовое обучение населения борьбе с зажигательными средствами. Приказом МПВО от 22 июля 1941 г. №3 руководителям предприятий, учреждений, организаций и домохозяйств предписывалось: снести все деревянные постройки смежные с деревянными зданиями, очистить пожарные проходы и проезды, заготовить необходимый инвентарь. С 23 июля на крышах и чердаках устанавливалось круглосуточное дежурство постов групп самозащиты[2].

К началу массированных воздушных бомбардировок Ленинграда противопожарная служба МПВО (городские военизированные пожарные части, объектовые и участковые команды) составляла: 11 590 чел. Имелось 339 автонасосов, 94 автоцистерн, 13 автомеханических лестниц, 34 вспомогательных и специальных машин, 13 пароходов и катеров[3].

По воспоминаниям Е. С. Лагуткина, в 1941 г. около 800 наблюдателей МПВО несли опасную службу на вышках высотных зданий, более 60 тысяч бойцов групп самозащиты и объектовых команд охраняли город от пожаров. Зажигательные бомбы, которые им приходилось тушить, были от 2 до 50 кг, при сгорании давали температуру 2500 – 3000º. Многие бомбы были снабжены специальными взрывателями, препятствовавшими их обезвреживанию. Ленинградцы проявили знания и огромное мужество, ведя с ними успешную борьбу[4].

Ключевое значение для сохранения населения на случай воздушных бомбежек и артобстрелов имело наличие оборудованных укрытий. В соответствии с приказом №1 по МПВО отряды граждан, в основном женщин и подростков, во главе с председателями райисполкомов отправились на строительство полевых укреплений. К 5 июля 1941 г. в городе по 15 районам без пригородов имелось готовых к приему населения бомбоубежищ II категории и бомбоукрытий на 596 568 человек. Было отрыто 53% запланированных щелей: 301 329 из запланированных 570 047 (в погонных метрах). Строилось Ленжилуправлением и объектовыми командами еще бомбоубежищ и укрытий: 3 955, общей вместительностью 713 706 чел. К 30 августа вместимость 4 640 бомбоубежищ II категории и укрытий, готовых к приему населения, или оконченных строителями, составляла 741 236 чел., или не более 26,5% от имевшегося в тот момент в городе гражданского населения. Были также отрыты закрытые и открытые щели вместимостью 536 768 чел. (378 580

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 77.
2 *Беляев А. Н.* Местная противовоздушная оборона Ленинграда. С. 45, 46.
3 *Шаблов Н. Н., Виноградов В. Н., Киселев В. Ф.* История гражданской обороны. С. 115.
4 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 67. Л. 63–65.

п/метров). Многие щели, убежища браковались комиссией[1]. Строительство бомбоубежищ тормозилось из-за отсутствия всей необходимой проектно-сметной документации: по вентиляции, по центральному отоплению, по электротехническому, сантехническому оснащению, спецификаций. Лагуткин лично контролировал ход работ по благоустройству бомбоубежищ в домах, где проживали сотрудники Ленгорисполкома: требовались изоляционные работы от проникновения грунтовых вод, ликвидация протечек трубопроводов, идущих по убежищам[2]. Бомбоубежища II категории защищали не только в случае обрушения здания, но и от отравляющих веществ[3].

Однако необходимо заметить, что мероприятия по укреплению и строительству бомбоубежищ и укрытий накануне войны в Ленинграде, как важнейший фактор защиты населения, были явно недостаточны. Из имевшихся 1412 по списку бомбоубежищ II категории, пригодных и на случай химической атаки, на 194 921 чел. (6% имевшегося населения) оказались годными к эксплуатации только 1345 на 184 109 человек[4]. К 20 августа имелось только 1443 газоубежища на 206 тыс. человек. С целью подготовки к химической атаке МПВО приступили к дооборудованию еще 852 бомбоубежищ емкостью 158 тыс. человек как газоубежищ[5]. Вероятно, этого недостатка можно было бы избежать при поддержании в пригодном для эксплуатации состоянии подвальных помещений под домами.

Несмотря на широко развернувшиеся работы, случались казусы, когда подготовленные заранее бомбоубежища использовались под складские помещения. Так, в письме Е. С. Лагуткину от 31 июля 1941 г. начальник Управления по делам искусств Ленгорисполкома Б. И. Загурский просил освободить бомбоубежище под Филармонией, рассчитанное на 1000 чел., от товаров магазинов Гастроном №1 и №12, к тому же занимавших его на 10%, и передать его Театру Музкомедии для укрытия зрителей[6].

В то же время, по мнению Е. С. Лагуткина, такого количества укрытий для пассивного населения было достаточно, при условии активной обороны, когда при непосредственной опасности часть населения должна была не укрываться, а вести борьбу с результатами вражеских действий, а другая часть – находиться на рабочих местах, где в особо опасные моменты можно было укрыться в индивидуальных убежищах[7]. Опыт показал, что эта позиция была ошибочной.

21 сентября 1941 г. было принято решение С.З. Ленгорисполкома 597-С о форсировании

---

1 Там же. Д. 33. Л. 4, 10, 210, 211. (Переписка по вопросам МПВО).
2 Там же. Л. 187, 188, 193, 194.
3 От МПВО к гражданской защите. С. 56.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 33. Л. 10.
5 Там же. Л. 39.
6 Там же. Л. 197.
7 Воспоминания Е. С. Лагуткина. 10 марта 1964 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 67. Л. 58.

строительства убежищ по районам г. Ленинграда силами учащихся РЖУ и ФЗО. Однако вместо 2000 учащихся к работе приступило только 200 (остальные были заняты на других работах), не хватало лесоматериала[1]. Таким образом, строительство велось недостаточными темпами.

Приказ начальника МПВО Ленинграда от 8 октября 1941 г. призывал оборудовать бомбо- и газоубежища в подвальных помещениях, но плохое состояние подвальных помещений, усугубившееся в условиях блокады выходом из строя водопроводных и канализационных сетей, делало очень затруднительным такое оборудование. Ленгорисполком принимал решения по санитарному содержанию и оборудованию убежищ и щелей 9 и 10 ноября 1941 г. (пр. №54, п. 36; пр. №88)[2].

6 декабря 1941 г. было принято решение исполкома Ленгорсовета и бюро ГК ВКП(б) «О строительстве газоубежищ и бомбоубежищ в ноябре – декабре 1941 г. и I квартале 1942 г.». На строительство убежищ только в декабре 1941 г. отводилось 5,5 млн. рублей в жилом фонде, 700 тыс. руб. в школах, 300 тыс. рублей в лечебных учреждениях и 1 млн. в других ведомствах[3]. Однако проверка, проведенная военной прокуратурой в марте 1942 г., выявила, что уже существовавшие бомбоубежища пришли в негодность из-за выброса нечистот и застоя воды из канализации, нары, крепления и стояки в них были спилены и разрушены. Из 36 осмотренных бомбоубежищ оказались пригодными к использованию только 20 (56%), но и они не убирались. Не производились ни дезинфекция, ни приписка населения для пребывания в них в ночное время. Поэтому граждане были лишены возможности укрыться во время обстрелов в таких подвалах-убежищах. В связи с выявленной преступной небрежностью, прокуратурой были возбуждены уголовные дела в отношении виновных лиц в домохозяйствах. Ленгорисполком должен был навести порядок в имевшихся убежищах[4]. Очевидно, что нахождение с детьми в загаженном, зараженном крысами и плесенью подвале, даже в течение получаса, сопровождалось серьезным риском для здоровья.

Важное значение отводилось противохимической обороне. Решением №1 от 1 августа 1941 г. тройки по МПВО Ленинграда было запрещено эвакуировать или ликвидировать химические лаборатории МПВО и специальные группы МПВО институтов, выполняющих специальные задания по МПВО Ленинграда. Всего 27 институтов, согласно прилагаемого списка, в том числе: Государственный институт для усовершенствования врачей, Ленинградский государственный институт для усовершенствования врачей им. С. М. Кирова, Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны труда ВЦСПС, Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, Ленинградский институт гигиены труда и профессиональных заболеваний,

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 33. Л. 150, 151.
2 Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942 гг. – Л.: Лениздат, 1942. С. 115; Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – №41-42 (28 ноября). С. 16-17.
3 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 471–472.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 57. Л. 10–13.

Ленинградский текстильный институт им. С. М. Кирова и др.[1] 7 августа 1941 года, в соответствии с постановлением ГКО №416сс «О производстве противогазов для гражданского населения», началось производство противогазов «ГП-1» для гражданского населения, в количестве 10 млн. штук. Изготовленные противогазы должны были поступать в продажу через Осоавиахим СССР[2].

Несмотря на принятые меры, противохимической защите населения уделялось меньше внимания, чем защите от фугасных и зажигательных бомб. Как отмечалось в докладной записке главному инспектору инспекции при Главнокомандующем войск Северо-Западного направления, на 4 сентября 1941 г. в домохозяйствах практически отсутствовали химические звенья. В Ленинграде по неточным данным имелось 1 800 тыс. противогазов, на 100% были обеспечены ими МПВО (122 тыс.), рабочие и служащие большей смены на заводах (843 тыс.). 827 тыс. имели группы самозащиты и остальное население. Таким образом, при рациональном использовании противогазов более миллиона человек нуждались в противогазе или в газоубежище. К 20 августа 1941 г. около 60 тыс. граждан не умели пользоваться противогазом, все остальные были обучены по нормам ПВХО I ступени. В то же время газоубежищ в Ленинграде было всего на 206 тыс. человек, то есть ок. 20% необходимой вместимости. Проводились работы по герметизации бомбоубежищ. Кладовые для хранения мясопродуктов были герметизированы, имелись средства защиты продуктов (бумага и целлофан) в магазинах на случай воздушного нападения. В то же время конских противогазов в наличии было только 30% на 6 000 учтенных в Ленинграде лошадей. Предлагалось до 1 октября исправить выявленные недостатки[3]. 19 сентября 1941 г., в соответствии с указаниями начальника Управления НКВД, был принят приказ МПВО №032 по усилению противохимической защиты Ленинграда. Председатель Горсовета Осоавиахим т. Хропов[4] и начальник Ленжилуправления М. А. Ханутин обязаны были организовать проверку исправности личных противогазов граждан, заместитель председателя исполкома Ленинградского горсовета депутатов трудящихся, заведующий отделом торговли И. А. Андреенко и начальник Главного управления ленинградских столовых, ресторанов и кафе А. И. Фельдман – обеспечить выполнение мероприятий по предохранению продуктов от попадания отравляющих веществ (ОВ)[5].

Начало обстрелов и бомбежек, установление блокады Ленинграда потребовало чрезвычайных мероприятий по подготовке населения к самозащите. Систематическая проверка состояния

1 Там же. Д. 33. Л. 103, 104.

2 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 30; см. также: Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 100.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 33. Л. 36–45.

4 В Горсовете Осоавиахима сменилось за 1941–1942 гг. четыре председателя: с начала войны Никитин, с 1 июля 1941 г. Хропов, с 26 ноября т1941 г. Клейн, с 7 февраля 1942 г. Зуев. (ЦГА СПб. Ф. Р-3054. Оп. 1. Д. 20. Л. 15об; Д. 16. Л. 118, 125, 246).

5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 33. Л. 49, 50.

готовности МПВО сопровождалась мерами воздействия на нарушителей. На 30 августа 1941 г. таковых было выявлено по 15 районам Ленинграда: 3 385 чел. населения, 153 чел. управхозов, 108 чел. руководителей учреждений и предприятий. К ним были применены меры взыскания: 3 646 чел. были оштрафованы, 32 дела было передано в судебные органы[1].

3 сентября 1941 г. с 1-30 до 4-00 была проведена проверка готовности штабов МПВО районов, участков, участковых команд и жилых домов Кировского, Володарского, Дзержинского, Фрунзенского, Ленинского, Красногвардейского, Василеостровского, Смольнинского районов. Штабы были приведены в боевую готовность в течение 4-5 минут, участковые формирования за 3-15 минут. Дежурство у ворот и входов в здания, а также пожарные посты оказались на местах. Сбор групп самозащиты составил от 50 до 85% в сроки 6-10 минут. Настроение было хорошим, боевым. В то же время проверка выяснила, что при оповещении «Воздушная тревога» население в укрытия не идет. Они были заполнены на 5%. Медленно собиралась Медико-санитарная служба (МСС): до 45 минут, причем медсестер групп усиления явилось чуть больше 10%[2].

По воспоминаниям Е. С. Лагуткина, начало артиллерийских обстрелов города 4 сентября 1941 г. усложнило задачу его защиты, так как предупредить население о них не представлялось возможным. На специальном совещании Военного Совета Ленфронта у К. Е. Ворошилова было принято решение изменить тактику МПВО: приучить население к способам борьбы с очагами поражений от артобстрела, способам укрытий от поражения воздушной взрывной волны. Стали менять остановки трамваев и входы в магазины, изучив направления выстрелов, начали помечать наиболее опасные стороны улиц. Возникло санитарное патрулирование, к которому привлекали подвижные отряды лечебных заведений и санитарный резерв из студентов вузов. Патрульную службу несли группы МПВО по 3-4 человека, оснащенные медикаментами и носилками[3].

14 сентября 1941 г. в Таврическом дворце состоялся общегородской митинг комсомольцев города и фронта, посвященный обороне Ленинграда. Митинг транслировался всеми радиостанциями СССР[4].

В тот же день, 14 сентября, решением С.З. Ленгорисполкома весь приписной автотранспорт был передан в распоряжение органов МПВО. Приказом МПВО №031 от 19 сентября 1941 г. весь водительский состав переводился на казарменное положение, транспорт включался в боевой расчет, хозяйства отвечали за оплату труда водителей, ремонт техники, обеспечение горючим[5].

---

1 Там же. Л. 25.
2 Там же. Л. 22, 23.
3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 67. Л. 68.
4 *Ежов В. А.* Идет война народная, священная война // Слово о комсомолии Ленинграда. Краткие очерки из истории Ленинградской организации ВЛКСМ / сост. З. М. Иванова, Л. Р. Клецкий. – Л.: Лениздат, 1965. С. 212.
5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 33. Л. 51.

Своевременность учений и высокий уровень подготовки команд привели к тому, что первые массированные бомбардировки и артобстрелы группы МПВО и противопожарной защиты выдержали успешно. Но 26 сентября 1941 г. при осуществлении спасательных работ на территории Гостиного Двора были выявлены существенные недостатки: медленные темпы расчистки завалов, простои механизмов. Из 12 человек, извлеченных из-под обломков, один подавал признаки жизни после 4-суточного пребывания под завалом. Это позволило заместителю начальника УНКВД ЛО И. И. Иванову прийти к выводу, что при оперативных действиях удалось бы спасти большее количество людей[1].

В то же время, по данным Е. С. Лагуткина, в сентябре 1941 г. медико-санитарные формирования Ленинграда приходили на помощь пострадавшим в течение 5 минут (22% санитарных звеньев самозащиты), 10 минут (медсанроты, скорая помощь, санитарные звенья самозащиты, дружины Красного Креста). В октябре это время увеличилось, но для большинства формирований осталось в пределах 20 минут[2].

17 сентября 1941 г. постановлением ГКО было введено обязательное военное обучение мужчин от 16 до 50 лет. Используя опыт Гражданской войны, было решено создать районные военно-учебные пункты (ВУПы) Всевобуча, а на заводах заводские пункты. В районных ВУПах руководили подготовкой инструкторы Добровольных спортивных обществ (ДСО). Горвоенкомат привлек профессоров и студентов Института физической культуры им. Лесгафта: Коха, Дементьева, Минина, Налимова, Китаева и других. ГК ВЛКСМ организовал сбор учебного оружия, пособий и плакатов. Оружием помог и Осоавиахим[3].

25 октября 1941 г. горком ВКП(б) принял решение о выделении военным комиссаром Ленинграда т. Ф. Ф. Расторгуевым городскому отделу народного образования 37 командиров запаса для организации военного обучения в школах[4].

Помогая военкоматам, комсомольские организации участвовали в выявлении лиц, подлежащих обучению военным специальностям, и в организации военного обучения молодежи. Работало 26 военно-учебных пунктов, где до начала марта 1943 г. прошло обучение 20 154 чел. молодежи и 5668 комсомольцев. На предприятиях военное обучение производилось в соответствии с профилем предприятия: на заводе им. К. Маркса готовились минометчики, а в комсомольском

---

1 Там же. Л. 70.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 67. Л. 69.

3 *Стариков И. Н., Четвериков Б. Д.* Три года всевобуча в Ленинграде. – Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1944. С. 14–15. [Имеется электронный ресурс].

4 Постановление бюро Ленинградского горкома ВКП(б) о начале учебного года в школах г. Ленинграда (25 октября 1941 г.) // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 235.

противопожарном полку – истребители танков[1].

Необходимость укрепления частей ПВО и МПВО сказалась на принятии постановления ГКО от 9 ноября 1941 г. №874сс «Об усилении и укреплении противовоздушной обороны территории Союза»[2]. С 10 ноября с целью предупреждения возможности подслушивания донесения об артобстреле и бомбардировке города штабами МПВО Ленинграда стали передавать шифром. Оперативный дежурный штаба МПВО Ленинграда имел позывной «Искра»[3].

Недостаток мужчин призывного возраста в начале 1942 г. привел к массовому призыву девушек и женщин, в первую очередь из частей МПВО. Одновременно происходила реструктуризация МПВО.

В соответствии с постановлением ГКО от 21 февраля 1942 г. №1320с «О перерегистрации паспортов у граждан, проживающих в режимных местностях, запретных зонах и пограничной полосе Союза ССР, и наклейке на них контрольных листков»[4] проходила перерегистрация паспортов в Ленинграде, которая выявила недостаток мужского населения призывного возраста.

На 15 января 1942 г. в командах МПВО г. Ленинграда состояло 15 782 чел. младшего начальствующего и рядового состава. Из них 470 чел. в возрасте 18 – 34 года, 6 622 чел. в возрасте 35 – 45 лет, 8 690 чел. в возрасте 46 – 50 лет. На 19 февраля 1942 г. в личном составе участковых команд МПВО состояло 11 359 чел., из них 391 чел. в возрасте старше 51 года[5].

15 февраля 1942 года было принято постановление ГКО №1288сс «О призыве в Красную Армию военнообязанных в возрасте до 45 лет, зачисленных в местные команды МПВО»[6], а 25 марта 1942 года вышло постановление ГКО №1488сс «О мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО», на основе докладной записки Е. А. Щаденко, М. С. Громадина А. Н. Поскребышеву[7].

Накануне, 3 марта 1942 г. вышло постановление Ленинградского горкома ВКП(б) об организации всеобщего обязательного военного обучения трудящихся (второй очереди) и подготовке специалистов в г. Ленинграде. Каждый комсомолец должен был стать отличником военного обучения, овладеть одной из военных специальностей: пулеметчика, минометчика и др.[8] Решением Военного Совета Ленфронта от 6 марта 1942 г. № 00707 «Об усилении готовности г. Ленинграда

---

1 Отчет горкома ВЛКСМ о военной работе городской комсомольской организации за период с июля 1941 по март 1943 г. (7 марта 1943 г.) // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 101.

2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 170.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 33. Л. 87.

4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 238.

5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 34. Л. 41–43.

6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 233.

7 Там же. С. 265.

8 Об организации всеобщего обязательного военного обучения трудящихся (второй очереди) и подготовке специалистов в г. Ленинграде // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 650.

к противохимической защите» в формирования и команды МПВО начался призыв женщин с 18 до 30 лет, на общих основаниях с военнообязанными, в первую очередь в формирования Красного Креста[1]. Таким образом, с марта 1942 года началась добровольная мобилизация девушек на фронт и во флот, согласно постановлениям ГКО №№1488сс, 1703сс. Для девушек-комсомолок такая мобилизация была обязательной[2].

К мобилизации в Ленинграде был подключен ГК ВЛКСМ. 9 апреля 1942 г. появилось Постановление Военного Совета Ленфронта № 00797 о покрытии некомплекта рядового и младшего начальствующего состава частей ПВО, согласно которому Ленинградский горком ВЛКСМ должен был отобрать в добровольном порядке 1000 женщин-комсомолок в возрасте от 18 лет и направить на пополнение частей ПВО Ленфронта. Освобождаемых мужчин направить на укомплектование боевых расчетов[3].

В апреле – мае 1942 года происходила массовая замена в тыловых частях военнослужащих мужчин женщинами в соответствии с постановлениями ГКО от 13 апреля 1942 г. №1595сс «О замене во фронтовых, армейских и запасных частях связи и тыловых узлах связи красноармейцев [мужчин] женщинами» и от 18 апреля 1942 г. №1618сс «О замене в тыловых частях и учреждениях ВВС Красной Армии военнослужащих мужчин женщинами», от 5 мая 1942 г. №1703сс «О мобилизации девушек-комсомолок и некомсомолок-добровольцев в Военно-морской флот»[4]. 24 апреля 1942 г. вышло еще одно постановление Военного Совета Ленфронта № 00832 «О выявлении качественного состояния мобилизационных ресурсов военнобязанных и пополнении частей фронта», в соответствии с которым следовало призвать 3000 военнообязанных в возрасте до 45 лет из приписанных к МПВО и пополнить части МПВО взамен их женщинами[5].

27 апреля 1942 г. на совместном бюро ОК и ГК ВЛКСМ рассматривался вопрос об итогах мобилизации. Поскольку многие девушки были взяты с рабочих мест, был организован сбор на предприятиях Ленинского, Фрунзенского и Октябрьского районов белья для мобилизованных девушек. Предлагалось военному отделу ГК ВЛКСМ установить и поддерживать связь с мобилизованными[6].

В течение десяти дней марта 1942 г. было мобилизовано в МПВО 7943 женщины, в том числе 5898 чел. – молодежи, из них 1374 чел. – комсомолок. За год, к марту 1943 г., число

---

1 Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть 1 (август 1941 г. – март 1942 г.). Сб. документов / отв. сост. К. А. Болдовский – СПб.: Нестор-История, 2023. С. 468–472.

2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 265, 310.

3 Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть II (апрель – декабрь 1942 г.) Сб. документов / отв. сост. К. А. Болдовский – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2024. С. 50.

4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 294, 289, 310.

5 Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть II (апрель – декабрь 1942 г.). С. 84.

6 Протокол №40, п.7 от 29.04.1942 // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598^{к}. Оп. 3. Д. 20. Л. 24. Рассекречено 04.10.2017.

комсомолок увеличилось до 5962 чел., из них были выбраны помощники комиссаров по комсомолу батальонов МПВО. 300 комсомолок были выдвинуты на должности начальников и помощников начальников кварталов, 596 комсомолок-отличниц преподавали спецпредметы бойцам МПВО[1].

Организации деятельности ПВО и МПВО в Ленинграде посвящался в 1942 г. ряд правительственных документов. 5 апреля 1942 г. вышло постановление ГКО №1544сс «О реорганизации Бакинского и Ленинградского корпусных районов ПВО». 29 апреля 1942 г. постановление ГКО №1677 о назначении Попкова П. С. членом Военного Совета Ленинградской армии противовоздушной обороны[2]. Постановлением ГКО от 27 апреля 1942 г. №1669сс «О защите гражданского населения» вся ответственность по защите гражданского населения на всех предприятиях снималась с Главного Военно-Химического Управления Красной Армии и возлагалась на МПВО НКВД. Из контекста документа ясно, что речь идет, прежде всего, о противохимической защите[3].

18 мая 1942 г. Ленинградским ГК ВКП(б), а вслед за тем, 23 мая Ленгорисполкомом было принято положение о группах самозащиты МПВО в домохозяйствах г. Ленинграда (опубликовано в июне 1942 г.)[4]. Выполняя это положение, райвоенкоматами к группам самозащиты было приписано 57 тысяч человек, а районными организациями Осоавиахима подготовлено 9563 командира[5].

21 мая 1942 г. вновь было принято постановление Военного Совета Ленфронта № 00887 «О мобилизации 1000 женщин для пополнения Ленинградской армии ПВО», в том числе 500 комсомолок. Уже 30 мая 1942 г. новый призыв женщин, на этот раз в участковые медико-санитарные команды МПВО. 23 июня 1942 г. новый призыв, согласно постановлению Военного Совета Ленфронта № 001001 «О призыве в армию 1500 женщин для пополнения частей Ленинградской армии ПВО»[6].

Людей все равно катастрофически не хватало. 7 августа 1942 г. вышло постановление Военного Совета Ленфронта № 001134 «Об усилении местной противовоздушной обороны и пожарной охраны г. Ленинграда». В соответствии с которым участковые команды МПВО были переформированы в батальоны, всего 35 батальонов во главе с командирами; были созданы штабы МПВО кварталов в составе 3 человек: участковый уполномоченный отделения милиции, два

1 Отчет горкома ВЛКСМ о военной работе городской комсомольской организации за период с июля 1941 по март 1943 г. (7 марта 1943 г.) // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 102.

2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 277, 304.

3 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 32. Л. 70; см. также: Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 303.

4 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №12 (29 июня). С. 6-7.

5 От МПВО к гражданской защите. С. 61.

6 Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть II (апрель – декабрь 1942 г.). С. 140, 158, 241.

приписных из батальона МПВО. К обязательному несению службы МПВО следовало привлечь все способное население Ленинграда от 14 до 60 лет[1]. В результате общая численность МПВО в Ленинграде во 2-ой пол. 1942 г. составила: 302 940 чел., из которых: 22 314 бойцов батальонов, 52 527 чел. в объектовых командах и 228 099 чел. в группах самозащиты. Всего в группах самозащиты должно было быть не менее 300 тысяч человек[2]. Поскольку речь идет об отрядах самозащиты гражданского населения, несмотря на военизированные названия, следует подчеркнуть статус этих лиц – некомбатанты.

В сборнике воспоминаний ленинградцев – учащихся ремесленных училищ системы «Трудовые резервы» есть замечательный очерк Виктора Николаевича Киршина, ленинградского тележурналиста и бывшего блокадного мальчишки, работавшего на заводе Макса Гельца в 1942 г., о подвиге девочки, работавшей и учившейся вместе с ним, Ганки Горб: «Хорошо помню день, когда начался сильный обстрел Петроградской стороны (…) Раздались крики: «Общага горит!» (…). И тут я увидел Ганку. Перемазана копотью, в обгоревшем платье она носилась по этажам, как сумасшедшая. То тащила по лестнице хныкающую девчонку, то выбрасывала из окон всякий скарб: шинели, мешки, фанерные чемоданы…Вот тащит на себе какого-то мальчишку, орущего во все горло, вот сбросила вниз охапку белья, ботинок. Еще одного парня выволокла во двор.

Прибыла машина с пожарными. Подключили воду. Полезли наверх. А Ганка уже распоряжается, командует, показывает пожарным, где тушить. Нет, никто из ребят не пострадал тогда. Одна Ганка обгорела малость, руки обожгла»[3].

Успех мероприятий по самозащите населения был обусловлен степенью готовности населения. Установка на организацию самозащиты населения в СССР была реализована через подготовку к обороне через систему Осоавиахима и Красного Креста. С этой целью за десять лет перед войной развернулось движение «Будь готов к труду и обороне» (комплекс был утвержден 11 марта 1931 года), первоначально охватившее все взрослое население СССР (мужчин с 18 лет и женщин с 17 лет). С 1934 года к нему были привлечены детские и юношеские коммунистические организации (пионерские и комсомольские), в которых развернулось перед войной движение «Будь готов к труду и обороне», по инициативе ЦК ВЛКСМ[4]. Это привело к тому, что в повседневном поведении ленинградцев деятельность отрядов самозащиты стала оцениваться как будничный героизм, что отразилось в публикациях газеты «Ленинградская правда». В подборке «Ленинградские дети», напечатанной в октябре 1942 г., приводились примеры будничного героизма детей 7–

1 Там же. С. 386–389.
2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 67. Л. 93, 94.
3 *Киршин В. Н.* Ганка // Блокадных дней резервы трудовые / сост. В. Н. Киршин, Т. М. Калайчева. – Санкт-Петербург: Знание, ИВЭСЭП, 2003. С. 110–111.
4 История ГТО [Электронный ресурс] // URL: https://user.gto.ru/history (дата обращения: 03.02.2023)

14 лет, случайно оказавшихся в зоне обстрела и не растерявшихся, сбрасывая «зажигалки», или оказывая помощь раненным[1].

Многочисленные рисунки детей, которые свидетельствовали о сохранении веры в победу даже в самые тяжелые периоды блокады, собирались ленинградскими педагогами под руководством кафедры дошкольного воспитания Педагогического института им. А. И. Герцена. Будничный героизм в блокадной повседневности способствовал преодолению депрессии, апатии, мобилизуя волю женщин и детей, позволял выжить.

Одно из многих произведений детского творчества, сохранившихся благодаря труду блокадных педагогов, может иллюстрировать данную установку у детей, стихотворение Ильи Фонякова (1935 г.р.), написанное в 1942 г.:

Боевая весна ленинградцев. Сила[2]

Пусть Гитлер на нас идет,
Ему не сломать ворот.
Ему не сломать ограды
Города Ленинграда.

Встают ленинградцы в ряды
Против фашистской орды.
Врагу в Ленинград не пройти,
Мы встанем ему на пути.

Дух стихотворения типичен для детских произведений этого времени в Ленинграде.

В то же время, вплоть до лета 1942 г. привлечение детей до 16 лет в отряды самозащиты городской прокуратурой рассматривалось как нарушение социалистической законности, нарушители выявлялись и наказывались в административном порядке. Так, в июне 1942 г. была проведена проверка военной прокуратурой состояния самозащиты в домохозяйствах. О выявленных существенных недостатках (так в документе) было доложено в Ленгорисполком. Отмечено, что в 65 домохозяйствах Куйбышевского района в группы самозащиты оказались зачислены 87 детей до 16 лет, а также инвалиды, больные и престарелые. Кроме того, из 1932 чел., приписанных в группы самозащиты: 1416 чел. работали, только 516 чел., домохозяйки, могли участвовать в сборах группы. Домохозяйства оказались, как правило, не обеспечены противопожарными и противохимическими средствами. Боевые посты не выставлялись, занятия по всевобучу не начались. Несмотря на объективный характер трудностей, по результатам проверки прокуратурой за уклонение от своих обязанностей по МПВО 12 человек были привлечены к административной

1 *Сюрко Е., Копосова М.* Работа медицинских сестер и положение детей в блокадном Ленинграде в освещении газеты «Ленинградская правда» за 1942 и 1943 год // Честь. Доблесть. Слава: связь времен (к 75-летию Великой Отечественной войны). – СПб.: Политехника-принт, 2018. С. 73–78. (по Ленинградская правда. – 1942. – 2 октября. – №234).

2 *Щукина Е. Л.* Очерки блокадных дней / редкол. Л. Б. Береговая, Е. Н. Дмитриева и др. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. С. 238.

ответственности, два человека к уголовной ответственности[1].

В 1943–1944 гг. ПВО и МПВО остаются в центре внимания ГКО и СНК СССР. Вышли постановления ГКО от 15 июня 1943 г. №3588сс «Об усилении ПВО важнейших промышленных центров, мостов и электростанций», от 16 июня 1943 г. №3592сс «О местной противовоздушной обороне» (о создании городских батальонов МПВО), от 29 июня 1943 г. №3660сс «Об улучшении управления частями и соединениями ПВО» (реорганизация системы ПВО и создание Западных и Восточных фронтов ПВО)[2]. Постановлением СНК СССР от 12 июля 1943 г. «О реорганизации формирований МПВО» утверждался порядок создания батальонов МПВО. В соответствии с постановлением ГКО от 16 июня 1943 г. №3592сс, приказом НКВД СССР от 21 июля 1943 г. на МПВО были распространены дисциплинарные уставные требования Красной Армии. Согласно Государственному плану развития СССР, утвержденному постановлением СНК СССР от 3 июля 1943 г., на МПВО выделялось 67,5 млн. рублей[3].

9 июля 1943 г. начальником гарнизона Ленинграда был издан приказ о необходимости строгого выполнения правил поведения по сигналу «Воздушная тревога» и при артобстрелах, устанавливалось пешее медико-санитарное патрулирование, которое осуществляли звенья сандружинниц МПВО[4].

Осенью 1943 г., по инициативе Б. В. Бычевского, начальника Инженерного управления Ленинградского фронта, Военный Совет фронта принял решение об обучении разминированию девушек, мобилизованных на строительные работы и в МПВО[5].

Привлечение в армию женщин, в том числе из личного состава МПВО, продолжалось и в 1944 г. Были приняты постановления ГКО от 16 мая 1944 г. №5907с «О призыве в армию 25 000 женщин-добровольцев» (для замещения вспомогательных должностей)[6], и от 24 августа 1944 г. №6454сс «О передаче НКВД СССР личного состава городских частей местной противовоздушной обороны»[7]. Наряду с призывом женщин, начал снижаться призывной возраст: 25 октября 1944 года вышло постановление ГКО №6784сс «О призыве на военную службу призывников 1927

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 57. Л.114, 115.
2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 277, 813, 829.
3 От МПВО к гражданской защите. С. 72, 73.
4 Там же. С. 75.
5 *Бычевский Б. В.* Город-фронт. – Л., 1967. С. 314. Здесь уместно вспомнить о сестре моей матери, Ильиной Надежде Михайловне, которой в сентябре 1943 г. исполнилось 22 года. Она работала в это время в бухгалтерии завода «Арсенал». В ноябре 1943 г. вместе с другими девушками с «Арсенала» она была призвана на Ленинградский фронт и прошла войну сапером-разминером. Призыв был неожиданным, так что в течение нескольких дней семья не знала о ее местонахождении, а она не могла передать им продовольственные карточки, взятые утром с собой.
6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 2: 1944–1945. С. 315.
7 Там же. С. 483.

года рождения»[1].

В 1944 году, несмотря на снятие блокады, ПВО Ленинграда остается в центре внимания ГКО: были приняты постановления от 29 марта 1944 г. №5507сс «Об усилении противовоздушной обороны Ленинграда» и от 30 апреля 1944 г. №5758с «Об обеспечении водородом частей аэростатного заграждения г. Ленинграда»[2].

С 4 по 7 июля 1944 г. в Москве проходила Вторая инженерно-техническая конференция МПВО, на которой генерал-лейтенант В. В. Осокин указал, что МПВО являются единственной реальной организацией, способной восстановить необходимую часть городского хозяйства после освобождения города. Аварийно-восстановительные отряды МПВО разбирали завалы; подрывали угрожающие обвалом здания; делали капитальный ремонт жилых и общественных зданий (бань, больниц и т. п.); восстанавливали водопровод, канализацию, электросеть, линии связи, трамвайные линии, железные дороги в черте города; восстанавливали и строили командные пункты, газоубежища и укрытия, мосты и эстакады; восстанавливали и ремонтировали промышленные дороги, промышленные здания и сооружения; обезвреживали авиабомбы, снаряды; разминировали[3].

Выдающаяся роль частей Ленинградской МПВО в спасении города от уничтожения была отмечена Указом Президиума ВС СССР о награждении орденом Красного Знамени МПВО г. Ленинграда от 2 ноября 1944 г. Одновременно 447 солдат, сержантов и офицеров МПВО были удостоены орденов и медалей. Ранее, летом 1943 г., весь личный состав МПВО Ленинграда был одним из первых награжден медалью «За оборону Ленинграда»[4].

За период Великой Отечественной войны погибло:

- при выполнении заданий 345 чел., пропало без вести 20 чел., умерло от голода, болезней и ранений 3 458 чел. личного состава МПВО г. Ленинграда.

- при исполнении служебного долга 308 чел., пропало без вести 210 чел., умерло от голода, болезней и ранений 1 593 чел. личного состава пожарной охраны Ленинграда[5].

24 декабря 1944 г. постановлением ГКО №7205сс «О реорганизации фронтов ПВО и передислокации штабов фронтов ПВО» 2 гвардейский ленинградский авиационный корпус ПВО и 96 район авиационного базирования передавались в состав Центрального фронта ПВО[6].

---

1 Там же. С. 580
2 Там же. С. 182, 279.
3 От МПВО к гражданской защите. С. 84.
4 Бойцы города-фронта. Воспоминания ветеранов войск МПВО Приморского района Ленинграда. 1942–1945 гг. – СПб., 2007. С. 6, 7, 16.
5 Забвению не подлежит: сборник / сост. А. П. Изам, Т. В. Пыженкова, Я. В. Прокопчик. – СПб.: Нестор-История, 2015. С. 206.
6 Бойцы города-фронта. С. 676.

Наряду с подвигом бойцов МПВО, выдающуюся роль в защите Ленинграда сыграли отряды самообороны: народного ополчения, артиллерийско-пулеметные батальоны и истребительные отряды, организованные из неподлежащих мобилизации добровольцев Ленгорисполкомом и райисполкомами на средства, выделенные из городского бюджета.

27 июня 1941 г. Военный Совет Северного фронта принял постановление о формировании в Ленинграде армии добровольцев и обратился в Ставку Верховного Главнокомандования (ВГК) с просьбой разрешить создать такую армию в составе 7 дивизий до 100 тысяч человек. Разрешение было получено. 29 июня начали работу районные комиссии по отбору добровольцев. 30 июня началось формирование Ленинградской армии народного ополчения (ЛАНО). Все вопросы ее формирования, снаряжения и обучения решал Военный Совет армии, разместившийся в бывшем Мариинском дворце на Исаакиевской площади[1].

Постановлением ГКО от 4 июля 1941 г. №10 была объявлена добровольная мобилизация трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения. В тот же день 4 июля 1941 г. было принято постановление Ленинградского ГК ВКП(б) за подписью А. А. Жданова о формировании ЛАНО (пр. 46, п.12) на добровольных началах в 200 тысяч человек (15 дивизий по 12-13 тысяч человек). Данное решение было запротоколировано Руководящей комиссией тем же днем. Дивизия должны была состоять из трех стрелковых полков, роты связи, автороты, медсанбата, подразделений самокатчиков и минеров. Укомплектование начальствующего состава полка следовало производить за счет командиров запаса, начсостава выше полка – за счет кадрового состава Красной Армии силами Ленинградского военного округа (ЛВО). До 6 июля секретари райкомов ВКП(б) должны были отобрать добровольцев из числа передовых рабочих, служащих и студентов в возрасте от 18 до 50 лет.

Здесь же были сформулированы основные задачи райкомов ВКП(б) и райисполкомов: организация народного ополчения, оборонительного строительства, МПВО, трудовой повинности, работы оборонных предприятий и предприятий, перешедших на мобилизационный план, агитационно-пропагандистской работы в связи с войной и вопросы эвакуации (протокол №3)[2].

4 июля было также принято решение издавать ежедневную газету «На защиту Ленинграда» (Орган Военного Совета ЛАНО, тиражом 30 тыс. экземпляров)[3].

Постановлением ГКО отряды ополчения фактически получили статус отрядов самозащиты:

---

1 *Крюковских А. П.* Ленинградское ополчение. – СПб.: Вести, 2006. С. 14–16*; Скворцов, В. Н., Тарасов М. Я., Фролов М. И*. Ленинградский военный округ. Ленинградский фронт в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. С. 29. Впервые постановление ВС СФ от 27 июня 1941 г. было опубликовано В. И. Демидовым (Звезда. – 1987. – №1. – С. 92).

2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч.I. С. 31, 123; Ленинград в осаде. С. 30–31.

3 Там же. С. 136.

их обеспечение осуществлялось из средств местного бюджета, за ними сохранялись рабочие места и заработная плата. Всего летом 1941 г. с разрешения СНК РСФСР на обеспечение народного ополчения было выделено из местного бюджета 8 млн. рублей, или около 80 рублей на человека, из расчета 100 тысяч бойцов[1]. Вероятно в связи с этим, 10 июля 1941 г. распоряжением А. А. Кузнецова ГК ВКП(б) было категорически запрещено собирать денежные средства в фонд народного ополчения[2]. Обеспечение ополчения за счет местного бюджета было отменено только постановлением ГКО от 9 апреля 1942 г. №1567с, которым части народного ополчения были приравнены к частям Красной Армии.

Формирование частей самозащиты встречало не только материальные трудности: из отобранных добровольцев значительная часть отзывалась обратно на предприятия, либо временно задерживались на них. К 6 июля 1941 г. была сформирована 1 дивизия, всего 10 858 чел., но снаряжение получили только 50-60% бойцов. У них отсутствовала тактическая подготовка. С такими же трудностями столкнулись 2 и 3 дивизии, соответственно 9210 чел. и 10 058 чел. Однако на 8 июля 1941 г. в ЛАНО было отобрано 101 037 человек[3].

13 июля 1941 г. ГК ВКП(б) принял решение, за подписью Л. М. Антюфеева, А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, с целью подготовки резервов для ЛАНО организовать во всех районах Ленинграда боевые подразделения: батальоны, роты, взводы и проводить военное обучение рабочих, служащих и ИТР без отрыва от производства, ежедневно по два часа. Ответственность возлагалась на Военсовет ЛАНО с привлечением кадров Осоавиахима и начальствующего состава запаса по районам. Особое внимание следовало обратить на подготовку специалистов: самокатчиков, гранатометчиков, минеров, истребителей танков. Всю материальную часть (учебные винтовки, гранаты, пулеметы, наглядные пособия) брали на учет райкомы ВКП(б), распределяя по подразделениям[4].

Несмотря на недостаточную подготовку, из-за создавшейся критической обстановки полки 1 дивизии народного ополчения были подняты по тревоге и выступили на Лужские рубежи уже 10 июля 1941 г. навстречу врагу. 14 июля к ним присоединились полки 2 дивизии, а 15 июля бойцы 3 дивизии выступили в Красногвардейский укрепленный район. 21 июля на фронт отправилась 4 дивизия народного ополчения (4 267 чел.)[5].

Кроме того, было создано *14 пулеметно-артиллерийских батальонов*, в основном из рабочих, техников, инженеров заводов Балтийского, Адмиралтейского, «Большевик»; завода по обработке цветных металлов, V ГЭС, студентов и преподавателей Ленинградских вузов и техникумов,

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 103, 104.
2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч.I. С. 135.
3 *Крюковских А. П.* Ленинградское ополчение. С. 25–26.
4 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч.I. С. 143.
5 *Крюковских А. П.* Указ. соч. С. 29-30, 36.

служащих, всего 14 255 чел. Незначительное количество в них составляли ветераны Гражданской войны, командиры запаса. Несмотря на недостаток вооружения и подготовки, с 12 по 19 июля они также выступили на рубежи обороны в районе Петергофа и Красного Села.

Одновременно из числа ополченцев, а также бойцов НКВД и пограничников *шло формирование истребительных полков для борьбы с диверсантами в тылу*. 14–15 июля 1941 г. шесть истребительных полков были отправлены за линию фронта, им предстояло стать ядром партизанского движения. Как пишет А. П. Крюковских, при переброске отсеивалось от 15 до 20% больных, пожилых людей и инвалидов, осталось около 4 тысяч из 6 600 чел.

Всего на фронт было отправлено за три недели 54,5 тысячи человек[1].

25 июля 1941 г. было принято решение ГК ВКП(б) дополнительно сформировать четыре дивизии к 1 августа 1941 г., в том числе две гвардейские из добровольцев трудящихся Ленинграда, отобрав для них 50 человек партийного актива для усиления политического влияния[2].

Всего с 30 июня по 26 августа на защиту города выступили 95 тысяч ополченцев, в том числе 5120 чел. из районов области: Новгорода, Боровичей, Павловска, Лодейного Поля[3]. Несмотря на то, что в основном это были плохо обученные, вооруженные и голодные люди, решительность и любовь к родному городу позволили им задержать наступление врага до подхода необходимых резервов, перебрасываемых Ставкой ВГК[4].

Постановлением ГК ВКП(б) от 20 августа 1941 г. «Об организации обороны города Ленинграда» был учрежден *Военный Совет Обороны Ленинграда*. Одновременно вышел приказ главнокомандующего Северо-Западным направлением об организации обороны Ленинграда, утверждавший штаб обороны в составе генерал-майора А. И. Субботина (комендант Укрепленного района [далее УР]), полковника К. А. Антонова (начальника штаба УР), Л. М. Антюфеева (военного комиссара). Кроме названных лиц в состав Военного Совета постановлением ГК ВКП(б) были введены: А. А. Кузнецов, Я. Ф. Капустин и П. С. Попков. Штаб ЛАНО объявлялся штабом обороны Ленинграда. Этим же постановлением было решено сформировать из трудящихся города еще 150 отрядов ЛАНО общей численностью до 90 тысяч человек, в которые включить женщин и подростков на добровольных началах[5].

---

1 Там же. С. 31 – 35.

2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч.I. С. 165.

3 *Крюковских А. П.* Ленинградское ополчение. С. 44

4 Всего в 1941 г. с 10 июля до конца сентября Ставкой Верховного главнокомандования было дополнительно направлено под Ленинград 26 дивизий: 17 стрелковых и 9 кавалерийских (по *Скворцов В. Н., Тарасов М. Я., Фролов М. И.* Ленинградский военный округ. Ленинградский фронт в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. С. 61).

5 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч.I. С. 235. Приказ главковерха был опубликован ранее. (по 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 54–56).

Постановление хорошо известно исследователям и стало одним из ключевых в развернувшейся дискуссии об организации обороны Ленинграда. Оно было подвергнуто справедливой критике И. В. Сталиным 22 августа 1941 г. во время переговоров по аппарату Бодо, среди других замечаний, обратившим внимание на то, что в планах обороны города отсутствует использование артиллерии. Он также заметил, что Ворошилов и Жданов фактически отстранялись от руководства обороной Ленинграда[1].

К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов отвечали, что в обороне Ленинграда используются 379 орудий, а также 48 зенитных пушек и 89 орудий береговой артиллерии и кораблей Балтийского флота в Красногвардейском укрепленном районе (УР)[2]. Однако это замечание не удовлетворило Сталина.

Приход Балтийского флота в Кронштадт 30 августа 1941 г. изменил положение с обеспечением обороны Ленинграда артиллерией и авиацией. Уже днем 31 августа, начальник артиллерии Красной Армии, ген.-полк. артиллерии Н. Н. Воронов докладывал ему о том, что артиллерия Ленинградского фронта имеет 1780 орудий, кроме того 629 противотанковых орудий и 1402 миномета, включая 50 морских орудий 130 мм и 13 орудий 152-180 мм в Красногвардейском УР. В это число вошли 451 орудие, 239 противотанковых орудий и 543 миномета на Карельском перешейке. Отдельно были указаны 868 зенитных орудия и большое количество корабельной и береговой артиллерии[3]. В шифровке Н. Н. Воронов подробно остановился на недостатках боевого использования артиллерии во взаимодействии с пехотой, в том числе, обратив внимание на тот факт, что противотанковая артиллерия «часто оставляется нашей пехотой, а противник, зная это, обходит орудия группами автоматчиков и свободно выбивает орудийные расчеты»[4]. Утром того же дня о наличии на Ленинградском фронте 384 исправных самолетов: 304 истребителя и 80 бомбардировщиков, а также 171 неисправных, подлежащих ремонту, докладывали начальник Главного управления ВВС РККА ген.-лейт. П. Ф. Жигарев и уполномоченный ГКО Г. М. Маленков[5].

Несмотря на изменения, в целом можно было сказать о недостаточной осведомленности руководителей обороны Ленинграда. 30 августа 1941 г. Военный Совет обороны Ленинграда был упразднен, его функции, включая вопросы организации и вооружения ополченцев, перешли к Военному Совету Ленинградского фронта. 1 сентября 1941 г. ВС Ленфронта был отдан приказ о

---

1 *Болдовский К. А., Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. // Новейшая история России. – 2014. – №1 (09). С. 276–279.

2 Там же. С. 277.

3 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 492. Л. 46. Опубликован: Оборона Ленинграда. 1941–1945. Документы и материалы / Отв. ред., авт., вступ. ст. А. К. Сорокин. – Москва: Политическая энциклопедия, 2019. С. 107-109.

4 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 492. Л. 47.

5 Там же. Л. 45. Документ не опубликован.

формировании еще двух дивизий народного ополчения не позднее 8 и 12 сентября. В результате были развернуты 5, 6 и 7 дивизии, общей численностью около 24 990 чел., защищавшие ближние подступы к городу. 18 сентября 6 дивизия была включена в состав 42 армии[1].

Всего же в июле – сентябре 1941 г. на фронт, по подсчетам А. П. Крюковских, выступили из Ленинграда 135 400 чел. в составе 10 дивизий народного ополчения, 7 истребительных батальонов, 16 отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов, 7 маршевых батальонов. Из этого же состава формировались партизанские отряды. Уже после отправки на фронт по разным причинам были отчислены тысячи людей, но, в то же время, в состав ополчения влилось около 30 тысяч человек, мобилизованных горвоенкоматом и имевших начальную военную подготовку. Вся же численность ополчения составила около 145 тысяч человек[2]. Большинство из них обучались военному делу в перерывах между боями. Полосу укреплений для них строили ленинградцы, в основном женщины, учащиеся старших классов школ 16-18 лет, студенты, часто также под огнем противника[3].

Таким образом, основной стратегией в области организации гражданской обороны являлась активная самозащита населения. Это отражалось и в эволюции правовых институтов, регулировавших деятельность МПВО, ПВО, ПВХО, и в риторике политических руководителей, и в самодеятельности ленинградского населения, оценивавшего эту деятельность как повседневный, будничный героизм. Такой будничный героизм отражался в рисунках детей и демонстрировал сохранение веры в победу и способности преодолеть депрессию даже в самые тяжелые периоды блокады.

Активное участие гражданского населения в формировании отрядов самозащиты свидетельствовало о поддержке большинством населения Советской власти. Следует отметить плотное взаимодействие союзных и республиканских органов власти и управления с органами местной исполнительной власти. В экстремальной обстановке решение многих вопросов осуществлялось с учетом опыта и предложений со стороны местных органов власти.

Несмотря на то, что оперативное решение многих первоочередных вопросов сопровождалось порой конфликтами, как внутри местных исполнительных органов власти, так и с представителями центральных властных структур, – коллегиальный характер выработки решений и инспекторские проверки способствовали сохранению устойчивости всей системы властных

1 *Крюковских А. П.* Указ. соч. С. 59, 60, 61.
2 Там же. С. 77-78.
3 Там же. С. 100. С одной из этих дивизий 8 сентября 1941 г. ушел на фронт мой дед Михаил Федорович Ильин, погибший в январе 1942 г. под Колпино.

отношений в критической ситуации. Это заметно по «разруливанию» конфликтных ситуаций с ленинградским руководством. В то же время социально-психологический конфликт, силовое давление, известные как приемы характерные для политики сталинизма, имели место и становились факторами скрытого напряжения, переживаемого длительное время.

В организации самозащиты населения и народного ополчения ведущая роль отводилась местным органам советской власти, а также общественным организациям: ВЛКСМ и ЛГК Красного Креста, которые опирались на поддержку ОК и ГК ВКП(б). В чрезвычайной обстановке с 22 июня 1941 по апрель 1942 гг. финансирование питания, денежное довольствие отрядов самообороны в основном легло на местный бюджет. В то же время эффективное использование этих отрядов могло осуществляться только в составе действующей армии.

В апреле 1942 г. члены некоторых отрядов самозащиты (народное ополчение, истребительные отряды) были приравнены по статусу к военнослужащим действующей Красной Армии. На семьи лиц, служивших в отрядах самозащиты, распространились льготы, в том числе денежное довольствие и пенсии, имевшиеся у семей красноармейцев.

6.2. Общие вопросы организации здравоохранения в условиях войны и блокады Ленинграда

В период войны и блокады задачи оказания медико-санитарной помощи гражданскому населению, стоявшие перед учреждениями здравоохранения в г. Ленинграде, осложнились чрезвычайными условиями. Согласно мобилизационным планам, отделы здравоохранения и образования Ленгорисполкома отвечали за то, чтобы сформировать и обеспечить кадрами, необходимыми медикаментами, эвакуационные госпитали для военной медицины в тылу. В то же время сохранялись задачи: обеспечения медицинскими кадрами, необходимыми медикаментами, медицинскими учреждениями, как амбулаториями, так и стационарами, гражданское население; борьбы с эпидемиями и эпизоотиями, в том числе санитарно-гигиеническое просвещение и обучение населения с целью снижения жертв от эпидемических и эпизоотических заболеваний. Появились новые задачи: организация профессиональной медицины в условиях расширения трудового контингента за счет инвалидов войны и труда, женщин и подростков, а также охрана детства и материнства. Особой важности были задачи противоэпидемической борьбы во время эвакуации гражданского населения из Ленинграда, на что нацеливалась медико-санитарная служба (МСС) эвакопунктов, которую осуществляла «Скорая помощь», и борьбы с последствиями поражений при воздушных бомбардировках и артиллерийских

обстрелах, с чем справлялась служба МСС МПВО.

Анализом организации здравоохранения, сильных и слабых его мест, в период блокады занималось Научно-методическое бюро санитарной статистики Ленгорздравотдела (директор, профессор, д.м.н. З. З. Шнитникова), с целью усовершенствования организационной работы. Научная система организации здравоохранения и использование в полном объеме административного ресурса центральных и местных органов власти дали определенный результат. Ленинградский городской отдел здравоохранения в период войны возглавлял проф., к.м.н. В. С. Никитский, с 17.04.1942 г. проф., д.м.н. Ф. И. Машанский. В то же время для организации помощи населению были привлечены общественные организации: профсоюзы и Ленинградское отделение Общества Красного Креста (председатель Л. Н. Левитская).

Институционализация здравоохранения в период войны. Основные вопросы медицинского обслуживания населения регулировались постановлениями СНК СССР и РСФСР, приказами по Наркомздравам СССР и РСФСР, выходившими в 1941–1945 гг. Оба наркомата, согласно Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г., имели союзно-республиканский статус, что на практике означало их интеграцию. Оба наркомата возглавлял Г. А. Митерев, подписывая приказы в зависимости от их административного назначения.

Перед самой войной вышли постановление СНК РСФСР от 23 января 1941 г. «О врачах сельских врачебных участков»[1] и приказ Наркомздрава СССР от 24 мая 1941 г. №222, а также временное положение о детском враче города и рабочего поселка (к приказу Наркомздрава СССР №222)[2]. Целью которых было улучшение медицинского обслуживания населения СССР и РСФСР.

Укреплению штатов и сети лечебно-профилактических учреждений здравоохранения посвящался приказ НКЗ СССР от 29 июля 1942 г. №393 «О создании медсанчастей на крупных предприятиях оборонного значения», в соответствии с которым уже к 1943 г. было создано 15 медсанчастей в Ленинграде[3]. Решению этих же вопросов подчинялось постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 декабря 1942 г. №1974 «О повышении заработной платы медицинским работникам»[4].

23 июля 1943 г. было принято постановление СНК СССР №810 «Об утверждении типовых штатов медицинского и административно-хозяйственного персонала городских и сельских

---

1 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Правовая политика Советского государства в области охраны здоровья населения (1940–1950). – СПб.: РИЦ ПСПбГМУ, 2017. С. 208.

2 Педиатрия. – 1941. – №7–8. С. 110–112; №9–10. С. 62–63.

3 *Свешников А. В.* Здравоохранение Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 г.г. Дисс…к. м. н. – Л., 1964. С. 11.

4 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Указ. соч. С. 209.

больниц, детских яслей, родильных домов и сельских амбулаторий». Согласно которому для городской больницы общего типа с наличием 100 коек полагалось 60,5 ставок медицинского персонала, из которых 7 врачебных, в сельских больницах, соответственно: 53,5 ставки, из которых 5 врачебных. Утверждались также штаты для сельских амбулаторий, городских и сельских яслей и родильных домов[1].

В 1944 г. внимание к усовершенствованию медицинского обслуживания населения не ослабело. Вышли Постановление СНК СССР от 13 февраля 1944 г. №155 «Об упорядочении нормирования труда и повышении заработной платы рабочих и инженерно-технических работников химико-фармацевтических и фармацевтических предприятий Наркомздрава СССР и Наркомздравов союзных республик»[2] и Постановление СНК РСФСР от 3 марта 1944 г. №177 (Д) «Об улучшении медицинского обслуживания населения», затем Приказ НКЗ РСФСР от 31 марта 1944 г. №28 «По улучшению качества медицинского обслуживания населения через больнично-поликлиническую сеть»[3]. Подготовке медицинских кадров посвящалось Постановление СНК СССР от 1 декабря 1944 г. №1642 «О мероприятиях по улучшению подготовки врачей»[4].

Какие основные вопросы решались учреждениями здравоохранения в г. Ленинграде в период войны?

Летом – осенью 1941 г., согласно имеющимся мобилизационным планам, на отделы здравоохранения и образования Ленгорисполкома легло формирование и оснащение тыловых эвакуационных госпиталей, при этом необходимые работы кредитовались из средств местного бюджета. Проекты и сметы по этим работам начали составляться еще в феврале 1941 г.[5] Обеспечение работы тыловых госпиталей оставалось в центре внимания органов управления здравоохранения в Ленинграде.

В то же время основной задачей медицинских учреждений Ленгорздравотдела (далее ЛГЗО) была борьба за жизнь и здоровье гражданского населения Ленинграда, оказавшегося в тяжелейших условиях блокады и эвакуации. Решение этой задачи включало несколько вопросов.

Во-первых, нужно было наладить обеспечение медико-санитарными средствами. В обеспечении необходимым медицинским имуществом и препаратами важную роль сыграл тот факт, что в Ленинграде продолжали работать 30 предприятий химико-фармацевтической и медико-инструментальной промышленности, имелись запасы медицинского имущества аптечного склада Ленинградского городского аптекоуправления. В блокадном кольце были и полевые армейские

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 216. Л. 346–353.
2 Там же. Д. 223. Л. 65–77.
3 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Указ. соч. С. 210.
4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 238. Л. 384–392.
5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 1. Л. 65–68.

санитарные склады 23 и 8 армии, а также отделение основного санитарного склада Ленинградского фронта, находившегося в Вологде[1].

Уже 22 августа 1941 г. вышло постановление ГКО №561 сс от «Об организации производства препарата “С”» на основе докладных записок М. Г. Первухина к В. М. Молотову, И. А. Бенедиктова к А. А. Андрееву[2]. Соответственно, в октябре 1941 г. бюро Ленинградского ГК ВКП(б) приняло решение о налаживании выпуска витамина «С» из хвои. Техническое руководство было возложено на профессора Всесоюзного научно-исследовательского витаминного института (ВНИВИ) А. Д. Беззубова. До к. 1941 г. было изготовлено ок. 3 млн. человеко-доз хвойного настоя. В 1942 г. их количество увеличилось до 32 млн. Опытным производством ВНИВИ за 1941–1942 гг. было также изготовлено 235 тыс. ампул с аскорбиновой кислотой, 52 тыс. ампул с витамином B_1, 42 тыс. ампул с никотиновой кислотой и др.[3]

9 августа 1942 г. появилось постановление СНК СССР №1348 «О производстве провитамина «А»-каротина»[4], позволившее активизировать борьбу за сохранение здоровья населения.

В условиях блокады ряд необходимых медикаментов (эфир, хлороформ, хлорэтил, стрептоцид, глюкоза, пирамидон, сульфидин, фенацетин, аскорбиновая кислота и др.), по решению ГК ВКП(б), производился немедицинскими предприятиями[5]. 19 января 1942 г. было принято постановление бюро ГК ВКП(б) о выпуске 15 кг препарата фенамина научно-исследовательскими институтами: фармацевтическим, жиров и пластмасс[6].

Для преодоления дефицита медико-санитарных средств, по решению ГК ВКП(б) было предложено Ленгорисполкому изъять скопившиеся, по разным причинам, к 27 сентября 1941 г. в пакгаузах и на складах железных дорог 9, 173 т медикаментов и аптекарских товаров. 10 февраля 1942 г. бюро ГК ВКП(б) постановило передать Ленинградскому областному аптекоуправлению находившиеся в неразгруженных вагонах ОЖД аптекарские товары, общим весом 1187 кг[7]. Решением ГК ВКП(б) от 16 февраля 1942 г. «О работе аптекоуправления» было предложено вернуть из Вологды со склада №71 эвакуированные ранее медикаменты: витамин «С», глюкозу, сердечные, противогриппозные и жаропонижающие средства[8].

В то же время был налажен промышленный выпуск противодизентерийных,

---

1 *Будко А. А., Гегелашвили В. И., Лапин В. П., Нагибович А. Р., Стасевич В. С.* Медицинское снабжение и военная фармация Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. – СПб.: ВМедА, ВММ МО РФ, 2001. С. 29–30.

2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 123.

3 *Соболев Г. Л.* У Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. – М. –Л.: Наука, 1966. С. 73–78.

4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 204. Л. 277–281.

5 *Хромов Б. М., Свешников А. В*. Здравоохранение Ленинграда. Краткий исторический очерк. – Л.: Лениздат, 1969. С. 102.

6 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 568.

7 Там же. С. 316, 595.

8 Там же. С. 566–567.

бактериальных и других иммунных препаратов Ленинградским институтом вакцин и сывороток. Медикаменты растительного происхождения разрабатывались и выпускались в промышленных количествах Ботаническим институтом АН СССР. Продолжали производиться хирургические инструменты, лечебно-диагностическая аппаратура на Ленинградском медико-инструментальном заводе «Красногвардеец»[1]. Это позволило по ледовой дороге вывезти более 200 т хирургического инструмента, электростанций, санитарных сумок, более 5 т сывороток и вакцин для иммунизации воинских контингентов, св. тонны консервированной крови, средства против обморожения и противоэпидемические[2].

Сохранение острой нехватки самых необходимых медикаментов вызвало постановление ГКО от 23 июля 1943 г. №3797 «О производстве и поставке перевязочных средств»[3]. Дальнейшее укрепление медицинской промышленности связано с постановлением ГКО от 8 октября 1944 г. №6666 «О поставке химического сырья, материалов и изделий для медицинской промышленности, эвакогоспиталей и лечебной сети Наркомздрава СССР в IV квартале 1944 г.»[4]. Вероятно, потребность в расширении производства вызвала постановление СНК СССР от 12 июня 1944 г. №708 «О повышении цен на аптекарские товары», согласно которому цены на аптекарские товары повышались в среднем на 30%, в розничной продаже с 1 августа 1944 г., а отпускаемые лечебно-профилактическим учреждениям с 1 января 1945 г.[5]

Во-вторых, необходимо было обеспечить санитарно-гигиенические условия медицинского обслуживания, труда, жизни и быта населения. Тяжелая зима 1941–1942 гг. привела к резкому ухудшению медицинского обслуживания населения в Ленинграде, прекращению работы аптек. Исправлению данного положения было посвящено решение Ленгорисполкома об итогах работы в I квартале и плане развития городского хозяйства на II квартал 1942 г. от 20 апреля 1942 г. В плане на первом месте стояли мероприятия по ремонтно-восстановительным работам в лечебных учреждениях, улучшению санитарных условий расширением пропускной способности бань, прачечных и парикмахерских, восстановления водопроводных сетей и канализации и очистки города от мусора и нечистот[6].

24 декабря 1942 г. вопрос о внебольничном обслуживании населения обсуждался на

---

1 *Хромов Б. М., Свешников А. В*. Указ. соч. С. 102, 103.

2 Военно-автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. С. 241.

3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 878.

4 Там же. Т. 2: 1944–1945. С. 534.

5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 229. Л. 62–63.

6 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.]; [составители *И. М. Сапронов, Н. Ю. Черепенина* (отв. составитель)]. – СПб.: Арт-Экспресс, 2017. С. 114–117.

заседании Ленгорисполкома. О результатах обследования ряда городских поликлиник (№№38 и 9 Смольнинского, №№31 и 34 Петроградского, №№26 и 27 Октябрьского районов) докладывал И. П. Виноградов, председатель постоянно действующей комиссии по здравоохранению Ленгорисполкома. Он отмечал, что, несмотря на временное отступление летом, в декабре 1942 г. вернулась дистрофия. Бедственным было состояние медицинского персонала, в значительной степени страдавшего дистрофией и нуждавшегося в госпитализации. Не болели только молодые врачи и медсестры, командированные в Ленинград из Иваново на три месяца и оставшиеся в блокадном городе. Однако проблемой командированных медработников стало отсутствие теплых вещей и обуви. Врачи ходили по квартирам, оказывая помощь, в рваной обуви с мокрыми ногами. Медсестрам вещи были выданы за счет умерших больных, с разрешения ЛГЗО. Проблемой оставалось и недостаточное питание. В то же время для госпитализации даже медработников не хватало коек, так как среди госпитализированных преобладали хронические больные, инвалиды, которых следовало размещать в домах инвалидов за счет горсобеса. Необходимо было экспертное обследование больных. Важную помощь в квартирном обслуживании больным продолжало оказывать Ленинградское отделение Общества Красного Креста, работая во взаимодействии с поликлиниками. Так, дружинницы Московского района помогали осуществлять постельный режим одиноким больным, осуществляя их обслуживание на дому[1].

12 августа 1943 г. вышло решение Ленгорисполкома «О ходе подготовки к зиме лечебных учреждений города» (пр. №96, п. 4-з)[2].

Одним из важных направлений работы органов здравоохранения в области санитарии и гигиены является санитарное просвещение. Необходимости агитационно-массовой работы по борьбе с эпидемическими, заразными заболеваниями среди населения посвящался специальный приказ НКЗ СССР от 12 ноября 1941 г. №58[3]. Ведущими учреждениями страны в этой области являлись Центральный научно-исследовательский институт санитарного просвещения, во главе с Е. Г. Кармановой, и Всесоюзная государственная санитарная инспекция, во главе с А. Я. Кузнецовым[4].

Помимо борьбы с сыпным и возвратным тифами, малярией, гриппом, дизентерией, профилактическими мероприятиями, важное место в санитарно-просветительной работе занимала профилактика пищевых отравлений и борьба с септической ангиной, распространявшейся из-за употребления в пищу перезимовавшего в поле зерна. Такое зерно через заготовительные пункты

1 Там же. С. 398–408.
2 Бюллетень Ленгорсовета. – 1943. – №16 (31 августа). С. 4-5.
3 Педиатрия. – 1942. – №1-2. С. 60-61.
4 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Указ. соч. С. 35–38.

свободно обменивалось на доброкачественное и поступало для изготовления спирта[1]. Серьезной проблемой пищевые отравления некачественной мукой стали в блокированном Ленинграде. Уже 6 июля 1942 г. в Ленгорисполком поступила записка уполномоченного ГКО, Наркома здравоохранения СССР Г. А. Митерева о необходимости проведения разъяснительной работы с населением об опасности использования зерна, пролежавшего в течение зимнего периода. Септические ангины проявлялись высокой температурой и опуханием шейных желез, протекали остро, давая большую смертность. Эффективным лечением их было питание доброкачественным хлебом[2].

В-третьих, обеспечить кадрами медицинские учреждения города. В отчете горздравотдела в плановую комиссию Ленгорисполкома о работе за период с 1 июля 1941 по 1 января 1943 гг. отмечалось сокращение до 43% обеспеченности врачами в результате мобилизации в Красную Армию и смертности. Так, с 1 января по 15 марта 1942 г. умер 61 врач в сети ЛГЗО[3]. Кадры восполнялись студентами III – IV курсов медицинских вузов Ленинграда, а также Москвы, Иванова и других городов. Всю войну в Ленинграде работали Первый и Второй мединституты, педиатрический институт, до апреля 1942 г. – стоматологический, до декабря 1942 г. – химико-фармацевтический институты, до ноября 1941 г. – Военно-медицинская и Военно-морская медицинская Академии. Из 175 выпускников мединститутов, оставленных для работы в городе, 12 врачей пришли в 1943 г. в Детский сектор ЛГЗО[4].

Следует заметить, что, если количество врачей с 1 июля 1941 г. к 1 января 1942 г. сократилось на 48%, с 6 500 чел. до 3 379 чел., то количество медсестер в период войны менялось незначительно: с 12 000 чел. в июле 1941 до 11 245 чел. в январе 1942 (на 6,3%)[5]. Вероятно, это стало одним из факторов повышения роли медсестер в оказании помощи на дому в 1943 и 1944 гг. [6] (Таблицы 25 и 28).

Более точные сведения о динамике кадрового состава ЛГЗО можно получить из статистических показателей, сданных в НКЗ СССР (выборка сделана по кадрам, работавшим с детьми). Из Таблицы 26 видно, что врачей, окончивших вузы в период войны, за 1941–1944 гг. пришло 959 чел., большинство из них в 1941–1942 гг. Число женщин среди врачей постоянно росло: в 1941 г. их было 73%, в 1942 г. – 79%, в 1943 г. – 80%, а в 1944 г. – 81% от общего числа. В 1943–1944 гг. занятых должностей средним медперсоналом было меньше, чем наличных людей, в то

1 Там же. С. 36–37.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 52.
3 Там же. Ф. Р-2076 (Плановая комиссия исполкома Ленинградского Городского Совета). Оп. 4. Д. 54. Л. 131.
4 Протокол №26 заседания партийного бюро Ленгорздравотдела от 23 ноября 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 11. Л. 131, 132, 134.
5 ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 131.
6 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 6, 7,8; Д. 804. Л. 2, 4; Д. 962. Л. 2,5; Д. 1115. Л. 2,5.

же время среди них имелось медсестер со средним специальным образованием в 1942 г. только 50,5%, а в 1943 г. – 54,1%[1]. В ряде случаев нехватка медсестер восполнялась привлечением к работе студентов медицинских институтов[2].

В-четвертых, обеспечить осуществление врачебно-трудовой экспертизы и реабилитации инвалидов. С 1942 г. появились требования по обязательной трудовой занятости инвалидов III группы, а также прорабатывалась возможность реабилитации и включения в общественное производство инвалидов II и I группы[3]. Постановлением СНК СССР от 1 июля 1943 г. №714 «Об отмене инструкции Наркомздрава СССР от 29 июля 1942 г. "О порядке определения инвалидности членов колхозов, единоличников и членов их семей"», был изменен порядок определения инвалидности у граждан, занятых сельскохозяйственным производством[4].

5 декабря 1942 г. вышло постановление СНК СССР №1936 «Об утверждении Положения о врачебно-трудовых экспертных комиссиях [ВТЭК]»[5]. ВТЭК были необходимы не только для определения группы инвалидности, но также из-за широкого распространения женского и подросткового труда на промышленном производстве. В военных условиях произошло снижение требований по охране труда при работе в кессонах и на других производствах, связанных с риском для жизни трудящихся. В то же время, постановлением СНК СССР от 18 августа 1942 г. №1389 был расширен список профессий с вредными условиями труда[6], рабочим которых, в качестве компенсации, полагалось дополнительно к основному отпуску 12 рабочих дней[7].

Несмотря на существенные трудности, *организация медицинской помощи в осажденном Ленинграде являлась одним из существенных факторов снижения смертности населения.* Анализ ежегодных статистических отчетов, представленных в Наркомздрав СССР Ленгорздравотделом за 1941–1944 годы, позволяет выявить количество больных, обратившихся за медицинской помощью в сеть ленинградских больничных и амбулаторных учреждений и получивших ее в эти годы[8]. Используя эти данные и количественные показатели городского управления по учету выдачи продовольственных и промтоварных карточек ленинградскому населению[9], можно определить удельный вес населения г. Ленинграда, получившего бесплатную квалифицированную

1 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6.. Д. 633. Л. 11, 11об; Д. 804. Л. 7, 7об; Д. 962. Л. 10, 10 об, 11; Д. 1115. Л. 10 об, 11. [Подсчитано мной на основе статистических отчетов ЛГЗО в НКЗ СССР. – Л.Г.]
2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-257. Оп. 2. Д. 4. (Протоколы общего партийного собрания 1 ЛМИ. 8 января 1942 – 21 декабря 1942). Л. 19 об.
3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 204. Л. 17–19.
4 Там же. Д. 216. Л. 181.
5 Там же. Д. 208. Л. 251–257.
6 Был включен ряд профессий по работе с сернистым газом.
7 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 204. Л. 354.
8 Там же. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 6, 7, 8; Д. 804. Л. 2, 4; Д. 962. Л. 2, 5; Д. 1115. Л. 2, 5.
9 Ленинград в осаде. С. 192, 234, 347.

медицинскую помощь за период обороны Ленинграда.

В Таблице 28 приведено количество лиц, получивших медицинскую помощь в 1941–1944 годах, в том числе динамика удельного веса больных, получивших медицинскую помощь, от общего количества гражданского населения. Из данных полученных анализом медицинской статистики видно, что ленинградскому населению оказывалась необходимая медицинская помощь как амбулаторно (в среднем 1,4 посещения медперсоналом на дому каждого ленинградца в самом тяжелом 1942 году, 2,2 раза – в 1943 году), так и в стационарах (16 % населения в 1942 г. и 25 %, каждый 4-й, в 1943 году). Несмотря на недостаток врачебных кадров, в 1942 г. 71% всех посещений на дому больных осуществлялся врачами. В 1943 и 1944 гг. возросла роль среднего медицинского персонала в таких посещениях: 48 и 44 %%, соответственно (подсчитано мной по данным таблицы 28). Тогда же возобновилась работа по вызовам бригад «Скорой помощи»: в 1943 г. они оказали помощь 22 500 чел., а в 1944 г. уже 58 902 чел. За 1941 и 1942 гг. данные о такой работе «Скорой помощи» в отчетах ЛГЗО в НКЗ СССР отсутствуют. Деятельность «Скорой помощи» по вызовам превратилась в важнейший фактор предупреждения психосоматических расстройств и общего укрепления организма[1].

Важное место в спасении людей занимало стационарное лечение. За весь 1941 г., включая мирный период, 324 525 чел. находились на излечении в стационарах, проведя в среднем 16,6 койко-дней. За 1942 г. стационарное лечение получили 250 648 чел., проведя в среднем 31,8 койко-дней. В 1943 г. такое лечение получили 161 088 чел., проведя в среднем 38,6 койко-дней. В 1944 г. в стационарах лечилось 195 765 чел., проведя в среднем 24,5 койко-дня. В целом количество поступавших в стационары в 1942–1943 гг. уменьшалось, а проведенное ими время увеличивалось. (Таблица 27)[2].

С началом войны в подчинение Наркомздрава СССР перешли клиники вузов и научно-исследовательских институтов. В результате общее число больниц выросло: с 77 в 1941 г. до 112 (по некоторым сведениям – 114) в 1942 г. Оно оставалось высоким вплоть до 1944 г., несмотря на значительную эвакуацию населения.

Следует также обратить внимание на то, что больным оказывалась разнообразная высококвалифицированная помощь специалистами, которые работали под научно-методическим руководством со стороны ведущих ученых с мировым именем. Так, в блокированном Ленинграде работали профессора М. К. Петрова, Н. И. Озерецкий, Г. Ф. Ланг, В. А. Вальдман, И. И. Джанелидзе (начальный период войны), А. А. Лимберг, М. В. Черноруцкий и многие другие. В городе

1 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 6, 7, 8; Д. 804. Л. 2, 4; Д. 962. Л. 2, 5; Д. 1115. Л. 2, 5.
2 Там же.

находились и продолжали действовать крупнейшие мировые научно-исследовательские центры: Ленинградский научно-исследовательский институт переливания крови, Ленинградский научно-исследовательский институт восстановительной хирургии, травматологии и ортопедии, Ленинградский государственный научно-исследовательский нейрохирургический институт Наркомздрава РСФСР, Научно-исследовательский невро-психиатрический институт им. В. М. Бехтерева, ВНИВИ, Ленинградский институт эпидемиологии и микробиологии имени Пастера, Ленинградский научно-исследовательский институт вакцин и сывороток Наркомата здравоохранения СССР[1], а также Центральный институт акушерства и гинекологии Наркомздрава СССР, Ленинградский научно-практический институт скорой помощи, при которых работали клиники. С их помощью удалось добиться снижения смертности ленинградцев и сохранения у выживших состояния «физиологического оптимума», позволившего ленинградской интеллигенции заниматься продуктивной творческой работой в послевоенный период.

А. Р. Дзенискевич выделял четыре основных направления исследовательской работы ленинградских медиков в условиях блокады: поиски методов спасения людей, социальные аспекты заболеваний, проблемы военной и гражданской инвалидности, санитарное состояние города[2]. В современных научных исследованиях в области здравоохранения продолжает уделяться значительное внимание вопросам выживания в блокадном Ленинграде, специфике болезней и реабилитации здоровья у людей, переживших блокаду, и их потомства[3].

П. Ф. Гладких в своем исследовании приводит сравнительные данные по уровню госпитализации заболевших ленинградцев в 1941–1944 гг. За 1940 г. в среднем этот уровень составлял 11,2%, за 1941 г. он практически сохранился, составив 11,3%, за 1942 г. снизился до 9,6%, а в 1943 г. превысил довоенный и составил 15,1%, объясняя рост госпитализации высвобождением коек, в связи с массовой эвакуацией населения[4]. В то же время, в статистических отчетах НКЗ СССР отмечено сокращение коек в Ленинграде на 2 658 на конец 1943 г. по сравнению с 1942 г. В 1944

---

1 *Давыдова Т. В.* Здравоохранение и медицинская наука Ленинграда в годы Великой Отечественной войны // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей. – СПб.: Изд-во СПбГМУ. 2015. С. 36–49.

2 *Дзенискевич А. Р.* Деятельность медиков-исследователей в блокированном Ленинграде // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект: Материалы международной научной конференции / редкол. Дж. Д. Барбер, А. Р. Дзенискевич (отв. ред.), И. М. Козлов, Н. Ю. Черепенина. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2001. С. 16–28.

3 *Симоненко В. Б., Магаева С. В.* Основы выживания в блокадном Ленинграде с позиции саногенеза // Клиническая медицина. – 2014. – №2. С. 5–14; *Эрман М.В., Эрман Л. В., Первунина Т. М.* Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда: взгляд сквозь годы // Вестн. С.–Петерб. ун-та. Сер. 11. – 2014. – Вып. 3. С. 232–242; *Хорошинина Л. П.* Особенности соматической патологии у людей старших возрастных групп, переживших в детстве блокаду Ленинграда. Автореф. дисс. на соиск…д.м.н. – СПб., 2002.

4 *Гладких П. Ф.* Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941–1944 гг. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. С. 62.

г. уровень госпитализации несколько уменьшился, хотя оставался выше довоенного, охватив 13,4% из заболевших, хотя количество коек сократилось еще на 3022, составив на конец года 22 880 коек[1].

Количество лиц, получивших медпомощь в Ленинграде, указанное в статотчетах, имевшихся в НКЗ СССР, с учетом посещения больных медперсоналом, приведено в таблице 28. За 1941 г. число лиц, получивших медпомощь: 5 162 тыс., в 1942 г.: 2 531 тыс., в 1943 г.: 1 584 тыс. Количество посещений ленинградцев на дому врачами и средним медперсоналом в удельном отношении к населению Ленинграда за весь 1941 год было выше, чем в 1942 г., соответственно 150% к 98%. Но в 1943 г. это отношение начало расти и составило 209%, а в 1944 г. – 452% к численности населения в этот период. Росло и количество лиц, которым была оказана медицинская помощь «Скорой помощью»[2].

Согласно анализу, проделанному П. Ф. Гладких, в период войны, как и в довоенный, наибольший уровень госпитализации был характерен для больных со злокачественными новообразованиями (от 84,7% в 1940 г. до 100% в 1943 г.). Резко вырос в период войны уровень госпитализации больных с психическими расстройствами: если в 1940 г. он составил 59,1%, то в 1941 г. уже 89,1%, а в 1943 г. 97,4%. После снятия блокады уровень госпитализации этих больных резко снизился и составил за 1944 г.: 34,7%. Необходимо отметить тяжелое протекание язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки в 1943 г., что сопровождалось госпитализацией 80,3% больных. Из заболевших алиментарной дистрофией в 1941 г. госпитализировали 52,5%, в 1942 г. всего – 9,9%, а в 1943 г. – 40,2%. Низкие данные за 1942 г., приводимые исследователем, видимо следует объяснить широким распространением заболевания. В 1944 г. из заболевших дистрофией госпитализировали только 22,3%, что позволяет судить об облегчении степени тяжести болезни[3].

Интерес представляет *аналитическое обследование причин заболеваемости и смертности, состава госпитализированного населения и социального положения больных*, проводимое Научно-методическим бюро санитарной статистики Ленгорздравотдела (далее бюро) весь период войны[4]. Уже 7 октября 1942 г. на совещании в бюро был обсужден вопрос об изучении «связи изменений в состоянии здоровья населения с изменениями в жизни осажденного, крупного города, с динамикой санитарно-демографических показателей», выдвинутый проф. З. Г.

---

1 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 802. Л. 3; Д. 962. Л. 3; Д. 1115. Л. 3.

2 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 6, 7,8; Д. 804. Л. 2, 4; Д. 962. Л. 2,5; Д. 1115. Л. 2,5. Данные статистических отчетов НКЗ СССР несколько ниже внутригородских (см., например, *Гладких П. Ф.* Указ. соч. С. 58).

3 *Гладких П. Ф.* Указ. соч. С. 62.

4 Состав больных, госпитализированных в стационарах системы НКЗ в Ленинграде, ноябрь 1942 // ЦГА СПб. Ф. Р-9713. Оп. 1. Д. 100. Л. 31.

Френкелем, имевшим дореволюционный опыт работы, в том числе во время Первой мировой и Гражданской войн в России. Несмотря на опасения возможных репрессий, связанных с запретами на изучение демографии в военный период, была создана статистическая группа, которая приступила к работе. К декабрю 1942 г. были разработаны материалы, характеризующие особенности смертности различных возрастно-половых групп населения в январе и мае 1942 г., была проведена работа по медицинской разметке врачебных свидетельств о смерти, в том числе принципы разметки по диагнозам врачебных свидетельств о смерти, при определении основной причины смерти, составлен обзор санитарно-демографического состояния и здравоохранения Ленинграда за первый год войны, собран научный материал и проведены совещания, обсуждавшие научно-методические и практические вопросы[1].

Важнейшим результатом работы группы стала разработка статистических сведений о составе больных, госпитализированных в стационары системы Наркомата здравоохранения (НКЗ) СССР города Ленинграда, по состоянию на 4 ноября 1942 г., 13-00 час., согласно данным однодневной проверки. Было обследовано 106 стационаров (8 – непосредственно подчинявшихся НКЗ, и 98 – в ведении ЛГЗО), в которых на момент обследования находилось 19 745 больных, в том числе 4 062 чел. детей от 0 до 15 лет, 652 чел. от 60 лет и старше. Среди обследованных стационаров: 64 для взрослых и 14 для детей, занятых соматическими больными; 5 инфекционных для взрослых и 5 инфекционных для детей, 7 роддомов и 3 психиатрические больницы. (Таблица 30)[2].

Необходимо отметить, что в аналитический отчет бюро вошли 82% от 115 стационаров, имевшихся в декабре 1942 г. согласно статистическим отчетам ЛГЗО в НКЗ СССР. Следует предположить, что не были обследованы 6 стационаров из 14, находившихся в ведении НКЗ, учитывая, что в ведение НКЗ СССР в 1942 г. были переданы все стационары 10 НИИ и 4 вузов, находившиеся в Ленинграде[3]. (Таблица 27).

Около 73 % всех госпитализированных находилось в стационарах для соматических больных, из них 13% – в детских; ок. 8% – в инфекционных; 5,3% – в психиатрических. Большая часть коек использовалась как терапевтические. Треть соматических стационаров составляли 23 госпиталя, открытых в помещениях школ, гостиниц и других общественных зданиях, где находился 41% всех госпитализированных больных. Наиболее крупными по количеству госпитализированных были стационары при больнице им. Эрисмана 1 ЛМИ: 821 чел., больнице им. Куйбышева:

1 Записка заведующему Ленгорздравотделом тов. Ф. И. Машанскому на резолюцию от 30/XI – 1942 г. на отношение директора Педиатрического института проф. Менделевой к зам. председателя Ленгорсовета //.ЦГА СПб. Ф. Р-9713. Оп. 1. Д. 98. Л. 385–389.

2 Там же. Д. 100. Л. 1а, 22.

3 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 6, 7, 8; Д. 804. Л. 2, 4; Д. 962. Л. 2, 5; Д. 1115. Л. 2, 5.

568 чел., больнице им. 25 октября (ныне Мариинская): 502 чел. Больные старше 60 лет (1 652 чел.) составляли в этих больницах ок. 10% госпитализированных, в остальных – в среднем ок. 8%. Дети от 0 до 15 лет составляли 4 062 чел., или 20,6% от всех госпитализированных. 76% госпитализированных составляли женщины[1].

В результате обследования выяснилось, что больные дистрофией и авитаминозами продолжали занимать 47% в общей массе госпитализированных больных (всего 9 365 чел.), из них 18% составляли дети-дистрофики. Из всех госпитализированных в детских соматических больницах детей и подростков 74% имели диагноз дистрофия и авитаминоз (1 624 чел.)[2].

Около 8% лечившихся в стационарах составляли больные туберкулезом, находившиеся в специальных больницах и институтах. От всех госпитализированных больных острозаразными были 5,6% (1 108 чел.). 78% острозаразных взрослых госпитализировались в больницу им. Боткина, 70% острозаразных детей в детские инфекционные больницы. Всего же в детских инфекционных больницах находилось 490 чел., или 44% всех острозаразных. Причем среди госпитализированных в детские инфекционные больницы 32,3% пребывали в возрасте 20 лет и старше. Среди больных инфекционными заболеваниями: 27% (301 чел.) составляли больные паратифом (брюшным тифом), 20% дизентерией, 13% дифтерией, 0,4% (73 чел.) сыпным тифом. В родильных домах койки были на 53% заняты больными авитаминозами и дистрофией, причем 13% больных были 60 лет и старше, а 6 чел. были мужского пола. Более 2/3 больных находились на излечении более 15 дней[3].

Интересно сравнить эти данные с результатом анализа страховой статистики по больничным листам, приведенной в своем отчете уполномоченным по делам ВЦСПС П. Ф. Казаковым: по 19 обкомам профессиональных союзов заболеваемость по больничному листу на 1 застрахованного в среднем составила в 1941 г. 9,5 дней; в 1942 г. 23 дня, до ноября 1943 г. 9,3 дня. Формы наиболее распространенных болезней в процентном соотношении за 3-й квартал 1943 г. отмечались следующие (за 100% взяты все предъявленные больничные листы): 13% грипп [здесь и далее, в среднем], 15% дистрофия, 8% остро-желудочные инфекции, 4% производственные и 6,8% бытовые травмы. Отмечалось также, что на 1 октября 1943 г. в Ленинграде было зарегистрировано 26 080 чел. с активным туберкулезом (бациллярных), из которых 22 229 взрослых, 1929 подростков и 1922 чел. детей до 12 лет, не считая больных закрытой формой туберкулеза, в большинстве отличавшихся неустойчивым равновесием. (Таблица 31)[4].

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-9713. Оп. 1. Д. 100. Л. 3, 16, 22.
2 Там же. Л. 12, 13.
3 Там же. Л. 1а, 5, 7, 10, 11, 15.
4 Там же. Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 13. Л. 12, 13.

В то же время следует иметь в виду, что с июля 1941 г. по апрель 1942 года более 8 000 коек в гражданских лечебных учреждениях, в том числе в институтских клиниках и роддомах, были переданы под оперативные Наркомату обороны, а в Акушерско-гинекологическом институте все 350 коек. Вместо них были открыты стационары при Медико-санитарной службе МПВО: 9 565 коек; стационары для дистрофиков при заводах и учреждениях: ок. 4 000 коек; ок. 4 200 коек дополнительно в действующих больничных учреждениях[1]. Эти койки не могли быть обеспечены столь же высококвалифицированным медперсоналом. Недостаток врачебного персонала в сети медицинских учреждений, по оценке Ленгорздравотдела, составлял на 1 апреля 1942 г. 57%[2]. Резко снизилось финансирование больничных коек: более, чем в 2 раза (вместо 6 руб. до 2,5-3)[3]. В решении Ленинградского горкома ВКП(б) по финансированию стационаров для ослабевших граждан от 6 февраля 1942 г. устанавливалась плата за питание в стационарах в сумме 7 р. 75 коп. в сутки. Взимать плату должны были заведующие стационарами, а заведующему Ленгорфо И. В. Гужкову следовало проконтролировать правильное и своевременное взимание платы. Судя по приведенным данным ЛГЗО, эти деньги так и не поступали из кармана больных[4]. Возможность финансирования стационаров за счет профсоюзов не обсуждалась, видимо в связи с тем, что профсоюзы в Ленинграде в феврале 1942 г. практически бездействовали[5]. Все это могло стать факторами высокой летальности[6] в больницах от дистрофии в 1942 году. Даже после наиболее острой вспышки (в декабре 1941 – марте 1942 гг.) летальность по официальным данным составила в 1942 г.: 34,7% в июле, 30,9% в августе, 26,1% в сентябре[7].

Согласно отчету ЛГЗО о работе в апреле – октябре 1942 г., *задача борьбы с последствиями массовой дистрофии наиболее остро встала перед ЛГЗО в апреле – сентябре 1942 г.* Число больниц колебалось от 111 на 37 980 коек в апреле до 113 на 28 639 коек к 1 октября. В апреле 1942 г. было учтено 20 542 больных дистрофией, из них 12 835 чел. было помещено в больничную сеть Горздравотдела, 7 000 – в эвакогоспитальную систему ФЭП-50[8]. Около

---

1 Работа органов здравоохранения г. Ленинграда в период Отечественной войны с 1/VII 1941 по 1/I 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 128, 129.

2 Там же. Л. 131.

3 Там же. Л. 136.

4 Об утверждении сети стационаров для ослабевших граждан на февраль месяц 1941 г. // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 586. Выше писалось, что эту меру предложил А. Кузнецов.

5 О плохой работе профсоюзов в первой половине 1942 г. писал П. Ф. Казаков в своем отчете: Отчет о работе профсоюзных организаций города Ленинграда за период с июля 1942 года по ноябрь 1943 года // ЦГА СПб. Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

6 Летальность – процент умерших от поступивших на излечение.

7 Материалы о работе Ленгорздравотдела в дни Отечественной войны с 1 апреля по 1 октября 42 г. Продолжение // ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 19, 20.

8 ФЭП-50 – фронтовой эвакуационный пункт, которому подчинялись все лечебные учреждения Ленинграда и пригородов.

30% учтенных больных дистрофией, таким образом, госпитализировались уже в процессе эвакуации. Летальность больных составляла, по официальным данным, от 34,7% в июле 1942 г. до 26,1% в сентябре. С апреля 1942 г. с целью профилактики дистрофии была создана сеть диетических столовых усиленного питания, благодаря которым 65% из обслуживаемых повысили свой вес[1].

С 1 апреля 1942 г. по решению Продовольственной комиссии Ленфронта (протокол от 19 марта 1942 г. №8) суточные нормы питания в стационарах повышались (с погашением норм по продкарточкам), но контингент стационаров должен был сократиться на 9 285 чел., и составить 10 000 чел. Нормы на одного человека должны были составить: печеный хлеб – 400 г, мясо и мясопродукты – 50 г, крупа и макароны – 130 г, сахар – 60 г, жиры – 40 г, яйцо – 1/3 шт, пшеничная мука – 25 г, чай – 0,6 г, овощи – 20 г, молоко – 100 г, сухофрукты – 25 г, картофельная мука – 15 г[2].

Однако сохранение большого количества больных дистрофией заставляло изыскивать резервы для развертывания новых коек, вместо сокращения. Из письма П.С. Попкова к А. А. Жданову от 4 июля 1942 г. явствует, что 21 апреля 1942 г. было принято постановление бюро Ленинградского горкома ВКП(б) о госпитализации больных дистрофией III степени. По состоянию на 15 июня 1942 г. было госпитализировано 16 892 чел. В то же время еще 6 989 выявленных больных госпитализировано не было в связи с отсутствием коек. Постановлением Военного Совета Ленфронта от 7 мая 1942 г. за №00855 для госпитализации гражданских больных было предоставлено еще 7 000 коек в госпиталях Санитарного Управления Ленфронта (нач. Д. Н. Верховский). На 1 июля 1942 г. там находилось лишь 3 609 больных, так как на место выписавшихся новых больных не принимали. П. С. Попков просил полностью занять выделенные койки под больных дистрофией, что, вместе с вновь открываемыми 4 000 коек ЛГЗО в освобожденных помещениях детских домов, позволило бы полностью госпитализировать нуждающихся[3].

Общее число коек в стационарах для дистрофиков, открытых в 1942 году, по данным Научно-методического бюро санитарной статистики ЛГЗО, состояло из 7 707 коек на бюджете райздравотделов (больше всего в районах: Выборгском – 2 110 и Октябрьском – 1 333) и 8 071 коек при промышленных предприятиях (больше всего в районах: Московском – 1100 и Петроградском – 1 025). Всего 15 778[4]. Разница в показателях приведенных документов

1 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 15, 16, 19, 20, 21, 22.
2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 20. Л. 3.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 41–42, 48.
4 Там же. Ф. Р-9713. Оп. 1. Д. 136. Л. 50 – 51об.

может быть объяснена субъективными факторами.

Субъективный характер приобретала и проблема обеспечения больных питанием: включался человеческий фактор. Врачи порой сами покупали продукты больным. Феномен блокадного гуманизма превратился в нормативное поведение, давая себя знать и после окончания войны. О подобном поведении своего наставника Зинаиды Алексеевны Гастевой вспоминала ее ученица Нина Петровна Маслова[1].

На 1 января 1943 г. число больниц, включая детские, инфекционные и туберкулезные, но без психиатрических, составляло 112 учреждений на 30 199 коек[2].

В 1943 г. к борьбе с дистрофией и сорбутом подключились профсоюзы. При обследовании обкомами профсоюзов в 3-м квартале 1943 г. заболеваемости на предприятиях средней промышленности, швейной промышленности, обувной промышленности, завода им. Ленина[3] был выявлен сохранившийся высокий удельный вес дистрофии и сорбута (от 9 до 22,2% общей заболеваемости). В швейной промышленности эти болезни составляли около 58% от всей заболеваемости. Профсоюзами были организованы две здравницы для работающих на предприятиях подростков и школьников, нуждающихся по медицинским показаниям в отдыхе и лечении (с сентября 1943 г. в них отдыхало 7 659 чел.). Уполномоченным по делам ВЦСПС П. Ф. Казаковым отмечалась также необходимость налаживания работы с больными гипертонией и аменореей в закрытых амбулаториях на предприятиях, обеспеченных врачами, квалифицированными сотрудниками, оборудованием, физиотерапией[4].

Проблема распространения инфекционных заболеваний и борьбы с ними в блокированном Ленинграде и при эвакуации ленинградцев одна из наиболее дискуссионных. Предупреждение эпидемий становится основной задачей с началом военного периода 1941 года. Решению ее в Красной Армии было посвящено Постановление ГКО от 11 августа 1941 г. №462сс «О реорганизации Санитарного управления Красной Армии в Главное военно-санитарное управление Красной Армии»[5].

Начавшееся освобождение от врага временно оккупированной территории обнаружило распространение венерических заболеваний среди населения, а также тифа, туберкулеза и других инфекционных заболеваний. Советское правительство приняло срочные меры. 9 ноября 1941 г.

---

1 *Газиева Л. Л.* Жизнь, отданная людям…История одной семьи // Честь. Доблесть. Слава: связь времен (к 75-летию Великой Отечественной войны). С. 136.

2 Материалы о работе Ленгорздравотдела в дни Отечественной войны с 1 октября 1942 г. по 1 января 1943 г. Продолжение // ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 110, 111.

3 По заводу им. Ленина за 10 месяцев 1943 г.

4 Отчет о работе профсоюзных организаций города Ленинграда с июля 1942 года по ноябрь 1943 года // ЦГА СПб. Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 13. Л. 12, 13.

5 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 108.

был издан приказ НКЗ СССР «Об ознакомлении врачей и средних медицинских работников с необходимыми мероприятиями по предупреждению сыпного тифа»[1]. Уже 24 ноября 1941 г. вышло постановление ГКО №957сс о проверке всех женщин, поступивших в части и госпитали после их формирования, по докладной записке Наркома НКВД Л. П. Берия к И. В. Сталину[2]. Эвакуация в Сталинград, а также проезд через него, значительной части беженцев вызвала Постановление ГКО от 14 декабря 1941 г. №1030сс «О борьбе с эпидемическими заболеваниями в г. Сталинграде» по докладной записке Л. П. Берия к И. В. Сталину[3].

В 1942 г. борьба с эпидемиями мирного населения стала важнейшей задачей оборонной политики[4]. Согласно Постановлению ГКО от 2 февраля 1942 г. №1234с «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии» по докладной записке В. А. Баюкова Маленкову Г. М., за нарушение санитарного законодательства органы прокурорского надзора должны были привлекать нарушителей к уголовной ответственности[5]. Уполномоченным ГКО по противоэпидемической работе был назначен народный комиссар здравоохранения СССР Г. А. Митерев[6].

В связи с этим возник проект подчинить органы здравоохранения Ленинграда и Ленобласти Д. Н. Верховскому, начальнику Санитарного управления Ленфронта, о чем упоминает П. Ф. Гладких. Проект не был поддержан Военным Советом фронта[7]. 4 июня 1942 г. Д. Н. Верховский обратился с письмом к А. А. Жданову о неудовлетворительном состоянии противоэпидемической борьбы со стороны ЛГЗО. В секретной части Ленгорисполкома сохранился ответ на это письмо П. С. Попкова А. А. Жданову. В нем председатель Ленгорисполкома обосновал, что ЛГЗО успешно справляется с имеющимися объективными трудностями[8]. В то же время упоминается об очагах сыпного тифа, которые возникли в поселках: Шушары, Рыбацкое и др, являвшихся полковым и дивизионным тылами армии, где санитарно-эпидемиологические мероприятия проводились войсковыми санитарными организациями совместно с облздравотделом[9].

---

1 *Красноженова Е. Е.* Решение проблемы обеспечения медицинскими кадрами лечебных учреждений Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Современная научная мысль. – 2013. – №2. С. 67.

2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 181.

3 Там же. С. 192.

4 *Гладких П.Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944). С. 92.

5 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 225. См. также: *Комаров Н. Я.* «Государственный Комитет постановляет…»: Документы. Воспоминания. Комментарии. – М.: Воениздат, 1990. С. 148.

6 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Правовая политика Советского государства в области охраны здоровья населения (1940–1950). С. 33.

7 *Гладких П. Ф.* Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941–1944 гг. С. 36.

8 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 53 – 64об.

9 Там же. Л. 55.

Зимой 1942 года целая гроздь постановлений посвящалась проведению противоэпидемических мероприятий в Ленинграде. 30 января 1942 г. было принято постановление Ленгорисполкома и бюро ГК ВКП(б) о проведении противодизентерийных прививок в Ленинграде за период с февраля по май 1942 г. с охватом не менее 1 500 000 чел., используя штатный медперсонал лечебно-профилактических учреждений, дружины и актив Красного Креста, работников МСС МПВО и «Скорая помощь». С этой целью Институту вакцин и сывороток поручалось приготовить 13,5 млн. противодизентерийных таблеток и 10 тыс. литров противодизентерийного бактериофага[1]. 10 февраля 1942 г. вышло постановление Военного Совета Ленинградского фронта №00636 «О мероприятиях по борьбе с эпидемическими заболеваниями»[2]. 3 марта 1942 г. появилось распоряжение ГКО №1382сс «Об усилении противоэпидемической работы в войсках Красной Армии» с приложением (Штат санитарно-контрольного пункта Наркомата обороны)[3]. 1 апреля 1942 г. было принято постановление ГКО №1517 «Об уборке трупов вражеских солдат и офицеров и о приведении в санитарное состояние территорий, освобождаемых от противника»[4].

22 мая 1942 г. вышел приказ Наркомздрава СССР «О противоэпидемической работе городских поликлиник и амбулаторий и укреплении участковой территориальной системы медицинского обслуживания населения», согласно которому больницы обязаны были госпитализировать всех инфекционных и температурных больных. На крупных железнодорожных узлах создавались санитарно-контрольные пункты, расширилась сеть санитарно-пропускных пунктов, дезинфекционных камер и обсервационных пунктов. В поликлиниках была введена должность заместителя главного врача по противоэпидемической работе. В феврале 1942 г. был создан институт общественных санитарных инспекторов, при поликлиниках организовывались санитарно-профилактические бригады, куда входили и общественные инспекторы[5].

12 июня 1942 г. И. М. Аншелес, начальник противоэпидемического управления Ленгорздравотдела, докладывал партийному собранию первичной организации ВКП(б) о повышении заболеваемости дифтерией, брюшным тифом в детских учреждениях и командах МПВО в связи с нарушениями водоснабжения. Отмечалось распространение в детских учреждениях, поликлиниках и больницах сыпного тифа[6]. П. С. Попков писал в объяснительной записке, что к 13 июня 1942

---

1 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 580.

2 *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944). – М.: Медицина, 1985. С. 92.

3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 248.

4 Там же. С. 271.

5 *Хромов Б. М., Свешников А. В.* Здравоохранение Ленинграда. С. 113; См. также *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Указ. соч. С. 209.

6 Протокол №8 Общего собрания парторганизации Горздравотдела от 12 июня 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 6. Л. 49.

г. вода подавалась в 37,5% домов (3 464 строения), канализация действовала в 79% домов (7 654 строения)[1]. Борьбе с тифом, скарлатиной, дизентерией, дифтерией было посвящено постановление Ленгорисполкома от 27 июня 1942 г. №70, п. 27 «Об обязательных прививках против брюшного тифа, госпитализации при некоторых заразных заболеваниях и обязательной дезсанобработке»: о прививках детей с 2-х летнего возраста, обязательной госпитализации больных скарлатиной, дизентерией, дифтерией, брюшным и сыпным тифом, а также лиц, подозреваемых по заболеванию тифом, об административных мерах за уклонение[2].

К июлю 1942 г. было иммунизировано[3] против брюшного тифа 13 000 детей, находившихся в детских садах, что составляло 38% от имевшихся 34 514 чел.[4] В IV квартале 1942 г., согласно отчету ЛГЗО в Плановую комиссию исполкома, было привито около 62 тысяч детей в возрасте от 2 до 10 лет, что примерно соответствует количеству детей дошкольного и младшего школьного возраста, охваченных детскими учреждениями в этот период. Борьба с туберкулезом осуществлялась обеспечением усиленным питанием 50% круглосуточных мест в яслях[5].

Таким образом, нельзя согласиться с тем, что в Ленинграде отсутствовали эпидемии. Напротив, несмотря на принимаемые профилактические меры, в Ленинграде эпидемиологическая обстановка была тяжелой. Хотя В. С. Никитский полагал, что основной причиной смертности являлась дистрофия, однако в справке, подготовленной И. М. Аншелесом, содержатся данные о высокой летальности в Ленинграде от инфекционных заболеваний в 1942 году[6]. В ленинградских больницах в первом полугодии 1942 года наиболее высокой была летальность от брюшного тифа (в марте 40,1%), от дизентерии (в апреле 50,8%), от сыпного тифа (в марте 55,5%)[7], от кори (в апреле 79,7%), от скарлатины (в апреле 23,8%), от дифтерии (в феврале 70%). Следует заметить, что в мае 1942 г. летальность оставалась очень высокой от дизентерии (48,2%), кори (61,1%) и дифтерии (45,6%)[8]. Высокая смертность от дизентерии в Ленинграде, доходившая до 50% весной 1942 г., отмечалась и в отчете о противоэпидемических мероприятиях, осуществляемых Ленгорздравом[9].

---

1 Объяснительная записка П. С. Попкова на письмо Д. Н. Верховского к А. А. Жданову // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 55.

2 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №14. (31 июля). С. 3.

3 Использовался в качестве иммунного препарата против брюшного тифа бактериофаг.

4 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 7. Л. 61; ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 197 об.

5 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д.54. Л. 35, 119.

6 Летальность – удельный вес умерших от поступивших в больницу. В справке И. М. Аншелесом указан удельный вес от выбывших из больницы. В. С. Никитский возглавлял Ленгорздрав до 20 апреля 1942 г.

7 В феврале летальность составила 100% от выбывших, но их число было мало: 2 чел.

8 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 15.

9 Там же. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 195. Столь высокая смертность от дизентерии вызывает сомнения, так как эта болезнь редко завершается смертью. Поэтому сохранились аналитические отчеты, в которых связь между смертностью и дизентерией отрицалась. Вместо «дизентерия» употреблялось понятие «острая желудочно-

Необходимо заметить, что летальность госпитализированных больных была значительно ниже реальной смертности от этих заболеваний, так как лишь незначительная часть нуждавшихся в госпитализации оказывались в больницах. Об этом свидетельствует ряд документов. Так, в отчете Ленинградского комитета Общества Красного Креста (ЛК КК) указывалось, что за период с 1 по 15 мая 1942 г. актив и формирования Красного Креста выявили в обследованных 4 637 квартирах 12 446 больных, нуждающихся в госпитализации. Из них госпитализировали 2 644 чел. (21,3%). Трудности госпитализации были связаны с отсутствием коек, а также с транспортировкой больных дружинницами на носилках. Так, в Московском и Ленинском районах бывали дни, когда за день приходилось переносить до 50–70 чел.[1]

Употребление понятия «летальность» в научно-медицинской статистике в период блокады критиковалось проф. З. Г. Френкелем. Он отмечал, что, хотя под «летальностью» следует понимать отношение числа умерших к больным или лечившимся, в сводках главного патологоанатома ЛГЗО в годы войны под этим понятием подразумевалось нечто иное, скорее всего соотношение различных причин смерти у подвергшихся патологоанатомическому вскрытию[2]. Это замечание необходимо иметь в виду при изучении медицинской статистики смертности в период блокады и ее причин.

В связи с опасностью распространения инфекционных заболеваний в блокированном городе данный вопрос находился на постоянном контроле Ленгорисполкома, в который ежемесячно подавались отчеты о распространении острых инфекционных и особо опасных инфекционных заболеваний (оспа, чума, холера). В соответствии с решением, принятым на совещании противоэпидемического управления ЛГЗО еще 25 декабря 1941 г., проводились мероприятия по подготовке к проведению специфической иммунизации и фаготерапии дизентерии. По представлению ЛГЗО 30 января 1942 г. появилось постановление ГК ВКП(б) и Ленгорисполкома «О проведении противодизентерийных прививок в Ленинграде». К 10 марта 1942 г. Институтом вакцин и сывороток было приготовлено 4 035 410 штук противодизентерийных таблеток и 1000 л дизентерийного бактериофага. 27 июня 1942 г. было вынесено постановление Ленгорисполкомом «Об обязательных прививках против брюшного тифа». Согласно «Плану иммунизации населения Ленинграда против брюшного тифа в 1942 г.», разработанному НК здравоохранения РСФСР, иммунизация против тифа проводилась в три этапа[3].

кишечная инфекция», за которой могла скрываться особо опасная инфекция, сведения о которой не раскрывались.

1 Там же. Л. 5, 6.

2 Заключение проф. З. Г. Френкеля о представляемых главным патологоанатомом ежемесячных «справках» // ЦГА СПб. Ф. Р-9713. Оп. 1. Д. 136. Л. 12.

3 *Гладких П. Ф.* Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941–1944 гг. С. 157–159.

Всего с 1 апреля по 1 октября 1942 г. было вакцинировано около 1 166 000 чел. против дизентерии, 475 000 против брюшного тифа, 3 000 против сыпного тифа. Первый цикл иммунизации против дизентерии был завершен 5 апреля 1942 г. В ходе его было привито 1 140 587 чел., кроме того, 2 249 чел. были отведены от прививок по болезни. С 15 мая была начата иммунизация по 2-му циклу. К этому времени было восстановлено производство дизентерийного бактериофага: до 4 тыс. литров в месяц для раннего лечения дизентерии и его очагового и профилактического применения. Впервые предохранительные прививки были сделаны всем детям 2-8 лет против брюшного тифа. В IV квартале 1942 г. дополнительно было привито 149 тысяч чел. от кишечно-желудочных инфекций[1].

В апреле 1942 г. в Ленинград прибыла Военно-санитарная экспедиция особого назначения Главного военно-санитарного управления (ГВСУ) Красной Армии, возглавляемая военврачом 1-го ранга В. А. Горюшиным. Три отряда прибыли в апреле и четыре в июне 1942 г. В каждом отряде имелись пять взводов санинструкторов во главе с военфельдшером из Москвы, Рыбинска, Воронежа, Новосибирска и Чкалова. Всего: 8 врачей, 8 политработников, 35 фельдшеров, 1647 опытных санинструкторов. Экспедиция работала до августа 1942 г. Усилия данной экспедиции были направлены на ликвидацию санитарно-эпидемических последствий зимы 1942 г. в Ленинграде[2].

Несмотря на принятые меры, в городе сохранялось критическое положение, что вызвало решение Ленгорисполкома «Об усилении мероприятий по предупреждению в Ленинграде заболеваний сыпным тифом» от 11 августа 1942 г. (пр. №73, п. 13): об обязательных саносмотрах на вшивость рабочих и служащих 1–2 раза в неделю и санобработке и «Положение о работе санотрядов Ленинградского Городского Комитета Общества Красного Креста» от 12 сентября 1942 г. (пр. №75, п. 24)[3]. 30 августа 1942 г. по решению ГК ВКП(б) были созданы два санитарных отряда по 215 чел.[4] Исполнение этих документов должно было способствовать нормализации общего гигиенического состояния города.

Мало что известно о борьбе с холерой в блокированном Ленинграде. Пожалуй, впервые в кратком научном сообщении коснулся этой проблемы Д. А Журавлев, по мнению которого в Ленинграде практически не было холеры благодаря реализации плана, принятого в сентябре 1942 г. на заседании противоэпидемической комиссии Ленфронта. План предусматривал локализацию и ликвидацию очагов холеры[5]. В то же время период принятия решения свидетельствует о наличии

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 25, 35, 119; Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 140, 195. Ср. *Гладких П. Ф.* Указ. соч. С. 159. В книге данные приводятся округленными.

2 Подробно о работе экспедиции: *Гладких П. Ф.* Указ. соч. С. 148–150.

3 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №16 (31 августа). С. 8; №17–18 (28 сентября). С. 9.

4 *Свешников А. В.* Здравоохранение Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 г.г. С. 12.

5 *Журавлев Д. А.* Противоэпидемические мероприятия военно-медицинской службы в блокированном Ленинграде

оснований для тревоги[1].

План противоэпидемических мероприятий по г. Ленинграду и территории области в кольце блокады на случай появления холеры, представленный 31 августа 1942 г. П. С. Попкову, хранится в Секретной части Ленгорисполкома. План был составлен на 9 листах за подписями Ф. И. Машанского, заведующего ЛГЗО, И. М. Аншелеса, начальника Противоэпидемического управления[2]. 13 октября 1942 г. Ф. И. Машанским был направлен проект решения Ленгорисполкома по вопросу обеспечения производства Институтом вакцин и сывороток противохолерных препаратов. Для производства 600 литров холерной моновакцины и 1000 литров холерного бактериофага требовалось 500 кг мяса и 500 кг прессованных дрожжей. Кроме того, требовалось 30 тыс. шт. стеклянных ампул, 25 тыс. флаконов. В документе указывается и на другие средства материального обеспечения производства препаратов[3].

По воспоминаниям Ф. И. Машанского, по его личному распоряжению в Ленинградском Институте вакцин и сывороток было приготовлено пять тонн противохолерного бактериофага. При этом возник скрытый конфликт, в связи с имевшейся резолюцией А. А. Кузнецова, секретаря ГК ВКП(б), запрещавшей производство холерного бактериофага[4]. Однако о поддержке проекта П. С. Попковым, без помощи которого получить все необходимое было невозможно, Машанский в своих воспоминаниях умолчал.

Отсутствуют и упоминания о практическом применении холерного бактериофага для иммунизации населения. Заметим, что этот вопрос требует специального медико-исторического исследования, которое выходит за рамки нашей компетенции[5].

// Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. С. 108.

1 Летом – осенью 1942 г. гитлеровскую армию в Сталинграде охватила эпидемия холеры. Возникшая угроза для Советских войск и населения Сталинграда была ликвидирована в результате экстренного создания противохолерного бактериофага и мероприятий по дезинфицированию и изоляции подозрительного на заражение населения прибывшей бригадой во главе с З. В. Ермольевой. По итогам проведенной профилактической и научной работы З. В. Ермольева и Л. М. Якобсон получили Сталинскую премию за 1942 г. З. В. Ермольева была награждена орденом Ленина. (по *Злепко А. В., Скаковский М. Н., Сукачева О. А.* Вклад З. В. Еромольевой в предотвращение эпидемии холеры на Сталинградском фронте в годы Великой Отечественной войны // Здоровье населения и среда обитания. – 2017. – №4. С. 4–6; ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 212. Л. 283 [о присуждении Сталинской премии]).

2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 166. Сам план в деле отсутствует. Имеется только сопроводительная записка.

3 Там же. Л. 222–224.

4 *Машанский Ф. И.* В ответе за жизнь людей // *Гладких П. Ф.* Указ. соч. С. 167–169; Медики и блокада: взгляд сквозь годы: Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы / Т. М. Голубева, Н. Б. Ветошникова; Международная Ассоциация блокадников города-героя Ленинграда. – СПб., 1997. С. 14–27.

5 В 2004 году сотрудниками НИ противочумного института в Ростове-на-Дону было проведено исследование свойств вирусов холеры, хранящихся в музее. Ряд вирусов, в том числе вирус, относящийся к 1942 г., оказались резистентными к бактериофагу. Исследователи сделали вывод, что резистентность могла возникла за период хранения в Музее живых культур Ростовского противочумного института. (по Отбор бактериофагов для лечения экспериментальной холеры, вызванной классическими холерными вибрионами / Н. Е. Гаевская [и др.] // Современные наукоемкие технологии. – 2004. – №3. С. 11–15). Однако, следует допустить, что данные свойства

Все же, несмотря на принимаемые меры, трудности сохранялись. Зимой 1942 г. к ним добавилась неподготовленность бомбоубежищ при больничных учреждениях к приему больных. В ноябре 1942 г. 30% убежищ не отапливались, ни в одном не было освещения, больных выносили раздетыми. В результате, увеличилась опасность пневмоний и других легочных заболеваний, – говорил в отчете на бюро партийного комитета первичной организации ВКП(б) начальник Медико-санитарной службы МПВО, заведующий 2-м сектором ЛГЗО З. Л. Лившиц[1]. 24 декабря 1942 г. Ленгорисполкомом было принято решение «О внебольничном обслуживании населения» (пр. №81, п. 2-з)[2].

В июне 1943 г. И. М. Аншелес, сравнивая с довоенным периодом по заболеваемости и летальности сыпным тифом, докладывал: «меньше, чем в 1920 г., но больше, чем в 1932–1933 гг.»[3]. Это сравнение позволяет заметить субъективность некоторых оценок медицинской статистики, в том числе скрытые, репрессивные, ментальные факторы, проявляющиеся в явных противоречиях, алогизмах. Так, среди вопросов в прениях прозвучал следующий: «если санитарный фон сейчас ниже, чем в 1919–1920 гг., чем объяснить, что инфекционные заболевания теперь ниже, чем в 1919–1940 г.?». Ответ был дан уклончивый: «санитарное состояние сейчас хуже, чем в 1919–1920 г., по количеству не действующих водопроводных установок». Вряд ли удовлетворило слушателей и разъяснение начальника ГСИ М. Я. Никитина, что причиной снижения заболеваний является хлорирование водопроводной воды. Несмотря на общее снижение заболеваемости дизентерией, отмеченное И. М. Аншелесом, и этот факт при обсуждении был подвергнут сомнению, в связи с высокой заболеваемостью дизентерией в психиатрических больницах, не учитываемой эпидуправлением[4].

В связи с угрозой эпидемий и увеличением потока граждан, прибывающих в Ленинград, 6 июня 1943 г. СЗ Ленгорисполкома было принято постановление «Об обязательном санитарном осмотре граждан, следующих в Ленинград по железнодорожным путям». Следовало усилить контрольно-пропускной пункт НКО № 49 на ст. Ленинград-Финляндский гражданским персоналом: 2 врачами и 10 лицами среднего медперсонала за счет ЛГЗО и ЛГК Красного Креста [в документе – РОКК], установить обязательную изоляцию пассажиров, как гражданских, так и военнослужащих, при выявлении у них заболеваний, с подозрением на инфекцию, или

были присущи вирусу уже в момент помещения в музей, в связи с массовой иммунизацией людей.

1 Протокол №20 заседания бюро парткома Ленгорздравотдела от 10 ноября 1942 // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 7. Л. 103.

2 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №24 (31 декабря). С. 6.

3 Протокол №14 общего партийного собрания членов и кандидатов ВКП (б) Ленгорздравотдела от 12 ноября 1942 // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 6. Л. 71.

4 Там же. Л. 73, 74.

вшивости. Разрешить врачам отбирать командировочные документы или пропуска до прибытия на ст. Ленинград-Финляндский[1].

Необходимо отметить, что в 1943 г. внимание уделялось борьбе с возможной эпидемией гриппа. Так, на заседании Городской чрезвычайной противоэпидемической комиссии 7 февраля 1943 г., наряду с вопросом о борьбе с сыпным тифом, рассматривался вопрос о борьбе с распространением гриппа. Было решено обязать главных врачей поликлиник организовать доставку на квартиру больным-одиночкам пищи и топлива с помощью санитарно-бытовых комиссий и дружинниц Красного Креста[2].

Серьезной проблемой для Ленинграда являлось эпидемическое состояние по туберкулезу. Выше уже писалось, что, согласно отчету Уполномоченного по делам ВЦСПС П. Ф. Казакова, на 1 октября 1943 г. в Ленинграде было учтено 26 080 чел. с активной формой туберкулеза (бациллярной), из которых 22 229 взрослых, 1 929 подростков и 1 922 чел. детей до 12 лет. Имелось множество больных с закрытой формой, которые, по заключению тубдиспансеров, в большинстве отличались неустойчивым равновесием, легко переходившим в активные формы. По заявкам ОК союзов для больных, крайне нуждающихся в санаторно-курортном лечении, решением Секретариата ВЦСПС было предоставлено 25 путевок в санаторий для больных с открытой формой туберкулеза. Понятно, что это была капля в море. П. Ф. Казаковым делался вывод о необходимости организовать в Ленинграде санаторий для открытых форм туберкулеза[3].

В 1943 г. принимается ряд мер по включению в трудовую деятельность туберкулезных больных, в том числе для предотвращения распространения заболевания: Инструкция НКЗ СССР и ВЦСПС от 5 января 1943 г. «О трудовом устройстве рабочих и служащих, имеющих заболевание туберкулезом»[4]; постановление СНК СССР от 5 января 1943 г. №15 (утвердившее данную инструкцию), приказ Наркомздрава СССР от 12 января 1943, Постановление СНК РСФСР от 31 января 1943 «О мероприятиях по борьбе с туберкулезом»[5].

В приложении к постановлению СНК СССР №15 указывалось количество коек для туберкулезных больных, развертываемых в регионах СССР, дополнительно к имеющимся: по Ленинградской области 400 коек, а также 200 в помещениях, отводимых облисполкомом. Начали работу ночные и дневные санатории для рабочих, служащих и учащихся ФЗО и РУ, больных

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 9. Л. 3.
2 Там же. Л. 1.
3 Отчет о работе профсоюзных организаций города Ленинграда с июля 1942 года по ноябрь 1943 года. // ЦГА СПб. Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 13. Л. 13.
4 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Правовая политика Советского государства в области охраны здоровья населения (1940–1950). С. 210.
5 Советская медицина. – 1943. – №4. С. 33.

туберкулезом и работающих на предприятиях оборонной промышленности. Для туберкулезных больных хроников должны были открыться специальные дома инвалидов и санатории ВЦСПС. На одного туберкулезного больного, работающего в оборонной промышленности, полагалось дополнительно в месяц по 500 граммов мяса, жиров, сахара, 750 граммов крупы. Для получения этих продуктов вводились специальные лечебные карточки[1].

В инструкции о трудовом устройстве рабочих и служащих, имеющих заболевания туберкулезом, утвержденной СНК СССР от 5 января 1943 г., вводились ограничения по работе с вредными парами и газами, а также с пылью для рабочих больных туберкулезом в активной форме. Также рабочие, перенесшие искусственный пневмоторакс или обострение туберкулезного процесса, подлежали переводу на более легкую работу с доплатой разницы в заработке за счет госстраха до 2-х месяцев. Они освобождались от работы в ночные смены, не допускались к сверхурочным работам (с активной формой заболевания), направлялись на лечебное питание и в ночные санатории по заключению туберкулезных диспансеров. Инструкция предназначалась, среди прочих адресатов, Ленгорисполкому[2].

На заседании Ленгорисполкома 18 ноября 1943 г. отмечалось, что количество больных туберкулезом в абсолютном отношении уменьшилось по сравнению с 1941 г., когда на учете состояло 52 257 больных, относительно же общего числа населения значительно возросло. При этом на 38 поликлиник и 17 действующих диспансеров отмечалось наличие только 18 действующих рентгеновских аппаратов[3].

Несмотря на блокаду, в Ленинграде имело место распространение венерических заболеваний. В справке для НКЗ РСФСР проф. З. Френкель писал, что к концу 1943 год число больных венерическими заболеваниями (сифилисом и гонореей) составляло 2 227 чел., что было примерно в 7 раз меньше, чем в мирное время (к н. 1941 г. на учете состояло 14 235 чел., из которых 9 098 чел. болели сифилисом)[4]. Относительно общего числа гражданского населения удельный вес больных с начала 1941 г. по июнь 1943 г. не изменился и составлял ок. 0,4%. В то же время относительная частота венерических заболеваний среди женщин увеличилась, так как количество мужчин среди гражданского населения сократилось в целом в 11 раз, а в возрасте от 18 до 50 лет до 15 раз[5].

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 210. Л. 29–37.

2 Там же. Л. 38–40.

3 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов. – СПб.: ЦГА СПб; Арт-Экспресс, 2018. С. 499.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-9713. Оп. 1. Д. 136. Л. 60–63.

5 На 1 июня 1943 г. все гражданское население Ленинграда составляло 569 397 чел., из них 131 806 чел. мужчин, в том числе с 18 до 50 лет 60 752 чел. (по Ленинград в осаде. С. 348). В то время как на 1 января 1941 г. всего

Противоэпидемические мероприятия в 1944 г. были связаны с организацией санитарно-эпидемических отрядов (постановление СНК СССР от 1 апреля 1944 г. №332)[1], а также постановлением СНК СССР от 29 мая 1944 г. №629 «О мероприятиях по борьбе с малярией»[2], и постановлением СНК СССР от 2 июня 1944 г. №645 «О дополнительных мерах по борьбе с септической ангиной»[3].

Не меньшее значение в период войны уделялось борьбе с эпизоотиями, которая регулировалась постановлением СНК СССР от 2 сентября 1941 г. №2029 «О порядке установления в военное время карантина при заразных заболеваниях сельскохозяйственных животных и птиц». В случае заразных заболеваний сельскохозяйственных животных и птиц следовало устанавливать карантин, с последующим сообщением в Наркомзем СССР[4]. В 1944 году, в связи с началом освободительного периода войны, проблема эпизоотий и болезней сельскохозяйственных растений актуализировалась. Появляются постановления СНК СССР от 2 августа 1944 г. №1018 «О мерах борьбы с чумой птицы»[5] и от 30 декабря 1944 г. №1753 «О мероприятиях по недопущению заноса на территорию СССР опасных вредителей, болезней и злостных сорняков сельскохозяйственных растений»[6].

Необходимо отметить, что *эффективность решения в условиях блокады двух основных задач здравоохранения: спасение жизни людей и сохранение их здоровья зависела от основных поведенческих стратегий медицинских работников.* Их выборы получили отражение в профессиональной риторике и паттернах поведения, которые отслеживаются в протоколах партийных собраний первичных партийных организаций Ленгорздравотдела, 1 ЛМИ, ЛГПМИ в 1941–1943 гг. Понятие «спасения» встречается в связи с организацией защиты детей, больных и раненых от бомбежек (протоколы собраний первичной организации ВКП(б) ЛГЗО), при этом приводятся примеры самоотверженности при спасении детей[7]. Осенью 1941 г. самоотверженность закрепляется как профессиональный паттерн в воспитательной работе 1 ЛМИ: студенты 4 курса, отказавшиеся эвакуировать больных и раненых в то время, когда на территории находилась

населения было 3 217 062 чел., из них 1 417 473 чел. мужчин, в том числе в возрасте 16 – 59 лет 929 433 чел. мужчин. См. таблица 2.

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 226. Л. 273–274.

2 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Указ. соч. С. 210.

3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 228. Л. 204–213.

4 Там же. Д. 195. Л. 258–259.

5 Там же. Д. 232. Л. 21–24.

6 Там же. Д. 239. Л. 386.

7 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 7. Л. 61, 103; Д. 10. Л. 30. Подробный анализ см. *Газиева Л. Л.* Специфические особенности атмосферы собраний организации ВКП(б) 1 ЛМИ в 1941–1943 гг. // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГМУ. 2015. С. 82–89.

неразорвавшаяся бомба, были отчислены без права восстановления в медицинском институте[1]. Таким образом, отдельные случаи отказа от спасения людей среди студентов медвузов, ради сохранения своей жизни, рассматривались как профессиональная непригодность. Готовность к самопожертвованию обусловила значительное количество жертв среди медицинских работников в блокадном Ленинграде. Нигде не указывается общее количество медицинских работников, погибших за период блокады в Ленинграде, спасая жизнь других людей. Известно, что при работе в очагах поражения в 1941 г. погибло 19 медицинских работников «Скорой помощи». Согласно отчету Ленгорздравотдела, только за период с 1 января по 15 марта 1942 г. умер 61 врач[2].

Среди других, был высоко отмечен Советским правительством вклад выдающихся ученых-медиков Ленинграда. В связи с отмечавшимся в июне 1945 г. 220-летием АН СССР, за выдающиеся заслуги в развитии медицинской науки была награждена группа ученых. В том числе звание Героя Социалистического труда было присвоено физиологу Л. А. Орбели. Орденом Ленина были награждены физиологи М. К. Петрова и Л. А. Орбели, паразитолог Е. Н. Павловский. Для Е. Н. Павловского это был третий орден Ленина, полученный им в годы войны. Орденом Трудового Красного Знамени были награждены: Н. В. Веселкин (экспериментальная патология), Н. Н. Петров (основоположник онкологии), Д. Н. Насонов (цитолог)[3]. За годы войны были удостоены Сталинской премии за выдающиеся заслуги в медицине ленинградские ученые: А. А. Заварзин, Е. Н. Павловский, А. А. Смородинцев, Н. Н. Петров, Н. Н. Аничков, В. Н. Шевкуненко, А. Н. Максименков, С. С. Гирголав, Т. Я. Арьев, В. Н. Шейнис[4]. О патриотическом подъеме среди медицинских работников Ленинграда свидетельствует тот факт, что С. С. Гирголав, Т. Я. Арьев, В. Н. Шейнис отказались от своих премий в пользу обороны страны.

Таким образом, несмотря на проблемы и определенные недостатки, в целом можно сказать, что система государственного здравоохранения в условиях блокады явилась одним из важнейших факторов спасения ленинградского населения. Работа Советских органов власти была нацелена на решение задач обеспечения медицинского обслуживания населения необходимыми медико-санитарными средствами; удовлетворительными санитарно-гигиеническими условиями, медицинскими кадрами, а также осуществления врачебно-трудовой экспертизы и реабилитации инвалидов. Необходимо было осуществить противоэпидемические мероприятия в чрезвычайно трудной обстановке, для чего были

1 *Газиева Л. Л.* Указ. соч. С. 84 (по ЦГАИПД СПб. Ф. Р-257. Оп. 2. Д. 1. Л. 23).
2 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 131.
3 *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С. 170 – 171.
4 Сталинские премии. Справочник. – М., 1945. С. 24, 52, 53, 76, 88.

объединены усилия центральных и местных органов Советской власти, Военного Совета Ленинградского фронта, ОК и ГК ВКП(б), ВЦСПС. Важную роль сыграло включение в работу отделов здравоохранения городского и районных Советов выдающихся ученых-медиков, осуществлявших не только руководство оказанием медицинской помощи, но и координацию усилий различных медицинских учреждений и организаций. Органам здравоохранения содействовали значительные общественные силы, в том числе благодаря деятельности ЛГК Общества Красного Креста.

6.3. Деятельность постоянных комиссий по здравоохранению районных Советов депутатов трудящихся и медико-санитарной службы МПВО по сохранению жизни населения

Важную роль в организации здравоохранения в блокированном городе сыграли постоянные комиссии по здравоохранению, работавшие при районных Советах депутатов трудящихся, которые способствовали координации действий различных медицинских организаций, учреждений и общественности.

В большинстве случаев постоянные комиссии по здравоохранению действовали уже до войны. Однако изменение состава депутатского корпуса, в связи с уходом многих на фронт, отъездом в эвакуацию или смертью, привело к многократным изменениям состава комиссий за период 1942–1943 гг. Одной из важных причин была высокая смертность среди депутатов. Так, только в Петроградском райсовете к XI сессии, 2 марта 1942 г., умерло 7 депутатов, до XII сессии, 11 апреля 1942 г., умерло еще четыре депутата, всего на 15 декабря 1942 г. умерло 14 депутатов. Изменения утверждались на очередных сессиях райсоветов[1].

В ряде районов комиссии по здравоохранению не прекращали работать в наиболее трудное время 1941–1942 гг. Так, в Василеостровском районе в 1941 г. члены комиссии занимались проверкой призывных пунктов и организацией на них дезинфекции, а также дезинсекции в июне, участвовали в организации эвакуации детского населения в июле, в августе вместе с командованием МПВО решали вопросы улучшения оказания медпомощи в очагах поражения, в октябре исправляли недостатки санитарно-гигиенических условий содержания бойцов в батальонах выздоравливающих, в ноябре то же исправляли в госпиталях. В декабре 1941 г. члены комиссии решали вопрос об организации пунктов сноса для дистрофиков [так в документе – ЛГ]. Такие пункты были открыты в поликлиниках открытого типа и в доме № 31 на 12-й линии В.О. Была

1 ЦГА СПб. Ф. Р-151. Оп.5. Д. 121. Л. 15, 28, 70.

создана санитарная комиссия для упорядочивания захоронений на кладбище о-ва Декабристов. Была обследована группа стационаров по организации питания[1]. Работа продолжилась в 1942 г.

В Октябрьском районе в довоенный период комиссия по здравоохранению не существовала и была создана уже в период войны из четырех депутатов райсовета под председательством Марии Федоровны Лабус. В самое тяжелое время 1941/42 гг. депутат М. Ф. Лабус пришла в исполком и предложила организовать санитарно-бытовой отряд для оказания помощи населению. При поддержке и помощи горисполкома организованная ею дружина девушек вскоре стала популярной и всем известной дружиной Марии Федоровны. Дружина помогала населению по уходу за больными, по устройству детей, семьям военнослужащих в быту и в доставке, распиловке дров, в уборке квартир, в сохранении жилого фонда. В 1942 г. комиссия по здравоохранению Октябрьского райсовета систематически проверяла работу лечебных учреждений, госпиталей, больниц, поликлиник, детских яслей. Выявленные проблемы выносились на заседания исполкома: о санитарном состоянии лечебных учреждений района; о работе 27-й поликлиники; о работе 2-й детской городской больницы. По сигналам комиссии на ходу были устранены существенные недостатки в работе детских яслей в Мельничьих Ручьях, пионерлагеря. В августе 1942 г. комиссия подготовила и 14 сентября вынесла на обсуждение исполкома вопрос: о подготовке учреждений здравоохранения района к зиме[2].

В Петроградском райсовете состав постоянной комиссии по здравоохранению из 5 человек был утвержден на XI сессии 2 марта 1942 г. На XVI сессии, состоявшейся в 1943 г., было отмечено, что комиссия здравоохранения работала лучше всех. Особенностью бюджета Петроградского райсовета на 1941 г. было отсутствие дотаций из городского бюджета, при этом 48,4% районного бюджета было направлено на здравоохранение. В 1942 г., хотя 57,7% доходов районного бюджета составила дотация из средств городского бюджета, расходы на здравоохранение сократились до 42,3% от бюджета, составив 7 923,1 тыс. рублей. На 1943 г. расходы на здравоохранение увеличились почти в два раза и составили 15 442 тыс. рублей[3].

В Приморском районе постоянно действующая комиссия по здравоохранению была утверждена перед войной в количестве девяти человек, под председательством депутата Великановой. Эта комиссия работала в самое трудное время, хотя состав ее сократился к апрелю 1943 г. до трех человек. В августе 1943 г. для улучшения работы к постоянным комиссиям прикрепили всех депутатов райсовета, имевшихся в городе, и состав комиссии по

1 ЦГА СПб. Ф.Р-47. Оп.3. Д.59 (Отчет о работе райсовета за период Великой Отечественной войны. 1941-1943). Л. 13об – 17об.

2 Там же. Ф.Р-4914. Оп.1. Д. 130 (Краткий отчет о некоторых вопросах работы исполкома Октябрьского райсовета депутатов трудящихся за время Великой Отечественной войны. Начато и окончено 1941-1943 гг.). Л. 3.

3 Там же. Ф. Р-151. Оп.5. Д. 153. Л. 17об, 23об, 24, 24об.

здравоохранению увеличился до пяти человек. В 1942–1943 гг. постоянно действующая комиссия по здравоохранению проверяла работу по организации комиссий общественного питания при госпиталях и больницах: были проверены госпиталь №100, терапевтическая, инфекционная, туберкулезная, соматическая, туберкулезная детская больницы. В январе-феврале 1943 комиссией была проверена работа санитарно-бытовых комиссий при домохозяйствах: обследовано санитарное состояние квартир, общежитий; проверены коммунально-бытовые учреждения, три парикмахерские и две бани, 14 школьных и дошкольных учреждений. На очередной сессии комиссия представила содоклад «О санитарном состоянии района». С марта по сентябрь 1943 г. члены комиссии организовали и возглавили контроль за питанием больных, участвовали в проверке выполнения социалистических обязательств в медицинских учреждениях района, проверяли ход ремонтных работ по подготовке к зиме жилфонда, обследовали ход ремонта и осуществляли приемку готовности к зиме 22 медучреждений.

Расходы на здравоохранение в период войны в районе колебались от 15168,5 тыс. рублей в 1941 г., 7700 тыс. рублей в 1942 г. до 14050 тыс. рублей в 1943 г.[1] Весной 1942 г. в Приморском районе была открыта сеть лечебных столовых, которые с 22 апреля по 15 августа 1942 г. обслужили 20 000 больных. Признательность со стороны выздоровевших и вернувшихся к работе больных дистрофией заслужила председатель комиссии Великанова, врач диетической столовой. Для борьбы со скорбутом весной 1942 г. внебольничные учреждения района израсходовали св. 5 000 ампул аскорбиновой кислоты и закончили лечение 857 скорбутных больных. В результате проделанной работы к 1 сентября 1943 г. на учете по Приморскому району оставалось 122 чел. больных алиментарным истощением. Все они или были госпитализированы, или лечились в поликлиниках и находились на лечебном питании[2].

В отчете постоянной комиссии по здравоохранению Приморского райсовета приводятся уникальные примеры лечебной работы с детьми в яслях зимой 1942 года. Из-за плохих жилищно-бытовых условий дома, ребенок, заболевший неинфекционным заболеванием, оставался в яслях, где ему оказывалась необходимая помощь. Врачи яслей широко пользовались гемотерапией. Институт переливания крови «консервированной» крови не отпускал, и тогда врачи брали кровь у обслуживающего персонала. Так было в яслях №116, где доктор Аробелидзе, старшая сестра Черепанова, старшие воспитатели Каратаева, Николаева, по несколько раз давали свою кровь больным детям и, тем самым, спасли жизнь многим из них. Аптеки не работали, медикаментами ясли снабжались плохо, жили старыми запасами. Большую помощь оказывал горздравотдел,

1 ЦГА СПб. Ф. Р-4905. Оп.1. Д.12. Л. 14.
2 Там же. Л.1об, 2, 3, 3об, 4, 14, 28, 28об.

выделяя львиную долю из минимальных запасов сульфидина детям раннего возраста. Сульфидинотерапией врачи-педиатры пользовались при желудочно-кишечных заболеваниях и воспалениях легких. С августа по декабрь 1941 г. в яслях была вспышка кори, к которой присоединялись явления скорбута и дистрофии. Дети, отправляемые в больницу, редко возвращались обратно в ясли. В феврале 1942 г., когда среди взрослого населения города была вспышка гемоколита, не миновала она и детей. Единственным средством для лечения был сульфидин. Диету назначать не представлялось возможности, так как были дни, когда база отпускала только муку и молоко. Начиная с марта и до конца июля 1942 г. в яслях держался карантин по коклюшу, который проходил с бурной реакцией, несмотря на введение сыворотки. Коклюш давал большое падение в весе у детей, итак ослабленных тяжелой зимой, но в основном без осложнений. В этот же период обострились явления авитаминоза. Работники яслей сами добывали витамин из хвои и использовали ранние овощи со своих огородов.

В период с августа по декабрь 1942 г. заболеваемость и, в особенности, смертность в яслях района снизилась в 10-15 раз. В некоторых яслях в течение нескольких месяцев не было ни одного случая смертности. Постоянно посещавшие ясли в течении 2-3 месяцев дети перестали болеть дистрофией. Если весь зимний период профилактической работе не уделялось должного внимания, помимо «фагирования» детей и персонала, то, начиная с мая по 1 ноября 1942 г., всем детям, посещавшим ясли, были сделаны все положенные по возрасту прививки[1].

Несмотря на свою малочисленность, постоянная комиссия по здравоохранению Смольнинского райсовета работала с довоенного времени постоянно, под председательством Котова. К работе привлекались другие депутаты, актив предприятий. Комиссия занималась проверкой подготовки к зиме медицинских учреждений района, проверяла санитарное состоянии эвакопунктов, госпиталей, лечебных учреждений, бомбоубежищ, газоубежищ. Подготовленные вопросы выносились на заседания исполкома райсовета[2].

Существенные недостатки в работе постоянно действующих комиссий, в том числе здравоохранения, отмечались в отчетах за военное время Куйбышевского райсовета. В частности, указывалось: «Всего в состав Комиссий входят 36 депутатов Райсовета и 4 депутата Ленсовета. Практическая работа их не организована, как работа постоянно действующих Комиссий, привлекались они как группы депутатов с постоянно закрепленными участками работы, и работали эти группы, в основном, по выполнению различных поручений Исполкома, по подготовке вопросов к Исполкому»[3]. Комиссия здравоохранения проверила состояние

1 Там же. Л. 30.
2 Там же. Ф. Р-4. Оп.5. Д. 186. Л. 20, 49, 56.
3 Там же. Ф. Р-568. Оп.3. Д.146. Л. 39. Сохранен стиль документа – ЛГ.

внебольничной помощи в районе, работу больницы, подготовку к зиме лечебных учреждений района, выполнение решения бюро РК ВКП(б) о работе больницы им. Куйбышева. По всем этим вопросам были сделаны содоклады на заседаниях исполкома. В то же время отмечалось, что из-за недостатка людей, в комиссию пришли новые люди, порой совмещая ее с работой в других комиссиях.

О слабой работе комиссии можно судить по тому, что в 1943 г. на исполкоме вопросы здравоохранения рассматривались всего 9 раз из 216 или около 4,5%. За весь 1943 г. в исполком поступило всего 15 жалоб и заявлений от граждан по работе здравоохранения, из них 11 от военнослужащих и их семей. Ни одно не было отклонено, и все граждане были удовлетворены результатами рассмотрения[1].

Недостатки в работе постоянных комиссий, в том числе здравоохранения, были отмечены и в отчете Володарского райисполкома. Следует заметить, что перед войной на III сессии райсовета, 26 мая 1940 г., были образованы всего две постоянно действующих комиссии: здравоохранения и коммунального хозяйства, в чем, видимо, сказалась недооценка значимости их работы. За период войны из 9 членов комиссии здравоохранения выбыло шесть, к 1 октября 1943 г. ее состав был доведен до 5 человек. Сессии райсовета возобновились 19 марта 1942 г. В связи с сокращением числа депутатов и занятостью самих депутатов на основной работе, отмечалось, что ключевые вопросы готовились отделами исполкома, которым помогали депутаты. Так, зимой 1941–1942 гг. занимались выявлением и устройством сирот и инвалидов в лечебные учреждения депутаты райсовета: Иванова, Лядова, Павлова, Киселева, Зищенко, Салова, Морозова, Савельева, Гринфельд, Родин, Лесников, Филиппов, Степанова, Григорьева, Ефимова, Елагина, Рябова, Данилова, депутаты Горсовета Алешкина, Сафонова и другие. В 1942 г. в районе была создана чрезвычайно-противоэпидемическая комиссия, которая «мобилизовала всех трудящихся района на восстановление коммунального хозяйства и очистку района».

Видимо, недостаточной работой комиссии по здравоохранению объясняется, что вопросы, касающиеся здравоохранения, исполкомом решались крайне редко. За период с июня по декабрь 1941 г. было проведено 6 заседаний райисполкома и 7 решающей комиссии, «тройки», созданной 23 июня 1941 г., в соответствии с указанием горисполкома. Хотя к подготовке вопросов привлекались постоянно действовавшие комиссии, депутаты, но в 1941 г. из 474 рассмотренных вопросов, только один касался здравоохранения. В 1942 г. было проведено 22 заседания райисполкома и 10 – решающей комиссии, было рассмотрено 620 вопросов, из них только 5 по здравоохранению на заседании исполкома. В 1943 г. решающая комиссия не собиралась. На 24

1 Там же. Л. 40, 44, 49.

заседаниях исполкома было рассмотрено 329 вопросов, из них 5 по работе здравоохранения (данные на 1 октября 1943 г.). Причем по материалам обследования депутатов были рассмотрены вопросы: 11 июня 1942 г. «О медицинском обслуживании трудящихся 8-ой поликлиникой», 24 сентября 1942 г. «О ходе подготовки к зиме лечебных учреждений», 16 сентября 1943 г. «Итоги летней оздоровительной работы в детских учреждениях РОНО и РЗО». Всего за весь период войны депутатами были подготовлены только три вопроса о здравоохранении. Слабость привлечения депутатов к работе райсовета отмечалась в отчете о работе за период 1941–1943 гг.[1]

Таким образом, далеко не во всех райсоветах этой работе придавалось значение. Там, где деятельностью постоянных комиссий пренебрегали, заменяя ее работой отделов райисполкома и «тройки», решающей комиссии, произошла подмена живой работы депутатского корпуса деятельностью чиновников, склонных к формализации своей работы.

Особое место в организации самозащиты населения и сохранения жизни людей сыграла медико-санитарная служба МПВО. В начале августа 1941 г. формирования и стационарные средства медико-санитарной службы (МСС) МПВО в Ленинграде были переведены на казарменное положение и находились в боевой готовности. Резервом МСС МПВО являлась МСС «Скорая помощь». Важность МСС МПВО объясняет тот факт, что в начале войны ее возглавил заведующий ЛГЗО В. С. Никитский. С апреля 1942 г. МСС МПВО как 2-й сектор ЛГЗО возглавил З. Л. Лившиц, одновременно заведующий отделом МСС ПВО Всесоюзного санитарно-химического института.

В начале войны личный состав МСС МПВО г. Ленинграда из-за мобилизации в Красную Армию сократился на 25% и насчитывал 9 850 чел. В том числе на 39 стационарных пунктах медпомощи (СПМ) 1 100 чел., 94 стационарных перевязочных пунктах (СПП) 1550 чел., в 40 стационарах ПВО 800 чел., на 21 дегазстанциях (ДГК) 400 чел., в 61 лабораториях по анализу ОВ (отравляющих веществ) 400 чел., на 47 стационарных обмывочных пунктах (СОП) 1 600 чел. Имелись также 2 700 чел. в 30 участковых санитарных дружинах и 570 чел. в 19 районных сандружинах. В резерве начальника МСС МПВО города было 50 студентов-врачей и 300 чел. отряда 1 ЛМИ, 200 чел. отряда 2 ЛМИ и 180 чел. среднего медсостава Красного Креста. Таким образом, личный состав стационарных пунктов МСС МПВО в значительной степени был укомплектован значкистами Красного Креста, состоявшими в дружинах Общества Красного Креста. В связи с необходимостью в период военных действий держать в полной боевой готовности все средства медсанслужбы МПВО г. Ленинграда 9 августа 1941 г. Ленгорисполкомом было

1 ЦГА СПб. Ф. Р-2 (Исполнительный Комитет Совета депутатов трудящихся Володарского района города Ленинграда). Оп.5. Д.79. л. 4об, 5, 7, 8, 8об, 9об, 30, 39, 42.

принято решение об освобождении от трудовой повинности на период войны личного состава формирований и стационарных средств МПВО г. Ленинграда, в том числе значкистов Красного Креста «ГСО [Готов к санитарной обороне – Л.Г.]», обслуживавших стационарные обмывочные пункты, дегазстанции и состоящих в дружинах Красного Креста, а также группы усиления медсестер Красного Креста[1]. В августе 1941 г. В. С. Никитский лично хлопотал, чтобы работников Красного Креста (в документе – РОКК), как резерва МСС МПВО не привлекали к трудовой повинности, поддерживая боевую готовность[2].

Штаб МСС МПВО располагался в подвале ЛГЗО, оборудованном как бомбоубежище 2-го типа[3]. В первый же день артиллерийских обстрелов, 4 сентября 1941 г., участковые медико-санитарные команды МПВО оказывали помощь и доставляли в больницы пострадавших. Согласно сводке, время прибытия МСС к месту поражения на заводе «Красный нефтяник» составило 7 минут. Пострадало всего 15 человек, из которых 6 человек из формирований, прибывших к месту поражения. 6 сентября 1941 г., в день первого воздушного налета, к местам поражения прибыло 39 участковых команд МСС МПВО, 56 санитарных машин скорой помощи, кроме того, работали объектовые команды. На 44 объектах поражения было 278 жертв, из них 51 чел. был убит. В оказании помощи участвовали также группы самозащиты и одно отделение Красного Креста[4]. Медико-санитарная помощь оказывалась участковыми и объектовыми командами МСС МПВО (звеньями, взводами и отделениями), а также сандружинницами объектов и дружинами Красного Креста. За период с 13 по 18 сентября 1941 г. в участковых командах МПВО было ранено – 90 чел., убито – 16 чел. При исполнении служебных обязанностей погиб начальник штаба МПВО г. Колпино капитан Мартыненко[5].

Особое место в спасении населения Ленинграда занимала Скорая медицинская помощь ЛГЗО (заведующий М. А. Мессель). В период войны число станций Скорой помощи и количество работающих санитарных машин менялось. В ежегодном статистическом отчете, отсылаемом ЛГЗО в Наркомат здравоохранения СССР, указывалось, что в 1941 и в 1942 гг. имелось 8 станций, 10 санитарных машин; в 1943 г. их число увеличилось, составив: 10 станций и 17 машин; а в 1944 г. было уже 12 станций и 22 санмашины. Число выездов, в том числе без санитарных машин, и количество людей, которым была оказана помощь, составляли: в 1943 г. – 21 900 выездов, из них 14 600 санитарным транспортом, оказана помощь 22 500 чел.; в 1944 г. –

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 14. Л. 85, 86, 87.
2 Там же. Л. 85. В документах военного времени употребляется понятие РОКК, хотя официальное название поменялось на Общество Красного Креста РСФСР.
3 Там же. Д. 2. Л. 93. Бомбоубежища 2-го типа предохраняли, в первую очередь, от воздействия ударной волны.
4 Там же. Д. 23. Л. 180–187.
5 Там же. Л. 98, 100, 185, 186, 203а; Д. 24. Л. 173, 174.

выездов 53 664, оказана помощь 58 902 чел. За 1941 и 1942 гг. данные в отчетах отсутствуют[1]. Надо иметь в виду, что в период войны помимо службы Скорой помощи, в Ленинграде действовал санитарный транспорт, в количестве 200 машин, используемых для перевозок по заявкам. Среди этих машин были грузовики, оборудованные рессорной установкой инженера Сивакова, позволявшей перевозить одновременно до 6 носилок с ранеными[2]. Эти машины также были в распоряжении Скорой помощи. В начале войны дежурный наряд был увеличен до 72 санитарных машин. Но с уменьшением выделяемого горючего наряды машин стали уменьшаться: в 1941 г. в октябре дежурили 69 машин, в ноябре – 49, с 18 декабря – 6 машин. В связи с этим пострадавшие доставлялись из очагов вблизи подстанций Скорой помощи на колясках. За весь 1941 г. помощь была оказана 153 103 больным, из них 114 093 случаев внезапной болезни или родов; в 1942 г. помощь была оказана 11 030 чел., из которых 5 056 случаев родов или болезни[3].

Сохранились данные внутренних отчетов М. А. Месселя за 1941–1942 гг. С июля по декабрь 1941 г. бригады Скорой помощи оказывали помощь населению в очагах поражения, являясь резервом МСС МПВО. За сентябрь – декабрь 1941 г. из очагов поражения Скорой помощью было эвакуировано 17 378 чел. Всего же за 1941–1942 гг. 19 784 чел.[4] При исполнении обязанностей погибли 3 врача и 16 чел. среднего медперсонала. Первая потеря произошла 15 октября 1941 г., когда погиб врач Ю. М. Эддар во время выезда в очаг поражения под артобстрелом бригады 9-й подстанции Скорой помощи. 14 ноября 1941 г. прямым попаданием бомбы была уничтожена подстанция №8 (пр. 25 Октября, д. 92). При этом погибли два врача и средний медперсонал[5]. Героизм проявили врачи Скорой помощи: Т. К. Вальтер, Л. В. Розанова, Н. В. Де-Жорж, О. Р. Пето, Б. М. Шуляк, С. Т. Муниц, Н. А. Смирнов, а также медсестры: Л. Х. Кунина, С. И. Разумова, Э.В. Келло, медбрат И. Н. Леонтьев, работавшие в очагах поражения под бомбежками и снарядами[6].

На основе записей журнала Скорой помощи и собственных воспоминаний врачам,

---

1 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 8; Д. 804. Л. 4; Д. 962; Л. 5; Д. 1115. Л. 5.

2 Сборник работ конференции по организации и подаче Скорой медицинской помощи, посвященной 30-летию Ленинградской Скорой помощи. Ленинград 18 – 19 декабря 1947 г. – Л.: Изд-ие Ленинградской Скорой Медицинской Помощи, 1949. С. 8-9, 18, 20; *Мессель М. А.* Основы организации Скорой Медицинской Помощи. Из опыта работы Скорой Медицинской помощи Ленинграда. – Л., 1945. С. 161.

3 *Бойков А. А., Ханин А. З., Колчина Е. И., Попова Н. В.* Скорая медицинская помощь в Санкт-Петербурге. 1899 – 2019. – СПб.: б/и, 2019. С. 39, 42.

4 Документы и свидетельства. Работа Скорой медицинской помощи Ленинградского горздравотдела за время Отечественной войны (июнь 1941 г. – октябрь 1942 г.) // *Гладких П. Ф.* Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941–1944 гг. С. 48–49.

5 *Бойков А. А., Ханин А. З., Колчина Е. И., Попова Н. В.* Указ. соч. С. 40, 41.

6 Сборник работ конференции по организации и подаче Скорой медицинской помощи, посвященной 30-летию Ленинградской Скорой помощи. С. 29–30.

работавшим в блокаду, О. Р. Пето и Т. К. Вальтер удалось восстановить работу станции №7 с 14 сентября 1941 г. по январь 1943 г. Вот один из фрагментов записей за 1941 г.: «13 сентября 1941 г. 6 ч. 30 м. (…) Снаряд на Московском проспекте у трамвайного кольца (Средняя Рогатка) (…) – раненые. Укрыть их негде. – Место открытое. Близко рвутся снаряды. Быстро с помощью старика-шофера Пантелеева вносим троих на руках в машину. С носилками бежим к тяжелораненым Ольге Брызгаловой 22 л. (оторвано бедро) и Василию Галькевич 40 л. (раздроблена голень). Накладываем жгуты. Раненых больше нет. На шоссе остается 8 изуродованных трупов. Грохот разрыва. Круто поворачиваем, полным ходом – в город. В пути – перевязки, уколы (минутная остановка машины!). Раненые благополучно доставлены в б[ольни]цу Коняшина. Врач Вальтер»[1]. В сентябре – декабре 1941 г. дежурный персонал Скорой помощи нес по 20–25 суточных дежурств. «В этот период некоторые медицинские братья после напряженной работы по прибытии на станцию внезапно умирали, что объяснялось развившейся к этому времени алиментарной дистрофией, при которой большая физическая нагрузка была уже не под силу резко ослабевшему организму»[2].

Зимой 1942 г. Скорая медицинская помощь ЛГЗО обслуживала эвакопункты на Дороге жизни. В соответствии с постановлением №00579 от 21 января 1942 г. Военного Совета Ленинградского фронта, к 23 января следовало командировать на эвакопункты медицинских работников и выделить необходимые медикаменты[3]. 8 февраля 1942 г. приказом Ленинградского горздравотдела М. А. Мессель, возглавлявший ленинградскую организацию Скорой помощи, был назначен начальником медико-санитарной части, обслуживавшей эвакуацию населения по Ладожской трассе[4]. Кроме того, за организацию медицинской помощи на эвакотрассе отвечал М. Я. Ляховицкий, заместитель заведующего ЛГЗО[5].

В «Кратком отчете ЛГЗО от 26 мая 1942 г. о работе медико-санитарной части эвакуационных пунктов Ленинград Финляндский–Жихарево–Лаврово за январь–апрель 1942 г.» была дана характеристика медобслуживания на эвакопунктах. В том числе было указано на недостатки, имевшиеся в организации медицинского обслуживания к началу января 1942 г.: медсанчасти находились в Жихарево и в Борисовой Гриве, где стационарная помощь была слаба (в Жихареве),

1 *Мартынов Н.* История одного документа. «Блокнот врачей Скорой помощи». О. Р. Пето и Вальтер. 1941 – 1945 гг // Подвиг Ленинграда бессмертен… – СПб., 2004. С. 15.

2 Характеристика отдельных боевых очагов поражения // *Мессель М. А.* Указ. соч. С. 181–183.

3 Документ №133. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта об эвакуации населения из Ленинграда // Ленинград в осаде. С. 285–286.

4 *Гладких П. Ф.* Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941–1944 гг. С. 46.

5 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 7. Л. 36.

или отсутствовала (в Борисовой Гриве)[1].

ЛГЗО перестроил медицинское обслуживание, которое стало осуществляться поэтапно. Первый этап – помощь на вокзале. В первую очередь был реорганизован медпункт на Финляндском вокзале, так как он осуществлял отсев тех, кто не мог вынести пути. Руководила пунктом заведующая станцией №1 Скорой помощи врач О. Г. Михайлова, под руководством которой работало 48 чел., в том числе 5 врачей и 10 чел. среднего медицинского персонала[2]. В задачу медпункта, помимо оказания амбулаторной помощи и отсева тех, кто не мог выдержать эвакуации, входили: госпитализация нуждающихся; санитарное наблюдение за подаваемыми железнодорожными составами и за помещениями эвакопункта. Там же находился железнодорожный медпункт, который осуществлял амбулаторное обслуживание железнодорожников. При необходимости он помогал пункту Скорой помощи.

Второй этап – в Борисовой Гриве, где происходила пересадка из вагонов на машины. В Борисовой Гриве были развернуты: стационар на 4 койки, расширенный позднее до 7 коек; изолятор на 25 коек. Амбулаторная помощь оказывалась также в вагонах. Нуждавшиеся эвакуировались в Ириновскую и Всеволжскую больницы, а также в Ленинград. За период с февраля по 13 апреля 1942 г. медсанчасть обслужила 13 тысяч больных, из которых 56 было эвакуировано в указанные больницы Ленинградской области. Среди эвакуирующихся с января по апрель 1942 г. была зарегистрирована высокая смертность: было захоронено 2 200 трупов[3].

Возглавлял санчасть заведующий станции Скорой помощи №5. Штат состоял из 30 чел., в том числе 4 врача и 22 средних медработника.

На трассе за медобслуживание отвечали работники центральной станции Скорой помощи, которыми руководил заведующий Б. М. Шуляка. На 7, 11, 20 и 24 километрах были созданы специальные обогревательные пункты, так как везли людей в основном в открытых машинах, стариков и детей в автобусах с окнами без стекол или заколоченными фанерой. На восточном берегу работали амбулатория и стационар на 25 коек и санитарно-контрольный пункт с дезинфекционной камерой. Их обслуживали 5 врачей и 22 чел. среднего медперсонала[4].

Третий этап – Жихарево, где в санчасть входили стационар на 25 коек с изолятором на три койки; здравпункты в местах наибольшего скопления людей, в бараках, в столовых, с

---

1 Документ №146. Краткий отчет о работе медико-санитарной части эвакуационных пунктов Ленинград Финляндский–Жихарево–Лаврово за январь–апрель 1942 г. // Ленинград в осаде. С. 309.

2 *Ершова И. Н., Бойков А. А., Барсукова И. М.* М. А. Мессель и его вклад в развитие Скорой медицинской помощи Петрограда – Ленинграда в 1922 – 1973 годы. – СПб., 2015. С. 41.

3 Документ №146. Краткий отчет о работе медико-санитарной части эвакуационных пунктов Ленинград Финляндский–Жихарево–Лаврово за январь–апрель 1942 г. // Ленинград в осаде. С. 310.

4 *Ершова И. Н., Бойков А. А., Барсукова И. М.* Указ. соч. С. 42.

круглосуточным дежурством врача, медсестры и двух санитарок. В среднем работали: три здравпункта, иногда их число доходило до пяти; амбулатория с круглосуточным дежурством персонала во главе с врачом, обслуживавшая как эвакуирующихся, так и местных работников; медпомощь на дому дежурным врачом; скорая помощь в составе двух санитарных машин, доставлявших нуждающихся в ближайший госпиталь, находившийся в 5 км. Кроме того, из эвакуируемых подбирался персонал для сопровождения эшелона до Вологды, оборудовались вагоны-изоляторы, осуществлялась эвакуация больных, а также надзор за питанием, иммунизация персонала питательных пунктов[1]. К медсанчасти в Жихарево были прикомандированы до 45 медработников, в том числе 8 врачей. Обслуживание стационара в Жихарево возглавил врач Центральной станции Скорой помощи М. М. Ковальчук. Здесь же работал детский приемник, куда доставляли детей, потерявших родителей, и затем в сопровождении медсестры отправляли небольшими группами в Вологду[2].

С 25 февраля начали работу санчасти в Лаврово и Кобоне, имевшие амбулатории и стационары на 25 коек в каждой, а также контрольные пункты для выявления и задержки инфекционных больных[3]. В июле 1942 г. был также создан медпункт на Московском вокзале. Руководил его работой заведующий станцией Скорой помощи №4 врач А. Т. Вишняков. На пункте работали три врача и 10 медсестер[4].

П. Ф. Гладких пишет, что помимо этого были развернуты медпункты в Черноушеве, Коровкине и Манихине, при наличии одного врача. Имелись больница и медицинский пункт с одним врачом в пос. Часовенском, в Никольском и Великом Дворе были больница и медицинский пункт с двумя врачами при них, в Заборье – медицинский пункт на 50 коек с изолятором, в которых работали 4 врача. Всего медицинская часть на Дороге жизни имела 60 коек в медпунктах, больницах и 75 коек в изоляторах. Работали 19 врачей и 63 чел. среднего и младшего медперсонала[5].

Особое значение приобрели вопросы эпидемиологического обслуживания трассы. В отчете «О выполнении решения Военного Совета и Ленгорисполкома от 10/II-42 г. за №00636 – о мероприятиях по борьбе с эпидемическими заболеваниями» И. М. Аншелес, начальник противоэпидемического управления, 1 апреля 1942 г. на заседании бюро первичной партийной организации ЛГЗО отметил, что было иммунизировано на эвакотрассе от желудочно-кишечных инфекций, в

1 Документ №146. Краткий отчет о работе медико-санитарной части эвакуационных пунктов Ленинград Финляндский–Жихарево–Лаврово за январь–апрель 1942 г. // Ленинград в осаде. С. 311.

2 *Ершова И. Н., Бойков А. А., Барсукова И. М.* Указ. соч. С. 42.

3 Документ №146. Краткий отчет о работе медико-санитарной части эвакуационных пунктов Ленинград Финляндский–Жихарево–Лаврово за январь–апрель 1942 г. // Ленинград в осаде. С. 312.

4 *Ершова И. Н., Бойков А. А., Барсукова И. М.* Указ. соч. С. 41.

5 *Гладких П. Ф.* Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941–1944 гг. С. 46.

том числе против тифа, свыше 800 тысяч человек в 1941 г., 900 тысяч в 1942 г. В то же время при обсуждении доклада, начальник Планово-финансового управления ЛГЗО О. Г. Вульфсон выразил сомнение в эффективности принятых мер, по его словам, таблетки приносились два раза, вместо положенных трех, после еды, когда надо принимать натощак. На этом же заседании партбюро было принято решение о необходимости немедленного развертывания обсервационного пункта в Борисовой Гриве.

Необходимо отметить, что для заседаний партийных бюро было характерно вскрытие недостатков в работе для их исправления. Так, в отчете прозвучала критика слабой организации санитарно-контрольных пунктов на трассе: целые группы людей пропускались без осмотра. Указывалось, что помещения эвакопунктов при проверке оказались заняты воинскими частями или начальниками эвакопунктов. Только после приезда представителей ЛГЗО были отведены помещения под душевые. Были выявлены проблемы в организации питания, нехватка кадров[1].

8 июня 1942 г. на заседании бюро первичной партийной организации ЛГЗО был заслушан отчет М. А. Месселя и И. М. Аншелес об обеспечении эвакотрассы медицинской помощью. В своем отчете М. А. Мессель указал на трудности с кадрами, в том числе дезертирство. Возникла острая необходимость в эпидемиологах, которых не было ни в Борисовой Гриве, ни в Лаврово, ни в Кобоне. На заседании было вынесено предложение просить Госсанинспекцию и Противоэпидемиологическое управление помочь в организации противоэпидемических мероприятий[2].

Слабость одних подчеркивает силу духа других, тех кто работал, демонстрируя подлинный героизм. За 1941–1942 гг. медицинским персоналом медсанчастей эвакопунктов помощь была оказана 23 849 чел. амбулаторно и 7 385 чел. в стационарах. В том числе, на медпунктах работало 318 медицинских сестер и 856 сандружинниц Красного Креста.

За период блокады Ленинградская Скорая помощь потеряла 16,3 % своего состава убитыми и ранеными, в том числе 27 чел. убитых, 77 чел. умерших от голода[3].

Подвиг работников Скорой помощи был высоко оценен правительством. В 1943 г. состоялось награждение группы медицинских работников медалью «За оборону Ленинграда». В том же 1943 г. М. А. Мессель получил звание Заслуженного врача РСФСР, а в 1945 г. он был награжден орденом Отечественной войны I степени за образцовое выполнение боевых заданий Командования Ленинградского фронта [которому подчинялись ВАД-102 и ВАД-101, «Дорога жизни»][4].

---

1 Протокол №3 заседания бюро парткома Ленгорздравотдела от 1 апреля 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 7. Л. 12, 13, 14.

2 Там же. Л. 36, 37, 38, 39. По словам М. А. Месселя: из 67 врачей и 105 чел. среднего медперсонала 80% дезертировали, в том числе начальник санчасти Борисовой Гривы и начальник санчасти Лаврово.

3 *Ершова И. Н., Бойков А. А., Барсукова И. М.* Указ. соч. С. 43, 88.

4 Там же.

Таким образом, героические усилия медицинских работников были одним из важнейших факторов в борьбе за жизнь и здоровье ленинградского населения не только в годы войны, но и в последующие годы реабилитации и поддержания здоровья жителей блокадного Ленинграда. Именно в этой сфере проявились с наибольшей силой роль и значение Советских органов власти, их активное взаимодействие с общественными организациями в борьбе за сохранение жизни и спасении населения.

На примере работы семи из блокированных 15 районов Ленинграда, можно сказать, что депутаты райсоветов внесли значительный вклад в мобилизацию ленинградского населения на сохранение жизни людей, не прекращая свою работу даже в смертное время 1941–1942 годов. Несмотря на свою малочисленность и высокую смертность среди депутатского корпуса Ленинграда, важную роль сыграли в организации контроля за деятельностью медицинских учреждений постоянные районные комиссии по здравоохранению. Они инспектировали работу учреждений и трудовых коллективов, проверяли состояние жилья и коммунального хозяйства, порой сами возглавляли санитарно-бытовые комиссии, превращаясь в важное связующее звено между Советскими органами власти и общественностью.

Важную роль в организации самообороны и эвакуации населения сыграла медико-санитарная служба МПВО, резервом которой являлась МСС Скорая помощь, опиравшаяся на помощь Ленинградского городского Комитета Красного Креста.

6.4. Взаимодействие Советских органов власти с Ленинградским городским Комитетом Красного Креста и обществами взаимопомощи и социальной защиты инвалидов

Среди других общественных организаций, работавших в условиях блокады Ленинграда, особое место занимают общества взаимопомощи и социальной защиты инвалидов. Это, прежде всего, Ленинградский Комитет Красного Креста, входивший в Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП). Кроме того, в Ленинграде работали: Ленинградский отдел Всероссийского общества глухих (ВОГ) и Ленинградский городской отдел Всероссийского общества слепых (ВОС)[1].

Увеличение числа инвалидов войны стимулировало работу с ними в городе. *Основные направления деятельности обществ взаимопомощи инвалидов*: социальная адаптация и реабилитация, обучение основным социально необходимым навыкам, освоение новых

1 Всероссийское общество глухонемых образовано в 1926 г. Оно действовало под общим контролем и руководством Наркомата социального обсепечения РСФСР; Ленинградский городской отдел Всероссийского общества слепых был образован в 1932 г., с 1936 г. в подчинении центрального правления ВОС.

профессий. Перед войной на территории Ленинградской области имелась сеть учебно-производственных мастерских, в которых слепые проходили обучение и трудоустраивались. При мастерских находились общежития, столовые, школы взрослых и культурные учреждения для организации досуга. Все это было уничтожено и подлежало восстановлению только в 1944–1945 гг. Проблемой стал недостаток средств, в том числе на материальную помощь нуждающимся, настолько острый, что уже после войны, в 1946 г., председатель Президиума Ленинградского областного отдела Всесоюзного общества слепых Э.Я. Галвин обратился за помощью к церкви. Хотя данный поступок встретил резкое осуждение со стороны органов Советской власти, церковью были переведены 50 тысяч рублей на счет Ленинградского отдела Общества слепых[1].

Одной из самых легендарных страниц обороны Ленинграда остается работа Красного Креста. Во-первых, поскольку это было внепартийное общественное движение женщин, готовых жертвовать собой ради спасения других людей. Во-вторых, поскольку это движение сохранило свои дореволюционные связи, особенности, принципы, и даже название, хотя и полуофициально. В-третьих, поскольку в обстоятельствах антигитлеровской коалиции, оно было удобной формой сотрудничества на общечеловеческих гуманистических основах. В-четвертых, поскольку оно имело массовый и решительный характер. Устав Общества Красного Креста предусматривал прежде всего оказание помощи инвалидам войны.

Перед войной отношение Советского правительства к деятельности Международной Лиги Красного Креста было противоречивым. Это объясняет и недоверчивость к Российскому Обществу Красного Креста, которое подвергалось постоянным реорганизациям. Накануне войны, 26 января 1939 г. постановлением Ленинградского обкома ВКП(б) на основе решения пленума Ленинградского областного комитета Красного Креста был образован Ленинградский городской комитет (ЛГК) Красного Креста[2]. Надо отметить, что в документах Ленинградского городского комитета Красного Креста, как и в повседневном общении, в отношении ЛГК продолжало употребляться понятие РОКК.

В то же время *Красный Крест являлся одним из каналов по которому поступала гуманитарная помощь из-за рубежа.* Постановлением СНК СССР от 18 августа 1941 г. №1987 было принято решение о восстановлении сотрудничества с Международной Лигой Красного Креста. В связи с этим, исполкому Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (СО КК и

1 ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 3. Д. 10. Л. 51-53.

2 С 1927 г. Ленинградский областной комитет РОКК, с 1932 г. в ведении исполкома Союза общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (по ЦГА СПб. Путеводитель [Электронный ресурс] // URL: https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cga/guide/179. (дата обращения: 26.03.2023))

КП) было разрешено внести в Лигу членские взносы за 1940 и 1941 годы в сумме 10 тыс. долларов США, за счет собственных средств Союза[1].

11 ноября 1941 года президент США Франклин Рузвельт передал через американского посла Эд-мемуар (Aide memoire) о поставках Американским Красным Крестом около 1/3 медикаментов по списку, разработанному комиссией медицинского снабжения на конференции трех держав, всего на сумму приблизительно 5 миллионов долларов. Для закупок медикаментов Красный Крест США использовал фонды, предоставленные в распоряжение президента США Ф. Рузвельта Конгрессом, а также фонды пожертвований американского народа, созданные для оказания помощи СССР. Расходование последних должно было осуществляться под наблюдением представителя Американского Красного Креста, в связи с необходимостью отчета перед Конгрессом и пожертвователями. Целевым назначением данных поставок, осуществляемых, в том числе за счет президентских фондов, была помощь гражданскому населению СССР. Указывалось также на возможность расширения помощи по мере потребностей и соответствующих заявок[2].

Укреплению международных связей Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР посвящались постановления СНК СССР от 25 января 1943 г. №93 «Об утверждении Положения о миссии Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в США» и от 25 января 1943 г. №94 «Об утверждении Положения о миссии Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в Великобритании»[3]. Восстановление членства в Международной Лиге Красного Креста способствовало развертыванию работы СОКК и КП СССР и Ленинградского комитета Красного Креста.

Уже *8 августа 1941 г. в ЛГК было направлено поручение исполкома СОКК и КП* «собирать … факты нарушений международных конвенций фашистами и их зверских действий», направляя их в Исполком СОКК и КП в секретном порядке. Поручение было подписано заместителем председателя Исполкома СОКК и КП бригврачом П. Д. Диваковым[4].

О масштабах работы, осуществлявшейся в период войны, можно судить по донесениям Лидии Наумовны Левитской, председателя Ленинградского городского комитета Общества Красного Креста, которые отправлялись в Исполком СОКК и КП СССР, его председателю, заместителю Наркома здравоохранения СССР, выдающемуся советскому кардиохирургу Сергею Алексеевичу Колесникову, или заместителю председателя, заместителю начальника

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 210.
2 Переписка Сталина с Рузвельтом в годы Второй Мировой войны // РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 363. Л. 57, 58.
3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 210. Л. 241–245; Л. 246–249.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 2. Л. 85.

Санитарного управления РККА, бригврачу Петру Даниловичу Дивакову и, одновременно, в Ленгорисполком. Необходимо указать, что в донесениях с грифом секретно содержалась подробнейшая характеристика санитарного состояния и социальных проблем в городе, связанных с оказанием медицинской помощи. Донесения отправлялись каждые две недели, и в исполкоме СОКК и КП, а также в Наркомздраве и Санитарном управлении РККА, с первых же дней войны скапливалась полная мельчайших подробностей характеристика положения населения в Ленинграде. С учетом наладившихся постоянных контактов между СОКК и КП, Красным Крестом США и Великобритании ясно, что Красный Крест мог стать источником осведомленности союзников о бедственном положении в Ленинграде. Имеются некоторые незначительные расхождения между данными донесений и сохранившимся отчетом о работе Ленинградского городского комитета Красного Креста за 1941–1944 гг. на 274 страницах.

Главным в Красном Кресте были люди. От них требовалась самоотверженность, скромность, железная дисциплина. Героиней Красного Креста стала Вера Щекина, 1924 г.р., дочь ленинградского рабочего, которая спасла 39 детей. Если не было мест в детдоме, Вера несла ребенка в казарму к дружинницам. Работая на санитарной машине, она свезла в больницы 17 раненых. О подвиге Веры Ивановны Щекиной (Ивановой) был написан рассказ Веры Кетлинской «Вера Щекина»[1].

В действительности образу героини Веры Щекиной предшествовал образ другой героини: Наташи Набатьевой – легендарной медсестры, командира сандружинниц Кировского района. О работе ее дружины во время Советско-финляндской войны был снят художественный фильм «Фронтовые подруги», удостоенный Сталинской премии. Наташа стала прообразом главной героини фильма, который вышел на экраны в мае 1941 г. О работе дружины под огнем противника осенью 1941 г. писала «Ленинградская правда» в статье «Тридцать лучших»[2]. Сама она была награждена в ноябре 1941 г. грамотой Ленгорисполкома. Под ее руководством сандружинницы дежурили в городском штабе МСС, находясь в оборудованном подвале по колено в воде. Однако уже в декабре 1941 г. она была уволена из дружины из-за опозданий на утреннюю поверку, возникших из-за трудностей, связанных с тяжелыми условиями дежурств. В ответ на попытку Ленинградского горкома комсомола заступиться за героиню Лидия Наумовна Левитская, председатель ЛГК КК, отвечала о начале недопустимой «звездной болезни». Уволенная в смертное время Наташа оказалась в очень трудном положении: ее дом был разрушен во время бомбардировки, поэтому жизнь на казарменном положении в ее положении была

1 Там же. Оп. 2. Д. 59. Л.3, 4.
2 Тридцать лучших // Ленинградская правда. – 1941, 1 ноября. – №261 (8054). С.2.

необходимостью. Однако легендарный командир не пропала, не обозлилась: стала работать грузчицей на Дороге жизни[1]. Героическую и трагическую работу Красного Креста, таким образом, можно рассматривать как один из узлов противоречий повседневной жизни ленинградского социума в блокаде.

П. Ф. Гладких пишет, что *обучение сандружинниц осуществлялось в учебных дружинах (учебно-санитарных подразделениях)* по программе в 140 часов[2]. В то же время, в начале войны, 25 июня 1941 г. начальником отдела подготовки санитарных оборонных кадров ЛГК Красного Креста Гордоном была утверждена программа для подготовки дружинниц, рассчитанная на 4 этапа обучения. Всего 200 часов, из них 130 часов практики и 70 часов теории. В первый этап обучения входили 10 часов теории и 50 часов практики. Осенью 1942 г. для подготовки санэпидотрядов была утверждена новая программа, с учетом скорейшей подготовки по основным вопросам эпидемиологии, военной гигиены, дезинфекции, санхимзащиты и боевой подготовке. Программа была рассчитана на 80 часов. Кроме того, были проведены дополнительные 6-дневные курсы по дератизации для инструкторов. В процессе работы проводились дополнительные занятия в объеме 48 часов[3]. Для улучшения качества подготовки бойцов Всевобуча и учащихся-допризывников, в соответствии с постановлением Военного Совета Ленфронта №00912 от 1 июня 1942 г. был создан Учебно-методический центр Всевобуча («Дом всевобуча») при Ленинградском городском военкомате, под руководством учебно-методического совета. В состав совета вошли: Г. И. Забелин, председатель Ленинградского городского комитета по делам физкультуры и спорта, А. И. Зуев, председатель Ленинградского городского совета Осоавиахима, Л. Н. Левитская, председатель Ленинградского городского комитета Красного Креста, В. Н. Иванов, секретарь Ленинградского ОК и ГК ВЛКСМ[4].

На 1 декабря 1941 г. работали 172 группы курсов медсестер (4 927 чел.), имелось 49 учебных дружин (1 396 чел.). С курсов и из дружин шел отсев: в ноябре 1941 г. отсеялось 576 чел. В связи с этим количество курсов и учебных дружин было сокращено. На 1 января 1942 г. количество санитарных постов выросло по сравнению с июлем 1941 г. почти в два раза: имелось 5 173 санитарных поста, из них на предприятиях 1865 постов и в домохозяйствах 3308 постов. В то же время, к 15 февраля 1942 г. только 87% (4 508) постов были полностью оснащены[5].

Число учебных и кадровых дружин и дружинниц в них постоянно изменялось, так же как

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 2. Л.117, 118, 118об.

2 *Гладких П. Ф.* Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941–1944 гг. С. 349, 350.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 1. Л. 3, 3об; Д. 7. Л. 16об, 17.

4 Там же. Д. 5. Л. 11.

5 Там же. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 45. Л. 39, 81, 82.

изменялось количество дружинниц, находившихся в штате госпиталей, работавших вне штата, без отрыва от производства, и значкистов ГСО по объективным причинам. За весь 1941 г. было подготовлено 487 дружин с 12 512 чел. дружинниц, из них до войны 104 дружины с количеством 2 884 чел. За 1941 год Ленинградским Красным Крестом было направлено в Красную армию 1 006 чел., в армию народного ополчения 3 193 чел., в госпитали 4 811 чел., на санитарное обслуживание трудовых работ 1 524 чел., на обслуживание эвакуируемых 746 чел., а всего 10 680 чел. За весь 1941 г. было подготовлено 348 704 значкистов ГСО. Так, на 1 января 1942 г. обучались 68 групп курсов медсестер, в которых состояло 1 932 чел. учащихся, и 6 учебных дружин со 127 чел. учащихся. Работали 232 кадровые дружины (3 489 чел.), в том числе на участках 100 дружин, в районах 30 дружин, в СОПах и ДГК 16 дружин (242 чел.). 86 дружин (1 297 чел.) находилось в резерве[1].

На 30 апреля 1942 г. городская организация Красного Креста насчитывала 2 196 санитарных постов: 755 на предприятиях и 1 441 – в домохозяйствах (по сравнению с 1 декабря 1941 г. число постов сократилось почти на 3 тысячи). 1 135 чел. дружинниц работало в госпиталях с отрывом от производства, и 562 чел. – без отрыва от производства. О массовости Ленинградской городской организации Красного Креста можно судить и по тому, что за 1942 г. было собрано 511 383 руб. членских взносов[2].

Всего за 1941 г. и 6 месяцев 1942 г. было подготовлено 7 743 чел. медсестер и 13 025 чел. сандружинниц. Все медсестры были поставлены на воинский учет и переданы на работу в эвакогоспитали ФЭП №50 и на фронт. Всего же за этот период в санитарные учреждения Красной Армии было направлено 17 619 чел. дружинниц и значкистов ГСО. К началу июля 1942 г. дружинниц работало около 2 тысяч. Отзывы оставались очень высокими, и к 14 августа 1942 г. не менее 60 чел. сандружинниц и медсестер были награждены орденами и медалями.

С целью показа мастерства подготовленных Красным Крестом медсестер в июле 1942 г. была проведена общегородская научно-практическая конференция краснокрестных медсестер, работавших в эвакогоспиталях. Доклады предварительно обсуждались на госпитальных конференциях. Среди тем: пролежни и профилактика их (докладчик Лихтенштейн); ошибки в работе медсестер у постели больного (докладчик Никитина); асептика в работе операционной (докладчик Герасимова). Качество докладов получило высокую оценку главного хирурга ФЭП-50 И. С. Колесникова[3].

К 1944 г. удельный вес членов общества к числу жителей Ленинграда значительно вырос.

1 Там же. Л. 12, 31.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 3. Л. 115, 157.
3 Там же. Д. 4. Л. 20, 20об, 21, 21об, 23.

И это несмотря на жесткую дисциплину, на то что сандружинниц и медсестер Красного Креста отправляли на самую трудную и опасную работу. Так, в 1941 г. в 3679 первичных организациях состояло 289 933 членов общества, в 1942 г. в 2238 организациях – 166 595 членов, в 1943 г. в 2093 организациях – 143 016 членов, а в 1944 г. в 2811 первичных организациях 234 434 членов[1]. Если сравнить с населением Ленинграда: 862 тысячи чел. на 15 сентября 1944 г.[2], то число членов Красного Креста составляло 27 % всех жителей Ленинграда в этот период. С 1941 г. по 1944 г. были подготовлены: 9 901 медсестра, 20 869 сандружинниц, 840 999 значкистов ГСО[3].

Практическая работа сандружинниц в 1941 году охватывала: госпитали, фронт, оборонительные рубежи, эвакуацию, противоэпидемическую работу, работу в МСС МПВО, помощь семьям военнослужащих, донорство.

22 июня 1941 г. к 23-30 по тревоге было поднято 1 816 дружинниц и приведен в боевую готовность 931 санитарный пост. На казарменное положение были переведены по распоряжению горкома ВКП(б) по 50 дружинниц и медсестер в каждом районе. Было введено круглосуточное дежурство на командном пункте МСС МПВО. К 8 июля 1941 г. в городе было развернуто 2 362 санитарных поста в жилищной системе, в которых имелась 1 331 койка. Всего работали 1 494 дружинницы в 50 дружинах по районам города. 1 527 дружинниц и 168 медицинских сестер были отправлены с армией народного ополчения. Всего же было подано 21 944 заявлений в дружины медсестер для работы в госпиталях. Было организовано 98 новых учебных групп медсестер, которые приступили к занятиям. Необходимо отметить, что высокий уровень организованности Красного Креста в Ленинграде был связан с тем, что к 1 января 1941 г. в городском Обществе состояли 270 607 чел. или 8,4% от всего населения г. Ленинграда. Из них в эвакуацию летом 1941 г. уехали всего 16 520 чел., или 6%[4].

15 июля 1941 г., в соответствии с полученными указаниями СОКК и КП, председатель Ленинградского городского комитета Общества Красного Креста Л. Н. Левитская обратилась к заместителю председателя Ленгорисполкома Е. Т. Федоровой, с предложением помочь в организации эвакуации. Было принято решение сандружинниц направить для обслуживания эвакуированных на ст. Сортировочная-Московская[5]. Специальным решением ГК ВКП(б) от 22/X-41 г. на Красный Крест было возложено оказание помощи отделу социального обеспечения

1 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 2. Д. 59. Л.4.
2 От войны к миру: Ленинград. 1944–1945. Сб. документов / Арх. ком. С. -Петербурга, Центр. гос. архив ист.-полит. док. С. -Петербурга; отв. ред. Н. Б. Лебедева; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. – Санкт-Петербург: Лики России, 2013. С. 92.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 2. Д. 59. Л.6.
4 Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 1, 6, 79об.
5 Там же. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 21. Л. 29; Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 2. Л. 67, 70.

Ленгорисполкома в организации 4-х эвакопунктов для инвалидов Отечественной войны[1].

Решением СЗ Ленгорисполкома от 2/IX-41 г. Красный Крест был направлен на обслуживание санпропускника при эвакуационном госпитале ЭГ 1170; затем, решением от 9/IX-41г. дружинницы были прикреплены к каждому домохозяйству и общежитию для проведения постоянной профилактической работы[2].

В постановлении оргбюро Исполкома СОКК и КП по г. Ленинграду 20 октября 1941 г. было отмечено, что в сентябре – октябре 1941 г. в очагах поражения работало 2 914 чел. дружинниц, оказавших помощь 5 806 чел. пострадавшим. Тогда же были определены важные задачи Ленинградского комитета Красного Креста, среди которых выделялась необходимость оказать помощь детям, добиваясь устройства их в отепленные комнаты[3]. С этой целью 1 182 чел. сандружинниц и медсестер, обходя квартиры и бомбоубежища, с 20 по 30 ноября 1941 г. провели учет детей по 15районам города, выявив 49 465 чел. (по отчету заведующему Ленгорздравотделом В. С. Никитскому)[4]. Необходимо отметить, что деятельность дружин Красного Креста осуществлялась под руководством комиссий по здравоохранению при райсоветах депутатов трудящихся.

В ноябре – декабре 1941 г. сандружинницы занимались наведением санитарного порядка в бомбоубежищах, учитывали непривитое детское население на дому, оказывали непосредственную помощь ослабевшему ленинградскому населению. В том числе организовывались пункты для приема поднятых на улице ослабевших граждан, определялись в детские учреждения дети, лишившиеся родителей. Дружинницы патрулировали на улицах: подбирая трупы, оказывая помощь ослабевшим людям. Всего по городу, за ноябрь – декабрь 1941 г., сандружинницами было обследовано 6484 квартиры [подсчитано мной по документу – Л.Г.]. Только в Красногвардейском районе за этот период была оказана помощь на улице 1170 чел., 300 чел. были направлены в стационары, 870 чел. – домой в сопровождении дружинниц, с последующим наблюдением за ними[5].

Дружинницы заготавливали дрова и отапливали стационары для приема подобранных больных. Трудности возникали с дальнейшим устройством их в больницы, которые отказывались принимать больных с улицы, и даже, как писала в отчете Л. Н. Левитская: «грозят их [сандружинниц] побить, если они доставят в госпиталь хоть одного больного»[6]. Так, с 1 по 20

1 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 2. Д. 59. Л. 9.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 2. Д. 59. Л.11.
3 Там же. Оп. 3. Д.1. Л. 90.
4 Там же. Л. 147.
5 Там же. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 45. Л. 11–30.
6 Там же. Л. 26.

декабря 1941 г. было подобрано на улицах 1020 дистрофиков, которые в ряде случаев отправлялись на ближайший санитарный пост, где им оказывалась медпомощь. Проблемой являлось отсутствие питания на санитарных постах (далее санпост), из-за чего в ожидании помещения в больницы люди, помещенные на санпосты, умирали, не дождавшись своей очереди. Управхозы прятались при появлении больных, зачастую вместе с ключами от помещений. Порой госпитализированный с большим трудом дистрофик, сбегал из больницы на работу (в документе приводится пример кладовщика Московского райсовета Голубева). Для решения данной проблемы Красным Крестом предлагалось создать коллекторы, обеспечив их питанием[1].

Дружинницами производилась санитарная обработка завшивленных квартир. Они ухаживали за больными людьми: приносили продукты, продлевали больничный, выявляли, как уже было сказано, непривитых детей, убирали трупы из квартир, в случае их обнаружения. Огромная работа проводилась по обслуживанию эвакопунктов в городе, где были сосредоточены беженцы. В донесении указывалось на отсутствие отопления и бань как основной причины массовой заболеваемости детей и взрослых на пунктах[2].

Значительная помощь была оказана дружинницами по уходу за ранеными, находящимися в госпиталях и батальонах выздоравливающих. К 9 декабря 1941 г. в госпиталях работали 3 544 чел. дружинниц и 4 456 чел. значкистов ГСО, которые несли дежурства и помогали в развертывании новых госпиталей. Всего за 1941 год было подготовлено и выпущено Красным Крестом 5 316 медсестер, которыми обеспечивались все новые госпитали[3]. Мужественно дружинницы действовали в очагах поражения. Только с 10 по 20 декабря 1941 г. в очагах поражения от артобстрелов жилых домов работало 160 чел. дружинниц, была оказана помощь 151 чел. пострадавшим[4]. На 6 декабря 1941 г. Городским комитетом Красного Креста, согласно заданию военного отдела ГК ВКП(б), было отправлено на фронт 3 600 дружинниц и медсестер с полным оснащением (носилками, санитарными сумками и противогазами)[5]. Это число несколько расходится с данными отчета: 5 848 чел.[6]

В 1942 г., несмотря на трудности, работа Красного Креста продолжалась. С 15 по 30 января 1942 г. в крайне тяжелых условиях дружины Красного Креста продолжали оказывать помощь ослабевшим гражданам. Всего на улицах города работало 659 дружинниц, оказавших помощь 2 549 чел., из них 800 чел. из Красногвардейского района. В Петроградском районе

1 Там же. Л. 55, 64.
2 Там же. Л. 11–30, 33, 36.
3 Там же. Ф.Р-8111. Оп. 3. Д.1. Л. 158.
4 Там же. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 45. Л. 63.
5 Там же. Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 2. Л. 60.
6 Там же. Оп. 2. Д. 59. Л.7.

дружинницы вынесли из огня 47 детей, оказав им первую помощь, в очаге поражения по адресу Кировский пр., 65 (ныне Каменноостровский пр.). Дружинницы обеспечивали дровами, водой и доставкой пищи, фонарей, медикаментов эвакопункты, в том числе для инвалидов войны[1].

Решением ГК ВКП(б) от 30/I-42 г. были выделены дружинницы и медсестры для проведения противодизентерийных прививок[2]. На 15 февраля 1942 г. из-за смертности, болезней и эвакуации в полностью укомплектованных кадровых дружинах осталось 1430 чел. Основной задачей в этот период стало устройство детей, оставшихся без родителей. Только в Ленинском районе было выявлено за 1-ую половину февраля 1942 г. 200 детей-сирот, устроенных в дома малюток, ясли, детдома. Истощенные подростки были взяты на учет и прикреплены к дружинницам для ухода и оказания бытовых услуг. В целом по городу на улицах работало 425 дружинниц, оказавших помощь 1882 чел. 589 чел. обследовали 6439 квартир, где было выявлено 2798 больных, была оказана помощь 149 семьям красноармейцев, выявлены и определены в детдома 457 детей-сирот. 175 дружинниц работали в 23 стационарах для дистрофиков. 51 чел. лучших дружинниц и начальников санитарных постов удостоились наград за свою работу значками и грамотами «Отличнику санитарной обороны»[3].

На 15 марта 1942 года на курсах медсестер обучалось 1 628 чел. в 51 группе. В 154 кадровых дружинах, согласно отчету, состояло 2 307 чел. (почти на тысячу больше, чем месяц назад). В то же время за первые две недели марта шесть дружин и 94 чел. сократилось, из которых 66 чел. выбыли по болезни и эвакуации. За этот же период в Красную Армию было направлено семь медсестер и 45 дружинниц. 34 дружины Красного Креста работали в районах (507 чел.), 94 – на участках (1421 чел.), 7 – в стационарных обмывочных пунктах и дегазкамерах (105 чел.), 2 – на пунктах первой помощи (36 чел.), в резерве было 16 дружин (238 чел.)[4].

В 1941-42 гг. были созданы 132 обогревательных пункта, временные стационары для больных, которых не принимали больницы, всего 213 стационаров в Дзержинском, Володарском, Московском и Ленинском районах. С декабря 1941 по март 1942 г. патрулировали дружины на улицах для оказания помощи гражданам. Всего такую помощь получили 12 735 граждан[5].

В то же время в отчете Л. Н. Левитской отмечалось, что сами дружинницы, заболев, были лишены медицинской помощи в стационарах команд МПВО, где не было женских мест. Заболевшие дружинницы находились в казармах, где не всегда имелось отопление, свет, мыло для стирки белья. В стационарах для размещения больных не имелось не только отопления, но и

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 45. Л. 74, 76.
2 Там же. Ф. Р-8111. Оп. 2. Д. 59. Л.11.
3 Там же. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 45. Л. 82, 92.
4 Там же. Л. 115. В документе неточность. Всего: 153 дружины [подсчитано мной – Л.Г.].
5 Там же. Ф. Р-8111. Оп. 2. Д. 59. Л.11об.

продуктов питания, неубранные трупы лежали рядом с больными по несколько дней[1].

Обследование квартир и уход на дому за больными и инвалидами в 1941 – 1944 гг. Ленгорисполком возложил на Красный Крест уход за одинокими больными на дому. Было выявлено таких больных в 1941-42 гг. 69 304 чел., из них ухаживали за 22 142 чел.; в 1943-44 гг. – за 4 982 чел. В 1943 г. ухаживали за 7182 чел., в 1944 – 3 844 чел. Дружинницы вели учет больных, проводили санобработку населения, белья и вещей. В самый тяжелый период с 1 по 15 марта1942 г. дружинницами было обследовано по 15 районам города 4 455 квартир; 798 больных находились под их наблюдением. 132 ребенка были устроены в детские учреждения, 4 ребенка-сироты с эвакопунктов были устроены в детдома. Были обследованы 102 семьи красноармейцев; 2 389 больных, находившихся на больничном, а также иммунизировано против дизентерии 220 011 чел. (в иммунизации участвовало 1 621 чел. дружинниц). 31 357 больных были госпитализированы сандружинницами на носилках. Св. 10 000 беспризорных детей были выявлены при обходе квартир и определены в детские учреждения. В семи районах 110 дружинниц работали в стационарах и поликлиниках[2]. Всего было обследовано в 1942 г. 281 727 квартир; в 1943 г. 141 849 квартир; в 1944 г. 68 074 картир. Свыше 20 тысяч квартир было приведено в порядок при участии членов Красного Креста[3].

В январе 1943 г. ЦК ВКП(б) вынес решение об улучшении обслуживания семей военнослужащих. За 1943 г. всего было обследовано 74 945 семей, из них оказана помощь 65 046, 4 967 чел. госпитализировано, за 13 408 осуществлен уход на дому, 6 315 чел. были устроены на усиленное питание, 3 618 детям оказана помощь и обработано примерно 1110 участков под огород для этих семей; в 1944 г. дружины обследовали 38 025 семей военнослужащих, 42 999 была оказана помощь, 959 чел. госпитализировано, за 3 867 чел. осуществлен уход на дому, 4 082 оказана помощь в устройстве на усиленное питание, 1949 детям оказана помощь и обработан 831 участок под огород для этих семей. За 1944 г. была оказана помощь 1651 инвалиду, кроме того, шефствовали над 4 домами инвалидов. Было отремонтировано 7000 кв. метров жилья для семей военнослужащих и инвалидов войны[4].

Важное место в деятельности Красного Креста занимала работа в госпиталях, в МПВО и на фронте. За период войны силами дружинниц были оборудованы 15 госпиталей в Красногвардейском районе, 400 человек участвовали в оборудовании госпиталей Выборгского района, 300 человек было направлено в госпитали РОКК Свердловского района. Всего в

1 Там же. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 45. Л. 94, 95.
2 Там же. Л. 116, 117, 118 [один лист в документе отсутствует].
3 Там же. Ф. Р-8111. Оп. 2. Д. 59. Л.12.
4 Там же. Л. 13.

госпиталях работали от Красного Креста: в 1941 г. 6253 медсестры, 6198 дружинниц, 15 000 значкистов; в 1942 г. 2184 медсестры, 3127 дружинниц; в 1943 г. 2500 медсестер, 870 дружинниц[1].

В то же время в постановлении Военного Совета Ленинградского фронта от 6 марта 1942 г. № 00707 «Об усилении готовности г. Ленинграда к противохимической защите» были вскрыты существенные недостатки в состоянии противохимической защиты. Отмечалось, что «объектовые дегазационные команды и звенья групп самозащиты в большинстве домов развалились». Начальнику МПВО Е. С. Лагуткину следовало исправить недостатки в 5–10 дней[2].

Летом 1942 г., по инициативе ЛГК Красного Креста, дружины Красного Креста были переданы в личный состав формирований МПВО г. Ленинграда. Всего 2 175 чел. дружинниц Красного Креста: 510 чел. – районных дружин и 1665 чел. участковых дружин, по состоянию на 13 июля 1942 г. Одной из причин являлась финансовая сторона вопроса: по решению горкома ВКП(б) от 8 сентября 1941 г. все дружинницы МПВО были сняты с производства и переведены на казарменное положение с сохранением за ними зарплаты и продовольственных карточек по месту работы. Однако к лету 1942 г. многие учреждения и организации были эвакуированы, другие отказывались выплачивать зарплату или выдавать продовольственные карточки. Таким образом, зачисление дружинниц Красного Креста в личный состав МПВО было объективно необходимо[3].

Хотя практики призыва женщин на службу через военкомат до тех пор не было, был произведен строгий отбор. Брали, в первую очередь, бездетных, здоровых женщин, 18–30 лет, имеющих подготовку по ПВХО и РОКК[4]. Всего на фронт через Красный Крест было направлено: в 1941 г. 1 649 медсестер, 4 199 сандружинниц, 12 461 значкист ГСО; в 1942 г. 1 404 сандружинницы и 22 000 значкиста ГСО; в 1943 г. 412 сандружинниц[5].

38 медсестер Колпинской организации Красного Креста были награждены Орденами и медалями Советского правительства[6]. Получили известность подвиги Смирновой Екатерины Ефимовны, председателя Колпинского РК РОКК, награжденной Орденом Красной Звезды; сандружинницы Глинкиной Анастасии Федоровны, погибшей в боях за Ленинград, награжденной орденом «Боевого Красного Знамени», медалями «За отвагу» и «За оборону Ленинграда»[7]. Особое место занимает подвиг Евгении Георгиевны Стасюк, героини рассказа Николая Тихонова

1 Там же. Л.6.
2 Там же. Оп.3. Д. 5. Л. 8, 9.
3 Сводка о личном составе формирований Местной Противовоздушной обороны г. Ленинграда. // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 36. Л. 85; Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 4. Л. 24.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 4. Л. 5, 5об.
5 Там же. Оп. 2. Д. 59. Л.7.
6 Там же. Л.8.
7 Там же. Л.7.

«Мгновение», погибшей во время боев за Колпино. Остановив отступление бойцов 2 роты 289 отдельного пулеметного артиллерийского батальона, Евгения Георгиевна так и не получила заслуженной награды «Ордена Ленина». Уже в наши дни она была награждена посмертно Памятным Знаком «Народное ополчение Ленинграда».

На оборонительных рубежах работали: в 1941 г. 424 медсестры, 2 765 сандружинниц, 1 241 значкист ГСО; в 1942 г. 140 медсестер, 272 сандружинницы; в 1943 г. 115 медсестер, 174 сандружинницы[1].

В течение всей войны санитарные посты Красного Креста оказывали большую помощь МСС МПВО, находясь в резерве. В 1941 г. в резерве МСС МПВО были 3 489 санитарных дружинниц. Всего за годы войны было развернуто санитарных постов: 1 июля 1941 г. 4 973 санпоста с 5 218 коек в них, 1 июля 1942 г. 2 695 постов с 2 533 койками, на 1 июля 1943 г. 3 075 санпостов с 3 533 койками, на 1 июля 1944 г. 3 630 постов с 2 903 койками. До 1 января 1944 г. санпосты оказали доврачебную помощь в 34 105 случаях[2].

11 марта 1942 г. ЦК ВЛКСМ постановил: обкомам ВЛКСМ обеспечить набор девушек-комсомолок и некомсомолок в учебные санитарные дружины на курсы медсестер, а также контролировать их посещаемость и успеваемость[3]. 21 марта 1942 г. на заседании Чрезвычайной противоэпидемической комиссии Ленгорисполкома было предложено закрепить дружинниц за каждым районом для проведения всеобщей иммунизации, запретив использовать их на других работах[4].

28 мая 1942 г. Исполком СОКК и КП предложил ЛГК выделить в распоряжение штаба МПВО дружинниц из резерва, а также не включенных в кадровые дружины[5]. Соответственно, работа учебных и кадровых дружин Красного Креста была продолжена. Сохранились санпосты в домохозяйствах, хотя из-за эвакуации, а также болезней и смерти личного состава на 1 июня 1942 г. их количество сократилось до 2 281, вместо 4990 по плану, соответственно числу домохозяйств. Имелась 71 участковая дружина с 1 052 дружинницами[6]. К 15 ноября 1942 г. в 100 учебных дружинах состояло 2 858 чел., на курсах медсестер занималось 804 чел., в кадровых дружинах было 369 чел. Кроме того, 428 чел. числились в санэпидотрядах[7]. Как уже отмечалось выше, указанное количество постоянно претерпевало изменения.

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 2. Д. 59. Л.9.
2 Там же. Л.10.
3 Там же. Оп. 3. Д. 5. Л. 2, 3.
4 Там же. Л. 10.
5 Там же. Д. 4. Л. 10.
6 Там же. Л. 17,18.
7 Там же. Д. 3. Л. 156.

Помимо практической работы, одной из важных задач, поставленных СОКК и КП перед ЛГК в этот период, оставались сбор, учет и хранение документальных материалов о зверствах, разрушениях, грабежах и насилиях германских властей в оккупированных ими советских района. Документы собирались согласно разосланной Управлением государственными архивами НКВД СССР инструкции и подлежали немедленной передаче Управлению государственными архивами НКВД СССР или его местным органам[1].

Отдельно необходимо сказать о санитарно-эпидемиологических отрядах. Летом 1942 г. Л. Н. Левитская выступила с инициативой объединить вновь подготовленных кадровых дружинниц в два отряда, которые получали бы финансовое обеспечение из остатков по бюджету Красного Креста. 30 августа 1942 г. Ленинградский горком ВКП(б) принял решение о создании двух эпидемических отрядов Красного Креста[2]. К 1 октября 1942 г. были сформированы отряды, в которых первоначально состоял 431 чел. Однако после выбытия по разным причинам осталось 324 чел., отмобилизованных городским военкоматом. Один из отрядов был закреплен за гарнизонным врачом (161 чел.), а второй – за Ленгорздравотделом (163 чел.). С 3 ноября 1942 г., пройдя курс обучения в объеме 100 часов, дружинницы приступили к работе[3].

Основная работа с ноября 1942 г. по февраль 1943 г. осуществлялась по нескольким направлениям. Во-первых, была проведена санэпидразведка, во время которой осмотрено 18 535 квартир, 71 748 чел. на педикулез, из них выявлено зараженных 3 235 чел. (4,5%). Соответственно, на месте создавался санитарный пост и осуществлялась дезинсекция и санобработка. Кроме того, были обследованы 9 предприятий, где зараженность педикулезом оказалась значительно выше: от 16 до 28% проверенных. В январе 1943 г. основная группа дружинниц работала в очаге сыпнотифозного поражения в Октябрьском районе г. Ленинграда. Во-вторых, осуществлялась дератизация, которая проводилась в первую очередь в местах, где были случаи заболевания инфекционной желтухой. Было обследовано 4 416 объектов. В-третьих, дезинсекционные и дезинфекционные работы в квартирах, где был обнаружен педикулез и инфекционная желтуха. Кроме того, осуществлялись санитарная пропаганда и агитация. Всего было проведено 128 бесед. Были осуществлены и другие работы, в том числе в помощь Карельскому фронту по выявлению семей военнослужащих. В январе 1943 г. 123 дружинницы были направлены по распоряжению начальника Санитарного управления Ленинградского фронта в действующую армию, где, в основном, использовались как обычные санитары для выноса раненых с

1 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 4. Л. 13, 14об.
2 Там же. Л. 24об; См. также: *Свешников А. В.* Здравоохранение Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 г.г. С. 12.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 7. Л. 1, 2, 16.

поля боя[1].

Содержание этих отрядов осуществлялось на средства Городского комитета Красного Креста (исключение составили командиры отрядов, зарплата которых шла за счет Санитарного Управления Ленфронта). За 1942 год и январь – февраль 1943 г. на содержание отрядов было израсходовано 494 468 руб., в том числе на зарплату 70 718 руб. и на питание 233 175 руб. [данные взяты округлено – Л.Г.]. На одного человека в среднем пришлось около 188 рублей в месяц. Средств было недостаточно и обеспечение отрядов оставляло желать лучшего: к 1 января 1943 г. из обмундирования имелось 90 шт. ватных штанов, 100 шт. шерстяных юбок, по 1 паре ботинок, 82 пары брезентовых сапог, 150 шт. шапок-ушанок. Кроме того, были изношенные комбинезоны и ватные куртки, в которых сандружинницы прибыли. Нормы котлового питания соответствовали старым нормам РОКК, однако иногда удавалось давать добавочно по 200 г шрот или 200 г молока в день. Собственными силами сумели привести в жилое состояние выделенное помещение по адресу В.О., 13 линия, д. 28 (школа), обеспечить помещение канализацией, водопроводом, дровами, электроэнергией. Для личного состава санотрядов была организована санитарная часть с изолятором. При отсутствии транспорта все работы по переноске больных или оборудования осуществлялись на тележках, санках, силами самих дружинниц[2].

С 1943 г. отряды были переданы на финансирование Ленгорздравотделу, получавшему специальные средства из бюджета на противоэпидемическую работу[3]. Следует заметить, что соответствующие средства проходили по сметам ЛГЗО на противоэпидемическую работу и в 1942 г.[4] Можно предположить, что эти средства были использованы на дополнительные койки в 1942 г., которые открывались как эпидемические, а затем переквалифицировались на койки для дистрофиков (см. диаграмма 9). Такие «выкрутасы» оправдывались острой нехваткой выделяемых средств. Таким образом, средства Красного Креста использовались как резерв на насущные задачи спасения гражданского населения, также как ранее средства ОСВОДа.

С февраля 1943 г. ленинградские эпидемические отряды Красного Креста являлись опорой Ленинградской городской чрезвычайной противоэпидемической комиссии, участвуя в борьбе с сыпным тифом, эпидемией гриппа, а с июля 1943 г. осуществляя карантинные мероприятия[5]. Однако 5 апреля 1944 г. труд противоэпидемических отрядов Красного Креста был отмечен специальным постановлением бюро Ленинградского ГК ВКП(б), а вслед за тем они

1 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 7. Л. 2, 2об, 3.
2 Там же. Л. 10, 17об, 18, 18об.
3 Там же. Л. 14.
4 Там же. Л. 11, 12, 12об, 13, 14.
5 Там же. Д. 9. Л. 1, 3.

были расформированы, в связи с улучшением эпидемиологической обстановки в Ленинграде[1].

Опыт Ленинграда пригодился. В 1944 г. на сандружинниц Красного Креста была возложена обязанность организации санитарно-эпидемических отрядов. В соответствии с Постановлением СНК СССР от 1 апреля 1944 г. №332 Исполком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР должен был до 1 мая 1944 г. организовать 30 санитарно-эпидемических отрядов для проведения санитарно-эпидемических мероприятий в районах, освобожденных от немецко-фашистской оккупации[2].

Донорство – одно из основных направлений деятельности Красного Креста в течение всей блокады. В 1941 г. донорами были 18 тыс. членов Красного Креста, в 1942 г. 3284 чел., в 1943 г. 3707 чел., а в 1944 г. – 10 847 чел.[3]

15 января 1944 г. Институт переливания крови и Санитарное Управление Ленфронта поставили перед Ленинградским городским комитетом Красного Креста новую задачу: срочное создание резерва донорской крови. С этого момента сдача крови и вовлечение в донорство новых и новых доноров стало важнейшей задачей Красного Креста. Для вовлечения новых доноров было проведено с 15 по 31 января 616 бесед, 32 радиопередачи, митинги, написаны 9 заметок в многотиражках, посвященные наступлению Армии. Встало на учет новых доноров 3420 чел.

В день снятия блокады активисты Красного Креста послали письмо раненым бойцам, находившимся в госпиталях. В отрывке видны эмоции, переполнявшие жительниц Ленинграда: «Дорогие наши, любимые воины Красной Армии.

Активисты Общества Красного креста Ленинского района, собравшись на митинг, с великой радостью и волнением встретили весть о снятии блокады Ленинграда, о том, что разбита полоса укрепления противника. Нет больше вражеских гнезд в окрестностях г. Ленинграда. Навсегда прекратились обстрелы. Город освобожден! (…) Активисты санитарно-оборонного Общества прежде всего обязуются сделать все, чтобы охранить здоровье защитников Родины. На фронте, в госпиталях дружинницы и активисты РОККА с честью обязуются выполнять свои обязательства. Мы окружим заботой и вниманием семьи фронтовиков и еще шире развернем работу санитарно-бытового обслуживания трудящихся. В тяжелых условиях блокады мы

1 Героический Ленинград 1917–1942 / под ред. С. И. Аввакумова. – Л.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1943. С. 150.

2 Для отрядов выделялись дополнительные финансовые средства, придавались 20 врачей, 20 лаборантов и необходимое оборудование: 60 полуторатонных автомашин «ГАЗ» с необходимым топливом и запчастями; импортные постельные принадлежности, белье, теплые верхние вещи, обувь, продовольствие (ежемесячно до 500 сухих пайков на 400 больных), 4 тонны хозяйственного мыла, а также 0,5 тонн мыла «К». (по ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 226. Л. 273–274).

3 ЦГА СПб. Ф.Р-8111. Оп. 2. Д. 59. Л.14.

отстояли противоэпидемическое благополучие города. На участке санитарной обороны мы стремимся сейчас к выполнению основной задачи ленинградцев – сделать город еще лучше, еще краше. Поздравляем Вас, дорогие воины, с победой. (…)»[1].

Уникальным свидетельством является рисунок «Сестры» Ю. М. Непринцева, выполненный гуашью и акварелью во время короткой командировки в 1945 г. на Ленинградский фронт в Прибалтику. Пожалуй, единственный раз показаны рядом пожилые сестры милосердия в характерных фартуках и косынках РОККа и фронтовые медицинские сестры[2].

Таким образом, можно сказать, что подвиг гуманизма, совершенный сандружинницами Красного Креста, не только в самоотверженном спасении населения, но в объединении ленинградок, независимо от их политических взглядов, вокруг важнейших человеческих ценностей, что помогло выстоять Ленинграду. Необходимо отметить, что, если в Третьем рейхе фактически 20% населения являлись членами нацистской партии, то в 1944 г. в Ленинграде более 27% сохранившегося населения являлись членами и значкистами Общества Красного Креста. Видимо, в этом одна из основных причин нашей Победы над фашизмом в 1945 г.

6.5. Система мероприятий, направленных на спасение жизни и здоровья ленинградских детей и подростков

Основные правовые акты, регламентировавшие охрану детства и материнства в начале войны, были приняты накануне. Эти акты повышали социальный статус многодетных матерей и обеспечили поддержку их со стороны государства (многодетные матери получали государственное пособие, согласно инструкции, утвержденной СНК СССР 22 мая 1937 года)[3].

Большая работа по улучшению лечебно-профилактического обслуживания детей была проведена перед самой Великой Отечественной войной совместными усилиями медиков и педагогов. 26 марта 1941 г. в Ленинграде состоялась конференция, посвященная памяти проф. Л. И. Чулицкой, подготовленная силами Ленинградского государственного педиатрического медицинского института, Государственного ордена Ленина института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта, Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена и Коммунистического педагогического института им. Н. К. Крупской. Конференция проходила под

1 Там же. Оп. 3. Д. 10. Л. 7, 7об, 8.

2 Фронтовой рисунок 1941–1945: каталог коллекции / отв. рук. *М. Н. Третьякова*, авт.-сост. *Е. А. Харалашова.* – СПб.: Государственный Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, 2017. С. 101.

3 Инструкция о порядке назначения и выплаты государственного пособия многодетным матерям. – Минск, 1937. [Постановление СНК СССР от 22 мая 1937 г.]

председательством педиатра, проф. А. Ф. Тура и была посвящена особенностям развития ребенка раннего возраста[1].

Перед самой войной был введен профилактический патронаж матерей и детей. Лечебно-профилактическое обслуживание детей в период войны осуществлялось на основе вышедшего 24 мая 1941 г. приказа №222 Наркомздрава (НКЗ) СССР «Об улучшении лечебно-профилактического обслуживания детского населения». 6 июня 1941 г. было утверждено Временное положение о детском враче города, городского района, рабочего поселка (К приказу Наркомздрава СССР №222). Приказ был направлен на обеспечение педиатрами поликлиник, больниц в каждом районе города и рабочем поселке, а также здравпунктов при детских садах и детдомах[2].

В начале войны, в связи с начавшейся массовой эвакуацией детей и подростков с детскими учреждениями из местностей занятых врагом, а также из Москвы и Ленинграда, 1 июля 1941 г. вышел Приказ по Наркомпросу РСФСР №521 «Об улучшении обслуживания детей в детских садах и детдомах»[3]. Вслед за ним, Приказ по Наркомату здравоохранения РСФСР и Наркомату просвещения РСФСР от 2 июля 1941 г. №460/523 «О предупреждении инфекционных заболеваний в детских садах и детских домах»[4].

Согласно приказу Наркомздрава СССР от 20 августа 1941 г. №01-1-8/55, Наркоматы здравоохранения союзных и автономных республик, облздравотделы должны были обеспечить патронаж эвакуируемых детей, наладить прием детей в поликлиниках и амбулаториях для взрослых. Силами всех медучреждений следовало провести поголовное оспопрививание, а также своевременное и полное прививание против дифтерии всех детей до 8 лет[5].

Сеть лечебно-профилактических учреждений, обслуживавших детей и подростков, включала в себя: больницы, поликлиники, амбулатории для детей, роддома, дома малютки, женские и детские консультации, ясли. Количество имевшихся в наличии коек в детских лечебных учреждениях Ленинграда в 1941–1944гг., в соответствии с имеющимися статистическими отчетами, сданными ЛГЗО в НКЗ СССР и в Плановую комиссию Ленгорисполкома (Таблицы 29, 32, 1 и 2 часть)[6], можно отразить графически (диаграмма 8). Диаграмма позволяет заметить различие в данных отчетов.

Одной из основных трудностей работы существующей сети лечебных и профилактических

---

1 Педиатрия. – 1941. – №9–10. С. 61. Подп. к печати 2 февраля 1942 г.
2 Педиатрия. – № 7–8. С. 110–112; № 9–10. С. 62–63.
3 Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. – 1941. – №15–16. С. 5.
4 Там же. С. 6.
5 Там же. С. 61–62.
6 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 6; Д. 804. Л. 2; Д. 962. Л. 1 об; Д. 1115. Л.1об; ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д.54. Л. 16, 111, 136 [данные на 1-ое число текущего месяца и года].

учреждений являлось сокращение ассигнований в 1941–1942 г. В 1943 г. ассигнования сократились еще на 27,2% по сравнению с 1942 г., в связи с эвакуацией населения[1]. Сокращение финансирования здравоохранения сказалось на ухудшении питания, как отмечалось в протоколах партсобраний ЛГЗО: расходы на питание больных снизились до 2,50 руб. на 3 раза в день, вместо нормированных 6 руб. В результате увеличилась смертность среди больных, а общая дистрофия, согласно отчету ЛГЗО в Плановую комиссию Ленгорисполкома, в больницах доходила до 30% в декабре 1941 г. и 35% в январе – феврале 1942 г.[2]

В период с 1 апреля по 1 октября 1942 г. часть коек в родильных домах была занята под терапевтических и хирургических больных[3], что отчасти может объяснить занижение числа фактических коек в роддомах в отчете за 1942 г., представленном в НКЗ СССР относительно внутренних данных, не менее, чем на 342 койки. (Таблицы 29, 32, 1 часть)[4].

Диаграмма 8 демонстрирует некоторую циклическую зависимость изменений поквартальных данных по количеству коек за апрель – октябрь 1942 г. Следует предположить связь этой зависимости с факторами планирования денежных потоков, исходя из предполагаемых потребностей. Максимальное число открытых коек в июле 1942 г. было вызвано необходимостью восстановления здоровья детей перед эвакуацией. Этот максимум был достигнут за счет некоторого резерва средств в предыдущий период и сокращения коек в последующий.

Количество госпитализированных детей, включая туберкулезные койки, родильные дома, составило в 1941 г. 143 706 чел., в 1942 г. – 51 218 чел., в 1943 г. – 36 809 чел. (из них 1 245 умерли), в 1944 г. – 69 955 чел. (из них 1 290 умерли). Летальность сократилась с 3,4% в 1943 г. до 1,84% в 1944 г. Показатель летальных исходов был введен в отчетные документы НКЗ СССР в 1943–1944 гг. Изо всех госпитализированных больных количество инфекционных составило в 1941 г. (за весь год) 39 216 чел., в 1942 г. – 16 252 чел., в 1943 г. – 7 490 чел. (летальность – 4,55%), в 1944 г. – 19 489 чел. (летальность – 1,77%). В 1943 г. летальность от инфекционных болезней была выше, чем в целом у госпитализированных детей, и значительно выше, чем в 1944 г. Количество койко-дней, проведенных в среднем 1 ребенком в больнице, в 1943 г. (40,4 дней) выросло по сравнению с 1942 г. (32,1 дней), а в 1944 г. сократилось (26,1 дней)[5]. (Таблица 34).

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д.54. Л. 136; Д. 10. Л. 57.

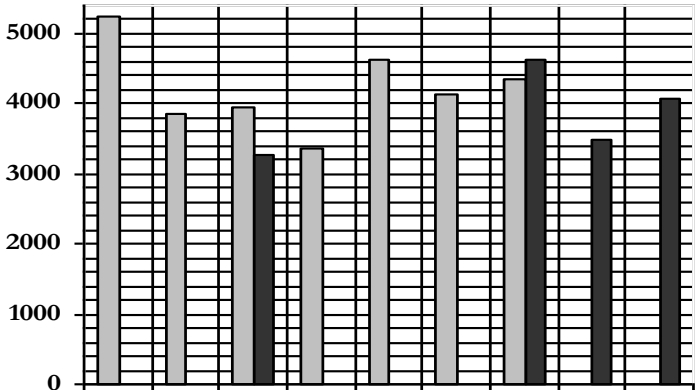
2 Там же. Л. 136.

3 Материалы о работе Ленгорздравотдела в дни Отечественной войны с 1 апреля по 1 октября 1942 // ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 17.

4 В январе – 1430, апреле – 1506, июле – 906, октябре – 731, в среднем 1 143 за 1942 г. (по внутренним данным) и 801 за весь год в отчете в НКЗ СССР. [Подсчитано мною по данным таблиц 29, 32, 1 часть – ЛГ].

5 Подсчитано мной по данным таблицы 32 (1 часть) – Л.Г.

Диаграмма 8. Наличие коек в детских лечебных учреждениях Ленинграда в 1941–1944 гг.

	VII. 41	X. 41	I. 42	IV. 42	VII. 42	X. 42	I. 43	I. 44	XII 44
Плановый отдел	5240	3850	3955	3360	4635	4150	4360		
НКЗ СССР			3275				4640	3475	4080

В течение 1941–1944 гг. в городе велось амбулаторное обслуживание детей и подростков детскими учреждениями (поликлиниками, амбулаториями), консультациями (женскими и детскими), а также детскими и подростковыми отделениями, кабинетами общих поликлиник, амбулаторий. Всего в 1941–1944 гг. медицинскими работниками было совершено 5 046 836 посещений детей на дому, из них 699 178 пришлось на особенно тяжелый 1942 г. (Таблицы 35а и 35б).

В соответствии с приказом НКЗ СССР от 20 августа 1941 г. №01-1-8/55, в связи с эвакуацией детей и матерей, оказание помощи детям должно было осуществляться и врачами взрослых поликлиник и амбулаторий[1], что составило в 1941 г. в Ленинграде 6,4% от всех посещений на дому детей[2]. (Таблица 35б).

Профилизация детских коек отражена в отчете ЛГЗО в НКЗ СССР[3]. (Таблица 33). Диаграмма 9 позволяет выявить скрытые закономерности перепрофилирования детских коек в конце 1941 г. из инфекционных в неинфекционные (для дистрофичных больных). В 1944 г. койки вновь перепрофилируются в инфекционные, вследствие Приказа уполномоченного ГКО от 22 июля 1943 г. №28 «О предупреждении распространения детских инфекций»[4].

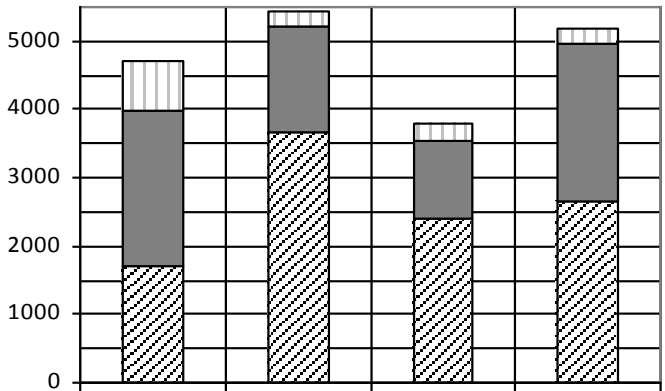
1 Педиатрия. – 1941. – №9–10. С. 61–62.

2 По ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 8; Д. 804. Л. 4; Д. 962. Л. 5; Д. 1115. Л. 5.[Подсчитано мной по данным документов – Л.Г.]

3 Там же. Д. 633. Л. 6; Д. 804. Л. 2; Д. 962. Л. 1 об; Д. 1115. Л. 1об. Ср. *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944). С. 85.

4 Педиатрия. – 1943. – №6. С. 74–76.

Диаграмма 9. Профилизация коек в детских лечебно-профилактических учреждениях Ленинграда в 1941–1944 гг.

	1941	1942	1943	1944
туберкулезные	716	225	240	237
инфекционные	2295	1540	1135	2315
неинфекционные	1695	3670	2415	2640

Женские и детские консультации, молочные кухни, родильные дома и родильные отделения, дома малютки и ясли работали в Ленинграде всю блокаду. В справке Ленгорисполкома о состоянии родовспоможения в г. Ленинграде секретарям ГК ВКП(б) А. А. Кузнецову и Я. Ф. Капустину сообщалось, что на 25 марта 1942 г. в Ленинграде действовало 13 роддомов и 1 родильное отделение больницы, в которых было развернуто 1 003 койки. Из действующих 1 203 акушерско-гинекологических коек по назначению использовались только 515, в связи с сокращением рождаемости. В четырех роддомах имелось центральное отопление, в других печи-времянки, в 8 – имелось электрическое освещение, остальные пользовались керосиновым и пихтовым маслом. В палатах матерей и новорожденных поддерживалась необходимая температура. В 4-х домах имелся теплый душ, однако водопровод работал во всех, кроме роддома Октябрьского района. Канализация была исправна только в шести роддомах, поэтому стирка производилась вручную. Как следствие, родильницы и новорожденные не были обеспечены в должной мере чистым бельем[1].

Питание родильниц обеспечивалось по общей больничной норме: 1300 калорий в сутки, в результате дети рождались недоношенными с весом до 2 кг (41–60% от всего числа). Смертность детей (в том числе рожденных мертвыми) в январе 1942 г. составила из 2 202 родившихся 625 (28,4%), в феврале из 1 690 – 609 (35,8%). Смертность рожениц составила в январе 1942 г. 3,7%, в феврале – 9,1%. Чтобы снизить смертность матерей и младенцев, требовалось усилить питание

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 198.

беременных витаминами, расширить предродовую госпитализацию, улучшить условия нахождения рожениц в роддомах. К справке для бюро ГК ВКП(б) прилагался проект норм питания для беременных женщин в день: хлеба – 500 грамм (947 кал.), мяса – 100 грамм (108 кал.), сахара – 100 грамм (387 кал.), крупы – 133 грамм (364 кал.), масла – 60 грамм (472 кал.), молока – 500 грамм (350 кал.), сухие овощи – 50 грамм (152 кал.), всего – 2 780 кал. Однако, даже эту мизерную норму предполагалось урезать на 350 калорий (подписано карандашом на документе)[1].

На основе распоряжения СНК СССР от 12 июля 1942 г., Наркомат торговли СССР издал приказы от 4 июля 1942 г. №191 «О продаже дополнительных продуктов питания беременным женщинам, начиная с VI месяца беременности и в течение двух месяцев после родов в городах с карточным питанием» и от 14 июля 1942 г. №192 «Об улучшении снабжения детей»[2].

Решением Ленгорисполкома дополнительный набор продуктов для беременных женщин в месяц включал: 400 грамм масла, 300 грамм сахара, 600 грамм крупы, 6 литров свежего молока (сухого или сгущенного по установленному коэффициенту замены)[3].

27 октября 1942 г. было принято постановление СНК СССР №1739 «О мероприятиях по улучшению работы организаций Наркомздрава и детских учреждений по медицинскому обслуживанию детей и усилению питания нуждающихся детей». С 1 декабря 1942 г. восстанавливалась участковая система обслуживания детей в городских консультациях и детских поликлиниках с полным медицинским обслуживанием больных детей на дому и обеспечением новорожденных патронажем. В месячный срок полагалось укомплектовать штаты врачами и патронажными сестрами, из расчета 1 врач на 1000–1200 детей. В каждом городе устанавливалась должность детского врача города[4].

Для профилактики кори до конца 1942 г. следовало изготовить противокорьевую сыворотку (70 тыс. литров). В рацион питания в детских учреждениях в обязательном порядке вводился витамин «С», в виде настоя шиповника или хвои. Настои продавались в необходимых количествах и через аптечную сеть. Для лечебно-профилактических детских учреждений выделялось 1 млн. человеко-доз витамина «С» и 500 млн. человеко-доз витамина «Д». Кроме того, вводились нормы отпуска молока и молочных продуктов для детей в IV квартале 1942 г. и в I квартале 1943 г.: 5–7 литров молока в месяц на одного ребенка, и 7–9 литров в Москве. Для ослабленных детей 3–13 лет должны были быть организованы столовые усиленного и диетического питания. В первую очередь в данные столовые направлялись эвакуированные дети.

1 Там же. Л. 199–200.
2 Педиатрия. – 1942. – №5. С. 68-69.
3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 40. Л. 43.
4 Педиатрия. – 1943. – №1. С. 4-11; ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 207. Л. 78–82.

Нормы питания в таких столовых включали от 1,5 до 2-х кратного размера дополнительных продуктов к карточным нормам[1]. (Таблица 36).

Следовало установить специальный контроль за своевременной и полной выдачей продтоваров по детским карточкам, а также помочь в подготовке к зиме детских учреждений (яслей, молочных кухонь, детских больниц, домов младенца, детских садов, детских домов и интернатов). Требовалось также обеспечить детей эвакуированных семей рабочих и служащих одеждой и обувью[2]. В приложении устанавливалось минимальное количество детей, прикрепляемых на питание к детским столовым по городам: в Ленинграде 15 тысяч, а всего по стране 150 тысяч[3].

На выполнение этого постановления был направлен Приказ по Наркомату здравоохранения СССР от 3 ноября 1942 г. №531 «О мероприятиях по улучшению работы органов здравоохранения и детских учреждений по медицинскому обслуживанию детей и усиленному питанию нуждающихся детей»[4].

В 1943 г., с целью профилактики инфекционных заболеваний, прививки впервые стали делать детям с двухлетнего возраста, что ранее запрещалось инструкциями. Впоследствии, учитывая этот опыт, инструкции были НКЗ СССР пересмотрены[5].

Смертность новорожденных оставалась очень высокой, несмотря на предпринимаемые усилия. В 1941–1944 гг., согласно отчетам ЛГЗО, представленным в НКЗ СССР, было принято 97 212 родов, из них 75 781 в 1941–1943 гг. По сведениям Ленинградского городского статистического управления (ГСУ), в 1941–1943 гг. было зарегистрировано 86 533 родившихся[6].

В основе таблицы 37б лежат данные Ленинградского городского статистического управления и Управления Наркомата внутренних дел по Ленинградской области по рождаемости и смертности детей до 1 года в блокадном Ленинграде, опубликованные в сборнике «Ленинград в осаде», а также неопубликованной записки, составленной в Научно-методическом бюро санитарной статистики ЛГЗО[7]. Можно сравнить эти данные с официальными данными из отчетов ЛГЗО в НКЗ СССР. (Таблица 37а).

Возникновение «ножниц» в показателях Городского статистического управления и ЛГЗО можно объяснить. 27 февраля 1945 г. в справке, подписанной начальником Управления

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 207. Л. 80.

2 Там же.

3 Там же. Л. 78–82.

4 Педиатрия. – 1943. – №1. С. 4–11; №6. С. 77–79.

5 *Свешников А. В.* Здравоохранение Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 г.г. С. 12. См. также *Хромов Б. М., Свешников А. В.* Здравоохранение Ленинграда. С. 114.

6 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 8 об; Д. 804. Л. 4 об; Д. 962. Л.5 об; Д. 1115. Л. 5 об.

7 Ленинград в осаде. С. 298, 308, 314–317, 354, 357; Записка Инструктору здравоохранения горкома партии тов. Зайко, составленная в Научно-методическом бюро санитарной статистики ЛГЗО // ЦГА СПб. Ф. Р-9713. Оп. 1. Д. 136. Л. 33.

родовспоможения ЛГЗО М. А. Петровым-Маслаковым, возникновение «ножниц» в показателях Ленстатуправления за 1944 год (зарегистрировано 21 815 чел., родившихся живыми) и ЛГЗО (22 306 чел. родилось живыми за тот же период) объяснялось тем, что «… в это число входят родившиеся в роддомах Октябрьской железной дороги, которые обслуживают не только Ленинград, но и линию железной дороги. Кроме того, регистрирование родившихся запаздывает»[1].

Заметим, что данные ЛГЗО, представленные в виде статистического отчета в НКЗ СССР по 1944 г. (всего родившихся 21 431 чел., из них 21 245 – живыми), приближены к показателям Ленстатуправления. Такая картина характерна и для показателей за 1941–1943 гг. В целом источники позволяют указать, что для сведений Ленстатуправления были характерны более высокие показатели по родившимся за 1941–1944 гг. Так, за 1941 г. по данным ЦСУ было зарегистрировано родившихся всего: 67 899 чел., из них 66 512 живыми; по данным ЛГЗО родилось – 58 447 чел. Из зарегистрированных случаев 9 452 чел. (13,9%) могли приходиться на рожденных вне стационаров. За 1942 г. по данным ЦСУ зарегистрировано 13 677 чел., из них 13 444 чел. живыми[2]; по данным ЛГЗО родилось 9 930 чел. Разница в 3 514 (25,6%) могла приходиться на родившихся вне стационаров. За 1943 г. данные ЦСУ: 7 775 чел., из них 7 613 живыми[3]; ЛГЗО: 7 404 чел., из них 7325 – живыми. Разница в 371 чел. (4,76%) минимальна по сравнению с предыдущими годами.

Всего в 1941 г. на родильные койки поступило 70 966 чел. (из них 5 973 с абортами), в 1942 г. – 8 026 чел. (790 абортов), в 1943 г. – 9 412 чел. (1 230 абортов), в 1944 г. – 26 024 чел. (1 277 абортов). За 1941–1942 гг. было отмечено 24 484 случая абортов вне лечебного учреждения, 1 102 – криминальных, 1 086 случаев было передано в прокуратуру; в 1943–1944 гг. 13 686 абортов вне лечебного учреждения, 1 103 – криминальных, 546 передано в прокуратуру. Всего за аборты в 1941–1944 гг. были привлечены к уголовной ответственности 1552 женщины[4]. (Таблица 37а).

Следует предположить три возможные причины возникновения «ножниц» в показателях за 1941–1943 гг.: занижение при сдаче отчетов в НКЗ СССР с целью сокрытия заболеваемости и смертности; роды вне стационаров в 1941–1942 гг.; регистрация с запаздыванием (при этом часть детей могла умереть незарегистрированными).

Корректировать число детей, родившихся во второй половине 1941 г., позволяют данные Управления Наркомата внутренних дел Ленинградской области (УНКВД ЛО), согласно которым

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-9713. Оп.1. Д. 136. Л. 11.

2 Документ №151. Сведения городского статистического управления в горисполком о движении населения, о браках и разводах по 15 районам Ленинграда за 1942 г. // Ленинград в осаде. С. 317.

3 Документ №158. Объяснительная записка Городского Статистического Управления в ЦСУ РСФСР к отчету о смертности и рождаемости в Ленинграде за 1943 г. // Ленинград в осаде. С. 352.

4 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 8 об; Д. 804. Л. 4 об; Д. 962. Л.5 об; Д. 1115 . Л. 5 об. [Составлено мной на основе статистических отчетов ЛГЗО в НКЗ СССР. – Л.Г.]

в первом полугодии 1941 г. рождаемость за месяц в среднем составляла – 6 608 чел.[1], или всего – 39 648 чел. Тогда в конце 1941 г. родилось всего 66 512 – 39 648 = 26 864 (чел.)

Тогда из 86 533 чел. детей, по сведениям ЦСУ, родившихся в 1941–1943 гг., за период войны родилось 46 885 чел. Данные ЛГЗО будут значительно меньше: из 75 781 чел. за период войны родилось 36 133 чел. В обоих случаях мы вычли данные УНКВД ЛО по первой половине 1941 г.

Число детей, поступивших в дома ребенка (иначе «дома малютки»), от родившихся составило: в 1941 г. – 2,13%, в 1942 г. – 42%, в 1943 г. – 2,9%, в 1944 г. – 2,12%. (Таблица 38)[2] .

Данные по женским и детским консультациям и молочным кухням различаются в отчетах ЛГЗО в НКЗ СССР и в Плановую комиссию Ленгорисполкома. Приводим данные по отчету в НКЗ СССР, для сравнения в скобках по отчету в Плановую комиссию. В 1941 г. в Ленинграде работали 41 (соответственно 44 и 42) женская и детская консультация, в 1942 г. – 34 (или 40 и 37), в 1943 г. – 45 (или 30), в 1944 г. – 50 (здесь данные совпадают). Молочных кухонь и детских пищевых станций в 1941 г. было 20 (или 28 и 27), в 1943 г. – 23 (или 22), в 1944 г. – 24 (данные совпадают). За 1942 г. в отчетах ЛГЗО в Наркомздрав СССР данные по работе молочных кухонь отсутствуют, по данным Плановой комиссии Ленгорисполкома в 1942 г. работали 26 кухонь. За день молочные кухни и детские пищевые станции отпускали 50 735 порций в 1943 г., и 55 525 в 1944 г.[3] (Таблицы 32, 39а и 39б).

Несмотря на все предпринимаемые меры, смертность среди младенцев до одного года с III квартала 1941 г. и до конца 1943 г. колебалась и, согласно данным Городского статистического управления (ГСУ), составила 38 129 чел. за весь период, или не менее 44% от всех родившихся в 1941–1943 гг.[4] (Таблица 37б).

Дошкольные учреждения играли важную роль в организации лечебно-профилактической и оздоровительной помощи детям в условиях блокады. П. Ф. Гладких отмечал, что наиболее высокими были показатели дистрофии II и III степени среди детей детских садов в начале 1942 г.: 59–60% детей против 32,7% в целом по городу[5]. Только в марте 1942 г. началось восстановление элементарного порядка, в первую очередь в детских яслях и внебольничной сети[6]. Но в 1943 г. произошло новое сокращение норм кассовых расходов на питание больных детей[7]. В связи с этим, при увеличении всех больничных коек на 341, количество коек в яслях и домах ребенка

1 Документ №145. Справка УНКВД ЛО А. А. Жданову о рождаемости в Ленинграде // Ленинград в осаде. С. 308.
2 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 8 об; Д. 804. Л. 4 об; Д. 962. Л. 6 об; Д. 1115. Л. 6 об.
3 Там же. Д. 633. Л. 9; Д. 804. Л. 4 об; Д. 962. Л.6 об, 7; Д. 1115. Л. 6 об, 7.
4 Ленинград в осаде. С. 314 – 315, 354, 357.
5 *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944). С. 19.
6 Работа органов здравоохранения г. Ленинграда... // ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 136. (
7 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 10. Л. 57.

сократилось на 540.

В отчете на партсобрании ЛГЗО заведующей сектором раннего детства А. И. Эрман в январе 1943 г. указывалось, что отношение матерей к яслям было настороженным: 70% детей от 0 до 3 лет оставалось дома. В то же время все дети были привиты, осуществлялся патронаж на дому.

В апреле 1943 г. А. И. Эрман отчитывалась, что койко-места в яслях в этот период были заполнены на 35%. Остальные должны были оставаться в резерве[1]. Однако эти данные статистическими отчетами не подтверждаются. Количество круглосуточных мест от общего числа мест в яслях составляло, по данным НКЗ СССР, в 1943 г. 69%, в 1944 г. – 39%. Количество круглосуточных мест в 1942 г. могло доходить до 76%[2] (Таблица 40с). Это соответствовало распоряжению СНК СССР от 6 февраля 1942 г. и постановлению Ленгорисполкома «Об организации обслуживания детей гор. Ленинграда в детских яслях и детских садах» от 8 февраля 1942 г.: о переводе 70% мест в яслях и детсадах на круглосуточное обслуживание[3]. Уменьшение финансирования вызвало сокращение ясельной сети с июля 1942 г.

В яслях была значительной динамика списочного состава детей за данный период. Согласно статистическому отчету Горздрава в НКЗ СССР за 1943 г., на начало года имелось 5 811 детей, 7 710 прибыло, 8 096 выбыло, 5 425 было в конце года, в том числе 100 умерло. В 1944 г. ок. 5 425 было на начало года, 10 040 – выбыло, 12 610 прибыло, 3 300 – подлежали оздоровлению, 156 детей умерло. Эти данные взяты из отчета ЛГЗО в НКЗ СССР и касаются только яслей, подчиняющихся НКЗ СССР. Поэтому данные подаваемые ЛГЗО в Плановую комиссию Ленгорисполкома имеют некоторые отличия. В 1941 г. количество яслей на бюджете НКЗ СССР – 136, однако фактически действовало: 135, сметных мест было 13 661, а фактических за год – 14 713 (по данным в Плановую комиссию, включая ремонтные), что на 1 052 больше сметы; в 1942 г. бюджетных яслей 97 (или, соответственно, 95), фактически действовало 100, вместо 7 825 сметных мест на 8 300, что на 1 075 больше; в 1943 г. бюджетных НКЗ – 83, фактически действовало 102, вместо 7 095 сметных мест – 7 960, что на 865 койко-мест больше; в 1944 г.: бюджетных яслей было 108, фактически – 109, вместо сметных 9 480 койко-мест, действовало 9 565 койко-мест, что на 85 мест больше. Однако детей по списочному составу на этих местах было меньше. Так, на 31 декабря 1943 г. по списку детей было 5 425 чел., в 1944 г. – 7 995 чел.[4] (Таблицы 40а, б, с).

---

1 Протокол № 9 партийного собрания от 27 / IV – 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 10. Л. 61.

2 *Гладких П. Ф.* Указ. соч. С. 77 (по дисс. В. А. Свешникова).

3 Документ №129 // Ленинград в Великой Отечественной войне. Т. 1. – Л.: 1944. С. 139. Ср.: *Ежов М. В.* Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: опыт, проблемы, уроки. – СПб.: Изд-во СПб ун-та экономики и финансов, 1993. С. 78.

4 ГА РФ. Ф. Р- 8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 9; Д. 804. Л. 4об; Д. 962. Л.6, 11; Д. 1115. Л.6. Сосчитано мной по статистическим отчетам ЛГЗО – Л. Г.

В 1941–1943 гг. данные по наполненности койко-мест в НКЗ СССР подавались выше на 7–8%, чем в Ленгорисполком. Но в 1944 г. в НКЗ СССР они были даны ниже на 2%, чем в Ленгорисполком, и составили 82% против 84%[1]. (Таблицы 40а, в). Надо иметь в виду, что около 43% ясельников в 1944 г. были старше трех лет, то есть не ясельного возраста.

Показатели работы яслей, приведенные нашими предшественниками, содержат в себе сведения, отсутствующие в отчетах ЛГЗО как в Плановую комиссию, так и в НКЗ СССР. Поэтому мы считаем полезным их привести, частично они совпадают с документами НКЗ СССР. Однако отсутствие в публикации ссылок на документы затрудняет их использование. (Таблица 40с).

Практически все ясли были обеспечены врачами и сестрами (воспитательницами и медицинскими), хотя в основном это были сестры-воспитательницы, без специального медицинского образования. Наличие среди медсестер яслей, имевших специальное образование, составляло: в 1941 – 32%, в 1942 – 31%, в 1943 – 36%, в 1944 – 34%[2]. (Таблица 26).

Для предотвращения ранений детей при взрывах бомб осколками стекол, по предложению заведующего сектором детства ЛГЗО С. И. Волчка, окна оклеивались марлей, что обеспечивало их безопасность[3]. В 1943 г. только 15–20% яслей освещалось. Благодаря героизму работников яслей при бомбежках жертв среди детей-ясельников отмечалось сравнительно немного: 18 детей за все время, при том, что пострадало 45% учреждений[4].

Главным фактором спасения младенцев в блокированном Ленинграде являлся человеческий. Зачастую спасение представлялось чудесным. Так, М. Г. Иоганнсен, родившийся 9 сентября 1941 г. в Ленинграде, вспоминал рассказ матери о том, как в ясли-сад, где он находился, попала бомба. Все дети, находившиеся там, погибли. Чудом уцелело только полтора пролета лестницы с маленькой площадкой, на которой няньки оставили два свертка с младенцами, сами спустившись в бомбоубежище. «Тяжелая бомба пробила этажи, вошла в подвал и там взорвалась. От тех, кто находился в бомбоубежище не осталось ничего. (…) И только два грудничка, оставленных на этой лестничной площадке, волею судьбы остались живы. Один из них – я»[5].

В спасении участвовали все члены семьи, часто жертвуя собой. Героически защищали детей медсестры и сандружинницы Красного Креста. Так, в период войны был отмечен героизм медсестер, работавших в яслях №165, подвергшихся артобстрелу 29 марта 1942 г. (зав. яслями Л. Д.

---

1 ГА РФ. Ф. Р- 8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 9; Д. 804. Л. 4об; Д. 962. Л.6, 11; Д. 1115. Л.6.

2 Там же. Д. 633. Л. 11, 11об; Д. 804. Л. 7, 7об; Д. 962. Л. 10, 10 об, 11; Д. 1115. Л. 10 об, 11.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 10. Л. 30. См. также: *Волчок, С. И.* Как уберечь здоровье ребенка в условиях военного времени / под ред. доц. З. Л. Лившица. – Л.: Медгиз, Лен. отд., 1943. [В ндзгл. Наркомздрав СССР.] С. 5.

4 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.

5 *Иоганнсен М. Г.* Жизнь продолжалась…// Честь. Доблесть. Слава: связь времен (к 75-летию Великой Отечественной войны). С. 30 – 31.

Галуткина)[1]; медсестра Российская, няня Анисифорова, а также главврач приемника-распределителя Барская и ст. медсестра Абрагами, спасшие 33 ребенка из-под обломков от прямого попадания фугасного снаряда в приемник[2]. В 1975 г. высшей наградой Международного Красного Креста «Медалью Флоренс Найтингейл» были отмечены заслуги сандружинницы Веры Ивановны Щекиной-Ивановой, спасшей 39 ленинградских детей, 20 из них дали ее имя, или имя ее отца[3]. О подвиге Веры Ивановны было написано в одной из первых книг о героях обороны Ленинграда[4]. Были и другие, как воспитательница детдома Вера Рогова, героиня книги Н. Тихонова, или учительница А. Н. Миронова, спасшая зимой 1941–1942 гг. более 100 детей, о которой писал Г. Солсбери[5].

Взаимодействие Наркоматов здравоохранения и просвещения РСФСР являлось необходимым для борьбы с общими заболеваниями и эпидемиями инфекционных заболеваний среди детей. Выше писалось о совместном приказе по Наркомату здравоохранения РСФСР и Наркомату просвещения РСФСР от 2 июля 1941 г. №460/523 «О предупреждении инфекционных заболеваний в детских садах и детских домах»[6]. Затем последовали приказы Наркома здравоохранения СССР от 15 сентября 1941 г. №449 «О применении 10% сульфидина для лечения бациллярной дизентерии по методу доцента Х. Х. Планельса [Х.Х. Планельес – Л.Г.]»[7] и от 12 ноября 1941 г. №58 «О необходимости агитационно-массовой работы по борьбе с эпидемическими, заразными заболеваниями»[8]. Особое значение имело медицинское обслуживание эвакуируемых детей, осуществляемое согласно инструкции №01-1-5/55 Наркомата здравоохранения СССР от 20 августа 1941 г. «Об эвакуации детей и матерей»[9].

Работа здравпунктов, обслуживавших школы, детсады и детдома в период 1941–1944 гг., также отражена в отчетах ЛГЗО НКЗ СССР. Детские учреждения обслуживались врачами и медсестрами в соотношении (по занятым ставкам): в 1941 г. 268: 481 (0,6), в 1942 г. 171,5: 301,25 (0,57), в 1943 г. 192: 296,5 (0,65), в 1944 г. 221: 465 (0,48) [10]. (Таблица 41).

---

1 *Казанцева М. Н.,* зам. наркома здравоохранения СССР. 25 лет советского здравоохранения в области охраны материнства и детства // Педиатрия. – 1942. – №6. С. 11–26. Подп. в печать 5 января 1943 г. В статье указано 170 спасенных детей, что расходится с другими источниками.

2 *Волчок С. И.* Забота о детях в блокированном Ленинграде // Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. – Л., 1944. С. 4.

3 *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944). С. 75.

4 Героический Ленинград 1917–1942. С. 247.

5 *Тихонов Н. С.* Ленинград принимает бой: Очерки. – Л., Отд. Воениздата НКО СССР при Ленингр. Фронте, 1942. С. 20–21; *Salisbury H. E.* The 900 days. P.491.

6 Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. 1941. №15–16. С.6.

7 Педиатрия. – 1941. – №11–12. С. 74.

8 Педиатрия. – 1942. – №1–2. С. 60–61.

9 Педиатрия. – 1941. – №9–10. С. 61–62.

10 ГА РФ. Ф. Р- 8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 8; Д. 804. Л. 4; Д. 962. Л.10 об,11; Д. 1115. Л. 10 об,11. [Подсчитано мной. – Л.Г.]

Какова была эффективность принимаемых мер? Наличие эпидемий в период войны являлось запретной темой: в 1942 г. было снято цензурой пять статей об эпидемиях в Ленинграде. 20 июня 1942 г. в Куйбышеве, куда эвакуировались ленинградские дети, был изъят плакат, изданный Медгизом с целью санитарно-гигиенического просвещения населения: «Матери! Следите за чистотой детей! Проверяйте, нет ли на них вшей после прихода из школы и детского сада», как имеющий клеветнический антисоветский характер содержания. Изъятие было одобрено Отделом последующей цензуры Главлита, который потребовал дальнейшего расследования[1]. В газете «Пост революции» (печатный орган милиции) №30 от 17 декабря 1942 г. в статье «Грызуны и борьба с ними» были вычеркнуты сведения о появлении в Ленинграде желтой лихорадки, носителями которой являются грызуны[2]. Научно-методические статьи по данной тематике, необходимые для лечения, в основном печатались в «Советской медицине» и «Советском здравоохранении» в 1941–1943 гг. на довоенных материалах. Так возник миф об отсутствии эпидемий в блокированном Ленинграде.

На основании имеющихся абсолютных данных по 1940–1943 гг. П. Ф. Гладких писал о сокращении заболеваемостью крупозной пневмонией (7% всех больных в больнице им. Раухфуса в 1942 г.), ревматизмом у детей в Ленинграде, а также о снижении заболеваемостью дизентерией, корью, скарлатиной. Он указывал, что основную часть больных среди детей составляли дети с явлениями дистрофии, гипо- и авитаминозами[3]. Однако в документах ЛГЗО имеются свидетельства как о недостаточности медицинского учета и контроля (особенно в 1941–1942 гг.), так и о наличии детских эпидемий. Они имели место даже в условиях 1943 г., когда 77% всех подлежащих медицинскому обслуживанию детей в г. Ленинграде было объединено в детских учреждениях, а основные усилия медиков были направлены на нормализацию санитарно-гигиенических условий работы этих учреждений[4].

В ноябре – декабре 1941 г. в докладе И. М. Аншелес, заведующий противоэпидемическим управлением ЛГЗО, на заседании бюро первичной партийной организации ЛГЗО отмечал: повышение смертности детей из-за заболевания корью, недостаточность мер по борьбе с сыпным тифом (75% детей, поступавших в больницы, были больны педикулезом), недостаточность вакцинации оспы[5].

---

1 ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп 1. Д. 83. (Переписка и сводки Куйбышевского обллита. 1942). Л. 59.

2 Текстовая сводка важнейших вычерков предварительной цезуры военно-экономического характера по радиогазетным сообщениям за время с 1 декабря по 31 декабря 1942. // Там же. Д. 84. (Леноблгорлит. Переписка и сводки. 1942). Л. 149.

3 *Гладких П.Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944). С. 19–20.

4 Статистические сведения о первичной детской заболеваемости в г. Ленинграде за 1943 – 1946. // ЦГА СПб. Ф. Р-9713. Оп.1. Д.169. Л. 134 а.

5 Протокол заседания партбюро Ленгорздравотдела, 20 ноября 1941. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 2. Л. 21,

Как уже отмечалось, в 1942 г. в Ленинграде впервые были сделаны прививки против тифа детям 2 – 8 лет[1]. Однако оставались высокими показатели смертности – летальности среди детей, особенно за I – II кварталы 1942 г. В таблице по детской летальности в 1942 г., взятой из отчета ЛГЗО Плановой комиссии Ленгорисполкома, летальность указана как смертность в процентном отношении к выбывшим из больницы, за 1942 г. в I кв. – 43,3%, во II кв. – 36,7%, в III кв. – 15,9%, в IV кв. – 8,2%. (Таблица 42) [2].

В отчете парторганизации Ленинградского государственного педиатрического медицинского института за период войны от 25 декабря 1942 г. секретарем партбюро Ф. В. Огневой указывалось, что смертность детей в клиниках института была ниже среднегородской и составила в июле 1941 г. 7,8%, а в 1942 г. – 19,5%[3]. Но 11 февраля 1943 г. на закрытом партсобрании главный врач больницы того же института Д. С. Тумаркин о работе больницы в 1942 г. докладывал: «Летальность в Институте всегда была ниже городской (6–8%), а с начала войны она начала повышаться и в январе 1942 года составила 62% – только среди детей <…> в январе 1943 г. она равна 8%»[4]. В то же время он указывал, что зимой 1941–1942 гг. вскрытия не производились из-за холода в прозекторской, и начали делать их только в апреле 1942 г. Таким образом, была засвидетельствована минимальная граница смертности детей в детских больницах г. Ленинграда зимой 1942 г. – 62%. По данным профессора С. А. Новосельского, детская смертность в 1942 г. была выше и достигла 74,8%[5].

Сохранялась высокая заболеваемость работающих подростков. Внимательному обслуживанию подростков, занятых на производстве, и применению глистогонных препаратов было посвящено решение Ленгорисполкома «О внебольничном обслуживании населения» от 24 декабря 1942 г. (пр. №81, п. 2-з(о))[6].

Согласно отчетам партийной организации Ленгорздравотдела, к январю 1943 г. инфекционные заболевания были более или менее побеждены в яслях: болели единицы детей. Основным заболеванием в яслях в январе 1943 г. стал коклюш[7]. Эти данные не вполне подтверждаются анализом показателей пропущенных дней. Взяв за 100% количество всех посещенных в яслях дней, можно обнаружить, что число пропущенных дней составило: в 1940 г. – 8%, в 1941 г. – 9,4%, в

22об, 24.

1 *Гладких П. Ф.* Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941–1944 гг. С. 157–159.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 113, 120.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-54. Оп. 2. Д. 9 (Отчеты о работе коллектива ЛМПИ за 1942. Ок. 25.12.1942). Л. 6 об.

4 Там же. Д. 11 (Протоколы партсобраний ЛМПИ за 1943. 15 янв. 1943 – 29 дек. 1943). Л. 8.

5 Ленинградский полк педиатров. На страже здоровья войне вопреки / *Д.О. Иванов, Г. Л. Микиртичан, И.А. Савина* [и др.], ред. Д.О. Иванов, Г. Л. Микиртичан – СПб.: СПбГПМУ, 2025. С. 105.

6 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №24 (31 декабря). С. 6.

7 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.

1942 г. – 24,1%, в 1943 г. – 14,06%, в 1944 г. – 19, 8%. При этом в 1943–1944 гг. в отчетах стали отмечать причину пропусков. Можно выяснить, что из-за болезни в 1943 г. было 22% пропущенных дней, а в 1944 г. – 26% от всех пропущенных дней[1]. (Таблицы 40б и 40с).

Повышение детской заболеваемости в 1944 г. связывали с реэвауацией детей. Актуальной стала проблема распространения неинфекционных болезней, превращающихся в хронические. К апрелю 1943 г. количество заболеваний сыпным тифом уменьшилось по сравнению с 1942 г. в 10 раз. Отмечалось снижение детской заболеваемости, которая в 1942 г. была основной среди заболевших тифом. В докладе партсобранию 13 апреля 1943 г. начальник Противоэпидемического управления ЛГЗО И. М. Аншелес указывал, что заболеваемость в 1943 г. сыпным тифом «соответствует 1934–1935 гг., то есть тому периоду, когда Ленинград переживал большой подъем сыпно-тифозных заболеваний»[2]. В то же время он отмечал, что, хотя заболеваемость дизентерией снизилась примерно в 10 раз, по сравнению с 1942 г., она оставалась выше, чем в мирное время. Серьезную опасность имело распространение желтухи, особенно среди детей. Получило подтверждение то, что организм детей в условиях блокады оказался менее восприимчив к скарлатине, чем к другим заболеваниям. Героически работали дезинфекционные отряды, потерявшие до 15% своих работников от дистрофии, но сумевшие в середине 1943 г. стабилизировать положение с инфекциями в городе[3].

В январе 1943 г. одним из направлений государственной политики стала борьба с туберкулезом, в том числе детей[4]. Опасность заболевания заключалась в сложности диагностики на ранних стадиях без рентгенографии, в результате чего больные дети находились часто вместе со здоровыми. В приложении к постановлению СНК СССР от 5 января 1943 г. №15 «О мероприятиях по борьбе с туберкулезом» указывалось на необходимость организации лесных школ и специальных детских садов для больных детей[5]. Проблеме детского туберкулеза был посвящен Приказ Уполномоченного ГКО по проведению противоэпидемических мероприятий Наркоматом здравоохранения СССР от 22 июля 1943 г. №28 «О предупреждении распространения детских инфекций»[6].

Вслед ему было принято Постановление СНК СССР от 23 июля 1943 г. №810 «Об утверждении типовых штатов медицинского и административно-хозяйственного персонала

---

1 ГА РФ. Ф. Р- 8009. Оп. 6. Д. 962. Л.6; Д. 1115. Л.6; *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944). С. 77 (по дисс. В. А. Свешникова). [Подсчитано мной. – Л.Г.]

2 Протокол №8 партийного собрания первичной парторганизации ЛГЗО от 13/IV-43 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 10. Л. 48.

3 Там же. Л. 48, 49, 53.

4 Советская медицина. – 1943. – №4. С. 33.

5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 210. Л. 30.

6 Педиатрия. – 1943. – №6. С. 74-76.

городских и сельских больниц, детских яслей, родильных домов и сельских амбулаторий», коснувшееся и детских учреждений[1].

Характерно, что вопрос о туберкулезе впервые прозвучал на партийных заседаниях ЛГЗО только 30 ноября 1943 г., в связи с отмеченными недостатками[2]. Недооценка опасности туберкулеза видна в организации летнего отдыха детей в 1943 г., когда часть их была завезена в санаторные корпуса на Кировских островах. Несмотря на имевшиеся там три корпуса туберкулезных больных и запрет Института туберкулеза размещать здоровых детей, после дезинфекции корпуса все же были заняты. О чем в отчете парторганизации ЛГЗО докладывалось с энтузиазмом[3]. Сохранение опасности вызвало распоряжение СНК РСФСР от 21 декабря 1944 г. №3175-р об организации в 1945 г. детдомов для детей с туберкулезной интоксикацией на 12 700 мест по РСФСР[4].

В 1943–1944 гг. в целом по России имелась высокая детская смертность от пневмоний. Одной из причин называлось лечение крупозной пневмонии на дому[5]. В связи с этим основным методом борьбы со смертностью стало изменение тактики педиатров в отношении госпитализации и лечения сульфопрепаратами[6]. Таким образом, малое количество госпитализированных больных с пневмонией в больнице им. Раухфуса в 1942 г., 7%, о котором пишет П.Ф. Гладких (см. выше), могло быть объяснено не отсутствием заболеваний, а отказом от госпитализации больных. В то же время проф. А. Б. Воловик, анализируя ситуацию с заболеваниями детей крупозной пневмонией в 1943 г., также указывал на низкий уровень, ссылаясь на низкую реактивность организма ребенка в блокаду[7].

Данные таблицы 35в позволяют определить удельный вес детей, стоявших на учете в тубдиспансерах (в том числе больных хроническими пневмониями)[8]. Можно также определить удельный вес числа больных туберкулезом детей и подростков от их общего количества в 1943–1944 гг. По сведениям, поданным городским бюро продовольственных и промтоварных карточек

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 216. Л. 346–353.

2 Протокол №23 общего партийного собрания ЛГЗО от 30/XI-43 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 10. Л. 152.

3 Протокол №13 заседания партбюро ЛГЗО от 9/VI-43 г. // Там же. Д. 11. Л. 52.

4 Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах. В 3-х т. – Томск: Томский государственный университет, 2005. Т. 3: Спасенное детство. С.333.

5 Первая статья в журнале «Советская медицина» за период войны на Ленинградском материале, хоть и довоенном за 1938–1940 годы, посвящена именно этому вопросу, из опыта Ленинградского педиатрического института и поликлиники №36. См.: *Писаревский А. С.* Лечение крупозной пневмонии на дому // Советская медицина. – 1942. – №8. С. 30–31.

6 *Митерев Г. А.* Очередные задачи здравоохранения (сокращенная стенограмма выступления на Всероссийском совещании по вопросам здравоохранения. 15–19 ноября 1943 г.) // Советская медицина. – 1944. – №1–2. С. 5.

7 *Воловик А. Б.* Особенности патологии детей Ленинграда за время Отечественной войны // Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник II / Ленинградский государственный педиатрический медицинский институт. – Л.: ЛГПМИ, 1946. С. 95–105.

8 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 962. Л. 4об; Д. 1115. Л. 4 об.

в ГК ВКП (б), на 1 июня 1943 г. было учтено 91 648 детей[1]. На учете в поликлиниках ЛГЗО состояло в декабре 1943 г. 91 949 детей[2]. Колебания численности детей могли быть связаны с начавшейся после января 1943 г. незначительной реэвакуацией населения. Тогда удельный вес детей и подростков, стоявших на учете в тубдиспансере: 11,5% в первой половине 1943 г., 10% в декабре 1943 г. Данное снижение на 7 715 чел. объясняется выбытием в 1943 г. детей и подростков, стоявших на учете. Эвакуация детей и подростков в 1943 г. составила 3 363 чел.[3], вероятность выздоровления в блокадном городе была незначительной. Можно предположить, что основной причиной выбытия 4 352 чел., или 41%, была смерть. В то же время в 1943 г., по официальным данным, на туберкулезные детские койки было госпитализировано 478 детей, из которых умерли только 67. (Таблица 33)[4].

Об увеличении заболеваемости детей в Ленинграде в 1944 г. говорилось в итоговом отчете о состоянии детского здравоохранения в период Великой Отечественной войны Управления лечебно-профилактической помощи детям Наркомата здравоохранения СССР: в 1944 г. в Ленинграде отмечалась вспышка дифтерии и эпидемия кори. Указывалось, что заболеваемость дифтерией повысилась только в Ленинграде, Дагестане, Кабардино-Балкарии. Эпидемия кори отмечалась только в Ленинграде. 50% заболевших были дошкольники. Госпитализировано из них – 98,1%, а в Ленинградской области – 100% (в связи с заболеваниями в летних лагерях). Среди переболевших корью детей отмечались смертельные случаи[5]. (Таблица 43).

Эпидемия кори летом 1944 г. на летних дачах яслей и детских садов горячо обсуждалась на партийных собраниях организации ВКП(б) ЛГЗО[6]. Из 2 860 вывезенных летом детей-ясельников переболела примерно третья часть. Причиной вспышки кори в 1944 г. называли завоз при реэвакуации, однако следует иметь в виду, что реэвакуация в 1944 г. была незначительной, и только детей с матерями.

Таким образом, говорить, как об отсутствии детских эпидемий в блокированном Ленинграде, так и о сокращении заболеваемости, в том числе с летальным исходом, в 1943–1944 гг. у детей – ошибочно.

Борьба за оздоровление и реабилитацию детей велась разными средствами. *Начиная с лета*

---

1 Документ №155. Из докладной записки Городского бюро продовольственных и промтоварных карточек в ГК ВКП (б) о составе населения Ленинграда, Кронштадта и Колпина по полу и возрасту на 1 июня 1943 // Ленинград в осаде. С. 346–348.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-9713. Оп. 1. Д. 169. Л. 134 а.

3 Итоговые сведения по эвакуации населения. 16 января – 17 декабря 1943 // ЦГА СПб. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 174. Л. 15.

4 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 6; Д. 804. Л. 2; Д. 962. Л. 1 об; Д. 1115. Л. 1об.

5 Там же. Оп. 21. Д. 66. Л. 9об, 11, 11а, 15об.

6 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 2. Д. 4. Л. 80.

1942 года важное место в оздоровлении школьников занимали различные формы летнего отдыха и сельскохозяйственных работ[1]. Дети-школьники отправлялись в пионерские и военные лагеря. Были организованы сельскохозяйственные работы в лагерях, в которых принимали участие школьники, начиная с 4-го класса. Лекарями были солнце, воздух, вода, физические движения, все возможные формы организации труда и веселья, позволявшие реабилитировать психику ребенка. Этому способствовало решение исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся от 24 октября 1941 г. «О ликвидации управления пионерских лагерей Исполнительных Комитетов районных советов депутатов трудящихся» (пр. № 53, п. 37), согласно которому управление пионерлагерей ликвидировалось, имущество передавалось детским учреждениям РОНО, а остатки финансовых средств в районный бюджет[2].

Летом 1942 г. школьники были впервые вывезены на сельскохозяйственные работы. «Всего было вывезено на сельскохозяйственные работы 5 258 детей, во главе 464 человек учителей. Школьники обработали 2 388 га площади огородов, пропололи 2 091 га и собрали 4 816 тонн овощей. Кроме этого, они собрали 71 256 кг дикорастущих пищевых трав, 2 367 кг дикорастущих ягод и 1 123 кг грибов» [3]. По итогам работы 75 школьников были награждены грамотами исполкома Ленгорсовета, а также 15 учителей – за отличную организацию детей на сельскохозяйственных работах в совхозах. Победители соревнования были названы в «Ленинградской правде»: I место – школа № 47 Приморского района, II – школьный лагерь Московского района, III – школа № 239 Октябрьского района[4].

Оздоровительная работа с детьми в летний период стала одним из первоочередных вопросов весной 1943 г. Вышло Постановление СНК СССР от 12 мая 1943 г. №512 «О мероприятиях по укреплению здоровья детей в летний период»[5]. В 1943 г. было вывезено уже 6 699 чел. школьников (по плану 8 600) во главе с 509 учителями. Учитывая, что к концу 1942–1943 уч. года в школах было 5 661 чел. учащихся 5-х – 10-х классов, а 4-х – 3 864 чел., всего 9 525 чел., возраст ребят, выехавших на сельскохозяйственные работы, составлял от 12 лет и старше. К этому времени здоровье многих ребят поправилось настолько, что в лагерях были организованы спортивные площадки и подвижные игры, а также соревнование: учащиеся 239 школы Октябрьского района вызвали через газету «Смена» всех остальных учащихся города. О сельскохозяйственном

---

1 Подробнее см. *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. – СПб.: Нестор-История, 2014. С. 251–255.

2 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – № 39–40 (12 ноября). С. 4.

3 Краткий отчет о работе Отдела народного образования за время Великой Отечественной войны // ЦГАИПД СПБ. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 11. Л. 18. [Датируется по дате окончания дела не позднее декабря 1943 г.].

4 Школьники на сельскохозяйственных работах // Ленинградская правда. – 1942. – 5 сентября. – № 211 (8317). С. 2.

5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 214. Л. 161–167об.

лагере Октябрьского района, костяк которого составляли учащиеся 239 школы, дважды получившие Красное Знамя за победу в соревновании, выполняя норму на 213%, опять писала «Ленинградская правда» в 1943 г.[1] В то же время в протоколе закрытого собрания парторганизации Ленгороно от 30 июня 1943 г. указывалось, что порой нормы были завышены, и ребят посылали на более трудную работу, чем совхозных рабочих. Из невыехавших 1 900 человек: 150 чел. поступили на работу, 107 чел. выехали в пионерские лагеря, 127 чел. в военные лагеря, 208 чел. не остальные причины не известны[2].

По представлению Ленинградского ГК ВЛКСМ все учащиеся, принимавшие участвие в сельскохозяйственных работах, были представлены к награждению медалью «За оборону Ленинграда». К 1 января 1944 г. награду получили 4 тысячи учащихся[3]. Первым из них оказался Юрий Артюхин, ученик 239-й школы Октябрьского района, секретарь школьной комсомольской организации. Школа не прекращала занятий всю блокаду и заняла II место по сельскохозяйственным работам. Всего же за годы войны было награждено ок. 11 тысяч школьников[4].

Важное место уделялось оздоровлению детей-дошкольников. В отчете Ленгороно в Плановую комиссию исполкома указывалось, что летом 1942 г. 8 000 детей было вывезено на дачи в Токсово и во Всеволжск[5]. Однако реальное число было значительно меньше. По данным финансового отчета, на средства бюджета и родителей: летом было вывезено 49 детсадов и 4 124 детей[6]. Основная часть детей остались в городе, оздоровление затруднялось бомбежками: даже близкие прогулки были проблематичны. Дети гуляли возле убежищ в сопровождении двух взрослых[7]. Летом 1943 г. на дачи вывезли 10 582 детей детских садов, из них 7 126 чел. на две смены. В городе были переведены 5 449 детей на оздоровительные пайки, «во 2-ю смену… на оздоровительные пайки в городе переведено 4 239 детей». Дети получали 4-разовое питание, а в туберкулезных детских садах Петроградского и Приморского районов 5-разовое, с дополнительным вторым завтраком (сырые овощи) в 11 часов. Туберкулезные детсады стали работать с 1 июня 1943 г. во всех районах города, кроме Кировского. В результате оздоровления детей, их общее состояние улучшилось: в некоторых случаях повысился гемоглобин в крови от 3 до 11%[8].

---

1 Ленинградская правда. – 1943. – 25 сентября. – № 227 (8642). С. 2.

2 Протокол № 6 закрытого партийного собрания парторганизации Ленгороно от 30 июня 1943 г. // ЦГАИПД СПБ. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 9. Л. 18, 18 об

3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-598[к]. Оп. 3. Д. 301. Л. 42, 43.

4 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. С. 430–431.

5 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д.54. Л. 200.

6 Там же. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 571. Л. 1 об.

7 Там же. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д.54. Л. 200.

8 Отчет о летней оздоровительной работе с детьми дошкольного возраста г. Ленинграда в 1943 году // ЦГАИПД

Всего было оздоровлено в детсадах пайками и загородным отдыхом 21 616 чел. На зиму 1943–1944 гг. 2 675 детей были оставлены на дачах. За городом находилось 42 детских учреждения в Удельной, Всеволжске, Песочной, Юкках, Токсово[1].

На 50–75 дней летом 1943 г. выехали 1 076 воспитанников из ленинградских детдомов, 434 человека не вывозились «из-за хороших природных условий в городе» (Выборгский, Володарский, Приморский и Красногвардейский районы), 104 человека из детдомов № 10 и 58 остались в городе из-за плохой подготовки дач по вине райисполкомов[2]. Все дети получали усиленный паек, в результате прибавив за лето в весе: от 1,9 до 5,5 кг.

В статье А. Бубнова, секретаря исполкома Ленгорсовета, «Летний отдых детей фронтового города» в сентябре 1943 г. были отмечены за летнюю работу лучшие воспитатели детсадов: К. М. Лобанова, Т. М. Пятницкая, Н. А. Лебедева, В. М. Макарычева; заведующие: Н. В. Миропольская, М. Г. Мартынова, Н. И. Петухова, Толстая, пионервожатые: Смирнова, Тарновская, Невская, начальники пионерлагерей: Белянкина, Фунтова, Душанина (к сожалению не все имена удалось установить). В статье указывалось: в городе при школах около 17 тысяч детей посещали оздоровительные площадки, школьников приняли около 13 загородных лагерей Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов, 1 300 чел. укрепляли здоровье в здравницах[3].

Не все вопросы организации отдыха и работы детей и подростков были решены удовлетворительно. Так, в школе-интернате, из-за неправильно организованного питания, из 84 детей – 9 человек потеряли в весе, в том числе четверо из-за болезни. В протоколах партийных собраний Ленгорздравотдела отмечались недостатки: отсутствие укрытий, слабый контроль за питанием, заболевания цингой в лагерях, большие нормы выработки на сельхозработах для детей, тем более с ослабленным здоровьем[4].

Несмотря на отмеченные недостатки, оздоровление детей дало результаты. По данным отчета Ленгороно, из 1 067 детей в выборочно взятых 16 детских садах из семи районов города за полтора месяца оздоровительной работы: 23 ребенка убавили в весе, 22 чел. остались без изменений, 698 чел. прибавили до 1 кг в весе, 322 ребенка прибавили до 3 кг, 2 чел. — свыше 3 кг. У ряда детей совершенно прошли цинготные явления, состояние нервной системы пришло в равновесие[5].

СПб. Ф. Р-25. Оп. 11. Д. 260. Лл.14, 1, 6, 8.

1 Протокол № 3 закрытого партийного собрания от 24 марта 1944 // Там же. Ф. Р-285. Оп. 4. Д. 2. Л.6.

2 Отчет по итогам оздоровительных летних мероприятий в детских домах г. Ленинграда за лето 1943 // Там же. Ф. Р-25. Оп. 11. Д. 260. Л. 15, 15об.

3 Ленинградская правда. – 1943. – 19 сентября. – № 222 (8637). С.3.

4 Протокол № 15 общего партсобрания Ленгорздравотдела от 28 июля 1943 // ЦГАИПД СПБ. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 10. Л. 99, 100.

5 Отчет о летней оздоровительной работе с детьми … // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 11. Д. 260. Л. 9.

Лучшие результаты использовались для обмена опытом. Так, в отчете Ленгороно в отдел школ Ленинградского горкома ВКП(б) отмечалась система открытых семинаров, проводимых летом 1943 года за городом, во время которых лучшие воспитатели проводили физкультурные занятия и подвижные игры: воспитатель детсада № 46 Приморского района К. М. Лобанова, воспитатель детсада № 16 Ленинского района Гуревич, воспитатель детсада № 3 Свердловского района Твердовская, воспитатель детсада № 43 Дзержинского района Титова; занятия «по организации работы по природе с детьми»: воспитатель детсада № 33 Дзержинского района В. М. Макарычева, воспитатели детсада № 46 Приморского района К. М. Лобанова и Максимова; по развитию речи детей[1].

Следует обратить внимание, что реабилитация детей в этот период идет уже индивидуальная, так как их общее количество в городе мало.

В 1943 г. возобновили свою работу детские санатории, прекратившие ее в 1941 г. (Таблица 29)[2]. С их организацией возникли некоторые затруднения: не хватало помещений, средств. На партийном собрании ЛГЗО 14 мая 1943 г. начальник Управления детства С. И. Волчок докладывал: «Я несколько раз был у зав[едующего] Гороно – т. Никитина и требовал помещения. Он ссылается на заместителя председателя исполкома т. Федорову, но т. Федорова заболела, а т. Никитин продолжает себя очень спокойно чувствовать. Ремесленные училища ссылаются на то, что еще не получили решения исполкома. В силу всего этого некоторые наши дети не имеют еще возможности пользоваться некоторыми преимуществами»[3]. Все же 15 мая 1943 г. был открыт ночной санаторий для рабочих подростков в Выборгском районе[4].

В 1944 г. был развернут круглогодичный детский санаторий для туберкулезных больных: в нем имелось 180 фактических коек (по смете 200), за год поступило 779 больных, которые провели здесь 41 536 койко-дней[5].

К организации оздоровительных санаториев для детей подключился ЦК ВЛКСМ, о чем свидетельствует протокол от 9 апреля 1943 г. №335 заседания бюро ЦК ВЛКСМ о Всесоюзном пионерском лагере «Артек» им. В. М. Молотова, в котором говорится о временном преобразовании лагеря в санаторий для детей Сибири[6]. По устным воспоминаниям, в этом санатории оказались и

---

1 Там же. Л. 11, 12. К сожалению не все имена удалось установить – ЛГ.

2 Материалы о работе Ленгорздравотдела в дни Отечественной войны… // ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 16, 111, 126. Ср. *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944). С. 22.

3 Протокол №10 партийного собрания ЛГЗО от 14/V-43 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 10. Л. 67.

4 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №9–10. (29 мая). С. 3–4.

5 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 1115. Л. 8об.

6 Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах. Т. 3: Спасенное детство. С. 333.

ленинградские дети, выехавшие в «Артек» в начале июня 1941 г., накануне войны[1].

Важнейшим фактором борьбы за спасение ленинградских детей являлся – человеческий. Об этом свидетельствовали горячие, самокритичные обсуждения вопросов медико-санитарного обеспечения города на заседаниях парторганизации ЛГЗО.

Выдающимся был вклад ученых в разработку методов лечения смертельно опасных заболеваний, военных травм и их последствий у детей. Так, на основе применяемых в военной психиатрии методов лечения контуженных воинов сотрудниками Академии педагогических наук были разработаны методики реабилитации психики контуженных детей[2]. Высоко оценивался американскими педиатрами опыт одновременного консультирования матерей медицинскими и педагогическими работниками, распространенный во время войны в СССР[3].

Весь период блокады Ленинграда шла работа по улучшению системы обслуживания детей, по усовершенствованию медицинских кадров, научной разработке новых способов лечения. При Ленгорздравотделе действовал Ученый Совет, в составе профессоров: Ф. И. Машанского, Ю. А. Менделевой, С. М. Рысс, Н. Н. Самарина, И. П. Виноградова, К. К. Скробанского, А. Ф. Тура, М. Д. Тушинского и др.[4] За время войны, до 1 января 1945 г., в блокадном Ленинграде были защищены 10 диссертаций на соискание степени кандидата наук по педиатрии[5].

Одним из первых в Ленинграде возобновило работу Общество детских врачей, возглавляемое профессорами Ю. А. Менделевой и А. Ф. Туром. В работе Общества участвовали профессора Ф. И. Фридман, А. Б. Воловик, М. О. Гуревич, А. Н. Антонов. Для молодых врачей при ЛГПМИ были организованы курсы повышения квалификации, в том числе по борьбе с детскими инфекциями (проф. М. Г. Данилевич). Для педиатров проводились лекции и семинары по лечению цинги, дистрофии, желудочно-кишечных заболеваний. Для медсестер были организованы занятия при консультациях, яслях и поликлиниках. При молочной станции Педиатрического института повышали свои знания инструкторы молочных кухонь.

В 1942 г. за выдающиеся заслуги в области охраны материнства и младенчества и большую работу по снижению детской заболеваемости был награжден Орденом Ленина Заслуженный деятель науки, профессор Георгий Нестерович Сперанский, председатель Всесоюзного

---

1 Со слов моей матери, В. М. Ильиной (Газиевой), пережившей весь период блокады в Ленинграде, относительно ее двоюродных сестер, выехавших перед войной в «Артек» и попавших в данный санаторий. – *Прим. Л. Г.*

2 *Лурия А. Р.* О патологии грамматических операций. // Вопросы педагогической психологии / Под ред. чл.-корр. А. А. Смирнова. Вып. 3. – Москва; Ленинград, 1946. С. 161–198; *Его же.* К патологии счетных операций. // Указ. соч. – Москва; Ленинград, 1946. С. 18–207.

3 Pediatrics and the Emotional Needs of the Child: As Discussed by Pediatricians and Psychiatrists at Hershey. Pennsylvania. March, 6–8, 1947. – New York, 1948.

4 *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С. 66.

5 ГА РФ. Ф. Р-8009. Д. 66. (Отчет о состоянии детского здравоохранения в период Отечественной войны. 1945). Л. 6.

Общества детских врачей[1]. В период войны Г. Н. Сперанский работал в облздравотделе г. Молотова (Пермь), куда была эвакуирована значительная часть ленинградских детей. Были отмечены Орденом Трудового Красного Знамени за заслуги по спасению детей профессор Ю. А. Менделева, директор педиатрического института, и профессор А. Ф. Тур, главный педиатр Ленинграда[2].

Весной 1943 г. начался переход на обслуживание детей во всех районах города по системе единого педиатра, обслуживавшего детей разного возраста в одной семье. Первыми перешли на эту систему Московский (д-р Бруштейн[3]) и Свердловский (д-р Синявская) районы Ленинграда. Объединению предшествовали лекции и семинары по особенностям физиологии и патологии детей раннего и старшего возраста. Профессорами ЛГПМИ А. Ф. Туром, М. Н. Лукьянчиковой и д-р Поляковой была создана методика применения соевого молока в диететике грудных детей в сочетании со сгущенным коровьим молоком в лечебных смесях: пахтанье, белковом молоке, простокваше, кефире и жирных смесях. Улучшения качества соевого молока добились сотрудники I Молокозавода: инженер Л. Р. Шапиро, кандидат биологических наук Содокова. Однако невосполнимый дефицит минеральных солей в соевом молоке привел к росту дистрофий у детей раннего возраста зимой 1941–1942 гг. даже в детских лечебно-профилактических учреждениях[4].

Опыт изучения блокадных патологий в военное и послевоенное время такими учеными как В. Г. Гаршин, Г. Ф. Ланг, М. В. Черноруцкий, М. И. Хвилицкая, А. Л. Мясников, Т. В. Чайка, М. Д. Тушинский, А. Ф. Тур, Д. М. Гротэль, Э. М. Гельштейн, С. М. Рысс, М. И. Захарьевская, В. А. Вальдман, И. С. Вайнберг, К. Г. Волкова, И. Б. Шулутко анализируется современными исследователями[5]. Известен и вклад в медицинскую науку таких ученых как Ю. А. Менделева и З. Г. Френкель. В то же время совершенно незаслуженно забыт выдающийся опыт исследования онкологических заболеваний под влиянием бомбежек профессора М. К. Петровой (научная работа М. К. Петровой была отмечена в 1946 г. государственной премией[6]) и методика лечения камполоном алиментарной дистрофии у детей раннего возраста, разработанная профессором Ф.И. Фридманом[7].

---

1 Ленинградская правда. – 1942. – №290 (8396). С. 1.

2 Советская медицина. – 1942. – №5–6. С. 4.

3 Здесь и ниже не удалось восстановить инициалы.

4 *Волчок С. И.* Указ. соч. С. 5–7.

5 *Симоненко В. Б., Магаева С. В.* Ленинградская блокада: открытия в биологии и медицине – М.: Экономика и информатика, 2008.

6 *Сталин И. В.* Телеграмма М. К. Петровой // РНБ РО. Ф. 576 (Петрова М. К.). Д. 87. Л. 1.

7 Согласно опубликованным Ф. И. Фридманом в период блокады материалам, методика циклических курсов инъекций камполона, благодаря антианемическому фактору содержащегося в нем комплекса витаминов B_2 и B_1, способствовала восстановлению не только нарушенного процесса кроветворения, но и целого ряда других систем, регресс которых поддерживал состояние дистрофии. В то же время в отдельных случаях, из-за ослабленности организма ранее перенесенными инфекциями, лечение не давало результата, заканчиваясь

В связи со злокачественным характером нарушений кроветворных процессов в ряде случаев при дистрофии, необходимо указать на исследование генезиса онкологических заболеваний в блокадном Ленинграде проф. М. К. Петровой. В ходе наблюдения за лабораторными собаками М. К. Петрова пришла к выводу об учащении под влиянием бомбежек онкологических заболеваний (опухолей внутренних органов), которые и являлись основной причиной смерти животных[1]. В январе 1942 г. по инициативе проф. М. К. Петровой была созвана городская конференция по невропсихиатрии.

В апреле 1942 г. состоялась научная сессия I Ленинградского медицинского института. В «Ученых записках I Ленинградского медицинского института им. И. П. Павлова» (1944 г.) были обобщены ее результаты. С мая 1943 г. работал Научный Комитет по изучению алиментарной дистрофии и авитаминозов при Ленгорздравотделе: В. Г. Гаршин, А. Ф. Тур, С. М. Рысс и другие[2].

Оценки ленинградскими учеными природы дистрофических заболеваний и их последствий содержали определенные противоречия. Заведующий кафедрой пропедевтики детских болезней Ленинградского педиатрического медицинского института проф. А. Б. Воловик отмечал сложность лечения дистрофий у детей раннего возраста, в связи с сопутствующими инфекционными заболеваниями, их последствиями: пневмонией, туберкулезом, дизентерией[3]. Он выделял изменения, произошедшие в картине заболеваемости ленинградских детей в 1943–1944 годах: сохранение низкого уровня заболеваний аллергической природы – бронхиальной астмы, диффузного нефрита, ревматизма, крупозной пневмонии, наряду с резким сокращением заболеваний алиментарной дистрофией, более благоприятным течением туберкулеза, дифтерии, бронхопневмонии (имевшей в блокадный период атипичную немую форму), а также более типичного клинического облика ветрянки, свинки, пневмонии. В качестве причины низкого уровня заболеваемости Воловик указывал на недостаточную способность организма к сенсибилизации[4] в 1943 г. Учащение этих видов заболеваний в 1944 г., особенно крупозной пневмонии, он связывал с восстановлением реактивности детей. Отмечалось и относительное эпидемическое благополучие в 1943 г. из-за проведения прививок, концентрации детей в интернатах, изменений иммуно-биологического состояния организма и других причин. К восстановлению реактивности организма, по мнению А.

смертельным исходом. (По *Фридман Ф. И.* Гиповитаминозы В в патогенезе дистрофий раннего возраста и их лечение камполоном // Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник II. С. 164–167).

1 *Петрова М. К.* К динамике нервного процесса при голодании. Тетрадь №2. 1943 // РНБ РО. Ф. 576. Д.16. Л.12.

2 *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С. 71, 72, 125.

3 *Воловик А. Б.* Особенности патологии детей Ленинграда за время Отечественной войны. // Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник II. С. 96.

4 Сенсибилизация, мед. – повышение чувствительности человеческого организма или отдельных его органов (напр. Органов чувств, кожи) к воздействию к.-л. фактора внешней или внутренней среды. (По Большая Российская энциклопедия – электронная версия. URL: https:// bigenc-ru .turbopages.org/bigenc.ru/s/medicine/text/3656088).

Б. Воловика, относились причины повышения заболеваемости в 1944 г. коклюшем и вспышки кори среди детей младшего возраста[1].

Отдельно надо остановиться на вопросах пособий многодетным и одиноким матерям. С 1937 г. в СССР многодетные матери получали государственное пособие. Постановлением СНК СССР от 20 мая 1942 г. №728 было внесено дополнение: пособие продолжало выплачиваться матери в случае смерти ее детей при исполнении воинских обязанностей[2].

В 1944 г. правительство усилило помощь многодетным и одиноким матерям, беременным женщинам. 11 марта 1944 г. появилось постановление ВЦСПС СССР «О порядке выдачи в военное время пособий по беременности и родам»[3]. Постановление СНК СССР от 28 апреля 1944 г. №474 «Об изменении примечания к ст. 4 инструкции о порядке назначения и выплаты государственного пособия многодетным матерям» уточняло, что выплата пособия многодетным матерям не прекращается, если сын или дочь пропали без вести, или насильственно были угнаны в рабство, или убиты неприятелем[4].

8 июля 1944 г. вышел Указ Президиума ВС СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»»[5]. Необходимо также указать на Постановление СНК СССР от 18 августа 1944 г. №1122 «Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты государственных пособий и предоставления льгот беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям»[6]. Порядок установления почетных материнских статусов определялся несколькими Указами, изданными 18 августа 1944 г., которыми к родным детям приравнивались усыновленные, учитывались также погибшие, пропавшие без вести, умершие от ран и контузий[7].

Согласно Указу от 8 июля 1944 г., увеличивался декретный срок для матерей с 63 до 77 дней,

---

1 *Воловик А. Б.* Особенности патологии детей Ленинграда за время Отечественной войны. // Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник II. С. 95–105.

2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 201. Л. 116, 117.

3 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Правовая политика Советского государства в области охраны здоровья населения (1940–1950). С. 210.

4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 227. Л. 175.

5 Советская медицина. – 1944. – №9. С. 41. См. также: *Митерев Г. А.,* нарком здравоохранения СССР. Забота о матери и ребенке – важнейшая государственная задача (сокр. Доклад на Всесоюзном совещании по вопросу об охране материнства и детства 25-27. IX. 1944) // Советская медицина. – 1944. – №12. С. 1-4.

6 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 233. Л. 154–166.

7 Об утверждении Положения о почетном звании «Мать-героиня», Статута, Положения и описания ордена «Материнская слава» I, II и III степени и медали «Медаль материнства» I и II степени (Указ от 18 августа 1944 г.) // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. – М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. С. 313–317.

с 4 месяца беременности женщины освобождались от сверхурочных работ, а кормящие матери – от необходимости ночных дежурств[1]. В то же время указ упорядочивал брачные отношения, признавая только зарегистрированный брак, а также фактический, возникший до 8 июля 1944 года, который следовало зарегистрировать. Наряду с этим, государство брало на себя поддержку матерей-одиночек и заботу о рожденных вне брака детях, освобождая от ответственности мужчин. По оценке Н. С. Нижник, это придало указу противоречивый характер: с одной стороны, он укрепил институт семьи, расширил государственную помощь матерям-одиночкам, с другой, сделал более тяжелым положение матерей-одиночек, снизив социальный статус «внебрачных» детей. В то же время увеличилось число фактических браков из-за сложности бракоразводного процесса[2]. Только в 1945 г. появилась возможность установления отцовства для «внебрачных» детей при регистрации брака[3]. При этом, как указывает Н. С. Нижник, сохранялась дискриминация «внебрачных» детей[4].

10 ноября 1944 г. вышел Указ Президиума ВС СССР о признании фактического отцовства, если супруги не смогли зарегистрировать брак при гибели или пропаже без вести отца ребенка. При этом ребенок получал право на пенсию, социальные льготы, положенные семье красноармейца. Сложность такого признания была связана с необходимостью установить, как факт отцовства, так и факт гибели или пропажи без вести отца ребенка[5].

Поддержка матерей-одиночек прослеживается и в Постановлении СНК СССР от 10 ноября 1944 г. №1571 «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшению медицинского и бытового обслуживания женщин и детей»[6]. Постановлением вводилось круглосуточное пребывание детей в детских яслях и детсадах для детей матерей-одиночек. Количество таких мест в крупных промышленных городах должно было составить до 40% к 1 января 1946 г. Увеличивалось количество коек в родильных домах, сеть яслей, количество женских, детских и женско-детских консультаций, домов ребенка, а также домов матери и ребенка. Предполагалось обеспечить вновь открываемые учреждения кадрами, оборудованием, инструментами, инвентарем. Расширялось строительство детских яслей и садов, а также

---

1 *Митерев Г. А*. Указ. соч. С. 1.

2 *Нижник Н. С.* Женщина как субъект семейно-брачных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны // Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне). Т. 1. – М. – Ст. Оскол, 2015. С. 152–154.

3 Президиум ВС СССР. Указ от 14.03.1945 «О порядке применения Указа Президиума ВС СССР от 8 июля 1944 года в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» // Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. 1938 – июль 1956 / Под ред. к.ю.н. Мандельштам, Ю. И. – М.: Гос. изд-во юр. лит-ы, 1956. С. 366.

4 *Нижник Н. С.* Указ. соч. С. 154.

5 Там же. С. 152–154.

6 Дошкольное воспитание. – 1945. – №4. С. 31; см. также ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 238. Л. 137–141.

производство детской мебели, посуды и одежды. Оговаривались необходимые мероприятия по ремонту, восстановлению и обеспечению детских учреждений топливом. Не менее 10% нового жилого фонда полагалось выделять ежегодно в городах для особо нуждающихся многодетных матерей[1].

Основное изменение, произошедшее в порядке назначения государственных пособий, заключалось в том, что государство брало на себя заботу о детях, не имевших отца, продолжая поддерживать брачные отношения и статус женщины-матери. Этого вопроса касалось и Постановление СНК СССР от 27 ноября 1944 г. №1622 «Об утверждении Инструкции Наркомюста СССР “О порядке рассмотрения судами дел о расторжении брака”». В прилагаемой инструкции подробно излагались вопросы, касающиеся защиты прав детей на материальное содержание и воспитание. При нахождении кого-либо из родителей в действующей армии, вопрос откладывался до его возвращения[2].

Неоднозначность Указа от 8 июля 1944 г. вызвала необходимость публичного обсуждения. 25–27 сентября 1944 г. в Москве состоялось Всесоюзное совещание по вопросам охраны материнства и детства[3].

В современных работах по медицине, посвященных блокадным синдромам заболеваний, роль первоочередного фактора в заболеваемости и гибели детей в период блокады отводится бомбежкам и психоэмоциональному прессингу. В то же время дается высокая оценка достижениям медицины в области спасения здоровья ленинградцев: «Возможность восстановления организма после потрясения биологических основ жизнедеятельности до уровня, достаточного для самообеспечения, активной трудовой деятельности и продолжения рода, является важным открытием блокады в области биологии и медицины. <…> Опыт ленинградской блокады создает основы для оптимистических прогнозов медицинской реабилитации по выходе из экстремального состояния»[4]. Основные выводы нашего исследования не столь оптимистичны, так как, несмотря на все принимаемые меры по борьбе с детской заболеваемостью, в течение всего блокадного периода она оставалась высокой и давала себя знать детской смертностью.

Оздоровление детей войны и блокады оставалось в центре внимания Советского правительства и в послевоенный период. Так, 14 мая 1945 г. было принято постановление СНК СССР №1063 «О мероприятиях по укреплению здоровья детей в летний период 1945 г.»[5].

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 238. Л. 137–141.
2 Там же. Л. 331–337.
3 *Митерев Г. А.,* нарком здравоохранения СССР. Указ. соч. С. 3.
4 *Симоненко В. Б., Магаева С. В.* Ленинградская блокада: открытия в биологии и медицине. С. 122.
5 Советская медицина. – 1945. – №6. С. 34.

В целом медицинские исследования в послевоенный период показали, что военные травмы приводят не только к высокой смертности женщин и детей в период войны, но и к длительным, генетическим расстройствам, затрагивающим процессы кроветворения, вызывающим хронические аллергические расстройства, а также нарушающим функционирование нервной системы, в том числе высшей нервной деятельности.

6.6. Борьба с беспризорностью и безнадзорностью ленинградских детей и подростков

Одной из важнейших проблем войны является полное или частичное сиротство детей, охрана прав которых усложняется утратой как родителей, опекунов и попечителей, так и документов. Беспризорность несовершеннолетних: детей-сирот или детей, потерявших родителей в период эвакуации, сопровождалась безнадзорностью, ставшей особенно актуальной в 1943 г. в связи с бродяжничеством детей и подростков из-за голода, распространением хулиганства и воровства. В эвакуации беспризорность и безнадзорность детей приобретали массовый характер в случаях, когда дети с родителями или с детскими учреждениями попадали под бомбежку, оказывались в прифронтовой полосе или на оккупированной территории. Таким образом, борьба с беспризорностью и бродяжничеством ленинградских детей и подростков включает в себя и территорию Ленинграда, и места эвакуации.

Соответственно, борьба с беспризорностью и безнадзорностью детей и подростков была в центре внимания сразу нескольких наркоматов: НКВД, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, соответствующих отделов Ленгорисполкома, УНКВД по Ленинграду и ЛО. К ней были подключены общественные организации, прежде всего комсомольцы, профсоюзы, ЛГК Красного Креста. В решении этих вопросов использовалось несколько стратегий, выработанных с учетом опыта Первой мировой войны, еще накануне войны.

Во-первых, *образование детских домов и интернатов для эвакуации детей с детскими учреждениями из Ленинграда*. Необходимо указать, что детские дома, находившиеся в эвакуации, делились по возрасту и статусу детей на дома малютки, дошкольные, смешанного типа детдома, школы-интернаты, интернаты для детей-инвалидов, спецшколы. Важное значение имело: какой именно орган власти курировал детдом или интернат.

1) Имелись смешанные интернаты, значительная часть из которых была вывезена из Ленинграда летом 1941 года с детьми, родители которых в большинстве эвакуировались вместе с предприятиями тогда же, или были мобилизованы в армию и на трудовые работы. Летом 1942 года создавались дошкольные интернаты и школы-интернаты для эвакуации детей, родители которых

эвакуировались как инвалиды или оставались в Ленинграде. Всего в 1942 году таких ленинградских интернатов в эвакуации было 493 с контингентом – 45 134 чел., по данным Наркомпроса (НКП) РСФСР[1].

2) Были довоенные детдома, эвакуированные летом 1941 года, и детдома, созданные осенью – зимой 1941, а затем весной – летом 1942 года, в основном для детей-сирот и полусирот. Всего таких ленинградских детдомов в эвакуации было по данным НКП РСФСР в 1942 году: 319 с контингентом – 31 027 чел.[2]

Некоторые статистические противоречия вызваны тем, что интернаты в переписке по эвакуации и реэвакуации, в том числе в отчетах уполномоченных Ленгорисполкома, постоянно смешивались с детдомами, и различие между ними было незначительным.

Во-вторых, работа детдомов в Ленинграде после летней эвакуации 1941 г. продолжалась. В городе осталось 11 детдомов[3]. Кроме того, их число постоянно увеличивалось.

Согласно отчету Ленинградского городского отдела народного образования в Плановую комиссию Ленгорисполкома, осенью 1941 г. для детей беженцев, следовавших через Ленинград, были открыты три детские комнаты при эвакопунктах Смольнинским, Красногвардейским и Фрунзенским районным отделом народного образования (РОНО). В октябре 1941 г. начали создаваться интернаты для детей беженцев, открытые почти во всех районах города на базе школ, всего 30 на 1 549 детей (ошибочно эти интернаты в публицистической литературе относят к детдомам). Эти интернаты просуществовали с 23 октября 1941 г. по март 1942 г., затем частично были реорганизованы в детские сады нормального режима, а частично в детские дома для детей-сирот[4].

С декабря 1941 г. в Ленинграде начался рост дошкольных детских домов. Они организовывались различными путями. Создавались на базе детских садов по инициативе заведующих детсадами, как например, М. Н. Николаевой, зав. детсадом Василеостровского района, которая на базе своего детсада организовала детдом. Организовывались предприятиями, так, на Второй кондитерской фабрике (директор Петухова) выделили работниц, отвели помещение и организовали детдом на 30 детей. Причем в числе этих детей не было детей работниц данного предприятия. Так же были организованы детдома фабрикой «Большевичка» и другими предприятиями[5]. 17 детдомов было создано РОНО.

Кроме того, во всех районах города открылись приемники НКВД, распределявшие детей по детским домам после санобработки и карантина. Они работали по типу детских интернатов.

1 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2968. Л. 4.
2 Там же.
3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 3. Л. 8 об.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 198, 198об.
5 Там же. Л. 198об, 199.

Текучесть детского коллектива в них свела работу в детских приемниках к питанию и уходу за ребенком. Нарастающая потребность к размещению детей приводила к тому, что детдом был запланирован на 150 чел., а было в нем 200, или запланирован на 75 чел., а было – 150 детей, согласно отчету Ленгороно в Плановую комиссию Ленгорисполкома[1].

Основная часть детдомов была рассчитана на 120–150 детей, но имелись и малые детдома на 30–50 человек, необходимые для ухода за травмированными детьми. Детдома вначале отличались скученностью детей, не были оборудованы, однако некоторые детдома были оборудованы неплохо. Например, детские дома №№23, 38, 68, 3, 38, 34, 44. Над детдомами шефствовали военные части, в том числе передавая им денежные средства, помогая транспортом. Так, военной частью были собраны деньги детдому №26[2].

Уже осенью 1941 г. начала расти детская преступность. Если в сентябре 1941 г. было привлечено в Ленинграде к уголовной ответственности 92 чел. несовершеннолетних, то в октябре – 235 чел., в ноябре – 271 чел., в декабре – 275 чел. Причем 94% было привлечено из-за краж[3].

6 декабря 1941 г. в докладной записке секретарь Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ В. Н. Иванов писал секретарю Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецову, что комсомольцами было выявлено в городе 790 беспризорных и безнадзорных детей, в возрасте до 16 лет. Из них мальчиков – 570, девочек – 220. Значительная часть этих детей безнадзорно проживали в бомбоубежищах, эвакопунктах и других местах, находясь в крайне тяжелом материальном положении. Сведения на детей были получены в домохозяйствах через райкомы комсомола. Горком ВЛКСМ предложил: из этих детей в возрасте от 13-ти лет, в количестве 525 человек, организовать специальную колонну, прикрепив к ним руководителей, и срочно эвакуировать из города, прибавив к этой колонне воспитанников детдомов в возрасте от 14-ти лет и выше в количестве 150 человек. На освободившиеся места в детдома предлагалось направить нуждающихся детей младшего возраста в количестве 490 человек. В списки были включены 300 подростков, находившихся на эвакопунктах[4].

Статистический подсчет по приложенным спискам 418 детей позволяет выявить причины беспризорности в начале декабря 1941 года. Среди них: 255 детей от 1 до 13 лет. У 112 детей (44%) отец, мать или брат находились в РККА, на фронте, в МПВО или погибли в войну, у 10 чел. (4%) мать была уволена по эвакуации, сокращена по эвакуации, или эвакуирована с заводом

1 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 199.
2 Там же. Л. 199, 199 об.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 57. Л. 6.
4 Там же. Ф. Р-330. Оп. 2. Д. 4 (Докладная записка секретаря Ленинградского ОК и ГК ВЛКСМ об эвакуации безнадзорных детей и списки детей по районам г. Ленинграда. 1941. 6 декабря). Л. 1, 2.

№174, у 41 чел. (16%) родители были арестованы. Так, среди причин детской беспризорности, помимо гибели родителей или мобилизации на фронт, имели место: эвакуация матери, ее увольнение, или арест родителей. Следует заметить, что эти причины сохранялись и в дальнейшем.

7 января 1942 г. было принято решение Ленгорисполкома: «О мероприятиях по борьбе с детской безнадзорностью» (пр. №59, п.4): об увеличении количества мест в детских домах на 2 725 с 10 января 1942 г.[1] Решением от 22 января 1942 г. увеличилось количество мест в действующих домах малютки на 1 275, в каждом районе создавался такой дом малютки[2]. Причинами являлась смертность населения и необходимость сохранения детей. К апрелю 1942 года число домов малютки (дома ребенка) выросло в Ленинграде до 19 с контингентом детей 1 825 чел., к июню 1942 г. к ним прибавилось 50 чел. В дальнейшем эти учреждения были эвакуированы, и к январю 1943 г. их осталось всего три с контингентом 280 чел. детей. (Таблица 29)[3].

Количество детских домов и детский контингент в них поддаются учету с трудом, из-за движения детского потока в связи с эвакуацией. Согласно статистическому отчету Ленгороно в Наркомпрос РСФСР, в январе 1942 года имелось 22 детдома с контингентом детей 1 814 чел. За весь год через них прошло, помимо этих детей, еще 15 609 чел. [или всего 17 423 чел. – Л.Г.]. На 1 января 1943 г. контингент детей составлял 2 502 чел., выбыло 14 921 чел., в том числе 12 468 чел. были эвакуированы, 913 чел. выбыли по неуказанным причинам (скорее всего умерли), 1 540 чел. выбыли к родителям, на производство, на патронат, в учебные заведения и другие детдома[4].

В общих детдомах Наркомпроса изначально находились дети от 7 до 15 лет и старше. На 1 января 1943 года из 2 502 детей в 22 детдомах НКП РСФСР: 1 089 составляли мальчики, 1 413 – девочки. 949 детей было семи лет, 875 чел. от 8 до 11 лет, 581 ребенок 12–14 лет, 97 подростков 15 лет и старше[5].

В отчете, поданном Ленгороно в Плановую комиссию Ленгорисполкома, указывалось количество всех видов детдомов только для дошкольников (включая детприемники НКВД) – 30, с единовременным охватом детей 3 015 чел. Всего, за период с 22 июня 1941 г. по 1 января 1943 г., прошло через них – 17 532 чел., из которых 898 чел. [в документе испр. 398 – Л.Г.] умерло[6]. Причиной попытки занизить данные о смертности детей мог быть страх уголовной

1 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №1–2 (30 января). С. 5–7.
2 *Ежов М. В.* Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: опыт, проблемы, уроки. С. 78.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 3. Д. 54. Л. 16.
4 *Газиева Л.Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941 – 1944. С. 363; ЦГА СПб. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 570. Л. 1.
5 ЦГА СПб. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 570. Л. 1.
6 Отчет отдела народного образования исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся за период с 22 июня 1941 г.

ответственности.

От этих данных отличаются сведения, представленные Ленгороно в НКП РСФСР: в г. Ленинграде на 1 ноября 1942 г. из общего числа 41 229 чел. детей, оставшихся без родителей, в детские дома было устроено не менее 38 360 чел. В том числе сирот – 27 803 чел. Кроме того, 4 502 чел. были взяты под опеку или усыновлены. Вместе с трудоустроенными, отправленными в Трудовые резервы, взятыми на патронирование, количество детей, устроенных Ленгороно, составило 45 455 чел.[1] Разница в данных связана с подачей в НКП сведений о подотчетных ему учреждениях, получавших бюджетное финансирование.

В отчете первичной организации ВКП(б) Ленгороно указывалось: с января 1942 г. в городе были организованы в кратчайший срок 85 детских домов, куда было принято свыше 42 000 детей, в том числе 30 дошкольных детских домов, через которые прошло 17 532 детей[2].

Таким образом, данные документов подтверждают друг друга. На их основании можно сделать вывод о том, что организация работы ленинградских детских домов в 1942 г. была прямо связана с задачами эвакуации из города детей-сирот.

Это устанавливается и по документам первичной организации ВКП(б) Ленинградского городского отдела здравоохранения (ЛГЗО). Так, отчитываясь перед партийным бюро 15 июля 1942 г., заместитель заведующего ЛГЗО по охране детства Залман (Соломон) Иосифович Волчок указывал, что к борьбе с безнадзорностью детей была привлечена и поликлиническая, и больничная сеть, через которые было выявлено около 2 тысяч детей, и 1 тысяча была принесена общественностью домохозяйств. Эти дети были подготовлены к эвакуации. За июнь – июль планировалось вывезти 1 500 детей, из которых одна тысяча на момент отчета была вывезена[3]. Важную роль при выявлении и доставке детей-сирот в детские дома и детские приемники сыграли педагоги, с этой целью ими в январе – апреле 1942 г. были проведены рейды по квартирам[4].

Именно в этот период понятие «спасения» появляется в стенограммах партийной организации ЛГЗО, дополняя задачи сохранения и защиты. Приведем отрывок из той же стенограммы партийного бюро от 15 июля 1942 г.: «Об организации *защиты* детства – дети наши почти не пострадали, потому что система *защиты* детей организована очень хорошо. Часть работников, и в том числе т. Галуткина, представлены нами к награде. Есть случаи, когда работники по охране

по 1 января 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 199 об.

1 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3004. Л. 53; *Газиева Л.Л.* Указ. соч. С. 363, 366.

2 Отчет партийной организации Ленгороно за период Отечественной войны с 22 / VI – 41 по 25 / XII – 42 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 7. Л. 21.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 7. Л. 60. (Протокол №13 заседания партбюро Ленгорздравотдела. 15/ VII – 1942).

4 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 207об.

детства, *спасая* детей, забывали о своих собственных детях, а их дети *спасены* другими работниками»[1]. В отчете упоминается Л. Д. Галуткина, заведующая детских яслей №165 Ленинградского полигона, которые 29 марта 1942 г. попали под артиллерийский обстрел, однако благодаря мужеству его сотрудников все 70 детей были спасены. 15 июля 1942 г. ясли выехали в эвакуацию[2].

Примеры героизма и самоотверженности при спасении детей часто приводятся в воспоминаниях педагогов, работавших с дошкольниками. Так, при интервьюировании А. Е. Милеант, в годы войны старшего инспектора Приморского РОНО, студентами педагогического училища было записано: «При первой эвакуации Приморского района погибли заведующие детскими интернатами Мария Васильевна Опарина и ее дочь, Рыжкова Наталья Михайловна, Хомякова Елена Владимировна. Заведующая интернатом Полина Захаровна Бляхер сумела вынести из горящего вагона всех детей, но не вынесла только свою трехлетнюю внучку, которую считала *вправе спасать* лишь в последнюю очередь»[3]. Сама Ада Евгеньевна Милеант усыновила одного из выживших детей Н. М. Рыжковой[4].

В отчете Гороно за 1941 – 1942 годы имеется множество примеров героизма педагогов. Интернатный характер большинства детских садов в этот период позволяет привести один из характерных случаев. Так, 11 ноября 1941 г. 250 кг фугасная бомба замедленного действия застряла над убежищем 49 детского сада Смольнинского района, где находились дети. «В этот решительный момент твердо и решительно зазвучал голос воспитательницы т. Родионовой А. В. спокойно и быстро организующей детей для вывода. Полное самообладание и выдержка помогли т. Родионовой под разрывами падающих бомб и осколками зенитных снарядов благополучно переправить детей в бомбоубежище соседнего дома, согласно полученному приказу от начальника объекта МПВО дома. Тов. Родионовой пришлось пройти пять раз мимо опасного места, где застряла бомба; человек поседел за эти короткие промежутки времени, но не отступился от своего долга бойца в тылу и честно выполнил все, что требовалось от нее для спасения жизни детей»[5]. Приведенный отрывок позволяет выявить характерные риторические обороты: «решительный момент», «решительно зазвучал», «для спасения жизни детей». «Спасение детей» как профессиональный паттерн воспитателя в блокадном детском доме выражено в послевоенных воспоминаниях Ольги Николаевны Гречиной, получивших широкую известность благодаря книге Ц. Симмонс и Н. Перлиной. Название ее мемуаров наиболее ясно выражают сущность

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 7. Л. 61.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп.17. Д. 1514. Л. 10.
3 Заметки об Аде Евгеньевне Милеант // Эта память – наша совесть… / сост. *Е. Н. Дмитриева, Л. Л. Газиева*; РГИ СПбГУ, ГММОБЛ. – СПб., 2007. С. 342–343. (по НМПК. Ф. БВ. Д. 24 (Ада Евгеньевна Милеант)).
4 Эта память – наша совесть… С. 188–189.
5 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 200.

сформировавшегося профессионального паттерна «Спасаюсь, спасая»[1].

Как уже писалось, важную роль в спасении ленинградских детей сыграли медсестры и сандружинницы Красного Креста. Только за 10 дней 20 – 30 ноября 1941 г. сандружинницами и медсестрами были учтены свыше 49 тысяч детей[2].

Институционализация мероприятий по борьбе с беспризорностью в 1942 г. Акты местной власти опередили Постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. №75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей»[3] и Указ Президиума ВС СССР от 13 февраля 1942 г. («Ведомости ВС СССР» 1942 г. №8) «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» с указанием меры уголовного наказания: 1 год принудительных работ за уклонение от работ, начиная с 16–18 лет[4]. Указ был включен в комментарии к Уголовному кодексу в редакции 1942 г., причем отмечалось, что подростки 16–18 лет, подлежащие призыву в систему трудовых резервов и учащиеся, от уголовного наказания освобождались.

Вероятно, с подготовкой этого указа был связан и Приказ по Наркомату просвещения РСФСР от 3 февраля 1942 «Об улучшении подсобных хозяйств и организации сельскохозяйственного труда воспитанников детских домов», предполагавший самообеспечение продуктами питания и одеждой старших воспитанников детдомов[5].

После Постановления СНК СССР от 23 января 1942 г. №75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» начали активнее открывать детдома. Данное постановление было адресовано, прежде всего, Московскому и Ленинградскому горисполкомам. Согласно постановлению, устройство детей, оставшихся сиротами или потерявших родителей при переезде в другую местность, относилось к личной ответственности председателей Советов депутатов. Для этого требовалось создать комиссии при исполкомах в составе заместителя председателя исполкома, представителей профсоюзов, ВЛКСМ, органов НКВД, народного образования и здравоохранения. НКВД отвечал за выявление безнадзорных детей и размещение их в приемниках-распределителях, число которых следовало увеличить. Средства на их содержание планировалось предусмотреть в местных бюджетах. В приемники направлялись дети до 15 лет включительно, где должны

---

1 См., например, *Гречина О. Н.* Погибельная зима (1941–1942). Спасаюсь, спасая // Нева. – 1994. – №1. С. 211–282; *Ее же.* Сказка о гороховом дереве (1942–1944). Спасаюсь, спасая // Нева. – №2. С. 199–249. См. также. *Simmons C.* Writing the siege of Leningrad. Women`s diaries, memoirs, a. doc. Prose / C. Simmons, N. Perlina. – Pittsburg, 2002.

2 ЦГА СПб. Ф.Р-8111. Оп. 3. Д.1. Л. 90, 147.

3 Учебно-воспитательная работа в детском доме. – 1942. – №1–2. С. 107; Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. – 1942. – №21. С. 24–25.

4 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 июня 1942 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юриздат НКЮ СССР. – 1942. С. 113–114.

5 Учебно-воспитательная работа в детских домах. С. 111.

были находиться не более двух недель. Затем детей до 14 лет, чьи родители не нашлись, следовало направлять органами народного образования в детдома, или на патронирование (воспитание)[1].

Патронирование должно было стать одним из важных способов решения проблемы сиротства. Лицам, принявшим на патронирование детей, выдавалось ежемесячно пособие по 50 рублей на одного ребенка. Контроль за патронированием должны были осуществлять Советы депутатов трудящихся, а также местные органы наркомпросов союзных республик и Наркомздрава СССР. С этой целью выделялись инспекторы в районных и городских отделах народного образования. При определении детей на патронат, или при направлении на работу, приемники-распределители должны были обеспечить ребят необходимой одеждой на сумму до 200 рублей на 1 человека[2].

Для оказания помощи родителям и родственникам в розыске отставших детей НКВД СССР (т. Круглов) следовало создать Центральный справочный адресный детский стол, а также справочно-адресные детские столы при областных, краевых, городских, районных отделениях НКВД, в которых следовало зарегистрировать всех детей как находившихся в приемниках, так и направленных в детские учреждения, на производство или определенных на патронат. В штатах краевых и областных органов НКВД выделялись специальные работники для борьбы с детской безнадзорностью. Помещения для организации детприемников выделялись соответствующими исполкомами Советов депутатов трудящихся[3].

Главному Управлению Трудовых резервов разрешалось осуществлять набор детей от 14 лет и старше из детских домов, оставшихся без родителей, с соблюдением правил приема. За исключением ребят, призванных в Трудовые резервы, наркомпросам следовало направить детей старше 14 лет из детских домов в промышленность и сельское хозяйство. По разверстке наркомпросов союзных республик приемники НКВД СССР также должны были устраивать на работу в промышленность или сельское хозяйство детей старше 14 лет. Руководители предприятий и председатели колхозов, принимающие на работу указанных детей, должны были обеспечить их жильем[4].

В то же время, Постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. №75 содержало некоторые противоречия с уже существующим законодательством. Так, дети до 15 лет должны были получить 7-летнее образование, следовательно, направлять их на работу, минуя ремесленные училища, было нельзя. На выполнение всеобуча ориентировали Распоряжение СНК СССР от 3 июня 1942 г. №10268 и Постановление СНК РСФСР от 3 октября 1942 №675 «О возвращении

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 197. Л. 164–168; Учебно-воспитательная работа в детском доме. С. 107; Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. – 1942. – №21. 17 апреля. С. 24–25.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

в школу детей в возрасте до 14 лет»[1].

В соответствии с постановлением №75 был принят приказ НКВД СССР от 11 февраля 1942 г. №50, которым органы милиции обязывались обеспечить выявление всех беспризорных и безнадзорных детей, направлять их в приемники-распределители НКВД и создать справочные адресные детские столы для организации поиска родителей (согласно приказу НКВД СССР от 31 декабря 1940 г. №1208). Для этих целей в структуре Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) создавался специальный отдел. Кроме того, предлагалось привлечь активнее общественность, комсомольские организации[2].

Мероприятия Ленгорисполкома по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью в 1942 г. Решением Ленгорисполкома от 13 февраля 1942 г. (пр. №61, п. 48) была создана специальная Городская комиссия по устройству детей, оставшихся без родителей[3]. 14 февраля 1942 г. Ленгорисполкомом было принято постановление об открытии приемников-распределителей, наполняемостью 2 000 детей. Задачей приемников было распределить беспризорных детей и подростков по различным учреждениям. Организация и руководство детприемниками (ДПР) в Ленинграде и области была возложена на УИТЛК УНКВД Ленинградской области[4].

С 15 февраля 1942 г. в обязанности медсестер и сандружинниц Ленинградского Комитета Красного Креста входил учет детей и оказание им необходимой санитарной помощи, а также устройство в больницы и детские дома[5]. Однако возможности их были ограничены.

21 февраля 1942 г. выполнение решения Ленгорисполкома было проверено Военной прокуратурой г. Ленинграда по Октябрьскому, Смольнинскому и Фрунзенскому районам (по пяти домохозяйствам в каждом). В каждом из них обнаружились безнадзорные дети, неустроенные в течение длительного времени. От одной до двух недель проживали одни, после смерти или пропажи без вести родителей, 13 детей в возрасте от 1 до 14 лет, из которых один умер. Органами милиции выявленные безнадзорные дети порой помещались не в детские приемники, а к дворникам, как 4-летний «Вова», который в результате умер, и пятилетний неизвестный мальчик. В двух из проверенных отделений милиции отсутствовал учет детей, направленных в детские учреждения. Имелись серьезные недостатки в проверенных детских домах

1 Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №21-22 (30 ноября). С. 14.

2 *Емелин С. М.* Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №5. С. 19; *Иванов В. А., Резникова Л. В.* Учреждения пенитенциарной системы Ленинграда в 1941–1944 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019. С. 475.

3 Бюллетень Ленгорсовета. – №3–4. С. 8.

4 *Котов С. Д.* Детские дома блокадного Ленинграда. – СПб.: Политехника, 2005. С. 23, 29.

5 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 45. Л. 82, 92.

Октябрьского района[1].

9 марта 1942 г. протоколом №53, п. 3 Ленинградского горкома ВКП(б) было принято решение «О борьбе с детской безнадзорностью», в котором подверглась критике работа Ленгорисполкома, в связи с невыполнением постановлений от 7 января и 13 февраля 1942 г. На горком ВЛКСМ возлагалась особая ответственность за выявление безнадзорных и беспризорных детей, за работу с ними в детских домах через комсомольские и пионерские организации. Было решено открыть дополнительно детдомов на 6 тысяч детей, передать имущество сирот детдомам под ответственность администрации детдомов, чтобы не допустить расхищения сиротского имущества. Принимать детей-сирот следовало исключительно через приемники-распределители, для чего организовать сплошной обход домов и квартир с целью выявления безнадзорных детей силами партийного, комсомольского, профессионального и советского актива. Требовалось передать освободившиеся общежития ремесленных училищ с инвентарем во временное пользование гороно, подготовиться к приему к 1 апреля 1942 г. безнадзорных подростков 14–17 лет и эвакуировать в марте не менее 5000 воспитанников детдомов, преимущественно школьного возраста. При обсуждении вопроса В. Н. Ивановым был поднят вопрос о пропажах без вести людей весной 1942 г. Было указано и на недостатки в деятельности УНКВД по созданию приемников-распределителей[2].

Секретарь ГК ВКП(б) А. А. Кузнецов призвал участников бюро горкома: «Все вы отцы, все вы заботитесь о своих детях, беспокоитесь о них. Но мы, кроме того, отцы всех детей, мы должны заботиться о всех детях». Сыграло ли такое эмоциональное обращение свою роль трудно сказать. Хотя этические акценты были поставлены верно: «Надо работать, а не относиться формально. За это дело нам никто не простит». При обсуждении указывалось, что отчаяние ленинградцев к марту 1942 г., а также более высокие нормы питания для детей в учреждениях, привели к тому, что ребят родители стали сами подбрасывать в детские дома[3].

В апреле 1942 г. возобновил работу городской методический дошкольный кабинет Гороно, начали работать районные дошкольные методические кабинеты и педагогическое училище. Были организованы семинары-практикумы и краткосрочные курсы для новых воспитателей (199 чел.), заведующих детскими учреждениями (100 чел.), музыкальных работников. За период с апреля 1942 г. по 1 января 1943 г. консультации в кабинете получили 1 120 чел.[4]

---

1 Там же. Д. 57. Л. 4–6.

2 О борьбе с детской безнадзорностью // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 614–616.

3 Там же. С. 614–619.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 205, 205об; См. также: Воспитание детей Ленинграда в первые годы Великой Отечественной войны (Из доклада Гребенщиковой Елизаветы Анатольевны на вечере первой встречи

Работу по борьбе с беспризорностью должна была возглавить милиция. Согласно постановлению СНК СССР от 23 февраля 1942 г. №75и приказу по УНКВД ЛО от 1 марта 1942 г. №58, было создано в Ленинграде 15, а в области 5 приемников, наполняемостью 2 339 чел.[1] К концу марта 1942 г. 150 найденных милицией детей были переданы родителям, 640 отправлены в детские дома, часть определены в больницы, но, тем не менее, в приемниках продолжали находиться 2 993 ребенка[2].

При Главном Управлении милиции (ГУМ) был создан Центральный справочный адресный стол, в картотеке которого скапливались данные о пропавших детях по всей стране. Согласно Приказу НКВД СССР от 10.03.1942 г. №101, устанавливался порядок запросов в Центральное справочное бюро ГУМ НКВД СССР, расположенное в годы войны в г. Бугуруслан Чкаловской (ныне Оренбургской) области. 6 августа 1942 г. было дано Указание ГУМ НКВД СССР №29/з/1553 по организации работы детских приемников-распределителей НКВД, направленной на установление родителей или родственников детей, находившихся в приемниках[3]. 12 сентября 1942 г. в «Ленинградской правде» была напечатана информация о работе Центрального справочного адресного детского бюро по розыску детей, потерявшихся в дни войны[4].

Важную роль в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью детей должны были играть детские комнаты милиции, где находились дети до помещения их в приемник. В 1942–1943 г. была форсирована работа по организации таких комнат при милиции (с 1944 г. «детских комнат милиции»). Наиболее активно создавались детские комнаты на территориях, куда эвакуировали людей (Южный Урал, Поволжье, Сибирь и др.). В штаты комнат набирались в основном женщины. К 1 января 1944 г. в стране было организовано всего 728 детских комнат. ГУМ в 1944 г. разработало инструкцию по работе детских комнат, в которой определялись их назначение, порядок работы[5].

На постановление СНК СССР №75 отреагировали достаточно быстро на местах, куда эвакуировались ленинградцы. Вышло Постановление СНК Таджикской ССР от 14 марта 1942 г. №251 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», в соответствии с которым расширилась сеть детских приемников НКВД республики, были учреждены областные комиссии для

воспитателей детских учреждений с воспитанниками периода Великой Отечественной войны в музее Истории Ленинграда 27 января 1963 года) // Эта память – наша совесть…. С. 202.

1 *Иванов В. А., Резникова Л. В.* Учреждения пенитенциарной системы Ленинграда в 1941–1944 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады. С.475.

2 *Гутман М. Ю., Панфилец А. В.* Указ. соч. С. 30.

3 *Емелин С. М.* Указ. соч. С. 21, 22.

4 Ленинградская правда. – 1942. – №217 (8323). С. 2. [Имеется электронный ресурс]

5 *Емелин С. М.* Указ. соч. С. 20–21.

организации и контроля за патронированием детей. Выполнение постановления осуществлялось под надзором органов прокуратуры республики[1]. В Алтайском крае в 1942 г. работали 5 детских приемников-распределителей, каждый на 125 чел.[2]

В то же время, исследователи Е. В. Суверов и Л. Я. Тарасова обращают внимание на административные трудности в реализации постановления СНК СССР. Разобщенность подразделений НКВД затрудняла борьбу с беспризорностью и безнадзорностью. Так как до 21 июня 1943 г. ДПР подчинялись Управлению исправительно-трудовых лагерей и колоний, то отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБДББ), которые координировали деятельность ДПР и трудовых воспитательных колоний, не взаимодействовали с детскими комнатами. Кроме того, условия нахождения детей в детприемниках НКВД были суровыми. Детские комнаты находились в ведении отдела службы и боевой подготовки Главного Управления отдела службы и тыла милиции, на местах подчиняясь начальнику отдела милиции[3].

Летом – осенью 1942 г. борьба с беспризорностью и безнадзорностью оставалась в поле зрения местных органов Советской власти. Помимо УНКВД в Ленинграде охраной личных прав детей-сирот, в том числе имущественных, занимался Городской отдел народного образования (Гороно) Ленгорисполкома. 18 июня 1942 г. было принято постановление Ленгорисполкома[4], посвященное проверке со стороны Гороно работы по охране имущества детей-сирот районными отделами (роно) и детскими учреждениями.

В то же время, в соответствии с решением Ленгорисполкома от 17 июля №71, п. 36, уже 20 июля 1942 г. было ликвидировано 9 районных приемников в городе, оставалось шесть. Осенью 1942 г. приемники имелись также в Ленинградской области: Волховский, Тихвинский, Ефимовский, Хвойнинский, Боровичский и Валдайский, в основном в тех местах, куда летом 1941 г. эвакуировались ленинградские интернаты. В конце 1942 г. в городе и области оставалось только 8 детских приемников-распределителей[5].

В борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью Советские органы власти и управления народным образованием, здравоохранением опирались на общественные организации (комсомол, профсоюзы, Общество Красного Креста). Комиссии при исполкомах Советов

---

1 *Мухаммадиев И. С.* Прокурорский надзор и борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью в годы Великой Отечественной войны // Мир политики и социологии. – 2019. – №6. С. 40–42.

2 *Суверов Е. В., Тарасова Л. Я.* Алтайская милиция в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1941–1945 гг.). – Барнаул: Барнаульский юр. ин-т МВД России, 2014. С. 69.

3 Там же. С. 64–65.

4 Постановление Ленгорисполкома «О выполнении решения бюро исполкома Ленгорсовета от 19 февраля 1942 г. “Об охране имущества, оставшегося после умерших”» (пр. №69, п. 53) // Бюллетень Ленгорсовета. – 1942. – №13 (18 июля). С. 7.

5 *Иванов В. А., Резникова Л. В.* Учреждения пенитенциарной системы Ленинграда в 1941–1944 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады. С. 475.

депутатов трудящихся отвечали за устройство детей, которые могли содержаться в приемниках-распределителях не более двух недель. На это нацеливало Постановление СНК РСФСР от 25 ноября 1942 г. №865 «О выполнении постановления СНК СССР №75 от 23 января 1942 г. “Об устройстве детей, оставшихся без родителей”»[1]. В августе 1942 г. вышло Постановление ЦК ВЛКСМ «О мероприятиях комсомольских организаций по борьбе с детской безнадзорностью и по предупреждению детской беспризорности», которое нацеливало комсомольцев на спасение детей[2].

Следует отметить, что в середине ноября 1942 г. беспризорных детей в Ленинграде, нуждающихся в устройстве в интернаты, стало уже ничтожно мало. Так, в отчете о работе санэпидотрядов Красного Креста, в обязанности которых входило выявление и устройство в интернаты или детские дома безнадзорных детей, за период с 3 ноября по 31 декабря 1942 г. указано, что были устроены в интернаты 6 детей. При этом санэпидотряды осмотрели 12 453 квартир, 4422 домов, а также дворы, 1005 бомбоубежищ[3].

Необходимость материального и финансового обеспечения являлась важнейшей при решении вопросов устройства детей. Остановимся на проблемах и противоречиях финансового и прочего материального обеспечения детдомов.

Финансирование вновь организованных детдомов явно было недостаточным. Среднегодовое довольствие на человека можно рассчитать по формуле:

$$d = 2\frac{D}{(a+b)}\ , \qquad (2)$$

где d – среднегодовое довольствие на 1 человека, руб.;

D – средства, выделенные на питание всех воспитанников ленинградских детдомов Наркомпросом на год, руб.;

a – количество воспитанников, пребывающих в ленинградских детдомах Наркомпроса единовременно на начало года;

b – количество воспитанников, пребывающих в ленинградских детдомах Наркомпроса единовременно на конец года;

2 – коэффициент, позволяющий определить среднее значение единовременного пребывания в детдомах детей в течение года.

---

1 Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – 1942. – №6. С. 34-37.

2 Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах. Т. 3: Спасенное детство. С. 333.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-8111. Оп. 3. Д. 7. Л. 19, 25.

На питание в ленинградских детдомах Наркомпросом РСФСР в 1942 г. было выделено всего: 306 645 рублей (руб.) с учетом наличия мест на 3 025 человек (чел.). На начало 1942 года в ленинградских детдомах Наркомпроса находилось 1 814 человек, а на конец того же года – 2 502 человек[1]. Тогда в год на человеко-место в среднем пришлось 142 руб. 09 коп., что составляет в день в среднем 0,39 руб. Для сравнения заметим, что по сниженным в 1942 г. нормам в стационаре Горздравотдела выделялось на день до 2,50 руб. на трехразовое питание (83 коп. на 1 раз)[2]. Однако всего за 1942 год через детдома прошло 17 423 чел. Тогда на 1 человека за год пришлось 17,6 руб., что достаточно на неделю. При нахождении детей не более 7 дней средств оказывалось достаточно, при их задержке неизбежно возникал недостаток средств на питание[3].

В то же время всего в 1942 г. было израсходовано 7 314 063 руб., в том числе на питание 306 645 руб. и на зарплату 1 550 336 руб.[4] Возникшая разница: 5 457 082 руб. может быть объяснена расходами на эвакуацию детдомов. Это подтверждается отчетом Ленгороно в Плановую комиссию Ленгорисполкома, согласно которому 5 155 000 руб. были израсходованы на питание детей во время эвакуации[5]. Остаток, 302 082 руб., могли составить накладные расходы, в том числе на одежду, обувь, одеяла и др. В 1943 г. на питание было израсходовано всего 3 139 000 руб. На начало 1943 года было 2 041 чел., на конец того же года 2 037 чел.[6] Тогда в среднем на 1 ребенка было израсходовано 4,22 руб. в день.

Проверим данные по финансированию питания в 1942 г. по сметам отдельных детдомов. Детдом №51 (директор М. М. Шарый, Счет №27650), согласно стенограмме Марии Михайловны Шарый, открылся 16–18 декабря 1941 г. и был рассчитан на 100 детей[7]. В детдоме, по свидетельству М. М. Шарый, находились дети с 3 до 15 лет, что было связано со стремлением в столь трудной обстановке не разлучать родственников: братьев и сестер[8].

Сохранившаяся смета на 1941 г. детдома №51 Выборгского района показывает, что на питание больных детдомом №51 в 1941 г. было израсходовано 502,19 руб. Следует указать, что данная

---

1 Статистический отчет по детским домам на 1 января 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 570. Л. 1; *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941 – 1944. С. 364.

2 Работа органов здравоохранения г. Ленинграда в период Отечественной войны с 1 июля 1941 г. по 1 января 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 136.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 570. Л. 1.

4 Там же.

5 Отчет отдела народного образования исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся за период с 22 июня 1941 г. по 1 января 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 174.

6 Статистическая сводка по детским домам на 1 января 1944 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 602. Л. 1; *Газиева Л.Л.* Указ. соч. С. 364.

7 «Хотелось сохранить хотя бы часть… семьи…» Запись воспоминаний директора детского дома №51 г. Ленинграда М. М. Шарый о работе в условиях блокады 1941–1943 гг. / Публ. Л. Л. Газиевой // Отечественные архивы. – 2013. – №5. С. 95; *Селиванов В. Н.* Стояли как солдаты. Блокада. Дети. Ленинград. – СПб.: Эго, 2002. С. 49–54.

8 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 1393. Л. 19 об; «Хотелось сохранить хотя бы часть… семьи…» … С. 107.

сумма относится только к периоду 16–31 декабря 1941 г. на 100 детей или 0,34 руб. в день на ребенка. Это подтверждает наши расчеты, приведенные выше, о выделении на ребенка в детдомах гороно в среднем 38–39 копеек в 1942 г. Смета позволяет выявить и причину недостаточного финансирования: сокращение бюджетного финансирования в 1941 г. с 32 600 по плану до 12 900 исполненных, а также отсутствие поступления родительских средств[1].

В то же время в воспоминаниях М. М. Шарый конец декабря 1941 г. указывается как организационный период: «Ребят приносили нам без конца. (...) Сначала дом был рассчитан на 100 человек, потом он считался на 200, а фактически всегда было большее число детей»[2].

Следует предположить включение зарплаты в дополнительные расходы на котловое питание, тогда реальное довольствие должно было составить из расчета 2 444 рубля за 15 дней декабря в сутки около 163 рублей. При наличии около 127 человек питающихся это около 1,28 рублей на человека в сутки, включая в число питающихся на котловом довольствии обслуживающий персонал в количестве 27 человек[3].

Наличие детей в детдоме №51 в декабре 1941 г. остается спорным. В. Н. Селиванов, интервьюировавший Марию Михайловну Шарый после войны, указывал с ее слов: до конца декабря прибыло около 200 человек. В то же время в приведенной им же копии сохранившегося журнала регистрации за декабрь отмечено 97 человек (54 чел. – школьного и 43 чел. – дошкольного возраста). Всего, до июня 1942 г. включительно, прибыло 434 ребенка, а эвакуировано за 1942 г. из детдома №51было1 041 чел., умерло 105 чел.[4]

В стенограмме воспоминаний М. М. Шарый, сделанной в июле 1943 г., упоминалось о том, что далеко не всех прибывавших детей регистрировали, из-за слишком высокой смертности. Не всегда регистрировали и смерть детей, чтобы придержать их карточки. Всего из детдома №51 было эвакуировано до июля 1943 г. 1 396 детей, из них 405 чел., поступивших с тяжелой формой дистрофии, спасенные работниками детдома[5].

Практика утаивания смертей, двойной регистрации была распространена в городе. Характерно, что 16 июня 1943 г., примерно в те же дни, когда была записана стенограмма М. М. Шарый, в «Ленинградской правде» появился судебный отчет «Бездушие и бюрократизм» о суде над заведующей детдомом «Дом малютки» №7 Смольнинского района Ловчинской, которую

---

1 ЦГА СПб. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 546. Л. 1, 5, 6, 6об. (Годовой отчет по содержанию детсада №27 и детдома №51 (бывший детсад №27) Выборгского района); *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941 – 1944. С. 365.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 1393. Л. 8; «Хотелось сохранить хотя бы часть… семьи…» … С. 96.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 546 (Годовые финансовые отчеты Выборгского РОНО на содержание детских садов и детских домов за 1941). Л. 6 об.

4 *Селиванов В. Н.* Стояли как солдаты. С. 49–54.

5 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 1393. Л. 8, 25 об. Данные не вошли в указанную публикацию документа.

приговорили к шести годам лишения свободы за «двойную бухгалтерию»: в детдоме не велось учета, одновременно числились одни и те же дети эвакуированными и умершими. Ответственной была названа и Теплова, заведующая райздравотделом[1].

Каким образом выходили заведующие из сложившегося положения с недостаточным финансированием питания в детдомах в большинстве случаев? Согласно воспоминаниям Киры Михайловны Лобановой, вернувшись в город в связи с неудавшейся эвакуацией она начала работать в детском саду №46 Приморского района г. Ленинграда с сентября 1941 г. Однако запись в трудовой книжке была оформлена только с 19 марта 1942 г.[2] Можно предположить, что в 1941 г. она работала без записи в трудовой книжке, вместо выплаты зарплаты получая возможность котлового питания.

Заметим, что на выплату зарплаты воспитателям детдомов отводилась значительная часть финансовых средств (по данным статистического отчета городского отдела народного образования Ленгорисполкома 1 550 336 руб. за год). Анализ финансовых отчетов по детдому №51 (бывшему детсаду №27 Выборгского района), где директором была М. М. Шарый, позволил предположить, что сэкономленные средства по зарплате могли пойти на котловое питание. Согласно смете, бывшему детсаду было запланировано в 1941 г. фондов зарплаты 4 450 руб. на 17 штатных единиц (при среднемесячной зарплате 196 руб.)[3]. Однако из этих средств было выплачено лишь 2 055-43 руб. при увеличении числа работавших сотрудников до 27 чел. и зарплате штатного сотрудника 153 руб. В то же время на питание больных было выделено 502-19 руб., а израсходовано всего: 2 444-03 руб. Анализ баланса показывает, что эти добавочные средства могли быть использованы только за счет экономии фонда зарплаты при переходе на котловое питание. Иначе говоря, сотрудники детдомов кормили детей на те деньги, которые должны были выплачиваться им в виде зарплаты. На эти же средства, очевидно, кормились сотрудники, которых на 1 января 1942 г. было 27 человек на 16 имевшихся штатных ставок[4]. Большая часть сотрудников работала на неполную ставку. При средней зарплате штатного работника в 1941 г. 153 руб., против запланированных 196 руб., реальный заработок на полставки мог составить 77 руб. Среди них могли оказаться, и часто оказывались согласно воспоминаниям, подростки – дети работников, питание которых могло осуществляться только в учреждении, при замене зарплаты матерей котловым довольствием. О такой практике свидетельствуют многочисленные воспоминания юных нянечек детских учреждений блокадной поры[5].

---

1 Ленинградская правда. – 1943. – №140 (8555). С. 2.
2 Эта память – наша совесть… С. 239–240.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 546. Л. 1–6об.
4 Там же. Л. 6 об. В данном документе приводятся штаты и средняя зарплата д/д №51 за 1941 г.
5 См., например, Воспоминания Сергеевой Алевтины Владимировны // Эта память – наша совесть… С. 187–198.

Видимо, дополнительное финансирование питания за счет фонда заработной платы объясняет борьбу со смертностью в детдоме №51, в котором, по воспоминаниям М. М. Шарый: умерло 80 (11,3%) из 746 чел., общего числа зарегистрированных. Кроме того, в детдом приносили детей, собранных по Выборгскому району, которых из детдома переправляли дальше и в книгах регистрации не фиксировали[1].

Финансирование разных по статусу детдомов и интернатов различалось. Так, интернат при артиллерийской спецшколе №7, согласно годовому отчету, израсходовал в 1941 г. 124 748 рублей на питание больных, что составляет, исходя из общего количества указанных детодней за 1941 г., всего 25 030 дней, не менее 4,98 руб. на день [подсчитано мной, – Л.Г.]. В этом же интернате, зарплата воспитателей и инструкторов составила за год в среднем 247 руб. [подсчитано мной, – Л.Г.], как и в школе-интернате с особым режимом (Мойка, 26). Это было ниже, чем зарплата в интернате при артиллерийской спецшколе №9, где она составляла в среднем 300–315 рублей[2]. Таким образом, финансирование различных детдомов и интернатов отличалось, и это не всегда было связано со статусом (артиллерийские спецшколы №№7 и 9 имели одинаковый статус).

Вопросы о выделении дополнительной продовольственной помощь детским домам на заседаниях Продовольственной комиссии Военного Совета Ленинградского фронта в январе – мае 1942 г. поднимались дважды. Согласно протоколу от 19 марта 1942 г. №8 была передана на улучшение питания детским домам и детсадам белуга, подаренная жителями Карело-Финской АССР, в неопределенном количестве. 13 мая суженным заседанием (С.З.) Ленгорисполкома был представлен проект решения: выделить 2,2 т соленых сельдей в детские дома и дома малютки, а также в качестве дополнительного питания 1,5 т сливочного масла и 5,7 т сгущенного молока, опираясь на постановление Военного Совета Ленфронта от 6 мая 1942 г. №00853 о выделении дополнительно жиров на продовольственные карточки. Однако на подготовленных документах стоит резолюция Жданова: «Обождать до налаживания реализации», видимо, в связи с проходившей перерегистрацией карточек[3]. Следует предположить, что продукты были выделены, хотя и несколько позже.

Как осуществлялось материальное обеспечение эвакуируемых детских домов? Согласно отчету Ленгороно: «В 194*1* [1 вставлен черн. – *Л. Г.*] обеспечивали всем необходимым (питание, транспорт) эвакуируемых детей. Мастерским для подготовки детской одежды по фондам было выделено 2 000 000 метров материала, 5 тонн лоскута и 6 тонн пряжи»[4]. Простой подсчет

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 1393. Л. 11, 11 об; «Хотелось сохранить хотя бы часть… семьи…» … С. 99.
2 ЦГА СПб. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 556 (Городские отчеты и заключительный баланс по интернатам при спецшколах за 1941). Л. 7, 13, 20 об, 24 об.
3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 20. Л. 2; Д. 40. Л. 12, 13, 14, 15.
4 Там же. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 10. Л. 31.

позволяет указать, что данных материалов достаточно, чтобы обеспечить, по крайней мере, 300 тысяч детей пальто, костюмами и прочим. Эти данные подтверждаются результатами финансовой ревизии Ленгорфо в августе 1941 г.

В 1942 г. А. Иванов, заместитель заведующего гороно, указывал, что все дети, уезжавшие в эвакуацию, обеспечивались одеждой, обмундированием из следующего расчета: нательное белье – 2 пары, костюм, платье – 1 шт., свитер, рейтузы, валенки, ботинки – 1 пара, галоши – 1 пара, пальто – 1, головной убор – 1, шарф – 1, варежки – 1, постельное белье – 2 смены, одеяло – 1, подушка, матрац – 1 шт. на 4 человека (с [нрзб. – Прим. Л. Г.] матрацной наволочки). Личное имущество детей забирало детское учреждение с собой[1]. В то же время в отчете Ратнера, зав. конторой снабжения гороно, тройке партбюро в 1943 г. было указано количество выданного обмундирования за 1942 г.: пальто – 7 000 штук, обуви – 16 000 пар, пост. белья – 4 000 штук, одеял – 7 500 шт., нательного белья – 2 000 шт.[2] Если сравнить с количеством воспитанников детских домов гороно, прошедших через статотчеты за 1942 г.: 17 423 чел., из которых было эвакуировано 12 468 чел.[3], видно, что далеко не каждый воспитанник имел все необходимое. Таким образом, неполное финансирование открываемых мест в детдомах сопровождалось и проблемами с материальным обеспечением эвакуации самым необходимым: одеждой, обувью, бельем, что можно объяснить военными условиями.

Согласно Приказу по Наркомпросу РСФСР от 23 июня 1941 г. №502 «О трудовом обучении в детском доме»[4], учебные мастерские в детдомах приобрели важное значение не только в подготовке к труду, но и в самообеспечении учащихся, став важным фактором снабжения в 1942–1943 гг. В то же время в 1942 г. только 2 детдома из 22, находившихся в Ленинграде, имели свои мастерские. Всего работой в них было охвачено 39 чел. (швейные, сапожные и трикотажные мастерские)[5]. В 1943 г. работа в мастерских стала рассматриваться как профессиональная подготовка. В то же время из 20 детдомов только в 7 были мастерские. Ребят было охвачено работой 283 чел. в столярных, слесарных, швейных, трикотажных и чемоданных мастерских[6].

Одним из основных источников обеспечения детских домов становились подсобные хозяйства. 25 декабря 1941 г. была подготовлена Инструкция Наркомпроса РСФСР «Об улучшении работы подсобных хозяйств при детских домах и об организации сельскохозяйственного труда

1 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 174.
2 Протокол от 9 июня 1943 №9 заседания партийного бюро Ленгороно // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 10. Л. 31.
3 ЦГА СПб. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 570. Л. 1.
4 Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. – 1941. – №15–16. С.7.
5 ЦГА СПб. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 570. Л.1.
6 Там же. Д. 602. Л.1.

воспитанников детских домов», согласно которой следовало наладить работу подсобных хозяйств при детских домах, привлекая к сельскохозяйственному труду воспитанников детских домов, которая была подкреплена одноименным приказом по Наркомату просвещения РСФСР от 3 февраля 1942 г.[1] В 1943 г. развитие подсобных хозяйств при детских домах приобретает политическое значение. 5 апреля 1943 г. вышло постановление СНК РСФСР «О подсобных хозяйствах детских домов», соответственно которому выделялись семена овощей, зерновых, а также скот и птица, прежде всего, для эвакуированных детдомов[2] (подробнее ниже).

Эвакуационная статистика ленинградских детских домов имеет многочисленные противоречия и расхождения данных по количеству выехавших и сохранившихся детей. Всего с 29 июня 1941 по 1 апреля 1943 годов, согласно справке Городской эвакуационной комиссии (ГЭК), с детскими домами было вывезено 58 235 человек, включая воспитанников и обслуживающий персонал с семьями[3]. Детей и подростков из этого числа было 48 623 или 48 671 чел., по данным отчетов. В имеющихся сводках ГЭК по статье «детдома» проехало в 1943 г. 48 детей, что позволяет указать на старший подростковый возраст остальных: 14–15 лет, которые по этой причине могли не фигурировать в сводках со статусом «дети»[4].

В 1942 г. наличие ленинградских детей в эвакуированных детских учреждениях было проверено инспекторами НКП РСФСР, обнаружившими в 319 детдомах – 31 027 детей и в 493 интернатах – 45 134 детей. Всего в 812 детских учреждениях находилось около 76 161 чел. В более полных данных Ленгороно интернаты и детдома не разделялись. За 1942 г. в них указывалось число эвакуированных детей, без персонала: 48 623[5]. (Таблицы 5, 6).

Однако последние данные лишь частично были подтверждены уполномоченными и проверками НКП РСФСР. Планы по реэвакуации ленинградских детей показывают, что из находящихся в эвакуации 76 161 детей и подростков в мае – августе 1945 г. планировалось возвратить детей, родители которых проживали в Ленинграде, а также сирот старше 14 лет, желающих учиться в системе Трудовых резервов, и взрослый персонал с иждивенцами, всего 45 313 чел.[6] Полных сирот, которые не подлежали реэвакуации, было не менее 30 848 чел., что примерно соответствует количеству детей в детдомах, согласно ревизии НКП РСФСР, 31 027 чел. (в то же время можно предположить, что в ревизских списках НКП учитывался и персонал с иждивенцами).

---

1 Учебно-воспитательная работа в детских домах. – 1942. – №1-2. С. 111.
2 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3005. Л. 42 об; Д. 3004. Л. 12, 42, 42 об.
3 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 1415. Л. 1; *Газиева Л.Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941 – 1944. С. 359.
4 ЦГА СПб. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 174. Л. 1.
5 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2968. Л. 4.
6 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 1513. (11 января – 18 декабря 1945. Переписка о реэвакуации учреждений). Л. 78.

На 1943 г. было предусмотрено планом эвакуировать 3 000 детей. В отчете Ленгороно указывалось, что «в счет этого плана 1 109 чел. уже отправлены 19 марта с. г. [1943 г.] в Ярославскую область»[1]. Анализ сводок ГЭК позволяет указать, что эти дети (1 116 чел. при 84 взрослых) могли проехать 13 марта по статье «семьи рабочих и служащих, временно потерявшие трудоспособность»[2].

В отчете Гороно в Плановую комиссию исполкома отмечалось, что на 1 января 1943 г. было «вывезено детей-сирот и полусирот 35 514 чел. Кроме этого, в период отправки детей детских садов (сентябрь – октябрь [1942 г.] дополнительно было эвакуировано 2 103 чел. Всего по детским домам из Ленинграда вывезено 37 617 чел. По семейному составу дети: круглые сироты – 54,1%, имеют мать или отца в РККА – 29,5%, имеют братьев или сестер – 16,4%. Детские дома в весенний и летний набор в РУ и ФЗО направило около 600 воспитанников <…> В настоящее время в гор. Ленинграде существует 19 детдомов. К лучшим по всем видам работы нужно отнести такие детдома, как №25, директор Иванова М. К., №21 – директор Гераскина О. И., №47 – директор Ананьева К. С., 17 детдом – директор Рюмин М. Н.»[3].

Эти сведения позволяют уточнить процентное соотношение 37 617 чел.круглых сирот и полусирот к родительским детям и персоналу в общем количестве 48 623 чел., эвакуированных в 1942 г. 48 623: 37 617 = 100: 77. В том числе, сирот – 26 520 чел. (55%), из них круглых сирот – 20 125 чел. (41%), от общего числа. Данные подтверждаются показателями Наркомпроса РСФСР по устройству детей-сирот в Ленинграде на 1 ноября 1942 г.

Различие статусов детей-сирот, полусирот, родительских детей, эвакуированных Ленинградскими гороно, горздравом, горсобесом и НКВД, проявлялось в финансовом обеспечении, степени организованности, ответственности за их жизнь со стороны сопровождающих. Выше отмечалось, что в сводках и справке ГЭК контингент интернатов, состоявший из детей, имевших родителей, вероятно, отмечался как «женщины с детьми», или «семьи рабочих и служащих», так как имеются многочисленные совпадения по численности эвакуируемого контингента интернатов и указанных страт. В 1942 г. и в 1943 г. в сводках ГЭК можно заметить смещение, взаимозаменяемость содержания страт «семьи временно утративших трудоспособность» (то есть иждивенцы «инвалидов») и «детдома»[4].

---

1 Краткий отчет о работе Отдела народного образования за время Великой Отечественной войны // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 11. Л. 18.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 174. (Итоговые сведения по эвакуации населения. 16 января – 17 декабря 1943). Л. 15.

3 Отчет отдела народного образования исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся за период с 22 июня 1941 по 1 января 1943 // ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д.54. Л. 210.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 93. Л. 89; Д. 174. Л. 15.

Организация патронирования в СССР получила высокую оценку за рубежом, как один из психологических факторов победы[1]. Патронирование – передача на воспитание в семьи колхозников и других трудящихся детей-сирот, а также воспитанников детских домов или домов младенцев от 5 месяцев до 14 лет, занимает особое место в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью детей, в соответствии с Постановлением СНК СССР от 23 января 1942 г. №75, а также Инструкцией НКП РСФСР, Наркомздрава РСФСР и Наркомюста РСФСР «О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей», утвержденной Постановлением СНК РСФСР от 8 апреля 1943 г. №325, и Положением «О комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей», утвержденным Постановлением СНК РСФСР от 14 апреля 1943 г. №370[2]. Патронирование дополняло опеку в комментариях к Кодексу законов о браке, семье и опеке, в редакции 1942 г. (комм. к ст. 68, §1). Оно осуществлялось исключительно на добровольных началах до достижения воспитанником 16-летнего возраста[3].

В то же время мы сталкиваемся с противоречиями при анализе статистических отчетов о передаче детей на патронат в 1942–1943 гг. В 1942 г. среди выбывших из детдомов Ленгороно в г. Ленинграде на 1 января 1943 г. 14 921 чел. на патронирование было отдано лишь 25 детей, в 1943 г. из выбывших на 1 января 1944 г. 3 127 чел. на патронат было отдано 6 чел.[4]

В эвакуации патронат имел большее распространение. Так, в переписке Ленгорисполкома есть данные о передаче детей на воспитание (патронат) в Горьковской области: из 754 чел., выбывших из эвакуированных ленинградских детдомов за период с 20 июня 1942 по 1 июля 1943 г., – 161 чел. были усыновлены или взяты на воспитание[5]. В то же время в отчете, представленном Ленгороно в Наркомпрос РСФСР в апреле 1943 г., число патронируемых детей из детсадов Ленгороно на 1 января 1943 г. составило 794 чел.[6], за 1942 г. все число отданных на патронат ленинградских детей составило 1 081 чел. по данным Наркомпроса[7].

Следует предположить, что в отчете гороно, как и в показателях НКП РСФСР, приведены данные по передаче на патронирование детей, минуя детдома, а также в эвакуации. Причем такая передача проводилась активно уже в 1941 г. О многочисленных случаях усыновления и

---

1 *Maurer R.* Child Care in the Soviet Union / by Rose Maurer. – New York: The National Council of American-Soviet Friendship, 194[?]

2 О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей: инструкция Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФР и Наркомюста РСФСР. – М.: Наркомпрос РСФСР, 1943; Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. – 1943. – №3. С. 30–40.

3 Кодекс законов о браке, семье и опеке: Официальный текст с изменениями на 1 июня 1942 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1942. С. 77.

4 ЦГА СПб. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 570. Л. 1; Д. 602. Л.1.

5 Там же. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 983. Л. 69.

6 Там же. Ф. Р-5039. Оп. 3. Д. 571. Л. 3.

7 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3004. Л. 53.

удочерения детей погибших педагогов их коллегами хорошо известно из воспоминаний и дневников. Так, при бомбежке детского эшелона летом 1941 г. погибла Н. М. Рыжкова, заведующая детсадом №7 Петроградского района, а ее детей – Иру (8 лет) и Володю (3 года) – взяли к себе, спасли в страшное блокадное время Ада Евгеньевна Милеант, старший инспектор Приморского района, и Ксения Владимировна Мюллер[1]. Нередки были случаи опеки и патронирования педагогами воспитанников[2].

Эволюция институций по борьбе с беспризорностью в 1943 – 1944 гг. В 1943 году борьба с беспризорностью включала в себя не только устройство детей-сирот в детские дома и на патронирование, но и борьбу с хулиганством, получившим распространение на территории страны вследствие увеличения детской безнадзорности.

В связи с этим решение Исполкома Ленсовета «О мерах борьбы с детской безнадзорностью» от 18 апреля 1943 (пр. №90, п. 4) вводило ограничения посещения детьми до 16 лет кинотеатров, появления на улицах после 21 часа детей до 14 лет без взрослых[3]. В условиях раннего взросления детей во время войны, включения их в производство и оборонительные сражения, такие запреты не могли не встретить социально-психологические препятствия, что отразилось в изменениях содержания уголовного права.

Контроль за детьми-хулиганами в домохозяйствах осуществлялся политорганизаторами[4]. Особое значение придавалось ликвидации безнадзорности детей-дошкольников в семьях фронтовиков, для чего была создана комиссия гороно в марте 1943 г. под председательством заведующего гороно Г. С. Левина (до 20 апреля 1943 г.), которая, обходя дома, выявляла безнадзорных детей и устраивала их в детдома. Весной 1943 г. работниками гороно таких дошкольников было выявлено: 60 детей в Октябрьском районе, 40 – в Красногвардейском районе, но только ¾ из них были устроены в детсады[5].

Несмотря на предпринимаемые меры резкий рост преступности среди несовершеннолетних в целом по стране, пришедшийся на 1943 и 1944 годы, составил 176% и 188% соответственно от 1940 г. Увеличение преступности в 1944 г. было связано с освобождением территорий от оккупации, массовым сиротством детей[6]. 15 июня 1943 года вышло Постановление СНК СССР №659

---

1 Эта память – наша совесть… С. 188–189.
2 Там же. С. 214.
3 Бюллетень Ленгорсовета. – 1943. – №9–10 (30 мая). С. 13.
4 Протокол партийного собрания от 25 октября 1943 №14 // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 9. Л.33.
5 Протокол заседания партбюро Ленгороно от 12 апреля 1943 №4 // Там же. Д. 10. Л. 11.
6 *Емелин С. М.* Историко-правовые основы организации и деятельности органов внутренних дел на Южном Урале в 1939–1953 годы : монография. В 2-х частях. Часть 2. – Уфа: УЮИ МВД России, 2013. С. 80 – 81. Удельное соотношение подсчитано мной по приведенным в монографии архивным данным.

«Об усилении мер борьбы с детскими беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством»[1]. Начали создаваться специализированные подразделения по делам несовершеннолетних в аппаратах уголовного розыска, в том числе при УНКВД краев и областей, которые именовались отделениями по борьбе с детской преступностью и хулиганством.

В дополнение к трудовым колониям НКВД СССР для содержания осужденных подростков создавались также трудовые воспитательные колонии для содержания беспризорных и безнадзорных детей, а также подростков, неоднократно замеченных в мелком хулиганстве и других незначительных преступлениях, в возрасте от 11 до 16 лет. К концу 1943 г. общее число мест в таких колониях по всей стране составляло 50 тысяч[2].

Необходимо отметить, что пребывание в трудовых воспитательных колониях не считалось судимостью, режим там был мягче, чем в трудовых колониях. В то же время условия пребывания в них оставались очень тяжелыми, что вызывало смертность подростков, а также побеги. Так, в 1944 г. в трудовых воспитательных колониях страны умерло 398 чел. Только за январь 1944 г. из 47 колоний бежало 445 воспитанников. Важным фактором попадания подростков в колонии было сиротство (их количество на конец 1943 г. составляло 42% от общего количества детей в колониях) и эвакуация. Окончание войны и отток эвакуированных привели к резкому уменьшению количества задержанных детей, подозревавшихся в бродяжничестве. Так, в 1945 г. их число по Алтайскому краю уменьшилось на 61%, по сравнению с 1944 г.[3]

Согласно постановлению СНК СССР №659, Главным управлением Трудовых резервов передавалась для организации в них трудовых воспитательных колоний часть пригодных для этой цели ремесленных училищ, вместе с их оборудованием. Продовольственные и промышленные товары в этих колониях выделялись по нормам ГУЛАГа. Для реализации этих целей в составе НКВД создавались новые отделы по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью[4].

Вновь созданным отделам были переданы детприемники (ДПР), которых к тому времени в Ленинграде практически не оставалось. В августе 1943 г. остался только Октябрьский приемник-распределитель, выполнявший функции центрального. Всего за 1942–1943 гг. через ДПР прошли 34 027 детей и подростков: 27 940 в Ленинграде и 6 087 в области[5].

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 215. Л. 214–216.

2 *Емелин С. М.* Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №5. С. 22.

3 *Суверов Е. В., Тарасова Л. Я.* Указ. соч. С. 70–75. Удельный вес подсчитан мной на основе приведенных в монографии архивных данных – ЛГ.

4 Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах. Т. 3: Спасенное детство. С.333.

5 *Котов С. Д.* Детские дома блокадного Ленинграда. С. 29–30.

Следует заметить, что количество безнадзорных и беспризорных детей и подростков в 1943 году достигло апогея и только в начале 1944 г. начало постепенно снижаться. При этом, если в среднем по стране до 50% от задержанных безнадзорных несовершеннолетних составляли учащиеся, то в Ленинграде этот показатель доходил до 87%[1].

Надзор за выполнением постановления СНК СССР №659 был возложен на органы прокуратуры. За неосновательное задержание, незаконный арест детей и подростков, другие нарушения виновные привлекались к строгой ответственности[2].

С лета 1943 г. основными задачами становятся трудовое устройство подростков и борьба с беспризорностью на освобожденных от оккупации территориях. Постановление СНК СССР от 26 июня 1943 г. №697 «О трудовом устройстве подростков старше 14 лет – воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД СССР и детей, оставшихся без родителей»[3] обязывало НКВД СССР и Наркомпрос РСФСР направить летом 1943 г. в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО 36 тыс. воспитанников детских домов и детей, оставшихся без родителей, а также 5400 воспитанников трудовых колоний НКВД СССР старше 14 лет[4].

Важность решения проблемы сиротства на освобожденных территориях вызвала к жизни Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», п. X. «Об организации для детей воинов Красной Армии и партизан Отечественной войны, а также детей-сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов, суворовских военных училищ, специальных ремесленных училищ, специальных детских домов и детских приемников-распределителей» от 21 августа 1943 г.[5]

Вслед за этим вышло Постановление СНК СССР от 1 сентября 1943 г. №942 «Об улучшении работы детских домов», в котором требовалось от облисполкомов взять под особое наблюдение работу по устройству детей, оставшихся без родителей, к 1 декабря 1943 г. обеспечить все детдома на зиму топливом. В случае необходимости следовало открывать детские дома сверх утвержденного на 1943 г. плана с немедленным представлением в СНК союзных республик финансовых расчетов по содержанию этих детдомов. Кроме того, вводились единые государственные нормы снабжения продуктами питания детских домов и интернатов, расположенных в городах и

1 *Емелин С. М.* Историко-правовые основы организации и деятельности органов внутренних дел на Южном Урале в 1939 – 1953 годы. С. 89.

2 *Мухаммадиев И. С.* Прокурорский надзор и борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью в годы Великой Отечественной войны // Мир политики и социологии. – 2019. – №6. С. 44.

3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 216. Л. 108–110.

4 *Емелин С. М.* Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №5. С. 22, 23.

5 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7 (1938–1945). – М.: Изд-во полит. литры, 1985. С. 459–465.

в сельских местностях. Продукты, получаемые от подсобных хозяйств, должны были использоваться для дополнительного улучшения питания, без зачета в норму. К каждому детдому и интернату следовало прикрепить врача, а также квалифицированную медсестру для постоянного наблюдения за состоянием здоровья детей, выполнения всех мероприятий лечебно-оздоровительного характера, профилактических и противоэпидемических мероприятий. Утверждались также типовые штаты и нормы заработной платы для сотрудников детских домов[1].

Постановлением СНК СССР от 14 сентября 1943 г. №982 утверждались типовые штаты и ставки заработной платы работников специальных детских домов для детей воинов Красной Армии, партизан Отечественной войны и детей-сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов. Оклады воспитателей-педагогов в специальных детдомах устанавливались на 25% выше соответствующих в обычных детдомах, оклады инструкторов по труду устанавливались в соответствии с окладами в специальных ремесленных училищах[2]. О значении данного вопроса можно судить по тому, что 30 ноября 1943 г. вышло еще одно постановление СНК СССР №1334 «Об утверждении инструкции по исчислению заработной платы воспитателям и другим работникам детских домов и приёмников-распределителей»[3].

Вышел также Указ Президиума ВС СССР «Об усыновлении» от 8 сентября 1943 г.[4]

Несмотря на трудности и противоречия, в отчете партийной организации Ленгороно о работе за период Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 по декабрь 1943 гг. указывалось: «Работа детских домов гор. Ленинграда… признана хорошей, и детский дом №33 Куйбышевского района награжден переходящим Красным Знаменем, как лучший в РСФСР, а детский дом №47 Дзержинского района – почетной грамотой Наркомпроса РСФСР»[5].

Проблема беспризорности оставалась в центре внимания правительства СССР в 1944 году. Постановление СНК СССР «Об увеличении количества детей в детских трудовых воспитательных колониях НКВД СССР и о материальном обеспечении детских и трудовых воспитательных колоний» от 6 июля 1944 г. разрешило организовать дополнительные детские трудовые воспитательные колонии (еще 25 колоний на 10 тысяч детей). Наряду с этим, решались вопросы материального оснащения детских приемников-распределителей и трудовых воспитательных колоний НКВД СССР, в том числе обеспечения жилыми помещениями, производственными площадями[6].

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 218. Л. 27–31.
2 Там же. Л. 149–152.
3 Там же. Д. 221. Л. 31–39.
4 Бюллетень Ленгорсовета. – 1943. – №22. С. 1.
5 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 11. Л. 17 об, 18.
6 *Емелин С. М.* Указ. соч. С. 23.

Решением Десятой сессии ВС СССР первого созыва были выделены 6 млрд. 600 млн. рублей на содержание детсадов, детдомов, ремесленных училищ и школ ФЗО из государственного бюджета. Практически повсеместно создавались фонды помощи детям. Всего за военный период в такой фонд ЦК ВЛКСМ поступило 308 млн. рублей, на которые создавались здравницы, оздоровительные детские площадки. На 1 января 1945 г. существовало 14 комсомольских здравниц, рассчитанных на 12 тысяч детей[1].

Таким образом, борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью была одним из самых противоречивых вопросов организации спасения детей и подростков в условиях войны и блокады. Основными институтами, на которые возлагалась ответственность за решение данной проблемы, являлись органы народного образования, здравоохранения, социального обеспечения и НКВД. При этом возникли организационные и материальные трудности, которые разрешались различными способами. Вопрос о спасении детей-сирот приобретал политический характер и значение. На преодоление трудностей нацеливали постановления Советских органов государственной власти. Основной стратегией была организация трудовой деятельности старших воспитанников детдомов и развитие подсобных хозяйств. Существенную роль в спасении детей сыграли общественные организации: Общество Красного Креста, профсоюзы, комсомол. В этот период происходит формирование профессиональных паттернов в среде медицинских и педагогических работников по «спасению» детей, невзирая на риск для жизни своей и своих собственных детей. На значимость человеческого фактора позволяет указать анализ протоколов, отчетов общественных организаций и воспоминаний.

Общие выводы к главе: Приоритетным в организации самозащиты гражданского населения являлось обеспечение противопожарной безопасности, противовоздушной и противохимической обороны, медико-санитарной помощи. Установка командования МПВО на активную самозащиту гражданского населения обеспечивалась противовоздушной, противохимической, медико-санитарной подготовкой населения силами общественных организаций: Осоавиахим и Красный Крест перед войной. Важную роль в самообороне населения сыграли специальные отряды: народное ополчение, партизанские и истребительные отряды (по борьбе с диверсионными группами). Истребительные отряды, партизаны, МПВО подчинялись НКВД.

В организации самозащиты населения ведущая роль отводилась местным органам советской власти, которые не только собирали и готовили, но и финансировали питание, денежное

1 Там же. С. 24.

довольствие отрядов самообороны в начальный период войны. В решении этих вопросов следует отметить плотное взаимодействие союзных и республиканских органов власти и управления с органами местной исполнительной власти.

В то же время организация самозащиты населения была противоречивой. Так, одной из острых проблем самообороны являлось строительство укрытий: бомбоубежищ, газоубежищ и щелей. Основная стратегическая установка МПВО на активную самооборону гражданского населения предполагала обеспечение убежищами всего 30% населения, прежде всего, нетрудоспособного: дети и иждивенцы. Этого было недостаточно.

Несмотря на то, что героизм детей и подростков, участвовавших в тушении «зажигалок» в отрядах самозащиты домохозяйств, нашел отражение в публикациях «Ленинградской правды» уже в 1941 г., вовлечение детей в военные (оборонительные) действия оценивалось военной прокуратурой как нарушение социалистической законности. На это указывалось при проверке состояния самозащиты домохозяйств прокуратурой в июне 1942 г.

Весной 1942 г. на семьи лиц, служащих в отрядах самозащиты, распространились льготы, в том числе денежное довольствие и пенсии, имевшиеся у семей красноармейцев.

Важнейшую роль в организации самообороны гражданского населения сыграла медико-санитарная служба (МСС) МПВО, резервом которой являлась МСС «Скорая помощь». Еще одним резервом стали дружины Ленинградского отделения Общества Красного Креста, которые летом 1942 г. были переданы в личный состав формирований МПВО г. Ленинграда. С ноября 1942 г. в Ленинграде работали два эпидемических отряда Красного Креста.

Активное участие гражданского населения в формировании отрядов самозащиты свидетельствовало о поддержке подавляющим большинством населения Советской власти.

Руководство борьбой за спасение детей в период войны осуществлялось совместно Наркоматами здравоохранения СССР, РСФСР и просвещения РСФСР, соответствующими отделами Ленгорисполкома. Одним из ценных уроков блокадной педиатрии стало взаимодействие медицины и педагогики в поисках путей преодоления последствий психосоматических расстройств у детей и матерей. Работа в Ленинграде ученых с мировым именем и научно-исследовательских институтов позволила добиться некоторого снижения смертности ленинградцев, которая тем не менее оставалась чрезвычайно высокой в течение длительного периода времени.

Важнейшими задачами, стоящими перед медиками в осажденном городе, являлись борьба с дистрофиями и их последствиями, а также с инфекционными заболеваниями. Здесь также можно выделить две основные стратегии. Во-первых, борьба за спасение жизни населения, предполагавшая соблюдение минимальных гигиенических и санитарных условий, обеспечение

необходимыми витаминами и медикаментами, которые можно было получить в блокадном кольце, в том числе из технических и пищевых отходов: казеин, дрожжи, альбумин, витамин С (хвойный раствор), фиамин. Во-вторых, сохранение здоровья населения. Для этого широко использовались научные способы решения стоящих задач: получение противохолерного бактериофага, новых видов медикаментов из технического сырья и растений Ботанического сада, разработка методов и средств лечения болезней, возникших на фоне дистрофии, в блокированном Ленинграде.

Борьба за спасение жизни населения как повседневная практика медицинских работников отразилась в риторике и профессиональных паттернах, приобретавших порой характер самопожертвования. Это отложилось на страницах протоколов партийных собраний первичных организаций партии большевиков отдела здравоохранения Ленгорисполкома, а также 1 Ленинградского медицинского института.

Важный вклад в спасение жизни ленинградцев внес Ленинградский городской комитет Общества Красного Креста, способствовавший объединению ленинградцев в борьбе за спасение не только жизни населения, но и уникального ленинградского социума и его культуры.

Общепризнано, что важными факторами организации самозащиты населения и борьбы за его спасение являлись сила духа, стойкость и гуманизм – человеческие факторы.

Наиболее ярко взаимодействие Советских органов власти с общественными организациями как ключевая стратегия в спасении гражданского населения проявилась в борьбе за жизнь беспризорных детей и подростков. При решении этой задачи потребовалось охватить все гражданское пространство страны, что стало одним из важных каналов влияния ленинградской культуры на социально-политические отношения внутри страны, объединения людей вокруг важнейших гуманитарных ценностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема содержания и эффективности политики Советского государства, направленной на спасение гражданского населения в СССР в период Великой Отечественной войны, является актуальной для современной исторической науки, так как вопросы, связанные с положением гражданского населения в СССР в период войны, вызывают наибольшие споры в современной историографии, вплоть до фальсификаций, порождаемых отсутствием достаточно полного и системного исследования проблемы.

В связи с этим рассмотрены такие малоизученные аспекты проблемы как: политико-правовая база мероприятий по реализации прав гражданского населения Ленинграда в период войны, взаимодействие центральных органов партийной и государственной власти (ЦК ВКП(б), ГКО, СНК СССР и РСФСР, отдельных наркоматов СССР и РСФСР) и местных (Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), Ленгорисполкома и Леноблисполкома), взаимодействие органов государственной власти с общественными организациями, роль районных Советов депутатов трудящихся в спасении жизни гражданского населения Ленинграда, организация эвакуации гражданского населения из Ленинграда, охрана личных и имущественных прав граждан органами советской власти, статистика смертности и выживаемости ленинградского населения, в том числе при эвакуации.

Основные результаты проведенного исследования, в соответствии с поставленными задачами, следующие:

1 – Выявлены, классифицированы и введены в поле исторического исследования ранее неопубликованные документы из 70 фондов федеральных и региональных архивов, музеев, библиотек (некоторые из них были оцифрованы и опубликованы в процессе исследования). Уточнены уже известные понятия: политическая повседневность, блокада Ленинграда, а также дифференцированы термины: защита и спасение населения в условиях войны. При этом под спасением понимается сущность и цель всей системы мероприятий, направленных на сохранение жизни и здоровья гражданского населения в период войны. Разработана система методов и подходов к изучению проблемы спасения ленинградского населения в период блокады, включающая в себя историко-психологическую практику, историко-социологический анализ, а также методы классической истории.

2 – В материалах Нюрнбергского процесса были представлены убедительные доказательства тактики террора по отношению к мирному ленинградскому населению, уничтожение памятников культуры Ленинграда со стороны гитлеровских захватчиков. Эти доказательства могут быть расширены и подтверждены многочисленными документами.

Так, в сентябре 1941 г. при бомбардировках и артобстрелах Ленинграда соотношение поражения промышленных объектов и жилых домов составляло, соответственно, 1:3 или 1:1,5. В сентябре – нач. октября 1941 г. пострадали 16 объектов пищевой промышленности. Это явилось основным фактором сокращения запасов продовольствия в городе и привело к резкому снижению норм продажи продуктов. Важнейшей целью бомбардировок было разрушение водопроводной, водосточной и канализационной систем города. В таких условиях жизнеобеспечение населения города требовало от руководителей городским хозяйством поистине героических усилий: по размещению пострадавших от потери жилья, организации необходимых аварийно-восстановительных работ, а также не только по доставке, но и по хранению продовольствия на рассредоточенных складах.

С 11 и 12 июля 1941 г. происходили систематические бомбежки и обстрелы пулеметным огнем с самолетов санитарных, пассажирских эшелонов, автомобилей и автобусов с эвакуируемыми, особенно с детьми, на территории Ленинградской области. Бомбежки сопровождали и эвакуацию населения через Ладожское озеро.

Насильственное переселение и истребление мирного населения осуществлялось в период оккупации территории Ленинградских пригородов и близлежащих районов Ленинградской области.

Нельзя согласиться и с попытками некоторых исследователей представить политику советских органов власти и управления по отношению к гражданскому населению без необходимого различия правового статуса отдельных социальных групп и мер по обеспечению их безопасности.

Предпосылкой данного исследования стало уточнение статуса гражданского населения в условиях военных конфликтов в период Второй мировой войны, а также уточнение данных о стратификации, а также о наличии ленинградского населения накануне войны.

В результате сравнительного анализа вновь открытых и уже имеющихся источников дана полная историко-демографическая характеристика гражданского населения Ленинграда в начале 1941 г., численность которого с учетом естественного прироста и механической миграции должна была составить к началу войны 3 212 554 чел.

Важное место в международном трудовом праве накануне войны занимали мероприятия по охране детства и материнства. Международной лигой труда был определен правовой статус детства как возрастной период, когда индивидуума надлежит обучать и воспитывать. Нормы международного трудового права учитывались советским законодательством. Начало Великой Отечественной войны расширило границы трудовой эмансипации подростков, однако выполнение закона о всеобщеобязательном начальном образовании оставалось в поле зрения правительства

СССР всю войну. В 1942 г. статус «учащиеся», как лица, которых надлежит обучать, был закреплен за подростками 14–15 лет, соответственно принимались меры по их возвращению в школы. Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 8 октября 1942 г. статус «учащиеся» давал освобождение от трудовой мобилизации подросткам 16–18 лет. В то же время одним из противоречий военного времени стала эмансипация подростков, начиная с 14 лет. Разрешение этого и других подобных противоречий осуществлялось повседневной практикой: открытием вечерних «школ для взрослых», вовлечением подростков в коммунистические общественные организации.

Таким образом, политика геноцида, осуществляемая гитлеровцами, делала необходимыми мероприятия по спасению и сохранению гражданского населения СССР, в том числе Ленинграда и Ленинградской области, со стороны Советского правительства. Правовой основой этих мероприятий являлись советские законы, которые учитывали статус гражданского населения, особое внимание уделяя охране детства и материнства. В то же время военная обстановка требовала внесения некоторых корректив на основе правовых актов чрезвычайного характера.

3 – Согласно Указу Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г., на территории Ленинградского военного округа объявлялся режим «военного положения». Режим «осады» для Ленинграда не был утвержден законодательным порядком, что повлияло на сохранение гражданских органов власти и управления, их функционирование и полномочия. В дальнейшем, двойственность положения Ленинграда сказывалась на взаимодействии центральных и местных органов власти, делая его более многоплановым.

Последовательность реализации правовых норм прослеживается на конкретных фактах организации обороны Ленинграда. Так, например, имеются многочисленные факты согласования с Ленисполкомом военным командованием Северного фронта (с 23 августа 1941 г. Ленинградского фронта) вопросов использования материальных ресурсов с учетом потребностей жизнеобеспечения, а также организации эвакуации ленинградского населения, в соответствии с Полевым Уставом РККА, введенным 30.12. 1936 г. Это обусловило и ответственность П. С. Попкова за реализацию мобилизационных планов, МПВО, строительство оборонительных сооружений, развертывание эвакуационных госпиталей в Ленинграде и пригородах и пр.

В вопросах защиты прав граждан особая роль принадлежала органам внутренних дел, военной прокуратуре и военному трибуналу в Ленинграде, активно взаимодействовавшим в этих вопросах как с Советскими органами власти, так и с общественными организациями.

Войска НКВД действовали совместно с милицией по охране внутреннего правопорядка, в соответствии с директивой НКВД СССР от 7 июля 1941 г. На начальника Рабоче-крестьянской милиции Ленинграда возлагался контроль за выполнением правил МПВО, в том числе

круглосуточного ответственного дежурства по МПВО и дежурства дворников у подъездов ворот и у входов, соблюдение светомаскировки и др. Правоохранительными органами или под их контролем, при активном взаимодействии с местными органами власти и общественными организациями, осуществлялось хранение личных вещей, документов и других ценностей, оставленных или потерянных при эвакуации.

Работа военной прокуратуры и военного трибунала по вопросам, касающимся гражданского населения, осуществлялась в тесном взаимодействии с Ленгорисполкомом и под идеологическим руководством Ленинградского горкома ВКП(б). Наряду с защитой прав граждан прокурорский надзор выявлял недостатки и в реализации решений, связанных с обязанностями гражданского населения: во взыскании военного налога, в выполнении разверстки трудовой мобилизации в аэродромно-технические команды.

Можно выделить несколько основных стратегий, используемых Советскими органами власти для сохранения жизни ленинградского населения: эвакуация населения в районы Ленинградской области; эвакуация населения вглубь страны; нормализация работы здравоохранения в экстремальных условиях осажденного города; включение населения города в активную взаимопомощь и содействие сохранению жизни людей через районные Советы депутатов трудящихся, а также через общественные организации; рациональное нормированное распределение и сбережение продовольственных, финансовых, жилищно-коммунальных и энергетических ресурсов; реабилитационные и адаптационные мероприятия по включению в трудовую деятельность инвалидов войны и труда.

Выбор стратегий сохранения жизни населения осуществлялся в тесном взаимодействии центральных и местных органов Советской власти, а также при участии органов ВКП(б), ВЦСПС, ГКО и Военных Советов Северного, позднее Ленинградского фронтов, а также Военного Совета обороны Ленинграда (в августе 1941 г.).

Имело значение и то, что Ленинградский обком и горком ВКП(б) возглавлял с 15 декабря 1934 по 17 января 1945 гг. секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, что обеспечивало устойчивую взаимосвязь центральных и ленинградских органов ВКП(б), осуществляемую, в том числе по личным каналам между А. А. Ждановым и И. В. Сталиным. Прямое подчинение Ленгорисполкома и его отделов СНК РСФСР и народным комиссариатам также способствовало решению многих вопросов напрямую.

В то же время в условиях военного положения повседневные политические практики, опосредующие деятельность институтов власти, порой противоречили сложившимся нормам Советского права. Война, таким образом, усилила проявление субъективных, личностных,

факторов в политической повседневности.

Важную роль в разрешении конфликтных ситуаций сыграли районные Советы депутатов трудящихся, активно взаимодействовавшие с общественными организациями. Немаловажное значение имела позиция православной церкви, объединившейся вокруг патриотической идеи и возглавившей патриотическое движение паствы. Необходимо подчеркнуть, что, хотя общественные организации не входили в структуру органов власти, но составляли ее инфраструктуру. Деятельность депутатского корпуса, как и общественных организаций, позволяла примирить противоречия, так как имела транслюсентный характер. Они определенным образом освещали, интерпретировали, политику правительства, превращая ее в транспарентную, открытую, тем самым позволяя сгладить конфликтность между институтами власти и гражданским обществом при реализации «неудобных» решений.

Использовались разнообразные формы практической деятельности, способствовавшие повышению эффективности работы местных Советов: работа депутатских комиссий и отдельных депутатов, перераспределение средств местного бюджета, использование общественных организаций для вовлечения населения в борьбу за сохранение жизни ленинградцев и культурного наследия Ленинграда. Ключевым фактором явились общественная активность населения, личная инициатива ленинградцев и массовый характер организаций (в 1944 г. значкистами ГСО было 27% населения Ленинграда).

Таким образом, система мероприятий правового, социально-экономического, социокультурного характера, направленных на защиту, спасение и нормализацию положения гражданского населения, осуществляемая органами государственной власти и управления СССР, РСФСР и местных (г. Ленинграда и Ленинградской области), носила разносторонний характер, позволяя объединить личную, общественную инициативу и административную деятельность исполнительных органов Советской власти, тем самым, делая ее более эффективной.

4 – На первом месте среди других способов спасения населения стоит эвакуация из опасной зоны. Можно выделить две основные стратегии по эвакуации ленинградского населения в 1941–1942 гг.: по заданиям Совета по эвакуации СНК СССР (позднее Комитета по эвакуации ГКО, далее Переселенческой комиссии СНК РСФСР) и Военных Советов фронтов.

Основных этапов массовой эвакуации из Ленинграда можно выделить три.

1 этап – летняя массовая эвакуация 1941 г. Постановления об эвакуации из Ленинграда детей и женщин с детскими учреждениями принимались СНК СССР, СНК РСФСР и Советом по Эвакуации при СНК СССР неоднократно в течение июня – августа 1941 г. В первую очередь, Советом по эвакуации планировалось вывезти из Ленинграда детей и подростков (от 0 до 15 лет)

с детскими учреждениями, а также инвалидов. Однако удалось осуществить эти планы не более чем на треть из-за быстрого продвижения немцев и многочисленных нарушений ими гуманитарного права в отношении эвакуируемого населения.

Установлено, что расходы на эвакуацию детей с детскими учреждениями распределялись между городским бюджетом и родителями. Причем большая часть расходов Ленгорисполкомом относилась на счет бюджета: до 68%. Кроме того, выдавалась материальная помощь из местного бюджета г. Ленинграда: всего в августе – сентябре 1941 г. было выделено более 2,5 млн. рублей на детей многосемейных и малообеспеченных родителей, эвакуированных с детскими учреждениями, на пострадавших от воздушных налетов на эшелоны с детьми, а также на беженцев из Прибалтики. Советом по эвакуации СНК СССР также принимались меры для обеспечения эвакуируемых бесплатным продовольствием в пути.

В результате эвакуации летом 1941 г. из Ленинграда по официальным данным удалось вывезти около 500 тысяч населения, включая беженцев. В то же время быстро развивавшееся наступление гитлеровцев, а также осуществляемый ими террор привел к значительным потерям во время этой эвакуации.

2 этап – с декабря 1941 по 22 апреля 1942 г. распоряжением СНК СССР продолжилась массовая эвакуация из Ленинграда. Активно она осуществлялась с 22 января по 15 апреля 1942 г. В феврале 1942 г. было принято решение СНК РСФСР о дополнительном финансировании эвакуированных ленинградцев, и особенно ленинградских детей, из средств местных бюджетов. Помимо выделяемой помощи из местного бюджета и бюджета РСФСР, эвакуируемым оказывалась финансовая помощь из средств СНК СССР. Так, с 16 февраля по 27 июня 1942 г. было отпущено 13 555 тыс. рублей, в том числе 1 910 тыс. на единовременную помощь.

3 этап – с 27 мая по декабрь 1942 г. Эвакуацией на данном этапе руководила Комиссия по эвакуации, созданная при ГКО 22 июня 1942 г., во главе с Н. М. Шверником.

Необходимо отметить, что эвакуация 1942 г. проходила в крайне сложных условиях из-за расширения театра военных действий. Многие из направлений эвакуации оказались в прифронтовой полосе, или в зоне оккупации.

Тяжелое положение сложилось с эвакуацией подростков, обучавшихся в системе Трудовых резервов. Согласно впервые введенным в научный оборот отчетным документам ГУ ТР доехало к месту эвакуации в 1942 г. около 47% или 16 237 чел. Основной причиной потерь и пропавших без вести являлась заболеваемость и смертность в пути.

Трудности вызвало финансирование эвакуированных детских домов, так как реальная эвакуация в 1942 г. по всей стране составила на 10,6% больше запланированной. К концу декабря

1942 г. из Ленинграда были вывезены детдома и интернаты в регионы РСФСР, Узбекской ССР, Казахской и Киргизской ССР, Грузинской и Армянской ССР. Положение ленинградских детдомов находилось под личным контролем председателей Советов Народных Комиссаров и Наркомпросов республик. Детдома инспектировались уполномоченными СНК СССР, СНК РСФСР, Ленгорисполкома. Выявленные недостатки исправлялись. Были открыты санатории и детдома оздоровительного типа. Содействие обеспечению детдомов всем необходимым оказывали общественные, в том числе женские, организации.

Весной 1942 г. эвакуированные учреждения были переданы на местное финансирование. В связи с этим в III–IV кварталах 1942 г. из бюджета РСФСР было выделено дополнительно до 10 миллионов рублей для финансирования эвакуированного населения. В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 5 апреля 1943 г. особое значение придавалось развитию подсобных хозяйств в детских учреждениях. Благодаря принятым мерам удалось преодолеть финансовые трудности.

Несмотря на объединение усилий чрезвычайных органов власти: ГКО, СНК СССР и местных органов власти, при эвакуации погибло не менее 24 % эвакуируемых. Такие высокие потери были связаны, прежде всего, с преступной деятельностью гитлеровцев.

Массовая реэвакуация ленинградцев происходила в 1945 г., в том числе детских учреждений из 26 областей и республик.

Таким образом, эвакуация и реэвакуация ленинградского населения осуществлялась в несколько этапов, что определялось военной необходимостью, а также степенью угрозы жизни населения, которая возросла в конце 1941 – начале 1942 г.

Основными задачами при организации эвакуации являлись не только вывоз из зоны военных действий, и обеспечение безопасности в пути, но и хозяйственное обустройство, жизнеобеспечение, включение в трудовую деятельность населения на месте эвакуации. С мая 1942 г. по апрель 1943 г. происходила институционализация переселенческой политики.

В целом можно сказать, что такая форма организации эвакуации была наиболее эффективной и способствовала сохранению большинства эвакуируемых.

5 – Раскрыто содержание взаимодействия органов местной власти г. Ленинграда в 1941–1945 гг. в решении вопросов жизнеобеспечения ленинградского населения с центральными органами власти и управления: СНК СССР и РСФСР, наркоматами, а также Военным Советом Ленинградского фронта. Практически все вопросы обороны Ленинграда, в том числе и жизнеобеспечения населения, координировались ОК и ГК ВКП(б). Наиболее важные решения подкреплялись постановлениями ГКО.

Отсутствие крупных финансовых резервов в местном бюджете требовало привлечения средств союзного и республиканского бюджетов для решения чрезвычайных задач: эвакуации, материального обеспечения ополчения и т.п. Использовались и административные ресурсы центральной государственной власти: с одной стороны, вводились дополнительные местные налоги, с другой, – местный бюджет получил налоговые льготы.

Среди первоочередных задач были снабжение продовольствием и промышленными товарами первой необходимости, сохранность жилья, обеспечение топливом. Важную роль в сохранении социальной стабильности играло финансовое обеспечение населения. Решению этих вопросов способствовало использование технически сложных, но эффективных решений проблем: прокладка под водой Ладожского озера трубопровода, электрических кабелей и пр.

Отделы социального обеспечения Ленгорисполкома, райисполкомов, опиравшиеся на содействие общественных организаций, в том числе Общества Красного Креста, обществ взаимопомощи инвалидов, занимались защитой прав инвалидов войны и труда их семей, лиц, имевших права на социальные пособия: сирот, многодетных матерей, матерей-одиночек. В 1943 г. особое место заняла помощь семьям военнослужащих. Социальное обеспечение населения в период блокады становилось значимой стратегией, направленной на спасение населения, наряду с трудовыми доходами.

В 1943–1944 гг. значительное внимание Советским правительством было уделено решению задач восстановления жилищно-коммунального хозяйства Ленинграда, для чего были привлечены как республиканские, так и союзные ресурсы.

Таким образом, жизнеобеспечение ленинградского населения осуществлялось в тесном взаимодействии Советских органов власти, общественных организаций, а также трудовых коллективов и домохозяйств. Взаимопомощь всех слоев населения, а также решение задачи снабжения Ленинграда минимально необходимыми ресурсами способствовали провалу планов гитлеровцев полностью уничтожить население Ленинграда и истребить ленинградскую культуру.

6 – Установлено, что в организации самозащиты населения ведущая роль отводилась местным органам советской власти, которые не только собирали и готовили, но и финансировали питание, денежное довольствие отрядов самообороны в начальный период войны. В решении этих вопросов следует отметить плотное взаимодействие союзных и республиканских органов власти и управления с органами местной исполнительной власти.

В то же время организация самозащиты населения была противоречивой. Так, например, основная стратегическая установка МПВО на активную самооборону гражданского населения предполагала обеспечение убежищами всего 30% населения, прежде всего, нетрудоспособного:

дети и иждивенцы. Этого было недостаточно.

Важнейшую роль в организации самообороны гражданского населения сыграла медико-санитарная служба МПВО, резервом которой являлась МСС «Скорая помощь». Еще одним резервом стали 153 дружины Ленинградского Комитета Красного Креста, которые летом 1942 г. были переданы в личный состав формирований МПВО г. Ленинграда. С ноября 1942 г. в Ленинграде работали два эпидемических отряда Красного Креста.

Активное участие гражданского населения в формировании отрядов самозащиты свидетельствовало о поддержке подавляющим большинством населения Советской власти.

Выявлены факторы снижения смертности ленинградцев как результат мероприятий, проводимых органами здравоохранения. Руководство борьбой за здоровье и жизнь детей и подростков осуществлялось во взаимодействии Наркоматами здравоохранения СССР, РСФСР и Наркоматом просвещения РСФСР, соответствующими отделами Ленгорисполкома. Важное значение имела работа в Ленинграде ученых с мировым именем и научно-исследовательских институтов. Борьба за спасение жизни населения как повседневная практика медицинских работников отразилась в риторике и профессиональных паттернах, приобретавших порой характер самопожертвования.

Ярким проявлением взаимодействия Советских органов власти с общественными организациями как ключевой стратегии в спасении гражданского населения стала борьба за жизнь беспризорных детей и подростков. При решении этой задачи потребовалось охватить все гражданское пространство страны, что стало одним из важных каналов влияния ленинградской культуры на социально-политические отношения внутри страны, объединения людей вокруг важнейших гуманитарных ценностей.

В итоге раскрыты основные стратегии, направления и механизмы спасения ленинградского населения государственными органами власти и управления в 1941–1944 гг., показана роль Советских органов власти в организации мероприятий по сохранению гражданского населения.

Научное значение имеет анализ взаимодействия центральных и местных органов власти, государственных органов власти и общественных институтов, направленных на спасение ленинградского населения в 1941–1944 гг.

Практическая польза исследования включает в себя: возможность использования результатов исследования при изучении истории Великой Отечественной войны в высших и средних профессиональных заведениях, при реализации патриотического воспитания молодежи и студентов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

арт. – артиллерийская (школа)

б/д – без даты

в ндзгл. – в надзаголовке

вуз – высшее учебное заведение

г/л – грамм на литр (единица измерения плотности, равна 1 кг/м^3)

гос. – государственный (-ые)

г.р. – год рождения

дер. – деревня

дм – дюйм

д-р – доктор

ж.д. – железная дорога

з-д – завод

З.д.н. – Заслуженный деятель науки

Засл. – Заслуженный

и.о. – исполняющий обязанности

ин-т – институт

кбм – кубометр

к.б.н. – кандидат биологических наук

кВт – единица измерения электрической мощности, а также электродвижущей силы (киловатт или тысяча ватт)

квтч или квтчас – количество энергии, потребляемой киловаттной нагрузкой, работающей в течение одного часа

мвт – единица измерения мощности, кратная ватту

мгкалорий – мегакалорий

млн. – миллион

надп. – надписано

неизв. – неизвестно

нпр. – например

нрзб. – неразборчиво

н.ц. – номинал цен

ок. – около

п.о. – почтовое отделение

пр. – протокол

проф. – профессор

рукоп. – рукописный текст

сан – санитарная (ый), нпр. санпост, санобработка

ссуз – среднее специальное учебное заведение

ст. – статья, столбец, страта

стр – сотрудник

туб, произв. – тысяча условных банок

тыс. – тысяч

чл. – член

АБТУ – Автобронетанковое управление Ленинградского фронта

АВК – аварийно-восстановительная команда (отряд)

АПУ – архитектурно-планировочное управление

АССР – Автономная советская социалистическая республика

АТУЛ – Автотранспортное Управление Ленгорисполкома

Б. Грива – Борисова Грива

ВАД – Военно-автомобильная дорога

ВВС – Военно-воздушные силы

ВВФ – Военно-воздушный флот

ВГК – Верховное Главнокомандование

ВГСИ – Всесоюзная государственная санитарная инспекция

ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи

ВМС – Военно-морские силы

ВНИВИ – Всесоюзный научно-исследовательский витаминный институт

ВНИТО – Всесоюзное научное инженерно-техническое общество

Военвед – военное ведомство

ВС СССР – Верховный Совет СССР

Всеобуч – всеобщее обучение

ВТ – воздушная тревога

ВТСФ – войска тыла Северного фронта

ВТЭК – врачебно-трудовая экспертная комиссия

ВУП – военно-учебный пункт

ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

ВЦСПС – Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов

ГАИ – государственная автоинспекция

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАТОБ – Государственный Академический театр оперы и балета

ГВСУ – Главное военно-санитарное управление Красной Армии

ГИДУВ – Государственный институт для усовершенствования врачей

ГИПХ – Государственный институт прикладной химии

ГК ВКП (б) – Городской Комитет ВКП (б)

ГКО – Государственный комитет обороны СССР

Главрыбснаб – Главное управление снабжения Наркомата рыбной промышленности СССР

Главснабпрос – Главное управление снабжения Наркомата просвещения РСФСР

ГММОБЛ – Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда

ГСИ – Государственная санитарная инспекция

ГСМ – горюче-смазочные материалы

ГСУ – Городское статистическое управление

ГУТР – Государственное Управление Трудовых резервов

ГЭК – Городская эвакуационная комиссия

ГЭС – Государственная электростанция

ГЭТ – Государственный электрический транспорт

ГЭЭС ЦКТИ – Государственная экспериментальная электрическая станция Центрального котлотурбинного института

ДГК – дегазационная камера

Детгиз – Детское государственное издательство

Дорпрофсож – Дорожный комитет профсоюза работников железнодорожного транспорта

ДПЗ – детский приемник

ДПР – детский приемник-распределитель

ДСО – добровольное спортивное общество

ЖУ, РЖУ – железнодорожные училища

Завком – заводской комитет

ЗАГС – отдел записи актов гражданского состояния

ИУУ – Институт усовершенствования учителей

ИТР – инженерно-технические работники

КБФ – Краснознаменный Балтийский флот

КО – Комитет обороны при СНК СССР

КПП – контрольно-пропускной пункт

ЛВО – Ленинградский Военный округ

ЛГЗО – Ленинградский городской отдел здравоохранения

ЛГМ – Ленинградская городская милиция

ЛГПИ – Ленинградский государственный педагогический институт

ЛГПМИ – Ленинградский государственный педиатрический медицинский институт

ЛГЭС – Ленинградская государственная электростанция

Ленгидэп – Ленинградское отделение Всесоюзного проектного института «Гидроэнергопроект»

Ленглавресторан – Ленинградское главное управление ресторанов, кафе и столовых

Ленгорисполком – Исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся

Ленгорком – Ленинградский городской Комитет

Ленгорлес – Лесозаготовительный трест Ленгорисполкома

Ленгороно – Ленинградский городской отдел народного образования

Ленгорсобес – Ленинградский городской отдел социального обеспечения

Ленморторгпорт – Ленинградский морской торговый порт

Леноблоно – Ленинградский областной отдел народного образования

Леноблгорлит – Ленинградское областное и городское управление по охране государственных тайн в печати

Ленфронт – Ленинградский фронт

ЛЖУ – Ленинградское жилищное управление

ЛИУУ (ИУУ) – Ленинградский институт усовершенствования учителей

ЛМИ – Ленинградский медицинский институт

ЛНИИКХ – Ленинградский научно-исследовательский институт коммунального хозяйства

ЛОВСУ – Ленинградское окружное военно-санитарное управление

ЛОК «Главнефтесбыта» – Ленинградская областная контора Главного управления по нефтеснабжению и сбыту

ЛОНИТОМАШ – Ленинградское Научное инженерно-техническое общество машиностроения

ЛФ – Ленинградский фронт

ЛФТИ АН СССР – Ленинградский физико-технический институт Академии Наук СССР

ЛЭИС им. Бонч-Бруевича – Ленинградский электротехнический институт связи им. Бонч-Бруевича

МОПР – Международная организация помощи борцам революции

МПВО – Местная противовоздушная оборона

МСК – медико-санитарная команда

МСС – медико-санитарная служба

МТС – машинно-тракторная станция

МТМ – машинно-тракторная мастерская

Наркомместпром – Народный комиссариат местной промышленности

Наркомторг – Народный комиссариат торговли

Наркомфлот – Народный комиссариат морского флота

Наркомвоенморфлот – Народный комиссариат военно-морского флота

Нарсуд – Народный суд

НИИ – научно-исследовательский институт

НКАП – Народный комиссариат авиаприборостроения

НКАТ – Народный комиссариат автомобильного транспорта

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКЗ – Народный комиссариат здравоохранения

НКП – Народный комиссариат просвещения

НКСО – Народный комиссариат социального обеспечения

НКТ – Народный комиссариат труда

НКФ – Народный комиссариат финансов

НКЮ – Народный комиссариат юстиции

НМПК – Народный музей «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» педагогического колледжа №8 (быв. №5)

НОГ – Невская оперативная группа

НТК ВМФ – Научно-технический Комитет Военно-Морского флота

ОББ – отдел борьбы с бандитизмом

Обком – областной комитет

ОБХСС – отдел борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией

ОВ – отравляющие вещества

ОВТ ЛФ – охрана войск тыла Ленинградского фронта

ОВТСФ – охрана войск тыла Северного фронта

ОВУ ЛВО – Орган Военного Управления Ленинградского военного округа

ОГИЗ – Объединенное Государственное издательство

ОЖД – Октябрьская железная дорога

ОК профсоюза – областной комитет профсоюза

ОКБ НИИ-13 – Отдельное конструкторское бюро научно-исследовательского института №13

ОК ВКП(б) – областной Комитет ВКП (б)

Окроно – окружной отдел народного образования

ОРУД – отдел регулировки уличного движения

ОСВОД – Общество спасения на водах

ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству

ПАСС – полевые армейские санитарные склады

ПВО – противовоздушная оборона

ПВХО – противовоздушная и противохимическая оборона

Политиздат – издательство политической литературы

ППК – противопожарная команда

ППП – противопожарный пост

Промкооперация – промышленная кооперация

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (быв. РЦХИДНИ)

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия

РОКК – Российское общество Красного Креста

РОНО – Районный отдел народного образования

РПЦ – Русская православная церковь

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РУ – ремесленные училища

Сельхозснаб – снабжение сельского хозяйства семенами и пр.

СЗ – суженное заседание (Ленгорисполкома)

СЗН – Северо-Западное направление [войск]

СЗРП – Северо-Западное речное пароходство

СНК – Совет народных комиссаров СССР (или РСФСР)

СОКК и КП – Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца

СОП – стационарные обмывочные пункты

СПМ – стационарные пункты медпомощи

СПП – стационарные перевязочные пункты

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

ТР – Трудовые резервы

Трансторгпит – транспортное объединение розничной торговли и общественного питания

ТЭУ – Топливно-энергетическое Управление Ленсовета

УГМР – Управление государственных и мобилизационных резервов

УГР – Управление государственных резервов

УГРО – отдел уголовного розыска

УИТЛК – Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний

УК – Уголовный кодекс

УКБСЛ – Управление коммунально-бытовой службы

УКППЛ – Управление Культуры просветительных предприятий Ленинграда

УЛОЗ – Управление лесов охранной зоны

УЛГМ – Управление Ленинградской городской милиции

УНКВД – Управление народного комиссариата внутренних дел

УНХУ – Управление народнохозяйственного учета

УПК – участковая пожарная команда

УРКМ – Управление рабоче-крестьянской милиции

Учпедгиз – Учебно-педагогическое государственное издательство

ФЗО – фабрично-заводское обучение

ФЭП – фронтовой эвакуационный пункт

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

ЦКБ-17 – Центральное конструкторское бюро №17

Центросоюз – Центральный Союз потребительских обществ СССР

ЦИК – Центральный исполнительный комитет СССР

ЦК ВКП(б) – Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)

ЦКТИ – Центральный котлотурбинный институт

ЦНИИСП – Центральный научно-исследовательский институт санитарного просвещения

ЦСУ – Центральное статистическое управление

ЦУНХУ – Центральное Управление народнохозяйственного учета

ЭПРОН - Экспедиции подводных работ особого назначения

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ[1]

I. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ)

1. Фонд Р-5446. Совет Министров СССР.
2. Фонд Р-6822. Совет по эвакуации при Совете Народных Комиссаров СССР.
3. Фонд Р-8009. Министерство здравоохранения СССР.
4. Фонд Р-9425. Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР (Главлит).
5. Фонд Р-9507. Учреждения по руководству Профессионально-техническим образованием в СССР.
6. Фонд А-259. Совет министров РСФСР (Совмин РСФСР).
7. Фонд А-327. Главное переселенческое управление при Совете Министров РСФСР и его предшественники.
8. Фонд А-2306. Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

9. Фонд 558. Личный фонд Сталина Иосифа Виссарионовича. 21 декабря 1879 г. – 5 марта 1953 г. [Имеется электронный ресурс].
10. Фонд 644. Государственный комитет обороны. [Имеется электронный ресурс].

Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)

11. Фонд Р-2. Невский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга.
12. Фонд Р-4. Смольнинский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга.
13. Фонд Р-47. Василеостровский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга.
14. Фонд Р-103. Московский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга.
15. Фонд Р-148. Выборгский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга.
16. Фонд Р-151. Петроградский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга.

1 На отдельные издания могут отсутствовать ссылки в тексте.

17. Фонд Р-330. Ленинградская городская эвакуационная комиссия при исполкоме Ленинградского городского Совета (1941-1943 гг.).
18. Фонд Р-568. Куйбышевский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга.
19. Фонд Р-2076. Плановая комиссия исполкома Ленинградского Городского Совета (Ленгорплан).
20. Фонд Р-3054. Ленинградский городской комитет добровольного Общества содействия армии, авиации и флоту и его предшественники (ДОСААФ) и его предшественники.
21. Фонд Р-4769. Дзержинский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга.
22. Фонд Р-4793. Калининский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга.
23. Фонд Р-4900. Ленинский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга.
24. Фонд Р-4905. Приморский районный совет д народных депутатов Санкт-Петербурга.
25. Фонд Р-4914. Октябрьский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга.
26. Фонд Р-4948. Свердловский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга.
27. Фонд Р-4949. Фрунзенский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга.
28. Фонд Р-5039. Главное Управление народного образования (ГЛАВУНО) исполкома Ленинградского городского совета.
29. Фонд Р-7384. Санкт-Петербургский городской Совет народных депутатов.
30. Фонд Р-8111. Ленинградский городской Комитет Общества Красного Креста РСФСР.
31. Фонд Р-8557. Ленинградская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников при исполкоме Ленинградского городского совета (1943–1949).
32. Ф. Р-9023. Уполномоченный Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов по Ленинграду и Ленинградской области.
33. Фонд Р-9156. Главное Управление здравоохранения исполкома Ленинградского городского совета.
34. Фонд Р-9263. Военная прокуратура 23 дивизии войск МГБ СССР по охране железных дорог и особо важных объектов промышленности.
35. Фонд Р-9324. Уполномоченный Совета по делам русской православной церкви при Совете министров СССР по Ленинграду и Ленинградской области (1943–1966).
36. Фонд Р-9713. Бюро медицинской статистики Главного Управления здравоохранения исполкома Ленгорсовета (1941–1992).

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-

Петербурга (ЦГАИПД СПб)

37. Фонд Р-2^{К}. Дзержинский районный комитет ВЛКСМ, Ленинград.
38. Фонд Р-9^{К}. Петроградский районный комитет ВЛКСМ, Ленинград.
39. Фонд Р-24. Ленинградский областной комитет КПСС, Ленинград.
40. Фонд Р-25. Ленинградский городской комитет КПСС, Ленинград.
41. Фонд Р-54. Первичная организация КПСС Ленинградского государственного педиатрического медицинского института, Ленинград.
42. Фонд Р-83. Первичная организация КПСС исполкома районного Совета народных депутатов, Василеостровский район, Ленинград.
43. Фонд Р-257. Первичная организация КПСС 1-го Ленинградского Медицинского Института имени академика И. П. Павлова, Ленинград.
44. Фонд Р-285. Первичная организация КПСС Главного Управления народного образования Ленгорисполкома Совета народных депутатов, Ленинград.
45. Фонд Р-382. Первичная организация КПСС исполкома районного Совета депутатов трудящихся, Выборгский район, Ленинград.
46. Фонд Р-598^{К}. Ленинградский Областной комитет ВЛКСМ, Ленинград.
47. Фонд Р-671. Первичная организация КПСС Ленинградского управления профессионально-технического образования, Ленинград.
48. Фонд Р-827. Первичная организация КПСС Ленинградского областного Отдела народного образования, Ленинград.
49. Фонд Р-937. Первичная организация КПСС Ленинградского городского Института усовершенствования учителей, Ленинград.
50. Фонд Р-1538. Первичная организация КПСС Главного Управления здравоохранения Ленгорсовета, Ленинград.
51. Фонд Р-1697. Первичная организация КПСС Ленинградского областного Управления профессионально-технического образования, Ленинград.
52. Фонд Р-2238. Первичная организация КПСС аппарата исполкома Ленсовета народных депутатов, Ленинград.
53. Фонд Р-2386. Первичная организация КПСС Управления Ленинградской городской милиции, Ленинград.
54. Фонд Р-2398. Политический отдел Октябрьской железной дороги, Ленинград.
55. Фонд Р-2408. Политический отдел Ленинградской железной дороги, Ленинград.

56. Фонд Р-2862. Первичная организация КПСС исполкома Ленинградского областного совета народных депутатов, Ленинград.
57. Фонд Р-4000. Ленинградский институт историко-политических исследований (Институт истории партии Ленинградского обкома КПСС, филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), Ленинград.
58. Фонд Р-5034. Первичная организация КПСС Главного Управления внутренних дел Леноблгорисполкомов, Ленинград.

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб)

59. Фонд Р-270. Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Театр-фестиваль “Балтийский Дом”» Комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург (Ленинградский государственный театр имени Ленинского Комсомола).
60. Фонд Р-336. Санкт-Петербургское бюджетное учреждение культуры «Академический драматический театр имени В. Ф. Комиссаржевской» Комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург.

Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел Рукописей (ОР)

61. Фонд 576. Петрова М. К.
62. Фонд 1015. Остроумова-Лебедева А. П.
63. Фонд 1059. Матюшина О. К.

Народный музей «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» педагогического колледжа №8 (быв. №5) г. Санкт-Петербурга (НМПК)

64. Фонд БВ. Блокадные воспитатели.
65. Фонд БП. Блокада. Прочее.
66. Фонд БД. Блокада. Дети.
67. Фонд Щ. Е. Л. Щукина. Дневники.
68. Фонд 2Щ. Е. Л. Щукина. Отчеты.

69. Фонд Э. Эвакуация.
70. Фонд Эк. Экспозиционный.

II. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Законодательные и нормативные акты СССР и РСФСР

1. СССР. Законы. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР. – Москва: Госполитиздат, 1941. – 24 с.
2. РСФСР. Законы. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики с изменениями и дополнениями, принятыми Верховным Советом РСФСР 16 июля 1938 г., 29 июля 1939 г., 2 июня 1940 г. и 5 апреля 1941 г. – Москва: Изд-ие Верховного Совета РСФСР, 1941. – 31 с.
3. СССР. Верховный Совет. Стенографический отчет Заседания Верховного Совета СССР 18 июня 1942 года. – 1942. – М.: Изд. Верховного Совета СССР. – 56 с. [Имеется электронный ресурс]
4. СССР. Верховный Совет. Десятая сессия Верховного Совета СССР [1-го созыва], (28 января-1 февраля 1944 г.): стенографический отчет. – 1944. – М.: Изд. Верховного Совета СССР. – 334 с. [Имеется электронный ресурс]
5. СССР. Верховный Совет. Одиннадцатая сессия Верховного Совета СССР [1-го созыва], (24 апреля-27 апреля 1945 г.): стенографический отчет. – 1945. – М.: Изд. Верховного Совета СССР. – 297 с. [Имеется электронный ресурс]
6. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Боевой Устав пехоты РККА (БУП-38). Часть I (боец, отделение, взвод). – Москва: Гос. Воен. Издат. НКО СССР, 1939. – 160 с.
7. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Временный Устав внутренней службы РККА [1924]. – Москва: Госиздат., Отд. воен. лит., 1930. – 256 с.
8. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Временный Полевой Устав РККА. ПУ-36. – Москва: Воениздат, 1938. – 200 с.
9. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Корабельный устав рабоче-крестьянского Военно-Морского флота Союза ССР. Ч. 1. Боевая служба корабля / НК ВМФ СССР. – Москва; Ленинград: Военно-морское изд-во НК ВМФ Союза ССР, 1939. – 144 с.

10. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Полевой Устав Красной Армии (Проект). – Алма-Ата, 1942. – 199 с.
11. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Полевой Устав РККА. 1929. – Москва: Госвениздат, 1934. – 184 с.
12. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Союза ССР. – М., 1946. – 224 с.
13. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Устав внутренней службы РККА. 1937 (УВС-37) / Наркомат обороны СССР. – Йошкар-Ола: Марийское изд-во, 1942. – 190 с.
14. СССР. Народный комиссариат здравоохранения. Инструкция о порядке назначения и выплаты государственного пособия многодетным матерям. – Минск: [б.и.], 1937. – 6 с.
15. РСФСР. Верховный Совет. Заседания Верховного Совета РСФСР [1-го созыва], пятая сессия (1-4 марта 1944 г.): стенографический отчет. – 1944. – М.: Изд. Верховного Совета РСФСР. – 263 с. [Имеется электронный ресурс]
16. РСФСР. Военные уставы, наставления и т. п. Полевой Устав [Рабоче-Крестьянской Красной Армии]. Ч. I. Маневренная война. – Петроград.: Высший Военн. ред. Совет, 1922. – 376 с. [Утв. 29 декабря 1918 г.]
17. РСФСР. Военные уставы, наставления и т. п. Устав внутренней службы [Рабоче-крестьянской Красной Армии]. – Петроград: Петрогр. отд. Гл. упр. воен.-учеб. заведений, 1919. – 215 с.
18. РСФСР. Законы. Гражданский кодекс РСФСР: Официальный текст с изменениями на 1 июня 1942 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов / НКЮ РСФСР. – Москва: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1942. – 255 с.
19. РСФСР. Законы. Гражданский кодекс РСФСР: Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1943 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов / НКЮ РСФСР. – Москва: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1943. – 275 с.
20. РСФСР. Законы. Гражданский кодекс: Официальный текст с изменениями на 1 августа 1948 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов / НКЮ РСФСР. – Москва: изд-во НКЮ СССР, 1948. – 304 с.
21. РСФСР. Законы. Гражданско-процессуальный кодекс: с изменениями на 15 ноября 1940 г.: Официальный текст с приложением постатейно-систематизированных материалов / НКЮ РСФСР. – Москва: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 279 с. [подп. 4.04.1941].
22. РСФСР. Законы. Кодекс законов о браке, семье и опеке. С изменениями на 15 ноября 1940 г.: Официальный текст с приложением постатейно-систематизированных материалов /

Нар. Ком. Юст. РСФСР. – Москва: Юриздат, 1940. – 128 с.

23. РСФСР. Законы. Кодекс законов о браке, семье и опеке. Официальный текст с изменениями на 1 июня 1942 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – Москва: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1942. – 128 с.
24. РСФСР. Законы. Кодекс законов о труде 1922 года: Утвержден IV сессией ВЦИК Советов 30 окт. 1922 г. / Наркомат труда. – Ростов н/Дону, 1922. – 70 с.
25. РСФСР. Законы. Основные узаконения и распоряжения по народному просвещению / сост. И. Ф. Заколодкин, А. Я. Подземский; Под общ. Ред. В. Н. Касаткина. – Москва; Ленинград: Нар. Ком. Прос. РСФСР: Гос. изд-во, 1929. – 696 с.
26. РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. С изменениями на 1 августа 1941 г. – Москва: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 208 с.
27. РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 июня 1942 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – Москва: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1942. – 200 с.
28. РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1943 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – Москва: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1943. – 224 с.
29. РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 ноября 1946 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – Москва: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1947. – 224 с.
30. Положение о военнопленных. 1931 // Документы 20 века. – URL: http://www.doc20vek.ru/node/337/ (дата обращения: 09.01.2017).
31. Ленинград. Ленинградская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Акт Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады. – ОГИЗ, Госполитиздат, 1945. – 39 с., илл.
32. Ленинградская область. Ленинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Демянском и Лычковском районах Ленинградской области. – Ленинград: Воениздат Наркомата Обороны, 1943. – 19 с.

Международные правовые документы

33. Документы Международного трудового права // Международная Организация Труда. [Сайт]. – URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/ (дата обращения: 18.02.2015).
34. Женевские Конвенции и Дополнительные протоколы // Международный Комитет Красного Креста. [Сайт]. – URL: http://www.icrc.org/rus/war-and-law/treaties-customary-law/geneva-conventions/index.jsp/ (дата обращения: 17.08.2014).
35. Женевская конвенция об обращении с военнопленными. 1929 // Вики. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ (дата обращения: 09.01.2017).
36. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества // ООН. Официальный сайт/документы/декларации-конвенции/ограничения военных преступлений). – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml (дата обращения: 16.01.2017).
37. Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала / работа Комиссии международного права, 1950 // ООН. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml/ (дата обращения 16.01.2017).
38. Устав (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения. // Всемирная организация здравоохранения. [Сайт] – URL: https://docs.cntd.ru/document/901977493/ (дата обращения: 23.11.2021).
39. Устав Международного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Нюрнбергский процесс в документах российских архивов. [Сайт] – URL: http://nurnberg.rusarchives.ru/documents/ustav-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala/ (дата обращения: 06.06.2019).
40. Устав Организации Объединенных Наций // Unated Nations Charter (full text). [Сайт]. – URL: https://www.un.org./en/about-us/un-charter/full-text/ (дата обращения: 23.11.2021).

Уставы вооруженных сил зарубежных государств

1. Временный полевой Устав Армии Соединенных Штатов Америки. – Москва: Воен. издат. НК Обороны СССР, 1941. – 288 с.
2. Полевой устав английской армии. 1935. Часть II. Боевые действия войск. Общие основы.

– Москва: [б.и.], 1940. – 301 с.

3. Французский пехотный устав. Часть II. Бой. – Москва: Воениздат, 1940. – 312 с.

Сборники документов, публикации отдельных документов

1. Без срока давности // Трагедия мирного населения в годы Великой Отечественной войны. [Сайт]. – URL: https://безсрокадавности.рф/ (дата обращения: 07.07.2020).
2. Библиотека правовых документов Советской власти. [Сайт]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ (дата обращения: 24.07.2017).
3. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941 – 1944 гг. Сборник документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Часть I. Июнь 1941 г. – март 1942 г. / отв. сост. К. А. Болдовский. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – 863 с.
4. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941 – 1944 гг. Сборник документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Часть II. Март – декабрь 1942 г. / отв. сост. К. А. Болдовский. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. – 1261 с.
5. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941 – 1944 гг. Сборник документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Часть III. Январь 1943 г. – январь 1944 г. В 2 кн. / отв. сост. К. А. Болдовский. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. – 1760 с.
6. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. – Москва: Аст; Санкт-Петербург: Полигон, 2004. – 766 с.
7. Блокада Ленинграда. Эвакуация // Портал «Архивы Санкт-Петербурга». – [Сайт]. – URL: https://evacuation.spbarchives.ru/ (дата обращения 17.07.2020).
8. Болдовский, К. А. Продовольственное положение блокадного Ленинграда в докладах А. А. Жданова И. В. Сталину. 1941 – 1942 гг. / К. А. Болдовский. // Новейшая история России. – 2024. – Т.14, №4. – С. 1053–1073.
9. Болдовский, К. А. «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. / К. А. Болдовский, Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков. // Новейшая история России. – 2014. – №1 (09). – С. 275–292.
10. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том I. – Москва:

ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1944. – 699 с.

11. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том II. – Москва: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946. – 687 с.
12. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том III. – Москва: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. – 791 с.
13. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах. В 3-х тт. Т. 3: Спасенное детство / Томский государственный университет. – Томск, 2005. – 397 с.
14. Всероссийская перепись населения 1939 года. Основные итоги / Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская, А. А. Исупов, И. Н. Киселев. 1-е изд. – Москва: Наука, 1992. – 256 с.
15. Всероссийская перепись населения 1939 года. Основные итоги. 2-е изд. – Санкт-Петербург: Блиц, 1999. – 208 с.
16. В штабах Победы. 1941–1945. Документы: в 5 кн./Российский государственный архив социально-политической истории, ПАО АФК «Система»; отв. ред. А. К. Сорокин – Москва: Научн.-полит. кн., 2020. – 5 кн. [Электронный ресурс] // URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/281950-v-shtabah-pobedy-1941-1945?ysclid=mt4r2yj1zz155541179/(дата обращения: 22.03.2026).
17. «Государственный комитет обороны постановляет…». Директивные документы ГКО СССР по обеспечению жизнедеятельности Ленинграда. 1941–1945 гг. / сост. Е. Е. Кириллова, В. Н. Шепелев. // Исторический архив. – 2003. – №2. – С. 131–165.
18. Журнал посещений А. А. Жданова, 1941–1944 гг. / Фонд исслед. проблем новейшей истории; сост. К. А. Болдовский. – Санкт-Петербург: Нац. центр социальной пом., 2014. – 393 с.
19. Зотова, А. В. Об отчете продовольственной комиссии при Военном Совете Ленинградского фронта о торговле и общественном питании в Ленинграде за период с 22 июня 1941 г. по 1 апреля 1943 г. / публ. А. В. Зотовой // Клио. – 2013. – №3 (75). – С. 12–17.
20. Зотова, А. В. Отчет продовольственной комиссии при Военном Совете Ленинградского фронта о торговле и общественном питании в Ленинграде за период с 22 июня 1941 г. по 1 апреля 1943 г. (окончание) / публ. А. В. Зотовой // Клио. – 2013. – №4 (76). – С. 3–18.
21. Из районов области сообщают...: Свободные от оккупации районы области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. Сборник документов / отв. ред. А. Р. Дзенискевич; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2007. – 628 с.
22. Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (Июнь 1941–1945). Документы

и материалы. – Москва: Политиздат, 1970. – 494 с.

23. Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сборник материалов и документов. Т. 1. – Ленинград: 1944. – 412 с., илл.
24. Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сборник материалов и документов. Т. 2. – Ленинград: 1947. – 492 с., илл.
25. Ленинград в кольце блокады. Гриф секретности снят. Сборник документов. – Санкт-Петербург: Фонд «Креатив»; Лики России, 2014. – 635 с. [Имеется электронный ресурс].
26. Ленинград в осаде. Архивные документы Второй Мировой войны. К 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады / отв. сост. Н. Ю. Черепенина. Санкт-Петербург, 2014 // Портал «Архивы Санкт-Петербурга». [Сайт]. – URL: http://blockade.spbarchives.ru/ (дата обращения: 02.04.2016).
27. Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / под ред. А. Р. Дзенискевича. – Санкт-Петербург: Лики России, 1995. – 640 с.
28. Ленинградский городской совет депутатов трудящихся. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.]; [составители И. М. Сапронов, Н. Ю. Черепенина (отв. составитель)] // Архивы Санкт-Петербурга. [Сайт]. –
URL: https://spbarchives.ru/documents/10157/18919/сборник.pdf/7d47718d-a1b1-4b74-b77d-40a5959aa1ae/ (дата обращения: 25.07.2018).
29. Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны. Сборник архивных документов. 1941–1944 гг. – Санкт-Петербург: Аврора; Балтийская звезда, 2015.– 288 с., илл.
30. Ломагин, Н. А. В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев / Н. А. Ломагин. – Москва: Яуза-каталог, 2017. – 496 с.
31. Международные и интернационализированные уголовные трибуналы: синопсис / сост. Р. Гайсс, Н. Бюлинкс. // Международный журнал Красного Креста. – 2006. – Март. – Том 88. – №861. – С. 57–79. – URL: http://internacional-review.icrc.otg/articles/international-and-internationalized-criminal-tribunals-synopsis/ (дата обращения 06.06. 2019).
32. Международные документы Великой Отечественной войны. Вып. II (1942 г.). – Москва: [б.и.], 1943. – 213 с.
33. Международные документы периода Великой Отечественной войны. Вып. III (1943 г.), Ч. 1. – Москва: [б.и.], 1944. – 252 с.

34. Международные документы периода Великой Отечественной войны. Вып. III (1943 г.), Ч. 2. – Москва: [б.и.], 1944.– 154 с.
35. Нюрнбергский процесс в документах российских архивов. [Сайт]. – URL: http://nurnberg.rusarchives.ru/index/(дата обращения 06.06.2019).
36. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. Т. 1. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1952. – 832 с.
37. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. Т. 2. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1951. – 608 с.
38. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов в семи томах / под общей ред. Р. А. Руденко. Т. 5. Допросы подсудимых и речи адвокатов. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1960. – 677 с.
39. Нюрнбергский процесс: Сборник документов в 3 тт. Т. 1. Нацистский заговор против мира и человечества: преступления германских монополий. – Москва: Юридическая литература, 1965. – 799 с.
40. Нюрнбергский процесс: Сборник документов в 3 тт. Т. 2. Военные преступления; преступления против человечности. – Москва: Юридическая литература, 1966. – 799 с.
41. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8-ми томах / научный редактор 1–8 тт. Н. С. Лебедева; [отв. ред. т. 1 – А. М. Рекунков, т. 3 – А. Я. Сухарев, т. 8 – Н. С. Лебедева]. – Москва: Юридическая литература, 1987–1999.
42. Оборона Ленинграда. 1941–1945. Документы и материалы / Отв. ред., авт., вступ. ст. А. К. Сорокин. – Москва: Политическая энциклопедия, 2019. – 735 с.
43. От войны к миру: Ленинград. 1944–1945. Сб. документов / Арх. ком. С. -Петербурга, Центр. гос. архив ист.-полит. док. С. -Петербурга; отв. ред. Н. Б. Лебедева; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. – Санкт-Петербург: Лики России, 2013. – 351 с.
44. Перепись 1939 года: документальные источники Центрального Государственного Архива народного хозяйства СССР. Части 1–15. – Москва: Ин-т этнологии и антропологии АН СССР, 1990.
45. План «Д». Архив «Большого Дома» / сост. С. К. Бернев, Н. А. Ломагин. – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2005. – 188 с., илл.
46. Постановление ГКО СССР № 2413 о мерах борьбы с попрошайничеством со стороны военнослужащих Красной армии, с приложением записки Берии Л. П. Сталину И. В.| Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина [Электронный ресурс] // URL:

https:\\share.google\4tccDivvEA2A11oFN/ (дата обращения: 22.03.2026).

47. Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть 1 (август 1941 г. – март 1942 г.). Сб. документов / отв. сост. К. А. Болдовский – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2023. – 656 с. – URL: https://spbiiran.ru/postanovleniya-voennogo-soveta-leningradskogo-fronta-ch-1-sbornik-dokumentov/ (дата обращения: 03.10.2023).
48. Постановления Военного Совета Ленинградского фронта. Часть II (апрель – декабрь 1942 г.). Сб. документов / отв. сост. К. А. Болдовский – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2024. – 792 с. – URL: https://spbiiran.ru/postanovleniya-voennogo-soveta-leningradskogo-fronta-ch-2-sbornik-dokumentov/ (дата обращения: 27.12.2024).
49. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Федеральный архивный проект [Сайт] // URL: http://victims.rusarchives.ru. (дата обращения: 14.01.2023).
50. Реквием памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Ч. 1. – Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1990. – 588 с., илл.
51. Реквием памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Ч. 2. – Ленинград; Ярославль, 1991. – 676 с., илл.
52. Репертуар Ленинградских театров, №40, Ноябрь 1941 г., 1-10: Государственный театр Музыкальной Комедии, Государственный театр имени Ленинского Комсомола в помещении Малого Оперного театра, Государственный Театр им. Ленинградского Совета, Государственный Театр комедии в помещении Большого Драматического театра им. М. Горького, Театр Драмы в помещении театра Комедии, Театр Юных Зрителей, Д.К. им. 1-й Пятилетки, Кукольный театр п/р засл. арт. РСФСР, орденоносца Евгения Деммени : [афиша] / Управление по делам искусств Исполкома Ленгорсовета. – [Ленинград]: Типолитография №4 им. Н. Григорьева, 1941. – 1 л.
53. Репертуар Ленинградских театров, 1944, ноябрь, 11-20: Ордена Ленина Театр оперы и балета им. С. М. Кирова, Ордена Ленина Малый Оперный театр, Ордена Трудового Красного Знамени Театр драмы им. А. С. Пушкина, Большой Драматический театр им. М. Горького, Театр Музыкальной Комедии, Драматический театр при Управлении по делам искусств, Театр Юных Зрителей: [афиша] / Управление по делам искусств Исполкома Ленгорсовета, Дирекция театральных касс. – [Ленинград]: ЛТ УН-1, 1944. – 1 л.
54. Российское историческое общество. Документы. [Сайт]. – URL: http://docs.historyrussia.org/ru/docs/4-obratnaya-svyaz/ (дата обращения: 18. 04. 2020).

55. Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов. 1917–1941: Сборник документов / сост. Н. Ю. Черепенина, М. В. Шкаровский; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. – Санкт-Петербург: Лики России, 2000. – 268с.
56. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I–II. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1925 г. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Литиздат НКИД, 1928. – 371 с.
57. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. №_. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 мая 1926 и 1 февраля 1928 г. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Госполитиздат, 1936. – 119 с.
58. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. IX. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1937 г. – Москва: Госполитиздат, 1938. – 507 с.
59. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. – Москва: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. – 362 с.
60. Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. – Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1946. – 459 с.
61. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. – Ленинград: Лениздат, 1942. – 272 с.
62. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. – Ленинград: Лениздат, 1944. – 252 с.
63. Сталинские премии: две стороны одной медали: Сборник документов и художественно-публицистических материалов / сост. В. Ф. Свиньин, К. А. Осеев. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2007. – 880 с.
64. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.]; сост. И. М. Сапронов, Н. Ю. Черепенина (отв. составитель). – Санкт-Петербург: Арт-Экспресс, 2017. – 439 с., [4] л. портр.
65. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов. – Санкт-Петербург: ЦГА СПб; Арт-Экспресс. – 2018. – 640 с.
66. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи

обсуждений, замечаний к проектам, решения, январь – декабрь 1944 г.: сборник документов / Отв. ред. А.Н. Чистиков. Отв. сост. Н. Ю. Черепенина. – СПб: ЦГА СПб; ООО «Реал». – 2025. – 480 с.

67. Страна – Ленинграду. 1941–1945: Сборник документов / отв. ред. В. М. Ковальчук; сост. Л. И. Ильина, В. М. Ковальчук, А. П. Купайгородская, Р. В. Серднак. – Санкт-Петербург; Кишинев: Nestor-Historia, 2002.
68. 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг./ Отв. ред. В. М. Ковальчук. – Москва; Ленинград: Наука, 1966. – 423 с.

Дневники, воспоминания, переписка

69. Августынюк, А. Сквозь блокаду: Записки железнодорожника / А. Августынюк. – Ленинград: Ленингр. газ.-журн. книж. изд-во, 1945. – 143 с.
70. Августынюк, А. В огненном кольце: Воспоминания / А. Августынюк. – Ленинград: Лениздат, 1948. – 208 с.
71. Дети Ленинграда на Урале: Воспоминания, дневники, письма, документы о жизни на Урале детей, эвакуированных из Ленинграда / сост. Л. Антонова, О. Орлова, Д. Шпринцин. – Пермь, 2000. – 88 с.
72. Бакин, В. С. Детдомовские сороковые / В. С. Бакин. – 3-е изд. – Киров, 2005. – 221 с.
73. Берггольц, О. Ф. Дневные звезды / О. Ф. Берггольц. – Москва: Современник, 1975. – 172 с., илл.
74. Блокада Ленинграда глазами детей и подростков: социокультурный аспект/ сост. Н.И. Богомазов, И. В. Петров, О. В. Пржигодзкая, Г. Л. Соболев, Е. А. Тарасова, М. В. Ходяков. – Санкт-Петербург: Первый класс, 2019. – 354 с.
75. Блокадные дневники и документы. Архив «Большого Дома» / сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2004. – 465 с.
76. Блокадных дней резервы трудовые / сост. В. Н. Киршин, Т. М. Калайчева. – Санкт-Петербург: Знание, ИВЭСЭП, 2003. – 159 с.
77. Битва за Ленинград в судьбах жителей города и области: Воспоминания защитников и жителей города и оккупированных территорий / сост. А. В. Виноградов, А. Плейжер. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2005. – 372 с.
78. Бойцы города-фронта: Воспоминания ветеранов войск МПВО Приморского района Ленинграда. 1942–1945. – Санкт-Петербург, 2007. – 120 с.

79. Болдырев, А. Н. Осадная запись. (Блокадный дневник) / А. Н. Болдырев; подг. к печ. В. С. Гарбузова, И. М. Стеблин-Каменский. – Санкт-Петербург, 1998. – 365 с.
80. Будни подвига: блокадная жизнь ленинградцев в дневниках, рисунках, документах. 8 сентября 1941 – 27 января 1944 / сост. В. М. Давид. – Санкт-Петербург: Лик, 2006. – 301 с.
81. Бычевский, Б. В. Город-фронт / Б. В. Бычевский. – Ленинград: Лениздат, 1967. – 429с.
82. Василевский, А. М. Дело всей жизни / А. М. Василевский. – 1-е изд. – Москва: Политиздат, 1974. – 542 с., илл.
83. Василевский, А. М. Дело всей жизни / А. М. Василевский. – 2-е изд. – Москва: Политиздат, 1975. – 607 с., илл.
84. Вишневский, В. В. Ленинград: Дневники военных лет: в 2 кн. Книга 1 / В. В. Вишневский. – 4-е изд. – Москва: Воениздат, 2002. – 319 с.
85. Вишневский, В. В. Ленинград: Дневники военных лет: в 2 кн. Книга 2 / В. В. Вишневский. – 4-е изд. – Москва: Воениздат, 2002. – 414 с.
86. Возрождение. Воспоминания, очерки и документы о восстановлении Ленинграда / сост. В. А. Кутузов, Э. Г. Левина. – Ленинград: Лениздат, 1977. – 368 с.
87. «Выживем!». Блокадные дневники и реликвии обороны Ленинграда из коллекции Музея политической истории России/ авт.-сост. А. П. Смирнов. – Санкт-Петербург: ГМПИР, 2023. – 208 с.
88. Гинзбург, Л. Я. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград: Советский писатель, 1989. – 605 с.
89. Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944) / сост. З. Дичаров. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 528 с.
90. Гречина, О. Н. Погибельная зима (1941–1942). Спасаюсь, спасая / О. Н. Гречина. // Нева. – 1994. – №1. – С. 211–282.
91. Гречина, О. Н. Сказка о гороховом дереве (1942–1944). Спасаюсь, спасая / О. Н. Гречина. // Нева. – 1994. – №2. – С. 199–249.
92. Дети города-героя. – Ленинград: Лениздат, 1974. – 421 с.
93. Дети и блокада. Блокада рассекреченная. Воспоминания, фрагменты, дневники / Т. М. Голубева, А. В. Молчанов и др. – Санкт-Петербург: Вести, 2000. – 179 с.
94. Дети блокады // Дети войны. Народная книга памяти. – Москва: Аст, 2015. – 974 с.
95. Детская книга войны. Дневники 1941–1945. – Москва: Аргументы и факты; АиФ. Доброе сердце; Олма Медиа Групп; Просвещение, 2016. – 480 с.

96. Дневник начальника Дороги жизни: Записные книжки капитана 1 ранга М. А. Нефедова / под ред. Э. Л. Коршунова. – Санкт-Петербург: Галарт, 2023. – 336 с.
97. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления / Г. К. Жуков. – Москва: Изд-во агентства печати новости, 1970. – 704 с., илл.
98. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления: в 2 т. Т. 1 / Г. К. Жуков. – 3-е изд. – Москва: Изд-во агентства печати новости, 1978. – 382 с., илл.
99. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления: в 2 т. Т. 2 / Г. К. Жуков. – 3-е изд. – Москва: Изд-во агентства печати новости, 1978. – 390 с., илл.
100. Жеребов, Д. К. Чтобы помочь Ленинграду... / Д. К. Жеребов. – Санкт-Петербург: Политехника-принт, 2017. – 143 с., илл.
101. Забвению не подлежит. Выпуск V: Статьи, воспоминания, документы / ГММОБЛ. – Санкт-Петербург: ГММОБЛ, Союз-Дизайн. 2005. – 182 с.
102. Забвению не подлежит. Выпуск VII: Статьи, воспоминания, документы / ГММОБЛ. – Санкт-Петербург: ГММОБЛ, Союз-Дизайн. 2008. – 233 с., илл.
103. Забвению не подлежит. Выпуск X: Статьи. Воспоминания. Документы. Материалы Международной научно-практической конференции «Связь времен: война и ее отражение в современном музее», посвященной 70-летию Гос. мемориального музея обороны и блокады Ленинграда, 28–29 апреля 2014 года / сост. С. Ю. Курносов, А. В. Кутузов; отв. ред. А. В. Кутузов; Ком. по культуре Санкт-Петербурга, Гос. мемориал. музей обороны и блокады Ленинграда. – Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2014. – 360 с.
104. Забвению не подлежит: сборник / сост. А. П. Изам, Т. В. Пыженкова, Я. В. Прокопчик. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. – 208 с. [Дневниковые записи и воспоминания сотрудников пожарной охраны и МПВО].
105. Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской. – Санкт-Петербург: Лениздат; Команда А, 2014. – 512 с.
106. Капица, П. И. В море погасли огни. Блокадные дневники / П. И. Капица. – Ленинград: Советский писатель, 1972. – 320 с.
107. Киршин, В. Н. Прожить свое время / В. Н. Киршин. – Санкт-Петербург: Русь, 2007. – 324с.
108. Князев, Г. А. Дни великих испытаний. Война с Германией. Впечатления на моем малом радиусе. Дневники 1941–1945 гг. / Г. А. Князев. – Санкт-Петербург, 2009. – 1218 с.
109. Кузнецов, Н. Г. Адмирал Советского Союза. Воспоминания / Н. Г. Кузнецов. – Москва: Алгоритм, 2015. – 800 с.
110. Ладога родная. Воспоминания ветеранов Краснознаменной Ладожской флотилии. –

Ленинград: Лениздат, 1969. – 415 с.

111. Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы / Институт истории партии Ленинградского обкома КПСС – филиал Института при ЦК КПСС. – Ленинград: Лениздат, 1968. – 415 с., илл.
112. «Ленинградское дело» / сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. – Ленинград: Лениздат, 1990. – 413 с.
113. Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда / отв. сост. И. А. Муравьева. – Санкт-Петербург, 2014. – 640 с.
114. «Люди хотят знать»: История создания «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина / сост. Н. Соколовская. – Санкт-Петербург: Изд-во «Пушкинского фонда», 2021. – 272 с.: ил.
115. Магаева, С. В. Мученики ленинградской блокады / С. В. Магаева, Е. О. Мартилла. – Москва: Сестр-во во имя препд. мчн. Вел. кн. Елизаветы, 2006. – 186 с.
116. Манаков, Н. А. В кольце блокады / Н. А. Манаков. – Ленинград: Лениздат, 1961. – 215 с.
117. Медики и блокада: взгляд сквозь годы: Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы / Т. М. Голубева, Н. Б. Ветошникова; Международная Ассоциация блокадников города-героя Ленинграда. – Санкт-Петербург, 1997. – 271 с. [2-е изд-ие, 2021]
118. Мерецков, К. А. На службе народу / К. А. Мерецков. – Москва: Политиздат, 1966. – 464 с.
119. Митерев, Г. А. В дни мира и войны / Г. А. Митерев. – Москва: Медицина, 1975. – 256 с., илл.
120. На боевой вахте. Водники Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник воспоминаний и документов. – Ленинград: Лениздат, 1972. – 253 с.
121. Оборона Ленинграда. 1941–1944. Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах: Воспоминания и дневники участников / пред. Маршала Советского Союза М. В. Захарова; АН СССР. Ленинградское отделение Института истории. – Ленинград: Наука, 1968. – 791 с., илл.
122. Октябрьская фронтовая. Воспоминания железнодорожников в работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. В. В. Чубарова, сост. М. Д. Опендик. – Ленинград: Лениздат, 1970. – 431 с.
123. Ольга. Запретный дневник / под ред. Н. Соколовской. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010. – 542 с.

124. Орлов, А. А. Как эти мне места милы… Стихотворения, воспоминания / А. А. Орлов. – Санкт-Петербург: Изд. Газиева Л., 2009. – 56 с.
125. Память: Письма о войне и блокаде / А. Варсобин, И. Лисочкин, Ю. Гальперин. – Ленинград: Лениздат, 1987. – Вып. 2. – 734 с.
126. Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда: Воспоминания, дневники, письма, очерки, литературные записи / автор-составитель Н. Паперная.– Ленинград: Лениздат, 1968.– 391с.
127. Радио в дни войны / сост. М. С. Глейзер, Н. М. Потапов; вступ. ст. А. М. Василевского. – Москва: Искусство, 1975. – 175 с.
128. Раскин, Л. Е. Героические будни школ Ленинграда / Л. Е. Раскин. // Начальная школа. – 1965. – №5. – С. 13–21.
129. Саянов, В. М. Ленинградский дневник / В. М. Саянов. – 2-е изд. – Москва: Воениздат, 1963. – 370 с., илл.
130. Смирнов, Е. И. Война и военная медицина: Мысли и воспоминания. 1939–1945 / Е. И. Смирнов. – Москва: Медицина, 1976. – 462 с., илл.
131. Соколов, А. М. Эвакуация из Ленинграда. Неизвестные факты: Историко-художественная монография / А. М. Соколов. – Санкт-Петербург: [б.и.], 2000. – 355 с.
132. Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне. 1941–1945: К 30-летию Победы: Сборник воспоминаний. – Москва: Профиздат, 1975. – 240 с.
133. «…Сохрани мою печальную историю…». Блокадный дневник Лены Мухиной / отв. ред. В. М. Ковальчук; сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. – Санкт-Петербург: Азбука, 2011. – 362 с.
134. Трибуц, В. Ф. Балтийцы наступают / В. Ф. Трибуц. – Калининград: Калининградское книжное изд-во, 1968. – 399 с., илл.
135. Трибуц, В. Ф. Балтийцы вступают в бой / В. Ф. Трибуц. – Калининград: Калининградское книжное изд-во, 1972. – 383 с., илл.
136. Федюнинский, И. И. Поднятые по тревоге / И. И. Федюнинский. – Москва: Воен. изд-во мин-ва обор. СССР, 1961. – 248 с., илл.
137. Фрейденберг, О. М. Осада человека / публикация К. Невельского. // Минувшее: исторический альманах. – Paris: Atheneum, 1987. – Вып. 3. – С. 7–44.
138. Художники города-фронта: Воспоминания и дневники ленинградских художников / ред.-сост. И. А. Бродский. – Ленинград: Художник РСФСР, 1973. – 144 с.
139. Человек в блокаде. Новые свидетельства / отв. ред. В. М. Ковальчук. – Санкт-Петербург:

Остров, 2008.

140. Честь. Доблесть. Слава: связь времен (к 75-летию Великой Отечественной войны). Сборник статей / Отв. ред. д.м.н., проф. И. П.Миннуллин; сост. И. С. Просветова, к.и.н. Л. Л. Газиева; Институт сестринского образования ПСПбГМУ им. ак. И. П. Павлова — СПб.: Политехника-принт, 2018. – 144 с.
141. Шварц, Е. Бессмысленная радость бытия. Дневники и письма: Произведения 30-40-х годов / сост. М. О. Крыжановская, И. Л. Шершнева. – Москва: Корона-Принт, 1999. – 595 с.
142. Штеменко, С. М. Генеральный штаб в годы войны: в 2 кн. Кн. 1 / С. М. Штеменко. – Москва: Воен. изд-во Минобороны СССР, 1968. – 416 с.
143. Штеменко, С. М. Генеральный штаб в годы войны: в 2 кн. Кн. 2 / С. М. Штеменко. – Москва: Воен. изд-во Минобороны СССР, 1974. – 510 с.
144. Шулейкин, В. В. Дни прожитые / В. В. Шулейкин. – 3-е изд. – Москва: Наука, 1972. – 603с.
145. Щукина, Е. Л. Очерки блокадных дней / редкол. Л. Б. Береговая, Е. Н. Дмитриева и др. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. – 247 с., илл.
146. 900 блокадных дней: Сборник воспоминаний.–Новосибирск:ГП НТБ СО РАН, 2004.–324с.

Научно-методическая литература

147. Волкова, Е. И. Дошкольное воспитание в РСФСР / Е. И. Волкова. // Дошкольное воспитание. – 1948. – №8. – С. 6–20.
148. Воловик, А. Б. Особенности патологии детей Ленинграда за время Отечественной войны / А. Б. Воловик. // Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник II / Ленинградский государственный педиатрический медицинский институт. – Л.: ЛГПМИ, 1946. – С. 95–105.
149. Волчок, С. И. Как уберечь здоровье ребенка в условиях военного времени / С. И. Волчок; под ред. доц. З. Л. Лившица. – Ленинград: Наркомздрав СССР, Медгиз, Лен. отд., 1943. – 22 с.
150. Геннингс, Е. Б. Как знакомить детей с природой: В помощь воспитателю детской площадки / Е. Б. Геннингс; Управление по дошкольному воспитанию НКП РСФСР. – Москва: НКП РСФСР, 1943. – 3 с.
151. Глекель, М. С. Вопросы психиатрической практики военного времени / М. С. Глекель, В. А. Горовой-Шалтан, В. Е. Макаров и др.; под ред. В. П. Осипова. Кафедра психиатрии Военно-медицинской Академии Красной Армии им. С. М. Кирова. – Ленинград: Медгиз, Ленингр. отд., 1941. – 219 с.

152. Дошкольная педагогика / А. М. Леушина, А. И. Сорокина, А. П. Усова; под ред. проф. Ш. И. Ганелина. – Москва; Ленинград: Учпедгиз, 1946. – 364 с.
153. Заозерских, Е. Дошкольные учреждения в дни Отечественной войны: Сборник статей и материалов в помощь дошкольному работнику / Е. Заозерских; Республиканский кабинет по дошкольному воспитанию Марийской АССР. – Йошкар-Ола: Марийск. гос. изд-во, 1942. – 70 с.
154. Зейлигер-Рубинштейн, Е. О. К вопросу о собирании и изучении опыта школы / Е. О. Зейлигер-Рубинштейн. // Ученые записки ЛГПИ. Вопросы педагогики / отв. ред. проф. Е. Я. Голант. – Ленинград, 1941. – Т. XL. – С. 106–140.
155. Интернатная группа дет. сада: Инструктивно-методические указания / сост. Д. С. Марголина. Управление по дошкольному воспитанию НКП РСФСР. – Москва: НКП РСФСР, 1941. – 16 с. [Подп. в печать 25.02.1941].
156. Лурия, А. Р. О патологии грамматических операций / А. Р. Лурия. // Вопросы педагогической психологии / Под ред. чл.-корр. А. А. Смирнова. Вып. 3. – Москва; Ленинград, 1946. – С. 161–98. [В ндзг. Известия АПН РСФСР / Труды НИИ психологии].
157. Лурия, А. Р. К патологии счетных операций / А. Р. Лурия. // Вопросы педагогической психологии / под ред. чл.-корр. А. А. Смирнова. Вып. 3. – Москва; Ленинград, 1946. – С. 181–207. [В ндзг. Известия АПН РСФСР / Труды НИИ психологии].
158. Примерная рабочая программа элективного курса в рамках реализации общеобразовательного блока «Россия – моя история». 2022. Документ зарегистрирован №05-1650 от 20.09.2022 (Минпросвещения России).
159. Радина, Е. Как развивать речь ребенка: в помощь воспитателю ребенка-дошкольника в семье / Е. Радина; Центральный научно-методический кабинет по дошкольному воспитанию. – Москва: Учпедгиз, 1943. – 36 с.
160. Румпф, Г. Мероприятия строительного характера против действия зажигательных бомб / Г. Румпф. // Сборник переводных статей по вопросам строительно-технических мероприятий ПВО. – Москва; Ленинград: Гл. ред. строит. лит-ры, 1937. – С. 96–103.
161. Румпф, Г. Защита от газов. Руководство для пожарных, для горнорабочих, для промышленности и коммунального управления со специальными указаниями по защите от газов гражданского населения в будущей войне / Г. Румпф; пер. с нем. Н. К. Порохина. – Москва: Изд-во НКВД, 1928. – 90 с.
162. Стариков, И. Н. Три года всевобуча в Ленинграде / И. Н. Стариков, Б. Д. Четвериков. – Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1944. – 47 с.

163. Усова, А. П. Забавы и развлечения детей в детском саду и дома: в помощь воспитателю детского сада / А. П. Усова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1944. – 34 с., илл. [Подп. в печать 2.09.1944]

164. Pediatrics and the emotional needs of the child: as discussed by pediatricians and psychiatrists at Hershey, Pennsylvania. March, 6–8, 1947 / Ed. By Helen L. Witmer. – New York: Commonwealth fund, 1948. – 180 p.

Художественная литература, публицистика

165. Адамович, А. Блокадная книга / А. Адамович, Д. Гранин. – Москва: Советский писатель, 1979. – 294 с.

166. Баранов, Н. В. Силуэты блокады: Записки главного архитектора города. Ленинград: Лениздат, 1982. – 175 с.

167. Берггольц, О. Ф. Дневные звезды; Говорит Ленинград; Статьи / О. Ф. Берггольц; сост. М. Берггольц. – Ленинград: Худож. лит., 1985. – 256 с.

168. Береговая, Л. Б. Дыхание Клио / Л. Б. Береговая. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Изд. Газиевой Л., 2014. – 106 с.

169. В боях за Ленинград: Сборник очерков. – Иркутск: ОГИЗ, 1941. – 73 с.

170. Бои за город Тихвин: Статьи. – Москва: Воениздат НКО СССР, 1942. – 29 с.

171. Воронов, Н. И. Мужество ленинградцев войдет в историю / Н. Воронов. – Ленинград: ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. – 32 с.

172. Воронов, Н. И. Подступы к Ленинграду станут могилой для фашистов / Н. Воронов. – Ленинград: ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. – 21 с.

173. Воронов, Н. И. Вся страна с героическим Ленинградом / Н. И. Воронов. – Ленинград: Госполитиздат, 1942. – 44 с.

174. Воротова, М. Н. Родной дом маленьких ленинградцев / М. Н. Воротова. // В заботе о детях. – Орел: Орловская правда, 1957. – С. 7–31.

175. Героическая молодежь Ленинграда на страже города революции: Материалы для докладов и бесед. – Москва: Молодая гвардия, 1942. – 39 с.

176. Героический Ленинград 1917–1942 / под ред. С. И. Авакумова; Ленинградский ин-т ист. ВКП (б). – Ленинград: ОГИЗ, Госполитиздат, 1943. – 288 с.

177. Гинзбург, Л. Я. Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека / Л. Гинзбург; сост., подгот. текста, примеч. и статьи Эмили Ван Баскирк и Андрея Зорина.

– Москва: Новое издательство, 2011. – 600 с.

178. Говоров, Л. А. В боях за город Ленинград / Л. А. Говоров. – Ленинград: Лениздат, 1945. – 88 с.

179. Днепровский, М. Народное образование в Ленинграде: В помощь помощнику пропагандиста и агитатора / М. Днепровский, С. Негинский. – Ленинград: Лениздат, 1947. – 104 с., илл.

180. Женщина в Отечественной войне: Материалы концертной программы / ВДНТ им. Крупской и Отдел распространения Всесоюзного управления по охране авторских прав. – Москва: [б.и.], 1943. – 28 с.

181. Женщины города Ленина. Рассказы и очерки о женщинах Ленинграда в дни блокады / редколл.: А. Ф. Волкова, Т. В. Закржевская, В. М. Инбер [и др.] – Ленинград: Лениздат, 1944. – 181 с., факс.; 15 л. илл., портр.

182. Женщины города Ленина / Е. А. Гилярова, М. Н. Попова, М. Я. Разумова. – Ленинград: Лениздат, 1963. – 408 с.

183. Женщины всего мира на борьбу против фашизма. – Ярославль: [б.и.], 1941. – 30 с.

184. Женщины нашей Родины: Очерки истории. – Новосибирск: [б.и.], 1950. – 143 с.

185. За Родину. За Ленинград / под ред. майора Н. И. Бутина. – Ленинград: Лениздат, 1944. – 130 с., с портр.; 3 л. фронтисп.

186. Инбер, В. Душа Ленинграда / В. Инбер. – Москва: ОГИЗ, Гослитиздат, 1943. – 18 с.

187. Инбер, В. Пулковский меридиан / В. Инбер. – 2-е изд. – Москва: Правда, 1946. – 32 с. [1-е изд. Ленинград: ОГИЗ, Гослитиздат, 1942. 48 с.]

188. Инбер, В. Почти три года. Ленинградский дневник / В. Инбер. – Москва: Советский писатель, 1947. – 295 с.

189. Инбер, В. Рассказы о детях / В. Инбер. – Москва: Правда, 1948. – 40 с.

190. Ленинград / Что читать об обороне Ленинграда: в помощь агитатору ВМФ. – Москва: Гл. Политуправ. ВМФ, 1943. – 96 с.

191. Ленинградцы в дни блокады: Сборник / сост. Э. Корольчук, А. Волкова. – Ленинград: Лениздат, 1947. – 267 с.

192. Матюшина, О. К. Жизнь побеждает / О. К. Матюшина. – Ленинград: Молодая гвардия, 1950. – 284 с.

193. Молодежь Ленинграда: Сборник / редколл.: В. Иванов, Н. Вуколов, Н. Бучурин и др. – Ленинград: Сов. писатель, 1941. – 101 с.

194. Молчанов, А. В. Мы из блокады: Стихи. Воспоминания / А. В. Молчанов. – Санкт-

Петербург: [б.и.], 2007. – 240 с.

195. Молчанов, А. В. Реквием Ленинградским детям. Стихи / А. В. Молчанов. – Санкт-Петербург: Кентавр, 2010. – 32 с. [Каталогизация перед публикацией. РНБ].
196. Мы храним бесценное наследство / авт.-сост. Е. Н. Дмитриева; СПб ГБПОУ «Педагогический колледж №8». – СПб: Изд. Газиева Л., 2014. – 205 с., илл.
197. На фронтовой магистрали. Из опыта работы ленинградских железнодорожников в дни Отечественной войны. Ленинград: Лениздат, 1945. – 107 с.
198. Подвиг Ленинграда: документально-художественный сборник / сост. А. Сапаров. – Москва: Воениздат Минобороны СССР, 1960. – 620 с.
199. Ползикова-Рубец, К. В. Они учились в Ленинграде. Дневник учительницы / К. В. Ползикова-Рубец. – Москва; Ленинград: Детгиз, 1948. – 168 с.
200. Саянов, В. В боях за Ленинград. Записки военного корреспондента / В. Саянов. – Ленинград: ОГИЗ, 1943. – 266 с.
201. Сталева, Т. В. Пусть узнают живущие...: Художественно-документальные очерки / Т. В. Сталева. – Москва: Изд-во МПИ, 1991. – 176 с.
202. Сталева, Т. В. Блокадных детей просветленные лица: Художественно-документальные очерки / Т. В. Сталева. – Москва; Торопец: РИТА, 2010. – 240 с.
203. Сталева, Т. В. Особый витамин блокады: О книгах и книжниках блокадного Ленинграда / Т. В. Сталева. – Москва: Собрание, 2017. – 200 с.
204. Тихонов, Н. С. Ленинград принимает бой: Очерки / Н. С. Тихонов. – Ленинград: Отд. Воениздата НКО СССР при Ленингр. Фронте, 1942. – 21 с.
205. Тихонов, Н. Героическая защита Ленинграда / Н. С. Тихонов. – Москва: ОГИЗ, Госполитиздат, 1943. – 24 с.
206. Фадеев, А. А. Ленинград в дни блокады. Из дневника / А. А. Фадеев. – Москва: Советский писатель, 1944. – 145 с.
207. Федоров, Е. Ледовая дорога. Записки командира / Е. Федоров. – Ленинград: Госполитиздат, 1943. – 160 с.
208. Худякова, Н. Д. За жизнь ленинградцев. Помощь комсомольцев населению Ленинграда в блокадную зиму 1941–1942 годов / Н. Д. Худякова. – Ленинград: Лениздат, 1948. – 100 с.
209. Шварц, Е. Сказки / Е. Шварц. // Ленинград. – 1941. – №16. – С. 4–5. [Подп. в печать 26.08.1941].
210. Шварц, Е. Три сказки / Е. Шварц. – Москва: Гос. изд-во детской лит-ры, 1945. – 39 с.
211. Шварц, Е. Дракон / Е. Шварц; Всесоюзное Управление по охране авторских прав. –

Москва: [б.и.], 1944. – 51 с.

212. Шварц, Е. Сказка о потерянном времени / Е. Шварц. – Москва; Ленинград: Детгиз, 1948. – 24 с.
213. Шварц, Е. Л. Тень и другие пьесы / Е. Шварц. – Ленинград: Советский писатель, 1956. – 367 с.
214. Шкроб, М. А. А П. Воспоминания, суждения, парадоксы / М. А. Шкроб. – Санкт-Петербург: Бип, 2003 – 72 с.
215. Heroic Leningrad / Documents, sketches and stories of its siege and relief. – Moscow: Foreign languages publishing house, 1945. – 152 p.
216. Maurer, R. Child Care in the Soviet Union / by Rose Maurer. – New York: The National Council of American-Soviet Friendship, 194[?] – 48 p.
217. The defence of Leningrad. Eye-witness Accounts of the Siege/ By N. Tikhonov and others. – London; New York; Melbourne. [194.].

Изобразительное искусство

218. Гальба, В. Блиц-крик и Фриц-Вой. Карикатуры Вл. Гальба / В. Гальба. – Ленинград; Москва: Искусство, 1944. – 68 с. [Имеется электронный ресурс]
219. Голубева, Э. И. Рисуют дети блокады / Э. И. Голубева, А. А. Крестинский. – Ленинград: Аврора, 1969. – 77 с., илл.
220. Город-герой Ленинград. Каталог выставки /Санкт-Петербургское бюджетное учреждение культуры «Центральный выставочный зал “Манеж”». – Санкт-Петербург: АНО «Свободные художники», 2024.
221. Фронтовой рисунок 1941–1945: каталог коллекции / отв. рук. М. Н. Третьякова, авт.-сост. Е. А. Харалашова – Санкт-Петербург: Государственный Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, 2017 – 208 с., илл.

Документально-публицистические фильмы

222. Дорогой жизни в Санаин. 1942. (Е. Додзина, 2024) [док. фильм] / Трейлер. – Время воспроизведения: 02:47. – URL: https://yandex.ru/video/touch/preview/4039946111455180483/ (дата публикации: 27.03.2024).

223. Ленинградские дети. Путь домой. (М. Кузовенков, М. Арманд; науч. консультанты Д. Асташкин, Л. Газиева, 2024) [док. фильм] / Трейлер. – Время воспроизведения: 01:10. – URL: https://t.me/Russiacultura/9932/ (дата публикации: 19.04.2025).
224. Право на жизнь. 1-3 серии. (Ю. Дружинин; науч. консультант Л.Газиева, 2021) [док.-публ. фильм] / Санкт-Петербург: [телеканал]. – Время воспроизведения: 1:15:29. – URL: https://topspb.tv/programs/1266/ (дата публикации: 8.09.2021).

III. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Периодические издания

1. Дошкольное воспитание (Орган Наркомпроса РСФСР, Москва, Молотов). 1941–1988.
2. Известия ЦК КПСС (Орган ЦК КПСС, Москва), 1989–1991.
3. Ленинградская правда (Орган Ленинградского горкома и обкома ВКП (б), Ленинград). 1941–1944.
4. Мурзилка (Орган ЦК ВЛКСМ, Москва). 1941–1943.
5. Начальная школа (Орган Наркомпроса РСФСР, Москва). 1941–1943.
6. Педиатрия (Орган Наркомздрава СССР, Москва). 1941–1943.
7. Советская педагогика (Орган Наркомпроса РСФСР, с 15 декабря 1943 г. орган АПН РСФСР, Москва). 1941–1943.
8. Советская медицина (Орган Наркомздрава СССР, Москва). 1942–1943.

Продолжающиеся издания

9. Бюллетень Ленинградского городского совета депутатов трудящихся (Орган Ленгорисполкома депутатов трудящихся, Л.). 1941–1943.
10. Вопросы педагогической психологии (Известия АПН РСФСР / Труды научно-исследовательского института психологии АПН РСФСР, М. – Л.). 1945, 1946.
11. Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда (Труды гос. педиатрического мединститута, Л.). 1944, 1946.
12. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР (Орган СНК СССР, М.). 1941–1943.
13. Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР

(Орган СНК РСФСР, М.). 1941–1943.

14. Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР (Орган Наркомпроса РСФСР, М.). 1941. №1– 16.
15. Учебно-воспитательная работа в детских домах (Бюллетень Наркомпроса РСФСР / Научно-практический институт детских домов НКП РСФСР, М.). 1942. №1– 2.
16. Ученые записки (Орган Ленинградского Пединститута им. А. И. Герцена, Л., Кыштым). 1941–1944.

IV. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАЯ, СПРАВОЧНАЯ, УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. – Москва: Советская энциклопедия, 1985. – 832 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. – Москва: Воениздат; Кучково поле, 2011–2015.
3. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945. Аннотированный каталог: в 2 т. Т. 1. 1941–1943. – Москва: Политическая энциклопедия, 2015. – (70 лет Победы в Великой Отечественной войне). – 1222 с.
4. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945. Аннотированный каталог: в 2 т. Т. 2: 1944–1945. – Москва: Политическая энциклопедия, 2015. – (70 лет Победы в Великой Отечественной войне). – 1342 с.
5. Забота об инвалидах войны и семьях военнослужащих. Аннотированный список литературы / П. Б. Захаревич. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. – Москва: [б.и.], 1944. – 13 с.
6. Кожевников, Ф. И. Учебное пособие по международному публичному праву. Вып.1. История и понятие международного права / Ф. И. Кожевников. – Москва: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1945. – 47 с.
7. Кожевников, Ф. И. Учебное пособие по международному публичному праву. Вып.4. Война и международное право / Ф. И. Кожевников. – Москва: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1945.– 55с.
8. Ленинградская битва. // Советский энциклопедический словарь. – Москва: Изд-во «Советская энциклопедия». – 1980. – С. 708.
9. Оппенгейм, Л. Международное право. Т. I. Мир. Полутом 1 / Л. Оппенгейм. – Москва: Изд-во ин. лит-ры, 1948. – 408 с.

10. Оппенгейм, Л. Международное право. Т. I. Мир. Полутом 2 / Л. Оппенгейм. – Москва: Изд-во ин. лит-ры, 1949. – 548 с.
11. Оппенгейм, Л. Международное право. Т. II. Споры. Война. Полутом 1 / Л. Оппенгейм. – Москва: Изд-во ин. лит-ры, 1949. – 440 с.
12. Оппенгейм, Л. Международное право. Т. II. Война. Нейтралитет. Полутом 2 / Л. Оппенгейм. – Москва: Изд-во ин. лит-ры, 1950. – 499 с.
13. Очерки истории Ленинграда: В 4 т. / Отв. ред. М.П. Вяткин; Акад. Наук СССР. Ин- истории. Т.1-. Т.5: Период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ие, 1967. – 748 с.
14. Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова. Биографический словарь профессоров за 120 лет / под ред. С. Ф. Багненко, Э. Э. Звартау, Н. Н. Петрищева. – Санкт-Петербург: Премиум-Пресс, 2017. – 310 с.
15. Рабин, А. Э. Женщина в стране социализма: Краткий указатель литературы / А. Э. Рабин. – Ленинград: [б.и.], 1940. – 24 с.
16. Руководство блокадного Ленинграда: справочник / отв. ред. К. А. Болдовский. – Санкт-Петербург.: Наука, 2025. – 359 с.
17. Сборник законов СССР и Указов Президиума Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.). – Москва: Гос. изд-во юр. лит-ры, 1956. – 511 с.
18. Советское общество в воспоминаниях и дневниках: Библиографический указатель / Издательство Российской государственной библиотеки. Т. 6. Культура. Наука. Просвещение. – Москва: Индрик, 2006. – 601 с.
19. Советское общество в воспоминаниях и дневниках: Библиографический указатель / Издательство Российской государственной библиотеки. – Москва: Книжная палата, 1990. – Т. 2. – 353 с.
20. Справочник для высших штабов на военное время. Устав немецкой армии. №92. Часть I: сокр. пер. с нем. – Москва: Воениздат, 1946. – 76 с.
21. Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников / Прокуратура СССР и Мин-во юстиции СССР; под общ. ред. Г. Н. Сафонова; Прокуратура СССР и Мин-во юстиции. Т. 1, 3. – Москва: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. [Имеется электронный ресурс].
22. СССР в цифрах в 1980 году. Краткий статистический справочник / ЦСУ СССР. – Москва: Финансы и статистика, 1981. – 224 с.
23. Сталинские премии. Справочник. – Москва: Советская наука, 1945. – 178 с.
24. Творцы Ленинградской Победы: Военный биографический словарь / под ред. Э. Л.

Коршунова. – Санкт-Петербург: Галарт, 2025. – 480 с.

V. МОНОГРАФИИ, СТАТЬИ, СБОРНИКИ

1. Абракова, Т. А. Современная историография о новых источниках для изучения настроений Советского общества в годы Великой Отечественной войны / Т. А. Абракова. // Начало Великой Отечественной войны: уроки истории. Взгляд из XXI века. Материалы Международной научно-практической конференции с участием студентов. – 2016. – С. 56–60.
2. Агафонов, Н. Ратные подвиги православного духовенства / Н. Агафонов. – Москва: Благовест, 2013. – 352 с.
3. Альшиц, Д. Н. За нами был наш гордый город. Подвигу Ленинграда – правдивую и достойную оценку / Д. Н. Альшиц. – Санкт-Петербург: Наука, 2010. – 404 с.
4. Амосова, А. А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова, 1937–1950 / А. А. Амосова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. – 261 с.
5. Амосова, А. А. Второй секретарь Ленинградского городского комитета ВКП(б) Я. Ф. Капустин и трагедия его семьи (по материалам «Ленинградского дела») / А. А. Амосова. // Вестник СПбГУ. – Сер.2. – 2014. – Вып. 4. – С. 35–46.
6. Артизов, А. Н. Общественная миссия российских архивов / А. Н. Артизов // Отечественные архивы. – 2014. – №5. – С. 3–11.
7. Баева, Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Монография. – Астрахань: Изд-во Астраханского государственного университета, 2004. – 279 с.
8. Байдаков, П. М. Деятельность политорганов и партийных организаций железнодорожных войск Ленинградского фронта в период обороны города Ленинграда (июнь 1941 – январь 1944 гг.) / П. М. Байдаков, В. В. Яробков. – Л., 1971. – 59 с.
9. Базовский, В. Н. Самое дорогое. Документальное повествование об А. А. Кузнецове / В. Н. Базовский, Н. Д. Шумилов. – Москва: Изд-во полит. лит-ры, 1985. – 238 с.
10. Барскова, П. «Автопортрет перед смертью»: Воспроизведение блокадной личности посредством гибридного дневника. – URL:https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/9fde71a6adc6a3efc4273d23643814932fed917.pdf/ (дата обращения: 17.04.2019).
11. Барышников, Н. И. Маннергейм и блокада Ленинграда / Н. И. Барышников. // Петербургские чтения – 98-99 / Энциклопедическая библиотека «Санкт-Петербург – 2003». – СПб., 1999. – С. 439–443.

12. Баскирк ван, Э. Лидия Гинзбург и постиндивидуалистический человек: Теории ленинградской блокады. – URL:https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/61f0b72a2785b5fa63eded30ac4617f760f489fd.pdf. (дата обращения: 17.04.2019).
13. Белозеров, Б. П. Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада) / Б. П. Белозеров. – Санкт-Петербург: Издательский дом: Агентство «РДК-принт», 2001. – 319 с.
14. Белозеров, Б. П. Ленинград сражающийся. 1941 / Б. П. Белозеров. – Санкт-Петербург: Общество "Знание", 2016. – 456 с.
15. Белозеров, Б. П. Войска и органы государственной безопасности в борьбе с националистическим подпольем в 1941–1945 годах / Б. П. Белозеров. // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию Российской полиции). – Санкт-Петербург, 2017. – С. 268–272.
16. Белозеров, Б. П. Дети блокадного Ленинграда: проблемы спасения и защиты // Беспризорность и безнадзорность в России. История и современность. Научно-практическая конференция (28 октября 2008 года) [Электронный ресурс] // URL: https://spbarchives.ru/conferences_2/asset_publisher_web_portlet//pM3V/content/id/15786? (дата обращения: 05.04.2026).
17. Беляев, А. Н. Местная противовоздушная оборона Ленинграда в годы Великой Отечественной войны / А. Н. Беляев. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1975. – 144 с.
18. Бернев, С. К. Несостоявшийся губернатор Ленинграда / С. К. Бернев. // Родина. – 2009. – №11. – С. 80–82.
19. Бибиков, Ю. Глава VII. Ленинградские профсоюзные организации в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 года – 1945 год) / Ю. Бибиков, С. Москалев. // Они же. Профсоюзы Ленинграда в годы Советской власти. 1917–1959. – Москва: Профиздат, 1960. – С. 110–133.
20. Битва за жизнь: Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала блокады Ленинграда / сост. Л. А. Наливкин; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – Санкт-Петербург: [б.и.], 2007. – 64 с., илл.
21. Битва за Ленинград – всенародная победа: сборник материалов II Санкт-Петербургского Международного исторического форума. – СПб.: Свое издательство, 2023 – 178 с.
22. Битва за Ленинград. 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной

войне/ред. колл.: А. Х. Даудов и др.– Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019.–312 с.

23. Блокадная педагогика / И.А. Колесникова, Н. В. Груздева, Л. В. Дербилова. – СПб.: Изд-во «Росток», 2022. – 556 с.
24. Блокадники возмущены публикацией об осажденном Ленинграде в журнале Гардиан. // Life.ru.[Сайт]. – URL:https://life.ru/t/life78/952561/blokadniki_vozmushchieny_publikatsiiei_ob_osazhdionnom_lieninghradie_v_zhurnalie_the_guardian/ (дата обращения: 06.01.2017).
25. Блюм, А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора 1929–1953 / А. В. Блюм. – Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000. – 311 с.
26. Богданов, И. А. Ленинградская блокада от А до Я / И. А. Богданов. – Санкт-Петербург: Кентавр. 2010. – 416 с.
27. Бойков, А. А. Скорая медицинская помощь в Санкт-Петербурге. 1899 – 2019. / А. А. Бойков, А. З. Ханин, Е. И. Колчина и др. – Санкт-Петербург: б/и, 2019. – 551 с.
28. Болдовский, К. А. Контроль и ответственность: за что наказывали руководителей в блокадном Ленинграде / А. Болдовский. // Новейшая история России. – 2025. – Т.15, №2. – С. 345–357.
29. Болдовский, К. А. Партийный аппарат Ленинграда как элемент управленческой структуры города периода блокады / К. А. Болдовский. // Петербургский исторический журнал. – 2020. – №3. – С. 201–215.
30. Болдовский, К. А. Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания / К. А. Болдовский, Д. Бранденбергер. // Новейшая история России. – 2019. – Т.9, №4. – С. 993–1026.
31. Болдовский, К. А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела» / К. А. Болдовский. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. – 312 с.
32. Болдовский, К. А. «В своем кругу...»: стенограммы заседаний бюро ленинградского горкома ВКП(б) как источник по истории блокады Ленинграда / К. А. Болдовский. // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век: Сб. статей / отв. ред. М. В. Ходяков; отв. сост. А. А. Иванов. – Санкт-Петербург: Лема, 2018. – С. 242–255.
33. Болдовский, К. А. Горком ВПК(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны / К. А. Болдовский. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. – 2016. – №2. – С. 61–71.
34. Борисов, С. Б. Андрей Александрович Жданов: Опыт политической биографии / С. Б.

Борисов. – Шадринск: Исеть, 1998. – 36 с.

35. Бубличенко, В. Н. Документы Госархива Российской Федерации и региональных архивов о детских трудовых колониях на Европейском Севере России в 1943–1945 гг. / В. Н. Бубличенко. // Отечественные архивы. – 2015. – №2. – С. 57–62.
36. Будко, А. А. Медицинское снабжение и военная фармация Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / А. А. Будко, В. И. Гегелашвили, В. П. Лапин и др. – СПб.: ВМедА, ВММ МО РФ, 2001.
37. Букренева, К. Г. Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны / К. Г. Букренева. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. – 205 с.
38. Букренева, К. Г. К вопросу о численности детей в Ленинграде в условиях начавшейся блокады / К. Г. Букренева, Л. В. Алексеева. // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сборник статей. Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук. – 2016. – С. 55–60.
39. Буранок, С. О. Блокада Ленинграда в оценках прессы США / С. О. Буранок, Д. В. Суржик, Я. А. Левин. // Вестник ВолГУ. – Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24. – №1. – С. 123–129.
40. Буров, А. В. Блокада день за днем / А. В. Буров. – изд. 2-е, перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Геликон Плюс, 2011. – 688 с.
41. Бякина, В. П. Правовая политика Советского государства в области охраны здоровья населения (1940–1950) / В. П. Бякина, Т. В. Давыдова. – Санкт-Петербург: РИЦ ПСПбГМУ, 2017. – 216 с.
42. Бякина, В. П. 1 ЛМИ в годы блокады: «Цель №89» / В. П. Бякина, И. В. Зимин. // Ученые Записки СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова. – Том XV. – 2008. – №4. – С. 5–10.
43. Ваксер, А. З. Политические и экономические катаклизмы в России XX века и население Петрограда – Ленинграда – Санкт-Петербурга / А. З. Ваксер // Россия в XIX – XX веках. Сб. статей к 70-летию Р. Ш. Ганелина. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 349.
44. Василик, В. В. Патриотическое служение духовенства в годы блокады // Ленинградская битва сквозь призму времени. Материалы научной конференции и «круглого стола», состоявшихся в музее в 2011 году / ред.-сост. Л. А. Наливкин; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – Санкт-Петербург: [б.и.], 2011. – С. 120–121.
45. Васильев Ю. А. Судьбы руководителей комсомола в истории «Ленинградского дела» / Ю.

А. Васильев. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Отечественная история. – 2019. – №4 (181). – С. 56–65.

46. В годы суровых испытаний: Ленинградская партийная организация в Великой Отечественной войне / А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, А. П. Крюковских [и др.] – Ленинград: Лениздат, 1985. – 422 с.
47. Великая Отечественная война: к 70-летию народной Победы. Материалы международной научной конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в памяти народа и документах Архивного фонда Российской Федерации и зарубежных архивов. Проблемы изучения и публикации». Москва, 15 апреля 2015 г. / отв. ред. Е. И. Пивовар; сост. И. А. Анфертьев. – Москва: РГГУ, 2015. – 929 с.
48. Верт, А. Россия в войне 1941–1945: пер. с анг. / А. Верт. – Москва: Алгоритм; Эксмо, 2003. – 734 с.
49. Верт, А. Избранное. Т. 9: Москва'41; Ленинград / А. Верт. – Санкт-Петербург: Центр обслуживания и информации, 2016 – 408 с.
50. Война и блокада. Сборник памяти В. М. Ковальчука. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. – 384 с., илл.
51. Война и блокада Ленинграда в коллекциях музеев и библиотек. – Санкт-Петербург: Борей Арт, 2007. – 154 с.
52. Волынец А. Н. Жданов / А. Н. Волынец. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 619 с.
53. Восканян, Э. А. Научное хирургическое общество и ассоциация врачей хирургического профиля на Кавказских минеральных водах: от истоков до наших дней / Э. А. Восканян, В. Л. Околов. // Медицина. – 2011. – №2. Июнь. – С. 8–10.
54. Воспитательная работа в старшей группе детского сада и подготовка детей к школе: Метод. указания / Управление по дошкольному воспитанию НКП РСФСР. – Москва: НКП РСФСР, 1943. – 24 с.
55. Гаврилова О. А. Столовые повышенного типа в блокадном Ленинграде: Организация и деятельность (1942 г.) / О. А. Гаврилова, Е. Д. Твердюкова // Новейшая история России. – 2025. – Т.15, №1. – С. 68–85.
56. Гаврилова, О. А. Организация общественного питания в блокадном Ленинграде / О. А. Гаврилова. // Битва за Ленинград. 1941–1944: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. – С. 155–160.
57. Гаврилова О. А. Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941-1943 гг. / О. А. Гаврилова, М. В. Ходяков // Новейшая история России. – 2016. – №2.

– С. 44–67.

58. Гегель, Г. -В. Энциклопедия философских наук. Философия духа. Т. 3 / Г.-В. Гегель. – Москва: Мысль, 1977. – 471 с.
59. Гладких, П. Ф. Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944) / П. Ф. Гладких. – Москва: Медицина, 1985. – 272 с.
60. Гладких, П. Ф. Охрана детства в блокированном Ленинграде / П. Ф. Гладких. // Педиатрия. – 1968. – №4. – С. 56–59.
61. Гладких, П. Ф. Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941–1944 гг. / П. Ф. Гладких. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. – 520 с.
62. Гладких, П. Ф. Очерки истории отечественной военной медицины. Служба здоровья в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. / П. Ф. Гладких, А. Е. Локтев. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2005. – 720 с.
63. Глухов, В. В. Продовольственная политика в блокадном Ленинграде (1941 – 1944 гг.) / В. В. Глухов, Е. Е. Красноженова, С. В. Кулик // Вопросы истории. – 2021. – №10-1. С. 4–15.
64. Голдман, В. З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии. (1917–1937) / В. З. Голдман. – Москва: РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 358 с.
65. Голдман, В. Не хлебом единым: продовольствие, рабочие и государство / В. Голдман. // СССР во Второй мировой войне: оккупация, холокост, сталинизм. – Москва: РОССПЭН, 2014. – С. 221–249.
66. Голотюк, В. Л. Организационные мероприятия по укреплению противовоздушной обороны страны в 1941–1943 гг. / В. Л. Глотюк, А. Ю. Лашков. // Военно-исторический журнал. – 2016. – №5. – С. 35–39.
67. Горьков, Ю. А. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы / Ю. А. Горьков. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 572 с.
68. Гракина, Э. И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва: ИРИ, 2000. – 386,[2] с.
69. Гриднев, В. П. Мемуары как источник изучения битвы за Ленинград / В. П. Гриднев. // Управленческое консультирование. – 2018. – №5. – С. 162–171.
70. Гриднев, В. П. Военные Советы в битве за Ленинград / В. П. Гриднев, И. В. Политов. // Управленческое консультирование. – 2017. – №7. – С. 143–152.
71. Гриднев, В. П. Военный Совет обороны города в битве за Ленинград / В. П. Гриднев //

Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2017. – Т. 8. №3 (30). – С.154–156.

72. Гриднев, В. П. Ленинградская милиция на защите города / В. П. Гриднев // 75-летию Победы великого народа посвящается: Люди. События. Факты / Евразийский научно-методический центр. – 2020. – С. 47–51.
73. Гутман, М. Ю. Правовое регулирование и деятельность милиции Ленинграда по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в условиях блокады (1941–1944 гг.) / М. Ю. Гутман, А. В Панфилец. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – №1. – С. 28–33.
74. Даев, В. Г. Педагоги блокадной поры: по архивам ленинградских учреждений / В. Г. Даев. – Санкт-Петербург: Сударыня, 1998. – 84 с.
75. Даудов, А. Х. Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны / А. Х. Даудов, Ю. М. Кунцевич, М. В. Ходяков; под общ. ред. Н. М. Кропачева. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. – 339 с.
76. Дважды Краснознаменный Балтийский флот. – Москва: Воениздат, 1978. – 335 с.
77. Дворянский, Е. В огненном кольце / Е. Дворянский, А. Ярошенко. – Таллинн: Ээсти раамат, 1977. – 240 с.
78. де Граффенрид, Дж. Мобилизуя юность: труд советских детей в военное время / Джули де Граффенрид. // Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / ред. Б. Физелер, Р. Д. Марквик. – Москва: РОССПЭН, 2019. – С. 126–147.
79. де Граффенрид, Дж. Рисуем детство в Великую Отечественную войну: оформление обложки и детские журналы, 1941-1945 гг. / Джули де Граффенрид. // Конструируя детское: филология, история, антропология / Под ред. М. Балиной, В. Безрогова, С. Г. Маслинской, К. А. Маслинского, М. В. Тендряковой, С. Шеридана. – Москва; Санкт-Петербург: «Азимут»; Нестор-История, 2011. – С. 352–368.
80. Дегтев, Д. М. Воздушная битва за город на Неве / Д. М. Дегтев, Д. В. Зубов. – Санкт-Петербург: Центрполиграф, 2014. – 285 с.
81. Демидов, В. И. Андрей Жданов. Очерки политической биографии / В. И. Демидов, В. А. Кутузов, А. В. Кутузов. Санкт-Петербург: СПб академия Следственного комитета, 2017. – 128 с.
82. Де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. [Электронный ресурс] // URL: https://m.vk.com/wall-68638203_1851/ (дата обращения 12.01.2023).

83. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / Е. Ф. Кринко, М. А. Рыблова, Т. П. Хлынина [и др.]; Южный научный центр РАН. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. – 336 с.
84. Дзенискевич, А. Р. Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре / А. Р. Дзенискевич. – Санкт-Петербург: Нестор, 1998. – 138 с.
85. Дзенискевич, А. Р. Военная пятилетка рабочих Ленинграда / А. Р. Дзенискевич. – Ленинград: Лениздат, 1972. – 215 с.
86. Дзенискевич, А. Р. На грани жизни и смерти. Работа медиков-исследователей в осажденном Ленинграде / А. Р. Дзенискевич. – Санкт-Петербург: Нестор, 2002. – 287 с.
87. Дзенискевич, А. Р. Накануне и в дни испытаний (Ленинградские рабочие в 1938–1945 гг.) / А. Р. Дзенискевич; отв. ред. В. М. Ковальчук. – Ленинград: Наука, Лен. отд-ие, 1990. – 199 с.
88. Диалог о книге. Г. Л. Соболев «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде». // Российская история. – 2019. – №3. – С. 150–169.
89. Дмитриева, Н. В. Продовольственное обеспечение блокадного Ленинграда в стенограммах сообщений сотрудников пищевых предприятий города 1942 – 1945 годов // Новейшая история России. – 2025. – Т. 15, №4. – С.822 – 836.
90. Домашняя повседневность населения России: история и современность. Материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веременко. Т. 1. – СПб: Медиапапир, 2022. – С. 24. [Имеется электронный ресурс]
91. Дудников А. А. Деятельность местных Советов депутатов трудящихся по осуществлению представительских функций (1945–1953) / А. А. Дудников. // Общество и право. – 2013. – №3(45). – С. 50–53.
92. Дунбинская, Т. И. Статистика эвакуированных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) / Т. И. Дунбинская. // Вестник ТПГУ. – Томск, 2011. – №13. – С. 46–51.
93. Дюков, А. Р. Нацистская идеология и планирование войны на уничтожение Советского Союза / А. Р. Дюков // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2021. – №2. – С. 6–69
94. Емелин, С. М. Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / С. М. Емелин. // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №5. – С. 17–24.

95. Емелин, С. М. Историко-правовые основы организации и деятельности органов внутренних дел на Южном Урале в 1939–1953 гг.. В 2-х частях. Часть 2. – Уфа.: УЮИ МВД России, 2013. – 193 с.
96. Ежов, В. А. Рабочие Ленинграда в борьбе за восстановление города (1944–1945) / В. А. Ежов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1961. – 106 с.
97. Ежов, В. А. Идет война народная, священная война / В. А. Ежов. // Слово о комсомолии Ленинграда. Краткие очерки из истории Ленинградской организации ВЛКСМ / сост. З. М. Иванова, Л. Р. Клецкий. – Ленинград: Лениздат, 1965. – С. 200–235.
98. Ежов, М. В. Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: Опыт, проблемы, уроки / М. В. Ежов. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та экономики и финансов, 1993. – 158 с.
99. Ежов, М. В. Духовный подвиг защитников Ленинграда / М. В. Ежов, М. И. Фролов. – Санкт-Петербург: Знание, 2010. – 188 с.
100. Ершова, И. Н. М. А. Мессель и его вклад в развитие Скорой медицинской помощи Петрограда – Ленинграда в 1922 – 1973 годы / И. Н. Ершова, А. А. Бойков, И. М. Барсукова; под ред проф. В. Е. Парфенова, И. А. Вознюка // ГБУ «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт скорой помощи им. И.И. Джанелидзе». – СПб., 2015. – 128 с.
101. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 / под ред. Н. С. Конарева; Министерство путей сообщения СССР. 2-е изд., дополненное – Москва: Транспорт, 1987. – 590 с.
102. Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей / под ред. В. П. Бякиной, И. В. Зимина. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГМУ. 2015. – 92 с.
103. Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект / Барбер Д., Белозеров Б. П. и др. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001. – 265 с.
104. Жизнь и быт блокированного Ленинграда: Сборник научных статей / отв. ред. Б. П. Белозеров; СПбГУ. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010. – 332 с.
105. Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект: Материалы международной научной конференции / редкол. Дж. Д. Барбер, А. Р. Дзенискевич (отв. ред.), И. М. Козлов, Н. Ю. Черепенина. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2001. – 162 с.
106. Жиромская, В. Население России в 1939–1945 гг. / В. Жиромская, В. Исупов, Г. Корнилов. // Российская история. – 2019. – №3. – С. 3–17.
107. Жмакин, И. А. Ленинградский стоматологический институт в годы Великой

Отечественной войны / И. А. Жмакин. // Верхневолжский медицинский журнал. – 2020. – Т.19, вып. 2. – С. 3–13.

108. Жуков, Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933 – 1937 гг. / Ю. Н. Жуков. – Москва: Концептуал, 2019. – 370 с.

109. Злепко, А. В. Вклад З. В. Еромольевой в предотвращение эпидемии холеры на Сталинградском фронте в годы Великой Отечественной войны / А. В. Злепко, М. Н. Скаковский, О. А. Сукачева. // Здоровье населения и среда обитания. – 2017. – №4. – С. 4–6.

110. Зотова, А. В. Материальное стимулирование советской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны / А. В. Зотова. // Интеллигенция и мир. – 2014. – №3. – С. 33–42.

111. Зотова, А. В. Народное хозяйство Ленинграда / А. В. Зотова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУТ им. проф. Бонч-Бруевича, 2015. – 196 с.

112. Зотова, А. В. О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда / А. В. Зотова. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2013. – №6. – С. 26–28.

113. Зотова, А. В. Советские банки в годы Великой Отечественной войны / А. В. Зотова. // Вопросы истории. – 2016. – №5. – С. 103–112.

114. Зотова, А. В. Экономика блокады / А. В. Зотова. – Санкт-Петербург: Остров, 2016. – 320 с.

115. Иванов, В. А. Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / В. А. Иванов. // Новейшая история. – 2013. – №2. – С. 48–69.

116. Иванов, В. А. Человек и какофония начавшейся войны (лето – осень 1941 г.): новые источники и попытки осмысления / В. А. Иванов. // Новейшая история России. – 2016. – №2. – С. 31–40.

117. Изонов, В. В. О некоторых вопросах истории начального периода Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. / В. В. Изонов. // Вестник СПбГУ. – Серия 2: История. – 2016. – Вып.2. – С. 37–51.

118. Изучение истории Отечества. Современное состояние, новые подходы и методология: сборник материалов III Санкт-Петербургского Международного исторического форума. – СПб.: Свое издательство, 2024. – 156 с.

119. Иванов, Д. В. Некоторые вопросы нормативного регулирования паспортного режима в Ленинграде в 1940-е – начале 1950-х гг. / Д. В. Иванов. // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – №1 (38). – С. 313–315.

120. Исаков, В. М. НКВД и милиция Советского государства в условиях военного и

послевоенного времени (1941–1950 гг.) / В. М. Исаков, Е. В. Мельник. // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – №9. – С. 14–17.

121. Искусство непокоренного Ленинграда в годы блокады: сборник статей. Ч. 1 / Правительство Санкт-Петербурга; [автор идеи Т. А. Пострелова]; отв. ред. Б. П. Белозеров. – Санкт-Петербург: Культурно-просветительское товарищество, 2015. – 561 с.
122. Историк Никита Ломагин. «Каннибалы и преступники в блокаду дневников не вели» // Фонтанка. – URL: http://www.fontanka.ru/2016/12/29/155/ (дата обращения: 06.01.2017).
123. Кантор, Ю. З. Эвакуация ленинградских музейных экспонатов летом 1941 г. / Ю. З. Кантор. // Эхо веков. – 2021. – №2. – С. 20–30.
124. Кантор, Ю. З. Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. / Ю. З. Кантор. – Москва: Политическая энциклопедия, 2017. – 334 с.: ил.
125. Кантор, Ю. З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20 – 30-х годов / Ю. З. Кантор. – Москва: Политическая энциклопедия, 2014. – 383 с.
126. Карасев, А. В. Ленинградцы в годы блокады / А. В. Карасев; отв. ред. ген.-лейт. С. В. Рогинский. – Москва: АН СССР, 1959. – 315 с., илл.
127. Карпенко, И. А. Социально-бытовые аспекты процесса реэвакуации гражданского населения в Ленинград. 1943–1946 гг. / И. А. Карпенко. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. – 2006. – №4. – С. 177–181.
128. Карташев, А. В. Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны / А. В. Карташев. // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – Вып. 2. – С. 73–79.
129. Киличенков, А. А. «Советский тыловой фронт»: к выходу в свет монографии Вэнди Голдман и Дональда Филцера о Великой Отечественной войне / А. А. Киличенков, К. Дж. Сторэлла // Новый исторический вестник. – 2023. – №1(75). С. 124–146. [Имеется электронный ресурс]
130. Ковалев, Б. Н. Человеческий фактор государственной безопасности в условиях Ленинградской битвы (1941–1944) // Петербургский исторический журнал. – 2022. – №2 (34) – С. 191–200.
131. Ковалев, Б. Н. Детские дневники как источник по истории блокады Ленинграда. // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2022. – №4 (43). – С. 417–421.
132. Ковалев, Б. Н. Депортация мирного населения на оккупированной территории Северо-Запада России (1941–1944) // Журнал Российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2021. – №2 (25). – С. 255–271.

133. Ковалев, Б. Н. Гитлеровские преступления с признаками геноцида 1941–1944 гг. (на примере Чудовского района Ленинградской области). / Б. Н. Ковалев, С. В. Кулик. // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2020. – №7 (32) – С. 11.
134. Ковальчук, В. М. Дорога Победы осажденного Ленинграда: железнодорожная магистраль Шлиссельбург – Поляны в 1943 г. / В. М. Ковальчук. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ие, 1984. – 213 с.
135. Ковальчук, В. М. Ленинград и Большая Земля: История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941–1943 гг. / В. М. Ковальчук. – Ленинград: Наука, 1975. – 328 с.
136. Ковальчук, В. М. Ленинград в годы войны. 1941–1944. Воспоминания. Фотографии. Документы / В. М. Ковальчук, А. Н. Чистиков. – Санкт-Петербург: Спас, 2013. – 240 с.
137. Ковальчук, В. М. Ленинградский реквием (о жертвах населения Ленинграда в годы войны и блокады) / В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев. // Вопросы истории. – 1965. – №12. – С. 191–197.
138. Ковальчук, В. М. Магистрали мужества. Коммуникации блокированного Ленинграда. 1941–1943 гг. / В. М. Ковальчук. – Санкт-Петербург: Вести, 2001. – 518 с., илл.
139. Ковальчук, В. М. 900 дней блокады. Ленинград, 1941–1944 / В. М. Ковальчук. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2005. – 234 с.
140. Козлов, Н. Д. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной Войны. Некоторые аспекты современной российской историографии / Н. Д. Козлов. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 4. – №2. – С. 93–110.
141. Кольцов, А. В. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943) / А. В. Кольцов. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. – 143 с.
142. Комаров, Н. Я. «Государственный Комитет постановляет…»: Документы. Воспоминания. Комментарии / Н. Я. Комаров. – Москва: Воениздат, 1990.
143. Комаров, Н. Я. Феномен блокадного Ленинграда / Н. Я. Комаров. – Москва: Кучково поле; М/н благ. фонд «Живая память», 2008. – 592 с.
144. Комаров, Н. Я. Блокада Ленинграда: 900 героических дней. 1941–1944. Исторический дневник. Комментарии / Н. Я. Комаров, Г. А. Куманев. – Москва: Олма-Пресс, 2004. – 576с.
145. Комаров, Н. Я. Беспримерный подвиг Ленинграда / Н. Я. Комаров, Г. А. Куманев. // Война и общество, 1941–1945: в 2-х кн. Кн. 2 / отв. ред. Г. Н. Севостьянов; Ин-т российской истории. – Москва: Наука, 2004. – С. 27–50.

146. Конасов, В. Б. Эвакуированные ленинградцы на Вологодской земле / В. Б. Конасов. // Вопросы истории. – 2007. – №1. – С. 135–144.
147. Кондакова, Н. И., Куманев, Г. А. Ученые-гуманитарии России в годы Великой Отечественной войны: Документы. Материалы. Коммент. – Москва: Светотон, 2004. – 299, [4] с..
148. Конференция «Нюрнбергский процесс. Судьба и роль блокадного Ленинграда» // Музей обороны и блокады Ленинграда. [Сайт]. – URL: https://vk.com/wall-99818413_2392/ (дата обращения: 24.09.2021).
149. Копенкин, В. Д. Гидроторф в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. / В. Д. Копенкин, Л. В. Копенкина. // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2006. – №S4. – С. 479–484.
150. Котов, С. Д. Детские дома блокадного Ленинграда / С. Д. Котов. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Политехника, 2005. – 205 с.
151. Красноженова, Е. Е. Социальная политика Советского государства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) / Е. Е. Красноженова. – Астрахань, 2013. – 231 с.
152. Красноженова, Е. Е. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны: охрана тыла и решение повседневно-бытовых проблем населения / Е. Е. Красноженова. – Санкт-Петербург, 2019. – 462 с.
153. Красноженова, Е. Е. Дети и война: к вопросу об особенностях оккупационной политики на территории Ленинградской области (1941–1944 гг.) / Е. Е. Красноженова, Б. Н. Ковалев, С. В. Кулик. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. – 2020. – №22 (1-2). С. 96–103.
154. Красноженова, Е. Е. Оккупационная политика на Северо-Западе России (1941–1944 гг.) / Е. Е. Красноженова. // Оккупация и сопротивление в годы Второй Мировой войны. Материалы международного научного онлайн-семинара, посвященного 77-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией и ее сателлитами. Науч. Ред. и отв. За выпуск Р.Р. Хисамутдинова. – Оренбург, 2022. – С. 59–62.
155. Красноженова, Е. Е. Преступления против детства на Ленинградском судебном процессе (27 декабря 1945 – 4 января 1946 г.). / Д. Ю. Асташкин, Е. Е. Красноженова. // Вопросы истории. – 2022. – №7 -1. – С. 70–82.
156. Красноженова, Е. Е. Повседневная жизнь детей и подростков в условиях оккупации: на материалах Ленинградской области (1941 – 1944 г.). / Е. Е. Красноженова, В. К. Хазов. // Вопросы истории. – 2022. – №97-1. – С. 121–132.

157. Красноженова, Е. Е. Архивные документы о преступлениях против детства на территории Северо-Запада России (1941–1945 гг.) / Е. Е. Красноженова. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2022. – №3 (72). – С. 38–43.
158. Красноженова, Е. Е. Концепт «не-место» как новый методологический ориентир военно-исторической антропологии / Красноженова Е. Е., Кулик С. В., Хазов В. К. // Вопросы истории. – 2021. – №3. – С. 85–97.
159. Красноженова, Е. Е. Решение проблемы обеспечения медицинскими кадрами лечебных учреждений Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Е. Е. Красноженова. // Современная научная мысль. – 2013. – №2. – С. 65–73.
160. Кропачев, С. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография / С. Кропачев, Е. Кринко. – Москва: Росспэн, 2012. – 350 с.
161. Крылья Балтики: Статьи и воспоминания / сост. В. Ф. Голубев, А. Ф. Калиниченко; отв. ред. А. И. Павловский. – Калининград: Кн. изд-во, 1979. – 287 с.
162. Крюков, А. Н. Музыка и музыканты военного Ленинграда. По воспоминаниям и документам / А. Н. Крюков. – Санкт-Петербург: Союз Композиторов Санкт-Петербурга, Композитор · Санкт-Петербург, 2015. – 280 с.
163. Крюковских, А. П. Ленинградское ополчение / А. П. Крюковских. – Санкт-Петербург: Вести, 2006. – 275 с.
164. Кудин, В. А. Красносельские рубежи непокоренного Ленинграда. Органы и войска НКВД на защите города в годы Великой Отечественной войны / В. А. Кудин. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – №1. – С. 4–13.
165. Кулик, С. В. Восстановление и техническая модернизация предприятий ленинградской промышленности (1942–1945 гг.) / С. В. Кулик, Е. Е. Красноженова. // Современная научная мысль. – 2022. – 5. – С. 168–172.
166. Куликова, О. Ю. Формирование патриотического сознания в блокадном Ленинграде: проблемы и решения / О. Ю. Куликова. – Санкт-Петербург: Нестор, 2000. – 135 с.
167. Куманев, Г. А. Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941 – 1945 / Г. А. Куманев; отв. ред. чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков. – Москва: Наука, 1988. – 368 с.
168. Куманев, Г. А. Война и эвакуация в СССР в 1941–1942 гг. / Г. А. Куманев. // Новая и новейшая история. – 2006. – №6. – С. 7–27.
169. Куманев, Г. А. Говорят сталинские наркомы. – Смоленск: Русич, 2005. – 632 с. [Электронный ресурс] // URL: http://militera.lib.ru/kymanev_ga2/06.html (дата обращения: 23.07.2023)
170. Кунцевич, Ю. М. Исторические аспекты формирования и деятельности военного

трибунала Ленинградского фронта и подведомственных ему военных трибуналов в период Великой Отечественной войны / Ю. М. Кунцевич. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – №6/1. – С. 76–81.

171. Кутузов, А. В. Блокада Ленинграда в информационной войне / А. В. Кутузов; Северо-Западный (г. Санкт-Петербург.) фил. гос. образовательного учреждения высш. проф. образования «Российская правовая акад. Мин-ва юстиции Российской Федерации», науч. учреждение «Центр стратегических исслед.». – Санкт-Петербург, 2008. – 211 с.
172. Кутузов, А. В. Блокада Ленинграда в исторических параллелях / А. В. Кутузов. – Санкт-Петербург: СЗФ РПА Минюста России, 2010. – 348 с.
173. Кутузов, А. В. Осада Ленинграда в зеркале информационной войны / А. В. Кутузов. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – 2008. – №4. – С. 70–75.
174. Кутузов, А. В. Эвакуация ленинградских танкостроителей / А. В. Кутузов. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. – 2009. – №3. – С. 150–156.
175. Кутузов, В. А. Алексей Александрович Кузнецов: начало политической биографии / В. А. Кутузов. // Россия в XX веке. Сборник статей к 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН, профессора В. А. Шишкина / под ред. В. М. Ковальчука. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 288–305.
176. Кутузов, В. А. «Много сделал для защиты города…»: Страницы военной биографии Алексея Александровича Кузнецова / В. А. Кутузов. // История глазами историков: Межвузовский сборник науч. трудов. – Санкт-Петербург: СПбГАУ, 2002. – С. 304–311.
177. Кутузов, В. А. Возрождение земли Ленинградской. Коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны / В. А. Кутузов. – Ленинград: Лениздат, 1985. – 246 с., илл.
178. К 75-летию начала Великой Отечественной войны: на грани катастрофы. Сборник материалов Международной научной конференции (Москва, Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., 22–23 июня 2016 г.) / рук-ль проекта М. Ю. Мягков; сост.: Ю. А. Никифоров, Д. В. Суржик. – Брянск: Историческое сознание, 2017. – 624 с.
179. Лебедев, Ю. М. По обе стороны блокадного кольца. Секретные материалы / Ю. М. Лебедев. – Санкт-Петербург: Нева, 2005. – 302 с.
180. Лебедев, Ю. М. Ленинградский «блицкриг». На основе военных дневников высших офицеров вермахта: генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Леeба и генерал-полковника Франца Гальдера. 1941–1942 / Ю. М. Лебедев. – Москва: Центрполиграф; Санкт-Петербург: Русская тройка-СПб, 2011. – 459 с.

181. Лебедева, Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса / Н. С. Лебедева. – Москва: Наука, 1975. – 238 с.
182. Ленинград в борьбе месяц за месяцем, 1941–1944. – Санкт-Петербург: Ланс, 1994. – 349 с., илл.
183. Ленинград в ожидании победы. 1944–1945 / авт.-сост. С. Борзенко, А. Кожемякин. – Санкт-Петербург: Реконструкция; СПГУТ, 2015. – 180 с.
184. Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург: Галарт, 2018.– 432 с.
185. Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург: Галарт, 2019. – 528 с.
186. Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург: Галарт, 2019. – 528 с.
187. Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург: Галарт, 2019. – 528 с.
188. Ленинград. Война. Блокада. Победные залпы: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург: Галарт, 2020. – 605 с.
189. Ленинград. Война. Блокада. Победные залпы: материалы и исследования / сост., науч. ред. Н.Ю. Бринюк, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург: Галарт, 2022. – 592 с.
190. Ленинградская битва сквозь призму времени. Материалы научной конференции и «круглого стола», состоявшихся в музее в 2011 году / ред.-сост. Л. А. Наливкин; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – Санкт-Петербург: [б.и.], 2011. – 129 с.
191. Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города / редколл. В. М. Ковальчук, Н. А. Ломагин, В. А. Шишкин. – Санкт-Петербург, 1995. – 293 с. [Приложение к альманаху «Слова и отзвуки»].
192. Ленинградский полк педиатров. На страже здоровья войне вопреки / Д. О. Иванов, Г. Л. Микиртичан, И. А. Савина [и др.], ред. Д. О. Иванов, Г. Л. Микиртичан. – Санкт-Петербург: СПбГПМУ, 2025. – 296 с.: ил.
193. Литературный Ленинград в дни блокады. – Ленинград: Наука, Лен. отд-ие, 1973. – 292 с.
194. Лихоманов, М. И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны / М. И. Лихоманов, Л. Т. Позина, Е. И. Финогенов. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1985. – 169 с.

195. Ломагин Н. А. Ленинград в блокаде / Н. А. Ломагин. – Москва: Эксмо: Яуза, 2005. – 536 с.
196. Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. В 2-х кн. Кн. 1 / Н. А. Ломагин. – Санкт-Петербург: Нева; Москва: Олма-Пресс, 2002. – 446 с.
197. Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. В 2-х кн. Кн. 2 / Н. А. Ломагин. – Москва; Санкт-Петербург: Нева, 2002. – 474 с.
198. Ломагин Н. А. Политэкономия и мораль блокады / Н. А. Ломагин. // Российская история. – 2014. – №3. – С. 12–17.
199. Ломагин Н. А. Учет и контроль – основа социализма: размышления о внутренних причинах голода в Ленинграде осенью и зимой 1941–1942 гг. / Н. А. Ломагин // Петербургский исторический журнал. – 2019. – №3. – С. 155–182.
200. Лурье, Л. Я. Ленинградский фронт / Л. Я. Лурье, Л. И. Маляров. – Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2012. – 272 с.
201. Лушников, А. М. Международное трудовое право и право социального обеспечения: генезис и развитие (XIX – начало XXI в.) / А. М. Лушников. // Вестник трудового права и права социального обеспечения. – 2009. – Вып. 4. – С. 25.
202. Любимов, А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны / А. В. Любимов. – Москва: Экономика, 1968. – 231 с.
203. Магаева, С. В. Ленинградская блокада: психосоматические аспекты / С. В. Магаева. – Москва: АБС, 2001. – 183 с.
204. Магистралью Победы. Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта в Великой Отечественной войне. 1941–1945 годов: учебное пособие / И. П. Киселев, А. Ю. Панычев, В. В. Фортунатов. – Санкт-Петербург: Петербургский государственный университет сообщения Императора Александра I, 2020. – 160 с.
205. Милонов, В. Мы потребуем запрета книги британской лжеученой о блокаде Ленинграда. // Life.ru. [Сайт] – URL:https://life.ru/t/life78/952644/milonov_my_potriebuiem_zaprieta_knighi_britanskoi_lzhieuchionoi_o_blokadie_lieninghrada. (дата обращения: 06.01.2017).
206. Микиртичан, Г. Л. Характеристика патологии и организация питания детей в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны / Г. Л. Микиртичан. // Вопросы современной педиатрии. – 2010. – Том 9. – №3. – С. 158–162.
207. Микиртичан, Г. Л. Зинаида Осиповна Мичник / Г. Л. Микиритчан. // Из истории педиатрии. – 2011. – Т. II. – №2. – С. 61–65.
208. Михельсон, В. И. Воздушный мост: об обороне осажденного Ленинграда в 1941 г. / В. И.

Михельсон, М. И. Ялыгин. – Москва: Политиздат, 1988. – 335 с.

209. Мосунов, В. А. Прорыв блокады Ленинграда. Операция «Искра» / В. А. Мосунов. – Москва: Пятый Рим («Бестселлер»), 2019. – 272 с, илл.

210. Мосунов, В. А. Удары авиации противника по «Дороге жизни» и планирование операций по ее уничтожению в ноябре 1941 – январе 1942 г. / В. А. Мосунов. // Петербургский исторический журнал. – 2020. – №3. – С. 111–121.

211. Мухаммадиев, И. С. Деятельность прокуратуры по охране прав членов семей защитников Родины, инвалидов войны, эвакуированных граждан, мобилизованных солдат и офицеров в годы Великой Отечественной войны / И. С. Мухаммадиев. // Юридическая наука: История и современность. – 2017. – №17. С. 48–66.

212. Мухаммадиев, И. С. Прокурорский надзор и борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью в годы Великой Отечественной войны / И. С. Мухаммадиев. // Мир политики и социологии. – 2019. – №6. С. 38–51.

213. Мягкова, Е. М. Ленинградская битва и блокада Ленинграда в публикациях архивных документов 1991–2022 годов. Часть 1: Официальные документы, изобразительные документы / Е. М. Мягкова, А. В. Репников // Вестник ВНИИДАД. – 2022. – №2. – С. 65–80.

214. Мягкова, Е. М. Ленинградская битва и блокада Ленинграда в публикациях архивных документов 1991–2022 годов. Часть 2: Документы личного происхождения, интернет-проекты / Е. М. Мягкова, А. В. Репников, М. А. Захарченко // Вестник ВНИИДАД. – 2022. – №3. – С. 69–89.

215. Мягкова, Е. М. Ленинградская битва и блокада Ленинграда в публикациях архивных документов 1991–2022 годов. Часть 3: Документы личного происхождения (дети и подростки) / Е. М. Мягкова, А. В. Репников // Вестник ВНИИДАД. – 2022. – №4. – С. 94–109.

216. На защите Невской твердыни. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны / С. П. Князев, М. П. Стрешинский, И. М. Франтишев, П. Р. Шевердалкин, Ю. Н. Яблочкин. – Ленинград: Лениздат, 1965. – 640 с.

217. Наливкин, Л. А. Первые советские бомбардировки Берлина (август – начало сентября1941 года) / Л. А. Наливкин. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. – 204 с., илл.

218. Наливкин, Л. А. Авиация Балтики летом сорок первого / Л. А. Наливкин; под ред. Л. Л. Газиевой. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. – 432 с., илл.

219. Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 / Н. А. Араловец, Е. Н. Бикейкин, Н. Ф. Бугай, О. М. Вербицкая [и др.]; отв. ред. А. Н. Сахаров, А. С. Сенявский. – Москва: Гриф и К., 2010. – 730 с.

220. Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945: Очерки. Воспоминания. Документы / Рос. акад. наук. Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, Арх. РАН; [Сост. Е.А. Беляев и др.]. – Москва: Наука, 1996. – 310, [1] с.

221. Начало Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: взгляд через 70 лет / Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 5. В 2-х кн. / науч. ред.: Коршунов Э. Л. и др. – Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 2013.

222. Невский пятачок: новые материалы и исследования / под ред. А. И. Рупасова; сост., коммент. Н. Ю. Бринюк, П. В. Игнатьев,Ю. В. Ивановский, Э. Л. Коршунов, О. А. Суходымцев. – Санкт-Петербург: Галарт, 2022.– 496 с.

223. Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали, В. А. Шишкин. – 3-е изд., перер. и доп. – Ленинград: Наука, Лен. отд-ие, 1985. – 328 с.

224. Нижник, Н. С. Женщина как субъект семейно-брачных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны / Н. С. Нижник. // Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне). Т. 1. – Москва; Ст. Оскол, 2015. – С. 150–154.

225. Николаев, Б. В. Теория исторического познания М. Дж. Оукшотта / Б. В. Николаев. – Пенза, 2010 – 228 с.

226. Новейшая история России: Время, события, люди. Сборник статей и воспоминаний (к 75-летию почетного профессора СПбГУ Г. Л. Соболева) / под ред. М. В. Ходякова. – Санкт-Петербург: Фора-принт, 2010. – 503 с.

227. Ногина, О. П. Забота о матери и ребенке в СССР: Заочные курсы для беременных женщин / О. П. Ногина. – Москва: Мин-во здравоохранения СССР, Ин-т сан. просвещения, 1950. – 16 с.

228. Носач, В. И. Профсоюзы Ленинграда – Санкт-Петербурга. 1931–2005 гг. / В. И. Носач; под общ. ред. В. Г. Дербина. – Санкт-Петербург: Нестор, 2009. – 464 с.

229. О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники. Исследования. Историография / науч. ред. А. Р. Дзенискевич. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2005. – 216 с.

230. Обычный человек в необычное время: к 60-летию со дня рождения С. В. Ярова: Сборник статей. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – 208 с.

231. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. – «НЛО», 1992. [Электронный ресурс] // URL: https://klex.ru/qou/ (дата обращения 11.01.2023).

232. Опыт мировых войн в истории России: сборник статей / редкол.: И. В. Нарский и др. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – 612 с.

233. Орав, В. А. Решения Ленинградского горкома ВКП(б) и исполкома Ленгорсовета в блокадную зиму 1941/42 г.: сравнительный анализ / В. А. Орав. // Отечественные архивы. – 2020. – №2. – С. 23–33.

234. Отбор бактериофагов для лечения экспериментальной холеры, вызванной классическими холерными вибрионами / Н. Е. Гаевская [и др.]. // Современные наукоемкие технологии. – 2004. – №3. – С. 11–15.

235. Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2006. – 609 с.

236. От МПВО к гражданской защите (исторический очерк) / под общ. ред. С. К. Шойгу – Москва: УРСС, 1998. – 336 с.

237. Охрана здоровья матери и ребенка: историко-правовой обзор / М. С. Денисов, О. В. Салицева, М. Л. Толстова, Т. Г. Денисова. // Здравоохранение Чувашии. – 2016. – №4. – С. 76–81.

238. Павлов, Д. В. Ленинград в блокаде / Д. В. Павлов. – 1-е изд. – Москва: Министерство обороны СССР, 1958. – 163 с.

239. Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества. Материалы и исследования. – Москва: Новое изд-во, 2006. – 387 с.

240. Память о войне. 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / ред. М. Габович. – Москва: Нов. Лит. Обозрение, 2005. – 780 с.

241. Панарина, Е. В. Организация системы здравоохранения на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны / Е. В. Панарина. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2008. – №3. – С. 58.

242. Панфилец, А. В. Организация и деятельность городской милиции по охране общественного порядка в блокадном Ленинграде (сентябрь 1941 – 1942 гг.) / А. В. Панфилец. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – №1. – С. 45–51.

243. Панфилец, А. В. Органы и войска НКВД на Северо-Западе СССР в годы Великой Отечественной войны / А. В. Панфилец. – Санкт-Петербург: Р-Копи, 2016. – 213 с.

244. Паперно, И. «Осада человека»: Блокадные записки Ольги Фрейденберг в антропологической перспективе // Discours.io. – URL:https://discours.io/articles/chapters/osada-cheloveka-blokadnye-zapiski-olgi-freydenberg-v-antropologicheskoy-perspektive/ (дата обращения: 17. 04. 2019).

245. Пери, А. Личность в осаде: Самоанализ в дневниках жителей блокадного Ленинграда. – URL:https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/5ee197442d658f2dd39062b7b7c498b929d808ea.pdf. (дата обращения: 17.04.2019).
246. Писаревский, А. С. Лечение крупозной пневмонии на дому / А. С. Писаревский. // Советская медицина. – 1942. – №8. – С. 30–31.
247. Победа была за нами: Материалы научно-практической конференции / сост. Л. А. Наливкин. Государственный Мемориальный Музей Обороны и Блокады Ленинграда. – Санкт-Петербург: [б.и.], 2006. – 78 с., илл.
248. Побратимы. Сборник / отв. ред. Ю. З. Кантор. – Москва: Политическая энциклопедия, 2019. – 951 с: илл.
249. Подвиг Ленинграда бессмертен / сост. Л. Л. Газиева, Т. П. Смирнова, Г. Б. Сафронова, Н. С. Семичева; редкол. В. В. Шапкин и др. – СПб.: Изд-во ИПК СПО. – 178 с.
250. Подвиг сотрудников органов внутренних дел при обороне Ленинграда 1941–1945. – СПб., 1995. – 98 с.
251. Подчеркивая врага. Горсуд признал блокаду геноцидом. [Электронный ресурс] // URL: http://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/562... (дата обращения: 23.10. 2022).
252. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2020. – 632 с.
253. Полторак, А. И. Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы) / А. И. Полторак. – Москва: Наука, 1965. – 351 с.
254. Полянский, Н. Н. Международный военный трибунал / Н. Н. Полянский; под ред. Н. М. Рычкова. – Москва: Юр. изд-во мин-ва юстиции СССР, 1946. – 48 с.
255. Потемкина, М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы / М. Н. Потемкина. – Магнитогорск, 2002. – 265 с.
256. Потемкина, М. Н. Эвакуация населения СССР в начальный период Великой Отечественной войны: дискуссионные аспекты проблемы / М. Н. Потемкина. // Романовские чтения-12. Сборник статей Международной научной конференции. Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова. – Могилев: МГУ, 2017. – С. 47–48.
257. Похилюк, А. В. Война, власть, народ (Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны) / А. В. Похилюк;

Министерство обороны РФ. – Санкт-Петербург: изд-во Военного университета ПВО, 1998. – 220 с.

258. Похилюк, А. В. Социальная защита семей военнослужащих в годы блокады Ленинграда / А. В. Похилюк. // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сборник материалов международной научной конференции / под общ. ред. В. А. Веременко, отв. ред. С. В. Степанов. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. – С. 43–48.

259. Приходская жизнь соборов в блокадном Ленинграде. Материалы Круглого стола / Протоиерей Константин Костромин, М. В. Шкаровский, Б. Н. Ковалев [и др.] // Христианское чтение. – 2025. – №2. С. 340-350.

260. Пути сообщения в военном деле / сост., науч. ред. П. В. Игнатьев, Н. Ю. Бринюк, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург: «Галарт», 2022. – 608 с.

261. Пученков, А. Классическая история блокадной эпопеи / А. Пученков. // Российская история. – 2019. – №3. – С. 153.

262. Пянкевич, В. Л. «Даже в страшном сне не могло присниться». Потребление суррогатов пищи в блокадном Ленинграде. / В. Л. Пянкевич. // Новейшая история России. – 2019. – Т. 15, №1. – С. 54–67.

263. Пянкевич, В. Л. Восстановление экономики СССР (середина 41–середина 50-х) / В. Л. Пянкевич. – Санкт-Петербург: Нестор, 2001. – 431 с.

264. Пянкевич, В. Л. «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда / В. Л. Пянкевич. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2014.– 479с.

265. Пянкевич, В. Л. Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г. / В. Л. Пянкевич, А. Н. Чистиков. // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, №1. – С. 56–69.

266. Репников, Д. В. Уполномоченные Государственного комитета обороны в мемуарной литературе о Великой Отечественной войне: механизм назначения и функционирования / Д. В. Репников. // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2012. – Вып.3. – С. 63–72.

267. Розум, В. И. Великий из Великого: К 100-летию со дня рождения Б. П. Бещева / В. И. Розум. – Ярославль: Верхняя Волга, 2003. – 128 с.

268. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков и др. – Москва: Вече, 2010. – 624 с.

269. Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век: Сборник статей / отв. ред. М.

В. Ходяков; отв. сост. А. А. Иванов. – Санкт-Петербург: Лема, 2018. – 480 с.

270. Рубашкин, А. И. Голос Ленинграда/ А. И. Рубашкин.– Санкт-Петербург: Нева, 2005.– 223с.
271. Румпф, Г. Огненный шторм: пер. с нем. / Г. Румпф.– Москва: Центрполиграф, 2010. – 223с.
272. Рупасов, А. И. Деятельность Ленинградского городского и областного государственных арбитражей в 1943–1944 гг. / А. И. Рупасов // Петербургский исторический журнал. – 2022. – №3. – С. 80–89.
273. Рупасов, А. И. Ленинградский городской государственный арбитраж в годы блокады / А. И. Рупасов // Петербургский исторический журнал. – 2019. – №3. – С. 183–192.
274. Сайкин, С. В. Родники милосердия / С. В. Сайкин. – Иваново, 2001. – 271 с., илл.
275. Сальников, В. П. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны / В. П. Сальников, С. В. Степашин, Н. Г. Янгол. – СПб.: Лань; СПб Унив. МВД России, 1999 – 224 с.
276. Сафронова, Ю. А. Историческая память. Введение: учебное пособие / Ю. А. Сафронова. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2020 – с.
277. Свиридов, В. П. Битва за Ленинград 1941–1944 / В. П. Свиридов, В. П. Якутович, В. Е. Василенко. – Ленинград: Лениздат, 1962. – 554 с.
278. Селиванов, В. Н. Стояли как солдаты. Блокада. Дети. Ленинград / В. Н. Селиванов. – Санкт-Петербург: Эго, 2002. – 222 с.
279. Семенова, Е. В. Советский «коллаборационизм» в Великой Отечественной войне – предательство или борьба за выживание / Е. В. Семенова. // Философия морали. Тоска по русскому аристократизму. Материалы Международного этико-философского семинара им. Андрея Платонова: к 70-летию со дня рождения В. П. Фетисова. – Москва: Флинта, 2012. – С. 338–340.
280. Семиряга, М. И. Как мы управляли Германией / М. И. Семиряга. – Москва: РОССПЭН, 1995. – 349 с.
281. Сенявская, Е. С. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии: курс лекций / Е. С. Сенявская. – Москва: Изд-во РГГУ, 2012. – 332 с.
282. Сенявский, А. С. Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и идеологического противостояния / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская. // Отечественная история. – 2007. – №2. – С. 139– 151.
283. Сенявский, А. С. Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и идеологического противостояния / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская. //

Отечественная история. – №3. – С. 107–121.

284. Сенявский, А. С. Освободительная миссия Красной Армии в 1944–1945.: гуманитарные и социально-психологические аспекты. Исторические очерки и документы / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская, О. В. Сдвижков. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 460 с.
285. Серебрянская, Г. В. Современные направления историографии тыла Великой Отечественной войны. 1941–1945 / Г. В. Серебрянская, Н. В. Сакович. // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков. Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы. В 2-х томах. – Оренбург: изд-во ОГПУ, 2017. – С. 157–168.
286. Симоненко, В. Б. Ленинградская блокада: открытия в биологии и медицине / В. Б. Симоненко, С. В. Магаева. – Москва: Экономика и информатика, 2008. – 182 с.
287. Симоненко, В. Б. Основы выживания в блокадном Ленинграде с позиции саногенеза / В. Б. Симоненко, С. В. Магаева. // Клиническая медицина. – 2014. – №2. – С. 5–14.
288. Сирота, Ф. И. Военно-организационная работа Ленинградской организации ВКП(б) в первый период Великой Отечественной войны / Ф. И. Сирота. // Вопросы истории. – 1956. – №10. – С. 16–17.
289. Сирота, Ф. И. Ленинград – город-герой / Ф. И. Сирота.– Ленинград: Лениздат, 1960. – 183с.
290. Скворцов, В. Н. Ленинградский военный округ. Ленинградский фронт в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / В. Н. Скворцов, М. Я. Тарасов, М. И. Фролов. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. – 308 с.
291. Снегирева, Л. И. Эвакопункты Западной Сибири и их роль в эвакуации населения в регион (1941–1943 гг.) / Л. И. Снегирева. // Вестник ТПГУ. – 2014. – Вып. 3. – С. 30–37.
292. Снегирева, Л. И. Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны / Л. И. Снегирева. // Вестник ТПГУ. – 2015. – Вып.2. – С. 38–42.
293. Снегирева, Л. И. К вопросу о периодизации реэвакуационного процесса / Л. И. Снегирева. // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – 2015. – №2. – Т. 6. – С. 201–205.
294. Соболев, Г. Л. Архивный фетишизм и историографический нигилизм в одном подходе к изучению истории обороны Ленинграда / Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков. // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10. №2. – С. 529–539.
295. Соболев, Г. Л. Блокада Ленинграда: постижение правды / Г. Л. Соболев. // Новейшая история России. 2012. – №2. – С. 72–87.

296. Соболев, Г. Л. Валентин Михайлович Ковальчук (22.07.1916–04.10.2013) / Г. Л. Соболев. // Новейшая история России. 2014. – №1. – С. 302–304.
297. Соболев, Г. Л. В поисках новой методологии истории / Г. Л. Соболев. // Вестник молодых ученых. – 2000. – №5. – С. 2–6.
298. Соболев, Г. Л. Даниил Натанович Альшиц (03.02.1919–13.02.2012) / Г. Л. Соболев. // Новейшая история России. 2012. – №3. – С. 275–279.
299. Соболев, Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942 / Г. Л. Соболев. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – 696 с.
300. Соболев, Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943 / Г. Л. Соболев. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. – 525 с.
301. Соболев, Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944 / Г. Л. Соболев. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. – 784 с.
302. Соболев, Г. Л. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г./ Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков. // Новейшая история России.– 2016. – №1. – С. 8–21.
303. Соболев, Г. Л. Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда / Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков. // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. №1. – С. 8–34.
304. Соболев, Г. Л. Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда / Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков. // Новейшая история России. – 2021. – Т.11. №2. – С. 294–323.
305. Соболев, Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны / Г. Л. Соболев. – Москва; Ленинград: Наука, 1966. – 172 с., илл.
306. Соловьев, К. А. Политическая повседневность: общие принципы и подходы / К. А. Соловьев // Будущее нашего прошлого-6: история повседневности и повседневность историка. Материалы международной научной конференции. 27 ноября 2020 г. – М.: РГГУ, 2021. – С. 29–30.
307. Солсбери, Г. 900 дней. Блокада Ленинграда: пер. с анг. / Г. Солсбери. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 592 с.
308. СССР во Второй мировой войне: оккупация, холокост, сталинизм / под ред. О. Будницкого (отв. ред. и сост.) и Л. Новиковой. – Москва: РОССПЭН, 2014. – 432 с., илл.
309. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / сост. В. В. Белоконь и др. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – 608 с.: ил.
310. Стародубцев, А. Ф. Дважды невидимый фронт. Ленинградские чекисты в тылу врага / А.

Ф. Стародубцев. – Москва: Вече, 2010.

311. Стахов, Х. Г. Трагедия на Неве: шокирующая правда о блокаде, 1941–1944 / Х. Г. Стахов; пер. Ю. Лебедев. – Москва: Центрполиграф, 2008. – 380 с.
312. Стенограмма заседания Круглого стола «Актуальные вопросы истории блокады Ленинграда» (27 января 2012 г.) / С. Н. Полторак, Л. В. Алпеева, С. К. Бернев [и др.] // Клио. – 2012. – №3 (63). – С. 3–10.
313. Степанов, А.Г. Мифологемы перцептивно-аналитического уровня системы и социально-исторического знания / А. Г. Степанов. – Чебоксары. 2009. – 118 с.
314. Степанов, К. А. Ленинградские дети на Ростовской земле в годы Великой Отечественной войны (по док. РФ ГАЯО) / К. А. Степанов. // Отечественные архивы. – 2005. – №4. – С. 82–87.
315. Стефаненко, А. Ю. Лесозаготовки в годы блокады Ленинграда / А. Ю. Стефаненко // Петербургский исторический журнал. – 2022. – №4. – С. 30-44.
316. Стефаненко, А. Ю. Трудовые мобилизации населения в блокадном Ленинграде / А. Ю. Стефаненко // Новейшая история России. – 2025. – Т. 15. – №3. – С. 569–582.
317. Сувениров, О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938 / О. Ф. Сувениров. – Москва: Терра, 1998. – 528 с.
318. Суверов, Е. В. Алтайская милиция в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1941–1945 гг.) / Е. В. Суверов, Л. Я. Тарасова. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2014. – 88 с.
319. Судавцов, Н. Д. Кавказские Минеральные Воды – крупнейшая госпитальная база Великой Отечественной войны / Н. Д. Судавцов // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / сост. В. В. Белоконь [и др.] – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – С. 578–580.
320. С эмблемой «Динамо» / сост. В. А. Медведев. – Ленинград: Лениздат, 1987. – 365 с.
321. Тарасов, О. Ф. А. Ф. Тур / О. Ф. Тарасов, Н. П. Шабалов.– Москва: Медицина, 1980. – 127с.
322. Твердюкова, Е. Д. Депутатский корпус районных Советов Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: состав и деятельность / Е. Д. Твердюкова. // Genesis: исторические исследования. – 2021. – №11. – С. 72–81.
323. Твердюкова, Е. Д. Контроль исполнения решений в системе исполнительной власти Ленинграда в годы блокады (1941–1944) / Е. Д. Твердюкова. // Петербургский исторический журнал. – 2020. – №3. – С. 177–188.
324. Твердюкова, Е. Д. Проживая историю / Е. Д. Твердюкова. // Российская история. – 2019.

– №3. – С. 155–156.

325. Твердюкова, Е. Д. Советский делопроизводственный канон в автобиографиях руководителей блокадного Ленинграда / Е. Д. Твердюкова. // Петербургский исторический журнал. – 2019. – №3. – С. 117–129.
326. Трайнин, А. Н. Уголовная ответственность гитлеровцев / А. Н. Трайнин. – Москва: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1944. – 106 с.
327. Трайнин, А. Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества / А. Н. Трайнин. – Москва, 1956. – 300 с.
328. Трайнин, А. Н. Международный военный трибунал / А. Н. Трайнин. // Социалистическая законность. – 1945. – №9.– С. 1–6.
329. Трайнин, А. Н. Нюрнбергский процесс: сборник статей / А. Н. Трайнин. – Москва: Издание РИО ВЮА, 1946. – 122 с.
330. Трайнин, А. Н. Современное положение борьбы с военными преступниками / А. Н. Трайнин // Социалистическая законность. – 1949. – №1. – С. 23–29.
331. Трайнин, И. Глумление фашистской Германии над международным правом / И. Трайнин. – Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1942. – 58 с.
332. Трофимов, В. А. К истории российского образования в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие / В. А. Трофимов. // Вторая мировая война: уроки истории для Германии и России. – Кемерово; Москва, 2006. – 431 с.
333. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского университета, 2002. – 528 с.
334. Упоров, И. В. Организационно-правовые основы местных Советов по Конституции СССР 1936 г. / И. В. Упоров // Евразийское Научное Объединение. – 2020. – №6-3. – С. 219-223.
335. Уродков, С. А. Эвакуация населения Ленинграда в 1941–1942 гг. / С. А. Уродков. // Вестник Ленинградского университета. – 1958. – №8. – С. 88–102.
336. Утевский, Б. С. Преступления гитлеровцев против мирного населения / Б. С. Утевский. – Москва: [б.и.], 1946. – 48 с.
337. Уткин, А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта / А. И. Уткин. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. – 543 с.
338. Ученые и Великая Отечественная война: материалы круглого стола в рамках XXXVI годичной международной научной конференции "Советская наука и техника в годы Великой Отечественной войны (к 70-летию Великой Победы)" Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (21 апреля

2015 года) / под ред. Н. А. Ащеуловой, С. А. Кугеля]. – Санкт-Петербург: Изд-во Политехнического университета, 2016. – 102 с.

339. Фролов, М. И. «Салют и реквием»: героизм и трагедия ленинградцев. 1941–1944 гг. / М. И. Фролов. – Санкт-Петербург: ЛГОУ, 2003. – 143 с.
340. Фруменкова, Т. Г. Мы вышли из блокадных дней / Т. Г. Фруменкова. – Санкт-Петербург: РГПУ, 2005. – 431 с.
341. Фуллер, Д. Ф. Вторая мировая война 1939–1945. Стратегический и тактический обзор: пер. с анг. / Д. Ф. Фуллер. – Москва; Санкт-Петербург, 2006. – 559 с.
342. Фуркало, В. В. Международно-правовая защита гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов / В. В. Фуркало. – Киев: Наукова думка, 1986. – 160 с.
343. Хампе Э. В силовом поле великих авиационных держав / Э. В. Хампе; пер. с нем. – М.: Изд-во ин. лит., 1958. – 80 с.
344. Ханахмедова, Л. В. Международная правовая защита детей: история и современность / Л. В. Ханахмедова. // Философия права. – 2016. – №3. – С. 48–52.
345. Хисамутдинов, Р. Р. Создание системы государственных трудовых резервов и ее развитие в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале (1940–1945 гг.). – Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. – 177 с.
346. Хлеб блокадного города. Сборник статей / Санкт-Петербургский музей хлеба. – Санкт-Петербург: Страта, 2019. – 78 с.
347. Ходанович, В. И. Блокадные будни одного района Ленинграда / В. И. Ходанович. – Москва: Центрополиграф, 2015. – 478 с.
348. Ходяков, М. В. Ленинградское карточное бюро в материалах республиканского совещания 1943 года / М. В. Ходяков. // Новейшая история России. – 2025. – Т. 15. – №2 – С. 336–344.
349. Ходяков, М. В. «Литерный откорм процветает баснословно»: продовольственные привилегии в блокированном Ленинграде. 1941–1943 гг. / М. В. Ходяков. // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.). Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / С. Н. Полторак (общ. ред.), И. А. Тропов (отв. ред.), А. В. Зотова, С. Н. Рудник, А. М. Иорданская, С. В. Степанов. – Санкт-Петербург: Полторак, 2018. – С. 209–216.
350. Ходяков, М. В. Г. Л. Соболев – историограф битвы за Ленинград / М. В. Ходяков. // Проблемы истории и историографии. Сборник докладов межвузовской научной конференции. – Санкт-Петербург. – С. 8–16.
351. Хорошинина, Л. П. Изменение частоты и характера соматических заболеваний у людей

среднего и пожилого возраста, переживших блокаду Ленинграда в детском или подростковом периоде жизни (секционные данные) / Л. П. Хорошинина. // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект: Материалы международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 65–79.

352. Хромов, Б. М. Здравоохранение Ленинграда. Краткий исторический очерк / Б. М. Хромов, А. В. Свешников. – Ленинград: Лениздат, 1969. – 207 с.
353. Худякова, Н. Д. Вся страна с Ленинградом (1941–1943). КПСС – организатор всенародной помощи Ленинграду в годы блокады / Н. Д. Худякова. – Ленинград: Лениздат, 1960. – 234с.
354. Художественное училище имени Николая Рериха. Страницы истории. – Санкт-Петербург, 2001. – 411 с., илл.
355. Цамутали, А. Н. Героическая оборона Ленинграда (Методическое пособие в помощь лектору) / А. Н. Цамутали. – Ленинград: Общ-во Знание, 1968. – 20 с.
356. Цыретарова, Б. Б. Социальная политика в Бурятии в годы Великой Отечественной войны. (на материалах Сибири) / Б. Б. Цыретарова. – Улан-Удэ, 2010. – 178 с.
357. Человек и личность в истории России, конец XIX–XX век: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.). – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. – 660 с.
358. Черепанов, В. В. Власть и война: Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне / В. В. Черепанов. – Москва: Известия, 2006.– 496 с.
359. Чернявский, У. Г. Война и продовольствие: Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945) / У. Г. Чернявский. – Москва: Наука, 1964. – 208 с.
360. Черушев, Н. С. Из Гулага – в бой / Н. С. Черушев. – Москва: Вече, 2017. – 480 с.
361. Чистиков, А. Н. Стенограммы сообщений ленинградцев как источник по истории блокады Ленинграда. 1941 – 1944 гг. / А. Н. Чистиков. // Вестник архивиста. – 2022 – №3. – С. 704–714.
362. Чистиков, А. Н. Воспоминания Е. С. Лагуткина о работе МПВО в блокадном Ленинграде: мотивации автора и публикатора. / А. Н. Чистиков. // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Витебск: Витебский гос. Ун-т им. П. М. Машерова, 2021. – С. 329–331.
363. Чистиков, А. Н. Личные дела ленинградских управленцев как источник по истории блокады. / А. Н. Чистиков. // Отечественные архивы. – 2021. – №3. – С. 22–30.
364. Чистиков, А. Н. «Мы живем в интересное время…» Первые попытки сбора материала о блокаде Ленинграда в 1941–1942 гг. // Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-

героя в Великой Отечественной войне. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. – С. 5–14.

365. Чумаченко, Т. А. Государство и православная церковь в условиях военного времени // Государство. Право. Война (К 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Материалы международной научной конференции. В 2-х частях. Под ред. Н.С. Нижник. СПб., 2020. С. 1152–1162.

366. Шабалов, Н. П. Детское здравоохранение блокадного Ленинграда / Н. П. Шабалов, Л. В. Эрман // Детская медицина Северо-Запада. – 2010. – Т. 1 №1. – С. 78–80.

367. Шаблов, Н. Н. История гражданской обороны / Н. Н. Шаблов, В. Н. Виноградов, В. Ф. Киселев; под общ. ред. проф. В. С. Артамонова. – Санкт-Петербург, 2011. – 367 с.

368. Шишкин, А. А. Государственный Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. Краткий исторический очерк: [к 60-летию со дня основания музея] / А. А. Шишкин, Н. П. Добротворский. – Санкт-Петербург: [б.и.], 2006. – 55 с., илл.

369. Шкаровский, М. В. Иосифлянство: Течение в русской православной церкви / М.В. Шкаровский. – СПб., 1999. – 400 с.

370. Шкаровский, М. В. Община Преображенского собора Ленинграда в 1941 – 1945 году // Христианское чтение. – 2019. – №3. – С. 215–226.

371. Шкаровский, М. В. Религиозная жизнь блокадного Ленинграда в годы Второй мировой войны. Церковь и власть в осажденном городе / М.В. Шкаровский. – Saarbrücken: Sanktum, 2013. – 424 с.

372. Шкаровский, М. В. Церковь зовет к защите Родины: религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны / М.В. Шкаровский. – СПб.: Сатисъ, Держава, 2005. – 620 с.

373. Шумилов, Н. Д. В дни блокады / Н. Д. Шумилов. – 2-е изд. – Москва: Мысль, 1977. – 303 с.

374. Экзамен на стойкость. Вузы Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. – Санкт-Петербург: Изд-во Политех. Ун-та, 2012. – 161 с.

375. Эрман, М. В. Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда: взгляд сквозь годы / М. В. Эрман, Л. В. Эрман, Т. М. Первунина // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 11. Медицина. – 2014. – №3. – С. 232–242.

376. Эрман, М. В. Педиатрия в блокадном Ленинграде / М. В. Эрман, Т. М. Первунина, Е. Е. Грысык, Л. В. Кирюхина // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2016. – Т. 11. – №2. – С. 838–849.

377. Эта память - наша совесть… . Труды второй научно-практической конференции преподавателей и студентов колледжей, посвященной 60-летию Великой Победы над фашизмом. – СПб.: Изд-во Газиевой Л., 2007. – 382 с.

378. Юсупова, Л. Н. Эпоха второй мировой войны глазами переживших ее детей / Л. Н. Юсупова. // Клио. – 2007. – №1. – С. 3–11.

379. Яковлев, Е. Н. Совещание в Вевельсбурге, план голода и «окончательное решение»: истоки нацистского замысла о геноциде народов СССР // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2021. – №2. – С. 70–16.

380. Яробков, В. В. Дорога жизни – дорога к победе: вчера, сегодня, навсегда / В. В. Яробков. – Санкт-Петербург: Полигон, 2005. – 222 с., илл.

381. Яров, С. В. Блокадная этика: Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. / С. В. Яров. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. – 596 с.

382. Яров, С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда / С. В. Яров. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 313 [7]с.: ил.

383. 60-летие окончания Второй Мировой войны и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – Москва, 2005. – 246 с.

384. 60 лет полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (14–27 января 1944 г.). Философия Великой Отечественной войны 1941–1945 / редкол.: ген.-полк. Ю. Д. Букреев и др. – Москва: Мегапир, 2005. – 483 с., илл.

385. Alexopoulos, G. Soviet Citizenship, More or Less. Rights, Emotions, and States of Civic Belonging / Dept. of History University of South Florida, USA.[Сайт]. – URL: http://muse.jhu.edu/journals/kritika/v007/. (дата обращения 21.03.2010). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

386. Bidlack, R. The Leningrad Blockade, 1941–1944: A New Documentary History from the Soviet Archives / Richard Bidlack, Nikita Lomagin; trans. by M. Schwartz. – New Haven; London: Yale univ. press, 2012. – 486 p.

387. Bidlack, R. Ideological or Political Origins of the Leningrad Affair? A Response to David Brandenberg / Richard Bidlack. // Russian Review. – 2005. – Vol. 64. No. 1. – P. 91–94.

388. Boterbloem, K. The life and times of Andrei Zhdanov: 1896—1948 / Kees Boterbloem. – Montreal: McGill-Queen`s univ. press, 2004. – 563 p.

389. Brown, N. Life against Death / Norman Brown. – London: Wesleyan University Press, 1959. – 322 p.

390. Clapperton, J. The siege of Leningrad and the ambivalence of the sacred: conversations with survivors. 2006. // Yumpu.com. [Сайт]. – URL: http://www.yumpu.com/en/document/view/26478757/the-siege-of-leningrad-and-the-ambivalence-of-the-sacred-conversations-with-survivors/ (дата обращения: 16.03.2015).
391. Dale, R. Demobilized Veterans in Late Stalinist Leningrad. Soldiers to Civilians / Robert Dale. – London: Bloomsbury Academic, 2015. – 259 p.
392. deGraffenried, J. K. Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War / Julie K. deGraffenried. – Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2014. – 248 p.
393. DeMause, L. The Emotional Life of Nations. – URL://http://www.psychohistory.com/htm/eln05_psychogenic.html. (дата обращения: 08.06.2010).
394. Ellis, F. The Damned and the Dead. The Eastern Front through the Eyes of Soviet and Russian Novelists / Frank Ellis. – University press of Kansas, 2011. – 376 p.
395. Feutcher, G. W. Geschichte des Luftkriegs. Entwicklung und Jukunft. Athenäum=Verlag, Bonn. 1954.
396. Girling, J. Emotion and Reason in Social Change. Insights from Fiction / John Girling. – New York: Palgrave Macmillan, 2006. – 234 p.
397. Glantz, D. The siege of Leningrad 1941–44: 900 days of Terror / David M. Glantz. – Osceda, Wi: MB & Publishing, 2001.
398. Glantz, D. M. Battle for Leningrad, 1941–1944 / David M. Glantz. – Lawrence (Kan.): Univ. of Kansas, 2002. – 660 p.
399. Goldman, W. Z. Fortress Dark and Stern: The Soviet Home Front during World War II / W. Z. Goldman, D. Filtzer. – Oxford; New York, 2021.
400. Gouré, L. The siege of Leningrad / Leon Gouré. – Stanford (Calif.): Stanford Univ. Press, 1962. – 363 p.
401. Goure L. Some Findings of the Viet Cong Motivation and Morale Study: June – December 1965 (1966) // Rand corporation. Objective analysis. Effective solutions. URL: https://www.rand.org/pubs/authors/g/goure_leon.html (дата обращения: 12.04.2020).
402. Henderson, M. Dear Allies. A Story of Women in Monklands and Besieged Leningrad / ed. by Margaret Henderson. – Coatbridge: Monklands Dist. Libr., 1988. – 136 p.
403. Hessler, J. A Social History of Soviet Trade. Trade policy, retail practices, and consumption, 1917–1953 / Julie Hessler. – Princeton: Princeton univ. press, 2004. – 355 p.
404. Hindus, M. Russia Fights on / Maurice Hindus. – London: Collins, 1942. – 254 p.
405. Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during World War II / ed. by Wendy Z.

Goldman, Donald Filtzer. – Bloomington: Indiana univ. press, 2015.

406. Kazimiera, J. Defending Leningrad. Women behind Enemy Lines / Cottam Kazimiera Janina. – Nepean; Canada: New Millitary Pub., 1998. – 160 p.
407. Kennedy, R. Psychoanalysis, History, and Subjectivity. Now of the past / Roger Kennedy. – Brunner-Routledge: Hove, 2002. – 174 p.
408. Kirschenbaum, L. The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, a. Monuments / Lisa Kirschenbaum. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – 309 p.
409. Lovell, S. The Shadow of War: Russia and the USSR, 1941 to the present / Stephen Lovell. – Chichester, West Sussex: Wiley-Blackwell, 2010. – 370 p.
410. Moskoff, W. Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR during World War II. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1990. – XVI, 251 p.
411. Pateman, T. Transparent and translucent icons // British Journal of Aesthetics. – 1986.– 26(4). – P. 380–382.
412. Pateman, T. Key concepts: A guide to aesthetics,criticism and the arts in education. – London: Routledge, 2016 (1-st ed. 1991), 220 pp. [Электронный ресурс] // https://doi.org/10.4324/9781315625621/ [Дата публикации: 5.05.2016]
413. Peri, A. The War Within Diaries from the Siege of Leningrad / Alexis Peri. – Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2017. – 337 p.
414. Roberts, A. Lives and statistics: Are 90% of war victims civilians? // Survival. – 2010. Vol. 52. №3. pp. 115–136. // Weblearn. [Сайт]. –
415. Rumpf H. The Bombing of Germany / trans.by Ed.Fitzgerald – N.Y., Chicago, San Francisco, 1963 [нем. изд-ие 1961].
URL:https://weblearn.ox.ac.uk/access/content/user/1044/survival_june-july_2010_-_ar_on_lives___statistics_-_non-printable.pdf. (дата обращения: 31.07.2016).
416. Salisbury, H. E. The 900 days: The siege of Leningrad / Harrison E. Salisbury. – New York; Evanston: Harper & Row, 1969. – 635 p.
417. Simmons, C. Writing the Siege of Leningrad: Women` s Diaries, Memoirs, a. Doc. Prose / Cynthia Simmons, Nina Perlina; with a forew. by Richard Bidlack. – Pittsburg: Univ. of Pittsburg press, 2005. – 242 p.
418. The Effects of Strategic Bombing on German Morale. Vol. 1 / US. Strategic bombing survey; Morale division. – Washington, 1947. P. 15, 23. – URL: https://isr.umich.edu/wp-content/uploads/historicPubications/Effects_300_.PDF/ (дата обращения 31.12.2021)
419. Francq, H. G. The tragedy of Leningrad. After Marina`s diary / by Henry G. Francq; Brandon.

univ. – Brandon: Brandon univ. press, 196 [?] – 56 p.

420. Yekelchyk, S. The Civic Duty to Hate / Stalinist Citizenship as Political Practice and Civic Emotion (Kiev, 1943–53) / Dept. of History, Dept. of Germanic and Russian Studies University of Victoria, Canada. – URL://http://muse.jhu.edu/journals/kritika/v007/7.3iekelchyk.pdf/ (дата обращения: 21.03.2010). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

VI. ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ

1. Авданин, В.В. Восстановление и развитие энергетического комплекса Ленинграда в период 1944–1956 гг.: специальность 5.6.1 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Авданин Владимир Владимирович; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Северо-Западный институт управления. – Санкт-Петербург, 2021. – 229с.
2. Амосова, А. А. Государственная и партийная деятельность П. С. Попкова. 1937–1950 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Амосова Алиса Анатольевна; С.-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2010. – 23 с.
3. Бизев, С. Б. Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградской Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Бизев Сергей Борисович; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2001. – 173с.
4. Букренева, К. Г. Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Букренева Ксения Геннадьевна; Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. – Екатеринбург, 2015. – 25с.
5. Газиева, Л. Л. Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 годах: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Газиева Людмила Леонидовна; С.-Петер. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2011. – 318 с.
6. Глотова, О. А. Андрей Александрович Жданов (идеологическая деятельность в 1920–

1940-е гг.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Глотова Олеся Александровна; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – Москва, 2004. – 24 с.

7. Гриднев, В. П. Отечественная историография обороны Ленинграда (1941–1944 гг.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Гриднев Валерий Павлович; Северо-Западная Академия Государственной службы. – Санкт-Петербург, 1995. – 45 с.
8. Гусев, А. В. Местная противовоздушная оборона областей Центрального района России в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны (1932–1945 гг.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Гусев Александр Викторович; Костромской гос. технол. ун-т. – Иваново, 2014. – 41 с.
9. Долгополова, Е. В. Формирование и деятельность судебных органов в Ленинграде во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Долгополова Екатерина Владимировна; Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии Наук. – Санкт-Петербург, 2020. – 265 с.
10. Дерюгин, А. А. Служебно-боевая деятельность войск НКВД в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.): историко-правовой аспект: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Дерюгин Алексей Александрович; С.-Петерб. воен. ин-т внутр. войск МВД России. – Санкт-Петербург, 2011. – 24 с.
11. Дунбинская, Т. И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Анализ исторического опыта: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Дунбинская Татьяна Ивановна; Томский гос. ун-т. – Томск, 2004. – 27 с.
12. Емелин, С. М. Органы внутренних дел в 1939 – 1953 годы: эволюция статуса, правовых основ, организации и деятельности по материалам Южного Урала: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание степени доктора юридических наук / Емелин Сергей

Михайлович; Академия экономической безопасности МВД РФ. – Москва, 2009. – 48 с.

13. Зотова, А. В. Вклад Ленинграда в достижение Победы в Великой Отечественной войне: Народное хозяйство города в условиях военного времени (июнь 1941 г. – май 1945 г.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Зотова Анастасия Валерьевна; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2016. – 43 с.
14. Калайчева, Т. М. Трудовые резервы Ленинграда в годы блокады (1941–1944): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Калайчева Тамара Михайловна; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2002. – 163 с.
15. Карпенко, И. А. Восстановление Ленинграда в 1943–1948 гг.: социально-демографический и бытовой аспекты: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Карпенко Ирина Александровна; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2007. – 23 с.
16. Красноженова, Е. Е. Исторический опыт реализации социальной политики Советского государства в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Елена Евгеньевна Красноженова; Астраханский гос. университет. – Астрахань, 2014. – 38 с.
17. Кутузов, А. В. Блокада Ленинграда в информационном противоборстве в годы Второй Мировой войны: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Александр Владиславович Кутузов; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2012. – 40 с.
18. Кутузов, А. В. Проблемы жизнеобеспечения населения блокадного Ленинграда: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Александр Владиславович Кутузов; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 1995. – 18 с.
19. Лысенков, С. Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны: историко-правовое исследование: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Сергей Геннадьевич Лысенков; С.-Петерб. гос. ун-т МВД России. – Санкт-Петербург, 2005. – 54 с.
20. Макаров, П. В. Деятельность Комитета обороны при СНК СССР по развитию

производства боеприпасов (1937 – июнь 1941 гг.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Макаров Павел Валерьевич; Институт военной истории М-ва обороны РФ. – Москва, 2000. – 29 с.

21. Мартыненко, Н. С. Деятельность Комитета обороны при Совете Народных Комиссаров СССР. 1937–1941 гг.: опыт и уроки: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Мартыненко Николай Сергеевич: Гуманитарная орденов Ленина и Октябрьской революции, Краснознаменная академия Вооруженных Сил. – Москва, 1993. – 28 с.
22. Мелехова, Ю.А. Исторический опыт организации приема и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны: на примере Алтайского края: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Мелехова Юлия Александровна: Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова. –Барнаул, 2016.– 27с.
23. Мосунов, В. А. Борьба за пути сообщения и снабжение Ленинграда в 1941–1943 гг.: специальность 5.6.1. «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Мосунов Вячеслав Альбертович; С.-Петер. Институт истории РАН. – Санкт-Петербург, 2021. – 191 с.
24. Мотылев, Д. В. Деятельность государственно-партийного руководства Ленинграда по поддержанию духовной стойкости населения в период блокады: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Мотылев Денис Витальевич; Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. – Санкт-Петербург, 2003. – 24 с.
25. Николенко, А. В. Деятельность государственных и партийных органов по жизнеобеспечению эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны: на материалах Архангельской и Вологодской областей / специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Николенко Александр Викторович; Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. – Санкт-Петербург, 2017. – 23 с.
26. Панфилец, А. В. Ленинградская милиция в годы блокады (сентябрь 1941 – январь 1944 гг.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Панфилец Александр Владимирович; МВД России. С.-Петерб. ун-т. – Санкт-Петербург, 2000. – 26 с.

27. Позина, Л. Т. Забота партии о подрастающем поколении в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ленинградской партийной организации): специальность 07.00.01 «История Коммунистической партии Советского Союза»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Позина Лариса Тихоновна; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Ленинград, 1983. – 212 с.
28. Потемкина, Е. В. Роль информационной службы милиции Петрограда – Ленинграда в борьбе с преступностью. 1918–1941 г.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Потемкина Екатерина Владимировна; Северо-Зап. акад гос. службы. – Санкт-Петербург, 2001.
29. Похилюк, А. В. Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Похилюк Анатолий Викторович; Северо-Зап. акад гос. службы. – Санкт-Петербург, 1999. – 49 с.
30. Романович, С. В. Борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью на Юж. Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Романович Светлана Вячеславовна; Оренбург. гос. ун-т. – Оренбург, 2006. – 22 с.
31. Ростова, О. С. Правовая охрана материнства и детства в Советском государстве.: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ростова Ольга Сергеевна; Саратовская гос. акад. права. – Саратов, 2007. – URL: http://lawtheses.com/pravovaya-ohrana-materinstva-i-detstva-v-sovetskom-gosudarstve/ (дата обращения: 12.07.2017).
32. Савченко, Д. П. Деятельность А. Н. Косыгина по укреплению обороноспособности СССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Савченко Дмитрий Петрович; Московский пограничный институт Федеральной службы безопасности. – Москва, 2013. – 28 с.
33. Сербина, О. А. Обеспечение населения Ленинграда продовольствием в годы блокады (сентябрь 1941 – январь 1944 гг.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»:

автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Сербина Ольга Александровна; Северо-Зап. акад гос. службы. – Санкт-Петербург, 1996. – 21 с.

34. Скрябина, Е. О. Проблема материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941–1944 года). (Историко-медицинский аспект): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Скрябина Екатерина Олеговна; С.-Петер. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2008. – 141 с.
35. Тягур, М. И. Военно-мобилизационные мероприятия в Ленинградском регионе в связи с Советско-финляндской войной. Осень 1939 – лето 1940 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Тягур Михаил Игоревич; Российский гос. педагогический ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2019. – 263 с.
36. Хорошинина, Л. П. Особенности соматической патологии у людей старших возрастных групп, переживших в детстве блокаду Ленинграда: специальность 14.00.53 «геронтология и гериатрия»; Специальность 14.00.33 «Общественное здоровье и здравоохранение»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук / Хорошинина Лидия Павловна; С.-Петерб. ин-т биорегуляции и геронтологии СЗО РАМН. – Санкт-Петербург, 2002. – 42 с.
37. Чернов, С. Н. Подготовка промышленных кадров Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Чернов Сергей Николаевич; С.-Петерб. гос. ун-т. – Петрозаводск, 1998. – 415 с.
38. Чумаченко, Т. А. Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР. 1943–1965 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Чумаченко Татьяна Александровна, Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2011. – 50 с.
39. Шабатура, Е. А. Образ «Новой женщины» в советской культуре 1917–29 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Шабатура Елена Анатольевна; Омский гос. пед. ун-т. – Омск, 2006. – 25 с.

VII. МОНОГРАФИИ, СТАТЬИ АВТОРА ПО ДАННОМУ ВОПРОСУ[1]

1 Приводятся в хронологической последовательности: от поздних к ранним

1. Газиева, Л. Л. Работа постоянных комиссий по здравоохранению районных советов депутатов трудящихся Ленинграда в 1941 – 1943 гг. / Л. Л. Газиева // «Сточиковские чтения». Сборник статей XXIII международной научной конференции 13 ноября 2025 г. – Москва: ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н. А. Семашко», 2025. – С. 27–35.
2. Газиева, Л. Л. Вклад выдающихся деятелей ленинградской культуры в развитие науки и техники, отмеченный Сталинскими премиями за 1942 – 1943 гг. / Л. Л. Газиева // Героическое и трагическое лихолетье. Международная научно-практическая конференция к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Сборник статей. – Оренбург: Изд-во Оренбургского государственного педагогического университета, 2025. – С. 58–63.
3. Газиева, Л. Л. Проблемы дошкольной педагогики и педиатрии на научно-практических конференциях в СССР и США в 1941 – 1948 гг. / Л. Л. Газиева // История отечественной медицины в отражении научно-практических форумов: Материалы международной научной конференции. Нижний Новгород. – Нижний Новгород: Приволжский исследовательский медицинский университет, 2025. – С. 141–147.
4. Газиева, Л. Л. Участие ленинградских комсомольцев в восстановлении Октябрьской и Ленинградской железных дорог в 1942 году // Доставка продовольствия в блокированный Ленинград: [Материалы семинара] / Л. Л. Газиева / Санкт-Петербургский музей хлеба. – Санкт-Петербург: б/и, 2024. – С. 5–15.
5. Газиева, Л. Л. Преемственность в работе Ленинградского городского Комитета Красного Креста и РОКК в Ленинграде в период 1941 – 1944 гг. Мифы, проблемы изучения, роль и значение (по материалам фонда Ленинградского Городского Комитета Красного Креста) / Л. Л. Газиева // История медицины и историческая память: сборник статей Всероссийской науч.-практ. конференции с международным участием / Отв. ред. А.Ю. Соломеин. – Санкт-Петербург: РИЦ ПСПбГМУ им. ак. И.П. Павлова, 2024. – С. 187–194.
6. Газиева, Л. Л. Изменения в социальном обеспечении инвалидов войны и их семей в 1941 – 1943 гг. (на материалах Ленгорисполкома) / Л. Л. Газиева // Мы выстояли и победили. Международная науч.-практ. конференция к 80-летию прорыва блокады Ленинграда, Сталинградской и Курской битвы. Сборник статей. – Оренбург: Изд-во Оренбургского государственного педагогического университета, 2023. – С. 48–54.

[Подписано в печать 12.05.2023].

7. Газиева, Л. Л. Этика стола как часть культуры блокадного быта // Застолье как культурный феномен в традиции русской литературы 2-й половины XIX века: [Материалы семинара] / Л. Л. Газиева. / Санкт-Петербургский музей хлеба. – Санкт-Петербург: б/и, 2023. – С. 63–68.
8. Газиева, Л. Л. Работа Продовольственной комиссии Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 году. / Л. Л. Газиева // Застолье как культурный феномен в традиции русской литературы 2-й половины XIX века: [Материалы семинара] / Санкт-Петербургский музей хлеба. – Санкт-Петербург: б/и, 2023. – С. 76–89.
9. Газиева, Л. Л. Роль Ленинградского Комитета Общества Красного Креста в спасении гражданского населения блокированного Ленинграда. 1941 – 1942 годы / Л. Л. Газиева // Актуальные проблемы высшего медицинского образования в России XVIII – начала XXI вв. Сборник статей Всероссийской науч.-практ. конференции, посвященной 125-летию Первого Санкт-Петербургского медицинского университета имени академика И. П. Павлова и 80-летию Военно-медицинского музея. – Санкт-Петербург: Изд-во ПСПбГМУ им. ак. И.П.Павлова, 2022. – С. 180–183.
10. Газиева, Л. Л. Вклад ученых Первого Санкт-Петербургского медицинского университета имени академика И. П. Павлова в развитие экстренной медицины / И. П. Миннуллин, Л. Л. Газиева, Л. Д. Акимова // Скорая медицинская помощь – 2022. Материалы 21 Всероссийского конгресса (Всероссийской научно-практической конференции с международным участием), посвященного 125-летию Первого Санкт-Петербургского медицинского университета имени академика И. П. Павлова / Под ред. И. А. Вознюк и др.; Отв. ред. С. Ф. Багненко. – Санкт-Петербург: Изд-во ПСПбГМУ им. ак. И.П.Павлова, 2022. – С. 78–80.
11. Газиева, Л. Л. Взаимодействие Комитета обороны СНК СССР и Ленгорисполкома накануне Великой Отечественной войны (январь – май 1941 года) / Л. Л. Газиева // Накануне: Материалы международной науч.-практ. конференции / Под ред. О. А. Черняги и др. – Санкт-Петербург: ИПЦ СПбГУПТД, 2021. – С. 105–112.
12. Газиева, Л. Л. Документы секретной части Ленгорисполкома об организации спасения гражданского населения Ленинграда. 1941–1942 гг. / Л. Л. Газиева // Отечественные архивы. – 2021. – №5. – С. 49–59. [индекс. в RSCI]
13. Газиева, Л. Л. Рецензия / Л. Л. Газиева // Отечественные архивы. – 2021. – №2. – С. 114–116. [индекс. в RSCI] – Рец. на кн.: «Люди хотят знать»: История создания «Блокадной

книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина / сост. Н. Соколовская. – Санкт-Петербург: Изд-во «Пушкинского фонда», 2021. – 272 с.

14. Газиева, Л. Л. Публичный человек и его риторика в блокадном Ленинграде. К вопросу методики исследования коммуникативных отношений в блокированном Ленинграде / Л. Л. Газиева // Обычный человек в необычное время: к 60-летию со дня рождения С. В. Ярова: Сборник статей. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – С. 114–124.
15. Газиева, Л. Л. Начисление и выплаты заработной платы в блокированном Ленинграде в 1941–1943 годах / Л. Л. Газиева // Легенды Сайгона: сборник статей ежегодного семинара / Санкт-Петербургский музей хлеба. – Санкт-Петербург: Келлер, 2020. – С. 60–67.
16. Газиева, Л. Л. Рецензия / Л. Л. Газиева // Отечественные архивы. – 2020. – №3. – С. 124–128. [индекс. в RSCI] – Рец. на кн.: Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. Санкт-Петербург: Галарт, 2019. 528 с.; Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. Санкт-Петербург: Галарт, 2019. 528 с.; Ленинград. Война. Блокада. Победные залпы: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. Санкт-Петербург: Галарт, 2020. 605 с.
17. Газиева, Л. Л. Путь хлеба на стол ленинградцев в январе 1942 года. / Л. Л. Газиева // Хлеб блокадного города: Сборник статей / Санкт-Петербургский музей хлеба. – Санкт-Петербург: Страта, 2019. – С. 31–48.
18. Газиева, Л. Л. Ленинградская организация ВЛКСМ в 1941–1944 гг. / Л. Л. Газиева // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург: Галарт, 2019. – С. 490–501.
19. Газиева, Л. Л. Коммуникативные особенности преодоления конфликтных ситуаций, отраженные в протоколах первичных организаций ВКП (б) I ЛМИ (генезис первичных мифологем и идеологем) / Л. Л. Газиева // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018. – Т. 9. Выпуск 6 (70). [Сайт]. – URL: http://history.jes.su/s207987840002245-8-1/ (дата публикации: 13.09.2018). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей. – DOI: 10.18254/S0002245-8-1 [индекс. в RSCI]
20. Газиева, Л. Л. Вопросы спасения гражданского населения в документах СНК СССР и

ГКО СССР в 1943 году: ключевые проблемы и противоречия / Л. Л. Газиева // 1943 год. От Курска до Днепра. Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию разгрома немецко-фашистских войск в Курской битве (Москва, 21 августа 2018 года) / сост. Е. П. Желамская, Ю. А. Никифоров, Д. В. Шполянский; отв. ред. Ю. А. Никифоров. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. – С. 339–359. – URL: https://histrf.ru/biblioteka/b/1943-ghod-ot-kurska-do-dniepra/ (дата обращения: 16.04.2019).

21. Газиева, Л. Л. Проблема выживаемости гражданского населения в блокированном Ленинграде в новейшей исторической литературе / Л. Л. Газиева // К 75-летию начала Великой Отечественной войны: На грани катастрофы. Сборник материалов Международной научной конференции (Москва, Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., 22– 23 июня 2016 г.) / Рук-ль проекта М. Ю. Мягков; сост.: Ю. А. Никифоров, Д. В. Суржик. – Брянск: ООО ИД “Историческое сознание”, 2017. – С. 517–526.
22. Газиева, Л. Л. Проблемы организации реэвакуации ленинградских детей в 1944–1945 гг. / Л. Л. Газиева // Вестник Пермского университета. – 2016. – Выпуск 3 (34). – С. 108–116. [индекс. в RSCI]
23. Газиева, Л. Л. Рассекреченные документы государственных архивов о спасении гражданского населения в блокадном Ленинграде / Л. Л. Газиева // Великая Отечественная война: К 70-летию народной Победы. Материалы международной научной конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в памяти народа и документах Архивного фонда Российской Федерации и зарубежных архивов. Проблемы изучения и публикации». Москва, 15 апреля 2015 г. / отв. ред. Е. И. Пивовар; сост. И. А. Анфертьев. – Москва: РГГУ, 2015. – С. 816–827.
24. «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится все время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. Публ. Л. Л. Газиевой // Военно-исторический журнал. – 2015. – №3. – С. 31–35.
25. Газиева, Л. Л. Специфические особенности атмосферы собраний организации ВКП(б) 1 ЛМИ в 1941–1943 гг. / Л. Л. Газиева // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГМУ. 2015. – С. 82–89.
26. Газиева, Л. Л. Проблемы и противоречия использования опыта Первой мировой войны

по спасению детей в период Великой Отечественной войны / Л. Л. Газиева // Вестник Пермского университета. – 2015. – Выпуск 2 (29). – С. 139–147. [индекс. в RSCI]

27. Газиева, Л. Л. Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944: монография / Л. Л. Газиева; под ред. Г. Л. Соболева. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. – 428 с. [12]: илл. [реценз.]
28. Газиева, Л. Л. Некоторые методологические проблемы военно-исторической антропологии / Л. Л. Газиева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 6. – С. 118–124.
29. Газиева, Л. Л. Система и кадры лечебно-профилактических учреждений, обслуживающих детей и подростков в Ленинграде в 1941–44 гг. / Л. Л. Газиева // Проблемы городского здравоохранения. Выпуск 19: Сборник научных трудов / под ред. З. д. н. РФ, д.м.н., проф. Н. И. Вишнякова. – Санкт-Петербург: 2014. – С. 220–226.
30. Газиева, Л. Л. Горисполком и руководство организацией спасения детей в Ленинграде в 1941–1943 гг.: противоречия и проблемы / Л. Л. Газиева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – №3 (Т. 4. История). – С. 160–169.
31. Газиева, Л. Л. Использование опыта Первой Мировой войны в спасении детей-дошкольников и младших школьников в период Великой Отечественной войны / Л. Л. Газиева // Забвению не подлежит. Вып. X: Статьи. Воспоминания. Документы. Материалы Международной научно-практической конференции «Связь времен: война и ее отражение в современном музее», посвященной 70-летию Гос. Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда, 28–29 апреля 2014 года / сост. С. Ю. Курносов, А. В. Кутузов; отв. ред. А. В. Кутузов; Ком. по культуре Санкт-Петербурга, ГММОБЛ. – Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2014. – С. 83–88. [реценз.]
32. Газиева, Л. Л. Полемические вопросы финансирования эвакуации детей из Ленинграда в 1941–1942 гг. (к статье А. В. Зотовой “О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда”) / Л. Л. Газиева // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. – 2014. – №2. – С. 51–53.
33. Газиева, Л. Л. Документы женщин-педагогов о спасении детей в блокадном Ленинграде / Л. Л. Газиева // Отечественные архивы. – 2014. – №5. – С. 41–47. [индекс. в RSCI]
34. Газиева, Л. Л. Некоторые особенности устных переговоров Ставки Главнокомандования с руководителями обороны Ленинграда в июле – сентябре 1941 года / Л. Л. Газиева // Рабочий класс и интеллигенция России на рубеже веков: XIX–XX и XX–XXI вв. Связь времен. Материалы м/н научно-практической конференции, приуроченной к

70-летию со Дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. 14–15 октября 2013 года / отв. ред. А. В. Кутузов; сост. А. В. Кутузов, Л. Л. Газиева. – Санкт-Петербург: Изд. Л. Газиева, 2013. – С. 195–200.

35. Газиева, Л. Л. Статистика эвакуированных из блокадного Ленинграда детей и подростков в документах органов государственной власти и управления / Л. Л. Газиева // Отечественные архивы. – 2013. – №3. – С. 33–40. [индекс. в RSCI]
36. Газиева, Л. Л. Трудовые резервы в блокированном Ленинграде: героизм и жертвы / Л. Л. Газиева // Клио. – 2013. – №6 (78). – С. 89–93.
37. Газиева, Л. Л. Эвакуация ленинградских детей. Июнь – июль 1941 г. / Л. Л. Газиева // Начало Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: взгляд через 70 лет / Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 5. Книга 1 / науч. ред.: Коршунов Э. Л. [и др.]. – Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 2013. – С. 78–88. [реценз.]
38. «Хотелось сохранить хотя бы часть… семьи…» Запись воспоминаний директора детского дома №51 г. Ленинграда М. М. Шарый о работе в условиях блокады 1941–1943 гг. Публ. Л. Л. Газиевой // Отечественные архивы. – 2013. – №5. – С. 87–113. [индекс. в RSCI]
39. Газиева, Л. Л. Организация эвакуации ленинградских детей в 1941 г. (по материалам государственных архивов) / Л. Л. Газиева // Клио. – 2013. – №8 (80). – С. 63–66.
40. Газиева, Л. Л. Работа Наркомпроса РСФСР в 1942–1943 гг. по нормализации жизнедеятельности детских учреждений, эвакуированных из Ленинграда / Л. Л. Газиева // Клио. – 2013. – №2 (74). – С. 71–73.
41. Газиева, Л. Л. Военная цензура в осажденном Ленинграде / Л. Л. Газиева // Военно-исторический журнал. – 2013. – №10 (642). – С. 40–42.
42. Газиева, Л. Л. Методическая разработка урока на тему «Блокада Ленинграда» / Л. Л. Газиева // Преподавание истории в школе. – 2012. – №8. – С. 32–37.
43. Газиева, Л. Л. Деятельность Леноблгорлита в июне – декабре 1941 / Л. Л. Газиева // Ленинградская битва сквозь призму времени. Материалы научной конференции и «круглого стола», состоявшихся в музее в 2011 году / Ред.-сост. Л. А. Наливкин; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 100–103.
44. Газиева, Л. Л. Блокада. Феномен общественного сознания блокады Ленинграда / Л. Л. Газиева // Жизнь и быт блокированного Ленинграда: Сборник научных статей / отв.

ред. Б. П. Белозеров; СПбГУ. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010. – С. 230–242.

45. Газиева, Л. Л. Использование естественно-исторического наблюдения как способа оздоровления детской психики в период блокады Ленинграда (1941–1944) / Л. Л. Газиева // Известия РГПУ. Аспирантские тетради. – 2008. – №24 (55). – С. 361–364.
46. Газиева, Л. Л. Феномены времени в дневниках воспитателей дошкольных учреждений блокадного Ленинграда (1941–1944) / Л. Л. Газиева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – 2008. – Выпуск 3. – С. 67–74. [индекс. в RSCI]
47. Газиева, Л. Л. Историческая память и историческое беспамятство. Захоронения 1942–1948 гг. в Александро-Невской Лавре. // Эта память – наша совесть… / сост. Е. Н. Дмитриева, Л. Л. Газиева; редкол. В. В. Яробков [и др.]. РГИ-ИППК СПбГУ, Педагогический колледж №5 г. СПб. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 57–61. [реценз.]

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА[1]

Диаграмма 1. Динамика группы иждивенцев отдельных лиц по Ленинграду в 1939–1941 гг. I.106
Диаграмма 2. Динамика распределения по полу и численности состава районных Советов депутатов трудящихся в Ленинграде. 1941–1943. I. 163
Диаграмма 3. Наличие депутатов Горсовета и райсоветов по 11 районам Ленинграда. 1941–1944 г. I.164
Диаграмма 4. Динамика состава участников сессий Василеостровского Совета депутатов трудящихся в период войны. I. 229
Диаграмма 5. Динамика состава участников сессий Ленгорсовета депутатов трудящихся в 1941 – 1947 гг. II. 484
Диаграмма 6. Состав участников сессий районных советов депутатов трудящихся г. Ленинграда в 1947 гг. (выборочно). II.484
Диаграмма 7. Социальная динамика населения в Ленинграде в 1941–1943 гг. II.155
Диаграмма 8. Наличие коек в детских лечебных учреждениях Ленинграда в 1941–1944 гг. II.289
Диаграмма 9. Профилизация коек в детских лечебно-профилактических учреждениях Ленинграда в 1941–1944 гг. II.290

Таблица 1. Конвенции Международной Лиги Труда, ограничивающие применение труда детей и несовершеннолетних. II.435
Таблица 2. Распределение населения Ленинграда, Колпино, Кронштадта, Петергофа и Пушкина на начало 1941 г. по полу и возрастным группам. II.436
Таблица 3. Баланс занятого населения Ленинграда, Колпино, Кронштадта, Петергофа и Пушкина на начало 1941 г. по социальным стратам. II.437
Таблица 4а. Справка по эвакуации населения из Ленинграда за период с 29 апреля 1941 г. по 1 апреля 1943 г. II.438
Таблица 4б. Отчет городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. (Фрагмент). II.440
Таблица 5. Наличие ленинградских детских учреждений в эвакуации в 1942 г. II.441
Таблица 6. Наличие ленинградских детей в эвакуированных детских учреждениях в 1942 г. по данным Ленгороно и Наркомпроса РСФСР. II.442
Таблица 7. Список предприятий, государственных учреждений, ВУЗов и ремесленных училищ,

1 С указанием номера тома и страницы.

эвакуированных из Ленинграда с 22-го января по 12-е апреля 1942 года. II.443
Таблица 8. Сведения о размещении эвакуированных из Ленинграда на 1 мая 1942 г. II.450
Таблица 9. Справка о размещении эвакуированных граждан из Ленинграда за период с 1 июня по 10 августа 1942 года. II.451
Таблица 10. Справка о расходах на оказание помощи эвакуированным из Ленинграда с 16 февраля по 27 июня 1942 года. II.452
Таблица 11. Эвакуационная статистика по эвакопунктам Тихвин, Кобона, Лаврово за январь – декабрь 1942 года. II.453
Таблица 12. Эвакуация по Дороге Жизни с января по 15 апреля 1942 года. (Из отчета начальника эвакуационного пункта в Борисовой Гриве Левина Л. А.). II.453
Таблица 13. Смертность на Дороге жизни при эвакуации (февраль – апрель 1942 г.). II.454
Таблица 14a. Военно-санитарная эвакуация из Ленинграда за период с 19 сентября 1941 г. по 12 апреля 1942 г. II.455
Таблица 14б. Военно-санитарная эвакуация из Ленинграда с 5 января по 12 апреля 1942 г. II. 455
Таблица 14c. Состав эвакуированных в порядке разгрузки Ленинграда (с 21 января по 20 апреля 1942 г.). II. 455
Таблица 14d. Общее количество эвакуированных по ледовой трассе (с 21 января по 20 апреля 1942 г.). II. 455
Таблица 15. Количество учеников спецшколы №2 ВВС, умерших в вагонах и направленных в больницы и госпитали по ходу эвакуации (с 5 февраля по 8 марта 1942 г.). II.456
Таблица 16. Удельное соотношение выбытия в эвакуацию в Кавминводы контингента ленинградских вузов (22 января – 12 апреля 1942 г.) и прибытия к месту назначения на 4 июня 1942 г. II.457
Таблица 17. Должностные оклады в строительных управлениях Моссовета и Ленсовета на 7 июня 1941 г. II.459
Таблица 18. Сводная штатная ведомость личного состава отдельного ремонтно-монтажного батальона МПВО Ленинграда на август 1941 г. (фрагмент). II.460
Таблица 19a. Нормы распределения продовольственных товаров в Москве и Ленинграде от 18 июля 1941 года. II.460
Таблица 19б. Нормы распределения продовольственных товаров в Ленинградской области от 18 июля 1941 года. II.461
Таблица 19в. Нормы распределения продовольственных товаров в Ленинградской области от 20 августа 1941 года. II.461
Таблица 19c. Нормы распределения продовольственных товаров для населения Ленинграда и

войск Ленинградского фронта от 11 января 1942 года. II.461

Таблица 20. Динамика количества лиц, получавших продовольственные карточки в Ленинграде в 1941 – 1943 годах. II.462

Таблица 21. Рост запасов продовольствия в Ленинграде в 1942 году. II.462

Таблица 22. Охват детей общественным питанием в Ленинграде на 20 января 1942 г. и по проекту. II.462

Таблица 23. Контингенты населения в Ленинграде и их изменения за период с июля 1941 г. по март 1943 г. (по Отчету о торговле и общественном питании Продовольственной Комиссии при Военном Совете Ленинградского фронта). II.463

Таблица 24. Сравнительные данные норм питания заключенных по СССР, Ленинграду и Ленобласти на 13 октября 1942 года. II.464

Таблица 25. Количество врачей и медсестер в сети в Ленинграде в 1941–1943 гг. II.465

Таблица 26. Медицинские кадры Ленинграда (1941–1944 гг.). II.465

Таблица 27. Обслуживание больных ленинградскими больничными учреждениями в 1941–1944 годах. II.466

Таблица 28. Количество лиц, получивших медицинскую помощь в 1941–1944 годах в Ленинграде. II.467

Таблица 29. Сеть лечебно-оздоровительных детских учреждений Ленгорздравотдела в 1941–1944 гг. II.468

Таблица 30. Распределение больных по возрасту в ленинградских больницах системы Наркомздрава РСФСР на 4 ноября 1942 года. II.469

Таблица 31. Удельный вес основных форм заболеваемости за 3-й квартал 1942 г. по отдельным обкомам и завкомам профессиональных союзов в Ленинграде. II.470

Таблица 32. (1 часть). Работа лечебно-профилактических учреждений, обслуживавших детей и подростков в 1941–1944 гг. в Ленинграде. II.470

Таблица 32. (2 часть). Работа лечебно-профилактических учреждений, обслуживавших детей и подростков в 1941–1944 гг. в Ленинграде. II.471

Таблица 33. Профилизация детских коек в больничных учреждениях Ленинграда. II.471

Таблица 34. Количество койко-дней в среднем на одного ребенка, поступившего в детские больничные учреждения Ленинграда (без туберкулезных). II.472

Таблица 35а. Амбулаторное обслуживание детей Ленинграда. 1941–1944. II.472

Таблица 35б. Помощь на дому, оказанная детям в Ленинграде. 1941–1944. II.473

Таблица 35в. Движение женского и детского контингентов врачебных амбулаторных учреждений

в Ленинграде. 1941–1944. II.474

Таблица 36. Нормы детского питания в столовых усиленного питания в IV квартале 1942 г. (из постановления СНК СССР от 27 октября 1942 №1739). II.475

Таблица 37а. Родовспоможение в Ленинграде. 1941–1944. II.475

Таблица 37б. Рождаемость и смертность детей до 1 года в Ленинграде. 1941–1943 гг. II.476

Таблица 38. Дома ребенка в Ленинграде. 1941–1944. II.477

Таблица 39а. Работа женских и детских консультаций в Ленинграде. 1941–1944. II.477

Таблица 39б. Молочные кухни. II.478

Таблица 40а. Отчет ЛГЗО о работе яслей в 1941–1944 в НКЗ СССР. II.479

Таблица 40б. Посещение детьми яслей в 1943–1944 гг. II.479

Таблица 40в. Наполняемость койко-мест в яслях в 1941–1944 гг. II.480

Таблица 40с. Деятельность детских яслей в блокадном Ленинграде (в сопоставлении с 1940 г.). II.481

Таблица 41. Медицинское обслуживание школ, детсадов и детдомов органов народного образования в Ленинграде. 1941–1944. II.481

Таблица 42. Летальность (смертность) в детских больницах Ленинграда за 1942 г. (из 100% выбывших). II.482

Таблица 43. Заболеваемость детей в Ленинграде инфекционными заболеваниями в 1943–1944 гг. II.482

Таблица 44. Динамика состава Совета депутатов трудящихся Володарского района г. Ленинграда. 1941–1943 гг. II.483

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Международное трудовое право. 1919–1943 гг.

Таблица 1. Конвенции Международной Лиги Труда, ограничивающие применение труда детей и несовершеннолетних

№конвенции	Год принятия	Год Утверждения	Примечания по применению	Минимальный возраст
C005	1919	1921	В промышленности	14 лет, за искл. технич. школ
C006	1919	1921	Ночной труд с 22-00 до 5-00	16 лет
C007	1920	1921	На море	14 лет
C010	1921	1923	Сельское хоз-во	14 лет
C015	1921	1922	Судовые кочегары	18 лет
C016*	1921	1922	Требуется медэкспертиза для работы в море	14–17 лет
C033	1932	1935	В непромышленных отраслях	14 лет и старше, если должны посещать школу по гос. закону; с 12 лет на легких работах не более 2 часов в день.
C058	1936	1939	На море	15 лет
C059	1937	1941 февраль	В промышленности	15 лет, за искл. технич. школ
C060	1937	1950	В непромышленных отраслях	15 лет, за искл. технич. школ; с 13 до 14 лет не более 2 час. в день на легких работах
*C016 – конвенция, подписанная СССР				

Составлено по: Документы Международного трудового права [Электронные ресурсы] // МОТ. Сайт. URL: www. ilo. Org, 2014. (дата обращения: 18.02. 2015).

2. Социальная динамика ленинградского населения. 1941–1943 гг.

Таблица 2. Распределение населения Ленинграда, Колпино, Кронштадта, Петергофа и Пушкина на начало 1941 г. по полу и возрастным группам[1]

Женщины			
Возраст	На нач. 1939 г.	На нач. 1940 г.	На нач. 1941 г.
0-3	117.740	136.831	145.674
4-7	79.918	75.871	75.981
8-15	206.088	200.569	196.887
16-59	1.194.235	1.211.562	1.231.832
60 и старше	139.357	143.550	149.215
Всего	1.737.338	1.768.383	1.799.589
Мужчины			
Возраст	На нач. 1939 г.	На нач. 1940 г.	На нач. 1941 г.
0-3	121.349	141.871	151.610
4-7	79.891	76.773	76.858
8-15	201.051	196.808	193.875
16-59	993.568	883.992	929.433
60 и старше	60.480	61.284	65.697
Всего	1.456.339	1.360.728	1.417.473
Л. 22 Сводная			
Возраст	На нач. 1939 г.	На нач. 1940 г.	На нач. 1941 г.
0-3	239.089	278.702	297.284
4-7	159.809	152.644	152.839
8-15	407.139	397.377	390.762
16-59	2.187.803	2.095.554	2.161.265
60 и старше	199.837	204.834	214.912
Всего	3.193.677	3.129.111	3.217.062

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24 (Ленинградский областной комитет КПСС). Оп. 2в. Д. 5115 (Материалы Управления нар.-хоз. Учета г. Лен-да о работе пром-ти за 1 кв., о к/х работе, о труд. ресурсах Ленинграда на 01.01.1941 г., численности детей, заболев-ти и смерт-ти насел., о бюджете семьи раб. и служ. области на 1940 г… 6.II.41–13.VII.41). Л. 21, 27.

Таблица 3. Баланс занятого населения Ленинграда, Колпино, Кронштадта, Петергофа и Пушкина на начало 1941 г. по социальным стратам[1]

Население	К нач. 1939 г.			К нач. 1940 г.			К нач. 1941 г.		
Всего:	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен	Всего
в т.ч. занятых:	1456339	1737338	3193677	1360728	1768383	3129111	1417473	1799589	3217062
Промышленть	432699	367116	799815	383872	370297	754169	378825	365429	744254
С/х	2164	3219	5383	1865	3175	5040	2379	3540	5919
Стр-во	45818	13840	59658	48698	17468	66166	54426	16441	70867
Трансп. и связь	82146	45306	127452	64203	41222	105425	72828	40611	113439
Просв., наука, иск-во, печать	64584	69407	133991	64828	76320	141148	62613	67290	129903
Здравоохр-ие	14340	47469	61809	12038	47851	59889	13899	46010	59909
Торг., загот. и общ. пит-ие	55737	66493	122230	53771	73047	126818	53891	64290	118181
Жилищ. и коммун. хоз-во	33359	30917	64276	31467	33015	64482	36792	34098	70890
Гос. учр-ия и общ. орг-ии	33601	23061	56662	31553	24691	56244	26900	18462	45362
Пр. орг-ии по обсл. хоз-ва	34048	31936	65984	34110	31995	66105	47527	44580	92107
Домраб-цы	-	41485	41485	-	39709	39709	-	40522	40522
Всего раб. и служ.	798496	740249	1538745	726405	758790	1485195	750080	741273	1491353
Кооперир. Кустари	58254	63109	121363	59615	64584	124199	57371	62153	119524
Некооп. Кустари	1370	1061	2431	1370	1061	2431	1370	1061	2431
Уч-ся вузов и ссузов	43957	65935	109892	44338	66508	110846	37885	56828	94713
Инв. и пенс.	19688	27188	46876	19861	27428	47289	19861	27428	47289
Проч. группы	201994	66494	268488	201994	66494	268488	201994	66494	268488
Всего занято в н/х	1123759	964036	2087795	1053583	984865	2038448	1068561	955237	2023798
В том числе иногор.	128000	30000	158000	128000	30000	158000	128000	30000	158000
Иждивенцы отд. Лиц	460580	803302	1263882	435145	813518	1248663	476912	874352	1351264
В том числе в возр. 16-59 лет	54859	295019	349878	28551	315708	344359	60432	368791	424223
Из них уч-ся ср. школ	10971	20375	31346	13658	25364	39022	12495	23205	35700

[1] Там же.

Таблица 4а. Справка по эвакуации населения из Ленинграда за период с 29 июня 1941 г. по 1 апреля 1943 г. [1]

Наименование группы населения	С 29. VI по 27. VIII-41.	27. VIII по 22. I-42.	22. I-42 по 15. IV-42.	С 27.V-42 по 1. IV-43.	Эвакуировано всего с 29.VI-41 по 1. IV-43.
1. Рабочих и служащих с семьями эвакуированных предприятий	164 320	36 783	351 845	101 417	654 365
2. Рабочих и служащих с семьями, временно потерявших трудоспособность	104 692			55023	159 715
3. Женщин имеющих 2-х детей и более	219 691			102 069	321 760
4. Учащихся институтов, техникумов, преподавателей, артистов, писателей, ученых с их семьями			37 877	4 908	42 785
5. Женщин, имеющих 1 ребенка				35 572	35 572
6. Дети детдомов и обслуживающий персонал с семьями			12 639	45 596	58 235
7. Ученики Ремесленных училищ			32 896	8 440	41 336
8. Пенсионеры и инвалиды труда с семьями				29 833	29 833
9. Инвалиды Великой Отечественной войны			43 055	10 557	53 613
10. Больные с семьями				3 983	3 983
11. Спецконтингент			40 464	6677	47 141
12. Население Ленинградской области и Прибалтийских республик	147 500	67 928	35 409	43 954	294 791
Всего:	636 203	104 711	554 186	448 029	1 743 129

Примечание: Из общего количества эвакуированных – 1 743 129 чел.
1. Население Ленинграда - 1. 448. 338 [человек]
В том числе детей 414. 146
2. Население районов Ленинградской области 147. 291
3. Население Прибалтийских Советских республик 147. 500
Ленинградская Городская эвакуационная комиссия

2. Эвакуация населения из города Ленинграда и Ленинградской области проведена в ряд областей страны, согласно плану СНК СССР. Рассредоточение ленинградцев по областям Союза

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 1415. (Справка о состоянии эвакуированного населения Ленинграда с 29/VI 1941 по 1/IV 1943 г. 10 апреля 1944 г.). Л. 1–6.

выражается в следующих данных.

1. Горьковская область 30. 887 [человек]
2. Ярославская область 57. 402
3. Молотовская область 22. 240
4. Омская область 31. 081
5. Куйбышевская область 29. 722
6. Саратовская область 12.122
7. Сталинградская область 6. 824
8. Новосибирская область 23. 289
9. Красноярская область 32. 201
10. Алтайский край 42. 086
11. Ивановская область 30.039
12. Башкирская АССР 30.195
13. Чувашская АССР 19.673
14. Свердловская область 4. 226
15. Кировская область 3.154
16. Разные области 67.997

Итого 443.138 чел.

Данные по вербовке рабочих в промышленность по наркоматам

1. авиапромышленность 4.326 чел.
2. алюминиевая промышленность 127
3. пищевая промышленность 8.798
4. судостроительная промышленность 6.379
5. строительная промышленность 533
6. тяжелое машиностроение 142
7. танкостроение 930
8. среднее машиностроение 655
9. химическая промышленность 996

Всего: 22. 886 чел.

После окончания массовой эвакуации штат и расходы эвакопунктов сокращены до минимума.

IX. Итоговые данные по эвакуации населения

I. Всего эвакуировано за период с 27 / V по 1 / XII – 1942 г.

_____443. 138 чел.

Из них:

1. Рабочих и служащих с семьями эвакуированных предприятий ……..100.291
2. Рабочих и служащих с семьями временно потерявших трудоспособность……55.023
3. Женщин имеющих 2-х детей и более..……..……101.848
4. Учащихся институтов, техникумов, преподавателей, артистов, писателей, ученых с их семьями…….4.908
5. Женщин имеющих 1 ребенка……..……35.572
6. Дети детдомов и обслуживающий персонал с семьями……..…… 44.396
7. Ученики Ремесленных училищ…… 8.440
8. Пенсионеры и инвалиды труда с семьями……..……28.919
9. Инвалиды Отечественной войны……. 8.839
10. Больные с семьями……..…… 3.321
11.Спецконтингент……..……..…… 6.501
12. Население Ленинградской области и Прибалтийских республик…… 43.954
13.Командировочные……..…..… 1.126

Всего……..443.138

Данные эвакуации детей за 1942 г. по областям СССР (человек):

1. Алтайский край 4 208
2. Горьковская область – 5 322
3. Ивановская область 5 200
4. Краснодарская область 4 465
5. Красноярская область 1 344
6. Куйбышевская область 2 936
7. Новосибирская область 3 968
8. Свердловская область 1 626
9. Ярославская область - 15 953

Всего 48 623 чел.

Подпись [нрзб]

10 / IV 44 г. [подпись и дата простым карандашом]

Таблица 4б. Отчет городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. (Фрагмент)[1]

Эвакуировано по Ледяной дороге за период		
с 22.I.1942 г. по 15.IV.1942 г. из них:	554 186	чел.
1.Рабочих и служащих	66 182	»
2.Семей рабочих и служащих	193 244	»
3.Семей военнослужащих	92 419	»
4.Учащихся ремесленных училищ	28 454	»
5.Молодых специалистов, студентов, профессоров, преподавателей и научных работников с семьями	37 877	»
6.Учащихся и преподавателей [военных] спецшкол	4 442	»
7.Детей детдомов	12 639	»
8.Инвалидов Отечественной войны	7 343	»
9.Население с эвакопунктов города (ранее эвакуируемые в Ленинграда из районов области)	8 135	»
10.Раненых красноармейцев и командиров РККА	35 713	»
11.Заключенных	1 150	»
12.Спецконтингент (административно высланные)		»
из города	8 825	»
из области	30 489	»
13. Колхозники с Карельского перешейка	27 274	»
Всего эвакуировано за период с 29.VI.1941 г. по 15.IV.1942 г. из них:	1 295 100	»
а) население Ленинграда	970 718	»
б) население Эстонской, Латвийской, Литовской и Карельско-Финской ССР, эвакуированное ранее в Ленинград, население районов Ленобласти, раненые красноармейцы и командиры	324 382	»

1 По Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. – Санкт-Петербург: Лики России, 1995. С. 301–305.

Таблица 5. Наличие ленинградских детских учреждений в эвакуации в 1942 г.[1]

Наименования краев, областей и АССР	Кол-во детдомов	Кол-во детей в детдомах	Кол-во интернатов	Кол-во детей в интернатах	Всего детских учреждений	Всего детей
Алтайский край	15	1169	25	2600	40	4569*
Горьковская область	28	3500	–	–	28	3500
Ивановская область	34	3884	–	–	34	3884
Кемеровская область	13	1808	–	–	13	1808
Кировская область	7	950	126	10808	133	11758
Краснодарский край	9	1130	–	–	9	1130
Красноярский край	4	323	17	1181	21	1504
Курганская область	5	485	56	5371	61	5826
Куйбышевская обл.	13	1479	–	–	13	1479
Молотовская область	4	401	67	5046	71	5447
Новосибирская область	11	1511	–	–	11	1511
Омская Область	23	2032	74	7220	97	9232
Свердловская область	5	588	14	1498	19	2286
Татарская АССР	–	–	12	1095	12	1095
Удмуртская АССР	1	102	–	–	1	102
Челябинская область	2	195	32	3575	34	3770
Ярославская область	145	10500	70	6740	215	17240
Итого	319	31027	493	45134	812	76161
*Данное противоречие содержится в документе						

1 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2968. Л. 4. (Впервые опубликовано: *Позина Л. Т.* Забота партии о подрастающем поколении в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ленинградской партийной организации). Дисс. … к. и. н. Л., 1983).

Таблица 6. Наличие ленинградских детей в эвакуированных детских учреждениях в 1942 г. по данным Ленгороно и Наркомпроса РСФСР

Наименование краев, областей	Эвакуация (1)		Всего Гороно (1)[1]	Всего НКП (2)[2]	План реэвакуации (3)[3]
	1941	1942			
Алтайский край	–	4203	4203	4569	3167
Горьковская область	–	5322	5322 [4008/ 3259]	3500	1935
Ивановская область	161	5200	5361	3884	1054
Кировская область	17275	–	17275 было 22 234	11758	5418
Краснодарский край	–	4465	4465	1130	884
Красноярский край	–	1344	1344	1504	1548
Куйбышевская область	–	2936	2936	1479	100
Молотовская область	6 787	–	6787	5447	3078
Новосибирская область	–	3968	3968	1511	2227
Омская область	12719	3601	16320	9232	7285
Свердловская область	1408	1626	3034 [2531/3069]	2286	1944
Татарская АССР	2 895	–	2895	1095	932
Челябинская область	9422	–	9422 [4452/3955]	3770	2315
Ярославская область	8378	15953	24331 было 43397	17240	4396
Кемеровская область				1808	2133
Курганская область				5826	1786
Удмуртская АССР				102	–
Костромская область					4431
Армянская ССР					100
Вологодская область					110
Ульяновская область					100
Ставропольский край					100
Киргизская ССР					150
Марийская АССР					120
Итого	59065	48623	107688	76161	45313

* Таблица составлена по документам Ленгороно (столбцы 2-4), Наркомпроса РСФСР (столбец 5), ГУ милиции (столбец 6) и показывает расхождения в статистических данных о количестве детей, которые находились в ленинградских детдомах в эвакуации в 1942 г. В квадратных скобках дополнительно отмечены данные по отчетам уполномоченных Ленгорисполкома (первое число за 42 г., второе – за 43 г.), которые показывают колебания численности детей за период 1942–1943

1 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 167. (Отчет отдела народного образования исполкома …).

2 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2968. Л. 4.

3 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 1513 (11 января – 18 декабря 1945. Переписка о реэвакуации учреждений). Л. 78. (из Приложения к письму начальнику Главного управления милиции, комиссару милиции 1-го ранга тов. Галкину от 17 апреля 1945 г.)

ОБЩИЙ ИТОГ ПО ДАННОМУ СПИСКУ:
Всего эвакуировано через организации – 164. 598 чел.
В том числе: работающих и учащихся – 77.700 «
Их иждивенцев – 86. 898 «
26.IV – 42 г.

Таблица 7. Список предприятий, государственных учреждений, ВУЗов и ремесленных училищ, эвакуированных из Ленинграда с 22-го января по 12-е апреля 1942 года[1]

№	Наименование	Всего эвакуировано	В том числе		Отметка о частичной или полной эвакуации
			Рабочих, служащих или учащ.	Иждивенцев	
1	2	3	4	5	6
1. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ					
1.	З-д им. М. Гельца	146	59	87	частично
2.	З-д «Красногвардеец»	380	151	229	«
3.	З-д №327	321	111	210	«
4.	З-д «Электрик»	369	77	292	«
5.	З-д №218	101	45	56	«
6.	З-д №209	286	114	172	«
7.	З-д №212	321	177	144	«
8.	З-д КРИЗО	34	13	21	«
9.	ф-ка «Скороход»	1322	500	822	«
10.	ф-ка «Прол. Победа» №1 и 2	173	63	110	«
11.	З-д «Электросила»	546	234	312	«
12.	1-ая ГЭС	223	46	177	«
13.	«Красный швейник»	56	32	24	«
14.	Коксо-газовый завод	73	24	49	«
15.	З-д №189	2646	724	1922	«
16.	З-д «Севкабель»	327	54	273	«
17.	З-д «Пневматика»	205	130	75	«
18.	З-д им. Котлякова	107	65	42	«
19.	З-д РТИ	1679	753	926	«
20.	З-д резиновой обуви	474	186	288	«
21.	Шинный завод	531	254	277	«
22.	Ф-ка дамского и детского платья	33	18	15	«
23.	Ф-ка «ГОЗНАК»	46	26	20	«
24.	З-д им. Матвеева	282	112	170	«
25.	Ф-ка «Веретено»	476	120	356	«
26.	Алебастровый завод	65	14	51	«
27.	Кировский завод	4722	322	4400	«
28.	З-д №4 им. Калинина	1734	680	1054	«
29.	З-д «Красная Заря»	2950	734	2216	«
30.	З-д №349 им. ОГПУ	2532	635	1897	«
31.	З-д №357	38	9	29	«

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151.

1	2	3	4	5	6
32.	З-д №350	37	8	27	«
33.	З-д №354	62	15	47	«
34.	Ижорский завод	1760	-	1760	«
35.	З-д «Красный Выборжец»	1045	265	780	«
36.	З-д им. Ворошилова	333	85	248	«
37.	З-д №381	1548	-	1548	«
38.	З-д №380	200	-	200	«
39.	Трест №16 НКСП	2900	750	2150	полностью
40.	З-д №211	2400	600	1800	частично
41.	З-д №371 им. Сталина	1250	315	935	«
42.	З-д №7 им. Фрунзе	760	870	1890	«
43.	З-д художествен. красок	55	14	41	«
44.	З-д им. Ломоносова	265	67	198	«
45.	З-д им. Энгельса	636	160	476	«
46.	З-д им. Карла Маркса	2739	890	1849	«
47.	Ф-ка «Красное Знамя»	1770	450	1320	«
48.	Ф-ка им. Самойловой	123	31	92	«
49.	З-д «Большевик»№232	5170	1302	3868	«
50.	З-д им. Воскова	367	94	273	«
51.	Ф-ка «Красный Маяк»	350	88	262	«
52.	Мотоциклетный завод	300	-	300	полностью
53.	З-д №5	1280	470	810	частично
54.	З-д №522	410	175	235	«
55.	Вагоно-ремонтный з-д	652	163	489	«
56.	Пролетарский п/рем. з-д	494	124	370	«
57.	Комбинат им. Тельмана	860	215	645	«
58.	З-д «КИНАП»	247	62	185	«
59.	З-д №379	60	15	45	«
60.	З-д №224	60	15	45	«
61.	З-д «Буревестник»	360	25	235	«
62.	З-д «Пролетарий»	200	50	150	«
63.	З-д №210	400	100	300	«
64.	З-д Главсевзапстроя	1600	400	1200	«
65.	Монетный двор	300	125	175	«
66.	З-д №174	200	50	150	«
67.	З-д К-№4	215	54	161	«
68.	З-д №77	1170	295	875	«
69.	Комбинат «Марксист»	160	40	120	«
70.	5-ая ГЭС	730	184	546	«
71.	2-ая ГЭС	230	50	180	«
72.	3-я ГЭС	110	30	80	«
73.	7-ая ГЭС	20	5	15	«
74.	Ленэнерго (подс. предп)	100	25	75	«
75.	Октябрьская жел.дор.	800	200	600	«
76.	З-д №235	460	115	345	«
77.	Ленинградская ж.д.	905	245	660	«
78.	З-д «Экономайзер»	250	-	250	«
79.	З-д им. Ленина	1600	-	1600	«
80.	Предприятия Глав-ленхлоппрома	11435	2865	8570	«
81.	З-д им. Воровского	80	20	60	«

1	2	3	4	5	6
82.	З-д «Вторчермет»	70	19	51	«
83.	З-д №190 им. Жданова	1940	624	1216	«
84.	З-д №223	143	35	108	«
85.	З-д «Красный Автоген»	20	5	15	«
86.	З-д «Красный химик»	65	14	51	«
87.	З-д «Пионер»	120	45	75	«
88.	Ф-ка «Равенство»	700	175	525	«
89.	Резвоостровская ф-ка	132	33	99	«
90.	Ф-ка суконных изделий	215	86	129	«
91.	Утильзавод	15	4	11	«
92.	З-д №194 им. А. Марти	1750	250	1500	«
93.	З-д №196	1270	250	1020	«
94.	З-д №363	140	-	140	«
95.	З-д №103	875	200	675	«
96.	З-д №370	560	140	420	«
97.	З-д №208	500	125	375	«
98.	З-д №181	154	40	114	«
99.	З-д №23	970	250	720	«
100.	З-д №231	75	15	60	«
101.	З-д «Треугольник»	600	150	450	«
102.	З-д №523	170	69	101	«
103.	Асбестовый завод	120	30	90	«
Всего		82259	21122	64137	
II. ГОСУЧРЕЖДЕНИЯ, ПРОЕКТНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ДРУГИЕ ОРГАНИЗАЦИИ					
1.	Ботанический институт	427	153	274	частично
2.	17 и 29 отд. ЛГМ	46	5	41	семьи и больные
3.	Киноптика	78	28	50	полностью
4.	Гипробум	51	21	30	«
5.	Главпарфюмер	25	13	12	частично
6.	Гидроэнергопроект	408	143	265	полностью
7.	Ин-т охраны труда	45	15	30	«
8.	Архит. проектн. мастерск. НКО	43	15	28	«
9.	Союзпроммеханизация НКТП	30	11	19	«
10.	Гидрометеослужба РККА	253	107	146	«
11.	Управление гидрографии ВМФ	250	102	148	частично
12.	Академия Наук СССР	896	357	539	«
13.	ВНИТО-металлургов	156	64	92	полностью
14.	Ин-т растениеводства С/х Академии Наук	185	74	111	«
15.	НИИ №9	896	398	498	«
16.	НИИ №34	200	82	118	«
17.	Союзпушнина	21	21	-	«
18.	Гидродрев	60	19	41	«
19.	Трест №46 и Спецгидро-энергопроект №2	687	274	413	«
20.	Гипромез	247	111	136	«
21.	Ин-т Пластмасс	24	9	15	«

1	2	3	4	5	6
22.	НИИ №5	70	28	42	«
23.	Союзпроммонтаж	63	24	39	«
24.	Гипролестранс	21	12	9	«
25.	Котлотурбооборудование	147	53	94	«
26.	Зоологич. и физиологич. Ин-ты Академии Наук СССР	280	113	167	частично
27.	Арктический ин-т	490	196	294	полностью
28.	Гидрограф. Упр. Главсевморпути	286	114	172	«
29.	Ленуглеразведка	60	12	48	«
30.	НИИ молочн. Пром-ти	87	37	50	«
31.	Механобр	196	78	118	«
32.	Ин-т «ВАМИ»	118	47	71	«
33.	Проектэкскаватор	70	32	38	«
34.	Гипробщмаш	244	112	132	«
35.	Полиграфмашпроект	78	39	39	«
36.	Транссигналсвязьпроект	91	42	49	«
37.	НИИ Гидротехники	26	11	15	«
38.	Союзформлитье	29	16	13	«
39.	Гос. Эрмитаж	368	129	239	«
40.	Управ. Культ. Быт. Стр-ва Ленсовета	2200	-	2200	семьи
41.	Академич. Капелла	376	146	230	полностью
42.	ЛОЦНИИТМАШ	93	52	41	«
43.	ЦНИЛАШ	80	41	39	«
44.	Ин-т усовершенствования врачей	67	26	41	«
45.	Ин-т лаков и красок	72	31	41	«
46.	Энерготекстиль	166	92	74	«
47.	Ин-т метрологии	110	48	62	«
48.	Ин-т гидротехники	272	114	158	«
49.	Союзникельоловопроект	110	44	66	«
50.	НИИ №13	36	36	-	«
51.	Театры области	494	198	296	«
52.	Театр Ленин. комсомола	196	78	118	«
53.	Театр Ленсовета	216	82	134	«
54.	Союз архитекторов	241	128	113	частично
55.	Союз писателей	298	124	174	полностью
56.	Трест №4	94	24	70	«
57.	Льнотрест	28	13	15	«
58.	Нефтяной ин-т	38	16	22	«
59.	Севзапэнергомонтаж	156	61	95	«
60.	Дормостстрой	86	22	64	«
61.	Судобенмострстрой	24	6	18	«
62.	Ленгеологонерудтрест	38	14	24	«
63.	ГИПХ	38	12	25	«
64.	НИИ огнеупоров	18	9	9	«
65.	Упр.по делам искусств (работники с семьями)	298	118	170	частично
Всего		13597	4662	8935	

III. УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ					
№	Наименование	Всего эвакуировано	В том числе		Отметка о частичной или полной эвакуации
			Рабочих, служащих или учащ.	Иждивенцев	
1	2	3	4	5	6
1.	Ленинградский государственный университет*	3286	1593	1693	полностью
2.	Протезный техникум им. Фрунзе	250	147	103	«
3.	Академия художеств	550	227	323	«
4.	Кораблестроительный. Институт	826	496	330	«
5.	Ленинградский институт железнодорожного транспорта	950	567	383	«
6.	Ленинградский институт инженеров связи НКПС	450	298	152	«
7.	Техникум железнодорожного транспорта им. Дзержинского	350	265	85	«
8.	Химический техникум им. Менделеева	40	40	-	«
9.	9 артиллерийская спецшкола	450	416	34	«
10.	2 Военно-морская школа	481	441	40	«
11.	10 артиллерийская спецшкола	392	334	58	«
12.	8 артиллерийская спецшкола	447	386	61	«
13.	2 военно-воздушная спецшкола	579	511	68	«
14.	6 артиллерийская спецшкола	336	291	45	«
15.	7 артиллерийская спецшкола	385	342	43	«
16.	Пушкинский сельскохозяйственный институт	218	160	58	«
17.	Ленинградский химико-технологический институт молочной промышленности	154	116	38	«
18.	Институт физкультуры	400	301	99	«
19.	Институт точной механики и оптики	566	412	154	«
20.	Институт холодильной промышленности	529	373	156	«
21.	Технологический институт им. Молотова	410	294	116	«
22.	Институт инженеров водного транспорта	500	358	142	«
23.	Финансово-экономический	450	322	128	«

	институт				
1	2	3	4	5	6
24.	Плановый институт	446	327	119	«
25.	Педагогический институт им. Герцена	1420	1012	408	«
26.	1-й Педагогический институт иностранных языков	720	519	201	«
27.	Педагогический институт им. Покровского	1680	1204	476	«
28.	Институт советской торговли	418	320	98	«
29.	Испанский детдом	290	207	83	«
30.	Институт киноинженеров	530	374	156	«
31.	Военно-механический институт	890	630	260	«
32.	Лесотехническая Академия	656	498	158	«
33.	Инженерно-строительный институт	518	374	144	«
34.	Горный институт	700	502	198	«
35.	Институт механизации сельского хозяйства	229	138	91	«
36.	Инженерно-экономический институт им. Молотова	410	293	117	«
37.	Электротехнический институт	1030	736	294	«
38.	Институт инженеров сигнализации и связи им. Бонч-Бруевича	548	411	137	«
39.	Авиационный институт	1120	803	317	«
40.	Химико-технологический институт	750	534	216	«
41.	Ветеринарный институт	390	280	110	«
42.	Политехнический институт	2360	1690	670	«
43.	Учетно-экономический техникум	103	62	41	«
44.	Юридический институт	693	495	198	«
45.	Текстильный институт	728	519	209	«
46.	Театральный институт	496	359	137	«
47.	Государственная Консерватория	492	364	128	«
48.	Педиатрический институт	593	422	171	частично
49.	1-й медицинский институт	796	571	225	«
50.	2-й медицинский институт	823	577	246	«
51.	Фармацевтический институт	89	77	12	«
52.	Фармацевтическая школа	68	55	13	полностью
53.	Стоматологический институт	324	236	88	частично
54.	Институт народов Севера	232	183	49	полностью
Всего		33541	23462	10079	

IV. РЕМЕСЛЕННЫЕ УЧИЛИЩА						
№	Наименование	Кол. эвакуир.	В том числе			Как эвак. (частично или полн.)
			учащ.	обсл. перс.	Члены семьи	
1	2	3	4	5	6	7
1.	Р.У. №51	486	359	37	90	частично
2.	Р.У. №6	305	264	10	31	«
3.	Р.У. №34	144	119	18	7	полностью
4.	Р.У. №75	295	243	22	30	«
5.	Р.У. №31	397	336	20	41	«
6.	Ж.У. №3	327	255	22	50	«
7.	Р.У. №80	190	150	15	25	«
8.	Р.У. №40	418	350	28	40	частично
9.	Р.У. №70	592	470	32	90	полностью
10.	Р.У. №1	275	250	7	18	частично
11.	Р.У. №27	773	628	45	100	«
12.	Р.У. №4	365	300	25	40	«
13.	Р.У. №7	117	100	7	10	«
14.	Р.У. №8	725	600	35	90	«
15.	Р.У. №14	471	371	31	69	«
16.	Р.У. №33	199	142	20	37	полностью
17.	Р.У. №63	298	211	27	60	частично
18.	Ж.У. №1	552	511	17	24	«
19.	Р.У. №54	362	287	25	50	полностью
20.	Р.У. №59	410	345	20	45	«
21.	Р.У. №67	253	214	5	34	«
22.	Р.У. №69	401	305	30	66	«
23.	Р.У. №2	1502	1249	171	82	частично
24.	Р.У. №57	177	140	12	25	полностью
25.	Р.У. №25	501	427	26	48	«
26.	Р.У. №19	253	217	14	22	частично
27.	Р.У. №76	164	154	7	3	полностью
28.	Р.У. №43	296	251	19	26	частично
29.	Р.У. №12	206	166	13	27	«
30.	Р.У. №4	432	356	18	58	«
31.	Р.У. №46	312	246	21	45	полностью
32.	Р.У. №1	598	528	24	46	частично
33.	Р.У. №20	499	421	36	42	полностью
34.	Р.У. №7	334	292	10	32	частично
35.	Р.У. №35	335	308	12	15	полностью
36.	Р.У. №48	186	152	13	21	частично
37.	Р.У. №5	577	498	25	54	«
38.	Р.У. №17	408	330	18	60	полностью
39.	Р.У. №41	410	313	40	57	«
40.	Р.У. №3	828	745	28	55	частично
41.	Р.У. №38	495	441	17	37	частично
42.	Р.У. №49	196	148	19	29	полностью
43.	Р.У. №23	429	346	18	65	частично
44.	Р.У. №37	364	318	22	24	полностью
45.	Р.У. №55	333	270	27	36	частично
46.	Р.У. №65	337	280	27	30	полностью

1	2	3	4	5	6	7
47.	Р.У. №58	282	248	15	19	«
48.	Р.У. №71	163	131	15	17	частично
49.	Р.У. №13	522	425	37	60	«
50.	Р.У. №44	438	351	27	60	полностью
51.	Р.У. №15	439	370	52	17	частично
52.	Р.У. №21	401	351	15	35	«
53.	Р.У. №6	606	500	40	66	«
54.	Р.У. №82	334	265	19	50	«
55.	Р.У. №16	290	246	12	32	«
56.	Р.У. №22	349	317	14	18	«
57.	Р.У. №26	496	440	28	28	«
58.	Р.У. №42	240	200	10	30	«
59.	Р.У. №18	567	479	26	62	«
60.	Р.У. №53	296	248	20	28	полностью
61.	Р.У. №56	350	308	18	24	«
62.	Р.У. №29	382	356	11	15	«
63.	Р.У. №10	180	158	9	13	частично
Всего		24 862	20799	1503	2560	
Ремесленные училища, эвакуированные до 22/I-42 г.		7 339	5 616	536	1187	
Всего по Р.У.		32201	26415	2039	3747	

Таблица 8. Сведения о размещении эвакуированных из Ленинграда на 1 мая 1942 г.[1]

Из общего числа эвакуированных из Ленинграда в период 21.I-1942 г. по 20 апреля в 550 000 чел., согласно телеграфных сообщений обл(край) исполкомов и СНК АССР, по состоянию на 1.V – принято и размещено 261 090 человек, в том числе:

А. В северных областях:	
В Архангельской области размещено	- 2767 чел.
В Вологодской « «	-20733 «
В Ивановской « «	- 8646 «
В Ярославской « «	- 21320 «
Итого	- 53466 «
Б. На юге	
В Кабардино-Балкарской АССР	- 3815 чел.
В Краснодарском крае	- 44206 «
В Орджоникидзевском крае	- 50000 «
Итого:	98021 чел.
В. На Урале и в Сибири	
В Алтайском крае	- 8637 чел.
В Башкирской АССР	- 1859 «
В Горьковской области	- 4966 «
В Кировской области размещено	- 10283 «
В Красноярском крае	- 5055 «
В Куйбышевской области	- 755 «
В Молотовской области	- 2840 «

1 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50. Л.1.

В Новосибирской «	- 5603 «
В Омской «	- 34780 «
В Саратовской «	- 2694 «
В Свердловской «	- 8832 «
В Татарской АССР	- 6106 «
В Тамбовской области	- 2084 «
В Удмуртской АССР	- 1246 «
В Челябинской области	- 4050 «
В Чкаловской «	- 400 «
Итого:	100190 чел.
Г. В других областях (в большинстве больные, снятые с проходящих эшелонов)	
В Воронежской области размещено	- 1801 чел.
	- 551 «
	- 3011 «
	- 4050 «
Итого:	9413 чел.

Таблица 9. Справка о размещении эвакуированных граждан из Ленинграда за период с 1 июня по 10 августа 1942 года[1]

№№	Область, край, республика	Предусмотрено разместить (в тыс.)		Размещено (в тыс.)	В том числе (в тыс.)	
		Взрослых	Детей		Взрослых	Детей
1	Ивановская область	15,0	5,0	6,6	2,2	4,4
2	Горьковская «	10,0	5,0	13,5	6,0	7,5
3	Куйбышевская «	35,0	5,0	10,8	7,6	3,2
4	Новосибирская «	55,0	-	9,0	3,5	-
5	Ярославская «	-	10,0	29,1	10,2	18,9
6	Саратовская «	30,0	-	21,8	12,0	-
7	Сталинградская «	40,0	-	6,0	6,0	-
8	Молотовская «	20,0	-	5,4	-	-
9	Омская «	20,0	-	6,2	-	-
10	Алтайский край	30,2	-	31,7	-	-
11	Чувашская АССР	10,0	-	4,8	2,8	2,0
12	Марийская «	5,0	-	2,0	1,0	1,0
13	Башкирская «	20,0	-	17,6	-	-
	Всего:	290,0	25,0	164,5	-	
	Кроме того:					
1	Кировская область	-	-	14,3	-	
2	Вологодская «	-	-	20,3	-	
3	Челябинская «	-	-	4,9	-	
4	Тамбовская «	-	-	3,2	-	
5	Рязанская «	-	-	4,5	-	
	Итого:			211,7	-	

1 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50. Л. 113.

Таблица 10. Справка о расходах на оказание помощи эвакуированным из Ленинграда с 16 февраля по 27 июня 1942 года[1]

№	Наименование краев, областей и АССР	Отпущено средств по состоянию на 27.VI – 1942 г.		В том числе на оказание единовременной помощи особо нуждающимся (в тыс. руб.)
		Дата отпуска средств	Сумма (в тыс. рублей)	
1	Краснодарский край	17.III-42 г.	1320	320
2	Орджоникидзевский край	17.III-42 г. 2.IV-42 г.	1800 15	300 15
3	Вологодская область	17.II-42 г. 17.III-42 г. 28.IV-42 г.	100 2600 500	- 400 -
4	Ивановская область	17.III-42 г.	1700	200
5	Московская область	17.III-42 г.	100	-
6	Свердловская область	17.III-42 г.	350	50
7	Сталинградская область	13.IV-42 г. 14.IV-42 г.	350 40	-
8	Ярославская область	17.III-42 г. 20.V-42 г.	2500 800	400 -
9	Кабардино-Балкарская АССР	17.III-42 г.	480	80
10	Горьковская область	17.VI-42 г.	30	30
11	Молотовская область	17.VI-42 г.	245	-
12	Саратовская область	27.VI-42 г.	400	-
13	Марийская область	27.VI-42 г.	125	75
14	Кировская область	16.II-42 г.	100	-
	Итого:		13555	1910
	Отпущено СНК СССР		15000	
	резерв		1445	

1 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50. Л. 17.

Таблица 11. Эвакуационная статистика по эвакопунктам Тихвин, Кобона, Лаврово за январь – декабрь 1942 года[1]

	Тихвин		Кобона		Лаврово	
	ленинградцев	Местных	Поступило на эвако-пункт	Выбыло с эвакопункта	Посту-пило на эвако-пункт	Выбыло с эвако-пункта
Январь	7174	14843				
Февраль	117904	-			8982	6624
Март	226781	-	74002	71372	82426	82184
Апрель	165527	-	64642	67272	57561	60161
Май	1488	-				
Июнь	78515	2452				
Июль	224219	3190				
Август	85817	3287				
Сентябрь	25852	4240				
Октябрь	16888	12577				
Ноябрь	5455	31945				
Декабрь	112	3433				
Итого	955732	75967	138644	138644	148969	148969

Таблица 12. Эвакуация по Дороге Жизни с января по 15 апреля 1942 года (Из отчета начальника эвакуационного пункта в Борисовой Гриве Левина Л. А.)[2]

Месяц	Всего при-было к от-правке эваку-ируемых	В том числе			
		Пассажир. эшелоны	Товарные по-езда	Отправлено из Ваганово	Отправлено автомашин
Январь	13 840	9220	1850	1520	1250
Февраль	84 010	72500	7270	4240	-
Март	231085	211340	9680	5410	4650
С 1 по 15 ап-реля	152 865	137115	7145	3935	4670
Всего с начала эваку-ации	502 800	430175	25945	36105	10575

1 Сводная таблица составлена мной на основе статистических отчетов начальников эвакопунктов, сданных в Переселенческую комиссию СНК РСФСР. Разница в показателях за март-апрель по эвакопунктам в Тихвине и в Лаврово, Кобонах объясняется отсутствием данных по эвакопунтктам в Жихарево, Войбокало. – Л.Г. По ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 32. Л. 2, 10, 14.

2 ГММОБЛ. Ф. РД. Оп. 1р. Д. 13. Л. 1–83.

Таблица 13. Смертность на Дороге жизни при эвакуации (февраль – апрель 1942 г.)[1]

Февраль				Март				Апрель			
Число	Мед/пункт и изолятор	Территория э/п	по данным милиции	Число	Мед/пункт и изолятор	Территория э/п	по данным милиции	Число	Мед/пункт и изолятор	Территория э/п	по данным милиции
1	-	28	2	1	3	-	1	1	16	14	20
2	5	16	-	2	7	-	7	2	11	13	12
3	-	41	-	3	4	19	2	3	-	-	15
4	-	62	-	4	2	26	1	4	20	-	9
5	-	30	-	5	4	-	6	5	3	26	8
6	-	13	-	6	8	-	2	6	4	13	24
7	12	19	1	7	9	20	17	7	-	-	5
8	-	29	-	8	12	28	14	8	17	12	2
9	5	45	1	9	1	24	3	9	-	-	12
10	12	34	6	10	6	22	16	10	21	-	22
11	14	21	15	11	-	23	14	11	-	23	7
12	13	9	13	12	11	21	17	12	57	60	19
13	-	28	5	13	12	19	5	13	27	26	3
14	-	42	2	14	16	-	9	14	12	10	5
15	-	20	5	15	10	40	15	15	2	8	-
16	16	15	1	16	19	19	20				
17	-	64	2	17	16	12	15				
18	12	31	3	18	16	11	24				
19	-	15	5	19	4	41	13				
20	17	21	2	20	10	13	11				
21	-	16	1	21	15	20	12				
22	-	30	1	22	4	15	5				
23	-	14	2	23	-	20	4				
24	-	18	-	24	11	71	1				
25	-	16	1	25	-	35	9				
26	6	39	1	26	-	-	4				
27	-	15	2	27	12	25	16				
28	10	-	5	28	15	-	25				
				29	34	59	36				
				30	29	35	27				
				31	31	13	17				
Всего	122	731	82		321	631	368		190	205	163
	853				952				395		

1 ГММОБЛ. Ф. РД. Оп. 1р. Д. 13. Л. 1–83.

Таблица 14 a. Военно-санитарная эвакуация из Ленинградаза период с 19 сентября 1941 г. по 12 апреля 1942 г.[1]

Наименование транспорта	Период эвакуации	Количество эвакуированных	Процент к общему количеству эвакуированных за все время
На самолетах	С 19.09 по 26.12.41	8313 чел.	18,3
На пароходах	С 1.10 по 5.11.41	1716 чел.	3,8
На автомашинах по ледовой трассе	С 8.01 по 12.04.42	35 279 чел.	77,9
Всего		45 308	100,0

Таблица 14 б. Военно-санитарная эвакуация из Ленинграда с 5 января по 12 апреля 1942 г.

Пункты отправления	Всего	
	Дней работы	Эвакуировано
Ленинград	46	35 279
Ваганово (кроме Ленинграда из местных частей)	85	36 325
Войбокала (кроме эвакуированных из Ваганово, из местных частей)	52	33 905

Таблица 14 c. Состав эвакуированных в порядке разгрузки Ленинграда (с 21 января по 20 апреля 1942 г.)

№пп	Наименование группы эвакуированных	Количество эвакуированных по группам	Процент к общему числу эвакуированных
1	Гражданское население	447 265	87,0%
2	Военнослужащие	17 120	3,3%
3	Больные и раненые	9 283	1,8%
4	Спецпереселенцы и заключенные	40 401	7,9%

Таблица 14 d. Общее количество эвакуированных по ледовой трассе (с 21 января по 20 апреля 1942 г.)

Месяцы	Число эвакуированных		
	Всего	На машинах военно-автомобильной дороги	На автомашинах эвакопунктов и прочих
С 21 по 31 января 1942	11 296	6 813	4 483
Февраль	117 434	92 029	25 405
Март	221 947	172 617	49 330
Апрель (с 1 по 20-е)	103 392	143 602	19 790
Итого	514 069	415 061	99 008

1 Таблицы 14a–d по Военно-Автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. – СПб.: Галарт, 2018. С. 238–240.

Таблица 15. Количество учеников спецшколы №2 ВВС, умерших в вагонах и направленных в больницы и госпитали по ходу эвакуации (с 5 февраля по 8 марта 1942 г.)[1]

Станции и дата их проезда	Умершие в вагонах	Снятые в госпитали и больницы
Финляндский вокзал 05.02	1	-
Борисова Грива 06.02	4	-
Ладожское озеро 06.02	1	-
Жихарево 07.02	20[двое застрелены часовыми у продскладов]	-
Тихвин	1	-
Ефимовская	1	-
Бабаево	2	-
Череповец 10.02	7	-
Вологда 12.02	3	34
Буй 13.02	7	-
Шарья 14.02	1	-
Котельнич	1	-
Балезино	2	-
Ишим	-	3
Верещагино 17.02	2	3
Киров	3	4
Пермь (г. Молотов) 18.02	-	45
Свердловск 22.02	4	12
Тюмень	-	1
Омск	-	2
Новосибирск	1	14
Бийск 8.03	-	2
Итого	61	120

1 По Соколов А. М. Эвакуация из Ленинграда. Неизвестные факты. Историко-художественная монография. – СПб., 2000. С. 253, 264. Сводная таблица сделана мной на основе данных из таблиц, составленных автором.

Таблица 16. Удельное соотношение выбытия в эвакуацию в Кавминводы контингента ленинградских вузов (22 января – 12 апреля 1942 г.) и прибытия к месту назначения на 4 июня 1942 г.[1]*

Наименование вуза	Выбыло в эвак. студен., проф.-препод., сотруд.	Прибыло в Кавминводы студентов, проф.-препод., сотрудн.	Выбыло в эвак. членов семей	Прибыло в Кавминводы членов семей	Выбыло в эвак. всего	Прибыло в Кавминводы всего
1	2	3	4	5	6	7
Кораблестроительный институт	496	112*	330	9	826 100%	121[2] 15%
Ленинградский институт инженеров связи НКПС	298	260	152	74	450 100%	334 67%
Педагогический институт им. Герцена	1012	373	408	111	1420 100%	484 35%
1-й Педагогический институт иностранных языков	519	199	201	117	720 100%	316 45%
Педагогический институт им. Покровского	1204	294	476	133	1680 100%	427 25%
Институт советской торговли	320	142	98	37	418 100%	179 45%
Институт киноинженеров	374	137	156	95	530 100%	232 46%
Военно-механический институт	630	187	260	85	890 100%	272 30%
Лесотехническая Академия	498	96	158	43	656 100%	139 20%
Инженерно-строительный институт	374	271	144	77	518 100%	348 70%
Пушкинский сельскохозяйственный институт	160	107	58	12	218 100%	119 60%
Институт физкультуры	301	138	99	73	400 100%	211 53%
Институт точной механики и оптики	412	112	154	84	566 100%	196 33%
Институт холодильной промышленности	373	95	156	22	529 100%	117 23%
Технологический институт им. Молотова	294	139	116	73	410 100%	212 53%
Институт инженеров водного транспорта	358	193	142	95	500 100%	288 58%
Финансово-экономический институт	322	107	128	20	450 100%	127 25%

1 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 46. Л. 83, 84; ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 210–212.

2 В документе ошибочно 111. См. ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 46. Л. 83.

1	2	3	4	5	6	7
Горный институт	502	288	198	121	700 100%	409 58%
Институт механизации сельского хозяйства	138	32	91	25	229 100%	57 29%
Инженерно-экономический институт им. Молотова	293	123	117	26	410 100%	149 37%
Электротехнический институт	736	185	294	98	1030 100%	283 28%
Институт инженеров сигнализации и связи им. Бонч-Бруевича	411	260	137	74	548 100%	334 67%
Авиационный институт	803	298	317	86	1120 100%	384 35%
Химико-технологический институт	534	152	216	19	750 100%	171 21%
Ветеринарный ин-т	280	193	110	63	390 100%	256 64%
Политехнический ин-т	1690	415	670	252	2360 100%	667 28%
Юридический ин-т	495	205	198	104	693 100%	309 44%
Текстильный ин-т	519	113	209	30	728 100%	143 20%
Театральный ин-т	359	83	137	33	496 100%	116 23%
Педиатрический ин-т	422	265	171	54	593 100%	319 53%
1-й медицинский ин-т	571	470	225	180	796 100%	650 81%
2-й медицинский ин-т	577	365	246	99	823 100%	464 58%
Фармацевтический ин-т	77	42	12	12	89 100%	54 60%
Стоматологический ин-т	236	99	88	27	324 100%	126 42%
Одиночки: преподаватели и студенты		73		50		123
Итого:	16 588 100%	6623 40%	6672 100%	2513 38%	23 260 100%	9136[1] 39%

* указано процентное соотношение прибывших в Кавминводы от выехавших в эвакуацию.
**Из выехавших в эвакуацию весной 1942 г. ленинградских вузов только три не выехало в Кавминводы: Ленинградский государственный университет, Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта и Ленинградский химико-технологический институт молочной промышленности.

[1] В документе ошибочно 8931. См. ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 46. Л. 84.

Таблица 17. Должностные оклады в строительных управлениях Моссовета и Ленсовета на 7 июня 1941 г.[1]

Должность	Постановление Экономсовета СНК СССР	Моссовет	Ленсовет
По Управлению культурно-бытового строительства и Управлению жилищного строительства			
Начальник управления	2000	1800	1250
Главный инженер	2000	1800	960
Главный бухгалтер	1350	1200	720
Начальник отдела механизации стр-ва управления	1100-1200	1100	700
Директоры промпредприятий	900-1300	800-1000	600-800
Главные инженеры и технoруки промпредприятий	900-1300	800-1000	600-800
По стройтрестам «Водоканал», «Лендорстрой», «Ленмостострой»			
Управляющий трестом	1300-1600	1400	675 – 800
Главный инженер	1300-1600	1400	675 – 800
Начальники контор снабжения и транспорта, начальник бюро проектирования организации работ	1100-1300	1000-1200	1000
Главные бухгалтеры контор	900-1200	900-1000	520-700
Директоры центральных научно-экспериментальных лабораторий, экспериментальных лабораторий и начальники конструкторских бюро	900-1300	800-1000	700-1000
Прочие должности управлений стройтрестов			
Старший производитель работ по строительству	1000-1200	900-1100	700-1000
Производители работ по строительству и по погрузочно-разгрузочным работам	850-1100	800-900	600-850
Мастера и десятники по строительству	550-700	500-650	400-600
Районные [или линейные] механики[2]	700-850	900-1000	400-600
Старшие инженеры и старшие инженеры-экономисты	650-800	700-850	600-700
Бухгалтеры	450-600	400-500	300-450
Юрисконсульты	600-750	500-600	500
Начальники цехов	750-1000	600-800	500-600
Мастера цехов	550-750	500-650	450-550
Чертежники-конструкторы	450	350-400	300-350
Машинистки	300	250-300	140-200
Курьеры, уборщицы и сторожа	175-200	150-175	130
Старшие кассиры	400-600	350	200-350
Зав. гаражом, старшие механики автобаз	600-800	500-650	450-550
Кочегары	250-350	300	175-225
Пожарники, сторожа вооруженной охраны	275-350	200-225	120-175

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 56–69.

2 Согласно постановлению Экономического совета при СНК СССР должности районный механик нет, ближе всего должность линейный механик

Таблица 18. Сводная штатная ведомость личного состава отдельного ремонтно-монтажного батальона МПВО Ленинграда на август 1941 г.[1] (фрагмент)

Состав батальона	Кол-во единиц	Среднемесячная зарплата
Комбат	1	1500
Комиссар	1	1200
Нач. штаба	1	1250
Командиры рот	2	1500
Политруки	2	800
Ст. инженер	1	1000
Инженеры	4	800-900
Техники	2	500-700
Бойцы рядовые	328	525
Бойцы-шоферы	5	550
Бойцы на машинах	6	275
Дневальные и связисты	15	175

Таблица 19а. Нормы распределения продовольственных товаров в Москве и Ленинграде от 18 июля 1941 года[2]

	Хлеб (дневная норма)	Крупа и макароны (месячная норма)	Сахар и кондитер. изделия (месячная норма)	Мясо и мясопродукты (месячная норма)	Рыба и рыботовары (месячная норма)	Жиры (месячная норма)
Рабочие и ИТР	800	2000	1500	2200	1000	800
Служащие	600	1500	1200	1200	800	400
Иждивенцы	400	1000	1000	600	500	200
Дети до 12 лет	400	1200	1200	600	500	400

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 83–84.
2 Таблицы 19а–в по ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 10, 11, 220.

Таблица 19б. Нормы распределения продовольственных товаров в Ленинградской области от 18 июля 1941 года

	Хлеб (дневная норма)	Крупа и макароны (месячная норма)	Сахар и кондитер. изделия (месячная норма)	Мясо и мясопрод. (месячная норма)	Рыба и рыботов. (месячная норма)	Жиры (месячная норма)
Рабочие и ИТР	800	1500	1200	1000	800	400
Служащие	500	1000	1000	500	400	200
Иждивенцы	400	1000	600	-	-	-
Дети до 12 лет	400	1100	1000	-	300	300

Таблица 19в. Нормы распределения продовольственных товаров в Ленинградской области от 20 августа 1941 года

	Хлеб		Сахар	
	1 категория	2 категория	1 категория	2 категория
Рабочим и ИТР	800	600	800	600
Служащим	500	400	600	600
Иждивенцам	400	400	400	400
Детям до 12 лет	400	400	400	400

Таблица 19с. Нормы распределения продовольственных товаров для населения Ленинграда и войск Ленинградского фронта от 11 января 1942 года[1]

	Хлеб (в сутки)	Крупа и макароны (в м-ц)	Мясо и рыба (в м-ц)	Жиры (в м-ц)	Сахар (в м-ц)
Рабочим	500	2000	1800	800	900
Служащим	400	1500	1000	400	500
Иждивенцам	300	1000	500	200	400
Детям	300	1200	500	400	500
Войскам 1 линии	800	6600	4500	1500	1050
Всем остальным частям	600	4010	2250	1260	600

1 «Государственный Комитет Обороны постановляет…». Директивные документы ГКО СССР по обеспечению жизнедеятельности Ленинграда. 1941–1945 гг. (Е. Е. Кириллова, В. Н. Шепелев) // Исторический архив. – 2003. – №2. С. 140–141.

Таблица 20. Динамика количества лиц, получавших продовольственные карточки в Ленинграде в 1941 – 1943 годах[1]

	Рабочие	Служащие	Иждивенцы	Дети до 12 лет
18.07.41	921,7	515,9	747,9	467
01.01.42	802,6	287,6	738,3	453,3
01.07.42	540,9	114	188	197,6
01.01.43	437,3	68,3	48	83,8
01.03.43	425,6	62	38,8	80,4

Таблица 21. Рост запасов продовольствия в Ленинграде в 1942 году[2]

	1941 на 1/VII		1942 на 1/II		1942 на 1/IV		1942 на 1/VII		1943 на 1/ I	
	тонн	В днях	тонн	В днях	Тонн	В днях	Тонн	В днях	тонн	В днях
Мука	47384	40	7437	9,6	8057	15,8	28393	72,1	41939	162,3
Крупа и мак.	10618	57,4	3331	13,1	1687	11,6	4629	39,6	9474	121,1
мясо-рыба	14659	79,7	2093	17,3	2352	41,8	3614	60,2	2831	64,5
Жиры	3857	51,8	479	6,8	2688	60,7	4170	101,7	1472	54,9
Сахар-конд.	11525	40,2	1453	22,3	3597	79,2	1651	43,5	3149	135,1
Чай	127,3*	47,1*	10*	4,8*	14	8,8	90	81,8	51	69
*В документе зачеркнуто.										

Таблица 22. Охват детей общественным питанием в Ленинграде на 20 января 1942 г. и по проекту[3]

Наименование	Всего детей данного возраста (примерно)	Охвачено общественным питанием			
		На 20 января 1942 г.		По проекту	
		Кол-во детей	В % к общ. кол-ву детей данного возраста	Кол-во детей	В % к общ. Кол-ву детей данного возраста
1	2	3	4	5	6
Столовые для школьников (8–15 лет вкл.)	250000	10000	4	30000	12

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 12.
2 Там же. Л. 1, 3.
3 Там же. Д. 18. Л. 100.

1	2	3	4	5	6
Столовые для ремесл. училищ (14–16 лет)	40000	40000	100	40000	100
Столовые при детсадах (3–7 лет)	175000	25000	14,3	50000	33
Столовые при яслях (0–3 года)	105000	12000	11,4	18000	17
Столовые при детдомах (3–15 лет)	5000	5000	100	5000	100
Столовые при домах малютки (0–3 вкл.)		900	100	900	100
Оздоровительные столовые (3–15 лет вкл.)				10000	
Всего детей от 0 до 15 лет	575000	92900	16,1	153900	26,90%

Таблица 23. Контингенты населения в Ленинграде и их изменения за период с июля 1941 г. по март 1943 г. (по отчету о торговле и общественном питании Продовольственной Комиссии при Военном Совете Ленинградского фронта)[1]

Период	Количество человек, получивших карточки	Не получивших карточки	Всего
Июль 1941 года	2.652,5	62,0	2714,5
Октябрь 1941 года	2.371,3	108,0	2479,3
Январь 1942 года	2.281,8	51,0	2332,8
Апрель 1942 года	1.612,2	33,0	1645,2
Июль 1942 года	1.040,5	77,0	1117,5
Октябрь 1942 года	670,6	27,0	697,6
Январь 1943 года	637,4	31,4	668,8
Март 1943 года	606,8	43,4	650,2

1 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 11.

Таблица 24. Сравнительные данные норм питания заключенных по СССР, Ленинграду и Ленобласти на 13 октября 1942 года[1]

Продукты	По СССР	По Ленинграду	По Ленобласти
Хлеб	700 г в день	400 г в день	300 г в день
Крупа – макароны	2 400 в месяц	1500 г в месяц	800 г в месяц
Мясо – рыба	3 750 в месяц	1000 г в месяц	300 г в месяц
Жиры	450 г в месяц	400 г в месяц	200 г в месяц
Сахар	300 г в месяц	500 г в месяц	250 г в месяц

1 Составлено по: Документ №117. Представление прокурора области заместителю председателя Леноблисполкома В. Д. Семину с указанием на незаконность действий Леноблсовета и просьбой пересмотреть заниженные нормы питания заключенных тюрем и колоний Ленинградской области // Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. – Санкт-Петербург: Лики России, 1995. С. 243–244.

4. Здравоохранение в Ленинграде. 1941–1944 гг.

Таблица 25. Количество врачей и медсестер в сети здравоохранения в 1941–1943 гг. в Ленинграде[1]

Год, число, месяц	1941	1942			1943
	01 июля	01 января	01 апреля	01 октября	01 января
Врачи Медсестры	6 500 12 000	3 379 11 245	3 288 11 560	3 053 –	3 198 –

Таблица 26. Медицинские кадры Ленинграда (1941–1944 гг.)[2]

	1941	1942		1943		1944	
Врачей и медперсонала на 1 января след. года (физических лиц)							
Из общего числа врачей (физ. лиц)		всего	НКЗ	Всего	НКЗ	Всего	НКЗ
Женщин	3 290	3 164	2 971	3 352	3 166	4 068	3 792
Всего врачей без зуб.	4 506	3 960	3 708	4 164	3 893	5 063	4 707
Окончивших вузы в текущем году	433	325	299	177	167	24	21
Акушеров-гинекологов				193	180	276	260
Педиатров				677	656	826	796
По школьной санитарии	12	20	20	13	13	19	19
Ср. медперсонала всего	10 073	10 910	10 269	11 011	10 332	11 857	11 099
Школьных медсестер	231	243	239	146	129	255	242
Фельдшерицы-акушерки				172	154	164	134
Акушерки				214	192	441	415
Сестер в яслях (мед. и пед.)	937	736	721	720	702	972	938
Из них со средним мед. обр. сестер (в яслях)	299	5 505 (229)*	5 230 (220)	5 961(257)	5 510 (243)	327	309
* в скобках указано количество медсестер, работавших в яслях, со средним специальным образованием.							

1 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 131.

2 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 11, 11об; Д. 804. Л. 7, 7об; Д. 962. Л. 10, 10 об, 11; Д. 1115. Л. 10 об, 11. [Составлено мной на основе статистических отчетов ЛГЗО в НКЗ СССР. – Л.Г.]

Таблица 27. Обслуживание больных больничными учреждениями Ленинграда. 1941–1944 гг.[1]

	На XII/1941			На XII/1942			На XII/1943			На XII/1944		
	Число учр-ий	Поступило больных	Провед. койко-дней за год	Кол-во учр-ий	Поступило больных	Провед. койко-дней за год	Число учр-ий	Поступило больных	Провед. койко-дней за год	Число учр-ий	Поступило больных	Провед. койко-дней за год
Общие и спец. Больницы	15	66963	1000136	58	117075	3761696	47	62776	2612854	31	52465	1216098
В том числе инфекционные				4	7444	223581	3	3612	136586	2	3255	70590
Клинич. Больницы	8	84629	1405408	8	46773	1319648	9	33281	1077450	9	46334	1042284
В том числе инфекционные				1	8463	244628	1	7616	180109	1	9320	179985
Туберкулезные больн.	5	4622	290952	5	1515	95961	3	1476 без дет.	136790	6 1	1920	128575
Детские (без туб.)	13	67121	1317387	20	41439	1333611	18	28015	1133026	19	38809	1014744
Туб.							1	66	30531	1	38	17538
Инф.							5	10264	332796	5	16824	352392
Роддома	13	71578	616504	7	17013	271830	9	14749	215018	10	26920	306154
Клиники вузов				4	16872	674225	4	13421	592491	5	18146	580667
Стационары НИИ	5	9950	390863	10	9961	519591	10	7370	456200	12	11171	514079
люпозории	-	291	25797									
Прочие стационары	18	19371	342801									
Итого без психиатр. Больниц	77	324525	5389846	112	250648	7976562	100	161088	6223829	92 +1	195765	4802601
Псих. Больницы	4	9583	1561201	3	7225	525917	3	3240	444832	3	2561	403150
Леч. колонии псих.больн	1	1254	408548									
Итого псих. бол.	5	10837	1969746	3	7225	525917						

1 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 6, 7,8; Д. 804. Л. 2, 4; Д. 962. Л. 2,5; Д. 1115. Л. 2,5. [Составлено мной на основе статистических отчетов ЛГЗО в НКЗ СССР. – Л.Г.]

Таблица 28. Количество лиц, получивших медицинскую помощь в 1941–1944 годах в Ленинграде [1]

Население Ленинграда:		1941	1942	1943	1944
Все население*		3.217. 062	2.332.800	668.800	528.100
лечившееся в стационаре (вкл. психиатрические)		325.362	257.873	164.328	198.326
Удельный вес		**10,00%**	**11,00%**	**25,00%**	**38,00%**
получившее амбулаторную помощь на дому (кол-во посещений)	Врачами	2.866.698	1.610.671	733.900	1.330.600
	Средним персоналом	1.970.634	672.791	664.500	1.056.700
	Всего	4.837.332	2.283.462	1.398.400	2.387.300
Удельный вес		**150%**	**98%**	**209%**	**452%**
Число лиц, которым оказана помощь «Скорой помощи»		-	-	22.500	58.902
Удельный вес		**-**	**-**	**3,4%**	**11,2%**
* Численность населения взята на 1 января 1941[2], 1942 и 1943[3], на 1 марта 1944[4] г. Количество населения на начало года, а количество посещений или оказания помощи на дому взято на конец т. г. Учитывая динамику показателей численности населения, данные показатели условны					

1 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 6, 7,8; Д. 804. Л. 2, 4; Д. 962. Л. 2,5; Д. 1115. Л. 2,5. Составлено мной на основе статистических отчетов Планового отдела ЛГЗО в НКЗ СССР.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5115. (Материалы Управления нар.-хоз. учета г. Лен-да. 6. II. 41–13.VII. 41). Л. 21, 27.

3 Там же. Ф. Р-4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 11.

4 Документ №272. Докладная записка А. П. Смирнова А. А. Жданову об использовании трудовых ресурсов Ленинграда от 6 апреля 1944 г. // Оборона Ленинграда. 1941–1945. Документы и материалы / Отв. ред., авт., вступ. ст. А. К. Сорокин. – Москва: Политическая энциклопедия, 2019. С. 642.

Таблица 29. Сеть лечебно-оздоровительных детских учреждений Ленгорздравотдела в 1941–1944 гг.[1]

Период	Месяц	Но-менкл.ед.	Больницы для детей	Больницы туберкул. (взрослые и детские)	Родильные дома	Санатории для детей	Дома ре-бенка	Детские ясли	Детские по-ликлин.	тубдиспан-серы	Консульта-ции	Молочные кухни
1941	VII	Учр	21	12	19	33	9	267	18	24	44	28
		койки	5240	1530	2189	3317	774	24407	913	329	941	
	X	Учр	13	5	15		7	139	17	19	42	27
		койки	3850	400	1492		658	17141	537	204	751	
1942	I	Учр	13	5	15	13	6	135	18	16	40	26
		койки	3955	400	1430	3955	550	14713	534	189	674	
1942	IV	учр.	13	5	14	13	19	137	18	18	38	26
		койки	3360	365	1506	3360	1825	15516	534	195	606	
	VII	учр.	20	4	6	20	19	100	18	18	38	26
		койки	4635	195	906	4635	1875	10170	260	167	340	
	X	учр.	20	5[4]	6	20	5	100	18	17	37	26
		койки	4150	195	731	4150	480	8300	260	144	349	
1943	I	учр.	20	5	6	20	3	102	18	18	30	22
		койки	4360	295	810	4360	280	7960	312	122	273	
1944	I	учр.						109				
		койки						9480*				

*Данные мест по смете (фактически было 9680, ср.год.) за 1944 г. по яслям взяты по ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 4. Д.828. (Ленинградский горздравотдел. Сектор детства. Годовой отчет по яслям за 1944 год). Л. 2–34.

1 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д.54. Л. 16, 111, 136. Данные на 1-ое число текущего месяца и года.

Таблица 30. Распределение больных по возрасту в ленинградских больницах системы Наркомздрава РСФСР на 4 ноября 1942 года[1]

Тип стационара	Всего больных	Возраст (абсолютные цифры)							
		0-15	В том числе				16-19	20-59	60 и старше
			0-1г.	1-2	3-7	8-15			
Подчинение ГЗО									
Общие соматические больницы	3262	80	2	5	10	63	189	2598	395
Госпитали	5001	575	6	45	235	289	432	3502	492
Клинические больницы	2965	145	3	3	36	103	270	2279	271
Институты	900	213	-	1	61	151	112	537	37
Туберкулезные больницы	232	82	-	2	77	3	27	121	2
Итого соматические больницы для взрослых	12360	1095	11	56	419	609	1031	9037	1197
Соматические больницы для детей	2212	2102	41	187	854	1020	90	20	-
Инфекционные больницы для взрослых	902	41	-	-	-	41	70	699	92
Инфекционные больницы для детей	699	418	4	67	221	126	56	201	25
Родильные дома	607	6	1	-	-	5	16	506	79
Психиатрические больницы	1052	29	-	-	3	26	52	879	92
Подчинение НКЗ									
Учреждения НКЗ	1917	371	30	110	99	132	109	1266	167
Всего по стационарам системы НКЗ	19745	4062	87	420	1596	1959	1423	12608	1652

1 ЦГА СПб. Ф. Р-9713. Оп. 1. Д. 100. Л. 22.

Таблица 31. Удельный вес основных форм заболеваемости за 3-й квартал 1942 г. по отдельным обкомам и завкомам профессиональных союзов в Ленинграде*[1]

Областные Комитеты	Формы болезней					
	Грипп	Дистрофия	Остро-желуд.	Произв. травмы	Бытовые травмы	Прочие
ср. машино-стр.	13	9	8,5	7,5	6,9	36нрзб
швейн.пром.	9,8	-	10	0,4	5,1	58**
обувной пром.	13,8	12,7	6,5	5,3 нрзб	5,7	38нрзб
З-д им. Ленина	14,5	22,2	6,7	2,5	9,4	26,3нрзб
* В отчете сумма меньше 100%, вероятно указаны не все формы заболеваний. ** В число прочих болезней у швейников входили дистрофия, авитаминоз.						

Таблица 32. Работа лечебно-профилактических учреждений, обслуживавших детей и подростков в 1941–1944 гг. в Ленинграде (1 часть) [2]

Типы учреждений (по годам)		Число учреждений	Число коек сметных	Число коек фактических + коек, свернутых на ремонт	Поступление Больных	Проведено больными койко-дней
Детские больницы без туберкулезных	1941	13	4 005	3 275 3 955*	67 121	1 317 387
«	1942	20	4 640	4 640 4360	41 439	1 333 611
«	1943	18	4 460	3 475	28 015	1 133 026
«	1944	19	4 095	4 080	38 809	1 014 744
Инфекционные	1942	5	1 660	1 660	14 638	379 647
«	1943	5	1 660	1 230	10 264	332 796
«	1944	5	1 640	1 640	16 824	352 392
Туберкулезные	1943	1	100		66	30 531
«	1944	1	100	100	38	17538
Родильные дома	1941	13 15	1 389	1 307 1 430	71 578	616 504
«	1942	7 6	801	801 810	17 013	271 830
«	1943	9 6	1 010	915 1 245	14 749	215 018
«	1944	10	1 110	1 140/25 1016/ +8**	26 920	306 154

1 Из отчета о работе профсоюзных организаций города Ленинграда за период с июля 1942 года по ноябрь 1943 года // ЦГА СПб. Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 13. Л. 12.

2 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 6; Д. 804. Л. 2; Д. 962. Л. 1 об; Д. 1115. Л.1об. [Составлено мной. – Л.Г.]

Таблица 32. Работа лечебно-профилактических учреждений, обслуживавших детей и подростков в 1941–1944 гг. в Ленинграде (2 часть) [1]

Типы учреждений (по годам)		Должностей				
		Врачей без зубных		Среднего медперсонала		Младшего персонала
		Штатных	Занятых	Штатных	Занятых	Занятых
Детские больницы без туберкулезных	1941	392	260	1 414	1 065	
«	1942	372,5	304,75	1 310^{25}	1 168^{75}	1 672,5
«	1943	371	293	1313	973,5	
«	1944	347	322	1 258	1 105	
Инфекционные	1942	133	100	445,5	387	753
«	1943	138,5	91,75	469,5	321,5	
«	1944	115	102	409	342	
Туберкулезные	1943	7,5	7,25	22	17,75	
«	1944	9	3	32	1	
Родильные дома	1941	276	164	993	693	
«	1942	77,75	284	222,75	269	7
«	1943	121	86	349,25	297	
«	1944	122	118	494	482	

Таблица 33. Профилизация детских коек в больничных учреждениях Ленинграда[2]

Койки	Число				Поступило больных					
	1941	1942	1943	1944 на 31 дек.	1941	1942	1943		1944	
								умерли		умерли
Родильные (включая предродовые)										
В больницах	150		151	405	11 377		3 181	10	7 188	14
В роддомах	1 087	271	495	850	59 589	8 026	6 231	12	18 836	32
	Туберкулезные									
	716	225	240	237	1 454	415	478	67	419	34
Неинфекционные	1 695	3 670	2 415	2 640	32 070	26 525	19 429	815	24 023	865
	Инфекционные									
	2 295	1540	1 135	2 315	39 216	16 252	74 90	341	19 489	345
Всего	5943	5 706	4 436	6 447	143706	51 218	36809	1245	69955	1290

1 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 6; Д. 804. Л. 2; Д. 962. Л. 1 об; Д. 1115. Л. 1об. [Составлено мной на основе статистических отчетов ЛГЗО в НКЗ СССР. – Л.Г.]

2 Там же.

Таблица 34. Количество койко-дней в среднем на одного ребенка, поступившего в детские больничные учреждения Ленинграда (без туберкулезных)[1]

	1941	1942	1943	1944
В среднем на 1 ребенка	19,6	32,1	40,4	26,1

Таблица 35а. Амбулаторное обслуживание детей Ленинграда. 1941–1944 [2]

	Число учреждений				Врачебные должности				Среднего медперсонала			
	1941	1942	1943	1944	1941	1942	1943	1944	1941	1942	1943	1944
Консультаций (женских и детских)	41	34	4	8	526	260,25	8	20	778	390,25	13,5	28
					815	309,5	8,5	21	1411	514	16	31
Поликлиник и амбулаторий самостоятельных	19	19	35	36	488	256,5	483,5	560	462	298,75	702,5	726
					743	289,25	551	558	663	331,75	820	731
Детских отделений, кабинетов	7	3	2		34,5	21	17,5					
					35	22, 5	20					
Всего	67	56	41	44	1048,5	537,75	509	580	1240	689	716	754
					1 593	621,25	579,5	579	2 074	845,75	836	762

1 Подсчитано мной по данным таблицы 32 (1 часть) – Л.Г.

2 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 7; Д. 804. Л. 3; Д. 962. Л. 3 об; Д. 1115. Л. 3об. [Составлено мной на основе статистических отчетов ЛГЗО в НКЗ СССР. Неполные показатели за 1943 и 1944 по консультациям в отчетах трудно объяснить – Л.Г.].

Таблица 35б. Помощь на дому, оказанная детям в Ленинграде. 1941–1944[1]

Посещений на дому	Врачами				Ср. медперсоналом					
	1941	1942	1943	1944	1941	1942	1943		1944	
								Патронаж		Патронаж
А) в поликлиниках и амбулаториях (кроме детских)	83 300		9 000	–			33 100	20 000		
В том числе в консультациях, входящих в состав поликлиник			6 400	–			14 100	13 000		
Б) в детских поликлиниках и амбулаториях	569 241	203 993	229 700	563 400	287 588	128 634	407 500	143 900	644 600	280 100
В том числе в консультациях, входящих в состав поликлиник			95 900	205 800			207 800	147 500	370 600	280 100
В) В самостоятельных консультациях	643 738	130 731	–		874158	2351 77				
Г.) В прочих учреждениях**	2133	643	200							
Итого	1 298 412	346 983*	238 900	563 400	1 161 746	363 811	440 600	163 900	644 600	280 100
** кроме яслей и фельдшерско-акушерских пунктов										

1 ГА РФ. Оп. 6. Ф. Р-8009. Д. 633. Л. 8; Д. 804. Л. 4; Д. 962. Л. 5; Д. 1115. Л. 5. [Составлено мной на основе статистических отчетов ЛГЗО в НКЗ СССР. – Л.Г.]

Таблица 35в. Движение женского и детского контингентов врачебных амбулаторных учреждений в Ленинграде. 1941–1944[1]

	Состояние		Прибыло		Выбыло		Состояние	
	на 1 янв. 1943	на 1 янв. 1944	1943	1944	1943	1944	на 31 дек. 1943	На 31 дек. 1944
1.Консультации, ведущие прием детей. Всего детей	15 281	14 900	9 797	36 670	10 021	12 982	15 057	38 588
В том числе до 1 г.	2 873	6 399	6 474	22 932			6 213	20 879
Из них до1 мес.			4 646	13 457				
2.Кронсультации ведущие прием женщин Всего женщин	2 973	6 871	15 235	31 524	10 091	21 834	8 117	16 561
В том числе со сроком беременности до 3 месяцев			5 189	9 320				
Свыше 7 месяцев			2 295	5 215				
3. Тубдиспансеры, пункты, отделения, кабинеты (дети и взрослые)	46 603	50 228	16 210	31 697	22 518	9 621	40 295	72 304
В том числе а) подростки	3 590	4 212	3 116	3 523	2 494	1 020	4 212	6 715
б) дети до 12 лет включительно	6 961	4 831	3 091	4 881	5 221	1 055	4 831	8 657
Из общего числа больных ТБК всего	23 130	23 297	6 730	13 045	9 875	2 949	19 985	33 393
а) подростков	1 805	1 753	1 254	1 202	1 307	399	1 752	2 556
б) детей до 12 лет	2 289	1 558	1 009	1 651	1 740	307	1 558	2 902
5.Нервно–психиатрические диспансеры и отделения	22 127		4 018		9 572		16 633	
Дети до 12 лет включительно	3		3		3		3	
В том числе душевнобольные	3		3		3		3	
Пограничные формы психики детей до 12 лет	35							

1 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 962. Л. 4об; Д. 1115. Л. 4 об. [Составлено мной на основе статистических отчетов ЛГЗО в НКЗ СССР. – Л.Г.]

Таблица 36. Нормы детского питания в столовых усиленного питания в IV квартале 1942 г. (из постановления СНК СССР от 27 октября 1942 №1739)[1]

Наименование продуктов	Всего расходовать	В счет продкарточек	Дополнительно
Мяса-рыбы	1500	400	1100
Жиров	450	150	300
Сахара	450	150	300
Крупы и макаронных изделий	1500	400	1100
Муки пшеничной	750	-	750
Картофеля и овощей	7500	-	7500
хлеба	300	200	100

Таблица 37а. Родовспоможение в Ленинграде. 1941–1944[2]

	1941	1942	1943		1944		
Сведения о новорожденных							
Всего принято родов (во врачебных стационарах)	58 447	9 930	В родо-мах	В больни-цах	В родо-мах	В больни-цах.	На дому
			5 933	1 471	15 388	6 043	526
а) родилось живыми всего			5 881	1 444	15 255	5 990	
В том числе преждевременно родилось			794	263	1519	554	
б) родилось мертвыми			178	53	217	163	
Умерло			239	61	413	160	
В том числе недоношенных			185	45	294	103	
Заболеваний (пиодермией и сепсисом)			57 + 6	2 + 1	98 + 4	126 + 2	
Сделано прививок БЦЖ (по Кальмету)			520	137	10 347	3 913	
Число абортов	28 953	2 294	5 914		10 279		
Искусственных	5 973	790	1230		1 277		
Вне лечебного учреждения	22 980	1 504	4 684		9 002		
Криминальный характер аборта	1 088	14	218		885		
Передано в прокуратуру	1077	9	221		325		

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 207. Л. 80.

2 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 8 об; Д. 804. Л. 4 об; Д. 962. Л.5 об; Д. 1115. Л. 5 об. [Составлено мной на основе статистических отчетов ЛГЗО в НКЗ СССР. – Л.Г.]

Таблица 37б. Рождаемость и смертность детей до 1 года в Ленинграде. 1941–1943 гг.[1]

	Смертность детей до 1 года			Смертность детей от 1 до 14 лет	Смертность всего	Рождаемость		
	ЦСУ	УНВКД	ЛГЗО (6)	УНКВД	УНКВД	ЦСУ	УНВКД (4)	ЛГЗО(6)
III-IV кв. 1941	13 684 (2)		9 452				26 864	
Весь 1941	17 543 (1)					66 512 (1)		58 447
I кв. 1942		16 912 (5)		31 676 (5)	48 588 (5)		9 254	
Апрель – н. мая 1942							1 424	
I-IV кв. 1942	23 882 (3)					13 677 (3)		9 930
I-IV кв. 1942	23 365 (1)					12 408 (1)		
I-IV кв. 1943	1 080 (1)					7 613(1)		7 404
Всего	38 129 (7)					86 533		75 781

Составлено по:
(1) Документ №158. Объяснительная записка городского статистического управления в ЦСУ РСФСР к отчету о смертности и рождаемости в Ленинграде за 1943 г. // Ленинград в осаде. С. 354, 357.
(2) Документ №149. Из сведений городского статистического управления о смертности и ее причинах за второе полугодие 1941 по 15 районам Ленинграда // Ленинград в осаде. С. 314–315.
(3) Документ №151. Сведения городского статистического управления в Горисполком о движении населения, о браках и разводах по 15 районам Ленинграда за 1942 // Ленинград в осаде. С.316–317.
(4) Документ №145. Справка УНКВД ЛО А. А. Жданову о рождаемости в Ленинграде // Ленинград в осаде. С. 308.
(5) Документ №140. Справка УНКВД ЛО в ОК и ГК ВКП (б) о смертности города в январе – марте 1942 // Ленинград в осаде. С. 298.
(6) Записка Инструктору здравоохранения горкома партии тов. Зайко, составленная в Научно-методическом бюро санитарной статистики // ЦГА СПб. Ф. Р-9713. Оп. 1. Д. 136. Л. 33.
(7) Итог (ст. 2, 6) подсчитано за период с июля 1941по декабрь 1943 гг. мной по сведениям ГСУ (Документы №№149, 158. См. Ленинград в осаде. С. 314–315, 354, 357). Сведения данных документов использованы, так как они более полные.

1 Составлено мной по опубликованным документам. – Л.Г.

Таблица 38. Дома ребенка в Ленинграде. 1941–1944[1]

	1941	1942	1943	1944
Число учреждений	6	3	3	5
Число сметных коек	680	270	265(5)*	405 (25)
Число фактических коек	512** 774***	270 550	271 (5) 280	406 (12) 406
Поступило за год: детей	1 249	4 123	212	453
Поступило за год: матерей	58			
Проведено детьми койко-дней			71 973 (645)	74 264
Отдано детей на патронаж			8	52
Взято родными			58	139
Умерло			19	24
Врачебных должностей штатных	35	12	10	11
Занятых должностей	22,25	9,5	8	10
Ср. медперсонала штатных должностей	194, 25	62	63	93
Занятых должностей	114,0	57	55	75
Младший медперсонал			42	64
Прочие			39	59

* Здесь и далее в скобках материнские койки и койко-дни.

** В числителе данные на 31 декабря текущего года по отчету Ленгорздравотдела в Наркомат здравоохранения СССР. В знаменателе данные на 1 января текущего года по отчету Ленгорздравотдела в Плановую комиссию исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся[2]. Ср. таблица 37б.

***В знаменателе данные на 1 июля 1941 г. по отчету Ленгорздравотдела в Плановую комиссию.

Таблица 39а. Работа женских и детских консультаций в Ленинграде. 1941–1944[3]

	1941	1942	1943	1944
1	2	3	4	5
Число консультаций	41 (31)	34 (20)	45 (4)	50 (8)*
Посещений у врачей в консультациях (в тыс.)				
Женщинами			334,9	600,8
Детьми			495,3	700,8
в том числе до 1 года			133,2	344,4
Посещений врачом на дому (в тыс.)				
Женщин			4,5	5,1
Детей			102,3	205,8
В том числе до 1 года			39,3	111,6

1 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 8 об; Д. 804. Л. 4 об; Д. 962. Л. 6 об; Д. 1115. Л. 6 об. [Составлено мной на основе статистических отчетов ЛГЗО в НКЗ СССР. – Л.Г.]

2 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп.4. Д.54. Л.16, 111, 136. [Составлено мной. – Л.Г.]

3 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 9; Д. 804. Л. 4 об; Д. 962. Л.6 об, 7; Д. 1115. Л. 6 об, 7. [Составлено мной на основе статистических отчетов ЛГЗО в НКЗ СССР. – Л.Г.]

Посещение средним медперсоналом (в тыс.)				
1	2	3	4	5
Женщин			11,7	6,0
Детей			221,9	370,6
В том числе до 1 года			102,1	245,7
Посещение медперсоналом по патронированию (в тыс.)				
Всего			161,7	280,1
Детей до 1 года			85	204,6
Врачебных должностей всего	788,75 517	309,25 260,25	475,25 475,25	21 20
В том числе педиатров		213,5 173,5	336,25 336,25	
Ср. медперсонала должностей всего	796,5 427	_____ 390,25	704,5 704,5	31 28
В том числе патронажных		____ 224	365,5 279	13 12
* В скобках число самостоятельных женских консультаций, за 1944 г. число врачебных должностей указано только по самостоятельным консультациям. ** в числителе штатные должности, в знаменателе – занятые.				

Таблица 39б. Молочные кухни[1]

	1941	1942*	1943	1944
Всего молочных кухонь и детских пищевых станций	20	–	23	24
В том числе самостоятельных	20	–	23	24
Общая пропускная способность всех молочных кухонь (в порциях) за день	4 300	–	50 735	55 525
Всего отпущено порций за год	3 300 (за день)	–	14 804 910	19 235 241
Врачей	15 11	–	17 11,5	14 12
Ср. медперсонала	218,75 185,75	–	185,5 149,75	179 171
Прочий персонал		–	248,25	2,94
* За 1942 г. данные в отчете Ленгорздравотдела Наркомздраву СССР отсутствуют.				

1 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 9; Д. 962. Л. 6 об; Д. 1115. Л. 7. [Составлено мной на основе статистических отчетов ЛГЗО в НКЗ СССР. – Л.Г.]

Таблица 40а. Отчет ЛГЗО о работе яслей в 1941 – 1944 в НКЗ СССР[1]

			1941	1942	1943	1944
а) Всего постоянных яслей	Учреждений*		136 135	97 100	83 102	108/1 109
	Коек	Сметных	13661	7825	7095	9480/85
		Фактич. +ремонт.	13522	7825	7095	9660
	Число мест на 31.12. ***		13677 14713	7825 8300	7095 7960	9660 9480
На бюджете НКЗ СССР	Учреждений			95	83	108/1
	Коек	Сметных		7710	7095	9480/85
		Фактич. +ремонт		7710	7095	9660
	Число мест			7710	7095	9660
Движение детей в постоянных яслях	На учете на 1 янв. текущего года				5811	5425
	Прибыло				7710	12610
	Выбыло				8096	10040
	Число детей на 31.12.	Всего	11515	6277	5425	7995
		До 1 года			1035	2501
		старше 3-х лет			1304	1953
б) Кадры пост. яслей (без эвакуированных)	Врачебных должностей**		187,75 154,25	100,75 95,25		96 91
	Врачебных должностей на бюджете			99,25 94,5	83,25 73,75	
	Должностей среднего медперсонала		1911,0 1357,25	1260,5 994,0		1498 1269
	Должностей среднего медперсонала на бюджете НКЗ			1248,5 984,5	1140 923,75	
	Младший медперсонал			1174,0	971,5	1099
	Младший медперсонал НКЗ			1156,5	712	962

* В числителе данные из отчета Ленгорздравотдела в НКЗ СССР на 31 декабря, в знаменателе из отчета Ленгорздравотдела в Плановую комиссию исполкома, данные взяты на условный месяц: январь 1942, октябрь 1942, январь 1943, ср.-годовой за 1944 (по Таблице 29).

**Здесь и далее в числителе число штатных должностей, в знаменателе – занятых по отчету Ленгорздравотдела в НКЗ СССР.

1 ГА РФ. Ф. Р- 8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 9; Д. 804. Л. 4об; Д. 962. Л.6, 11; Д. 1115. Л.6. [Составлено мной на основе статистических отчетов ЛГЗО в НКЗ СССР и данных, взятых из Таблицы 29. – Л.Г.]

Таблица 40б. Посещение детьми яслей в 1943–1944 гг.[1]

	1943	1944
1. Число детей по списочному составу на 31 декабря	5 425	7 995
2. Всеми детьми проведено в яслях дней за год	1 885 498	1 993 897
3. Из общего числа мест в постоянных яслях а) мест удлиненного дня (с пребыванием ребенка в яслях 13–14 часов)	2 224	5 897
б) мест круглосуточных (с пребыванием ребенка в яслях в течение круглых суток)	4 871	3 763
в) На них проведено детьми дней	1 401949	801 982
4.Число яслей, имеющ. санаторные группы	15	
Число коек в санаторных группах	300	
5. Сделано за год посещений на дому а) врачами яслей	6 428	8 061
б) средним медперсоналом яслей	21 881	26 057
6. во всех яслях дней питания детей на дому	265 235	394 712
7. Число пропущенных дней	266 819	408 969
а) из-за карантина внутри яслей	964	8 396
б) из-за карантина домашнего	2 751	25 397
в) из-за болезни детей	58 452	106 450
г) в связи с выходным днем матери	179 323	243 906
д) из-за ремонта яслей и др. причин	25 329	24 820

Таблица 40в. Наполняемость койко-мест в яслях в 1941–1944 гг.*[2]

1941	1942	1943	1944
84%** 78%***	80% 76%	76% 68%	83% 84%

*За 100% взяты имеющиеся в наличии койки в отношении к наличию детей на конец года. Количество детей на конец года взято по таблице 40а.

**В числителе данные по отчетам Ленгорздравотдела в Наркомздрав СССР (по таблице 40а),

***В знаменателе – в Плановую комиссию Ленгорисполкома (по таблице 29).

Данные таблицы условны, однако позволяют судить о наличии резервных сметных мест в блокадное время.

1 ГА РФ. Ф. Р- 8009. Оп. 6. Д. 962. Л.6; Д. 1115. Л.6. [Составлена мной по статистическим отчетам ЛГЗО в НКЗ СССР. – Л.Г.]

2 Составлено мной по данным таблиц 29 и 40а. – Л.Г.

Таблица 40с. Деятельность детских яслей в блокадном Ленинграде (в сопоставлении с 1940 г.)[1]

Наименование показателей	1940	1941	1942	1943	1944
Число яслей	264	136	97	87	109
Число мест в них	24 347	13 677	7 825	7 025	9 565
В том числе мест удлиненного дня	12 334	7 927	1 917	2 224	5 897
Число мест круглосуточных	4 970	2 510	5 908	4 871	3 763
Поступило детей	44 985	41 266	20 443	7 710	12 610
Выбыло детей	48 498	50 213	25 859	8 384	10 040
В том числе умерли	214	293	322	100	156
Состояло детей на конец года	20 462	11 515	6 099	5 425	7 995
Количество проведенных в яслях дней	5290300	4020200	2501700	1885100	1993900
Выдано обедов на дом	442 200	379 200	603 100	265 200	394 700
Число посещений детей а) врачами	29 162	13 994	10 889	6 428	8 061
б) средним медицинским персоналом	94 678	59 552	31 145	21 881	26 057

Таблица 41. Медицинское обслуживание школ, детсадов и детдомов органов народного образования в Ленинграде. 1941–1944[2]

		1941	1942	1943	1944
Врачей	Штатных должностей	585	189	192	230
	Занятых ставок	268	171,5	192	221
Ср. медперсонала	Штатных должностей	983	341	341,5	449
	Занятых ставок	481	301,25	296,5	465

1 *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944). – М.: Медицина, 1985. С. 77 (по дисс. В. А. Свешникова).

2 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 633. Л. 8; Д. 804. Л. 4; Д. 962. Л.10 об,11; Д. 1115. Л. 10 об,11.

Таблица 42. Летальность (смертность) в детских больницах Ленинграда за 1942 г. (из 100% выбывших)[1]

Летальность (в процентах)	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	
В детских больницах	43,3	36,7	15,9	8,2	
	–			в окт.	в дек.
Дизентерия дет.				15,1	12,9
Сыпной тиф*				6,6	2,2
Брюшной тиф				4,9	3,0
*По брюшному и сыпному тифу приведены данные по детям и взрослым.					

Таблица 43. Заболеваемость детей в Ленинграде инфекционными заболеваниями в 1943–1944 годах[2]

	1943	1:10 000	1944	1:10 000
	Абсолют. число	Относит. число	Абсолют. число	Относит. число
Дифтерия	1 289	20,7	1 425	21,1
Корь	19	0,3	29 148	431,2

1 ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 4. Д.54. Л. 113, 120.

2 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 21. Д. 66. Л. 9об, 11, 11а, 15об.

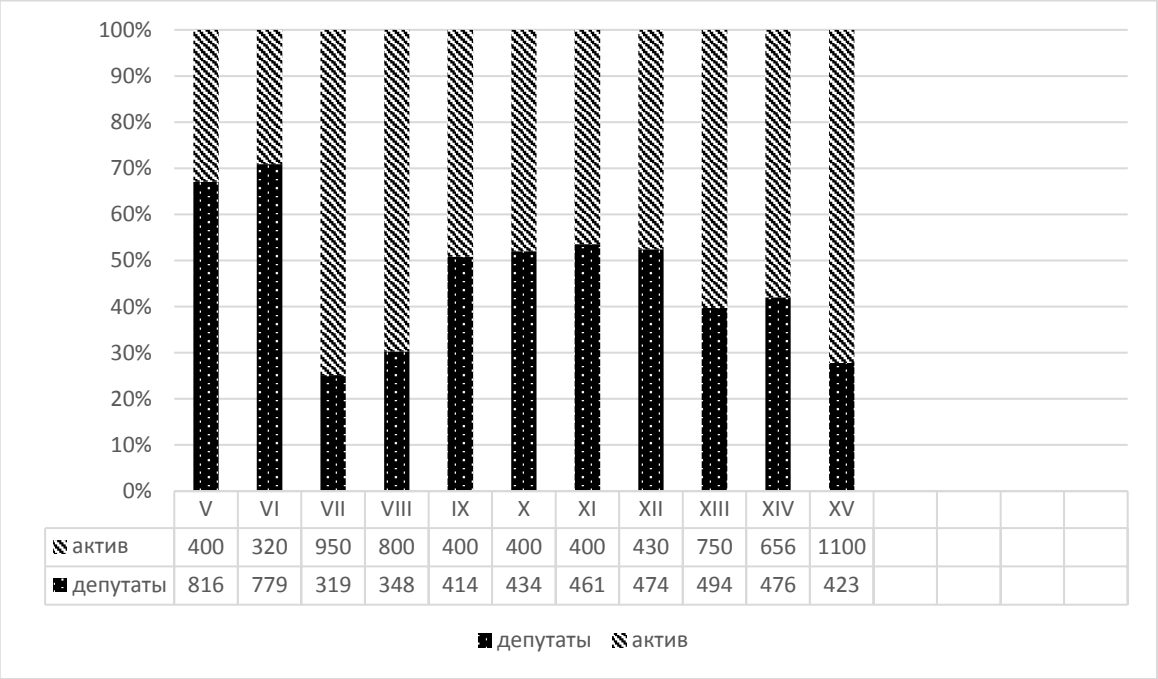
5. Динамика состава местных Советов в Ленинграде. 1941–1947

Таблица 44. Динамика состава Совета депутатов трудящихся Володарского района г. Ленинграда. 1941–1943 гг. [1]

Сост. К нач. войны	Ск. Выбр. Деп.	Ск.им. в Лен-де	Пол	Парт	Образ-ие
1/VI 1941	218	207	Жен 87-42%	Бесп. 102 - 49,5%	Высш. 35-31,8%
			Муж 120-58%	Чл. и кан. ВКП(б) 105 - 50,5%	Сред 7 - 16% низшее 23 - 52,2%
Л.4. 1/VIII 1942	218	71	Жен 40-56,3%	Бесп. 36 - 50,7%	высш 12 - 16,4%
			Муж 31-43,6%	Чл. и кан. ВКП(б) 35 - 49,3%	Сред 19 -26,8% низшее 40-56,8%
Л.3об 1/IV 1943	218	64	Жен 40-63,2%	Бесп. 31-49,4%	высш 12-18,4%
			Муж 24-36,8%	Чл. И кан. ВКП(б) 33-51,6%	Сред 21-32,8% низшее 31-48,8%
1/X 1943	218	70	Жен 43-61,4%	Бесп. 30-42,9%	высш 12-17,1%
			Муж 27-38,6%	Чл. И кан. ВКП(б) 40-57,1%	Сред 24-34,2 [дб 3] низшее 34-48,6%

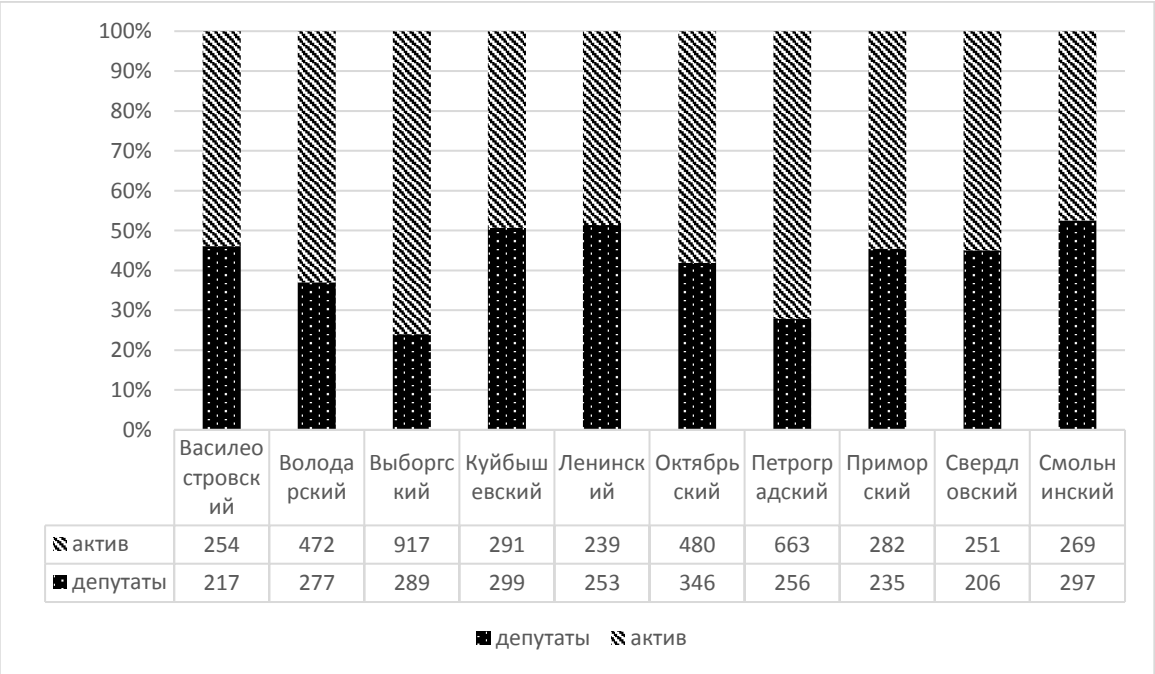
1 ЦГА СПб. Ф.Р-2. Оп.5. Д.79. Л. 3,3об,4.

Диаграмма 5. Динамика состава участников сессий Ленгорсовета депутатов трудящихся в 1941 – 1947 гг. [1]

	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV				
актив	400	320	950	800	400	400	400	430	750	656	1100				
депутаты	816	779	319	348	414	434	461	474	494	476	423				

Диаграмма 6. Состав участников сессий районных советов депутатов трудящихся г. Ленинграда в 1947 гг. (выборочно)[2]

	Василеостровский	Володарский	Выборгский	Куйбышевский	Ленинский	Октябрьский	Петроградский	Приморский	Свердловский	Смольнинский
актив	254	472	917	291	239	480	663	282	251	269
депутаты	217	277	289	299	253	346	256	235	206	297

1 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 26. Д. 4. Л.13, 14.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 26. Д. 4. Л.24, 25, 27, 28, 29. Для сравнения были взяты райсоветы, где прошло одинаковое число сессий (три). Количество участников суммировано за весь период.

6. Нюрнбергский процесс о статусе гражданского населения

Геноцид ленинградского населения в период 1941 – 1944 гг. со стороны гитлеровцев и их союзников – это установленный факт, закрепленный судебной практикой[1].

В то же время в международном историческом сообществе продолжают дискутироваться вопросы: был ли голод гражданского населения признан военным преступлением к 1939 г. в связи с противоречиями, имеющимися между документами Нюрнбергского трибунала и, так называемого, малого Нюрнберга[2], а также существовали ли планы Гитлера по уничтожению Ленинграда[3]. Так, например, в докладе директора Информационного центра ООН в Москве, д.и.н. В. В. Кузнецова на II Санкт-Петербургском Международном историческом форуме, посвященном битве за Ленинград 21-23 сентября 2023 г., было подчеркнуто, что «эпизод Ленинградской блокады вошел как тема, как эпизод в слушание на процессе, в то же самое время, это не вошло в обвинительное заключение, ибо в то время… голод не квалифицировался как недопустимое орудие ведения войны. Но, в то же самое время понятно, что ленинградская блокада действительно заслуживает того, чтобы эти события квалифицировать именно таким образом. Тогда во время Нюрнбергского процесса впервые прозвучало определение геноцид» [4].

В связи с этим целесообразно обратиться к документам Международного военного трибунала (МВТ) по преследованию и наказанию главных военных преступников европейских стран, сражавшихся на стороне нацистской Германии, учрежденного 8 августа 1945 г.

Правовое обоснование приговора Международного военного трибунала содержится в статье 6 Устава МВТ. В Уставе специально оговаривалось, что статьи 46, 50, 52 и 56 Гаагской конвенции 1907 г., а также статьи 2, 3, 4, 46 и 51 Женевской конвенции 1929 г. предусматривали

---

1 Объединенная пресс-служба судов Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // URL: http://t.me/SPbGS/12616. (дата обращения: 23.10.2022). См. также: URL: http://t.me/SPbGS/12587. (дата обращения: 01.11.2022).

2 Ср. Стенограмма заседания Круглого стола «Актуальные вопросы истории блокады Ленинграда» (27 января 2012 г.) / *С. Н. Полторак, Л. В. Алпеева,С. К. Бернев, Ю. С. Васильев [и др.]* // Клио. – 2012. – №3 (63). С. 4. *Тузмухамедов Б. Р.* Официальные акты Нюрнбергских процессов: недосказанности // Конференция «Нюрнбергский процесс. Судьба и роль блокадного Ленинграда» / Музей обороны и блокады Ленинграда. [Электронный ресурс] // URL:https://vk.com/wall-99818413_2392. (дата обращения: 24.09.2021; время выступления 1:55:22). В выступлении, а также во время панельной дискуссии были даны важные разъяснения о применении устаревших правовых доктрин на «Малом Нюрнберге».

3 *Лебедев Ю. М.* Ленинградский «блицкриг». На основе военных дневников высших офицеров вермахта: генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера. 1941–1942. – М., 2011. С.13, 234–235. Данная концепция подверглась обоснованной критике (*Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. С. 4–6).

4 *Кузнецов В. В.* Создание ООН – один из самых важных итогов общей победы над гитлеровским нацизмом. Значение битвы за Ленинград // Открытие форума. II Санкт-Петербургский Международный исторический форум: Битва за Ленинград – Всенародная Победа [Электронный ресурс] //
URL: http://www.youtube.com/live/zE9yAUx4VAs?si=6OSm9n7woTCydG07. (дата обращения: 04.10.2023; время выступления 3:08:15 – 3:08:59).

ответственность за военные преступления, определенные ст. 6 Устава, будучи признанными всеми цивилизованными народами к 1939 г.[1] Обосновывались преступления против человечности как бесчеловечные действия против гражданского населения, осуществляемые при ведении агрессивной войны или в связи с ней[2].

Таким образом, хотя гражданское население Ленинграда не находилось на оккупированной территории, но жестокий террор по отношению к нему при ведении агрессивных военных действий являлся преступлением против человечности с позиций Устава МВТ, составленного на основе установившегося международного права, законов и обычаев войны.

Важным являлось обоснование уголовно-правовой ответственности преступников в Заключительной речи Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко (стенограмма заседания МВТ от 29 и 30 июля 1946 г.), в связи с попытками защиты подвергнуть сомнению право и законность Нюрнбергского процесса. Принцип «Nullum crimen sine lege» (Нет преступления без указания на то в законе) защитой обвиняемых использовался для того, чтобы обосновать, что якобы действовавшие законы не предусматривали ответственности за совершенные подсудимыми деяния.

Согласно Декларации глав правительств СССР, Великобритании и США, опубликованной 2 ноября 1943 г., подсудность военных преступников за преступления, совершенные на территории оккупированных стран, осуществлялась по законам и судебными органами этих стран, в соответствии с общепринятыми правилами уголовного и уголовно-процессуального права, которое предусматривало ответственность за подобные преступления на момент их совершения: убийства, истязания, насилия, грабежи и т. п. В то же время, согласно ст. 1 Соглашения четырех держав от 8 августа 1945 г., преступления главных военных преступников не были связаны с

---

1 Декретом СНК РСФСР были признаны все международные Конвенции о Красном Кресте (опубликован в «Известиях ВЦИК» от 4 июня 1918 г. №112). В СССР действовал Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП). С 1925 г. в СССР подтверждались Женевские Конвенции: об улучшении во время сухопутной войны участи раненых и больных воинов от 6 июля 1906 г. (Документ №125 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Выпуски I-II. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1925 г. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1928. С. 359–360; Документ №127 // Указ. соч. С. 360); о применении ее начал к морской войне от 18 октября 1907 г.; об освобождении госпитальных судов от портовых и иных сборов от 21 декабря 1904 г. 25 августа 1931 г. СССР присоединился к «Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» от 1929 г. Хотя Женевская Конвенция о режиме военнопленных от 1929 г. не была подписана СССР, однако 19 марта 1931 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР №46 об утверждении проекта постановления ЦИК и СНК СССР «Положение о военнопленных». Примечание 1 к пункту 1 Положения указывало на возможность распоряжением главного военного командования приравнивать к военнопленным гражданских лиц, сопровождающих войска противника (репортеры, поставщики и др.), а также гражданских лиц, находящихся на морских и воздушных судах (Положение о военнопленных. 1931 // Документы 20 века. [Электронный ресурс] // URL: http://www.doc20vek.ru/node/337/ (дата обращения: 09.01.2017). Данный документ был заменен новым Положением о военнопленных, утвержденным постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. №1798-800с.

25 декабря 1936 г. СССР подписал Декларацию о присоединении к Правилам действия подводных лодок в отношении торговых судов во время войны.

2 Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8-ми томах. – М.: Юридическая литература, 1999. – Т. 8. С. 636–637.

определенными географическими местами, поэтому были подсудны МВТ, действующему на основании Устава.

Принцип ответственности за исполнение явно преступного приказа был специально оговорен в п.8 Устава МВТ[1].

Вопрос о терроре в отношении гражданского населения Ленинграда поднимался на заседаниях МВТ неоднократно. В выступлении помощника Главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирнова (стенограмма заседаний МВТ от 14, 15, 18 и 19 февраля 1946 г.) гибель от голода, как и от комбинированных воздушных бомбежек и артиллерийских обстрелов, указывалась как основное средство террора против населения Ленинграда во время преступной осады Ленинграда в ходе агрессивной войны, развязанной фашистами[2].

В то же время лишение населения продовольственного снабжения, в том числе планы в отношении Ленинграда и Москвы полного прекращения снабжения продовольствием, в соответствии с «Директивами по экономической политике для организации экономики на Востоке, сельскохозяйственная группа» (документ EC-126, США-316), в выступлении помощника Главного обвинителя от СССР Л. Р. Шейнина (Стенограмма заседания МВТ от 20 февраля 1946 г.) рассматривалось как доказательство преступного разграбления общественной и частной собственности, грабительских мотивов гитлеровской агрессии[3].

В Заключительной речи Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко были сформулированы окончательные обвинения в отношении главных военных преступников со стороны советского обвинения. В том числе в адрес Геринга, Кейтеля и Редера было отмечено, что при их участии планировалось сравнять Ленинград с землей. В директиве об экономической политике на Востоке 23 мая 1941 г. Геринг указывал, что «население в этих районах, в особенности городское, обречено на голод»[4].

Данная директива была объявлена преступной в приговоре МВТ и, таким образом, голод как жестокость в отношении гражданского населения в результате преступного ограбления территории фигурировал в приговоре Герингу[5].

Кроме того, в приговоре МВТ указывалось на преступное разрушение и ограбление культурных ценностей пригородов Ленинграда (Петергофа, Царского Села, Павловска)[6].

---

1 Там же. Т. 1. С. 148.
2 Там же. Т. 5. С. 165. В выступлении обвинителя приводятся также примеры артиллерийских обстрелов детских учреждений гитлеровцами и их жертв (Там же. С. 150–151).
3 Там же. Т. 4. С. 278–279.
4 Там же. С. 479, 480, 494.
5 Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8-ми томах. Т. 8. С. 662–663.
6 Там же. С. 626.

Два свидетеля: И. А. Орбели (стенограмма заседания МВТ от 22 февраля 1946 г.) и Н. И. Ломакин (стенограмма заседания МВТ от 27 февраля 1946 г.) дали свои показания на суде в связи с разрушениями и разграблениями культурных ценностей Ленинграда и его пригородов[1].

Вопрос о разрушении Ленинграда, а также и Москвы, как преступной цели гитлеровцев, рассматривался на отдельном заседании в выступлении помощника Главного обвинителя от СССР М. Ю. Рагинского. Он был подтвержден ссылками на директиву военно-морского штаба за номером 1а 1601/41 от 22 сентября 1941 г. «О будущности города Петербурга» и на директиву верховного командования вооруженных сил от 7 октября 1941 г. №44 1675/4, подписанную Йодлем [в тексте А. Иодль]. В выступлении были приведены многочисленные доказательства того, что, согласно показаниям военнопленного Ф. Кепке: «обстрелы Ленинграда были направлены на разрушение города и уничтожение его гражданского населения». Ф. Кепке также указывал со слов командующего 18 армией фон Кюхлера, что только его полк выпустил по городу 150 тысяч снарядов[2].

Планы разрушения Ленинграда были подтверждены Кейтелем при его допросе, при этом указывалось на два известных ему распоряжения: Гитлера, на совещании 16 июля 1941 г., и директиву Оперативного командования вермахта (ОКВ), подписанную Йодлем[3].

В приговоре МВТ в преступной директиве об уничтожении Ленинграда обвинялся Йодль, который с августа 1939 г. являлся начальником штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил, фактически планировал войну и в большой степени был ответственным за стратегию и ведение операций[4].

Таким образом, несмотря на отказ признать свою виновность обвиняемыми, осуществление намеренного разрушения Ленинграда, преднамеренная организация голода как форма жестокости в отношении гражданского населения и военнопленных подробно рассматривались на заседаниях МВТ. Доказательства такой формы жестокости входили в аргументацию обвинения в преступлениях против мира, в военных преступлениях и преступлениях против человечности. Данные обвинения фигурировали в приговорах МВТ главным военным преступникам.

Приговор МВТ подтвердил все основные обвинения против главных гитлеровских преступников в связи с преступным характером ленинградской блокады: использование террора против

---

1 Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8-ми томах. Т. 4. С. 466–478.

2 Там же. С. 497–499, 507, 509, 511; Документ №171. Протокол допроса военнопленного Ф. Кепке о его участии в обстрелах Ленинграда // Ленинград в осаде. С. 401.

3 Допрос Кейтеля // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов в семи томах / под общей ред. Р. А. Руденко. Т. 5. Допросы подсудимых и речи адвокатов. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960. С. 110–111.

4 Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8-ми томах. Т. 8. С. 702–704.

гражданского населения, в том числе посредством доведения его до голодной смерти, ограбление и расхищение художественных и культурных ценностей (в Петергофе, Пушкине, Павловске), оперативные планы по уничтожению Ленинграда. Данный прецедент, тем самым, далеко выходил за рамки эпизода.

Конкретные преступления против человечности в отношении ленинградского населения, в связи с ведением агрессивной войны и преступной осады Ленинграда, будучи связаны с географическим местом, были подсудны советским правоохранительным органам. Впервые это было реализовано Военным трибуналом Ленинградского военного округа, проходившем 27 декабря 1945 – 4 января 1946 гг.